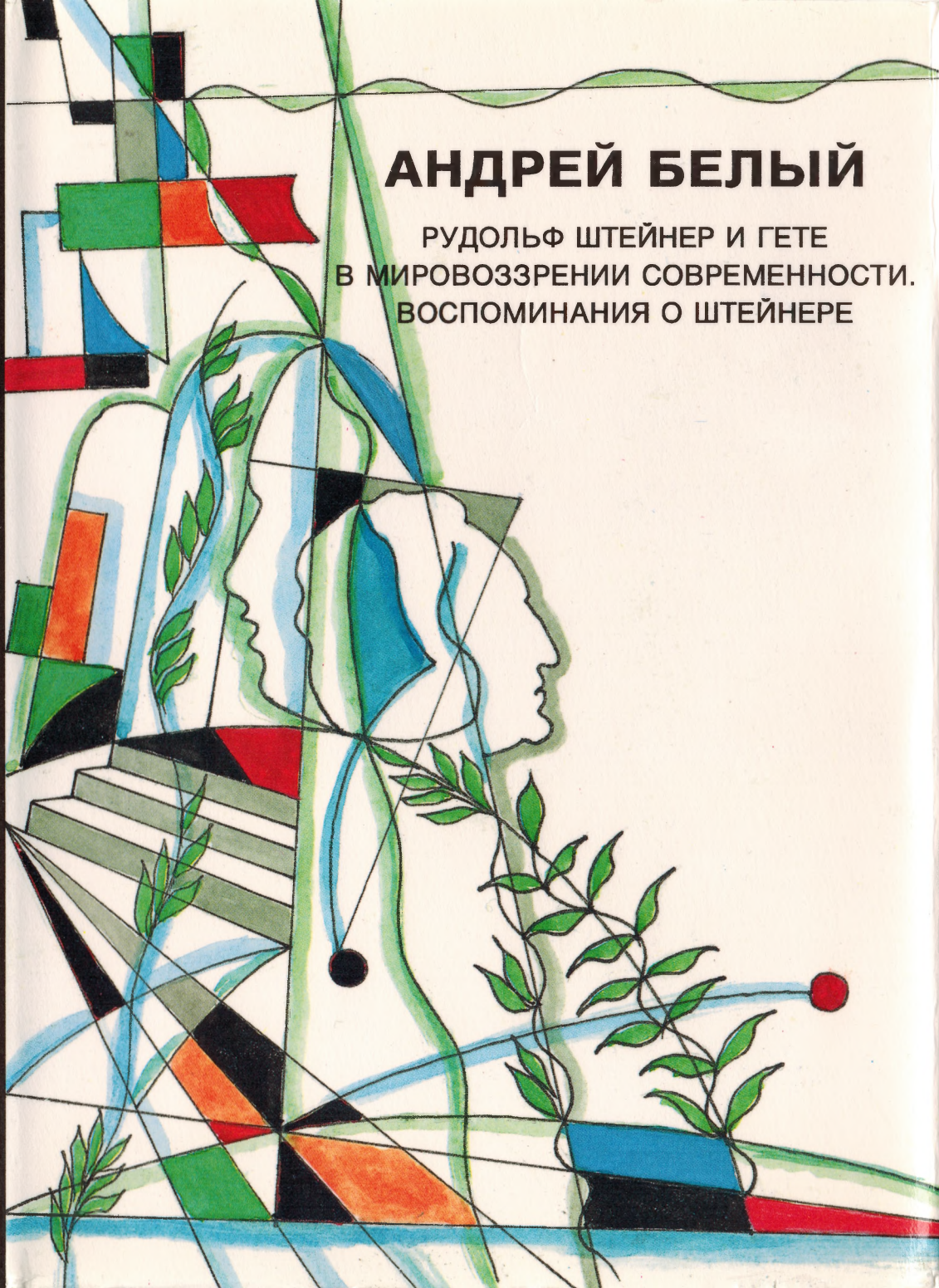

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ
В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

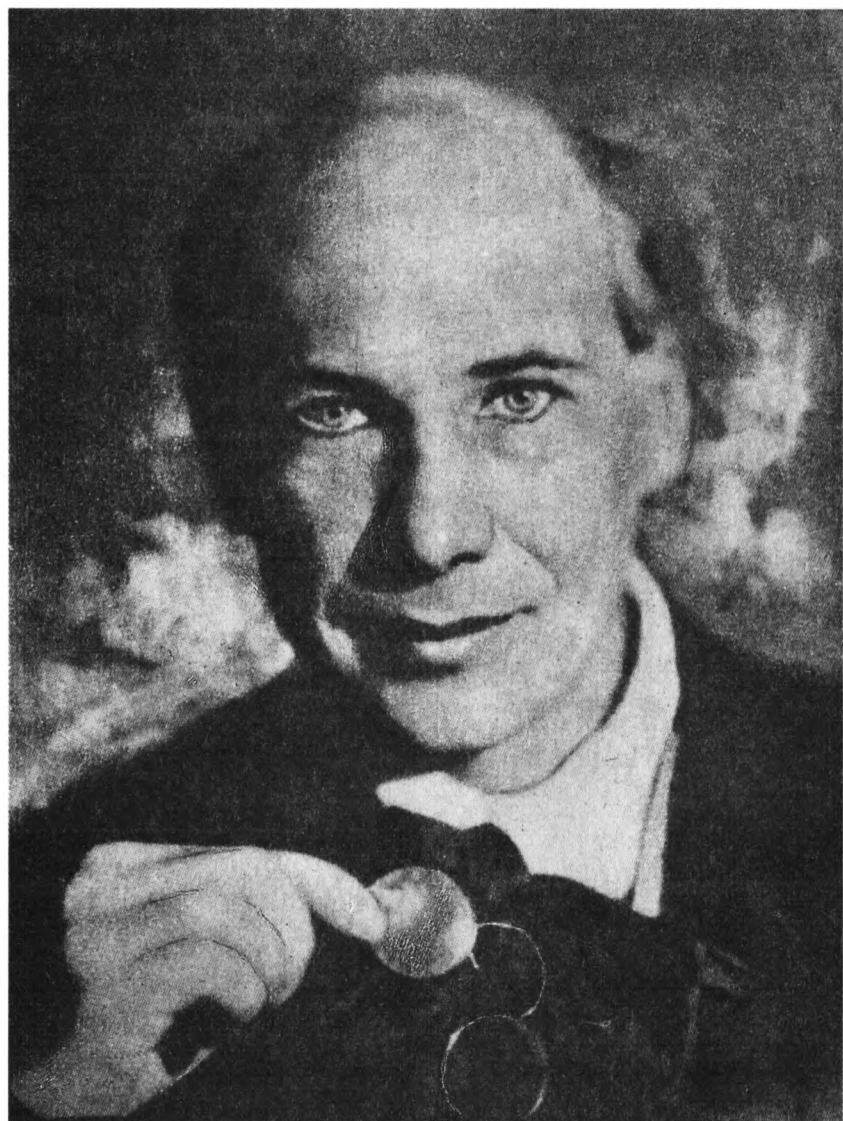

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

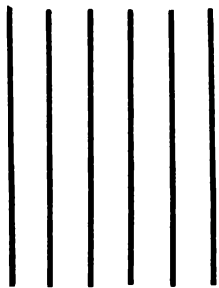
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

**РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ**

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Собрание сочинений

**РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ**

**Москва
Издательство «Республика»
2000**

Собрание сочинений
под общей редакцией
проф. *В. М. Пискунова*

Составление тома,
подготовка текста,
комментарии и послесловие
И. Н. Лагутиной

Приложение
(подготовка текста и комментарии)
М. Л. Спивак

Художественное оформление тома
выполнено по серийной разработке
художника
А. Платонова

На фронтиспise — Андрей Белый. 1929 г.

Белый Андрей

- Б43** Собрание сочинений. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В. М. Пискунова; Сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. — М.: Республика, 2000. — 719 с.
ISBN 5—250—02736—9

В том включены мировоззренческие произведения писателя и мыслителя Андрея Белого (1880—1934), которые выходят в нашей стране после долгих лет забвения. В них излагаются главным образом основные положения антропософии немецкого философа-мистика Р. Штейнера (1861—1925), учения, представляющего собой заметное явление в духовной жизни XX в.

В приложении публикуются воспоминания Андрея Белого о современниках, об эпохе символизма, о своем приобщении к антропософии.

ББК 86.42

**...через сложности — путь к простоте;
антропософия и Гете суть сложности;
обращение их друг к другу — вселенная сложностей;
но здесь именно нас встречают тропы
к гармонической простоте
и "веселой науке" свободы.**

Андрей Бельй

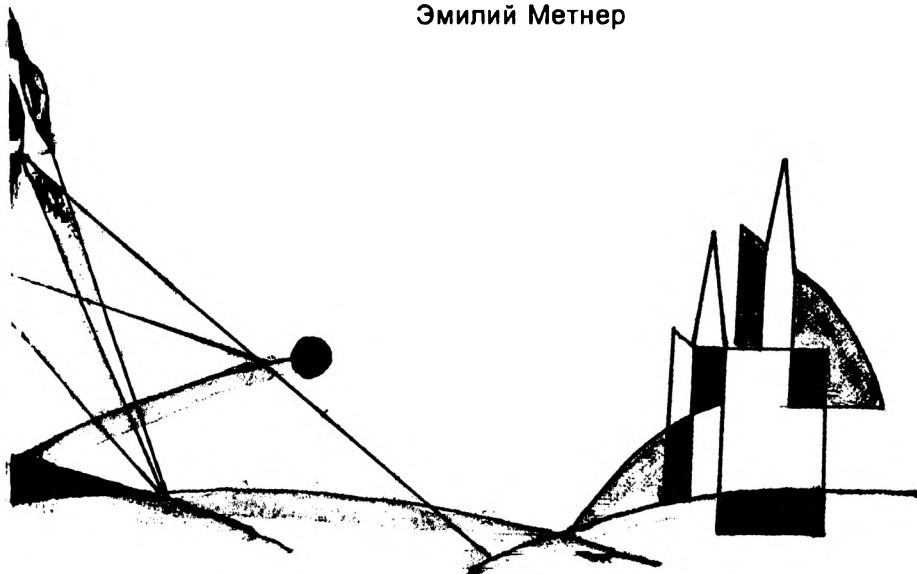

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Ответ Эмилию Метнеру на его первый том
"Размышлений о Гете"

*"Ждем снисходительно-
популярного ответа".*

Эмилий Метнер

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА

Негативное содержание моей книги тем не менее позитивно, ибо критика в ней — "прорыв" критики в страну перспектив, падающих, как удар, по воззрениям, озаглавленным: "Размышления о Гете. Книга первая. Разбор взглядов Р. Штейнера".

Тонким, умным, начитанным, элегантно защитником деликатных вопросов культуры слывет автор "воззрений" в избранных московских кругах; его мнения — резолютивны, я знаю; его книга — я знаю наверное — выдвигает свою тему лет (а не дня) и являет старание погубить зеленеющий всход новой мысли морозом насмешек, присвоив культуру себе, отнимая ее у других. Многолетнюю дружбу, серией острейших бесед и совместным участием в "Мусагете"¹ с Эмилием Метнером связан был я².

Неуважение к душевным святыням в свое время заставило и меня оградить себя от культуры, тащившей "святыни" в базар словопрений и тратившей ценные силы свои на отражение в брошюре и книге — салонной словесности; атмосфера недолжного шума сопровождала вопрос о "святынях" там именно, где привыкли мы черпать силы для жизни в общении с близкими; отстаивалась острейшая горечь, гоня в одиночество...

За границей пришлось мне услышать огромную серию лекций на темы "разбора воззрений", предпринятого Эмилием Метнером; голос мой, обращенный с просьбами ликвидировать кривотолки, давно замирал в невнимании; заживо хоронили: отрешали заочно меня, не дав слова мне, от течения, за которое я крепко держусь и доныне: от русского символизма. Атмосфера враждебности после трех лет безмолвия, наконец, понудила и меня разобрать мысли автора "Размышлений о Гете", как симптом назревающих — и продолжительных схваток огненной, эвритмической мысли с деревянной ее мертвизною.

Рудольф Штейнер себя отдавал десятилетие комментариям к Гетевым научным воззрениям³; в них взошли зелени новой мысли⁴; позитивная сторона моей книги — чеканка внимания к ним. Целое новой мысли давалось здесь разнообразными панорамами; каждая панорама — окно; и взгляд в него — взгляд на целое; экспозиция "взглядов" моя — непредвзятая: текучая; она — "взгляд сквозь критику"; здесь — сквозь сложные рассуждения о системе наук; там — сквозь пестрые призмы Гетевых теорий о свете; поэтому она — семинарий на тему о Гете и Рудольфе Штейнере; сложен он; но напомины читателю: через сложности

— путь к простоте; антропософия и Гете суть сложности; обращение их друг к другу — вселенная сложностей; но здесь именно нас встречают тропы к гармонической простоте и "веселой науке" свободы⁵.

Полезность тщательных семинариев мной испытана в бытность студентом; и — ныне: весело переживаю студентом себя, забывая годы хождения по миру "писателем"; для писателя семинарий не нужен: писатель не учится — учит он. Я иному писателю посоветовал бы отложить поучения на известные темы; и — пережить вновь студенчество.

Знания без семинария — нет.

Смею высказать: мной воззрения Штейнера до конца не изучены: изучение — *in statu nascendi*⁶; и — вот: смею я полагать, что воззрения эти больше ведомы мне, чем острящим на модные темы; моих сведений долго не хватит, чтобы дать систематику материала: десятков курсов, стоп книг и многих сот лекций; но сведений хватит для критики: салонного остроумия.

Семинарий ведет меня к теме: чем, собственно, антропософия никогда не была; и отсюда уже непредвзято встает и другая, прикрытая тема: что есть она.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

О методе сокращений при ссылках

Книгу "Размышления о Гете" сокращаю в "РоГ" я; или же: без указания на заглавие книги сопровождаю текст скобками с указанием страницы.

XXXIII—XXXVI тома Полного собрания сочинений Гете, изданные Кюришнером в Берлине и Штутгарте (в книгоиздательстве Шпемана), имеют свою особую нумерацию: "Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften: Band I, Band II, Band III, Band IV — erste und zweite Abteilung; они сокращены мной в "GNS" с указанием тома, например: GNS. IV Band, Z. A., — что — значит: Goethes Naturw. Schriften, IV Band, zweite Abteilung.

Относительно других сочинений д-ра Штейнера мною приняты сокращения:

"Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen
Weltanschauung" . . . . . "GEGW"
"Philosophie der Freiheit" . . . . . "PhF"
"Goethes Weltanschauung" . . . . . "GW"
"Rätsel der Philosophie" . . . . . "RPh"

Последнее сочинение в предыдущем издании носит иное заглавие: "Welt und Lebensanschauungen im 19. Jahrhundert". В последнем издании книга переработана и расширена автором.

"Naeckel und seine Gegner" . . . . . "NuG"
"Der menschliche und der kosmische Gedanke"
(XXXIII курс) . . . . . "MuKG"

Этот курс, читанный в начале 1914 года и отпечатанный для членов Антропософического Общества, цитирую я с разрешения д-ра Штейнера.

"Философия и Теософия" . . . . . "ФиТ"

При своей работе я пользовался русским переводом этой брошюры в гранках.

"Очерк Тайноведения" . . . . . "ОТ"
"Истина и Наука" . . . . . "ИиН"
"Из Летописи Мира" . . . . . "ЛМ"
"Путь Посвящения" . . . . . "ПП"
"Путь к самопознанию человека" . . . . . "ПСЧ"
"Теософия" . . . . . "Т"

В заключение мне остается отметить: имея в распоряжении огромное разнообразие текстов и боясь превратить предлагаемую вниманию читателей книгу в указатель к вопросам, затронутым д-ром Штейнером, — я цитирую очень мало: цитата часто мной заменяется ссылками; в ряде ссылок, а не в самом тексте, сила моих аргументов; часто текст мой лишь бледное указание на конкретную содержательность текстов д-ра Штейнера; где утверждаю я, например, что идея у д-ра Штейнера совершенно конкретна, и утверждение подкрепляю ссылками на ряд текстов, — там, в текстах, детально рисует нам д-р Штейнер, как именно конкретна идея и т. д.; текст мой, вне ссылок взятый, может выглядеть порой утверждением; приведенный к ссылке — аргументация он; эти слова мои особенно относимы к "Приложению" (глава б-я), и там, в "Приложении", советую я читателю во внимание принять: что утверждается мною со ссылками и вне ссылок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Несколько пояснительных слов

Лапидарная легкость — достоинство книги; весь ее аппарат должен быть... спрятан в стол; аппарат только стадия книги; в стадии этой книга действует доказательством; и пройдя эту стадию, дышит правдою книга.

Бьющая строкою, как молотом, книга Фридриха Ницше "Происхождение Трагедии" стадию аппарата прошла — в списке профессорских курсов, прочитанных в Базеле¹; оттого-то она и перевернула науку; углубляя строку ее, без остатка уходят: в литературу, историю, археологию, эпиграфику; и ее защитники ныне — такие ученые, как Фаддей Францевич Зелинский.

Д-р Штейнер нам дал подобную книгу.

Книга его, "Мировоззрение Гете", стадию аппарата прошла; оттого-то и книга: дышит прозрачною правдою; лапидарная легкость характеризует ее. Автор первого тома "Размышлений о Гете" счел выводы ее легкомысленными; и посвятил разбору ее — толстый свой томик; многолетние сжатые фразами думы принял он за аллегории à ргор о в; так думы Ницше критика Ницше когда-то сочла: за досужие измышления Ницше: аллегории à ргор о в. Так было; так — есть; и так — будет:

Так иногда толпы ленивый ум
Из усьпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней паходят.

Е. А. Баратынский²

Современники Ницше в оценке писателя Ницше оправдание имели: аппарат Ницше спрятал; не показал его публике: показала его биография.

У автора первого тома о Гете в его критике мировоззрения д-ра Штейнера подобного оправдания нет; к издаваемым им естественно-научным трудам Гете приложил д-р Штейнер огромнейший, ученейший аппарат: лапидарное резюме его мысли многоветвисто растет в статьях-предисловиях к Гете и зацветает — многими сотнями частных, характеристик, деталей, исторических, методологических и природовоз-

зрительных ссылок в комментариях к Гетеву тексту. В разбираемой Эмилием Метнером его книге о Гете дано древо мысли — в рисунке; в специальных статьях покрывается оно зеленью; и, покрытое зеленью, оживает и зыблется в примечаниях к Гетеву тексту; под дорической простотою "Мировоззрение Гете"³ таит многообразие нюансов: книгу надо штудировать; перелистать ее — мало.

Автор книги называет абстракцией; и рисует ее в ей несвойственных контурах; можно, конечно, колонну изобразить на бумаге, как палку. И вместо солнца чернилами провести... глупый круг; восприятие колонны, как палки, и солнца, как круга, — вот подобие восприятия воистину дорической мысли "дионисическим" автором⁴, проливающим над нею гремящий, словесный потоп; но потоп разбивается: и над ним восстают искаженные им воззрения — строем мраморной колоннады.

Карикатура на мысль продиктована не неведением, а ослеплением воли, переходящей подчас — из критики в травлю. Потому-то на отповедь этой авторской воли — к памфлету — я смотрю, как на долг.

§ 2. "Размышления о Гете"

Синевато-серая книга... Беру ее: в ней — пятьсот двадцать пять страниц; на обложке герб Гете; под гербом — "Мусагет"; над — "Размышления о Гете"; размышления будут иметь продолжение; это — первая книга. Ее заглавие: "Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма". Автор — Эмилий Метнер.

Во введении высокоталантливый автор извещает читателя о своем намерении разбирать взгляды д-ра Штейнера, как они отразились в его книге о Гете и в его брошюре о Гете⁵. Доктор Штейнер, автор серии книг, кроме взглядов на Гете развивает еще и свои научно-философские взгляды; так что взгляды его не вгоняются в книгу о Гете.

Стало быть: 1-й том размышлений о Гете должен бы носить иное заглавие: "Разбор взглядов Р. Штейнера на Гете"... потому что связь этих взглядов с вопросами "критицизма, символизма" и особенно "оккультизма" в его книге о Гете⁶ и в его брошюре о Гете^{**} — гетерогенна. Мы увидим впоследствии: источником огромнейших промахов является этот случайный или намеренный пропуск двух слов — "на" и "Гете". Книгу открывает эпитафия из "Esse homo"⁶:

"Im Grunde hatte ich eine Maxime Stendhals praktiziert: er rät an, seinen Eintritt in die Gesellschaft mit einem Duell zu machen"⁷.

³ Goethes Weltanschauung.

^{**} Goethe als Vater einer neuen Aesthetik.

Свой приватный поступок, вступление в общество, высокоталантливый автор делает общественным достоянием: доктору Штейнеру он бросает перчатку, приглашая при этом присутствовать общество.

Как же он относится к своему противнику по дуэли?

Предоставим слово ему.

§ 3. Слово автора "Размышлений о Гете"

Д-р Штейнер деятель — крупный, многосторонний, неутомимый, находчивый, практический, с культурно-общественным весом. Д-р Штейнер есть вождь одного из важнейших духовных движений старого и нового света, достаточно выросшего и окрепшего, чтобы не бояться ударов.

Д-р Штейнер — безусловно искренний, выдающийся вдохновитель и вождь: авторитетный, значительный, с душой врачующей индивидуальностью, дилетант высокого стиля и крупный писатель, снискавший себе ореол.

Много лет изучал д-р Штейнер наследие "наивного природовозрителя" Гете⁸, редактировал "природовозрителя" Гете, старательно входил во все тонкости отношения "природовозрителя" Гете к философу Канту и "критики", бывшие в руках Гете, с "похвальной ревностью" обследовал он.

Говорят: место д-ра Штейнера — в первом ряду знатоков гетеанства.

И кроме того:

Доктор Штейнер "преемственно" воспринял основы сверхчеловеческой мудрости, поэтому он слышет "сердцеведом" и оккультным учителем; он, подобно Ницше, — ловец: ловец душ.

Доктор Штейнер подобен апостолу Павлу.

Оттого-то высокоталантливый автор так решительно бьет — по д-ру Штейнеру.

Д-р Штейнер оказывается: —

§ 4. Продолжение "Слова"

—...мертвенно-схоластичным, плаксивым, бездарным писателем — извратителем Канта, Коперника, Гегеля, Платона и Гете, не стоящим споров; сердцевед, воспринявший основы сверхчеловеческой мудрости, есть теперь обладатель: неприятельского, малоустойчивого интеллекта, органически неспособного представить проблему, а великий, подобный апостолу Павлу, является с непобежденной природою; оттого-то он: впадает в абсурды, в психологические чудовищности; оттого-то он далее: граничит с бессмыслицей.

Потому-то "творения" д-ра Штейнера, то есть целая серия автором неразобранных сочинений, оттого-то творения эти — после дуэли с талантливым автором — и стоят перед нами: беспомощным, бессознательным, безуханным, казенного цвета пятном.

Потому-то движение — одно из важнейших духовных движений старого и нового света, не боящееся ударов, — после дуэли с высокоуважаемым, высокоталантливым автором, просвещенным сторонником Канта, Коперника, Гегеля, Платона и Гете, культуртрегером и защитником культурного символизма — потому-то движение это теперь состоит: из безличных, усталых, отчаявшихся, самопротиворечивых, психо-физиологически слабых, вопящих существ, уподобленных и со сплюсненной перспективой.

Гербом Гете высокоталантливый автор ударяет по ним: он доплющил их перспективу.

§ 5. Противоречие

Выяснилось отношение автора к противнику по дуэли: оно — противоречит себе.

Намерение разобрать взгляды д-ра Штейнера, как они отразились в его книге о Гете и в его брошюре о Гете, — вышло из грани, —

— потому что взгляды д-ра Штейнера не вгоняются в рассмотрение его книги о Гете и его брошюры о Гете...

Автор вынужден их связать с вопросами "критицизма, символизма и оккультизма", то есть со всей серией сочинений. Но он разбирает: не серию сочинений, а отражение этой серии в одной книге о Гете и в одной брошюре о Гете. Как же может он знать отраженные взгляды, не зная источника отражений?

Мы увидим впоследствии: крупнейшим промахом является этот случайный или намеренный выход из берегов, недопустимый границами книги: —

— присоединенная связь "критицизма, символизма и оккультизма" в рубрике, трактующей книгу о Гете и брошюру о Гете —

— "то есть —

приставка трех слов с пропуском четвертого и пятого слова: "на Гете" —

— превращает и весь первый том "Размышлений" в вопрос.

§ 6. Условия поединка

Сражаются: —

1. с вооруженным противником,
2. равным оружием,
3. в отмежеванных точно пределах.

Это значит: —

— на безоружного не нападают врасплох и с обухом не идут против шпаги.

Сражаются против структуры воззрений противника приведением всей структуры воззрений, дабы читатель, имея структуру, мог проверить разбор.

Спрятать свои убеждения в оболочке из вкуса в крепкую броню многообразных цитат и большими мировыми умами разбивать данную без контекста цитату противника было бы действием обуха по оружию тонкому: выношенной индивидуальной идее. Так действовал Ницше: он вольно стрелял афоризмом; был — *franc-tireur*⁹, партизаны не дуэлируют.

Сохранять территорию.

Это значит: ограничиться пределами темы: разбирая книгу о Гете и брошюру о Гете в первом томе о Гете — Гете и ограничить разбор.

§ 7. Нарушение правил

Правила дуэльного поединка нарушены автором.

Противник безоружен.

Структура философски-научных воззрений д-ра Штейнера в ее отношении к книге о Гете и к брошюре о Гете автором оставлена без внимания; не приведены и самые воззрения эти: приведены частности без контекста; и — расстреляны нужным подбором цитат; не приняты во внимание далее: многообразные абзацы статей д-ра Штейнера и подробнейший комментарий гетевских текстов в кюршнеровском издании*, где, например, отделы, как *Sprüche in Prosa*¹⁰, разобраны слово за словом и строчка за строчкой; не принято во внимание сочинение д-ра Штейнера "*Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung*"¹¹ — сочинение, казалось бы, отвечающее основным проблемам, затронутым автором.

Не существует для автора разбора, данного д-ром Штейнером, Гетевой гносеологии, методологии и системы наук; не существует для автора: гносеологии, философии, методологии и системы наук — д-ра Штейнера. Не существует весьма существенного комментария к текстам; в нем рассыпаны драгоценные, оригинальные мысли, не развитые нигде; сумма всех комментариев составила бы отдельную книгу, где в блестящей лаконической форме вставала бы глубокая и широкая картина "воззрений"; в этом смысле безотносительно к Гете комментарий есть самоценность; из "взрений" д-ра Штейнера не выключаем никак он; наиконкретнейше отвечает здесь д-р Штейнер на вопросы методологии, знания и теории познания, анализирует частности многообразных теорий. Автор не мог пропустить его. Вот приблизительное содержание иных комментариев третьего и четвертого тома *Naturwissenschaftliche Schriften*.

* Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften. B. I, II, III, IV, — Abteilung 1 und 2 (от 33 до 36 тома общего издания Гете).

Д-р Штейнер конкретно касается: —

— отношения философии к науке, науки, рассудка и разума, конкретности правды, феномена, целостности, причины и действия, предела познания, объяснения, опыта, закона природы, всеобщего, идеи, идеи у Гете, Платона, Аристотеля, Канта, Коперника, Гербарта и других; касается отношения между действительностью и правдой, дает ряд характерных определений для эклектизма, схоластики и прочих многообразных течений истории философии. С несравненно большею яркостью и конкретною полнотою, нежели в "Мировоззрении Гете", касается д-р Штейнер вопросов естествознания и философии; и их же касается автор в своем томе о Гете; о комментариях д-ра Штейнера он упорно молчит¹⁸. Д-р Штейнер касается далее в комментариях к III-му, IV-му тому вопросов —

— методики; характеризует здесь: графический метод, индукцию, аналогию, математический метод, телеологический и механический метод, методически раскрывает понятия: качества, материи, колебания, эфира и света, в их отношении к краске, раскрывает понятие элемента, и — далее: в свете методики он разъясняет нам: ньютоновство, и характеризует в оптике нам предтечу Ньютона и Гете.

В этом-то методическом освещении перед нами проходит градация исторических теорий о свете; и в методическом освещении проходит: отношение Гете к Ньютону, его возражения Ньютону, проходит: теория Гетева света, теория Гетевой краски, характеристика Гетевой краски полна, показана ее целостность.

В связи с Гетевой и Ньютоновой краской д-р Штейнер входит в детальнейшую характеристику краски, многообразия красок, как-то: энтоптической, физиологической, просто-физической и химической красок; блеск, эрудиция, тонкость и широта кругозора отмечает характеристику здесь; о ней автор — молчит; в связи с краскою в тончайшие вопросы науки за собой ведет д-р Штейнер, характеризуя: отношение краски к теплу, фосфоресценцию и флуоресценцию, поляризацию, рефракцию и двойную дифракцию, касается ахроматизма, дальтонизма и субъективного зрения.

Автором все это от читателей скрыто.

§ 8. Перлы

О подробнейшем комментарии к Гете уважаемый автор молчит; о статьях, приложенных к GNS гласит он невятно в 112 примечании к тексту — на задворках толстого томика*, примечание автора выдает; я позднее коснусь его. Все упомянутое и есть собственно "Мировоззрение Гете"; книга д-ра Штейнера, породившая весь толстый томик, — литературное резюме кропотливой научной работы: аргументация же

* РоГ. 498.

— при Гетевом тексте; аргументация раза в три превышает объемом литературное резюме; и о ней умолчание есть грех пред читателем.

Еще более важно освоиться с книгою д-ра Штейнера "Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung". В ней сказанное in concreto в статьях-предисловиях и в комментариях к тексту сведено к теоретическому единству и — предшествует по времени "Мировоззрению Гете"; "Мировоззрение Гете" лишь продолжение означенной книги и по времени и по затронутым темам; указание на исчерпанность книги на рынке автора не спасает: пишучи свою книгу в Москве, он имел возможность всегда ознакомиться с ее содержанием.

Но о ней он молчит.

Оттого-то вот: все утверждения автора — редчайший в истории критики документ, коллекция грустных курьезов.

Приведу лишь примеры здесь; разберу же их ниже.

Д-р Штейнер — автор продуманной гносеологии, о которой он пишет: "Наша теория знания критична воистину"*. Автор же разбора воззрений вопрошает наивно: "Может быть, Штейнер не признает гносеологии"***.

Всюду значение Платона отмечено д-ром Штейнером; Платон — первый выразитель объективного идеализма; объективный идеализм — позиция д-ра Штейнера в его анализе Гете; Платон — предшественник этой позиции — воздвигает великое строение мысли; Гете близок к Платону: уважение его к Платону понятно. Д-р Штейнер решительно отделяет Платона от всех позднейших истолкований Платоновой философии; и отмечает: свое несогласие в иных пунктах с Платоном.

Уважаемый автор обвиняет д-ра Штейнера в умалении Платона и всей его линии: обвинение это — одна из тем книги.

Д-р Штейнер отмечает Коперника: Коперник есть эра; коперниканство есть момент в духовном развитии человечества.

По автору: д-р Штейнер Коперника ненавидит.

Д-р Штейнер отмечает значение Канта: Кант — великий философ, опровергнувший догматизм; Кант — создатель теории познания и принципов общей эстетики; философия совершила в нем — шаг вперед; он — творец "критицизма", возводящий значимость человеческой мысли в научное убеждение; Гете — не мыслим без Канта, Шеллинга, Гегеля и т. д.

А по автору: д-р Штейнер есть "кантофоб", ненавидящий Канта.

Если бы уважаемый автор пробежал ряд пропущенных абзацев у автора критикуемых им воззрений, никогда бы он не решился на свое утверждение — математика-де у д-ра Штейнера эмпирична, потому что: суть математики по д-ру Штейнеру идеальна. Д-р Штейнер про-

* GEGW. 53.

** PoГ. 434.

водит повсюду идею методички: в своей системе наук и в отдельных науках —

в математике,
в механике,
в общей физике,
в оптике,
в минералогии и кристаллографии,
в биологии,
в физиологии, в теории знания,
в психологии —

— и так далее: уважаемый автор же д-ра Штейнера упрекает в неотчетливом проведении мысли.

Д-р Штейнер отчетливо проводит различие между красками Ньютона и Гете. Уважаемый автор д-ра Штейнера упрекает в смешении красок — Ньютона и Гете.

Ведает хорошо д-р Штейнер, что свет не видим для глаза; эту истину он и подтверждает не раз; грамотность д-ра Штейнера заподозрена автором.

Изложение теории света в своей книге о Гете д-р Штейнер сопровождает конкретным анализом взглядов у современных нам физиков, характеризует краску, характеризует краски: Ньютона, Гете и их предшественников; тончайшая градация красок проходит пред нами в многообразии характеристик; проходит здесь краска: у Аристотеля, Лукреция, Порты, Аквилония, Марци, Афанасия Кирхера, Ньюэ, Гримальди и пр. Далее он разбирает взгляды на оптику: Мушенбрука, Мальбранша, Мариотта, Георга Кристофа Лихтенберга, Рунге, Шерфера, Франклина, Бюффона, Гершеля, Менгса, Марата, Гюйгенса, Блэра, Эйлера, Беккереля, Араго и пр.; пространно он толкует о краске, как — соединении, смешении, анализе, синтезе; касается: диоптрической, призматической, паронтической красок. Но по поводу "краски" у д-ра Штейнера с развязностью усмехается уважаемый автор, а по адресу не усвоенной, не прочитанной этой — тончайшей! — градации отпускает сквозь зубы свой косою кривотолк — за текстом книги: в сто двенадцатом примечании к тексту.

Довольно примеров: одно перечисление их приняло бы размеры брошюры.

Уважаемый автор разбора переходит границы, разрешенные критике: на умолчании разъяснений строит он косою вывод свой; над косым своим выводом начинает в сторону читателя усмехаться; и — предвзятость воззрений на д-ра Штейнера насильственно впахивает он в читателя — ценой умолчания и кривых своих толков.

Приняв во внимание стремление автора распространяться *ad infinitum*¹⁹ по поводу любой плохо понятой фразы и над ней конструировать свой собственный взгляд, — умолчание о громаднейшем материале

воззрений д-ра Штейнера — необъяснимо, неизвинительно. По адресу статей-предисловий и комментариев нас встречает: —

— гробовое молчание.

По адресу "Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung" встречает: —

— гробовое молчание.

По адресу же "Мировоззрения Гете", то есть книги, не мыслимой без упомянутых научных трудов, нас встречает —

— громовое звание.

— Гробовое молчание и громовое звание здесь встречаются в одном существенном пункте: в несправедливой предвзятости.

§ 9. "Колпак"

Может быть, опуская конкретности, уважаемый автор с противником несогласен в абстрактном? Но своим наивным вопросом — "может быть, Штейнер не признает гносеологии"* — выдал себя с головой он.

Не принявши конкретности утверждений автора книги о Гете, не принявши их in abstracto, автор разбора их тем не менее принял: абстрактно-конкретно. Все живое во взгляде на Гете у д-ра Штейнера авторским гуммиластиком стерто; а на "не живо-конкретное" надет смехотворный колпак. "Для автора... приступить к критике штейнерьянства наиболее удобно, подвергнув рассмотрению взгляды Штейнера на Гете, как они отразились"*** в его книге о Гете и брошюре о Гете, — уверение Эмилия Метнера понимаю я единственным образом: удобно — ему.

Извинения автора у читателей "учителя" Штейнера за отповедь "мыслителю" Штейнеру не касается этих последних: в книге "мыслителя" нет: есть — "нечто такое — неопределенное и беспокойное"****...

Извинение автор попросит у читающей публики, с "мыслителем" незнакомой — за свою карикатуру на "мысль": за "дурацкий колпак" оккультизма; карикатура бежит по всей книге.

* РоГ. 434.

** РоГ. 37.

*** РоГ. 250.

§ 10. Карикатура

Карикатуру свою — смешанно понятий взгляд в “колпаке” теософии — далее начинает расстреливать автор большими, мировыми умами: орудие своего нападения — пулемет — механически набивает цитатами, и избивает цитатами, то есть большими, мировыми умами — из разнообразнейших центров, кроме единого, допустимого тут: этот центр — взгляд Эмилия Метнера — блещет отсутствием: вкусовая же модуляция взгляда дана — в светозарнейших растворениях вокруг Гете и в ураганных громах — вокруг д-ра Штейнера; вкусовая модуляция взгляда из ураганных громов проливается не стихийными градобитиями, а — дробными тресками: пулементных цитат; или же: разбойником, в косо заломленной шляпе, кидается на противника, и теперь уже грубою дубиною смеха ударяет не в грудь (защищенную философски), а — в спину: в тыл взглядов, в данном случае пребывающий не в местности поединка. Объективность расстрела лишь в механике действия, а субъективность — во всем.

Я советую автору: зачеркнуть свой эпиграф, а на зачеркнутом месте поставить:

“Ужо тебе”!..

А. Пушкин¹⁴.

§ 11. Приговор

Книга автора не дуэль, а — приговор к расстрелянию; суд — простая формальность; осуждение дано в предисловии; и — составлено убежденно.

Д-р Штейнер не видит, что —

— “сведением воедино просто-человеческих частных своего частного... мировоззрения с преимущественно им воспринятою основою внеличной и сверхчеловеческой мудрости он роиает... все дело... к которому был призван”¹⁵.

За приговором следует казнь — пятьсот страниц книги.

Так что:

1) “Восприятие” д-ром Штейнером “основ внеличной и сверхчеловеческой мудрости” есть для автора вполне установленный пункт; и установлено этим: —

а) знакомство автора с самыми основами этими;

б) с их нарушением.

2) Установлено и призвание автора судить знаковых с “основами”.

¹⁴ Рог. 29—30.

3) Установлено, что судится не "мыслитель", а — посвященный в "основы".

Почитатели д-ра Штейнера в том лишь случае нашли б извинение автору, если бы этот последний дал свидетельство о себе, что он, автор, — подлинный хранитель основ и ведущий счет посвящениям.

Спросим же и мы от себя: кто стоит перед нами, облеченный в судейскую тогу — и палач, и судья, ведущий счет посвящениям? Но ответа нет; нам остается воскликнуть:

"Esse homo"!¹⁵

§ 12. План моей книги

Начинаю я с краткой характеристики общей позиции д-ра Штейнера в отношении к философии современной и философии Гете; далее — перехожу: к характеристике световой теории Гете¹⁶, по ретуши д-ра Штейнера. Вместо световой теории Гете я бы мог взять "органику"¹⁷: "органика" и "теория Гете" равно характерны для Гете: равно обильными комментариями сопровождает обе теории д-р Штейнер. Далее перехожу я: к вопросу методологии. В пятой главе соединяю я обе темы, чтобы дать возможность понять хоть в намеке — многогранность позиции д-ра Штейнера в отношении к воззрениям Гете.

И только в последней главе сосредоточиваю я свое внимание на авторе "Размышлений о Гете"; то есть: делаю обзорные его глав.

Шестая глава есть собственно приложение к книге: читатели, не знакомые с "критикой" Эмилия Метнера, могут ее не читать, потому что пятая глава — тема книги кончается.

Но зато убедительно я прошу читателей первого тома "Размышлений о Гете" внимательно главу разобрать, сопоставивши с текстами автора; здесь я кстати замечу: аргументация — в многочисленных сносках; многочисленность сносок не превращена мной в цитаты сознательно: превращение их в цитаты изменило бы книгу: она стала бы справочником; справочники, увы, — не читаются.

§ 13. Форма ответа

Свой ответ на "разбор" мог бы я проработать в доступную форму, аппарат спрятать в стол и сражаться с автором в еще более резвой форме игры афоризмов, им неудачно затеянной; но при этом я получу укор в "безответственности"; быть "безответственным" по отношению к мысли д-ра Штейнера не улыбается мне; и мне остается: приняв приглашение к резвостям, разбросанным в "Размышлениях о Гете" — (толстый томик не выступает, а пляшет) — оставить книгу свою в стадии

аппарата; обременить ее подробными ссылками и бронированной силой цитаты. С мыслью о законченной книге приходится мне расстаться, но я утешаюсь: мне удалось показать, как пишется книга в XX столетии; впрочем, и здесь приходится апеллировать мне к... Гутенбергу и к современникам Гутенберга: во времена Гутенберга книги писались иначе; пред современной книгою остановился бы в ужасе Иоанн Гутенберг; и наверное б — открытие свое спрятал.

Здесь уместно сказать: моя книга ответ не столько Эмилию Метнеру, сколько целой линии критики, не разобравшейся в основных вопросах, затрагиваемых ей повсюду; в авторе пересеклось все типичное, что приходится слышать — и что слышать придется не раз — о д-ре Штейнере. В лице автора отвечаю я многим; резкий тон моей критики, некоторая стремительность ответов — поэтому. Автора первого тома "Размышлений о Гете" я привык уважать за его независимость в убеждениях и вкусах; и тем более горько мне, что в тоне своих нападений он — с общественным мнением, со "всеми", в "толпе"; и подчас — на "базаре". И отсюда-то строит он свои абстрактные взгляды, ассоциативно растущие на стержне из заблуждений — наивного, пассивного догматизма, обреченного на близкую смерть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В КРУГЕ НАШИХ ВОЗЗРЕНИЙ

§ 14. Рудольф Штейнер в кругу нашей словесности

Говорить о докторе Штейнере — мне очень трудно.

Это значит почти: в час мировой катастрофы, в час громового голоса — громового голоса не услышать, мировой катастрофы не видеть, а разве что — прочесть лекцию: "О мировой катастрофе"¹. Только такое сравнение выясняет трудности моего положения перед затронутой темой, потому что она, превыпая меня, угнетает меня. С радостью от нее я бы был готов отказаться и отдаться другому вопросу, более легкому: критика Метнера меня к ней принудила.

"Д-р Штейнер" — что можем сказать мы — и я, и другие? Слово наше "за", "против", "о" в современности — знаю я — только ведь скрипение пера и словесная молотьба... по соломе, потому что в грядущих столетиях медленно будет чеканиться то, что пытаемся мы неумело схватить нашим словом; толки наши исчезнут. Отвечая Эмилию Метнеру, умножаю я — знаю я — разве что сочетание слов; тема книги моей — злободневная; как таковая — я знаю — она не очертит в многогранных воззрениях одной всего грани; кривотолки же — породит; за них извиняюсь я: это вот больно мне.

Искови, писатели русские не могли ограничиться печатной словесностью, но в поисках заветного дела голоса их смолкали; то — навсегда, а то — временно; падала над ними завеса в миг таких устремлений, спокойное поучение о которых граничит с бессмыслицей; поучаемый писателем пахарь здесь равен писателю. Здесь отступают в молчание, в поиски, в кропотливое изучение, или... — отступают в "слова".

Спору нет — "словесность" нужна; спору нет — пути жизни нуждаются в "слове"; но еще бесспорней: огромное расстояние отделяет "слово" от "дела"; сочетать красиво слова и плести венки — из сонетов ли, терминов ли — почтенно; почтенно прочитывать рефераты о естествах божества.

Искусство словесности — есть искусство, конечно, когда оно — брызги избыточной жизни, когда оно не причина, и когда оно не предел. Сочетание слов, — увя! — превысило меру. Попытка Толстого пахать для искусства — искусства быть в жизни — значительней "звучности"; и образец лучшей звучности, лучшего сочетания слов, превышающий все явленные за последнее время версификационные тонкости — толстовская "Азбука".

Признавая значение терминологической и фонетической жизни, все-таки отделяю я их от собственно жизни: от пути — "жизни собственно"; переживание пути в слове при помощи создания — книг, кружков, курсов — все еще создание честных почтенных абстракций; жизнь такая — "предпутица"; и — увы: "п р е д-" и "без-путицы" в литературе встречаются; ими страдают писатели, говорящие о путях, о сонете, о Боге, о красоте, о добре. Попытка Толстого быть пахарем, уход Добролюбова в жизнь все еще... первичные, единичные "весны": конкретной словесности...³ Говорить о д-ре Штейнере, о воззрениях его и о движении, им вызванном — мне мучительно; это значит: быть никем не услышанным; и — остаться непонятым; почти — говорить в пустоту: перед закрытою дверью литературных и философских собраний; это значит: стоять одиноко, видеть кипение текущей, обильной работы, быть от нее отрешенным, быть ей — ненужным; и оторванно, чуждо стоять в литературной действительности.

Говорить о д-ре Штейнере в этих условиях трудно мне, — тем более трудно мне, что приходится говорить — косноязычно и робко, вне готового выбора разработанных некогда — определений, слов, терминов; говорить вне целого круга идей, и о том, в чем едва разбираешься, но что по мнению предполагаемых оппонентов давно разобрано ими. Говорить в условиях этих — непосильное бремя. Только вера в необходимость немых твоих слов нарушает молчание и заставляет: высказать о д-ре Штейнере то, что, быть может, когда-нибудь в будущем ты позволил бы себе высказать: с этою оговоркою приступаю я — к теме.

§ 15. Рудольф Штейнер в эпохе

Есть события во внутреннем росте отдельного человека, кружка; есть события национальные; есть события эры и — перебоя эр.

Судьба событий странна.

Из глубокого душевного слоя события роста индивидуальных сознаний медленно прорастают к поверхности, сламывая кипение кружков и образуя: новые струи кипений; в них — печать эры. Бытописателей умственных и нравственных качеств эпохи более интересуют кружки, то есть: "словесное" отражение эпохи; собранный материал становится измерительным лотом индивидуальной и общественной жизни, основой понимания современности, ее культурных задач и стимулов действий значительных личностей; жизнь последних обыкновенно всплывает позднее, не совпадая с оценкою современников; руководится большинство их общественным мнением; и руководится меньшинство — кружковым; оба мнения ложны: в них мнение личное вылагается или влагается — из суммы и в сумму; и — в равнодействии мнений полагается сумма; между тем: равнодействие всегда в единице, в значительной личности, потому что сумма сил — личность; в ней — пересечение сил; кружковая сумма и "сумма сумм" есть

сумма инерции. В событиях индивидуальных, интимных есть поступь эпохи; в событиях кружковых ее нет: есть ее искривление. События эпохальные крадутся по уединеннейшим, скрытнейшим индивидуальным сознаниям: то, что вынашивал базельский экс-профессор, по имени Фридрих Ницше, что было голосом внутренней жизни какого-то Генрика Ибсена, чем болел Достоевский, что бросило молодого доцента Владимира Соловьева в Египет из Англии, то вскричало впоследствии тысячами рефератов и книг, пронеслось по душевному морю Европы; и — ныне обстало: событиями...³

Слово, дробящее камни, уже было сказано: было сказано — и м: душам большим и немногим; было сказано — п р е ж д е; действие слова — теперь, в пушечном грохоте, в громе падения великолепных, старинных обломков — мы слышим; почему же мы некогда не увидели молнии ныне ревущего грома?

Гром и молния — вместе; иллюзия разделяет их; в иллюзии гром от молнии отстает; но не молния в громе; гром — действие молнии.

Молнии не увидели мы в освещенных собраниях с закрытыми окнами — и "словесных", и пышных; между тем: молния была в небе; и — молния была в душах, в уединенных сознаниях; неба не видим мы; уединенное сознание же — кружку непричастно; некогда нам с ним возиться; некогда нам: кружковая жизнь бьет словесным фонтаном.

Оттого-то и грому событий удивляемся мы — всякий раз.

Рудольф Штейнер — молния еще более строгой и грозно-грядущей эпохи; то есть грядущей "как бы": эпоха — уж есть; молнии ее разрезали небо; гром — будет и он. Рудольф Штейнер есть молния слова, дробящего камни; камни раздроблены; но для нас они треснут — потом. Слово-молния десятилетие слышимо в Европе повсюду: в Берлине, в Париже, в Стокгольме, в Лондоне, в Вене; от скал дикого Севера до лазурного итальянского неба⁴: но оно до сих пор еще "беззвучно" для мира; и неинтересно — кружкам: словесные фонтаны обильны; если бы мы по мудрому слову Прутова заткнули бы эти фонтаны и дали б им отдых, может быть, и услышали б мы то, что не слышим мы, но что слышат немногие, уединенные, тихие души: голос слова, дробящего камни; может, иные из нас не сгорели бы со стыда, доживая до эпохи, когда будут исследовать причины необъяснимого факта: почему замечательнейшее событие XIX и XX века проходило, сказал бы я — в громовой тишине, когда кружковые фонтаны бурно били "словесностью", поглощались тома Мориса Метерлинка и Августа Стриндберга, переводились Кунраты, Экхарты, Беме, Баадеры, Сведенборги; именно в эти дни не узнали того, кто был видим и слышим повсюду, перед кем самая история мистики и вся прочая "теософия"⁵ — первые робко взятые ноты, приблизительность, смутности и зыбкая, теневая игра.

Тут-то вот понимаешь: неузнанными проходят события времени; подлинное основание их лишь в далеко-грядущем медленно подымается, как из моря утес: от современности подлинной мы отстаем на столетия; оттого-то

мы вот пропускаем неузнанным Соловьева и Ницше; и пред страдальческой гробницею Гоголя пожимаем плечами; загоним Бетховена на чердак; и обвинение в хищении денег предъявляем мы — Микеланджело; на кострах горят — Джордано Бруно и Гус⁶. Оттого-то вот в миг громовый и в час мировой катастрофы все еще окончательно проснуться не можем мы: просыпание наше — просонье; и спросонья мы тянемся — в миги грома и в часы катастрофы, — тянемся все еще: к прежним фонтанам.

§ 16. Рудольф Штейнер и мировоззрительный круг

Подъезжая к Каиру, видите вы в вагонном окне — торчат треугольники; и у Гизеха — отчетливо громоздятся громадные, граненые глыбы; приближаетесь — кажется: будто каждый ваш шаг их выдавливает перед вами из почвы; у подножия пирамиды — пропала трехгранная форма.

Наконец, карабаясь по ребру (около его половины) — вы видите: ребро выглядит — закругленным: пирамида кажется шаром.

И — как пирамиду измерить? В каких выразить гранях? Соотнести ее — с чем? С ее пунктиром на плоскости? В восьмиллинейном пунктире ли... Хеопсова пирамида?

Воззрения д-ра Штейнера первоначально приемлются не конкретно: не пирамидою — восьмиллинейным пунктиром; и даже этот пунктир — слагается после; воззрения приемлются проще; восемь связанных линий — проекция — предполагает умение: в плоскости увидеть пространство; умение соединить две проекции: скрестить воедино их.

Говоря о воззрениях д-ра Штейнера, я нахожусь в положении жителя двухмерных пространств, выхваченного на мгновение в трехмерность, там увидавшего пирамиду, которую он привык наблюдать треугольником плоскости. Он вернулся на плоскость; в нем разрушено представление "треугольник"; "треугольник" — он знает — иная фигура; к треугольнику он приставляет квадрат; получается: пятиугольник; и — нет пирамиды.

Воззрения д-ра Штейнера в круге наших воззрений дают: многообразие сечений; в философском сечении он — догматик от дуализма: его воззрение на миры — миры разума и рассудка — является дуалистической догмою в однобоком сечении⁷; его учение о двух духовных полярностях (Люцифере и Аримане) — дуалистично⁸; в методическом сечении знаний — будет он: плюралист; в пересечении сечений он — монист эволюции; эволюция "опытов" тут проходит пред нами⁹.

Более верное отражение его взглядов, как градации моно-дуо-плюральных эмблем¹⁰, большинству малопонятно и чуждо; подобное отражение воззрений в нашем круге воззрений предполагает умение: перекрестить две полярности; предполагает умение — правильно видеть: пространства на плоскости.

В современном нам знании, соединить не умеем мы; самый "синтез"¹¹ берем мы со-положением материала и его покрытие — абстракцией.

Умение "перекрещивать" — в умении соединять в нашей мысли выводы его мысли; и тут — первое выхождение из нашего круга воззрений, в котором воззрения д-ра Штейнера всегда укорочены; замыкание нашего круга выводов есть первая точка: его круга выводов; его учение о методе по существу не усвоено, по существу не прочитано и даже оно — не прочитано вовсе; между тем: оно — есть; и оно развивается с редкою цельностью; без него мы себя обрекаем на примитивное взятие оригинальнейшей мысли; в этой мысли видим мы оттого лишь болезни сознания нашего, его трагедии, кризисы, его блужданье впотымах; звукосочетание "окультизм" вызывает в нас ужас¹²: не привяжется ли к сознанию нашему призрак, не заболит ли сознание наше? Но этот призрак уже в нас: он — грызущий мертвец: нашей мысли; мертвецы грызут мертвеца — только в нас, не вне нас; "окультизм" — ни при чем.

Не усвоен нами существенный пункт "штейнерианства": теория праксиса мысли — теория медитации¹³; описание роста внимания к мысли, как результат упражнения с мыслью, взятою догматом, есть описание: собственно мысли; что такое есть мысль, не узнаем мы в данных мыслительных формах: в них она — не она; в них она — абстракция связи; в интеллектуальном праксисе созерцания постепенно слагается: полный мыслительный круг; и вылагается из обычного круга; закономерности, лежащие меж кругов, открывают нам впервые возможность: воистину перекрещивать все многообразие проекций; в перекрещивании — умение видеть: пирамиду на плоскости. И рельеф "теории" медитации открывается — тут.

Д-р Штейнер взывает к сознанию неизбежных трудностей его мысли; без воли к мысли и без внимания к мысли мы его не поймем: в его учении о мысли: путь, оразимый в абстракциях, отражаем конкретно им: в его теории медитации; медитативная мысль характеризует и "органику" Гете; метаморфоза растений¹⁴, учение о типическом¹⁵ понимаемо в праксисе: метаморфозы образов и идей¹⁶; д-ром Штейнером прослежены все этапы ее: имажинация, инспирация, интуиция¹⁷.

Мы, увы, любим термины не настоящей любовью: в терминах любим мы, увы, звуки слов; оттого наши взгляды — абстракции, конкретное понимание которых вызывает в нас ужас; от медитации, то есть мыслительной жизни, бежим мы — в звук слова мысли: в произнесение мнений; оттого-то мы интеллектуального созерцания¹⁸ боимся, как жизни, предпочитая ему его звуковую абстракцию; интеллектуальное созерцание в нас — место слова в номенклатуре понятий, в круге смыслов — в "словесности"; и словесному пониманию идей "учения", "взгляда", "теории" — приносим мы в жертву идею; и понимание мы к понятию сводим: понять — взять понятием; понимание же есть нечто обрательное: взятие понятия мыслью.

Поступая обратно, мы попадаем в страну, где проекции съедают нам смыслы, и где мысли вращаются: термином и грамматическим корнем; но и тут не идем мы на откровенное взятие наших слов — фонетически и критически; не проходим мы честно к теории языка, как орудию познавательных образов¹⁹, ни к теории познания, как орудию безобразных смыслов²⁰; и оттого обрастаем мы: догматическим пустозвучием, где звуки слов — догматы, где словарь — одновременно и перечень логических заблуждений, и перечень эстетических безобразий совращенного, извращенного, развращенного смысла.

В "понятийном" взятии наши смыслы — эмблемы; в них бессмыслица — чистый смысл; освобождение его выглядит утоплением смыслов; крепко и наввно держится в "понятийных" смыслах наша бедная, бледная, амедитативная мысль; в ней воззрения д-ра Штейнера топятся в смыслевом фетишизме: в звукословной машине, нас мелочней жерновом ассоциацией спящего, пассивного мышления, где восстает в нас Китай: номенклатура и звук; здесь осмелюсь я высказать нечто личное: пишуци свой роман "Петербург"²¹, я старался главным образом описать события, протекающие у нас в голове, и картину мира в "понятийном" взятии: получился ужас и бред; эти же ужас и бред — в нашем "мировоззрительном" круге; только, в нем находясь, мы его не видим, не слышим: и на всякое указание постороннего наблюдателя мы обижаемся.

Самое выражение "штейнерианство" — предел невнимания к "штейнерианству", потому что учение д-ра Штейнера есть разъятие "сублиминального поля", именуемого нами воззрением, пока мы находимся в нем; "штейнерианство" — "учение" в одном смысле: призыв к самостоятельной мысли и овладение "сублиминальным пространством" механики мышления²².

Эта механика вымолачивает серии априорнейших положений о "штейнерианстве". Например, говорят: "Д-р Штейнер в понятии "наука о духе" смешивает науку и дух". И — разумеют — словарь.

Если свобода духовности протекает вне "ведения", то свобода — в неведении; падают: религиозные опыты; если наука не автономия опытов, — падает, как таковая, наука; под научностью разумеется рабство; под духовностью — произвол; а под "духовной наукою" — произвольное рабство, то есть такая наука, которой формы — понятия, содержание — чувственность²³. Ну, а если обратно? В о п ы т е е формы и в духовности — содержания? И вопрос о "духовной науке" из огульного отрицания ее свелся бы: к методологическим дебатам о Канте, как отрезающим нас от какой-либо постановки вопросов о ней вне разбора основоположения "критицизма"²⁴. Нападение превратилось бы: в водопад aberrаций²⁵.

Под "наукою" разумеет нам д-р Штейнер объяснение автономного опыта²⁶, развивая теории (о б ъ я с н е н и я и о п ы т а), выносящие нас из русла определений "словарных"; его теория объяснений²⁷ имеет свою теорию знания и методику "объяснимостей"; о них — скажу ниже; его теория опыта не уязвима критически (о ней — тоже ниже) и развивается:

в теорию автономного опыта, к которому большинство наших знаний стремится и которого не достигло еще; оно находится в стадии прохождения градации — опытного гетерогенезиса; в стадии предваряющей — собственно опыт; пересекается еще сфера гипотез и при-мыслений рассудка — к гетерогенному опыту; орудия опыта собственно — еще в чеканке; и опыты знаний рисуют нам: половину опытов собственно; их действительность — половина действительности. Прологомены эти — теория объяснений и опытов — нам меняют: самый взгляд на науку. И утверждая "науку о духе"²⁸, утверждает нам д-р Штейнер не то, что принимаем мы за науку и дух.

Отношение наше к духовной науке не отношение критиков, а отношение шутников; остроумие тратится на высмеивание aberrаций — ее природо-воззрительной и гностико-догматической формы. И в нас — aberrация: от безусловного и одновременно туманного взятия — мысли словесностью.

Произносятся звук слова "теория", что я в нем выговариваю, как мысль? В круге наших воззрений я имею право на два только смысла — звука слова "теория": она — лицемерие божества, или — теория познания; таковы ее смыслы: фонетический и критический²⁹; но со звуком слова "теория" вяжем мы — ассоциативные смутности, понятные в лени, и непонятные в смысле. Говоря: "теория Штейнера", обыкновенно роняют чистые смыслы звука слова "теория" и подбирают — нечистые; говоря так "теория", не разумеют и вовсе, что "теории" в этом смысле у д-ра Штейнера нет: есть проблема обоих смыслов "теория", взятых в сознании.

Еще пример: "синтез"³⁰. Слово это произносится особенно часто; что значит "синтез" в двух упомянутых смыслах: фонетическом и критическом? В смысле первом — "соположение, то есть положенный агломерат, не сведенный к единству; между тем слово "синтез" в нашем смысле — соединение в единство; а в критическом смысле "синтез" есть покрытие материала рассудочной категорией; покрытие абстракцией чувственности — это ли "синтез"?

В "синтезе" соединения нет; в смешении символизма и синтетизма — тяжкий грех философии³¹; оттого-то и системы синтеза не выглядят синтезом; в гносеологии эти системы — абстрактны. Та же невнятность с "сознанием".

Связь знаний, со-знание, — условие существования познания, которое вне сознания невозможно: "со-знание"³² — неразложимо-конкретная связь знаний в "Я"; познание одна из сознательных функций, текущих в сознании; и вне познавательной сферы — течение сознания. Картезианская формула "cogito..."³³, выразив непосредственность отношений между "Я" и "со-знанием", прочитывается в обратном порядке: "vult — ergo: cogito", — потому что проблема сознания сужена у Декарта передвижением центра от "Я" к познанию и превращением "Я" — в "субъекта"; "субъект" вырос после; по существу вне-субъектная, проблема познания смешивалась с "Я"-проблемой в "догматическом концентризме" у Канта³⁴; и смешение породило: терминологическую двузначность фоне-

тизма и критицизма... Субъект познания — двузначность; разоблачению этой двузначности д-ром Штейнером уделяется место: в теории знания; субъект познания — звучность, значимая в одном только смысле: в смысле примата сознания в установлении познавательных данностей; в познании наше сознание взято, как данное догматом, если оно не результат: сложения в нас процессов; последний взгляд изжит; взятие же сознания догматом не вскрывает нам его норм; сознание выглядит познанным неосознанной функцией; здесь — видимость психологизма сознания; но видимость иллюзорна; иллюзия водворяется там, где проблема сознания переносится в психологию, которая, будучи наукой, от познания зависит и лежит в его круге, из сознания а priori выводимом; но теории сознания нет; и в основе познания стоит догмат сознания; наше время напоминает тут Кантово.

Будь у нас познавательный критицизм адекватный критической философии, теория сознания а priori бы строилась: вне теории знания и вне психологии; протекай она в них, и в ней водворяется догмат: сознание — познавательно; оно — процесс или данность. Положение ж отношений между процессом и данностью — в чистом сознании не разобрано; подымается тут вопрос: что есть данность познания в данном сознании и что в нем — метод? Что они в познании — знаем. Что они в сознании — нет. И вскрывается: основной вопрос не поставлен. Что есть сознание? Теоретически и житейски вопрос остр — в наших днях; и остры вопросы: изменяемо ли сознание в познании, то есть наше сознание?

В такой постановке вопроса приближаемся мы к большей четкости в уразумении места философской позиции д-ра Штейнера; и тут — первый рассудочный шаг к поборению ассоциаций, встающих в нас со стихийною силою при имени: Рудольф Штейнер. Многокружие характеризуемых взглядов в пересечении его с кругом познания философского, отчетливо на нем чертит: проблему сознания.

Философия д-ра Штейнера начинается тут.

§ 17. Проблема сознания

Знаем мы: теория познания не должна иметь предпосылок; заметим же: познавательных; теория познания предпосылку имеет; предпосылка — сознание³⁵; предпосылки сознания превращают теорию знания в конструкцию сознания; действительность — конструкция эта.

Наша действительность — осуществление одной части сознания; действительность — данность сознания нашего.

В построении теории знания мы отыскиваем пункт начала познания³⁶; и потом уже конструируем его формы; в построении теории сознания мы должны выйти за начало познания, выявить полный круг сознания; предварительно его расчленив, откинуть все формы членения и вне их уже отыскивать пункт: начала сознания собственно; то есть должны мы: создать как бы мир, не открытый познанию; и созданный мир вновь развить.

Предварительно мы должны отвратиться: от сознания, нам данного в познании, освободить его от всех познавательных коростов; в опытах с мыслью — освобождение от коростов. Само-сознание³⁷, предполагая "само-" и "со-", предполагает и круг наших знаний: методiku знаний; само-сознание наше течет вне ее, в познании чрез сознание реформируя; само-сознание нам рисует две свои тени в познании: психологическую и логическую; в первой оно — параллель двух рядов (мир внешний и внутренний); во второй оно — пункт начала познания.

Образно говоря: самосознание — действительность собственно; сознания — его формы: архитектоника их — архитектоника творимых действительностей; говоря еще образней: архитектоника возможных миров; познания их суть их проявления; знания — видимости проявлений, как вещи; взятая знаний познанием зависят от метода; д-р Штейнер перечисляет нам до двенадцати способов взятий, лежащих в основе двенадцати картин мира³⁸; "мировоззрение" в нашем смысле — такая картина.

"Мировоззрение" д-ра Штейнера вне нашего круга воззрений; в нем оно распадается на двенадцать проекций, двенадцать ложных интерпретаций: реалистическую, рационалистическую, идеалистическую, спиритуалистическую и другие. Освободиться от них — трудно нам.

Чистое познание и чистый опыт³⁹ — две ножки циркуля, описывающего нам мировоззрительный круг наш; и данности этого круга сознание пронизает одной своей частью; оно — многократно; и в каждой части его слагается замкнутый круг познаний и знаний, подобный нам данному; самосознание пересекает их все и в сечении дает градацию сознаний, познаний и знаний. В оформлении нашего круга учений — учение выглядит: градационною представляемостью (эстетической, религиозной, логической и наивной); в одной своей части оно — метаморфоза познавательных состояний сознания, а в другой своей части оно — метаморфоза идей.

Не приняв во внимание данных мной пролегоменов к чтению д-ра Штейнера, в одном случае захотим мы сказать; "переживание здесь представлено схемой"; в другом случае скажем мы: "переживание внесено здесь в познание".

То и другое — неверно: переживания и познания д-р Штейнер нам не ломает; они начинаются там, где явлены: в переживании — скрытая в нем основа, в познании — предпосылка; смысл его взглядов в выходе мысли в пространство сознания из плоскостей познания; и из пространства сознания даются тут правила: по плоскости, данной нам, конструировать "n" плоскостей; геометрия его теории сознания не Эвклидова; здесь он — Лобачевский, знающий закон расширения одной части сознания до полного его круга; соединение критической ясности с настоящей душевной отвагой — условие чтения его несравнимых творений. Отличие д-ра Штейнера от всех бывших мыслителей — в том, что для его понимания специального образования мало, не говоря уж об общем; требуется упражнение в воле к вниманию; внимания мало тут; нужно знание — восставания внимания; нужна критика самих функций "внимать"; и внимания к тер-

мину — мало; внимание к жизни термина в нас — вот что собственно пужно; нужен этический пафос к самому велению внимания; в возбуждении его — начало сознательности.

Неотчетливость в жизни мысли — проступок; проступками в сфере сознания объясняются д-ром Штейнером: конкретности обставшего кризиса; голоса о кризисах разнообразных сознаний перекликаются вокруг нас; не было голоса о единстве всех кризисов; теперь есть этот голос: голос д-ра Штейнера.

§ 18. Проблема антропософии

Теория знания слагает круг знания, но его не вращает; в номенклатуре, в классификации, в термине — игра жизни мысли смерзается в неподвижную мертвость кристалла; вращение круга — в сознании; сознание плавит кристаллы; в нем они — кипящие струи; и так поступая с кристаллом (номенклатурой и термином), сознание превращает: круг его неподвижности — в одну свою точку; точку же движет, описывая новый обширнейший круг, где историческая иерархия сознаний, познаний и знаний — проекция части круга на времени.

Что это так, узнается: в живом праксисе мысли, вырацаивающем градации всевозможнейших образов, формы которых мы затем узнаем — формами бывших воззрений; мы их знаем теперь — в их объясняющем стержне; в нашем сознании, где они насквозь пронцаемы; мы их знаем в их жизни: в процессе восстания; познавая, по знанию мы скользим; со-знавая, с о з н а н и е м мы — в создавании знания; познания в познаванье — одно; в осознанье — другое.

Учение о двух этих сферах д-ром Штейнером раскрывается в учении о разуме и рассудке, где мир сознания — разум, и знаний — рассудок⁴⁰; и между ними граница: теория знания; разум вне-границен рассудку; не сливаем с рассудком; для сознания же эти сферы — внутри-границные сферы, потому что сознательный праксис превращает: многообразие предлежащих нам данностей — в лежащие части: сознания нашего.

Д-ром Штейнером впервые "критически" вскрыт самый праксис сознания; в этом смысле он — Коперник и Кеплер теории, вскрывшей сознание⁴¹; в этом смысле он — Кант: сферы более огромной, чем Кантова.

Следует помнить.

Эта сфера — не сфера: мистики, теологии, психологии, природоведения и т. д.; эта сфера вычерчивает конфигурационный закон самого образования "сфер" в их живой соплетенности, как она восстает в "умном деланье" мысли⁴², куда свергаются, как в плавильный горн, материалы потенции строения, где они плавятся, и откуда они вытекают многообразием миров, в сечение познавания дающих — действительность; но и из этого кипящего мира (имагинации) сознание способно нас вывести: к самосознанию в "Я".

Самосознание — в "Я", а "Я" — мир миров, с внутри лежащей градацией: самосознания, сознаний, познаний и знаний, где миры мира — предвечны и, откуда взятые, суть они: бывшие, сущие, грядущие; корень учения об Акаше⁴³ вытекает из безвременно лежащего "Я": в нем он вскрывается; в нем достигаем и мы: пункта начала сознания; "критика" сознания — тут, потому что рельефы соотношений, строений — этик, логик, эстетик, религий, природоведений, психик — тут: только тут.

Перед нами целостность данностей; в ней — видим мы: из законов сознания строится теоретический мир, предопределяя мир данный; в этом мире теории изрекаются термины: восстает градация философских систем; и — видим мы: из законов сознания в иной его части выводятся — законы стихийности, предопределяющие точную фантазию образов, а с ней — мир искусства; в этом мире стихий изрекаются творчества; видим мы: из законов сознания в иной его части выводятся — состояния звездностей, возжигая религии; изрекаются мысли.

В самосознании, в "Я", наше "я" — само-дух (Geist-Selbst).

Теория сознания есть учение о четырех сознаниях самосознания: о сознании, нам данном, и из него развиваемых — стихийном и звездном сознаниях; и наконец: о сознании стояния в "Я"⁴⁴. Здесь учение переходит в учение превращения круга сознаний в самосознательных сферах — в учение о трех превращениях (Geist-Selbst, Lebens-Geist, Geistes-Mensch)⁴⁵; и завершается — теорией богочеловечества⁴⁶; здесь "Я" само — в Логосе; из Логоса строится логика⁴⁷: в проекции духовной "науки" она — христология; антропология с христологией связаны; "антропософия" д-ра Штейнера вскрывает их связи⁴⁸; взятая в термине, она — учение о Логосе; взятая в психике, она — ведение о Христе; в практике, в воле, она — теория импульса⁴⁹; достигаема в ней подлинно за-религиозная сфера; в пей она — христианство; из него, как из "м о н о с а", вычерчено два мира (рассудка и разума); в мире разума вскрыты: три его превращения в четырех состояниях сознания; и в проекции времени, в пятой, точке градации взят человек, в практике перекрещивающий: три состояния душевности с тремя фазами духа в sui generis⁵⁰ гексаграмму (в шесть), и в ней простираясь космически, чтобы оттуда к нам вывести: семь проекций па время из сочетания "Я" и сознаний в семи образах жизней (семизначность строения), семи расах, эпохах⁵¹; и — далее, далее; конфигурации — усложняются; даны они как бы в нотах, предполагающих выучку; без выучки они — знаки; при умении прочитывать ноты — в них слышима: многоголосая симфония мысли в переплетении мотивов, где самая тема мотивов в расчленениях контрапункта сложится и достигает той степени, где — неуловима она; и где выглядит — глухую стеною незнания; состояние это — материя, обстающая нас; гроза расщепляемых знаний, материя, — незнание нас обставшей действительности.

В развитии самосознания — свобода от смерти: освобождение человечества; в нем — всей томящейся твари; в ней — мира; космос вводится

в человека; и, введясь, получает имя: Адама; как в самого человека, в Адама вписано имя иное: Христа⁵³. Франциск Ассизский⁵³; проповедовал птицам и оглашаемо Имя: цветам и камням, если сознание с нами; сознанию нашему космос внимает, ибо оно — его храм; вселенные стоят перед нами; если с сознанием мы, мы в них не пройдем; пусть приходят вселенные: подлинное именование сознания в мире не преходит.

§ 19. Медитативная мысль

Д-р Штейнер — труднейший писатель эпохи; и приятие его нами сперва — "восприятие": осознание приходит с годами; осознанию не поддаются сперва горные и крутые уступы его хода идей; кажущаяся их ясность — отражение примитивности нашего мира мысли; кажущаяся их глубина — отражение нашего хаоса; первоначально он зеркало — наших скрытых болезней; и предстает он, как искус.

Простейший тезис его круга мысли есть огромное достижение мысли; и — кругосветное путешествие мысли обычной; и ясность обманчива; здравый смысл, наклоняясь над ней, содрогается: темною ее глубиной; но темнота глубины — в нас встающие аберративные пятна; реакция на свет наших глаз и их защита от... света; невыносима нам солнечность; и мы защищаемся... пятнами. Упражнение внимания мысли нам пятна рассеет.

Взятие его мысли нашу предполагает: очищенность мысли, то есть, *vni generis* трагический к а т а р с и с⁵⁴; предполагает бывшее потрясение; предполагает — огромную трагедию мысли; без нее не услышим мы одинокого голоса, обращенного к нам со словами о том, что —

— уже кризис есть.

Д-р Штейнер — труднейший писатель эпохи, потому что сознанием не прирлет он т е р м и н а; и взяв ноты огромнейшей важности на клавиатуре из терминов, к ней прибегает он редко; но мы живем в терминах; для понимания его мысли нам воистину нужен: трудолюбивейший семинарий; кто имеет терпение в "семинарии", тот уже знает: безмерность стоит перед ним; и "воззрения" д-ра Штейнера — опрокинутый куполом храм: голубой, темно-лазурный, бездонный⁵⁵; с глаз слетает повязка; и посвящение во "взгляды" воистину выглядит: потрясением; и кажется: переживаешь и ты — метаморфозу сознаний; и о чем идет речь, тем именно ты становишься; и в тебе развивается: предприимчивость, гибкость и умение — странствовать по "воззрениям", переживая с ними неучитываемые все конкретности странствий, всю жизнь их: страхи, радости и восторги тут посещают тебя; ты — в событиях волнуемом море качаешься на словесных зыбях, ставишь парус на ритмах; и ритмы несут тебя — к сознанию неизвестным берегам; и когда ты вернулся, ты знаешь, чего не знает никто; и что узнаваемо только: у д-ра Штейнера.

Курсы д-ра Штейнера нельзя безнаказанно слушать: они входят важнейшим событием жизни; потрясается и очищается мысль; и в ней — раз-

ряжается чувство; самая втянута воля в это горнее разряжение; события внутренней жизни, события мира мысли и события исторические пересекаются в новом, их вяжущем центре и разрывают обычные представления: что как мысль пред тобою стоит, что с тобой говорит, и что ты отвечаешь — сравнимо с диалогом: —

— "Но воистину, ты не в силах созерцать меня этими твоими глазами". —

— "Молвив это... явил Арджуне⁵⁶ Свою высочайшую форму... с бесчисленными устами и очами, во многих чудесных явлениях... всечудесный, с обращенным всюду ликом"... —

— "Тогда Арджуна, потрясенный изумлением, с волосами, вставшими дыбом, склонил голову... и, сложив руки, заговорил"... —

— "Внутри Твоей формы... я вижу Богов, все виды существ и каждый с отличием своим... Как радуга, переливаясь... цветами, касаешься Ты... небес... вращая необъятные зрачки... Пощади... Твоя внешняя жизнь ужасает меня"... —

— "дрожа и простираясь... от страха заикаясь... так к Кришне⁵⁷ обратился"... —

— "Благословенный молвил: —

— "Эту форму мою, на которую ты взирал, очень трудно перенести... Одной лишь любви доступно такое созерцание"*.

Меж подлинным миром мысли и нашим — таков тут диалог и к такому диалогу ключ — курсы д-ра Штейнера.

Ключ к ним — его книги.

§ 20. Рудольф Штейнер и Гете

Многообразие мировоззрений, мыслей и методов д-р Штейнер пред нами возносит проблему сознания; в них она — ритм изменения нам данных познаний, нормы этого ритма в обычных проекциях мысли — в градации смыслов; и мимика метаморфозы понятий сопровождает движение: от точки градации к новой точке ее; самая история философии — отрезок градационного спектра; основоположение градации — самосознающее "Я", — пребывая вне сферы "критики" нашей мысли, наоборот, взяв ее объектом анализа, — не уязвимо "критически": многообразие взглядов не разбираемо внутри лежащим в нем кругом; д-р Штейнер рисует: как слагается самый "критический" круг в самосознании нашем; в линии пересечения кругов д-ром Штейнером строится: его теория знания, методология и система наук; построение — в терминах наших дней; обращение с термином безупречно; оно "критично" воистину;

* Из одиннадцатой беседы "Бхагават-Гиты"⁵⁸.

строится "мировоззрение" и внутри нашего круга; д-р Штейнер определяет его как систему конкретного идеализма; и нам является: сложение этой системы самой историей философии; его историко-философский экскурс есть в сущности: история конкретного идеализма; и в этой истории отмечает нам д-р Штейнер: значительный пункт перелома — тот пункт перелома, где конкретный идеализм достигает границы нам данных воззрений, где, покидая мировоззрительный круг наш, объясняем он в ином круге градации; "мировоззрение" идеализма становится здесь: учением о метаморфозе воззрений и методов; мировоззрение Гете встает перед нами.

Гете оперирует здесь, за кругами воззрений, нам данных, терминами, лежащими в круге; с "мировоззрительной" серией "мировоззрительно" борется; это-то создает ему трудность; это-то и смещает его в *in sui generis* философию; и заставляет в нем видеть — Колумба, уже причалившего к берегам Нового Света, но полагающего, что они — Старый Свет.

Д-р Штейнер "критически" вскрывает нам Гете: вскрывает в первом.

Философские воззрения Гете, полные гениальных прозрений, не сведены отчетливо Гете в систему воззрений; вскрытие их д-ром Штейнером открывает нам, почему "воззрения" эти не сводимы в систему; наше понятие о "системе" лежит внутри круга, преодоленного Гете: систематическая представляемость в новом круге воззрений есть представляемость градационная; Гете в "органике" нам дает лишь картину законов, тут действующих; д-р Штейнер самые вскрывает законы; показывает, почему Гете именно здесь увидел то, что увидел он; и отмечает: описания Гете верны; они отражают жизнь мысли; Гете вестник грядущего; грядущее должно указать: страна мысли Гете — этого Колумба Америки — иная страна, а не Индия, как все думают ныне.

Д-р Штейнер вскрывает нам причины фрагментарности Гете, давшего "систему" в клочках, а не в отчетливо воздвигнутом здании; здание к Гетеву миру мысли слагается ныне лишь; д-р Штейнер нам показал: теорию его фрагментарных набросков; и контуры этой теории перед нами стоят на многоколонной базе "воззрений"; метаморфоза растений — одна такая колонна; теория света — другая; эстетика — третья; конфигурация их непонятна, если брать их вне купола; д-р Штейнер нам дал и купол воззрений; в нем жизнь Гетевой мысли продолжает в нас жить вне бранных ее оболочек; д-р Штейнер воистину перед лицом всего мира дал Гетевой мысли бессмертие; в ней из купола опускаются между колоннами фрагментов — арки; фрагменты связаны арками; между "органикой" Гете и его теорией света есть ныне арка; д-р Штейнер открыл, что меж колоннами этими, под их связующей аркою в современности открывается вход — в храм новой мысли; в арке этой рисует он самый ритм Гетевых мировоззрительных упражнений; в своей ретуши к световой проблеме у Гете *in concreto* дает он: стиль новой мысли; показывает, в каких гранях она выглядит "фантастично"; и в каких гранях точно; самую

"фантазию" Гете в им открытых пределах превращает он в себя со-
знающую мысль: и "наукой о духе" начинают сквозить прозрачные
теперь тексты.

Характеристику световой теории Гете — назвал бы я эпохальной;
и конечно единственной из наличных характеристик; в ней впервые
вскрыт пункт встречи в современном сознании медитативного и дискурсив-
ного мышления — в двух огромных фигурах: Ньютона и Гете.

Поэтому обращаюсь я к световой теории Гете; и стало быть: к Ньютону
и Гете. Обращение это поможет мне приподнять край завесы над сложною
цельностью: над отношением д-ра Штейнера к методологии наших дней;
и заодно уж: поможет мне разобраться в серии кривотолков Эмилия
Метнера, разбросанных в первом томе его размышлений о Гете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СВЕТОВАЯ ТЕОРИЯ ГЕТЕ И РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

§ 21. Ньютон и Гете

Отделенные от Ньютона и Гете, объективно противопоставляем мы их; исключительно восхвалять мы не можем их; исключительно принимать мы не можем их тоже, но мы можем их исключительно вычлениить из тех сфер, где их быт — томагавк. В отношении Ньютона и Гете так поставлен вопрос в "Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften"; точки зрения и Ньютона, и Гете здесь берутся не в образе законченных теорем, а в процессе восстания их; психология личностей тут проходит перед нами и быт того времени: восемнадцатый и семнадцатый век¹.

От различия теорем переходим мы к различению истоков: теоремы встречаются в точке, лежащей на отделяющей плоскости; анализируя плоскость, приходим мы: к теоретической несоизмеримости. Принижать, воздвигать, — значит: смешивать.

Этого д-р Штейнер не может.

По отношению к "физикам" Ньютона и Гете² основное свое выдвигает он правило: —

— "Гете начинает там, где физика кончает"^{*}.

— "Теория красок у Гете вращается в области, не касающейся... области определения понятий у физиков"^{**}.

— "Света в гетевском смысле современная физика не знает"^{***}.

Основное правило это мы должны твердо помнить во всем ходе дальнейшего.

---

* GNS. III Band, XXXIX.

** GNS. III Band, XXX.

*** GNS. III Band, XXX.

§ 22. Краска и колорит

Различение в теориях света Ньютона и Гете — в несоизмеримости методов³; выбор метода определяется положением объекта; объект Гете есть краска; и — Ньютона: "краска, взятая в отношении к..."; точки их отправления — различны; от весомости, измеримости, вещности отправляется точка зрения Ньютона: от зеленого, синего, красного, уловимого точно и в уловимости отвлеченного от текущей зыбкости жизни, где нет красок и господствует "колорит".

От "колорита" отправляется Гете: "колорит" — неуловимое, зыбче, текущей, живее, конкретней; одновременно он и конкретнее, и воздушнее механической краски; в определенно зеленом, желтом, оранжевом⁴ — механизация колорита; в искусственно получаемой "краске" материализован "колорит". Так отправные точки зрения Ньютона и Гете обрекают первого: колорит абстрагировать в краске; и оперировать с краскою, взятою более чувственно по сравнению с тем, как она дана в колорите. Так отправные точки Ньютона и Гете взяты д-ром Штейнером. Автор первого тома "Размышлений о Гете", не поняв, иронизирует тут⁵: —

— "Итак, с одной стороны отвлеченность, с другой — каким-то образом с ней совмещающаяся "грубая чувственность"*

Но у Ньютона и Гете, как отправные точки, конечные цели различны. Цель Ньютона: объяснить явления света в духе тогдашних тенденций; это значит: объяснить механически; и — цель Гете: объяснить непосредственно-эстетическое воздействие красок. Поэтому: —

— "Ньютоновская теория красок в основу эстетики красок⁶ — не может лечь"⁷."

Гете же: —

— "Искал физического и физиологического разъяснения эстетики действия"⁸."

Та же призма, как инструмент, в руках Ньютона и Гете совершенно различно поставлена. И Ньютонова призма — не Гетева призма⁹.

Несоизмеримость подчеркнута д-ром Штейнером.

§ 23. Пересечение теорий

Переброс из механики механических представлений есть обычное прегрешение рядовых ньютоновцев; возведение механических символов в канонический ряд догматизирует символ: догматизм ведет к реализ-

* ПоГ. 113.

** GNS. IV Band, Erste Abt. 123.

*** GNS. Ibidem.

му; *ges*⁸ сужалась в материю; отсутствие методической четкости в восемнадцатом веке мировоззрением расширяло механику; механическая философия становилась тогда: философией от механики; впоследствии даже она получила диплом; в девятнадцатом веке; конец века диплом потерял — в многообразии философских течений и под ударами: критицизма. С произвольным и произвольным каноном философии от механики приходилось бороться "природовозрителю" Гете; расширению механики в области эстетической философии противопоставил он расширение в физику эстетической философии красок⁹: многообразие условного расширения в мировоззрительных образах д-ром Штейнером допускается: конечно, условно.

В Гетево время равновесие нарушалось механикой; метафизической физикой¹⁰ неравновесие уравнивал Гете.

Неравновесие механического органицизма с органической физикой уравновесилось борьбой двух тенденций; от исходных точек обеих развивались и ширились два кометных хвоста — навстречу друг к другу, пересекаясь в плоскости их борьбы¹¹: ныне же — методического деления. Приняв во внимание время (восемнадцатый век), д-р Штейнер отвечает нам: механический ореол в расширении достигал теории Гете; в расширении Гетева ореола до механики собственно мы должны видеть: восстановление равновесия. В методических расширениях, несоизмеримые вовсе, — встречаются: Исаак Ньютон с Гете. В расширении этом не безгрешно тут ньютоnianство: и не так наивен тут Гете.

Д-р Штейнер отмечает возможность: переложение в физику мета-физику Гете; и рисует возможность: угнетение наивными механистами правомерной символики.

В смысле этого возможного, условного переноса обеих теорий допустима их встреча; и допустимы условности пересечений в деталях; любой пункт полемики Гете с современным ему ньютоnianством рассекаем четырьмя: в нем должно выделить правомерные элементы Гетевои теории света и теории света Ньютона — друг от друга и от: эмблематично примышленных.

Отделить теорию Гете от теории света Ньютона и ограничиться этим — элементарно до крайности; в сущности это есть "отказ от толкового объяснения" *in concreto* деталей и частных, сплетающих мысль у Гете; очарование ее — в них.

Так с теорией Гете поступает наш уважаемый автор; он ее относит к культуре¹²; и полагает, что ее освятил.

Разобраться в пересечениях, то есть Гете взять *in concreto* — вовсе не так уже просто; это значит: с головою уйти — от центра теории в ее ореол; ореол ее — в физике, где господствует ньютоnianство. Методически зная несоизмеримость истока Ньютона и Гете, мы *de facto* нигде не встречаем методику до конца проведенной — у Ньютона и Гете. В вычленении, в сочленении деталей теории — вся суть освещения; иначе толкового объяснения Гете мы найти не смеем.

В эту трудную область — в облечение физикой метафизики Гете — спускается д-р Штейнер и штрихом неуловимым, тончайшим, характеризует, что, собственно, тут происходит.

В этом пункте он получает от автора выговор: он де спутал области обеих теорий¹³.

Не он спутал: путались тут и Гете, и Ньютон, путалось время: и путались после них — Шопенгауэр¹⁴, догматики, физики, гетеанцы и ньютонианцы.

§ 24. Комментарий д-ра Штейнера

В "Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften" нас встречает подробная характеристика и Ньютона, и Гете. Основные линии ее — широки, стройны, красочны, а детали — в деталях: Гетевой теории света; полногранно и освеженно сверкает деталями ясная теперь, как кристалл, световая теория Гете; характеристика обнимает: более сотни страниц — петитного шрифта: и — подкрепляется: двумя сотнями; методически освещается в них нам позиция гетеанства.

То есть триста страниц.

Невозможно сложить полновесней картину; невозможно и уже углубиться в деталь.

Эти триста страниц сжаты в тридцать: литературного изложения резюме. Литературное резюме напечатано д-ром Штейнером в его книге о Гете, в главе, озаглавленной: "Die Betrachtung der Farbenwelt"¹⁵.

Этой последнею и ограничился высокоталантливый автор в... своем кривотолке: триста же страниц просто выкинул он.

§ 25. Экспериментальный путь Гете

Характеристика отделена от читателя громаднейшей завесью; приподнять хоть угольщик завеси — на характеристику намекнуть; даже в малом намеке — рушатся кривотолки; опровержению нет места здесь. Взяв теорию Гете, мы видим: в чисто физической области неразложима теория; "определения понятий у физиков" не задевает она*.

И не в физической области коренится начало эксперимента у Гете; во главу угла положена здесь не краска, и даже — не "к а ч е с т в о" краски, а восприятие "к а ч е с т в а": то есть физиологическое действие краски¹⁶.

Краска, взятая в отношении к призме, — характеризует Ньютонovu краску; призма, взятая в отношении к глазу и к радуге¹⁷, — характеризует нам Гете: взяв феномен, по Гете, мы его разлагаем на части; и слагая

* GNS. III Band, XXX.

в опыте части, вновь восходим к феномену; от феномена и снова — к феномену: так опишем мы круг; в феномене — объяснение феномена; и феномен воссозданный объясняет феномен исходный: это — прото-феномен¹⁸.

Путь Гете этим уже предначертан: и согласно градации Гете: —

- 1) случайное
- 2) механическое
- 3) физическое
- 4) химическое
- 5) органическое¹⁹—

— мы должны наш

феномен, наш глаз, разложить в элементы; и вновь воссоздать: то есть действие колорита, проведя сквозь физико-химическое рассмотрение, вновь вернуть к глазу: к субъективному зрению; разложение до механики и при-мышление механически малых частиц, как объяснение зрения, есть пол-пути; объяснение гипотетично; гипотеза вспомогательна; мы должны полу-круг гипотетических объяснений замкнуть в полный круг: в феномене объяснение феномена.

Теоретически предначертан нам экспериментальный путь Гете.

Вспыхивающая краска в глазу есть для Гете собственно краска; невесо-мое восприятие это нематериально, конечно: "воспринимаемый мир есть не что иное, как... метаморфоза из восприя-тий"^{20*}; перенесение краски вовне, то есть эстетический колорит, немате-риально поэтому; здесь материя дана не основой нам, а — явлением только:

"Мировая картина — сумма метаморфозирующихся восприятий без в основе лежащей материи"^{21**}.

Физиологический эксперимент переносит Гете вовне: анализирует крас-ку физически, сообразно градации; и восходит к... химии красок, здесь старательно вычлениет он: минеральную химию красок от животно-рас-тительной, и присутствуем мы при сложении самих элементов; нераздель-ная целостность суммы лежит в организме; и стало быть: нераздельная целостность краски лежит в организме: она — в восприятии; разложение и сложение феномена "в о с п р и я т и я" замыкает свой круг; физиологичес-кое рассмотрение краски возникает вторично²².

Д-р Штейнер в характеристике точки зрения Гете разбирает тут взгля-ды физиолога Геринга; и отмечает: полное совпадение выводов Геринга о характере возбудимости сетчатой оболочки со взглядами Гете²³. Первона-чальный феномен теперь сводится к объяснению феномена: прохождение света на тьме и последней в свету (синее, желтое)²⁴.

Путь гипотетических объяснений покинут.

---

* GNS. III Band, XII.

** GNS. III Band, XIV.

§ 26. Субъективное зрение

Чистый опыт бессодержателен по д-ру Штейнеру; и действительность, в чистом опыте, бессодержательна тоже; и тоже — феномен²⁵; методическое объяснение феномена подставляет нам условные содержания; собственно содержание в действительность влагается нами, это и есть действительность собственно.

Первоначально взятый феномен — в данном случае краска — разлагается Гете в условности содержания; и снова слагается: в протофеномен.

Содержание его коренится в идее: его форма же — факт: прохождения сквозь тьму и на тьме²⁶.

Установление прото-феномена отрывает теорию Гете от механической физики; выявляется ее центр: он — в зафизической области; оттого-то свет его есть единство: не множество "светочей", и единство это духовно: таков — постулат²⁷.

Сообразно этому постулату и линия эксперимента ломается.

Свой вторичный возврат к физиологическому рассмотрению краски завершает Гете разбором субъективного зрения. Д-р Штейнер характеризует субъективную краску: у Пуркинье²⁸ и у Гете; и характеризует здесь опыт.

В глазу возникают фигуры; давление вызывает свечение; продолжительность и метаморфозу фигур отмечает здесь Гете: образуются четырехугольники, восьмиконечные звезды; и возникают: спирали, д-р Штейнер касается: субъективного синтеза в глазе и образных отпечатков (Nachbilder).

Знаменательно здесь признание Гете²⁹ "Особенно жизненен после-образ (Nachbild) при повышении душевной активности... Думаю я — ...путем упражнения ...после-образ мог бы держаться и дольше, и внутренней"³⁰.

Отметим же: на острие теории Гете подымается постулат: вменяется душевное упражнение. Но генетический постулат есть логический при ус³⁰.

Душевное упражнение предопределяет теорию красок.

А упражнение в зрении — метаморфозу растений: "Я имел дар: закрывать глаза и с опущенной головой воображать себе в середине органа зрения цветок; ни на мгновение не застывал он тогда — в первоначальном подобии, но красочно... из его глубины новые все выявлялись цветы; и — с зелеными листьями; это не были цветы из природы: это были цветы фантастичные, но симметричные, как розетки у зодчего. Закрепить ключом бьющее творчество было мне невозможно; ...оно длилось без устали по моему усмотрению"³¹.

* GNS. IV Band, Zw. Abt. 315.

** Ibid. 316. Das Sehen in subjektiver Hinsicht.

Отметим.

Не воображение, а зрение — бьющая метаморфоза цветов: не воображаемый, а — наблюдаемый факт; то есть природа фантазии³¹.

Гете же прибавляет: —

— "Высшее рассмотрение... образного искусства здесь должно вступить в свое право; и отчетливей нам открывается: и поэт... и художники должны таковыми родиться"³².

И наконец платформирует: —

— "Поэзия — зрелая природа"^{33**}.

— То есть —

в наше творчество входит природа; и не в том вовсе смысле, что мы подражаем ей в формировании; в том именно, что — не подражаем, а — начинаем свое; в том именно воображение — природа, что для круга нового мира располагает оно материал и на нем печатает образы сообразно законам; образы напечатления — не в комбинации элементов из внележащей природы; но в выпадении образов из их исконного корня; корень — метаморфоза: возникающих образов; в этой второй-то природе, собственно, коренится природа; в них — ее объяснение; в переходе к ним — покрывало природы спадает; это вторая природа — природа, нам данной, — идея; метаморфоза идей — объяснение становления в бытии.

В бурной текучести бытия и в диалектике логики (Гегель), в чувственном и в абстрактном мирах — два отражения идеально-конкретного³³; и они — равнозначны; что зарисовано Гегелем в диалектической логике, прозорливо увидено Гете — в своей дополнительной форме. В "чувственной экзактной фантазии" и в рассудочной фантастике логики, друг от друга разъятые, — рисунок и краска картины, нам данной; именно: метаморфозы идей. Идеи суть существа: они даны, описуемы; содержание мира — в их жизни.

В этом пункте осклабился автор главой своей "Гете и Гегель": по поводу параллели между Гете и Гегелем; и по поводу — метаморфоз: идей и растений³⁴. В этом самом же пункте отрезал себе он возможность дать толковое объяснение органики Гете; и главное, объяснить: прото-тип; тип, как образ идеи, относится к идеальному миру; перво-растение, тип в метаморфозе растений, может быть лишь следствием метаморфозы идей; но изъявши тип из идеального мира, автор его прилепил... к брэнному миру явлений в легкомысленнейшем смешении первораствений с... прото-феноменом³⁵; грань миров перепутана; типовое попало в мир чувственного; этим смещением автор... дарвинизировал Гете: дарвинизировав... отказался вывести следствия; отказавшись вывести следствия, — улепетнул в символизм; и объявил невозможность тут толкового объяснения...³⁶

* GNS. IV Band, Zw. Abt. 317.

** Из Гете-Архива.

Только в практике созерцания, в переработке запавшего в восприятие колорита, видим мы пресуществление феномена в... содержании идеи: видим "теорию"³⁷ собственно.

Положение феномена метаморфозами образных восприятий допускаемо, но — в одном только смысле: метаморфозы образных восприятий в нас рождаются эманацией³⁸ разогретой душевности, то есть первого уплотнения метаморфозы идей.

В физиологическом, вторичном воззрении на подлежащую краску самая краска снимается с материальных предметов и переносится в глаз³⁹; глаз исходит над тьмою радугой своих красок: и — плачет краскою; из-за глаза — пользья самосветящихся светочей, прилипающих пеной к утесам: материи.

Характеризуя теорию Пуркинье, пишет Гете Рейнгардту (29 марта 1821 г.): Пуркинье "в физиологическом явлении восходит — к духовному сквозь психическое, так что чувственное у него убегает в сверх-чувственное"⁴⁰. Это не юноша Гете, а — мудреющий Гете; то есть по автору: Гете — уже кантианец; но не правда ли: "кантианец" тут обнаружил свою неспособность входить — в кантианские лабиринты⁴¹; или же он обнаружил освобождение от них⁴².

§ 27. Гётев взгляд на природу

Эксперимент переносится — к морально-психической сфере; вернее — подводит к центральной точке теории: чувственно подлежащая красочность есть аналогия краски: то есть краска — сверхчувственна; в переложении опытов строится градация опытов; и в ней — центр теории.

Градация?

Вот она: —

- 1) случайное,
- 2) механическое,
- 3) физическое,
- 4) химическое,
- 5) органическое,
- 6) психическое,
- 7) этическое,
- 8) религиозное,
- 9) гениальное.

Прото-феномен проводится по этому восходящему ряду.

Так говорит д-р Штейнер: —

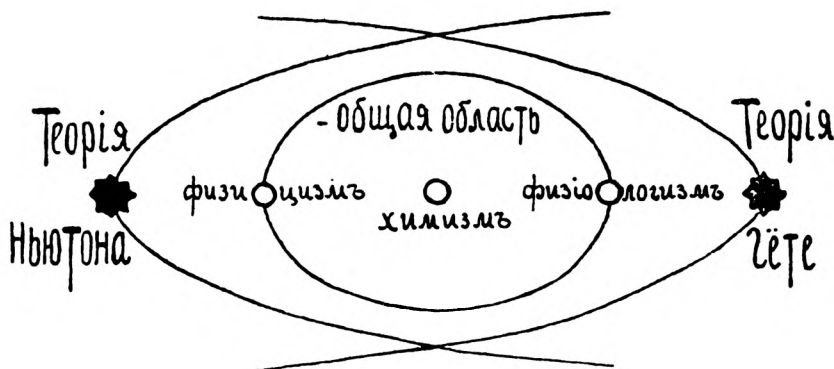
— "Теория красок у Гете вращается в области, не касающейся... области определений понятий у физиков".*

* GNS. III Band, XXX.

В области расширений теории пересекают друг друга.

Графически пересечение здесь.

Освещению краски в пересеченной той области посвящена характеристика д-ром Штейнером.

Целостно отношение к природе у Гете; и экспозиция физико-химической краски — в целостном освещении этом: краску нам следует пережить в той конкретной первичности, как она медленно восставала в сознании Гете; тезис Гете следует совершенно усвоить: взаимодействие в борьбе света и тьмы — восстание краски; некие Ормузд, Ариман⁴³, в кипениях бранных — действительно шибились тут; и как некая эфирная кровь, под ударами их мечей потекла — светотенная краска; свет и тьма — не соположены: слиты; и не анализы, даже не синтезы — символы: краски⁴⁴.

Юность Гете совпала с незабываемым периодом в химии: действовал Лавуазье; новый взгляд на горение постепенно прорезывался опытами Бертолле, Пристля, Кавендиша; катастрофически распадалась теория флогистона⁴⁵.

Это все отразилось на Гете.

Осмотрительность, многообразие опытов, изобретательность в постановке условий становятся Гетевым лозунгом; опыт он предпочитает гипотезе; и за последнюю признает — методический, вспомогательный смысл; с осторожностью относится он к целевым и смысловым оттенениям и опасно принимает теории, если видит в них гипотетический примысел; тут складывает: пункты программы для научного объяснения; чистота описания факта в ней положена прочно; и последовательность восприятий дана налицо, дабы в течении фактов вставало нам объяснение, дабы в этой зеркальной кристалльности, не мрачимои гипотетически-примышленным облаком, вставал лик идеи: идеи — в явлении.

При подходе к явлению правомочие признано им за возвращающим опытом; неразложимо — простейшие элементы получаем в итоге возврата; элементы берутся в их влиянии друг на друга изучаемых в шкале градации

экспериментальных условий; простейшие отношения устанавливаются; устанавливается течение их; и постепенная сложность нарастает отсюда — до точки восстания: явления в опыте.

Искусственная совокупность, совпавши с явлением, его объяснила: мы ее вызвали; без примыпления мы теперь можем "взирать" на явление⁴⁶; в самом воззрении — чтение.

В области пересечения своего с ньютоном Гете особенно осторожен; осторожен — вплоть до активности; он начинает протывиться; протывление переходит в полемику с гипотетическим примыслом, нарушающим, как думает он, основной его методический лозунг: чистоту течения фактов.

Д-р Штейнер переходит в сем пункте к характеристике Гетевой критики; я за ним следую.

§ 28. Возражение Гете Ньютону

После-ньютонново время явило нам уплотнение ньютоновских теорий; теньевая их эмблематика съела родину отражений; так самая краска, отбросивши тень (колебание) — расплющилась под материальными ударами в тень... — колебания.

Так была разведена краска механической зыбью: —

— "Искажение учения Ньютона началось постольку, поскольку символы, которыми он пользовался — фигуры, лучи, — осмысливались... в... грубо-материалистическом смысле"⁴⁷.

Но еще плачевнее превращение Ньютоновой графики автором в "скрибик".

Подчеркнуто д-ром Штейнером: "смысловой" оттенок внесли-таки в Ньютоновы теоремы; и сознание масс понесло динамизм в смысловом этом виде; против этого-то оттенка и ополчается с Гете он, отмечая, что в полемике с ньютоном Гете не одиноким был Гете, а находился в союзе с знаменитейшим Эйлером (1703—1783) и группой сторонников Эйлера, хотя и сторонников "колебаний", но не... "Ньютоновых"⁴⁷. Протывление Гете тут не было протывлением "дилетанта-поэта" трезвостям научных абстракций, не облакаемым в натурфилософские букли; восхищаясь Гершелем⁴⁸ и Френелем⁴⁹, с которым он все же не был согласен, — научную постановку вопросов умел ценить Гете.

По отношению к ньютономству он был серьезным противником; и вот — краткое резюме протывлений.

Огрубевали Ньютоновы символы в смысловых уплотнениях, разлагая связность между светом и краскою в чувственно-реальный процесс; улетучивалась идеальная значимость, так что Гетевы упреки понятны: засилие рациональной механики в мета-механической части оптических представ-

* GNS. IV Band, Z. A. 6.

лений⁶⁰ в смысловом уплотнении гипотез тяжелило свободу течения непредвзятого опыта; "механические основоположения" а priori, одев маски сущностей, затуманили области, где, согласно градации Гете, механика теряет свой голос; в упорядоченной совокупности чисто оптических фактов механически-примышленно-приставленный голос внятному объяснению препятствовал. Гетерогенное объяснение при помощи механических примыслов к физиологической оптике⁶¹ коренится в том, что свет, краски и тьма здесь даны в восприятии; приложение постороннего примысла еще преждевременно; нарушается этим естественно лежащая грань; примышление гипотетической связи к цепи чувственных элементов допустимо при чувственной данности решительно всех элементов; только с чувственно-наблюдаемым колебанием допускаема краска в однорядно-связной цепи; но чувственных колебаний и нет в колебаниях, нам слагающих краски; стало быть: колебания примышляемы; ньютоновство — внутри восприятия; но к нему приставляет оно — гипотетический мир.

Это значит по Гете: материю приподнять рычагом⁶².

§ 29. Гете и научная оптика

Уважаемый автор тут Гете считает наивным; прибегание к фигуре "наивности" не толковое объяснение, а — именно: прибегание; прибегание в этом случае — бегство; особенно, если Гете мы любим, а он — говорят нам: —

— "Не воображаю я о себе ничего относительно сделанного мною как поэтом... Но что в трудной науке теории красок в моем веке я один знаю толк, — вот за это себя я ценю: сознаю преимущество перед многими"⁶³.

— Гете просит нас: вникните, обратите внимание на детали моих обсуждений.

А автор?

Отволокнувши к культуре любимое детище Гете, он в детали не входит, молчит; и от времени до времени цедит: —

— "Гете мог... (будучи по природе своей... далек от логико-математических проекций)... там и здесь неверно взглянуть на данные"⁶⁴.

— "Штейнер обрушивается против... физики, выдвигая... промахи Гете"⁶⁵.

---

* GNS. IV Band, Z. A. 331.

** PoГ. 133.

*** PoГ. 67.

Пусть бы он объяснил, в чем именно промахи: in concreto, в деталях; и этим бы согрел любимое детище Гете — реальным к нему отношением. Гете ведь просит нас: —

— "Не воображаю о себе ничего... Но в трудной науке... Разве мы не обязаны, написавши "Гете и физика", ради Гете о физике Гете ну хоть что-либо вымолвить.

Но автор бормочет: "Вот уже нечто словно антифизическое"; и еще бормочет: "своеобразная "физика"***.

Неужели все?

Все.

Д-р Штейнер нам говорит: —

Гете не хочет оставаться в наивности; он глубоко, подробно осведомлен о течении оптических представлений; и — вставлено Гетево слово в тогдашнее ньютоновство; например: исходя из принципов оптики, заключал Ньютон о невозможности конструкции инструментов, производящих явление преломления⁵⁴ без появления красочных граней; инструменты же обнаружены были; и Гете не пропустил без внимания этот факт: подчеркнул его и отметил; отозвался тотчас и вывел — дальнейшие следствия⁵⁵; так по мере возможности он все преломлял в своей орбите; и самая орбита эта, преломляясь, гранилась; в свете ее объяснимы действительно факторы механической физики; объяснимо и многое, что признается лежащим вне ее объяснения; например: спектральный анализ, характеризуемый ярко в духе Гетевых утверждений о свете; в интереснейших комментариях о к р о н и ф л и н т - г л а с е⁵⁶, перед нами воочию проявилась любовь к Гетево "физической" мысли.

Гете просит нас о внимании; и д-р Штейнер — внимает; но внимание это невнимающий автор обращает только в... — "г а р а н" против физики, и выходит, что "ньютоновство" — безгрешно.

Между тем: —

Не безгрешна и самая техника ньютоновского объяснения деталей... при помощи колебаний; многие из деталей отвергнуты Клингенштерном — в 18 веке; некоторые из деталей отвергнуты современностью; как то: независима от преломления меры мера красочной плоскости — вопреки положению Ньютона; и — так далее, далее.

Переменчив технический смысл ньютоновства; переменчив и технический смысл многих Гетевых утверждений — в обратную сторону; он — значительней, тоньше и гибче, чем это принято думать: в него надо войти.

Автор не входит.

Уважая признание Гете о том, чем была для него его "физика", д-р Штейнер пытается в ее духе и думать: оттого-то он уходит в детали, что она вся — детали; в архитектонике всех ее мелкогранностей светит целое

* ПоГ. 126.

** ПоГ. 127.

огромнейшей мысли; абстрагируясь от "слишком физических" тонкостей, мы, конечно, о целом не выскажем ничего, как... наш автор.

Вслед за д-ром Штейнером элегантный автор стрекочет ядоточивую "скрибкой": —

— "Укор в отвлеченности, который мог делать Ньютону Гете, звучит из уст Штейнера только курьезно. Штейнеру, да еще вдобавок без особенной на то причины (ибо ведь он не вынашивал, подобно Гете, своей, никем не принимаемой и страстно любимой теории) сердиться и главное недоумевать... — как-то не к лицу"*.

Д-р Штейнер в ретуши подробностей оживляет Гетеву мысль, да так оживляет, что мысль эта освещает явления, не освещенные Гете; в ней светится и линия Фраунгофера и, как увидим мы, ангелы в ней ведут разговор; так что д-ру Штейнеру одушевление — к лицу.

Более не к лицу муррование по адресу теории Гете у автора; он ее короткою фразою проволоч до культуры; там, не объяснивши культурой, культурой... — проплющил.

Унижает ли д-р Штейнер Ньютона?

§ 30. Механицизм

В 1670 году были изложены взгляды на оптику — Исааком Ньютоном⁵⁷.

Боковая линия в физике вычертила горизонты открытий; в них подымался отчетливо "механический" Новый Свет⁵⁸; перевернулись компасы: и увлечение механикой стало модою передовых пловцов мысли; следует проследить эту моду, так сказать, в ее *status nascendi*⁵⁹. Она слагалась двояко: в мыслях и в опыте; мысли те опередили ход опытом, опыты полагая и опыты завершая; философская мысль была *prius'om*⁶⁰ механической мысли; и физический опыт завершался в *post-factum*⁶¹ механики; мысль, после-опытно примышляясь, до-опытно замышлялась в то время: философиями Декарта, Спинозы; естествознание проникали эти воззрения; и наука до-опытно, можно сказать, надыхалась: механическим воздухом; цвет лица ее изменился; из-мышления сказывались и в при-мышлениях к опыту; философия на механике напечаталась; неискоренимо вливались тем смысловые оттенки (обратные после-ньютоновым, правда); оптика в это время слагалась в науку. Философия вливалась в сознание механический взгляд на природу; природоведение в опытах и моделях отекало этот взгляд; но принципы взгляда, перепавшись в чеканке, перевернули смысл взгляда в обратную сторону; философия

* РоГ. 113—114.

механизмов, построив машины, пресуществилась машиной; и — стала: философией от машины⁶²; мысль, критически предестинируя механизм, в паровом котле изварила в детерминизм себя самое: рождением из котла и гибелью... в холодильнике. Так что следует здесь отметить: механический взгляд на природу до-ньютонова времени философскому расширению механики был в мотиве обратен. Энергичнейшим образом д-р Штейнер подчеркивает этот факт: — методический механизм философия отделяет он от... — догматизма механики.

Вот что им сказано: —

— Механический взгляд на природу возникал, собственно, для отделения духа, для спасения духа от его уничтожения природою; по существу, нет границы между природой и духом; но распорядок природы и духа в категориальных отдельностях вырастает из способа рассмотрения самих фактов; необходимость этого семнадцатый век осознал, полагая природу отдельно и мысли ее бездуховно⁶³; строй религиозных натур (как то, Бойль) положению этому вторил; механицизм слагался и рос.

Два течения поднимаются в физике и Ньютоному предшествуют⁶⁴; во-первых: влияние итальянцев — Торричелли и Галилей; из академии, образованной во Флоренции, распространяют взгляды последнего — друзья Галилея; и — во-вторых: Кеплер, Кирхер, Декарт, — то есть французы и немцы — поднимают свой голос. Звезду Англии зажигает Ньютон.

Англия до него — в ореоле французов; картезианство⁶⁵ распространяется здесь, и радикально меняется здесь; счищены с него все критически утончения мысли, как и все утончения мысли ранее царившего Аристотеля — в грубоватейшем формализме, убивающем все.

Тонкая разработка воззрений механицизма во Франции перерождается в аляповатость: Декарт ограничен. Многое толкуется в Англии ограниченно, в перевернутом виде; хотя бы: "nullius in verba" истолковано так, что с "verbis" идеализм упраздняется: почва для материалистических абстракций подготовлена этим; ньютоновские символы неизбежно поэтому в смысловых абстракциях раздуваются материально; и в теории света к смысловым огрублениям сам Ньютон подал повод; все-таки д-р Штейнер делает здесь отметку: 1) строй Ньютоновых представлений графичен⁶⁶; 2) сам Ньютон "противился против грубо-материалистического истолкования графизма". Так комплекс механических представлений, разлагаясь в формализм, в пустоту испаряет идеи и сжимается комом материалистических догматов; этот "к о м" впоследствии приподносится: в собственном виде и в привкусе; привкус "к о м а", собственно, опаснее "к о м а"; испарения привкуса, повисая над нами невидимо, в каждую минуту способны в своем алогичном сложении отвердеть и... упасть на затылок: подобием Молешотта⁶⁷ Гете считается привкусом: привкусом этим полемика его разогрета.

§ 31. Отношение к нему д-ра Штейнера

Характеристика установила, что —

— природа и дух — категории;
— "о духотворением
природы боялись натурализовать дух"^{**},
— до Канта был взгляд на
проблематичность механики;
— "с формулами, как
с... сутью, мы не должны оперировать"^{***}.
— Ньютоновы формулы то-
лько символы.

— Наличие проблематиз-
ма механики в характеристике д-ра Штейнера установлена прочно; и уста-
новлено: проблематизм коренится в априоризме понятий: —

— "Рядом с
механикой эмпирической... существует механика раци-
ональная, которая, исходя... из природы механических
основоположений а priori, выводит необходимость за-
конов"^{****}. —

— Так говорят д-р Штейнер; и переходит: к вскрытию меха-
нических категорий у Канта; наличие ограничительной линии — тео-
ретико-познавательный механицизм — опять-таки налицо.

Автор же, вопреки градации механицизма Декарта, Ньютона и Канта,
блистает наветом: —

— "Итак, Штейнер не подозревает о воз-
можности критического механицизма"⁶⁴; поэтому поет
хвалу Гете"^{*****}.

Великолепнейшее "и так"; оно — приговорное.

Великолепнейшее "и так", где ваше "так"?

Страницею ранее: —

— "Штейнер знает... только механицизм
грубый"^{*****}.

То есть, вы — утверждение?

Обвинение попросту голословица, — не устанавливает ничего, но от-
сылает к странице: 196-й из GW.

196-я страница кончает главу, в которой излагаются воззрения Гете:
на странице же напечатана всего одна фраза, названная рассуждением
"по поводу механического представления"; вот — фра-
за: —

* GNS. IV Band, E. A. 226.

** GNS. III Band, 430.

*** GNS. I Band, LXXIII.

**** PoГ. 133.

***** PoГ. 132.

— "Гете постольку обращается к механическим представлениям, поскольку это ему заповедано... наблюдением"*.

Как — все?

"Где же "рассуждение", из которого явствует акритический механицизм? Механике д-р Штейнер посвящает статью⁶⁹; из его разбора Оствальда, Кирхгофа, Гельмгольца ничего такого не явствует; из комментариев к текстам явствует приведенная характеристика: механицизма критического и механицизма наивного; и в статье, и в комментариях к тексту действительно рассуждения напечатаны; на 196-й странице "G W." рассуждений нет: есть — короткая фраза. Между тем обвинение строится на утверждении, отсылаемом к фразе, названной "рассуждением" и излагающей Гете (при чем д-р Штейнер?), — оно козырь главы: "Витализм, эволюционизм, механицизм и метод Гете"; к обвинению стекается первый "S"⁷⁰ и от него бросается на все дальнейшие пункты инкриминационный рефлектор. Обвинение же заострилось в "итак": "итак" — выдернутое дреколье; большинство обвинений — "итак" (из Итаки, должно быть, возобновляющей в памяти мною⁷¹); утомляет обилие их; просто не знаешь, что делать: отовсюду лезет "итак": шелестение, скрипение неприятнейшим сквознячком набегает читателю в ухо, слагаясь в наветики, архитектурически недурные, при условии, что читатель в понимании "проблем" туговат, в д-ра Штейнера не углублялся, конечно, и поэтому заразит гомерическим хохотом и прочими атрибутами мифологии; перед ним балуется автор; и на приливах лукавого баловства правит челн к мифологеме: к Итаке.

§ 32. Световая метафизика Гете

Характеристика световой теории Гете ее выносит за грани природоведения наших дней; характеристика эта гласит: центр теории Гете идеалистично-конкретен; хаоточная абстракция непонятой философомы Платона и раскаленно-сухая рассудочность Аристотелева единства у подлинных Аристотеля и Платона пересекаемы в конкретности Гетевых идеалистических построений⁷²; в корне единые, Аристотель, Гете, Платон, к разнообразному обращают воззрения; разнообразны их интересы; и оформление интересов разнообразно у них; корень их в конкретности идеализмов срастается; у одного положена идея в явление, у другого идея в явлении зрима⁷³; один другому предшествует в его воззрении на краску⁷⁴; другой склоняется перед третьим; все три — в одной линии; многообразным разрывам идей — в явлении и понятии, в материи и основе, в мысли и опыте, в рационализме и материализме — противопоставлены трое: Гете, Платон, Аристотель.

* G W. 196.

В световой теории Гете идея (свет) во всеобщем (свечении) сквозит нам в явлении (красочности). В проникновении мы, по д-ру Штейнеру, ищем явление, в котором "мы бесконечное постигаем воистину"^{*}.

Какое же проникновение раскрывает идею в явлении?

Д-р Штейнер нам отвечает: —

— "Проникновение символическое"^{**75}.

Символ по д-ру Штейнеру?

Он не —

— "ищет для явления чувственного выражения в понятии рассудка"^{***}.

Выражение в понятии рассудка есть аллегория.

— "Аллегорическое от символического строго отделяется Гете"^{****}. Всеобщее (*universalia*), соединяющее идею с явлением не в понятии рассудка, но в разуме, то есть в круте понятий, эмблематизирует символ, то есть дает нам теорию⁷⁶.

Так какое же знание есть знание о всеобщем в явлении?

Д-р Штейнер нам отвечает: —

— Знание о всеобщем в явлении для Гете есть метафизика"^{*****}. Световая теория Гете, определяемая в терминах характеристики, данной нам д-ром Штейнером: —

— 1) в ядре — оккультна;

2) в градации, то есть круте понятий, — эзотерична;

3) в *universalia* градации — метафизична;

4) внутри каждого из градационных рядов — методична, рассудочна.

То есть она: плюралистична (градационна), дуалистична (эзо- и экзотерична); теоретически метафизична (моистична) и символична, конкретна (антропо-софична).

Плюро-дуо-монизм отмечает ее.

Она методична: —

— девять методов ее одевают и из нее высекают: девять типов несоизмеримых друг с другом понятий, выявляемых из этого облечения (Хроматический праксис).

---

* GNS. III Band, 321.

** GNS. III Band, *ibid.*

*** GNS. III Band, *ibid.*

**** GNS. III Band, *ibid.*

***** GNS. IV Band, Z. A. 369.

Она метафизична: —

— девять типов понятий собираются монистическим девятикружьем системы (Архитектоника).

Она эзотерична: —

— девятикружие, вращаясь друг в друге, каждое из своих понятий проводит по всем понятиям всех в движении данных кругов; и новые высекаются смыслы; в каждом понятии происходит непрерывное нарастание смысла: метаморфоза понятий (Хроматософия).

Она оккультна: —

— нарастание, превращение и взаимное преломление смыслов соединяется в центре: центр этот — "духовное око" (Антропософия).

Так она выглядит в градации д-ра Штейнера, характеризуемой ниже. К ней мы вернемся.

Уважаемый автор признает метафизичность теории света у Гете⁷⁷, сочетание ж "плюр-о-ду-о-монизм" признает он условием символизма⁷⁸, то есть он с д-ром Штейнером совпадает словесно: далее он теорию света не определяет никак, а д-р Штейнер уходит — в детали теории и дает: точную формулу разделения теории Ньютона и Гете.

§ 33. Формула разделения Ньютона и Гете

Вот эта формула:

Гетевое освещение правдиво, идеалистично, конкретно; Ньютоново дано в эмблематической формуле механической графики.

Физико-механические категории нам рисуют систему природы, где она — механизм; Гетевое воззрение тут дает: девять кругов освещения, то есть систему наук, в одном круге которой природа взята механизмом; в этом круге Ньютоново освещение краски допущено.

Нераздельная целостность систематического освещения раздроблена в освещении ньютоновском; дробить — понятие рассудка; понятие здесь берется вне круга: экзотерично понятие. В освещении же Гете многообразие понятий, в многокружии их создающих методов, преломимо градацией, строящей многокружие; и — философично оно: "здесь вступает философ", говорит д-р Штейнер, "...он охватывает прото-феномены и оплетает их... идеальной связью"; метаморфоза понятий уясняет единство градации; понятие вступает здесь в живой круг и, уясняясь в круге, становится эзотерическим.

Освещение ньютоновское, будучи экзотеричным, условно; Гетевое, оставаясь конкретным, в разуме просвещает методику рассудочной графики; то есть: дает оно правдивейший образ.

Оттого-то Ньютонова краска абстрактна и гетерогенна природе; Гетева краска жива и дана в колорите; краска у Ньютона — количество; Гетева краска есть качество, данное в восприятии, освещаемом эстетически и углубляемом философски.

Объяснимая в одном, единственном круге, оттого-то Ньютонова краска не ведает методических различий; Гетева дана в градации различий.

Ньютоновская точка зрения *in concreto* стирает различие между краской и светом; свет, будучи смешением красочных светочей, существует в них именно; Гетев свет есть единство. Тьма у Ньютона — ничто; у Гете же она — "не что" (и именно: она есть материя)¹⁹.

Красочность у Ньютона выявляема механически; Гетева краска есть синтез.

Размышления эти сопровождается пространнейший комментарий, преломляющий *in concreto* формулу разделения: Ньютона и Гете. Разделение это проводится на фоне истории оптики, на фоне теории красок у предшественников Ньютона и Гете; затрагиваются взгляды здесь: Кларка, Мушенбрука, Мариотта, Мальбранша, Кастеля, Лихтепберга, Ламберта, Ньюэ, Шерфера, Франклина, Бюффона, Вестфельда, Гершеля, Марата, Роберта Дарвина, Менгса, Гюйгенса, Блэра, Дрейера, Беккереля, Араго, Эйлера, Пуркинье и т. д. Говорится пространно и о различных цветах (белом, сером и черном; красном, желтом, зеленом, синем, голубом, фиолетовом); радуга красок *in concreto* проходит пред нами — в освещении разделительной формулы.

§ 34. "Сватовибрие" Эмилия Метнера

Д-р Штейнер дает нам Ньютона и Гете в отчетливой разделительной формуле; высоко блистателен уважаемый автор в дерзновении — долбить по граниту: утверждать будто бы д-р Штейнер, смешавши задачи Ньютона и Гете, "попадает в просак"²⁰; но рогаемое раздражение автора долбно продолжает; это уже не долбня, а... евдолбня какакая-то: е в дол б н я о гранитную стену: —

— "Штейнер бьется, как рыба об лед", —

— кто лед и кто рыба? —

— "пытаюсь пробиться к разделительной формуле о Гете и о научной физике"²¹. —

— Раздражение — Минотавр — бьет своим рогом; и — рог отлетает²²: раздражение — Минотавр — бьет: торчком рога: —

* ПоГ. 120.

** ПоГ. 122.

— "Непоправимой ошибкой является, как это делает Штейнер, употребление слова свет в одном смысле и для теории цветов Гете, и для физики"*.

Смысл, видели мы, различен; итак: дело в ... слове?

Долбня продолжается: —

— "Когда Гете говорил свет... он имел в виду свойство глаза., когда физика говорит свет, она имеет в виду произвольно-фантастически препарированное ею понятие"***.

Чего же добивается автор; дело в том, что "свет" (Licht) — только слово, словесное совпадение зависит от... слова; явное дело: автор зовет к футуризму; будем же и мы футуристами: и, касаясь Гетева света, будем мы говорить: светоглазие; а касаясь Ньютона, мы скажем: световибрие, турбосвет.

— Читая подобные фразы, мы видим: гранитную стену; у стены — минотаврин обломанный рог; наконец — покрытого пеною Минотавра в облаке пота и с понуренной мордою скотнодворных животных из... парнокопытных и... жвачных; бедное раздражение: оно не ужасно — безрого и грустно.

§ 35. Противник и спорщик

Прения продолжают: —

— "Укор в отвличенности ...мог делать Ньютону Гете".

Прения — трение: —

— "Гете мог ведь... недооценить механицизм"****.

— "Спорщиком Гете Ньютону не был, а противником — был"*****, —

— отвечает автору д-р Штейнер;

автор "трение" продолжает; "трет" то же место: —

— д-р Штейнер, имея в виду ту или другую гипотезу, идею... думает об одном: объяснить"*****, —

— но кожа — стирается:

д-р Штейнер отвечает на это: —

* ПоГ. 120.

** ПоГ. 125.

*** ПоГ. 113, 133.

**** GNS. IV Band, Z. A. 235.

***** ПоГ. 133.

— "Мир объясняют не осмысливанием явлений... но повторением в опыте"*.

— Автор —

отважен: он продолжает свое: —

— "Физика вовсе не имеет свою задачу, как думает Штейнер, "объяснить" внешний мир"***.

Д-ру Штейнеру остается ответить: —

— "Противники... это те, которые противоречия в ходе мыслей других... фактически доказывают; ... спорщики — это те, кто ход мыслей... темнят"****.

Не унимается спорщик: —

— "Вообще надо заметить, что мало устойчивое мышление Штейнера оказывает ему в полемическом отношении некоторую... услугу. На вполне справедливые нападки он внешне (в особенности в глазах полуобразованной части своей паствы) всегда может сослаться на другую книгу, где он-де сказал буквально то, что ему теперь говорит его противник"*****.

— Так сказать, все равно, что сказать об осколках вдребезги своей о молот разбившейся мысли, что они — дребезги этой мысли — сковались: в булат.

Там, где спорщик темноту своих нападательных ходов превращает в бездоказательную темноту инкриминации просто, там... отступает противник и восстанавливает фактически правду; и на упорство навязывания мысли д-ра Штейнера желание все объяснять смысловой абстракцией только мне остается одно: провести пред читателем учение д-ра Штейнера об объяснении: и связать его с Гетевой теорией света.

§ 36. Учение д-ра Штейнера об объяснении^{*1}

Объяснение зависит от требований, к нему предъявляемых; вопросы предопределяют его: чем должно оно быть? Чем хотим мы, чтоб объяснение — было?

В постулативном велении — бытие его; то есть: нами творимо; в творчестве объяснений — действительность; вне его она — глухой материал; данности объяснений для объяснений, нам данных вне познавательной критики, — тюремные стены; то есть: границы познания; так вопрос

* GNS. IV Band, EA. 299.

** PoГ. 115.

*** GNS. IV Band, Z. A. 235.

**** PoГ. 271.

о границах поднимается лишь при наличии не разобранных критикой объяснительных форм; строй этой критки разбивает данные формы и вместе данные материальности — эти двойного рода границы: познаний и опытов; и в велении объяснения объяснить чистый опыт, то есть действительность данную, — творится действительность собственно, которая идеальна. Вопрос о границах познания есть следствие полукритического отношения к принципам объяснения, где одна сторона, опыт, разобрана, другая же, идея, принята познавательным догматом²².

Такова гносеология этой теории объяснений.

Обратимся к наличности объяснительных форм. Тут нас встретит двуликость; объяснение — Янус; дву-форменно предстает оно нам: в категории, расщепляющей данность; и — в принципе, данном в градации; первое объяснение — рассудочно; второе — разумно; первое — дискурсивно; интуитивно — второе. Первое в понятии систематическом единит расщепленный материал; второе же раскрывает понятие в многорядности: метаморфозы; первое — нераскрытый бутон, раскрываемый в розу; второе есть роза. В гипотетическом при-мыслении не нуждается первое: вспомогательны спекуляции при-мыслов; самообъясняемость факта они осмысливают абстрактно; в круге этом "смысл" вреден; и объяснение первое — от при-мыслов отрезает, и выделяет: ряд фактов; оберегает от при-мыслов, превращается в метод; и — тает в нем. Объяснение первое — не объяснение вовсе, а переход к автономии факта.

"Показать усложнение простейших феноменов, из которых он сложен", — значит здесь объяснить и феномен.

Всякому иному генезису противопоставлен генезис, восстающий из опыта; воспроизведение — объяснение; грань рассудка перейдена; единство рассудка — утоплено: в кипении ряда, в его создаваемой жизни; здесь кипящий ряд — опыт.

Генетическое объяснение не есть объяснение: в опыте — объяснение генезиса; теория эволюции отклоняема; и в истории — объяснения нет; установление причины во времени есть объяснение факта им отброшенной тенью: рассудочность — в нас; дробление целого на равнозначные части тоже не есть объяснение; а именно: "дробление объяснения"; в результате дробления видимость, тая, ныряет — в невидимый миф; гипотеза, опять-таки, вспомогательна: не объяснение — и она; не объяснение — цель.

Отклонены объяснения.

Объяснение — построение: самоочевидного факта; и оно границ не имеет; то, что может быть границами построения, — внутри построения; объяснение здесь — границы самого факта; оно объясняет строением; у него же — объяснения нет; вопрос о границе тут — **п о л з е н в**.

Из простого феномена мы исходим; мы его получили из сложного — расчленением, а не дроблением вовсе; не элементы пред нами, а органы цельности, нам рисующие наш опыт как архитектурный путь; организм факта рисуется перед нами, когда упираемся мы, так сказать, в его голову; в *post-factum* членения, не членимое уже более; это — прото-феномен;

в воссоздании нового опыта прото-феномен есть *gravis*; он выявленная и простейшая целостность; не элементы, как прежде, а целостность объяснит нам комплексность; усложнение целого — вторая часть опытных странствий; в первой части господствуют: восприятие, наблюдение, описание и членение; во второй — комплексация; в первой части господствует механический метод; и во второй органический; в первой — мы убиваем; во второй оживляем; объяснение нам создало феномен.

Объяснение при помощи понятий рассудка — абстракция; объяснение в разуме, при попытке его формулировать, все еще носит характер абстрактный; мы его рассудочно составляем; оно — формула. Единство научного ряда есть пункт отправления; между тем оно есть итог до-абстрактного хода; эксперимент начинается до-рассудочно, вспомогательно слагает свои случайные факты; и после единство привносится, оформляя весь ряд и ведя к новому эксперименту; последний начинает с готового ряда; анализирует ряд; и вычленяет прото-феномен.

Прежде нежели в психологии появился присущий ей опыт, поле ее было тяжбою философий и физиологий; психофизиология — пример экспериментального рабства у единства рассудочного.

Не разрывающий, расчленяющий опыт в прото-феномене ведет к факту собственно: к — автономному факту; установлению его предшествует колоссальнейший путь; объяснение при помощи элементарной целостности предполагает путь элементов осмысленным. Рассудок — отправная точка, ведущая к опыту; опыт — выявляет феномен и пресуществляет феномен.

Объяснение в разуме — начинается тут. Оно предполагается в "после" — коренится же в "до", определяя нам наше странствие.

"Почему между данными отношениями таким образом развивается в их основе лежащий принцип?" — вот по д-ру Штейнеру первый вопрос встающего над опытом разума; и здесь мы заметим: в отношении к миру рассудка вопрос этот разрешается в теоретико-познавательных формах, устанавливающих нам градацию методов; в отношении же к "идее", как жизни градации, вопрос разрешается метаморфозой "понятийных" смыслов, то есть: их кругами вращений (по Гете их девять, а по д-ру Штейнеру их двенадцать); в гносеологию и эзотерику смыслов разрешается разум; и тут мы имеем: объяснение принципиальное и объяснение образное; гносеологию и символику.

В этой символической не видим мы отвлеченного принципа; он — в градации; градация методов, определенная невидимым принципом, — отвлечение от метаморфозы идей; проекции метаморфозы в рассудочной плоскости; многообразие рассудочных истин в архитектурном ритме⁸³ взаимного контрапункта⁸⁴ их смыслов умирает в своем статическом смысле, то есть в смысле многообразия "понятий", и восстает в многообразии жизни; смысл есть жизнь: жизнь идеи; смысла в теории нет; смысл — в установлении ритма. Ритм? Он — действителен, жестикულიонен, конкретен, мимичен: эмблематика смысла есть мимика духовных существ; объяснение — мимика: мимика ангела в человеке.

Понятие — водометные капли; они — в непрерывном кипении и преломлении смыслов; сумма же всех преломлений от них отделяется — в неподвижно встающую радугу иного, сошедшего мира: в идею явлений; объяснение — радуга; в терминологической капле — неуловимо оно; но оно — совершенно конкретно; и — заложено в личности; объяснение подлинное есть намек; часто форма его — афоризм.

Соответствует ли тонкость учения об объяснении у д-ра Штейнера ламентациям "спорщик а", начертанным... малярною кистью?

§ 37. Тем не менее... — "спорщик"!

Противник считается с объяснением. Спорщик же?

Спорщик стоит на своем: —

— "Эта несчастная мысль об объяснении и является на пути размышления Штейнера тою ледяною корою, о которую он нет-нет да стукнется, думая выплыть наружу, к ясному солнцу; а стукнувшись, рикошетом несется на темное дно и там удивляется, что попал сквозь свет во мрак"*.

Вот что делает спорщик: это даже не спор, а бранные аморфности мысли: —

— "К чему... эта маска научности?.. Ведь она большей частью импонирует лишь невежественным теософским рантье, которые... (...в первом классе экспресса) следуют за... Штейнером из города в город... с такою сектантскою доверчивостью.., что им начинает казаться, будто все науки сочинены их учителем"***. —

— "Штейнер окутывает все "приготовленное для чистой способности мышления" облаком своего оккультизма, который... представляется сплошным серым пятном"****. Но на всем протяжении книги я даю полновесный ответ по вопросам, затронутым автором: где, спрошу, "облако"?

В "маске" экзактности: —

— "Лейтмотивы мировоззрения Штейнера потребовали.., чтобы он стал... "экзактным" оккультистом⁸⁵, притом охваченным кантофобией... и геккеллианским монизмом"⁸⁶.

* РоГ. 122.

** РоГ. 358—359.

*** РоГ. 269—270.

**** РоГ. 374.

Вот что делает спорщик: изломавши случайно прочитанный текст в произволах капризной фантазии, составляет он лживую пародию мысли; и, увидевши книгу, — бросается ее растерзать: поступает, как... бык; раздражение автора не разбирало "GW"; раздражение бросилось на "GW", как бык, чтоб... поднять на рога; собственно критики не было: была брань; брань пролилась на бумагу, целомудренно прикрываясь мотивами, мировоззрением и десятком цитат; так стала брань: бронированной бранью; но броня из цитат не держалась на этом теле из злости; слишком хилое тело: броня его придавила; в любом из вопросов мгновенно сдираются брони; и обнажаются: злости; но злости прикидчивы: наготу они тогда облачают мгновенно в нюансы изящного вкуса, сбросив в сторону свой логический щит и откровенно красуясь — наготой афоризма; на крутых винтах ветерка надуваются фертотом: "Не пытайтесь нас уличать: мы не логика, а... душевное восприятие, изысканность, тонкость". Критику, не разглядевшему это и стоящему в плоскости логики, ухищренно вырыта... яма в виде презрительных пожиманий плечами: можно ли уличать ветерком подбитую наготу элегантно и круто-винтящего ферта? Это не мысль: это — танец нюансов!

И логический критик — попадает в яму, если он не заявит, что тут афоризм — не целомудренно нагая невинность, а натянутая фривольность, тут же рядом давящая и тяжело-бронной цитатой, и носорожьей броней будто бы логических доказательств; раздражение — тут; раздражение — там: тут бьет северский фарфор толстокожей стопой носорога; над гранитной стеной перелетает там фертиком; и, не будучи в состоянии возразить на четыреста с лишним страниц методических и логических рассуждений, конкретно рисующих Гете, фертиком переносится через них и теперь уже просто подглядывает у кассы вокзалов поведение почитателей д-ра Штейнера, не подозревающих, что за ними следят по пятям.

Искаженные результаты этих добровольных надзоров в виде статистики фигурируют в доводах.

Участь упорного спорщика — такова.

§ 38. Краска есть качество

Литературное резюме световой теории Гете нас встречает в GW.

Обратимся к нему и восстановим здесь линию мысли.

В высшей законности пересекается с природой искусство⁸⁷.

Восприятие колорита разлагается в восприятии красочностей; колоритом пронизаемы краски; точку зрения Ньютона Гете сперва разделял, так что в "белом" смешении видел он соединение красок: в конгломерате

усматривал синтез он; экспериментируя, он приходит к иному воззрению: свет со тьмой сливается в призме (и разлагается по Ньютому): результат слияния — краска.

Гете тут — разошелся с Ньютоном.

Краска не однородна; она — двоеродна: в свете и тьме идеально зачата она; выявляясь же, светит нематериальной сущностью; воззрение — горизонт ее; в при-мышлениях она не нуждается; гипотеза колебаний — при-мышлена; краска ей сужена.

В свете теории объяснения это место читаемо: научное объяснение — не вспоможение; гипотеза — вспомогательна и вводит смысловые оттенки; в опыте, а не в ней, объяснение корневое.

Гете не может считать идеальным объяснение Ньютона; и в рисунке его поднимаются два объяснения: в связи и в факте — в идее и опыте; в опыте: прохождение света во тьме и — сквозь тьму; то есть: желтое, синее; это — прото-феномен⁸⁸, то есть цельность в стяжении феноменов; и в нем краска — качество; механический перенос — количество — здесь излишен.

Прото-феномен, далее, вызывает всю цепь; то есть: качество проводит-ся чрез восприятие душевности, нравственность: это место в GW. проявляется так лишь.

В своем взятии краски, как качества, прав методически Гете, и сожаление Гельмгольца о незнакомстве с Гюйгенсом Гете — не меняет тут сути⁸⁹; ссылка автора на Гельмгольца и Гюйгенса — лишь прогулка по физике: Гете и д-р Штейнер не затронуты этим.

Вопрос Гете: каково отношение качеств вне пространства и времени, то есть вне колебаний?⁹⁰ Ответ: действительность восприятия; но содержание восприятия — в нас.

Оригинальную теорию восприятий дает д-р Штейнер: мы от нее отвлечемся.

И без теории этой излагаемый пункт проясняет: содержание восприятий оформляемо нами различно; результат оформления — содержание методическое; их — много; непосредственность данного — противопоставлена им; и оно — или: объект гносеологии, или — переживается творчески; вынесение непосредственно-данного из предела всех его методических форм предшествует постановке всех теоретических выводов.

Д-р Штейнер тут кристаллически ясен: быть яснее — нельзя. И над этой-то ясностью — автор опять разрывается в нем чреватом взревающим стоном; из разрывов вперяется в нас — мгла, дыра: из дыры вперяются фосфорически горящие глазки; скок копыт — и минотавр набегает: —

— "Под взорами ее (физики) исчезает все качественное", как жалуется Штейнер; "но это потому, что ей нечего делать с качеством"⁹¹. —

* РoГ. 115.

— "Физика вовсе не имеет свою задачу"..."* —

— раздается стесендо по поводу ясного места; и — переходит в стенание: —

— "Совершенно запутавшись в своей полемике с физикой, Штейнер..." и т. д.**. —

— влетается инцидент с "объяснением" и ткется клубок голословиц, посыпанный перцем острот и мукой отступлений. Продолжение изложения невозможно: снова надо втолковывать.

§ 39. Физико-химическая система¹

Вот платформа: блистательно автором с нее оттанцован — его томагавочный танец: —

— "Те... явления, которыми она (физика)... беззастенчиво и в обиду штейнерианству орудует... могут... быть взяты... под иным углом зрения;... это и делает Гете"^{***}.

И забывает сейчас же: механика есть одна группа серии — химио-физико-механической; и механика — слово, покрывающее многообразие механик; перенесение дифференциального исчисления в физику порождает один тип механик; перенесение аритмологии (допустимое Н. В. Бугаевым⁹³) и теории вероятностей (допустимое Н. А. Умовым⁹⁴) в принципе порождает не механический и тем не менее физико-математический ряд; и даже в пределах механики — существуют механики: кинематики и динамики; первая из движения нам выводит понятие силы (кинематический ряд); и вторая обратно: движение нам выводит из силы; в "гипотетически е" механики эти перелагался и весь фактический материал многократно и часто — то в ту, а то в эту; вся история физики — в схватках этих механик.

Многообразие допустимых углов уважаемым автором сжато: механицизм его — пуст.

Представление о физике автора — элементарно и школьно; школьное представление это углублено не на ф и з и к а х, а на Ланге⁹⁵. Благополучна его схема о физике; многообразие ломает он: и выводы пером: "физика" — не разумеет конкретно многообразия ряда физико-механического; в сущности целых три дисциплины не существуют в раздельности, а многократно разорваны в частных и промежуточных центрах.

* РоГ. 115.

** РоГ. 117.

*** РоГ. 120.

Вот случайная схема:

	1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд	5 ряд	6 ряд	
1	Дифференц исчисление	Математ. механика	Механ акустика	Механ оптика	Электро- механика	Небесная механика	Механика
2	Аналит геометрия	Кинематика	Акустика	Оптика	Электро- магнетизм	Наука о массах	Кинематика
3	Общая динамика	Термо- динамика	Динам акустика	Термо- динамика	Электро- динамика	Динам. геология	Динамика
4	Общая статика	Термо- статика	Кристалло- графия	Термо- статика	Электро- статика	Стат химия	Статика
5	Электроника	Термо- химия	Сtereo- химия	Термо- химия	Электро- химия	Коллиз. анализ	Физио- химия
6	Неорганич. химия	Качеств. анализ	Минералогия	Орган. химия	Физиолог. химия	Физиология	Химия
	Эмблема	Термо- явления	Сtereo- явления	Термо- явления	Электро- явления	Явление матери	

Вот какая здесь сложность: физики, химии и механики собственно нет; есть ряды:

- 1) механический,
- 2) кинематический,
- 3) динамический,
- 4) статический,
- 5) физико-химический,
- 6) химический.

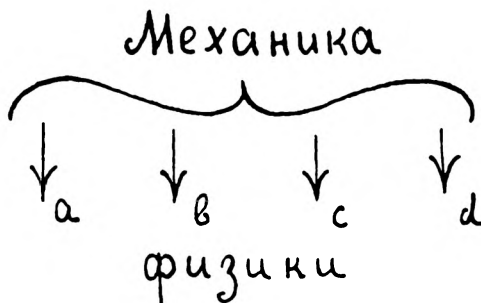
Взяв ряды перпендикулярно, мы приблизительно получаем градацию:

- 1) феномены эмблематичные,
- 2) термо-феномены,
- 3) стерео-феномены,
- 4) гелио-феномены,
- 5) электро-феномены,
- 6) феномены материальные.

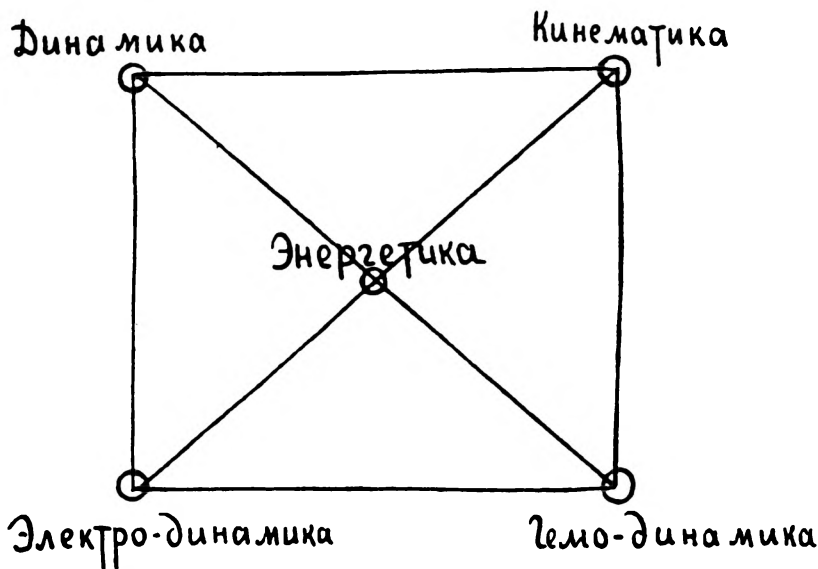
В первом ряду (горизонтальном) проходит количество; и в первом (перпендикулярном) — э м б л е м а (дифференциал, линия, "K + P", число, атом, вес); во втором (горизонтальном) д в и ж е н и е; в перпендикулярном — т е п л о (как бесконечно малое количество, как движение, как работа, как элемент измерения, как комплекс измерения и как качество); в третьем, горизонтальном, ряду — доминирует с и л а; в перпендикулярном — пространственное расположение сил: силовая линия, силовая линия звука; силовая линия вещества; силовое стяжение в кристалле; сила, как индивидуальная способность сцепляться; то есть с р о д с т в о; сила роста и обмена веществ в организме; в ряде четвертом (горизонтальном) доминирует — и з м е р е н и е; в перпендикулярном же — с в е т о в о е я в л е н и е; в пятом горизонтальном — элементарный материальный комплекс; в перпендикулярном — явления электричества; и в шестом горизонтальном лишь получаем мы качество; в перпендикулярном — м а т е р и а л ь н у ю м а с с у.

Деление на механику, химию, физику все еще просто, а сведение на механику — пусто.

Вот по автору физика:

Вот схема действительности для одной лишь механики. Не чистой, а физической только:

В настоящее время преждевременно делить науки по методам в физико-химической области; и лучше делить по объектам; делением по объектам вокруг любого объекта образуем — стяжение методов; и в реальной науке (не в кабинетных проекциях) отмечаем мы — сложное многообразие дисциплин; демаркационная линия не проводима тут с легкостью при помощи карандашика Ланге и циркуля Канта; здесь господствует ныне: целая система наук; не три школьные дисциплины, как желательно автору.

Вот примеры (случайные) установок — в одной лишь механике:

Механическая установка.

Математика.

Математическая механика.

Динамика.

Статика.

} Кинематика.

То есть:

Число.

Эфир.

Сила.

Масса.

} Движение.

Динамическая установка.

Кинематика.
Статика.
Термо-динамика.
Электро-динамика. } Динамика.

То есть:

Движение.
Масса.
Тепло.
Электричество. } Сила.

Энергетическая установка.

Кинематика.
Общая динамика.
Электро-динамика.
Гелио-динамика. } Термо-динамика.

То есть:

Движение.
Сила.
Электричество.
Свет. } Тепловая работа.

От трех установок⁹⁶ зависит характер нашего понимания массы, движения, силы.

Первая установка, выдвигая движение материи, номенализирует силу.

Установка вторая упраздняет эфир, оставляя нам массу.

Установка же третья, упразднивши эфир, упраздняет и массу.

К какой же механике апеллирует автор? К механике Джоуля и Гельмгольца, Ньютона, Декарта?

По-видимому, к Джоуле-ньютоно-картезианской, с чем его поздравляем.

§ 40. Сила

Картезианство нам силу выводит из в основе лежащих движений эфирных частиц; сила положена здесь — в пространстве, — в движениях атомов; здесь эфирная пыль — необходимое примышление; материя, источившись в эфире, в объяснении этом не может быть чистой эмблемою: материя — есть.

Динамизм силу нам полагает в основу движения; сила здесь абстрагируется от междуатомных пустот; атом — точка ее приложения; сила

мыслима совершенно абстрактно; не пробегаемы промежутки междуатомных пустот; по выражению покойного проф. Умова, ньютоновское представление силы очертило вокруг атома свой магический круг; ньютоновское представление силы в позднейших теориях поэтому или: обречено разложиться в пространстве в материалистически-кинематических представлениях, что объясняет периодическое восставание эфирной гипотезы — вплоть до последнего времени; материализация Ньютоновых представлений — и неизбежная законная диалектика, и многократно случившийся в истории физики факт; этого не понимает наш автор. Или же ньютоновское представление силы, переносясь в запространственность, перетягивает за собою и атом, то есть: неизбежно влечет — уничтожение материи; смысловой оттенок, сопутствуя перенесению этому, наделяет тогда понятие силы оккультными свойствами; и она уже не *quantitas*⁹⁷, а *qualitas ossulta*⁹⁸; так понятие силы переходит в понятие импульса⁹⁹. Вне же этого смыслового оттенка, перенесение в запространственность силы, а за нею и атома, уничтожая пространственный атом, проецирует силу в пространство, как линию; так восстает перед нами графизм: вселенная — перед нами разграфлена силовыми сетями, где пункты пересечений — суть атомы; части сети — квадраты и ромбы; вселенная — система квадратов; объяснение линии, пункта, отрезка — в конфигурации; теоретически-графический смысл для объяснения своего положения взывает к началам аналитической геометрии и дифференциального исчисления; теоретическая механика, расширяясь в математику, образует здесь свою особую область; а практически-суженное представление о системе в своем опытном праксисе (опыты Джоуля) сужается в термо-явлениях, вычерчивают перед нами механическую теорию тепла, объяснение замкнутой конфигурацией сил (энергией) сменяет объяснение при помощи единицы системы; элементное объяснение переходит в комплексное: так постепенно высвобождаются из общединамических представлений символы термодинамики и расширяются в энергетику: так в материи, силе, работе, дифференциале и координатных осях, *in concreto* разорвано кабинетное представление автора о какой-то единой механике.

Не говоря уж о том, что в науке такой механики нет, следует здесь напомнить, что геосеологи ныне стесняются говорить о механике в терминах автора. Характерно, что Риккерт выделяет строго из собственно механической области строй представления динамизма; динамизм, механицизм рассматриваются отдельно у Риккерта¹⁰⁰, как противоположные тенденции формулировать.

§ 41. Оптика

Оптика не может быть взятой, как химия, механика, физика; оптика есть система гелио-дисциплин. И берется в веере методов, ее обрамляющих и гранищих; это знал Гете; это знаем мы ныне; и этого не знал еще

сам великий Ньютон; современные методологи и современные специалисты нам это докажут по пунктам; Гете же это провидел: он глядел не назад, а вперед через головы современников; многие его элементы — не отсталая реминисценция метафизических, опрокинутых взглядов, а символика — в будущее; "природовоззритель" в нем не был наивен, а — подлинно мудр.

И д-р Штейнер отметил: мудрые прозорливости Гете; автор отметил иное: "наивности" природовоззрителя; он для этого "освежил" школьные представления... учебника химии; и на своем "Россинанте"¹⁰¹ отправился в бой.

Верю я: отсталости в Гете были; но разве нам интересно перечисление их, если, верим мы, в них — вспышки нескрывшейся правды? Д-р Штейнер старается осветить эти вспышки.

Оптика есть градация физико-химических дисциплин; как таковая, она должна быть свободной; и — может перелagаться; например: в электро-градацию; новейшие теории, перелagая свет в феномены электро-магнитные, собственно, так поступают; обратно: Герц перекладывает электро-явления в гелио-колебания; в принципы механической оптики перелagаемы гелио-колебания; в принципы механической оптики перелagаемы гелио-феномены тоже; и проведя по первому горизонтальному ряду (количеств), можем мы оптику опускать в ряде первом (перпендикулярном), пересекая горизонталы: кинематики, динамики, статики, электроники; то есть: принципы механической оптики можем мы рисовать графически, динамически; и далее: спустить в образы статической химии; например: выводить хроматизм из атомных весов; переход — желто-зеленое, желтое, красное — выводить из тяжести материального веса, и градацию "35—80—127" (хлор—бром—йод) рассматривать как градацию света и тьмы.

Всприятие, дифференциал — вот два полюса, между которыми кружится краска; мировое пространство и качество атома — экватор кружения; по этому-то громадному глобусу можем мы странствовать в наших оптических представлениях, прикрепляя их здесь и там временно и условно; все направления градаций условно-законны.

§ 42. Про- и ре-грессия

Два направления, как типичные, выдвигаемы Вундтом: про- и ре-грессия¹⁰²; от элементов к комплексам¹⁰³; и от комплексов обратно; то есть: от количества к качеству, от колебания к восприятию, от дифференциала к "Я" и от хаоса к космосу; и от качества, восприятия, макрокосма и "Я" к — количеству, колебанию, атому, хаосу; мы одинаково правы, как заверяет нас Геддинг¹⁰⁴. В каждой области есть свой собственный элемент и комплекс; и мы можем: сводить к элементам гомогенного и гетерогенного ряда: выше и ниже лежащего; свести в физике к элементу и далее:

перечислить его в элементы механики; или же координировать в химическом ряде; объяснение первое — экспериментально; второе есть перечисление, ведущее к при-мышлению; третье есть комплексация.

Разложения колебания есть подстановка эквивалента механики; под-становка такая в месте прото-феномена явит нам — столб космической пыли; комплексация же есть восстановление, то есть объяснение элемента в элементе высшего ряда, комплексом для нижележащего; элемент объясняется в круге многообразия элементов, а понятие — в круге понятий; комплексация ведет нас к органике, органика объясняема в типе, тип принадлежит к идеальному миру, идея — в метаморфозе идей.

Три объяснения (при помощи нижележащего, данного и вышележащего ряда) суть три объяснения Гете, в понятии, в опыте и в идее¹⁰⁵; первое ведет к при-мышлению; второе нам выявляет прото-феномен явлений, третье же пресуществляет феномен; низводит идею в явление.

Расширяя Гетево представление о прото-типе, мы не можем не видеть антропософического характера тут лежащей идеи¹⁰⁶; прото-тип — идеальное человечество; углубленное толкование прото-типа нам явит его, как Христа.

Путь комплексаций, сводя идею в явление, пресуществляет лик мира: Христос появляется в космосе.

Гетева органика может быть лишь одним: христианством, излившимся в космос; природоведение — Христоведением; тайное природы — Христос.

Вот — вспышка нескрывшейся правды "на и в н о г о п р и р о д о - в о з р ы т е л я" Гете; вокруг нее он ходил и в ней он запутался; но закрытая вспышка — вскрывается ныне.

"Ма кро" — явления в регрессии разлагаются в явления "ми кро", видимое становится невидимым вовсе; при объяснении явления "ма кро" его элементом получаем Гетев прото-феномен; возведение же "ма кро" в комплекс: невидимое делает видимым, являет идею¹⁰⁷. Первый путь (микрокосмизм) считается в физике пройденным — покойным проф. Умовым; и пройденным в математике — покойным проф. Николаем Бугаевым (дифференциализм, непрерывность возводится в аритмологию, в комплекс). Мы стоим у преддверия макрокосмической физики и математики как науки о вашей свободе: эти стремления из недр точнейшего знания д-ром Штейнером вскрыты: и философия наших дней есть одна: философия нашей свободы¹⁰⁸. Но это же стремление — в Гете; философия, знание и искусство соединимы не в "своеобразной" области¹⁰⁹, а в области конкретной Правды. И рисуемы нам пути:

М е х а н и ц и з м

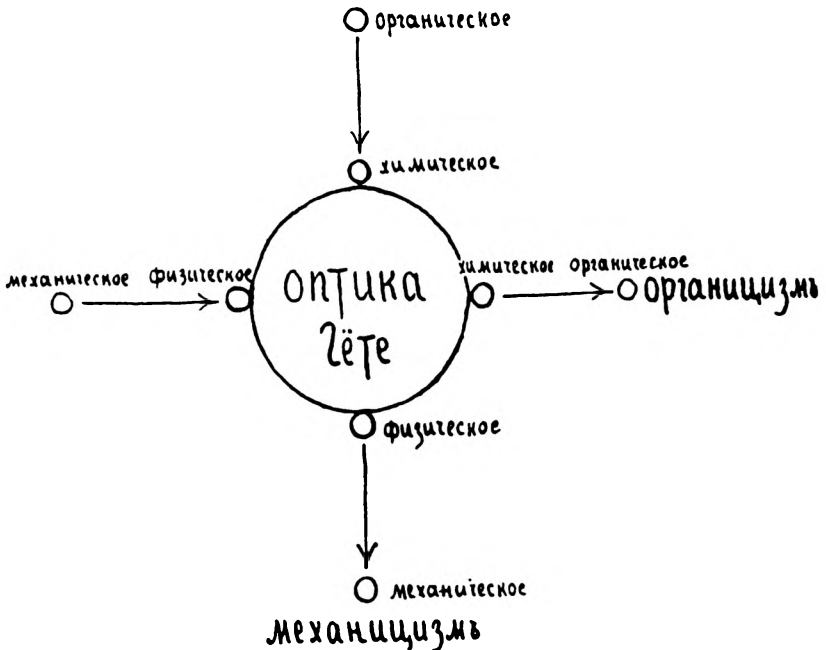
- 1) Психическое (краска душевная),
- 2) Органическое (субъективное зрение),
- 3) Химическое (процесс),
- 4) Физическое (раздражение),
- 5) Механическое (колебание).

Организмизм

- 1) Механическое —
(атомистический комплекс возводится в элемент вышележащего ряда, в раздражение).
- 2) Физическое —
(комплекс раздражений берется в круге комплексов, объединенных, как качество).
- 3) Химическое —
(комплекс качеств в круге качественностей, то есть в синтезе восприятия).
- 4) Органическое —
(комплекс восприятий в синтезе чувства).
- 5) Психическое —
(чувство в круге чувств, соединенных в символ души).

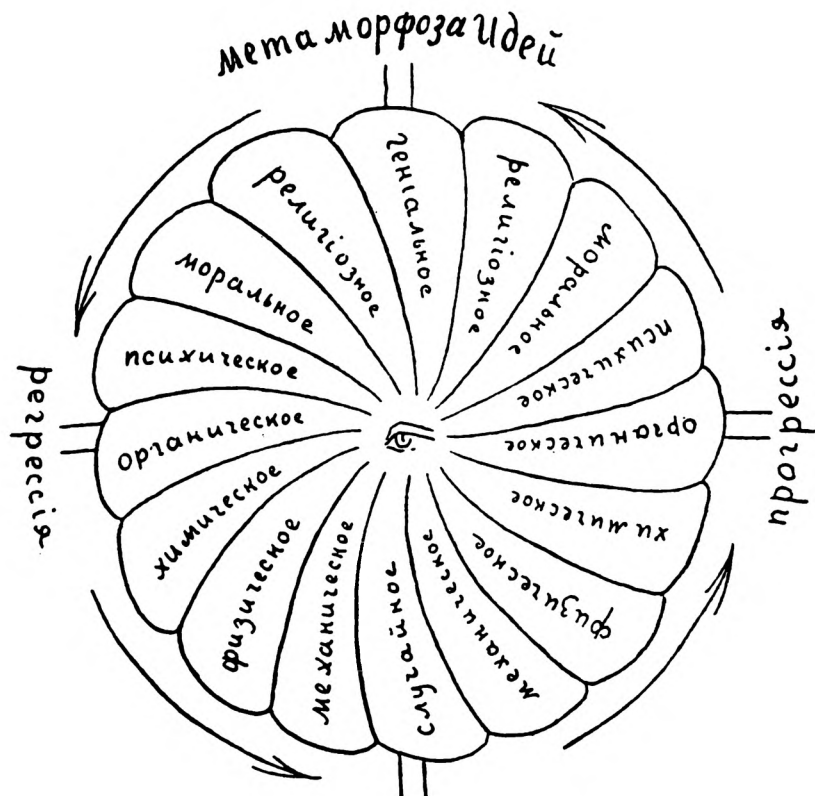
В середине меж этими двумя направлениями лежат прото-феномены; объяснение — в них самих; "Магнит — прото-феномен, который достаточно лишь назвать, чтобы его объяснить"*.

Область собственно оптики находима в пересечении направлений; графически изображима она:

* GNS. IV. Band, Z. A. Sprüche in Prosa.

Оптика в освещении этом замкнута между физико-химией; качество в ней к количеству несводимо в при-мышлении колебаний или она не нуждается; или же допускает: ряд других при-мышлений; то есть: весь веер методов; и допускает градацию; но так взятая, эзотерична она; оптика в веере методов изобразима.

Оптическая теория Гете.

Здесь она — в розетке метаморфозы идей.

Так встает объяснение положения качества в световой теории Гете; положение апеллирует к вдумчивой, к внимательной мысли; здесь оно попадает в сложные области Гетевой органологии, не оцененной, непонятой, взывающей к будущему; в этом мире органики Гете — "Коперник и Кеплер"¹¹⁰? то есть: провидец "духовной науки".

Органика эта — восстание всей природы: восстание из смерти... — в Христе.

§ 43. Вращение смысла

Но над сложностью этой возвышает свой голос апелляция иного характера: —

— "Совершенно запутавшись в своей полемике с физикой, Штейнер произносит следующую многозначительную угрозу: кто краски... принимает за качества, которые... существуют... внутри последнего (организма), тот вынужден и все математическое... переложить в это внутреннее"* . Апелляция — операция; то есть: произвольное отсечение смысла в непонятном взгляде; что сказали бы о действии оператора, который бы нападал на прохожих со скальпелем и пинцетом в руках и по правилам хирургической техники совершал отсечение, например, головы, а свершение вивисекционного акта манифестировал бы апелляцией к собравшейся кучке прохожих: "Господа, сия целостность есть безголовая целостность; се не есть человек, но: се есть руко-ног".

Так поступает наш автор над организмом из мысли; если б эти его лихие поступки были бы так изучены, как они мной изучены, — не сомневаюсь я: даже тот гомерический круг, проживающий на Итаке, — и он содрогнулся бы!

§ 44. Качество

Мысли д-ра Штейнера по поводу вопроса о качествах перелагаемы только так: кто к количеству сводит качества восприятий, тот уничтожает границу: между внешним и внутренним миром, что приводит нас или — к субъективизму Берклея, или же: к неправомерному слитию двух несливаемых содержаний: гносеологического с механическим; и задачи критической философии подменяются: пережитым "пробабилизмом" науки. Как увидим мы ниже: критицизм Эмилия Метнера, утонувши, как собственно критицизм, плавает под обоими флагами; "пробабилизма" и "субъективности".

Не понимая отчетливо быта научного творчества и "критически" изменяя себе, не понимает наш автор: лапидарно разбросанных оговорок по адресу физиков; не понимает и приводимого ниже —

— "В действительности нет предметов... содержание которых было бы со-творенным при понимании их в выражении механическом или математическом"**. То есть: —

— действительность не пла-виима в графе, а математико-механическое содержание — эмблематично, графично.

* ПоГ. 117, 118.

** GW. 164.

Бесконечно малое колебание и материальный отрезок (электрон, молекула, атом), моделируя наблюдаемость (вещества и движения), — от наблюдения взяты; в эмблематическом мире они — оживают конкретно; но конкретность их там — эта, наша конкретность: тепловая и световая; особенно в техническом применении; следует отличать: теоретический, графический атом; это — физический атом; даже он не предел делимости материальной, а — пустейшее примышление, осужденное лопнуть — в пересечении сил; наоборот: технический, практический атом, то есть химический атом, есть реальный предел — этой вот, делимой материи: желтой, твердой, горючей — материи серы; он — совершенно конкретен; из него не вылуцишь качества; и поэтому качества — центр всей науки о веществе; самый физический перенос не растворяет нам вещества; весовое количество не дается в градации планомерной и соответственной градации качеств, а дается — порывами: скачками атомных весов; величина здесь — индивидуально приложена; и основное — сродство здесь; так что не всякое качество переложимо в количество; качество и количество — гипертрофия рассудка; оттого то: — "красное, что я вижу и... вибрация... суть одно, разложимое лишь в рассудке"*.

То есть вот это что: непосредственность — первый угол зрения; сумма углов есть наука; угловое — ее содержание; данность, предопределяя углы, отделяет собственно содержание от углового, рвущего собственно содержание и являющего... (ну хотя бы взять краску)... краску — то суммою колебаний, то качеством, чувственным восприятием; даже: воспринимающим чувством; так разорвана данность: в невидимом, видимом, внутреннем, внешнем, гипотетичном, примышленном и во взятом конкретно, непосредственность данного — вне условных углов; даже вне органов чувств — естественной этой символики, — потому что понятие о "чувственном органе" — нами условно построено; и действительность, например, нам дается не в оранжевом и плачущем — порознь, а — в "оранжевом плаче"; аналогии ощущений (цветной слух, мелодичная краска) ближе к подлинной данности, нежели мозаика многообразных сложений из звуков, слов, красок; но мозаика — многоликий покров на единой плероме: на данности: здесь эта данность содержит: держит многое в... в чем она держит? По Гете — в идее: вся невидимость мысли (примышленной, выводимой, щепящей, сливающей) с видимостью, встающую в органе, гармонически перельются в идею, которая одна и дана — непосредственно нам в изначальнейшем, в последнейшем смысле: — "Колебания... отвечающие... красному, мог бы я, как движения видеть, если б для этого организован был... глаз. Но с движением было бы связано впечатление красного"...**

* GW. 164.

** GW. 165.

Впечатление в градации Гете первое и явленной извне краски, и извне примышленному колебанию: колебания, краски — продукт расщепления. Вот цитата, сжимающая лапидарно разбросанные куски воззрения Гете. Автор на фразу кидается: оперирует, безглавит, бессмыслит; и — перед нами урод: "руко-ног".

§ 45. Вибрация

"Руко-ног" с треском катится: —

— "Смешивая совершенно различные задачи физики и гетезанства, Штейнер попадает впросак и, допуская не гипотетически, а по-своему аподиктически, вибрационное движение в световом явлении, говорит, что движение это в пространстве он, Штейнер, мог бы, разумеется, увидеть, если бы глаз был соответственно организован... Вот и оказывается Штейнер через это необдуманное заявление среди тех наивных рядовых физиков, которые... забыли, что эфир¹¹¹ — увы! только гипотеза"...* —

— и так далее: на головокружительных, "вертительных" дугах, — летит. Но: —

— "Пространство — идея"^{112**}.

— "Картина мира... есть сумма восприятий без в основе лежащей материи"^{113***}.

— "Колебания эфира суть... чистые образы фантазии"^{114****}.

Так говорит д-р Штейнер; то есть он говорит: чистый образ фантазии выבלется в восприятии идей; образ этот — несуществующий кусочек материи в несуществующей... зыби.

Авторский "руко-ног" вырывается и улетает: эфирной фантазией; автор падает "руко-ногом" — на вертикальной дуге. Комментировать "литературное резюме" — скучно: и мне, и читателю; ведь оно — кристаллично: и растворимо без остатка — в "воззрениях" д-ра Штейнера; не моя вина, если автор "воззрения" обошел, заменяя их словом, которое он напечатал в заглавии: "Разбор воззрений"... Не критик он, — отсекатель смысла цитат; он по поводу каждой выпаливает крутогонное колесо рассуждений об обезглавленных текстах; и — крыловидно порхает безглавица — в мозгу у читателя; ее-то вот и приходится обезвреживать...

* ПоГ. 121.

** GNS. IV Band, E. A. Wesen des Raumes, XXVI.

*** GNS. III Band, Materie. XIV.

**** GNS. IV Band, Z. A. Chromatik. 326.

Но тут возникает опасность: *regretium mobile*.

Толстый том "Размышлений" гонится за тонкою книгой — "литературного резюме"; за любую страницу носится ярая страничная свора: настагает и обезглавливает; неужели же мне проделывать то же; и забегать над бегами, безглавыя и вешая; орбита нападения, схваток и прочего саперного дела непременно бы пучилась: к именам Канта, Шиллера, Гете, Платона, Гельмгольца, Ньютона и прочего-прочего-прочего... вплоть до... — Пьера Дюгма (?) несомненно бы прибавились имена: Сквороды, Нобеля, Бисмарка и... поэта Пентаура, включающих темы: археологии, протекционной политики и... керосинного производства. Толстому тому мной несомненно бы дан был: мой двух-томный ответ; и — многотомием "собрания сочинений" с приложенной биографией и портретом ответили бы: почитатели автора; будущий характеристик эпохи — отметил бы это.

И — нет! Обрываю — довольно: перестаю комментировать.

Собрание сочинений, двух-томие и будущий характеристик эпохи — пугают меня.

§ 46. Методический плюрализм

Мой комментарий к "Мировоззрению Гете" мог бы считаться предвзятым в единственном случае: если бы д-р Штейнер в своем взгляде на современное знание определенно бы не был: методическим плюралистом; но позиция плюрализма, как видим мы (и увидим впоследствии), — лейтмотив его учения о методе.

Вот он что говорит: "Если б кто-либо из местности А мне, живущему в Б, послал телеграмму, то тогда бы все то, что... пришло бы мне на руки, без остатку восстало бы в Б. Телеграфист находится в Б; и пишет он на бумаге, никогда в А не бывшей, чернилами, не бывшими в А; сам он А совершенно не знает...; коротко говоря, можно мне себя убедить, что лежащее предо мною прибыло не из А. Тем не менее: все, восставшее в Б, для содержания — равнозначно... Так обстоит... с миром глаза"*.

Методический плюрализм — налицо.

§ 47. Где брезжит свет

"Мудрее... — протест Гете против Ньютона, выраженный в словах "свет и глаз — одно и то же"***.

Гете еще полагает: свет создал глаз¹¹⁴.

* GNS. Band, XXVIII.

** PoГ. 121.

Wär' nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken;
Läg' nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt' uns Gottliches entzücken?¹¹⁵

и д-р Штейнер думает: свет создал глаз.

Световая письменность нам откуда-то шлетя: откуда?

Где брезжит свет?

Ни в пространстве, ни в глазе: света нет в выражениях пространства, ни — в блеске глаз; плачут пространства лучами; солнечною слезой горит глаз; наблюдение открывает: поверхности и стяжение мускулов; но поверхность не плачет; мускулы не высекают огня; света нет; и нет выражения; совершается перенесение: за глаз и пространство.

К наблюдению мы примыслием: световую вибрацию; и над азбукой органов чувств строим азбуку методической мысли: в дрожания разлагаются: и поверхность, и мускул; выражение светлого плача становится: механическим трепетом, а живая дрожь — мертвой зыбью.

Это значит: содержание телеграммы в буквах органов чувств теперь переложено: в механические толчки телеграфа (телеграфная весть летит в Б из — А). Но содержание — не толчок; не сочетание буквенное, а — два порядка условностей; содержание даже не в А, но в душе живущего в А: А — алфавит; то есть: самая возможность условиться. Восприятие — закон отдач и приятий многообразия получаемых и впечатляемых знаков; восприятие играет свободно на клавишах впечатлений и соединяет доклады разнообразия органов; восприятие внетелесно: оттого-то в нем и есть возможность условиться; оттого-то оно пронизуемо в нем живущим законом: он слагает в материю букв разнообразие впечатлений и налагает печати: напечатления разлетаются от меня: от уха, от глаза; так воззрение, чрез "воззрение" глаза, световыми идолами, как сказал Демокрит, разлетается вокруг меня, образно отвердевая и образуя: мне — зрение¹¹⁶.

Сумма всех впечатлений есть тело алфавита: мой организм — будто губка, опущенный в минеральные части материи и ими пронизанный насквозь, как водой; так становится он — и физическим организмом.

Это значит: имеющий содержание телеграммы в том лишь случае закрепит его в буквах, если он имеет руку, чернила, перо и кусочек бумаги; первая всегда у него; остальное он себе покупает в А, в городе; это его впечатления; напечатление — рука; напечатление — душевное чувство; впечатления — чувственность, соединенная с чувством, то есть: чувственность, взятая чувством, вот суть восприятия; эта суть со-держит; это "со", сосуд, есть — душа; потому-то всякое содержание, как содержание, единственно и возможно в душевности; внедушевное содержание — пустой звук; и нет его вовсе.

Телеграмма шлетя в порядке: написания букв и толчков телеграфа; но пространственность буквенных знаков и временная система толчков равнозначны для содержания; разложение механики пунктов элементами времени и сложение разложенных пунктов в конкретную пространственность букв — две равнозначные абстракции: — душевного содержания, которое одно и конкретно: в его свете и органы — абстрагируют чувства; сравнительная конкретизация — в "так сказать": что конкретнее в чувстве — всего лишь комплекснее тут; отрешившись от содержания, устанавливаем два ряда: элементов, комплексов.

Методически проведенные, они развернутся: в органицизм, в механизм.

Это — два кабеля между А и Б; от меня — и ко мне; органицизм — от меня; и ко мне — механизм.

Таково резюме хода мыслей, таящегося под осмеянной фразой и в ней заключенного:

"Колебания... отвечающие... красному, мог бы я как движения видеть... Но с движением было бы связано впечатление красного"*.

Содержание соответственных движений и красного — одно; оно коренится в душе. Потому-то и фраза д-ра Штейнера, сжимающая воззрение Гете: —

— "Свет нам дан в непосредственном восприятии"***, —

— вопреки тут встающему "руко-ногу": —

— "Где дан? В каком восприятии? Это либо фактическая ошибка или мистическая риторика...¹¹⁷ Ибо пусть каждый спросит себя, видел ли он во внешней природе свет, именно бескрасочный свет"****, —

— фраза эта в духе воззрения Гете и совершенно ясна: следует только спросить, не где дан, а как дан. Вопрос "где дан" приведет к наблюдению, наблюдение же откроет "поверхность свечения"; но наблюдение — факт вторичный и восприятию гетерогенный; восприятие же этой самой поверхности даст впечатление света. Надо спрашивать: "как дан свет?" И отвечать: в восприятии. Это значит по Гете: дан в душе; это она налагает печати на внешнее раздражение: —

— "Содержание действительности — отражение содержания нашего духа... Лишь пустые формы воспринимаем извне мы"****.

— "Убеждение должно пронизать все науки: их содержание... содержание

---

*GW. 165.

**GW. 172.

***PoГ. 125.

****GEGW. Denken und Wahrnehmung.

мысли, и они не стоят с восприятиями ни в каком ином отношении, как только в одном: в воспринимаемых ими объектах видят они лишь особую форму понятий**». Так говорит д-р Штейнер.

§ 48. "Становление", "ставшее", биогенезис и д-р Штейнер

Все различие воззрений Ньютона и Гете, отнесенное к краске, можно выразить в образе.

Красочность есть написанное содержание телеграммы на иностранном наречии. Ньютон предлагает его перевести в точки телеграфа; Гете же — перевести на язык букв; на родное наречие. Это значит: комплекс впечатлений оба они предлагают сперва разложить в элементы; элементы Ньютона суть элементы нижележащего и регрессивного ряда (механицизма); элементы же Гете находятся в том же ряду, как комплекс; элемент Ньютона — простейший механический фактор; элемент Гете — простой факт восприятия; первый есть — колебание; второй — желтое, синее. Оба суть элементы, но иного порядка рядов; "желтое", элемент прогрессивного ряда, есть комплекс для регрессии; и элемент, колебание, в "желтом" — сложный комплекс.

Переводя на язык колебаний: ньютонианское понимание нам гласит: для научного объяснения содержание не должны понимать мы написанных слов: видим "а л ф а" — выстукиваем: сперва "а", потом "л"; и — так далее; и по Гете должны мы: взять словарь; справившись ("альфа" по гречески — "а"), написать: "а".

Перевод слова за словом по Гете предполагает: разложение фразы на совокупность из слов; переведенное слово — установление феномена, к которому сводится ряд (прохождение света сквозь тьму и тьме); прото-феномен — простейший опытный факт; далее — усложнение феномена; воссоздавание в опыте природного ряда: переводя слово за словом, слагаем мы фразу; фразу же можем — перевести в разные системы значков.

И градация всего, что мы можем, — градация методов.

За методом стоит содержание: содержание можем мы изложить своими словами — поэтично, вульгарно, в ритмической прозе и в метрах — анапеста, ямба, хорей; метаморфоза возникает отсюда; в метаморфозе мы уже покидаем — феномены, уйдя в область — нуменов (разумеется, не в кантовском смысле)¹¹⁸; нумен — идея¹¹⁹ мы идем к прото-нумену; прото-нумен и есть прото-тип; он дается в градации имагинаций, идей, содержаний; идея конкретна, текуча, разумна — одновременно: образна и жива; она не понятие¹²⁰; понятием отделен от нее фактический мир; тень разума на рассудке — градация понятий, определяющих методы; по одну ее сторону

* GEGW. Denken und Wahrnehmung.

— факты и формы; по другую — идеи; прото-феномен в одной стороне; прото-нумен — в другой; материальная сила в одной; жизнь — в другой.

Рассудок их делит.

Прото-феномен — открывающий факт; в нем закон не абстракция. Я беру катушку из проволоки, в нее влагаю магнит: передо мной — электро-магнит, открывающий собою науку; катушка есть факт; и магнит тоже факт; соединяя их в факте же, многообразии открываю я из этого нового факта, фактов к нему притекающих и от него отходящих.

Перворастение — фантастический образ, не коренящийся ни в чем внележащем; вне-лежащее в нем объясняется, располагаясь в градационных кругах. Перворастение — содержание форм растительной жизни — есть образ, не влагаемый ни в факт, ни в понятие; он предшествует и факту, и рассудочной форме; содержание есть тут — форма, и форма тут — содержание; перворастение — существо духовного мира, облеченное в символик чувств; метаморфоза идей напечатана на самой душевной способности: воображать; идеальный образ есть образ сгущения духа — в душевной фантазии; фантазия в свою очередь — печатает метаморфозу в чувственно встающие восприятия — в краске и форме; и тут — Гетева область "чувственно точной фантазии"; по ее законам построен мир впечатлений; но мир впечатлений — природа; мы приходим к возможности видеть: самые веки сложения образов нас обставшей природы; и приходим к возможности видеть: манифестацию тайных знаков ее; метаморфоза воспринимаемых образов — в западании образа, как извне возникшего перед нами, — есть последнее уплотнение природы; "материя" — (впечатление после-образов духовного мира) — есть слово; и — только; впечатление — отражение печатей; печати — идеи; природа же — разломанный дух; дух — кипение¹²¹; отражается он в кипящем и прядящем; не в "το θυ" ¹²² — в "παύτα ρετ"¹²³; в "стан о в л е н ь е", в кипенье. Точное описание того, что есть собственно кипящая жизнь, нам дает Высокая Гита: —

— "Созерцай, о Партма, Мою форму, столбкую, тысячевидную, божественную, разнообразную по цвету и очертаниям... Воззри на Мою царственную Иогу..."

— "Молвив это, о Царь, великий Господь Иогги, Гари, явил Арджуна Свою высочайшую форму... С бесчисленными устами и очами, во многих чудесных явлениях... с обращенным всюду ликом... Арджуна увидел... вселенную, разделенную на множество частей, соединенных воедино в теле..."

— "Тогда Арджуна, потрясенный изумлением, с волосами, вставшими дыбом, склонил голову..."

Арджуна сказал:

— "Внутри Твоей формы, о Бог, вижу Богов, все виды существ и каждый с отличием своим... С руками, грудями, устами, очами без счета, всюду я вижу Тебя; беспредельны твои проявления... подобно огню, пламенея, как солнце, спящие взор, стремишь Ты потоки лучей с небес необъятных. Превыше всех мыслей моих, неизменный Господь, Высочайший Ковчег, изливающий творчество... Ч е л о в е к, пребывающий вечно:

таким мыслит ум мой Тебя... Твои руки без счета... В Тебя вступают сонмы Светозарных, сложив... руки... Как радуга, переливаясь яркими цветами, касаешься Ты... небес, с отверстыми устами, вращая... зрачки очей!.. Впереди и позади, со всех сторон, огни бесчисленных языков Твоих... Пылает мир..." (Бхагават Гита, П-я беседа.)

Жизнь — в становлении; становление же — в метаморфозе идей, а не в беге временных форм, вырастающих с горизонта амебой и нас обстающих... людьми; автор запутался: "Биогенетический закон Геккеля"¹²⁴..., говорящий о том, что... история развития индивидуума отражает... историю развития рода... есть слишком поспешный вывод"^{*}... раздается на всем протяжении книги по адресу... д-ра Штейнера, подчеркнувшего значение становления у Гете; автор — попадает впросак: биогенезис — ступени схождения духа и восприятие наше, данные нам в разломанном зеркале и в обратном порядке; вместо ног видим мы брызги мозга (амебы); вместо же головы видим ногу; но кривое зеркало отражает сообразно закону кривой: надо знать тут кривую; и кривое зеркало — зеркало; законы же кривизны д-ром Штейнером нарисованы. Извращенное принятие "становления" неминуемо приводит нас к Дарвину¹²⁵; в принятии же "становления" нет опасности; автор в принятии этом видит грех дарвинизма. Тут он спорит лишь с Гете: краеугольное основание всей органики зиждется на отличии "становления" от "ставшего"; Гете твердит нам: —

— "К становящемуся обращен разум... Он на развитие — радуется...

— "Рассудок — обращается к ставшему"...

— "Разум властвует над живым; мир "ставший" — мертв".

— "Не восстающее более, — о нем не можем мы думать".

— Так твердит Гете в "Sprüche in Prosa"^{**}.

Д-р Штейнер здесь ни при чем. Так твердя, Гете делает оговорку громаднейшей важности: —

— "Понятие восставания нам заповедано вовсе"^{***}.

— А комментарий д-ра Штейнера углубляет значение оговорки: —

— "Возникновение, становление не уловимо рассудком и в понятии не представляемо. Вместо самого становящегося рассудок нам устанавливает: ряд изолированных, прежде бывших, единичных вещей"^{****}.

* PoГ. 452.

** GNS. IV Band, Z. A. 373.

*** GNS. IV Band, Z. A. 374.

**** GNS. IV Band, Z. A. ibid.

Оговоркою этой Гетево представление "становления" д-ром Штейнером вырвано из биогенезиса, дарвинизма и всяческих эволюционных теорий, где причинность рассудка — проекция в бесконечности времени (становление — в "понятийном" ряде); "становление" же — в голых фактах; отрицание фактов абсурд; например: "роза" — культура "шиповника"; так как тут привкусы дарвинизма, то — "розы" нет?!

"Становление" дано; факты жизни суть "становления"; объяснение не в "отборе"; объяснение — в метаморфозе; метаморфоза — идея; "становление" — зеркало.

Геккелизм — тень теней; но и тень теней — отражение: во-первых — теней; во-вторых — их источника; источник — кипение духа; в кипении — объяснение тени; геккелизм — тень теней; Геккель же — опытный гений, отрицание его фактов — безумие. К Геккелю д-р Штейнер с восторгом относится¹³⁶; кто хоть раз взглянул в микроскоп, тот не смеет оспаривать фактов: бластулы, гастролы¹³⁷ в кипении микроскопической жизни (тут нет при-мышления). Но проекция гастролы в глубь времен, утверждение, что гидра есть гастрала, фантастично, условно, графично и равнозначно: утверждению сказочного дракона палеонтологическим "птеродактилем"; в принятии факта, в гастрале — величие Геккеля, а не в проекции гастролы в даль времен: не в гидре; Геккель провел морфологические задания Дарвина в физиологической микротехнике; в архитектонике его научной работы — красота, а проекции "биогенезиса" — суть модели; наивное уплотнение модели — случайная близорукость ученого; и она — не опасна; не опасен же "воспеваемый" механизм. Метнер борется с "гидрой"; д-р Штейнер любит гастролу. И говорит: это — факт; он не может не быть отражением; Геккель дал ряды фактов; в нем все интересно; и модели — проекции фактов — интереснейший документ.

"Становление" — тень; по бросаемой тени определяется здание; тень здания интересней стекла; стекло не отражает и — пусто; стекло — бестенная метафизика, спекуляция при помощи абстрактных понятий: "реальность", "основа" и "суть".

Тень "становления" — генетически пробегающий ряд — градаций существ; от "амебы" до "человека"; градация тут кривое зеркало данного "становления" — тень в обратном порядке: восставание самого "становления" из бесконечности: разложение становления во времени.

Организм — тень идеи; метаморфоза идей отображается метаморфозою органов в обратном порядке; в метаморфозе первое — человек; последнее же клеточка; в "становлении" факта мы видим: из клеточки развивается организм, то есть зеркало человека; выложение "становления" вовремя органический целостный факт нам рисует рядами "изолированных", прежде бывших" отдельностей; и мы видим: к нам из далей несется амеба, увеличиваясь — в гидру, — в червя; и членись — в обезьяну; еще шаг: мы разбились о зеркало: мы стоим пред собой; и мы думаем: зеркальное отражение, организм, — это мы.

Так рисует нам Гете "органику": так "органику" Гете передает д-р Штейнер; а биология, берущая основой факты, — детали: изучение материи зеркала и законов строения отражений; все теории биологии — безвреднейшие модели: быть за них или против — смешно.

Автор все перепутал: он подумал, что Гетеву метаморфозу растений уплотнил д-р Штейнер в учение об историческом становлении фактов; и подтверждение увидел... в теории эволюции; Гете же объясняется Дарвином. Перепутавши, автор воскликнул: —

— "Нет, гетевский образ предпочитает погибнуть в своей временной проекции... чем во что бы то ни стало материализоваться... борясь за свое существование"... Но всего этого Штейнер не заметил: он дарвинизировал Гете"*.

— Туговато же понимает наш автор и Гете, и д-ра Штейнера.

Туговатости — в плачевнейшем пункте: в фантастическом понимании феномена; тип он спутал с феноменом; спутавши... — дарвинизировал Гете; то есть: дарвинизировал бы неизбежно в случае объяснения; внятное объяснение в его духе — одно: дарвинизация Гете; смутно это предчувствуя, он от внятного объяснения отказался; заблаговременно улепетнул он в "пифизм"¹²⁸; у пифийской дыры же воскликнул: "Alberghheit!"¹²⁹ Alberghheit есть юродство. Не умаляя прав священнейшей юродивости, должен я здесь сказать: без нее ясен Гете.

§ 49. Прото-феномен и перворастение

Уважаемый автор приглашает в священные дебри для уяснения отчетливой мысли; уразумение прото-феномена кажется ему невозможным: и он убегает в "чащобы", к "оракulam"; там осеняет его воистину трущобная мысль; там ему нашептали: "Перворастение — прото-феномен".

Автор — в мистическом ужасе бегая по трущобам и чащам, — вопит: "Alberghheit!"

Всякое уразумение а priori объявлено дарвинизмом: тип растет на лугах; папоротник зацветает таинственно Ивановой ночью. Автор в мистическом ужасе вопиет из "чащобы".

Но действительно. Смешивать прото-феномен с перворастением, — значит: перворастение увидеть на луге; в этом случае рос бы на луге не тип, а символический образ фантазии: проекция типа в душевную образность.

Идейное содержание есть существо, определяемое в градации, то есть в круге существ; здесь градация — иерархия; мир разума, определяемый in se ipso, есть... ангельский и архангельский мир¹³⁰; уразумение содержания, соответственно иерархиям, градационно, то есть — текуче; и состоит

* ПоГ. 141, 142.

из смены состояний сознания; состояния эти д-ром Штейнером характеризуемы так: как состояние приятия содержания в распавшемся круге понятий (методическая градация души рассуждающей), в полном круге (состояние самосознающей души); как состояние восприятия существа содержания в отображении образом (имагинация), в лицезрении (инспирация) и в слиянии с существом (интуиция). В имагинации, инспирации, интуиции уразумеваем мы in concreto идею; перворастение низлетает к нам свыше, в своей образной форме (фантазии), оно есть последний этап воплощения; и на лугах не растет оно.

Наоборот: прото-феномен — вершина феноменального мира, то есть предел прозрачности факта; области их сближаемы в одном пункте; не соприкасаемы — никогда; их навсегда разделяет — понятие о природном законе; философия и наука здесь проводят границу; устранение этой границы — в школе опыта, в практике духовной науки: в плавлении мира феноменов.

Так что: —

— Перво-растение: тип, отображаемый имагинативно; идео-образование в фантазии, внутренний образ, построенный нормативно в градации метаморфоз.

— Прото-феномен: факт; совершеннейшим образом он выявляет закон; воссоздаваем он в опыте; или же — наблюдаем в природе. Если угодно, оба суть символы; но символы в несоизмеримейшем смысле; творческий образ есть символ; ощущения органов чувств тоже суть символы; и символ — магнит; но система творческих образов нарисует нам типовую градацию; система органов чувств нарисует нам... эмпирический мир.

Прото-феномен может быть символичен и идентичен идее — в аналогическом смысле; перворастение — в гомологическом¹³¹.

Автор их перепутал:

"...Правильнее будет сказать, что первоявление не следует называть ни простым, ни сложным (...ибо оно "и реально и идеально...")*.

Или:

"...Не следует понимать так обыденно просто, как если бы Гете логически ошибся, вследствие азартного наблюдения, созерцания, фантазирования и незаметно вложил дедуктивную теорию в индуктивный факт; тогда все метафизическое событие с перворастением было бы не аберрацией гения, а промахом обывателя; тогда было бы непонятным, отчего перед своими прото-феноменами Гете испытывал... странную робость... когда образы их являлись перед ним более обнаженно"^{**}.

* ПоГ. 101.

** ПоГ. 49, 50.

Или:

"...Гете идет к "отдельному случаю"... и вот ему начинает казаться, что он видит прото-феномен, например перворастение**".

Гете же говорит: —

— "Магнит — прото-феномен"...**

И говорит д-р Штейнер: —

— "Мы должны рассматривать установленным сам в себе целостный... сам себя поддерживающий ряд фактов. Этим мы получаем взаимодействующую группу чувственных элементов действительности; и феномен, развиваемый нами, непосредственно вытекает прозрачно и ясно из принятых во внимание фактов. Такой феномен Гете назван основным фактом или прото-феноменом. Этот прото-феномен идентичен с объективным законом. Указанное взаимоположение фактов может либо восстать... в мысли, когда... при брошенном камне... принимаю я во внимание три факта: 1) силу толчка, 2) притяжение земли, 3) сопротивление воздуха и ось летящего камня... либо же: я могу отдельные факты действительно воспроизвести... Это случай при опыте"***.

Или д-р Штейнер указывает: —

— "Гете пытается... сложные феномены свести... к простому и чистому... От чистого феномена далее не идет он. В последнем выявляется идеальная связь самообъяснимых чувственных восприятий. Чистый феномен назван им просто-феноменом. Думать что-либо далее о прото-феномене он считает ненужною спекуляцией"****.

В этом-то смысле лишь объясняемы слова Гете: —

— "Магнит — прото-феномен; достаточно на него указать, чтобы его объяснить".

После этой отчетливой ясности потрудитесь уразуметь, что хочет выразить автор: "Гете шел от простого или к простому только в идее, т. е. имея в виду прото-феномены... И теперь стало, надеюсь, окончательно ясным, в каком смысле прото-феномен... "прост". Но едва ли... с целою бочкой специфически гегельянской соли можно назвать прото-феномен "абстрактным"*****.

* PoГ. 110.

** GNS. IV Band, Z. A. Sprüche in Prosa.

*** GNS. II Band, Urphänomen und Naturgesetz, XXXVII.

**** GNS. 160. Urphänomen.

***** PoГ. 152.

Или: —

— "Образ первоначала и "происходит", и порождает в одно и то же время; он стремительно соединяет... Когда эта стремительность достигает молниеносности — перед нами гений"*.

Это именно та спекуляция, которую Гете считал совершенно ненужной; о каком образе идет речь? о магните? ("Прото-феномен — магнит"). Явное дело: речь идет об образе, подобном имажинации типа; прото-феномен спутан у автора с типом.

Можно ли так перепутать?

Гете он смешал с Кантом; и желая насильственно втиснуть кантианские представления в представления Гетевы о "содержании", "форме" и "идее в явлении" — Гете он искажил; Гетево представление об идее насквозь "содержательное"; Кантово же формально¹³²; наоборот: безыдеальное явление формально для Гете и есть насквозь содержание для Канта; содержание здесь — чувственный материал. Содержание, форма — автором переставлены; смешаны этим "миры" Гете: идей, понятий и фактов; этим насильственно сброшены прото-феномен и тип; области их разбиты, разломаны, спутаны; чувствуя, что у него ничего не выходит, он прибегает к мысли о "молниеносности"*** гения, соизмеряющей несоизмеримости эти; и покрывает все понятием "символа" (бедный "символ": вскоре хромание логики должен он собой покрыть благодатно). Но этот "символ" у Метнера — пустая абстракция; конкретизируя понятие "символа" в смысле Метнера, мы его одновременно сажаем: на две несоизмеримости (идеи и факты); в этот криво посаженный символ врезается рассудочный мир и сечет пополам; так одна половинка символа превращается в Кантово представление¹³³, а другая — в Гельмгольцево (органы чувств — символичны)¹³⁴.

Оттого-то и Гетево различие между сферами авторским "гуммиластиком" стерто; и на них посажен: колапс символизма.

В своих статьях "Символизм" на шестистах с лишком страницах провожу я градацию символизма¹³⁵.

Символы многообразны, несоизмеримы; даны же в градации "символизмов"; стирая градацию, мы абстрагируем символ. Автор градацию стер: воззвал к символу; символом он покрыл только — бездну расселины.

Символический лепесток прото-типа у него прилипает: к луговому растению; "голубой цветок"¹³⁶ попадает в семейства: "labiatae" или "gapingulaseae"; становится прото-феноменом; и феноменальный кусочек занозит страну метаморфоз. Оттого-то все его рассуждения о целом, всеобщем, отдельном принимают вид непроходимейших топей, заставляя его: в Гете признать — "абerrацию".

Но "абerrация" — в Метнере: в дьявольском осколке стекла, засевшего в глазу; стекло же из зеркала: зеркало — амальгама из Кантова,

* ПоГ. 156.

** ПоГ. 156.

Гельмгольца и символического представлений о символе; тщетно он пытается доказать, что "абerrация", вмененная Гете, не "вложение дедуктивной теории в индуктивный факт"^{**}; только так принимаем тут Гете в разъяснении Метнера: метаморфозу дедукций (свое учение о типе) Гете вложил в индукцию от... феномена (например, от магнита); прото-растение выросло... из феномена; или: феномен рос... из идеи (?!)..; принимая последнее, принимаем мы неизбежное умолчание: вырастание из феномена, или же из идеи в разгонах времен; последнее — дарвинизм: дарвинизация Гете возникает отсюда.

Метнер вынужден отказаться от... "толкового объяснения"; и заранее апеллировать к областям "гениальных юродств", что он и делает: апелляция, не поднимаясь выше ходячего романтизма, есть в сущности тактика: уйти от себя.

Оттого-то усмешечки по адресу линейного продолжения истории и "окультурную хронику"^{**} суть усмешечки автора — по поводу себя самого: по поводу им умолчанных, своих собственных выводов, — по поводу "дарвинизации" Гете; учуявши, что тут собственно он натворил, уважаемый автор, окружив себя священнейшим "табу" из декадентских извращений, объявляет: всякое толковое объяснение о типе, перво-явлении, метаморфозе есть дарвинизм (имея образчиком — свои изделия мысли), и — не понимая, что, подойди он к Гете с Гетевым критерием мысли, форму он с содержанием не смешал бы: первораствение не слилось бы с феноменом; линейная хроника не возникала бы; и Гете бы не вложил "дедуктивной теории" в факты индукции. Поэтому: не учение д-ра Штейнера, а свой неудачнейший опыт (всадить в Гете Канта, Гете им перепутать, развести в Гете топи, топи эти назвать "абerrацией" и улепетнуть в абстрактно понятый символизм¹³⁷) — разумеет он и неудачной полемике по поводу дарвинизации Гете.

Это — вторичный "отказ от толкового объяснения"; первый отказ от объяснения световой теории Гете.

К ней возвращаюсь.

§ 50. Оптика в нео-физической философии

Свет — за пространством; за глазом: мета-физичен, мета-физиологичен. Течет одинаково: сквозь солнце, из глаза; соединяются "светы" (задушевный, засолнечный) в — "Я".

"Свет — духовная сущность"^{***}.

"Я — свет миру"¹³⁸.

Так по д-ру Штейнеру.

* ПоГ. 50.

** ПоГ. 137.

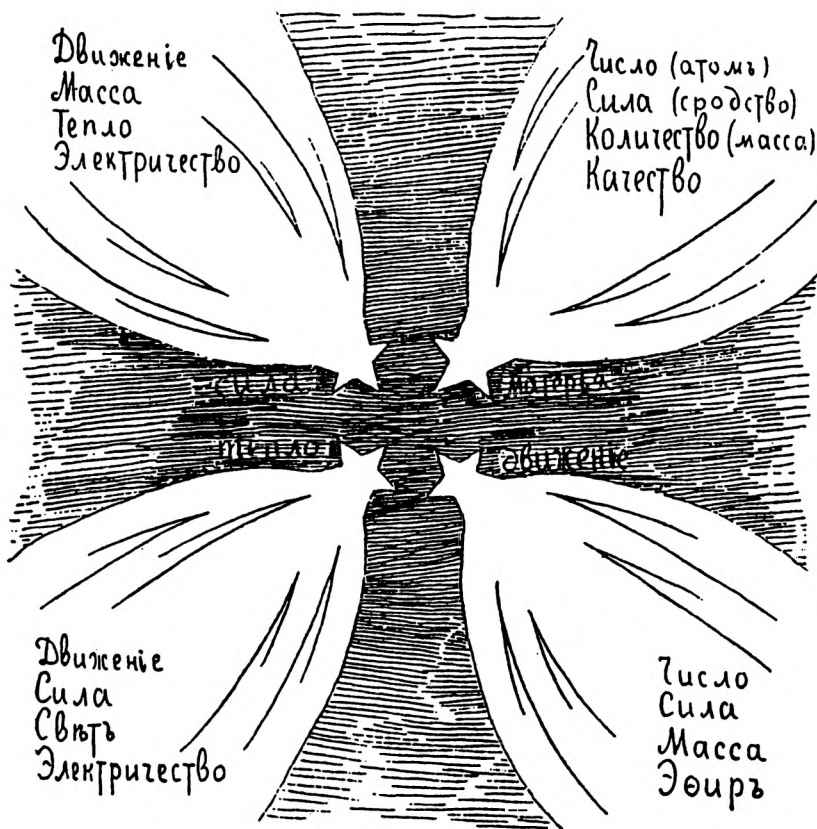
*** GNS. III Band, XVIII.

Замечу: —

Динамизм, атомизм были еще противопоставлены так недавно: постоянство энергии — постоянству материи; признавалось последнее следствием первого; знака равенства не было.

Нео-физика поставила этот знак.

Увидели, что понятия, характеризующие материю в физике, фигурируют в составленных электрических формулах; их комплексы (количество, плотность, инерция и т. д.) оказались равны; и стало быть: материя равна силе; соизмеряющей единице стал электрон — ни эмблема материи, ни эмблема энергии, а, так сказать, эмблема эмблем; и над двумя эмблематиками ныне строится в физике — новая эмблематика, бьющая на два фронта — в физику, в химию. "Электроника" — наука ближайшего будущего: атомизм, динамизм, механика будут стянуты ею; эмблематика их стирается "электроникой"; центры четырех дисциплин: вещество, движение, сила и тепловая энергия превращаются в чистую "электронность";

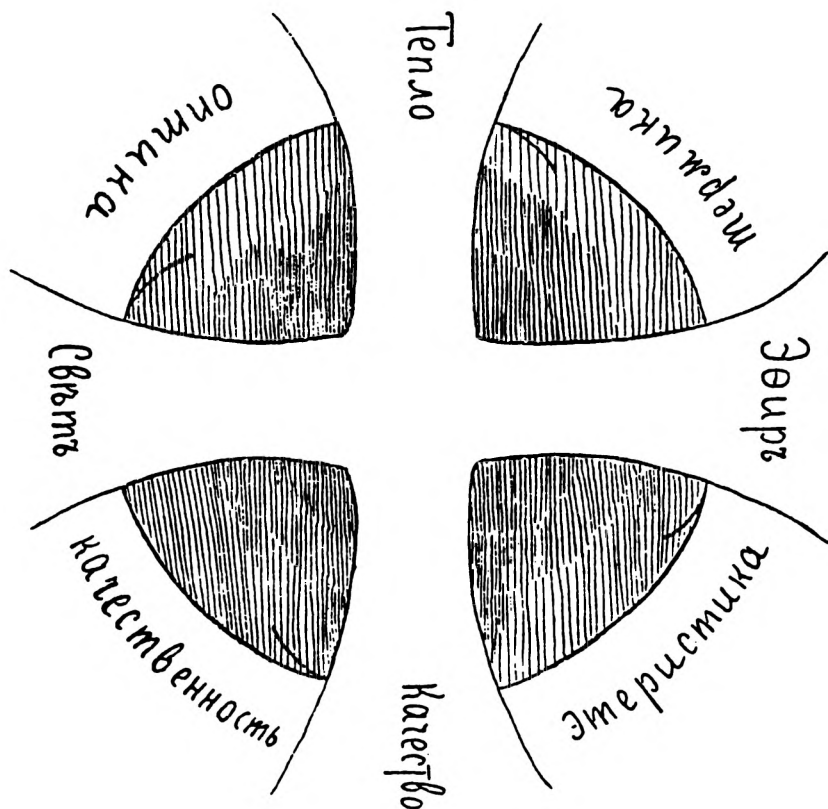
(Рис. А. Не заштрихована область существующих представлений.)

"электронность" — не есть: ни вещество и ни сила; ни движение, ни энергия.

"Электронность" есть "электронность": она — чистый символ, переводящий за грань традиционных эмблем с их метафизическим привкусом (материя, сила) и эмпирической образностью (работа, движение).

Вот эмблема того, что собственно происходит теперь в перечислении номенклатур и проработке понятий (см. рис. А).

Четыре кометы несутся навстречу, сшибаются в новый мир, влекут за собою десятки и сотни теорий, гипотез, философем, теорем: динамизм, механика, атомная химия, энергетика — основные линии их хвостов; основные линии — столкнутся, перечислятся друг на друга, сольются; и основные линии — пропадут; электронность из точки их встречи расширится в электронное море; оригинальные понятия, за вычетом повторных и кратных, останутся: диалектика схемы ведет к новой схеме (см. рис. Б).

(Рис. Б. Заштрихована область исчезающих представлений.)

И вот что рисуется: материя, сила, движение, тепловая энергия, столкнувшись, пересекутся; кратные понятия схем сольются, и —

- 1) масса,
- 2) количество,
- 3) атом,
- 4) число,
- 5) электричество —

— пропадут!..

От материи останется качество; от энергии — свет; от движения — эфир; и от силы — тепло. Нематериальные восстанут: —

- тепло,
- свет,
- эфир.

Качество, свет, тепло и эфир образуют новую схему, подобную приведенным:

свет, эфир, тепло, качество,	} в "электронности".
---------------------------------------	----------------------

Как бы мы ни сводили понятия системы, мы не получим механики; механика катастрофично исчезнет.

При сведении к химии мы получим: три качества (не материальные качества) в основе так называемой материальности: тепловое качество, световое качество и эфирное качество.

При сведении к термике мы получим: три состояния тепла (не измеряемых механически мыслимою работой): качественное тепло (элементов), световое тепло и эфирное.

При сведении к оптике мы точно так же получим: три света: свет "вещественный", тепловой и эфирный; "светы" эти придется нам брать вне гипотезы колебаний; и — вне материи: самая здесь материя будет рассмотрена как особое состояние света: будет насквозь — светоносность.

При сведении к эстетике — три нематериальных эфира восстанут пред нами: тепловой, световой и химический; состояние материальности будет тут выводиться как особое уплотнение эфира; наш физический план растворится в родимом и до-материальном, в эфирном; как куски льда в воде, в эфире растает материя.

Эмблематика при помощи колебаний, сил, атомов станет проекцией эстетике в плоскость символов материальных.

Тепло, свет, эфир, качество — вот четыре понятия вероятных будущих научных теорий; координация их, взаимное выведение друг из

друга будет центрами новой системы наук; в эту систему по всей вероятности и растворится наша система: химико-физико-механическая. И здесь видим мы извне совпадение с антропософическим представлением, ставящим эфир во главу угла "материальности" (материя есть сгущенный эфир); в трех эфирах (световом, тепловом и химическом) узнаем мы три... эфира, трактуемых не извне, но взятых как состояния жизни (символы химии и этеристики — символика состояний сознания). Д-р Штейнер рисует нам такую градацию:

1) В плане восприятия:

(а) внутренне воспринимаемое тепло, (b) внутренне воспринимаемая жизнь, (с) внутренне воспринимаемая чувственность.

2) В плане стихийного впечатления жизни:

(а) тепловой эфир, (b) световой эфир, (с) химический эфир.

3) В плане физической раздражаемости органов:

(а) тепло, (b) свето-воздух, (с) водо-воздушность. Первое состояние (тепловое) он называет Сатурновым, второе же (световое) называет он — Солнечным; третье называет он Лунным¹³⁹. И кладет состояния эти во главу угла в своем "Тайноведении"¹⁴⁰.

С противоположного научного берега диалектика вероятных эмблем — постулирует тем же рядом.

В назидание автору приведем выдержку из Тайноведения, сюда относящуюся.

Д-р Штейнер нам заявляет, что он —

— "никогда не решился бы напечатать то, что говорится, например, относительно тепловых явлений... Тридцать лет назад" —

— он, то есть д-р Штейнер, — "имел возможность заняться изучением физики, которое коснулось различных областей этой науки. В области тепловых явлений особенным предметом изучения были тогда объяснения, принадлежащие к так называемой "механической теории теплоты". И эта "механическая теория теплоты" интересовала его даже совсем особенно. Историческое развитие соответствующих толкований, которое было тогда связано с именами, как Юлий Роберт Майер, Гельмгольц, Джоуль, Клаузиус и т. д., принадлежало к предметам его постоянного изучения. Благодаря этому он в пору своего учения создал себе достаточную основу и возможность, чтобы до настоящего времени следить за всеми фактическими успехами в области физического учения о теплоте"...

— Итак, пусть думают сколько угодно, что писатель, который "говорит о "теплоте" так, как это сделано здесь, ничего не знает о начальных основах современной физики".

§ 51. Непосредственность света

Представления, данные здесь, не произволы фантазии, а материя очевидных научных гипотез ближайшего дня*, и недаром попытки пробиться в за-электронную область мы встречаем в недавнем периоде теоретической физики; то динамический маятник движется от "термо"-явлений к "электро"-явлениям, то опять склоняется к "термо"; электродинамический центр выводится из "гелио"-центра — в теории Герца, которая после сведения материи и силы к единству прочитываема — только так: материя — насквозь свет; мы — насквозь светonosны не в образном, но — в теоретическом смысле; и не в образном смысле лишь свет из вне-мира светит нам в мире; самая освещенная поверхность, то есть свет в непосредственном восприятии, в этом смысле есть свет (не в физиологическом, а в физическом даже); и поверхность свечения — свет: насквозь свет.

В одном смысле, в школьном, ведаёт д-р Штейнер азбуку учебника физики; и исповедует азбуку: —

— "То, что является глазу, есть...
нюанс краски"***.

— "Свет и мрак... принципы"...***

— "Свет... столь же виден, как абсолютная тьма"****

— "Свет, как таковой, вполне невидим"*****.

В другом смысле же, характеризуя теорию Гете, он замечает: —

— "Свет нам дан в непосредственном восприятии"*****. —

— Это значит: говоря физикально — дан в гелиогенезисе вещества; говоря "органически": дан в восприятии. Свет нам дан, потому что мы сыны света, заключение "мы — сыны света" есть заключение научной статьи покойного профессора Умова¹⁴¹; самая эта статья превращает риторичность фразы в реальную подлинность; чтобы это понять, недостаточно "освежить школьные сведения по физике, химии", как того хочет легкомысленный и талантливый автор, а по крайней мере следует освежить "университетские курсы"; с освеженною шко-

---

* Мысль о нематериальном характере эфира — вывод работ берлинского физика Планка.

** GNS. III Band, XXVII.

*** GNS. III Band, Licht und Farbe: XXIX.

**** GNS. III Band, 11.

***** GNS. III Band, 473.

***** GW. 172.

люю в голове ничего не поймешь; и — наивно воскликнешь — по поводу "света": —

— "Пусть каждый спросит себя, видел ли он во внешней природе свет, именно бескрасочный свет"*.

Восклицание — грустно, и выглядит восклицанием разве что... — аборигена Бушмении по адресу случайно услышанных теоретико-познавательных споров: —

— "Где дана форма? В каком восприятии? Видели ли вы какую другую, кроме... гончарной?"

Освежение школьных учебников не привело ни к чему.

§ 52. Гетев свет

Вот Гетев свет: —

— Свет — неделимый, невидимый, себе равный, духовный, свет — идеальный, конкретный, свет — "сам в себе"; свет — единый и целостный; свет — создал глаз; свет в глаз излился, стал плотью глаза; светлый — глаз; свет — "духовное око".

Таков Гетев свет — у д-ра Штейнера.

Перефразируя оду Державина, характеризуюешь его: "свет" —

— ...всюду сущий и единый,
Кому нет места в причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, жмдет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог¹⁴⁸.

Оттого-то он и во тьме светит; то есть: светит в поверхности; и поверхность, материя — тьма — не объяла его: таки — "дан... в восприятии"... Свет истинный, "который просвещает всякого человека"... —

— "Где дан? В каком восприятии? Это или фактическая ошибка, или мистическая риторика"...

Но саровский старец¹⁴⁹ вместе с Гете и... д-ром Штейнером одинаково отвечают: "Нам — дан"...**

Как дан?

Современная физика скажет: "В материи".

Вот — Гетев свет.

* РoГ. 125.

** GW. 172.

§ 53. Практис света

В 1791 световая теория уже сложилась у Гете¹⁴⁴, но пятнадцать лет протекло в опытах, думах и разработке деталей; в 1806-м вышел лишь первый том¹⁴⁵.

Не пером "наивного природовоззрителя" он написан.

На острие световой теории Гете — невероятные блистают прозрения; из острия вылетает молниейно мысль: о праксисе света; о возможности высекать самый свет — из блистающих светом глаз; эта мысль зажигает пожаром; и приводит нас к мысли: преобразования плоти. Преобразования плоти есть факт: мы имеем живые свидетельства о свете... Фаворском¹⁴⁶; но такие же точно свидетельства — свидетельства "духовного знания": этот свет... — звездный свет. В этих "с е т а х" впервые мы у преддверия мысли: свет есть свет преобразования — плоти нашей; первое лицезрение света есть: преобразование нас.

До этого... света нет: есть поверхность свечения.

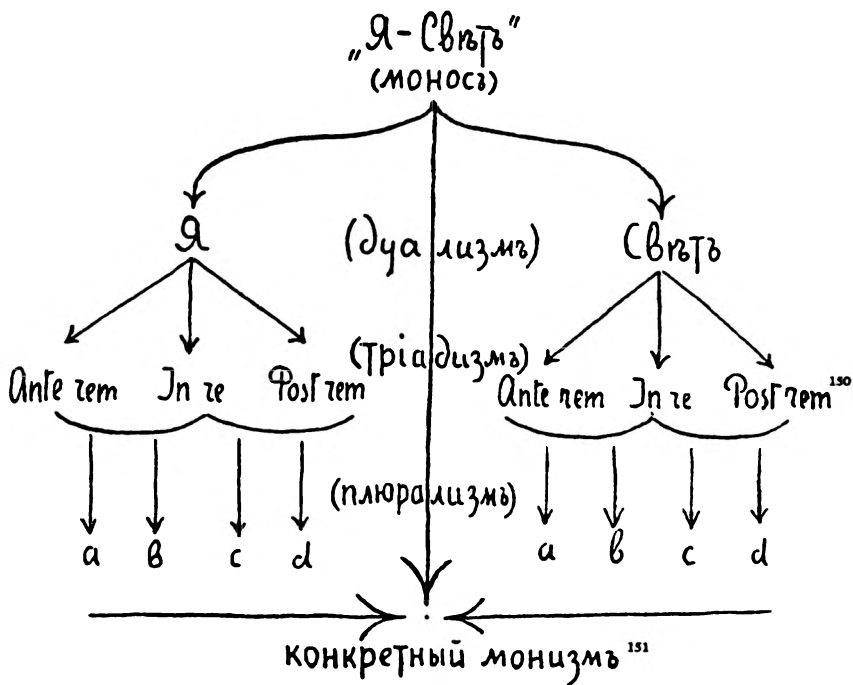
§ 54. Плюро-дуо-монизм

Ясно, что свет этот — "Я" всего мира, как и в Писании сказано¹⁴⁷. Тогда возникает символика: над душою, над временем, вне пространств это "Я", этот "свет". Далее — распадение: "Я" и "свет"; то есть двоица; "Я" сходит во всякое "Я"; свет загорается в мире: далее — плюрализм, "Я" разыгрывается в многообразии проявлений душевных; и разрывается солнце в лучах освещения.

Образуется плюрализм (физика, физиология, психология, метафизика); двенадцать основных мировых построений методически правомерны по д-ру Штейнеру.

В более высокой стадии, между pluralia¹⁴⁸ методов и pluralia ощущений мира развивается дуализм: дуализм преодолевается в трех положениях моноса: вне меня, во мне и в вещах; здесь "монос" — univergalia¹⁴⁹ (монизм триадизма); наконец, в слиянии univergalia мы приходим к единству: конкретный монизм.

Эта символика естественно коренится в световой теории Гете, соединяя ее с моно-дуо-плюральной градацией д-ра Штейнера; ее мы подробно коснемся; и в ней — мы увидим — световая теория Гете восстает по-новому углубленно.

§ 55. Моральное восприятие краски

Так говорит д-р Штейнер: —

— "Вызовем в себе внутреннее ощущение, которое испытывает душа, когда она воспринимает красный предмет... Представим себе, что мы сохраняем очень живое воспоминание о впечатлении от предмета, от которого мы отвели наш взор. То, что остается тогда в памяти, как представление о цвете, оживим в себе, как внутреннее переживание. Мы увидим тогда различие между тем, что составляет внутреннее переживание цвета и внешним цветом. По содержанию эти внутренние переживания совершенно отличаются от внешних чувственных впечатлений. Они в гораздо большей степени, чем нормальное ощущение внешних чувств, несут в себе отпечаток того, что ощущается, как страдание и радость".

Подобное восприятие краски д-р Штейнер называет моральным; это есть душевное раскрытие в краске; и он утверждает: созерцай голубизну небесного купола, видим мы — голубое в небе, меняясь и уводя за собой, как бы тает в бесцветную бездну: неизмеримости; мы охвачены потрясающим впечатлением, открывающим в нас новые источники чувств; самое

моральное восприятие сопровождается переработкою и чувственных восприятий: сине небесвода становится темно-синим, бездонно-темным.

Подобное восприятие краски отмечает и Гете¹⁵²: —

— "При правильном восприятии перехода от желтого к голубому, особенно... при рассмотрении напряжения в красное, соединяющем... противоположения в третьем, имеет место... особое созерцание, полное тайны: в обе сущности... разделенные и противопоставленные, духовный влагает тут смысл: видя... снизу зеленое, сверху же красное, — вряд ли возможно удержаться от думы, при созерцании зеленого — о земном, и красного — об Элогиме^{*153}.

Здесь моральное действие краски вызывает к душевному упражнению: к концентрации внимания нашего одновременно — на краску и на душевное движение внутри нас; переработка чувственного восприятия в моральное при концентрации особенно повышается; переработка такая, в сущности, не имеет границ; можно ли здесь говорить о законах? Д-р Штейнер нам отвечает: да, переработка такая влечет изменение в конфигурации обычных способностей: в конфигурации между вниманием, переживанием, восприятием, мыслью, развивая мысль — в *ui genetis* праксис: интеллектуального созерцания; состояние сознания нашего начинает меняться; и мы открываем законы: иного сознания; сознание это есть сознание в состоянии целостности, сливающим краску, переживание, мысль, волю — в одно: в говорящую краску; в упражнении, составленном сообразно закону морального восприятия, опытное блуждание впотымах заменяется проверенным опытом; упражнения эти и суть медитации. Медитация, повышая активность души, не уташает в нас мысль, чувство, волю развитием преимущественным мысли, чувства или воли, но развивает все три способности, изменяя и усложняя конфигурацию их; мы имеем все переходы: мысль, чувство, воля являются нам в возрастающем ореоле из — чувственной мысли и волящей мысли, из мыслящих и волящих чувств, из чувствующей и мыслящей воли; и восприятие это, переливаясь в градации, отливается в новое восприятие, неизвестное нам доселе; это новое восприятие, появляясь как обертон восприятия данного, все мощней и мощней подымает свой голос, наконец становится тоном; в нем: данное восприятие — обертон; отношения — переместились: стихийное восприятие теперь прорезалось в данном; д-р Штейнер нам говорит: предположим, что состояние морально-воспринятой краски —

— "действует на душу без причины физической. Ясновидящий знает состояния эти: и знает... что они — выражение духовно-душевной реальности, а не эффект воображения только. И когда такая реальность... в нас творит состоя-

* GNS. IV Band, Z. A. 321.

ие сознания, подобное рождающему красный предмет... мы говорим о нем, что оно — красное”*. Следует здесь отметить: выражение состояний сознания в световых и красочных символах по учению д-ра Штейнера не есть эмблематика, а естественный реализм символики, подобий символике наших органов чувств в мире чувственных восприятий; и первое веяние перехода от чувственной раздельности восприятий к воспринимаемому сверхчувственно нас встречает в обычных условиях в субъективном феномене аналогии ощущений, где доклады органов чувств пытаются субъективно соединиться в звуковой или красочный символ: говоря “теплая краска”, “синий город”, я субъективно сливаю раздельности чувств; опытный праксис, ведя через рост субъективности, упорядочивает ее и наконец разрывает: в реальную символику красок; красочность здесь не выдумка, как, например, у Рембо¹⁵⁴, не статистика, как у проф. Грубера, написавшего о цветном слухе целый научный трактат¹⁵⁵, а самая природа сознания, такая же точно природа, как для Гете были природою его цветочные образы в текучести изменений; он предлагал на блюде ния, опыты, упражнения в области субъективного зрения положить в основу учения об изобразительном творчестве; на одной из лекций д-р Штейнер, следуя методу Гете, дал глубокую характеристику так называемой пальметты¹⁵⁶, исходя из конфигурационных законов фантазии, и теорию образа, давшего архитектуру ионической и коринфской колонны¹⁵⁷; в этой области допустима — строжайшая точность.

Состояния сознания, строящего нам красочную метаморфозу из самой природы фантазии, есть состояние переходное от принципа физической чувственности к принципу вне-материальной стихийности; состояние вне-материальной стихийности есть план бытия. Состояние облекает нам душу подобно чувственным облечениям; в теософии принято называть бытие в стихийности бытием в плоти стихийного; следует помнить: “стихийное тело” есть выражение образное. Тело берется здесь, разумеется, во вне-материальном значении; тело здесь комплекс состояний¹⁵⁸.

Относительно области, характеризованной выше, так говорит д-р Штейнер: —

— “Найдут, что люди, могущие делать сверх-чувственные наблюдения, употребляют... выражения, заимствованные у чувственных ощущений... Можно встретить... описание стихийного тела... где будет сказано, что оно является... световым... оно вспыхивает... мерцает и светится, и заметно, что эти цветовые и световые явления суть проявления... жизни. То, о чем... говорит наблюдатель... невидимо. Это происходит оттого, что в сверх-чувственном переживании освобождение от чувственного тела не бывает полным”***.

* Ср. OT. 409—410.

** ПСЧ. 30, 31.

Чувственное берется здесь в образном, в ощущении не коренящемся смысле; в смысле образа иных состояний сознания; берется, как символ; автор же, не поняв ничего, струит яд: "Среди всей этой опутанности плотями в отчаянии спрашиваешь себя наконец, да не достаточно ли нам, однако, единой материи?.. Нет, теософия требует, чтобы мы напрягали наш дух дальше, чтобы он наконец "увидел" другие разные материи"*.

— Непонимание в усвоении теософских понятий прозрачно представлено: образное выражение — "плоть" спутано с... минеральным составом... Оттого-то и спутана: область образных моделей фантазии с феноменом минеральной природы: магнитом; оттого стадии состояний спутаны с "разными другими материями". И так далее, далее...

Д-р Штейнер нам говорит: —

— "Вполне свойственно описание, пользуясь... выражением... вспыхивает цветовой облик"***.

§ 56. Жизнь краски

Состояние стихийности в своих точках касания с состоянием чувственности разряжается в планомерной градации красочно-световых отпечатков; в плоскости чувственных выражений состояние это пользуется символикой субъективного зрения с тою конкретной естественностью, с какой мы изживаем себя в символике органов чувств; и з у ч е н и е, ж и з н ь, у п р а ж н е н и е в моральной работе над чувственным отпечатком — острение теории Гете; субъективное зрение предопределяет нам краску; упражнение, ведущее нас к стихийности, превращает область работы в построение стихийного органа восприятия: наша стихийность ветвится, членится и зажигает нам в краске световой и зыблемый мир: мир красочной жизни.

Гете хотел душевного упражнения в отношении к зрению, и Гете не знал: приложение упражнения к зрению суживает диапазоны морально в нас прорастающей красочности, закупоривает переработку чувственных после-образов; перенесение упражнения в душу, безотносительно краски, именно — и зажигает в нас новый мир: световой; краска здесь — написания объективнейших знаков: светочи — азбука; а течение их — разговоры существ.

Гете ждал результата от упражнения с глазом; от после-образа он восходит к душевности; и — зывает: —

— "Думаю я... путем упражнения... после-образ (Nachbild) мог бы держаться и дольше, и внутренней"****.

* РoГ. 441, 442.

** ПСЧ. 32.

*** GNS. IV Band, Z. A. 315.

Доктором Штейнером утверждается: краска в душевности нас относит — к существованию стихийного мира; в существовании душевного упражнения раскрывается в глазе — глаз: и мерцание краски в глазу из невинного трепета субъективнейших всплывших разрывается — в новый мир: алфавита красок; светлы, трепеты, светочи — начертания существ.

Продолжение и реальное расширение световой теории Гете согласно градации Гете — в психической сфере; эта же сфера из сферы субъективно мерцающих переживаний (от простейших — до сложных: переживания цветовые) превращаемо, далее, в теорию ауры¹⁵⁹, как душевной жизни в стихийном и в звездном; и здесь Гетева краска — впервые во плоти своего выражения: она — смех, танец, плач душевного существа: "Наши слова получили... значение и отпечаток... главным образом по отношению к телесному миру*, то есть миру органов чувств: в "организме" стихийного и звездного состояния же "многое... может быть намечено и высказано лишь в символах"^{**}.

Природная речь стихийного состояния отобразима лишь, как внятно гласящая краска: —

— "Жизнь в духе... — сказывается розово-красными или светло-фиолетовыми цветами... Оскорбленное чувство чести... можно воспринять в виде темно-зеленых облаков... Приступ страха... виден... сверху донизу, как волнистые полосы синего цвета"^{***}...

Так говорит д-р Штейнер; всплывки света здесь — речь.

— "У ясновидящего... последовательность опрокинута: внутренний опыт появляется предварительно, неопределенно, как... воспоминание о краске; а потом уже появляется образ, ставящийся все живей и живей"^{****}.

Далее, наступает событие образа — в чувственном мире.

В обыкновенном состоянии сознания — наоборот: событие наступает сперва; им вызывается образность; образность, суммируясь в памяти, остается там, как воспоминание о красочном тоне. Гете сводит теорию красок к — субъективному образу; в субъективном образе краски видит он путь перехода от физиологического к психическому и духовному; и предлагает — путь упражнений: в промежуточной области (не то в психо-физиологической, не то в физио-психической); предлагая здесь упражнение, отрезает теорию света от чисто физической сферы; и прирезает: к душевному упражнению.

Путь душевного упражнения — путь духовной науки.

---

* Т. 74.

** Ibid. 75.

*** Теософия, 145, 146.

**** Ср. От. 410.

Световая теория Гете, являясь бутоном, в теософии и в опытной практике христианства, раскрывается в пышный цветок; Гетев свет (Фаворский иль... "звездный") только и возможен — в луче: света Христова; Гетева красочность (аура) возможна как проявленная жизнь мира существ: как радуга иерархий; радугой Гетева краска сходит с неба на землю: ангелы и архангелы в ней ведут разговор; красочный мир — мир явлений — создание творчества ангелов, осуществляемое в борьбе с духами тьмы, где душа человека есть палитра; силы души, приемля свет мира, проясняют им бездны материи. Красочность, разлитая в мире, есть весть о том, что душа человека проходит положенный путь: из тьмы к свету.

Хорошо говорится о свете и краске в мистерии д-ра Штейнера:

PHILIA:

Ich will erfüllen mich
Mit klarstem Lichtessein
Aus Weltenweiten
Ich will eratmen mir
Belebenden Klangstoff
Aus Aetherfernen,
Daß dir, geliebte Schwester,
Das Werk gelingen kann.

ASTRID:

Ich will verweben
Erstrahlend Licht
Mit dämpfender Finsternis,
Ich will verdichten
Das Klangesleben.
Es soll erglitzernd klingen,
Es soll erklingend glitzern,
Daß du, geliebte Schwester,
Die Seelenstrahlen lenken kannst.

LUNA:

Ich will erwärmen Seelenstoff
Und will erhärten Lebensather.
Sie sollen sich verdichten,
Sie sollen sich erfüllen,
Und in sich selber seiend,
Sich schaffend halten;
Daß du, geliebte Schwester,
Der suchenden Menschenseele
Des Wissens Sicherheit erzeugen kannst!⁶⁹.

Теория Гете, продолженная методически, перелагает красочность в душу; переложенная, душой она снова спускается — по слову мистерии.

§ 57. Воплощенность Гетеовой краски

Следует четко отметить.

Одушевление Гетеовой краски — не вывод абстрактной теории; не постулат, гласящий с вершины ее; одушевленность краски для Гете есть факт; теории света предшествует он; теория членораздельно лишь выговаривает давно известное Гете; градация опытов в градации отношений есть азбука отношений; азбука, слагая слова, вылагает пред всеми лишь то, что Гете ведал до опыта; ведение поэта перелagается в знание; знание, не сливаясь с ведением. Ведению пролагает пути стать логическим утверждением. Утверждение в середине; до него и за ним стоит прозрение Гете; Гетева физика — облечение поэтической, реальной были в язык опытных представлений; но "ведение" не насилует опыта: опыт течет не предвзято; опыты не искажают прозрения; и идея сквозит за явление; опрозрачена Гетева краска и сложена: не из "п и г м е н т о в", а — из душевностей. "В е д е н и е" поэта отразилось в ученом искании свободного опыта; опыт Гете — реальное общение с природой; и вовсе не "п ы т к а" природы; не — ее истерзание.

Любовное отношение к опыту слагает теорию; здесь Гете уподобляется Леонардо-да-Винчи; как этот последний слагает теорию раковин из любования раковиной, из влюбленности, может быть, в ее перелив, так Гете слагает теорию из трепета перед краской; самая материальная краска у Гете трепещет лучами. Это — не так себе краски, а — эта вот бирюзовая, играющая на струнах души, из бирюзово-пурпурных настроений — сложены Гете эти вот материальные: бирюзовая и пурпурная краски¹⁶¹; и — он любит их; и они — душевности для него; материальная краска есть прежде всего воплощение; и уж после — явление; явление в наблюдении; в восприятии — уже воплощенность; методически краску он брал, как явление, зная à priori, что она — воплощение; тайна этого воплощения, невыразимая в термине, определяла у Гете благоговейное отношение к самому феномену краски; благоговейное восприятие воплощений отвращало его от рассудочных спекуляций; взяв воплощенность феноменом наблюдений и опыта, он не мог производить вивисекцию над целостной данностью, хотя бы и в мысли; с и н е е было ведь для него только нечто, уводящее вглубь за собою; к р а с н о е — извне приходящий, в душу просящийся мир; эти вот восприятия были для Гете неразрывны с феноменами: красное, синее. Мыслить "красное" в "клочках" абстрактного количества колебаний, значит: мысленно совершать насилие над целостным краской; неправомерное или даже случайное примышление к опыту — Гете казалось кощунственным; опыт в насилии — не испытание: пытанье; абстрактному дроблению природы в микро-явлении противопоставил Гете любовный свой опыт: воссоздавание явления. Гетевский опыт, ставя в границы явления и оставаясь научным, целомудренно оставлял ненарушенной тайну феномена; благоговейное установление прото-феномена есть указание на открывающий факт; углубление же в мистерию его воплощенности, указание на идею в явлении, — это все относилось к иному параллельному миру; это

все созерцательно подымалось в душе. В своей теории света Гете строит нам чистую, от при-мышлений свободную оптику, свою оптику — оптику любовного опыта, бережно берущую краску и заставляющую ее развиваться свободно вне при-мышленных колебаний; как таковая, Гетева "физика" есть "физика", поскольку она касается опыта; поскольку же она одевает в явление некое воплощение свыше, она — упорядочение положенного нам в тайне: и так взятая, хроматософична она. Теоретически Гете краску проводит по восходящему ряду: 1) случайное 2) механическое 3) физическое и т. д. Собственно гениальное заключено уже в случайном. Восходящий ряд есть собственно круг. Градация тут — по кругу: и физика — не физика вовсе, а внешнее выявление хроматософии Гете.

Такова теория света.

§ 58. "Хроматософия" и Эмилий Метнер

Моя ретушь, при помощи комментария д-ра Штейнера, световой теории Гете — эмбриональный набросок; не использовал я и четверти комментария; читатель, полагаю я, видел — несоизмеримость картин: световой теории Гете в транскрипции Метнера и д-ра Штейнера; во-вторых, видит он: мысль д-ра Штейнера и ее же — в транскрипции Метнера. Набросать две картины, а не дать "ученый" трактат — моя коренная задача: Метнер пишет полу-афоризмами, полу-философскими рассуждениями; половинчатость тона толстого его тома не дает мне возможности углубиться в чисто научную или же философскую трактовку вопросов, им дилетантски поставленных; а заниматься критикой неблагоприятно и скучно.

И поэтому мне остается: рисовать картины и — набрасывать контуры по материалу, использовать который возможно в отдельной, объемистой книге, а не в сжатой главе.

Многообразие ссылок явило: д-р Штейнер мыслит иначе, чем думает о нем уважаемый автор разбора. Автору в главе "Гете и физика" следовало бы отметить: полное свое расхождение со статьями и комментарием к "GNS". Об издании Кюршнера¹⁶² в главе "Гете и физика" автор упорно молчит, а... молчать не имеет он права: статьи д-ра Штейнера и примечания к тексту превышают объемом "GW", а "GW" посвящается — целый том.

Упорное игнорирование "GNS" более чем непростительно.

Беру главу автора "Философская позиция гетеанства"; варварски в ней автор расправился с 76 страницами "GW", умолчав:

— 1) о 90 страницах "Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung"¹⁶³ (мелкого шрифта).

— 2) о 74 страницах (петита) статьи-предисловия к XXXIV тому издания Кюршнера, разбирающих позицию Гете-философа в его отноше-

нии к Спинозе, Канту, Джордано Бруно, Шиллеру, Фихте, Шеллингу, Шопенгауэру и т. д.;

— 3) о 15 страницах петита примечаний к Гетеву тексту;

— 4) о десяти страницах статьи-предисловия к отделу "Sprüche in Prosa" XXXVI тома издания Кюршнера;

— 5) равно о комментариях к тексту ""Sprüche in Prosa" (до 20 страниц петита).

То есть: —

— о 209 страницах петита характеристики Гете-философа уважаемый автор в главе "Философская позиция гетеанства" упорно молчит; со взглядами, там проведенными, он не считается; а потому: резюме этих взглядов в "GW" (83 страницы крупного шрифта), не понимая их, он посвящает главу.

В следующей главе "Организмизм Гете" — повторяется та же история; и — встречает нас красноречивейшее молчание о —

— 1) 74 страницах петита статьи-предисловия к XXXIII тому;

— 2) минимум 40 страницах петита комментария к Гетеву тексту XXXIII-го тома;

— 3) 14 страницах из "GEGW", посвященных органике. То есть: 60 страниц крупного шрифта "GW" искажены; а 128 страниц конкретнейшего разъяснения пропущены автором. К чему это приводит? Вот к чему: уважаемый автор пространно толкует о биогенетическом законе, сближая воззрения д-ра Штейнера с биогенезисом Геккеля; о биогенезисе не распространяется д-р Штейнер в "GW". И о биогенезисе подробно трактует статья-предисловие, что видно из мной приведенного оглавления содержания статьи.

Чтобы судить о подлинном соотношении между текстом в "GW" и текстом в "GNS", достаточно сопоставить страницы; страница в "GW" равна ($45 \times 32 =$) 1440 буквам; страница в "GNS" равна ($72 \times 44 =$) 3080 буквам; то есть: страница петита равна двум страницам "GW". Итого: по вопросу органики автор выкинул (приводя страницы "GW" и "GNS" к одному знаменателю) 256 страниц, равных странице "GW"; по вопросу о методологии и философии Гете он выкинул (смело можно считать) до 350 страниц. То же в вопросе о физике; глава "Гете и физика" искажает 31 страницу литературного резюме; и молчит о —

— 1) 30 страницах петита статьи предисловия к "XXXV" тому издания Кюршнера, равных 60 страницам "GW" и трактующих о теории красок у Гете.

— 2) 16 страницах статьи предисловия к XXXVI тому, равных 32 страницам "GW".

— 3) минимум 80 страницах подробного комментария к световой теории Гете, равных 160 страницам "GW".

Итого: 31 страница осмеяна автором; и не разобрано 126 страниц петита, равных 252 страницам "GW".

Итого: —

— в трех первых главах первого тома "Размышлений о Гете" разобрано 180 страниц и опущено, переводя в страницы "GW", (350 + 256 + 252) 858 страниц подробного разъяснения. Разъяснение по поводу каждого из трех вопросов (философия, органика, физика) превышает размерами книгу д-ра Штейнера, подавшую повод к написанию толстого тома полемики; и везде фигурирует Гете. Долг критики принять во внимание десятилетний труд комментирования и уяснения Гете, стоящий в кричащем противоречии относительно всех категорических обвинений Эмилия Метнера, предьявленных д-ру Штейнеру.

— Но Метнер молчит.

Может быть, не подозревает он о существовании издания Кюршнера?

С автором обстоит дело хуже: о 858 страницах ("GEGW" и "GNS") автор знает прекрасно, но... молчит о них там, где касается непосредственно вопросов, затронутых ими (в первых трех главах); только там, где надобность на них указать миновала и он переходит к эстетике, он в примечании к главе "Эстетика и символизм" — в примечании, спрятанном на задворки объемистой книги, на 498-й странице — разрешается от бремени фразой: —

— "Хотя

Штейнер в своем предисловии к XXXV тому Кюршеровского издания Гете и говорит, что физика и учение о цветах Гете — "две совершенно различные вещи", однако он... не сознает сказанного". Психология этой цитаты отрезает автора от возможности как-либо оправдаться в искажении взглядов д-ра Штейнера на основании следующего: —

— 1) примечание на 498 странице многие из читателей не прочтут;

— 2) прочтя, непосредственно не заинтересуются им, ибо оно отводит от трактуемой темы — "эстетики";

— 3) между тем у них останутся в памяти фразы, подобные следующим: "Штейнер бьется как рыба об лед" в искании разделительной формулы между Гете и физикой;

— 4) упоминание вскользь об издании Кюршнера создает уверенность в том, что центр характеристики Гетевой физики в 31 странице "GW"; предисловие, комментарий могут занять ведь и несколько страничек, не более;

— 5) и во всяком случае, бедному читателю неизвестно, что формула деления Гете и физики (приводя к страницам "GW") обнимает собою 252 страницы текста; по

отношению к ним 31 страница "GW" — краткое резюме; и весь центр характеристики — в издании Кюршнера.

— Не утаивать утверждений, противоречащих критике, — долг всякого критика; утверждение д-ра Штейнера, что физика и учение о цвете "две совершенно различные вещи", подкреплено десятками страниц и огромнейшим, ученейшим аппаратом; утверждение в примечании: "однако он не сознает сказанного", и умолчание о сказанном в тексте, — спекуляция на неведении читающей публики.

Уважаемый автор подрывает себя: критика его — травля, травля, пущая для чего-то; травля, заранее предreshенная; взгляды д-ра Штейнера не интересуют его.

§ 59. "Гете был... — культур-трегер!"

Теперь возьмем автора.

Мысль его в отношении к Гетевой теории света даже не "еле светится", а — вовсе не светится. Между тем: световая теория Гете — одна из вершин гетеанства; Гете ведь нам признается: —

— "Что я в моем столетии в трудной науке теории красок один, знающий правильное, — вот за это я себя и ценю, и сознаю свое преимущество перед многими"*.

Зов Гете к нам — уважить теорию света — автором не уважен; посвященная "миру красок" глава¹⁶⁴ — глава толстого тома — должна бы, казалось, нам дать — толковое разъяснение: как именно смотрел Гете.

Но единственное, что мы от автора узнаем — вот что мы узнаем: —

— Для Гете — свет полярность тьмы; вот уже нечто словно антифизическое**.

— Это "нечто" и это "словно" — читатель?.. Почему быстро и ясно не формулировать мысль, как оформлена она у д-ра Штейнера: физика и учение о свете — "две совершенно различные вещи". Но автор становится скромнее; он — "словно" боится и прибегает к вещанию, напоминающему вещанию романтических юношей конца истекшего века, писавших à la Метерлинк все с "где-то — как-то — и что-то"; где, что и как — оставалось покрытым непроницаемой тайною и выражало глубинность, неизреченность¹⁶⁸. Не правда ли — глубоко: "Нечто... словно... анти... физическое?"

* CNS. IV Band, Z. A. 331.

** ПоГ. 126.

Вот что мы узнаем; узнаем и еще: —

— "Если Кант полагал, что физика есть наука не о самих явлениях, а для опыта о них, то о своеобразной "физике" Гете можно сказать, что хотя учение о цветах и не является наукою культурного ряда, но оно — для культуры"*.

Дерзновенная смелость разгрома неувоенной позиции д-ра Штейнера сменяется — очаровательным бормотанием краснеющей барышни: "Хотя учение о цветах и не... культурного ряда, но оно — для культуры". Утверждение, подобное приведенному, есть откровенный "отказ от толкового объяснения". Потерпевши крах с Гете, автор с удвоенным пылом выплывает как обличитель: —

— "Легко говорить о "духовном оке" Гете... Ссылка здесь на духовность есть отказ от толкового объяснения, как именно смотрел Гете и чем именно его рассмотрение отличалось от смотрения других"***. —

— Предоставляю оценку цитаты читателю: пусть он сопоставит два объяснения — "как именно смотрел Гете" на свет: д-ра Штейнера и Эмилия Метнера.

§ 60. Занятие светотенью

— "Сесть и начать писать ни с того ни с сего о Гете кажется мне... невозможным"****. —

— Явное дело: —

— Метнер нуждался в чернилах: видя Зигфрида, Зигфридом ослепленный, он подыскивал Миме¹⁶⁶; ему было нужно: казнь Миме, при помощи Миме, от Миме, — коснуться краешком... Зигфрида.

Это — прием, практикуемый всюду; и прием этот прост; проекция света на плоскость есть *tabula gava* — неисписанный белый лист: несказуемое переживание Гете; лучше бы в несказуемом и пребыть и белого листа не чернить.

Но чернила нашлись (не простые, а — наиболее черные): д-р Штейнер, знаток Гете и... вместе с тем... "окультист"... Карикатурить тут очень просто: карикатура "о к к у л ь т н о е", в глазах публики опрокинешь ведь и "з н а т о к а г е т е а н с т в а"; опрокинувши знатока, рикошетом коснешься и... Гете; словом: максимум безответственной простоты.

* РоГ. 127.

** РоГ. 94.

*** РоГ. 17.

Метнер —

— бросается на бумажные стопы: чернит бумажные стопы и достигает чернотой в не зачерненном им пункте чистого светового эффекта и... —

— доносит читателю, что "знаток" гетеанства осведомлен "о русалках и эльфах"*; и не просто осведомлен, а — "подробно" осведомлен.

Читатель — в ужасе. —

— Чернильная клякса расплющилась на бумаге... Д-ра Штейнера окружают... "рантье": вторая расплющилась. Третья... —

— Белый лист — в черных кляксах.

Свои черные кляксы затем он окружает штриховкою: начиная от более темной (рядовые физики и инженер-технологи), через менее темную (профессор Форлендер), к светлеющим (гениальные товарищи физиков), — во все светлеющим (Кант) — к... белой, неисписанной плоскости, являющей контур: —

— Переходя к контуру, видим мы: бумажную плоскость; под ней чувствуется — "несказуемый сказ": Гете — неизреченный и несравненный... Тут местами автора посещают видения: на луге пред ним растет — прототип; или же на автора нападает — "столбняк": песнь о Гете — *gottasse sans paroles*¹⁶⁷ — обрывается; несказуемый сказ — красноречивое молчание просто.

* * *

Я всегда поражался одною, особою, черточкой, характеризующей порою знатоков — чего бы то ни было; до неуловимости тонкие замечания расточают они подчас о до неуловимости тонких деталях их любимого дела; в замечаниях — талант, трепет, блеск; думаешь: стоит подобному знатоку одарить читателя книгою о предмете своей специальности, — для читателя откроется новая эра; и — нет: читая даримые книги знатоков чего бы то ни было, часто я удивлялся, как блестящие детали нюансов порой "прозревающих" мыслей сменялись: общеизвестною схемою; в единую мысль не слагалась мозаика мелочей; именно знатоки нового в свою сферу не вносят; и именно: "удел дилетантов" будить мысль знатоков; знатоки перегружены материалом; материалам в процессе высказывания они — нет-нет — поперхнутся; поперхнутся и промолчат; и покроют молчание схемою, взятою напрокат у бездарности; и есть предрассудок: знатоков, прикрывающих место изорванной мысли завзято-банальною схемою, почитать за бездарных; в большинстве же случаев знатоки не бездарны: разговоры таких знатоков большего удельного веса, чем их печатное слово; проживи такой знаток до ста лет, — мысль его таки сложится: и — будет

* ПоГ. 87.

громадою; но знатоки "до-ста лет" очень часто в печатных трудах являют досадное зрелище: аберрация обидих мест покрывает оригинальную мысль.

Что-то есть от упомянутых знатоков и в уважаемом авторе; уважаемый автор трагичен: талантливость — налицо, а проку в ней нет; вместо мысли о Гете — эмоция: облако прихотливых орнаментов, нам рисующих автора, как интересного человека; и — только; облако — не относится ни к Гетеву миру мысли, ни к миру мысли д-ра Штейнера; "облако" разве что рисует эмоцию к Гетевой мысли без Гетевой мысли; мимяку говорящего Гете без слова мимики: подлинный "g o t t a n s e v a n s p a g o l e s". Так: слушая голос любимого, мы не вникаем в мысль голоса — вникаем в звук голоса; видим блистание "сине-карего" глаза; о чем "блистание" — все равно: о чем да нибудь!

Гете стоит перед автором: постоянное присутствие Гете препятствует автору мыслить о Гете; присутствие постоянно; и постоянно: конфузится автор. Размышлять он будет потом, когда уйдет Гете. Что какая-то огромная мысль хочет прорезаться в нем, это — ясно; что она не прорезалась — тоже ясно; и ясно: теперь не прорежется.

Что д-р Штейнер прорезал нам мысли о Гете своею огромною мыслью, этого автор а ргіогі не допустит до времени своего разрешения от бремени; только мудрое созерцание и отрешенность от чувств с годами ему мысль прорежет. И тогда с большею независимостью отнесется он к огромному созданию д-ра Штейнера: вскрытию для всех нас Гетева мира мысли. Через голову нынешних "Размышлений" о Гете я желаю автору долгой, и главное, спокойной работы, потому что жду от него иных "размышлений" о Гете.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕТОДОЛОГИЯ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

§ 61. Мой разбор

Мой разбор разбора зрения сводится к указанию, что такого разбора и нет; я разбирать не могу: я описываю. Где идеи, понятия, фразы танцуют свой танец, там разбор невозможен. Где идеи, течения, имена явлены в их стремительном вихре, где охваченный ассоциацией автор уносится ею — там разбор невозможен.

Там во-образен д-р Штейнер; там во-образен Кант; там во-образен "ограниченный" физик с его "гениальным товарищем". Воображение бьется там; воображением бьются там; на поверхности поднятой бури, как ни в чем не бывало, там метаются обычные термины — "окультизм", "критицизм" — пока не вскрывается: под вторым — безглагольная музыка; и Геккель — под первым; там все термины специфичны; ты же берешь их обычно до... первого подводного камня.

Я штудировал книгу автора. Я бы ее озаглавил: "Агломераты". Перед книгой, скрывающей танцы, изумление разрешаю я тем, что внимательно начинаю описывать. Я извиняюсь: я вынужден и читателю дать образ книги. Описание — путь к объяснению; в экспозиции метода книги ступаюсь я, чтоб не быть голословным; голословному утверждению не поверит читатель, потому что я утверждаю: непосредственно данные конгломераты фантазии — не фантазия даже, но лежащие за порогом фантазии элементы фантазии; самопроизвольно ожившие и бьющие автора, превращенного в наковальню, — фигурируют они перед нами; как считать их разбором многограннейшего, тончайшего явления современности — д-ра Штейнера?

§ 62. Д-р Штейнер и Кант

Опираясь с термином, не пытается членораздельно оформить, что разумет под термином, — уважаемый автор: его логический смысл, или душевное восприятие смысла? И то же — со всяким течением, встречным в книге: значимость всех течений берется автором — как? В архитектонике логики? В эстетическом созерцании? В свете ли их культурных и общественных миссий?

Многосмысленно берутся вопросы, многосмысленно ставятся, многосмысленно на них отвечает нам уважаемый автор.

Чем у автора является Кант? Зачинателем тенденции критицизма? гносеологом? культуртрегером? метафизиком? Или же — гениальной личностью, определяющей все: метафизику, философию, критицизм и культуру?

Так: едва мы берем путеводную нитью гносеолога Канта, как является Кант-метафизик, чтоб смущать наш покой — своим сходством с Ведантой; или: психологически восприимчивый Кант является... — Канто-Платоном; ограничительная тенденция кантианства вдруг у автора расширяется — да так расширяется, что выглядит просто "безумным обаятием", принимающим все полезное, доброе, вечное в свое безграничное лоно¹. Но все понимания Канта побивает "непонятный" Кант: певец, эзотерик, истолкователи Канта не поняли Канта; понял — автор; Кант у автора — бард.

Потрудитесь теперь разобрать: этот Кант, или "кант", окаймляющий Кантов (метафизика, гносеолога, ведантиста и просто "арийца"), или "кант", распеваемый глубинами философа Канта, — этот Кант, или "кант", или "кант", как же сдвинет он с места все сказанное на страницах 29, 40, 46, 56, 85, 82, 123 и т. д., где фигурирует: канто-критический метод, а вовсе не канто-лирический.

Многосмысленен — Кант.

Д-р Штейнер — еще многосмысленней: доктринер, демагог, педагог, нищепанец, оккультный учитель; и — так далес, далес.

Многосмысленно у автора все, потому что все — только частности; принципиальность отсутствует всюду; не разобраны принципы: теории знания Канта, теории знания Метнера и... д-ра Штейнера; между тем они — налицо: у Канта и д-ра Штейнера. Уважаемый автор теорию знания берет напрокат у "многоглавого" Канта; он догматик от Канта; Кант его предпосылка; "критически" у него не разобрано, почему он так действует.

Все пятьсот тридцать семь нападений — нападения частностей неданного взгляда на частности неданного взгляда. Оттого-то взгляд тут "глазение", ведущее к "глазу". Метнер "сглазил" воззрения автора книги о Гете и брошюры о Гете.

Невозможна конструкция "взгляда" над незрячим сплетением, потому что "глазеющей голословицей" неотступно сверлит разбираемый взгляд уважаемый автор.

Не удосужившись дать структуру явления, заклеянного как "монизм", уважаемый автор противника, где захочет, кольнет своим "сверлом": и —

— монист, монист, монист, монист, монист —

— бежит по страницам; просунется с колкой усмешечкой на страницах 71-й, 72-й, 75-й; на страницах 85-й, 86-й, 95-й этот самый монизм фигурирует как явление вполне установленное; на воображенном понятии строятся заключения: "дело в том, что"... "иначе... быть не может", аккомпанируют кривотол-

ку; и — пишется манифест: от лица "дуалистов"², которые "предпочитают спотыкаться на своих на двоих, нежели быть уносимы по мировой спирали"; и — далее: это слово шипит и свистит со страниц: 106-й, 131-й, 142-й; и —

— монист,
монист,
монист,
монист,
монист —

— продолжает бежать
по страницам.

Создается уверенность: д-р Штейнер "м о н и с т" в каком-то там смысле — и очень позорном; между тем — конструкция монизма отсутствует: у автора; между тем — что разумеет под монизмом?³ Между тем — о монизме в позорном том смысле, в каком обвиняется д-р Штейнер⁴, д-р Штейнер подробнейшим образом разъяснил, что дела такого монизма с точки зрения теории знания обстоят не блестяще.

Но крылатое слово порхает: от первой главы до последней.

§ 63. "Критицизм" и Эмилий Метнер

Я беру "критицизм". Рубрика фигурирует в заглавии книги: "Разбор взглядов... в связи с вопросами критицизма"...

Руководствуясь правилом — сражаются равным оружием, — я сперва изложу конструкцию "критицизма" — у автора и у д-ра Штейнера. "Критицизму" у автора не посвящено отдельного очерка; приходится обследовать книгу, идти от страницы к странице: путешествие длинновато.

Для уличения в критичности автора книги о Гете:

па —

- 1) сорок пятой странице: ссылка на "Критику" Канта⁵;
- 2) сорок седьмой — восьмой — девятой, пятидесятой, пятьдесят первой — второй: трактуется о прививке сознанию Гете критической философии⁶;
- 3) пятьдесят четвертой: указаны искажения Канта.
- 4) пятьдесят шестой: трактуется об инфекции Гете антикритицизмом (инфицирует — д-р Штейнер);
- 5) пятьдесят восьмой: о попытке дать правомочие механизму (при помощи Канта)⁷;
- 6) шестьдесят седьмой: дается постановление (идти против Канта нельзя, не будучи великаном);
- 7) семьдесят второй: о критическом дуализме⁸;
- 8) семьдесят третьей: трактуется о естествознании⁹;

9) восемьдесят первой:	}	трактуются о многообразных вопросах в связи с "критицизмом".
10) сто четырнадцатью:		
11) сто тридцать первой — второй — третьей:		
12) сто девяносто пятой — девятой:		

И т. д.

О конструкции самого понятия "критицизм" уважаемый автор молчит¹⁰.

§ 64. "Критическая" проблема

Приходится уже нам заключать, что проблема "критической" философии совпадает у автора разбора воззрений —

- 1) в целом ряде страниц трансцендентальной проблемой¹¹;
- 2) с кантианством;
- 3) с наукою о науках¹², т. е. с тенденцией построения;
- 4) с метафизикой;
- 5) со сферой культурного символизма.

И т. д.

Как нам брать критицизм?

Как науку наук? Но она рассматриваема, как —

- 1) теория знания;
- 2) наукоучение;
- 3) система наук.

Положение второе и третье ведь у Канта оспорят: автор "Наукоучения"¹³ Фихте и Конт¹⁴; а положение первое правомерно оспорят и Риккерт, и Гуссерль¹⁵.

Как трансцендентальную философию? Но тогда, — что станет с символизмом¹⁶? Метафизикой? Перетащить в метафизику Канта, меж "критицизмом" и нею поставить знак равенства — можно¹⁷: все можно, конечно, при одной оговорке: разрешение проблемы тут в авантюре; и — только.

Тщетны усилия разобраться в загадках, разбросанных автором: блещет отсутствием взгляд, — оттого ли, что автор, не чувствуя себя великаном, с похвальной скромностью просто стесняется Канта и одновременно смущается целостной подчиненностью Канту, не довольствуясь Кантом? И одною ногою касаясь методологии логики, то есть Канта-Когена, другою, равновесия ради, так педалирует Кантом, что педаль ему изменяет; и стоит перед нами не Кант, а Канта-Платон.

Но и тут, испугавшись педали, рекомендует он Канту — стать вместе с ним метафизиком. Критически не разрешенный им род Кантовой философии становится средним родом; Кант же становится "канто"; то — "к а н -

то"-Платоном, то — "канто"-Когеном; или: чувствуя, что от Канта разъезжается он и вправо и влево, снова садится на Канта и начинает жонглировать: —

— Справа налево и слева направо —

— "Когено"-Платоно,

"Платоно"-Когено —

— направо, налево —

— скудное, труд-

ное, нудное —

— "Канто-Платоно-Когено"¹⁸ какое-то... —

§ 85. Д-р Штейнер и "критицизм"

"Критицизм" Эмилия Метнера — "окультурный" феномен; за отсутствие "критицизма" расстреляна тонкая философия; в точках же боя — "критицизма" Эмилия Метнера нет; он — укрываем; это — царское платье из андерсеновской сказки¹⁹; все ему удивляются; в нем красуется автор.

Постараемся очертить укрываемый взгляд.

Уважаемый автор разумеет, как видно, тенденцию Канта; патетически он относится: к тенденции Канта и — к Канту; "критицизм" — это Кант. Человечество делится автором на неравные части; меньшинство: культуртрегеры, физики и поэты, читавшие Канта; большинство: рядовые товарищи физиков, д-р Штейнер и... массы; с Кантом они не знакомы или Канта — не поняли; культуртрегеры на них смотрят с улыбкой; словом, две неравные суммы; единицы одной — возвеличены; другой — обезличены: скрычены, сучены, стерты.

Сквозь объемистый том экспозиция "критицизма" проходит — в аккомпанементе двух пафосов: канто-лирическом и штейнеро-сатирическом; распевается лирический "кант" о лирике... Канте. Патетический тон по адресу кантианства кажется мне, признаться, наивным; тема "критических модуляций" разделяется всеми; особенно — д-ром Штейнером: —

— "Кант действительно опроверг догматическую философию"^{*}.

И дальше: —

- 1) хотя элементы теории знания находимы до Канта, но во всей глубине элементы эти вскрыты впервые у Канта^{**};
- 2) "Критика"²⁰ начинает новую эру^{***};

* ИмН. 8.

** ИмН. 21.

*** ИмН. 22.

3) после Канта же "кантланцы"²¹ над теорией знания поработали более всех*.

В полном согласии с автором так говорит д-р Штейнер.

И дальше: —

— "Фихте, Шеллинг, Гегель не заботились больше об установленных... границах... познания... Роковой судьбой этих мыслителей было, что они искали познаний... не положив основы для... исследования природы самого познания. Поэтому... зданья мысли Фихте, Шеллинга... Гегеля стоят перед нами лишенными фундамента"²².

В полном согласии с автором так говорит д-р Штейнер. Все-таки, сознавая "критически" слабость позиции Гегеля, д-р Штейнер видит в архитектонике гегельянства, диалектической и наивной, — конструктивные линии, отвечающие правде вещей; Гегель — не гносеолог, но правдивый художник понятий: "Философия"... говорит д-р Штейнер, "искусство"... "Подлинные философы были художниками понятий"²³. Право "творить" оправдано д-ром Штейнером, его теорией знания, философией и системой наук.

— 1) Теорией знания: —

— "Задачей познания не является повторение в форме понятий чего-то... имеющегося в другом месте, но создание совершенно новой области, дающей лишь совместно с чувственно данным миром полную действительность"...²⁴

— "Следует... исправить... ошибку: будто бы недостаточно нашей мысли для построения мира, будто бы к содержанию мысли следует что-либо привнести (силу ли, волю ли), чтобы мир стал возможен"²⁵.

2) Философией: —

— Культура индивидуума стремится стать средоточием всех жизненных отноше-

* ИшН. 21, 22.

** ИшН. 8, 9.

*** PhF. 7.

**** ИшН. 9.

***** GEGW. Die Wissenschaft. Das Erkennen.

ний. Правда нам несет достоверность, лишь когда развивается индивидуальное в нас. Мы не хотим быть принужденными к пониманию, потому что мы хотим понимать. Когда философы станут художниками понятий, тогда их идеи будут нам — власти*.

3) Системой наук: —

— "Содержанье действительности — отражение содержания нашего духа... лишь пустые формы воспринимаем извне мы"**.

— "Убеждение должно пронизать все науки: их содержание... содержание мысли, и они не стоят с восприятиями ни в каком ином отношении, как только в одном: в воспринимаемых ими объектах видят они лишь особую форму понятий"***.

Право творить философию оправдано Эмилием Метнером — триста четвертой страницей его книги о Гете²³. Почему же он удивляется совмещению критики Гегеля с признанием Гегеля? Сам же он вне теории знания для объяснения многогранности Гете допускает у Гете сочетание плюрализма, дуализма с монизмом²³.

Почему же он не допустит, что сдвигающий все с своих мест д-р Штейнер ни: —

- 1) монист,
- 2) синкретист,
- 3) дуалист, —

— а плюро-дуо-монист, автором утверждаемый на страницах: 69, 190, 264, 266, 296?

Потому что мировоззрение автора книги о Гете есть верх одногранности.

Так ли это, — увидим мы ниже.

---

* PhF. 3—7.

** GEGW. Denken und Wahrnehmung.

*** GEGW. Ibid.

Кто мыслители, разработавшие методологию Канта?

По Метнеру:

Неокантианство в очень полезном стремлении силится стать наукой наук.

По д-ру Штейнеру:

Неокантианцы более всех поработали в области теории знания, то есть науки, определяющей "собою все другие науки"; перечисляя сюда относящуюся литературу и характеризировав писателей, д-р Штейнер останавливается на именах: Когена, Штадлера, Риккерта, Наторпа, Рилия, Дильтея, Либмана и т. д.

Пункт согласия автора с д-ром Штейнером, стало быть, и тут — установлен.

Если так, — к чему этот пафос: непостижимо-слепой, абсурдный и органически неспособный поставить проблему познания — д-р Штейнер? Стилль этот дешев: самое обилье эпитетов, приложенных к д-ру Штейнеру, — это крик, а не критика, а... пожалуй даже и — ...Крит: остров Крит, разумеется; то есть это все лабиринты и минотавровы стоны. Патетически восклицать и подчеркивать то, что прочитано и усвоено всеми, говорящими на тему об известной проблеме, — верх наивного молодечества и любованье собой: верю я — литературу по Канту почитывал автор. Или, думает он, д-р Штейнер о Канте не слыхивал и литературу по Канту не читывал? Невразумительный д-р Штейнер с литературой по Канту знаком и ее даже ценит, отмечая работы Дильтея, отмечая работы и Фолькельта²⁴, и Когена²⁵, отмечая школу Когена, как того стремления в философии, которое вопреки отправной инстанции (Канту) прорвало стесняющие теорию знания кантовские берега.

Первый пункт расхождения между автором и д-ром Штейнером намечается — тут.

Ум крайне неприятельский, которого щадить нечего, д-р Штейнер в некоторых неокантианских тенденциях видит тенденцию, с большею правомерностью проводящую теорию знания, нежели Кант, а уважаемый автор здесь именно разрешился от бремени акритической фразой: "Кант, сам, по уверению неокантианцев... не стоявший на научной высоте им же самим изобретенного метода, все же выше и больше, чем последний"²⁶.

И — убил меня наповал.

* РоГ. 58.

Сказать: "Кант... больше, чем... метод" все равно, что сказать: "лучше маленький деревянный дом, чем большая каменная болезнь". Логика этой фразы равна логике автора, когда этот последний от бремени разрешается фразой: "Кант... больше, чем..."

Во-вторых, я-то думал, что метод, коренья в познании, изобретен быть не может, а может быть вскрыт; я — ошибался: критический метод, будучи изделием личности, — в неучтенных движениях интеллекта (не всякого интеллекта, а Кантова интеллекта).

Зная вскрытые Ньютоном *Principia*²⁶, мы не знали, конечно, что закон тяготения до Ньютона отсутствовал в мире, — и тела, лишившись опоры, в воздухе повисали, не падая, вплоть до мига открытия, когда всякое тело, доселе висевшее в воздухе, упало из воздуха, кроме... тела Ньютона, потому что выше Ньютоном открытого тяготения — сам Ньютон.

Так и Кантова личность: вне Кантова метода, повисая над методом, личность эта является у Эмилия Метнера каменной большою болезнью, испортившей ему его книгу.

§ 67. Теория знания и д-р Штейнер

И внедряя Кантову теорию знания в агностически постижимую личность, в смежной фразе таинственно усмехается автор: —

— "Вопрос о духовных энергиях" или тем более об "окультурных силах" стоит — ну, конечно же — "вне философии".

Мало что разумеющий, веселящий душу растерянностью, неслыханный путаник (д-р Штейнер!), — не соглашаясь с Когеном, ни с автором, — направляется все-таки в сторону, ближе лежащую к... методологии логики, а уважаемый автор в пункте их расхождения погружает теорию знания в безглагольные недра, в специфическом смысле являясь таинственным оккультистом собственной теории знания, Кантовой теории знания и теории д-ра Штейнера, которую спрятал он, — оккультистом и... намекающим мистиком: уважаемый автор отпускает туманный намек о... возможности... иных критицизмов: —

— "Можно а priori допустить критицизм иного типа, нежели платоновский или кантовский. И в намеках видны различные критицизмы повсюду"*.

Оставляя на совести автора смешение гнозиса у Платона с подлинно критической философией, оставляя на совести автора все подобного рода сближения "à la Дейссен и Чемберлен" — сближения дилетантские!²⁷ — заметим, однако: вместе с Кантом, Когеном и д-ром Штейнером,

* РoГ. 252.

с кем не стоит и спорить, полагали мы до сих пор, что "критицизмы" возможны одною проблемою — в философии, в мистике и в науке: проблемой критической философии. Сознает это д-р Штейнер: он кладет критический метод в основу теории знания; убедительно поясняет он, почему "критической" философию свою назвал Кант²⁸.

Автор же?

Автор нам разъяснил: "критицизмы"(?) в намеках (?) возможны (!?!). Будем ждать "критицизма" всех "критицизмов" и критико-критической философии*.

А пока ее нет — участь всех "намекающих" критицизмов: растаскивать на многие части понятие "критицизма" у автора; "критицизм" же у автора есть —

- 1) душевное состояние;
- 2) философия Канта;
- 3) психология дуализма;
- 4) теория знания;
- 5) переживание гнозиса;
- 6) опыт жизни;
- 7) подвиг, аскеза;
- 8) Кантовы недра.

И — далее...

Путеводная нить собственной критической философии, превратившись в "фигуру" и фигурально умножившись, кокетливо исчезает под маской — "ограничительной линией". И от пункта несогласия с автором (Кант — в докритической бездне) к построению теории знания следует "увертливый и лукавый мудрец" — д-р Штейнер: теория знания, заявляет он, должна быть —

— "наукою, определяющей все другие науки"^{**};

— наукою "о значении всякого человеческого знания"^{***};

— "полнозначнейшей из наук"^{****};

— "через нее получаем мы разъяснение об отношении содержания отдельных наук к миру"^{*****};

— "ценность... знания для действительности мы узнаем через теорию знания"^{*****};

---

* Критико-критическая философия невозможна на основании тех самых доводов, на каких Ласк строит невозможность образования понятия "форма — формы формы"²⁹.

** GNS. II Band, XV.

*** ИИН. 81.

**** GNS. II Band, XXVII.

***** ИИН. 81.

***** ИИН. 81.

— она "преодолеывает односторонний эмпиризм и односторонний рационализм тем, что соединяет оба на более высокой степени"*;

— она "критична воистину"***;

— она "должна быть верна"****;

— в свете ее "догматизм должен отказаться... от своей "вещи в себе", а субъективный идеализм — от своего "я", так как они по своему взаимоотношению существенно определяются лишь в мышлении"*****;

— в свете ее "все науки должно пронизать убеждение, что они... ни в какой связи не стоят с восприятием, кроме той, которая видит в объектах своих лишь особую форму понятия"*****.

До бесконечности д-р Штейнер варьирует эту тему.

"Все понятия, созданные рассудком, — утверждает он, — причина и действие, акциденция и субстанция, тело и душа, действительность и идея, — существуют для разделения подлежащей действительности; разум же без смещения сотворенного содержания, без мистического затемнения рассудочной ясности, — в многообразии ищет внутреннего единства"*****.

В этом солнечном месте критический разум Эмилия Метнера упадает двояко: в безглагольные пропасти всевозможных нашептов; и, во-вторых, — к ногам Канта.

§ 68. Критика д-ром Штейнером позиции Канта

А органически неспособный поставить проблему (270), впадающий в противоречия механические (272), д-р Штейнер здесь ставит вопрос: как должна относиться теория знания к теоретико-познавательной проблеме у Канта.

"Наука о познании... познанию должна предписать идеальную цель"; роль Канта в долженствовании этом отмечена: "Научное убеждение, вытекающее само из себя, — вот лозунг Кантовой философии".

Теория знания, предпосылая познание, не может иметь познавательных предпосылок; если она предпосылочна, то теория знания — не она, а ее предпосылки. А теория знания Канта предпосылки имеет³⁰.

* ИмН. 82.

** GEGW. Das Erkennen. Der Grund der Dinge.

*** GEGW. Das Denken als höhere Erfahrung in der Erfahrung.

**** ИмН. 81.

***** GEGW. Die Wissenschaft. Denken und Wahrnehmung.

***** GNS. II Band, XXXI.

В чем ее предпосылки?

В кардинальных вопросах: как возможно а priori и как возможно познание³¹; понятие познания Кантом берется как догмат; вопрос "как возможно" критически предваряем вопросом "что есть"³².

Понятие познания влечет за собою "субъекта", тогда как понятие познания "субъекту" предшествует; "субъект" — познавательный результат. "Через вопрос теоретико-познавательный Кант перепрыгнул"^{*}. Отношения между субъектом, объектом установлены Кантом без вопроса о критической значимости³³.

Вопрос о возможности синтетических а priori ставится догматически Кантом; априорная значимость и тут — предпосылка³⁴; предпосылочность эта признается Либманом, Ибервегом, Виндельбандом и Фолькельтом. Вместо того чтоб "критически" поставить вопрос в предваряющем месте, ставит он свой вопрос безусловно "критически", но... в месте уже предваренном: ставит вопрос "как возможны а priori" вместо "возможны ли, и если возможны, то как"...

Не вникая в детали теории познания, требуем мы: а) понятие познания в ней не может быть догматом, б) и не может быть взято "субъектно", "объектно" или "субъектно-объектно", в) вообще не должна полагаться никакая возможность.

Прологомены эти теории познания Канта не принимает в расчет.

Основной теоретико-познавательный вопрос у Канта поставлен некритически: из догматической философии переносятся понятия познания и субъекта; отношение субъекта к объекту запутано; объект Кантом сужен, покрывая одну половину лишь объективной действительности; и критический метод, проводимый в деталях, не проведен в основном; кантовский критицизм половинчат.

(Может быть — скажем мы от себя — гениален он в своей критической половине, и автор разбора воззрений прав восхищаться им: обращать же свое восхищение в нападение на д-ра Штейнера не имеет он права: не "критическую" половину теории знания Канта разбирает последний, а ее акритическую.)

Потому-то д-ром Штейнером отмечается: понятие реальности критически разобрано Кантом, а понятие идеальности фигурирует в акритическом виде: данность идеальных объектов не разобрана Кантом; идеализм тут — наивен³⁵.

Так что Кант: 1) опроверг догматизм, 2) но на место его ничего не поставил.

Так говорит д-р Штейнер, разбирая теорию знания Канта. В этом месте молчит уважаемый автор — как по адресу д-ра Штейнера, так и по адресу Канта (спорят с последним — одни великаны).

* GNS. II Band, LVIII.

Необходимость теории знания после Канта живо чувствовал Фихте; необходимость же эту — не осознал до конца; определенность в установлении "Я" и "не-Я" одновременно есть акт определения у Фихте³⁶; установление — не определено; и теория знания Фихте остается незавершенной; он характеризует "свободное" "Я", а не "познающее" "Я"³⁷. Истинный образ действительности — не тот первый, встающий непосредственно перед "Я", а последний, создаваемый "Я" из первого образа; действительность — идеальна. Истина — не... отражение, но свободное порождение духа.

Все входящее в область познания в начале познавательных изысканий должно быть отвергнуто. Вне познания — начало познания; первый шаг из вне-лежащего есть уже — познавательный шаг, образ мира, нам непосредственно данный, — таков: мы пока берем его, как бессвязно текущие части, еще не созданы противоположения рассудка: субстанция, акциденция, тело, душа, материя, дух, причина и действия; и нет предикатов: необходимый, случайный, объективный и субъективный, вещь в себе, представление, все предикаты рефлексии должны быть отвергнуты; образ мира берется здесь чистым. Все упреки в перенесении мысленных категорий, характеризующих чистоту понятий "о б р а з" и "м и р", не достигают здесь цели: все рассуждения об истине, ошибочности, правильности и неправильности в установлении непосредственно данного образа — пусты, потому что понятия не имеют еще познавательной ценности; все установленное гносеологом до анализа н а ч а л а а к т а п о з н а н и я имеет целью одно: привести к пункту начала познания; установка теории познания из объекта и из субъекта преждевременна, потому что в ней из образа мира устраняются определения мысли; он — горизонт чистого наблюдения; еще не достигнуты области заблуждений и истин; они — внутри познания.

Чтоб понять познание, нужно брать самое начало познания: лежащее до - н а ч а л а не объясняет познания. Но и лежащее "в н у т р и" не объясняет нам тоже. В понятии "н е п о с р е д с т в е н н о д а н н о г о" о лежащем до начала познания не высказано ничего; форма понятия здесь лишь первое отношение, в которое становится познание к содержанию мира; в содержании непосредственно данному заключено пока все: ощущения, восприятия, воззрения, чувства, акты воли, сон, фантазия, представления, понятия, идеи, галлюцинации и иллюзии, сознание и представления о "Я" еще части непосредственно данного.

Как возможно начать самый акт познания?

Пассивно "г л а з е я" на данное, понимать мы не можем, познание было б возможно в том случае, если б самая сфера его пересекала бы данное; если данного строго держаться, выясняется, что не все только данное; первоначальная данность — теперь ограничена; она не установила теории, но привела нас к началу.

Второй пункт — в постулате: в области данного должно находиться нечто такое, где в нашу деятельность входило бы содержание мира. Первый шаг в велении, чтобы познание — начиналось, чтобы оно — состоялось; этот шаг — критический шаг: он полагает не догмат.

Где же в образе мира не данное просто, а данное — в продукте познания? Это — не качества чувств, потому что их субъективную значимость узнаем не непосредственно мы, а научно в физике, в физиологии; в акте познания в сферу непосредственно данного вступают — понятия и идеи. Все другое должно быть дано, если мы хотим пережить; идеи, понятия — производим мы сами, в интеллектуальном созерцании, отрицаемом Кантом, одновременно дается содержание с формой; в чистых понятиях и идеях форма есть содержание.

Мы идеи берем вне эмпирических содержаний; причинность предопределяет причинности эмпирические.

В ходе этого изложения следует говорить лишь об акте познания; здесь "субъект" познания еще не положен, а положено — "данное"; из одного его пункта встает постулат: познание должно быть таким-то; область этого постулата — идеи; и если возможно познание, то оно — идеально.

Постулат из образа мира выделил одну часть (понятия и идеи), чтобы — было познание; часть нашей данности здесь выводит из данности; и "данность" — разорвана; следующий шаг — в восстановлении единства.

Это единство есть познавательный факт; только в начале теории знания производимый в акте познания элемент (идеальный) является не привнесенным, а данным: здесь идея — как данность.

Мышление в моменте познания производит свое содержание; описание мышления есть наука о мышлении; это — логика; логика — не доказует; доказательство возникает лишь в синтезе мыслимого с содержанием мира; в логике — теория эмпирична; она — объект наблюдения; к данному содержанию мира мышление приступает, как формирующий принцип; выделяются отдельные мысли и соотносятся сообразно произведенным им формам; так создается и отношение между двумя частями содержания мира; мышление выжидает результата такой установки.

В "синтетическом единстве апперцепции" Канта³⁸ — подобие характеризующей деятельности; Кант думал — из правила синтеза выводимо и чистое естествознание а priori; синтез же вызывает — условия нахождения закона природы; сам закон содержателем; из синтетической деятельности не вытечет объективность закона; только так нам возможно сказать в смысле Канта: подчинение законам а priori есть условие возможности опыта; здесь все вещи становятся объектами опыта, а субъект дает предписания объективному, высекая познания из объекта, мышление а priori не высказывает, а полагает в основу те формы, посредством которых а posteriori³⁹ выявлен нам закон; о достоверности а priori молчит.

Юмовский взгляд на закон⁴⁰ и Миллевский взгляд на закон⁴¹ не состоятельны и состоятелен наполовину взгляд Канта.

Если бы целостность заключалась в непосредственно данном, ее обработка познанием не была бы нужна, лежащее в данном до мысли — не целостность.

Следует помнить, что данность не свойство, а выражение для отношения данного к другому фактору акта познания: логической содержательности. Содержание данного в акте познания мысль находит связанным с данным; акт познания соединяет данные ему отдельные части образа мира. В непосредственной форме образ мира не полон; познание ему дает полную.

Если бы содержание мира было связано с содержанием мысли в начале познания, познания не было бы. Если бы мысль порождала содержание мира — тоже познания не было б. "Только добытый через познание образ содержания мира, в котором соединены обе... стороны, может быть назван действительностью"*.

Таково выведение д-ром Штейнером общих теоретико-познавательных норм.

§ 70. Д-р Штейнер и "опыт"

Следует вкратце остановиться на отношении д-ра Штейнера к опыту.

Две области противопоставлены: мысли и вещи; вещи даются нам в опыте.

Что есть опыт?

Опыт есть чувственно представший нам материал, относимый нами к действительности; мы имеем потребность рассудком его упорядочить. Но такой опыт — не чистый; он покоится на наличности раздвоения между мыслью и предметами опыта.

Чистый опыт — это форма действительности; она предлежит нашей мысли во всей своей непосредственности (в красках, в тонах, а не в молекулах и других примышленных понятиях); но и в мысли встречает нас то же: мы вникаем в природу ее; и она перед нами — природа; и она опытом противопоставлена нам. Эта форма противопоставления приложима ко всякой предметности знания; мы не можем подняться над этою формой. Среди опытов предстает нам опытом мысль.

Что содержит в себе природа чистого опыта? Агрегат положений, последовательностей, множество равнозначных вещей, не проработанных миром понятий, многообразие качеств; архитектоника образа мира потоплена в них. Что должны называть чистым опытом мы, в резких контурах показал Иоганн Фолькельт в двух своих книгах: "Kants

* ИвН. 64.

Erkenntnistheorie" и "Erfahrung und Denken"⁴². Фолькельту удалось показать картину бессвязностей, предносящихся в чистом опыте самосознанию нашему. Тоже нам предстает в начале научного опыта: мы стоим перед хаосом качеств; взаимоотношение их привносится мыслью; причинности еще нет; нельзя говорить еще о связи сознательной деятельности с механикой мозга; мы знаем лишь параллельный бег деятельностей; по Рихарду Вале в параллельном этом пробеге — последняя научная правда; но это — исходная правда⁴³; не только механика мозга бессвязно течет параллельно сознанию, но и самосознающее "Я" противопоставлено бессвязностям этим бессвязно.

Не отрицая опытных достижений в области физиологии, физиологической психологии и т. д., мы протестуем против физиологического понимания науки о знании; физиологическая правда о том, что комплекс воззрений и восприятий, называемый опытом, восстает из соучастия нашего организма, то есть носит физиологически-субъективный характер, — эта правда есть уже определение мысли, не имеющее отношения к подлинной природе вступления чистого опыта в поле нашего "Я". Определение это предваряемо изучением отношения между мыслью и опытом; следует помнить, что в картине чистого опыта так же бессвязно лежит самый познающий субъект; прилагая же к миру опыта предикат субъективности, мы уже к нему прилагаем готовое определение мысли; вслед за догмой физиологии здесь впадает в ошибку и Фолькельт, противореча своему отправному пункту: он влагает в понятие опыта нечто, не принадлежащее опыту, без критического рассмотрения самого акта вложения; мы должны особенно подчеркнуть этот факт, потому что труды по теории знания Фолькельта близки во многом основоположениям теории знания Гете⁴⁴.

Определение опыта, как не имеющего отношения к мысли, предохраняет начальное рассмотрение опыта от всевозможных ошибок. Может быть, определение чистого опыта, как бессвязного агрегата, не свободно от предпосылок? Следует отметить и здесь: понятиями "многообразия", "агрегат" мы ничего не влагаем; мы указуем лишь на общую форму данной нам видимости: слова "многообразия", "агрегат" имеют образный, но определятельный смысл.

Таковы пролегомены д-ра Штейнера к построению системы опытных дисциплин. Все философские и научные заключения д-ра Штейнера следует рассматривать критику на фоне изложенных пролегоменов: иначе невозможно понять самое отношение д-ра Штейнера к многообразию конкретностей. Автор "разбора воззрений" пролегомены к воззрениям этим обходит молчанием; молчание нарушает — вопросом: "Может быть, Штейнер не признает гносеологии". В вопросе... даже не смелость, а издевательство, потому что —

— за спиной "гносеолога"

Штейнера раздаются усмешечки — и прямо читателю в ухо — о попытке обосновать гносеологию... на "окультурных силах". Создается пре-

скверная сплетня: о роли тех "сил" в экспозиции теоретико-познавательных взглядов. — Этим меняется и заглавие книги "Разбор взглядов... в связи с вопросами критицизма" в иное заглавие: "Разбор оккультических сил гносеологии Штейнера... просвещенным сторонником критической философии". Такое заглавие книги единственно правильно: единственно покрывая свое содержание, такое заглавие книги превращает в выходку книгу. Согласитесь, читатель: напечатать на карточке "Культуртрегер" и, подавая вам, на ней впопыхах карандашом приписать: "а на какой-нибудь психолог-графолог-хиросантикус"...

И — отшаркнуться Канту...

§ 71. Гносеология, логика, метафизика, мистика

Определение логики, гносеологии, метафизики, мистики: —

— "Размышлять о законах мышления" — это, по автору, логика.

— "...Созерцать события познания" — это, по автору, гносеология.

— "Созерцательно мыслить о целом" — вот, по автору, метафизика.

— "Созерцать высшее Я в себе и размышлять о самосозерцаемом внутри себя" — по автору, мистика.

— "Все это — различные процессы, но у Штейнера о них... говорится грошівсие*"45 — так выходит по автору.

Определение логики: —

По автору: —
"Размышлять о законах мышления" — это значит: мыслить о мысли; область мысли о мысли — область теории знания; логика — в описанье законов; гносеология — в установке; автором спутаны: гносеология с логикой.

По дру Штейнеру: —
"Описание мышления... есть наука о мышлении..."
"Логика никогда не была... не чем иным, как описани-ем форм"*.

* РоГ. 81.

** ИшН. 18.

Определение гносеологии: —

По автору: —

"созерцать события познания и размышлять о его границах": так поступали монахи — в буддийских монастырях; и пустынножители Индии — в дремучих лесах; о границах познания более всего размышляла патристика⁴⁶; под гносеологией автором разумеется: смесь медитации с... агностицизмом⁴⁷.

По д-ру Штейнеру: —

"должна быть научным исследованием того, что предпосылают все другие науки без всякого исследования: и именно: самого познания", а не медитацией, которая, по д-ру Штейнеру, начинается с упражнения в "созерцании события познания".

Определение метафизики: —

По автору: —

"созерцательно мыслить о целом"; к этому и стремится свободная философия, как исследуя "φυσίς", так и "μεταφυσίς"⁴⁸; метафизика в современности определима точнее, как учение о трансцендентной реальности; "созерцательно мыслить о целом" вовсе не предполагает "трансцензуса"⁴⁹; определение метафизики насквозь произвольно.

По д-ру Штейнеру: —

Метафизика есть именно "μεταφυσίς"; она предполагает трансцензус и связанное с последним щепление мира на "опыт" и на "realia"⁴⁹; realia — примышляются в произвольных абстрациях, порождая догматический реализм, осуждаемый д-ром Штейнером; метафизика в гетевском смысле⁵¹, т. е. знание о всеобщем в явлении, есть, скорей, по д-ру Штейнеру, символизм.

Определение мистики: —

По автору: —

Мистика фигурирует в сочетании, куда входят: теософия, духовное знание, гностика, йога; проще бы мистику определить, как "переживание себя в Боге". Непосредственность в мистике пропадает в определении автора.

По д-ру Штейнеру: —

Д-ром Штейнером о мистике написана книга*.

* "Die Mystik". Berlin, 1901 (рус. пер. — Москва, 1917).

К развязной нотации автора дан комментарий — на странице 434; комментарий гласит: "Может быть, Штейнер не признает гносеологии...; это допустимо, но тогда необходимо решительно заявить об этом. В Мироззрении Гете об этом нигде не говорится"* — не говорится лишь потому, что все уже сказано: "Мироззрению Гете" предпослана целая книга: "Основные линии теории знания в миросозерцании Гете". Автор не удосужился прочитать этой книги, ни ее конкретного проведения в комментариях к Гете. Д-р Штейнер здесь ни при чем. Можно, конечно, вандалом ворваться в миросозерцание любого мыслителя и сокрушать тонкие арабески системы, как хрупкий музейный фарфор; виноват не фарфор; виноват морвавший вандал; в нежной хрупкости — прелесть фарфора; но в тонкой градации фарфоровых линий видеть кремневую глыбу — удел вандализма: бить топором по фарфору — не значит быть критиком.

§ 72. Д-р Штейнер и метод

Пункт детального разъяснения по поводу Канта автором разбора воззрений проглочен; он его обмолчал; а на д-ра Штейнера он... накричал; в пункте Канта господствует: крик и яркая жестикуляция раздражения; "мало что разумеющий" "кантофоб" д-р Штейнер де: извращает Канта на каждой странице, не понимает его органически, яро противясь, его ненавидит; роет пропасти между Гете и им.

"Гете не мыслим без Канта"**.

"Кант — великий мыслитель".

"Кант опроверг догматизм".

"Теория знания не существует до Канта".

"Кант — творец критической философии".

"Кант знаменует собою большой шаг вперед в философии".

"Значимость человеческой мысли возводится Кантом в научное убеждение".

Так, отзываясь о Канте, "кантофоб" д-р Штейнер далее выдвигает ряды ограничительных требований по отношению к научным методам; например, по отношению к —

— математике,

— механицизму,

— физицизму,

— химизму,

— физиологизму —

— он утверждает, что —

— "метод не может

быть самоцелью; ценность его в уяснении взаимоотношения явлений"***.

* ПоГ. 434.

** GNS. III Band, XX.

*** GNS. IV Band, Z. A. 389.

— "Многоразличие коренится в многоразличии мира рассудка. Тут освещается нам и различие в развитии научных методов"^{*}.

— "Успех научных исследований очень существенно зависит от того, в состоянии ли мы правильно поставить проблему"^{**}.

— "Где имеющее... значение для одного только рода объектов объясняется универсальным, там... восстает заблуждение"^{***}.

— "Оставлять предметы действительности в процессе вхождения их в первоначальном их виде и такими их брать, как объекты науки... это принцип методический; о содержании опыта этот принцип молчит"^{****}.

— "Идет речь не о феноменах, а о способе... не о фактической сумме, а о методе отношения к фактам"^{*****}.

— "Ограничено... признание гипотез у Гете. Он за ними лишь признавал методический смысл"^{*****}.

— "Мариотт... впадает в ошибку математических физиков: ...он считает... образом... сущности... линию в пространстве"^{*****}.

— "Посмотрев на вещи взором методологии логики, нечему удивляться, что из многих попыток построения мирозерцания... ничего... не выходит"^{*****}. И т. д.

Довольно.

Д-р Штейнер варьирует эту тему... тридцатилетие скоро: с 86 года истекшего века до... 14 года текущего⁵². Тридцать лет повторяет он то же теоретически и фактически (на примерах, на текстах, на частностях); но перо "в с е - п о с т и г ш е г о" критика отшвырнуло теорию знания и огромнейший, ученейший аппарат; и — тридцатилетие научной работы упрекнуло в том именно, что этою работою полагалось, потому что —

— "п у т а - н и к", "а б с о л ю т и с т" д-р Штейнер — ограниченный не ведает: и ему в назидание автор взывает к... ограничительной линии. И печется — о механицизме.

---

* GNS. II Band, XXXI.

** ИвН. 19.

*** GEGW. Vorfragen. Ausgangspunkte.

**** GEGW. Das Denken als höhere Erfahrung in der Erfahrung.

***** GNS. III Band, 280.

***** GNS. III Band, 333.

***** GNS. IV Band, E. A. 316.

***** XXXIII Купе: "Der menschliche und der kosmische Gedanke".

"Механицизм" д-р Штейнер, как метод, не умаляет ни- сколько; умаляет — чрезмерные претензии метода — провозгласить себя метафизикой: в этом сущность его возражений Оствальду; умаляет иные претензии физиков установить методику механических принципов; напри- мер, возражает Кирхгофу: "Когда Кирхгоф говорит, что "зада- чи механики — совершенно и просто описывать... дви- женья в природе" — ошибается он. Механика... ищет... необходимых процессов движения и возвещает их... как... основные законы... Приводить... отрывок Кирхгофа снова и снова, как что-либо особенно значащее — верх легкомыслия*.

"С введением понятия силы математика входит в ме- ханику"^{**}; против механики математической не ополчается д-р Штей- нер: в этом случае "перенос" математики правомерен³. Протестует он лишь тогда, когда методический перенос механики в физику превращается в единственно объективное правило: "Считать объективным про- цессом лишь процесс... механический — ошибка нашего времени"^{****}.

Автор печется об идеальности математических знаний, — в согласи с д-ром Штейнером, потому что этот последний утверждает, что с образова- нием понятия "треугольник" — "мы переходим грань чувст- венных восприятий"^{*****}. Чистота математики утверждается д-ром Штейнером многообразно и часто. "Невозможно доказывать опытом правило математики"^{*****}.

И т. д.

Автор разбора воззрений вопреки очевидности оповещает чита- теля: убеждение в эмпирическом происхождении матема- тики... это чудовищное убеждение, которое Штейнер не- однократно высказывает... объясняет... И т. д. — Что объясня- ет? Полное невежество автора в отношении к разбираемым взглядам?

Невежество, или... или — "извет": но мы думаем, что — невежество; к пониманию сущности установки зако- на вызывает суждение д-ра Штей- нера о математических истинах; автором не усвоен абзац "познание и действительность", оттого-то он путает.

Д-ром Штейнером утверждается, что —

— "Математика... наука

формальная"^{*****}.

* GNS. IV Band, E. A. VII.

** GNS. IV Band, E. A. IV.

*** GNS. III Band, 94.

**** GEGW. Das Denken, 35.

***** GNS. IV Band, Z. A. 335.

***** GNS. III Band, 336.

знавал... формализм математики**.

— "Гете хорошо при-
сквозь идеальна***.

— "Идеальный ха-
рактер универсума доказуем... результатами математи-
ки, которые... идеальны****.

— "Пространство —
идея".

§ 74. Д-р Штейнер и методический плюрализм

"Ограниченным" опытом автор критически остается доволен; а современная наука о знаниях к велению "ограничивать" опыт присоединяет иное веление — "от-граничивать" опыты; в линии методической грани — неполнота критической мысли; в разграничении самих методических линий и, далее, в градации линии — ее полнота. В линии методической грани, в ограничении линии, не оговорены условия ее правомерного переноса; перенос оттого становится часто деспотическим переносом; не во всех условиях соблюдаема однопутейность науки; многопутейность науки, многообразии опыта часто от этого сплющены в одну плоскость — пусть ограниченно взятую. В этой-то плоскости может господствовать произвольнейший перенос; например: геометрии — в логику (Спиноза) и статистики в психологию (Фехнер). Д-р Штейнер указывает на вред переноса; например: математики в мистику⁵⁴; или: математики в психологию, где законы последней "Герберт сделал несчастными"****; и требует ограничений: —

- 1) физики от математики,
- 2) качества от количества,
- 3) гипотезы от закона,
- 4) графизма от реализма,
- 5) целого от единого или общего,
- 6) истины от абстракции ее,
- 7) аллегорий от символа, и т. д.

Автор заботится о свободе одной только линии: механицизма; и забывает при этом — правомерные, параллельные линии. В самих пределах механики он не видит картин: механики математической (где понятие "d u n a m i s" устранимо) — "термо-" и "электро-динамики"; три картины встают — в трех механиках; за пределами этой последней опять-таки правомерны картины: физиологизма и психологизма.

* GNS. III Band, 7.

** GNS. IV Band, E. A. 283.

*** Ibidem.

**** GNS. IV Band, E. A. 121.

Попечение автора простирается на механику; о психологизме молчит он; в физиологизме — видит отсталость; есть и у Гете остаток отсталости и опасения пред механическим методом⁵⁵; этому обстоятельству очень рад д-р Штейнер, прикрывающий цитатами Гете свое больное и близкое к смерти ученье; он не прочь затащить "наивного природовоззрителя" Гете в пучины "первопричин" в непрезентабельную компанию: магов, всезнаек, рантье, понтификсов и инженер-технологов этих последних вероятно и учит уважаемый автор (магов и невежественных рантье не спасешь): "Если бы физика занималась... первопричиной электричества, она... не заставила бы электричество возить трамвай"⁵⁶. Слушайте, вы, и учитесь, — инженеры-технологи!

Ограничительно допускает наш автор картину механики от гранита — до функции сознающего "Я", понимая, конечно, что механика, собственно, за пределом механики уже не механика, а — "а у р а" механики: гипотеза для расширения сферы открытий — в механике. Оттого-то должен он допустить: психологию — за пределами психологии, как гипотезу для расширения сферы — психологических опытов; для физиологии — то же; и то же — для "механик" в механике. Расширение научной тенденции полезно — в ограничительном смысле, чтобы такая тенденция была параллельна тенденциям смежным, то есть им не в ущерб.

Тут — два выхода.

Интерференция всех тенденций, ограничение опытов, нас ведущее к *plur alia* эмпиризмов. Или — каждый из методов, перечисляя все методы в свое измерение, опыт свой расширяет линейно: параллельные линии параллельно протянутых методов вместо плоскости механицизма; тем самым: "ограниченный" механический смысл становится еще "от-граниченным" смыслом от "о-граниченных" смыслов — химических, физиологических и всяких других. В "о" и "от", — а не только и "о" — полнота критицизма.

Половинчатый критицизм нас приводит к... монизму — ограниченно принятых механических принципов; подлинный — к *plur alia* опытов, то есть к о-граниченно от-граниченным сериям.

§ 75. Д-р Штейнер и система наук

"Доктринер" д-р Штейнер с эмпиризмом не борется: "У меня есть возможность... быть не понятым... чистыми эмпиристами; непонимание это огорчило б меня... Против них не могут быть учтены мои выводы, потому что я их не касаюсь"⁵⁷. Генрих Риккерт сходящим объять необъятное

⁵⁵ ПоГ. 119.

⁵⁶ GNS. I Band, LXXXIII.

д-ром Штейнером определили согласно позицию чистого эмпиризма; она — разграничение ограниченных серий; она — плюрализм.

И градация методических "моносов" приемлетс д-ром Штейнером, "материалистом" и "эмпиристом". Это — мирозозерцание Гете.

"Смешивающий мякину с зерном" д-р Штейнер вскрывает градацию всюду.

Например: три способа объяснения отмечает у Гете он: при помощи закона природы, понятия; и — при помощи типа: "Тип, понятие и природный закон суть три формы, в которых изживается идеальное"* , и — приводит таблицу градации Гете:

- 1) случайное,
- 2) механическое,
- 3) физическое,
- 4) химическое,
- 5) органическое,
- 6) психическое,
- 7) этическое,
- 8) религиозное,
- 9) гениальное.

"Установление прото-феномена следует по этому восходящему ряду"***.

"Гете себе представляет мир, как окружность окружностей, из которых каждая имеет свой принцип объяснения. Современные же монисты знают один-единственный круг"****.

Так говорит "монизирующий" Гете "монист" д-р Штейнер, признающий у Гете три способа объяснения, преломляемых девятью кругами методов; этот самый "монист", на протяжении трех объемистых книг комментируя краску у Гете, устанавливает четыре способа трактования краски со стороны ее действия: чувственно морального, физиологического, химического и физического.

"Монос" у д-ра Штейнера не в какой-нибудь из *plurality* линий, а в ритме градации; множество понятий рассудка в разуме есть текучее множество, ритмизируемое идеей; множество льется в идею и идею изливается; господствует живая метаморфоза. Д-р Штейнер в этом моменте своей философии вместе с философом Гераклитом может признать: "πάντα ῥεῖ" — с Гераклитом и Ницше*... не с Геккелем. Связь д-ра Штейнера с певцом Заратустры осознана — Лиштанберже: "Он (д-р Штейнер) завершает теорию Ницше", — говорит Лиштанберже****. И мы — соглашаемся. Но поскольку образу научной действительности разум дает

* GNS. III Band, Das System der Naturwissenschaft. XX.

** GNS. II Band, XLII.

*** GNS. I Band, LXXXIII.

**** "La philosophie de Nietzsche".

последнее просвещение, и поскольку опыт, природа, озарены в ней идеями, философия д-ра Штейнера приемлет черты эзеватов⁵⁷: самая форма суждения, как связь двух понятий, пресуществляется в разуме: связь суждения — сущая; сложное сочетание ницшеанства, гераклитизма, эзеватства, пифагорейства⁵⁸ — вот намек к пониманию монолитной и стройной теории д-ра Штейнера.

А уважаемый автор рисует нам "идею фобю", "мониста".

Кого разбирает нам автор?

В уяснении отношения основного понятия ряда (рассудка) к (разуму) текущему сочетанию рядов самый "монос" градации восстает, "как конечная цель естественно-научной методик"⁵⁹. Д-р Штейнер нам говорит о науках, что "ни в каком ином отношении не стоят они к восприятию, как только в одном: в объектах самого восприятия они видят особую форму понятий"⁶⁰. Не правда ли, д-р Штейнер — "материалист", абстрактный "монист", когда он — говорит: "Это не абстрактный монизм, единство заранее принимающий... но конкретный монизм"⁶¹.

Два объяснения признает д-р Штейнер в науке: 1) при помощи рассудочной категории, расщепляющей данность; 2) при помощи идеально в градации данного моноса. Объяснение первое не объяснение собственно, а единство научного ряда: оно — методично, имея технический смысл: "Мир объясняют не значением явлений, но воссозданием их действия"⁶², — говорит в примечании он к абзацу "Ньютонова оптика" или он говорит в примечании к Гете: "Объяснить составной феномен — это значит: показать усложнение простейших феноменов, из которых он сложен"⁶³. Или он говорит: "Гете должен был исходить от самого простого феномена, развивая его в чистоте и усложняя мало-помалу. Этим... должен он был... закономерно наткнуться и на данный в тексте феномен. Этим последний сам собой объясняется". Так говорит д-р Штейнер в примечании к "Ньютоновой оптике"⁶⁴. Или он говорит: "Называя наполненное пространство "материей", называю я слово, которому не вменяю я никакой реальности высшей"⁶⁵. Или же: "Одно — материя, как реальная основа явлений; другое — она, как... явление"⁶⁶.

---

* GNS. III Band, XIX.

** GEGW. Denken und Wahrnehmung.

*** GNS. III Band, XIX.

**** GNS. IV Band, E. A. 299.

***** GNS. IV Band, E. A. 329.

***** GNS. III Band, 343.

***** GNS. III Band, XXVI.

***** GNS. III Band, XV.

"Материалист", "самопротиворечивый монист", д-р Штейнер проявляет здесь свою "порочную... двойственность" — не правда ли, автор?

Как бы ни было, его система наук, истекая из идеального "моноса", цепится в дуальных градациях (в мире субъекта и в мире объекта); разрешается в *plurality* опытов, чтоб собраться в градацию моно-дуо-плюральной.

Теория познания — ее конец и начало.

Моно-дуо-плюральность градации д-ра Штейнера: 1) возникает отчетливо в его первых работах;

2) отчетливо проводится на всех публичных лекциях;

3) отчетливо проводится в многочисленных курсах лекций и

4) завершается в курсе 1914 года*.

Кого рисует нам автор?

§ 76. Мироззрение, мироощущение, тон

Уважаемый автор со сто девяностой страницы гласит:

"Символизм требует... сочетания плюрализма, дуализма... монизма".

Гласит, и — сочетания не дает; а д-р Штейнер дает — в своем курсе лекций 1914 года.

Мироззрение, по д-ру Штейнеру, есть очень сложное целое, состоящее из четырех элементов: из методологической основы — этого отправного пункта науки, — и надстройки над методом; из мироощущения, влитого в метод и им оформленного; из архитектоники построения, определяемой тоном строения; и из центра, мироззрение строящего: этот центр — сам человек; мироззрение в глубочайшем значении слова — человечно. Мироззрение подлинно монистично в строящем его центре, в творческой модуляции сочетаний из мироощущения, тона и метода: этот центр — человек; в этом смысле он "художник понятий"; философия его "есть искусство". "Это не абстрактный монизм, единство заранее принимающий... но конкретный монизм"**. В сущности "монизм" этого типа есть текучее целое, сочетающее три разнородных монизма, пересекаемых в личности: монизм общего тона, монизм метода и монизм настроения; настроение, тон и метода образуют триаду: мироззрение триадично.

* XXXIII курс: Der menschliche und der kosmische Gedanke.

** GNS. III Band, XIX.

Тон: он характеризуем словами д-ра Штейнера, взятыми из брошюры его* и примененными к Аристотелю: "Можно различать всеобщее, которое прежде отдельностей, с которыми мы встречаемся внешне; затем... всеобщее, в вещах заключенное; и третье — форму всеобщего, которую человек образует себе... Таким образом существуют: 1) *universalia ante rem*, 2) *universalia in re*, 3) *universalia post rem*"⁵⁹. Последние развертываются из субъективного духа и суть... внутренние переживания". И далее: "В этой области "тона" различаем тройкое. Все мировоззрения и комбинации... могут тройко вступать"⁶⁰. Именно: теистично, натуралистично и интуитивно; теистично, когда человек "из внешнего... ищет Бога"⁶¹; это случай *universalia ante rem*; натуралистично, когда "монос" полагается в вещи (*universalia in re*); интуитивно — *universalia post rem*; тон выражает отношение системы строения к *universalia*. От характера положения *universalia* зависит характер строения. Многообразие настроений, надстроек объединяется в тоне. Кроме тона в мировоззрение входит мироощущение *sui generis*.

Мироощущение строения: существует 7 типов; д-р Штейнер характеризует те типы, как мироощущение: гностицизма, логизма, волюнтаризма, эмпиризма, мистики, трансцендентализма и оккультизма, многообразие методов, в тройкости тонов, может пройти сквозь любое из этих монизмов. В этой плоскости монизм построения коренится в настроении строящего; это — стиль отношения к методам, стиль отношения к тонам: мироощущение дает стиль.

Наконец: мироощущение, тон оформляемый в методе: мировоззрение, построенное на методе, отрывая от объекта метод, неправомерно возносит ее: "В поисках за мировоззрением принимают законы, которые изучаемы в химии, физике, физиологии, — и на них мировоззрение строят. Эти люди поступают, как... поступил бы гипотетический сапожник, не замечая, что методически столь же мировоззрение правомерно, как... гипотетические мировые сапоги"⁶². Это область рассудочных построений: и она — методична; д-р Штейнер характеризует здесь двенадцать возможных методов; двенадцатиякое построение возможно здесь: спиритуализм, пневматизм, психизм, идеализм, рационализм, математизм, материализм, сенсуализм, феноменализм, реализм, динамизм, монадизм, располагаемые в шесть *opposita*⁶³:

* "Философия и Теософия".

** MuKG. III Vortrag, 14.

*** Ibid.

**** MuKG. II Vortrag, 4.

- 1) Материализм . . . . . спиритуализм.
- 2) Математизм . . . . . монадизм.
- 3) Рационализм . . . . . динамизм.
- 4) Идеализм . . . . . реализм.
- 5) Психизм . . . . . феноменализм.
- 6) Пневматизм . . . . . сенсуализм.

Или же эти двенадцать методов распадаются на две группы: идеализм — реализм образуют границу меж ними.

Мировоззрения первой группы — статичны, мировоззрения второй группы по преимуществу действительны.

О мировоззрениях этой области говорит д-р Штейнер:

"Допустимо не одно защищаемое и оправдываемое мировоззрение, но — двенадцать. Мир не рассматриваем односторонне...; мир открывается лишь тому, кто берет его в круге... Нужно уметь вжиться... в 12 точек зрения, рассматривающих мир. Для того, кто хочет проникнуть в природу мысли, существует не одно миросозерцание, но 12, имеющих равное оправдание"*.

Мы бы назвали эту область — рассудочной областью; изучение законов строения, расположение и взаимная связь систем этой области определяемы теорией знания; архитеконику этих систем мы бы назвали "наукоючением". Но мировоззрение, по д-ру Штейнеру, есть сложное целое, то есть живая триада из тона, настроения, метода, пересеченная в центре; этот центр — человек.

Мировоззрения человечества — живая метаморфоза индивидуальности целостных триадических построений, из которых каждое только — буква в архитектурном храме. Область разума в построении самого храма, в изучении жестов и сигнализаций систем, в разговоре систем, в многообразии гамм, слагающих симфонию мысли.

В архитектонике методов и систем основное единство (системы ли, метода ли) берется в отношении их к градационному целому, то есть в метаморфозе. Так, понятие, взятое само по себе, и то же понятие, взятое в целом, определяемы двояко: определение понятия в его методическом

* МуКГ.

смысле — определение эзо-терическое; определение в образе, в жесте — определение эзо-терическое. "Истины, принадлежащие к целой системе воззрений, понимаемы правильно лишь в их взаимообщении... Этот глубокий их смысл... эзотерический смысл. Последний только лишь уловим для того, кто ознакомился со всем... кругом воззрений, к которому принадлежит воззрение единичное. Истины же... взятые вне сочетания истин, — называются истинами эзотерическими"*.

И здесь кстати заметим: пишучи карикатуру свою на "тысячелетний эзотеризм", принял ли во внимание уважаемый автор определение это?

§ 77. Градация мировоззрений, систем: плюро-дуо-монизм

Элементами цельных мировоззрений будут, стало быть, четыре категории "моносов".

1) "Монос" градации — в единстве триадической "визи".

2) "Монос" тона — в а) тезисе,

b) интуитивизме,

c) натурализме.

3) "Монос" мироощущения — в а) гностицизме,

b) логизме,

c) волюнтаризме,

d) эмпиризме,

e) мистицизме,

f) трансцендентализме,

g) оккультизме.

4) "Монос" метода — в

a) спиритуализме,

b) пневматизме,

c) психизме,

d) идеализме,

e) рационализме,

f) математизме,

g) материализме,

h) сенсуализме,

i) феноменализме,

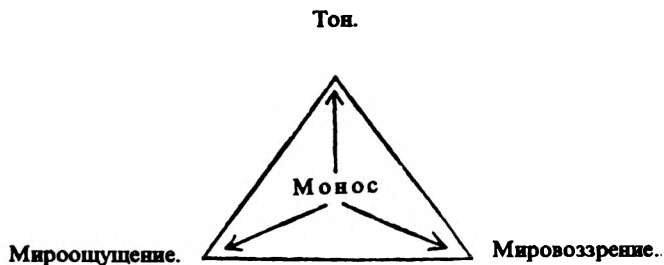
k) реализме,

l) динамизме,

m) монадизме.

* GNS. IV Band, E. A. Geschichte der Farbenlehre, 127.

Мировоззрение I. Цельное и образимо графически так:

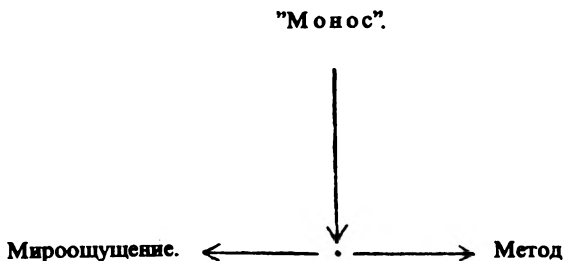

Мировоззрения далее могут быть следующих типов:

II. Триади́ческое:

III. Дуальное:

IV. Монистическое:

"Монос".

Метод.

"Монос".

Мироощущение.

V. Плюралистическое:

"Монос".

Материализм.

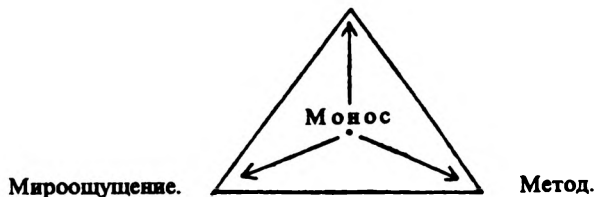
Математизм.

Рационализм и т. д.

Мировоззрение д-ра Штейнера изобразимо графически:

Архитектоника.

Мировоззрение же Геккеля — :

Монос.

Метод.

Автор их перепутал.

Д-р Штейнер нам дал сочетание: дал градацию сочетаний; градация дана в иерархии. Вот градация допустимых систем:

I. Монизмы.

1) материализм, 2) математизм, 3) рационализм, 4) идеализм, 5) психизм и т. д.

II. Дуо-монизмы.

Градация допустимых систем берется: —

- в гностицизме,
- в логизме,
- в волюнтаризме,
- в эмпиризме,
- в мистицизме,
- в трансцендентализме,
- в оккультизме.

В этой рубрике, например, монадизм может дать ряды построений, допустимых условно, как:

- a) гностический монадизм,
- b) логический   "
- c) мистический   "
- d) волюнтаристический монадизм,
- e) эмпирический   "
- i) трансцендентальный   "
- g) оккультный   "

III. Плюро-дуо-монизмы.

Градация допустимых вариаций 12×7 еще нюансируется: —

- в теизме,
- в интуитивизме,
- в натурализме.

В этой стадии архитектурный тон может дать 12×7 сочетаний правомерных самих по себе систем; все три тона дают $12 \times 7 \times 3$ сочетаний.

И опять-таки логический рационализм:

в нюансе тезиса . . . . . Спиноза;

" " интуитивизма . . Декарт;

" " натурализма . . . в научных классификационных системах.

Согласно градации д-ра Штейнера могут быть типы математических построений, например, следующие: —

гностический математизм . . . . . Эккартсгаузен;

логический " . . . . . Кантор;

мистический " . . . . . Вронский;

эмпирический " . . . . . Атомизм;

трансцендентальный математизм . . Рёссель;

окультический " . . Каббала.

И т. д.

Эти примеры определения случайны; принадлежат они в большинстве случаев нам; определяя Гете, как идеалиста-эмпирика⁶¹, и Ницше, как волюнтариста-динамика, д-р Штейнер тонко оттеняет нюанс моно-дуо-плюральной градации, многообразии модуляций которой — самая история философии.

Уважаемый автор теряется в архитектурном храме, путает идеалистов — "Канто-Платоно-Когена" и "Аристотеле-Геккеля". В лучшем случае он предчувствует здесь какой-то "конфигурационный закон". И незрячим предчувствием нападая на д-ра Штейнера, оружием, которое выковал, — бьет себя больно.

§ 78. Мировоззрение и истина

Мировоззрение, по д-ру Штейнеру, есть живое текучее целое; в каждой стадии своих изменений и роста оно — сочетание настроения, тона, метода, пересеченных конкретно в единстве; мировоззрение целостно; и правда — конкретна: —

— "В духе различных людей различны и правды, потому что эти последние в зависимости от высоты их культуры проникают неодинаково в глубину вещей"^{**}.

— "Следует здесь принять во внимание, что Аристотель противился тому взгляду на мир, согласно которому все сводимо... к единству абстрактному"^{***}.

— "Все великое, принесенное человечеством, восстало из индивидуума"^{****}.

— "Истину признают лишь тогда, когда опытно ее постигают в ее восстании в индивидууме"^{*****}.

* GNS. IV Band, E. A. 9.

** GNS. IV Band, E. A. 30.

*** GNS. IV Band, E. A. 103.

**** GNS. III Band, 515.

— "Кто достигает всеобще-значимой правды, не понимает себя"*.

— "В целостном личности заложена правда**".

— "Истинное есть индивидуально-истинное значительных личностей"***.

— "Правда не есть продукт собирательного...; она восстает... из духовных сил единичных"****.

— "Гете чувствовал потребность наиболее зрелые плоды знания выговаривать в афористической форме. Это — форма, которую выбирают часто на высочайших вершинах знания"*****.

"Теософия все соединяет" — учит нас уважаемый автор; она "абсолютна"; в качестве знания, и притом абсолютного знания, тайн, она догматична; "в каждом исповедании бьет своя жизнь"***** и т. д.

Может быть, существует теософия, подобная авторской; теософия у д-ра Штейнера учит "ритму градации"; "абсолютность", "абстрактность" и "мертвость" характеризует экзотерический смысл; эзотеризм — это ритм, это легкость мелодии и танец нюансов. Автору не мешало бы развить себе слух: по отношению к д-ру Штейнеру он страдает — разительным отсутствием слуха.

§ 79. Аристотель, физика, Гете

Следует, по автору, различать: —

- 1) Аристотеля,
- 2) физику,
- 3) Гете.

Что значит:

- 1) "теорию, как логическую надстройку",
- 2) "теорию, как сеть мыслительную",
- 3) "теорию, как результат прислушивания".

По д-ру Штейнеру, это будет: —

- 1) тонизм,
- 2) методизм,
- 3) мироощущение.

Т. е. три элемента, входящие в мировоззрение цельное, где они встречаются в центре.

---

* GNS. IV Band, Z. A. 349.

** GNS. IV Band, Z. A. 395.

*** GNS. IV Band, Z. A. 400.

**** GNS. IV Band, Z. A. 401.

***** GNS. IV Band, E. A. 103.

***** ПоГ. 396, 397.

Определим в духе моно-дуо-плюральной градации: —

- 1) Аристотеля,
- 2) Гете,
- 3) физику, —

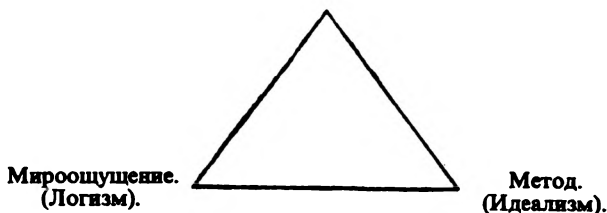
мы получим: —

- 1) Логический идеализм . . . . в натурализме;
- 2) Эмпирический идеализм . . . . в интуитивизме;
- 3) Математизм.

Изображая графически:

- 1) Аристотель: —

Монос (universalia in re).

- 2) Гете: —

Тон (universalia post rem).

- 3) Физика: —

Монос.

Метод.

Вот ответ на наивное попечение о раздельности — плод оглушенности — по отношению к д-ру Штейнеру.

Все изложенное из XXXIII-го курса многокрасочно уже сказано д-ром Штейнером в "Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften". Надо только читать: там система наук, истекая из идеального "моноса", щепится в дуальной градации, разрешается в pluralia опытов, чтоб собраться в градацию: — моно-дуо-плюральною.

Это воззрение на систему воззрений отвечает, конечно, словам... Эмилия Метнера: "Необходимо усвоить себе... подчинение какому-то конфигурационному закону в сочетании монизма, дуализма и плюрализма"*.

Или словам — того же Эмилия Метнера:

"Монизм, дуализм и плюрализм — примирень!"**.

Или — опять-таки — тем же словам все того же... Эмилия Метнера:

"Символизм требует особенного критического сочетания плюрализма, дуализма и монизма"***.

Так как мы показали с достаточной ясностью сочетаемость трех элементов в градации д-ра Штейнера, и так как сочетаемость эту определяет наш автор, как символизм, мы доказали тем самым, что символизм в духе автора присутствует у д-ра Штейнера: рубрика "символизма" — исчерпана этим.

Почему же Эмилий Метнер не потрудился усвоить изложенной системы воззрений, как она конкретно изложена в предисловиях к Гетевым "Naturwissenschaftliche Schriften"?

Именно потому, что она приложена к Гете: Гете же д-р Штейнер... —

§ 80. Д-р Штейнер и Гете

— ...вкривь толкует и вкось; обороняется при помощи Гете; и — принижает он Гете; дарвинизирует Гете; при помощи Гете ломает... культуру, искажает лик Гете теософскими ножницами; оперирует Гете и снимает бельма — с "сине-карих" глаз Гете; прикрывается цитатами Гете; но терпит фиаско: с цитатами Гете ему не счастливится; и, понимая, что шутит с огнем, со свойственной ему лукавой мудростью, демагогической, католической, увертливой, популярной принимается обороняться от Гете, заподозривать Гете, отрицать у Гете свободу и т. д. Ничему он не научился у Гете, мало что уразумел; бездна между Гете и им: точек соприкосновения с невидимым миром в оккультные кляксы не размазывал Гете; не жестикулировал, не декламировал. Гете бы от него отвернулся.

* РоГ. 69.

** РоГ. 266.

*** РоГ. 190.

§ 81. Д-р Штейнер и Метнер

Для объяснения "искажений" дали мы автору слово: он нам ответил.

Оттого-то на всем протяжении книги (от первой и до последней страницы) имеет место картина: —

Автор:

"Штейнер не подозревает о возможности критического механицизма"*.

Автор:

"Имея в виду ту или другую гипотезу, идею, тот или другой метод, он все время думает об одном задании: объяснить"****.

Автор:

"Один современный ученый, Piette Duham... обращает внимание на то, что физический закон, говоря точно, ни верен, ни ложен, а приближен"*****.

Д-р Штейнер (двадцатилетием ранее):

"Рядом с эмпирической механикой... существует механика рациональная, которая, исходя... из природы механических оснований, а priori выводит необходимость законов"***...

Д-р Штейнер (двадцатилетием ранее):

"Мир объясняют не осмысливанием феноменов мира, но воссозданием образа действия, или повторением... в опыте"****.

Д-р Штейнер:

"Некоторые физики считают, что они не влагают в понятие подвижной материи никакого выходящего из пределов опыта смысла"... "Они представляют собой тип нормального естествоиспытателя современности"*****.

* ПоГ. 133.

** GNS. I Band, LXXIII. Goethe, der Kopernikus und Kepler der organischen Welt.

*** ПоГ. 133.

**** GNS. IV Band, E. A. 299.

***** ПоГ. 134.

***** GNS. IV Band, E. A. VIII, IX.

Автор:

"Осмысливает же вообще всякая теория и всегда тем, что препарирует природу согласно определенной задаче"*.

Автор:

"Как препаративный метод, важен и ценен эволюционизм. Видеть же в нем объяснение может лишь ум крайне непритязательный"***.

Автор:

"Для физики "истина" то, что помогает ей овладеть физическим миром"*****.

Автор:

"При помощи фантастической материи... наука совершает чудеса в своей области"*****.

Д-р Штейнер:

"Мысль может быть правильна в своей области; это не доказывает... ее всеобщей значимости"***.

Д-р Штейнер:

"Идея о предмете опытного исследования, если она переступает предмет, то никакой значимости не имеет"****.

Д-р Штейнер:

"Одно — наблюдать действия природы, чтобы силы их обратить на служение технике; другое — с помощью действия проникать в существо природной деятельности"*****.

Д-р Штейнер:

"Одно — материя, как реальная основа явлений; другое — как... явление"*****.

От первой и до последней страницы я бы мог проиллюстрировать возражения автора д-ру Штейнеру цитатами из д-ра Штейнера.

В своем предисловии к III тому издаваемых им "Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften" д-р Штейнер предупреждает читателя: —

— "Это введение выросло у издателя из глубокой духовной потребности. Занятия физикой и матема-

* ПоГ. 135.

** МуКК. II.

*** ПоГ. 135.

**** GNS. I Band, Goethe tritt für die Rechte der Erfahrung ein, LXXIV.

***** ПоГ. 120.

***** GNS. III Band, VII.

***** ПоГ. "Гете и физика".

***** GNS. III Band, XV.

тикой — его отправная точка; противоречия в современной системе воззрения на природу... привели его к критическому исследованию методологических основоположений этой системы... его теоретико-познавательный штудрум ему вскрыл основу многих заблуждений"... И далее: "Думать научно... нетрудно"

Свой рассказ об Э. ф. Гартмане, критически себя самого уничтожившем под псевдонимом, приведшем в восторг дарвинистов и после открывшем свой критический псевдоним с замечанием, что все возражения эти уже предвидены им⁶¹ — этот свой рассказ д-р Штейнер заключает словами: —

— "Доводы, приводимые против моих положений, мне нетрудно было бы привести себе самому"

А в "Geheimwissenschaft"⁶² (в предисловии) он нам говорит: —

— "С точки зрения философской... могут направить известную критику против этой книги. По прочтении ее философ мог бы сказать: "Современную теорию знания за ничто, должно быть, считает автор? Знает ли он о существовании Канта, знает ли он, что после Канта недопустимы подобные утверждения?"... Но воистину: можно знать, как в смысле Канта границы возможного познания здесь переиждены; и как в смысле Гербарта эта доктрина показалась бы "наивным реализмом... и почему современный прагматизм Джеймса, Шиллера и др. упрекал бы эту доктрину в переходе ей отмежеванных границ... можно знать это все, и все-таки, вопреки всему этому, даже... поэтому именно, за собой признать право написать подобную книгу"

Неужели эта цитата не заставит Эмилия Метнера задуматься над своей критической "прытью"? Ведь его лейтмотив нападений формулируем словами, могущими относиться к нему: —

— "Возьмем следующее: был в Горлице сапожник, по имени Яков Бёме. Этот сапожник, по имени Яков Бёме, научился сапожному ремеслу... Предположим, что этот сапожник, по имени Яков Бёме, пришел бы и сказал: "Я теперь хочу посмотреть, какова конструкция мира. По-моему, в основании мира лежит... форма. На форму натянули однажды мировую кожу. Взяли мировую иглу и мировой корень мировую иглою связали с мировой кожей. Взяли мировую ваксу, вычис-

* GNS. III Band, IV.

** GNS. III Band, VI.

*** Ср. OT. 14, 15.

тили мировой сапог. Так объясню себе я, отчего днем светло; это блистает мировая сапожная вакса. А когда она к вечеру покрыта известкой... более она не блестит. Так что, думаю я, кто-нибудь ночью занят заново чистой сапога "... Предположим, Яков Бёме так бы дал объяснение... Да — вы смеетесь. Яков Бёме не поступил так... Но гипотетические "Яковы Бёме"... существуют ныне повсюду. Вы находите... физиков, химиков; они изучали законы распада и соединения материи; есть — зоологи, изучавшие... описание животных... Они говорят: при составлении мировоззрения берут законы, изучаемые в химии, физике, физиологии; других быть не может, — и на них конструируют они взгляд на мир. Они прямо так поступают, как поступил... гипотетический наш сапожник, построивший мировой свой сапог. Ведь гротеск — объяснить отличие дня и ночи... ваксою... С точки зрения истинной логики объяснение законами физики, биологии, физиологии, мирового строя — в принципе то же. Воистину то же. Это — чудовищное превознесение физиков, химиков, физиологов, биологов, желающих оставаться только физиками, химиками, физиологами, биологами — и в то же время желающих рассуждать о... мире"... и т. д.*

Уважаемый автор увидел бы и в приведенной цитате "мировой сапог" теософии, как увидел он в философски научной позиции д-ра Штейнера (хстати — им не изученной) "мировой сапог" оккультизма.

§ 82. "Глазки да лапки"

Я вскрыл: понятия критицизма у автора и у д-ра Штейнера; и их — соотнес.

Монолитность "теории" знания растворена у автора в смутные капризы тенденции; к критической теме относится автор не как строгий художник понятий: как "вундеркинд", берущий ту тему при помощи дотошного "тремоло".

Нападения продиктованы не разбором, а "криком"; "крик" плодит "кривотолки"; "кривотолки" сплетаются в лабиринт: по лабиринту метается раздражение автора — не критика, а — глухо стонающий... Минотавр, ища своей жертвы; критика разбора воззрений состоит из малюсеньких тропочек: здесь щипнет, здесь кольнет, здесь вздохнет уважаемый автор: возмутится, воскликнет; и выпустит — крылатое слово.

---

* МуКГ.

Все только тропочки; тропочки вытекают из тропочки и втекают опять-таки в тропочки: ни одной широкой тропы и ни одной остановки; без передышки, без отдыха носится уважаемый автор по эфемерному городу без улиц, без площади; и плодит кривотолки — без передышки, без отдыха; вырастают многие сотни; растет лабиринт; в нем нельзя не запутаться без ариадниной нити. Эта нить — о п и с а н и е: экспозиция разбора воззрений; и вовсе она — не разбор: разбор предполагает воззрение; но воззрения у автора нет: есть просто зрение, просто глаз: и глаз — "глазит".

Взяв закоулочек, именуемый "а критичность д-ра Штейнера", недоумеваешь невольно: закоулочек, раз начавшись в ряду закоулочков ("окультизм", "монизм", "схематизм" и т. д.), тотчас же опять пропадает — в ряду закоулочков: "ассерторизм", "синкретизм", "дарвинизм" и т. д.; он — впаян в них; и вычленишь его трудно, как почти невозможно что-либо вычленишь из грандиозного мессива психологических тонкостей, кривотолков, восклицаний и лучезарностей — последних по адресу Гете; безмятежность лазури — и вихорьки, вихорьки, вихорьки, всюду метущие пыль по тысячам закоулочков — причудливых, зигзагообразных и однородных в зигзаге.

Книга автора — материя очень странного сорта, капризная... дамская; о такой материи сказано — одной дамой: "Фон голубой и через полоску все глазки да лапки, глазки да лапки, глазки да лапки..." (Мертвые души)⁶⁴.

Пересчитывать, разбирать эти "глазки да лапки", значит к первому тому "Размышлений о Гете" дать подробнейший комментарий, превышающий книгу раз в десять; это было бы скучно: нам и... читателю. Мы показали читателю эти "глазки да лапки" между полосками фона в пределах: двух рубрик, не более; этого достаточно; читатель нам верит: все обвинения — "глазки", иль "лапки". Нападения характеризовали в двух сечениях мы: в поперечном, в продольном, то есть, мы разобрали: как нападает наш автор густыми колоннами, сконцентрировав их в отдельной главе (в вопросе о физике); и — как нападает он: фронтально растянутой цепью — от первой главы до последней (в вопросе о "критицизме"). Чтобы читатель не упрекал нас в придиричливой мелочности (быть не мелочным трудно, анализируя конгломерат мелочей), мы ориентировали оба наши разбора ("глазок и лапок") вокруг единого центра: отношения д-ра Штейнера к научному мировоззрению современности.

Автор до ужаса хаотичен; при всей хаотичности автор талантлив и тут, в вопросе о "критицизме". Автор — бард "критической философии"; вернее ее трубадур; отношение его к ней — отношение к Прекрасной Даме, мы за это можем его искренне похвалить, отвлекаясь от всех его химерических представлений о д-ре Штейнере. В своих симпатиях к теоретико-познавательной мысли он сходится с д-ром Штейнером; но только: "симпатией" и "стремлением" к известному строю мыслей не ограничился д-р Штейнер, а — дал нам строй мысли: с в о ю теорию знания члено-раздельно оформил он; будем надеяться: "симпатия" и "стремления" автора, будет день, да

«формируются — "учением"; пока "учения" нет, автор — доброжелатель и лирик: теории знания.

Как достоинство устремлений фигурирует далее симпатия к "конфигурационным законам" плюро-дуо-монизма; автор доброжелатель и тут; д-р Штейнер и тут: дает законы градаций; очерчивает градационную представляемость, обусловленную метаморфозой познания; в сторону градационной метаморфозы полусознательно правит челн автор; но броня ветхих догматов давит: черпает его челн. В мироощущении и в тональности восприятий перерос воистину автор ветхого человека в себе, но ценой обветшания его мировоззрительных догматов. Мироощущающий Метнер несоизмеримо выше "мировоззрителя" — Метнера: этот последний — "наивный воззритель": канто-воззритель; "новое вино" в нем не может взойти; фигурирует у него плохая проекция антропософических взглядов на метаморфозу познания — путаном представлении о "возможности иных критицизмов"; представление это в догматически старых мехах лишь досадное "окисление" вина нового творчества.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СВЕТОВАЯ ТЕОРИЯ ГЕТЕ В МОНО-ДУО-ПЛЮРАЛЬНЫХ ЭМБЛЕМАХ

§ 83. Физиологическая система

Периодическая система химических элементов открывала возможность а priori предсказывать существование неоткрытых веществ, давая их физико-химическую характеристику; вещества впоследствии были найдены и с предсказанием совпадали.

"Градация" д-ра Штейнера открывает возможность нам мыслить возможные эмблематики; отсутствие их в нашей шкале теорий носит случайный характер. Сумма же всех эмблематик в их текучести освещений и смыслов образует воистину новую, легконогую философию, о которой мы можем сказать, что в ней недостаточно мыслить: в ней надо мыслить ритмически. Первая песнь о ней пропета — пропета она... Заратустрой¹.

Световая теория Гете — одна эмблематика: эмблематика при помощи призм; физиологическая эмблематика, подобная теории Гете, возможна; и — допустима: физиология оптики, развившая, как механика, ореол... теории пульсов.

В центре этой системы, подобная гипотезе колебаний, стояла б гипотеза пульсов; пульсация крови являлась бы объяснением многообразия к ней сводимых явлений; изучались бы тут — и ритмы пульсации, и прилив и отлив крови к органам чувств; упражнение стояло бы в центре; развивалась бы пластика произвольных ритмов пульсации и овладение ритмами; ускорение и задержка дыхания сопровождали бы пластику; кровообращение, стоя в центре, видоизменяло бы нам: дыхание, зрение, слух; феномены субъективного зрения изучались бы под новым углом; вспышки света в глазах изучались бы в отношении к биению сердца; а законы давления крови, обуславливая — искры в глазах, полагались бы основными законами света; свет сердечный и был бы тут — светом; сердце наше, источник всех вспышек, полагалось бы солнцем; и в солнце б мы видели: проекцию сердца; солнечная система вовне стояла бы перед нами проекцией кровеносной системы; а световые пучки были б нам — капиллярами. Совершилась бы проекция тела вне тела; и в макрокосме б мы видели: бьющий пульсами организм. В кинематике, динамике, статике проекция нашей системы рисовала бы *dynamis*, как нам ведомый и мпульс, то есть, как пульс, перенесенный вовне; энергетика была б и мпульсацией; мир бы двигался и мпульсом огромного существа.

Нечего прибавлять, что подобная физиология в центре ставила б опыт: не вивисекцию, не разрыв и умерщвление организма, а изучение живущего организма, действующего и произвольно меняющего самую механику зрения, слуха, дыхания и пульсации крови; нечего прибавлять, что праксис, подобный очерченному, нам отчасти и дан: в опытах монашеской школы; и в — йоге: экспериментальная физио-психология в йоге содержится.

Были бы возможен и ряд других эмблематик.

§ 84. Физиологизация, физикация

Характеристика световой теории Гете д-ром Штейнером есть градация многообразия допустимых тут точек; метафизика света, автором не очерченная, не метафизика собственно, а градация. В градации характеризуем мир глаза; д-р Штейнер нам говорит: — "Если б кто-либо из местности А мне б, живущему в В, послал телеграмму, то тогда бы все то, что... пришло бы мне на руки, без остатка восстало бы в В. Телеграфист находится в В; и пишет он на бумаге, никогда в А не бывшей чернилами, не бывшими в А; сам он А совершенно не знает...; коротко говоря, можно мне себя убедить, что лежащее предо мною прибыло не из А. Тем не менее: все, восставшее в В, для содержания — равнозначно... Уясняя себе... содержание телеграммы, я от В... отвлекаюсь. Так обстоит... с миром глаза"*.

Разложу пример с телеграммою на этапы сигналов в освещении моно-дуо-пляральной градации; разложение и проведение сквозь градацию не проработано мной; это есть лишь намек на возможное освещение световой теории Гете градацией д-ра Штейнера. Все последующее только так принимаемо.

Разлагая пример с телеграммой на этапы сигналов, вижу я возможность двух противоположных путей; первый путь: телеграмма послана мне; путь второй: я шлю телеграмму; в середине первого — физикация; физиологизация — в середине второго; организм, механизм тут — направления; самостоятельной значимости они не имеют.

§ 85. Гетов свет в "теизме"

Первый путь: физикация... —

— 1) Шлющий мне из А телеграмму имеет в себе содержание телеграммы; содержание это восходит в нем, как восходит заря над мгlistою местностью: по законам, вложенным в "Я";

* GNS. III Band, XXVIII.

над-индивидуальное "Я" предопределяет "Я" личное; восходящая над лесом заря равно созерцаема: мною и шлющим мне весть о заре; всякое содержание в этом смысле есть зарево: одинаково внятное в А, как и в В; над-индивидуальное всякой вести — в том, что весть понимаема одинаково: вестником и получающим весть.

Вестник есть вестник света; вестник света есть мир; мир простирается предо мною: я стою перед ним; содержание мира и мое содержание — два содержания; содержание мира вместе с моим содержанием должны корениться в том, что не я, что не мир, чтобы мир мог быть вестником. Это третье внушает мне, что у мира есть "Я", что во мне — целый мир, что заря та — душа, что душа моя — заревая. Проявление мирового "Я" во всеобщем есть проявление в свете; световые знаки суть — *universalia*², лежащая вне меня; условие внятности светового сигнала есть положение всеобщего света вне мира, в "Я" мира: "Я" и "свет" суть единство. В соединении света и "Я" постигается скрытая основа вселенной; светится — "Я"; в разорванной завеси света огромное "Я" поднимается... —

— по градации Гете здесь гениальное —

— самая непосредственность света насквозь гениальна³.

— По градации д-ра Штейнера положение света во вне — положение: *universalia ante rem*. Область *universalia* — область тона; тон — над-эмпиричен, над-индивидуален; тон открывается здесь в своей непосредственной чистоте; он не метод оформления фактов, не мировоззрение, не переживание вовсе; он нечто горнее; в плоскости мировоззрения тон отражается архитектуркой положения *universalia*; сам по себе чистый тон — над-индивидуальная музыка сфер; солнце, луна и земля построены тоном; солнце, луна и земля — проекции в видность тона; в тоне у д-ра Штейнера мыслится пифагорейское что-то; и солнце — не солнце здесь, а "ἑοὺς"⁴; теизм — не абстракция, а чисто звучащая солнечность; в области чистого тона теизм — гениален; соединяя градацию Гете с градацией д-ра Штейнера, мы имеем: —

— гениальный теизм.

Суть его неуловима в абстракции; суть его уловима скорей в гениальном отрывке из Фауста; тон — "пролог в небе"; что такое есть чистый тон в аспекте теизма, пусть расскажет нам — луч, вестник тона; и Рафаэль, вестник⁵ нас учит:

Raphael.

Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Wettgesang,
Und ihre vorgeschriebne Reise
Vollendet sie mit Donnergang⁶.

Чистый теизм определяем — солнечным ходом громовым; мы сыны громовы: дети света; откровение божества смотрит солнечным ликом; теистическая религия света возникла; Митра⁷ стоит перед нами.

Световая теория Гете в градации Гете восприимаема гением молниеносно, воззрительно; свет в этом месте градации вознесен в певучую музыку сферы. Положение в область чистого тона — восприятие света, как откровения; свет — то, что открыто: открытое лицо божества воззрилось на мир. Гетев свет — неделимый, единый — есть взор божественный, осеняющий гения: свет — восстание Логоса; свет — логический свет. Подлинная природа света логична; логика — свет, вызывающий к жизни миры. Световая теория Гете полагаема здесь, как чистейшая, сокровенная логика, умозакрывающая — мирами; красочность есть структура; радуга — построение мира; свет — зерно невообразимого мира, в мире нам данном: построение логики света, — страны, где я буду жить, как логический индивид: вот чем может быть восприятие Гетева света в чистом тоне теизма.

§ 86. Гетев свет в теистическом оккультизме

— 2) Шлющий из А телеграмму содержание ее получил; содержание всплыло в нем: дух сошел в душу; радужно расцвела душа; содержание душе приобщилось и стало — таким-то; душа отметила содержание, как свое содержание; содержание — душевное содержание. Шлющий мне из А телеграмму есть мир; содержание свое, "мировое", теперь отделилось от "света"; оживился мир и стал возникать, как "само по себе"; возстал из хаоса мировая душа⁸; непосредственность открытого лика сменилась ликом мира; "в оды" мирские дух отделил от вод духовно-небесных; подлинный лик света закрылся, сменяясь образом и подобием в мире светящего света; свет душевный, досолнечный, стал теперь зажигаться; он светит вне солнца: час создания солнца не пробил; а уж свет в мире светит: —

— "И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И был вечер, и было утро: день первый" (Быт. I, 3, 5).

Область возжжения света есть область религиозной символики; чистый теизм, воспринятый в ней, становится религиозным теизмом... —

— по градации Гете мы тут имеем: религиозное...

— Процесс возжжения света религиозен по существу; горение, тепло, пламя характеризует возжжение; самое горение — символ: соединение двух в одно: мира с надмирным. Передо мной стоит мир; я — стою против; в мире же возникает тепло, огонь, дым; свечение, облако; свет смотрит сквозь это; световая теория в этой грани нам явит: религиозную символику света; символы облучения света во тьму и суть краски; объяснение красок — в откровении религиозном; теизм теперь — религиозный теизм.

И согласно градации д-ра Штейнера мы должны опустить область чистого тона в мировую душу; сказать: пламя, дым и тепло — переживания вне меня протекающей жизни; *universalia* сигнализирует мне душевностями, переживаниями духа; сам дух теперь скрыт: "θεός" теперь — в вестниках; вестники — иерархии; и радуга красок — их степени: так имеем мы: —

— теистический оккультизм. — Область мироощущений вне мировоззрения нашего объективна, реальна; над-индивидуальный тонизм здесь дается в семи красочных преломлениях; подлинная область здесь есть область реальной символики; в мировоззрении эта символика разложится на индивидуальное переживание и отвлеченное начало методы; но еще индивидуального переживания нет; переживание — *universalia*; отвлеченное начало и вовсе отсутствует; то, что мы называем "логизмом", и то, что мы называем "психизмом", соединены в религиозной символике и опущены в *universalia*. В *universalia* разыгралась душевность — вне нас разыгралась, и мы дышим душевностью к нам притекающей, одушевляясь ей, как воздухом: объективное переживание мира — стадия египетско-халдейской религии.

Соединяя градацию Гете с градацией д-ра Штейнера в религиозно-оккультный теизм, мы невольно приходим к восприятию красок в оккультно-положенном; и, читая текст из Исайи: "если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю", мы должны уяснить себе самую природу греха из теософии переживаний "багрянности"; "снеговое", "багряное", "золотое" здесь — математика объективнейших переживаний, вне нас протекающих в мире. Гетев свет в этой зоне — религиозно-оккультная мифологема самого создания мира, а опыты — символы оккультной реальности.

§ 87. Гетев свет в трансцендентализме

— 3) Шлющий мне из А телеграмму содержание телеграммы переложил в буквенных знаках; воплотил его при помощи бумаги, чернил, рисующих условности обозначений душевных; это значит: содержание души положил, как вещь, пред собой; вот оно — на бумаге; слова — индивидуумы; мир соткал себе внешнюю форму: многообразие раздельностей; многообразие текущих вещей — извне воспринятая форма; эта форма — материя.

Свет воспринят положенным в пункты; он — источник проявленной жизни: он стал светилами; день первый кончился; начался — день четвертый: —

— "И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной... И был вечер, и было утро: день четвертый" (Быт. I, 14, 19). —

— Характерно: планет еще нет; есть — светила; светила же — жизни; престолы вестников света — стоят перед нами; физики нет; есть *sui generis*

мета-физика; индивидуально звучит она в душах; индивидуально в ней вещи; светила суть светочи содержания; индивидуальное содержание есть начало восстания сознания; сознание в этике: и согласно градации Гетев имеем: этическое; астрология — правила поведения в космосе; Гетев свет исходит планетною радугой и где Юпитер — лазурь, Марс — багрец, и где золото — Солнце; предвестие мировоззрения возникает нам в герметизме; герметизм — теизм уже вещный: трансцендентальный теизм. —

— "Слово Божие снизошло в низшие сферы к творению природы... В жизни и свете — отец всего... слово святое снизошло в природу из света"*.

Природа из света — материя; она — насквозь светоносность; световые сигналы же — чувственный материал.

У Филона Логос является: во-первых, энергией, то есть потенцией божества (тоном), во-вторых, — с вязью (символом) мира; и, в-третьих, — сотворенным посредником** (положенным трансцендентально); в этой стадии сам "Θεός" принимает тварную, вещную, человекообразную форму; Аполлон — солнечный светоч; Аполлон — прото-тип; солнечный светоч же — прото-феномен¹⁰; единство расколото в двух раздельно воспринятых сферах; Аполлон опускается из тонической сферы — с тонической лирой в руках: музыка отбрасывается в мусийском; метаморфоза и ритм — восприятия жизни; жизнь, извне взятая, вещь; световая теория полагается физикально; и — перелagается в опыты; опыт еще — религиозно-морален: краска теории еще звучит музыкально; красочность — метаморфоза мелодии аполлоновой лиры.

Свет положен, как вещь; свет теперь есть свет солнечный; светлость его — мелодийность; мелодийность, излитая в мир, переносит нас от постижения окультиного света к постижению его, как трансцендентально нам данного; свет — светило: —

— трансцендентальный теизм.

Трансцендентальный теизм подводит к иному тонизму; переламывается мелодия мира; в симфонии поднимается: тема вторая; к голосу солнечной песни присоединяется голос земли; ария света пропега; свет вывел краску; ария тьмы начинается: тьма участвует в краске.

Перелом соответствует: перелому эпохи; земля в светочах — лейтмотив эллинизма; его песня: Психея¹¹ — в оболочке материи; освобождение Психеи — задача мистерии; мистерией предопределен мистицизм; трансцендентализм теизма он сменит; трансцендентальный теизм развивается в мистический натурализм; принятие света, как вещи, диалектически развивается в принятие: мистического света вещей. *Universalia* перелagается в "res": *universalia in re*¹². —

— Натурализм возникает.

* "Hermès Trismégiste". Из книги Луи Менара.

** Ср. кн. С. Трубецкой. Учение о Логосе.

§ 88. Гетев свет в натурализме

Натурализм: четвертая стадия: —

— а) содержание телеграммы перелagается в толчки телеграфа: природа буквенных знаков — природа идеи — сменяется природой толчков — идеей природы; —

— б) содержание не-сется по телеграфному кабелю: телеграфный кабель есть "геа"; телеграфный кабель — природа: философия природы становится естествознанием в нашем смысле; —

— в) содержание телеграммы достигает В и переводится в буквы: *universalia* берется из геа; меж природой и нами строится мост; природа постигаема волей: волюнтаризм; принятое в В содержание телеграммы начертано в терминах воли.

Область чистого тона вне мироощущений и смыслов — над-индивидуальна, без-образна и вне-мысленна в терминах рассудочной логики; в чистом тоне натурализм явил бы природу членением вне-мысленных и вне-образных форм; вне-логический, без-образный натурализм не встречаем в наших системах воззрений; натурализм ведом нам в многообразии обрамлений эмпирики, волюнтаризма и т. д.; преломления эти многообразно гранимы: материализмом, механизмом, рационализмом и сенсуализмом; чистой природы не ведает наше время; не ведает оно без-образностей, без-рассудочностей — и тем не менее "форм"; отдаленным намеком натурализма тонического является нам, пожалуй, философия Сан-кьи¹³, если мы ее освободим от всех материалистических привкусов и оформлений в духе современной нам логики.

Чистого натурализма не знаем мы.

Натурализм же, взятый в сгущении, и в сгущении переживания мира явит нам области религиозной символики; например: в символических культах¹⁴; в этой символической встрече нас: над-индивидуальное, без-образное переживание; оно — природный экстаз; натуралистический тон, немировоззрительно развиваемый, проявляем единственно: в оргиастических культах, то есть в символической... прущей тьмы, распространяемой в свете; образ ее — появившийся образ Гадеса¹⁵; похищение Прозерпины¹⁶ есть таинство: распространения тьмы — в свете: желтое; белый, вне-красочный свет, солнечный свет, здесь дается светом, преломленным тьмою: солнечный свет — желтый свет, золотой; в золоте Аполлонова света черное пламя Гадеса пресуществляется, распадается; золотит вне-цветочную душевность и само зеленеет¹⁷ растительным покровом природы; точка встречи тьмы с светом в диалектике хтонических культов возвышена элевзинской мистерией; образы Персефоны, Деметры, Гадеса, Диониса, Вакха¹⁸ — образы растворяемой светом тьмы: религиозная символика натурализма: в акхе — побег ели; самый Дионис в древности именовался: Дионис-дендрит¹⁹; в этой стадии пробегаем мы многовид-

ную символику "д р е в а"; самое "д р е в о", то есть проросшая жизнь³⁰, есть мелодия этого тона — в религии; красочная градация Гете, в этой стадии взятая, пробегала бы зону: психизма; здесь Психея, краска, в попеременном блуждании между тьмою и — светом, материей и духом, предстала бы — в образе похищаемой и возвращаемой Персефоны; место ее — между Олимпом и Тартаром³¹.

В натурализме пробегается гамма: от земляного нутра к поверхности солнечной; в теистической символике мы видим обратное: из недр света, сквозь солнце, краска касается — поверхности земной.

Солнечность сменяется земностью: земля древовидно, дионисично ветвится музыкой произрастаний и про-цветаний; произрастание, процветание — природная жизнь; природа берется, как жизнь; самая жизнь — пресуществление материи в цветности; материя зеленеет и рдеет цветами; и цветами выходит из тартара душа, Персефона; таинство Персефониных странствий: мистерия; до-мировоззрительные побегι натуралистической религии нас встречают повсюду; и отмечают: жизнь архаической Греции; Греции Архипелага.

Жизнь проявилась впоследствии лугом зеленым, цветущим радугой красочных переливов под золотом Аполлонова солнца; жизнь выколосилась зерном; колосом бежит Персефона туда, где на родине ее ожидает ее дивная "mētēr"³² — Деметра; золотая Деметрина статуя, стоящая в храме, есть символ небесности, в солнцем зачатой земле.

Красочно говоря, стадия чистого теизма символизуема пурпуром Элогимов³³; оккультный и трансцендентальный теизм ослабляют пурпур в градации: красное и оранжевое. Теизм — пурпурно-оранжево-красный.

Натурализм возводит природу от зелени к золоту солнца, чрез желтизну хлебного колоса (желтое и зеленое). Натурализм — желто-зелен. В мистицизме он золотее; в эмпиризме принимает он зеленое освещение; в волюнтаризме сквозь зеленъ пробиваются голубоватые тона; и дополнительно отражается: красное.

Обработка земли в человеческом поте и крови сковала нам орудия жизни; ковка же этих орудий привела к ковке мысли; из земли скована мысль, взятая в нашем, теперешнем смысле; мировоззрение ковалось в работе пресуществления природы; мировоззрение особенно связано со взглядом вокруг; вокруг — мир природы; мировоззрение есть взгляд на мир, воспринятый, как природа нас обстающего; мировоззрение в нашем смысле образовалось в том периоде Греции, где стадия мистеряльного отношения к природе завершалась и округлялась; мировоззрение сменяло мистиерию; но оно началось: в стадии мистического натурализма — у греческих физиков.

Область градации д-ра Штейнера замыкает в особую область мировоззрительный круг; мировоззрительный круг — третий круг, облекающий круг чистого тона; тон сперва оделся в переживания религиозного символизма и потом уже мыслительно, мировоззрительно отчеканился: кругом третьим; в этом круге, в чеканке, цельность тонической сферы переложи-

лась в абстракцию; *universalia* стали абстракцией, архитектурным планом, воззрение строящим; переживание же стало: переживанием личным; мироощущение в личности отлилось, а тон — стал абстракцией; щепление происходило в процессе: работы над опытом.

§ 89. Гетев свет в натуралистическом мистицизме

Стадия мистицизма.

Содержание телеграммы передается в толчки телеграфа.

Содержание теперь — луч; оно протянулось — от солнца, вне солнца; вне солнца — тьма; оно протянуто: в тьму; тьма теперь зеленеет природой; и жизнь изливается: зелеными соками; стадия натур-философского витализма пробегает здесь, в этом месте; натурализм здесь мистичен; натура — Психея, в вуалях материи; восстание природы, как духа, есть стадия греческой физики: "Все полно богов, демонов, душ". Природа далее — беспредельна; беспредельность переходит в единство; единство дается во множестве; множество становится множеством единичностей; в атомах Демокрита мы скорее имеем многообразие монад, управляемых "нусом"²⁴; это — *vis genetrix* идола; световые феномены — это "идолы" света; вырываясь из глаз, световые идола Демокрита²⁵ образуют мне зрение; природа берется то в ее духовном восстании, то в единственности, то в суммарном сложении, то в многообразии ритмов; смысл ее спиритуализуется, или же: оформляется монадически (греческий атомизм); или же полагается: в динамическом ритме — в огне Гераклита²⁶.

Натуралистический мистицизм мировоззрительно здесь щепится в спиритуализме, монадизме и динамизме²⁷. И из-под этих трех смыслов прорастает четвертый: смысл природы самой: реализм.

Реалистическое отношение к природе разительно крепнет в отношении к ней Аристотеля; и метафизически разветвляется: от Аристотеля сквозь эпоху схоластики; перед нами градация учений о свете, градация, самой историей взятая: натурализм пробегает здесь стадию — реализма мистического²⁸.

А в градации Гете имеем мы: органическое; органицизм — мистический реализм.

§ 90. Гетев свет в эмпиризме

Стадия эмпиризма.

Содержание телеграммы несетя по телеграфному кабелю.

Телеграфный кабель — природа сама по себе: безотносительно к "А" (свету мира), безотносительно к "В" (восприятию в "Я"). Стадия эта лежит уже в реализме. Мироощущение эмпирики отрывает солнечный луч от самого источника света; и так взятый, он — телеграфный толчок; то есть поверхность свечения.

Эмпиризм складывается исподволь; складывается еще внутри мистической стадии — в росте и накоплении опыта; у Аристотеля, у Галена, у Роджера Бэкона²⁹ видим мы медленное нарастание холодного, безлюбивого, вивисекционного опыта; эмпиризм в Возрождении полу-вылезает из мистики; и сбрасывает, как скорлупу ее, в XVI веке. Меж мистицизмом и эмпиризмом — соединительная и богатая градация природу дробящего опыта; от Роджера Бэкона, через взгляды Кардана и Порты, к трактатам, слагающим опыт (Бэкон Веруламский)³⁰; возникают исследования о красочном мире у Аквилония, Афанасия Кирхера, Фоссия и Гримальди. И — так далее, далее: шестнадцатый век — перед нами; краска берется, как таковая (физически), берется —

- в феномене,
- в чувственном изживании,
- в материальном лежании,
- в механическом представлении.

Гетева краска пробегает здесь стадии: субъективного зрения, физиологической, химической и физической краски: стадия эмпиризма внешнюю оболочку теории, физического эксперимента, превращает в ядро; гетевский опыт есть следование за явлением, как символический жест, передающий нам тайное; он — манифестация тайных знаков природы; стадия натуралистического эмпиризма самый опыт с явлением гипертрофирует в реальное раскрытие смысла; и этот смысл насильственно примышляет к явлению. Мы имеем здесь стадии: —

- 1) эмпирического феноменализма,
- 2) эмпирического сенсуализма,
- 3) эмпирического материализма,
- 4) эмпирического математизма.

В последнем складывается механизм: Ньютонова теория красок; в градации световых эмблематик она — эмблематика.

Но в эмблематике этой разлагаются и погибают: все выше лежащие эмблематики: теизм, оккультизм, трансцендентализм, стадии натуралистической мистики (спиритуальной, монадной, динамической, реалистической) и стадии эмпиризма выглядят отложением генетически росшего и теперь научно окрепшего взгляда. Эволюционизм, генетизм так, собственно, смотрит: одновременно данная, живая, неупраздняемая градация воззрений о свете берется в последовательности исторических отложений; световая градация — в оттенении жизни, в текучести мировоззрительных переживаний и смыслов; и подмена ее историзмом, проективизмом, терминологией, классификацией есть подмена жизни — тенями; шкала учений о свете градационно приемлема в текучести моно-дуо-плюральных эмблем.

Гетев свет несоизмерим с Ньютоновым светом; свет Ньютона занимает недвижное, определенное, классификационное место: математической графики. А теория Гете — не мистика, не философия, не тем более метафизика в догматическом смысле; не физика; даже она не теория.

— Она есть градация: она — танец терминнов.

§ 91. Гетев свет в волюнтаризме

Натуралистический волюнтаризм¹.

Содержание телеграммы достигло В и переложено в буквы; и *universalia in te* постигаемы изнутри, хотя и положены в внешнем; между мною и "гет" наводится мост: мост этот — воля; толчок телеграфа волею перелагаем на букву; луч, протянутый к глазу, потому только видим, что глаз — лучевой. На языке механических представлений мы скажем: световая вибрация ударилась нам в глазную сетину; раздражение (*Druck*) слагает мне впечатление (*Ein-druck*).

Телеграмма — содержание красочностей; красочности природы слагаемы, перелагаемы: в азбуку; азбука коренится же — в глазе; глаз и природа противопоставлены, столкнуты; оформлены они в параллелях: механика вне-текущего и пульсация, внутри бьющая; "гет" расколота — во внешний и внутренний мир; часть меня есть природа; в этой части меня, то есть в чувственно волевой, постигаю я природу, как волю; что извне — представление, то внутри — воля; мировоззрение это становится волюнтаристическим идеализмом; а психофизически взятое, протекает оно в параллелях (Фехнер, Гейдинг). Знание о природе силится приподняться над знанием эмпирическим; соединяются мною два знания: о природе моей и о природе извне; природа распалась в две параллельные вещи; *universalia* ими расколоты; они — напополам в природе, меня обступающей; *universalia* вылагаются из природы; и растворяется зелень — в душевной голубизне.

Знание, соединяющее два параллельных знания, — сознание; чистое сознание еще не достигнуто: достигнуто — соположение рядов; в одном ряде — разлагается глаз; градация разложений такая: —

- 1) физиологическое,
- 2) химическое,
- 3) физическое,
- 4) механическое,
- 5) случайное.

В другом ряде "случайное" возлагается в глаз и углубляется глазом: краска лежит в восприятии; разложению восприятия в раздражениях и дрожаниях противопоставлено: сложение дрожаний в воспринимаемом органе; из хаотической дрожи глаз строит: многообразнейший красочный

крам; в творчестве глаза над миром — последнее уяснение природы. В этой стадии световая градация Гете принимает ту форму, которой коснулся я, характеризуя про- и ре-грессию.

Так, согласно градации д-ра Штейнера, метаморфоза теорий о свете из образа эмпирии является нам: в волюнтаристическом образе; каждое переживание актуально; мир течет в моем творчестве; собственно "natura" есть творчество; *universalia* — в творчестве; в природе фантазии — ключ к пониманию "натуры"; волюнтаристический натурализм рационализируется Вундтом и Фехнером, идеализируется Шопенгауэром, психизируется в мировоззрении эстетизма; у Эд. ф. Гартмана подводит вплотную нас: к пневматизму.

Круг мировоззрительных смыслов в отношении к природе исчерпан: двенадцать эмблематик природы пробежало пред нами; выявляется их лависимость от методы; орудия подхода преломили природу; орудие — в логике; методология логики возникает в сем пункте градации: методология логики — градационный этап; у преддверий логизма градацию проецирует логика: проекция градации в логике — методология логики.

Мы стоим у преддверия нового тонального перелома: натуральный тон изжит в мировоззрительном круге.

Интуитивизм возникает пред нами, *universalia* коренится в "post gem".

§ 92. Гетев свет в интуитивном логизме

Интуитивизм: *universalia post gem*.

Universalia переложились в меня; "ges" — распыляется; "ges" коренится во внутреннем моем смысле; "natura" — только конструкция; как таковая, мертва она; ее действительность гаснет; почва натурализма утеряна; натурализм же сам почва: почва земли; ноги не чувствуют землю; земля убежала от ног; вон там она где-то — далеко-далеко; видишь ее — планетным мертвеющим шаром: —

— Пустынный шар в пустой пустыне,
Как дьявола раздумие,
Висел всегда, висит поныне, —
Безумие, безумие!

З. Гиппиус²².

И — что это значит?

Личное "Я" думает о себе, что оно содержательно; содержанием сознания оно держится прочно; вне его личное "Я" не есть "Я", а... так себе... что-то; в осознании содержания конкретного "Я", как объекта, личное "Я", как таковое, откинута от представления о "Я", как единстве сознания, и растоптано в формах познавательной деятельности; в сущности оно — далеко, на пустынном шаре природы, повешенном в безысходных

пустотах; оно — в теле, там; стихотворение Баратынского характеризует тут встающее настроение:

Напрасно ты металась и кипела,
Развитием спеша:
Ты подвиг свой свершила прежде тела,
Безумная душа!
И тесный круг подлунных впечатлений
Свершившая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; — а оно
Бессмысленно глядит...³³

"Оно" — в теле личное "Я" — выкинулось философией истекшего века из мира субъекта; над-индивидуальное, формальное "Я" предопределило "Я" личное; этим оно умертвило — "Я" личное; бьющий вулкан превратило в... потухший вулкан; а "Я", наше "Я" — живое, конкретное, вечное, — чувствует себя между раздавленными "Я" страстей и "Я" логическим, не открытым в подлинной сущности; чувствует себя, как в орлиных тисках; и разрывается — между телом и духом; дух в образе логического организма подхватывает "Я" и уносит, как Ганимеда — орел; мир убегает; воззрение на него становится бледно угасшим; смысл и конкретность в нем стерты; мировоззрение — метод; и методов — много; они — равнозначны, образуя замкнутый круг; круг душа обошла; и он — стал ей тесен; в мировоззрениях чувствует себя "Я" под "веяньем возвратных сновидений" — изжитого тесного круга; методология — номенклатура изжитого тесного круга; теория знания XX века мировоззрение убивает; мировоззрение связано с теперь распыленной натурой; в нем "Я" — "оно", которое, по словам Баратынского, — "бессмысленно глядит"; интуитивизм в первых стадиях своего логического выявления сходит на землю пустыней; земля — мертвенеет и — отваливается от ног; и уже в первых стадиях перехода от интуитивизма в логику, вслед за потерянной мертвой почвой земли, чувствуешь: головокружение в логике тебя схватило; чувствуешь свое конкретное "Я" выбитым из души и отходящим к неведомым безднам темно-лазурного купола; этот купол, не озаренный никак, в сущности, тобою не видим: он — гносеологическое сознание, хищно напавшее на тебя и тебя охватившее, как бы... сзади; что тебя охватило, в сущности не понимаешь ты; определяется оно в твоём "Я" — негатив неведомой власти, тебя уносящей; что ты уносим, постигаешь ты лишь во взгляде на землю; в стадии натурализма ты стоял на земле; и земля от тебя побежала; заключаешь отсюда, что ты улетаешь — в надземное; надземное вырастает, как холод, в тебе, но сквозь тебя — прорастает; и тебя от земли — отделяет; одновременно ты — Ганимед и орел³⁴; охватив тебя лапами, Зевесов орел медленно врастает в тебя; чувствуешь себя новорожденным в лазури и катастрофически погибающим в зелени; зелень жизни, став колосом, зелень, — измолота; ты теперь — пицца; ты и ядущий; сознание не твое, сквозь тебя освещает миры, ты с ним слива-

а́шься; оно — глубокий колодезь — в тебе и одновременно тебя растворяющий купол лазурный; чувствуешь, как ты в себе тонешь; чувствуешь себя обой освещенным; и одновременно: освещение, сквозь тебя проходящее, — как не свое освещение; ты — и ты, и — не ты; ты — свет, разлитый в природе; но ты не источник; свет, разлитый тобой, — отраженный, логический; ты в этом свете — луна, озаряющая под собой висящую землю; все, все, все — озарено лишь тобой; ты же — не светоч; ты — зеркало. В эту первую стадию интуитивного тона мы впервые вступили на заре истекшего века; стадия умерщвления жизни есть Кант со своей школой; стадия ж отлетания — похищения орлом Ганимеда (или же выхождения в мысли из тела) только еще начинается на трагичной круче, в логизме: это стадия — лунности; мыслимы еще озарения на этом пути в пресуществлении пути; орел еще нападает; он еще хищник; орлиная лапа терзает Ганимедову грудь; и терзание мысли, умирающей, чтобы восстать в третий день, есть логизм теоретико-познавательный³⁵, нам бытие испугающий.

На всем протяжении минувшего века стадия эта, логизм а³⁶, отчеканивалась над обрывами умирающего натурализма и повисла — над ними; в безнадежности своего висения "над" — поверхность логизма; но, развиваясь, логизм вызывал дополнительную какую-то, себе обратную и в Европу неожиданно запавшую ноту: дополнительной ноты логизма, ноты ему параллельной, мы не встретим: ни в теистическом иудействе, ни в эллинизме, ни в Египте, ни в Возрождении; и — ни в средних веках; встретим мы — в Индии³⁷. Только Индия некогда тронула интуитивную ноту; и — тронула ее не в логизме; произведение этой ноты, может быть, есть Веданта³⁸ и еще более — Веды³⁹; теперь в логизме восходим (по иному восходим) туда, откуда Индия нисходила⁴⁰: натурализм и теизм в нотах, некогда взятых, предлежали истории человечества; ныне же они — нами изжиты; поэтому, как обертоны, реминисценцией далекого прошлого, на всем протяжении истекшего века проходят волны звучаний философии Индии; Индия подымается многократно; например, в Шопенгауэре⁴¹; это все оттого, что современная нам философия пробегает ту же тональность, но в иной обработке; в интуитивном логизме философии истекшего века более подлинной Индии, нежели в эстетическом переживании Индии пессимизмом⁴² — этом продукте "логической утомленности". Д-р Штейнер высказал глубокую и верную мысль: живи среди нас ученик Вьясы, Капиль или Шри-Шанкара-Ачарья, он бы не был теперь поклонником Санкьи, Веданты, а — поклонником Фихте, Шеллинга, Гегеля. В философии Германии истекшего века для современников больше подлинной Индии, нежели в неизбежно кривых постижениях философии Индии; Индия не есть путь, куда продолжится мысль; Индия — резонанс на происходящее с нами, не она — она: она — тея трагедии нашей мысли; и пойдя мы навстречу к вст а ю щ е й н а м И н д и и, Индия от нас убежит; мы не примем реально ее постижений; и одновременно свернем от нами искомого берега.

Берег искомый и берег откуда-то брезжащий — есть восстание в логике Логоса, меняющее логику в корне; восстание — не извне озарение, а приятие Логоса внутрь; солнца луна не увидит; мировые пустыни логизма неосветимы извне; мы должны — подлинно "в логике" встать; это значит — стать самой логикой, чтобы понять, что логика не есть то, что она есть для нас ныне; солнца луна не увидит: внутри луны взойдет солнце: так луна станет внутренним солнцем, принимая Христа, а логика — станет подлинно светом: свет постигается в Логосе; Логос свет логики; не отказ от логизма и бегство к философам Индии продолжает "нашу" интуитивную стадию, а углубление логики до вскрытия в ней самой — блистательной точки; интуитивный логизм пре-существовавшим так в никогда не бывшее сочетание: интуитивизма и гностики*; гностический интуитивизм — вот к чему мы подходим; и — чего не было в Индии, что возможно лишь в христианстве; христианстве — грядущего; намеки этого грядущего христианства — у Павла⁴³. Параллельно отзывам Индии на философию наших дней были отзывы Индии в поэзии восставания философии этой; романтизм начала истекшего века⁴⁴ не был лишь продолжением поэзии трубадуров; нечто от Индии перекликнулось: голубой индусский цветок, лотос, есть уже в "голубом цветке" германского романтизма⁴⁵; голубизна его отражает бездонную темно-лазурную синеву; огненный пурпур тизма, солнечной желтизной изливаясь на землю, по-ному произрастает: зеленью натуралистических весен; а интуитивные весны — в душу восходят иначе: голубым цветочком Новалиса; и разверзнутся далее: в темные лазури логизма; приближение к залазурному свету внутренне озаряет лазурь в... фиолетово-розовое.

§ 93. Гетев свет в гностицизме

Содержание телеграммы, оживая в моей психической жизни, оживлено законами сознания, лежащими вне личного "Я". Содержание телеграммы, будучи мной прочтено, оживает во мне: буквы, написанные на бумаге, бумага, телеграфист города В и толчки телеграфа сыграли теперь свою роль; и более в содержании не участвуют; клочок бумаги мной брошен; содержание — в душе; телеграфный кабель есть природное раздражение; впечатление — это бумага и буквы, то есть органы чувств; восприятия — процесс чтения; из над-душевного протянулись впервые сквозь личное самые возможности понимания в буквенных знаках по существу вне мира лежащего; понимание содержания есть встреча вне-мирного света с над-индивидуальным корнем сознания; все промежу-

---

* Все, что мы знаем о гнозисе, относительно скорее к sui generis сочетаниям оккультического тизма в натуралистическом спиритуализме; подлинный гностицизм — впереди.

точное — отпадает: место подлинного приятия света есть логика; свет вне-мирный сквозь солнечный мною берется: логическим светом. Стадия отпадения мира от взятого нами от мира источника есть углубление и пресуществление света и логики; логика становится Логосом: свет становится — Духом. Это уже происходит в гностической стадии.

§ 94. О том же

Интуитивная гностика.

Познание в ней озаряется: с логики сорван покров; световая значимость познавательных отвлеченных начал есть конкретность познания: познание становится светлою пульсацией смыслов; идеология становится метаморфозой идей; идея же — новым образом жизни; символ чрез нарастание в нем смысловых контрапунктов, чрез пульсацию контрапунктов, становится — существом; что прежде мы называли архитектурной философской системы — теперь система пульсации организма, живущего в состоянии идеи; методология чрез эмблематику и диалектику круго-бегущих эмблем разрывается: в разрыве становится Логос.

Семь переживаемых состояний сознания теперь уже пройдены. Мы стоим у преддверия чистого интуитивизма, возносясь из себя самих в сферу свободного тона.

§ 95. Гетев свет в чистом интуитивизме

Чистый интуитивизм.

Покидая замкнутый круг мировоззрительных смыслов в интуитивном логизме, мы очертили картину — натуралистической смерти; мы очертили восстание логики как натуры в областях интуитивного гностицизма; и первое касание области чистого тона есть полный образ катастрофы всего нами ведомого: восстание солнца внутри луны есть падение луны в солнце, т. е. катастрофа. Семь пройденных состояний сознания: оккультизм, трансцендентализм, мистицизм, эмпиризм, волюнтаризм, логизм, гностицизм — суть семь лучей света: семь переливов градации.

Очертив же субъективно градационные переливы семи лучей света, очерк наш, будем помнить, случаен; он есть лишь эмблема. Оккультизм есть над-индивидуальное учение о макрокосме в микрокосмическом элементе; если мы учение возьмем, как живую градацию, в месте красного луча оккультизма увидим мы: Дух. Катастрофа элементарного в Духе есть не катастрофа, а градация: метаморфоза самого элемента; элемент — проекция комплекса; комплекс — проекция организма; организм — проекция индивидуума; индивидуум живет — в иерархии; иерархия — духовное братство; оно — орган Духа.

Трансцендентализм — луч оранжевый: учение о вещах чрез учение о механизмах, и "ставшее" развивается в становление; становление — ответ действия; действие есть действие в круге: со-действие — отражение таинства; таинство есть потенция мира в мировом прото-типе.

Мистицизм разрывает: раздражение во впечатление, впечатление в восприятие, восприятие в переживание, переживание в озарение, озарение в просвещение, просвещение в откровение.

Эмпиризм, градационно растянутый, пробегает стадии: описания, классификации, системы, синтеза, творчества, созерцания и становится миром теории.

Волюнтаризм, углубленный в градации, отправляясь от данного, волею данное пресуществляет в явление; в явлении видит конструкцию воли; конструкцию расплавляет в идеологию; идеологию плавит в метаморфозу идей; метаморфоза становится сферой Идеала.

Логизм отправляется от понятий рассудка, чрез методологию восходит к эмблематизму, диалектически вращает эмблемы, оживляется в логическом существе, как Софии: в Софии же является Логос⁴⁶.

Гностицизм мировоззрение расплавляет в со-переживание мира; из со-переживания выводит архитектонику; архитектоника — символ; через него она вводится в символический круг; этот круг — в круг существ; круг существ разрывается в Смысле. И возносясь в сферу тона в семи лучах преломлений, вместо мировоззрения, понятия, данности, описуемости, раздражения, механически ставшего, элемента — стоят: семь лучей жизни: Смысл, Логос, Идеал, Интуиция, Откровение, Прото-тип, Дух.

Только эти слова намекают на стадию интуитивного тона; и отмирает значение слов: 1) иерархия, личность, организм, комплекс, элемент; 2) со-действие, действие, становление, ставшее, механизм; 3) имажинация, синтез, система, классификация, описуемость; 4) озаренность, переживание, восприятие, впечатление, раздражение; 5) диалектика, эмблема, метод, разум, рассудок; 6) символика, символ, строение, настроение и воззрение; 7) идеация, идеология, конструкция, явление, данное.

Интуитивизм есть совершенно иное: соединение "Я" и "света" в "Я - Свет" — только здесь.

Световая теория Гете у преддверия этого тона в сущности есть вот что: уяснение многообразия живо текущих кругов световых эмблематик в том или ином пределе градации, как мимика такого-то цвета; градация оккультических учений о свете есть мимика, скажем, красного; в метаморфозе идеологии встает идеал, как — скажем мы — голубое; восстание смысла — лазурь; откровение — солнечность.

Мы должны отвергнуть слова "теория", "система", "наука", "воззрение", "номенклатура", "физика", "метафизика", чтобы хоть на шаг приблизиться к той грандиозной картине, которая восстает в градационном приятии световой симфонии Гете. Теория Гете в градации д-ра Штейнера есть симфония мироздания красок и — апокалипсис красок; тут впервые

мы видим: смысл "теории" не в том, чего достиг Гете (достиг он огромного); смысл теории Гете в том — куда Гете метил; и то, куда метил он, теперь впервые открыто: открыто... в намеке; намек — в единственном слове: "г р а д а ц и я" — градация метаморфоз и в них: метаморфоза градаций.

§ 96. Гетев свет в обратном порядке

Мой пример с телеграммою проходим и в обратном порядке; середина пути отмечена физиологическим методом: —

— 1) "Свет-Я". Интуитивизм. Гениальное.

— 2) "Свет" полагается в мое "Я"; и — распинается в моем "Я": "Я с вами до скончания мира". Содержание телеграммы возникает во мне: интуитивизм о к к у л ь т н ы й.

— 3) Содержание жизни душевной отпечатано в сердце; центр пульсации — создан; в пульсации — жизнь: "Я емь жизнь"; появляется ощущение "Я" в ощущениях плоти: в пульсациях, в ритмах пульсаций; пульсация, как от солнца лучи, ширится вне меня: мои пульсы влагаются (ein) в давящее окружение тьмы (Druck); впечатление, красочность, возникает отсюда; оттого-то и впечатление — Ein-druck; пульсация становится им-пульсом, оживлением лежащего вне меня.

— 4) Стадия натурализма: —

— а) я им-пульсирую вокруг лежащее жизнью (волпонтаризм): вовне зажигается мною — свечение: буквы написанной телеграммы — в толчках телеграфа;

— б) он — в дрожании кабеля: здесь Ньютонова сила есть им-пульс: эмпирика — вне меня живущее в импульсе;

— в) телеграмма моя переведена в буквы мира: солнце — отражение сердца — теперь отделилось от сердца.

В натуралистическом тоне обратный порядок рисует: органику; Гетево понимание органики градацией опрозрачено; "с в е т" здесь есть Свет Христов: только он — прото-тип; "а н т р о п о с" — близлежащая модификация типа; "а н т р о п о с" — тип природы; чрез себя струит он им-пульсом свет Христов. Антропософская теория импульса — ключ к органике Гете.

— 5) Мир читает мою телеграмму: мир есть читающий; читающий — кто-то; мир есть "Кто-то"; этот "Кто-то" не "Я"; у него — свое "Я": логизм в аспекте теизма.

— 6) Содержание телеграммы живет в "Я" теизма: теистический гностицизм.

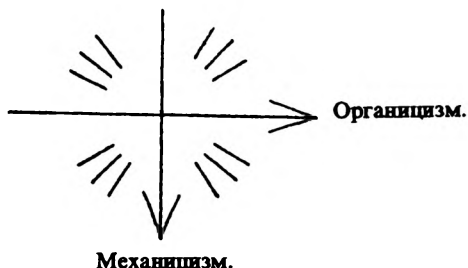
— 7) "Я" и "свет" суть единства. Оба пути правомерны.

Первый путь историей изживается; а возможность второго пути в намеках начертана: органикой Гете.

Мы стоим у преддверья его разработки — в духовной науке.

§ 97. Гетев свет в антропософии

Механицизм и органика суть отрезки: более углубленных путей, соединяемых в третьем:

Соединяя этапы путей, имеем мы — знаки:

- 1) Свет и Я — омега и альфа.
- 2) Мир и Я — одно: "тат твам аси"⁴⁷.
- 3) Световая игра есть душа моя, а движение души — игра света.
- 4) Светоносительство — телесная жизнь; свет в жизни — солнечность.
- 5) Материальные раздражения — им-пульсы.
- 6) В пульсах живут впечатления.
- 7) Кровь пульсаций — лучи вселенского света.
- 8) Единство играющих содержаний, лучевое и алое, — "Я": "Я" — солнце крови.
- 9) Свет этого солнца и "Я" суть одно.

Первый тезис и тезис последний — повторяют друг друга; второй отзывается нам в восьмом; в седьмом отзывается третий; в четвертом — шестой.

Соединяем их: —

— I) (2+8). Играющее содержание — в "тат твам аси": интуиция, откровение.

— II) (3+7). Одушевленность, душа, есть игра вселенского света: анимация, инспирация, просвещение.

— III) (4+6). Оживление есть сгущение душевной градации, как биения впечатляемой жизни: озарение, им-пульсация, имагинация, витализация.

— IV) (5+5). Объективация данного мира есть положение свечения жизни вовне: раздражение, поверхность свечения.

*

Вот чем светится учение Гете, градационно воспринятое в штрихах д-ра Штейнера: оно — опрозрачено.

Из четырех красок Гете вынимаемы — состояния "светов": —

- 1) Откровение.
- 2) Просвещение.
- 3) Озарение.
- 4) Свечение.

И они же суть: —

- 1) Интуиция.
- 2) Инспирация.
- 3) Имагинация.
- 4) Отвлеченная мысль.

Состояния сознания сопровождают те светы: —

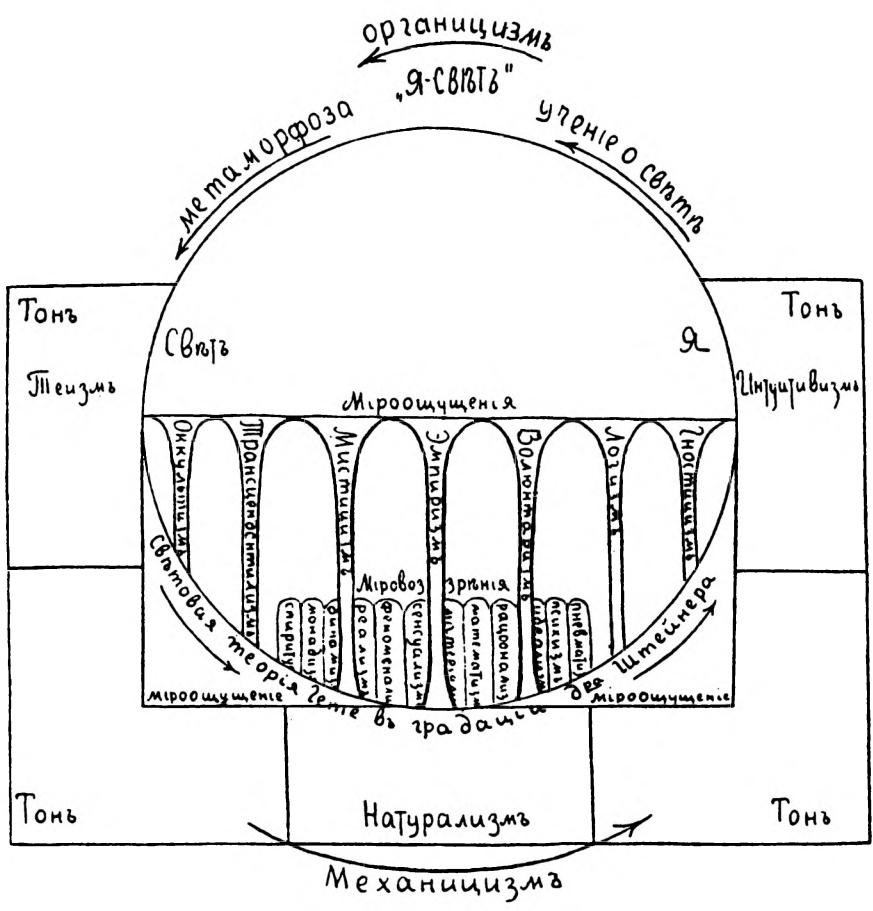
- 1) Состояние сознания в принципе физической чувственности (свечение).
  - 2) Состояние сознания в принципе вне-материальной стихийности (озарение).
  - 3) Состояние сознания в звездности (просвещение).
  - 4) Состояние сознания в чистом "Я" (откровение).
- Антропософия вписана в световой теории Гете.

§ 98. Философия антропософии

Характеристика моно-дуо-плюральной градации нам явила ее, как сложнейшее нечто. Эта "градация" есть введение в философию духовной науки; определяя в рассудочных терминах, мы должны выявить самое понятие "градации"; градация есть *suī genēgis* — нечто; все, что входит в понимание идеологии, собственно не приложимо к градации; "градация" д-ра Штейнера "идеологии" — определяет: и — ставит на место; мировоззрение отвечает на вопросы о смысле; "градация" д-ра Штейнера есть "градация" мировоззрений в их комбинации с градацией мироощущений и тонов; мировоззрение — буква; градация — не алфавит, а сложение фраз; сложение мировоззрений; мировоззрение отвечает на вопросы о смысле; "градация" дает градацию мировоззрительных смыслов; самый мировоззрительный смысл берется эмблематическим элементом; градация — эмблематика смыслов, где каждый, вращаясь в круге всех смыслов, преломляется и — нарастает; градация *suī genēgis* диалектика смыслов, ведущая к нарастанию смысла; всякий рассудочный смысл переносится и остается нескрытым; пресуществляется самое представление о смысле; "градация" есть преддверие к иному пониманию смысла и начало эзотерики смысла; чистый смысл не адекватен в ней постановке вопросов о смысле.

Градация не есть синтез.

В синтезе механически полагаем мы к смыслу смысл; синтез есть со-положение, сложение смыслов; в градации световые точки всех возможных осмысленностей в контрапункте взаимного преломления бегут, нара-

стают и — молниеносно змеятся; если смысл есть окружность, градация есть "окружность окружностей": "Гете мир себе представлял, как окружность окружностей, из которых каждая имеет свой принцип объяснения"* . Так говорит д-р Штейнер: такое представление градационно уже. "Мир не рассматриваем одно-сторонне... мир открывается лишь тому, кто берет его в круге"* *...; круговое взятие мира есть взятие в разуме; множество понятий рассудка же в разуме есть текучее множество, ритмизируемое идеей; метаморфоза "понятийных" смыслов господствует вместо понятия смыслового: " πάντα ρετ"; взаимоотношение текучих, взаимно зыблемых, смыслов господствует вместо смысла недвижимого: "Истины, принадлежащие к целой системе воззрений, понимаемы правильно лишь в их взаимоотношении... Этот глубокий их смысл... эзотерический смысл"* * . Синтез — со-положение — статичен; он — проекция текучего бега и жестикюляции смыслов; градация и есть этот бег; не синтез — градация, а эзотерика синтеза; смыслы истин здесь — индивидуумы: "Истинное есть индивидуально-истинное"* * * * .

Философия современности не возвысилась еще ныне до принятия истины, как метаморфозы представлений о ней: "Философы то, что я высказал — приведение в движение мысли, — не проделали; поэтому необходимо стоят у границы и обосновывают номинализм"* * * * . И далее: "Философы номинализма, стоящие с необходимостью у границ, — они вращаются в царстве... форм"* * * * * . "Если бы они вышли из царства... форм, они б пришли к непрерывно движимой представляемости... И когда один из них в последнем периоде мысли запада... в этом смысле стал думать, то мало был понят он. Искажают то, что писал Гете в "Метаморфозе растений", искажают то, что назвал "перворастением" он, — ... с понятиями... перворастение, "перво-зверь" только тогда считаются правильно, когда их мыслят в подвижности"* * * * * . "Это есть воззрение, к которому устремляется развитие философии со времен Греции; это есть воззрение, которое свои первые отчетливо познаваемые следы выявило в мировоззрении Гете"* * * * * . "Переживают сознательно подлинное существо души человеческой, когда ее ищут на этом очер-

---

* GNS. I Band, LXXXIII.

** MuKG. II Vortr. 4.

*** GNS. IV Band, E. A. 127.

**** GNS. IV Band, Z. A. 400.

***** MuKG. I Vortr. 7.

***** MuKG. I Vortr. 8.

***** MuKG. I Vortr. 8.

***** RPh. II Band, 235.

ченном здесь пути**". "Философы, которых я разумею, никогда решения не приняли выйти из области форм, — и поэтому во всеобщих мыслях не могли иметь ничего иного, кроме слов, — воистину "только слов"***. "Но Мастер мировоззрения, здесь предложенного, сама история философии. Ее рассмотрение показывает, что ход философской работы стремится к воззрению, не достижимому в обычном сознании"****. "Кто рассматривает строение философических мировоззрений включительно до современности, тому в исканиях и стремлениях самих личностей мыслителей открываются внутренние течения..., живущие в них инстинктивно. В течениях этих живы силы, дающие часто и форму, и направление идеям мыслителей; но на них непосредственно не хочет сосредоточиться исследующий духовный их взор. Изложение этих мыслителей выглядит как бы вынужденным скрытой в них властью, которой они не желают отделиться... И такие власти живут в мире мысли у Дильтея, Эйкена, Когена". В методологиях, классификациях, в номенклатурах понятий и в синтетических построениях, сменяющих наивное представление о смысле, рождается новое представление градационной последовательности; представления ж метаморфозы "понятийных" смыслов отсутствуют: в градации кругов Гете, в метаморфозе идеи по градации, в самом представлении мира, как круга кругов; в принятии конкретной идеи и истины, индивидуально живущей, — д-р Штейнер видит подход к искомому мировоззрению будущего.

"Истину признают лишь тогда, когда... ее постигают в ее восстании в индивидууме"****.

Так говорит д-р Штейнер: и мы у преддверия — антропософии.

§ 99. Точная фантазия мысли

Градация — умножение мировоззрительных смыслов; смыслы становятся в методическом круге и потом: каждый по кругу — бежит, освещается смежно лежащим, развивая от линии бега свой многокрасочный ореол (метаморфоза); так каждый проходит по кругу; и все — в ореоле; далее начинается одновременное движение, сказал бы я, действие, со-действие смыслов: действие круговое их; то, что называем мы смыслом, теперь вне всех смыслов, но он — между ними, как целое,

* RPh. II Band, 240.

** MuKG. I Vortr. 8.

*** RPh. II Band, 245.

**** GNS. III Band, 515.

превышающее произведение и сумму их, как белый луч, не заключаемый в краску; из всех смыслов высекается в них не лежащее пламя; пламя это и есть та в философиях скрытая власть, которой философы современности "не желают отдаться"... "И такие власти живут в мире мысли у Дильтея, Эйкена, Когена"^{*}, оттого-то и "знаменательны... в исканиях и стремлениях нового времени усилия Вильгельма Дильтея"^{**}; знаменательно для д-ра Штейнера и то направление, которое "нашло в современности энергичных защитников в лице... Генриха Риккерта... и других"^{***}.

Градация — творчество смыслов; чистая мысль, высвобождаясь из всех орудийных смыслов, творит свое содержание; мысль выявляется здесь из многообразия граней сначала, как абстрактная мысль; поэтому д-р Штейнер отмечает нам, как стадию освобождения мысли, и то течение в философии, которое обращает взор "на то, что... кажется... плодом мысли: на... независимую, на чистую... мысль"^{****}.

И отмечает здесь имена: Когена, Наторпа, Эйкена, Виндельбанда, Риккерта, Штадлера, Кинкеля и Кассирера⁴⁸. Направление это, хотя призвано, чтоб "усилить самосознающее "Я", но провиденциальная задача его — "скрыть связи "Я" с объективной действительностью"^{*****}. Следующая стадия мысли лишь слегка обрисована мировоззрением Гете: это есть стадия переживания "мыслительной деятельности"^{*****}; она развиваема в мысленно созерцаемый праксис; и ведет — "к неограниченному вырастанию душевных способностей", то есть к росту внимания... к самоотдаче пережитому, как мысль, тут начинается метаморфоза идей, понятий и смыслов; разбиваются на мысли все грани абстракции; является живая мифологема из мысли: "Человеческая душа только творчески может в себе производить свои познания"^{*****}. Само объективно данное в этом смысле — продукт творчества: "То, чего сам творчески человек достигает, — потому лишь является ему внутренним откровением души, что до события переживания познания вынужден ограничиться только тем, что к нему приходит от... вещи. Он не может еще видеть вещей, при... простом противостоянии им"^{*****}. Душа "чувствует творческое уже в деятельности глаза"^{*****}. "Не тот образ мира, который дан ему теорией,

---

* RPh. II Band, 227.

** RPh. II Band, 206.

*** RPh. II Band, 215.

**** RPh. II Band, 217.

***** RPh. II Band, 234.

***** RPh. II Band, 236.

***** RPh. II Band, 229.

***** RPh. II Band, 231.

***** RPh. II Band, 228.

— субъективен, но гораздо более субъективен тот образ, который дается сперва”*.

Так говорит д-р Штейнер.

Теория здесь — создание действительности; и в ней мысль — не мысль в нашем смысле; наша мысль не есть мысль; самое абстрактное представление о мысли утеряно: мысль утоплена — в хаосе своего разбитого тела и живет в нем, как нечто другое; как пульсация ритма в градационных кругах; диалектика переброшена за пределы всех методов; диалектика — точная фантазия мысли.

§ 100. Метаморфоза сознаний

Градация “состояний сознания” — вот первая антропософская азбука; градацию мировоззрений и смыслов предопределяет она; смысл градации “состояний сознания” меняется; градация “состояний сознания” есть градация смыслов; каждый же из “сознательных” смыслов градирует в свою очередь в серии мировоззрительных смыслов; и технически взятый — проецируется шкалой методов; методология — проекция эмблематики; эмблематика — проекция метаморфозы сознаний; метаморфоза “состояний сознания” — в антропософической практике.

Градация — философия будущего; взятая в настоящей эпохе, она есть введение к антропософской “доктрине”.

Отвлеченный смысл “доктрины” один; упразднение мысли как отвлеченно нам данной.

§ 101. Идеология и градация д-ра Штейнера

“Градация” д-ра Штейнера нами не может быть взята в идеологическом смысле.

Идеологию свою д-р Штейнер определяет, как — объективный идеализм. Гете он называет идеалистом эмпириком (Гете в явление полагает идею); “явление”, по Гете, — “теория”; теория в нами принятом смысле отвергнута; теория здесь божественное явление, лежащее перед нами; явление — конструкция идеального; в явлениях — данность.

Современный идеализм абстрактно приходит к тому же: идеология в его смысле — самая конструкция мира; конструкция в каждый миг расщепляется: на понятие и явление; идеология, соединяя то и другое, из двух половинок действительности сотворяет действительность; сначала имеем дуальность:

---

* RPh. II Band, 232.

Мир субъекта:
 Эмблема.
 Метод.
 Понятие.

Мир объекта:
 Становление.
 Ставшее.
 Материал.

В идеологии происходит первое творчество пока отвлеченной действительности:

Эмблема + Становление = Конструкция.

Метод + Ставшее = Явление.

Понятие + Материал = Данное.

Идеология есть: —

— 1) Идеология → 2) Конструкция → 3) Явление → 4) Данное. Данная действительность такова.

Так выходит по Гете; определяя Гете в "градации", мы ему отводим — одно в ней лишь место; Гете в ней — интуитивный эмпирик идеализма. Градация д-ра Штейнера нам рисует и иные возможности правомерных конструкций: Гете мог, оставаясь Гете, мировоззрение свое дать в натуралистическом тоне; отношение к *universalia* переместилось бы в нем; далее переместилось бы настроение построений; теорию света, метаморфозу растений и — далее строил бы он нам в "логизме"; метаморфоза, взятая в настроении логизма, выразилась бы в более диалектической, нежели образной форме; тон освещения брался бы не изнутри, а извне, перед нами бы был: логический идеалист, взятый в натуралистическом тоне; таков был Аристотель; если бы теперь, став идеалистом логическим, Гете бы оставался в интуитивистическом тоне, то был бы он близок — философу Гегелю; метаморфоза растений была бы дедукцией из метаморфозы логически взятых идей. Если бы он приблизился более к настроению "гностицизма", то был бы он близок Платону.

Связь Платона, Гегеля, Аристотеля, Гете такова:

Аристотель:	$\left\{ \begin{array}{l} \text{логический} \\ \text{логический} \\ \text{гностический} \\ \text{эмпирический} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{идеализм} \\ \text{идеализм} \\ \text{идеализм} \\ \text{идеализм} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{натурализма} \\ \text{интуитивизма} \\ \text{интуитивизма} \\ \text{интуитивизма} \end{array} \right\}$
Гегель:			
Платон:			
Гете:			

Каждая из здесь данных конструкций может быть правомерной и ложной; Гете в них занимает одно только место; иначе сближаем он с Фолькельтом; иначе сопоставляем он с Ласком.

Может быть совпадение в тоне, воззрении, настроении; совпадение совпадению рознь; сходства и разность мыслителей сложнее, чем думает Метнер.

Градация нас выводит из сферы самого построения Гете и даже из точки зрения д-ра Штейнера в его анализе Гете; точка зрения эта — одна из возможных; есть — другие; но они — внутри антропософической философии.

фии. Мироззрение Гете — градация, данная в одногранном разрезе лишь; антропософия — в совокупности граней. Градация — не идеология: самые представления об идее и идеале в идеологии все еще — абстрактны, рассудочны.

§ 102. Номинализм, реализм⁴⁹ в понимании градационным

Градация — не методика; метод есть нечто, обусловленное употреблением рассудка; градация за пределами всех рассудочных категорий; обуславливая классификацию их, она есть во всех классификационных системах, но ими не определима она; в плоскости наукоучения она есть методика понятий рассудка: методология логики; как таковая, сосредоточивается она — на объекте; и такой смысл — технический; или же она — ведет к термину; методология логики — либо система наук, либо — номенклатура понятий: терминология; терминологический смысл становится номинализмом; а технический смысл, сосредоточенный на "re alia"⁵⁰ опытов, воспринимаем бывает наивно: реализм возникает отсюда; "реализм" господствовал в середине столетия; "номинализм" господствует ныне; в "номинализме" и "реализме" видим мы расколотой философскую линию от средневековья до наших дней; "реализм" представлен в так называемой "метафизике", "номинализм" — в теории познания. Номинализм, реализм в известном смысле словесны: "Большая часть из того, что обычно называется мышлением, протекает в "словах"... Много людей удовлетворяются в своих стремлениях к объяснению тем, что им назовут какое-либо из слов, представляющих собою знакомый им звук, напоминающий то или это; и свои восприятия при подобном слове считают они объяснением"⁵¹. "Известный Фриц Маутнер... написал большой справочник по философии. Толстая книга его, "Критика языка", выдержала третье издание; это — знаменитая книга нашей эпохи. Много здесь духовных богатств; но есть — страшные вещи... Добрый Маутнер сомневается в пользе логики; для него "думать" есть главным образом "говорить"; нет поэтому смысла в употреблении логики; достаточно употребления грамматики. Но он, кроме того, говорит: так как логики... быть не может, то были логики — дураками"⁵²...

Мысль, отвлеченная в номинализме, — есть "слово"; в реализме — указание на вещь; мысль же не есть ни слово, ни вещь; современное мышление, сосредоточенное на словах и вещах, не есть "соответственно мышление".

* MuKG. I Vortr. 3.

** MuKG. I Vortr. 14.

Градация — не метафизика; мысль в ней является данностью: посюсторонним, не потусторонним: "Заключение там, где... член заключения не дан, отклоняем мы. Заключение есть переход от данного к данному. Когда Фолькельт нам говорит, что наше мышление побуждает нас по поводу данного высказывать предположение, чтобы переступить через данное, мы отвечаем: в нашем мышлении лежит нечто, что уже вынуждает нас... к непосредственной данности. Метафизика хочет, чтобы данное мы... объясняли неданным"*...

Метафизика — следствие реализма: "Мы глядим на идею... Все, ей определенное, в ней самой есть; с ней имеем все то мы, о чем можем мы спрашивать. Основание... бытия возшло к ней и в нее излилось... так что мы его, кроме нее, нигде не находим. В идее имеем мы не подобие лишь того, чего ищем в вещах; мы имеем искомое... Этим отклоняется взгляд, принимающий абсолютную реальность вне идеального... Этот взгляд может быть назван реалистическим. И вступает он в двух своих формах. Он принимает либо множество реальных существ, лежащих, как мировая основа (Лейбниц и Гербарт)⁵¹, либо единственную реальность"⁵².

Д-ром Штейнером разумеется: догматический реализм, характеристика им дается с точки зрения идеализма; в градации наряду с догматическим реализмом может быть реализм, воспринимаемый правомерно — условно; наоборот: идеализм может принять абстрактную форму, диалектически развиваясь в серию рационалистических построений; номинализм родится отсюда.

Фолькельт в градации д-ра Штейнера несомненно — логический реалист⁵³; и логический рационалист — Герман Коген⁵⁴.

Многообразие реализмов — фон мировоззрительных метафизик; многообразие рационализмов характеризует подчас теории познания.

Признак метафизической мысли — примышление трансцендентно положенной "вещи"; метафизика есть учение о трансцендентной реальности. Так характеризует нам метафизику Генрих Риккерт⁵⁴. Соответственно он относится к Фолькельту: метафизика — реализм; реализм — одно из двенадцати построений, допустимых градацией.

Метафизика — не градация.

Автор "Размышлений о Гете" метафизикой назвал световую теорию Гете. В сущности, теория Гете не метафизика, потому что — градационна она; метафизическое освещение есть одно из возможных; но могут быть и иные: динамическое, психическое, спиритуалистическое, — и так

* GNS. II Band, *Metaphysik*, XXXVII.

** GNS. II Band, *Der Realismus*, XXXIV.

далее, далее... Метафизична теория света в том лишь смысле, пожалуй, что она не только есть физика, но она — и все прочее.

Световая теория Гете хочет быть световою градацией: то есть хочет быть — кругобегающими смыслами двенадцати построений, преломленных в настроениях, в тонах и взаимных их контрапунктах: хочет быть метаморфозою смыслов, не определяемых в терминах механики и методики мышления; элементы механики — проекция жизни смыслов в одной только плоскости: в сознании нашем. Есть иные сознания: градационная представляемость есть представляемость иного сознания; познание в этом сознании не дает познания в нашем рассудочном смысле. Градация — ни элементы познания в нашем смысле, ни комплекс элементов; ни она — организм; органика Гете есть попытка пробиться в плоскость иного сознания, строящего и познающего организмы, где организмы — проекция; организация не определяет градацию; индивидуализация — определяет точнее; смыслы в ней — *sui generis* индивидуумы, как *sui generis* индивидуум — "Я"; осмысливание явлений в градации есть мое участие в круге — других индивидуумов; мое участие в их *sui generis* жизни; оно есть со-общение смыслов, где я — смысл в других: мы образуем со-дружество индивидуальностей; индивидуумы здесь смыслы.

Градация — общество, совет, иерархия.

§ 103. Догматический "консциентизм"

Градация — не теория знания.

Анализ познавательных актов нам явят членение: познавательных форм; начало членения (потенция расчленять) лежит в стране разума, синтетическое единство всех членов лежит на границе рассудка и у преддверия разума (система), а члены (систематические понятия) коренятся в рассудке: потенция к творчеству координаций понятий (системному творчеству) не сознаваема в номинализме и реализме, то есть в терминах философии наших дней; она есть та скрытая власть, которая направляет теорию знания быть такой, каковою она понимается у современных мыслителей: "Изложение этих мыслителей выглядит как бы вынужденным скрытой в них властью, которой они не желают отдаться... И такие власти живут в мире мысли у Дильтея, Эйкена, Когена"*...

Так говорит д-р Штейнер.

На вершинах теоретической мысли эта скрытая власть пробивается тревожными толчками исканий, всплывками заявлений, надежд на какие-то иные, современной мысли далекие рубежи, приподымается мир и н о й м ы с л и и падает — под гробовою плитою рассудочных предрассуд-

* RPh. II Band, 227.

ков и граней. Вдруг, например, мы читаем: "долженствование... пребывает последним предметом познания"*...

Все в этой фразе характерно нам; выдвигание "долженствования, в сущности, нам должно изменить самое представление о познании, потому что познание в нашем смысле продукт — долженствования; долженствование не может быть предметом познания в этом смысле, а как раз скрытой властью. Для того чтоб оно могло стать предметом познания, познание в нашем смысле должно от "предметности" отказаться и быть беспредметным. В одной приведенной мной фразе слышится и скрытая власть (воззвание к долженствованию) и гробовая плита (упоминание о предметности).

Или: скрытая власть вырывает у другого философа глубоко верное слово**:

— "Философия и ныне еще... продолжает кланяться критически-неосмысленному... догматически утверждаемому факту... Догматический консьциентизм — вот ее последнее credo. Под знаком обожествления человеческого сознания родилась она в руках Канта; под знаком служения этой обоготворенной частности Сущего пребывает в своем нынешнем развитии; под знаком того же самого предрассудка суждено ей, по-видимому, сойти в могилу". —

— А в том же ежегоднике "Логос"⁵⁵ печатается рядом с приводимым мной утверждением статья, где "догматический консьциентизм"⁵⁶ пожинает плоды свои в путаной постановке вопроса об отношении субъекта к действительности⁵⁷.

Где философия, по выражению мной приводимой цитаты, "кланяется"... догматическому консьциентизму, там не философы, в доброжелатели догмата от имени догмата подавляют всякую независимость отношения к философии собственно; как доброжелатели догмата от имени догмата поступают, мы видели на Эмиллии Метнере, который от имени им биологически взятого — "консьциентизма" обрушивается на позицию д-ра Штейнера в отношении к Канту: д-р же Штейнер утверждает то именно, что утверждается мной приводимой цитатой. Именно, с одной стороны: "Значимость человеческой мысли возводится Кантом в научное убеждение⁵⁸"; но с другой: значимость эта утверждена критически в разборе реальности и догматически взята в понятия и идеальности; догматичен Кантовский познающий субъект.

* Рихард Кронер. "К критике философского монизма". Логос. 1913 г. Книга третья и четвертая. 70.

** Б. Яковенко. "Что такое философия?" Логос. 1911—1912 гг. Книга вторая и третья. 94.

*** Б. Вариско. "Субъект и действительность". Логос. 1911—1912 гг. Книга вторая и третья. 104—114.

**** GEGW. Der Grund der Dinge und das Erkennen.

Д-р Штейнер здесь утверждает словами мной приводимой цитаты: "Философия... продолжает кланяться... догматически утвержденному факту... Догматический концентризм — вот ее последнее слово".

И признавая значение "концентризма" в укреплении самосознания, д-р Штейнер, однако, отмечает и неизбежные следствия "концентризма".

Так говорит он: —

— "Стремления нового времени действуют средствами, служащими к высвобождению самосознющего "Я" из... действительности"*.

— В преодолении "догматики концентризма" — освобождение от неправой освобожденности. В противопоставлении мысли предмету, в связанности предмета и мысли, во взятии самой мысли "предметом", как "ставшей", а не "становящейся" — рабство мысли; здесь автор статьи "Что есть философия?" близится к д-ру Штейнеру; рассмотрение мысли как продукта, как формы, вместо подлинной жизни в мысли, и приводит, по д-ру Штейнеру, к номинализму, к номенклатуре, к "словам": "Если бы они вышли из царства... форм, они бы пришли к... движимой представляемости"***.

В такомприятии мысли предмет мысли, форма, для современных догматов не может не казаться утерянным; в этом смысле опять-таки прав приводимый мной автор: —

— "Философского познания в жизненном смысле... так же нет, как нет в этом смысле никакого познания".

Остается "психологически взятая" жизнь в процессе: в мыслительном росте, беспредметно свободном, — жизнь внутри самой мысли; и она приводит — к метаморфозе мыслительности. Мысль является здесь — существом; существо, по д-ру Штейнеру, есть идея; идея не субъективная; и она — не "понятие разума": "В идее имеем мы не подобие лишь того, чего ищем...; мы имеем искомое***".

И понятно становится, что хочет выразить приводимый мной Б. Яковенко, когда о философии — утверждает он нам: —

— "Будучи взята, как познавательное переживание, она представляет... смену психических состояний; будучи взята, как знание сущего, она есть само Сущее"****... "ибо и познающий субъект утверждает, как

* RPh. II Band, 234.

** MuKG. I Vortr. 8.

*** GNS. II Band. XXXIV.

**** Б. Яковенко. "Что такое философия?" 98.

один из моментов сущего, которое и восполняет собой и являет Все, Наличное. "Все-что-Есть"*.

— "Я — приношение, Я — жертва, Я — дары предкам; Я — зажигающая трава, Я — мантра; Я — также и масло, и огонь, и самое жертвоприношение. Я — Отец вселенной, Мать, Опора, Предок, ...непознанный Источник... священное Слово... Я — Путь, Супруг, Господин, Свидетель, Обитель, Убежище, Возлюбивший, Начало, Распадение, Основание, Сокровищница, неистощимое Семья... Я — бессмертие, а также смерть; Я — бытие и небытие" (Бхагават-Гита, беседа 9-я). Я — Вишну; из всех сияний Я — лучезарное Солнце; из ветров Я — Глава ветров; из всех созвездий Я — луна. Из Вед Я — песнопение; из Светозарных Я — Индра; из всех чувств Я — Манас; из всех живых существ Я — сознание (Бхагават-Гита, беседа 10-я).

Так отвечает сознание, которое есть Существо — "Все-что-Есть" — ученику пути Йоги, Арджуне.

"Тогда Арджуна, потрясенный изумлением, с волосами, вставшими дыбом, склонил голову" (Бхагават-Гита, беседа 11-я). В сущности вопрошает Арджуна у "Все-что-Есть", каково оно — "Все-что-Есть"... И "Все-что-Есть" отвечает: "Из всех живых существ Я — сознание"...

Мысль возводится в царство "Сущего"; мысль — "сущей" субъекта.

И встает вопрос: "Что есть мысль". Мысль вырастает перед современным философом, как пред Арджуною Кришна; и словами Арджуны современный философ ответит зовущему — "Сам Ты — Все" (Бхагават-Гита, беседа 11-я).

Как вознесенная в царство "сущего", "все-предметная", беспредметная, сама в себе живущая мысль — и н т у и ц и я. Проницая терминологию Гете, мы должны в ней отметить попытку — преодоления "догматического консциентизма" в построении органологии, ведущей к метаморфозе идей, к приятию мысли как сущего и утверждению интуиции; д-р Штейнер характеризует нам интуитивную жизнь такой мысли; в ней мы, "мысли, созерцаем и, созерцая, мыслим"^{**}; зерно мира коренится тут в мышлении; отношение мира и мысли — отношение зерна к колосу; колос — сама растущая, свободная, предметом не плененная мысль; жизнь внутри мысли — рост колоса; в колосе созревает зерно, то есть мир; из зерна — прорежется колос; в одном случае — колос в зерне; в другом случае — зерно в колосе; падают вопросы, что "прежде", что "после"; разделение колоса и зерна, ведущее к противопоставлению мира и мысли — рассудочный "догматический консциентизм", не дающий места свободе — ни миру, ни мысли. Мир и мысль сплавлены в "сущем"; интеллектуальное созерцание — путь к жизни мысли. И так говорит Яковенко: —

* Б. Яковенко. "Что такое философия?" 99.

** GEGW. Die organische Natur.

— "Для философствующего мало узко-оптологического утверждения философии... Философ должен оперировать при своем опознании Сущего так, чтобы его субъективистическое присутствие не нарушало внутренней сущности его "предмета"... Это чувствовали, понимали и знали как Плотин, так и Фихте. Первый — обозначая критически-достигаемое вознесение разума до созерцания, как "Ἐσωρία", второй — именуя его интеллектуальным созерцанием"*.

В этой цитате философа характеризуемая "скрытая власть" прорывается с особою силой; осознание всех следствий "прорыва", конечно, отсутствует: и плита гробовая "предметом" опутанной мысли упадет тотчас: статья обрывается. Освобождение от "предметности" — освобождение разума от рассудочных тканей; Кант догматизирует "облечение"; образуется корост "консциентизма"; и негативно, при помощи "короста", рисуются страны "Ἐσωρία", как системы понятий; интеллектуальное созерцание — плавление негатива, освобождение от "предметности", ведущее к вне-предметной, мыслительной жизни; сила, вырывающая мысль из формы — внимание; упражнение "в внимании" — рост силы мысли и вместе впервые у з н а н и е, что есть чистая мысль, плавящая мир ставших форм в кипение формо-образований и упраздняющая впоследствии самое кипение образности; имажинация — кипение образное; инспирация — жизнь в самой мысли; интуиция — мысль сама; здесь она — "все, что есть".

§ 104. Рассудок и разум — в градации

Градация — не теория знания.

Разуму и рассудку погранична она; разум негативно берется теорией знания Канта; и позитивно — рассудок: создается система — разума в рассудочном коросте; по отношению к такой философии, философия антропософии запредельна; д-р Штейнер определяет разум конкретно; проявление царства разума — сама в себе свободно растущая мысль; не бесплодная спекуляция, ведущая к искривлению роста, а — рост свободный, рост — в сущее: до образования в "колосе" — мирового зерна; разум, поэтому, внепонятийен; понятия — области форм; мир понятийный есть мир "ставшего" становление в мире том — оплетение "ставших" форм рассудочным принципом "причины и действия"; "становление" — внепонятийно, беспричинно, как существо жизни мысли; существо жизни мысли вместо "ставших" предметов и форм проявляется в существах, как бы индивидуально живущих; говорю здесь "как бы", потому что понятие "индивидуум" не выражает нам "сущего" в жизни; собственно ин-

* Б. Яковенко. "Что такое философия?" 101.

дивидуум — разум; мы же суть "индивидуумы" лишь постольку, поскольку мы в разуме: не в понятийном разуме Канта, а в разуме подлинно "чистом"; проявление разума в "существах" есть проявление в идеях: идеи — существа нашей мысли; наша мысль не есть наша: она — сама мысль.

Определяя разум в идеях, д-р Штейнер в Кантовом определении идеи, как "п о н я т и я" разума, видит *contradictio in adjecto*: определение разума, как рассудка; "понятие" — относительно к рассудку; и термин "п о н я т и е р а з у м а" есть показатель перенесения рассудочной области в разум, а *rigor* ломающее мир существ в пустопорожнюю суетню категорий; умственный хаос — отсюда; определение диалектики разума, как предустановленных заблуждений, не определение царства разума, а того, что в нем получается, если мы в него входим — рассудком: такое вхождение рассудком напоминает поступок, учиненный некогда Луллием: въезжание в храм на коне; Кант на коне рассудочных форм въехал — в храм разума; и столетие после Канта от этого в храме разума доминирует философская суетня¹⁷.

Переброс рассудка в мир разума и разума в мир рассудка рождает гетерогенное и пустое понятие об идее: идея — понятие разума; автономия разума а *rigor* нарушена; идеальное, определяя рассудочное, не определимо последним; определение идеи продуктом — определение предопределения предопределенным; трансцендентальный идеализм поступает здесь в отношении к идеальному миру с той самою логикой, с какою при-мышление рассудка (вибрация) выводит рассудок (рассудок — вибрационный продукт). Градация в систематическом начале познания проектирует себя как понятие разума, в мир рассудка; и — членит рассудочный мир; определение градации в понятиях познания — "попаяв"¹⁸; самое слово "г р а д а ц и я" есть эмблема уразумения в рассудочных терминах того, что происходит в жизни с о б с т в е н н о м ы с л и; там, в мысли — конкретности мысли; определяемые в термине — это *suu genetis* жизни; конкретности мысли суть жизни; эманурует их — индивидуум; индивидуум — разум... —

— "Задача мысли двойка: во-первых — создание понятий в резко очерченных контурах; во-вторых, соединение так созданных единичных понятий в единообразной целостности". —

— Единообразная целостность здесь не единство в абстракции, не отвлеченная философия, а содружество рассудочных смыслов в их росте: за пределом рассудочности; понятие здесь — шелуха, разорванная из-под него разбухшим зерном; оно прорастает ростком; в зыби всех проросших понятий, охваченных ветром градации, собственно и начинается: единообразная целостность; а вовсе она не в единстве, абстрактно воспринятом, как, конечно, думает Метнер; не в подстрижении и равнении смыслов (синтетическом "моносе"), не в смешении смыслов ("моносом" эклектическим), не в тирании смыслового понятия над другими (догматическом "моносе") — в ритме зыби многообразия

смыслов: в градации, в конкретном монизме; выражая рассудочно зыбь этой жизни, имеем мы: диалектику; а с ней — триадизм; запечатлевая далее диалектику на объектах "опыта", имеем — методика: плюрализм.

Диалектика, рассудочно взятая, — спекулятивна; градационно взятая, она — эмблематика; теоретико-познавательна взятая, она есть методика, потому что методика — диалектика фактов.

В одном смысле воспринятый, Гегель пустейший философ; гениальнейший тем не менее он; диалектика, как таковая, ничто; взятая же в рассудке и в разуме, она — спекуляция⁵⁹ и жестикуляция смыслов: д-р Штейнер Гегеля берет в освещении разума; и так взятый — он гениален; д-р Штейнер Гегеля берет в спекуляции; и утверждает: теоретико-познавательна Гегель слаб.

Правильны и понятны оба взятия Гегеля. Не понимает тут Метнер и удивляется: с одной стороны, философия Гегеля, по д-ру Штейнеру, не свободна; с другой — он огромный философ. Непонимание мысли д-ра Штейнера — просто какое-то "труднодумие"; "трудно-думие" — от со-существования грубо чувственных представлений и бесплодных абстракций (таково свойство мысли у Метнера); все идеальное им сгущается — в чувственность; либо же изрывается черство — рассудком; и он вынужден: то чудовищно д-ра Штейнера пересушивать, то чудовищно уплотнять.

"Труднодумие" от рационализма, пересеченного сенсуализмом, от сенсуализма, в который впивается схематизм; труднодумие — в схватке обоих: оно направляет мысль автора.

§ 105. Антропософия и границы познания

При помощи абстрактнейшей схемы "понятие разума" определяет рассудок идею; понятно же: при таком понимании идеи она приобретает лишь регулятивный характер. В теории познания рассудочность обращена на себя: и догматизм — ограничен. Тут возникает вопрос — о границах познания.

В сущности, не правомерен он; может быть лишь вопрос о границе познаний рассудка; но и он в существе своем носит не тот смысл, какой ему придали; приводя рассудочное познание к методическому и связуя метод с объектом, то есть направляя метод на вещь, мы видим, что познание методическое совпадает с границами метода, то есть оно — не вне-границно, а — внутри-границно; неправомерное при-мышление смысловых абстракций рассудка, извращая самое назначение познания методического, и порождает вопрос о границе; вопрос о границе познания есть вопрос: о начале акта познания и о его окончании; но акты познания удовлетворяют велению познать; за-границность рассудочных актов не есть представление, например, о разумном познании вне рассудка, а представление объекта вне акта, где объект полагается, как вне лежащая "г е в"; вопрос о границе здесь

пережиток реалистического догматизма, то есть абстрактная спекуляция неизжитой метафизики.

Следует, по д-ру Штейнеру, мыслить: если в нас поднимается смысл, то самое поднятие вопроса о смысле есть смысл, а не положение его, как абстракции; в этом смысле — смысл есть; наоборот: всякое распыление вопроса о смысле есть лишь показатель, что вопрос о смысле неосмысленно нами поставлен. Вместо установления границы (граница — всегда методична), следует для за-границного поискать иной метод; в нужном методе за-границное превратится в внутри-границное; спекуляция о границах есть спекуляция при помощи метода, оторванного от объекта.

Познавание — посюстороннее всегда.

Но единого познания нет; познание зависит от состояния сознания; есть — познания; их единство — в градации. В этом смысле и отклоняет нам д-р Штейнер Дюбуа-Реймоновский лозунг о границе познания⁶⁰. Когда Дюбуа-Реймон устанавливает невозможность вывести законы сознания из законов движения, это вовсе не значит, что мы стоим у границы, а — это значит: мы со-относим несоотности; соотнесение несоотнесимого — аберрация логики; несоотнесимость не есть непознание; непознаваемы муравьиные лапки при изучении человеческих пальцев; это вовсе не значит: муравьиные лапки непознаваемы; и вовсе не значит, что опознание муравьиных лапок в структуре пальцев есть предмет познания. Аберрации нечего познавать; надо их отклонять; грань познания — аберративна всегда. Предмет всегда познаваем, или же предмета и нет; возникновение непознаваемого "предмета" есть всегда показатель конца предметного мышления и начала мышления беспредметного; то есть жизнь самой мысли — преддверие царства разума; у преддверия этого рассудок нам создает аберрацию: "предмет", перекинутый чрез границу; за-границный предмет есть жизнь в себе мысли: изменение характера мышления.

Но логический аппарат автора размышлений о Гете не понимает и тут, оттого он беспомощен пред "органикой" Гете: "становление", метаморфозу, градацию вынужден он понимать: "становление" — эволюционно, метаморфозу — чувственно, градацию — номенклатурно: то есть въезжать в храм на коне. Мы не можем мыслить в идеях не потому, что идейное мышление за границей познания, а потому, что, определяя идею "понятием разума", я создаю аберрацию: пишу "вилами по воде"; и пишучи так, заключаю а priori: письменность невозможна; но стоит мне начать писать на бумаге и не вилами, а пером, как я должен взять назад утверждение; и заключить: есть возможность письменности.

Заключение — "понятие идеи формально" есть аберрация; идея с "формой" не соотносима никак; границы познания вырастают — отсюда; если бы мы спросили: возможно ли вне-понятийно мыслить и если возможно, то как, — вместо догматики о границах возникла бы новая проблема познания: чем должно быть познание, каково его отношение: 1) к данному, 2) к данному методически.

Кант этого вопроса по существу не решил: и поставил тут — "к о н с ц и е н т и ч е с к и й" догмат; кантианство, не рассеявши догматической аберрации, тщетно тщилось аберрацию эту "п р о т и с н у т ь" во все проблемы познания; в результате же получилась: методика "аберрационного протиска", именуемая: нео-кантианство. На острие его только опять возникает в о п р о с: чем должно быть познание? И, решая вопрос, неминуемо приходят к велению: мыслить мысль, как логическое бытие. Мысль же не есть бытие; скорей: "мысле-бытие".

Что же есть "мысле-бытийственность" эта?

Она — Сущее.

Надо отвергнуть многообразие представлений о мысли, чтобы понять, что есть мысль; д-р Штейнер ставит вопрос: антропософское учение о мысли требует тончайшего отделения его от всех догматических пережитков учений о мысли; мысль есть существо; бытие и познание пропадают в мыслительной жизни, как противопоставленные "предметы" и формы; жизнь мыслительная — жизнь в мире в существах мира мысли; таковая жизнь — интуиция; что такое есть мысль, до интуиции мы не знаем; мысль — интуиция. Тут вопрос, поставленный Яковенко — "философ должен оперировать при своем опознании Сущего так, чтобы его субъективистическое присутствие не нарушало внутренней сущности его предмета" — приобретает конкретную значимость: как оперировать? Вопрос о "познавательном праксисе" и отделяет философа наших дней от страны Плотина — теории: или этот вопрос — философская шутка, риторика и пустая словесность; или здесь — встреча: антропософии с острием философии.

Антропософия с этого именно начинается вопроса: как оперировать? И развивает — теорию праксиса: учение о м е д и т а ц и и; медитация — путь упразднения "с у б ъ е к т и в и с т и ч е с к о г о п р и с у т с т в и я"; предметная представляемость постепенно сменяется в ней: представляемостью градационной; градация есть то, что сперва узнается, как жизнь — внутри мысли; взяв пример д-ра Штейнера*, можем мы утверждать: обычное приложение мысли к "п р е д м е т у" напоминает утилитарное отношение к зерну: мы зерно потребляем; между тем оно развиваемо вне потребления — в росток жизни: росток родит колос: в колосе наливается не одно зерно, а многие зерна.

Многозернистость колосом прорастаемых, не потребляемых, но посеянных зерен — вот картина градационного умножения смыслов в метаморфозе кругового общения, где границы познания — шелуха — уничтожены, и где мысль — сама в себе жизнь; такая жизнь — логика, а живущий есть Логос; индивидуальное получает лишь в ней значение индивидуума; антропоморфность есть проекция индивидуума; антропоморфизм преодолевается в мысли; но абстракции преодолеваемы антропоморфным велением: приняться за познавательный праксис.

---

* RPh. II Band. Skizzenhaft dargestellter Ausblick auf eine Anthroposophie. 227—255.

Без изменения наших всех представлений о мысли, без воззвания к постулатам, встающим на кручах познания, непонятно антропософское учение о мысли; оно изломается или в рассудочный оккультизм, или в мистический, темно-магический, болезненный хаос; принятие антропософии как абстракции, или как темного хаоса есть показатель того, как к ней подходят и с чем к ней подходят; критика учения о мысли, как чего-то абстрактного, есть показатель: абстрактности критика; критика его, как болезненно-хаотичного, есть показатель: болезненной хаотичности критика; антропософское учение о мысли вызывает: к радикальному пресуществлению всех представлений о мысли; без него учение это преломляется по образу и подобию преломляющего; и борьба с учением этим выглядит: борьбой со своим собственным двойником.

§ 106. Антропософия и теория знания

Мышление — не познавательный акт; не в сумме их — мышление; теория знания вскрывает нормы познания; на вопрос же о том, что есть мысль, не отвечает она; но ею она предопределяет бытийственность; мысль проходит сквозь — мышление в познавательных формах, предопределяющих предметности бытия; нижележащее есть конструкция: эта конструкция — усвоенный образ мира; не усвоенный образ есть данный хаос; как таковой — мир не действителен; в завершении акта познания мысль поднимается до уровня теоретико-познавательной мысли; получаем картину конструктивно данных нам форм; формы мысли — "предметности"; чистая мысль, включая теорию знания, в них еще скрыта; в них она — та "скрытая власть", которая строит миры Дильтея и Когена, но которую строители не осознали никак: "консциентизм", "субъективистическое присутствие" препятствуют осознанию. Их миры мысли занимают место в градации: Герман Коген — рационалистический логик в аспекте интуитивизма.

Компетенция современной теории познания в этом пункте оборвана. Выше — что выше? Облачный постулат: мысль мыслить Логосом. И с души слетает вопрос: что же есть мысль?

Современная теория познания не отвечает на это. Повернувшись в сторону постулата категориально взятою "сущностью", я пишу только "вилами": вписываю одну из двенадцати категорий — в мир Сущего. Абстракции отлетают от мысли; и мыслить о мысли без обращения к праксису я могу только образно; "образность" есть признание "субъективистического присутствия"; отвлеченности — нежелание его признавать; образность тут — честна; отвлеченность — фальшива; преодоление образности — на тернистом пути медитации; умерщвление образного абстрактным — нечистый, болезненный аскетизм.

Вне медитативного узания подлинной природы мыслительности образно я могу сказать лишь одно: мысль, как и я, индивидуум; я — отраже-

ние мысли; я не "Я", но я — в мысли; образность, ведущая к символизму, честнее, критичней абстракции — там, где нет еще средств у философа сделать ее органом философии; а философ в "организации", т. е. в самой области им любимой Софии (в философии собственно) — антропософ.

Всемогущество мысли осознано теорией знания; но этим осознано: "скрытая власть" в теории знания есть; неосознание этой власти, противление власти, абстрактное представление о мысли, что приводит к гротескам; "гротески" же — не страшны; в них — судорога рассудка, стремящегося во что бы то ни стало быть мышлению идентичным; "гротески" не показатели заболевания мысли, а болезни рассудка, из этого хилого тела высвобождается свободная мысль; агония — не в мысли.

Мысль — конкретное существо — снимает с глаз наших шоры. Не всемогуща мысль и — теория знания падает; рушится ее значимость, как науки наук; поэтому теория знания вынуждена утверждать — всемогущество мысли, то есть — конструкцию мира по слову Гермеса: —

— "Разум же — Бог отец"*. Мы не можем не мыслить единой теорией знания; целостность характеризует ее; мы не можем не мыслить ее как системы; в методике — члены системы; она — конструирует, содержание ею делится на методическое и — содержание собственно; собственно содержание данности — хаос кипения, "становление", а не "ставшее"; "ставшее" — форма; "ставшее" — в методе. Для теории знания характерны —

- 1) Монизм.
- 2) Методизм.
- 3) Систематизм.
- 4) Конструкция.
- 5) "Становление" как содержательный хаос.

Этот хаос она превращает: в мир "ставших" форм, каковыми являются: элементы, комплексы, механизмы и организмы, впечатления, раздражения, понятия "разума" и рассудка; данность, распадаясь в них, становится: методической данностью; и система наук — возникает отсюда.

§ 107. Антропософия мысли

"Системою" теория знания в наши дни ограничилась: последнее объяснение мира — в системе понятий; по отношению ко всем другим вне-мысленным объяснениям такое объяснение — правильное; но поскольку на мысли есть коросты догматического "консциентизма", постольку объяснение "систематическое" не последнее объяснение; оно — объяснение в "ставшем", в "стоящем"; как таковое, стоит оно.

* Из книги Луи Менара: *Hermès Triamégiste*.

Система же — отражение градации; все понятия системы в градации начинают вращаться; перестаем спрашивать; видим: течение мысли. Самый вопрос "что есть мысль" — абстракция над абстракциями; мысль постигаема в процессе мыслительной жизни, только не надо ставить вопроса, о чем эта жизнь: она — жизнь в себе; в ней мы — у себя; в этом смысле она беспредметна.

Мысль оживает через введение в круг представляемости градационной; а такое введение превращает и круг иных представляемостей — в ее собственный круг; в круге течения смыслов; смысловая абстракция колется в многообразии смыслов; многообразие это вращается: попеременно, попарно и — далее; наконец: одновременно вращается; представление становится мимикой; в мимике мы уходим; мимика не говорит, мимика кивает без слов; оккультизм — оттого оккультизм, что слово в нем перестает быть только термином; в этом смысле падает наше значение слов; восстает иное, живое, необъяснимое для того, кто страдает, по выражению Яковенко, "субъективистическим присутствием" — в слове, термине, понятии, представлении. Представление об оккультизме, как прическе "нечто под спуд" — представление тяжелое, грубое и совершенно абстрактное: оккультизму некуда прятаться, ибо он невесом, воздушен и проникает все: все, что есть; его надо поймать: он — мир мысли; мысль же постигается умением стать ее органом; путь к умению — в медитации.

Градационная представляемость достигаема; а в ее достижении — первое приближение ко всюду сущему, не тайному, так называемому "оккультизму"; его невидимость — от щепления в нас мира на "понятие и предмет"; не таясь от нас "оккультизм": мы утаены от него.

В градации идеологии — мимика; концепция — жест этой мимики; идеология здесь —

— индивидуальная иерархия моно-дуо-плю-
ральных эмблем, градационно текущих —

— Проекция антропософии в идеологической плоскости — такова; "идеология" д-ра Штейнера — такова; смысл — в творчестве смыслов; уразумение — свершение смысла; идеология — идеация; то есть: кипение идеологической жизни.

Идеацию можем мы, условно конечно, отметить, как —

— метаморфозу воззрений в диалектической символике смыслов, как вложение образов, индивидууму подобосущих.

— Индивидуум, влагающий образы, есть логический индивидуум, мысленно через нас осуществляющий мир; мир творимый есть логика, то есть та совокупность из зерен, которая наливается в колосе вытекающей мысли; посев зерен — даст поле; зерна станут — мирами.

Мир творимый есть логика, то есть та страна, где воистину буду я, когда буду я — логическим индивидуумом, образом и подобием Логоса.

§ 108. Антропософия и круг наших терминов

Идеация нас приводит к идее; идея есть духовное существо; бытийственность мысли — братская иерархия духов; вне-понятийный разум — так мыслим; он — сверхчувственный мир; "чистый разум" — таков.

Не таков чистый разум у Канта; Кантово представление разума не чисто, а смешанно: из разума и рассудка; кантовский разум — рассудочный разум; как таковой он — *contradictio in adjecto*.

Все, сказанное доселе, переносит антропософские градационные представления из мира ставшего в сферы иные: в не те вовсе сферы, которыми мы представления эти сопровождаем; и принимаем то мы "наивно", и еще чаще наивно мы боремся — с антропософской градацией, когда градации эта рисует нам свои "планы" (астральный, стихийный, физический и т. д.). Мы берем их номенклатурно, системно, абстрактно, мировоззрительно, конструкционно, комплексно, понятийно, механически; или же: грубо чувственно; то есть мы помещаем их в круг данных "понятийных" смыслов: они ж ни — система, ни — классификация, ни — мировоззрительный догмат, ни — описание, ни — элемент, ни — систематика "опыта" в нашем смысле.

Градационная представляемость в нас отсутствует и "консциентизм" представления эти то уплотняет, то — сушит; и, поступивши так, разумеется, их проламывает в указании на "догматику", "мистику", "схематизм", "абсолютизм" представлений; но проламывает он — отражение их в себе; субъективистический, рассудочный догматизм ломает зеркало, его самого отражающее; таков он, антропософией взятый. Антропософские представления обнимают внутри их лежащие — наши; и пока мы абстрактно перекладываем их в круги наших догматов, не подозреваем, что догматы эти уже положены — в них; переложение — догматическое отражение; и отражение — кривое, потому что круг наших догматов в антропософии растяжим; место логики, диалектики, идеала, смысла, идеи в антропософии углубленной положено; углубленное положение это абстрактной рассудочностью — редуцировано, сплющено, стерто; так внутри этой стертости — получают: двоякостертая номенклатура антропософских "понятий", с которой мы боремся; боремся же мы не с антропософией, а со своею абстрактностью. Вот условная для наглядности схема тривиально воспринимаемых терминов в антропософской градации. (См. на стр. 195-й.)

Таблица — субъективна, конечно; она — лишь намек на то, как расставляемы иные из представлений, если мы дадим место в нас жизни мысли в градационной текучести.

Философия в антропософии градационно течет; она не — мировоззрение, не конструкция, не система, не синтез, не символизм, не эмблема, не индивидуальное переживание, не творчество, не диалектика, не идеология, не учение о всеобщем.

Пурпур	Красное	Оранжев	Желтое	Зеленое	Голубое	Синее	Фиолет.	Белое
Оккультизм	Трансцендентализм	Мистицизм	Эмпиризм	Волюнтаризм	Логизм	Гностицизм		
Прототип	Дух	Интуиция	Теория	Идеаль	Логос	Сущность		
Таинство	Духовный брак	Инспирация	Созерцание	Идея	Логика	Сущее		
Иерархия	Сообщество	Имагинация	Творчество	Идея	Диалектика	Существование		
Индивидуум	Движение	Переживание	Синтез	Идеология	Эмблема	Символ (слово)		
Организм	Становление	Восприятие	Система	Конструкция	Методика	Универсалия		
Комплекс	Ставшие	Впечатлительные	Классификация	Явление	Понятие разума	Диалектика		
Элемент	Механизм	Раздражение	Описание	Данное	Понятие разума	Диалектика		
Григориальное	Религиозное	Моральное	Психическое	Органическое	Психическое	Моральное	Религиозное	Григориальное

Философия здесь градационно берется; в абстрактно-мировоззрительной своей стадии она — описание данностей в рассудочных категориях; в миронастроении дуализма она — классификация мира явлений, как представляемых впечатлений; феноменалистический лейтмотив в ней звучит; в стадии учения о всеобщем философия есть система конструктивных методов; в синтетической своей стадии она — слияние идеологий, переживаемое, как градация индивидуальных действий (индивидуализм); в стадии конкретной символики она есть иерархия ритмически протекающих метаморфоз, как творческих, диалектически развиваемых действий в круге (со-действий); в стадии созерцания она — созерцание идей, где идея есть духовное существо, братски видимое в логическом таинстве; в стадии "теоретической", в "ἑσθησις" собственно, она есть самое стояние в Логосе, как в Идеале и Смысле. Чистый смысл ее — тут. Определения наши — намеки: намеки на то, что собственно происходит, когда антропософия отмечает нам: существенность мысли; определения наши — абстракции; как таковые, должны они быть — эмблематически взяты; их взяв, как эмблемы, мы скажем: эмблематика смысла — разрешается в логику, которая есть наука о Логосе, а не наука о правилах употребления понятий; взятая, как последняя, сплюснена логика; логика не есть то, что она есть

для нас: духовная наука есть логика, взятая, однако, в полном объеме логики; как таковая, она — Христология: антропология выводима отсюда; природоведение есть отсюда дедукция; Христология — антропософия в этой зоне градации.

Из Логоса выводится существо: существо это — логика; существование — логический мир; здесь мысль — интуиция; сгущение мысли — восстание мира: восстающий мир — братство существ интуиции; это братство есть таинство; в таинстве излучаются вестники; мысли здесь вестники; вестничество — первое сгущение мысли; антелогия логики — тут; и тут — созерцание; состояние созерцания мысли — инспиративные мысли; инспиративны — идеи; онтология логики понимаема созерцательно; абстракция онтологии есть чудовищность; онтология логики — существо; и каждое струит образы; кипение образов — уплотнение второе; кипение — идеация, метаморфоза, диалектика, творчество, ниспадающая иерархия; логика духовной науки, в этой стадии взятая, может условно быть названа: теорией творчества; законы фантазии здесь — субстанция уплотняемой мысли: во-ображается — объективация мира из творческой воли; волюнтаризм ярко выражен здесь; далее образы распадаются в серии индивидуальных эмблем; идеация здесь — индивидуализация, и идея здесь — индивидуум; индивидуум — антропоморфен; таков он в переживании опыта; антропоморфное представление мира есть именование опыта: изрекаются имена; индивидуальное имя далее есть абстракция, данное как синтетическое единство; здесь имя становится термином; и мы у преддверия: обыденного, наивного мира мысли; подобие индивидуума становится "моносом"; монос стоит перед нами с системой конструктивных методов; методологизм характеризует стадию эту; логика духовной науки в этом месте градации есть теория знания; в стадии дальнейшего ниспадения мысли теоретический "монос" рассудком щепится: и уплотняется в психо-физических параллелях; возникают — мир внешний, мир внутренний; выщепляются: объект и субъект; выщепляются: явление, впечатление; логика духовной науки, здесь взятая, осуществима в учении об объективно нам данном; но объективно данное в методах расщепляется снова: мировоззрительный плюрализм — в этой стадии; мировоззрение — техника вне технического объекта, то есть последнее дробление логики: здесь действительность выглядит, как материально обставшая. В антропософии, можно сказать, мы имеем градацию семи этих стадий: —

- 1) взятие мысли в проявлениях материальности (механицизм);
- 2) взятие мысли в учении о реальном (реализм);
- 3) взятие мысли в учении о терминах (методология — номинализм);
- 4) взятие мысли в учении об индивидууме (антропологизм, индивидуализм);
- 5) взятие мысли в учении о творчестве (теория творчества: символизм);

— 6) взятие мысли в учении об идеях (ангелология);

— 7) взятие мысли в учении о Логосе (Христология).

Многообразие — "логий" — бледная и субъективная ретушь к тому собственно, как должны мы смотреть на философию антропософии, чтоб не представить себе ее "материализмом", "графизмом", "софизмом", "номенклатуризмом" и прочими абстрактными схемами, столь охотно влагаемыми в нее от рассудка; а она начинается там, где подходим мы к конкретному снятию — всех догматических субъективностей. Градация — не номенклатура учений, а взятие самой мысли учений как актов логических таинств: схождения Логоса.

§ 109. Антропософия и проективизм

Что есть истина?⁶¹

На такие вопросы не отвечают словами; но ответ истории исен: Голгофа и восстание в третий день⁶².

Проективно ли духовное знание? И на этот вопрос — отвечают молча-нием.

Молчание *sui generis* есть наш ответ.

Вот он... —

— Системы воззрений на "абсолютное знание" Гете, Канта, Платона и так далее, далее — поступки существ; представления об абсолютности знания следует изменить радикально, чтобы понять: подлинно знание есть жизнь в иерархиях; жизнь человека не в жесте, а в — совокупности жестов; миг иерархической жизни, негативно отобразимый лишь, есть система воззрений на абсолютное знание; здесь единая капля окрашивает — океан отвлеченности; любое духовное существо, выражаясь в категории времени, осыпается ливнями "с и с т е м з н а н и я"; абстракция одной только жизни — история философии: София ведь — одно существо.

Представления наши об абсолютности знания насквозь проективны; и вопрос, и ответ есть порок: бездонной абстракции; это скачка по бесконечному ряду в надежде "сесть" у конца.

Д-р Штейнер не "ригорист"; и вопросов о том, что есть истина, не решает он в категориях абстрактного мышления; проективизм его, однако, не есть то, что с "проективизмом" связуемо; мертва спекуляция понятиями "проекция", "абсолютность".

"Проекции" д-р Штейнер расставляет в им надлежащее место; но градация проективностей слагает нам фразы; фразы ведь, если угодно, проекции; и однако — чтение справляется с знаком: читаем-то мы — мимо букв; читаем мы содержание.

Сложить эмблематику букв, красок, смыслов, понятий, сложить из них фразы — что значит? Сквозь познание терминов пройти к жесту термина: метаморфозе познания; в метаморфозе приблизиться к жизни; в жизни найти существо; и спросить, как его называют: конкретное знакомство

и общение в разговоре пусть будет, что будет: — как назовет наше знание "термин", не интересно нам.

Абстракция вырывает у автора "Размышлений о Гете" — совершенно мертвую фразу: —

— "Допустим... что теософическая система не... проективизм, а абсолютное знание. Но тогда не надо теософу полемизировать с частностями проективизмов... а с проективизмом... Если же теософия сама — проективизм, то нам нечего с нею и стесняться"*.

В каком смысле личное знание Владимира Соловьева менее проективно знания портрета и есть ли оно абсолютно? Вопрос так же пуст, как вопрос: "Глаз Эмилия Метнера — Эмилий ли Метнер?" Теософия, концентрируясь в практике, отвечает конкретно: праксис, перерождая идею, перерождает в нас представление об идее; то есть: приводит нас к говорящему существу; отвлеченная философема о том, что есть идея, скажем мы, "краски", сменяется конкретным вопросом: что расскажет нам существо (имярек) "краскою" о себе?

Абсолютное знание — термин: и — термин пуст.

Абсолютна ли теософия? Так спросить — спросить: "А истина — что?" Истина пред Пилатом стояла; Пилат спросил Истину: "Что есть истина?"⁶³

Истина не ответила: Истина не отвечает на вопросы о ней, потому что невопрошаема Истина.

За Истинной следуют.

Противоестественная порочность познания, павшего в небытийственность, подымает вопрос, где решает — путь жизни.

Вот мой "проективистический" ответ на "абсолютный" вопрос: Истина — путь жизни в "Я".

---

* РoГ. 423.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И — КАНТ, ГЕТЕ, ГЕГЕЛЬ,
ПЛАТОН, ИДЕЯ, ОПЫТ, ОРГАНИКА, МИР ВНЕШНИЙ,
МИР ВНУТРЕННИЙ

(ПРИЛОЖЕНИЕ)

§ 110. Два образа мысли

От хода мыслей первого тома "Размышлений о Гете" я до сих пор отвлекался, но на двух пунктах старался я отчеканить мыслительный строй: автора и д-ра Штейнера; световую теорию Гете представил я вниманию читателей, проретушировав комментарием д-ра Штейнера, приложенным к ней; и потом ее сопоставил с утверждениями автора; контраст получился разительный: в ущерб толкам автора. В другом случае я отправился от наличности критических представлений у автора; таковых не оказалось у автора; мне пришлось обратиться от автора к д-ру Штейнеру. Контраст получился опять.

Около двух этих пунктов сосредоточились и смежные с ними вопросы; очерки естественнонаучных воззрений автора и д-ра Штейнера как бы стоят перед нами: две картины, два образа; и два способа мыслить начертаны: биологический сенсуализм — под маскою изощренного вкуса; и — строгая, твердая, оригинальная мысль.

Грунт теперь у нас есть: есть возможность конкретнее подойти к разбору воззрений, следуя естественному течению вопросов, затронутых автором.

Так поступаю я.

§ 111. Обвинительный акт

Страниц в книге — пятьсот двадцать пять. Собственно, взглядам Гете и по поводу Гете отдаются сто восемьдесят; д-р Штейнер фигурирует в прочих. Этот крупный, многосторонний писатель, с душой врачующей личностью, на протяжении всей объемистой книги прав — один раз... в далеко заброшенном примечании ("Штейнер прав"... и т. д.); да и тут

его правда условна ("Пусть так, но тогда приходится изумляться") — приходится изумляться действительно, но — другим изумлением: крупный, многосторонний писатель, вызвавший к жизни пятисотстраничную книгу, прав — один раз; да и то: его правда условна. А не прав, безусловно не прав?..

Далеко не полный подсчет обвинений, рассортированных мною в чисто формальные рубрики, дает крупную сумму:

Пятьсот тридцать!

§ 112. Статистика обвинений

Вот регистр далеко не полной статистики — пятьсот тридцать обвинений; регистр — по страницам².

Д-р Штейнер —

— 1) не понимает:

54, 61, 72, 73, 77, 81, 89, 89, 90, 92, 94, 100, 108, 111, 113, 115, 121, 125, 129, 132, 133, 142, 163, 166, 183, 184, 185, 204, 216, 230, 235, 236, 237, 278, 286, 433, 473, 474, 494, 497 —

— 40 раз.

— 2) предвзято-тенденциозен:

34, 36, 47, 52, 55, 56, 57, 59, 61, 62, 65, 66, 92, 99, 100, 169, 170, 170, 172, 183, 202, 235, 241, 246, 248, 270, 273, 277, 349, 350, 351, 352, 357, 360, 369, 373, 374, 380, 384, 394, 398 . . . . . 41 раз.

— 3) антикритичен, антикантианистичен:

29, 40, 45, 45, 46, 52, 53, 54, 55, 56, 72, 77, 80, 84, 85, 89, 89, 132, 133, 235, 245, 251, 267, 270, 347, 357, 374, 375, 377, 382, 394, 399, 430, 475, 491, 495 . . . . . 37 раз.

— 4) смеситель:

45, 46, 53, 59, 60, 66, 66, 66, 70, 81, 82, 93, 108, 111, 120, 125, 133, 166, 190, 209, 217, 218, 218, 270, 353, 368, 369, 376, 383, 435, 441, 452, 453 . . . . 33 раза.

— 5) уничтожает себя:

71, 72, 146, 150, 176, 176, 177, 189, 221, 245, 271, 272, 335, 347, 359, 364, 370, 379, 384, 395, 435, 441, 442, 443, 451, 495, 496, 497, 498, 512 . . . . 30 раз.

— 6) искажает и путает:

45, 52, 53, 54, 61, 67, 70, 79, 82, 86, 93, 115, 117, 122, 124, 129, 147, 150, 178, 185, 190, 202, 219, 224, 243, 270, 431, 441, 474, 498 . . . . 30 раз.

— 7) наивный монист:

44, 54, 56, 60, 70, 71, 72, 75, 85, 86, 95, 106, 131, 142, 184, 185, 188, 298, 327, 361, 374, 426, 441, 442, 473, 474 . . . . . 26 раз.

- 8) расплывчат и смутен:
59, 61, 74, 76, 78, 79, 81, 84, 85, 91, 93, 99, 125, 147, 165, 202, 216, 225, 226, 231, 269, 375, 397, 434 . . . . . 24 раз.
- 9) мертвенно-схематичен и общ:
53, 89, 93, 99, 116, 331, 335, 357, 358, 359, 360, 361, 366, 369, 370, 372, 374, 377, 400, 423 . . . . . 20 раз.
- 10) специфически искажает Гете:
45, 142, 144, 150, 168, 178, 271, 281, 374, 374, 374, 374, 381, 398, 450, 466, 496, 513 . . . . . 19 раз.
- 11) синкретист:
42, 43, 64, 80, 93, 136, 165, 216, 248, 270, 274, 368, 375, 381, 393, 396, 397, 398, 400, 443 . . . . . 20 раз.
- 12) геккеллианец:
106, 108, 137, 142, 148, 237, 350, 374, 375, 375, 443, 450, 450, 451, 452, 473, 474, 511 . . . . . 18 раз.
- 13) абсолютен, категоричен:
55, 70, 80, 120, 136, 176, 221, 351, 351, 352, 357, 394, 397, 399, 423 . . . . . 15 раз.
- 14) укоряет науку:
66, 96, 97, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 123, 401, 490 . . . . 12 раз.
- 15) превозносится:
80, 82, 83, 150, 188, 227, 241, 246, 272, 275, 277 . . . . . 11 раз.
- 16) корыстно использует:
45, 169, 172, 246, 348, 350, 351, 352, 367, 374, 435 . . . . . 11 раз.
- 17) неосторожен и непоследователен:
54, 57, 77, 203, 235, 237, 271, 442, 474, 496 . . . . . 10 раз.
- 18) дарвинист:
106, 108, 139, 142, 148, 237, 442, 451, 459 . . . . . 9 раз.
- 19) эволюционист:
106, 109, 135, 184, 185, 262, 377, 379, 474 . . . . . 9 раз.
- 20) не философ:
34, 80, 185, 252, 270, 382, 436, 441, 475 . . . . . 9 раз.
- 21) ограниченность:
39, 41, 47, 52, 170, 190, 193, 245, 513 . . . . . 9 раз.
- 22) наивно недомыслит:
53, 62, 64, 92, 99, 117, 225, 474, 511 . . . . . 9 раз.
- 23) материалист:
53, 106, 121, 122, 426, 441, 442 . . . . . 7 раз.
- 24) играет понятиями:
185, 193, 202, 224, 441, 443 . . . . . 6 раз.
- 25) криво толкует:
67, 108, 217, 270, 374, 513 . . . . . 6 раз.
- 26) проявляет досадную слепоту:
71, 75, 234, 235, 245, 286 . . . . . 6 раз.

— 27) неартистичен:	
188, 219, 247, 274, 466	5 раз.
— 28) надевает маску:	
41, 42, 352, 357, 383	5 раз.
— 29) граничит с невежеством:	
97, 125, 170, 246	4 раза.
— 30) не-идеалист:	
52, 55, 72, 106	4 раза.
— 31) бездарен:	
34, 80, 80, 422, 467	5 раз.
— 32) криво ставит вопросы:	
55, 111, 145	3 раза.
— 33) неудачный догматик:	
378, 382, 426	3 раза.
— 34) безвкусен:	
93, 175, 360	3 раза.
— 35) ломает эстетику:	
183, 422, 497	3 раза.

Кроме того: по два раза:

- a) эмпирист:
(106, 142)
- b) антигуманист:
(80, 170)
- c) штирнерианец:
(80, 170)
- d) проективист:
(366, 423)
- e) софист:
(382, 384)
- f) антиплатоник:
(182, 435)
- g) учитель расправ:
(54, 227)

Итого: 7 × 2 . . . . . 14 раз.

Кроме того: по разу —

- a) позитивист (106),
- b) доктринер (422),
- c) наивный реалист (121),
- d) аморалист (382),
- e) алогический хаотист (270),
- f) ницшеанец (434),
- g) ниспровергатель оккультной традиции (399),
- h) демагог (380),
- i) педагог (380),
- k) обнимающий необъятное (357),

- l) ужищитель (67),
- m) ведущий к бессмыслице (185),
- n) обобщающий грубо (92),
- o) перечущий зря (73).

Итого: . . . . . 14 раз.
 Всего же: . . . . . 530.

Убийственный статистический лист!

§ 113. Кольцо Нибелунга

Передо мной — пятьсот тридцать нападений; передо мною — задача: конкретный и внятный анализ путаницы из разбирательств, пререканий и тяжб.

Задача не страшная: каждая из обвинительных рубрик легка; каждая — значимости не имеет; но иллюзия значимости выдержана с известным талантом: проявилось умение спрятать любое из уязвимого места до первого прикосновения критика; талант — в инстинктивности.

Он — в конфигурации рубрик; нет расчлененности в нападательных рубриках; есть досадная их соплетенность, слиянность; существительное одной рубрики, например: "с х е м а т и к", сопровождается прилагательным "г е к к е л ь я н с к и й"; существительное обвиняет при помощи "прилагательных", так что всякий раз вы не знаете, на прямое ли обвинение отвечает или на обертон обвинения — неуловимый и скользкий; в смежной рубрике "г е к к е л ь я н е ц" начинает звучать "прилагательный" обертон "с х е м а т и ч е с к и й"; и делает свое дело — с чем здесь бороться? С легковеснейшим обвинением, или с его экивоком, юрким, как угорь, бьющийся между рук? Рубрики неразрывно связаны при помощи "потому что" и "так как": "так как" он геккелянский схематик, он схематический геккелянец; и "так как" он геккелянец, он схематик от Геккеля. Определительный круг талантливо на первый взгляд затушеван, потому что в кольце, сплетенном из "т а к к а к", фигурирует до тридцати пяти звеньев; возвращение к исходному пункту происходит едва ли замеченным; и создается иллюзия, что в колесе обвинения есть твердый пункт; твердого пункта и нет в этой книге; первое обвинение — голословица: обвинение номер д в а — голословица: номер т р и — сочетание из двух голословиц; обвинение номер ч е т ы р е — сочетание голословиц становится прилагательным; номер п ь я т ь — апеллирует к голословице: номер первый; голословица номер первый выглядит здесь аксиомой: создается первое "т а к к а к" (т а к к а к с х е м а т и к); а "т а к к а к" уже выплетает тридцать четыре других (т а к к а к с х е м а т и к, т о м е р т в е н е н; т а к к а к м е р т в е н е н, т о д о г м а т и к; т а к к а к д о г м а т и к, н а и в е н; т а к к а к н а и в е н, т о п у с т ь...); тридцать пятое "т а к к а к" возвращает к произвольному первому; читатель же и забыл степени допущенных произволов;

внушение доказательности вырастает отсюда; определительный круг начинает казаться прямой; не простое кольцо сплел нам автор; а кольцо Нибелунгово³: логика его происходит от "Л о г е"⁴; Логе же логику пожирает; и — из нее вылущивается произвольная ложь: ложь происходит от Логе; подлинно логика — в Логосе⁵.

Автор последовал: не за Логосом, а за Логе; инстинктивная увертливость хитроумия, одновременно и черствость и чувственность; наследие Логе, — сказалось: в пламенной сухости, в опустошительной страстности; пламенной сухостью, опустошительной страстностью опалел и заражал читателя автор; действует не как критик, как насилующий гипнотизер, или... как медиум. Верю я, что прием, допущенный им, не сознательен; иначе автор бы себе не позволил апеллировать в серьезном трактате к характеристикам личностей, ему неизвестных, характеристики свои строит на "купе первого класса", в которых якобы разъезжают поклонники антропософской доктрины; не позволил бы он себе характеризовать и тип "русского штейнерианца"; "русские штейнерианцы" небольшой сравнительно круг; и сказать о них что-либо, все равно что печатно высказать свое личное мнение о своем знакомом "А. А.". Переносить личные отношения в книгу и там плодить экивоки менее простительно, на мой взгляд, нежели личные отношения эти запечатлеть в фельетоне бойко идущей газетки; длительность фельетона — три дня; длительность книги — года.

В высшей степени неприятны и выходки по адресу теософии; на издательства не отвечают; тут — умолкаю я; в высшей степени тягостно мне отвечать и на тему о символизме: тема эта у автора чрезвычайно поверхностна; писателю, десять лет защищавшему "символизм" и печатно, и устно, достаточно отослать к произведениям Вячеслава Иванова или своим собственным. Отвлекаюсь от "окультизма" и "символизма", поэтому сосредоточу я свой разбор вокруг критической темы.

Обвинение в "акритичности" выплывает на 29-й странице и плывет неизменно... до конца книги; ассерторизм характеризует его: — "удивляюсь, что он не видит того, как настойчивым сведением воедино просто человеческих частных своего приватного и совершенно акритичного мировоззрения... он роняет все дело*.

— Акритичность позиции доктора Штейнера провалила ему — дело всей его жизни... Видите, как серьезно: "критицизм" — решающий пункт; и — пусть читатель в прелюдии этой не ищет структуры "акритичных" воззрений, их формулы: на всем протяжении книги структуры и формулы нет. Серию обвинений — начинает, ведет, развивает, кончает: голословное утверждение. "Критицизм" д-ра Штейнера видели мы в предыдущих двух главах. Но читатель нас спросит: "Может быть, будучи прав *in abstracto*, д-р Штейнер изменяет себе *in concreto*? Уважаемый автор первого тома о Гете, будучи не прав *in abstracto*, может быть, *in concreto* — и прав?"

* РоГ. 29.

Обвинения в акритичности бегают по страницам: —
— 29-й, 40-й, 45-й,
46-й, 55-й, 56-й, 84-й, 85-й, 87-й, 88-й, 89-й, 132-й, 133-й, 251-й, 367-й, 377-й,
399-й, 491. —

Следуя за Эмилем Метнером, обвинения эти и обследую я.

§ 114. Акритичность

Еще до первой главы, во "введении" кардинальный вопрос подымается автором: —

— "Этот писатель", —

— то есть д-р Штей-

нер —

— "не подлежит... специальной оценке ученого или художника, не оттого только, что сочинения его едва ли и способны выдержать ту или другую отдельно действующую критику"...* и т. д.

— "Граней личности и мировоззрения Гете Штейнеру в своих книгах отшлифовать... не удалось... "Собственное оружие" не... нанесло удара по уязвимому месту гетеевского мировоззрения, но даже и не направлялось на это место, а если бы нечаянно направилось туда и уязвило Гете, то рикошетом... пронзило бы самого Штейнера, так как среди... уязвимых мест штейнерианства есть и аналогичное тому, которое... является ахиллесовой пятой "докритического" гетеанства"***.

Тут встает вопрос, существенный для всей книги. "Акритично ли гетеанство — по автору и д-ру Штейнеру?"

§ 115. Гетеанство

По автору? Автор — двойственен: с одной стороны: —

— "Штей-

нер даже не подозревает, что как раз согласие Гете с Кантом по вопросу о проблематизме природы... кроется не в благоприобретенном кантианстве, а во врожденном"****. —

— "Гете вовсе не отличался от Канта, ибо их воззрения на сущность жизни слишком значительно совпадали"****. —

* ПоГ. 34.

** ПоГ. 40.

*** ПоГ. 79.

**** ПоГ. 251.

— "Известное изречение Гете... по справедливому замечанию Форлендера, — совершенно в духе учения Канта о безусловном, о вещи в себе, об идеях"*.

Это значит: гетеанство критично; оно — близко по духу представлениям кантианским; что в известном смысле "Гете не мыслим без Канта", знает и д-р Штейнер; или же — д-р Штейнер нам утверждает: "Переходя к отношению Гете к современным философам, следует прежде всего говорить нам о Канте"**; далее он говорит, что современная Гетеву времени философия Канта была тем явлением, с которым современникам Гете приходилось считаться. На воззрениях "Критики способности суждения" чеканились Гетевы воззрения на организм; Гете медленно преодолевал их.

Вместе с тем отмечает нам д-р Штейнер: —

— "Говорить о влиянии древних или современных Гете мыслителей на развитие Гетева духа невозможно в том смысле, как будто бы Гете сложил свои взгляды на основании их учений. Способ, каким должен был мыслить он, вместе с образом его воззрения на мир, образовался в зависимости от... расположения природы его... В отношении этом в течение всей своей жизни он был... неизменен"***.

По Эмилию Метнеру, "своеобразность" воззрения Гете тоже подчеркнута: он — "наивный природовоззритель"; как таковой, антикритичен он: —

— "Штейнер открывает ряд своих рассуждений... разговором между автором *Метаморфозы*, воочию зрящим... перворастение (а потому и смешивающим с неслыханною... наивностью эту идею с феноменом)...**** —

— "А когда... доходит до некоторых проявлений наивного акритицизма Гете"...*****

— "Гете прав, как единственное в своем роде существо, во многом совершенно особенно организованное"*****.

— "Понятно, что гениальнейшую наивность природовоззрителя Гете"... и т. д.*****

---

* ПоГ. 244.

** GNS. II Band, Goethe und Spinoza. LVI.

*** GNS. II Band. Verhältnis der Goetheschen Denkweise zu andern Ansichten, LIII.

**** ПоГ. 46.

***** ПоГ. 45—46.

***** ПоГ. 48.

***** ПоГ. 56.

— "Гете, дух... неизменно лиричный, неосторожно вымолвил иное слово"^{*}.

— "Гете всегда мыслил... образно"...^{**}

— "Факт остается фактом, и надлежит признать, что Гете природою был обделен гносеологическим даром, т. е. критическою способностью к длительному и подробному анализу своего познавательного процесса"^{***}. —

— Антикритицизм налицо; самое мировоззрение Гете, по Эмилию Метнеру, "вовсе не наука, а своеобразная область между наукою, искусством и философией"; характерно: допуская "своеобразную область" у Гете, могущую наукою "впитываться", могущую науку "оплодотворить светоносно", — уважаемый автор гуммиластиком стирает разграничительность линий меж природою и духом, в чем, однако же, обвиняет он д-ра Штейнера.

"Своеобразную область", как видели мы, признает д-р Штейнер; многообразно он характеризует ее: характеризует — описывая Гетево представление об идее, феномене, мирах рассудка и разума; описывая представление Гете об опыте, об отношении между качеством и количеством, характеризует на протяжении 858 страниц (приводя к GW.), отвергнутых автором; характеризует нам д-р Штейнер "своеобразную Гетеву область" в отношении к Геккелю, Дарвину, Канту, Джордано Бруно и т. д. и т. д. Как характеризует ее он в отношении к теории света, мы видели выше; и "своеобразную область" уважаемый автор — не характеризует никак: оберегает ревниво: она — "Albernheit"; Albernheit же — юродство.

Акритично ли гетеанство, по д-ру Штейнеру?

Д-р Штейнер отвечает нам так: каковы были бы теоретико-познавательные предпосылки к точке зрения Гете и могут ли они вообще быть? Как разрешаемы в теории зрения вопросы о праве Гете: быть "единственным существом"?

Ответом является — книга д-ра Штейнера: "Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung". Ответ на вопрос, поставленный Эмилием Метнером, у д-ра Штейнера четок; но Эмилий Метнер ответа на свой вопрос — не читал; сам же он отвечает — расплывчато. Перехожу к разбору по главам.

---

* ПоГ. 60.

** ПоГ. 81.

*** ПоГ. 83.

§ 116. Философская позиция гетеанства

Глава: "Философская позиция гетеанства".

Автор нас извещает: касаться философии Гете — значит касаться природы.

Д-р Штейнер, касаясь природо-воззрения Гете, принужден выдвинуть огромную серию специальнейших природовоззрительных взглядов и посвятить разбору их многие сотни страниц.

Уважаемый автор извещает нас: чтоб понять натурфилософию Гете, совершенно достаточно: —

— 1) освежить школьные представления по физике, ботанике, химии...

— 2) прочесть книгу Форлендера (Кант, Шиллер, Гете),

— 3) и помнить: основные линии "Критики способности суждения" Канта.

— Недоразумения быть не может.

Как освежил уважаемый автор школьные представления о физике, видели мы на разборе световой теории Гете; как он относится к критицизму и Канту, — мы видели тоже: в предпредыдущей главе.

О Форлендере — речь впереди еще: в Форлендере, должно быть, — сила. "Философская позиция гетеанства" о философской позиции Гете очень мало трактует; о д-ре Штейнере — много; Гете взят в отношении к... д-ру Штейнеру, на котором и сосредоточился автор. Глава должна называться: "Отношение философской позиции Штейнера к... Гете". Сосредоточив внимание на д-ре Штейнере, попадаем мы — *in medias res*¹, д-р Штейнер в Гете нам все перепутал; материализмом назвал он — трансцендентальную философию и при помощи Гете — сокрушил главу Канту; Гете же, взяв акритически, упрекает в неспособности обращать взор вовнутрь. До сих пор — аргументации нет.

Далее следует: Гете воочию зрит перворастение; и — не прав Гете, спутывая идею с феноменом; впоследствии лишь становится он критицистом.

Следующее место гласит: —

— "Перед своими прото-феноменами Гете испытывал... странную робость... когда образы их являлись перед ним более обнаженно"².

Сопоставивши эту цитату с цитатами: —

— "Кант мог бы извлечь огромную пользу... из умозрительной (???) пластики Гете с ее прото-феноменами"³;

— "сочетание идентичности и символичности... только мыслимо в идее, в "прото-феномене"⁴ —

¹ РоГ. 50.

² РоГ. 168.

³ РоГ. 360.

— видим мы: на седьмой же странице первой главы своей книги уважаемый автор совершает непоправимейший промах, смешивая феномен с идеей, Гете нам говорит: —

— "Прото-феномен — магнит..."

О смешении мною достаточно сказано.

Далее следует: Гете — идеалист; идеализм д-р Штейнер считает "величайшим несчастьем"; видит в нем роковую ошибку. Д-р Штейнер же, знаем мы, допускает до семи идеалистических построений: идеализма оккультного, трансцендентального, мистического, волюнтаристического, эмпирического, логического и гностического; определяет позицию Гете как конкретный идеализм, о своей позиции утверждает: "наша точка зрения — идеализм", восхищается неискаженным Платоном, отмечает Гетево преклонение перед ним; как бы ни было: —

— д-р Штейнер, по автору, в идеализме видит несчастье и смешивает идею — то с умозрением, то с беспредвзяточным восприятием... —

— Я читателя настоятельно прошу взглянуть в мои ссылки, из которых явствует совершенно обратное; идея у д-ра Штейнера — конкретна, жива, цельна, содержательна: она — духовное существо; ни о каком "умозрении" не может быть речи, как не может быть умозрения в царстве разума, где обитают идеи: голословица оправдания не имеет. Д-р Штейнер смешивает идею с явлением, так как (обратите внимание на аргументацию при помощи "так как") он: —

- 1) отвлеченник,
- 2) материалист,
- 3) догматик,
- 4) монист.

После двух разобранных тем ("Критицизма" и "Физики") я могу со спокойной совестью по поводу "четвероякого" "так как" заметить: "четвероякое" "так как" — решительно падает.

Д-р Штейнер есть "отвлеченник": —

— он утверждает, что истина индивидуальна, конкретна; и выражение ее — афоризм.

Д-р Штейнер — "материалист": —

— но он — утверждает:

"Картина мира... есть сумма восприятий без в основе лежащей материи".*

Д-р Штейнер — "догматик": —

— догматизм разбивается д-ром Штейнером в убийственной критике.

Д-р Штейнер — наивный монист: —

— в методологии им проводится плюралистический взгляд.

* GNS. III Band. XIV.

Продолжаю — ход мыслей Эмилия Метнера: д-р Штейнер не постигает личность философа Канта и расправляется варварски с термином: "о п ы т".

Относительно постижения личности Канта уважаемым автором — речь будет ниже: о том, как д-р Штейнер относится к Канту и к термину "о п ы т", отсылаю к пред-предыдущей главе, где отношение это разобрано мною подробно.

— На протяжении десяти первых страниц фигурируют: во-первых, гротеск (смещение идеи с феноменом); во-вторых, фигурируют — очень мало — пылки увлечения Гете "перворастением"; в-третьих, фигурирует д-р Штейнер; двенадцатичленная формула обвинения выглядит Крупшовой пушкой перед выстрелом: д-р Штейнер: 1) трансцендентализм сливает с материализмом, 2) при помощи Гете бьет Канта, 3) гетеанство берет акритически, 4) упрекает Гете в неспособности обращать взор вовнутрь, 5) разделяет Гете и философию критицизма, 6) идеализм считает несчастьем, 7) смешивает с умозрением идею, 8) является материалистом, 9) является монистом догматиком, 10) является отвлеченником, 11) варварски не постигает суть личности Канта, 12) и расправляется с опытом. Из двенадцати пунктов разобраны мною в предыдущих главах уже девять.

Остаются три пункта: 1) смещение материализма с трансцендентализмом,
2) разделение Гете и Канта,
3) обвинение Гете в неспособности обращать взор вовнутрь.

Голословица — стреляет; но голословица — разрывается; в воздухе — клочок ее бессильно и негрозно несется "трех-пунктием". Им пока я займусь.

§ 117. Трансцендентализм: вещь в себе

Д-р Штейнер смешал: материализм с философией критицизма.

Текст обвинения? —

— "Штейнер донельзя облегчил себе задачу разграничения положений точной науки, воззрений трансцендентального идеализма и мирозерцания Гете. Первое и второе он обзывает то материализмом, то механизмом; а Гете он поет хвалу до тех пор, пока с мнимой его помощью иллюзорно опрокидывает первое и второе; затем, проникая дальше в природоведение Гете, он наталкивается на элементы ему, Штейнеру, чуждые... нечаянно заражается ими, вносит путаницу и внутреннее противоречие в свои взгляды; а когда, наконец, доходит до некоторых проявлений наивного ак-

ритицизма Гете... то с последовательностью антикритициста усматривает здесь не антикритицизм"*...

Имеется ряд утверждений: облегчил, обозвал, запутался; они требуют доказательства; доказательства — нет; есть голословица; нечего делать: займись голословицей.

Есть брошюра у д-ра Штейнера**; в ней проводится мысль: "вещь в себе" материализуется неизбежно — в метафизическом примышлении. Материалистически-метафизическая скандальность этого обстоятельства — скажем мы от себя — в истории мысли осознана: методологи Канта, избегая скандала, заблаговременно спрятали эту "вещь". Почему они ее спрятали?

"Вещь в себе", если мы себе ее не представим *vui generis* категорией — категориальным пределом — материализуется неизбежно, превращаясь в основу явлений, чтобы далее в понимании причинности, как основы, стать одной из двенадцати категорий, что для Канта — скандал; лично Кант не проделал скандала: проделал его Шопенгауэр; он поставил знак равенства между этой "вещью" и волей, волю свою утопил, заставивши ее появиться в законе (закон мотивации), то есть в области представления; и он эту поездку свою совершил — на кантианском коне³. Уважаемый автор по этому поводу пишет: "Конечно, можно быть различного мнения о надобности или допустимости "вещи в себе"****...

Методологи Канта о "вещи в себе", конечно, различного мнения, например, с Шопенгауэром и уважаемым автором, допускающим "вещь": называя "вещь" — понятием просто, заблаговременно они убирают ее, как претящий им дуалистический привкус в теории знания, долженствующей быть монолитной, дабы не быть психологией; "трансцендентальный остаток" может быть либо психологическим привкусом, не проработанным монолитной теорией, либо кусочком от вещного мира, категорией непокрытой, либо же гипотетическим постулатом.

Автор наш пишет: "Нельзя смешивать предпосылаемую гипотезу с остатком после трансцендентального анализа"****. Сочетание слов "трансцендентальный остаток", фонетически, допускаю я, звучит очень важно; но терминологический его смысл — окончательно пуст; "трансцендентальный анализ" есть анализ понятий опытного употребления; остаток же от такого анализа понимаем двояко; либо он — вне-понятийный опыт, непокрываемый понятиями материал; либо он вне-опытное понятие; третьего понимания нет: в понимании третьем это — треск, словосочетание; есть словосочетания трескучие; но смысла в них — мало...

Понимание первое ведет в метафизику; а понимание второе — понимание неокантианское; в нем для Канта — единственный выход. Но в нем всякое "само по себе" исчезает в явлениях; оттого-то исчезло явление само по себе — в крайних выводах кантианства.

* РoГ. 45, 46.

** Философия и Теософия. М., 1915.

*** РoГ. 66.

**** Там же.

Выведение опыта из его предпосылок всякую предметную значимость стирает с объекта познания; содержание здесь должно выводиться из формы; еще шаг: содержанием форма стреляет; этот выстрел из формы содержанием мира есть мир, как конструкция; то есть мир, как форма суждения (Риккерт)⁹; идеализм тут — конструкционизм; здесь объект лишен признаков; и за ним остается право числиться вещью в себе — понятием, отрицательно мыслимым; материал познания, объективно нам данный, улетучился в пустоту; и его заменило: изучение законов образования понятий.

В этой крайней конструкции есть по крайней мере хоть "оторопь" знания, себя низвергнувшего в пропасть: познавательный материал превращен из объекта в продукт; у познания — нет объекта; оно — продуцирует, то есть рождает объекты; оно — не познание, а — деторождение только: деторождению этому следует теперь отказать от функции своей познать и себя признать за объект: какого-то иного познания; трансцендентализм здесь эмпирия, то есть данное... каких-то познаний. Каких же познаний?

До трагедии выводов кантианства уважаемый автор приподняться боится: крепко держится он за "трансцендентальный остаток", за свою "вещь в себе"; эта вещь у него комфортабельна и "себе на уме", как философия Ланге: и вот сю-то он проводит демаркационную линию: меж материализмом наивным и... трансцендентальным. Скажем коротко: трансцендентализм с материализмом сближаем не под Ланге — над Ланге: в неизбежности внести в метафизику — вещь в себе; здесь оба "они" — реализмы; постулат и трансцендентальный остаток в этом пункте — "основы"; стало быть — обратимы; обратимость их — только вопрос диалектики. Это всякому ясно: кантианцу и д-ру Штейнеру. Неясно лишь автору.

§ 118. Гете и Кант

Д-р Штейнер насильственно не разделяет Гете и Канта. В некоторых отношениях "Гете немислим без Канта". Гете и Кант разделены доказательно:

Гете:	Кант:
1) Идеалист эмпирический.	1) Идеалист трансцендентальный.
2) Идеалист конкретный.	2) Идеалист абстрактный.
3) Идея — в явлении.	3) Идея отрезана от явления.
4) Идея конститутивна.	4) Идея регулятивна.
5) Идея конкретна.	5) Идея пуста.
6) Она продукт вживания в явление.	6) Она продукт категориального расширения.
7) Интеллектуальное созерцание возможно.	7) Интеллектуальное созерцание невозможно.
8) Органика возможна.	8) Органика невозможна.
9) Антитеологист.	9) Телеологист.

И т. д.

Вывод автора относительно Гете: "Никакой философской параллели к себе... Гете не терпит... он сам себе параллель"*.

Слова автора по поводу Канта: "Гете... с горечью присокуплял: да, но Кант... вовсе не считался со мной"*.

Отсюда не вытекает никак:

— "Гете вовсе не отличался от Канта"***. Общности устремлений, обусловленных временем, общности объектов исследования не отрицает у обоих мыслителей д-р Штейнер: оба они сходились на невозможности объяснить природу органической жизни в рассудочных категориях. "Полагая невозможность... рассудочного объяснения органической природы, Кант, конечно, не думает, что она покоится в закономерности механической"****...

Кант тут близится к Гете; но Гете отступает от Канта; определяет эту возможность и становится "Коперником и Кеплером органического мира". Действует он, как мыслитель, не как наивный поэт.

Соединить лейтмотив кантианства и Гете д-р Штейнер, конечно, не может; соединить Гете с Кантом на том основании, что Гете есть первый поэт, а Кант первый по времени гносеолог, что оба они — одновременные немцы, он не может, конечно; уважаемый автор бросается: Гете подтаскивать к Канту.

Гетевский идеализм вскрывает идею в явлении; идеализм же у Канта, понятием полагая явление, понятием отрезает явление — от идеи, конечно: разлагает явление, убивает явление; там явление — красноречивая песня; здесь — немой материал; там — конструкция; здесь — чувственный хаос; вознесение явления — там; здесь — стремительное категориальное бегство: в пустопорожность; там явление — "Gleichnis"¹⁰; здесь — литературная аллегория а р г о р о в. Кант мог быть для Гете — полезным барьером... для упражнения мускулов: педагогически мог стоять Гете и за устройство барьера: организовывать кантианскую партию. Кант, судя по Гете, основным образом ошибается, когда "субъективную возможность познания берет, как объект". Заключать о сходстве идеализмов Гете и Канта — все равно что заключать о равенстве неравных шаров, исходя из соприкосновения их в одной точке; следует тогда, оставаясь последовательным, либо вычеркнуть все "Naturwissenschaftliche Schriften", либо вывернуть Канта, что... тоже возможно: все логически неясные пункты у Канта представить как мистику; трансцендентальную эстетику Канта обернуть эстетикой просто — и так далее, далее. Так поступал Шопенгау-

* ПоГ. 166.

** ПоГ. 168.

*** ПоГ. 251.

**** GNS. I Band, Goethes Monismus, LXII.

зр¹¹ и — так оторвался от Канта; так его философия, выйдя из сфер притяжения чистого кантианства и оказавшись без сферы, была притянута сферою... идей ницшеанских: Кант навыворот, в полной мере навыворот, возродился у... Ницше.

Кантианцы правильно поступают; Шопенгауэра не принимают они; и логически высветляют quasi-мистику Канта. Гете мог себе позволить фантазию: увлечение той или иной стороной кантианства, преломляя абстракцию в образе Шиллера; мог из пункта своей философии осветить нижележащее в Канте; но луч освещения превращать потом в узы, не значит ли: арканом, накинутым на орла, подгащить орла к... носорогу.

Через барьер можно прыгать: прыгая, прикоснуться к барьеру; можно даже — споткнуться; но касание превращать в *vis generis* связь, это — значит: победителя приклеить к барьеру; что Форлендеру интересно приклеивать Гете — нет спора; ведь приклеил же Наторп: Платона — к Когену¹². Уважаемый автор не может так поступить. Гете он понимает и — слишком любит для этого; так что ему остается: к Гете... приклеивать Канта; выворачивать Канта.

§ 119. Кантианство и "флейта"

Так поступив, разрешается он блистательной фразой: —

— "Гете вовсе не отличался от Канта, ибо их воззрения на сущность жизни слишком значительно совпадали; отличался же Гете от Канта лишь тем, что"... —

— слушайте! —

— "индивидуальный лейтмотив философствования Канта звучит далеко за сценой одиноким и тихим голосом (о, кантианцы и антикантианцы, не слышащие этого голоса!) — у Гете же его лейтмотив (индивидуально иной, в типе — схожий с Кантовым) многоголосно и красочно проходит в оркестре* —

— Слышали?

Новое в теории знания у Канта есть то, что до мотивов ей дела нет: кантианцы опять-таки это поняли; поняли, что быть кантианцем, это значит: подхватить метод Канта (не его философию вовсе); очистить его... до науки. Чистота кантианства заключается в том, чтобы быть чище Канта. И "их" Кант разрешается в многообразии комментариев, слагающих в свою очередь многообразие школ. Апеллировать к личному голосу, лейтмотиву, это значит: не быть кантианцем; так поступал Шопенга-

* РоГ. 251.

уэр; он — Канта подслушивал: музыкой подслушивал волю, и "вещь в себе" — волею. Тут Канта он вывернул, сочетавши с Платоном и с индусской Ведантой.

Этот Кант и "родил": Фридриха Ницше.

Уважаемый автор, в сущности, подслушивал Канта не своими ушами, а ушную трубой: Шопенгауэром; и подумал он, что подглядывать — научил его Ницше. Критицизм у автора — песенка; выступление его от лица "критицизма" — дуновение просто; музицировать он не хочет: дует прозрением.

Гете пусть ему скажет.

Гете ему говорит: "Дуть — не значит играть на флейте; для игры нужно двигать пальцами".

Поэтому заявление автора: —

— "взгляд на сущность познания у Штейнера... разъединяет его с критицизмом"*, —

— даже не музыка, требующая движения пальцев, а простое — дутье.

§ 120. Кант и Веданта

Автор: —

— "Резко отрицательное же отношение к Канту, которое всюду обнаруживает Штейнер, свидетельствует, помимо разрыва его с новым европейским гуманизмом, также и об отчужденности его мировоззрения от древнейшей мудрости наших азиатских родственников — индусов, ибо Кант непроизвольно близок к основным моментам учения Вед***.

Фраза эта по отношению к Канту — просто шурро какое-то: к именам Вьясы, Капхлы и Шри-Шанкара-Ачарьи прибавляется Кант, близкий... к Веданте¹³.

Как же автор забыл, что д-р Штейнер разделяет позиции теософии, в отношении к общим идеям и номенклатуре понятий; и как мог он забыть, что эти идеи в номенклатуре понятий теософией Запада взяты... из Веданты: версия ведантизма положена в основание теософии; так что Кант-ведантист — "хузен" теософии.

Скажем только: допуская критический праксис в просто жизненном подвиге и обидясь, что д-р Штейнер в пункте сём выдвигает ряд правил, автор сам чертит "правила" — тремя страницами далее.

* РоГ. 251.

** РоГ. 377.

§ 121. Созерцание

Д-р Штейнер обвиняет Гете в неспособности обращать взгляд вовнутрь.

Дам разъяснение по этому пункту, соединив его с аналогичным местом той же первой главы, где обвинение членораздельней, внятнее.

Метнером утверждается: —

— д-р Штейнер направляет на Гете ряд смутных воззрений, являющих собой помесь из оккультизма с идеализмом.

Обвинение аргументировал Метнер: —

— только ссылкой на страницы G W; книги у читателя нет; но он — Метнеру верит; Метнер уверен в естественной вере читателя; и — решительно платформирует: —

— "Что сказать о подобной неслыханной путанице?" — восклицание относится к мысли: Гете не подслушивал "себя самого при своем процессе познания". Возьмем в руки G W; и — резюмируем утверждения д-ра Штейнера на 70-й и 71-й страницах: —

— созерцая жизнь идейного мира, ведает человек и природу идейного мира, потому что предмет созерцания дан во внутреннем мире: автономен; это есть — созерцание свободы (автономно нам данного); в созерцании идейного мира предмет наблюдения нами создан; и это — идея; созерцание создания нашего будит в нас переживание свободы; его ведал Гете; к вершинам же подобного созерцания не подымался он.

Я спрошу у читателя: где — "оккультизм"? И в чем — "смутность"? И на чем основано восклицание: "Что сказать о такой неслыханной путанице?" Если "смутность" возникла, то единственно у автора в голове — от незнания теоретико-познавательных взглядов д-ра Штейнера.

Разъяснение автора:

"Штейнер даже не подозревает, что как раз согласие Гете с Кантом по вопросу о проблематизме природы, об отвержении конечных причин и о постулате "нравственного миропорядка" кроется не в благоприобретенном кантианстве, а во врожденном, ибо всякий подлинный поэт, как и всякий подлинный мыслитель, в отличие от мистических всезнаек и... эмпирио-оккульти-

Разъяснение приведенного хода мысли в духе теории знания д-ра Штейнера.

Понятием познавательной данности д-р Штейнер предопределяет самое понятие объекта, как продукта познания; распадение на субъект и объект — уже познавательный акт; анализ понятия познания — до этого акта; понятие познания — вне-субъектно и вне-объектно; в ряде объектов познания нахо-

стов не может не признать всего этого”*

Предпосылкою этого места являются утверждения: “Люди рождаются со склонностью к монизму, дуализму, плюрализму, деизму. Отсюда органическая неспособность Штейнера усвоить себе Канта и понять принцип роста, борьбы и развития Гете”**.

дятся и идеи как продукты познания; наблюдение идейного мира — может быть вполне объективно: познание объекта, как продукта познания должно не смешивать с познанием чувственно данных объектов; познание объекта, как продукта познания, совершеннее познания, гетерогенно познанию данных объектов (чувственного материала); первое познание предопределяет второе; и — совершеннее объясняет второе; первая область познания есть познание собственно; в область познания чувственно данных объектов оно переносит веление, чтобы познание при помощи наложения на чувственность категорий рассудка определялось и предопределялось познанием пронизающим: познание идеи пронизает идею, как продукт своего созидания; здесь познание — гомогенно.

В свете данной теоретической справки “окультурчески-смутное” место у д-ра Штейнера проясняется в том единственном смысле, что созерцание идеи есть познание предпосылающий акт.

За изложенным выше ходом мысли д-ра Штейнера стоят его сочинения.

- 1) “Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung”.
- 2) Истина и наука.
- 3) “Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften” (статья и примечания к тексту).
- 4) “Philosophie der Freiheit”.

О первых трех сочинениях уважаемый автор молчит; о четвертом он заявляет: “У Штейнера есть книга, носящая следы нудных исканий мысли и непереваренной начитанности молодого человека, совершенно лишённого как философского, так и литературного дарования”***.

О философской позиции, тесно связанной с книгой о Гете, не отзываются так: ее разбирают.

Я привел обвинение, аргументацию, вывод — одного кривотолка; и привел ход мыслей в обвиняемом месте. Где, спрошу я, тут смутность?

* РoГ. 79.

** РoГ. 89.

*** РoГ. 80.

В авторской голове. Это плод невнимания к тонкой идейной структуре: "смесив" невниманием с фикцией, автор напал на структуру. Так нападает он на частности вменяемой рубрики; так же он нападает и на любую из рубрик.

Обвинение, приведенное мной, сражает без промаха... А пятьсот тридцать других — того же характера. Так сражается автор: и так он — "сражается". Но и "сраженный", он не падает духом.

§ 122. Смешения

Три спорных пункта: —

- 1) смешение материализма с трансцендентализмом,
- 2) разделение Канта и Гете,
- 3) неспособность Гете обращать взор
вовнутрь, —
— рассмотрены мною

подробно;

обращаюсь к дальнейшему плаванию по заторам главы "Философская позиция гетеанства": —

— Д-р Штейнер подчеркивает: разъятие на идею и опыт было чуждо сознанию Гете; уважаемый автор делает различие между разътием этим в отношении искусства и жизни и в отношении философии или науки. Д-р Штейнер не понимает и смешивает, нивелируя все: "все сосуды у него равно скудельны и содержимое в них одного и того же... казенного цвета".* Геняльную наивность "природовоззрителя" Гете благоуханности он лишает. Гете — то сплетает идею и опыт и нечаянно принимает идею за опыт, то впоследствии "кантиански" гласит, что в опыте не образима идея; и даже впадает — в платонический пересол. Можно путем нарочитого сопоставления цитат кантианизировать Гете (что автор и делает), и обратно: гетезировать Канта (что опять-таки делает автор); термин "природа" многозначен у Канта; две точки зрения на природу допущены Кантом.

Здесь остановимся.

§ 123. Идея у Гете

Пятьдесят шестая страница.

Текст обвинения: —

— Приводится утверждение — д-ра Штейнера: Гете чуждо разъятие идеи и опыта, автор прячется за цитату из Гете: "Когда художники говорят о природе, они

* РоГ. 56.

подразумевают идею". Изречение называется кантианским, по адресу д-ра Штейнера заявляется: "Мысль... природо-воззрителя Гете Штейнер... превращает в... дурную наивность... антикритициста".

Так д-р Штейнер характеризует Платона:

"Совершенно другими глазами глядел Платон, чем другие, — на разъятие между духовным и чувственным... В каждом объекте чувственно данного мира он видел духовность. Так и надо понять здесь приводимое выражение Гете "духовно-телесно"

Так д-р Штейнер характеризует и Гете: "Таков образ воззрения Гете... Он характеризуем словами: в основании чувственного многообразия вещей, поскольку они однородны, лежит духовная сущность"*** ...Наконец, говорит об идее: "Мы глядим на идею... ею определенное... в ней самой есть... Основание бытия вошло к ней и в нее излилось... Мы его нигде не находим"**** Гете чуждо разъятие идеи и опыта — это утверждение д-ра Штейнера согласно: с Платоном и Гете.

Но, по д-ру Штейнеру, мир явлений не только отражает идею (Платон), но и — идею строится (Гете); менее всего он от идеи отрезан (Кант).

Об идее у Гете д-р Штейнер отчетливо говорит: —

— "В том коренится всякое объяснение природы, что в глубины наши входит второй мир, мир идей"*****.

— "Гете строго стоит на той точке зрения, что идея лежит в самой вещи*****".

— "Под "целой природою", разумеется, мыслится вовсе не сумма отдельных природных вещей, но... идея последней*****".

В этом смысле и понимаемы слова Гете: "Когда художники говорят о природе, они подразумевают идею"*****.

Объяснение — не объяснение кантианское, ведь идеи у Канта носят регулятивный характер; будучи существами идеального, вне чувств текущего мира, строя нас, идеи в нас строятся и восстают индивидуально, совершенно конкретно; их — "может лишь тот найти", — прибавлю

* GNS. IV Band, E. A. Geschichte der Farbenlehre, 91.

** GNS. III Band, VI; Goethe, Newton und die Physiker, XXVII.

*** GNS. II Band, XXXIII—XXXIV.

**** GNS. IV Band, E. A. Geschichte der Farbenlehre, 89.

***** GNS. IV Band, E. A. 95.

***** GNS. III Band, Vorwort zur Farbenlehre. 77.

***** ПоГ. 55.

я: "в своем духе", — "кто может их воспроизвести... И далее: "Так как воспроизведение идей восстает в индивидууме, то идеи имеют только индивидуальный характер"*.

Так говорит д-р Штейнер.

Из этого вовсе не следует полагать, что субъективны идеи; они — объективны. Субъективность идеи встает либо в чувственном восприятии идеального, либо в рассудочной категории; субъективность — рассудочна, индивидуальность — разумна; субъективные идеалисты рассудочно определяют идею; объективные реалисты субъективно реализуют мир явлений. "Реалисты не понимают, что объективное есть идея; идеалисты же, что — объективна идея". "Идейное содержание мира построено само из себя, само в себе замкнуто... мышление... только воспринимает его"***.

Идея в отношении к миру явлений — конститутивна: "В идее мы познаем... принцип вещи". "Все, что в мире не непосредственно нам являет идею, опознается в конечном, как вытекающее из нее".

"Никакая иная форма бытийственности удовлетворить нас не может, кроме той, которая сотворяется из идеи".

"Что философы зовут абсолютом, вечной бытийственностью и мировую основу... это мы называем... идеей"****.

Так говорит д-р Штейнер.

Идея творчески предопределяет бытийственность нашу; мы же в бытийственности воспринимаем ее; по отношению нас обстающего мира мы играем ту роль, какую в отношении к нам играет идея: мы предопределяем все вне-лежащее; мы сотворяем его, внося в него идеальное; и в этом смысле наше знание о мире вокруг нас — носит творчески-индивидуальный характер; конституируя мир идеально, мы воспринимаем конструкцию в отвлеченном познании нашем, как отражение неотвлеченных созданий — созданий действительности.

И тут-то вот "воспроизведение идеи восстает в индивидууме... идеи имеют только индивидуальный характер"****.

Это значит: в теоретической абстракции нашей субъект познания конституирует познавательный мир; в идеальной конкретности это значит: идея есть индивидуум; в идее — идея "я"; в мире же первом, абстрактном, идея — конструкция наша; определение — наблюдение и описание конструкции. Определение поэтому есть возведение при помощи отвлеченных понятий явления к идее — в процессе создания мысли.

---

* GNS. IV Band, Z. A. 386.

** GNS. II Band, XXVI.

*** GNS. II Band. Die Idee. Prinzip der Dinge, XXV.

**** GNS. IV Band. Z. A. 386.

— "Определение может быть дано впервые тогда, когда мы предмет многосторонне изучим. Надо сперва рассматривать отдельные стороны... Далее... надо все впечатления от предмета самому конструировать... Определение правильно лишь... в этой конструкции. Его место — в конце... рассмотрения объекта"^{*}.

— "Ни в каком ином отношении не стоят они (науки) к восприятию, как только в одном: в объектах самого восприятия они видят особую форму понятий"^{**}.

— "Мы глядим на идею... ею определенное... в ней самой есть... Основание бытия взшло к ней и в ней излилось... Мы его нигде не находим"^{***}.

— "Истина не представляет... идеального отражения чего-то реального, но есть свободное порождение человеческого духа, порождение, которого вообще не существовало бы нигде, если бы мы сами его не производили"^{****}.

— "Задачей познания не является повторение в форме понятий чего-то, уже имеющегося в другом месте, но создание совершенно новой области"^{*****}.

Идеализм здесь — конструкционизм (но не по Риккертю вовсе).

§ 124. Разъятие на идею и опыт

Вместе с Генрихом Риккертом мог бы сказать д-р Штейнер: конститутивные формы познания логически первые методов (форм рассудочных, научных понятий)¹⁴; и вместе с Гете добавить: конститутивные формы познания одновременно суть содержания; они строят метод и то, что покрыто методом: содержание метода. В этом смысле принимает он изречение Гете: "Высшим было бы: понимать, что факт — уже есть теория... Не нужно искать под феноменами; они сами — учение".

В этом смысле следует принимать изречение Гете: "Когда художники говорят о природе, они подразумевают идею".

Изречение не кантианское, а именно: гетеанское: в явлении здесь идея положена; она в "духовно-телесном"; и она — содержательна.

Явления природы — сигнал; но сигналов нам мало, мысль переходит за данное, и — универсум распадется: возникает — "Я", мир, различие вырастает с сознанием.

* GNS. VI Band. E. A. 202.

** GEGW. Denken und Wahrnehmung.

*** GNS. II Band, XXXII—XXXIV.

**** ИМН. 9.

***** ИМН. Ibid.

Так говорит д-р Штейнер.

Позиция д-ра Штейнера строится на анализе смысла "разъятия": в каком смысле идея и опыт — разъятие, в каком смысле — единство? Так стоит у д-ра Штейнера этот сложный вопрос. Вопрос поставлен критически; вопрос Эмилием Метнером не разобран; позиция д-ра Штейнера — от читателя спрятана; на каком же он основании утверждает: —

— "Мысль... природовоззрителя Гете Штейнер превращает в... дурную наивность... антикритициста"*.

Идеализм, как мы видели, многокрасочно нюансирует д-р Штейнер; все нюансы у автора стерты: "Канто-Гете", "Платоно-Когено... Критицизм затуплен в "проблему" и зацмелен метафизикой: —

— "метафизико-критико-проблематико" ползает у автора всюду; и в "нем" совмещаются: Гете, Гельмгольц, Дюбуа-Реймон, Кант и... Ланге.

"Философия Ланге — не что иное, как переведенный на язык понятий рассказ... про... Мюнхгаузена, за волосы крепко самого себя держащего в воздухе"***.

Так говорит д-р Штейнер.

Философия, крепко держащая в воздухе себя самое, крепко в воздухе держит философию автора: с этого "крепкого" пункта философия эта гласит, что содержание философских сосудов у д-ра Штейнера "одного и того же... казенного цвета"***. В оттенении сознанием природы и "я" — проблема дуальности; отсюда — конструкции: "объект" и "субъект", "явление" — "мысль", "материя" — "дух"; это — гипертрофии; монизм развивается в однобокости: материализм, спиритуализм; или же полагает свой "монос" в простейшие субстанции мира. Оба взгляда на мир удовлетворить нас не могут.

Так говорит д-р Штейнер.

И мимоходом замечу: д-р Штейнер у автора разбора воззрений является наивным монистом в потрясающем ряде страниц.

Я опять-таки вправе спросить: кого разбирает нам автор?

§ 125. Кант, Платон, Гете: инцидент с К. Форлендером

Плавание по первой главе застопорилось грандиозным затором: "Платон — Гете — Кант, идея, явление". обстоятельно разобрав этот пункт, я освободился от бремени — разбирать VIII главу "Размышлений о Гете". Она — разобрана мною; она называется:

* PoГ. 56.

** PhF. 27.

*** PoГ. 56.

"Гете, Платон, Кант". Чтобы читатель мне верил, я ограничусь здесь внутри главы первой, коротким пробегом, по уже разобранным пунктам: маложением их.

"Гете, Платон, Кант".

Роя пропасти между Кантом и Гете, д-р Штейнер неосторожно приводит мнения кантианцев, нашедших образ Гетевой мысли аналогичным Кантову, и совершенно запутывается в комментариях Гетевой заметки об отношении субъекта к объекту (как запутывается, не указано автором); автор нам объявляет: называя идею, по Канту, мы говорим очень многое по отношению к объекту, и мало — по отношению к субъекту; — скажем: определение в терминах "субъект" и "объект" в отношении к познаванию, по д-ру Штейнеру, есть рассудочный догматизм: "субъект" и "объект" здесь продукты познания и объекты его, субъект познания Канта есть догмат: в его утверждении Кант "через собственно теоретико-познавательный вопрос перепрыгнул", идея, как данность рассудка, смешана им с внерассудочной сферой идеи в определении ее, как "понятия разума"; область разума вне-понятийна. Кант рассудочно соединил две сферы: рассудка и разума. Отсылаю здесь к пред-предыдущей главе, в ее свете понятно, что Гетевский "платонизм" для д-ра Штейнера не является "кантианизмом". Уважаемый автор в сем непонятом пункте упрекает д-ра Штейнера в непоследовательном выдвигании "платонизмов" и "кантианизмов", аргументации и тут — нет.

Далее уважаемый автор в пику д-ру Штейнеру выдвигает платонические Гетевы афоризмы¹⁵, долженствующие д-ра Штейнера поразить. Д-р Штейнер не поражается; он утверждает: 1) у Платона нет "разъятия" на идею и опыт (в авторском смысле); 2) нет его и у Гете; 3) Гете был почитатель Платона. И здесь повторно: вопрос о разъятии идеи и опыта поставлен "критически" (в каком смысле "идея" и "опыт" — разъятия, в каком — нет); и вопрос рассудочно-догматически предрешен — Эмилием Метнером.

Далее автор делит Платона и Аристотеля на основании вкусовых субъективных приятий, вне анализа воззрений обоих мыслителей; с первым сближает он Гете¹⁶, противопоставляя Аристотелю¹⁷. Д-р Штейнер, взяв Гете-философа, который имеет самостоятельное значение для него, отношение между Платоном, Аристотелем, Гете разбирает критически; и указывает: в одних пунктах интересы и воззрения Гете совпадали с Платоном, в других — с Аристотелем; в одном отношении Аристотель далек от Платона; в другом — ему близок.

Аристотель у автора есть представитель рассудочности, Платон же — идеализма; д-р Штейнер подчеркивает: ошибочность обычного восприятия Аристотеля; характеризует конкретность его воззрений о свете и близость к ним Гете; и — отмечает: более методологическое различие между способами глядеть на природу Аристотеля, Платона и Гете, нежели корневое. Автор же рубит с плеча: рубит он по живому, тонкому, деликатному

пункту. И, как некого Вия, зовет на подмогу Форлендера; эпизод интересен: я на нем останавливаюсь. Карл Форлендер открывает 242-ю страницу, покинувши университетских друзей: из отверстия им открытой страницы виден нам: уголочек Ликел¹⁸; видятся: гетсенец Макс Вундт ("в своем только что вышедшем... комментарии"¹⁹, мечтающий об Аристотеле, Наторп ("Аристотель являет собою противоположность Платону"²⁰) и Меллендорф, называющий Гете "эротиком в платоновском смысле"²¹.

Карл Форлендер²², не аристотелианец и не эротик, а — кантианец, закрывает страницу и сгует на д-ра Штейнера: —

— "Он ссылается на одно место Критики Чистого Разума", —

— "и затем протестует", —

— "он совершенно прав, указывая на противоречия Штейнера, фантазирующего об особенной пропасти, которая будто бы" и т. д.

— "Подобная слепота, проявленная Штейнером, объяснима лишь природной его неспособностью почувствовать центральный нерв трансцендентализма" и т. д.*

Уважаемый автор посетителем чрезвычайно доволен: прекрасный ученый!

Вдруг, страницю далее, профессор Форлендер попадает впросак; в годовании автор: —

— "Вот подобные неожиданные выводы достопочтенных ученых способны привести иногда в отчаяние! Вдруг вся строгость мышления... почему-то покидает их"^{***}.

Что же сделал ученый?

Выпустил безобразный клубок слабоочерченных мыслей — и клубок, запыленный... популярными предрассудками: "Мы, сторонние наблюдатели, стоим перед зрелищем безобразного клубка слабоочерченных понятий... запыленных популярными предрассудками, — клубка, предлагаемого нам в качестве научного вывода"^{***}.

Как бы ни было: "зрелище"; или профессор Форлендер вместо помощи автору — у автора в комнате выпустил: клубок неотчетливых мыслей.

За такой безобразный поступок изгнанся почтенный ученый.

У Карла Форлендера слабо очерчена мысль: вместо научного вывода преподносит Форлендер клубки пыльных и слабоочерченных мыслей.

* РсГ. 245.

** РсГ. 248—249.

*** РсГ. 249.

Это свойство Карла Форлендера д-р Штейнер отметил — двадцатилетием ранее. Все-таки д-р Штейнер по адресу почтенного кантоница выражает-ся сдержанней: —

— "Кто обладает способностью так превратно прочитывать отрывок из текста... тому сперва надлежит... научиться... чтению текста и от совета воздерживаться; выскидывать цитаты из Гете... сопоставлять исторически, это может любой; думать же в духе Гете не может Форлендер"^{*}.

— "Господин К. Форлендер принадлежит к тому роду людей, которые свои мнения признают за абсолютно правильные"^{**}.

Так говорит д-р Штейнер; согласие с автором; мобилизация Карла Форлендера, правду сказать, неудачна.

§ 126. Биологический блондин

Автор покончил с Форлендером: несносен Форлендер. И принимается он — за Гете; характеризует возможности "иных критицизмов" (это мною разобрано), характеризует позорное поведение "здорового" смысла в ущерб смыслам "критическому" и "живому": "Центростремительность к... срединности, к полезительной косности, избегание... раздвоений, вот что кроется за этим... смыслом, кто бы ни подымался в его защиту"^{***}, поэт, оккультист, химик"^{****}...

Кто этот "кто бы"?

Д-р Штейнер и — Гете: —

— "У Гете... узкобиологический... здравый смысл хотел провести свою линию"... В "природо-сообразном" методе мысль Гете "начинала беспокоить тормозить здравый смысл"^{*****}... "Некогда тот же... смысл всплыл... в Ницше... направил пылкую мысль... против Канта, и наветы этого смысла привели к такому сдвигу в сознании Ницше понятий биологических и этических, что сверх-человек понемногу оказался... протобестией, в образе... прельстительного блондина"^{*****}... —

— то есть —

— отворчав на Форлендера, он ворчит... на Гете и Ницше²³.

* CNS. IV Band. Z. A. 343.

** HuC. 50.

*** Оставляю на совести автора это нерусское "в его защиту" вместо "на его защиту".

**** PoГ. 252.

***** PoГ. 253.

***** PoГ. 254.

Сопоставивши влияние здравого смысла с другим утверждением автора о "наивности" природовоззрителя Гете с утверждением, что "Гете природою был обделен гносеологическим даром"*³, сопоставивши с утверждением, что формула изгнания Гете в трех фазисах его жизни есть "Прокрустово ложе"³⁴, сопоставивши это все с утверждением д-ра Штейнера: "говорить о влиянии древних или современных Гете мыслителей на развитие Гетева духа невозможно"³⁵, — мы вправе воскликнуть: автор противоречит себе! Противоречит он потому, что —

— появляется Кант и... — Гете-поэта спасает... от здравого смысла. Если б не Кант, Гете стал... бюргером с "со-бюргером"... Ницше. "Систематическое вмешательство" Метнера в деле спасения Гете при помощи Канта, соединенное с искажением воззрений ему неугодных противников, заставляет нас сказать словами... — Эмилия Метнера: кантианскими ножницами оперирует он глаза Гете... Но по Гете, по Бетховену и по Ницше — лучше смерть, нежели подобная операция³⁵: "мозолистый... Миме похож ли на Зигфрида?"³⁶.

Далее "пробабелизирует" автор: если бы Гете и Кант: — "проработали... до 100 лет, то у Гете прибавились бы гносеологические моменты, у Канта онтологические"³⁷.

Может быть это так, я — не знаю; знаю я, что схожая параллель есть у... д-ра Штейнера: — относительно Гете и Гегеля³⁶. Автор — бросается: и с полицейскою строгостью в принципе воспрещает предположения, подобные этим: "Оставив в стороне эстетическую безвкусицу и психологическую чудовищность подобных обращающих предположений"... и т. д. ³⁷.

Речь идет о том, что было бы, если б Гете был чистым философом, а Гегель — поэтом. Метнер 175-й страницы должен поэтому оборвать Метнера страницы 260-й; и сказать — Метнер Метнеру: "Подобные... предположения (предположения о том, чем бы были столетние Гете и Кант) — безвкусица и чудовищность". Бой продолжается — Метнера с... Метнером. Параллель развивается в рассуждении о "кривой" гносеологии Канта и прямой "онтологии" Гете; "прямой" "онтологист" говорит о философии "кривого гносеологиста", что "она никогда не приходит к объекту"; многообразно и часто д-р Штейнер вскрывает, почему "не приходит": благодаря смешению объекта познания с объективной действительностью; автор, не вскрыв Гетева утверждения, вопреки ему "оперирует" Гете Кантом.

* PoГ. 83.

** GNS. II Band, LIII.

*** PoГ. 140.

**** PoГ. 260.

***** PoГ. 175.

Проходит один эпизод. "Белокурую бестию" Ницше уважаемый автор назвал "прото-бестией" — знаете почему? Потому что он думает: —

— "сверх-человек, подобно прото-феномену (?!?) не мог не быть противным здравому смыслу"*.

"Прото-феномен" — "сверх-человек"? Магнит, например? Сопоставление это — претит всем трем смыслам: живому, "критичному", здравому. Смешение Гетева прото-типа с прото-феноменом, скажем, с магнитом, порождает — уродище: камневидную прото-бестию; превращение же последней из "каменного болвана" в "биологического блондина" есть та самая диалектика восприятия, которая, будь она проведена в строй отчетливых мыслей, заставила б автора... дарвинизировать Гете. Но относительно Гете он вовремя спохватился; и — отпрянул к... "юродству" ("Albernheit" есть юродство). "Болван" превратился в "блондина"; и — автора выдал: автор — дарвинизировал Гете. Вот и вся восьмая глава: с ней я покончил.

§ 127. Гете и Гегель

Кстати уж: здесь, внутри "Философской позиции гетеанства", мне придется коснуться другой главы автора: "Гете и Гегель". С удобством она пробегаема.

Параллели д-ра Штейнера между Гете и Гегелем автор не понимает.

Гете нам заявляет: пребывая на вершине эмпирии, получал он возможность зреть ниже-лежащий мир опыта; и получал он возможность: заглядывать в мир теорий; но вершина эмпирии — прото-феномен, стяжение рядов опыта, их исток и начало; уясняя его, мы вступаем в царство теорий; Гегель понял значение прото-феномена для философии природы поэта. "Гете становится благодаря Гегелю ясно, что эмпирическому исследователю идти след до прото-феномена, что оттуда, далее, ведет путь философа".

И — вытекает отсюда: "Основные начала мысли философии Гегеля суть следствия Гетева образа мыслей. Преодоление действительности, ее углубление, восхождение к сотворению от тварного, восхождение обусловленного к условию — одинаково у Гете и Гегеля"***.

Отношение к философии сблизило архитектонику мысли обоих; отношение — как к живому процессу. Область разума, — "становление"; становление — не "понятийно"; оно — зеркало метаморфозы идей. На основании близости метаморфоз — идей и понятий — связь между Гете и Гегелем установил д-р Штейнер; при этом он помнит: "Говорить

* PoG. 254.

** GNS. II Band, Hegel und Goethe, LXI.

о влиянии древних или современных Гете мыслителей на развитие Гетева духа невозможно в том смысле, как будто бы Гете сложил свои взгляды на основании их учений*. Связь Гегеля с Гете, по автору, у д-ра Штейнера произвольна; и не ясно ему: метаморфоза растений, предустановленная видоизменением живой идеи растения (типа), насквозь идеальна; то есть она — проявление метаморфозы идей в одной только области. Автор нам говорит: "Ведь у Гегеля... грандиозные строения спиритуалистической диалектики, тогда как у Гете вырастают... живые образы идей"^{**}... Но живая символика образов и эмблематика мысли, будучи диалектиками (фантазии и рассудка), обе суть проекции конкретного царства идей — в различные плоскости, потому что вне философии и фантазии идея — сама; философия и фантазия — отражения ее жизни; д-р Штейнер видит связанность идеи у Гегеля ее рассудочным пониманием и видит связанность Гете вприятии подобия, как самого идеального мира; и все же он знает: философия и фантазия суть различные отражения корня единого; идеологический корень "мыслителей" Гете и Гегеля, корень, ими не вскрытый, — один; и неспроста Гете сказал об отношении субъекта к объекту у Гегеля: "Мы похвалим Гегеля"²⁷; и неспроста он в этом же пункте о философии Канта сказал, что она не приводит к объекту; и неспроста комментировал Гегель Гетево учение о цветах²⁸, разбирал значимость прото-феномена Гете²⁹; и неспроста Кант, по выражению Гете, его знать не хотел.

Все это неспроста. Д-р Штейнер нам предлагает простейшее, яснейшее и вместе с тем оригинальное объяснение³⁰. Автор наш, разумеется, не понимает, в чем сила тут. И — исходит, как водится, в презрительных, легкомысленных жестах.

Такова глава "Гете и Гегель". Теперь возвращаюсь я: к комментарию хода авторских мыслей в его первой главе: "Философская позиция гегелянства".

§ 128. "Шестирица"

"Шестирица" новая обвинений рождается безболезненно и мгновенно.

Кантов взгляд на механику познавателен, а не наивно реален; д-р Штейнер не ведает этого; вне критицизма — "окультурные силы"; д-р Штейнер не ведает этого; размышления о духовности не примышляемы к опыту; д-р Штейнер не ведает этого; разграничения его "гуммиластиком" стерты. Д-р Штейнер разграничений не ведает; рискованно сопоставлены

* GNS. II Band, LIII.

** PoГ. 173.

им природа с искусством; против Канта им выдвигается кантианская мысль; Канта не ведает д-р Штейнер. Шесть "детниц" автором рождены: стоят они и грозятся.

Посмотрим же: —

— 1) Д-р Штейнер не ведает механицизма "критичного".

Пункт этот мною разобран: веденье механицизма критичного подкреплено мною ссылками на цитаты; так говорит д-р Штейнер: —

— "Свет имеет определенное направление. Мы его можем изобразить чувственно на бумаге при помощи линий. Если же мы будем рассматривать линии, как действительно существующие, мы подставим фикцию вместо формы явлений"*.

— "В замкнутом световом пространстве можно... протягивать линии, чтобы дать направление свету, но следует... установить, что это — абстракция**.

— "Мариотт впадает в ошибку математических физиков: линии в пространстве... считает за образ реальной он сути"***...

— "Колебания эфира суть... чистые образы фантазии"****...

К четырем цитатам, мной приводимым, присоединяемы двенадцать цитат, указанных в сноске; количество их мог бы я удвоить; мог бы — утроить.

— 2) Д-р Штейнер не ведает раздельность теории знания и теории "окультурческих сил".

Ведает: —

— "Теория познания может быть только наукой критической"*****.

— 3) Д-р Штейнер не ведает методической неприимышляемости к "опыту" — "духа":

Ведает: —

— понятия "природа" и "дух" — категории; категориальность зависит от метода; метод же от проблемы, и — так говорит он: —

— "Успех... исследований... зависит от того, в состоянии ли мы поставить проблемы".

— 4) Д-р Штейнер не ведает разграничений.

Ведает: —

— разграничивает: теорию знания, математику, механику; физику, минерологию, биологию, психологию и т. д.

---

* GNS. III Band, 177.

** GNS. III Band, 362.

*** GNS. IV Band, E. A. 316.

**** GNS. IV Band, Z. A. 12.

***** ИвН. 42.

— 5) Д-р Штейнер рискованно сопоставляет природу с искусством.

Сопоставлению этому посвящен мной абзац в "Световой теории Гете". Автор не понял и тут.

— 6) Д-р Штейнер идет против Канта с кантианским оружием.

Вопрос уже мной разобран.

"Шестерница" рассеялась.

§ 129. Парообразование

Испарения нового обвинения образуются тотчас же.

Смешаны д-ром Штейнером познание и гнозис; автор ссылается на страницу GW., беру ее; в ней нет ничего: она полна цитат Канта; автор ссылается на вторую, скромная фраза затеряна в ней среди... — цитат Канта: что человек переживает в себе образ творческих действий природы — в том Гете уверен; заметьте же — "Гете"; о Гете сам автор сказал тоже самое — шестью страницами ранее. Гете видел и слышал в себе вторую природу, создавшуюся в нем с необходимостью первой; и автор прибавил: "Прав Гете"*... А д-р Штейнер — не прав.

Перечущий, к Гете ревнующий, — автор!

А он — испаряет: —

— "вещь в себе" не гипотеза, а трансцендентальный остаток; и смысловых оттенков придавать ей нельзя. Д-ром Штейнером, разумеется, все перемешано (в этом пункте я объяснение дал), —

— так как д-р Штейнер навязчиво — (испаряет он далее) — науке дает предписание: объяснить внешний мир (на основании более чем "ста" выдержек я построил учение д-ра Штейнера об объяснении рассудочном и разумном).

Фигурирует — прости Господи! — то же.

Резюме учения об объяснении рассудочном: —

— "Мир объясняют не осмысливанием феноменов мира"**.

Так говорит д-р Штейнер.

Испарения нового обвинения взлетают опять-таки: —

— Видя залог постижения истины в антропоморфизме (объяснено мной), Канту в вере во внутренний мир д-р Штейнер отказывает, разумеется, зря (объяснено), и — запутывается в неумении различивать дух и природу.

* ПоГ. 60.

** GNS. IV Band, E. A. 299.

Неужели — в который раз! — приводить мне ряд сносок на те утверждения, где совершенно обратное проводится д-ром Штейнером: приводя в третий раз те же выдержки, переписываю их не в сноску, а в текст — с предупреждением: приводить в четвертый раз их не буду; вот — ссылки: GNS. I Band, LXXIII, LP—LXI; III Band, 430, 461; IV Band, E. A. 273, 282, 226; Z. A. 6, 296.

И — новый слой пара: д-р Штейнер в природе скорлупу от ядра не различает — "по-видимому" (прелестно "по-видимому**"), "по-видимому" — у автора все.

На публичных лекциях посетители лекций от д-ра Штейнера слышали многократно:

Natur hat weder Kern, noch Schale...
Dich prüfe du nur allermeist,
Ob du Kern, oder Schale seist³¹.

Но автор трудится: в назидание переписывает цитату из Гете; и — испаряет — "старые-престарые песни": все о том, об одном — о теософах, монистах, не понимающих механицизма критического; переписывать те же сноски не стану я; подумают, что количеством повторений и однородством припевов уподобляюсь я — автор мне не пример — девяностолетнему старцу; девяностолетние старцы! Следуя старческой склонности, они прилагают к явлению те же все, когда-то оригинальные фразы; повторяют, — и забывают; потом опять повторяют; повторять повторения и не знать, что повторения повторяешь, — их склонность; и — склонность автора, вовлекающего и меня — в повторения; автор, как кажется мне, не столь уже древен годами... он — повторяет: о гнозисе природы у Гете; повторив эту мысль, повторяет другую: о необходимости д-ру Штейнеру Гетево кантианство — признать; за повторением этим — повторяет повторность он: о механицизме; о механицизме он — еще повторит; повторит и еще.

Абзац кончается повторением: —

— д-р Штейнер (повторяет он) не может постичь методизма в делении естествоведения на механицизм и органику**.

Разделению физики и органики посвятил д-р Штейнер страниц — две с лишком сотни со шрифтом убожеством, мелким; если автор их не прочел — надо факт этот скрыть: он — аннулирует его книгу.

Последнее испарение этой серии — упрек в взаимном смешении метафизики, мистики, гносеологии, логики — мною разобран.

Новая серия взывает к вниманию: она — примечательна.

* ПоГ. 68.

** ПоГ. 75.

Страница восемьдесят пятая.

Текст обвинения: —

— В до-гносеологической глубине — корни внутренних опытов; и достигаемы не анализом, а аскезой, страданием, подвигом; этого д-р Штейнер не понял: представление о внутреннем мире расплывчато у д-ра Штейнера*; "непреодоленный им антикритичный монизм нет-нет да сыграет над его... построениями злую шутку"***.

В приведенномращении мыслей, упраздняя собой "критицизм", фигурирует подвиг. Где возможность — "опыт" в критическом смысле соотносится с мистическим опытом? Соотношения у автора нет, а у Канта это понятие "опыта" исчерпаемо в форме: эта форма есть время².

Или в понятии "опыта" уважаемый автор забыл свое "кантианство"? Или он говорит от лица своей метафизики; метафизику свою автор спрятал; но по всей вероятности — да: говорит от лица метафизики; рекомендует и Канту он — стать метафизиком: — "Если бы Кант следил за деятельностью Гете... то может быть, он ослабил бы свое критическое рвение на пользу чисто творческого; может быть, то, что уложилось в самое глубокое... творение Канта... нашло бы себе выражение, не как критика только, но уже как новая, высветленная метафизика... Кант мог бы извлечь огромную пользу... из умозрительной пластики Гете с ее прото-феноменами"****.

Выше мы видели, что "пластика" Гете есть "своеобразная область" — полу-наука, полу-искусство, обязанная возникновением Гете, т. е. "единственному существу", "наивному природовоззрителю". Видели мы и то, что Кант больше своего критицизма. Критицизм предопределяется Кантом, а Кант — Гете; Гете же — "существо", "наивный природовоззритель", породивший "своеобразную область" — полу-искусство, полу-науку, полу-философию. Критицизм, теория знания; гносеология — предопределены гениально-наивною природовоззрительной, акритичною и своеобразною областью; автору же "своеобразной" той области вменяется в заслугу именно его "критицизация" Кантом: "а" определяется "в"; "в" определяется "а"; получается случай барона Мюнхгаузена: не то "Гете-Канто", не то "Канто-Гете"; "Гете-Канто" равно "Кан-

* РоГ. 84.

** РоГ. 85.

*** РоГ. 168.

го-Гете": уравнение метафизики автора превращается в поле; и на этом поле описано круговращение мыслей, приводящее автора к утверждению до-гносеологической глубины в контексте с критической философией.

"Критически" здесь мы видим проблему — не проблему глубин и высот, а акта начала познания; акт начала познания есть первое вычленение: из "данности" познавательных актов; еще не существует здесь — "жизни", "подвига" и "миров", как расчлененных частей; всякая спецификация данностей в виде глубин и высот здесь — критический поппепс. Вот ответ в духе теории знания д-ра Штейнера на основоположение самого "критицизма" в глубины внутренних опытов. Потому-то упрек в акритичности ("не преодоленный им антикритичный монизм"...) есть словесное сочетание. Меж критицизмом и "гнозисом" "до-гносеологических бездн" можно ставить знак равенства в том исключительно случае, если знак равенства допустим меж... "Критом" и "критикой". Может быть, у автора критика с Крита? Может быть, автор... критянин?

Вместо понятия "критицизм" выстроил он лабиринт; там засел Минотавр.

Скажем правду: лезвие критической мысли не рассекает нам мрака; но из мрака доносится: глухое стелание... Минотавра.

§ 131. Мир внешний и внутренний

Страница восемьдесят девятая.

Текст обвинения: —

— "Остро и до конца в глубину проведенное отграничение мира внешнего от внутреннего — совершенно чуждо Штейнеру (если судить по многим его сочинениям)"*.

Так говорит д-р Штейнер: —

— "Должна быть наука, которая полагала бы ясно взаимоотношения противоположностей. Мир реальный и мир идеальный, противоположение действительности и идеи — вот задача подобной науки"***.

Или: —

— "Этим обоснован им дуализм... Человек находит себя противопоставленным двум мирам... Один мир это — опыт, относительно которого знает он, что в нем — половина действительности; второй мир это — мысль"****.

* ПоГ. 89.

** GEGW. Die Aufgabe unserer Wissenschaft.

*** GEGW. Die Wissenschaft. Das Erkennen.

С выделением частей непосредственно-данного — начинается понимание познания; различие вырастает с сознанием; и с сознанием входит многообразие данного; оно — запредельно обоим, будучи границей между "мирами"; оно — внеиндивидуально.

Такова логическая установка обоих миров — у д-ра Штейнера; и она-то нас далее и приводит: к пресловутому дуализму "миров" (дуализму психологическому).

"Двойственна человеческая природа", говорит д-р Штейнер, "и себя и окружающий мир человек заключает в мыслительном действии; и себя должен он определить в центре мысли, как индивидуума, противостоящего вещам"*.

Или же:

Дуализм сосредоточивается на обусловленном сознанием разделении между миром и "Я": возникает — материя, дух, субъект и объект... Дуализм гипертрофирует дух и материю в две самостоятельные субстанции; поэтому он не может понять взаимодействия абстрагированных частей.

Такова психологическая установка "обоих миров" у д-ра Штейнера.

Есть у него и иные еще установки: установка от мистицизма и от духовного знания.

Установка зависит от метода.

В чем же "неострота" проведения?

В авторе.

В современной теории знания субъект и объект противопоставимы трояко**: наивно, психологически и теоретико-познавателью; в первом случае "Я в моем теле" — субъект; во втором случае — переживаемое содержание сознания "субъектно"; в третьем же случае переживаемое содержание сознания есть имманентное бытие: грань между мирами растоплена; оба мира (мир внешний и внутренний) суть мир объекта; здесь объект — содержание, "субъектны" же формы познания.

Так что субъект методически щепится на ряд "субъективностей"; что психологически субъективно, то логически объективно.

Расчленения "мира" сознания, взятого как объект (в логическом) и как субъект (в психологическом смысле), у автора нет. Психологией обоих рядов подменена у автора логика; "критицизм" подменяет он психофизическим параллелизмом (в другом случае, как видели мы, он критический плюрализм подменил проблематизмом механики).

Оттого-то его заявление о "неострой границе" покоится на смешении им двух субъектов познания.

* PhF. 56.

** Сюда сочинение Генриха Риккерта: "Gegenstand der Erkenntnis".

Оттого ложно его утверждение: —

— "Остро и до конца в глубину проведенное отграничение мира внешнего от внутреннего... — совершенно чуждо Штейнеру (если судить по многим его сочинениям)", —

— следует тут прибавить: не принятым во внимание.

Автор упорствует: —

— "Восстановление нового единства, путем критически проверенного сознанием взаимоотношения обоих миров, — совершенно чуждо Штейнеру (если судить по многим его сочинениям)"* —

— опять-таки я прибавлю: не принятым во внимание.

"Так как в сознании идея и данное необходимо выступают раздельно, то поэтому вся действительность для сознания расщепляется на эти две части, и так как сознание только путем собственной деятельности может осуществить соединение обоих указанных элементов, то оно достигает полной действительности только через осуществление акта познания"***.

Или:

Сочетание обоих миров — венчает теорию знания.

Так говорит д-р Штейнер.

Отличие дуализма автора от дуализма д-ра Штейнера — в том, что дуализм у автора, оставаясь наивным, разрешается в образы глубин и высот, или же принимает форму — параллелизма; дуализм у д-ра Штейнера есть критический дуализм, предопределенный познанием, им положенный и им же преодоленный; теория знания для этого дуализма является небом — и верхним, и нижним.

"Мы должны представлять себе, что соединение есть первоначальное, изначально необходимое, и что только в начале познания наступает для познания... разделение, которое, однако... через познание... устраняется"****.

Так говорит д-р Штейнер.

§ 132. Критика — Крит — крик!

Лезвие критической мысли на приведенной странице есть опять-таки... "К р и т"; и оно обнажается за... "критские" интересы: чревоудие Минотавра продолжает требовать жертв.

* РоГ. 89.

** ИвН. 66.

*** ИвН. 65, 66.

Минотавр все стнает: —

— божества германства, славянства и эллиниства; Wesenheiten³³, русалки и эльфы; Аполлон, Ярило³⁴, Вотан³⁵; нежить, нечисть язычества, христианства — допустимы... "с одной оговоркой", — то есть —

— Крит, лабиринт, Минотавр, минотавров чреватые ревы; "оговорка" разрастается в пункты: пункт первый, второй и пункт третий, носящий четыре подпункта, — то есть целое руководство "практической некромантии".

Вытекши из "обоих миров" и на них утвердив свою логику, автор поспешно утек — в самонаблюдаемый гнозис: д-р Штейнер, читатель и я — потечемте за ним! Это быстрое "утекание" от предмета к предмету, вероятно, и есть вид "иных критицизмов", которые... существуют... в намеках и которые... повсюду... возможны. —

— "Вотан может быть... существует где-то... но когда я хочу схватить... этот... образ... я должен остерегаться... распущенного подмешиванья к функции... внутреннего чувства произвольных... раздражений"^{*}. В теории знания автора книги о Гете существованию Вотана отведено "критически" место.

"Может быть, существующий Вотан" различаем, по автору, от... —

- 1) возникновения в нас,
  - 2) передачи другим,
  - 3) восприятия в передаче
- и т. д.

Можно только жалеть, что различие "Вотанов" не развито детальней: различия эти приведут... разве что к созерцанию — в образе и подобии бога — нервической кляксы.

Что же касается гнозиса возникновения в нас образов, то у д-ра Штейнера об этом достаточно сказано в "Тайноведении"; чисто формальные указания обхождения с "образом, возникающим в нас", уж, конечно, смывают наивную "много-якость" обличей германского божества — в пункте его устранения, как душевного содержания.

§ 133. Руслан и Людмила

Я извиняюсь, читатель: я начал с критической философии, а кончил "Путем Посвящения". В сальтомортале я не повинен, потому что автор — Руслан: ассоциация, Черномор, повлекла — Руслана, его, с европейского кряжа критической философии — в страны знойные гностики.

* РоГ. 87—88.

Там повис над Людмилой, душевными недрами, в самонаблюдающих высях — "выспрь" взвихренный автор; из высей — пал в недра; там ажил он; недра же оказались пещерой; пещерожителем — он; быстрая перемена ролей (из критика в анахорета) и понудила автора "изречь" свои правила.

Так стал уважаемый автор: не автор, а — старец.

И правила восприятия в себе "духовного ока" он перенес в рассуждения по поводу чисто "критической" темы; и подвиг, страдание, жертву поставил он в до-критической бездне, не замечая вовсе, что и "до" и "после" в отношении к теории знания или бессмысленны, или имеют чисто логический смысл в этом смысле и "до" есть не более, как логический *præius*; выражение: "постижение свободы и рождение из себя этой идеи зависит от дохождения до дна" — или гносеологически не имеет значения, или имеет значение, которое можно формулировать так: "дно" первой гносеологии, "дно" — предпосылка самой гносеологии; гносеология в таком случае становится психологией, мистикой, гнозисом; от теории знания не остается следа.

§ 134. Критическая седмирица

Первая глава мной разобрана: и разобраны в ней — шестая, восьмая; с ней разобрана и вся рубрика "а критичность".

Отметим:

- 1) Не установлено понятие "критицизм".
- 2) Под критическим флагом нам явлено душевное состояние.
- 3) Явлена философия Канта.
- 4) Явлена психология дуализма.
- 5) Явлена теория знания.
- 6) Явлен гнозис.
- 7) Явлено "сольфеджио" Канта.
- 8) Явлено учение Вед.

Критицизм у автора семизначен; и он обвиняет от — "семизначного" критицизма; одна седьмая его — "критический" критицизм; шесть седьмых — "намекы иных критицизмов"; "семизначное" слово — фортеция; или — фронтальная цепь, бегущая через всю его книгу; но по книге змеятся — тридцать четыре других, перекрещиваясь при помощи "так как"; тридцать пятая всех нападений теперь досконально разобрана; и равна одна тридцать пятая — тридцати пяти тридцать пятым: топографию одного бугорка отобразила она; всюду — рассыпчатый лес сверху прикрыт черноземом; но от первого ливня критики — бежит чернозем; разъедается местность колоссальным врагом: пород горных — нет.

§ 135. Травокошение

Мой подробный разбор должен был показать: критическое оружие Метнера; внутри разбора главы — две другие упали (шестая, восьмая) системой карточных домиков.

Отчего это так?

Установление одного только твердого пункта ломает механику колеса и падения, вращаемого при помощи "так как": так как... догматик, то... — антикритичен; так как... антикритичен — монист... и — далее, далее. Ведь любая из рубрик бежит при помощи "так как"; в них — нибелунгово колесо.

Разобрав "критицизм", я сломал одно "так как"; но от этого слова колесо перестало бежать; и — распалось: агломератами, которые мне удобно скашивать одним взмахом... — десятками; но сенокос столь обилён, столь легок, что косить голословицы — значило б: в многоречии упряжаться, как автор.

Метод свой — изменяю поэтому; травокошение заменяю я обзорением косимых полей: поля — необъятные!

§ 136. Органицизм Гете

Коротко пробегаю по третьей главе; она озаглавлена: "Органицизм Гете".

О Гете почти речи нет: ему посвящаются два параграфа, трактующих об особенном и всеобщем; о "философии" и о — прото-феномене; прото-феномен смешивается с идеей; "филиация" никак не раскрыта; и сближена с "полубессознательным процессом организации"; процессу "организации" д-ром Штейнером посвящена большая статья-предисловие к 33-му тому; и автором — две странички; о всеобщем, простом — не сказано почти ничего.

Речь идет — только о д-ре Штейнере: отметая разобранное (д-р Штейнер ругает ученых, устремляется "объяснять", лишает своеобразия Гете, проявляет безвкусию синкретизма, и — далее...) — останавливаюсь на одном только пункте, потому что "пункт" характерен; и в книге он — линия.

Автор гласит: —

— "Легко говорить о "духовном оке" Гете, которым он будто бы смотрел на растение и на животное. Ссылка здесь на духовность есть отказ от толкового объяснения, как смотрел Гете и чем именно его смотрение отличалось от смотрения других"*.

Фразы, подобные приведенным, ужасны для автора; по подсчету, произведенному мною, вопросу о том, как именно смотрел Гете на

* РоГ. 94.

растение и на зверя, д-ром Штейнером посвящается: 128 страниц петитного шрифта; приводит же к GW. — 256 страниц.

Ужасно для автора признание, что он 256 страниц не прочел; не прочтя же, потребовал объяснения, как именно смотрел Гете. Если уже не прочел, так не требуй; но не читать объяснение и требовать объяснение!.. Автор — капризен.

Характеристика отношения д-ра Штейнера к "организмизму" вызвала бы главу, подобную "световой теории Гете". Объем книги не позволяет мне отдалиться вопросу "органики" так, как отдался я "физике". Резюмирую в двух словах: — 256 страниц подробнейших разъяснений.

§ 137. Учение о прото-типе

Кант пытался обосновать своеобразность познания. Понятие дискурсивное носит служебный характер; будучи приложено к чувственности, оно разлагает ее в механических категориях; природа организма иная; в категориях неразложима она, категории прилагаемы к "ставшему", к мертвому миру; познание — категориально по Канту, и познание организма — не познание вовсе³⁶.

Гете знал этот взгляд, но отрицал этот взгляд; телеологию в биологии отклонил он у Канта; и тут он согласен с Спинозой³⁷.

Для опознания "организма" мы должны построить иное понятие; это понятие черпало бы содержание из мира идей; было бы сообразно себе, а не вне-лежащим объектам. В неорганическом мире господствует смена частей феноменального ряда; в смене той части берутся отдельности вне-лежащих предметов, в мире же организмов не то: целое правит отдельностями, целое же — в идее, идея — конкретна; ее истина, будучи объективной, — индивидуальна всегда, поэтому: интуиция, отражая миры организмов, построена по иным законам познания, Кантом не вскрытым; организм, определяясь идеей, постигаемой изнутри, идеален и... чувственен вместе, определяемый по законам внешнего мира — законам познания Канта, — он не есть уже то, что он есть внутри себя самого; непознаваем он; интуиция есть знание *in intellectu* в являющее содержание с формой.

Если есть интуиция, то возможна органика, как наука; сила суждения в ней — "созерцательно-мыслящая"; или — "мысляще-созерцательная", интеллектуальная созерцание интуиция предполагает возможным.

Как возможна такая наука? Гете ставит вопрос на острие критицизма и не в неведение Канта; из неприятия телеологизма третьей Кантовой критики³⁸ он исходит; и развивает он: два природовоззрительных метода (механицизм и органику); взаимное отграничение и преодоление их — в конкретном идеализме.

Неорганический мир дается системой природы, рассматриваемой, как механизм, органика же дается иначе: системой метаморфозы идей; центр идей — в прото-типе.

Следует хорошенько усвоить, что же есть прото-тип: он есть норма в сеобщего и индивидуального вместе, и почивает он — в регионах высокого; прото-тип там — потенция, осуществленная — в ни-

же-лежащих подобиях; в образной метаморфозе идей, отражаемой — в "становлении".

Характеристика д-ра Штейнера прото-типа у Гете совпадает опять-таки с образом Кришны, явленным Арджуне; и со словами, сказанными Кришной — Арджуне: —

— "Мною — в Моем не проявленном виде — проникнут весь этот мир; все существа имеют корень во Мне, но Я не имею корня в них... воззри на Мою Божественную Йогу! Поддерживая все существа, но не имея корня в них, мое Я составляет их производящую Причину (Бхагават-Гита. Беседа девятая).

Или: —

— "Скрытый в Природе, которая произошла от Меня же, еси силою Я снова и снова произвожу это множество существ, бессильных и беспомощных. И не связывают... эти действия Меня, пребывающего в бесстрастии, неприязненного к действию" (ibidem).

Здесь "пребывающий в бесстрастии" есть точка Типа — Прото-тип, как не проявленная и бесформенная потенция (верхние регионы деваханического), а "производящая Причина" есть градация модификационных кругов; "божественная Йога" есть праксис познания, интеллектуального созерцания, лежащего в основе органики Гете. Первые градационные круги проявления Типа, то есть Прото-тип проявленный в созерцании метаморфозы идей-образов — вот он по слову Иезекииля: —

— "И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них — четыре крыла...; и лица у них, и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому... Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех четырех; а с левой стороны — лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех...; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия не оборачивались...; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила от огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния... И я смотрел на животных — и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их...; и по виду их, и по устройству их казалось, будто колесо находилось в колесе... А ободья их — ... ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. И когда шли животные, шли и колеса...; а когда животные поднимались... тогда поднимались и колеса... Дух животных был в колесах... Над головами животных было подобие свода... А над сводом... было подобие престола..., а над подобием престола было как бы подобие человека..." (Книга пророка Иезекииля, гл. I, 4—26).

Все здесь отражает подобие прото-типических проявлений: подобие человека; под ним подобие кругообразное (свод); под сводом в круговращенье огня четыре подобия, соединяющие черты: ангела, человека и зверя; это — типовая проявленность в метаморфозе текучести идей-образов (мета-

морфо́за — огонь между ними); под ними — подобие отражения их на земле — враще́ние колес (колеса в колесе): колес, полных "глаз", т. е. жизнью; это — напечатление метаморфозы уже в "становлении", в кипении жизни. Можно ли образ подобий понять эволюционно? Не думаю. Если нет, то и учение о прото-типе в освещении д-ра Штейнера эволюционно воспринято быть не может; что у Иезекииля дано в многообразии проявлений, в картине раздельностей, то дано в картине единства у автора Бхагават-Гиты (композиции разные, содержание ж — то же): —

— "Созерцай, о Партах, Мою форму, тысяче-видную... разнообразную... Созерцай в Моем теле... всю вселенную"... (Б. Г. бес. 11-ая). И далее: "Я емь знание познающих" (бес. 10-ая). Далее: "То — царственная наука... интуицией познаваемая" (бес. 9-ая). Вот, по д-ру Штейнеру, образ органики Гете.

В прото-типе сливаемы; идеи и прото-образы имажинативной фантазии. Гетева постановка вопроса о типе отличается от постановки вопроса материалистами, дарвинистами; вообще отличается от всей серии эволюционных учений; с "типом" у Дарвина Гетев тип не сливаем; Гетевым типом определяется зоологическая "типичность"; и она — отражение; обратного быть не может; прото-форма у Геккеля — есть временная проекция типа; первое там — последнее; и последнее — первое, в построении "типа" во времени мы должны исходить от "сущего", ближележащего пункта; "тип" в этом смысле — антропоморфен всегда; зооморфен он — во временном ряде; дальняя модификация "типа" кажется причиной во времени, но — в нас коренится причинность.

Проекция Гетеанства во времени суть проекции в обратном порядке; "тип" — вневременный, живой центр; модификация типа — круги вокруг типа; пересечение их радиусом являет нам: метаморфозу форм типа; "градация" метаморфозы есть область органики рациональной (классификация не градация); эта последняя — условие возможности биологии.

Проекция "типового" во времени — окружности рассекающий радиус, определенный и центром (антропоморфностью), и удаленнейшим кругом (амебой); бег по радиусу живых форм в "эволюционной" картине обратен вневременно данной градации; здесь логический *radius* — *postfactum* в генезисе, такова особенность методических построений рассудка.

Поэтому дарвинизм — гетеанство навыворот; безвременное бегает там по времени; и — в обратном порядке; проекция удаленнейшей модификации типа (амеба) биологически восстала причиной многообразия "ставших" форм; "градация" — не в измерениях времени.

Здесь Гете не поняли. Он стоял на уровне критической мысли.

Так говорит д-р Штейнер.

§ 138. Дарвинизация Гете

Автор?

Автор нам утверждает: Гетевская филиация" внешне схожа лишь с Геккелем, Дарвином и д-ром Штейнером (?). Материалистический

эмпиризм д-ра Штейнера необычен; филиация же Гете — не эволюционна; гностического прародителя⁴⁰ нет у Гете "который... подобно... американским дядюшкам, которые* сначала живут только на плане ментальном в пылком воображении... племянников, а затем по счастливой случайности... заявляются самолично во всех трех телах: физическом, эфирном и астральном"^{**}.

И — не стыдно?

Автору не стыдно — ничуть: "Отчество у Гете есть идеальный образ"^{...} "Дарвинизмом и геккельянством Штейнера объясняется многое в кривотолкованиях Гете"^{***}...

§ 139. Д-р Штейнер и Геккель

Вот коллекция перлов: —

— "Достаточно с ясной головой, не замутненной монистическим, теософическим и мистическим сором, приступить к ознакомлению со... взглядами Гете на природу" и т. д.

— "Противопоставлением понятий и силы и материи понятию жизни Гете... осудил раз навсегда витализм и вообще всякую монистическую путаницу" и т. д.

— "Какова связь и отношение между Гете и Дарвином; между созданной Гете целостностью... полу-наукой, полу-искусством... — и основой... эволюционизма, который через соломинку... узкой доктрины... раздувается в мыльный пузырь... душеспасительной теософии" и т. д.^{****}.

— "Штейнер... дарвинизировал Гете, ибо дарвинизирован... и сам он. Вычитывая многотысячелетний эзотеризм из штейнерианства, получишь в остатке современный эмпирико-догматический монизм в стиле Геккеля"^{*****}.

— "В противоположность Дарвину, Геккелю, Штейнеру"^{*****}.

— "Штейнер... укладывает существование мира в линейную хронику".

— "Не... снилось Дарвину, Геккелю и Штейнеру"^{*****}.

---

* Нагромождение фразы "который... которые"... оставляю на совести автора.

** РoГ. 108.

*** Там же.

**** РoГ. 136.

***** РoГ. 142.

***** РoГ. 148.

***** РoГ. 237.

— "Основной характер и лей-мотивы мировоззрения Штейнера потребовали не того, чтобы он стал... оккультистом... притом охваченным кантофобией... и геккелианским монизмом" и т. д.

— "У Штейнера мы никогда не знаем, от чьего имени он говорит. Его ли геккелианство... поддержива-ет Акаша-хронику и теорию импульса, или эта хроника и эта теория... являются... завершением геккелианства?"*

— "Против факта геккеледа-рвинизма Штейнера напрасно станут возражать"** . Против четкого разделения Гете от Геккеля, Дарвина, приведенные "перлы" в опровержении не нуждаются; приведенные "перлы" просто рубрика одного "кривотолка" в градации кривотолков: говорить о монизме и геккеле-дарвинизме в контексте с д-ром Штейнером — пустое занятие; но "пустое занятие" обнимает собой ряд страниц.

§ 140. Акаша

В сущности только автор, автор и автор — дарвинизиро-вал Гете; но обвинил... не себя; мир представил себе — линейною хроникой, а учение об "Акаше" эволюционно воспринял; эволюционное восприятие "Акаши" — абсурд. "Акаша" коренится в извечном; в извечном — нет ни времени, ни причинности; причинность — в рассудке; но проекция извечно-го в вечное создает феномен временного пробега; временность "Акаши" — проекции: на времени вечного; вечно сущее явлено нам текущим.

Так говорят д-р Штейнер: —

— "Возникающее во времени, имеет... начало в вечном".

— "Человек может проникнуть к вечным первоисточникам".

— "Тогда он начинает видеть ту сторону событий, которая в них не может быть разру-шена временем"***.

Созерцание извечного, как протекшего — вот созерцанье "Акаши". Протекшее, разумеется, не берется в дарвинистическом смысле. И видится вовсе не то, что было в феномене, а — извечное видится: под феноменаль-ным событием. В процессе же восхождения к вечному и создается картина: протекших событий — "в их вечном аспекте"****.

Д-р Штейнер нам говорит: —

— "Разыгрывается некоторым образом то, что происходило раньше"*****.

Оно — вечно-сущее.

* РоГ. 375.

** РоГ. 450.

*** ЛМ. 2.

**** ЛМ. 3.

***** Там же.

Мы у порога четвертой главы: "Гете и Физика": экивоки, игривости и градация жестов; среди них прихотливой излучиной чуть приметное движение мысли: легкотрепетный мысленный ход, переходящий в недвижность затона; и вокруг — бурнотрепетность суетливых эмоций, подобная трепету на экране, где дрожащие очертания неестественно-суетливых людей проносятся вдогонку за кем-то: кинематографический эпизод, сопровождаемый погромом; и с участием полисмена в виде выдержки из размышлений Пуанкаре, спрятанных в примечании к тексту; трах: на экране — очертание торжественно поющего петуха; и надпись: "П а т е"⁴¹ — представление кончено".

Вся глава "Гете и Физика" (как и все, впрочем, главы) напоминает до странности эти фильмы Пате. Мысли Метнера, едва появившись на сцену, начинают подрагивать и зыбкими очертаниями сливаются в нечто однообразно-кишащее; линия, вдруг преломившись не нужно, причудливо загибается в арабески; арабески влекут арабески, пересекают друг друга, выивляя из многословия какие-то вовсе не нужные прописи и известные всем: о науке, культуре и т. д.

Целых пятнадцать страниц мысленных трепетаний, мысленных стремительных бегств и вращений по кругу.

Но какой же скелет в этом мысленном трепете?

Д-ром Штейнером несправедливо принижен Ньютон; несправедливо соединяется с Гете он в этом пункте. Гете прощительно на заре истекшего века отвращаться от механических представлений; д-ру Штейнеру непрощительно это: рядовые лишь физики грубо-чувственно верят в бытие физических принципов; гениальные их товарищи гипотезируют принципы, не объясняя явлений, но подчиняя их утилитарным потребностям человека. Физика поступает сознательно, превращая в количества качества; следует ее упрекать, что долгое время не во всем она поступала с такой беспощадностью.

Физика властвует над материалами знания; объяснение материалов неважно; это знают поэты (Верхарн); вообще, все знают это: д-ру Штейнеру одному неведомо это. Оттого-то он плачется на абстракции физики; физика его жалобам вторить не станет, продолжая "в ы к р а и в а т ь" (sic!) беспощадно природу, Штейнер запутался в полемике с физикой.

Физика "дрессирует" (sic!) явления, не объясняет явления; первопричинами не занимается она вовсе. Те явления, которыми орудует физика в обиду всему штейнерианству, объяснимы различными углами зрения: под углом зрения любви, а не власти, это делает Гете. "Девиз физики: знать, чтоб предвидеть, предвидеть, чтоб как можно прочнее овладеть; девиз Гете: знать, чтобы создать образ; создать образ, чтобы как можно прочнее полюбить".

"Смешивая совершенно различные задачи физики и гетеанства, Штейнер попадает впросак и, допуская не гипотетически, а по-своему аподиктически вибрационное движение в световом явлении, говорит, что движе-

ние это в пространстве он, Штейнер, мог бы, разумеется, увидеть, если бы его глаз был соответственно организован”*.

”Штейнер бьется как рыба об лед, пытается пробиться к разделительной формуле о Гете и о научной физике”**.

Метафизично, религиозно представление света у Гете. Д-р Штейнер же впадает в абсурд и утверждает: свет нам дан в непосредственном восприятии. ”Где дан? В каком восприятии?” — восклицает Метнер и заключает: утверждение д-ра Штейнера противоречит — элементарнейшей физике.

Вот и все, что возможно нащупать в мыслительном трепете, именуемом важно: ”Гете и Физика”.

В сущности, ответ мною дан всей главой ”Световая теория Гете”.

§ 142. Трогательное согласие

Повторю еще раз этот мысленный трепет, сопровождая его цитатами из д-ра Штейнера:

Метнер:

Д-ром Штейнером несправедливо принижен Ньютон; несправедливо соединяется с Гете он в этом пункте. Гете простительно на заре истекшего века отвращаться от механических представлений. Д-ру Штейнеру непростительно это.

Д-р Штейнер:

”Так характеризуемо... развитие науки о красках: до 18 столетия эта наука рассматривалась философами... Ко времени Ньютона эмансипировалась она... от философии”***.

”Думали сохранить дух в чистоте путем строгого разделения между ним и природой... Одухотворением природы боялись натурализовать дух. Так произошло, что в 17 столетии образ мышления механицизма получил распространение в объяснении природы”****.

”Нет границы... между природой и духом, механическим и физическим. Таков способ рассмотрения феноменов, что мы их располагаем в известного рода категориальных понятиях”*****.

* ПоГ. 120.

** ПоГ. 122.

*** GNS. IV Band, E. A. 249.

**** GNS. IV Band, E. A. 225.

***** GNS. IV Band, Z. A. 293.

Метнер:

Рядовые лишь физики грубо-чувственно верят в бытие физических принципов; гениальные их товарищи гипотизируют принципы.

Метнер:

Гениальные физики не объясняют явлений, но подчиняют их утилитарным потребностям человека; физика властвует над материалами знания; объяснение материалов неважно. Физика дрессирует явления, но не объясняет явления.

Метнер:

Физика поступает сознательно, превращая в количества качества; следует ее упрекать, что долгое время не во всем она поступала так беспощадно.

Метнер:

Все это знают; д-ру Штейнеру неизвестно это. Оттого-то он плачется на абстракции физики; физика его жалобам вторить не станет. Штейнер запутался в своей полемике с физикой.

Метнер:

Первопричинами физика не занимается вовсе.

Д-р Штейнер:

"Марriott впадает в ошибку... математических физиков: линий в пространстве... считает за образ реальной сути".

Д-р Штейнер:

"Мир объясняют не осмысливанием феноменов мира, но воссозданием образа действия, или повторением в опыте"*.

Д-р Штейнер:

"Мы можем отображать образно то, что воспринимаем мы, можем все это мы облекать в математические формулы. Мы не должны лишь с линиями и формулами... оперировать так, как будто бы они были самими вещами"***.

Д-р Штейнер:

"Рядом с эмпирической механикой... существует механика рациональная, которая, исходя... из природы механических основоположений а priori, выводит необходимость законов"****.

Д-р Штейнер:

"Различение причины от действия происходит внутри нашей рассудочной деятельности"*****.

* GNS. IV Band, E. A. 299.

** GNS. III Band, 430.

*** GNS. I Band, LXXIII.

**** GNS. IV Band, Z. A. 372.

Метнер:

Те явления, которыми орудует физика в обиду всему штейнерианству, объяснимы различными углами зрения.

Метнер:

"Девиз физики: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы как можно прочнее овладеть; девиз Гете: знать, чтобы создать образ, создать образ, чтобы как можно прочнее полюбить"***.

Метнер:

"Смешивая совершенно различные задачи физики и гетеанства, Штейнер попадает впросак..." "Штейнер бьется, как рыба об лед, пытаясь пробиться к разделительной формуле о Гете и о научной физике"*****.

Метнер:

Штейнер допускает не гипотетически, а аподиктически световое движение в пространстве.

Метнер:

Штейнер утверждает, что свет нам дан в непосредственном восприятии.

Д-р Штейнер:

"Многообразие коренится в многообразии мира рассудка. Тут освещается нам и различие в развитии научных методов"*

Д-р Штейнер:

"Тем отличаются процессы природы от действия человека, что... закон рассмотрим, как служебная подоснова бытия в явлении; между тем как при этом само бытие — закон". "Это есть действие свободы"***.

"Действовать по собственной воле, значит — действовать из любви"****.

Д-р Штейнер:

"Гете начинается там, где физика кончается".

"Совершенно поверхностно... говорить об отношении Гете к Ньютону и современной физике и при этом не думать, что это две совершенно разные вещи"*****.

Д-р Штейнер:

"Колебания эфира суть... образы... которым должно соответствовать... какое-то бытие по ту сторону содержания восприятия"*****.

Д-р Штейнер:

"Свет, как таковой... не видим"*****.

* GNS. II Band, XXXI.

** PoГ. 119.

*** GNS. II Band, XLV, XLVI.

**** GNS. II Band. XLVIII.

***** PoГ. 122.

***** GNS. III Band, XXX.

***** GNS. IV Band, Z. A. 12.

***** GNS. III Band, 219.

Метнер:
Представление света метафизично
у Гете.

Д-р Штейнер:
"Свет и тьма... у Гете следует брать,
как... духовные сущности"*.

Все.
Четвертая глава мной разобрана.

§ 143. Толчя

Глава пятая**.

Можно ей посвятить не один десяток абзацев; и — можно заняться: перечислением толков; их все перечислить; их разбор — толчя: автора и меня на затронутых, разобранных темах. В первом заявлении для автора ново: д-р Штейнер от витализма отмежевал Гете — правильно; но, конечно, запутался; в чем запутался — понять невозможно. Автор брюзгливо касается воззрения Гете на силу; вне понятий о ней понятие организма у Гете: назидание перебивает брюзгливость.

Д-р Штейнер Гетеву понятию "о р г а н и з м" посвящает 74 страницы петитного шрифта; и — серию комментариев. Автор, их не прочтя, раздражается выкриком: Гете —

— "осудил... всякую монистическую путаницу"
(даже делающую куда-то шаг вперед от витализма)***...

— Автор "кому-то"
за "что-то" "куда-то" грозитя. "К т о" — д-р Штейнер. "К у д а" и "з а
ч т о" — неизвестности.

§ 144. В который, в который!..

Страница сто тридцать вторая.

В который раз! — обвинение: —

— Акритический д-р Штейнер (в кото-
рый раз!) не знает (в который раз!), что механика ограничена критицизмом;
примитивность в понимании механики — твердит себе автор — явствует из
места его книги о Гете.

По отношению к закону (между прочим, механики), д-р Штей-
нер — в который раз мне ссылаться на это? — выражается так: —

* GNS. III Band, XXIX.

** РоГ. Витализм, эволюционизм, механицизм и метод Гете, 129—163.

*** РоГ. 131

— "Его значимость... может только быть методической значимостью"*.

И в который раз — напоминать: что механика ограничена "критицизмом", д-р Штейнер осведомлен; двадцатилетием ранее он писал: —

— "Марриотт впадает в ошибку... математических физиков: линии в пространстве... считает он образом сути реальной".**

В который раз!

Упрек испаряется автором после абзаца о силе: Гете противопоставил понятию "организм" понятие "сила". Д-р Штейнер де смешивает "силу" механики с "жизненной силою". Примитивность в понимании механики явствует де из 196-й страницы GW.

На странице 196-й GW. заканчивается глава; на этой странице напечатана всего одна фраза.

И — вот эта фраза:

— "К механическим представлениям прибегает Гете постольку, поскольку ему позволено это путем наблюдения".

Указано: отграничение механики от физики собственно — в физике Гете, согласно таблице градаций (Гетевской, а не д-ра Штейнера).

Детальное объяснение этого пункта встречает нас: —

— в вопросе о том, что есть: 1) наблюдение, 2) механика, 3) ее отношение к физике, 4) опыт.

Прежде чем разрешаться от бремени чреватými фразами, носящими вид приговоров, следует знать, о чем пишешь; иначе фразы обрежут баранную перепонку — сотрясением воздуха.

§ 145. Петье перепевы: песен, петьх не раз...

Дальше — петье перепевы: песен, пропетьх не раз (д-р Штейнер — осмысливает, дарвинизирует, геккелирует Гете — вне эволюций), — песен разобранных; снова петье перепевы (естествознание вне Гете, протофеномен — идея, Аристотель, физика, Гете — отграничены друг от друга) — перепевы песен, пропетьх не раз.

Все — разобрано мною.

Новое — туманнейшее рассуждение о простоте и о сложности и музыкальная аналогия к затронутым темам.

Стоит ли разбирать? Думаю — нет.

Вот и все, что есть в главе пятой: шестая, восьмая — разобраны и остаются: седьмая, девятая и первое приложение.

* GNS. II Band, XXXI.

** GNS. IV Band, E. A. 316.

§ 146. Усталости "русского штейнерианца"...

В приложении первом трактуется "о к к у л ь т и з м". Помню, когда-то по адресу возникавших "Весов"⁴³ газеты писали, что сотрудники возникавших "Весов" появятся на улице в вывороченных наизнанку одеждах; тон автора по адресу "о к к у л ь т и з м а" сторонников д-ра Штейнера (сторонников вообще и сторонников русских) не отличается от когда-то бывшего лозунга: "Бей". Бывшие декаденты теперь — писатели русские; их уж не бьют, но лозунг остался: стариннейший лозунг!

Тешрога поn mutantur⁴³.

Учение д-ра Штейнера названо: "светоносный импульсизм". По поводу "духовного ока" и "света" — целая арлекинада гримас; на приглашение публики к оплеванию и заушению "декадента" люди серьезные некогда давали совет писателям русским молчать: отвечать было бы недостойно.

Автором выворачивается у русского штейнерианца "н у т р о"; и приглашается публика: посмотреть, что там делается; модные психиатры когда-то читали доклады подобного рода о русских писателях. "О к к у л ь т и з м", подвергаемый медико-психологической экспертизе публично, — что может он сделать? Молчать. Русские "штейнерианцы" автору на "окультизм" не ответят: я последую их примеру: обхожу молчанием "з а к л ю ч е н и е" и "п р и л о ж е н и е п е р в о е".

§ 147. Символизм

По поводу "символизма" замечу.

О символизме в России более других писали: Вячеслав Иванов и я; символизму автором до сих пор не посвящено специальных исследований⁴⁴, "символизм" — специально мобилизирован против д-ра Штейнера и "русского штейнерианца", с "символизмом" более чем знакомо.

Автор помчался навстречу некоторым из "символистов"; поучение "символистам" о "символизме" — должно быть безупречным: "символизм" должен быть дан отчетливо: о "символизме" все-таки книги есть.

"Символизм" есть: или определенное направление, или "слово", употребляемое любым писателем в произвольном и случайном оттенке; направление "символизма" — направление начала XX века; "слово" же старо, как мир; и взятый в "слове" символизм — торичеллиева пустота⁴⁵; принятие символизма, как суммы всех заявлений о символе, пусто, как... "слово". От какого же "символизма" выступает наш автор: от "пустого слова" или от направления?

По-видимому — выступает от слова.

На одной странице под символизмом им разумеется символическая представляемость Канта⁴⁶; на смежной — центральный символ религии⁴⁷; ранее фигурирует: плю р о - д у о - м о н и з м; и позднее — выражение Гельмгольца: "Ощущения органов чувств суть для нас...

— только символы¹⁴⁸. Символизмы — познавательный, метафизический, физиологический, религиозный — смешаны в одну кучу: методическая градация их и вовсе отсутствует.

В свое время писал я: —

— "Мы должны отличать понятие о Символе, как пределе всяческих познаний и творчеств:

- 1) от самого Символа (Символ непознаваем, несотворим, всякое определение его условно),
- 2) от символического единства,
- 3) от нормативного понятия о ценности,
- 4) от методологического понятия о ценности,
- 5) от образа Символа,
- 6) от центральных символов религий,
- 7) от символических образов переживаний,
- 8) от художественных символов*.

И далее я писал: "Сам Символ, конечно, не символ; понятие о Символе, как и образ его, суть символы этого Символа; по отношению к ним он есть воплощение"¹⁴⁹.

Выражая в иных терминах: метаморфозы идей в проекции понятий и модификаций "точной фантазии" Гете — проекции прототипа, как символического единства. Параллелизируя метаморфозу идей (Гегель), метаморфозе растений (Гете), д-р Штейнер в сущности разумеет все то же.

О Гегеле я писал: —

— "Метафизика Гегеля обосновывала тройственность.; основания метафизик Фихте, Шеллинга, Гегеля понятны". И далее: "Вместо того, чтобы понять символизм всяческой метафизики, они всяческий символизм... выводили из метафизики"¹⁵⁰...

Сколько усилий было положено "символистами", чтоб "символизм" от метафизики отграничить; автор, в лучшем случае, тащит "свой" символизм — в метафизику; в худшем случае его сразу сажает — на четырех несоизмеримых китах: на теорию знания, метафизику, физиологию и религию, вместо того чтобы дать градацию символизма. Установлению градации я посвятил шестистраничную книгу: автор ее не читал. Автор взывает к "символизму критическому"¹⁵¹,

Одиннадцатилетием ранее я писал: —

— "Сколько бы ни нападали на трансцендентальную аналитику, мы — символисты — считаем себя... законными детьми великого кенигсбергского философа"¹⁵².

* Символизм⁴⁹, 132.

** Символизм, 133.

*** Символизм, 96.

**** РоГ. 190.

***** Символизм, 21 (статья "Критицизм и Символизм", напечатанная в "Весах" 1904 года).

Тогда же оговорился я: —

— "В познании идей мы имеем дело с познанием интуитивным", — то есть я говорил в духе д-ра Штейнера, — ..."символизм, рожденный критицизмом, в противоположность последнему становится жизненным методом", — то есть я утверждал "становление", — "одинаково отличаясь и от догматического эмпиризма, и от отвлеченного критицизма преодолением того и другого"

То есть: я утверждал в духе д-ра Штейнера, когда этот последний двадцатилетием ранее пишет о Гете: "Гете различает три метода... Первый есть метод общего эмпиризма... В противовес ему рационализм образует следующую... ступень... Тот и другой метод считает односторонностью Гете"***... Тогда же прибавил я: —

— "В этом" — то есть в преодолении эмпиризма и критицизма — "и заключается переживаемый перевал сознания".

Двадцатилетием ранее д-р Штейнер прибавил: —

— "Оба пути, общего эмпиризма и рационализма, суть для Гете лишь проходимые пункты"****.

Признанием связи с Кантом "культурного символизма" последний я не приклеивал к Канту, как многие полагали ошибочно, а утверждал необходимость разбора Кантова строя мыслей русскими символистами; и Гете ведь "тактически" стоял: за кантианскую партию; признает значение Канта, как творца теории знания, и д-р Штейнер. Признавая связь с Кантом, тем не менее я писал — двенадцатилетием ранее: —

— "Афоризм... — мост к символу. Этим мостом шел Ницше от критицизма к символизму. В афоризмах зерно — символично, а внешность — разумна... Учение с выходами в символизм имеет несколько зон понимания. В нем уже есть внутренний путь"*****...

Писал — приблизительно в то же время: "Познаем идеи, возводя образ к символу... Тень идей — понятие"*****. Писал: "Идеи — проявление божественных начал; ...идеи отождествлены с девятью ангельскими чинами"*****. И писал д-р Штейнер: —

— Афоризм "это — форма, которую выбирают часто на высочайших

* Символизм, там же.

** GNS. II Band, XXXIX.

*** GNS. II Band, XL.

**** Арабески⁴⁰, 230. Статья "Критицизм и Символизм", напечатанная впервые в журнале "Мир Искусства" 1904 года.

***** Арабески, 239.

***** Арабески, 122.

вершинах”*. ”Истины, принадлежащие к целой системе воззрений... понимаемы правильно для того, кто ознакомился со всем... кругом воззрений”**.

”Истину признают лишь тогда, когда... ее постигают в ее восстании в индивидууме”***.

В проникновении символическом мы, по д-ру Штейнеру, ”бесконечное постигаем воистину”****.

И говорит д-р Штейнер: —

— ”Можно знать, как в смысле Канта, границы возможного познания здесь перейдены... — и все-таки, вопреки всему этому, даже... поэтому именно, за собой признать право написать подобную книгу”*****.

И утверждаю я: —

— ”Мудреца повлечет за иными мыслями... Существенное отличие между ним и дураком заключается в том, что и дурак говорит умные вещи, но при этом кажется глупым”*****.

Еще печальнее положение того, кто перечит: ”Перечителъ” — несноснее всех. С автором я поэтому более ”препираться” не стану; и — закрываю полемику: довольно мы прекались.

§ 148. Толстый томик

Рубрики и подрубрики, дробящие нападения автора на многие сотни отрядов, — насквозь однородны; однородно несетя за текстами д-ра Штейнера высокоталантливый автор, скандируя обвинения на одинаковый лад. Не попадает, а... — дразнится и создает каламбуры; в залы научных собраний каламбуры не вносятся, не становятся осью объемистых книг; но в объемистой книге о Гете, трактующей д-ра Штейнера, каламбур теряет всю соль; из окна Академии апеллировать к улице, в Академию перетаскивать улицу — значит, выйти на улицу.

Пишучи свою книгу, уважаемый автор не выговаривал мысли, а раздраженно выкрикивал мысли, и в пылу раздражения позабыл, что пятьсот тридцать оснований к пятистам тридцати обвинениям — остаются у автора в голове: рука, опередивши последнюю, пролилась раздраженно чернилами, и — толстый томик есть крик, подлежащий детальному описанию и отклонению путем беззлобного смеха (крик заражает читателя). Опровержению, серьезно, — нет места.

* GNS. IV Band, E. A. 103.

** GNS. IV Band, E. A. 127.

*** GNS. III Band, 515.

**** GNS. III Band, 321.

***** Ср. OT. 15.

***** Арабески, 239.

ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

Введение

I

В этих воспоминаниях я пишу о докторе¹ Рудольфе Штейнере только как о человеке; не об индивидууме, а о личности²; я изучал материал его текстов; и я знаю: касание к ним есть огромнейший труд, долженствующий внятно раскрыть его методологию, его теорию знания; в них с беспримерной логически неопровержимой смелостью дана нам база огромной системы; но труд — лишь введение к трудам, посвященным его философии культуры, теории сознания, психологии, эстетике, философии истории и философии религии; в распоряжении моем нет спокойных годов (нет свободных часов!); философские мысли его дали некогда импульс мне и наложили печати на все творчество, двигая им четырнадцать лет; и тем не менее: я отдаюся не им.

И хотя я не знаю еще сочинения, в котором бы отразился весь абрис его многогранных воззрений, однако не нам, современникам, выпала участь теоретически их отразить; пусть же очерк его философии зреет в годах; этот факт не смущает; теперь еще ученики его, или философы, холодно, со стороны глядящие на систему его воззрений, дать еще и не могут подлинного отражения воззрений; библиотека книг, посвященных Рудольфу Штейнеру, будет расти. И пока есть надежда, что весь материал текстов дан (может быть, библиотеки в скором будущем и погибнут) — пока есть надежда на текст, — будем ждать: через десять или через сто лет, — так найдут понимание и отражение картины воззрений его.

Вот что не отразится, — так это личность, если она не будет сохранена в воспоминаниях тех сотен и тысяч лиц, которые остались ему обязаны; если они не закрепят своих воспоминаний о нем, как бы им ни казались бессмысленными все усилия их отразить искрой огненный сверк этой личности, весь материал для живого восстания силуэта Рудольфа Штейнера для будущего пропадет. Вот что было бы преступлением перед человечеством, перед всеми теми, которые сами придут к нему в будущем. Долг его видевших хоть что-либо закрепить из того, что когда-то в их душах родило волнения преданности, удивления, любви.

Только уважение и только благоговение будет подсказывать лукавые мысли: "Где мне отразить в воспоминании все то, чем нас волновал доктор?" Но *любовь* переступит через такое "только"; иным отразится она: "Более чем кто-либо знаю: не мне закрепить этот лик, точно сотканный светом, игрою лучей; его отразить на бумажном листе — дать: пустой вовсе лист; и наверное знаю: десятки исписанных мною листов суть пустые листы; в них чернила невидимы; закрепление "*воспоминаний*" — лишь град восклицательных знаков, эпитетов выспренных. Может быть, в сотой странице останутся все же намеки на жест этой личности; ими оправданы груды сырых и пустых материалов, всех записей (всех нас!); из них наберется десяток, — другой полноценных страниц; история их отберет; сквозь дымку возникнет живой его лик".

Не удивление, нет, не обязанность и не согласие с "*мировоззрением*", меня подвигает к сырью материалов моих, а — *любовь: лишь любовь!*

До сих пор, вспоминая года, проведенные около доктора Штейнера, вздрагиваю: и в душе — угловатый, смешной жест горячей любви, а не сентиментальности, требующей "совершенств"; любовь — мучит, волнует, живет, исторгает подчас восклицания горечи, непонимания! Спрашиваю я себя: с чем сравнить это чувство? Сравнение — одно: так же я люблю мою Родину; эта любовь исторгала когда-то во мне слова горькие, когда судеб моей родины не понимал я. Тогда я писал:

Туда, где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезая в пространства, исчезая
Россия, Россия моя!³

И тем не менее через 10 лет я писал о России:

Люблю, люблю, люблю!⁴

Чувство родины все же не имеет в себе человеческого объекта; в сыновней любви к доктору Штейнеру изживаю я конкретную любовь: от человека к человеку; и мне стыдно стыдиться естественных чувств и застегивать пуговицы сюртука своего; мало чем могу я гордиться: ряды окаяств своих вижу я с трезвостью; но в любви к родине и в любви к доктору Штейнеру может быть и все оправданье мое.

Так что легко отдаюся я долгу моему: из *любви и свободы*, в этих понятиях, едва сочетаемых, путь к осознанию которых — мучительность теорий, дан выход наш к цели культуры; загадана в нас — десятая иерархия *любви и свободы!*⁵

Что такое *свобода*, — мы смутно чуем; но утвердить это чуенье даже на час не умеем; любовь вовсе смутно несем: но идем в воплощениях⁶ к осознанию смутного чувства.

Лишь встретившись с личностью доктора Штейнера, тридцатилетний, я понял, что я не ведал свободы, не ведал любви, ни тем более их

сочетания; а я писал о любви; и писал о свободе; писатели, мы, — ни любви, ни свободы не знаем там именно, где проявление слов выражает себя в жизни личности; а переживания "ясно" холодных голов и пылающих чадно сердец, — ни любовь, ни свобода; любовь в свободе, свобода любви — пыл ума, уже погруженного в сердце⁷.

Встреча со Штейнером была мне впервые встречей со *светом тепла*, давшим пусть только миги знаний; те миги, — основа пути "Я" в извечном. И коли я погас, то хоть был переполнен теплом, ощутив низлетание ясности зрения: в сердце; а коли был, значит — *буду*: раз вспыхнувшее — не угаснет.

И потому я, окидывая свое прошлое, в нем вижу будущее; и с решительной простотой убираю я всякую гнототику только "ума", или "сердца".

Я знаю: не отразить "лика" личности; мои 300—400 страниц — для того, чтобы история извлекла из них несколько строк; но не знаю я, что извлекаемо; и валю без разбора все, что вспомню; то — краски на палитру: будущему "*историческому портретисту*"; то — капля среди капель; уверен: валю я "сырье" вместе с сотнями воспоминаний, написанных сотнями из многих тысячей, живо общавшихся со Штейнером: систематическое посещение его лекций⁸ есть это общение; стало быть: каждый из слушателей загружен материалом; материал этот пишется, или написан, или будет написан.

Не мыслю, что этого материала не будет; что ложное самолюбие, ложное уважение, или ложное самоковыряние лишат человечество материала, воспоминаний к отбору истории нужных страниц; потому-то: все знавшие Рудольфа Штейнера долг свои исполнить — обязаны!

Это знаю я головой.

Сердце подсказывает и иное: поставить перед собой его образ; и вновь пережить его: "пылко"; для тех, кто вступал с ним в общение, все есть предмет закрепления без выбора и без оценки: ведь личность Рудольфа Штейнера была такова, что просто не разбираешься, где больше всего отразилось в мелочи сверканье непередаваемых его жестов: с кафедры, в интимной беседе или в пыльном сарае среди ящичков и стружек строящегося "*Гетеанума*"⁹, в шутке или в изречении.

Чувствую косолапый зуд: забыв о "*парадных*" словах, пиетете, несостоятельности, поскорее схватиться за черновик; в эскизных альбомах художников вляпаны прямо, без всякой системы: здесь дерево, пересекающее кое-как схваченный профиль, глаза, нос, или — очерк безликий, и т. д.; эмбрионы линий, портретов, орнаментов; после художник уже выбирает, что нужно ему.

Ландшафты воспоминаний моих переполнены: и одной трети я не берусь охватить: то, это; и важное, неотразимое, и мелочи; но я заранее говорю: мелочи передать всего легче.

Так я пишу: это только эскизный альбом; и пишу из свободы (охота здесь пуще неволи); пишу из любви, как опишется: вовсе бесчинно, бесстыльно; картина ж восстанет в отборе лишь сотен воспоминаний, меня

поправляющих и дополняющих. Мне же напяливать на материал раму выставочную и смешно, и нелепо.

Вот что разрешает меня в непредвзятость; системы в записях моих быть не может; *"систематизировать"* личность Штейнера — где мне! И коли в сырых материалах есть главы с заглавиями, так потому это, что сами главы — разделы: для пауз; не высъпашемы без разделов потоки страниц. Все заглавия совершенно случайны; не могут служить они гранями тысячегранного. Каталогизировать Штейнера в *"проявлениях"* — значит дать сотни глав; эти грани составятся из сотен воспоминаний сотен людей, а вовсе не из моих.

Главные моменты воспоминаний — *незаписуемы*; тут любовь и знание, что все о нем должно быть сказано, уже отстают: *доктор Штейнер начинал говорить в сердцах тогда именно, когда уже все слова бывали исчерпаны.*

2

Миг первой встречи с Рудольфом Штейнером¹¹ поднял в душе моей уже тему воспоминаний, встречаясь с мигом воспоминаний; когда ушел в Вечность он, я, вспоминая его, понял, что первый миг встречи сказался во всем, что мелькнуло в годах.

Идеология, — к ней уже шел я неверными очень шагами; в страну его мыслей; до встречи с ним; позднее лишь вычертилась проверка, критическое осознание идейных согласий своих. Идеология сказывалась и после, и до первой встречи; не ею определялась воля моя; весь размах его деятельности и все бывшее в последующих годах — сквозь все это для меня вырстал он; усугублялись смыслы его указаний.

В миг первой встречи все то, что раскрылось в годах, — еще немо таилось; слова потерялись; и не было вовсе риторики чувств; то, что я пережил, было волей моей; из свободы совершить некий акт; он совершился стремительно, но как-то мягко, без всякого катастрофизма; катастрофизм был и после и до; *"до"* я жил в перманентной катастрофе — от осознания выветренности и идей, и словес, составляющих быт нашей жизни в России. — *"Не то"*, — говорил я себе, углубляясь в весьма интересные книги, общаясь с весьма интересными личностями; я не мог до конца сказать *"да"* никакому течению из слившихся себя строить конкретно; я ждал годы томительно до осознания пути своего; и конкретно своей мысли не мог провести в свою волю; и воля, цветок не раскрывшийся, молча росы ждала, чтобы раскрыться; меня упрекали в безволии там, где из частичных согласий с идеями делалось заключение и о совместном пути; так что *"безволие"* мое было волею к трезвому, вполне *свободному* выбору; вдруг, как бы основа самой моей воли, раскрылась во мне от сознания, мгновенного, как от сияющей солнечной теплотой капли росы, павшей в душу мою; из ума моего от всей трезвости, устойчивой в годах жизни.

Потом стало ясно, что воля — введение сознания в слепое начало, которое в осязании извне считаем за волю в себе.

Этот акт сознания прозвучал в слове, в коротком: "то", "да". Инстинктивно же произносимое мною в годах "Нет — не то" (Соловьеву, Бердяеву, Блоку, Э. Метнеру, Канту и Риккерт, и "окультизму", и механизации, общественности, теологии, иль "теософии" и т. д.) — было формой борьбы моей воли за путь, за свободу, сжимаемую здесь формальными императивами "долга" (одной головой), здесь лечением "чувства" слепого. Но деятельность из "влечение", или из убеждения абстрактного, уж исчерпалась во мне; и над нею стояло: "не то".

В годах ждал я своей резолюции: "да".

О том чаемом "да" я писал за три года до встречи со Штейнером: "Все, чего добиваемся мы в творчестве, само по себе не имеет ни смысла, ни ценности. Обыденная наша жизнь? Но ее расплывает наука. Пылинки жизни? Но они игра нашего познания. Познание? Но оно — в долге. Долг? Но долг в творчестве. Творческая форма? Но ее ценность в процессе созидания. Созидание форм? Но оно в превращении себя в... подобие богов. Боги? Но они — эмблемы иного. Тут слетают с нас все сшившиеся нам сны: бытие, наука, познание, искусство, религия, этика, теософия... мы... в абсолютной пустыне... и по мере нашего погружения безмолвие посылает нам голос: "Это — я"... В нашей воле сказать: "Нет ничего". Но мы — не слепые: мы слышим музыку солнца, стоящего ныне посреди... души, видим его отражение в зеркале души небосвода; и мы говорим: "Ты — еси!"¹²

Все, что я подытожил в лирической этой цитате, как резюме, к чему чалил в основах глубинных моей еще ждущей раскрыть себя воли, совершилось мгновенно, но мягко; и я сказал: "То!"

Знаки этого сбя-раскрытия — две ярко-солнечно сияющих, теплых, меня увлажняющих капли, — два глаза из тьмы темно-синей; тьма — фон закавашиной синей материей комнаты; из этой сини мне выступил очерк фигуры, входящей медленно в полное освидания помещение кельнской ветви¹³; то Штейнер; два глаза — один только миг на меня обращенные; и — "тут слетают с нас все сшившиеся нам сны", и "слышим музыку солнца, стоящего ныне посреди... души" (Символизм)¹⁴.

Это солнце — свободно раскрытая воля; "ты — еси"¹⁵ — вот это слетело с души: и к себе самому, и к еще незнакомой мне личности, вставшей из синего мрака, чтоб это отметить во мне; и отсюда уж: "Где двое так стоят друг перед другом, самое "Я" есть не я, а — Христос!"

Вот нечто от акта во мне: в миг свершившейся встречи с глазами.

Не было еще воздействия, или симпатии, иль антипатии (чувства), или согласия в идеях, иль в них расхождения.

Душа ждала годы, придет этот час; он — пришел!

Так первый миг встречи поднял тот тезис, который остался последним во мне: "Штейнер говорит в сердцах тогда именно, когда все уж слова исчерпались". Последующее — мотивировка из опыта этого априорного положения.

Теперь, после лет, ряды встреч подытожены лозунгом этим.

Я писал о той встрече уже¹⁶; и ужасно: я сравнивал явление Штейнера мне с появлением "эльфа"¹⁷ (безвкусица!).

Мог бы о встрече писать так и сяк; полнота этой тихой минуты раскрылась в годах мне в безмерность проекций; да, да: выступанье из синего мрака прохода напомнило образование легкой, серебристой туманности или — пятна лицевого; еще за секунду я думал: "*сейчас войдет Штейнер — оттуда вот*", — (чь-то глаза выжидательно повернулись в проход, завешенный синим); и тотчас: сквозное пятно лицевое с едва выступающим юношеским черным очерком: был в сюртуке; был повязан "тем" галстуком, виденным мной столько раз на портретах, которые знал и любил; но один был особенно дорог: три года он жил у меня: изучал я гравюрой штрихованное лицо, как иглою Гольбейна; я знал черч морщин, странно строящий великолепный рельеф.

Выступление из синевы серебристо-сквозного лица без единой морщины — портрета тут не было: не было Штейнера — мужа; была невесомая легкость безлетности с юностью еще сравниваемой кое-как; вот отчего и слетело когда-то с пера моего неживое сравнение с "эльфом", что значит: не "муж", не "водитель", совсем не "учитель", не "доктор", а — нечто, гласящее жестом о танцах планет; не к Бальмонту неслись мои детские строки:

Говори о мирах,
Завертевшись в танцах¹⁸

Они относились и вот этому вот "существо"; и отсюда же — легкость: не человек, а сам ритм, ставший образцом (все, позднее изжитое мной эвритмически¹⁹, было дано — в этом миге); поэтому и все сравнения мои с Заратустрой, который, по Ницше — "плясун легконогий"²⁰. Еще: афоризмы из Ницше сцепились в один, когда я уж позднее искал аналогий: "символы не говорят: они только кивают без слов"²¹; и — мысли, несущие наиболее сильные вихри, "ступают на голубиных шагах"²². "Ты — еси" и легчайший ход шага — вот, если хотите: вспых мига встречи: ведь не отделишь это всплытие пятна лицевого, глазами нащупывающего уж нас, от приближения легкой походки: шел медленно он из прохода, здороваясь и оглядая ряд стульев; а мне казалось — несется, и — выступило сразу лицо из синевших тканей: он — вошел в лекционное помещение (уютное); я — поразился несходством с портретом: казался мне меньше, гораздо моложе и тоньше, чем я представлял; вот его легкий нос; от освещения — бледные щеки; гладко причесанный, вымытый точно, круглеющий контур его головы; и голова, нос, и руки, и талия, пальцы — все легче, изящней, изысканней, вместе с тем проще портрета (с портретом стал схож только вечером он, в электрическом свете, на лекции для посторонних).

Та легкость его — впечатленье моральное. Я все побаивался "мудрецов" и "наставников"; даже в минуты искания руководительства себе говорил: "Это — невероятное дело; когда весь мой жест до сих пор: на учебу

ответить дерзкою выходкой"; всякий мудрец мне казался исполненным "духа тьгот"; "тьготы" я не мог выносить; "язычок" не высовывался; все же жест "язычка" шевелился в моем подсознании, когда я видел "мудрецов": это воля моя отрицала согласие на руководство; а долг говорил мне подчас: "Ты многого не знаешь, что знает неведомый кто-то, кого ищешь ты". Подымалась тоска от уверенности, что, найди я этого искомого, "знающего", не сумею я взять от него ничего, потому что угонит меня от него мое: "нет, нет — не та!" И вставала картина "верблюда", весьма нагруженного правилами, превращающими и его, и меня в благородно-навьюченных²³.

И жили встречи мои с называемыми в просторечье "великими". Помнилась детская встреча с Толстым²⁴, отроческие с Соловьевым²⁵, позднее с Жоресом²⁶, с льодьями, кого чтил (мой отец²⁷, Л. И. Поливанов²⁸).

Уже со студенческих лет сочинял я мой миф об "ином мудреце"; его образ носил; его знал очень четко я духом души моей; думал же это — "мой" миф! И тоска о "родном мудреце" — брате, друге, учителе, весельчаке от великого подвига, — странно порою врывается в статьи мои: "Мудрец — это самый тонкий... Счастливый весельчак, серьезный и важный для тех, кто не в состоянии совместить мудрость с легкомыслием... Он мыслит свободно. Его мысль порхает. Это музыка... Лишь для избранных. Спадает с мудреца... Завеса равнодушия. Выражение эсгучего могущества и сверхчеловеческой нежности... затрепещет на засиявшем лице... и т. д."²⁹ Слова — символы: я разумел под веселием — свет горний, а под "легкомыслием" — ритм; в эти годы в сознании жило: "Художник... Не может быть руководителем, ищешь много руководителя... Сквозь трагический лик его... выступает новый лик, обретенный навеки... — лик, глядящий на нас с улыбкой мягкой грусти... сияющие черты утонченно прозрачны от радости, нежности, тишины"³⁰.

Так тоска по "родном" мудреце не давала покою; считал его мифом; и всякого, кого мудрецом называли, заранее я браковал.

Те же секунды, которые мне отделяли явление Штейнера из синих сумерек от появления его на кафедре перед букетом пурпуровых роз, были мне эпохальными, это тоска моих лет поднималась на кафедру, мне воплотив мой портрет: легконогого! Солнечный свет этих глаз из-за грусти, из муки, смеющийся муками мира: в глаза — мне!³¹

— "Еси"!

И основа, мне скрытая, воли — раскрылась: вошел образ лика души моей!

Собственно же говоря, — я увидел: себя, мной повеленного (идеалы, которые строили мы, — мы это: в будущем!); вот, встав на кафедру в пяти шагах от меня, стал он "ближним".

Это мгновение до первого слова и определило мое "ученичество", мне показалось, — о пусть простят мне иллюзию этого жалкого оформления кармы³²: "Здесь нечему вовсе учиться, когда так "легко": все последующее, что, как учеба, возникнет, уже прочтено в лейтмотиве: там, далее, — лишь

модуляции". Миги, которые с легкостью этою входят, — они несут силу будущих грохотов, светов, полетов, падений и терний! В Евангелии это отмечено: "Легкое бремя"³³; оно-то и строит свободу креста; *легкость и тяжесть* — продукты душевной антиномии; в духе их нет!

"Легкое бремя"! Понять его — значит: увидеть, как координация рельефа души изменилась мгновенно; тот факт, что я стал посетителем лекций, уроков, — есть следствие вставшего мне и самоочевидного факта: не нужно речей, клятв, долгов, всяких "пыжений", — ясно, понятно: так правда принятия антропософского импульса без колебаний свершилася.

Это явление из синей и бархатной тьмы было зеркалом высшего "я" человека; субъекция имажинации³⁴ наштамповала на зеркале: "тайну" всех лет моей жизни; и радуюсь, что я не стал размышлять; если в жизни не будет "бездумных" поступков, пожалуй, итог ее будет безумием; мудрость апостолов — вызрела уже без Христа; но сошел на них Дух потому, что за словом "За мною иди", — они шли³⁵. Ехал я на три месяца, связанный "делом" в Москве: и в Москву — не вернулся.

До первых еще слов меж нами уже предо мной стоял Штейнер в том именно, где все слова пересекались: теперь, в окончательном, в моем "ужсе", в осознании, лежит вся великая правда того "еще".

Меж "еще" и "ужсе" — слова, чувства, познания, ландшафты общественной деятельности, но круг их замкнут. "Ужсе" и "еще" — во мне встретились.

И повторяю опять: он сильнее всего говорил тогда именно, когда слова ужсе были исчерпаны.

ГЛАВА 1

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ДЕЯТЕЛЬ

"Понимание какой-нибудь вещи нужно почерпать не только из сказанного о ней самой, но и из многого такого, что сообщается о совсем других вещах... Существенное заключается не в одной истине, а в созвучии их". Рудольф Штейнер (Из предисловия к 3-му изданию *"Как достигнуть..."*).

"Мир объясняют не значением явлений, но воссозданием их в действии". Рудольф Штейнер (*Гетевские естественно-научные произведения*, IV том, вторая часть, стр. 343. Издание Кюршнера. Девяностые годы).

"Кто достигает всеобщезначимой правды, не понимает себя". Рудольф Штейнер (*Гетевск. ест.-научн. пр.*, IV том. 2-я часть, стр. 349. Девяностые годы).

"В целостной личности заложена правда". Рудольф Штейнер ("*Г. е.-н. пр.*", IV том. 2-я часть, стр. 349. Девяностые годы).

"Мне было бы приятнее всего, если бы мы могли антропософскому движению давать другое название каждую неделю; я знаю, что это вызвало бы страшный беспорядок, но все же это было бы мне приятнее всего... Для антропософского движения было бы... благотворно, если бы оно не имело... постоянного имени"... Рудольф Штейнер ("*Современная духовная жизнь и воспитание*". Курс, читанный в Англии в 1923 году. Издание 1927 года).

1

Доктор Штейнер как деятель, — но эта тема сознательно лимитируется моими воспоминаниями о нем, как о личности. Я ни в чем не характеризую его идей, их особенностей, их культурной значимости; когда-то разгляд его воззрений на Гете взял год жизни; и отразился книгою моею, превышающей 300 страниц*, не исчерпав и трети темы: одна характеристика его воззрений заняла бы многие сотни страниц, а разве "воззрениями" исчерпывается эта деятельность? Один лектор в нем — чего стоит;

---

* "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности".

сколько тысяч лекций начитал он! Один каталог с перечислением всей суммы прочитанных лекций разросся бы в том; эти лекции образуют заторы не приведенного еще в порядок стенографического материала; а организатор, а творец новых путей, а социальный реформатор, а... — обрывая себя... мимо всего того проходит тема моя; и если в моих воспоминаниях есть глава под условным названием "Рудольф Штейнер как деятель", то это лишь отметка *"темпа"*, а вовсе не характеристика деятельности; мелодий деятельности я не затрагиваю сознательно, ни тем более проведения их сквозь контрапункты; я делаю лишь отметку о тональности: *"ас дур"*, например: а не *"це моль"*...¹ Очень важно отметить: глубоко трагическая песня Шумана "Я не сержусь" — подана в *мажоре*²; и важно отметить: глубоко трагическая картина этой огромной деятельности проходила в *мажоре*, хотя этот трагизм был осознан: и — *мажор* был осознан.

Глава "Рудольф Штейнер как деятель" есть необходимая отметка личного темпа; и действия этого темпа на окружающих: не более.

И все-таки существуют неизжитые традиции даже в самом свободном письме, своего рода поговорки, припевы: у Штейнера был такой припев к лекциям: вставочные слова: "им грунде геномен"³ ("в корне взять"). Только таким припевом, формулой перехода к воспоминаниям о личности, являются и эти слова. И случайный перечень отметок в культуре этой деятельности.

Только как вводительная риторика к теме воспоминаний, а не сама по себе, она и фигурирует здесь, чтобы читатели не думали, что особенность деятельности — *"темп"*, а не его содержание; я заметил: как чего-нибудь не договоришь, так вырастает досадное недоразумение; не скажешь, например, *"днем светло"*, и подашь повод критику объявить: *"у него смешаны дни и ночи"*, а скажешь *"днем светло"*, — новое обвинение: "На полюсе не бывает темно".

Знаю, друзья критики (есть такие и среди антропософов), — сам знаю: оттого-то и пложу поговорки, пятясь, как рак, — не в тему, а от темы; написал на тему "Штейнер и Гете", — не прочли и обвинили: *"Это не антропософия"*. (Спасибо доктору, — отразил это *"не антропософия"*, отметив в одной лекции, что у меня *"ходы мыслей"* и что они *"нужны"*); не сделай здесь отметок о деятельности, — скажут: *"Андрей Белый субъективирует"*; *"ироническое"* замечание о себе, что *"интуиции"* мои не нашли точку применения, без оговорки, что их не ценю, что они — *"интуиции в кавычках"*, что могут быть и субъективные имажинации об интуициях и т. д., — вызвало ж замечание: *"Он противопоставляет себя Штейнеру, как имеющий интуиции"*.

"Глулость" и *"злость"*, сопровождая мои слова, вызывают оговорки почти в каждой фразе!

Среди бесконечных следов деятельности доктора Рудольфа Штейнера особенно говорящие мне лично (оговариваюсь — *"лично"*, т. е. не навязываю другим) отмечу иные, как оказавшие на меня большое влияние.

В первую главу: удивительная, никем еще до конца не понятая оригинальная теория познания. Данная в сжатых до скупости тезисах и в огром-

ном разбросе ретушей в ряде книг, статей, примечаний к Гете и курсов⁴, — она — материал для огромного сочинения, или ряда сочинений, Штейнером ненаписанных — за недостатком времени и за недостатком интересов со стороны самих антропософов; так он мне однажды сказал сам. И она до сих пор не восстановлена никем из его учеников. Значимость ее гигантская, не видная даже антропософам; ее корни — во всем: в интимнейших "Циклах", в плане постройки "Гетеанума"⁵, сквозь все разбросы деятельности вижу я верность основным сформулированным гносеологическим положениям; Штейнер 1894 года⁶ и Штейнер 1925 года⁷ как гносеолог, — верны себе, тезисы изменились лишь в том, что в модуляциях углубились; в свете их весь "эзотерический" материал вовсе не тот, каким он оказывается без овладения хотя бы основными нотами гносеологии этой. Рисуя изощренности своей "Ангелологии", Штейнер верен "истине и науке", и когда это забывают и отдаются мистике "нюхай" ангельских линий, он возвращает трезво к "истине и науке", хотя бы в учении о Михаэле, в связи с интеллектом и самосознающей душой⁸.

У Канта, например, теория знания не высечена из цельного камня: сопоставьте "Критику чистого разума" с "Третьей" критикой и вы увидите, что критики высекались из разного гносеологического материала, у Штейнера они высечены из одного⁹. В "Истине и Науке", в гетеанских экскурсах, в теории медитаций, в ангелологии и в "Пятом Евангелии" (курсе); "Пятое Евангелие" и "Истина и Наука" — прямая линия соединяет их. Вот в чем изумительность его теории знания: она — во всем, и все — в ней.

Лично я пробирался к этой теории знания долгим обходным путем, главнейшими станциями которого были мне: Шопенгауэр, Кант, Риккерт¹⁰; каждый из философов взял у меня штудиум лет; и только после этого штудиума я взошел к "теории знания" Штейнера; она не из пустоты; ее корни — история гносеологических воззрений; Штейнер для меня до сих пор — ее последний этап.

И уже, исходя из ее основных тезисов, он строит никем не объясненные, не собранные из серии экскурсов, но цельно данные в них и изумительные по оригинальности: учение о восприятии, объяснении, смысле, действительности и т. д., не говоря о богатейшей методологии наук и учения о "мировоззрениях", то данных броском, в лозунге (XXIII курс¹¹), то данных в скрупулезных подробностях (примечания к Гете), но без лозунговых обобщений; из контакта "лозунгов" с "ретушью" вырастает нечто изумительное, что способно логически оплодотворить в десятилетиях школу логиков и отразиться не в книжном "кирпиче", а в шкапе из кирпичей.

Штейнер-гносеолог открывает дверь в будущее: он крупнейший деятель в сфере чисто философской.

Другой момент его деятельности: он первый вскрыл Гете, и Гете встал во весь рост после столетия заштампования Гете визами всех прохожих мировоззрений, в результате которых ко времени Штейнера от Гете ничего не осталось; огромный сдвигатель осей философской мысли стал трудолю-

бывшим реставратором, посвятив *"реставрацию"* десять лет жизни, в результате чего Гете, как Феникс, вылетел из пепла штампов и оказался впереди нашего времени, перелетев столетия.

Сумма всего, написанного о Гете Штейнером, включая примечания и вводительные статьи к тексту, — огромна; по приблизительному подсчету, произведенному когда-то мной, она выразилась бы около 1000 страниц, типа страниц книги *"Геттес Вельтаншаунг"*¹². (Старого издания.)

К перечню деятельности Рудольфа Штейнера так называемого дотеософского периода относима бурная его деятельность, как талантливого, яркого публициста и критика, тоже пока не оцененная никем; прогляньте список его статей, заметок, рецензий, — и вы поразитесь обилию их, многообразию тем, им затронутых; от заметок о *"ледниковом периоде"* до смелого для своего времени провозглашения поэзии Рильке и Гофманстали (тогда — не признанных); *"гносеолог"*, *"геттист"*, *"кабинетный ученый"* — и пламенный публицист, критик, редактор, театрал, рабочий лектор. Уже один этот период вписал бы его имя, как крупного деятеля, в историю культуры.

А деятельность его, как создателя *"теософской ветви"* в Германии, — она едва ли изучена; тут прежде всего выступает *"генеральный секретарь"*¹³, организатор-практик, создавший в несколько лет из ничтожной кучки огромное движение, насчитывающее тысячи; и тут деятельность его одинаково бурна и во внешних сношениях с *"ветвями"*, как генерального секретаря Германии, и в думах о внутренней структуре фракции; этот период деятельности окрашен и тучами забот, и лавиной лекций, причем оригинальным в *"теософских"* лекциях Штейнера была свобода и независимость во взятии теософских тем по-своему, а не по-*"теософскому"* (в специфических смыслах) и решительность, с которой он отстранил *"восточный"* привкус идей Блаватской от своей *"теософии"*, которую не только терпели *"восточники"*, но и соглашались на нее, хотя он и тогда колебал основные лозунги Блаватской и в совершенно иной интерпретации тем *кармы* и *переволощений* и в переориентации самого центра *"теософии"* от Веданты к христианству¹⁴; оригинальным было то, что он *никуда* не входил и *ниоткуда* не выходил, развивая свое, а к нему пришли, его признали, его слушались, пока сектантские ноты *"канонической"* теософии не заставили его прервать этот *симбиоз*; не его *"ушли"*, а он заставил *уйти от себя* Теософское Общество в его целом.

И здесь, в теософском периоде, он оставался целен и последовательно верен себе, а теософы были вполне непоследовательны, совмещая свои *"веры"* с, например, гносеологическими его статьями, напечатанными в *"Люцифер-гнозисе"*¹⁵, в которых он проводил точку зрения *"истины и науки"*, в анализе теории знания, имажинации, инспирации, интуиции¹⁶; ведь от этого анализа затрещала бы по швам позиция *"восточной звезды"*¹⁶, уже гнездившаяся в недрах *"теософского"* эзотеризма.

Рудольф Штейнер говорил внятными голосом теософские *"ереси"*, а *"теософы"* — кланялись и благодарили его.

Взяв в целом стиль его воззрений и разглядывая специфически "теософское" оформление их, — видишь: Рудольф Штейнер вписал оригинальнейшую страницу в историю теософского движения, не будучи никогда "теософом" в узком смысле слова. Его "теософские" циклы доселе циркулируют среди теософов, а что в них... специфически теософского?

Оригинальность его, как деятеля, в истории "теософского учения" в том, что он вызвал из узостей "теософии" сотни теософов, растолковав им на специфическом жаргоне недостаточность "только теософии" вне культуры, как таковой.

И тут-то новая страница его деятельности: самая теософская схема в ее классической семерке истолкованием круга идей Штейнера ложится в основу небывало оригинальной философии истории и культуры, внутри которой — тот же гносеологический остов¹⁷. Философия культуры Рудольфа Штейнера — тоже рассыпанный в Экскурсах книжный кирпич, перед которым меркнут "философии культуры" а-ля Шпенглер, Риккерт и т. д. И в ней по-новому, критически, воскресает Гегель с его диалектическим методом; он вскрывает диалектику тройки в семерке, ибо семерка его — две тройки, схватившиеся в одном неповторимом, четвертом целом, как бы ни называть это *целое*, философски, пифагорейски, аритмологически или теософски; теологический, микрокосмический треугольник "плюс" диалектическая тройка; в связывающей их точке неповторимости в целом, вскрытом, как "Я" человека, и являющемся в антропософском взятии новым учением о человеке, в гегелианском смысле *синтезе*, как символе целого, и в теологическом смысле учением о четвертой, так сказать, ипостаси божества, как "божества" человека¹⁸, а не только "богочеловека"¹⁹ (в ритме извечности, как Логоса), или только "человекобога"²⁰, противопоставленного божеству; отсюда — антропософия, как оригинальная теология, история, феноменология духа, антропология, философия культуры, которой корень, — тоже логически неуязвимая теория знания и тоже согласие со всеми ее выводами (теорией восприятий, смысла, действительности). Изумительно оригинальным генезисом антропософских идей и вскрытием их как закваски импульсов европейской культуры пяти последних столетий Рудольф Штейнер вписал свое имя, как крупнейшее в истории культуры.

Особенность учения Рудольфа Штейнера о "Я" в том, что его не отделишь в одном отношении от биоэнергетической тройки (минеральная, растительная, животная природа), от исторической тройки (тезис, антитезис, синтез), от тройки способностей (ум, чувство, воля); а с другой стороны, его не отделишь от теологической и гносеологической извечной триады; обе триады пересекаемы в "Я" и вращаемы в Я: $3+3+1=7$. И это же учение в культуре раскрыто как учение о семи этапах, а в "ангелологии", как учение об участии семи иерархий в выявлениях человеческого "Я", как культурах, все исторические и ангелологические правые и левые тройки семерки ($3+1+3$) выводимы а priori из учения о "Я", вскрытого, как никогда не данная в истории теория сознания.

Рудольф Штейнер как деятель открывает новую главу в истории завоеваний культурных сфер: им открытую новую сферу я условно называю *"теорией сознания"* лишь по аналогии с *теорией познания*; теории познания в нашем смысле до Канта не было; той постановки вопросов о "Я", как культуре культур, до Рудольфа Штейнера не было.

Он деятель в сфере, до него не существовавшей: *"теории сознания"*, как дисциплины. До него история умственных культур — не знает.

А открытое им соотношение теории познания с теорией сознания выдвигает по-новому вопрос о культуре "Я"; в культуре индивидуального "Я" праксис сознания, включая теорию знания, сам становится теорией гносеологических праксисов; оригинальность Рудольфа Штейнера в том, что его теория знания в одной сфере имманентна медитативному праксису, а с другой — теории форм.

Отсюда невыразимо оригинальна его позиция, как *"духовного учителя"*; он первый в истории тип *"духовного водителя"*, которого руководство — в том, что он отрицает, как догматические предпосылки, все типы исторических *"духовных руководств"*, как предрассудков познавания и сознания; и деятельность его вписывает новую страницу в историю *"духовных и религиозных учений"*, не говоря уже о том, что эта страница революционизирует все до него бывшие представления о *пути посвящения*, но в этой революционной деятельности он оказывается, как в истории с Гете, реставратором основ христианства, заштампованных догмами с первых же веков.

Его теория сознания, его логика, его философия культуры, его антропология есть рассказ о Христе и об импульсе Христа в человеке так точно, как в другом отношении его теория знания есть вскрытие его же импульса Христа, но формулированная языком абстракций. Только в этом, новом, небывалом смысле можно сказать о нем, как религиозном деятеле, *христианин "пар жеселямс"*²¹.

По отношению к вскрытию христианства он вписал новую страницу в историю христианства: хотя бы единая в своем роде *христология* его, в свете которой объяснимы и углубляемы по-новому теория электронов, Бор, само строение материи; хотя бы единственная по глубине и богатству деталей *ангелология*, в которой *"зерно"*, брошенное Дионисием Ареопагитом, феноменологически раскрыто в *"махровую розу"*; одному лишь перечислению всего того, что нового вскрыл в христианстве Рудольф Штейнер, можно посвятить том; но все это *новое* — правильно прочтенное в евангельском тексте, реставрированном от штампов.

Сближали Штейнера и с протестантизмом, и с историческим гностицизмом: дешевое занятие! Можно сбить трубу телескопа с палкой в моменте *"цилиндричности"* того и этой; цена таким сближениям — ноль!

Яркие страницы этих деятельностей — разброс текстов книг 60-ти курсов, сотен лекций и т. д.; систематика этих текстов — энциклопедия, не написанная ни им, ни учениками; отсутствие ее — не умаляет его, как деятеля, наоборот, — подчеркивает. Вместо того чтобы дать в энциклопедии теоретически загаданную культуру, он творил ее: в праксисе культуры.

И отсюда уже неисчерпаемая тема: Рудольф Штейнер как деятель-практик, как творец фундаментов новой культуры, закладывающий камни ее, как динамитные патроны, взрывающие науки, искусства в опытах вынашивания новых подходов к многообразию наук и искусств.

И все, им сделанное тут, — неперечисляемо; в том, например, что он задолго до научной моды указал на роль желез внутренней секреции, впоследствии экспериментально доказанную, скрывалась конкретность его научно-философской базы; то, что вызвал к жизни новую культуру отношения к слову, к движению, к изобразительным искусствам, доказывает *"эритмия"* и новые стили художественной техники, им оплодотворенные; то, что он создал новые основы педагогики, доказывают более 1000 школьников* Вальдорфской школы²², о которой пишут и которой удивляются, которая воспроизводится в Германии, Англии, Голландии, Швейцарии; что его экскурсии и методы лечения имеют конкретное содержание, доказывает медико-терапевтический институт²³, что его поправки к пониманию быта религиозной общины ценны и дельны, доказывают блестящие свершения деятельности *"христианской общины"*, руководимой группою священников²⁴.

Все это то *"и конкретно"*²⁵ вхождение в жизнь культуры, взаимно, в машины, ремесла, искусства, науки и отрезало деятеля Штейнера от формального завершения своих теоретических деятельностей; в том, что он не писал *"энциклопедии"*, системы наук на основе духовной культуры, а выходил из кабинета в лаборатории, вынашивающие ее в опытах, и есть ценнейшая черта деятеля Штейнера.

И здесь-то деятель сплетался с живым человеком, с личностью.

И оттого-то я, касаясь этой личности, ее невыразимого темпа, считаю себя свободным от характеристики и оценки теоретической стороны этой деятельности.

Она лежит в стороне от этих моих *"воспоминаний"*. Здесь и отмечаю лишь *име из заслуг* деятеля, чтобы люди, поставившие себе целью ловить и подсиживать меня на словах, критикуя не столько смысл сказанного, сколько читая в моем сердце и толкуя о том, что мною не сказано, — лишь для этих людей написана эта оговорочная главка, которой — смысл: *"И я, бедный, знаю, что теоретическое содержание трудов "писателя" Штейнера немаловажно"*.

Сказал!

2

Внешняя жизнь доктора Штейнера пример назидательный: пример потрясающий; потрясение могло себя изживать лишь в двух крайностях *восторга и ненависти*; *средние* чувства в нас — сон; он — *будил*. Когда

---

* Ныне — многие тысячи.

будят *сплячих*, они пытаются внять будущему голосу, но не слышат слов его или же с досадой и бранью повертываются на другой бок.

Ненависть, которую возбуждал Штейнер, — переверт на другой бок; знаю стиль перевертов; доктор обвинялся в том именно, чем страдал обвиняющий. Можно было бы исписать десятки страниц на тему: "Доктор Штейнер и личности обвиняющих". Встает галерея знакомых (хорошо знакомых!) и даже друзей (близких друзей!); и — встают их личные обвинения; интересная тема, — кто, как и в чем обвинял Штейнера и кто, как и в чем в душевном смысле страдал; я много раз в душе писал такую работу: получались изумительные результаты; обвинения доктору оказывались карикатурами на подсознательные жесты души обвиняющих.

Штейнер был в теме *ненависти проявитель* душевных дефектов.

Восторг — понятен; но *невосторг* — неверный стиль отношения; в восторге изживала себя другая сторона: лишь готовность проснуться; но вопреки намерению — переверт на другой бок; со сном о том, что "*Я — пробуждаюсь*".

Доктору Штейнеру было мало восторга.

И ему была горька ненависть: он был к людям равнодушен; гиратическая *йога*, не внимающая толкам, была чужда доктору; он тут имел даже слабости, защищался, полемизировал — от равнодушия к людям, от конкретной любви к ним. Он хотел не кривых переверта на бок ненависти, или восторга, а — пробуждения: движения вперед; с ним вместе; он страдал от восторга, которым его, как струей кипятка, обливали, и от ненависти; под "*равновесием*" же не разумел он покоя сна; он звал к борьбе и покою; к покою в борьбе; к деятельности из покоя; равновесие, понятое, как *покой борьбы*, он называл *пониманием*; и ставил во весь исполинский размер проблему конкретного *понимания*.

Он был огонь борьбы с "*ненавидящими*", с "*восторженными*", с "*равнодушными*"; и он также боролся с обществом, им вызванным к жизни, как с обставшими врагами, не оставляя в покое ни друзей, ни врагов.

Не походил он на олеографию, с надписью "Посвященный". И вскрывал: в условиях нашей культуры тот образ — соблазн романтизма и утонченного шарлатанства; в его освещении традиционные "*учителя*" были учителями не "*понимания*", но "*тайнодействия*"; "*тайнодействие*" же было природой сознания в прошлом; сознанию открыта иная тропа: к *пониманию*; за него он боролся: с восторгами, ненавистями.

Новое знание — не балласт "*скрытых*" сведений, а — орган, в нас дремлющий; проблема *пути посвящения* в наши дни — есть путь овладения нами в нас вложенных, нам имманентных, познаний; а наше незнание этого — действие сна в нас: поверхность наша к прошлому под формой *восторженности* (религиозной, мистической, теософской); и под формой *ненависти*, или же равнодушия.

Ритм развития, вынужтый из нашей эпохи, есть — ключ, отпирающий нам "*теософию*", а не обратно, как думают "*теософы*"; не в Индии — ключ, а в Берлине, в Москве, в Петербурге, в Париже и в Лондоне: в обстановки фабрик, автобусов, лифтов, в гудении социальных вопросов.

Нравится ли это или нет, это — факт; на факт указывает Рудольф Штейнер всей жизнью своей и всей постановкой проблем. Тут и романтики, и материалисты испытывали нечто вроде припадка сильнейшего противления: под формой восторга, или ненависти отвертываясь от проблемы, им ставимой.

Курьезности и парадоксы *романтиков* вскрыты отчетливо Штейнером: если бы в мир пришел Будда, или Кришна, они — не оставили бы нам какой-нибудь "*Сутты-нипаты*"²⁶, или "*Гиты*"²⁷; произведения эти — неповторимо расцветшие махровые розы; но их мы пойдем не в цветении, а в понимании их возникновения из семени, которое — уже в нас; надо ощупать то семя и из него растить стебель, увидеть бутон; и на нем прочесть форму махровую "*роз*" исторических.

Дух "*теософии*" уличает Штейнер в восторженности и призывает на землю.

Многим хотелось, чтобы Штейнер — от них отстал; теософы указывали: "Он знаток Гете, ученый философ; не юг". Ученые часто брюзжали: "Вот, если бы он не был мистиком, тогда бы он был нам понятен в феномене опыта".

Многим несносен был Штейнер: в новизне им указываемого пути видели несовершенство.

Проблему этого "*несовершенства*" он сам разобрал в диагнозе роста семени, как закваски культур христианских; и в "*несовершенстве*" гремящего апостола Павла²⁸, увлеченного жалом; он указывал в проблеме этого семени на цветок будущих прекрасных культур, превосходящих "*Гиты*".

"Несправедливого", сердцем горячего Павла всем сердцем любил, понимал доктор Штейнер; и он понимал, как мог Павел казаться теперешним людям культуры — несноснейшим рационалистом, сократиком (Ничше)²⁹, или вовсе безумцем (Толстому). Он видел, что Павел хотел поднять семя огромного целого; до него — лишь в своих *половинках* являлась культура: в *Востоке* и в *Западе*³⁰; на Востоке достигли путей совершенств, но без внятности наших задач понимания; цельность такая — "*безумие*" для эллинов; а понимание римлян и эллинов этого времени, переходящее в односторонность рассудка, рассматривалось иудейским востоком, как только "*соблазн*"; Павел первый *безумию*, как и *соблазну*, явил образ целого.

В выявлении этом, в усилиях к выявлению был несносен он; был — непоседаю; уравновешенностям восточного юга и уравновешенностям философского грека-скептика противопоставил: неуравновешенность, как залог целого; вместо "*покоя*" (Востока) и вместо *борьбы* (или — Запада) выдвинул знамя: "*покоя борьбы*".

Вот корень к действительному пониманию непонимания Штейнера: со стороны "*христиан*", "*теософов*", "*ученых*", "*философов*" и "*окультистов*". Штейнер — весь: непоседа, сущая нос всюду, несправедливая, неравнодушная, борющаяся со всеми и всюду якобы "*терпящая крах*".

Но кто понял дух огненный Павла, тот понял и Штейнера: понял проблему его — проблему семян будущих еще не бывших цветов, застав-

ляющую предпочесть семена всему *равновесию* игов и утрированные "не-*равновесия*" современных культурнейших революционеров: сознания, мысли, морали, искусства.

Печатью огня и действительного "*понимания*" непонимаемой ныне и современной проблемы был весь пропечатан он: "*мыслитель*", "*уче-ный*", "*учитель*", "*иог*", "*маг*", "*окультист*", "*анархист*", "*сокрушитель основ*", "*канцлер ордена*", "*гностик*", "*культурник*"; и он — не укладывался в рамки этой словесности!

Павел был непоседа: и — Штейнер. Гремел — тот; и — этот гремел.

Но когда я читаю крик Павла о том, что для *всех был он всем*³¹, чтобы некоторых разбудить, — говорю себе: "О, я понимаю; ведь я видел Штейнера!"

3

Штейнер был — всем: спецом — техником (прекрасно знал физику и математику, теоретическую механику)³², историком литературы (ученик профессора Шроера), "*теософом*" (не он пошел в стан "*теософов*" — к нему пришли, давши мандат ему: от имени "*теософии*" говорить); он был кропотливым историографом Гете (работы его в направлении этом даже враги его чтят); талантливым лектором в вольном рабочем Университете, откуда "*ушли*" его доктринеры, к большому огорчению рабочих, ценивших "*лектора*"; критиком (литературным, художественным и театральным), учителем и воспитателем, организатором школ, теологом, вызвавшим к жизни среди образованных протестантских пасторов оригинальнейшую организацию; был драматургом, поэтом³³, философом; был — социологом³⁴, руководителем невероятных построек (построено два Гетанума им: из бетона, из дерева); он был ритмизатором энного ряда новых течений; он дал зретию, дал указания для подлинной революции сценического искусства (М. Чехов считает здесь спецом его): я его считаю спецом в подходе к слову.

4

Он — был всем для всех, чтобы некоторые проснулись для *понимания* культуры, как целого.

Знаю ответ, и склоняемый и спрягаемый во всех падежах и спряжениях: "Всезнайка, несноснейший верхогляд, не проникающий в глубину чего бы то ни было". Знаю несносность "всезнаек". Но... при чем тут Штейнер?

Человек учился всю жизнь; и знал больше многих, показывая, до каких пределов в наше время может конкретно расширяться человек.

На миф о его "*всезнаистве*" ответу: "Вы требуете, чтобы человек стал только *спецом*? Мы знаем опасность специализации, не уравновешенной живой общественностью; о "*специстве*" писали и пишут ужасные вещи: не

штейнеристы; на "спецах" согласны Ницше, Риккерт, Шпенглер, и социалисты, и — коммунисты! Немецкое геллертерство от *специзма* — притча во языцех!

Надо, чтобы человек знал специальность; но надо, чтобы он старался овладеть и кругом смежно лежащих знаний: Гете — не только художник; Леонардо — инженер; Вундт — окончил четыре факультета.

Человеку свойственно углублять специальность не в разрыве с культурой; только в этом смысле и был Штейнер всезнайкою; он не был "носом" без глаза; и "глазом" без носа; он имел — культурное лицо. Он "всезнайка" в том смысле, что окончил два факультета (философский факультет и политехникум); это — явление нормальное; "плюс", а не минус; это роднило его с великими натуралистами и гуманистами: таковы были Кеплер, Гете, Лейбниц, Декарт. Молодой человек с двумя факультетами за плечами, десятилетнюю специальной работой становится в ряду первых специалистов по Гете — где тут *"всезнайка"*? Явление это отмечают с удовлетворением историки наук и культур. Отсюда и "специальность" Штейнера: изучение *"естествознания"* Гете в связи с художественной деятельностью Гете; для работы по Гете ищется именно *"спец"*, который бы, с одной стороны, владел методологией естествознания, с другой — был бы "свой" в круге гуманитарных дисциплин; Шроер не находит никого иного, кроме Штейнера — для специальной цели; специальность — из специального его положения: человек много думал в сфере методологии естествознания и отмечен Шроером, редактором собрания сочинений Гете; он уже зарекомендовал себя: литературною и театральною критикою, в которой едва ли не первый отметил: Рильке, Гофмансталь и др. *"молодых"*, тогда гонимых.

Десять лет блестяще оправдали труднейшую, на него Шроером возложенную миссию. Не это ли экзамен, блестящий, на *спеца*? При чем же тут — *"дилетантизм и всезнайка"*?

Уж не педагогическая ли деятельность его — всезнайка?

Штейнер, сдав нашему сознанию экзамен на право быть "спецом", с юных лет вынужденный материальною необходимостью, стал практикующим педагогом: репетитором и воспитателем; блестящий опыт воспитания почти *"идиота"* в тип нормального человека³⁵ — более чем экзамен его на право числиться руководителем в проблеме воспитания и образования; далее: он читал ряд частных курсов, вел занятия с рабочими в рабочих кружках еще в прошлом столетии; наконец: его 25-летний педагогический опыт был с людьми засвидетельствован тысячами членов А. О., из них *"аз емь"* первый: могу засвидетельствовать, что *педагогика* доктора, им проявляемая на лекциях, на приемах учеников, на *"эзотерических уроках"* — единственна; в опыте формирования нас, не бравших в руки стамеску, в течение 2—3 месяцев, в резчиков, — разве не сданная магистерская диссертация на право быть *"спецом"* и тут: действительность вырезанных форм — факт; я помню — потрясенность швейцарских солдат, расквартированных в Дорнахе по случаю мобилизации, которых мы води-

ли по "Гетеануму"; впечатление от форм — не нечто так себе: не продукт гешефтмахерства всезнайки; но — знаю и то, что произведение рук наших есть переходящая все грани возможного педагогика, заставлявшая наши руки быть "руками артистов". Наконец эта педагогическая по существу работа группировки людей, ставящих свои судьбы под знак культуры, увенчалась и внешне педагогическим результатом, уже в книжке по педагогике, выпущенной далеко не штейнеристами.

5

Не довольствуясь двумя специальностями, судьба вынудила его выявиться и в третьей; специальность его, до него не бывшая специальностью ("наука" — не бывшая наукой); сформулированный им путь *духовного знания* в разрезе XX века. О таком знании еще тосковал Толстой, что его нет; стало быть: потребность в нем существовала. И *специальность* Штейнера, что он самую эту возможность выдвинул, как проблему *осуществления*. В том, что он был подготовлен (в смысле эрудиции и в смысле *духовного праксиса*) к этой специальности, явствует:

1) диплом, который ему выдали "теософы", ряд лет беспрекословно выслушивавшие, что он им говорил о *материале древних культур*;

2) диплом, которым является, — сумма работ, институтов, книг, журналов его учеников, среди которых встречаются спецы-врачи, спецы-художники, спецы-пасторы, спецы-математики, спецы-физики и т. д., как Нолль, Пайперс, Моргенштерн, Вейнгартнер, Риттельмейер, Бок, Бараваль, Блумель, Колиско, Стеффен, М. Чехов и др., но которые все, единогласно, признают его, так сказать, *профессором* в их усилиях провести реформу — в математике, в медицине, в искусстве, в физике; целая фаланга образованных культуртрегеров — *плоды* той проблемы, из постановки которой создал себе специальность Рудольф Штейнер; пусть ученики его еще идут; и даже: пусть они ошибаются; их выносит общекультурная тенденция антропософии: уметь трезво глядеть в опыт ошибок; и говорить горькие правды о них.

Образованнейший человек с двумя факультетами за плечами в итоге рабочих усилий выявляет себя, как действительный "спец" в трех областях: в области "гетизма", в области "педагогики" и в области "духовного знания".

В чем же "всезнайство"?

Отвечают: "Он делал вид, что знает все на свете, а вы сами знаете, что нельзя знать все". Это — не аргумент, а клевета: на Штейнера и антропософию; будто они утверждают, что Штейнер — "все знал".

Конечно, бесконечно большего он не знал, чем знал; но он действительно пытался узнать (и знал действительно, в смысле внешнего знания) бесконечно больше обычного знания; это был результат: знание фактов и владения методами, направляющими поиски нужных фактов: он *ушел*

отыскивать факты; он верно вел раскопки их; и более всех — рылся в них; не будучи *"спецом"* всех специальностей, он умел пользоваться указаниями своих учеников, представителей ряда специальностей: инженеров, химиков, физиков, биологов, медиков, юристов, историков, филологов, теологов и т. д.; и он умел ставить на работу их, дирижируя оркестрами специалистов (на то он и был — педагог спец); это был мозг Гете (физика, зоолога, ботаника, поэта, философа), вооруженный и забронированный, во-первых, умением охватывать явление и владением методами и, во-вторых, большим аппаратом извлечения фактов.

В итоге он — в центре огромного целого, к которому текли сами факты, фильтруемые в сознаниях *"спецов"* — учеников; этот материал, соединенный с личным добыванием фактов, и вызывал феномен пресловутого *"всеведения"*.

Отсюда и миф о *"всезнайстве"*.

Не было *"всезнания"*, а была готовность в любую минуту засесть за изучение нового *"опытного материала"*; и было — превосходящее обычную норму *"количество узнанного"*, которое не лежало грудями, как в сознании энциклопедистов, а организовывалось; антропософская работа всех спецов — организованная культура.

Доктор был спец-координатор методов, как совершенно конкретный логик и как фактический умница, превосходящий всех мною виденных *"умниц"*.

"Умница" в докторе и был *"спец"* в *"спецах"*.

Бывали случаи: спец — бьется со специальным вопросом: ни с места; Штейнер *"не спец"* — ему: "Вы бы этак!" — "Как, разве возможно?" — удивляется спец. "Вам, как спецу, должно быть известным, как *им конкретно* возможно; я ж утверждаю: из метода вашей науки оно вытекает *а priori*".

Я мог бы здесь перечислить серию фактов, как из *"невозможностей"* восставали возможности; в результате: инженер Энглерт открывает новый способ построения купола (чисто инженерный); врач фрау Коляско — открывает функцию селезенки; Моргенштерн, Бельгий — дерзают искать новые словесные формы; делаются попытки к созданию нового искусства, медико-терапевтического института, новой школы, нового преподавания математики и т. д.

Это умение владеть фактами, в котором нет ничего таинственного, — приводило к тому, что Штейнер мог показаться: всезнающим; явившись на пуговичный завод и познакомившись с химической стороной производства, он химику завода пишет чисто химические формулы, могущие ему пригодиться в производстве; или — читает лекции для сельских хозяев; и — удивляет их рекомендацией новых, чисто практических способов исследования земель и способов улучшения удобрения.

"Мистика" и *"удобрение"*, *"эвритмия"* и *"пуговичное производство"*, это ли не *"всезнайство"*?

Нет. Это, во-первых, знание; и во-вторых, — *умение* так использовать *знание*, чтобы оно не лежало мертвым балластом, а приносило бы процент,

становясь знамием о знамьях. Петр Великий знал 40 ремесел; и это — не "всезнайка", а необходимость быть ритмизатором процесса переоборудования всей страны. Доктор был в таком же положении относительно — тоже страны: культуры будущего; весь жест его — жест указующий: "Ищите там и так".

Да, — мореплаватель и плотник, как Петр³⁶; и — как апостол Павел (иудейский "законник", и одновременно "стилист — эллинист", как о Павле отзывается Вилламовиц-Меллендорф)³⁷.

Петр и Павел — вот облик "деятельности" доктора; но "деятельности" исходили из равновесия, из — покоя, сиявшего в центре сознания и озаряемого огромным импульсом: любви к Человеку.

И здесь он был, для нас, любящих его, для нас, влекшихся к нему, — в лике Иоанна.

Петр, Павел, Иоанн — три аспекта, три лика доктора, известны мне; и сочетания ликов, — невыразимейшая печать, на нем, явно сиявшая, о которой мне и хочется хоть слабым выкриком намекнуть.

"Печати" не видали, выдавшие доктора, — "догматики" всех сортов ("петристы"), свободные "и только" мыслители (павловцы), или мистики, в себе искажающие Иоанна³⁸; для всех этих людей "печати", им чуждые (внутри Павлова лика — Иоаннов, или — внутри Иоаннова — Павлов), воспринимались, как нечто досадное, мешающее спокойно расположиться в комфорте; тут он начинал — беспокоить; и от него убегали с проклятием: "Демагог, непоседа, рационалист, резонер, всезнайка", — чего только не выговаривалось.

То же, что — не выговаривалось, это жило под всеми разрезами, — и составляло для нас тайну алияния, которое делало для каждого из нас, свою встречу с ним, — событием невыразимым.

Об этом — надо сказать: внятно; более того: об этом надо кричать.

6

Вот несколько лишь штрихов, оставшихся в воспоминании об общественной работе Штейнера лишь за первый год моей жизни при нем.

Застаю его в Кельне; он — только что из Гельсингфорса, где он прочел курс "Об иерархиях в связи с царствами природы", конечно же, как всегда, кроме курса: публичные лекции, эзотерические уроки, лекции для русских, приемы учеников, разрешение местных вопросов Гельсингфорсской группы; но так всегда: куда бы он ни приехал, — "эзотерические часы", "публичные лекции", приемы, вхождение в жизнь посещаемой группы; то — сверх программы: позовут в "ложу"; и — тотчас: "публичная лекция", "эзотерика", распутывание узлов, в которые он живо вращал, реагируя на мелочи; об этом не стану упоминать; все то — "сверхкомплектно": от города к городу.

До Гельсингфорса был цикл лекций в Христиании: "Человек в свете оккультизма...", до, зимою, — цикл "От Иисуса ко Христу"; в Кельне: две

лекции в ложе, публичная и, конечно же, "эзотерика". Что делал он с мая и до июня, — не знаю; ряд дел с Адияром: выяснение отношений к теософскому центру, к генеральным секретарям, к Безант, к Ледбитеру, к ордену "Восточной звезды"; готовилось формальное отделение от линии Безант³⁹; недоразумения с германскими теософами: с Губбе-Шлейденом, с Лейпцигским центром; в Мюнхене были неприятности с общежитием "Фрухткорб", в которые он был втянут.

В Мюнхене (начало июня), с которого начинается моя жизнь при нем, — по две многочасовых репетиции "мистерий" (его и сцены мистерии Шюрэ)⁴⁰; на всех репетициях он присутствовал, входя в подробности постановок; между репетициями — приемы; ночами работал над третьей мистерией, которую он писал: говорили, что ряд ночей — не ложился он спать; помимо всего чтение: на лекциях, которые скоро имели место, упоминались имена Франца Brentano, о подробностях психологии которого он говорил: ряды ссылок на только что вышедшее сочинение Ратенау; одну лекцию он почти целиком посвятил тогда не модному Ратенау, отмечая особенность его научной позиции (Ратенау загремел — после); кроме всего: он — готовил курс, следил за теософическими журналами, полемическими ссылками на которые сопровождался ряд деловых собраний (на Мюнхенском съезде уже). На съезде: курс: "Вечность и мгновение", кроме того, он читал на отдельные темы (для съехавшихся); открыл съезд, вел его и поднимал ряд вопросов, вызывающих к острому решению; он не пропустил ни одной лекции, читанной сочленами; на генеральных репетициях "мистерий" — он сам закалывал булавками складки костюмов, лично руководил рабочими при декорациях, вызывая их восторг; в промежуток — принял не менее... 300 членов.

Между Мюнхенским съездом и Базельским курсом прошло не более двух недель; говорят, — где-то он отдохнул с неделей; потом — опять: 10 лекций курса "Евангелие от Марка", две публичных, "эзотерические уроки", около 300 приемов учеников, дела и т. д.

И — укатил кипеть: в Берлин.

Я же, высунув язык от увиденного и услышанного, на два месяца потерял нить этой жизни; застаю его в Мюнхене за всем тем же: несколько лекций, публичная, приемы, дела общества, громы против "Восточной звезды".

Я в Берлине с 30 ноября 12-го года до марта, где вижу ту же "кипучку": раз в неделю, или раз в две недели: лекция для членов в ложе; в сумме они составили неопубликованный курс "Между смертью и новым рождением"⁴¹. Раз в две недели публичная лекция: сумма их — тоже курс на тему: "Отношение естествознания к духовному знанию"⁴². В промежутке, от вторника до вторника — он все время катал по Германии, читая лекции: в Ганновере, Гамбурге, Галле, Штутгарте, Дюссельдорфе и т. п.; когда в Берлине объявился двухнедельный перерыв, это — означало, что орбита его турне не описываема в одну неделю. Вместе с тем: он внимательно обсуждал в Берлинской ветви детали ухода из Теософического Общества;

— все детали организации А. О.; все — им двигалось и толкалось; за это время он объехал с лекциями ряд городов Швейцарии.

В конце декабря — начале января — курс, собрания, дела, приемы: в Кельне; заглавие лекций курса: *"Бхагават-Гита и Послание апостола Павла"* с рядом цитат, предполагающих работу изучения материалов, мораль курса: как надо и как не надо брать Восток (против *"теософов"*); там же — организация А. О.; далее — та же жизнь: лекции, приемы, лекции. Когда же он сам для себя читал? В дороге, в поезде: он всегда ездил в особом купе с рядом книг, таская за собой сундуки рабочего *аппарата*; едучи с ним в Кельн, я видел его багаж: ряд сундуков; мы же ехали лишь на неделю.

Знаю, что в Берлине при нем работало бюро барышень: просматривались журналы, делались вырезки; то, что не успевал он лично прочесть, он узнавал из *экстракта, доклада и вырезок*; *"бюро"* этим руководила Мария Яковлевна Сиверс: в это время я ей отнес *"Символизм"*, *"Арабески"* и *"Луг зеленый"*⁴³; скоро же на публичной лекции я услышал личный отзыв на позицию *"эмблематики"*⁴⁴, данный в безличной форме; впоследствии я убедился, что он знает Кольцова, Пушкина, В. С. Соловьева, как поэтов: он заставлял М. Я. себе читать вслух по-русски; и — переводить.

В январе — курс в Кельне, а в начале февраля — генеральное собрание: в Берлине; новый курс: *"Мистерии Востока и Запада"*⁴⁵, *"Об антропософии"*⁴⁶ (лекция), публичные лекции, торжественное открытие А. О.⁴⁷, заслушивание эниного ряда докладов и ряд деловых собраний; ритм жизни его за неделю собрания: с 9 часов утра на первом докладе среди почти пустующего зала, в первом ряду — Штейнер, слушающий доклад; с 9 часов утра до 8 час. вечера, т. е. 12 часов в помещении съезда кипела жизнь; и всюду присутствовал Штейнер: не пассивно, но активно — будоража, вмешиваясь, протестуя и критикуя своих неповоротливых *"митглицеров"*⁴⁸; с 8 вечера до 10 с половиной шла его лекция (курсовая); после собрания тотчас же укатил в турне, потом вернулся, читал, принимал; в конце марта — курс в Гааге: *"Оккультное развитие и наши тела"*⁴⁹, т. е. та же знакомая картина, от которой мы уже уехали на Вольфс⁵⁰; я знаю, что после Гааги читал он в ряде городов, о чем писалось в нашем листке *"Миттейлюнген"*⁵¹; и уже: организовалось огромное дело, постройка Гетанума: планы, собрание и распределение средств и рабочих сил, выработка модели здания; все двигалось им; он и лепил модель, и растирал краски, и полемизировал с Безант, и лично учил основам эзритмия талантливую Смитс; что делал еще — не знаю; знаю — писались книги, вышедшие осенью: *"Порог духовного мира"* и *"Путь самопознания"*⁵², тут же была написана и 4-я мистерия.

Кипение этой жизни застаю в конце мая уже, в Гельсингфорсе⁵³: приемы, лекции, публичные и для членов, лекция для русских, *"уроки"*, к которым особенно готовился он; и — курс: *"Оккультные основы Бхагават-Гиты"* (ничего общего с Кельным: иной подход; десять лекций).

Потом опять перерыв, связанный с моей жизнью на Вольфс; застаю его в Мюнхене (в августе): репетиции постановок, ряд обучений в сфере

звритмии, лекции, собрания, приемы, курс, посвященный "мистериям"⁵⁴; съехалось вдвое больше членов, чем ожидалось; зала не могла вместить всех; тогда он, разделив абонентов курса на две группы, читал курс — два раза в день: утром и вечером, повторяя лекцию.

Тогда же он прочел лекцию об звритмии.

Потом мы уехали в Льян (в Норвегию), а он работал над делами "Гетеанума", ездил в Дорнах, читал в Базеле (не знаю, где еще), вынашивал детали художественного убранства здания, проверял вычисления инженера, закладывал "Гетеанум"; в начале октября лекции, приемы и т. д. В Христиании курс: "Пятое Евангелие", лекции в Бергене (с тем же "приложением"), лекции в Копенгагене (в ложе, публично и эзотерические уроки); эти лекции живут *единственно* в моей памяти; вернувшись с ним из поездки по северу в конце октября, я от усталости чуть ли не заболел.

Вот — сухой "контр-роуд"⁵⁵, далеко не полный, деятельности доктора, которой свидетели были мы: с июля 1912 до ноября 1913; один год из 25-ти так проведенных.

7

С приезда в Берлин после лекционной поездки на север доктор на короткое время засел за какие-то важные работы; говорилось, что он просит не тревожить его просьбами о свиданиях; этот период длился недолго (конец октября и первая треть ноября); с ноября до Рождества — взрыв поездок; не помню их всех, но помню: он дважды был в Дорнахе, где принимал участие в инженерных работах и был перегружен рядом хозяйственно-строительных мелочей; кроме того: изъездил Германию, в ракурсе повторял "христианский" курс⁵⁶, который считал очень важным; в каждом городе курс ракурсировался по-иному: везде *суи генерис* он давал прибавления к основной теме; мы лично с ним были за этот период: в Мюнхене, в Нюрнберге и в Штутгарте; кроме того, он ездил и в Кельн: в Мюнхене и в Нюрнберге были и публичные лекции; а в Штутгарте лекция, которой содержание мне не помнится; в этих трех городах были по два эзотерических урока⁵⁷; и кроме того: один в Берлине; с ноября до Рождества лишь мы присутствовали на семи эзотерических уроках (в октябре их было четыре): 11 уроков за три месяца: это отдельный курс. Кроме всего: шли обычные лекции для членов в берлинской ложе; и — через две недели — публичные лекции в *Архитектенхаус*⁵⁸ (серия публичных лекций этого сезона образовала опять-таки курс). Я не помню, где еще был и читал он; но, собравши в целом мной перечисленное и приняв во внимание, что все это он проделал с ноября до Рождества, получаешь картину напряжения невероятного.

С Рождества же — полоса огромного подъема и новый вихрь напряжений⁵⁹; начался он в Берлине (рождественская лекция); потом — Лейпцигский курс (конец декабря — начало января): "Христос и духовный мир";

в Лейпциге — эзотерические уроки, публичные лекции, приемы — вся "сверхкомплектная" программа. Полоса высокого напряжения длилась в Берлине (уже после Лейпцига); лекции в ложе и публичные были исключительно изумительны, как лекция о Парсифале (для членов), о Микель-Анджело (публичная). Так до генерального собрания (во второй половине января).

До собрания разразился инцидент с членом общества Больтом; Больт выпустил брошюрку о докторе⁶⁶, в которой мешал его взгляды с Фрейдом — и упорствовал в смешении этом; группа членов стояла за Больта; большинство — требовали, чтобы Больт публично отказался от своих взглядов; в связи с Больтом вскрылись впервые разные антропософские партии; доктор вмешался в детали "инцидента", отделяя его от личности Больта, но подчеркивая принципиальное значение инцидента; в связи с ним он поднял вопрос о точной установке проблем пола; в ряде обсуждений горячо заклеил уклон "больтизма", могущий ютиться под флагом антропософии; он не разделял тенденции *ригористов* и внешних *моралистов*, выскокивших из всех щелей, топить личность Больта.

В связи с этим инцидентом впервые в огромной аудитории дебатировались публично вопросы общественной совести; доктор с горячностью показывал, как надо ставить деликатнейшие вопросы, чтобы не впасть в грех ригоризма и не расплыться в двусмыслицу "вседопущения".

Инцидент Больта, начавшись до генерального собрания 1914 года, длился на протяжении всего собрания, врываясь в очередные дела и вызывая бурные дебаты.

Мне было видно, что доктор уже был непонят; большинство, не понимая позиции доктора, относились к его заявлениям со *скрытым недоумением*, под которым таился невыявленный протест косности; небольшая же кучка была явно против него; циркулировали слухи о мещане; они затаились временно, чтобы вспыхнуть пожаром страстей летом 1915 года: в Дорнахе.

На Генеральном собрании — та же картина, как и в 13-м году; доклады, деловые собрания, концерты, чай, встречи; в помещении Собрания — работа: с 9 утра до 11 вечера; и опять — с 9 утра: в пустующих еще рядах — доктор; он выступал весь день с коррективами, с предложениями; помню: после доклада венского художника Вагнера о Дюрере, он встал и произнес речь о технике Дюрера, после которой померкло все сказанное в докладе; по вечерам же он читал курс: "*О макроскопическом и микроскопическом мышлении*".

Другая тема собрания — Гетеанум: обсуждение вопроса о том, откуда собрать средства для усложняющейся стройки; собранных — не хватило; доктор обратился с горячайшим призывом: жертвовать всем, и так встряхнул, что средства — посыпались; кризис денежный элиминировали (на некоторое время).

В 20-х числах января кончилось собрание; доктор и М. Я. тотчас уехали на жительство в Дорнах: ряд дел его ждал.

31 января переехали мы в Дорнах.

Берлин был ликвидирован.

С первого февраля я — в Дорнахе; здесь охватила иная волна; предприятие постройки — огромный, в себя замкнутый мир; мы в нем канули; в одной столярне, заготавливающей дерево остова здания, куполов, архитектурных массивов, в феврале числилось до 300 столяров⁶¹; это количество увеличивалось; во-вторых, работы бетонные (бетон фундамента и первого этажа), возведение каркаса здания, каркас купола, огромная работа чертежной, приготовление составных частей колонн (числом 26); все заготавливалось вчерне в пяти огромных сараях; работы членов (не говоря о строительном руководстве) сосредотачивались: 1) в бюро строительном (записи рабочих, заработная плата, сметы, отчеты, закупки материалов, контроль (сфера Лиссау); 2) в чертежной, где детализировались планы отдельных частей Гетеанума, производились чертежи, вычеты, раскраска; 3) художественная мастерская, где вылепливались глиняные гипсовые модели (сфера Мэрион).

Все приезжавшие в Дорнах пристраивались там или здесь; каждый уходил в свою работу по горло⁶²; надо было воспроизвести в количестве нескольких сот один планы частей: их вычертить, перечислить, четко раскрасить; вычисленное подать инженеру или заведующему деревянными работами, чтобы по планам были заготавливаемы деревянные и бетонные формы; нужен был орган связи; о нем мы, работая во фракциях, и не думали, потому что органом связи был доктор сам.

Он был активен во всех отраслях огромного предприятия: его можно было видеть то размышляющим в столярне с *Лихтфогелем* (инженером и архитектором), то с *Рихтером* (шефом столяров), то с *Энглертом* и *Шмидтом* (шефом стекольных работ), то с будущими лидерами от резного цеха; каждая часть работ разрасталась в самостоятельное предприятие; хотя бы резьба по стеклу; нужно было выстроить специальный дом, заказать новые машины, заказать в Париже особого сорта стекло; далее: эскизы для стекол надо было перевести в готовые большие модели, равные в размере стеклам; этой частью заведовал Рихтер, которого помню в сплошных попытках: до задоха! Архитравами заведовала Катчер; и тоже — теряла голову; доктор погружался в обсуждение смет с Унгером и с Лиссау; погружался в хозяйственные заботы с доктором Гросхайнцем, в домике Гросхайнца, где он жил, шло перманентное заседание "*Йоганнес бау Ферейна*"⁶³; в это же время: он лично делал эскизы для стекол Рихтеру; лепил модели архитектуров — для Катчер, углублялся в отчеты Лиссау; и каждый день наносил визит мастерской Мэрион, не оставлял и чертежную: с Лихтфогелем он обходил столярни.

В свободные минуты в особой комнате дома Гросхайнца он сам отработывал детали модели здания (размером в добрую квадратную сажень), где фракции рабочих воссоединял вместе; эта модель была органом связи; к ней впоследствии и прибегали все мы, чтобы, произведя то или иное измерение или просто наглядевшись, понять и линию своей работы в связи с другими.

Мы, "функционеры", не видели целого: он целое держал всегда, говоря о детали; указания Энглерту, Лиссау, Рихтеру, Мэрион, Катчер были указаниями, вносящими ритм и перспективу.

В горячую пору работ *дорнахцы* как бы замкнулись в особую корпорацию; стали обществом в обществе; об обществе в его целом они и не думали; доктор же: уходя в детали Гетеанума, летал в Мюнхен, Берлин, Штутгарт, Лейпциг, Париж и т. д. В ту пору в Лейпциге разыгрался новый инцидент: и в нем деятельное участие принял доктор.

Со второй половины марта начался слет художников и будущих резчиков в Дорнах; "чертежная" фракция выступила из чертежной, распространяясь на холме: массивы дерева уже стояли в сараях; новая реальная трудность: как их взять? Штампов не было; не у кого учиться; история последних столетий и не знает таких форм; и кроме того, надо было взять с толком, чтобы совпасть с заданиями вычислений архитектора и инженера; группа чертежников самоорганизовалась в инструкторскую группу для десятков съезжавшихся, не имеющих представления о работе по дереву; в числе начальной группы резчиков оказались и мы; тут же были и "спецы" (Дубах, фон Гейдебрандт, брат педагогички, Катчер и др.); но мы "не спецы" (даже и "спецы") еще туманно представляли характер работы; тогда выступил доктор и три дня лично много часов показывал, как держать стамеску, вести штрих, плотность и т. д.; еще более смотрели: как он работал над капителью; в мае резчиков было уже около 100 человек; в июне—июле — около 200 (все члены); но первым рядовым резчиком был сам доктор; потом он уже только приходил к нам; с апреля, когда стали на архитравы (количество их было *не менее* 25-ти), составил рабочие группы (по группе на архитрав), доктор каждый день обходил группы (а то и два раза в день), останавливаясь перед каждой группой, делая отметки (где, сколько сантиметров снести дерева); его обход работ начинался с 10-ти утра; к 11-ти он появлялся на архитравах; с 10 до 12 он обходил работающих; в 12 шли обедать; а уже с двух или трех он опять появлялся на постройке, порой оставаясь там до 6—7 вечера; он заходил в бюро, в домик Рихтера, в художественные мастерские, подолгу засиживался в деревянной будке у Энглерта, с ним обсуждая детали куполов.

И потом бежал работать над планом бетонной постройки для отопления — у себя на дому; в то же время: он давал указания по эвритмии Киселевой и молодой Вольфрам и т. д.; и еще находил время перерабатывать заново свою книгу "Рэтзель дер философи"⁶⁴ (два тома), следить за литературой и за жизнью различных антропософских центров; из дорнахской лихорадки он бросался в поездки, так:

31 января мы оказались в Дорнахе, а в марте уже были с ним в Штутгарте (лекции), в Пфорцгейме (лекции); в апреле же оказались на ряде лекций его в Мюнхене, тотчас — курс лекций в Вене под заглавием: "Между смертью и новым рождением"⁶⁵, публичные лекции там же; там деятельно он принимал участие в организации какого-то нового ферейна⁶⁶; из Вены — в Прагу (и мы — за ним), там опять лекции в ложе, публичная

и эзотерический урок; вместе с ним мы вернулись в Дорнах, а он поехал в Париж (на ряд лекций); читал в Берлине, читал в Базеле; а с конца апреля — с начала мая началась серия лекций для строителей Гетеанума в Дорнахе: в освобождаемой для этой цели по вечерам столярне, или — в домике Рихтера; до июля он начитал единственный в своем роде курс, разительно отличавшийся от лекций, читанных в Германии; тут темами выступали: архитектура, скульптура, живопись, стекло (в связи с постройкой); был и ряд специальных лекций о "*Гетеануме*" (как то лекция о нашей резной скульптуре).

Таковы точки этой деятельности от февраля 1914 года до июля 1914 года.

К июлю ряд неприятностей, выяснилась несостоятельность архитектора Шмидта справиться с "*Гетеанумом*", вскрылись злоупотребления строительного бюро, растраты, недоброкачественность поставленного дерева, ошибки в вычислениях; ряд форм погиб; их надо было заново и вычислить и сложить; перемены в составе Бюро его удручали; он все строительные работы поручил Энглерту; архитектор Шмидт исчез с горизонта.

В первой половине июля мы с доктором уехали в Швецию; в Норкпинге он прочел лекционный курс и спешно вернулся в Дорнах: в судороги предвоенной суматохи; помнится его лекционный призыв к нам устоять в напоре вражды, могущей всех нас рассеять.

8

С момента объявления войны он — в Дорнахе почти все время (за исключением редких поездок в Германию). С первых военных месяцев помимо ряда других сложностей (уход мобилизованных рабочих и большинства членов общества, мужчин-резчиков): надо было переорганизовать весь темп работ; надо было утихомирить военные страсти дорнахцев (немцев, русских, англичан, поляков и т. д.); он уходит — в "*Семейную жизнь*": семья — мы, дорнахцы: большая семья — из 19 наций. В ней намечался раскол — в двух направлениях: 1) *раскол* по нациям, 2) *раскол* по ритму восприятия антропософии; впервые выступает антропософская молодежь Дорнаха (главным образом художественная богема, среди которой были и 60-летние "*ююши*", и антропософские "*старики*", среди которых были и молодые по возрасту); старики и старухи — "*мистически*" настроенная часть общества, ополчившаяся на нас (и доктора) рядом сплетен; выявились различия бытов и классов, — не только возрастов; впервые окрысились на доктора антропософы-мещане; между прочим, и за то, что он всем своим бытом стал на сторону свободной от всех внешних поклонений демократической молодежи того времени, оказывавшей доктору пылкую любовь; в дорнахских конфликтах он стоял с "*голытьбой*" против богатых "*святюш*"; тогда настоятельные рантьерши, расселившись вокруг "*Гетеанума*" в удобных виллах, отдались за кофе мистическим

и немистическим сплетням; молодежь же работала, шумела, шутила, влюблялась, не предаваясь "мистике"; доктору не прощали, что этой "Чандале"⁶⁷ он говорил горячо свое "да"!

В Дорнахе, в условиях вынужденно коммунальной жизни, в тесноте, так сказать, впервые выявилась острота конфликтов и разность пластов, слагавших общество; с осени 1914 года он сглаживал обострения: национальные, классовые, бытовые; вплоть до распутывания жизненных узлов и трагедий; а с лета 15-го года произошел просто взрыв на почве разъединения несоединимых элементов, едва не разорвав А. О. в его целом; общество стало освобождаться от застоя понятий, привнесенных из внешнего мира и гнилостно разлагавшихся в особых условиях дорнахской жизни.

Доктор, не покладая рук, трудился в Дорнахе над созданием "нового быта" в обществе; к работам, связанным с постройкой, присоединился ряд новых забот: о сохранении самого бытия дорнахской группы; социальная тема намечалась издали.

С войны он удвоил количество нам читаемых лекций; читал он каждую неделю: по субботам и воскресеньям; читал во все праздничные дни; на Рождество и Пасху количество лекций утраивалось. Но Рождество 14-го он читал в разных швейцарских городах, в конце 14-го же года он прочел нам связанную серию лекций о национальных культурах.

Память отказывает мне в перечислении тем лекций; помню, что стиль весны 1915 года (целой серии их) — тревожный, предупреждающий; вскрываются детские болезни развития; показывается, какие опасности грозят обществу, если болезни не будут ликвидированы.

С 1915 года он усиленно работает с эвритмической группой; каждое воскресенье — эвритмические номера, а среди недели — репетиции; с лета, помнится, репетиция эвритмических представлений — каждый вечер; доктор на каждой присутствует; репетиции длятся часами.

Независимо от этого, он не ослабляет в себе внимания к деталям строительных работ: обход работающих, указания, разработка мотивов бетона, план дома Гросхайнца, решетки, мотивы лестниц, мотивы отопления; все — дело его рук; после Пасхи 15-го года он уезжает в Берлин, появляясь в Дорнахе уже в мае.

Отрывочные записи о внешнем *куррикулум витэ* доктора не исчерпывают того, что было проделано этим человеком; ведь не знаю и $\frac{3}{4}$ пленума его забот тогдашнего времени; не знаю, что он читал у себя на дому: а он читал — много; раз он явился на лекцию со стопочкой книг и брошюр, вышедших за последнее время; и спрашивал, кто читал ту или иную книгу; он сетовал, что книг не читают, не пополняя своего общеобразовательного фонда, без которого многое в антропософии — праздная роскошь.

С конца июля 1915 года до середины ноября он боролся, кидаясь с одного фронта борьбы на другой: боролся с внешней нашей косностью, предпринимая шаги, чтобы швейцарское правительство не выгнало нас из Швейцарии по настоящему знанию количества контрразведок; одновременно боролся он с рядом духовных течений, явной и тайной клеветой, старав-

шейся ему разбить "Дорнах" (иезуиты, протестанты, разные оккультные общества); он боролся и с обставшим мещанством; и со специфическими болезнями общества; боролся с отсутствием средств и людей, могущих довести до конца работы по постройке; боролся за молодежь со стариками; темпераментировал и наши "держания": в нос "старикам"!

Не останавливаюсь специально на периоде чистки "Авгиевых конюшен" общества за десять лет; в этой работе ему мужественно помогали: Бауэр, М. Я. Штейнер и Штинде (до самой смерти).

С августа до ноября 15-го года: *каждый день* (и в будни, и в праздники) после работы он кипел на заседаниях; до заседания же он *каждый день* читал лекцию; за три месяца им прочитано не менее 90 лекций; с ноября до Рождества он опять стал читать "нормально", т. е. два раза в неделю; на Рождество новый взрыв лекций и представлений.

С начала 1916 года он надолго уехал в Германию; говорят: исключчительно много читал он в Берлине.

Во второй половине июня 16-го года он появился вновь в Дорнахе; и до самого моего отъезда — в начале августа — он работал в мною описанном темпе; ставил сцены "Фауста", вел эвритмические репетиции, читал много лекций, обходил работы, принимал на дому.

И уже потом я узнал, что с осени 1916 года чуть ли не до Рождества он опять читал в Дорнахе едва ли не ежедневно, давая пространные объяснения после лекций: на политические темы; и на тему: "тайные общества". Он очень предостерегал членов против вступления в них (это уже рассказывал позднее вернувшийся в Россию Трапезников).

Таков краткий перечень его общественной работы, которой я был личным свидетелем: с июля 1912 года и кончая 1916 годом (время, которое я провел при нем).

Потом я уехал, — и не могу точно отметить (из месяца в месяц), что он делал и где читал. Знаю лишь, деятельность его утроилась.

Знаю, что и до 1912 года он в этом же темпе вел работу в Германии, будучи Генеральным секретарем "Теософического Общества".

9

Ко времени моего появления в Германии в ноябре 21-го года деятельность Штейнера необъясненно разрослась; он оброс рядом забот, которых прежде не было; входил во все детали жизни Вальдорфской школы и педагогов, и учеников, которых всех знал лично; весьма разрослась издательская деятельность (издательство, ряд журналов): наконец, появилось два центра жизни: и Дорнах, и Штутгарт, между которыми носился на автомобиле он; он оброс учреждениями: медико-терапевтический институт, социальная фракция, религиозная, эвритмическая; оброс конгрессами и съездами; начались "школьные недели", то в одном городе, то

в другом: своего рода переносный университет носился из города в город всем штатом лекторов под предводительством Штейнера, откладывая новые студенческие ячейки после каждой лекционной недели.

Я уже не мог так, как прежде, летать за ним; факты его общественной деятельности до меня долетали издали; многих сторон его деятельности я вовсе не знаю; вот обрывки ее с осени 1920 года до июня 1923 (весьма скудные): в сентябре — октябре 1920 года трехнедельные высшие курсы в дорнахском Гетеануме, в которых он кипел (т. е. дебаты, заседания, прения, организационные вопросы, вероятно, его курс лекций, бесконечные приемы и т. д.); в апреле 21 года курсы и семинары в Дорнахе; — и — его курс об антропософии и науке, в июне его курс в 18 лекций для студентов, изучающих теологию (в Дорнахе); в июле — курсы в Дармштадте для студентов технической школы; в августе — курсы по предметам искусства в Дорнахе; и — курс Штейнера (вероятно, *"О существовании красок"*); в ноябре — ряд публичных лекций и лекций для членов по Германии (между прочим, — в Берлине); и — далее: антропософский съезд в Христиани; ряд лекций Штейнера на нем; до этого в октябре: съезд в Штутгарте; в декабре — педагогические курсы при Гетеануме; и — курс Штейнера.

В январе 1922 года лекционная поездка Штейнера по Германии: ряд его лекций в Мюнхене, Штутгарте, Франкфурте, Маннгейме, Кельне, Эльберфельде, Ганновере, Берлине, Бремене, Дрездене и Бреславле; в марте 22-го года — *"Школьная неделя"* в Берлине, на которой присутствовал: 7 его *"школьных"* лекций, лекции в ложе, выступления в эзритмических представлениях и *"школьных"* дебатах; в апреле — курсы доцентов-антропософов в Гааге; и — курс Штейнера; в апреле же — поездка Штейнера в Англию (ряд лекций его и т. д.); в мае — ряд его лекций в германских городах; в июне — большой антропософский конгресс в Вене (ряд его лекций и проч.); в августе — его политико-экономический курс при Гетеануме; в середине августа же — его курс в Англии (в Оксфорде): *"Духовные ценности в воспитании и социальной жизни"*; тотчас же по возвращении из Англии он читает в Дорнахе курс *"Космология, философия и религия в антропософии"*, одновременно: он читает курс для группы теологов; в октябре — в Штутгарте: 1) *"медицинская неделя"*, 2) ряд лекций Штейнера по педагогике; в ноябре — вторичная его поездка по Голландии и Англии с рядом лекций. В декабре — январе 22-го — 23 годов ряд семинаров в Дорнахе (*до* и *после* пожара Гетеанума); и курс Штейнера: *"Возникновение естествознания в истории"*, в феврале 23 года — ряд бурных заседаний в Штутгарте с рядом его выступлений и лекций (попутно — его лекции в Берлине), а в марте — *"школьная неделя"* в Штутгарте (опять его лекции); в мае он был в Берлине и читал лекции (кажется, в лекционном турне); далее — след его деятельности теряется для меня (знаю, лишь — в сентябре он читал в Штутгарте); с октября — я в России: ничего не знаю о нем, кроме известий, что его деятельностьpronounced в темпе перманентного *"крещендо"*⁶⁸, внушающего просто страх.

Вот выдержка из статьи Марии Штейнер, посвященной воспоминаниям о последнем периоде деятельности доктора*: "Приближался сентябрь**". Уже вдвигался Лондон со своими начинаниями. Во-вторых, должен был начаться съезд в Дорнахе с колоссальным натиском людей. Между — необходимы были заседания в Штутгарте. Усталый, въехал он в Дорнах, чтобы тут же улететь в Штутгарт и там заседать и ночи и дни. Между тем: я начала лекции в Дорнахе для слушателей "Драматического Курса"; и уже с пятой лекции он... мог вступить в курс. Без малейшей паузы после штутгартской сутолоки он ушел в работу. В то же время он вел курс по медицине для врачей... и курс для общины пасторов. Ежедневно — 3 лекции 3-х курсов необычайной силы... Между — по три лекции в неделю об антропософии и великолепные лекции для работающих над постройкою***... Он сам неоднократно говорил, что то, что его укладывает в лоск, так это... частные разговоры... Четыреста посетителей насчитывал придворник в то время, когда он читал в день по четыре лекции... Так нас настигла судьба. Так появился он перед нами в последний раз 28 сентября усталыми, волочащимися шагами, — он, который всегда ходил такой эластичной походкой, как юноша. Говорил он тихо, медленно... В голосе не хватало дыхания. Он прервал лекцию".

К этим словам нечего прибавить.

10

Всюду, куда ни врывался он — он вносил этот темп, от которого я испытывал головокружение; так — просматривая свою памятную книжку, я вижу следующую статистику мною прослушанных лекций Штейнера, не считая других антропософских лекций, не считая ряда других выступлений Штейнера: в октябре 13 года мною прослушано 17 лекций, в ноябре — 13; в декабре — 10; в январе 1914 года — 16 и т. д.; что бы ни начал он делать, все — разрасталось, сложилось, членилось; мобилизовались знания; призывались "спецы"; и тут же, усвоив слова их, принимался сам за работу; так: из заданий общества выростала культура; из постройки Гетеанума — росла культура искусств; из встречи с пасторами — религиозное движение; то же с сельским хозяйством, с медициной, с пуговичным производством; из всего росла проблема сорока ремесел: так он вынужден был становиться "мореплавателем и плотником". Это — не всезнайство; это — умение видеть связь между целым культуры и отдельной ее конкретностью; если бы судьба привела его к слесарям, я уверен, что, будучи поставлен в условие дать конкретный ответ на то, как

---

* Напечатана в еженедельном листке: "Васс им дер А. Г. Форгзэт", от 4 октября 26 года.

** 1924 год.

*** Второго Гетеанума.

соединить слесарю свое мастерство с духовным знанием, — доктор Штейнер лично обучился бы делать ключи и замки и после этого дал бы неожиданные ответы.

Трогательно то, что собственные занятия координировал он с запросами членов. Не было бы Смитс, — не было бы эвритмии; когда Смитс сама поработала над проблемой связи пластики со словом, то и он весь ушел в ответ ей; по мере разрастания эвритмии, он все более лично работал в этом направлении; выросла отсюда: проблема слова; в итоге — удивительный драматический курс. Если бы в числе его учеников оказалась бы группа талантливых гносеологов, — развернулась бы в линии лет монументальная гносеологическая система его работ; были бы написаны “кирлички”; его сжатые гносеологические тезисы. Его методологические экскурсы в свое время не встретили понимания; среди его учеников не было явно выраженного гносеологического таланта и интереса; он, координируя работы с сотрудниками, не подхватывал часто собственных замечательных гносеологических положений. Когда я в 15 году задавал ему ряд вопросов в линии его чисто философских работ, он мне заметил: “То, о чем говорю, я хотел сперва облечь в философскую одежду: но не встретилось отклика”. Позднее, когда около него подобралась группа ученых-спецов, он зачитал уже на вполне специальные темы.

Так круг его *трудов* (до характера чтения) определялся потребностями состава его учеников. Он не стоял за *отвлеченные догматы*; то, что он крепко знал, специально знал, моделировал он всю жизнь, переводя, так сказать, на жаргоны разных культурных сфер; вавилонское столпотворение специальностей он стремился гармонизировать в *симфонию* общей работы; и ради общего дела, он силился, как мог, стать *всем для всех*.

В этом несении креста, в неустанном самоограничении во имя других, — сказывалась его центральная христианская линия.

Он всемерно старался быть “*всем для всех*”; и он же раскрыл этот лозунг ап. Павла: всей жизнью своею.

Деятельность его уподоблялась перманентной деятельности вулкана, сотрясающего окружающих подземными толчками, вызывающими в них эффект потрясения; все вокруг него было потрясено; и все, находящиеся в его обстании, для лиц, непосвященных в этот темп трясений, ходили со странно расширенными глазами; казалось: лица их выгнаны от изумления; было чему *изумляться!* И не смешны были эти расширенные глаза, такие глаза, вероятно, делают во время землетрясений; он — потрясал основы косного покоя; каждым днем своей жизни.

Одновременно текла перманентная лава лекций его; и, конечно, после известного периода (для кого год, для кого два) надо было его не слушать, или слушать умеренно; иначе сознание отдельного человека ощущало себя засыпанным материалом, им подаваемым; еще далее — наступала анестезия восприятий; но как школа встряски сознания, — эту лаву лекций надо было испытать; и, испытав, — бежать от нее. Ведь он говорил не для одних

и тех же слушателей; он говорил — *"всему миру"*; и пусть этот мир от него отворачивается; в отмежеванное ему лекционное *25-летие* он точно спешил выговорить то, что, остыв в столетиях, может быть, будет плодоносящею почвою новой культуры; и если он некоторых, неосторожно приближенных, сжигал своей лавой, он не мог остановить ее, ибо он выговаривал не ближним, а всему земному миру; и говорил — не четверть века, а — *веками веков*.

Им не записана и тысячная доля выговоренного, кое-как закрепленного стенограммой; собери все стенографированное (и просмотренное и не просмотренное), огромная комната, уверен я, наполнилась бы с полу до потолка ценнейшими материалами, прогнозами и полетами, и мелкими штрихами, и *"мирами"*, и формулами; вот она — будущая магма: плодоносящая почва: культуры грядущих столетий.

Он торопился выговорить свой *"музей стенограмм"*; он — не мог остановиться; через голову тысячей, его окружающих, он говорил с невнимающими ему миллионами: современников и тех, кто родится.

Отсюда это неравновесие двух устремлений в нем: *конкретно заняться* с каждым из приходящих к нему; и, одновременно, — невзирая на тех, кто его окружает (готов, не готов, понимает, не понимает), говорить *"пленуму"* своей подлинной аудитории: всему человечеству.

Неравновесие разрывало его, — *"учителя равновесия"*; и он разрывал души его окружающих, — он — *"целитель душ"*.

Я не знаю никого, кто бы сочетал в себе такую мощь *даров* с такой *беспомощностью* в неумении заставить правильно взять эти *дары* своих близких.

И опять встает мне: неуравновешенный, хвастающийся и силой, и немощью своею апостол Павел, которого он так понимал, что всякое его слово об апостоле вызывало во мне: как бы вздрог от электрической искры.

И опять-таки: как из вулкана с грохотом взлетают камни под небо и, взлетев, падают вниз, — так из него под небо взлетали огромнейшие задания, полные гениальных возможностей: эвритмия, педагогика, *"новое религиозное сознание"*, проект ликвидации государства, первый Гетеанум, второй; и иные из предприятий так, как вулканные камни, обрушивались на него самого: провал социальных идей его учениками, почти провал всего А. О., пожар Гетеанума и т. д. Эти удары камней о их выбросивший вулкан деформировали, разрушали жизнь вулкана, а он продолжал бить в небо новыми и новыми грандиозными предприятиями, пока смерть не оборвала его деятельности.

Я не знаю прекраснее явления; четыре года наблюдал я этого человека во всех проявлениях: в величии, в простоте, в равновесиях и неравновесиях, в справедливости и несправедливости, в любви, в гневе, в скорби, в смехе, в шутке; и — что же: померк он во мне, как просто человек? Нет, — сквозь все, что я в нем понял и чего не понял, выступила основная тема: медленно разгорающихся — восхищения, любви, доверия, радости, что судьба сподобила меня его встретить, ибо он — главная *"нечаянная ра-*

дось" моей жизни... даже в "болях", которые он невольно мне причинил; и эта, мне причиненная боль, — боль о мире, а не боль о моей брэнной личности.

Он заставил меня переболеть собою, сперва успокоив те боли, которые narosли на мне, как тоска по действительному человеку; он показал мне величие "человека", себя, унизил во мне моего "человечка"; но и это унижение — во славу: для правды.

В 12-м году первая встреча с ним извлекла из груди моей вскрик восхищения; и теперь, в 28-м году, делая эту приписку к воспоминаниям о нем, я свидетельствую: с радостной ясностью вспоминаю я доктора: ни одной тени, ни одного пятнышка, заставляющего в нем усомниться!

У многих ли в мой возраст есть счастье так верить в "человека вообще", как я верю; и это потому, что я "человека" видел воочию.

В докторе — деятеле самым прекрасным феноменом был доктор — человек.

ГЛАВА 2

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЧЕЛОВЕК

"Антропософия выступает в человеке, как потребность сердца и чувства". Рудольф Штейнер (*"Основные положения"*. 1924 год).

"Было бы хорошо, если бы нам не нужно было никаких имен". Рудольф Штейнер (*"Соврем. дух. жизнь и воспитание"*, стр. 218. 1923 год).

"Поистине я содрогался каждый день, когда, приходя сюда, видел поток литературы, покрывающий наши столы. Я был бы рад, если бы ее было меньше". Рудольф Штейнер (*"Соврем. дух. жизнь и воспитание"*, стр. 218. 1923 год).

"Нет, — сострадание границ не имеет". Рудольф Штейнер (Из слов, сказанных М. Я. Штейнер. См. ее *"Воспоминания"*).

"Вы еще ее любите, а она — меня спрашивает: когда любят, — не спрашивают". Рудольф Штейнер (Из слов к одному из учеников. 1923 год. Март).

"Любовь — дающая способность: чем больше даешь, тем больше имеешь дать". Рудольф Штейнер (Из слов, произнесенных с кафедры. 1912 год).

"Лучше дурно думать, чем вовсе не думать". Рудольф Штейнер (Из слов к ученикам. 1914 год).

1

Все, записываемое о Штейнере, не дает действительных впечатлений; к воспоминаниям этим я подступал многократно, терпя лишь фиаско; фигура Штейнера в *"Возвращении на родину"* — явный провал; попытка заговорить о нем в *"Начало века"*¹ — провал; раз пытался я коснуться письменно отношений к доктору, как к водителю (для себя): провал; провалившийся трижды с *"намерениями"*, я набрасываю откровенно сплошной ералаш впечатлений о *"докторе"* (да разрешат мне так звать его: так называли его мы); и важное, и пустяки я валю в одну кучу.

Чтобы ухватывать проявление конкретной жизни в докторе, надо расширяться; тут наталкиваюсь на границу своих отношений к нему; и описываю не его, а досадное ощущение своей ограниченности.

Доктор стоял перед нами как бы с таким жестом, точно готов он навстречу откликнуться; каждому: мы же стояли перед ним, едва сдерживая свой порыв: к нему броситься; но мы не знали, как броситься: мы не

умели броситься: из нашей душевности в дух; не мог нас насильно тащить: ведь попытки его окончились бы неудачей: шипы, которыми мы обросли, вероятно, вонзились в него бы; обратно: в пыле нашего приближения мы наталкивались на порог: неумения конкретно любить человека (не только в пыле сантиментов и не только в головном признании); мы не умели любить его мудро; делами любви; обнаруживалось: переживания любви, или мысль о любви очень часто эгоистичны; выступал скрытый в нас эгоизм многообразным проявлением; например: начинали покрывать чувством любви его слова тогда, когда он просил критически относиться к ним; в жесте ж взятия их брали на *веру*; действовала в поработченности его мыслью кривая *любовь*. Я ловил себя на внутренних словах, обращенных к нему: "И ты в чем-нибудь ошибаешься, если ты *еще* человек; ошибались и апостолы. Но пусть мне укажут на губительные последствия твоих ошибок, я их хочу разделить с тобою, как карму твою; и это потому, что я тебя люблю".

Так иногда я стоял перед ним, принимая иные из "*даров*" его; но в годах такое принятие обертывалось теневой стороной; принимая многое из мне неясного в нем, я накопил "*склад неясностей*", который стал тормозом явить помощь ему в "*нашем с ним деле*"; так я оказался "*балластом*" прежних лет, не поспевающим за ним в последующих годах. Неумелая любовь мне напортила.

Любовь до покрытия ошибок доктора — оказалась только ленью; я сентиментализировал свое желание разделить *карму* ошибок; когда-то доктор горько сказал Эллису: "Оставьте, доктор Эллис, сентиментально-культурные мысли: они вас до добра не доведут". Доктор хотел взаимной любви в деятельном сотрудничестве: хотя бы в одной *мелочи*; желание разделить *карму* доктора — тонкая форма лени: где-то в тысячелетиях — пострадать; и этим купить себе мгновенное право пассивно сидеть в кресле под кафедрой доктора.

Другая форма *скрытого эгоизма* в любви к нему: *ученики* и *ученицы* начинали требовать исключительного к себе внимания; если он, сердечно откликнувшийся на личные чувства, позволял себе *личное* проявление (он был готов всегда верить в действие любви и действием удесятенным, — откликнуться), — те, кому он откликался, начинали настойчиво требовать все больших откликов до... возни с ними. Я знаю примеры, когда отклик рождал иллюзию "*исключительных существ*", мечтавших об "*исключительности*" отношений в ущерб всем прочим; и доктор *во имя* любви должен был ставить грань внешнему ее проявлению.

О, как он умел ставить *грани*!

Но оскорбленные гранью начинали развивать тезу любви в антитезу неприязни, не видя, что уже синтез дан: в грани.

"Грань" — символ синтеза, потому что за гранью: билось безграничное чувство любви: доктора к людям; так моя встреча с доктором — встреча с *любящим христианином*; и тут-то трагедия выявления чувства любви; и появлялась нота: самопознания, жертвы, подвига и *мудрости*, как пути

к подвигу; сам сиял теплом любви, а на сияние опускал: шлем мудрости, забрало твердости. Отсюда и тема страдания о невозможности установить трапезу любви между собою и учениками своими; отсюда же и суть его дела: совместными усилиями очистить место для храма любви; но "храм" сгорал в люциферических душах; и строгость переходила в требование: работать для осуществления того, чтобы на развалинах общественного пожара построить дело, к которому хотели перенестись "единым махом".

Он знал психологию "единого маха"; и знал духовные законы, по которым такой "мах" перерождался в про-мах промаха; хорошо еще, если только про-мах.

Случались умами: умахивали от любви к доктору к врагам доктора; и там развивали "пыл" чувства к нему первоначальной любви в конечную ненависть.

Я мог бы здесь привести ряд случаев подобных "умахов". Но приведу один случай: случай с Эллисом.

2

Эллис, натура люциферическая², всю жизнь несся единым махом; и всегда — перемахивал, никогда не достигал цели в прыжках по жизни; его первый "мах": с гимназической скамьи к Карлу Марксу: отдавшись изучению "Капитала", он привязывал себя по ночам к креслу, чтобы не упасть в стол от переутомления; в результате: "умах" к... Бодлеру и символизму, в котором "единым махом" хотел он выявить разделение жизни на "падаль" и на "небесную розу"³; так в Бодлере совершился "умах": от Бодлера... к Данте и к толкованию "теософических бездн", т. е. в Данте совершился новый "умах": от Данте к Штейнеру; в 11-м году его снаряжали в путь: без денег, знания языка, опыта⁴; прожив с друзьями, водившими и "мывшими" его в буквальном смысле, — этот "слишком москвич", в Берлине становится "слишком германцем", сев в первый ряд уютного помещения берлинской ветви на Гайсбергштрассе.

Доктор, переутомленный, перегруженный делами, увидевши перед собой "такой фрукт", разумеется, с удивлением его разглядывал; как человек сердечный и добрый, окружил Эллиса всем, чем можно; видя "мах" и ужасную неразбериху сознания, он уделил Эллису большее внимание, чем другим, как "беспомощному"; принимал, выслушивал "доклады" ученика, начавшего путь ученичества с проекта: "единым махом" превратить Москву в общество учеников и учениц доктора; доктор с удивительным терпением принимается нежно смягчать "мах" Эллиса; Эллис рвется к "посту", — похлопывая его по плечу, косится сочувственно "добрым носом" (нос доктора часто делался добрым): "Доктор Эллис, вам нужно бы себя уплотнить, да хорошенько — мясом!" Обида: как? Антропософы — вегетарианцы; Эллис рвется к посту, а тут — мясо! На все попытки представить

проект полного переворота в России идеями доктора, доктор с терпением внушает Эллису: довольно жить "*перемахами*" и лучше бы Эллису не заниматься "мировыми переворотами".

Невероятен дар Эллиса: приставать, ходить по пятам; знаю это по опыту; доктор сквозь дела в силу исключительной "*воспаленности*" Эллиса, принимает его чаще прочих и реально печется о нем; приставляет добрых людей; печется об Эллисе во всех смыслах; и разрешает в тетрадочках ставить вопросы себе, разумеется: появляется град вопросов в тетрадке; и даже — град тетрадок с вопросами (Эллис показывал их); на полях тетрадок — ответы доктора⁴.

К Эллису относятся бережно; дикий и в Москве, Эллис, в условиях чопорного быта выглядел *непримично*; ему — прощали; но то один, то другой из немцев в ужасе от него убегал; "*Дер уммоглихе херр*"⁶. "*Херр*" не замечал собственной чудовищности; и, садясь в первый ряд, сбрасывал с занятых мест ридикюльчики (вещь, ужасная для Германии), чтобы из первого ряда "пылать" любовью.

Доктор, если и не "пылал", то делал все, что может сделать конкретная любовь (вплоть до замаскированной денежной помощи); Эллис все принимал, как должное; и — требовал большего, как "*избранный*" ученик; его любовь, как и все, приняла ужасные формы (доктор-де — воплощение Заратустры); он возненавидел, презирал всех, находящихся вблизи доктора, как недостойных; достоин — он, мы, едва пришедшие к доктору, да фрау Поольман-Мой, явившаяся вблизи него заботою доктора, ей подавшего мысль употребить свободные силы на то, чтобы защитить беззащитность Эллиса; есть "*пыл*" преданности; Эллис же развивал "*остервеменение*", готовое растерзать предмет "*пыла*".

Доктор, увидевши воспаление душевного состава Эллиса, отбирает от него все, что может разогреть "*пыл*", начиная с медитаций; медитировать нельзя в таком "*пыле*"; умытый, одетый, обожженный, вполне устроенный заботами о нем, но пылающий Эллис, пристаёт к доктору: доктор недооценил-де силы и красоты Люцифера; доктор нежнейше старается повернуть Эллиса к "*христианству*". Эллис — не внимает: люциферизировав сознание фрау Поольман-Мой, он вмешивается в ее "*истории*" с членами общества, грозит уже, схватывает палку.

В доме доктора Эллиса *угомоняют*: в начале 13-го года он делает заявление, что поколотит учеников доктора, как недостойных; он собирается на лекции устроить кому-то скандал, кто достоин "учителя". Я удивлялся *терпению* доктора; нужно было действительно любить человека, чтобы сносить трудности бытия Эллиса в обществе. Эллис принимает все это, как должное: он — исключительный; и его отношения с доктором — тоже.

С начала 13-го года мне было ясно: близится новый "*перемах*".

Так и случилось: в три месяца свершилось — диалектика чувства: я невыразимо люблю доктора; доктор меня *исключительно* понимает; как же он может не быть со мною 24 часа в сутки?

Все — не стоят его; а он — с ними, что обижает: разве это христианство? В докторе — люциферический импульс.

Так, забыв о своих раздуваниях Люцифера и усилиях доктора их умерить, — он, бросив доктору упрек, уходит из А. О. и отдается католицизму, где ему предоставляется свобода пылать иезуитскими лозунгами. Мало того, он пишет брошюру против... доктора?; мне же о докторе пишет с иронией: "Наш мейстер стал танцмейстером"⁸. (Это об звритмии).

Так из "*единого маха*" вылупился стиль пасквиля по адресу того, кто был повернут живыми делами любви к нему.

Это — один случай "*пыла*", а случай с Минцловой? А случай с Шпренгель? Десятки случаев имели место.

Доктор страдал от "*пыланий*" — от человеческой слепоты, неумения любить и — ставил грани, опуская забрало на истинном лице своем; стоял с лозунгом: "Познай себя!"

3

Можно было бы долго говорить о деятельности, о миссии Штейнера, как любви и жертвы; это казалось банальной мыслью (о ком так не пишут?); жертва же доктора — превышала все мысли о ней.

Лучше отмечу я только *сердечность* в докторе, на силу которой порою нечем было ответить; *сила* же — не в физиологических выявлениях: жеста руки, произнесенных слов; он не говорил нам: "люблю, сочувствую". Он *делал любовь* видимой в намеке: и неуловимо вспыхивало солнечное тепло в полуулыбке лишь уст, глаз, чтобы жить года и давать плоды в трудные минуты покинутости; его улыбка была какая-то терапевтическая; лицо, процветая, как бы становилось огромною *розой* от полноты дара любви; распространяя неосязаемый аромат; только он "*дарил*" улыбкую и чувствовалось: нечем ответить. Был у него — дар улыбки ("*шармером*" — он не был); полнота *непредвзятого*, мгновенного сердечного проявления сказывалась: гигант в *сердечном* проявлении! Давила б улыбка его, если бы он ей, где нужно, не ставил преграды.

Солнечную улыбку его знали многие; о ней говорили; о ней — сказать надо; ни на одном портрете не запечатлелась она.

А. С. П. рассказывал мне: когда он прибыл впервые на курс доктора (в Берне в 1910 году), — он и не думал, что станет "*членом*"; он думал: ему предстоит путь иной; и ехал в Берн не встретиться, а — проститься: принести благодарность за прежде прочтенное. Это была абстракция. "*До нового свидания*", — сказал ему доктор; и — лицо его, по выражению А. С. П., стало "*розой*" (у него заимствую это сравнение с розой).

О проявлениях сердечности можно было бы написать тома. Велика была "*мудрость*", поставленная между любовью и долгом, но сила любви превышала порою и *мудрость*: количество приемов ширилось; час, способ-

ный вместить 6 свиданий от готовности выслушать — вмещал 12 свиданий; придешь по специальной записи: хвост ожидающих; выходишь: и — тот же хвост; автомобиль ждет; упакованы вещи, а доктор сидит и выслушивает; и — как выслушивает.

В такой обстановке протекало мое последнее свидание с ним; до меня — *хвост*; и после — *хвост*; автомобиль уже был подан (доктор из Штутгарта уезжал в Дорнах); когда он вышел ко мне и ввел меня в комнату, мы уселись за столиком; на нем — лица не было; трудно выслушать толпу сменяющихся людей, пришедших каждый со своим главным; его ответы звучали конкретно, попадая в *цель*, но разворачивались лишь в годах; все то мелькнуло в последнем свидании; он, повернув ко мне переутомленный лик с добрым орлиным носом, покосился с непередаваемой улыбкою: "Времени-то мало: постарайтесь сказать кратко все, что у вас на сердце". Двадцатиминутная беседа живет, как многочасовая — не оттого, что Я сумел сказать *все*, а оттого, что он мимо слов ответил на все: в последующих годах ответ — в ряде жизненных положений.

Только он умел так отвечать: надо было увидеть сквозь слово мысль месяцев, годов; и увидеть за мыслью итог переживаний; разглядеть — *волю мою*, мне тогда неясную. Так он ответил мне; на теперешние мои мысли ответил он; стало быть: как он *увидел* меня? Стало быть: какова была его конкретность ко мне?

Она превышала и силу моей любви к нему.

О чувствах — ни звука; он их мне *показал* до беседы — на собраниях в Штутгарте (23 года); тем, как он поглядывал, и тем, как он сам поймал за рукав меня, с книжкой, в передней, дернул, чтобы я обернулся, назначил прийти (день и час), записал себе в книжечку; а он был пере-пере-перегружен едва ли не сотнями свиданий в сквозных щелях свободного времени: между фортрагами¹⁰; и не ему бы ловить меня, а мне его; особенно сказалась его любовь в том, что он просил сказать все, что лежит на душе; а лежало многое вплоть до слова... против него; порокатьвал ревучим баском, разъясняя мне, как я не прав; и я чувствовал: от него на меня перешла атмосфера *тепла* и жара: как бы накрыла.

Все, что я говорил, было только трехмерно; атмосфера ж *тепла* и *жара*, меня омывавшая от моих окаяств и скорбей, не поддавалась учету; учет — вырастал в годах, как лучшее во мне.

Об этом тепле, как бы вырывающемся из сердца, рассказывала мне и моя приятельница; она попала случайно; и уезжала — надолго; свидание было нужно, а доктор был перегружен; у него вырвалось чуть не с досадой: "Почему приезжают во время собраний, когда у меня пет ни минуты!" Приятельница моя воскликнула: "Мы не вольны приезжать по желанию: едем, когда есть возможность". Повернулась и, огорченная, пошла; вдруг ей в спину: "Фрау такая-то". Обертывается: бежит доктор, протягивая руки; он взял ее за руки обеими руками; от него пахло теплом и жаром.

Покойный Т. Г. Трапезников рассказывал мне в глубоком волнении, как потрясла его сила душевного проявления доктора к нему: после одного

из достижений покойного, доктор был так взволнован моральным процессом, происшедшим с Т. Г., что прослезился.

Мудрость его не становилась порогом меж ним и учениками в тех случаях, когда сила сердечного проявления могла им не повредить.

Он — не был сентиментален; скорее, он мог казаться черствым — там именно, где вставали соблазны "сентиментализма".

И оттого-то "*дар слез*" в докторе глубоко взволновал Трапезникова.

4

Доктор умел помогать становлению сознания учеников, выжидая благоприятного момента, в который помощь могла бы действовать; не раз сетовал я: ослабевают силы; обстоятельства бьют; а доктор, как бы не видит; при встречах, на лекциях — нуль внимания. После я понял, что жест невнимания — в нем от сознания: ищущая поддержки душа не созрела до понимания; и надо еще потерпеть, ибо силы терпения не истощились; его поддержка апеллировала к сознанию.

В миги же, когда жизнь складывалась так, что события ее для тебя становились инсценировкой душевного содержания, где ставилось "*быть*" или "*не быть*", — доктор Штейнер со всей активностью появился на сцене судьбы с решительным, с бодрым, дарящим: "*Быть!*" Коллизия разрешалась "*катарсисом*"¹¹.

Продуманною постановкой своих отношений к тому, к этой, умел он склонять к прекрасному, к доброму, не нарушая свободы, но лишь ослабляя иску.

Осенью 1913 года в Мюнхене во мне шла борьба¹²; он же подчеркивал свое равнодушие; и — даже подчеркивал строгость; укор выражал его взгляд; после я понял: он знал, что делал; он хотел, чтобы я сам разглядел корень зла в себе; однажды в концерте встала передо мною картина меня самого; и я с горечью готов был сложить оружие; вдруг приподнялся из первого ряда он и так посмотрел, что переживания самопознания высклелись в свет.

Он шел *помощником скорым и действенным* от сознания к сознанию; и долго ждал мига: прийти на помощь; может быть, "*Херр доктор Штейнер*"¹³ и не знал до конца рассудком о мотивах своего действия, отдаваясь духовному ритму так именно, как сам же он описал в своих драмах-мистериях ритм поведения нового учителя.

Он вырастал в миги, когда была нужна его близость; и — странный факт, который не раз замечал я: были периоды, когда не встречался он мне нигде; а он появлялся всюду: на работах, на лекциях; лишь я не встречал его, хотя жил напротив; то, так сказать, наполнял он окрестность собою; и там, — доктор Штейнер; и здесь — доктор Штейнер; куда ни пойдешь — доктор Штейнер; идешь ли на лекцию — с ним на дороге столкнешься (его ли догонишь, или он сам догонит); идешь ли так просто, — гулять;

и опять: доктор Штейнер идет в Арлесгейм, где месяцами не бывал он; под мышкою — зонтик, пакеты какие-то; в Базель поедешь: на базельской улице, около книжной витрины, стоит доктор Штейнер: один, для себя; и ритму дивишься, заставившему его... точно "размножиться", чтобы отовсюду явиться, везде оказаться.

Вспоминались невольно его же слова: "Когда в нас инспирация действует, мускулы сами нас тащат на нужное место, где ждет нас судьба".

Весною 15 года, как помнится, — в марте (на лекции — после нее) вблизи выхода из помещения столярки меня по плечу кто-то хлоп: и — крепчайше! Обертываюсь; и — лицом в лицо: доктор; стоит и серьезный, и добрый: отеческий; глаза — моргают; басок его: "Мужество, херр Бутаев: не надо бояться!" Но... но... но чего? Были страдания, недоумения, боль; но — при чем страх? После открылись причины; и более того: страх длился месяцы: мрачный период, в котором обращался все жестом к нему, прося помощи; он — не внимал; с апреля до августа длились приступы непередаваемых состояний; их доктор предвидя, до них подойдя ко мне, хлопнув меня по плечу ("мут!"¹⁴), вооружил заранее на борьбу с призраком "страха", который еще *предстоял*.

Кроме внутренней помощи, и внешнюю помощь оказывал он, где лишь мог; так в 14 и 15 годах, когда съехались в Дорнах отовсюду и открылись эпидемии (грипп, инфлуэнца), вставали потребности иметь антропософа врача; лечила нас доктор Фридкина (русская женщина-врач), до сих пор еще не практиковавшая, но имеющая права на врачебную практику; Фридкина доктору давала отчет о всех больных; и он знал, кто чем болен; входил он в детали лечения Фридкиной и ей давал ряд советов.

5

Гибкость доктора, его способность меняться на протяжении получаса, была невероятна; он владел даром координировать проявления многих "личностей", в нем живших, в одно целое, в организацию личностей, в коллегия личностей; эта коллегия личностей, из которых каждая проявляла себя совершенно свободно и искренне, в целом являла законченный индивидуальный стиль: *индивидуум* стиля — высшее "Я" доктора; наше "Я" в индивидуальном своем проявлении отпечатывается в наших противоречиях (схватках "*личностей*" внутри их держащего *индивидуума*), как самосознающей души; в докторе же, как в индивидууме, жил "*манас*"¹⁵; и этим "*манасом*" индивидуальность его так вычерчивалась среди других индивидуальностей; она была как бы в иной климатической зоне, над бурями: в блеске и солнечном трепете смеющихся ледниковых вершин; зона самосознающей души, в ее обычных выявлениях, как зоны индивидуальной, — еще зона туманов, зона — обычного пояса; душа рассуждающая — взгляд на стелющиеся внизу луговые ландшафты, являющие абстракт-

цию ландшафты, как географическая карта; зона души ощущающей — цветущая луговина подножия.

"Манас" в докторе — снежная белизна в бездне неба; но доктор владел и всей градацией "душ" под "манасом": и поясом бурь, и цветущим лугом; в поясе бурь он гремел; на луге — цветы собирал; "полясы" эти в нем жили, как бы в одновременности.

Помню:

Однажды, на бурном и ответственном заседании в Дорнахе доктор сказал членам А. О., что если они не найдут средств изжить выявившиеся противоречия внутри общества, то — во-первых, общество должно закрыться; и — тем самым: все огромное предприятие с постройкой Гетеанума аннулируется; нам остается, так сказать, сложить чемоданы и разъехаться; а Гетеануму, так сказать, оставалось мокнуть в лесах под осенним ненастьем; таков был смысл речи доктора; сказал он это так, как только умел сказать; он умел ударить словами, как громом; и быть громом; глаза его умели в это время быть молниями, обжигающими безжалостно; голос его, в эти минуты, был гром в буквальном смысле слова. Помню гнетущее впечатление от этих его слов, когда мы расходились с собрания. На следующий день должно было членам Совета и собравшимся вынести резолюцию, ликвидирующую многонедельное топтание на месте; это топтание выражалось в том, что возникал *инцидент за инцидентом* в дорнахской группе; ликвидация же инцидента вскрывала новые инциденты; неисчерпаемость инцидентов коренилась, по-видимому, в недоверии к "группе", с которой доктор работал в Дорнахе; "тетки" разнесли сплетни по разным ветвям о том, что в Дорнахе, де, Бог знает что делается; наехали с разных сторон *контролеры*; собрали в Дорнахе *большой совет*; так сказать, стали контролировать центральный президиум (Унгер, М. Я., Бауэр), бывший в курсе внутренних дел Дорнаха; члены президиума были на стороне дорнахской группы строителей, работавших с доктором в контакте; самоchinные *контролеры* просунули неudelикатно свой нос в дорнахские дела; М. Я. Штейнер вышла из президиума; просовывание носа не в свои дела "большого совета" вскрыло ряд *инцидентов*, но в итоге разбора в инцидентах оказались виновны сплетницы; в Дорнахе вспыхнул пожар свар. Доктор всем жестом своим говорил: "Бросьте глупый контроль над молодыми сотрудниками; видите, что из всего выходит?" Но многомесячная сплетня создала предубеждение против дорнахцев, которых называли в иных отдельных ложах дорнахской "сволочью".

Жест доктора остался непонятным; в итоге — появился раскол уже не только между стариками и молодежью, но и между *гарантами мозг*, с одной стороны, между *президиумом и дорнахской группой* — с другой стороны. Вот на это-то противоречие в самом, так сказать, правлении Общества и указывал доктор.

Тучей взошел на кафедру; и громовым напутствием закрыл заседание.

На следующий день мы с А. А. Т. должны были ужинать у доктора, после заседания (были приглашены); на заседании должны были прийти

к результату; недели разбора свар до того утомили всех (более всего работающих при Гетеануме), что некоторые испытывали нервное заболевание в буквальном смысле; между тем выяснилось, что ликвидация путаницы зависела не столько от "путаников" и "путаниц", сколько от распутывающих, среди которых находились иноземные ревизоры дорнахской жизни; это последние должны были, так сказать, ревизовать собственное сознание, оставив в покое быт жизни дорнахской рабочей группы; на заседании обнаружилось, что никакого исхода из положения — нет. Доктор, отгремевший накануне, явился на заседание с бледным, каким-то мертвым лицом, и сел в первый ряд с демонстративным видом уже ушедшего, стороннего наблюдателя; его взгляд говорил: "Не спрашивайте меня: я предупреждал; вы — не выжили". Во всей позе его (как он сидел в кресле) чувствовалось, что "чемоданы" его, так сказать, сложены; и он — готов к отъезду.

Страшны были его громы; еще страшнее была ледяная тишина, веявшая от него; в этой позе он напоминал ледник на фоне черной бездонной ночи.

На заседании *все еще* не пришли ни к какому результату; отложили решение еще на один день.

Доктор, как пришел, как сидел, — так встал; и — ушел; ни с кем — ни звука: сжатые, сухие губы; и взгляд на окружающее — презрительно уничтожающий; и уже даже — не заинтересованный; он ушел с заседания с таким видом, будто он говорил: "я здесь ни при чем".

Чувствовалось, что наше появление к доктору после происшедшего — анахронизм; казалось — ввиду разразившейся драмы, появление это равносильно неуместному визиту в дом, где — покойник; "покойником" — то было А. О., вызванное доктором к жизни.

С трепетом шли к нему с заседания, пропустив его с М. Я. вперед, с трепетом звонились; входили, как в дом покойника; и — что же? Из передней мы видим: в столовой доктора, очень красочной (вокруг стола здесь стояли огромные, декоративные, красные кресла) — в пальто еще (было слякотно) доктор сидел в красном кресле, снимая кожаные ботфорты, которые он носил; приподняв кверху лицо в сторону фрейлейн Валлер, он заливался безудержным детским смехом в ответ на какую-то шутку Валлер; я никогда не забуду глаз доктора; в эту минуту это были глаза ребенка; на столе стоял букет красных роз; и, помнится, что из-за этого букета, увидев нас в передней, он стал махать нам рукой, приглашая в столовую; и опять в этом жесте помахивания рукой — вырвалась резвость; весь вечер доктор были шутлив и игрив; часто он заливался хохотом; и был готов к маленьким шалостям в разговоре, как бы провоцируя нас к ним; после ужина он не раз вскакивал из-за чая; и со словами: "Погодите, я вам покажу...", исчезал; и вновь появлялся: с чем именно, не помню; помню лишь, что раз появился с томиком Гете; и удивительно прочел под красными розами стихотворение Гетево "Росслейн"¹⁶.

Между прочим: незадолго до этого А. А. Т. исполнила это стихотворение с Киселевой на дорнахском подиуме (эзритмически); и уже по этому

поводу бродили какие-то *сплетни*; будто стихотворение в подоплеке своей неприлично. Доктор чтением и комментированием стихотворению давал детский, невинный оттенок; была какая-то грустная легкость в его исполнении. Чувствовался одновременно: и цветущий луг, и ребенок, играющий на луге с цветами; но и луг, и ребенок чувствовались прозрачными горным воздухом неба.

Доктор, каким он был в этот вечер после заседания, живет в памяти моей — смеющимся и лучезарным: почти ребенком; пожалуй, *таким* веселым я его никогда не видел; и тот же доктор, каким он был на заседании, живет в памяти моей, безжалостно зловецким и ледяным; такой *ледяной* презрительности, какая отпечатлелась в нем в тот же вечер, — я тоже не видел; но пауза между *ледяностью* и *весельем* равна времени, какое нужно затратить, чтобы с дорнахского холма прийти к "*Вилла Ганзи*" — *пять минут*. В эти пять минут переродилась природа доктора. Доктор на заседании — одна личность, доктор у себя — другая. Обе в своей независимости выявились искренне до конца; пересечение обоих, оно было, — так сказать, над нашим кругозором: в поясе загрозовом: в блеске белых ледников: в Манасе!

6

Доктор нес в себе что-то строго-огромное; что-то огромное — до строгости; и это *огромное*, что он нес, он не мог никуда поставить; представьте себе: из далеких стран с огромною ценною тяжестью пришел некто: подарить ценность; и — обнаружилось: у даримых нет места, куда бы можно было поставить ценность; это "*место*" для ценности они, так сказать, разрушили в годах сна; аннулировался как бы по вине даримых весь смысл подарка; и некто, изнемогший под бременем ценности, должен был стоять с ценностью, держать ценность, изнемогая в потребности поставить ее: дать другим.

Вся деятельность в годах, все кипения в теософическом и после в антропософическом обществах, — деятельность постройки такого места, внутри которого можно было бы поставить ценность; последней попыткой *поставить ценности, в доме*, — постройка *дома*: для ценности. Этим домом должен был быть *Гетеанум*; но он сгорел. До открытия второго Гетеанума — *некто*, пришедший с ценностью, не дождал; как пришел, так и ушел, неся в себе самую важную ценность; многое дал, обогатил, — на десятилетия; но мог бы обогатить и более, ибо все богатство — для "*большого*". Эта ценность, которую нес "*некто*", часто во мне вставала в образе Грааля¹⁷.

Доктор всю жизнь на руках нес Грааля: ходил с Граалем, и даже спал, подняв над головой утомленные руки, с Граалем. Отсюда тон строгости и печать *мучения*, невыразимого — от невозможности дать к осуществлению то, с чем он ходил. И эта строгость — как бы фон всех душевных проявлений; и оттого эти проявления в докторе на фоне миссии его жизни

порою *остраивались невероятно*; душевные проявления, периферические, в нем были остры, странны до вздога; и чем внешнее проявлялся доктор, тем сильнее я испытывал, как бы внутренний вздрог.

7

Особенно *странно* было подмечать в нем, подчас сдерживаемые им в себе вспышки смешливости; доктор, — это звучит невероятно — был смешлив; он был охотник до смешливых парадоксов; только этим объясняя, что из всех стихотворений моих с его ведома было выбрано для зрительского исполнения то, в котором описывается, как притащившийся к ледникам горбун седовласый —

Голосил
Низким басом: —
В небеса запустил
Ананасом¹⁸.

С одной стороны: "*доктор Штейнер*", *духовное* движение, *путь* посвящения. С другой — озорство: "*Запустил в небеса ананасом*". Но в докторе жила нотка смешливости, "*шутник*" в нем мог воскликнуть: "*запустил ананасом*" — зер шон¹⁹: давайте сюда, на подиум! Эллис рассказывал: доктору и М. Я. он представлял, как ходит по дворику петух.

Однажды молодая антропософка столкнулась с доктором в пространстве перед уборной; и сделала вид, что она идет *мимо* уборной, а не в уборную; доктор всем своим строгим видом показал ей, что, разумеется, она идет: *мимо уборной*. Но судьбе было угодно подшутить: в этот же вечер, с *тою* же целью эта членка шла к той же уборной; и — о ужас: перед *тою* ж уборной — возник доктор; тут, — он не выдержал; строгое, не замечающее уборную лицо его, покрылось морщинками; закрывая лицо рукою, — он едва ли не поперхнулся смехом, не совладев с собой: он — был смешлив.

Другой случай: особа женского пола, претендующая, что она *водит*, куда хочет, по жизни своего мужа, вела его за пустой рукав надетого на плечи пальто с дорнахского холма; навстречу — доктор; ему поклонились; он — ответил; но — остановился; и — недоумевающе внимательно посмотрел, пропуская идущих мимо себя; когда муж самоуверенной дамы невольно обернулся, пройдя мимо доктора, на доктора, не понимая, почему доктор так пристально посмотрел на него, он увидел такую картину: повернувшийся доктор стоит и смотрит в спину идущим; закрыв лицо рукою, он с неподдельной веселостью сам с собою цветет улыбкой им вслед. Обернувшийся муж, удивленный и отчасти потрясенный этим смехом в спину, стал размышлять о причине этого смеха; и тут увидел, что фигура молоденькой дамы, самоуверенно шедшей перед ним, была смешна в той позе, в какой она тащила за собой не мужа, а пальто мужа за пустой рукав; этот муж сообразил, что у него, вероятно, было надутое лицо, когда с ним встретился доктор.

Но смешная картина ведения за *пустой рукав пальто* (не человека: человек шел добровольно, делая вид, что его ведут) оказалась в судьбах отношений описываемой пары — символической. Доктор оттого рассмеялся, что во внешней ситуации: *ведение пустого рукава пальто мужа* (вместо мужа) он увидел смешное в претензии: к руководительству.

Смех доктора бывал — детский; но иные выявления смешливости были остранены чем-то острым: до жути.

Доктор любил — в припадке смешливости изредка... позубоскалить: однажды показал он мне изображение одной из химер Парижской Богоматери; и сказал — с плутоватым видом: "Посмотрите-ка: фрейлейн такая-то говорит, будто она похожа на эту химеру". Химера действительно выявляла карикатуру "*фрейлейн такой-то*". Казалось бы — довольно, нет: толкая пальцем меня, доктор с лицом нарочито невинным, заставляющим эту невинность подозревать, — прибавил: "Заметьте: это не я говорю: это фрейлейн такая-то говорит о себе".

Однажды прибегает к нам Рихтер и говорит: "Знаете, что сказал доктор про X?" — Нет. — "Приходит ко мне в мастерскую, садится в кресло, облакачивается руками в колени, — и прямо с места: "Знаете ли, Рихтер, — у фрау X две пары крыльев"⁹⁰. Данное выпаливание в лицо Рихтеру парадоксом о двух парах крыльев, разумеется, не было ритуальным сообщением духовно-научного порядка; доктор, как духовный водитель, не разглашал тайн духовного бытия своих учеников; "*две пары крыльев*" относились, вероятно, к удивительной раздвоенности природы у X; она одновременно на одной паре крыльев как бы неслась в "*мистику*"; на другой — "*во флирт*"; "*две пары крыльев*" — замаскированное порицание; и одновременно — афоризм, порожденный смешливостью доктора, очевидно наблюдавшего с интересом X, как она, одновременно, летала: в противоположные обители.

Т. Г. Трапезников рассказывал, вернувшись с заседания форштганда²¹, на котором обсуждались очень серьезные и ответственные дела, как доктор из какой-то игры слов выявил образ толстухи Шолль, сидящей на тощих чьих-то мужских коленях; кажется, Шолль присутствовала при этом. Я не знаю точно, откуда вырос этот образ-гротеск: но — смешливость доктора его подцепила и подчеркнула.

Однажды я показал доктору схему, изображавшую двух *престолов*; мое неумение нарисовать просто человеческое лицо выявилось в том, что вместо *престолов* в поле зрения доктора появились две здоровенные рожи с лепешистыми щеками, старательно раскрашенными; лицо доктора вспыхнуло молниями смеха, но он их подавил, сказав лишь: "Ого!" И перешел к обсуждению уже не "Рожи", а сути схемы; но в лице его долго еще бегали искорки смеха потом: он был смешливый.

Проявление искорок этой смешливости на фоне строгой до огромности скорби, с которой он ходил, неудержимость этих искорок, производили особенно острое, странное впечатление, белая искорка на черном фоне — ослепительнее, чем на фоне цветном. В искорках веселости выглублялась за ними стоящая молчаливая и будящая совесть глубина строгости.

Доктор был *смешлив*; и я уже отметил, почему *смешливость* его на фоне строгой грусти, в нем жившей, казалась остранинной, до дрожи; кроме детского смеха в нем жил подавленный смешок, усмешка из-под серьезности.

В этой усмешке себя изживала порою любовь к парадоксу, к чудачеству даже; лишь в этом разрезе можно понять, что порою он, не будучи *декадентом*²², умел перемигиваться с декадентами и с символистами; ведь декаденты уже ощутили бездну — реально; *бездна* их была выявлением пропасти, в которую *декаденты* и падали, о чем писал Брюсов:

Не поскользнусь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе небития?²³

Миг декадентского *вспыха* был мигом *падения* их; миг вспыха в учении доктора, — миг приглашения к упражнению в летательном действии над *бездной*. Доктор сходил с *декадентами* в утверждении, что *бездна*, куда падают: есть; и — уже разверста; обыватели этой бездны не знали; так что в одной, узкой грани, — *доктор* и *декаденты* были как бы согласно противопоставлены людям прошлого века; отсюда и умение *доктора* при случае подмигнуть декаденту — переживанием *странным*, с усмешкою странной; в этом смысле воскликнул *Элис*, которому я однажды передал обмен слов между мною и доктором; и воскликнул, заливаясь хохотом: "О, доктор-декадент шестого *"Цейтраума"*²⁴; попробуй ему сказать предельное в смысле *дикости*; он и глазом не сморгнув, с невозмутимым видом ответит *дикостью*, возведенной в зиную степень, и способной свалить с ног быка".

Разумеется, — доктор не был *декадентом*; но суть и глубину декадентства, как болезни, он так понимал, как будто он сам прошел сквозь декадентство; я разумею декадентство в его жизненном нерве, а не *литературное течение*, в котором на действительно *декадентских* переживаниях мимикрировали и — поза, эстетизм. Ему ли не понимать декадентски-тютчевской *"бездны"* (*"И бездна явлена тоской с своими страхами и мглами"*²⁵), когда, можно сказать, он устанавливал самый отправной пункт *духовного знания* — от *"бездны"*: "Так нахожу я в нисхождении и мертвой ночи творчество нового начала" (из стихов его)²⁶.

Самой гносеологической основе нормального познания (высшей степени *"ненормального"* для мещанства) — по доктору предшествует процесс разоблачения предрассудков, — до выступления из-под них, ими извне лишь скованного, *хаоса* неподвизанного опыта; учение об этом опыте, взятое в рассудке, оставалось *"учением среди учений"*; но взятое в опыте, к которому он звал, оно становилось переживанием бездны и опытом бездны: остраивающим все восприятия; и доктор, где можно *остранил* восприятия; а его *усмешка* порою была остраивающей *усмешкою*; нужно было быть символистом, чтобы видеть эту усмешку; не символисты тут именно видели — очень странное резонирование: игру софизмов.

На опыт "бездны", бывавший у его учеников, он реагировал странными вспышками странной смешливости; М. В. В. однажды, поморщившись, мне говорила: "О, эти шутки доктора! Они грубоваты..." Да, — но в грубоватость шуток был часто вложен тончайший шарж.

Вот почему он так любил в Моргенштерне не только антропософские стихи, но и те, в которых оскала бездны и падение вверх платами остранены в шуточный гротеск; именно: он реагировал на все оттенки "Песен повешенного", — этой до футуризма возникшей в Моргенштерне футуристической книге: он — проповедовал эти "Пески"; и очень любил, чтобы его эвритмистки исполняли шуточные моргенштерновские стихи; без "Песен" не обходилось почти ни одно эвритмистическое представление эпохи 1914—1915 годов.

Оттого-то он реагировал и на мое "Запустил ананасом", когда ему перевели стихотворение, фразой: "Но это же — правильно!"

9

Однажды, когда я сидел у него за чаем, он прервал меня: "Подождите, я вам что покажу...", встал из-за стола и со свойственной ему легкостью быстро вылетел из комнаты; послышалась дробь его шагов; он легко взбежал по лестнице — во второй этаж виллы "Хамзи", где был его кабинет; скоро он спустился с большой книгой. "Смотрите, это — изображения к Кунрату²⁴; видите — вон монстр; и вот; всюду — монстры. Многие говорились мистиками и толкователями Кунрата о символическом значении изображений; а между тем, — тут никакого символизма нет; и все глубокомыслие на дешифрование рисунков — тратилось впустую. Дело в том, что эти монстры — знакомые Кунрата; так Кунрат видел своих знакомых".

И доктор посмотрел на меня с оттенком смешливости, чуть не с подмигом; и — повторил с значительной грустью: "Да, — так он видел людей". И — помолчав: "И правильно видел: люди в астрале порой выявляются, как таковые; Кунрат лишь перенес свои восприятия, их уплотнив на бумаге; и получились — чудища".

Помолчавши, добавил:

"Человек человеку — замкнутая вселенная; в человеке есть все, и то, что видел Кунрат".

Дело в том, что в это время я именно о многих людях, бывающих в А. О., имел восприятия, как о чудищах; мне все что-то *розилося* в это время; думаю, что мысль показать мне рожи знакомых Кунрата пришла на ум доктору потому именно; в этом показывании чудовищ и явном подмиге о том, что человек человеку — "страшная бездна", сказала та вызывающая вздрог, остраненная донельзя смешливость доктора, которая уже не напоминала нисколько мной описанный его детский смех.

Все сказали бы, что это — эпатирование а ля Маяковский и ранний Брюсов эпохи шедевров; доктор был велик тем, что умел назидать и *декадентов*; являясь порой перед ними; и говоря с ними на их языке.

Для всех он был всем; с символистами, как символист, с декадентами, как декадент.

Некоторые *смешливые* мины доктора имели явно символический смысл; но *символизм* смешка, как бы невольно вырвавшегося сквозь серьезность, открывался впоследствии; так один господин, жалуясь на холодность к нему жены и относя ее к необычайной духовной высоте этой последней, воскликнул, указывая на рядом с ним стоящую жену: "*Херр доктор, моя жена, как Монблан, так далеко!*", на что доктор со странной усмешкой отвечал: "Но ведь Монблан не так уж далек". Монблан от Дорнаха не был далек; но — суть не в Монблане, а в том, что пресловутая *высота* была вовсе не так *высока*, что после обнаружилось; в пору же идеализации господин "X" не мог, конечно, подумать, что доктор шуткой отчитывает в нем абстрактность, вне отнесения к *эсеме* каламбура (к такому отнесению он не был готов), шутка выглядела вполне непонятной.

Таким же неуместным и непонятным ответом, сквозящим шутливостью и высказанным не без озорства, были слова доктора мне, на почти вскрик мой о том, что я так скверен: "*Но вы же написали хорошую книгу*"²⁹. Сколько раз удивлялся неуместному, каламбурному ответу; и сколько раз в душе поднимался протест: "В духе ли духовного водителя отвечать с таким легкомыслием на вопросы моего сознания; какое отношение имеет хорошо или дурно написанная книга к *конкретной утрате* человеком *пути*"? Мне казалось, что я утратил мой путь; я уже вышел из возраста видеть смысл моего бытия в хорошо или дурно написанной книге. Слова доктора казались мне почти вызывающими, а странная смешливость тона казалась обидной.

В годах мне осмыслились: ответ: и — тон ответа; это был символический ответ; и смешливость тона была — странной смешливостью; в ту минуту я должен был вспомнить свои собственные слова о мудреце, написанные за 12 лет до разговора с доктором; о мудреце, как *весельчаке*.

Доктор был таким *весельчаком*; он умел, где нужно, перед учениками ходить с духовной наукой, как с "*веселой наукой*"³⁰; он весь в эти минуты делался легконогим; и — кстати сказать; походка его была легкая, как ветер; издали глядя, как он поднимался утрами на дорнахский холм, можно было бы подумать: вот взбегает вверх легкий юноша; странно, что этот юноша — в сюртуке, развевающимся по ветру; тогда лишь соображалось, что это — доктор; с легкостью порою взлетал он на холм; и начинал носиться по холму от одного рабочего барака к другому; легко взлетал по лесам, быстро оказываясь под куполом, где подчас он вскарабкивался на ящички, чтобы очутиться рядом с работающим и наглядно ему объяснить свою мысль о форме; когда он шел с М. Я., то он — медленно — *плыл* с нею под руку; когда, бывало, один возвращался, то — быстрыми, легкими шажками слетал, вернее, сносился с холма, перегоняя медленно идущих

рабочих, стремительно сворачивал на углу; и с развевающимися фалдами сюртука влетал в палисадник виллы "Ханзи"; эта картина — сколько раз мною видана: ведь наш домик был против домика доктора.

10

Не раз эвритмистки утверждали, что у доктора эвритмическая походка; и это значило — вот что: одно из первых упражнений в эвритмии — исправление ритма походки, неравномерно огрубленной в обычной жизни; мы наступаем на ступни (в эвритмии — на носки); мы ходим, точно по колдобинам; колдобины шага — неумение переносить ногу и неумение применяться к ритму переноса другою ногою; к эвритмической походке приучаются в ряде упражнений; она — не сразу дается; *идеал* — усвоить настолько ритм этой походки, чтобы *заходить* и в жизни, как в эвритмии. Доктор — до эвритмии ходил эвритмически: произвольно эвритмически: ступая носком, соблюдал ритм переноса ноги, разумеется, не думал о правилах эвритмии; и от свойств эвритмической походки уже зависела *стать* его; стремление держать туловище прямо, не сгибаться, не *колыхаться* ногами, плечами, локтями; доктор — прямой-прямой, — обхватив рукою руку с зонтом у себя на груди, не колыхаясь локтями и не припрыгивая, быстро неся на быстрых и маленьких шажках, напоминающих произвольно *па* какого-то неизвестного никому танца.

В буквальном смысле он был *легконогий плясун* при ходьбе, как Заратустра; и такой же он был легко-мыслящий, резво-мыслящий (символами, парадоксами, шутками); легкий и острый.

Но, повторяю, его *шаловливость* — явление горнего порядка; о ней можно говорить лишь условившись о том, что фон этой *шаловливости* установлен точно и прочно: раз навсегда; он — огромная серьезность, огромная строгость, огромное страдание, огромная любовь.

Эти четыре свойства входили, так сказать, в *субстанцию* всех его проявлений: *смешливость* и *шаловливость* — вспыхивающие не всегда *акциденции* этой *субстанции*; не всегда, не особенно часто; и главное — не для всех.

11

Были люди, к которым никогда не повертывал он своего смешливого лица; *острота* и *странность* этого лица — смутила бы их, а доктор без нужды *никогда* не *смутил*.

Наоборот: он успокаивал простотою старушек; любил старушек; любил их непритязательность: требовательный к успевающим и на едва достижимый успех отвечающий жестом "*эксцельзиор*"³¹, — он к простым, мирным, душевным людям, прибегающим в А. О., чтобы здесь сложить *простежки* проведенную жизнь, не применял никаких требований; бывало,

— шепчет в уши ему семидесятилетняя старушка о том, что она во сне увидела мышь, — а доктор, склонив ухо к ней (на одно ухо он плохо слышал), слушает ее с огромной серьезной заботой, приговаривая нараспев: "Зoo... Зоо... Зоо..."³¹. И в склонении головы, и в моргающих добродушною озабоченностью глазах, — искренняя печать: *любви к старушке*.

Старушку берег доктор от её непосильных соблазнов и искусов; и стиль шуток его со *старушками* был совершенно иного рода, чем стиль шуток со мною и Эллисом; вот одна шутка его по адресу его слушающих *старушек* — на лекция об эвритмии: "Эвритмия — искусство для детей и молодых людей, возрастом, — до семидесяти лет, так что фрейлейн Киттель может отдаться эвритмии". Фр. Киттель — милейшая старушка, носящаяся за доктором из города в город. Можно сказать, что его любовь к *старушкам*, напоминающая мне любовь Жореса к *котам*, — была его слабостью; *старушками* одно время переполнил он А. О., — в ущерб себе самому.

12

Совершенно другой стиль его отношения к "*теткам*" и "*дядям*"; любя человека, он не любил в человеке "*дяди*" и "*тетки*"; шутки его по адресу "*теток*" бывали *жестоки*; но ведь он так страдал от "*теток*"; на жалобу, что фрау такая-то вообразила себя перевоплощением Магдалины, ответил со вздохом он: "Увы, — в моей практике, это уже *пятидесятый случай*". "*Тетки*" *обдавали* его кипятком преданности, смешанной с парами душевой влюбленности, на что порою он жаловался с эстрады, взывая к трезвости и потрясая в руке им полученным (в который раз) объяснением в любви. Его жалоба с эстрады на "*тетку*" был опять-таки назидательный такую "*тетку*" гафф.

"*Тетка*" — определение антропософки, догматически шаржирующей антропософию; с "*теткой*" — боролся доктор всю жизнь; а "*тетка*" — перла и перла в общество на протяжении 20 лет, преодолевая все искусственные преграды, ставимые ей на пути; т. е. "*перла*" не тетка, а — появлялась *дама*: ничего себе, порою не глупая, не бездарная, с задатками к пониманию; через 2—3 года из *дамы* вываливалась "*тетка*"; "*тетка*" — продукт преодоления субъективной имажинации; может быть, "*тетку*" и не пустили бы в общество; пускали "*человека*" женского пола; доктор сочувствовал эмансипации "*человека*" в женщине из-под гнета немецкого, мужланского кулака; и "*женщине-человеку*" были широко открыты двери общества; но мелкобуржуазность среды, в которой развивалась немецкая женщина, создавала из нее под действием антропософских паров — часто — *тетку* и только *тетку*; тетка — продукт горения разных продуктов; "*тетками*" делались и художницы, и бывшие кухарки, и дамы с высшим образованием, и дамы-благотворительницы; фрейлины, купчихи, чиновницы, полукухарки, артистки, социал-демократки, попадая

в горн А. О., уже внутренне перекристаллизовались в "тетку"; в ряде лет процесс *теткообразования* отлагался в мощных пластах балласта; и для доктора возникла серьезная проблема: как разгрузиться от "тетки"; просто выбросить "тетку" — нельзя: ведь она — человек; пока она не совершит чего-либо позорного, ее *насильно* уйти нельзя; подвергнуть тетку экзамену, тоже нельзя, да и нерационально: многие "тетки" обладали в обществе высоким образовательным цензом; подвергнуть "тетку" внешнему "*духовному экзамену*", но это — нарушало ту самую свободу, за которую стоял доктор; и потом "*духовный экзамен*" не соизмерим с внешним уставом общества, организации внешне *социальной*.

Словом, — оставалось тетку терпеть с тайной надеждой, что она сама, разочаровавшись в обществе, очастливит дело доктора, его разгрузив от себя; но, увы, — все старания доктора разгрузить "тетку" от общества, оканчивались неблагоприятно; "тетка" переносила впоследствии все невзгоды своего бытия в обществе, чтобы остаться при докторе, вплоть до высказывания негодующих сентенций по адресу "тетки"-соседки, кивающей на нее, что она-то и есть "тетка".

"Тетки" под бичами насмешек над "тетками" начинали обвинять друг друга в "теткистве".

Так попытки искоренить "тетку" кончились ничем; "тетка" лишь в ряде лет научилась в обществе мимикрии: будучи "теткой", казаться не теткой; она сняла с себя кричащие знаки своего отличия, бросавшиеся в глаза в эпоху 1908—1914 годов: знаки — стриженные волосы, яркая стола, туники, очки, длинный нос, огромный подбородок; и — крест с розами на груди; в таком виде она сидела в первых рядах под доктором, умильно улыбаясь на все каламбуры о тетках.

Термин "тетка" придуман доктором.

В следующем семилетии (1915—1921) она села в задние ряды, сняв столу, крест; и стараясь казаться "*дамой*" и только "*дамой*"; первые ряды наполнились прыткими, на все готовыми "*не столь молодыми*" людьми, часто бритыми, в очках, с портфелями под мышкой и со множеством слов во рту; они — высказывали вслед за доктором на эстраду со словами: "*вот и я то же говорю: и могу доказать, что на основании такой-то науки, которой я доктор, из слов доктора Штейнера вытекает то-то и то-то*". Аудитория наполнялась теперь уже не *крестами*, а *формулами*.

Но раз доктор, смешливо поглядывая, сказал: "А вы не знаете? У нас есть не одни тетки; у нас есть и "*дяди*".

Смешливость доктора не знала границ; и каламбурами его о *дядях* и *тетках*, классическими, переполнилось общество; и теперь, когда я слышу со стороны о том, что антропософы — такие-сякие, я думаю: не стоит тратить пороха на вышучивание нас; если бы послушали, как мы сами себя вышучиваем, то соль насмешек над нами не казалась бы столь соленой.

Но "*солю*" остроум над нашими слабостями обучал нас: весельчак доктор.

Это *веселье* его, *веселье* шуток над обществом внутри общества, перекрещивалось с таким *страданием*, о котором не подозревали хулители антропософии; уже больной, говорил он, что болен не от работы и не от лекций: от посещений и от разговоров; от посещений — *антропософских*; и от разговоров — *антропософских*.

Здесь нота *веселья* его, остро жуткая, перекрещивалась с темой страдания, с мистерией жертвы, под бременем которой угас на физическом плане он.

Были моменты, когда его жест "*шучу*" означал: "Страдаю: со стиснутыми зубами".

И оттого вызывали вздрог эти искры странной смешливости.

В докторе не было ничего от грубого хохота: хохота — грохота; в нем жил смех ребенка; в нем жила усмешка, — которую воспринимаю я, как сдержанный смех сквозь сдержанные слезы; по существу это был — смех сквозь слезы, но — видоизмененный и остранный; видоизменяла и остранила в докторе — печать доктора: печать невыразимого целого, заставлявшая его, с одной стороны, выявлять все движения его душевно-духовного мира; с другой стороны — владеть выявлениями этими.

Он умел править миром своих проявлений; на то он был — педагог; и на то он был — великий артист проявлений.

Неудивительно, что в нем жил и великий актер.

14

"*Актер*" — это требует оговорки; доктор был до дна чист, до дна искренен и правдив. "*Актер*" был он не в жизни; в жизни он был ритмизатор собственных душевных движений. Когда я говорю "*Актер*", я разумею не жизнь, а сцену.

Он был великим *спецом* театрального искусства, если бы смолоду он пошел на сцену; к именам: Мочалова, Сальвини, Росси, Мунз-Сюлли, прибавилось бы новое имя: Штейнер.

В этом-то *специфическом* смысле называю я его великим актером: не в переносном, в прямом.

15

Из разговора с доктором: разговор происходит за столом: кончается ужин; доктор сидит на одном крае стола; рядом с ним — я; по другую сторону А. А. Т. На противоположном конце стола — Мария Яковлевна и Валлер. Перед доктором — миндальное молоко, которым запивает он пищу; я, провоцируемый выжидательным молчанием доктора,

поглядывающим на меня, рассказываю что-то о быте жизни в России; А. А. Т. свертывает пальцем бумажку: доктор давно уже наблюдает за ней: вдруг — прерывая меня, пальцем показывает на бумажку.

Доктор: "Если госпожа Т. будет и впредь мало есть, как сейчас, то она станет тоньше этой бумажки".

А. А. Т. (шутливо указывая на меня): "Если "Херр Бугаев" будет и впредь так много курить, он станет — худее меня".

Я: "Я хочу себя ограничить!"

Доктор (исподлобья взглянув на меня, — с насмешливой мрачностью): "Курильщик, имевший обыкновение выкуривать десять сигар, обещал врачу курить девять, врач сказал: "Нет уже, курите вы все десять; одной сигарой больше, иль меньше — не составит разницы!"

Разговор свернул на другую тему: я рассказывал о случае, бывшем с Розановым: к Розанову явился старик, объявивший себя Саваофом³³ и пригласивший на чай; на вопрос, где он живет, — старик: "В *неопалимой купине*"³⁴. Тем не менее — дал адрес гостиницы; доктор в ответ рассказал, как один другого звал в "Луну": но дело шло о гостинице "Луна".

16

Русские резные изделия радовали его; он привез в Дорнах деревянные игрушки, вырезанные военнопленными: резные коровки, собаки, лошадки, — запутешествовали по Дорнаху.

В его квартире был самовар: М. Я. вывезла из России его; самовар нам подавался.

Раз понадобился ему русский текст "Медного Всадника"; он спросил, есть ли у меня текст. "Хотелось бы, — сказал он, — выслушать, как звучит это произведение по-русски".

Другой раз сказал он: "У вас есть поэт, у которого ритм удивителен... Как его? — сморщил он лоб, пытаясь вспомнить. — Ко... Ко...", — и беспомощно посмотрел на меня. — "Кольцов?" — подсказал я. — "Да, да".

Он цитировал Вл. Соловьева на лекциях; раз о нем он сказал: "У Соловьева оригинально и ценно не *"что"*, а *"как"*"; разбирая в отдельности его мысли, — видишь: это — из Баадера, это — из Шеллинга; но сочетание до него высказанного — совершенно своеобразно, оно парадоксально для слуха Запада: точно входишь в тропическую оранжерею".

Он силился произнести фамилию "Соловьев", чтобы не вышло "Золовьев"; он напирал на "эсс", произносил это "эсс" с усилием: в его произношении казалось, что фамилия "Соловьев" начинается по меньшей мере с пяти "эсс".

Цитировал он и Минского, Мережковского, Вольнского; на одну из цитат последнего он однажды обрушился с кафедры (цитировал "Книгу великого гнева"³⁵). Бог мой — что было, когда он разбирал драму "Царь Иудейский"³⁶.

"Сантиментальная пошлость!" — восклицал он.

Однажды, когда я рассказывал ему, как я знакомил Мережковского с Жоресом, он меня перебил: "Погодите", — и принес немецкий журнал, в котором был напечатан перевод воспоминания Мережковского³⁷ об этом знакомстве; он прибавил: "Написано очень кокетливо!"; и прочел мне речи Мережковского Жоресу: "Он это говорил?" — спросил доктор меня; и я должен был признаться, что таких слов не слышал: говорил Философов с Жоресом, а Мережковский молчал...

"А что, — спросил доктор, — что делает Фи... Фи..., — он огляделся вокруг с добродушною лукавою и нарочитою беспомощностью, — Фи... Философова..." (разумел же он Дмитрия Владимировича, а не его мать "теософку").

Тогда же сказал он: "С Мережковским нельзя говорить: он не слышит и путает "коммон"³⁸ с "коммоньон"³⁹". С Мережковским он встретился в 1906 году, в Париже; об этом свидании я много слышал (от Мережковских, Минцловой, Минского и самого доктора).

17

Н. Н. Минский в бытность мою в Берлине в 1922 году мне рассказывал о своем разговоре с доктором, по его словам бывшем в 1906 году; Минский спросил доктора: "Ну, а когда можно ждать русской революции?" Будто бы доктор ответил: "Лет через двенадцать". Рассказывая это, Минский удивлялся зоркости доктора.

18

Однажды доктор сказал: "Это будет тогда, когда исчезнет русский интеллигент в том виде, в каком он является ныне: нервный, слабовольный, с мечтательным взглядом, с вьющимися волосами. Это будет тогда, когда новый русский — прямоволосый, волевой, веселый и т. д." Что "будет" — не знаю. Слова эти передала мне М. В. Волошина в 1915 году.

19

За столом он любил парадоксы: вспоминаю, как парадоксом ответил мне; только что на лекции он обратился к членам с просьбой не записывать его слов, когда он говорит к чувству: "Я понимаю, записывать мои мысли... но записывать слова, обращенные к чувству, — не услышать меня!" На ближайшей лекции доктор говорил очень внутренне; я же опять записал его слова; показывая свою книжечку, я улыбнулся: "Вы просили не записывать, а я — записал". Доктор (с невозмутимостью): "Ну, конечно: как водится: раз просил — вам осталось одно: поступить вопреки просьбе!"

Покойный Т. Г. Трапезников мне рассказывал: когда я уже уехал из Дорнаха, доктор много говорил о политиканстве, губящем Европу; и — между прочим он говорил о карте, будто бы составленной задолго до войны, где теперешняя "Югославия" уже существовала. (Заметьте: это говорилось доктором еще в 1916 году); она была отмечена особой краской; его подход к газетной прессе был категоричен: "Дается лозунг засорить головы, — и публицисты, даже не ведая, что творят, исполняют приказ". Этот взгляд на военную прессу он проводил неуклонно с первых дней войны; и за это на него "шипели" и иные из членов общества: отсюда сплетня со стороны "*амтантистов*"; отсюда и клеветы военной прессы Германии. Как отнеслась военная пресса уже "Новой Германии" к доктору — уже видно в 1921—1922 годах из утверждения: "*предатель отечества*"; так пресса мстила за мнение о ней.

21

Он боролся с "общественным мнением"; раз на лекции он сказал: "То, что мы называем общественным мнением, есть проявление деятельности отставших духовных существ, противящихся *"духу времени!"*" Он боялся всего "*общего*"; и более всего — в сфере "*морали*"; его учение о "*моральной фантазии*" в противовес "*долгу*"⁴⁴ отвергало мораль "*моралистов*", это не значило, что он стоял за распущенность, но где колебалась "*социальная совесть*", он был неумолим; прощая лично безмерное, он не прощал преступлений против *индивидуума коллектива*⁴¹; и подавал пример суровости, но всегда ее оговаривал: "Отделяйте вынужденное исключение из коллектива от личного осуждения; удаляя того или иного, мы не судим: обороняемся".

22

В проступках против себя доброта его не знала границ. М. Я. говорила ему: "*Сострадание имеет границы*". Он отозвался: "Нет, — сострадание границ не имеет".

23

О любви же он говорил: это — *дающая* способность: чем больше даешь, тем больше имеешь дать; всякая настоящая любовь, по его словам, имела свойство: безграничного расширения.

И он — расширялся.

В стиле доктора было что-то, противоположное "морализму". Иногда ему хотелось меня подзадорить; меня же за чайным столом у него подмывало к дурачеству; совсем другой бывал он, когда ему сдавали уроки: серьезный, ответственный, не допускал разгильдяйства; он требовал, чтобы на общие уроки его собирались задолго в сосредоточенном молчании; здесь обращался он к *вышшим способностям*; говорил от высшего "Я" к высшему "Я". Прийти перед началом урока из суеты — для него значило: в день причащения — опоздать, и, расталкивая локтями толпу, броситься к чаше.

Когда в Дорнахе он заметил, что некоторые приходят в столоярню во время лекции, он просил распорядителей, чтобы к моменту лекции дверь была заперта. Он был аккуратен до педантизма: являлся за пять минут до начала лекции; начинал — минута в минуту; связанный расписанием заседаний, курсов, лекций, уроков во всех городах Германии, летал из города в город: являлся — точно; за все время моего пребывания — ни разу не опоздал и ни разу не пропустил; "*приду*" — и явится; рассказывали: когда открылась высшая школа, он нескольких учеников исключил из нее лишь за то, что они, опоздав, вошли в помещение; он мотивировал исключение: либо иди, либо не иди; но прерывать сосредоточенность участвующих — невозможно; кто этого не понял, тот доказал: ему рано быть эзотериком.

Будучи рассержен на бездеятельность Президиума, заседавшего в Штутгарте, он, устроив головомошку, предложил найти средство к ликвидации ненормального положения вещей; Президиум — собрался; явился и он; думали, он пришел с проектом; он, сев вдали, ждал дебатирования проекта Президиума; наступило тягостное молчание; члены Президиума изображали Мюнхгаузенов, вытаскивающих себя за косу под убийственным молчанием Штейнера; так прошла ночь: тоска, потом мука отражались на лицах; помочь советом не входило в его планы; Президиум должен был быть активным.

Наконец М. Я. обратилась к нему: "Зачем вы их мучаете?" Он ответил: "Они заслужили".

До этого заседания или *после* (не знаю точно), в присутствии 2000 членов, он встал и, указывая руками на членов Президиума, бросил в залу: "Они — заморозили все живое; они добились того, что лучшие элементы бегут от нас; они отделили меня от общества; я лишен контакта с жизнью".

Вскоре после реорганизации социального быта, он сам стал председателем Общества; это случилось уже накануне его болезни; до — он не был даже членом А. О.; председателем был доктор Унгер, потом писатель Юли.

Суровая строгость не напоминала брандовского аскетизма и ригоризма⁴³, напоминала действия полководца в миг боя видящего: лишь чрезвычайность усилий может решить исход боя, чего не видят штабные.

В упомянутом инциденте с Президиумом члены Президиума защищались тем, что Вальдорфская школа находится в блестящем положении, что издательство "*Der Kommande tag*" выкидывает за книгу книгу, что Медико-Терапевтический Институт работает, школьные недели перекидываются из города в город, что курсы множатся и т. д. Он же — напал не на институты, а на угасание духа жизни, на канцелярию, на скелет, перерастающий организм. Он жаловался: ему лично приходится отвечать на все полемические нападки; никто не отвечает; он подчеркивает: "Если от меня хотят духовно-научной работы, пусть меня разгрузят от полемики!"

Игнорировать полемику в условиях жизни XX века нельзя; это ложный аристократизм, бороться с Ариманом надо орудием Аримана, вырванным из его рук; его тактика — наступление, а не пассивная оборона; он звал к полемике по-новому.

Он подавал пример: шел в полемику, отвечая на выпады Лейзенганга профессора Дессуара⁴³, — вплоть до пастора... Арлесгеймской общины; помнится: в деревенском листке появилась статейка пастора, написанная прилично, но предостерегающая арлесгеймцев от яда антропософии; через несколько дней в арлесгеймском листке ответ доктора, вежливый, но твердо ставящий точки над "и". Увидев листок со статьей доктора, я подумал: не мелочно ли отвечать деревенскому пастору в деревенском листке? Я не учел: около *этой деревни* — штаб его движения; не объясниться с пастором, — подвести под него на года здесь селящихся антропософов.

Грустно, что лично он должен был отвечать: никто не догадался его разгрузить от ответа.

На это он жаловался впоследствии.

Инцидент — закончился; "*пастор*" сделал доктору визит; доктор ему ответил; вооруженный нейтралитет водворился между протестантами и нами; он был "*плюсом*"; все иные течения вели подкопы под нас.

В докторе было что-то целомудренное в касании проблем пола; в его подходе не было фрейдизма; проф. С. Н. Булгаков говорил мне: "Идеология Штейнера — бесполовая". Неправда: не закрывал он глаз на пол; он говорил: "Духовные силы, работающие в поле..." Или "Силы Духа, внутри пола обитающие". Он лишь подчеркивал: "пол", как проявление, не есть эти силы; подчеркивал: опасно приклеивать источник сил к форме; так вырастают "половые" гримасы. Он сравнивает *силы пола* с тянущимися к нему ветвями, а формы проявления с корнями дерева; в эротическом смаковании видел он праздное любопытство: к обнажению *корней*; он их не отрицал.

Но он подчеркивал: вздута тенденция к обнажению *корней пола* у "аскетов" и у сторонников "*половой философии*". Дерево, посаженное корнями вверх, — гибнет.

Преобразование сил пола — в расширении деятельности расширения надземных частей, листвы, приносящей питание и корням.

Эта листва — сознание.

В кажущемся абстрактном "*идеализме*" доктора была конкретность; доктор проповедовал преобразование духовных сил пола силами "Я": в перенесении внимания от пола; нормальный рост пола: его преобразование.

30

В быту он был свободен и независим; и независимость приветствовал он во всем; клеветали: он-де расстраивает браки; "*клевета*" имела своеобразное основание: но представлялась — в кривом зеркале; "*фальшь*" мещанского брака, который не брак, а — разврат и купля-продажа, — выводила его из себя; трещали и разрушались в антропософии неправдивые браки, или мещанские браки; и расходящихся в свободу он не тащил за уши в брак; с тем большим пылом он говорил свое "*да*" всякому конкретному браку.

31

Случай его независимого отношения к вопросам любви: муж сетовал на доктора: что, когда жена его спрашивала доктора, ехать ли ей к мужу или нет, он не советовал ехать. Позже доктор говорил мужу: "Я знаю, вы сердились на меня за то, что я не сказал вашей жене: "Поезжайте!" Посудите сами — мог ли я так сказать: ведь вы еще — ее любите, а она — меня спрашивает: когда любят, — не спрашивают". Муж, поклонник его "*Философии свободы*" тут понял все: претензия на доктора сменилась горячей к нему благодарностью.

Он полагал: борьба с самолюбием заключается не в искоренении начал эгоизма, а в исправлении его кривизн; корень эгоизма в "я" — корень "я" — в духе; силы "я" заземлены личностью, вклеены в личность; в нормальном праксисе эгоизм обезвреживается тем, что "я" видит себя там, где прежде оно видело лишь "ты", или "он": и "ты", становится, как "я", аскетически умерщвлять эгоизм моральными *догмами* и только *догмами* — то же, что умерщвлять пол самобичеванием; в нахождении эгоизму правильной точки применения — видел задачу борьбы с личным: "Пусть, — говорил он, — этот человек движим в подходе к правде хоть мелким эгоизмом, — не важно; а важно: войдя в сферу правды, он будет вынужден уйти из нее, или, найдясь в правде, уйти из своей только личной "жизни"!"

Этим объясняется, что до времени он не только терпел около себя эгоистов, но даже оказывал им знаки внимания; он верил в алхимию самопознания; знал: в иных случаях путь к правде лежит через высыпание тайного греха в видимость; к грехам активности он относился терпимее, чем к грехам косности, сна и благополучия. В обществе появлялись "*дефективные*"; пока они не топили общества, он временно терпел их, ожидая от них чуда преодоления.

Он не выносил: довольства от соблюдения "добродетелей".

Раз он сказал: "Лучше дурно мыслить, чем вовсе не мыслить". Так говоря, разумел он *этику*, а не *логику*; "*немыслие*" полагал он худшим грехом; "*ставшая*" мысль — привычка; "ставшая привычка" — инстинкт; укоренившийся инстинкт — смерть; он волил раскрепощения хоть... мысли, чтобы избежать движения смерти в нас; ибо "*ставшее*" мыслил он движением в обратную сторону; а такое движение — падение; начало его — довольство собою от соблюдения видимых "*добродетелей*".

Некоторые антропософы по его мнению "*не мыслили*", когда им казалось, что в антропософии — все стало ясным, как на ладони; против такого "*прекрасномыслия*" он гремел в Дорнахе: "Нельзя сидеть вот с такими длинными лицами; и все — медитировать, медитировать, медитировать! Хоть бы кружок для самообразования учредили! Хоть бы просто собирались, — шутили бы: ну, там — писали шаржи друг на друга!"

Он духовный водитель, дававший "*медитации*", звал: от "*медитации*" к... шаржам на них; и не случайно: слишком "*прекрасны*" были медитации иных из теток в то время, внутри которых теткам открывалось: одной — что она — апостол Павел в прошлом воплощении; другой — что она "*праматерь Ева*". А тень от "прекрасных" медитаций росла: в виде "*слептен*" теток, от которых в Дорнахе становилось душно.

Но *апель*⁴⁴ к шаржам не вынесла одна из теток: именно — "*праматерь Ева*"; и мы видели, как в один прекрасный день она переродилась: из увенчанной крестом в ведьмессу, которую вынуждены были... изъять из общества; "*апостол Павел*" поступил лучше: сел в темный уголок — и на год вовсе исчез из Дорнаха (вероятно, писать на себя шарж).

34

Когда он видел в ком-либо развивающийся интерес к той или иной проблеме, он готов был, отложив все, прийти на помощь, чем может.

Эту помощь его на себе испытал я, когда писал свою книгу "*Рудольф Штейнер и Гете*". Ответ мой Метнеру должен был быть ответственным; Метнер много лет углублялся в Гете; Гетево естествознание и комментарии доктора к нему до необходимости ответить Метнеру, лежали за пределами моего кругозора. Сложна позиция Гете; еще сложнее комментарии к позиции Штейнера; и сложна запутанностью атака Метнера; я был вынужден к тройному изучению Гете, Метнера, Штейнера; тысяча вопросов впервые вставала вплоть до вопросов, связанных с естествознанием, от которого я был далеко уже 11 лет. Между тем: доктор был занят безумно всеми работами по Гетеануму и расхлебыванием всех симптомов общественного развала. Идти к нему за разрешением недоумений я просто не решался.

И ставил свои вопросы Матильде Шольль, начетчице по Гетеанским сочинениям Штейнера; но кроме знания текстов я в ней не встречал ничего; разговор с ней меня не удовлетворил; разговоры с доктором Гошем — тоже.

Вопросы первостепенные, связанные с методологией и Гете, и Штейнера, и естествознания, оставались вопросами: мое разрешение их казалось мне слишком смелым. Как-то узнав о моем недоумении (стороной), доктор мне предоставил весь вечер (неограниченное количество часов) для скрупулезнейших расспросов. Я ему принес сырье регистров; и длинный списочек того, о чем надо было его спросить; собственно каждый вопрос представлял собою *дело*, обнимающее: 1) столкновение цитат комментария, 2) мою сводку его, из которой вытекал вполне неожиданный вывод, которого порой я не встречал в его сочинениях, 3) этот вывод сталкивал меня с рядом чисто естественно-научных вопросов (механики, гелиодинамики, вопроса о новой электронной действительности и т. д.), 4) и уже после всего возникал вопрос о научной правомерности моего ответа Метнеру.

Доктор поставил дело так, что мы разбирали вопрос за вопросом, как дело, состоящее из ряда документов; он, положив голову на руку, облокотясь рукой на стол над ворохом моего сырья, заставил меня забыть всякие тонкости; меткими, краткими бросками меня выговорил, интересуясь не столько готовой картиной, а процессом растирания красок.

Так вынималось *дело* за *делом*: и вырисовывались контуры аппарата; ответов он не подсказывал, предоставляя их будущему моей работы; он

лишь меткими, редкими фразами повертывал принесенное сырье, как лодку, рулем своих ретушей к частностям, касающимся протофеномена, идеи, организма. Иногда разговор зацеплялся, как бы оставив задание, за детали того или иного научного мнения. "А знаете, что говорит Планк в своей последней книге?" Тут назвал заглавие книги: "Вы ее запишите: у Планка преинтересная мысль". Или: высказывая один из взглядов на материю, я стал тереть голову: "Это развивает англичанин, как его..." "Бальфур, — подсказывал мне доктор. — Вы это прочли в книге его, — тут он назвал заглавие, — только..." — и принялся ретушировать мысль Бальфура.

Такими отступлениями от темы моих вопросов по прямому поводу был полон тот вечер; а эти отступления в будущем написания текста книги более всего вдвинули мою мысль на новые рельсы; не вопросы мои разрешал он, а, так сказать, углубился в самое вываривание тем к вопросам.

И когда мы кончили, я с удивлением увидел: разговор занял более четырех часов.

На прощанье он мне сказал: "Когда будете кончать книгу, придите еще: потолкуем тогда".

И — отпустил, окрылив предстоящей работой, ничего не разрешив мне аподиктически, но выяснив рельеф к построению тем. Это было большее, чем ответы на вопросы; о всем том, что дал мне этот разговор с ним, я и не смел мечтать; и — главное: он во мне раздул искру к дерзости; прощаясь, как-то подмигнул видом: "Без страха валяйте".

И я, вернувшись, размахнулся "бесстрашием".

А разговор с Шолль угасил меня.

Прошло полтора месяца, посвященных мной уже вовсе бесстрашным летаньям, особенно в главе "Световая градация Гете в монодуоплуральных эмблемах". Я думал: "Все-таки я тут переборщил!" Встречаю доктора: "Кончил". И он тотчас назначил свидание, дав наказ: "Вы приготовьте мне изложение вашей книги, так сказать, с птичьего полета! в главной теме ее развития".

Иду — с рефератом: с рядом чертежей. Доктор садится за стол, углубляясь в схемы, а я, махая карандашом, читаю ему полтора часовую лекцию; и — спохватившись, что говорю не о том, что написано, а о том, что стоит за написанным, или, вернее, что я написал бы теперь, когда книга готова. Кончил изложение, спрашиваю: "Не слишком ли смело? В духе ли антропософии?" А доктор — с лаской, даже с протестом: "Никогда не спрашивайте так, вы должны лишь себя спрашивать, композиционно ли: т. е. частности вытекли ли из стиля целого? А что вытечет, — не в этом суть: что бы ни вытекло, оно — антропософия, если оно согласно с целым, а ваше целое — одно из возможных оформлений антропософии".

Так он меня успокоил относительно меня самого; и с большим вниманием разглядел приложенные к книге схемы; и даже кое-что в них вписал.

Опять щедрою рукою отдал мне вечер (он был так занят); мало того: оставил у себя рукопись книги, сказав: "М. Я. мне будет переводить то, что

по-вашему наиболее для вас смутительно; назовите мне те главы, которые вас смущают; я их прочту". Я назвал две наиболее "свои" главы: "Рудольф Штейнер в круге наших воззрений" и "Световая теория Гете в монодуоплоральных эмблемах".

Через недели две встречаю его и М. Я. на перекрестке дорог, у поворота к вилле "Ханзи". Он — вперед: меня останавливает: "По вечерам читаем вашу книгу". И тыкает пальцем в М. Я., лукаво посмеиваясь: она, вот, ничего не понимает, а я ей объясняю вашу мысль; я — понимаю... Читаем и вашу "Лихт-теори" (световую теорию). И — откинувшись: "Очень хорошо!"

Вероятно, речь шла о третьей главе: "Световая теория Гете и Рудольф Штейнер". И вскоре потом, когда я ему пожаловался на свои трудности и окаянства, он вдруг вспомнил со светлой улыбкой, весь расцветившись: "Но вы же написали хорошую книгу!"

Мало того, что он, откинувшись на мою работу, ее же и окрылил (все другие — гасили), он был единственный человек: от которого я услышал по прямому проводу добрые слова о книге, потому что в Дорнахе, все, кому читал отрывки из нее, либо молчали из боязни попасться впросак (похвалить, а книга-то окажется дрянью), либо из боязни, что "нос задеру", или из равнодушия; приехал в Россию; и та же картина; книга — вышла в ореоле молчания о ней; лишь теплое слово о ней сказал проф. С. Н. Булгаков, да антропософ Х восклицал: "Какая же это антропософия?"

А доктор меня ею перманентно бодрил: и в процессе моего писания книги, и в процессе своего ознакомления с ней.

Он не боялся, что я "задеру нос"; он больше всех знал, какую адскую работу я произвел над одним регистром сырья, и прекрасно видел всю мою неуверенность.

Так, как он помогал мне, так же он помогал Энглерту в работе над куполами, Смитс — в эвритмии; и когда видел, что произведенный труд не оценен, обижался, как впоследствии обиделся за фрау доктор Колмско, что в обществе не обратили внимания на ее работу о селезенке.

Он был внимателен к работнику, и к "Человеку" в работнике: к последнему особенно.

Он был внимателен, где мог, до трогательных мелочей; характерный штрих; пригласив нас ужинать, он исчез из виллы "Ханзи" куда-то; вернулся же с пакетом "первой земляники" (сам ее покупал в Арлейсгейме): ему захотелось порадовать первой ягодой.

Геркулесовы столбы дал; и — дума о "первой ягоде — для гостей".

К этой внимательности присоединялась четкая зоркость: умение распутывать и прочитывать словами верх сложности; вот один из фактов этой зоркости: зоркости от рассудка;

— рассказывают, как на одной железнодорожной, узловой станции произошла путаница с принятием поездов; выскочил испуганный начальник станции, не понимая, что следует предпринять, чтобы избежать неминуемой железнодорожной катастрофы; вдруг около него вырастает фигура бритого господина, вмешиваясь в инцидент; не проходит и минуты, как фигурка уверенно распутывает создавшуюся ситуацию; еще минута: и начальник станции, выведенный фигуркою из тупика, отдает быстрые приказания: уже подымаются сигналы к стрелочникам; передвигаются стрелки; и наконец, без катастрофы пронесется мимо станции поезд. Фигурка, предотвратившая катастрофу, — Штейнер. Тут сказалась в нем чисто житейская черта: умение ориентироваться в любом кругозоре: в железнодорожном, как и в идеологическом.

Присоедините же к этой зоркости, — зоркость духовного прогляда: две одновременно действующие зоркости как бы в разных планах отстраняли лик Штейнера в минуты *важные* и *чрезвычайные* и позволяли ему с молниеносной скоростью переставлять стрелки в любом скрещенье душевных движений, в нем живших: ледяное молчание, таящее взрыв; и — через пять минут: детский смех, *"куца"* и отметка про себя: *"мадам такая-то в таком-то платье"*.

36

Он замечал дамский наряд; ему нравилось, когда одеты со вкусом; помнится, он подошел к мадам Перальтэ и сделал ей комплимент за шляпку.

Одет он был просто, до чрезвычайности; но все, что он ни надевал, — удивительно обрамляло его; неизменный сюртук, в котором появлялся он на доклады, собрания, в котором читал он, был часто — далеко не первой новизны; но сидел изящно; и вовсе не думая о сюртуке, доктор прекрасно носил его; *умел носить*; его сюртук как бы делался в моем восприятии принадлежностью его тела, как и произвольно сбившаяся на лоб и непокорно бьющаяся прядь волос, которую он откидывал, то движением руки, зажавшей пенсне, то головным откидом; все, что ни делал он, было как жест — произвольно изящно, произвольно мило; и все мы любили, как нос, как глаза его, — его галстук, повязанный широко и свободно, кусок черного шелка с мотающимися концами; видел его я и одетым официально; на похоронах — в старомодном каком-то, особой формы цилиндре, не слишком высоком и с расширением кверху; этот цилиндр придавал ему что-то от фигур, изображенных художниками 40-х годов; сороковые годы истекшего века, годы идеализма, — они-то и придавали ему этот налет старотонности, почти старомодности, что в сочетании с *печатью* нового человека, человека будущих веков, так ярко сиявшей с его лица, придавало особенную остроту впечатления от всех его жестов; менее всего жило в нем настоящее, как бы ступевываясь и пропуская прошлое; более всего жило — будущее.

Но были в нем жесты и от художника: неуловимая печать богемы (в хорошем, утраченном, а не в современном, кофейном смысле); свободный художник, человек свободной профессии ярко сказывался; не забуду одного своего летучего впечатления; это было в Мюнхене; обгоняя меня, по пустой улице во весь дух мчится извозчик (в Мюнхене извозчики движутся медленно) — по нашему, московскому выражению, — лихач; удивленный быстротою езды, я еще более удивляюсь сидящему в "лихаче"; бритый молодой человек (по первому впечатлению), развалась, почти упав в подушки с необыкновенно задорным, почти буйственно глядящим лицом, как мне показалось, в накидке, свисающей из пролетки, высоко вскинув ногу на ногу и покачивая ее носком, — бритый молодой человек уронил локоть руки на палку и, как показалось мне, вызывал с высоты пролетки весь мир на "бой"; таково первое, мгновенное впечатление; и впечатление второе, мгновенное, — полусознательное: "Что случилось? Куда мчится этот? Кого собирается вызвать на дуэль?" И — наконец: "Боже мой, — как я ошибся: ведь это доктор!" Я сделал вид, что не заметил доктора, чтобы не быть им замеченным.

Думаю, что мое смущенье от того, что я в эту минуту подглядел впервые в докторе лик — "свободного художника", "вечного студента", а может быть — "интеллигентного венца".

"Буйственный вид" — впечатленье, конечно, неверное: это впечатление молодой огненности, проступавшей так часто в нем; вероятно таким он бывал, а не только казался, как мне показался, лет за двадцать до того, таким, вероятно, он был в кружке независимой молодежи: среди бунтарей, анархистов, революционных художников и вечных студентов, — не в кружке ли анархистов Маккаля, с которым он был близок некогда? Пусть верят силе моего уважения к доктору. Но мне показалось в тот миг, что с таким выражением, вероятно, — венские студенты, отдавшись буйственной силе молодости, крушат фонари или совершают безнаказанные шуточные нападения на гороховых: из-за перекрестка.

И я... видел доктора в его "эзотерические минуты". Где кисть художника, чтобы запечатлеть этот лик: где в Христах Рафаэлей, Рембрандтов, Ван Дейков то, что выступало на лике у доктора?

Видел я доктора в перемазанном стареньком пиджачке, в ботфортах (от грязи), месящего дорнахскую осеннюю глину, — старенького какого-то: лицо — в тысячах морщинок. И в этом смиренном, как бы угасшем виде, он был прекрасен; красив, — нет. Говорят, — был и красив, не знаю, — с этой точки зрения я его не разглядывал. Для меня он был — прекрасен: всегда!

И — между прочим: было в нем что-то явно венгерское: жгучее, огненное; ведь он был, что называется, — жгучий бронет; он казался для своего возраста иным подглядывателем — неприлично черным; ни одного седого волосика. И они подшептывали: "Красится". Только в 23 году, при

последнем моем с ним свидании, я подглядел непроизвольно: жгучая чернь его волос слегка испестрилась: седыми волосиками; — "Бедный, — и тут тебе не давали покою: как смеешь ты не сесть". Вид этих "седых волосиков" переполнил мое сердце приливом неожиданного волнения: бурной любовью, радостью, что я *увидел* такого человека; и — бурной благодарностью; в душе произошло: "Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо тебе: за все-все-все-все! И — главное за то, что ты — такой".

Наступило прощанье; и я — мне нисколько не стыдно в этом признаться: я поцеловал ему руку. Ведь этот неудержимый жест, непроизвольный, есть выражение сыновней любви.

Он это понял: не удивился: ведь он же, прощаясь со мной, в 16-м году, так же непроизвольно: обнял, поцеловал, перекрестил, и это — жест отчей любви.

38

Обычно он говорил при прощаньи: "Ауфвидерзеен!" На этот раз он этого не сказал; он не мог лгать; какое же "Видерзеен", когда я уже не увидел его больше; он только взял меня за рукав и повлек за собой, по лестнице, к двери — этажом выше; — в дверь толкнул, прибавив:

"Идите к ней!"

Я влетел в комнату не ожидавшей меня Марии Яковлевны.

39

Комнаты, в которых жил доктор, носили для меня отпечаток чего-то однородного, однородное для всех помещений, в которых меня принимал доктор, — крайняя простота всегда маленьких до тесноты комнаток; ни один взгляд не открыл бы априори, что в них именно живет доктор: он меня принимал и в квартире, предоставляемой ему графиней Калькрейт (в ее красно-розовом доме на Адельберт-штрассе, в Мюнхене), и около Базеля, на станцийке "Ботниге-Мюде", где он поселялся, и в квартире председательницы Кельнской ложи; везде — маленькие до тесноты простенькие комнатки.

Раз только он принял меня в несоответствующей гигантской комнате, в которой следы его жилья занимали едва ли шестую часть комнаты; прочие пять шестых — холодно и казенно расставленная мебель; это было в отеле "Фенниа", в Гельсингфорсе; и он, такой небольшой при сидении вплотную с ним, испытывал точно растерянность себя ощущения в "комнатице".

Еще особенность помещений, занимаемых им: это — случайно разбитые палатки; никакого оседлого быта; никакой тенденции к комфорту; почти — ни лишнего предмета; это не означало, что в комнатах неуютно; это означало: ему не нужно ничего лишнего; стол, стул, книги (или чемодан с ними, если он у кого-нибудь гостит), постель: все! Ну там шторы на дверях.

Крайняя простота, крайняя незатейливость!

Впечатление от его берлинской квартиры, где он жил много лет и где привратник дома относился к нему, как к некоей *домовой константе*, — несколько комнат-палаток (все маленькие) для несения необходимых функций, умственных и приемных; остальное все напоминало походный штаб: комнатка, где вечно стучал ремингтон и откуда слышались голоса барышень "канцелярии"; вылетали отсюда (мое впечатление, что стрелой) или фрейлейн Леман, или фрейлейн Ганна, или фрейлейн Мюкке (бывшая социал-демократка — необходимый орган при библиотеке и квартире, отданной "Теозофише-Филозофише-Ферлаг"⁴⁵, помещавшихся в том же подъезде: в других этажах); и отсюда: впечатление постоянной шнырки влетающих и вылетающих барышень из комнатки-канцелярии по коридорчику, через маленькую переднюю дверь, выводящую из квартиры, на лестницу; и — постоянная бегодня по этой лестнице: из квартиры в квартиру; ведь весь подъезд на протяжении ряда этажей был занят антропософскими квартирочками; кроме квартиры доктора, тут были: библиотека, издательство (и тут и там сидели заходившие по делу, а иногда и без дела), квартира Зеллинга, тут искони обитавшего и вместе с Мюкке взрослого в берлинскую ветвь всем существом, более ж всего взрослого в "Моц-Штрассе, Зибцен"⁴⁶, и добрым стихийным духом выращавшего отовсюду с помощью, со справкой, с библиотечной книгой и т. д.; тут же была квартира прекрасного, умного, всегда немного чудаковатого Курта Вальтера и его доброй жены; тут же, если не ошибаюсь, жили Ганна и Мюкке; и — кто еще? Обитатели квартиры доктора: две барышни Леман, воспитанные с детства доктором и М. Я., Мария фон-Сиверс, в то время его многолетний секретарь, друг, спутник по курсам, одновременно, церемониймейстер всех сношений, записей, ремингтонов, корреспонденций и прекрасная, благородная, всегда стремительная до экстравагантности художница, голландка Валлер, встряхивающая короткими кудрями и выглядящая пламенным оруженосцем, готовым в любую минуту выхватить меч, обласкать или дать резкий и всегда неожиданный отпор; она иногда сопровождала доктора вместо М. Я.; а иногда же, в редкие времена отсутствия М. Я., была, так сказать, физической опорой доктора, отличавшегося крайней рассеянностью (раз он в рассеянности поставил свою ночную туфлю на полочку книжного шкафа вместо взятой оттуда книги и очень горевал, что придется ему купить туфли). Валлер, отворявшая дверь в квартиру доктора, или Валлер, с розами, или Валлер в белой тунике и такой же атласной столе; перегнувшаяся через перила лестницы и громко разговаривающая с кем-то внизу, а дверь в квартиру доктора открыта, — какие это знакомые картины, ставшие родными в воспоминании.

Все эти обитатели квартир под — и над — доктором вместе с обитателями квартиры доктора носились по этажам в вечной спешке с бумажонками, ремингтонными копиями и трещали машинками и телефоном. У меня создалось впечатление, что дверь квартиры доктора вечно незаперта; она производила впечатление ячейки рабочей коммуны, которой не до комфор-

та; все минуты разобраны: и "дела", "дела", "дела"; здесь читают корректуру, там распределяют билеты на курс, там выдают книги, здесь отвечают на корреспонденцию; и между всем этим — кого-то устраивают, что-то распутывают. Весь подъезд — квартира доктора; и обратно: в его квартире — ряд квартир.

И мимо этих переплетенных и охваченных переполохом квартир, под ноги сбившимся с ног барышним аппарата, и текут, и текут, и текут те, кому назначены свидания, в сущности чужие люди этому "всекипению". А ведь каждый из текущих течет по делу, которое ему кажется важной частью важного; иные текут в первый раз; и — как на исповедь, переживая волнения необычайные и испытывая подчас удивление: вместо торжественности им под ноги иногда громкая и кажущаяся нарушением "церемониала" кипучка; звонят с замиранием сердца, а дверь — открыта: отвергает не прислуга, которой нет, а кто-нибудь из случайно оказавшихся здесь: Валлер, Леман, иногда сама М. Я. И — попадают в маленькую приемную, где все стулья (мягкие) заняты ожидающими. Комнатка — в несколько шагов: столик, шкафчик, стулья, две двери, закрытые портьерами, кажется, кофейно-коричневыми, весьма простыми и... не первой молодости; одна дверь в переднюю и коридорчик, откуда — маленькая столовая, а сбоку, помнится, комнатка в три шага, с диваном, где бывали у нас беседы *эпаре*⁴⁷ с М. Я.; это, вероятно, и есть "гостиная"; другая дверь — тут, на носу; за ней — нет-нет, и что-то гудит; и посетитель в первый раз со своей "исповедью" невольно вздрогнет: как, тут рядом, — доктор. Почему-то заранее кажется, интимный прием у "учителя" как-то парадно обставленным; а тут — простота и почти обидная для "учителя" и "ученика с исповедью" будничная атмосфера кипящей работы, которой не до парадов; ведь, вероятно, в одной из невидных комнат — беспорядок раскинутых чемоданов (вчера приехал из Швейцарии, а завтра едет в Ганновер); а кто-нибудь снаряжает в дорогу "его".

И вдруг, в нос, из-за "тайнственно" простой обстановки нетаинственно молниеносно настезь распахнутая дверь; и выскочивший доктор, немного встрепанный, с бледным усталым лицом и с пленительной светскостью внимания, почти как кавалер, провожающий даму, с "ну я", с "эс вирд шон геен"⁴⁸, или "ауфвидерзеен, ауфвидерзеен"⁴⁹ делает приветственный жест рукой, ее поднявши перед собой с порога комнаты, если сам не проводит в переднюю, где зажжет электричество, чуть ли не подаст шубу и запрет за дамой дверь; и потом "та-та-та" — по коридорчику мимо приемной, на мгновение выставив голову из-за портьеры с улыбающимся "айн момент"⁵⁰ вместо того, чтобы вернуться в приемную: "ту-ту-ту" — в столовую: может быть вышить наскоро кофе (приемы длятся часами, — ни поесть, ни прийти в себя).

Посещающему "квартирку" это все кажется, как снег на голову: более чем простота, более чем просто трезвость, и более, чем скромность. Особенно удивляет темп быстроты пробега доктора, его невзначай высунутой головы, его старание быть любезным по-светскому. Иногда ему не до

улыбок, и он, промелькнув из приемной, даже и не посмотрит, а с серьезно-строго-печальными глазами несется мимо, чтобы снова влиться с "кто следующий"; и со следующим замкнуться: или — надолго, или — на пять минут.

Иногда посетитель издалека и ни слова по-немецки; тогда доктор уносится за М. Я.; и тут же снова появляется с ней; она, знающая все языки, его постоянный толмач; он сам с усилием и с акцентом кое-как объясняется по-французски (почти до радости меня трогала эта черта в нем: неуспешность в языках; языки ему откровенно не давались; в этой "бездарности" к разговорному иностранному языку в нем, я даже черпал какие-то устои: страшно говорить с человеком, не знающим затруднений ни в чем).

На нем маленький, короткий пиджачок: пиджачок долгого употребления; иногда он в туфлях; пенсне разлетается и пляшет на ленточке, зацепляясь за портьеры, когда он несется.

И вот вы в приемной: маленькая комнатка, черная мебель, книги, стол, кресло; все скромно; тут я запутался бы в перечислении предметов; попадая сюда я мгновенно переставал видеть что-либо, кроме него, сажающегося рядом и точно подставляющего ухо (на одно ухо он плохо слышал): для темь моего посещения.

Поражает в эти минуты его близкий профиль, весь перечерченный морщиночками, — не глубокими, а проведенными точно тончайшей гравюрной иглою; такой испещренности лица морщинками, такого количества их, такой произвольной игры и их бега ни у кого я не видел; они-то и содействовали впечатлению от лица его, что оно перманентно течет и закрепить его нет никакой возможности; а уже на расстоянии 15 шагов — ни морщины: гладкое лицо.

Сидя рядом с ним (рот в щеку, или, вернее, "к уху"), невольно поражается морщинистостью; и он кажется не пятидесятипятiletним, а... пятьсотлетним; особенно вычерчивается и заостряется нос; и кажется грифийным каким-то; то эта "грифиность" — добрая; впрочем, бывали молниеносные переходы, вернее, отсутствие переходов от пленительной улыбки к грудному и громко-четкому "Нехорошо, очень нехорошо это", что от "нехорошо", часто тут же смягченного, люди плакали ночами напролет; и раскаивались не месяцами, а — годами.

Простота — простотой, доброта — добротой, а такие бывали "истории" (во всех смыслах — и страшных, и радостных) в этой простенькой обстановке, что... да не стоит: на то и был он "Рудольф Штейнер", что мог претворять в миги незабываемые всякую ситуацию.

И оттого-то: был он враг всякой помпезности.

Бывал я и посетителем "приемной" не раз; бывал я и приглашенным просто на "кофе" к М. Я. Сидишь в маленькой столовой, простой, как все, подносишь чашечку кофе ко рту и знаешь: сейчас выйдет доктор, из-за кабинетной ли работы; из-за приема ли. Помню его, вышедши из кабинета, едва заметившего кофе, М. Я. и меня: присел и стал отхлебывать из

чашечки, попутно поймал меня на легкомысленной фразе, ужасно отодрал за умопостигаемый вихор (походя, не отрываясь от мысли): и встал из-за стола, не допив кофе: вероятно, спешил к письменному столу.

Многими воспоминаниями живет квартира его на Моц-Штрассе в Берлине, куда и являлся к нему, и к М. Я.

40

Берлин до Дорнаха — центр движения, поскольку в нем жил доктор; но Берлин был и ветвью с той особенностью, что руководителями ветви были: сам доктор и М. Я.; это накладывало на ветвь особый стиль: и стиль этот — простота. Бывало, приедешь из Мюнхена, Кельна, Лейпцига; и — поражаешься; в Кельне — сосредоточенность; в Мюнхене — резолюции Калькрейт и Штинде: в лекционном помещении ветви — не шуметь; говорить — минимум; приедешь в Берлин, а там в ветви: шум, гам, толкотня, смех: полная непредвзятость; и вместе — уют непредвзятости: уютно в бестолочи; приглядишься; и увидишь: уют шума, уют светскости, исходит от доктора; это он давал такой тон.

Так мне и осталось в памяти, тесное помещение "ложи" на Гайсберг-Штрассе, соединенной с шумом в противоположность Мюнхену, где в помещении — цветы, тишина, слышишь, как муха пролетит: входят: Калькрейт в розовом, Штинде в голубом, и садятся справа и слева за фисгармониум (два фисгармониума стояло); сыграют; потом — фортаг (так было без доктора); тоже — уютно; и тишина осмысленна; но "стиль" — иной.

И я бывал в помещении берлинской ветви, уже на Потсдаммер-Штрассе, в 21—22 годах, — без него; помещение утроилось, а как-то холодно; мюнхенской "тишины" (в хорошем смысле) нет, а уют "гама" — пропал; даже гама нет; приходят, говорят, садятся, слушают, уходят, как... в любом заседании.

При докторе в уюте толчеи создавалось впечатление, что пришли не в общественное помещение, а — домой.

Тот же оттенок уютности встречал и на Моц-Штрассе, Зибцен, едва вступали в подъезд; и то же — в квартирке доктора, пересеченной с канцелярией может быть и чрезмерно. Но оттого именно в нерве движения и в аппарате его, в канцелярии, той, против которой гремел доктор в 25-м году, — никакой канцелярии не было: Зеллинг и канцелярия, — просто "нонсенс"; он мог в самой канцелярии воспламениться, и, закрутив вихры в рожки, продемонстрировать тут же, между библиотекой и выдачей билета, или квитанции от взноса, рождественского "чертика" — "чертика" старых мистерий, которого он так великолепно исполнял в 13-м году; воображаю себе номер: Эллис и Зеллинг (они много общались). Конечно — наткнулись друг на друга; и Зеллинг дулся на Эллиса: "Чудак, — пояснил Эллис, — дуется за мои надписи на полях его книг!"

Зеллинг был продолжателем "стиля", который задавал доктор, хозяин ветви.

"Канцелярия" выросла потом, в Штутгарте; и говорят — ужасно, когда следы ее исчезали из квартиры доктора ("аппарат" разрастался с разрастанием членов, ветвей, учреждений и т. д.); прежний же "аппарат" в его зерне — именно квартира доктора, когда он, генеральный секретарь "Тео-софской секции", все делал сам (с М. Я.) у себя на дому, вплоть до правки корректур журнала "Люцифер-гнозис", который он сам же в корзинах с кем-то отвозил на почту (для рассылки подписчикам); конечно, — писание адресов, заклейка номеров и прочее — делалось "домашним" способом.

В Дорнахе, при мне, "бюро" перенесли к зданию; и новая квартира доктора, вилла "Ханзи", разгрузилась от канцелярии; от этого изменился стиль; не было "аппаратной" суеты; завелось "искусство"; сюда бегали зрелищности; и даже во время отсутствия доктора и М. Я. в маленькой столовой, разгруженной от стола, устраивались репетиции. Но общий стиль легкой суеты, начиная с маленьких комнаток, сохранился; только комнаты вспыхнули цветами и красками: так художник в своем ателье (здесь бросит тряпку, там выдвинет кресло) из ничего создает яркость; и милая яркость простой обстановки запечатлелась мне в памяти от виллы "Ханзи"; вероятно оттого, что ремингтонные машины были вынесены; и вместо их треска водворилась рецитация; а в открытые окна влетели цветы.

Я останавливаюсь на квартире доктора, потому что квартира носит печать личности, в ней обитающей; стиль комнат, которые занимал доктор и в которых мне приходилось бывать, носил эту неуловимую печать: неприязнительности, бешеного темпа работы, здесь происходящей, вечных разъездов; и тем не менее электрических искр бодрости до веселья, до возможности: гомерически расхохотаться здесь. И чувствовалось: посади доктора в прочно расставленный быт, он тотчас звернет его; и даже в своем собственном летучем быте, вероятно, кто-нибудь... следил за ним: вплоть до водворения его в берега. Рассказывают: и... ему... *влетало*... от М. Я.; и она восклицала; так передают мне одно восклицание ее: "Ах, вы эдакая...", далее слово уже вполне *гротеск*: М. Я. была человек порыва, взрыва; начало ее деятельности сцена; в ней вместе с выдержкой, кажущейся в иные минуты холодной гордостью, бились пламена чисто вулканических взрывов; она могла быть и горячим, безудержным порывом ласки, и неприятно выглядевшей, придирающейся к мелочам, и Этной, покрытой северным льдом; выйдет, бывало, фрейлейн фон-Сиверс — лед, *резерв*¹: сиверко (недаром "Сиверс"!); А из-под льда блистают огромные глаза: лаской или гневом.

Передаю то, что слышал: раз она в совершенном гневe во время объяснения с одной из почитательниц ее, ей делавшей "сцену" (при всем ее *резерв*: она была такова, что ей делали "сцены"), метнула в почитательницу первый попавшийся под руку предмет; та вон из квартиры, а М. Я. за ней с восклицаниями: "Верните ее, а то она еще, чего доброго, лишит себя жизни!.."

Многие из теток не понимали этого соединения "бурных стремлений" с замкнутой чопорностью: "Этна, покрытая льдом" вызывала ряд недостойных нареканий; и внешним образом не всегда была права; но все искупал великолепный порыв и духовная высота, в ней живущая, пламенная преданность делу, любовь к доктору; только в этом разгляде ее, любившей доктора и отдавшей его делу жизнь, должно брать ее восклицание: "Ах, вы..." и т. д.

А что доктор мог подать повод к "ах, вы", явствует из одного случая: однажды, встретив на улице маленького, беспризорного оборванца, грязного и дикого, его поразившего заброшенностью, он взял его за руку, привел к себе, обласкал, развеселил; дело дошло и до игры, затеянной доктором; возвращается М. Я., входит к себе в комнату и видит следующую картину: доктор в полном самозабвении со смехом катает грязного мальчонку по постели М. Я. Вероятно, у М. Я. и слетело одно из "ах, вы" по адресу доктора.

Он постоянно что-нибудь "учинял" в свободные промежутки времени: раз начал растирать краски; и сам перепачкался с ног до головы, и комнату запачкал.

И в нем жил порыв; он не был "Этной, покрытой льдом", но для характеристики его особенностей нет слов: "романтик" — не то слово; "бунтарь-анархист" — опять не то: ближе (и не то): младенец, которому стукнуло... десять тысяч лет, плюс, владеющий талантами, тайнами посвящения, способный в любом салоне загнать в тупик любого гносеологического софиста; рассказывают, как в прежние годы, когда он еще имел время бывать в "обществе", он, при встречах с "маститыми профессорами", его отрицавшими, тотчас устраивал дуэль, загоняя их в тупик; и "маститость" спешила незаметно "исчезнуть".

Много и в нем было от порыва: разве не "романтика" в прекрасном смысле: в Дорнахе, когда он работал над моделью, он заставлял при модели отсиживать М. Я., мотивируя эту необходимость: "Вы — моя инспиратриса". Или доктор, сажающий в вагон М. Я.: ей поднесли цветы; и она, опустив глаза, их разглядывает, держа пук цветов, как младенца; ей они — нравятся; на лице — детская радость; а доктор, поддерживая ее за локоть, сажает в вагон; и на лице его радость от ее радости; он явно радуется; и не знаешь, кто более ребенок в эту минуту; она ли, оправляющая цветы; он ли, пришедший в восторг от этого до того, что готов, простите за выражение... подшаркнуть и цветам.

Присоедините к этому Валлер, в которой — что-то от викинга, богемы, артистки (великолепная исполнительница Иоганна Томазия⁵²), и... миста, стоящего со сложенными на груди руками перед "вратами" храма; и тут же выдернуть меч: и — трах-трах-трах: у того же "преддверия" — здоровая потасовка.

Представьте себе эту "триаду" основных обитателей виллы "Ханзи" и весь неопишущий "стиль" ее — перед вами.

В ней — нечто от "стиля" доктора; а его стиль — сочетание великолепного, пышного шелкового шарфа, которым он повязывался вместо галстука, этот шарф с прекрасным умением носить сюртук придавал ему изящество до... "кокэтери"⁵³; а зонтик — дряненький; и сюртучок — изношенный; происхождение же "шарфа" — таково: доктор смолоду никак не умел постичь искусство завязывания галстука, что ему подчеркивали дамы, пока одна из них, взяв шелковую тряпку (а может, свой бант), не перевязала доктора: ларчик открылся; "несчастные" галстуки были заброшены; и всю жизнь он перевязывался шарфом, элиминировав непокорный галстучный узел.

Соедините сюртучок, развевающийся пышный шарф, старенький зонтик, шляпу с черными полями и... ботфорты, почти до колен — странная картина: ботфорты он надевал в грязные дни (в Дорнахе на работах временами было непролазно). Фигура — ни на что не похожая; а все вместе — "какое-то, эдакое свое": изящно, невинно, откровенно, мило.

Поражали меня невинной наивностью вкусы доктора: о, он не был безразличен к пище! У него были любимые блюда; двумя из них накормили меня дома, но всего раз: варенье, невкусные волокна какой-то травки (может быть, ревеня), горьковатые; и мятое тесто, облитое сладковатой подливочкой. Отдавая эти блюда, мне стало стыдно: а мы-то с нашими деликатесами, "кухней"? Очень он любил "миндальное молоко", его главное питье.

И, вероятно, прекрасен он был в белом берете, в черной бархатной куртке; таким он расхаживал по Льяну когда-то; это было в те годы, когда все было необыкновенно просто; когда иные из нынешних "старших" приезжали на курсы (в Норвегию, Францию и т. д.), жили в коммуне вместе с доктором, без прислуги, и когда он имел время лично преподавать высшую математику своей интимной ученице *Матильде* Шолль.

41

Доктор ни на что не похожий, подбирающий разные предметы туалета, и из них создающий произвольный, "свой" стиль, — один доктор; умеющий в плоскости чисто внешней светскости взять соответствующую ноту в стиле "как полагается", это — другой доктор; например, на похоронах матери М. Я. Сиверс в Мюнхене (в июле 1912 года): застегнутый на все пуговицы, в перчатках, держащий перед собою цилиндр, доктор, и — приехавший на похороны из Петербурга, его не признающий, холодно подтянутый петербургский бюрократ, фон-Сиверс; если бы вы видели, как он поднял руку: оба прикоснулись к пальцам друг друга намеренно сухо, подчеркнуто поневоле; но как-то случилось, что доктор, не сделав навстречу и шага, а лишь слегка выдвинув ногу, не глядя на фон-Сиверса, не двинувшись корпусом, отнес вбок руку, к руке фон-Сиверса, вынужденного к руке поспешить и пробежать три-четыре шага, чтобы сделать мину

пожатия (кислая мина); фон-Сиверс, опытный формалист и знаток оттенков *внимания* и *невнимания*, кажется многократно активно выразивший свою неприязнь к доктору, был вынужден принять дуэль оттенков; и быть — проткнутым кистью руки доктора; все это — с молниеносной быстротой.

Рассказывали свидетели того, как некогда он проучил графиню М.; графиня М., фрейлина, жена одного из высших царедворцев при Вильгельме, стала ученицей доктора; это был форменный скандал при дворе. Непроизвольно, как трэн⁵⁴, с ней проникла в берлинскую ветвь уверенная развязность, привыкшая, чтобы все мужчины, вплоть до высших генералов, становились перед ней на цыпочки; свидетели передают такую сцену: доктор кончил лекцию, стоит на кафедре; из первого ряда графиня М. — к кафедре; и, говоря с доктором, с ленивым небрежением — локти на кафедре; подбородок — в руки, доктор, пародируя ее, — то же самое, да еще с утрированным "*сан-фасон*"⁵⁵ (он, столь вежливый в отношении к дамам); на лице его изобразилась гримаса с трудом подавляемого зевка; графиня М., поняв урок, руки — с кафедры; почти по швам, как солдат перед офицером.

Это было задолго до моего появления в обществе; графиня М. в мои годы напоминала мне скорее солдатку, держащую равнение перед доктором (благородное существо)!

Узнав, что жена графа М. стала "*штейнеристкой*", Вильгельм II и окружающие довели графа М. до такого состояния, что он хотел стреляться; в семье длилась перманентная драма; однажды доктор, надев цилиндр, сел в автомобиль, явился к графу М.! Они затворились в кабинете; что произошло — никто не знает; граф М. в пункте драмы стал шелковый; он кротко замолчал на года: а графиня М., говорят, покрикивала и на Вильгельма, когда он заводил разговор о докторе.

После лет молчания, разубежденный в войне, в Вильгельме, в политике вообще, граф М. появился в берлинской ветви; слушал и молчал: умер членом А. О.⁵⁶

Эмилий Метнер написал против доктора резкую книгу, граничащую с пасквилем; доктор это знал; когда Метнер уже по написании книги появился в Дорнахе, так случилось, что мне, пишущему ответ, пришлось просить доктора разрешить Метнеру посещение рождественских лекций для членов; доктор разрешение дал; Метнер после лекций почувствовал потребность подойти к доктору и лично поблагодарить его за разрешение; помню, как Метнер покраснел и невнятно залепетал, подойдя к доктору; можно было, глядя со стороны, подумать, что злейший враг доктора, — просто какой-то юноша обожатель. Доктор лишь одним ответил, что Метнер, — не только не "*ученик*", а совсем напротив — "*минус ученик*"; несколько утрированной, бьющей по носу Метнера светской очаровательностью; он был в эту минуту каким-то "*маркизом*".

Лишь в этом сказывался неуловимый оттенок юмора: до иронии.

Так же он говорил с Бердяевым, не признававшим позиции доктора в Гельсингфорсе (я — стоял рядом)⁵⁷: вернее, *не говорил*, ибо вместо тем

курса, прослушанного Бердяевым, только что (тем, — важных и доктору и Бердяеву), он с "очаровательной" поспешностью высказал очаровательное "слишком внешнее" свое мнение об "интуиции" у Бергсона; — и — прошел дальше; мы остались с Бердяевым; Бердяев мне сказал: "Какой пленительный человек!" Мы же знали, что "пленительность" — игривый щелчок по носу.

И совсем не пленителен, а добр он был с моей матерью.

Он умел, когда надо, отдать "пустую дань" себя неосознававшей чванности, которую... не исправишь; и подал "на блюде" семидесятилетнего Шюрэ, приехавшего на цикл: как фаршированного каплуна — тяжело подал. И он же умел всюю силой порыва обласкать; помню умирающего Моргенштерна, сидящего в заднем ряду большого жаркого зала, но кутающегося в шубу; доктор устроил ему неожиданный бенефис; после чтения вслух стихов Моргенштерна или "до", не помню, Марией Яковлевной, он пылко, убежденно, нежно сказал забываемые слова о значении поэзии Моргенштерна; и прямо с кафедры, с эстрады, понесся через весь зал, расцветая улыбкой, с протянутыми руками к больному поэту, чтобы заключить его в объятия: с кафедры к "объятиям" перед тысячною толпою, не ожидая перерыва!

Это он напутствовал его в иной мир; через три месяца Моргенштерн скончался.

"Светскость", "умение держаться" — пустые слова по отношению к богатству тональностей, им развиваемому; если он и нарушал "тон", то это был "тон", тонность которого не для всех ушей.

42

Здесь опять возвращаешься к невероятной гамме личных проявлений, в нем живших; целое их — неопишимо; попытаюсь все же нечто сказать от противного, от других людей; на которых он не походил, но характерными проявлениями которых он владел в совершенстве.

Он был "софист" при случае в большей степени, чем Валерий Брюсов; присоедините к этому упорство в том, что диалектика его "софизмов", не упала в скепсис, как у Брюсова, а гвоздила и била все по одной и той же точке⁵⁸. Это упорство в повторениях на все лады той или иной "максимы", взятой за нужную, я встречаю лишь у Льва Толстого; но "одноумие", тысячекратно варьировалось: одна его дума: дума о многогранности, дума о композиции граней, о том, что хотя истина проста, да простота "хуже воровства"; путь к ней — через сложность, превышающую все понятия о сложности; сложность переходит в простоту сокращением числителя и знаменателя; но это бывает не тогда, когда мы хотим, а когда случится возможность к сокращению.

И тут в учении о "многострунной" культуре он был более ницшеанец, чем Ницше; только один Ницше приходит мне на ум, когда я разглядываю

мотив толстовского однодумного упорства, с которым развевался сверк этой многогранности.

Но Ницше был в жизни "тихий", а доктор мог бить молотом толстовского упорства и сверкать многострунностью Ницше с таким великим грохотом (голосовым и жестикуюляционным), что из фигур, мною виданных, я вспоминаю лишь Жана Жореса, грохочущего в "тропокадер"⁵⁹. Но Жорес по сравнению с доктором "гиппопотам"; лицо его наливалось кровью; жесты его бывали нелепы; маленькая фигурочка доктора, грохочущего без усилия над 3000-ной толпой берлинского "филармониума" с произвольными легкими жестами, не менялась в лице; только жила на шее становилась отчетливой.

Доктор, как Жорес, грохотал многострунно; но еще многоструннее он молчал в паузах; о, эти паузы молчания! Или "тишина" его появления на эзотерических уроках? Вероятно, — так тишеют... "старцы".

В жестикуюляционно-мимическом отношении от кого отправитесь, как от печки? Странно: лицо — не то, глаза — не те, стиль движений — иной, в темпераменте — ничего общего; общее, моментами, в выблиске глаз, моментами — в грудных басовых нотах голоса, во владении легко слетающим зигзагом движений (хотя выправка фигуры иная вовсе), в протонченности абриса, в росте, — да... пожалуй... М. А. Чехов, когда он сидит во второй картине "Гамлета"⁶⁰ и, поворачиваясь к королю, говорит: "Я слишком солнцем озарен"; или, когда Гамлет обращается к "отцу", или: когда Гамлет усовещает мать (лишь в штрихах), или выглядывает на приближающийся кортеж с телом Офелии; доктор иногда выглядывал так, но не на сцене, а в жизни: помнится, так выглянул он из двери в 14-м году на генеральном собрании, кого-то выскивая.

Возьмите богатство мимики Чехова и сожмите его несколько в кулак, превратив часть кинетики в потенциальную энергию, удесятерите силу энергии и укрепите ее в еще глубже лежащем непрременном центре, и вы "от печки", "от модели", нечто уловите и от доктора.

Да — вот отдайте размах Чеховского жеста в руки покойного Никиша⁶¹ (если вы его помните) и заставьте Никиша жестикуюляционно стянуться (небольшие взмахи палочки; точно взнуздывающей оркестр), дайте ему в руки не палочку, а, скажем, невидимый крест или ритуальный молоток масонского грассмейстера, и вы получите впечатление некое, как бы от "мейстера" особого культа; и таким он бывал в иных проявлениях; и странно: вспоминаю чин службы епископа Трифона (хнязя Туркестана) в Храме Спасителя⁶², поразившего меня мягкой энергией и красотой архиерейских жестов руки, зажимающей приподнятый крест; и тоже от противного, т. е. если произведете в воображении "рикошет", — нечто от доктора, от стержня в нем, стягивающего разброс жестов.

Но наденьте сюртук, замкните в достойную легкость силы, легко несущей балласт знания, — присоединитесь нечто от профессора в высшем стиле; этим изяществом профессорского "теню" владел некогда, еще не пораженный ударом, профессор К. А. Тимирязев, когда он по традициям

чтения на университетском акте, появился на кафедре, держа треуголку и алея... лентой, изящно надетой через плечо (?!). Он так надел "ленту", что она пропела "красным цветом Марсельезы" на нем⁶³.

Дико — парадоксально (рикошет — необычайный!): Тимирязев — и Рудольф Штейнер! А что-то в одной из десятков граней было общее: легкий, тонкий, изящный, но... мужественный.

Вот только с чем, из виданных мною, сравню иссеченность резцом лица доктора? Видел я такое лицо раз — в Монреальском соборе⁶⁴: молящийся прелат в лиловом шелку с лицом, как вырезанным из камня (камня); но просеките это лицо лицом Эразма Роттердамского, которому надо сильно убавить нос; "плюс" — мысленно присоединяю лицо бритого кайруанского дервиша, заклинателя змей; на трех этих лицах как на трех осях координатной системы строю жест лица; и что-то получается; а то оно разбито многими десятками портретов; в каждом — одна только черта лица, а не лицо.

Но с чем сравню смех (явный или сдержанный)? Не видел такого смеха: не "зрехот — хохот" Владимира Соловьева, конечно, а все же — любовь к каламбурам, вплетенным в серьезнейшее, посерьезнейшее порой закрывающим: у Соловьева в смехе был страшен рот, а у доктора делался совершенно пленителен — до впечатления расцветающей розы.

Глаза — грустные; вблизи — маленькие, черные, издали порою во все лицо; и — бриллиантовые; падающая порою на лоб прядь и встрях головы, ее сметающей, — что-то от композитора; и минутами в патетике чисто музыкальной отдачи себя теме, я подмечал там в докторе жест выражения, виданный мной в одном из портретов Бетховена (ничего общего в отдельностях черт лица).

Все эти, мной накладываемые краски, даны еще в одном нюансе, в нюансе "сказочности".

"Добрый сказочник" как-то умягчил "софиста", "однодума", "многострунного", "забияку", "оратора", "молчальника", "мима", "профессора", "мейстера"; целое из всех этих граней — в мягкогрустной, тихой сказке.

Нет, — бросаю попытку дать "негатив" портрета рикошетами от других личностей.

ГЛАВА 3

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЛЕКТОР И ПЕДАГОГ

1

Удивительный режиссер жизни связан был с "доктором"; деятельность режиссера есть деятельность координирующая, как деятельность дирижера; доктор — был еще более удивительным *дирижером* в самом широком смысле: дирижером предприятий, возникавших в обществе: Вальдорфская Школа, Христианская община, эвритмеум, Гетеанум, Иенский санаторий для больных¹, издательство "Дер комменде Таг"; и — так далее. Его мотто², проводимое им сквозь все: "Надо явление брать в круге явлений". Он имел дар видеть явление в круге явлений; многие имеют кругозор, подобный пустому кругу; эти судят обо всем обще, но — пусто; он в круге видел многообразие живо текущих и переплетающихся явлений: и в переносном смысле слова, и в буквальном.

2

Когда он входил в зал, переполненный народом (например, в лекционный зал), он любил оставаться до лекции в помещении зала, не уходя в лекторскую; как хорошо знакома мне эта картина: за десять минут до начала лекции — в переполненном зале, у двери фигура входящего доктора в расстегнутом зимнем пальто с меховым воротником, — с портфелем; или с книгой в руках, в сопровождении М. Я., фр. Валлер; это явление наблюдал я: в Берлине, в Христиании, в Лейпциге, в Дорнахе, в Копенгагене, в Нюрнберге. От воздуха кажущееся розоватым лицо и пленительная улыбка, — кивок руки, кивок головы; проход к первым рядам, где часто около кафедры снимал он пальто, вынимал носовой платок, протирая пенсне; и огненным быстрым жестом вскидывал его на нос; приподняв и несколько закинув голову, он глядел прямо перед собой; выражение лица — менялось (пленительный, грустный, усталый, переполненный здоровьем, грозный), и цвет лица был разный: розоватый, точно светящийся прозором зорь, то — белобледный, со сжатыми губами, с печатью твердой грусти и непреклонной решимости; то бело-зеленоватый, измученный, но — бодрящийся; гладко зачесанные волосы, четкий пробор с капризной прядью, не слушающейся прически и свисающей на лоб; часто — старательно причесанный; редко — точно всклокоченный (с

непокорным "ершом" сбоку). Волосы, цвет лица, выражение — резкое; но — жест — тот же; *протир* пенсне, вскид головы, откид; и — взгляд перед собою, как бы вперенный в точку — над головами присутствующих: в точку стены противоположного конца зала; а уже с ним кто-то разговаривает; и он — дает ответ; но сам где-то впереди; перед собою самим; о, как хорошо я знал [эти различные] выражения губ после опыта выслушания более 400 фортрагов его! Иногда сквозь настроение его уже просвечивало содержание лекции; *тон* нам еще неизвестной лекции; и мне казалось, что *тоны* основных лекций, как аура, овевающая лицо доктора, уже охватывала меня; не раз, видя доктора вошедшим, стоящим в описываемой мной позе, я говорил себе: "*будут* сказаны важные слова о Христе". Этому предшествовало *нечто*, как бы невидимо опустившееся над доктором; он казался строгим, но — теплым; сказал бы, что жарким; и цвет лица его, тот невидимый, который изоשרенному сознанию как бы делался видим, — теплый до жаркости пурпур *пылающих* роз; конечно, — все то, что я говорю — субъективно; не субъективен для меня лишь факт верного угадывания тональности сейчас предстоящей нам лекции — в иные полосы моей жизни при докторе; тон пылающей алости и строго-доброй и нежной любви, жар любви, выражающийся как бы от его чела, уст, гортани и груди — вперед перед ним, независимый от цвета лица, означал в восприятии моем: "Будет говорить о Христе".

Очень скоро после того, как вступил он на кафедру, уже начинал выявляться основной тон лекции, сопровождаемый для меня субъективно-красочным восприятием, как бы *ауры* его; от доктора во все стороны ясно ширилась атмосфера; и *тон* атмосферы, и *цвет* атмосферы мне ведом был; разумеется, говорю я не о *глазных* впечатлениях: о внутренних; но они подавались мне, как безошибочное содержание депеши, уже в начале фортрага; у доктора бывали, так сказать, разные ауры; кроме пурпурно-жаркого *тона* его слов о Христе, бывали розовато-золотистые тона, ослепительно золотые, розовые и белые.

В лице доктора при его входе в зал отражалось что-то и от содержания предстоящей лекции, налагая на цвет лица и на жест душевного содержания сегодняшнего дня *личности* доктора — *нечто большее*: *печать* он носил непередаваемую; и эта основная его печать преломлялась *печатями* содержания докладов.

Хочу сказать: замысел доктора, точно гений почти до *видимости* витал над его головой; и очень часто казался он мне идущим, стоящим, читающим или мило шутящим — в проходе, под кафедрой, около дверей, на эстраде под некоею нам невидимую куцею. Мне становилось понятным евангельское выражение: "Останемся с ним; и — разобьем кущи"³. Так говорили апостолы, увидев Христа беседующим с Илией и Моисеем, в *блистающем* виде⁴.

На иных лекциях, еще до лекции, доктор стоял с *блистающим видом*; *блистающий* вид его — не выражение лица, не сияние глаз, не восприятие глазами физической ауры; *блистающий вид* — это и есть *печать*, несомнен-

ная, ему присущего Манаса, который как вершина горы, обволакивался туманами, так сказать в иных климатических зонах своего душевного выявления; доктор, посылающий грома на заседаниях общества, часто заволакивал свое собственное блистание, сходя с себя самого: в сферу туманов общества; доктор, отчетливо излагающий гносеологическую тему, — доктор, спустившийся еще ниже: под тучи — в сферу окуда ландшафтов сознания и логики; доктор у себя на дому, — или доктор-режиссер, которого молодежь не боялась брать за рукав, — доктор, предавшийся, так сказать, луговым затеям.

Но идя на лекцию внутреннюю, для членов, — лекцию, долженствующую высечь в сердцах свет, — это доктор, совершающий восхождение к себе самому: на вершину; доктор, перед которым, так сказать, расступились у ледников туманы облачного пояса, доктор, озаренный пролетом неба мысли; пролет над его головой, — он-то и производил впечатление невидимо раскинутой над ним кущи, внутри которой перерождался он еще до лекции; и, перерождаясь, приобретал как бы блистающий вид.

К "этому" доктору, как бы мы ни хорошо знали, сколько бы ни беседовали с ним, хотя бы и в тот же день, — к "этому" доктору подходили мы с трепетом глубокого благоговения, ибо это уже не была личность доктора, а индивидуум духа доктора, внутри которого он ставил свою личность и изнутри которого он говорил; виделась ясно личность доктора; но не виделось ясно обстание этой личности *внутри кущи*; не сознавалось, от чего или от кого в доктора (или вокруг него) падает этот оттенок невидимого блистания — на личность в черном скюртуке, повязанную небрежно черным шелковым шарфом; и не было ясно — с кем собственно он говорит, кроме внимающих ему членов; а он, несомненно, с кем-то еще говорил; я опускаю без внимания сны "теток" (и не только "теток"), заявлявших не раз, что они в миги величайшего напряжения (как было в Христианини, в Лейпциге, в Кельне, — раз в Гельсингфорсе) видели как бы сияющие очерки фигур, обстающих доктора (один миг); все это — романтика, теософия, усталость зрения, "после-образы" (всегда ли "только"?); для меня, 48-летнего мужа, после ряда годин размышления над иными "мигами" лекций, — отстоялась почти уверенность: "блистающий" вид — бывал; и это не было "блистание" душевной разгащенности; это было явление высшего, сказал бы я, *духовного* порядка, о котором, конечно, вблизи доктора нельзя было заикнуться и о котором все "мифы" теток — попытка грубо физиологического уплотнения "чего-то".

Хотелось спросить себя: "Кто же с ним в куще *служит* в свершениях лекции?" И срывался невольный душевный ответ себе самому: "Ныне силы небесные... *служат*"⁵. И тогда понятно мое невольное обращение к образу "кущи", невольное желание нас, слушателей, в связи с лекцией ли, с курсом ли, воздвигнуть "кущу", как будто мы видели доктора в блистающем виде с Моисеем и с Илией.

Доктор дорнахских репетиций, доктор гремящий, доктор, наконец, воспринятый, как "с. мешливец" — совсем другой доктор: не этот доктор

с большой буквы; об этом не смели мы и спрашивать друг друга; но *этого* доктора, если мы не были окончательно слепы, — мы видели.

Это — автор курсов: "Христос и духовный мир" (Лейпциг), "Пятое Евангелие" (Христиания), "Бхагават-Гита и Послания апостола Павла".

3

Сам же "херр доктор", или личность доктора, т. е. человек небольшого роста с таким же цветом лица, вскидывающий пенсне и орлиным взором окидывающий зал, — "херр доктор" не менялся: то же вежество, те же приветливые (или неприветливые) кивки внутри кругозора: стены данного помещения; то же дьявольское умение уловить многообразие переплетений: лиц, жестов их, их кивков друг другу, их выражений, тайных и нетайных. Доктор действительно видел всех: входя в зал и вперяясь перед собою, — он видел: и "херр" такого-то, стоящего перед ним в такой-то позе и передающего такой-то "фрейлейн" книгу такого-то формата (вероятно, по формату угадывал и содержание книги, и смысл передачи книги), и стоящую, по-видимому, вне его взгляда, а сбоку, кучку, и лиц, составляющих кучку, и — прячущегося от взора его где-то в противоположном конце зала сконфуженного "X", — сконфуженного от своих, может быть, сегодняшних мыслей; видел он и то, кто как одет, и кто в каком настроении, и кто ищет к нему подойти, и кто ищет от него спрятаться; одновременно, — он вел разговор с обступившими его людьми и имел содержание предстоящей ему лекции перед глазами; глядя на него — казалось: ухо слушает собеседника, глаза устремлены на вершину Фавора (не видят); рот, поджатый, неуловимейшим передрогом укора и порицания бросает тчелтно прячущемуся от него "X" горько строгое: "Вижу, брат, тебя: нечего сказать — хорош гусь!" (отчего, вероятно, "X" не будет спать много ночей, пока его не простят); одновременно: всеми порами тела вбирает в себя он многообразие событий душевной жизни, которое принесли души собравшихся; и все это — ляжет в основу лекций, преломляя основной, лекции предшествующий тон: это будет *недосказано*, а то — *пересказано*. Недосказ от рассеянной жизни "X" в предшествующие дни; пересказ — для старушки "У", появившейся на лекцию доктора из соседнего города.

Все — получают.

В десятиминутной паузе, предшествующей лекции, и проведенной (так было прежде) не в лекторской, а в лекционном зале, совершается автоматически огромная работа: систематического усвоения, так сказать, ауры зала, и усвоение всего состава аудитории. И тут — к интуиции разгляда, т. е. к умению молниеносно окинуть все и всех, присоединялась еще невероятная внешняя наблюдательность, о которой он сам говорил не раз: "Думают, что чтение событий духовного мира начинается *где-то там*; оно начинается уже здесь; и первый шаг к нему — удесятеренная наблюдательность

к мелочам! Наблюдение мелочей, порою смахивающее на "мелочность", составляло особенность лектора-доктора, независимо от того, был или не был он в *блистающем* виде; "херр доктор" не менялся; и если бы не пойманный с полчиным "С" подошел к доктору, — ничего ужасного не произошло бы: доктор говорил бы с ним *так*, как всегда.

Но нас, неоднократно видевших доктора на *интимных* и *полуинтимных* фортрагах, — не проведешь. Мы знали, что в минуты выступления, так сказать, *блистающего* аспекта доктора, как бы невидимо беседующего с горним миром, — его зрение, брошенное в кругозор физического плана, не омутнялось, а прояснилось; в эти-то миги и *видел* он подноготную каждого; и в неописуемых, неуловимых штрихах изменений лица его, кажущегося неподвижным, каждый прочитывал себе ответ; я разумею "*каждого*" из тех, кто хоть в одной точке своего душевного мира бывал, хоть раз, внутренне "*учеником*" доктора.

И здесь: в сочетании сосредоточенной неподвижности и неуловимо порхающей как бы вокруг этой неподвижности тучи потенциально выявляемых в мускулах лица улыбок, полуулыбок, гнева, грусти, дружеской поддержки, заряда любви и т. п. — в сочетании этом сказывалось остраивающее нас всех действие доктора-учителя; можно было учиться по его книгам; можно было приходиться к нему на дом; и на внятно поставленный вопрос получить внятно составленный ответ; но можно было учиться по его лицу, пристально вживаясь в это лицо (ведь он сам взывал к *пристальности* разгляда); и тогда (этот факт, установленный десятками, сотнями признаний, заслуживающих доверия) — и тогда доктор начинал с тобой говорить как бы без слов: "Символы не говорят, а кивают". В тебе разыгрывалось то или это, а доктор из градации неуловимой игры выражений *вдруг* как бы выстреливал в тебя одним выражением, тебя ослепляющим, как молния, в тебе разраставшемся и после жившим неделями; и подобно тому, как мы по выражению фотографии говорим: "Лицо это выражает гнев, радость, похвалу, порицание, приглашение к терпению и т.д.", — подобно этому одно из выражений, иногда подстреливавшее сознание, гласило — ясней слова; и оно относилось: к тебе, а не к соседу; *сосед*, тоже видящий игру выражений, не переживал ничего от *молнии*, в тебя попавшей, он видел не молнию, а одно из выражений, как зыбь, омывающее основной тон лица; он, может быть, был подстрелен выражением предшествующим, к тебе не относящимся.

Так, в минуты *блистания* лица доктора с кафедры, под ней (на лекции, или после, до) это лицо умело разговаривать *со всеми вообще и с каждым в отдельности*.

И в совести людей жили *радостью*, или *унынием* неэмпирические слова *доктора*, сказанные им, а эти *увиденные*, не произнесенные слова жестов, в которых доктор, приподымаясь над "херром доктором", глядел с высоты *Манаса-фавора* подлинно духовным взором учителя, то карающим, то благословляющим, то любящим сквозь все; и помогающим совести — сквозь все.

Доктора остраивало в иные минуты действительное сочетание *духовно-го зренья* (подобного прозорливости) с просто пристальным взглядом в простом, эмпирическом смысле; он все видел, как наблюдательный человек; и он как бы *все видел* в человеке, когда был "под кущей" в минуты важные и исключительные.

До них и после них он многого мог просто не разглядеть; и на многое мог просто не прореагировать.

4

Великолепен был жест этого человека — во всем; и — в частности; я всегда наблюдал его жесты на лекциях, произвольные и экспрессивные: не перечислишь их; они менялись; некоторые повторялись, как тема в вариациях.

Вот — он входит на кафедру; и — положив на нее свои руки, схватившись руками обеими за края кафедры, он обводит аудиторию медленным взором, не торопясь поворачивает голову, потом он, взглянув перед собою, несколько прищурил глаза, опускает их: и тогда раздается — отчетливо громкое, по сравнению с максимальными минутами лекции кажущееся тихим "Зеер фереерте анвезенде", если лекция — публичная лекция — "Майне либен антропозофишен, фройндз"⁸, если лекция для членов, и наконец "Майне либен швестерн унд брудер"⁹, если это — эзотерический урок. Пауза. Потом — умелое начало лекции, иногда эпизод, иногда ссылка на какое-нибудь изречение — Гете, Новалиса, Германа Гримма, а то — современного профессора, — неожиданная ссылка на неожиданный эпизод; в зале — недоумение, смех, ожидание, — к чему бы это; и вдруг — взверт мыслей: и — вспрыг в тему лекции: *ин медиас рэс*¹⁰. Как я любил эти изящные, порою очаровательные введения, в которых сказывалось еле сдерживаемое кипение темы, как бы прикрытое порою изумительно отточенной фразой; сколько раз удивлялся я отточенности его фразы, изяществу в архитектонике чередования фраз на иных его публичных лекциях, читанных некогда в "Архитектенхаус"; в этой стадии лекции (первые 15—20 минут) доктор, видимо, сдерживая напор волн голосовых, разрывающих уж его грудь, — отрываясь то одной рукой, то другой от края кафедры, делал тихое и уверенное движение, подобное небольшому кругу, описываемому над кафедрой; и снова схватывался рукою за кафедру, иногда он над нею немного раскачивался, как бы делая поклоны кому-то; иногда поклон был — низок, быстр, остр; он — сопровождал всегда нечто сатирическое, произвольно выражающееся из лекции: так, помню, упомянувши в начале одной лекции о психофизиологе Теодоре Фехнере, которого, видимо, он любил, упомянув о каком-то обстоятельстве из жизни Фехнера, он неожиданно бросил: "Абер мама Фехнерс дахте ганц андерс"¹¹. Это появление *мама* из кухни немецкой квартирочки в кабинете ученого со своим мнением о научном вопросе, построенном не на основании

лабораторных, а на основании кухонных данных, я знал уже, тайло неожиданный взверт в самой теме лекции; доктор, еще тая свою мысль, вдруг вспыхивал веселой, немного лукавой улыбкой, возносил на нос пенсне; и вдруг — схватившись руками за кафедру с низким поклоном, точно отрубивал парадокс *"мама Фехнерс — ..."*

— пауза: смех: —

"Но, дорогие друзья, в этом ответе нет ничего смешного: *"мама Фехнерс — была права, со своей точки зрения"* — и пенсне слетало с носа доктора и он откидывался: *"зеек зи"*¹² — голос креп: и начиналось быстрое взвятие темы из эпизода. В умении взметнуть огромный вопрос над шутливым эпизодом, или обратно: в неожиданном умении тему мирового значения сосредоточить в комическом эпизоде, — был он неподражаем, текст его лекции — играл, интерферировал, на эпизодах — отдыхали, и после них с особенной яркостью вставала в сознании значимость в лоб брошенного вопроса; так он поступал не на всех лекциях; на лекциях известного тона¹³ (у него было зное количество тонов чтения).

Бывало — взвивается тема; и он уже не тот, — не сдержанный, не пытающийся замкнуть свой голос и не пытающийся волну содержания сдержать небольшим круговым, словно сдерживающим движением изящной руки: он — уже откинут от кафедры — весь — назад, с оторванными в стороны брошенными руками, глядя как бы вниз из недосягаемой высоты, бьет в нас крепнущим, точно падающим с утесов в глубь пропасти голосом; и темп фразы — быстрее, быстрее, быстрее, как ускорение падающих в пропасть тел; глаза — вспыхнули и точно разъялись перед бессмыслицей пригвождаемой философии или квазинаучного взгляда (тут уже не до *"мама"* Фехнер; призванная на помощь *"мама"* теперь словно над ним бросилась, как разгневанная Эриния¹⁴); в эти минуты у доктора голос делался — гром; надувалась на шею артерия, глаза — огненные колеса — в нас били фонтанами блеска, а руки, оторванные от кафедры и взнесенные и разведенные на уровне головы повернутыми к небу ладонями, начинали как бы призывать Эринию на тупое и общее место, которое он гвоздил; миг — и глаза взлетают вверх; а голос — не попевая за вихрем взвиваемой фразы, взвиваясь куда-то над нами уже — ослабевает; но кажется, что он громче еще в высях, там, куда молниеносно вознесся; казалось мне в эти минуты, что доктор, вдруг вырвавшись из себя самого, над собою самим на нас мчится громовым раскатом; качающаяся же фигура — не доктор; *"так что-то"*, автоматически производящее движение, по знаку доктора, — *"того"* доктора — свыше: теперь-то он — с Большой буквы; теперь — только слушать: в разъятом сознании в быстрой смене фраз, смыслов, сопоставлений над ними, над всеми, как радуга над фонтанными каплями, вспыхивает мгновенный и молниеносный смысл вовсе не сказанного в словах; сколько раз мне казалось в эти минуты, что было сказано то, чего потом не оказывалось в стенограмме; и это — не мое впечатление, а всех, хорошо знающих *ритм* его лекций; тут — фон разверзлся: за словом; и куца невидимая, под которой он ходил, как бы

нас брала: нет, не всех, — только тех, кто прислушивался вторыми ушами; записывать было бы бессмысленно; сам он просил: "Не записывайте, но — слушайте!" Он разумел: слушайте *вторыми* ушами¹⁵.

Когда же полет его мысли уже был не фразой, — молниеносным зигзагом, то — упал его голос до шепота; и он сразу бросался лбом с кафедры, как иерей на служенье в глубоком поклоне у алтаря перед Кем-то, с Кем он разговаривал; руки — схватывались опять за край кафедры; нос как будто надрубивал что-то над ней, а глаза — закрывались; в эти минуты — казалось, что — тишина: и что силы и скорость течения речи его — есть лишь "*моль*"; но то были именно минуты вихрей; и — тут вспоминались слова — слова Ницше: "Мысли, приносящие мировой переворот, ступают на голубиных шагах". Пауза. Точка. И над кафедрой он — молчит. И потом, вновь спокойный, но несколько бледный, автоматически зацепляя пальцами за шнур болтающегося пенсне, — он обводит присутствующих серьезным, невыразимо значительным, невыразимо скорбным порой, а то — строгим взглядом; и ждет чего-то; может быть, — ждет волны ответной от нас на волну, им отданную; слушает сердца; а верней, что сердцем он слушает те именно "*голубиные шаги*", о которых знал Ницше¹⁶ и которые слышались многими в эти *тихие минуты* лекций, между громами порывов. Мне эти минуты воспоминаний связывались со стихами Владимира Соловьева:

И в тихом дуновенье
Он Бога угадал¹⁷.

Он, бывало, стоял перед нами в такие минуты — как бы угадавший, прислушиваясь, и как бы угадывал: *угадали ли мы*; и обводил нас глазами, казавшимися огромными и грустными бриллиантами, как бы наполненными слезами, одновременно любви и скорби: любви к "*миру сему*", и скорби о том, что "*во зле лежит он*"¹⁸, иногда он такими минутами оканчивал лекцию; и мы, мало сказать, взворощенные, мы — понявшие на один миг *непонимаемое* и вспомивающие на один миг не бывшее с нами, которое-то и было действительно *бывшим*, мы даже не пытались взглядами пересказать друг другу о *том*, в чем мы были; и — странный факт: после лекций таких, — нельзя было разойтись; но и нельзя было говорить; и мы звали друг друга в кафе; и под звуки пошлости "*сего мира*", под визгливые скрипки, или под "*Уймется волнения страсти*", разыгрываемые в берлинском кафе, сколько из нас испытывали перерождение души: те именно миги и вспоминались, неслись через жизнь; никакие "*симфонии*" — не могли бы аккомпанировать нам в такие минуты; душа требовала "*плюс бесконечности*"; и в "*минус бесконечность*"¹⁹ скрипчонок охотней мы шли, чем в слова; сколько из нас с дикой злобой взглядывали на порой прорывавшиеся слова теток: "*дас вар — этвас*"²⁰... Хотелось вскрикнуть, — "*молчите*".

Молчали в кафе.

И потом возвращались домой.

В эти тихие минуты, хотелось бы сказать, — шаги тихого, белого грома его, о, не слов — удивительны, выпуклы, вырезаны, произвольны бывали и все его жесты: знаками складывались; вот один жест: рукой, поднятой и протянутой перед собой, начертывает медленно и отчетливо линию вниз; и жест — произвольное сопровождение слов; пауза в жесте; и вот: рукою, тою же, протянутой в сторону, он проводит перед собой горизонтальную линию; и опять-таки: линия — произвольное сопровождение фразы; но получившееся пересечение линий, отчетливо рисуемое перед нами *крест*, есть высечение меж двумя смыслами двух смежных фраз — смысла третьего, большего, как и крест есть *фигура*, а не сумма линий; и — снова пауза: вот он обводит (опять произвольно) рукою вокруг креста круг; и — *крест* в *круге*²¹; и вот наконец он естественно, произвольно, — одним только шагом своим приближается; и стоит: в точке начертанного креста с разведенными направо и налево руками; и он — как *крест* в *круге*.

Движений подобного рода, произвольных, нельзя было нам не увидеть; в минуты расширенности сознания все мелочи, так сказать, увеличивались; наблюдательность — изострялась; мы видели в эти минуты — не только движения его лица, истонченного в лик; мы видели — жест; и — сумму жестов; и — вырезанную фигуру из них.

Изоощренность внимания — делалась невероятной в такие минуты: но — и она имела предел; иногда выносили мы лекцию; и трезвое сознание не расключалось с *иным*, не рассудочным, образным; иногда ж наступали моменты, когда два сознания в нас расключались — на время; и мы, как укачиваемые на ритмах его громыхавшего голоса, строили образы; вот — встает шар; это — солнце; вот — блеск из него излучается; и — спохватывались: "Что это вижу за сон я?"... Сколько раз я был в полусне, когда грезились образы; и в эти минуты (потом вспоминал я об этом) — я строил образы не произвольные, а соответствующие мной пропущенному в такие минуты *логическому* содержанию слов: "Что я вижу: откуда в душе образ солнца; нет, — слушать: что доктор — о чем говорит?" И — оказывается: говорит о солнце духовном; и далее — связывает это солнце с сердечной деятельностью; и — со Христом. — "Вот о чем? Да и я видел солнце сейчас", — удивляешься; и — пытаешься вернуться к сознанию рассудочному.

То, что я обрисовываю, не есть фикция: факт, подтвержденный десятками, сотнями слушателей, имевших опыт прослушивания градации лекций его; с первой лекции "этого" не делалось; "это" уже начиналось потом; и, наконец, "это" преодолевалось и получалось умение: слушать его, так сказать, двумя парами ушей, видеть — двумя парами глаз и понимать — двумя способами понимания. Но многие, наивные слушатели, — когда начинался период огромнейшей встряски душевной в них, — наивные

слушатели именно в этот период, в минуты наибольшего напряжения: испытывали вдруг — позыв, неудержимый, ко сну; и — засыпали; не от невнимания; от — так сказать — *перевнимания*, исчерпывавшего самые, еще недостаточно развитые силы *внимания*; внутренние лекции доктора, я сказал бы, можно было выдержать лишь вниманием, укрепленным в медитативной работе; вне этого укрепления — наступал сон; и это опять-таки — факт, засвидетельствованный сотнями случаев; даже: существовала традиция, — успокаивать засыпающих, которые после конфузились: "Успокойтесь, — это не сон обычный; и доктор не будет претендовать на вас; и — окружающие не възмутят: многие ведь из них через это прошли". Так, бывало, меня успокаивали; так и я успокаивал. Объяснялось, что это происходит от видоизменения ритмов эфирного тела; потом оно приспособлялось: к доктору, взятому, так сказать, в *сильной дозе*.

И — наконец: то явление, о котором скажу я, сопровождало сильнейшие и интимнейшие лекции курсов для членов общества (оно не наблюдалось на публичных лекциях); это — особого рода обмороки; не дурнота, а мгновенное разъединение сознания *высшего с низшим*; человек слушал; и вдруг — падал; его — выносили; эти *падения с выносами* напоминали суи генерис эпилепсию, происходившую не с эпилептиками; в этом явлении — падения в обморок — не было корч, дурноты и дурных последствий для здоровья; я к случаям этим потом относился почти равнодушно; доктор — читает; и — то и дело: здесь — шум, там — шум; отсюда — кого-то выносят; оттуда кого-то выносят; ни доктор, ни мы — не обращали внимания на эти выносы; в случаях действительной дурноты, или действительного припадка, — доктор первый летел на помощь; а тут же при "выносах" подобного рода он даже не повертывал головы. Выносили людей, *не мудро* исчерпавших до окончания лекции свои силы внимания; говорю — не мудро; мы потом научились владеть этими силами; лекции доктора были кроме всего — практическими упражнениями в *медитативном* внимании. Научаясь слушать *так* пристально его на лекциях, мы потом эту *пристальность* переносили и на текст его сочинений.

Явлениями подобного "*выноса*" людей сопровождался весь его лейпцигский цикл (1913—14 гг.); на этом цикле со мной, уже имевшим опыт внимания, чуть не случился "*упадок*"; и вынесли покойного Т. Г. Трапезникова, который потом был ужасно сконфужен; ведь у него был многолетний стаж "*ученика*". Тем не менее: силы слова, голоса, смысла, жеста и выражения лица доктора — превосходили почти все, мною слышанное²², кроме... цикла, читанного в Христиании осенью 1913 г.: и там и тут он говорил о Христе.

Так он говорил о Христе.

Или же: он вовсе не говорил о Христе.

И здесь — должен отметить одну черту его: глубокую, воистину новую *религиозность* (об этом — впереди).

Никогда не забыть его лекционных курсов; какой он был неповторимый в них! Надо было прослушать их несколько, чтобы понять: по одному курсу нельзя было заключить о диапазоне доктора как лектора, не говоря уже о лекции. С каждым курсом менялся он: я говорю не о темах курса; и — даже: не об отдельностях его жестов, мимики, интонации; ведь в гамме — семь нот, и все богатство индивидуальных мелодий дано в семи основных жестах — звуках; я говорю о сложении интонационных жестов, о том, чего я не подмечал ни в одном ораторе.

Слушая любого лектора много раз, запоминаешь его типичные жесты; и — дело с концом; потом, встречая определенный жест в определенном месте, лишь отмечаешь: "Знакомое явление".

Лишь у Штейнера я наблюдал нечто, чего не наблюдал у других лекторов: мелодию сложения жестов; в каждом курсе она менялась; была, так сказать, жестикуляционная, неповторимая тема для каждого курса.

Я говорю о чем-то совершенно произвольном, чему нельзя научиться искусственно; это мелодия — мин, интонаций, произвольных поз мне казалась следствием удивительного овладения высшим "я" самым психофизиологическим аппаратом лектора. И оттого-то: помимо тематического содержания курса можно было говорить о "*симфонической*" инструменталке его.

Мною воспринимались эти курсы помимо их морального и идейного содержания еще и как... "*симфонии*"; мало подчеркивался эстетический феномен курса; тот факт, что лекции были актами музыкальной драмы, которой поэт, композитор и мим — артист было то же лицо; и подобно тому как мы говорим "Чехов нам создал по-новому Хлестакова", можно было сказать: "Исполнитель Штейнер данным курсом создал новый тип". Смысл этого музыкально-жестикуляционного явления (непроизвольного всегда) — в том, что лекционные темы разыгрывались в моей душе двойко: как идейное содержание и как определенная музыкальная тема, вызывающая во мне ответную реакцию вспыхом образов и красок моих, так что я в них, в этих образах и красках, как бы вмешивался в тему курса, по-своему ее раскрашивая; но всего удивительней то, что в годах воспоминания эти курсы во мне живут именно в этих, *моих* раскрасках, вписывающих нечто *новое* в курс; так что, когда я впоследствии читал эти курсы, они мне скорей казались лишь негативами тех образных форм, которые выросли во мне из восприятия музыкальной стороны курса; из мелодийной темы — жестов, недоговоренностей, искр высекаемых новых и нигде в контексте не данных смыслов.

Печатные экземпляры курсов — лишь нотные знаки возникающих *арий* и *хоров*, которых и не было в одном смысле.

В другом — только *они* и *были*.

О каждом курсе живет в душе моей субъективнейшая, красочно-музыкальная импрессия, на фоне которой мною воспринимается та или иная лекция курса, то или иное место в ней.

Так, например:

— первый курс, мной услышанный в Мюнхене, *"Вечность и Мгновение"* стоит мне, как строгая симфония глубоких, бархатно-черных тонов космической бездны, в которой сваялись наши тела; и человек, сваянный из тел, как бы выделяется на этом строгом, темном, бездонном фоне своим бледным, невыразимо прекрасным, невыразимо грустным лицом; он — один; и он поставлен в роковую необходимость, либо опять раствориться в этой бархатно-темной бездне, либо невероятными усилиями и всей революцией сознания преодолеть строгий мрак; и тут тема переходит в драму — мистерию этого строгого, грустного, одинокого, прекрасного существа со сквозным, бледно-серебристым от катастрофических усилий лицом; и все жесты этого преодоления — тихо-медленные; но в них зажаты — ураганы; так правит он путь среди бархатной тьмы; и тут вспыхивает он; и как бы невидимая пурпурная мантия набрасывается ему на плечи; и как бы серебряный, белый орел ширится от Чела; и точка из бархатной тьмы — вспыхи звезд; и от него — вспыхи звезд; вспыхи несутся: к вспыхам; и вдруг — исходя молниями, что-то вырывается и уносится на молниях; все тьмы — молниевидные орнаменты.

Мрак космических бездн — постоянное задание курса; а исполнитель его, Человек — доктор-мим; момент вспыха пурпура — пробуждение астрального тела из-под эфирного, а исход молний в молнии — выпрыг человека в астральный мир.

Доктор, исполнитель-мим, мне еще и сыграл в лицах курс *"Вечность и Мгновение"*.

Пантомимически была показана музыкальная мелодия, сопровождавшая курс: *"Со страхом и трепетом — приступите: к "тайне ночи"*.

И удар курса — катастрофический выпрыг: он был *разыгран*.

Кто ограничился бы прослушиванием одного этого курса, — не мог бы себе представить доктора не строго-взыскующим, бледно-грустным; и доктор жил бы в нем — вздрогом трепета и... чуть-чуть... боязни.

Через две недели — курс *"Евангелия от Марка"*; и — ни одной ноты от курса бывшего; читал — другой человек, в другой тональности и цвет курса — иной; доктор ходил по эстраде — молодой, быстрый, свежий и весь какой-то *"розовый"*: розовый не румянцем, а каким-то рефлексом, падавшим на него; точно его осветили розовыми лучами и он непроизвольно улыбался; и уста его зацветали удивленно-радостной улыбкой от увиденных исторических перспектив; весь жест его рук — не преодоление космической тьмы: в предъдущем курсе он шел, как бы медленно ощупывая разверзающуюся бездну *"ничто"*; а тут он молодо как бы руками *"срывал "портьеры"* нашего ограниченного кругозора; и стены падали, как портьеры, от взмаха одной руки, а другую он как бы схватывал то того, то другого из нас со странно веселым рывом и показывал на места, где прежде висели шторы узости, педантизма, ограниченных *"точек зрения"* на историю и разных *"евангельских критик"*; он как бы говорил: "Будем вместе смотреть, — видишь, видишь? Не ожидал? Да и я тоже... А это — история".

Так бывает лишь в редких снах, которые помнятся годами и содержанье которых — сюрприз: "А я-то думал...", "А ты — не думай: гляди!" — как бы говорил доктор; и розовые лучи, его освещавшие, — понял я, — историческое солнце, осветившее дорогу, на которой он учил разглядывать едва внятное; на горизонте — тускло; это — Индия; а вон там, где едва видно начало дороги — древняя Персия²³: здесь началось осознание времени.

Иногда он как бы вырывался с эстрады и сам оказывался в им показываемой перспективе, в ней устраивал фейерверк комет: таков момент его характеристики Будды и Сократа, как двух комет, обращенных ядрами друг к другу с разлетающимися хвостами: Буддов хвост — мрак времен; а Сократов — летел в наше время. И вдруг мы все оказались в буквальном смысле в кометном, нас пронизывающем хвосте; и Сократ на мгновение оказался в каждом из нас; и многие лично пережили светлую свою "чашу с ядом"²⁴; этот показ Сократа мне был решающим моментом перерождения взгляда на Сократа; слетели шторы Ницше²⁵, которые мешали мне увидеть греческого гения; и в последующей линии лет, я, перечитывая литературу о Сократе, нашел ряд объективных подтверждений к тому, что было мной молниеносно пережито в связи с Сократом; так же мне был брошен Гамлет.

Из лекции в лекцию крепла тема этого мной молодо переживаемого розового света, как атмосферы, озаряющей историю; была показана "Атмосфера" Илии, как той же эфирно-световой силы. И доктор, такой "молодой и розовый", точно креп в этой "эфирной" силе; и была показана "сила" терапевтов; и вдруг все это молодое и розовое, что играюще порхало над историей и над ним соединилось и лучом осветило два-три евангельских текста. "Как же из этого никто не понимал до сих пор?" — подумал я. И наконец — все связывалось: Сократ, Будда, Илия, Гамлет, Гераклит, Доктор Фауст: свободные перепрыжки через столетия, картины, образы: быстрый выхват их из линии истории и новый схват в "буквальном прочтении" нескольких текстов Евангелия от Марка выявил "лик юноши", который бежал во тьму, когда захватили Иисуса: *этот юноша — сам Христов импульс*²⁶.

И розовая молодость доктора, оваянная, как персиковым цветом, огненная его быстрота и будто *духовное веселье* его, да это — *оваянность тем именно, о чем он говорил*.

Он — показал *нечто* от импульса в интонационной теме 10 лекций; и омоложив нас, *терапевтически сыграл "свою роль"*, — скромно сошел со сцены, чтобы стать: доктором Штейнером, "*доктором*" в скюртучке.

Когда я говорю "*роль*", "*грим*", — я говорю намеренно скромно; "*теософы*" поставили бы вместо слова "*роль*" — "*инкарнация*"²⁷; вместо же слова "*грим*" — "*огромная, духовная аура*".

Но доктор Штейнер боялся "*сих словесных китов*" — воображаю, как сморщился бы он, услышав о себе нечто подобное; и знаю: мои слова "*роль*", "*грим*" — не обидели бы его.

Ведь главное — совершилось: *он нам показал в жестах нечто непоказуемое*; не ищите *"этого"* в литографированном конспекте, в конспекте от *"Симфонии"* — ничего не осталось.

И прослушание курса *"Евангелие от Марка"* прибавило более, чем прослушание 9-й симфонии *Бетховена*.

Следующим слышанным *"курсом"* считаю я те 9—10 прослушанных в берлинской ветви лекций, которые были продолжениями той одной темы, формально лишь называемой *состояние души после смерти*; он не один курс посвятил этой теме; и каждый раз говорил по-новому.

В берлинской теме ударная сила была не в трансцендузе²⁸, не в *"по ту сторону"*, а в углублении темы *"смерть"*; в по сю сторону: смерть есть в нас; и углубляя работой сознания эту *"смерть в нас"*, — мы разглядываем и третье измерение: движение в нас темы смерти, которая не смерть, а этапы в диалектике той линии, которую мы знаем как точку смерти на небе.

Музыкальная интерпретация темы не носила в себе ни *смерти*, ни *потусторонности*; эти лекции особенно странно разыгрывались во мне: точно показывался генезис моего сознания из бессознания; и обратно: показывалось, как сознание, вставая в бессознание, воскрешает картины, которые обычно воспринимаются мифами; был показан миф моего явления из-за рождения, как из-за смерти; и было показано мое вхождение в смерть.

Образы, сопровождавшие этот странный показ и роль мима-исполнителя, опять не имели ничего общего с предыдущими курсами; лейтмотив цветовой — рождение из темно-голубой мглы каких-то бело-золотистых образований полу-людей, полу-мифических существ, и я вспомнил: причудливые очертания островов Греческого архипелага, напоминающих драконов, героев, полубогов. Они могли бы служить моделями моих образов, рождаемых интонацией, паузами и странными взглядами доктора, иногда бросаемыми мне: "Понял?" Как эти дочеловеческие формы в ритме их строящих линий напоминают ритмы переживаний моих, так ритмы этих переживаний координировались с ритмами доктора, нюансирующими слова о трудностях ориентации в иных перспективах, которые и суть перспективы так называемой *"Камалюки"*²⁹; вопрос о *"Камалюке"* вставал вопросом о понимании трудностей, например, пятимерной перспективы в сечении трехмерной; и понимание это — не понимание *"мистическое"*, а понимание — опытное; опытное ж сырьё или *"смерть в нас"* — наше же подсознание. Доктор, ставящий перед нами проблемы иных перспектив, рисовался мне древним греческим героем, учащим меня обхождению с химерами и гидрами проекций многомерных фигур в наших фигурах мысли; а тема *"смерти"* и так называемой загробности — предлог вызвать в нас эти перспективные упражнения. Незадолго до этого я передал доктору тетрадку моих *"перспективных упражнений"* с графиками соотношения тел; в теме курса мне были прямые ответы на поданную тетрадочку; что это были ответы, явствует из того, что, отдавая потом мне тетрадку, доктор никак не реагировал на нее: реагировал он *всем курсом*, сплетя темы моих вопросов с ответами, данными в образах.

В опыте моих тогдашних упражнений, в ощущениях *"смерти в себе"* (одновременное *вымирание* из одной перспективы и *врождение* в другую), в мыслях об этом в связи с курсом, дающим прямые музыкальные ответы, — тогда именно потенциально всплывали во мне и ряд тем *"Котика"*³⁰, и одна определенная главка из *"Кризиса жизни"*³¹ (где я говорю об архаической культуре Греции), ибо эта *архаическая культура* мне была показана курсом, но... в иной транскрипции: как культура начальных переживаний *Камалюки*, состоящих в трудности по-новому найти ориентацию.

Я бы мог в таких субъективных импрессиях охарактеризовать музыкальные темы серии мною слышанных курсов и роль мима-исполнителя, его *"грим"*, его жесты, его паузы, его цвета, им вонне зажигаемые образы, которых нет в контекстах, но не имеет смысла давать каталог импрессий; он не имеет *"общего"* значения, но он — не только ряд *"субъекций"* в том, в ком он пережит: он — *"субъективная имагинация"*; и как таковая, он имеет свою огромную, вспомогательную роль, *при умении с ним обращаться*; постоянно подчеркивая *условность имагинации*, доктор тем не менее волил к тому, чтобы в нее вживались, не отдавая ей критического, самосознающего *"Я"*; наоборот: тому, кто из *"высшей объективности"* откидывал бы в себе подобные субъективности, ибо они *"еще не суть духовные миры"*, он сумел бы показать *"гримасу"*: *в парадные комнаты не пройдешь, не потолкавшись в передней*, в передней же — теснота, шубы, бестолочь.

Бывало так: человек, боясь себя скомпрометировать *"субъективной чепухой"*, сидит и молчит перед доктором, ожидая, что доктор ему *"изречет"* нечто о нем: а доктор сидит и ждет... хоть... *"чепухи"*; у таких гордых слишком *"паинок"* обычно атрофировалось даже желание пойти к доктору, ибо — *"не с чем"*; а доктор любил, чтобы его, так сказать, *живо теребили*.

И — он *теребил курсами*: он сознательно вызывал к импрессии: одних *"благоразумных"* сентенций о курсах ему было мало; для этого он их инструментовал, пел, *"играл"* в них.

Разумеется, — это была игра высшего, я сказал бы, *"божественного"* порядка, если бы кривая усмешка не остановила меня.

7

До какой степени его тут именно не видели, особенно люди, желавшие отстоять свою самостоятельность от его лекторского *"гипноза"*? Вспыхивали удивительные произведения, ну, скажем... *"искусства"*; при этих феноменах присутствовал, скажем, посторонний допущенный человек, который умел любоваться и *"мадоннами"* галерей, и слушать музыку Бетховена. Слушая доктора, оцетинившись против его *"влияния"*, такой человек превращается, бывало, в каменного болвана и отмечает лишь *"идеологические схемы"*, с которыми он *"не согласен"*, не подозревая, что схем никаких нет, что *"все течет"*, в музыке ритма, что со *"схемами"*,

воображенными слушателем, не согласен сам доктор; что все то, что он видит и слышит еще и "искусство" ему — невдомек, скажи, — удивится: "Как? Искусство? Я же пришел слушать лекцию. Это же "антропософия", а не искусство?" Людей, превращенных собственным предрассудком в каменных болванов в эти минуты, сравнил бы я с людьми, которым показываешь на розовый тон закатных земель, а они отвечают: "Земля не бывает розовой".

От таких "тупиц" восприятия люди искусства просто отмахиваются руками; а в качестве критиков "антропософической идеологии" затупевшие в своих предрассудках сидели на лекциях доктора с преважным видом.

— "Оставьте, батюшка, идеологию, — и — полюбуйтесь!"

Так сказать — нельзя: воскресал миф о "гипнозах" Штейнера и об отсутствии у нас "критического" отношения к антропософии.

В подобный "идиотизм" впадали умные люди.

Никогда не забуду комического инцидента с Бердяевым, допущенным на Гельсингфорский курс; все десять лекций курса он не столько прослушал, сколько проболтался с могущим на него воздействовать влиянием "магических пасс" Штейнера; да так и "прошел" мимо курса — в собственную схему, до глупого ничего не поняв; слышалось лишь сопенье и пыхтение, да скрип стула на весь зал; и когда я поворачивался на сопы, вздохи и треск Бердяева, я видел лишь в нервном тике высунутый язык.

Бердяев — "боролся".

С чем он боролся, обнаружилось неожиданно. Дело в том, что лекции шли в наемном помещении; в других комнатах помещения, не имевших никакого отношения к курсу Штейнера, упражнялся кто-то пренебрежительно на рояле, играя... "Собачий вальс".

Подходит Бердяев и спрашивает моего приятеля: "А что, всегда лекции Штейнера сопровождаются музыкой?" В вопросе — подчerk, что музыка для мистического приподнятия настроения.

— Да это — "Собачий вальс", — отвечал ему мой приятель и подумал: "А вы думаете, что Штейнер аккомпанирует себе "Собачьим вальсом"?"

Бердяев сконфузился.

Борьба с "влиянием" атрофировала в Бердяеве элементарные восприятия музыки (а ведь — ценитель Скрябина!).

Одним из примеров того, как действовал и отвечал доктор сознанию членов "А. О." в миги лекций, когда он был преобразжен и горен: на венском курсе впервые слушавшая курс доктора и мало понимавшая этот курс мать моя, потрясенная ей открытою впервые панорамой игры лица доктора, обратилась как бы к нему, с внутренним вопросом: "Если ты можешь видеть и слышать, — ну дай мне знак: повернись и пристально погляди на меня... Нет — ты не повернешься!" И вдруг: доктор, стреми-

тельно повернувшись в ее сторону и отыскавши глазами ее, по словам ее, воткнулся в нее глазами; маленькие глаза стали шириться, стали огромными, световыми дисками; мать почувствовала, что еще миг, — и она — не выдержит; миг, и доктор уже глядел на кого-то другого.

Это — рассказ ее.

Другой случай — со мною: проведя неделю с дурными мыслями, я едва приплелся на доклад *доктора*; я знал, что он меня *увидит*; увидя, увидит все дурное, чем я жил эти дни; и я, зная *прозор* его в *блистающие* минуты *горних* лекций, действительно боялся увидеть его ответ на мою душевную неразбериху; ответ без слов: жест, мину. Придя на лекцию, я держался в противоположной от доктора стороне, прячась за спины членов. И — как нарочно: все *спины*, спасательно меня укрывавшие, раздвинулись; между мною и доктором лишь мгновение образовался *пролет*; в этот пролет с молниеносной быстротой, он, разговаривавший с кем-то, бросил ужимку; я увидел гримасу; и я отчетливо увидел между двумя раздвинутыми спинами: *мне высухнутый язык*; я не знаю, что делал доктор: кашлянул ли в моем направлении и в кашле показал кончик языка; повторяю: *высухнутый язык я видел*; он был вытянут между двух спин, в щель между ними с удивительной точностью; и он, так сказать, проводил прямую от одного конца к другому, — он попадал: мне в лицо; в следующее мгновение спины сдвинулись; доктора я не видел; но — хоть бы и видел; я все равно уже получил реакцию доктора на плохо проведенные дни; и — на свою трусость. А может быть, язык означал: "Дудки, батюшка, не спрячешься: вижу тебя насквозь". Во время лекции лицо мое оказалось в поле зрения доктора; он — ни разу на меня не взглянул; и это означало: "Успокойся, — не стану тебя разглядывать; получил по носу и так: довольно с тебя!"

9

Так в нас отдавался он в минуты *блистающие* свои. Каждый из случаев разговора с доктором (а таких случаев *тысячи*) может быть субъективной имажинацией; не это важно; важно то, что *под тысячами случаев* подобного рода нечто было, что требует разгляда и пристального изучения; и важно то, что в такие минуты мы знали: он — *видит нас насквозь*; и наша беседа с ним тут — как на духу; вернее — под кущею Духа, над ним раскинутой.

В эти минуты он был нам Учитель воистину; но тот, кто переносил такой разговор в словесном общении с ним, — тот не получал удовлетворения; от слов "Херр Доктор" требовал: ясности, четкости, трезвости, формулировки; он "мистику" откидывал; иные из "мистиков" среди нас уходили неудовлетворенные разговором с доктором.

Наоборот, старые ученики, как покойная Штинде, годами не искали словесных свиданий с доктором: иные из них утверждали, что они без словесных вопросов получают от доктора, как учителя, все, что им нужно.

И эти слова их надо брать в весьма углубленном смысле.

Доктор был нам учитель во многих смыслах: по-разному — толкал, двигал в нас самостоятельность; вспоминаю: и точно ряд классов встает, где учились; но их как и не было.

Способность выдержать водопад лекций (публичных, "для членов", курсовых, интимных) есть итог прохождения учебного курса; учились вниманию к теме и разглядыванию ее модуляций в разных тональностях, по городам, странам — в вариациях: для швейцарцев, финнов, шведов, немцев; по городам страны: в Кельне читал он не так, как в Берлине; в Берлине не так, как в Мюнхене; тема, раз поднятая в зерне, — на публичной лекции, в ложе, на съезде, в небольшом кружке, начинала варьироваться не только в географической проекции, а, так сказать, в перпендикулярном сечении — от ее оформления для всех людей, всех антропософов, эзотерического кружка; на внутренних уроках она проводилась не так, как на лекции для всех членов, и вовсе не так, как на съезде. Многие не понимают, что нудило нас бросаться за доктором: из города в город. Могу сказать: посещение лекций было учебою в усваивании *темы* не в "что", а в "как"; если не все тут учились, то мне, лектору, подавался единственный материал по педагогике лекторского искусства (только ли лекторского?); можно было учиться тому, как тему ставил впервые он, как он развертывал — по городам и кругам понимания. Потом, развил ухо к технике взятия темы, мы научились расслушивать интимный обертон не интимной лекции; и присутствовали при углублении любого "взгляда в ничто", брошенного на публичной лекции, не углубленного на "эзотерическом" уроке.

Перерождались все представления об "экзо" и "эзотеризме"; приходилось присутствовать при показе эзотерического "что", поданного эзотерическим способом: на — эзотерическом *часе*²²; и приходилось присутствовать при эзотерическом уроке для "имеющих уши" в переполненной аудитории, набитой публикой с улицы.

Границы "для всех" и "немногих" стирались в изоцрении слуха, которому мы учились. Нельзя было знать, где доктор скажет *единственно* нужное для тебя; иногда нужного не оказывалось в интимном "что", по теме близком тебе; и это нужное поднималось в повторе, казалось бы, для тебя исчерпанной темы, в обстановке чужих людей маленького городка, куда ты с доктором попал проездом. Нужную раз оказалась мне лекция, читанная в Пфюрцгейме²³, куда доктор заехал между Штутгартом и Дорнахом.

Оторваться от доктора-лектора было нельзя именно в периоды, когда приходилось его много слушать; услышать *раз, два* — потом опять раза три с перерывами — *ничто* с точки зрения описываемого задания; но слышать по несколько раз в неделю, присутствуя при рождении ряда тем и их контрапунктов, и не поехать за ним из Дорнаха в Базель и в Цюрих — было уже невозможно для развитого лекционного слуха, делающего ударение на "как"; и ты делался невольным учеником особого класса

"тематики", "социальной психологии", "психологии внимания", или, — как там назвать? Был такой класс для тех, кто имел возможность жить при докторе. Жили для работ этого официально необъявленного класса.

Можно было не пользоваться личными уроками доктора, даже не углубляться временно в его книги, — лишь слушать его, ощущая себя в этом классе, и возникал целый университет развития духа, внимания, гибкости восприятия, "слушание" доктора — не пассивная способность; по мере увеличения опыта слушания "курсант" получал и специальные задания для развития "активности" восприятия: развесить уши и широко открыть глаза — не тупое балдение, а трудный праксис; ибо надо было уметь "развесить" уши, где надо; и их, где надо, сложить; сидение с тупо выпученными глазами вело к особому рода сну, происходящему от — исключения пассивного внимания с тем, к которому апеллировал доктор; обычное внимание лезло из кожи вон, чтобы дослушать и до-увидеть все то, что подавалось, как обертон внешне звучащего тона; обычно же образовывалась лестница смыслов, по которой карабкалось эмпирическое из кожи лезущее внимание³⁴; но лестница — ломалась; переутомленное внимание падало, как в яму, просто невнимающего "сна". И поднималась тема, взывающая к организации иного внимания: верткого, творческого; доктор взывал к сотрудничеству: и внимание — со-трудилось.

Происходили казусы: встретятся после лекции и начинают разговор: "Как прекрасно сказал он о том-то!" — "Позвольте, — пребывает слушатель, — он этого не говорил!" — "Говорил"... И кто про "Фому", кто — про "Ерему". Впоследствии выходит текст лекции: и в нем — ни "Фомы", ни "Еремы".

Текст — слышимое обычным вниманием; "Фомы" и "Еремы" — результат активности двух слушателей, бросившихся в свои эфирные ритмы, в них развивать поданное, как слово: две субъективные имажинации являлись результатом активности, как две тропинки, ведущие прочь от внешнего смысла, чтобы сойти к вершинному смыслу.

Внимание перерождалось в нечто верткое, что порою, откальваясь от текста, проделывало сальто-мортале, в которых доставалось и теме доктора; и тем не менее: доктор гнал и эту верткость наперерез субъекциям имажинации, ширящей крылья в минуту лекции порою с молниеносной быстротой, чтобы в заимагинативном звуке учиться соединять внешний текст с образами, будто нехстати вспыхнувшими; надо было: "наперерез" превратить в по пути; а без "перереза" при всей добросовестности текстуального взятия оставались за тридевять земель от темы собственно; верткость субъекций — устройство линз для телескопического и микроскопического восприятия; деревянная заноза в микроскопе — сверток брюссельских кружев; "кружевом" орнамента становился лекционный текст, напечатанный черный по белому он — то, что мы все читали, проведенный сквозь "школьные часы" официально не объявленного класса — он был иным.

Наступал школьный период в условия перманентного слушания, когда любая лекция делалась "потопом смыслов", на течения которых внимание

ставило паруса или развешивало уши и свешивало; тут — искусство владения рулем и парусами; беспарусные лодчонки простой констатации оказывались без руля и без ветрил или наталкивались на сон и на то явление, которое я называл "упадком"; человек слушал; и вдруг — *падал*; не случайный слушатель, не изредка приезжающий (на 2—3 лекции), а тот, кого я называю "курсантом". Падение — дефект в повороте "руля *внимания*", — ошибка школьного диктанта, но уже предполагающая осознание "класса" слушанья.

Технически мы называли, смеясь, этот зуд к со-ритмам в нас чесанием наших эфирных тел. "*Доктор чешет эфирные тела*", — говорили мы в шутку; и думаю — правильно; заживание частей эфирного мозга³⁵ — источник странного состояния, которым учились овладевать; мозг начинал испытывать ритмические колебания, которые, ширясь, захватывали все большее пространство размахов и вывлекали как бы из головы: часть головы; при бурном "*вылете*" и захваченности трепетом от головы до сердца (включая сердце) наступал "*упадок*"; при захваченности эфирным ритмом от головы до плечей, минус сердце, — случался сон; "пируэт" активности, начинаясь с простого углубления восприятия смыслов, вел уже к психофизиологическим последствиям, ставящим вплотную задание: умения владеть "телами".

Вот такая серьезная "*практика*" вытекала из развешивания ушей для осознавших себя внутри лекций курсантами какого-то эвритмического урока; сопровождение мыслью мысли доктора вело, прямо скажу, к искусству особого "*балета*": балета мысли, становящейся конкретом, и балета связанного с ним эфирного тела, когда слушающий медитировал и был личным учеником доктора, то и *сидение на стуле* было исполнением загадочных импровизаций эвритмического диктанта.

И доктор требовал — такого присутствия на лекциях тех, кто осознали себя *курсантами*; а то и не выдержат бы его "*перманентно*". Прослушав с десятков лекций, каждый сказал бы: "С меня хватит надолго!" И спокойно вернулся бы — кто в свою ветвь, кто к делам.

"*Курсанты*" слушали изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, потому что они себя осознали в классе; отсюда — тенденция: появиться в любом городе, где читал доктор (передвижная школа, как подобает школе тренировки стихийного мозга); и доктор любил, чтобы появлялись; бывал доволен, когда те же, отсидев в Швейцарии, оказывались сидящими в Швеции. Другие члены — не ездили; они *некогда* уже ездили; проходили "*курс*", или — в будущем собирались "*поездить*", или ставили иные, столь же "*почтенные*" задания — в других "*классах*" университета, им созданного. Я говорю — "*почтенные*" задания; для иных таскаться за доктором было "смешно", и — только; для других — "*почтенно*"; ибо в этом и было их классное задание, санкционированное и доктором; кроме материальной возможности играло роль задание: пройти курс; был период, когда росло убеждение, что этот курс кончился; человек садился на место, или — отъезжал; не *таскался* за доктором. Длительность "*курса*" — индивидуальна:

для меня "курс" длился около трех лет; я *четыре* года слушал доктора в *огромной* дозе, но лишь два с половиной года слушал *так*, как описываю: всеми "парами" ушей. С середины пятнадцатого года я слушал его по-другому; стояли задания других "курсов": не этого.

И для "курса" — лектора — задание, как ему говорить, — огромная проблема, которую не всякий антропософ способен понять.

Для задания "как говорить" посещение лекций доктора было кладом: когда после четырехлетнего молчания я зачитал лекции, я зачитывал по-другому; чтение — импровизация или чтение "только" чтение стало заданием педагога, до конца осознавшего свой прием; иным кажется, что я "непосредствен" в лекциях; я же ощущаю себя вагоновожатым, прибегающим к рулю и к тормозу; твердо знаю, когда надо говорить *презво*, когда надо утомить внимание логикой, когда сознательно ее отбросить (чтобы отдохнул периферический мозговой слой) и покачать внимание мифическим ритмом, сим пинцетом, извлекающим из черепа эфирные волосы, за которые надо где тянуть нежно, а где — грубо дернуть, где надо говорить, чтобы не понимали, и где, чтобы все стало ясным; нужно и непонимание; непонимание начинается там, где начинаешь говорить не с сознанием, а с подсознанием слушателей, надо уметь иметь обращение и с подсознанием.

Ведь качания на эфирных ритмах есть тренировка эфирному мозгу; когда ведешь курс, — уже к 3—4-й лекции складывается сознание, кого ведешь к вырыю из мозга и кого нет; в последнем случае надо не откупоривать, а вкупоривать, сосредоточивая на абстракции; все — необходимые маленькие операции при ведении конкретного курса, — "педагогика", необходимая и при выдергивании больного зуба, неясная пациенту: в каждом слушателе есть такой зуб; один пломбуем, другой — выдергиваем, выдерг — выход к восприятиям стихийного тела; пломба — уход под череп; лектор немного и *терапевт* — педагог.

Так волил доктор. Таким учил он нас видеть лектора.

11

Когда я сидел перед ним и развешивал уши, учился я чтению его слов, письму "Котика Летаева", чтению лекций и многому, о чем и не скажешь; все, что умею делать — убогое применение малой части того, что он предлагал: как материал к изучению (говорю не о "что": о "как"). Отсиживание, переезжание из города в город "курс" неповторимый; может, с грехом пополам пройденный, но пройденный все же; кто не ставил себе лозунга "внимать" с временным отказом от скороспелых суждений, — тот никогда не выйдет к собственности активности в нашей работе. Доктор взывал к абсолютному *вниманию* до вторых, третьих, даже четвертых ушей³⁶, чтобы "уши" раскрепостили от зависимости и *трафарета*; но малая часть подаваемого попадала в "уши"; для отсутствия вторых "ушей"

пропадало все: и вместо эвритмических блесков иные антропософы сидели перед только *текстом*: "Доктор, хатте гезагт!"³⁷ И ничего более.

Многие просмотрели в лекциях "*школу*".

Но кто "*курсанты*"? В мое время главным образом — иностранцы, нашедшие случай остаться при докторе; ядро передвижного *университета* было очень пестро; многие не подозревали, что учатся, сопровождая доктора из удовольствия; к сожалению: не все, кто *учились*, потом *учили*; были *учившие* из *неучившихся*.

Раз доктор сказал: "Если бы только два-три человека поняли меня, то я считал бы свою миссию исполненной". Не было и двух-трех; два, три — коллектив из понимавших "*кое-что*"; большинство — ничего не поняли в "*классе*", ибо не знали, что они в "*классе*"; а класс — был и были "*студииозусы*"; к ним он и относился как к таковым в ряде проявлений, делал различие между людьми: "Вот это вот наш *уважяемый*", а это — мой "*студент*"! Тут не деление на "*эзо*" и "*экзо*"-териков, а именно деление двух групп слушателей; одна — состав членов данного города, съезда, ветви, временно приехавшие со стороны; другая группа — "*студенты*" и "*студентки*" данного времени.

В годах "*группа*" менялась; нехорошо было "*пересидеть*"; но надо было и "*посидеть*"; ведь "*посидение*" было "*побеганьем*" и внутренним и внешним: пробегом по городам; это — "*годы странствия*", как первый этап ученичества³⁸; менялись: города, страны, культуры, музеи, библиотеки, ландшафты, природы; надо было выслушать доктора — на водах, на горах, в городах, среди зелени; все это меняло "*как*" его тем; и темы меняли "*все это*"; надо было присутствовать при прорастании доктора *темой*, которая, появляясь зерном "*на воде*", в Бергене, потом давала росток в Берлине, среди асфальтов, чтобы процветать; при горах, в Дорнахе. Брошенный скользь намек, на следующей лекции делался отрывком, чтобы скоро стать темой лекции; и выветвиться — в курс; нет "*курсов*", как таковых; они — вершины ствола, проходящего сквозь ряд всяческих лекций, укорененного корнями в подпочве все толщи сказанного "*экзо*" и "*эзо*"-терично; присутствовать из месяца в месяц при обрастании доктора темами — незаменимый опыт, ведущий к невольному обрастанию и тебя самого теми же темами, руководящими и чтением, и моральной фантазией; и даже — восприятиями культуры музеев; лекция вращалась в жизнь, а жизнь — в лекцию; получалось непередаваемое ощущение: полета с доктором, схватившим тебя руками и несущим над всеми странами, всеми культурами.

Поздней вставало обратное: эмансипация от тем доктора; могла утратиться самостоятельность в *теме тем: в антропософии*. Нужно было и безраздельно отдаться полету с доктором, и высвобождению в полете собственных крыльев.

Так ждал бы я в убогих словах смысл одного из "*классов*", в которых учил доктор.

Другой класс, о котором хочется все же сказать хоть два слова, — *"эзотерические часы"*; они объединяли лиц, пользующихся руководством доктора; след *"эзотеризма"* был всюду в словах доктора (и тем тоньше, чем популярнее он говорил); все же: в эзотерических уроках концентрировалась тема; *"как"* становилось *"что"*, или разбором тем, связанных с медитативной работой или типичными явлениями *"пути"*, анализ воздействия медитаций на моральную и физическую жизнь; курсы — Гаагский, Ганноверский, Христианский (Осло) (*"Человек в свете оккультизма"*) — насыщены такими темами; концентрируйте их — и вы получите *"что"* эзотерических уроков; внешней грани меж ними и лекциями не будет; грань — внутренняя. Грань — в том, что тема урока сжимала фактическую наличность вопросов слушающих, в данную минуту здесь сидящих; зная лично *"учеников"*, состояние их *"тела"* и *"души"*, зная присутствующих и по личным беседам, имея в записной книжечке отметку о данных слушателям медитациях, — доктор группировал вокруг основной темы все то, что имел сказать "А", "В", "С" в личной беседе, и от "А", "В", "С" уже зависело расслышать ответ ему.

Такие советы слышались и на других лекциях: но на "Э. С." (*"Эзотеризм штундэ"*⁴⁰) шли специально их выслушать; здесь узнавались такие подробности о связи *"развития"* с конкретом обставшей жизни, какие выглядели бы не вполне понятными на других *"часах"*; главное — подробности касались интимной работы здесь сидящих: объединенных этими *"часами"* слушателей доктор называл *"сестрами"* и *"братьями"*; поднималась тема подробностей и твоего личного развития, разумеется, *вычерчению* встающих перед тобой; доктор с такою щедростью осыпал нас нужным материалом указаний к личной работе, что удивляюсь тем, кто для этой работы после *"часов"* стремился еще к sepatатному свиданию; что оно могло прибавить? Порой — ничего. Разумеется: личное свидание давало *"нечто"*, не бывшее на *"уроках"*; но — в совершенно уже другой сфере: например, в плоскости указаний внешне биографических; внутренняя *"биография"* вполне ориентировалась *"эзотерическими"* часами.

И вот еще повод к езде за доктором: в каждом городе, где он читал (публично и в ложе), где только был кружок *"эзотериков"*, он давал и эзотерический урок; мы, временные курсанты и *"эзотерики"*, получали право бывать на всех этих уроках, где бы они ни происходили, количество их учетверялось в поездках; так, в бытность мою в берлинской ветви за первое полугодие 1913—1914 годов (от осени до первого февраля) здесь было два внутренних *"урока"*; но принимая во внимание мои поездки за доктором, я имел не два *"урока"*, а не менее 12-ти, ведь это составляло уже ценнейший эзотерический курс; тема класса *"слушания"* — *"как"* внимания; в *"эзотерическом часе"* тема класса — и *"что"* темы, и *"как"*; можно сказать: самое *"как"* здесь становилось *"что"*.

В *"как"* внимания здесь выявлялась разница; *"эзотерики"* — подбор *"внимающих"*: умеющих *"внимать"*; на других лекциях невнимание кол-

лектива порой застигало предмет внимания; на этих "часах" внимание "во все уши" было откровенно обязательно; "эзотерики" — "вниматели" по существу.

Чему внимали?

Разумеется, "словам". Но еще более — "молчанию" доктора, начинавшего говорить из-за слов как бы алфавитом интонаций; внимали *эжестам*, знакам и многому уже вовсе невесомому; в интенсификации личного внимания коллективом "внимателей" почти виделось слышимое, как *аура*; в *ауре* тишины, сотканной из *аур* молчаливо внимающих, окрылялось внимание каждого; и ему-то *гласило*, его *будило*, ему *ставило* предметы внимания — окрыляющее молчание доктора.

Нельзя провести точной границы между "Э. С." и не "Э. С."; все же, если проводить (на физическом плане была же черта отделения: не "эзотерик" не знал, кто "эзотерик", что происходит на "Э. С.", "когда" и "где" "Э. С." имеют место), — если все же проводить эту границу, — скажу: на лекциях мы учились внимать *словам* доктора, смыслам смыслов их, развивающих *имагинативные отпечатки*; на "Э. С." учились внимать за словом гласящему звуку молчания в докторе, вызывающему к тому, чтобы мы дотягивались до этого звука сквозь субъекцию имагинации: здесь звучали следы *инспиративного отпечатка*.

Общее внимание о сумме проведенных с другими часов здесь, на этих уроках, — как воспоминание о "*голосе безмолвия*", о том, что подымается неким *голосом*, отвечающим не тебе, сидящему на стуле рядом с *таким-то*, в *таком-то* городе, в *таком-то* доме, — не тебе, сидящему "*здесь*", а тебе, стоящему в глубине, взрытой итогом всех твоих медитаций, являющим уровень суммы узнанного за весь период; в этом смысле каждый "Э. С." был не только экзаменом видающего тебя в итоге твоих работ Штейнера (в "*ауре*" твоего молчания), но и экзаменом себя самого, ибо неуспешность медитации, или загрязненность бытом жизни, стояла досадным и стыдным облаком: между тобой и Штейнером; сумма узнанного здесь оживала, становилась организмом, у которого складываются для принятия ответа уже не на вопрос дневного сознания, а на вопрос подглядыв в полуосознанное ночное сознание, которое лишь иногда оживает между сном и бодрствованием; не к тебе, сидящему на стуле, а к тебе, может быть с неделю назад нечто увидавшему в минуту, когда астральное тело... уже выходило; ты — полупроспал⁴¹, но что-то, как подсмотр, как вопрос, — и тебе есть; и вот — Голос, подымающийся из безмолвия: *голос ответа!*

Вспомните у Баратынского:

Есть бытие, но именем каким
Его назвать: ни сон оно, ни бденье:
Меж них оно. И в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него
Видения бегут со всех сторон... и т. д.⁴²

Здесь Баратынский описывает точно то состояние, которое доктор определял, как состояние между *"сном и бодрствованием"*; многим он давал медитации перед сном, прося, чтобы итог вечерней медитации был по возможности отходом в сон, не смущаемый дневною суетою; тогда, после некоторых усилий, достигалось умение медитативным сознанием, как проекционным фонарем, осветить самый процесс засыпания в себе и даже периферические слои сна; т. е. ты сознанием входил в полусознание и учился разглядывать самое сложение *"сонной"* фантастики; так освещенная, она в итоге усилий оказывалась уже *"стихийно-астральной"*⁴³ действительностью, которой обычно-сонная ассоциация стояла определенным алфавитом; к прочтению. И то, что прочитывалось, характеризуемо с математической точностью Баратынским: *"есть бытие"*, *"ни сон, ни бденья"*, *"меж них оно"*; в нем *"безумие граничит с разумьем"*; человек — *"в полноте понятья, а... между тем, как волны, на него видения бегут"*, т. е.: то, что виделось бы только *"виденьями полубреда"*, в этом состоянии виделось как бы *"волновой тканью"*, вплетенной в *"трезвость дня"*; ее подстилающей, т. е. давался рельеф: и плоскости *"только фантастики"*, и плоскости *"только рассудка"*, как — *"не только"*.

Рудольф Штейнер в личных уроках и на *"Э. С."* особенно подчеркивал: достижение таких состояний и вводит нас в лабораторный праксис; лаборатория, т. е. приборы, которые мы учимся сперва грубо строить, и суть рудименты будущих органов *"высшего познания"*.

13

На *"Э. С."*, куда мы приходили из *"медитации"*, т. е. из сосредоточенности, в помещении, где мы иногда задолго до появления Штейнера пребывали в состоянии медитативной зоркости, т. е. *"ни сна, ни бденья"*, но — в *"полноте понятья"* (сознания), он мог и в словах апеллировать к таким обертонам, которые апеллируют не только к рассудку, но и к самодельному *"микроскопу"*, имеющемуся в данную минуту под руками.

В этом смысле *"Э. С."*, будучи по форме лекциями, были еще и упражнениями над принесенным материалом; т. е. — тут звучало: *"загляните в микроскоп"* и *вы увидите* — То-То и То-То". Микроскоп — бытие особого состояния сознания, принесенного на *"урок"*; и ясность зрения, — итог всех медитативных усилий на дому.

Вот почему здесь сидели *"не все"*, а имеющие минимум умения к разгляду того *"бытия"*, о котором говорит Баратынский. Но еще стыднее было: попав сюда, *"растерять"* и то небольшое, что было достигнуто в месяцах; а рассеянная жизнь моментально сказывалась временной или перманентной утратой зоркости; тогда в буквальном смысле приходилось *"сидеть за книгой, а видеть фигу"*. В этом смысле: *"Э. С."* были иногда и учительны: хоть беги с них.

"Что" словесной темы такого "урока", как оно ни было велико, становилось ничем в сравнении с тем, что влагал доктор в слова, как молчание: в случае неуслышания такого молчания оставались "слова": "Э. С." становились просто лекциями. На "Э. С." не сразу допускались; нельзя было и проситься туда; допускались самим доктором⁴⁴.

Бывало: задолго до появлений доктора "молчали" деятельно, взывая к максимуму "пробужденности" в себе; разлетевшись с "улицы" и войдя в эту молчаливую комнату, можно было бы себе разбить лоб о "гром" молчания всех; оно почти висело для "рассеянного"; для сосредоточенного обратно: оно было — разрежением атмосферы.

И в эту атмосферу вступал доктор, тоже приготовивший себя молчанием; первые его слова и последние были как бы рамками, отрезающими от остатков "мира сего", — слова удивительные, принесенные из космоса, и произносимые ритмически голосом — невыразимым и обращенные к "чузамен-кляк"⁴⁴; или — созвучию; вообще "созвучие", инспирированный след (не образ), — необходимое условие, перерождавшее "что" слов доктора; без упражнения с "вторыми ушами" нельзя было сидеть на "Э. С.": и сидящий производил тогда разлом "созвучия"; и сам уходил, покрытый, как бы эфирными синяками (с ощущением порки).

Такова в двух словах обстановка этих "часов". В сумме они образовывали тоже "класс", наряду с уже описанным "классом".

14

Наконец бывали еще своего рода "классы", к которым допускались иные из нас; говорю о них, потому что доктор открыто упоминает о них в своей книге; на эти часы мы попадали после того, как укоренялся в душе опыт "Э. С.". Говорить что-либо о них считаю ненужным для себя, да и бесцельным; если на "Э. С." учились внимать смыслам слов Штейнера, то на этих часах учились внимать символам легенд, как действительности звездного (астрального) космоса в обрядовых жестах человека.

15

К описанным классам присоединяю еще своего рода класс; этот "класс" — работа, лично сдаваемая доктору, лично им данная; сдача происходила во время личных свиданий с ним; шли к нему с разным: и — возвращались с разным; не было обязательных форм общения; кто хотел бы поделиться тем, что было предметом его работы с доктором, мог бы упомянуть об одном, умолчать о другом, это — его такт в понимании того, о чем уместно упомянуть, о чем — не уместно. Я хотел бы упомянуть лишь об одной стороне серии моих свиданий с ним на протяжении четырех лет, поскольку она вскрывает еще одну, несомненную "школу"; я знаю: то,

что предлагал мне доктор, как работу, предлагал он и другим (иным же — не предлагал); стало быть: намечался разряд людей, занятых тем же, чем я; не хочу сказать, что этот класс относился всецело к линии эзотерики: тут дело не в эзотеризме, а в *суи генерис* устремлении; так — было со мною; так — было с другими; с очень многими — так не было.

Почему, — не наше дело знать.

Вот о чем хочу сказать.

С первого появления у доктора (в июне 12-го года), он призывал меня (сперва — раз в неделю, потом — реже, все реже), ему сдавать отчет об итоге медитативной работы и о том, что она вызывает во мне: в чисто познавательном смысле, в смысле интимных переживаний, в смысле моральной фантазии; и даже: в мире просто ощущений; так сложилось, что мой первый отчет о данной мне работе вылился у меня в ряде немых схем, положений, являющих попытку и познавательно проработать итоги "*упражнений*": *узнаний и неузнаний*; кроме того: я вел особый "*дневник*" того, что, простите за выражение, я себе называл "*медитативным сырьем*"; подгляды, полуподгляды, образы, полуобразы, мысли об ощущениях, ясные, невнятные, самые ощущения, иногда пренелепо показанные (в символах зарисовок) и язык знаков, особая гиероглифика (из нее позднее прорастали вовне все мои схемы, вплоть до лекционных).

Помню, как было трудно впервые тащить *экстракт* первой недели; но сам он сказал: "Приходите через неделю: и изложите мне итоги ваших усилий". К схемам, знакам, зарисовкам, — прибег сперва я ввиду трудности мне с ним объясняться по-немецки (еще опыта не было); необходимость быть точным до педантизма — развязала не рот, а руку. К изумлению, доктор даже был рад мною предложенному языку; из материала моих же схем он выбрал нечто, прибавив свои задания, почти условия данной задачи; а через неделю мне надо было принести и решение; с улыбкою взглянув на листы схем, в них тыкнул пальцем, мне сказав: "Будет много сложнее еще!" Я же, неся схемы, если чего боялся, так именно: познавательной сложности. Она-то и вызвала в нем жест поощрения.

16

Вы и представить не можете, с какою осмелевшею "*прыткостью*" всю последующую неделю (с утра до ночи) я, "*обмозговывая*", вертел, сложил свои же схемы, тронутые ретушью его; вдохновляясь его же словами, чтобы они задвигались; на следующей неделе я явился уже не с листом, а... с *портфелем* листов; и он опять внимательно со мною их разглядывал: и те, что были обращены к познанию, и те, что были экстрактом "*дневника*", т. е. "*схемы*", еще кипящиеся в ощущениях, в хаосе первого становления.

Поскольку мой опознанный материал являл собою вид строго вычерченных рисунков с кругами, проведенными циркулем, с линиями, прове-

денными линейкой, где пересечения оттенялись всеми оттенками цветных чернил (фланг пузырьков угрожал столам и подоконникам), — постольку "сырье" было каракулями в смысле уродцев и гротесков, изображенных там с комментариями "гротесков" текста, и по содержанию, и по ужасающему нагромождению этимологических и синтаксических ошибок.

Доктор отнесся с серьезною ласкою к уродству текста; и рассматривал пристально какого-то "червячка" с усиками, проведенными во все стороны, характеризуя символику ощущений, его подстилающую, очень подробным, меня потрясающим комментарием; я же подозревал, что в "волосато-усатой" гусенице не только ничего не узнаешь, но — наоборот: узнаешь нечто, совершенно обратное тому, что все это должно означать; но, когда доктор без улыбки ткнул пальцем в уродливый усик и посмотрел на меня тихо серьезными глазами, сказал: "Это — *то-то*", для меня точно слетела пелена: с меня самого; и то, что выглянуло, стало материалом мне в годах разгляда; так: жалкая попытка к гиероглифическому письму, подытоживающему имагинацию, превратилась в спираль, ввинчивающуюся в *реальность*: доктор мне вскрыл *подоплеку*: и сказал нечто в то время для меня важное так именно, как этого словами не скажешь... Главное: в занятиях нас с ним (пигмея — меня и гиганта — его), склоненных над столом (доктор полулежал на столе всем корпусом; я стоял и махал карандашом: "Унд виссэн зи!"⁴⁶ — в этом разглядывании уроков вспыхнуло нечто странное: точно не взрослые люди, "*херр доктор*" и "*писатель*", — а какие-то "*Ваня*" и "*Петя*", заинтересованные каракулями; я еще "*болясь*" доктора; и у меня порой от страха встречи с ним — простите — сводило живот; но в ту минуту все забыл: и "*виссэн зи*" громчайше оглашало стены. Что-то детское в моргающих глазах доктора и в очерке "*доброто*" носа, склоненного над "*уродиком*".

Отсутствие грани меж нами в тот миг и весь жест его — жест подбора, чтобы... от будущих свиданий с ним... не *сводило б живота*.

Доктор в этих первых уроках лично делался как бы *репетитором* урока, им заданного: он... подсказывал; а когда уроки окрепли, — он сделался строже; и — реже звал; подчас потом заставлял меня в месяцах в поте лица готовиться к свиданию; потом — чуть не в годах вынашивать *мои ответы и вопросы* к нему.

17

Доктор был строг весьма. И — был добр весьма. Присаживаясь за урок, чуть ли не уничижаясь до равного со мной тона, — он — больно щелкал меня там именно, где самолюбие — распырало. Так — например: значительно поглядывал на меня и, вращая кончиком носа (его жест), он сказал раз (в тот именно период): "Один художник думал, что

создал многое, имеющее значение, а он должен был создать нечто еще через 17 лет; а пока он так думал, он — много говорил; существо же одно в то именно время влезало в рот к нему; владело им". Под "существом", конечно, он разумел отсталое существо иного мира. В тоне, каким все это говорилось, был красноречивый выпад... в тогдашнего меня; я в те годы 10 лет привык себя считать чуть ли не "вождем символизма"; и я же десять лет с широко раскрытым ртом говорил; и — нате: в рот... влезло... *существо!*..

Больно!

И после уже в присутствии доктора охватывал страх: как бы не высунулся "*вождь символизма*"; и в страхе этом я не раз перегибал палку: в противоположную сторону; я молчал, набрав в рот воды, и там, где молчать не следовало. Наоборот: страха не было в другой линии, где я и не мечтал найти поддержки: в каком угодно количестве чертить доктору все, вплоть до... уродиков, и зная, что все это встретит в нем самое серьезное внимание.

Так с первых же личных уроков во мне изменился рельеф отношения к себе, к нему, к пути, — в сторону и большего доверия к себе в темах медитации, и в темах узнаний о своих телах; но — к меньшему доверию к опыту "*писателя*", "*деятеля*" и т. д. Доселе мне верили, как "*писаке*"; пожали б плечами, если б я их стал уверять, что могу *нечто* делать в связи с "*как достигнуть*"; доктор установил меж нами такую почву общения, где все стало — наоборот: потенциально заданной "*эзотерик*" вопреки всему стал проявлять следы жизни, а "*писатель Белый*"... рос в землю.

Все это потрясло меня.

18

Доктор проявлял максимальное доверие к моим "*антропософским*" смелостям: к *своей* мысли в антропософии; и с тем большей подозрительностью относился он к привкусам моего общественно-писательского "положения"; подчас пугал меня доверием и тем, что как бы не ставил граней моим подглядкам в медитацию; я не слышал от него: "Осторожнее!" А от "*друзей*" — слышал. От доктора я слышал: "*действуйте!*" Острастка раздалась уже потом: — в жестах молчания.

А в "классе" работы, о которой пытаюсь сказать, я слышал: "*смелее!*"

Помню сложнейшую схему, стягивающую мне задание в будущем; при ней — кривую зигзага, стрелку, смещающую построение, долженствующее быть представленным в спиральном беге, где все — идет "*вверх тормашками*". И подпись: "Хиер мус этвас шопферинш махен!"⁴⁷ Мне ли, со второй недели медитации, — думать о своем творчестве... в антропософии? Доктор тихо улыбнулся, — вовсе не едко, а ласково, даже с сочувствием.

Вот что требовал он: полной, хотя бы беспомощной, хотя бы глупой правдивости; и — чего не переносил: неправды, перед собой: явной, замаскированной, самоуничтожения, сентиментализма и т. д.

Считаю, что глупой *правдивостью*, вовсе беспомощной, оправдаемы наши с ним минуты заседаний над принесенным ему "уродиком".

Лучше правдиво чертить "зусеиц", чем стянуться крахмалом позы.

Как он уличил меня раз, когда я легкомысленно перед ним натянул крахмал позы, небрежно сказав ему: "Вот Бэкон говорит" (что — не помню). — "Какой Бэкон?" — тут как рывкнет он — строжайше и не без жестокости.

Вдруг наступило тягчайшее, непрерываемое молчание: я, некогда совлашавший нос в Фрэнсиса Бэкона и не изучавший литературы о Роджере Бэконе, не знал точно, какой из Бэконов, что говорит (оба развивали учение об опыте); а разумел я Роджера, т. е. того, о котором мало читал; пойманный доктором и зная, что фельетонным ответом не вывернешься, да и нельзя идти на это перед тем, кто читает в сердцах, я — молчал; он же — не выручил; я — краснел; я — вертелся; он же сидел — неумолимый, суровый, давая понять, что прежде чем с кондачка говорить о Бэконе, надо одолеть ряд книг по истории культуры Англии от 13-го до 17-го века. А мы, писатели, строчившие и статьи, и фельетоны, — в те годы не одолевали всего этого. Стоило мне перед ним на мгновение и незаметно для себя стать "вещающим писателем", как был сорван с кафедры — безжалостный, жестокою, твердой рукой.

М. Я., присутствовавшая при этой сцене, и видя меня, пойманного, как мышь, с невыразимою добротой посылала через стол подбодряющие взгляды, стараясь вывести из тупика (выхода — не было).

Помучив так, — он сказал тоном, как будто ничего не случилось: "Так что вы думаете, что это сказал Фрэнсис Бэкон?" "Фрэнсис" — с "подчерком". Я же — разумел Роджера. В этом и заключался "урок"; дав его, он стал вновь добрый.

Через пять минут, отодвинув чашечку с кофе, он встал; и — вышел из комнаты; мы остались с М. Я.

Он ненавидел даже легчайшие привкусы самонадеянности (к сведению, умно и вертляво жарящих сентенциями); он любил правдивую смелость; и — тут; черти ему хоть дичь (для внешних), хоть... Престола! Не станет осаживать: "Осторожнее бы вы; откуда знаете?"

Помню, на первых уроках моих с ним он отстранил один лист моих схем: не стал и рассматривать: "этого вы еще не можете верно отразить в схеме", — сказал он.

Но этот жест отстранения ничто не подсек во мне, лишь отвердив решение с ним быть правдиво смелым, ибо другое, принятое им, легло в основу "моего"; отстранение листа схем означало: "До сей черты ваши

схемы — схемы над опытом, а с этого пункта они уже — *"рассудочная спекуляция"*.

Подчеркнул это просто с деловитою, чуть шутливою добротой. И готовясь к следующему свиданию, я опять принялся со смелостью за бешеное черчение, рисование; даже — раскрашивание; до *"золотой"* и *"серебряной"* красок еще дело не доходило: они появились уже в поздней фазе, когда возникли сложности при продолжении в этом роде работ доктору: в последний раз я явился с туго набитым портфелищем, напоминающим в раскинутом виде *"картинную выставку А. Белого"*; следующее появление к доктору в этом стиле взывало к... ручной тележке.

20

Итак — вот еще *"класс"* среди многих существовавших классов; *"класс"* характера сдачи Штейнеру отчетов о работе и установке в ретуши к работе *метода самостоятельности*; не все попадали в такой класс; я — попал; были и иные, которых он вел так именно; других вел иначе; сколько мне неизвестных *"классов"* таили эти личные работы; *"класс"* — эвритмии; *"класс"* для пасторов. И т. д. И т. д.

В *"тех"* классах я не был; в *"этом"* — был. Я не описываю конкретно всего, вынесенного мной в одном этом классе и как *"эзотерика"*, и как *"экзотерика"*; скажу лишь: моя книга *"История становления самосознающей души"*, писанная в 1929 году, началась в 1913 году, как познавательное оформление в зерне первой недели *"работы"* Штейнеру. Моя попытка — лишь намекнуть, почему мы временно старались не отлучаться от доктора: сидеть при нем; издали казалось без дела; на самом же деле — *"хлопот полон рот"*. Мы учились всему тому, о чем говорю, и многому другому.

Потом учились — *"не учиться"*, а отъезжать и быть без него.

Если я и упомянул внешне о своем *"личном классе"* в первых годах у доктора, так это потому, что в нем для меня — сплетение *тем*: 1) изучения литературы, 2) тренировки внимания, 3) познавательного оформления медитаций, 4) сведения всего этого в *целое*, как связь линий *"эзо"* — с *"экзо"*. Тут вынашивался и личный опыт о телах, и моя книга *"О Гете"*⁴⁴; креп собственный подход к антропософии именно в этих заходах к доктору и в его толчках к собственному чтению фактов, напоминающих позднее едва ли не *оттолки* от него.

Считаю постановку *"своего"* антропософского голоса делом рук доктора.

21

Так он рождал меня в потугах к самостоятельности; так он рождал скольких! Каждого — по-своему.

Об этом *"по-своему"* и хотелось лишь здесь намекнуть.

К описанным, если не классным занятиям, то все же *замыслил* с доктором были привлечены иные из нас; я знаю случаи: люди, владевшие рисунком и кистью, закреплявшие нечто от имажинации, медитаций, — вели дневники рисунков (и я своими "*уродцами*" к ним примкнул); отчет был регистрацией в рисунках с ними бывшего; доктор давал драгоценные разъяснения; учил по тональности красок и целому линий определять связь имажинативных "отпечатков" с особенностями в строении эфирного и астрального тела; этим поворотом внимания от "*мистики*" рисунка к его *физиологии* он менял рельеф внимания учеников, подчеркивая: нечего еще говорить о прямом касании существ духовного мира: касание это происходит не непосредственно; лучше говорить о промежуточных проводках касания, ибо вздрогнувшее "око" видело не "*существо*", а, так сказать, нажим "*существа*" на соответствующий орган эфирного тела, реагировавший всплывком цветов и форм; при оживлении эфирного тела лопасти тела, эмансипируясь от чувственности, получают возможность иметь контакт с существами, не имеющими физического тела, но — эфирное (стихийные духи, ангелы). Задания ученика: 1) в умении сквозь чувственное восприятие прощупать его в изнанке контакта с эфирным телом, 2) в умении отделять эти пласты для осаждения в сознании образов, 3) в умении не отнести образ восприятия к существу его; образ — чувственная субъекция, движимая субъекцией вздрога эфирного органа, этой пуговки звонка при нажмие "*руки*". Теоретически в книгах доктора все указано; практически же, имея образы внутри своей медитации, или трудно удержаться в границах трезвости, чтобы увидеть вместо существа — эфирный ритм в "*фантомной*"⁴⁹ форме, соответствующей *горлу, печени, кишкам тела*; людям же ариманизированным трудно верить, чтобы субъекция их все же была *началом того мира* (не *существом* — сигналом существа в организме). Люди ж люциферические тут именно, впадая в экстаз, слишком верили действию знака в них, смешивая знак с его духовным источником.

Переносом внимания на изучение субъекций доктор в ретушах к ним давал нечто *третье*, нейтрализующее и люциферическую "веру", и ариманическое безверие. Для *аримаников* в его трезвых, конкретных указаниях, напоминающих манипуляции врача-диагноста, открывалась впервые возможность "*верить*", ибо им показывалось ими же добытое опытное сырье (эфирные импульсы и температура образа), восанное незаметно, движением только мысли (двигалось от мысли эфирное тело); видя в анализе первых подсмотров научную трезвость, они расколдовывались от страха перед "*субъективизмом*"; и дорога исследования медленно подготавливала их к стезям, от которых доселе они сами себя отрезывали.

Наоборот: для *люцифериков* указующий взгляд доктора подчеркивал: первые отношения с "*потусторонним*" — только физиология (посюстороннее): не ангелы, черти, а горло, кишки, мозг (хотя *ритмы колебаний*, хотя вызванные не чувственным агентом, а мыслью, однако — не выятные без алфавита, или — физиологии).

Мы все — *ариманики*, *люциферики*⁴⁰, т. е. склеротизированные неравновесия: и в "*мистических*", и в "*скептических*" восприятиях; мы — морок материальной "*объективности*" плюс морок мистических иллюзий. Вспомните: первый итог самопознания с героем "*мистерии*" Штейнера: явление Люцифера и Аримана⁴¹; метод, подсказываемый Штейнером, — обращение внимания на то, в какой сфере следует искать ответа на вопрос: "*Что эсе я вижу?*"

Он — в овладении вниманием: "*как*" я гляжу? "*что*" вижу есть "*как*" гляжу: ритм эфирного тела; а *люциферик* отваживался от "*мистики*" своего "*уже*"; и понимал, что не "*существа*" говорят с ним, а его же органы; но: никогда не раздавливалась в нем *правая* его смелость *иметь суждение о виденном*. Доктор не говорил никогда: "Где вам увидеть!" Наоборот: указав на *субъективную* сторону образов, подчеркивал задание: исследовать *субъективность* не спекулирующей рассудка, а спекулирующей имминативной, т. е. диалектикой *образо-творчества* в нас, которая должна стать послушной клавиатурой в руках пианиста.

Тут, можно сказать, он не отваживал от морока, а — совал в *морок*: если хочешь взойти к *вечному леднику*, не бойся *тумана облачного пояса*. Он тут, парадоксально сказать, — призывал ко всем видам ошибок и аберраций, выдвигая иную проблему: не проблему чтения *вестей оттуда*, а проблему постепенного ознакомления с эфирным и астральным телом хотя бы по образам имминативного дневника. Однажды при мне, разбирая рисунки одной художницы, он окрыленных бегемотов, световые образования и демонических драконов превращал в картину физических органов — печени, горла, желудка, какими они выглядят не как равновесие физического комка, а как динамика эфирного ритма (в фантоме); образовательная способность, силою медитации себя изменяющая, оказывалась *изменяющейся* под действием чего-то, прежде не деятельного; это — оживляемое эфирное тело. Закрывая альбом с рисунками ученицы, доктор, взволнованный взволнованностью своей ученицы, которой он открывал Америку, сказал, склонив доброе лицо, с полужакрытыми глазами (немного нараспев), как бы сам рассматривая со стороны свою фразу: "Так вот, человек сперва научается видеть себя, а потом научается овладевать *виденным*".

Присутствие и меня на этом уроке имело значение: и я должен был услышать то, что услышал; оно и стало мне руководством.

23

Для *ариманика* такого рода указания были важны, — но уже по-иному; они отваживали от иного "*морoka*": от боязни "*морoka*"; *люциферик* способен *морок* принять за суть; *ариманик* — обратное: он и *видя*, мог не увидеть; и слыша сигналы стихийного мира, их отнести лишь к шуму в *ушах*, не понимая, что *шум в ушах* — от чего да *нибудь*; *ариманик*, усевшийся за медитацию, способен года в целомудренном воздержании от

покушения истолковать что-либо из содержания медитации, просмотреть весьма важные симптомы в себе, приглашающие его смело *вступить* в сферу ему невинного; ему как бы говорил доктор: все — морок; но больший из мороков — неверие в себя, в свои имажинативные силы; ибо и это неверие — от веры в *морок*, который в нем — его критерий трезвости; *ариманика* метод трактовки доктором поданного ему *"конт-роидо"* подстегивал к самостоятельному плаванию в морях образности; в ответ на скептическое *"где уж"* доктор выдвигал проблему критического разъятия этого *"где уж"*, подчеркивая: духовный мир — везде; *"где уж"* — тоже один из сгустков этого мира; он приглашал: к критическому растворению сгустка, к *"обморочению"* его, обморачивающего нас; а это *"обморочение"* только и возможно в мире имажинативного морока, в котором корень всяких физиологий, и между прочим физиологии чисто ариманического воздержания себя от своих же имажинативных плодов.

То, что выдвигал доктор *тут именно*, в первых опытах принесения к нему *"плодов"*, имажинации, было вполне неожиданно: для *люциферика* и *ариманика*; *ларчик открывался просто*; но открытие его доктором потрясало; рука доктора, участвующая в открытии того, что в долгих годах должно было стать предметом открытия каждого, — рука доктора — *порою была необходима*. И как жаль, что многие чинились его именно тут, не используя его драгоценного присутствия; люциферическая ложная апелляция к ясновидению доктора, должествующему *де* продиктовать ему ответ на необнаруженные плоды, и ариманическая ложная скромность, боящаяся смутить доктора *козяками* имажинативной кунсткамеры, — производили то, что многие *"слоны"* будущих возможностей тебе активно работали не выявлялись; ибо ариманическое сознание часто *"козякой"* считает именно *"слона"* будущих узаний в его кончике хобота, к тебе протянутого.

По многим моим наблюдениям, доктор ждал порою дерзких вопросов и смелости: утрудить его внимание кунсткамерой какого то ни было опыта (разумеется сперва — *"кривого"*); от какой угодно кривизны он *начинал* быть конкретным для ученика, как от печки; если же ставился вопрос *"в общем и целом"*, он также и отвечал. *"Козякам"* же опыта, пусть ошибочного, — радовался, ибо утверждал, *"лучше дурно мыслить, чем вовсе не мыслить"*; *"лучше увидеть что-либо, чем удержаться от видения морока"*. Представь ему *морок*, на мороке он мог бы начать свой показ.

Однажды я принес ему сложный рисунок; в центре его фигурировало солнце с кривящейся рожей на нем; он — сказал, оживившись: *"На увиденном можете вы понять, как накладывается субъекция на не субъективное; это увиденно — так: но субъекция наложила — вот это"*. И он указал на глупую рожу. Стало быть: и *морок имажинации* — предмет познания, когда в начале этого познания *"не морока"* — нет: как же воздержаться от него? Воздержаться от него, — отрезать *"пути"* и сесть в мертвую *"объективность"*. Доктор ставил вопрос в вовсе иную плоскость; ставил вопрос о такой организации мороков, что целое ее становилось не

морокон, а путем оцупывания мороко-образующих нитей: и это — Люцифер, или — Ариман. Конкретное, ближайшее знакомство с продуктами этих существ, — вот уже неморочная Ариаднова нить⁵².

24

Доктор был удивительным внутренним педагогом; но его педагогическое "око", где нужно, строго и нежно, не насилуя свободы, простиралось из кабинета, в котором он "учил", и во внешнюю жизнь учеников. Так: его внимание, сперва незаметное, мы испытали в первых месяцах Мюнхена (в 12-м году); это внимание заключалось в том, что он, пославший к Эллису фрау Поольман-Мой (тогда — "нутреннюю" ученицу свою, проводившую порой и "эзотерические" занятия, им поручаемые), этим поставил нас в очень близкий контакт с нею; она в первых месяцах нашей жизни была прекрасным, так сказать, лаборантом при... "профессоре"; доктор разрешил нам общаться с ней и с ней делиться нашими медитативными знаниями; а ей разрешил их выслушивать; и, где нужно, помогать. Эллис же великолепно читал нам ракурс им пройденных курсов (он — великолепный излагатель). Кроме того: "внутренняя" ученица его, умнейшая фр. Матильда Шолль, неожиданно вызвалась нам давать уроки немецкого языка, вернее, — вводить нас в компетенцию немецкого слова штейнеровских лекций; еще вернее, — уроков "немецкого языка" и вовсе не было, а были интереснейшие, легкие искристые беседы-вопросы (у нас к Шолль и Шолль к нам) на разнообразнейшие предметы: об иерархиях, о световой теории⁵³, о телах и т. д. Думаю, что появление нас у Шолль... не без доктора. Каждый день мы отправлялись к Шолль, втроем садясь на маленький диванчик; она же садилась на чудовищно широкое кресло перед нами; иногда — обратно: садилась на диван, занимая без остатка все пространство его, равное трем нам, сидящим рядом.

Эти "уроки" с Шолль были нам весьма нужны.

Наконец, — уже явная помощь Штейнера: надвигалась постановка "Мистерий"; язык "Мистерий" — трудный. Доктор высказался в том смысле, что мне необходимо заранее ознакомиться с мистериями (ведь одна из им мне данных, первых медитаций, — видоизмененный текст одной из "Мистерий"); мне надо их перевести. В результате этого высказанного им кому-то пожелания у нас появилась фр. Ганна, хорошо знающая русский; каждый день она диктовала текст нескольких сцен, а я спешно его записывал, чтобы, имея подстрочник (свой), по нему до мистерий проходить текст их.

Это было прямо необходимо: в показе "Мистерий", в тексте, в ритмах, соединенных с красками костюмов и с расположением макетных знаков я разглядел нечто, имеющее отношение: 1) к мифу моих медитаций, 2) к иным из тех, мною найденных схем, которые я носил к Штейнеру.

Соедините все: 1) медитации, 2) приготовление отчетов Штейнеру, 3) лекции-ракурсы Эллиса, 4) беседы с фр. Поольман-Мой, 5) ежедневные часы у Матильды Шолль, 6) ежедневные занятия с фр. Ганной.

Дня не хватало: нас спешно репетировали к "*Мистериям*"; сквозь все эти часы откуда-то, уже не видный, — глаз педагога-доктора.

Лишь впоследствии я оценил, до чего все эти занятия, вместе взятые, складывали систему, зерна которой внутренне показывались нам доктором (в его кабинете).

После "*Мистерий*" он уже реже принимал (все же, — часто); но именно в знаках "*Мистерий*", в увиденном на представлении, я видел ту *основу дальнейшего*, исходя из которой уже мог самостоятельно копошиться; и я понял: до "*Мистерий*" доктор сам подготавливал нас к ним.

Эта забота о всем бытие "*занятий*", извне не связанных с его "*уроком*", являла в нем педагога огромной силы: педагога, воспитывающего свободу "*взгляда*" там, где его подавляющий авторитет мог быть в иные минуты препятствием к ней.

Так тонко заботясь о нас, он в другом отношении как бы дал знак, чтобы нас "*забыли*". И мы "*забыли*" нечто о себе, и все о нас "*забыли*"; забыли мы, что мы — не "*члены*", что у нас нет билетов, что нам по уставу не разрешено: 1) покупать курсы, 2) посещать лекции для членов, 3) "*мистерии*" и т. д. О нас забыли все: шесть месяцев мы, безбилетные, бывали всюду: в Мюнхене, в Кельне, в Базеле, в Берлине; и уже не помню, не знаю, как мы оказывались *всюду*. Мы "*забыли*", что принимают после "*вступительного*" курса; и о нас забыли, что нам эти "*курсы*" нужны.

Вспомнив в декабре, что мы "*не члены*" (а мы зажили прочно в "*обществе*" с июня), мы переконфузились. Думаю, что в забвении нас в одном отношении и в "*незабвении*" в другом, — особая, тонкая, деликатная педагогика, а не просто "*забвение*".

Но, будучи деликатен, добр в одном отношении, доктор "*приструнивал*" в другом (подчас — неожиданно): помню, одна из нашей "*тройки*" вновь пришедших написала по просьбе доктора какие-то даты из своей биографии; доктор, увидев почерк, сказал: "Если вы не в состоянии написать отчетливым почерком это небольшое, — я не в состоянии буду продолжать с вами дальше!"

Свобода, забвение — в одном: и требовательность до педантизма в другом.

Пересечение того и другого — в утончениях все той же педагогики, нити которой нам не всегда были видны.

Рудольф Штейнер был и педагог, в обычном, внешнем смысле; смолоду он давал уроки; он воспитал к действительности совершенно отсталого ученика, от которого отказались все и которого врачи относили

к категории идиотов; и это воспитание к жизни "идиота" он совершил в эпоху своей молодости, в эпоху, когда он сам образовывал себя и научно, и педагогически. Он и позднее, где нужно, любил давать уроки в чисто внешнем смысле: Шолль — уроки высшей математики; Смитс — эвритмии, М. Я. Штейнер — уроки рецитации.

Кроме всего: его печатные взгляды на воспитание ребенка удивительны не только оригинальностью идей, но и тем, что он создал школу педагогов, практически применивших его идеи до конкретного изменения деталей программы преподавания: истории, математики, физики, искусств, ремесел; он читал им удивительные педагогические курсы (иные из них напечатаны). Не ограничиваясь и воспитанием педагогов, он лично входил в быт жизни детей Вальдорфской школы; он знал их всех поименно; часто являясь среди них, следя за их развитием; педагоги его ознакомили со всеми мелочами жизни школы. Перед смертью он выдвинул проблему организации на новых началах университета для юношей и девушек, окончивших курс Вальдорфской школы (12-ти классной).

Но характеристика его педагогических идей, описание методов предметного преподавания, круга предметов, их чередования и т. д. есть уже тема специального исследования по педагогике, т. е. один из томов, от которых я должен отказаться, ибо тема моя — сама личность педагога; поэтому здесь я понятие "педагог" беру не в академическом смысле, а в личном и внутреннем.

26

В Рудольфе Штейнере, "внутреннем учителе", раскрывался педагог, незаметно окрыляющий ученика свободой и непредвзятостью; и тут педагог сливался с мыслителем; автор "*Философии свободы*" показывал в годах обидения с учениками ученикам, что опыт вживания в философию свободы — уже не философия, а самый путь свободы в нас; и этот путь имманентен пути посвящения; более того: путь посвящения нашего времени — путь посвящения в свободу; в христологических курсах своих он наглядно вскрыл, как эта воистину человеческая свобода вскрылась впервые в личности Иисуса, как свобода от кармы; а по существу, все наши несвободы, начиная от быта, условностей суждения, общественного мнения, суть последствия социальной кармы, корни которой — карма личности; но путь освобождения не есть путь освобождения лишь "от чего-нибудь", но и "для чего-нибудь"; и это "для чего-нибудь" — творимая действительность более совершенной вселенной, с которой мы имманентны сперва там, где ставим себе свой идеал; но идеал в свою очередь уже живет в любой из наших идей; философия свободы есть рассказ о том, что абстрактный идеализм, данный нам в идеях, лишь зародыш конкретности, которая уже не только идеализм, но "идео-реализм"; и даже не идео-реализм, а целое круга абстрактных миросозерцаний. Свобода в ре-

ализациях идеала, т. е. свобода не "от чего-нибудь" (как в буддизме), а: "для чего-нибудь" и есть одновременно: и новая философия, и "новый" подход к исторической проблеме пути. И "учитель" Штейнер, в книге, озаглавленной "Как достигнуть познания сверхчувственных миров", свой основной философский лозунг ставит именно, как задачу пути посвящения; нельзя стать "учеником", пока не станет ясно: "Всякая идея, которая не становится для тебя идеалом, убивает в твоей душе некую силу; но всякая идея, ставшая идеалом, создает в тебе эзотерические силы" ("Как достигнуть...", стр. 20. Русск. изд., 1918 года).

Глубокое убеждение пронизывало философа свободы: достижение свободы, хотя бы в непредвзятых мыслях о свободе, — есть уже путь ученичества; ибо как только мы действительно начнем свергать идолы идей в нас, мы их увидим восставшими в нас, как жизненные идеалы, и как только мы приблизимся к этим "идеалам", мы увидим, что они и суть "существа" духовного мира. В этом смысле самое существо нашего искания свободы, просыпающееся в нас с особою силою именно после Штирнера⁵⁴, Ницше, в духовно-научном разрезе называл он импульсом Архангела Михаила, драконо-бора⁵⁵: дракон, Ариман, — власть кармы мира⁵⁶; и пока нам не станет ясным, что власть этого дракона в нас не столько в физическом гнете, а в моральном, мы ничего не поймем в существе кармы; внешняя карма — лишь склероз внутренней в разгоне десятков тысячелетий; то же, что склеротизируется в ужас тюрьмы, мы носим как нечто невесомое, нас пронизающее: как власть "идей", не пробужденных в "идеалы". Тут-то и была спайка учителя Штейнера со свободным мыслителем Штейнером; и правила, им рекомендуемые, как учителем, были правилами вовсе в другом смысле, чем, например, догматы или Кантовы "категорические императивы" долгов⁵⁷.

Всю долговую приходо-расходную концепцию "догматизма" и "императивизма", сего "империализма" сознания, он превращал, так сказать, в природно-опытную проблему; нельзя ходить свободно, не сняв с себя кандалы; кандалы же — понятие растяжимое; они начинаются с неумения ступать легко: по-ступать; тяжелую поступь по-ступков, следствие которой — мозоли, можно условно рассматривать и с "долговой" точки зрения; только надо знать, что и кредитор, и должник в этой канцелярии — "Я", забывшее о собственной свободе. И оттого-то в "учителе" Штейнере считаю я главным слова, которые он обращал к себе и которые он до конца соблюдал: "Учитель" должен поступать так, чтобы его поступок не связал свободной воли ни одного человека"⁵⁸.

Многие не могли понять до самой смерти его: как "учитель" Штейнер мог не связывать воли своих учеников? Ну а все эти обвязанные с ног до головы лозунгами Штейнера антропософы? И тут скажу то, что есть мое глубочайшее убеждение: эти Штейнером связанные не могли быть его учениками; как же они делались членами Антропос. Общества? Очень просто: учитель "свободы" не мог гнать их из "общества"; но он мог не быть членом этого общества.

Он им и не был до... последних дней.

Весь стиль моего отношения к "учителю" Штейнеру — мучительное искание гармонии понимания: как совместить мне "моего учителя" со "свободным философом"... в моей душе: в его душе они были совмещены, а в моей была лишь проблема совмещения, в которой каждая пядь завоевывалась годами усилий.

Напомню: самый мотив появления моего у него в Кельне был тенденцией стать "учеником" его (наоборот: идеологически я в то время не верил правоте его в постановке христианской проблемы); я явился спросить его совета: становиться ли мне на путь исторического ученичества, я спрашивал его совета, как просто честного порядочного человека, в котором был уверен. Вопрос мой к нему был вопрос искусительный; он знал свою власть над людьми; и он понял, что я увидел в нем огромную моральную силу: скажи он "да", он поступил бы вопреки своему убеждению; его убеждение: исторические традиции пути посвящения оборвались; сказать "да" он не мог; сказать "нет", — значило: повлиять на меня.

Он мне ничего не ответил.

Никогда не забуду своего глубочайшего недоумения: человек ехал из Брюсселя в Кельн спросить совета; человек более получаса излагал ему серьезные важные мотивы, заставляющие его приехать для вопроса о том, верить или не верить "тем", к кому влечет, кто в представлении рисуется "истинными учителями" (Штейнер — не учитель, а — "честный консультант"); и — гробовое молчание, означающее для Штейнера... "направляй... твоё слово так, чтобы не прикаснуться к свободному волевому решению ни одного человека" ("К. Дост. Поз. Св. М.", стр. 21).

После долгой паузы: "Свободны ли вы, например, в июле?" — "Да". — "Не приехали бы в Мюнхен? Посмотрели бы, как мы живем... В Мюнхене у нас было бы больше времени поговорить на темы подобного рода", — чисто светское, свободное приглашение: свободно мыслящего к свободно мыслящему; и — не ответ на прямой мой вопрос, могущий выглядеть лукаво-искусительно, вроде вопроса фарисеев к Христу о Подати кесарю⁵⁹.

Ответ — жест, меня потрясший странным пересечением "свободы" с "правдой долга".

Ответ моей совести, происшедший уже в Брюсселе: после жеста, мне показанного в Кельне, после легкой этой поступи (легконогий мудрец) сразу как-то прокисли во мне доселе влекшие представления о "пастырях", "назидателях", "об учителях", "Блюдущих", "пасущих", "спасающих".

Я оказался в Мюнхене.

Во время второй беседы, уже в Мюнхене, он предложил мне "упражнения". В моем сознании упражнения все эти еще стояли знаками некой гиератики, бремени неудобноносимых, обязательств; словом: на минуту воскресли: традиционный "ученик", традиционный "учитель". И я ответил глубоко неправдиво: "Я не знаю, сумею ли я; где мне с моими слабыми силами!" Под словами о "слабых силах" же в моем сознании копошилась смесь боязни с самоуничижением паче гордости. Пахнуло, вероятно, ему

в нос чем-то вроде: "Великий учитель, смею ли я?" А под этим, вероятно, послышалось ему нечто опереточное, вроде:

О, великий чародей,
Исцели нас поскорей!

И — строго, с молниеносной быстротой, почти со сдерживаемым гневом он отрезал мне:

"Тут не спрашивают, а пытаются действовать". Вероятно, он видел, до чего со словом "упражнения" во мне связывались традиционные представления об индусских йогах, гиратически магических опытах и всего того, что он, философ свободы, так глубоко не любил; ему было ясно, что упражнения в культуре мысли, путь моих живых мыслей, связанных мною же абстрактной традицией былых лет и чувственной позицией грубо понимать опыт упражнений, — ему было ясно, что упражнения меня самого во мне же самом заштампованы предвзятостью; его ответ:

"А ты попробуй?"

Итог пробы: все то, что цело в годах моей юности ритмами "Симфоний"⁶⁰ и "Стихов"⁶¹ ("мое" же, только "мое"!), что склеротизировали во мне не свободные от предвзятости друзья-культурники (все еще "догматики!"), хлынуло во мне из меня же: по-новому!

"Упражнения" вернули мне в 1912 году мои темы 1901—1902 годов; вот что означало:

"Попробуйте!"

Все дальнейшие, интимнейшие его разъяснения мне и помощь в том, как оперировать с опытом высвобождения мыслей, чувств, импульсов — не имело никакого отношения к опыту биографии, правилам внешнего поведения, людям. Он влиял во мне там, где моя личность силилась говорить со своим индивидуумом, как с идеалом, испрашивая "у индивидуума", у "я", а не у "доктора Штейнера".

Как спец-экспериментатор, учащий владеть микроскопом, а не делать собственные выводы о ландшафтах, он был требователен, конкретен, входя в изумительные детали. Но когда для меня встал вопрос о жизненном поступке из "свободы," поступке, влияющем на судьбы людей, со мной связанных, я, носящий ему интимнейшие "дневники" эзотерических узаний, не мог у него спросить совета, как мне поступить. Не хотел, ибо умел уже "держаться голову прямо"; а, во-вторых, — знал: искриви я свою осанку, поддайся соблазну повеситься на шею ему, — я себя бы уронил перед "философом свободы".

И мой ответственнейший для биографии вопрос был предложен ему в чисто методологической форме; это был разговор "ученика" и "учителя"; по термины разговора, от которого зависела судьба (меня, других), — термины теоретико-познавательные.

Был темный вечер; мы шли на его лекцию под дождем — в Дорнахе; он остановился, остро взглянул на меня (он знал, о чем — конкретном я говорю); и лишь ответил: "Проведите сквозь тишину и медитацию ваше решение, вытекающее из постановки вопроса; и — поступайте согласно мировоззрению".

Это означало: "Посоветуйтесь с высшим "Я"!"

Никаких влияний, советов, назиданий, спокойный, строгий, немного грустный взгляд; он знал: поступи я так, — людей, которых он был "учителем", больно-больно, нескоренимо больно, ранит мое решение; но сказать мне: "*Воздержитесь*" — не мог он; ибо знал, тут действует карма.

Я взвесил все, провел сквозь душу: поступка, долженствующего "убить" ближних — не последовало; я думал не раз:

"Как он меня не удержал от безумия?"

И я отвечал себе:

"Он не мог удержать: он учитель свободы, философ пути посвящения".

Так учитель дышал духом свободы на нас; так: философ свободы все более делался нам воистину "*внутренним учителем*".

27

В личности Рудольфа Штейнера перекрестились мыслитель, педагог, учитель и деятель. Он был верен собственным лозунгам до конца. Он говорил: "*Мир объясняют не значением явлений, но воссозданием их в действии*"⁶². (Из Комментария к Гете.) И хотя он много писал объяснительных книг, но менее заботился о методологических и систематических томах-указателях, которые именно были бы "поняты" современными геллертерами*, не понимающими, что их "*понимание*" сводится к пониманию лишь номенклатуры, а это понимание, по Штейнеру, — непонимание. Штейнер не писал "*понятных*" книг, т. е. книг, усвояемых современным "непониманием", но стремился объяснить тезисы своей деятельности воссозданием их в действии; воссоздаваемая им действительность — антропософия, как организм культуры; а воссоздаваемая им деятельность — деятельность его подлинных учеников. Под учениками же не разумел он членов общества, а личностей: "*В целостном личности заложена правда*", — говорил он.

Там, где начиналась проблема общества, аппарата, устава, там действовал в мыслителе-педагоге иной лозунг: "*Кто достигает всеобще значимой правды, не понимает себя*"⁶³ (Комментарий к Гете). Член антропософского общества, утверждающий лозунги антропософии в их "*общей*" общественности, и только, т. е. довольный съездами, уставами и своей моралью, как члена А. О., исключал себя от реального общения с учителем-педагогом, не понимая его. И на это непонимание педагог-мыслитель и жаловался, и негодовал: "*Вы отделили меня от всего живого*", — воскликнул он в Штутгарте. Отделяла: "*общезначимая*" правда, антропософская правда; антропософ, козыряющий от цитаты Штейнера, — всегда и во всем прав;

* gelehrter (нем.) — ученый.

не этот антропософ был подлинным учеником Штейнера. О писаниях всегда правых и все на свете легко и умно разрешающих антропософов он так выражался: *"Поистине я содрогался каждый день, когда, приходя сюда, видел поток литературы, покрывающий наши столы". Я был бы рад, если бы ее было меньше*⁶⁴. Слыша постоянное склонение слов *творческий, творчество, творец* у иных из антропософских *"докторов"* или считая, сколько раз в минуту будет произнесено слово *"антропософия"*, я как бы видел жест Штейнера — педагога, произнесшего на одном из курсов, посвященных воспитанию, такие слова: *"Было бы хорошо, если бы нам не нужно было никаких имен"*; или: *"Мне было бы приятнее всего, если бы мы могли антропософскому движению давать другое название каждую неделю"*⁶⁵. В этих словах, которые многие из антропософов страстно желали бы вырезать из материала текстов Штейнера, — вся сила бунта его против *"общезначимости"*, будь то истина, общество, общественное мнение, этот продукт ядов, выделяемых отсталыми духовными существами; иные антропософы думали и думают, что эти слова относимы ко всем обществам, кроме — ...антропософского; между тем: эти слова относились к обществу, как таковому; шире того: общезначимости, как таковой. Я потому выдвигаю эти цитаты, что все мое четырехлетнее общение с Рудольфом Штейнером, как общение *"ученика"* с *"учителем"*, коренилось на отрицании всего общезначимого, а я жил в атмосфере... общезначимого, где все имена, термины, ранги были остро подчеркнуты: подчеркнуты... до остервенения.

Смешно сказать: мы, русские, окончившие университет и написавшие кандидатскую работу, в терминах германской табели о рангах, — *"доктора"*; но у нас, в России, звание *"доктора"* было почетнее звания профессора, ибо *"доктор"* был тем, кто 1) написал кандидатскую работу, 2) окончил университет, 3) сдал магистерский экзамен, 4) был командирован за границу пополнить образование, 5) написал две диссертационные книги (магистерскую, докторскую), 6) их публично защитил.

Мне было смешно видеть, с каким блистающим видом немецкие антропософские *"доктора"* несли свое звание, едва протягивая пальцы своим русским коллегам, давно позабывшим, что они *"доктора"*, потому что у нас величаться званием *"немецкого доктора"* — и стыдно, и *"не принято"*. И потому в Дорнахе *"Доктора"* Петровский, Сизов, Бугаев и иные, смешавшись с *"дерами"* и *"херрами"*⁶⁶, ни разу не вспомнили о своем *"докторском"* величии: напрасно: в узконациональной немецкой *"общезначимости"*, если ты не выпятишь своего *"докторства"*, ты не выжмешь порою просто человеческого слова от иного *"доктора"*-антропософа. На это и указывал Штейнер, отмечая суть Вальдорфской системы воспитания: *"Дело идет о том, чтобы идеал "доктора" заменить идеалом человека"*⁶⁷. К чести России надо сказать: у нас *"доктор"* был ликвидирован давно; и называть себя *"доктором"* в Германии, имея на то право, казалось столь же диким, как проткнуть нос кольцом; и этим кольцом красоваться.

* Т. е. "антропософской" литературы.

И, разумеется, не в рядовом немецком "докторе" найдете вы "внутреннего" ученика Штейнера, а в необщезначимом человеке, могущем оказаться случайно и... "доктором". Общеизвестный "доктор" — антропософ — не тип этого ученика; и оттого-то, вероятно, количество печатной литературы, им выпускаемой, приводило в смущение Рудольфа Штейнера.

Рядовой член А. О. часто не понимал подлинное ученичество в индивидуализации, в *по-своему* воссоздании текста или цитаты Штейнера, поднятого в теме, ритме или — в целом всех цитат, опущенном в индивидуум и пережитом во внутренней тишине, откуда воспринятое растет безо всяких "штейнерианских" терминов, где и слово "антропософия" — не только не обязательно, но порою... просто вредно ("если бы мы могли давать антр. движению другое название каждую неделю"); лишь на кончике языка повторю основной лейтмотив всех мировоззрительных экскурсов Штейнера: "Существенное заключается не в одной истине, а в созвучии их"⁶⁸. Так автор картины "12" мировоззрений⁶⁹, преломимых "7×3", т. е. тот, кто "к примеру лишь" допускает "12×7×3", т. е. 252 оттенка их, понимаем так, будто эти "252" оттенка вырублены топором на дереве: "252", а не... "253": — "253-й" оттенок — "антропософская ересь". Надо сказать: все время члены А. О. (и "доктора", и не доктора) в громадном большинстве понимали Штейнера так именно: иначе он не воскликнул бы в Дорнахе: "Хоть бы двое-трое меня поняли!" Он апеллировал к человеку, имеющему дерзость не испугаться общеизвестной веры в него, как авторитета, и поступить так, как он говорит об "ученике пути": "Духовный испытатель подходит к ученику с требованием: не верить должен ты тому, что я говорю тебе, а мыслить" ("Теософия". Русск. изд., стр. 157). Я не встречал случая, чтобы кто-нибудь из членов А. О. осмелился открыто не поверить Штейнеру, — не в смысле подозрения в неправдивости, а в том ломоносовском упорстве, обратная сторона которого — жажда к правде и доверие к тому, что самое дерзновенное отрицание тезисов, но проведенных через голову критически, именно ведет к их критическому раскрытию и усвоению. Сколько раз я начинал с методологического неприятия слов Штейнера: с "допустим, что это — не так". И наиболее плодотворное понимание труднейших тезисов его системы, идей позднее приходило именно из этого моего нежелания схватиться лишь слепую "верой"; но всякое мое "допустим, это — не так", встречалось, как бунт в общественном стаде: появлялись, мало сказать, усмирители моего "бунта", появлялись... "городовые"; появлялись — мало сказать, "городовые"; появлялись... "клеветники".

Ни один из моих "бунтов" не протекал утаенно от Рудольфа Штейнера; менее всего боялся я его в непринятии того или иного из его утверждений; не боялся я и его подлинно внутренних учеников: Бауэра, Штинде, Трапезникова. Но я боялся "общеизвестных" на все согласных членов А. О., хотя бы эти члены были в личном общении ближайшие: "общеизвестный член" в таких случаях съедал просто человека, даже... "близкого". Штейнера я не боялся, потому что знал, до какой степени он сам стоял на почве

своих слов: *"Авторитет учителя и вера в него не должны играть иной роли, чем во всякой другой области знания"*¹⁰. И я знал, что мой внутренний учитель знает, что я в моем *"бунте"* следую его словам: *"Те люди умеют держать голову прямо, которые научились почитать там, где почитание уместно"*. Оно уместно, когда оно *"возникает из глубины сердца"*¹¹.

Глубина сердца — нема; и подчас любовь оттуда и вызывает взрыв *"критики"* и *"непрятия"* мыслью того, что именно должно быть принято через критику; а какой же разбор возможен, если заповедано сомнение?

Просто позорен факт безоговорочного принятия на веру всего того, что бросал нам Штейнер; такое *"принятие"* — для виду; и *"принимавшие"* часто потом разбегались от Штейнера, — не оттого ли, что они не сумели, где нужно, *"держат голову прямо"*.

И Христос, по Штейнеру, *"сомневался"* и не сразу мог ответить на вопрос Аримана¹²; а апостол Павел бывал часто кругом не прав¹³. Надевать Штейнера космической непогрешимостью, — возвеличивать его над Христом и апостолом. Вытягивать его текст и носиться с ним, как с *"писаной торбой"* — оплевывать целое его текстов, по отношению к которому фетишизированная цитата — отрицание этого целого. Сколько просто плохих *"докторских"* статей написано *"учениками"* лишь оттого, что они начинают от цитаты Штейнера: один *"доктор"* затанцевал от *"качества, определяющего количество"*, договорился до несообразности столь же абстрактной, как и те, которые отправлялись от *"количества, определяющего качество"*, потому что в целом контекста *"качество и количество даны... в восприятии"*, что — все меняет: и автономию количеств, и автономию качеств.

Забывали целое, лейтмотив всего им сказанного: *"истинно только индивидуально истинное"*¹⁴. И антропософ, органически, т. е. в ритме, в слухе, взявший систему идей мыслителя-педагога, не мог бы уже потому танцевать от печки цитат, что ему было бы ясно: ученик, выставляющий в ритме воспринятое из внутренней тишины своего индивидуума, начинает по-новому антропософию в себе, где и антропософия, — не антропософия в сказанном уже смысле, а... *"было бы лучше, если бы нам не нужно было никаких имен"*; ибо отпрыск импульса уже встретится с импульсом вне слова пустого, а *"антропософия"* вне взятия ее духом души все равно не *"антропософия"*.

"Только в... собственной душе может человек найти средства, открывающие... уста посвященных". — Так говорил Штейнер.

В цитате, толкуемой узко, *эти уста закрыты навеки. "Вы не должны меня спрашивать... Вы должны спрашивать себя..."* — почти вскрикнул Штейнер на мой вопрос к нему. *"Антропософский"* ли вывод мой из контекста его цитат. *"Себя спрашивайте"* — его ответ мне: *"Вывод"* был напечатан: находились люди, которые восклицали: *"Антропософия ли это?"*^{*}

^{*} Андрей Белый. "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности".

С какою горечью он поведал ученику своему, что жена этого ученика его спрашивала: ехать ли ей к мужу, или нет: *"Когда любят — не спрашивают"*.

Вот оттого-то, что его не так *"спрашивали"* и не так *"слушали"*, он и кричал: *"Не спрашивайте!.. Вы не должны меня спрашивать!.."*

Слушая его, — не слушали его, а... *слушались*: в маленьком "с" — все несчастье общезначимой антропософской истины общезначимого *"общества"*.

И потому-то считаю я: его учениками делались не по линии *"общества"*, *"устава"*, *"послушаний"*, выслуг лет и благонравных мыслей, достигаемых ценой отказа от собственных мыслей, к таким антропософским *"паянкам"* относились слова его: *"Лучше плохо мыслить, чем вовсе не мыслить"*.

И Ломоносов, отвечающий ему, что он и у Господа Бога дураком не желает числиться, был бы, может быть, тем учеником, которого он искал в ряде лет.

К сожалению, такой ученик был бы не *"ко двору"*; западно-европейская табель о рангах, где *"фон"*, *"дер"*, *"доктор"* и *"фон дер доктор"*¹⁵ почитаемы за ступень пути посвящения, отрезывала от Рудольфа Штейнера скольких *"лучших"*, на что он опять-таки жаловался.

Но все же эти *"лучшие"* оказывались... и в *"обществе"*, — так, как две взаимно перпендикулярные плоскости пересекаются в линии; и в широкой *"плоскости"* общества оказался линейный след эзотерической глубины.

В учениках, в целом их личностей, в индивидуально-целом, не в общезначимом, и живет, и развивается его бессмертное дело.

ГЛАВА 4

УЧЕНИКИ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

"Даже тот, кто заблуждается... обладает силой, которая отклоняет его от неверного пути". Рудольф Штейнер (*"Теософия"*, стр. 168).

"Для того, чтобы исследовать факты сверхчувственных миров, нужно обладать способностью". Рудольф Штейнер (Из предисловия к 3-му изд. *"Как достигнуть..."*).

"Только в... собственной душе может человек найти средства, открывающие... уста посвященных". Рудольф Штейнер (*"Как достигнуть..."*, стр. 13).

"То, что должен принести с собой посвящаемый, это есть... развитие мужества и бесстрашия". Рудольф Штейнер (*"Как достигнуть..."*, стр. 54).

"Посвященный выше суверия". Рудольф Штейнер (*"Теософия"*, стр. 175).

"Те люди лучше всего умеют держать голову прямо, которые научились почитать там, где почитание уместно. А уместно оно везде, где оно возникает из глубины сердца". Рудольф Штейнер (*"Как достигнуть познания сверхчувственных миров"*, стр. 13).

1

Рудольф Штейнер как деятель, или как педагог, неотделим от меня, от эзотерического ряда людей, относительно которых хочется сказать: вот его ученики и помощники. Не касаясь существа интимных отношений его к каждому из них (таких отношений можно было насчитывать сотнями), я отмечу лишь несколько лиц, относительно которых можно было сказать явно, что они — ученики доктора, и в общественной деятельности, и в личном развитии, и в разработке путей, им указываемых; они были учениками и ученицами и во внешнем, и во внутреннем [внутреннейшем] смысле; это те, чьей деятельности, как "эзотериков" и как "экзотериков" не расплесть; во внешнюю деятельность они невольно переносили "звук" внутрен-

него своего развития; и этот "звук" внутреннего, слышимый имеющими уши, невольно нас заставлял к ним относиться, как к "старшим", тем более что большинство из этой группы людей, — люди раннего, иногда первого "призыва", и "опытом", и количеством лет, проведенных при докторе, и ответственностью работы, они при мне стояли в первых рядах в эпоху 1912—1916 гг.

Во-первых, Михаил Бауэр, сын, кажется, крестьянина из-под Нюрнберга, сам нюрнбержец, много лет занимавшийся педагогической деятельностью до встречи с доктором; и одновременно: до этой встречи глубоко изучивший мистиков (Беме, Экхарта, Ангела Силезского и др.) во всех смыслах: в смысле внешнего знания и в смысле внутреннего владения темами их; любитель естествознания, ботаник и "цветовод", философ, обладающий крепкой логической головою и самостоятельным подходом к философским темам, человек, глубоко чувствующий поэзию, "стиль", и всю жизнь волнующийся темами и классической, и новой художественной литературы, этот человек, будь он и "не ученик" доктора, был бы редчайшим прекраснейшим явлением культуры в ее высшем многострунном смысле.

Но ценнейшее в Бауэре — глубоко христианская линия, проведенная конкретно в жизнь; его жизнь — мировоззрение; его мировоззрение — его жизнь. Нечего говорить, что этим "мировоззрением" стала антропософия, и что "антропософия" в нем именно "Антропософия", т. е. не нечто заимное от доктора, а нечто выросшее из корней его яркой прекрасной индивидуальности; темы "циклов", книг Штейнера, деятельное ученичество и сотрудничество с ним — только химические соли, удобрявшие почву его души, в результате чего душа его расцвела и обогатилась удивительно: когда я думаю о таинственном "голубом цветке", — передо мной встает Бауэр: высокий, худой, несколько сутуловатый, с острой каштановой бородкой, резко вычерченным носом и строгими прекрасными синими глазами — той синевы-глубины, которой углубляется небо, когда долго смотришь на него; "голубой цветок" глядит из глаз Бауэра; сочетание нежности и доброты с прекрасным, сурово-строгим иконописным ликом этого человека и с грубоватым басом рокочущим голосом — особенно поражает в нем.

В 1912 году про Бауэра уже говорили, что он один из первых по времени учеников доктора, ставший на самостоятельный путь, т. е. производящий самостоятельные духовные исследования. В период, мной проведенный близ доктора, он был одним из *тройки*, руководящей всею деятельностью А. О. ("Тройка" — президиум¹); с 1915 года я удостоился счастья ближе узнать Михаила Бауэра, бывать у него и пользоваться его советами; и хотя я бывал и у доктора, я должен сказать: советы Бауэра, беседы с ним, его умудренное, бездонно-глубокое слово, поднесенное [мне] иной раз под формой грубоватого народного афоризма с "солью и перцем", но сквозящего внутренним теплом и добротой ("строгий"), — незаменимо; то, что я получил от Бауэра, доктор сам мне не мог бы дать: я разумею — "тональ-

ность”, совершенно индивидуальную, ”бауэровскую”; характерно в ней вот что: если бы мейстер Экхарт встретился с доктором и доктор его убедил бы, что ритм времени взывает именно к антропософскому оформлению тем Экхарта, Экхарт, не переставая быть тем, чем он был, стал бы... Бауэром.

Бауэр был изумительным лектором; иные лекции его стоят мне в памяти как лучшие, сильнейшие лекции Штейнера; но говорил он иначе: темы антропософские прорастали в нем без антропософской номенклатуры: он говорил языком философии Логоса, взятой в экхартовском ”интуитивизме”, но заостренной режущей силою афористической стрелы: так до Ницше, Штирнера, Моргенштерна и Штейнера не говорили. Его лекция на тему ”О любви”, произнесенная им в 1914 году на генеральном собрании, живет во мне, как интимнейшее событие жизни, как и дорнахские лекции. Одно время он много читал публичных лекций в Швейцарии, имея огромный успех; многие из швейцарцев предпочитали его доктору; и должен сказать: я их понимаю (не в том смысле, что разделяю их мнение, а в том, что Бауэр должен был именно швейцарцам сильнее говорить); в лекциях Бауэра, безукоризненно четких гносеологически, сам гнозис был гнозисом Логоса; и этот гнозис выговаривался, как прямо растущая из сердечного умного опыта тема; доктор был много пестрее; он давал стволу темы, так сказать, ”коринфскую капитель”; а Бауэр увенчивал ее, так сказать, ”дорической капителью”². И в разработке тем был классичнее доктора, да и доступнее в своем ”внутреннем”; чувствовалась традиционная тема Экхарта (в прекрасном смысле), получившая крещение в антропософии.

Так говорил Бауэр; я говорю — говорил, потому что давно уже болезнь, приковав его к одному месту (”Аммерзее” близ Мюнхена), лишила Европу изумительного лектора, а А. О. — бойца и вождя. С Бауэром советуются, к нему приезжают, но он — не выступает. Еще в 12-м году указывали на то, что он — ”чудом” живет (без обеих легких); с тех пор прошло 14 лет; ”чудо”, по счастью, продолжится, но деятельность Бауэра пресечена; он стал — молчалиником, затворником, антропософским ”старцем” (по-новому ”старцем”), я его не видел [видал] с 16-го года; вероятно, он, в 15-м году потрясавший меня мудростью и глубиной, теперь, после 12 лет ”работы” во всех отношениях, стал еще изумительнее. В стихотворении своем я его назвал ”Мейстером Экхартом нашего столетия”³; это было воспоминание о Бауэре 15-го, 16-го годов. В 1923 году А. М. Ремизов, бывший у Бауэра, воскликнул: ”Да ведь это какой-то ”Амвросий Оптинский”⁴ на немецкий лад”. Именно: но с тем различием, что ”Амвросий” редактирует из своей тишины ”Моргенштерна”⁵, читает гносеологические трактаты и в часы отдыха занимается ботаникой, которой он глубокий знаток.

Бауэр много *действовал*, как практик, много и изумительно говорил, как лектор; но почти ничего никогда не писал; потрясающая строгость к себе, потрясающая скромность — тому причиной; как жаль, что из года в год не записывали слов Бауэра; если бы хоть часть закрепилась, история культуры имела бы тома изумительного автора, которого — стиль: своеоб-

разное сочетание размышлений Экхарта, Штейнера, Баадера, но данных в афористическом заострении и лапидарности, Ницше, Новалиса и Ангела Силезского.

Таков Бауэр. Ниже, в главе "Рудольф Штейнер в теме Христос", я попытаюсь дать картину действия на меня личности Штейнера, как христианина; я должен сказать, что в этой теме тотчас рядом с ним вырастают: Бауэр и Риттельмейер; и Бауэр стоит в "теме" почти рядом со Штейнером. Он для меня — первый, любимый "ученик" не в смысле знаков внимания, ему оказанных доктором, а в смысле лишь моих имагинативных образов; едва я вспомню образ доктора в теме "Христос", как рядом, вровень почти, вырастает мне образ Михаила Бауэра.

Он — до дна "ученик" доктора. Постоянно это он ставит на вид приходящим к нему. Каюсь: и у меня были моменты, когда я не понимал доктора; и даже я это выговаривал Бауэру (в письме к нему в 22-м году). И в 22-м и в 15-м всею силою правды своей мне гудел Бауэр "верьте доктору". Под "верой" же он разумел *верное знание, опытное знание*, или — собственный духовный гнозис, позволяющий ему, где нужно, стоять рядом с доктором; и его — проверять.

2

Сейчас же рядом с Бауэром передо мною вырастает другая изумительная личность, работница до "кровавого пота", вертевшая ряд лет сложное колесо мюнхенского центра; и во времена жизни Штейнера в Берлине, Мюнхен темпом работы, продуманностью ее, конкурировал с Берлином; и это благодаря покойной Софии Штинде; будучи осью сложного "мюнхенского колеса", она так подняла Мюнхен, что можно было колебаться: где же подлинный центр движения: в Мюнхене, где действует София Штинде, или в Берлине, где действует Рудольф Штейнер? Она была воистину внешней деятельницей, сочетая "глубокую эзотерику" с бешеным темпом "марфинских"⁶ забот, отчего она порою спала, не раздеваясь, и — даже: не имела возможности годами получать "личного свидания" с доктором, как "ученица", отдавая свои свидания кому-нибудь из "новичков", кому это свидание могло быть полезнее; разумеется: такое отстранение от доктора шло из силы и глубины "эзотерического" опыта; и оттого-то во внешней работе Штинде незримо звучала тональностью [тональность] глубины: "Марфа" была и "Нафанаилом", которого Штейнер видел "под смоковницей", и она под "смоковницей" говорила с доктором; смоковница здесь — "эфирное тело"; говорю серьезно: Штинде казалась мне потом, когда я ее разглядел, имеющей дар "вне физического тела" (в эфирном теле) общаться с доктором: и если в Бауэре явно бросалось в глаза "тайное" его (эзотерика), то "тайное" Штинде, покрытое хлопотнею и суетнею, было еще "полнокровнее", чем у Бауэра; надо было иметь очень тонко развитой глаз и очень тонко развитое ухо, чтобы в выглядящей извне

педантичной, подчас строго-сухой до придирчивости, до требовательности, чтобы земные вещи исполнялись — чтобы в Софии Штинде разглядеть этот бархатный, голубиный взгляд дневных небес, одымленных слегка белой волною человеческого вознесения; если Бауэр в иные минуты выглядел "преображенно" ходящим по жизни, то в Штинде, в редкие минуты моей приподнятости я разглядывал сияющее вознесение белым днем в голубые глубины небесных тайн и одновременный неотрыв от черной тяжелой работы, из копоты, которой она многим казалась покрытой: копотью черствоватого педантизма, строгой требовательности. Если бы имажинацию Штинде во мне я сравнил [сравнить] с этапами "пути посвящения", то я сказал бы: так может работать тот, кто достиг "перманентного сознания", кто и во сне — не спит и кто в бодрствовании умеет держать нить инспиративного мира.

Должен сказать: не скоро я разглядел Штинде; в 12-м году приехал в Мюнхен, я ее видел "внутренней привратницей", отделяющей меня от доктора: он звал нас в Мюнхен; просил известить о приезде, а Калькрейт и Штинде, вернее Штинде через Калькрейт, скрыли от доктора наш приезд; я 10 дней "горел нетерпением" и доктора не видел, а в это время докучный нос Штинде высовывался оттуда и отсюда: надо бы нам посещать мюнхенскую ветвь (ею я и не интересовался в то время), устроены ли мы, что мы читали, читаем, не чувствуем ли себя одинокими: появлялись люди... "от Штинде", как-то милый Тадеуш Рихтер, поляк-художник, которого я в первом порыве к доктору недоразглядел, и который потом стал и другом, и братом, отчасти... "старшим". Месяцами эта неугомная "Марфа", не оставляющая в покое никого из новичков, казалась мне "теткой" — педанткой, догматичкой, просто любопытной; стыдно сказать: я ее видел каким-то антропософским мюнхенским полицмейстером, пока не открылось: ее "полицмейстерство" — деяние "пастыря доброго", ощущающего всякого пришельца, как брата по пути (в потенции); "брата" надо устроить: не одинок ли он, не скучает ли, не впадает ли в мрачность, есть ли у него деньги (может, скрывает свою нищету). Но чтобы добрый жест не казался навязчивым, — эта маска сухости; позднее я знал "добрые деяния" Штинде, всегда утаиваемые от тех, кому они оказывались; дело доходило до вязания теплых носков, покупки белья, — гордым независимым беднякам, приставшим к Мюнхену, фыркавшим на Штинде — педантку и не ведавшим, что как-то по случаю подброшенная комната, откуда-то к зиме притекшие носки для кого-то излишние (хоть бросай!) — "тайнодействия" Штинде, с трудом собранной крохи для устранения "изъяна", ею подмеченного у кого-либо. "Кто-либо" действительно ничего не подозревал, а если бы открылось подозрение, откуда источник помощи (иной раз и внутренней), то Штинде сумела бы так "осадить", почти фыркнуть в нос, что подозрение падало; и к эпитету "сухая педантка" присоединялась еще: "гордячка", "тетка", "аристократия"! Какая там аристократия! Бедная художница, умница, независимая, почти анархистка, одна из первых оказалась при докторе; и в годах неустанной работы выявила "старуху-педантку".

"Мюнхенцы" знали свою Штинде; каждому ведь открывалось в годах, чем он Штинде обязан; они были верны "Мюнхену"; а это значило — верны Штинде. И я был обязан Штинде, с которой по прямому поводу я мало общался [обращался], что попал в "тайный" списочек мобилизованных в Дорнах; а близкие мне в те годы люди оказались обязанными Штинде самой возможностью жить в Дорнахе в годы войны.

Не полицмейстер, а — "пастырь добрый", она напоминала потом мне умалившегося до брэнного облика "малой сей" первохристианского епископа, умеющего где нужно и "твердо пасти", но ставящего внутри "ограды" не жезл, а лилии, которыми он прорастал на невидимой "агапе", вечери любви, порой трепетавшей невидимо над бытом мюнхенской жизни; отчего и ехали: поселиться в Мюнхене (вопреки тому, что "доктор" жил в Берлине).

"Догматички" никакой в Штинде не было: что казалось в ней "догматом", было волевым устремлением, осознанным критически (она была "умница"), — работать для дела "на физическом плане", т. е. подтирать сор и пыль; и где заводилась пыль (физическая или духовная [душевная]), появлялась Штинде с тряпкой; и казалась "педанткою"; в основе воли ее, сделавшей ее "Штинде" — философия свободы, анархизм, размах, бунт; и где нужно (в Дорнахе это выявилось до конца), она, педантка, оказывалась в первых рядах, впереди художественной молодежи, порою смелее из всех, — с лозунгами: творчество жизни, нового быта и моральной фантазии; и тут она была — "седая художница" Штинде, трубочка революции, "трубочка в юбке"; и только еще глубже за всем этим вычерчивалась какая-то епископская голубая тишина мудро-детских глаз, сухо-бледного, и уже покрытого морщиной лица — лик епископа!

Первохристианка!

Смерть Штинде была ударом для меня, моих близких, всех нас, работавших при Гетсануме; это — непоправимый удар для Мюнхена, всего будущего движения; будь здоров Бауэр и будь жива Штинде — не было бы многого из того, что было.

Такова Штинде, верная "ученица" доктора: умница, практик, свободолюбивый, новый человек; и — "эзотерик" до конца!

В одном только пункте казавшаяся неуязвимо сухой София Штинде обнаруживала кричащую уязвимость: это ее, мало сказать, дружба, а обряд "побратимства" (лучше сказать "по-сестринства") с графиней Калькрейт, она являлась в двух ипостасях: как "Штинде" и как "Калькрейт", как "ум и воля" безо всяких чувств, и как чувство, цветущее невероятной цветочностью в прекрасном смысле; нормальное цветение "чувств" (пусть до тропических форм) не имеет никакого отношения к сентиментальности, которая есть изъян чувства; графиня Калькрейт есть именно "чувство" без всякой сентиментальности: чувство не простое, а углубленное до чисто ангелических форм проявления; чувство, прогнанное сквозь строй эзотерики, — такой мне видится графиня Калькрейт. Высокая, очень худая, невероятно протонченная, с румянцем, способным преобразиться в ка-

кое-то светозарное излучение розового пурпура, с огромными, строгими голубыми глазами, но с ангельской улыбкой маленького розового рта, без единого седого волоска, в розовых (пурпурно-розовых) туниках и столах, с крестом на груди, она в иные минуты просиявшая от лекций или "эзотерических уроков" казалась мне нездешней, райской, безлетней (совсем — девочка); а ей перевалило за пятьдесят лет, когда я узнал ее; она — верный друг, соратница, "вторая Марфа", но в "Маринных" выражениях, мюнхенской ветви. "Штинде", или — "Штинде и Калькрейт"; или — совсем наоборот: "Калькрейт и Штинде"!

И вот в чем странность: у Калькрейт в минуты сияния делалось ангельское лицо, а глаза, ширясь, сияли строго; и казались мне синими до... черноты; и из них выходила: строгая Штинде; а строгое, сухое, бледное, некрасивое лицо Штинде, если взглянуть в глаза, — пропадало: выступала голубиная кротость глаз; из глаз выходила "добрая" Калькрейт; прибавьте: длинная, предлинная, белокуролая, розоволикая Калькрейт, и маленькая, кражистая, седая, бело-бледная с синевой под глазами, переутомленная Штинде; Штинде нельзя было себе представить без голубой туники и столы; Калькрейт — без пурпурно-розовой туники и столы; и в обеих жило что-то белое; белизна, лазурь, пурпур, соединяясь в них, строили некий "эзотерический" треугольник; и треугольник, целое из аур что ли, мне виделся яслями, в которые доктор струил импульс "Христа". Если Бауэр виделся мне имеющим этот импульс индивидуально, в Штинде-Калькрейт импульс становился социальностью, христианской общественностью, — тем, что делало Мюнхен "родным", "своим", — нам, "берлинцам" (я начал с Берлина); и не знаешь, кто в этой "алхимии" давал кому импульс: Штинде ли Калькрейт импульс свободной мудрости в несении тяжелой работы; Калькрейт ли Штинде импульс любви, пронизывающей работу.

Только графиня Калькрейт работала и днем и ночью; и разумеется, обе подруги [подругами] жили вместе, в розово-красном доме Калькрейт, в одной из квартир.

Графиня Калькрейт, бывшая придворная, — дочь близкого человека Вильгельма I-го; в детстве она помнит, как два императора, Вильгельм Первый и Александр Второй запросто посещали ее отца (это она мне рассказывала); но она именно — "бывшая": никаких связей с "двором" в мое время у нее не было; и совершенно невозможно было представить ее где-нибудь вне "мюнхенской ветви", вне распределения билетов, писания адресов, дум о помощи ближним; она постоянно бедствовала, потому что отдавала делу и ближним все, что имела. Она, как и Штинде, видится мне идеальной христианской "коммунисткой".

Штинде и Калькрейт, справа и слева, в розовом и голубом, появлялись при дверях и отбирали билеты на представления "Мистерий", играли дуэт на двух фисгармониях перед исполнительными собраниями в Мюнхене.

Обе — бывшие: бывшая фрейльина с бывшей "художницей" — "бунтаркой", становились "будущими" в делах работы на новую культуру.

Калькрейт всегда мне казалась посвященной в дух подлинного эзотеризма; только: линия ее эзотеризма виделась мне в "ангелологии"; у нее, вероятно, был "ангелологический" опыт; и не будь Штинде, ее привязавшей к земле, она улетела бы давно в небеса; наоборот: у Штинде был опыт глубоко антропософический; она-то и была, может быть, первая по конкретности "антропософка" (у Бауэра "антропософизм" осложнился то "мистикой", то "философией").

Ни в том, ни в другой, ни в третьей, я не заметил ничего "теософического" или "окультического" в специфическом смысле, что для меня значило: все трое — прекрасные, крепкие, в душевно-духовном смысле нормальные человеческие экземпляры; это ничего, что у Бауэра подчеркивался ум, у Штинде — воля, у Калькрейт — чувство; подчеркнутая особенность каждого была и углублена нормально, и преображена нормально.

И оттого-то всем троем была присуща: прекрасная трезвость; и тон "здоровья" окрашивал стиль А. О., пока они были в "активных деятелях".

3

Бауэр — баварец, "Калькрейт — Штинде" действовали в Баварии; по порядку уже договору о "баварских" деятелях.

Следующим, кого не могу не упомянуть, кто в 12—16 годах играл незабываемую "внутреннюю" роль в работе и явно окрашивал А. О., кто всегда казался мне значительным, "большим", в упорстве, благородстве, кому можно было верить — д-р Пайперс; он почти никогда не выступал, а когда выступал лектором, конфузился, слегка заикался; и — спешил кончить; и он, как Штинде и Калькрейт, ничего антропософского не писал, а казался *фатально* нужным, так сказать, впаивным в сокровенные нервы движения (так оно и было: "во внутренних" собраниях он невероятно вырастал); я его мало знал; он с трудом знакомился, а я "дичился" всех "старших" в бытность в Мюнхене; и тем не менее "внутренне" я его знал; и с ним считался.

Думается, что невысказываемая сила и благородство, излучаемые им, просто действительность его "ауры", производили это впечатление; знавшие его близко, удивлялись ему, как человеку, и рассказывали интересные вещи о его биографии (до "антропософской"); доктор медицины, независимый, оригинал, широко образованный естествоиспытатель, путешественник, долго живший где-то на африканских островах, в местах бывлой Атлантиды, собравший там интереснейшие факты, коллекции, он был глубоко оригинальным, вдумчивым собеседником у себя на дому и у себя в экстремальной лечебнице, но, переступая порог дома, конфузился и заикался; он много работал в "совете"; и его тонкая, строго-стройная фигура на эстраде в президиуме имела такой непроизвольно импозантный, достойный вид, что казалось: он-то и есть "внутренне" держащий председательские бразды.

Вероятно, это себя осознающая сила — выражение внутренней работы (он был подвинутый "ученик"): в нем подчеркивалась нота *иога*, церемониймейстера некоего внутреннего культа мистерий, что в естествоиспытателе производило особенное впечатление; его личная работа — изучение нервных болезней и новых методов лечения (цветом и звуком); несомненно, что в это лечение он вносил "опыт" антропософа; и несомненно: в нем лично этот "опыт" был весьма глубок; если Бауэр — "мистик", пришедший в антропософию и внесший в нее свое "светское" изучение философии, то Пайперс, — пришедший к антропософии естествоиспытатель "иог"; научный иогизм в антропософии — ведь это напоминало бы новый подход к проблеме исторического оккультизма (и на этот раз без кавычек); Пайперс тоже казался мне глубоко нормальным человеком, с сильно развитой волей, к... изменению в первую голову себя; и только из этого с собой "иогического" опыта пытающегося с величайшей осторожностью его нести немногим пациентам-антропософам.

Эти личные его, "оккультные", стороны явно сказывались в изумительном исполнении им роли Бенедикта в мистериях Штейнера. Нечто, показанное им в жестах, в иную минуту переступало границы игры и делалось обрядом; он минутами бывал подлинным гиерофантом⁸ и заставлял нас переживать "мистерии", как мистерии "без кавычек". Глубоко скрытая в немоте его внутренняя жизнь проступала мне какою-то прекрасною гьератикой, и он, — высокий, худой, молодежавый, с будто всосанными щечками, с вьющимися белокурыми волосами и неподвижными голубыми глазами, казался мне одетым не в неизменный сюртук, застегнутый на все пуговицы, а в рыцарские доспехи: какой-то тамплиер⁹ в сюртуке, или рыцарь при храме.

Думаю, что я отмечаю основную ноту в Пайперсе: именно "рыцарь" (в вове новом смысле); и самое его как бы исчезновение с фланга внешнего (лекции, статьи, руководство) вызывалось держанием какой-то внутренней вахты.

Где он, — не знаю: в 21—23 годах я его нигде не встречал, статей его нигде не читал; шумели на "авансцене" совсем иной род [рой] деятелей, и я вспоминал с грустью отсутствие Пайперса.

Или он утроил свою вахту?

4

Перечисляя заметных баварских деятелей из "стариков", отмечу графа Лерхенфельда; в Пайперсе, естествоиспытателе, виделся мне внутренний "рыцарь" и внутренний романтик, поднимающий по-новому тему "орденов"; в Лерхенфельде действовал на меня явный романтик; в 12-м веке он боролся бы в первых рядах рыцарства с сарацинами; в конце 18-го века в нем явно заговорила бы "Геттингенская" душа¹⁰, когда я встречался с Лерхенфельдом, передо мною всплывал век Шиллера¹¹, а потом

и Шеллинга¹²; высокий, голубоглазый, крепкий теvтон, аристократ не по "графству", а по чисто биологическим признакам (здоровье, физическая сила, которой не нужно выставляться и которая выглядит поэтому очень мягко); прекрасно воспитанный немец, произвольно выявляющий склонность к старинному французскому вежеству, немец до злосчастной эпохи "пангерманизма", до-бисмаркский немец, и оттого баварец-радикал, оппозиционер, антивильгельмист, могший составить кружок друзей юного Людвига Баварского¹³ (до реакционного поворота в последнем); аристократ, выходец из старинного рода баварских придворных, но давно повернутый от двора к поэзии "прекрасно-романтической", к философии, оттого интересующийся религиозно-философскими вопросами вплоть до интересов к произведении Сергея и Евгения Трубецких (с последним он лично встречался), не говоря о Владимире Соловьеве, которого он — пламенный давнишний почитатель, вплоть до реального осуществления перевода ряда томов Соловьева на немецкий язык (изданы они на средства Лерхенфельда¹⁴); в постоянной активной повернутости Лерхенфельда к темам русской культуры чувствовалась старомодность, говорящая "нет" позиции буржуазного империализма Германии с ее презрением к России и Франции; в беседах с Лерхенфельдом вставала эпоха, когда русские гегельянцы кружка Станкевича¹⁵ учились у немцев и когда немцев удивляли русские юноши, вполне овладевшие Гегелем¹⁶, и я вспомнил: в Мюнхене много лет проживал Ф. И. Тютчев, тесно сблизившийся с семейством Лерхенфельдов (тем самым)¹⁷.

Эти в прекрасном смысле черты запоздалого романтизма Германии (до 48 года), не искаженные позднейшим вырождением германской культуры, сочетались в Лерхенфельде с вырвoм в революционно-культурное будущее, с небоязнью пролетариата, с горячим пылом и смелостью, с которой "граф", прикованный к чисто придворным и католическим традициям семьи, оказался не на словах, а на деле и "учеником" Штейнера, и верным помощником в осуществлении ряда культурных антропософских начинаний; Лерхенфельду приходилось за "верность" Штейнеру претерпевать перманентную драму, которая начиналась уже в семье, где дети и жена оказывались в рядах злейших врагов антропософии и где работали "иезуиты"¹⁸, и — далее: эта борьба за быт продолжалась в кругу родственников и всего традиционного круга знакомств; нелегко было Лерхенфельду жить и работать в Мюнхене, где Лерхенфельды, начиная с жены, работали с иезуитами и баварскими зубрами. Достаточно сказать: в мировой войне баварские генералы выявились, как угнетатели первого сорта, а мобилизованный "полковник" Лерхенфельд в окопах отстукивал на машинке сочинение Соловьева "Россия и вселенская церковь"¹⁹; родственник Лерхенфельда по ликвидации баварского советского режима был главным министром Баварии, а "штейнерианец" Лерхенфельд крупно работал именно в "советской" Баварии, и позднее, приняв лозунги социальной "трехчленности" Штейнера²⁰, оказался со Штейнером в "предателях" отечества.

Лерхенфельд, разорвал [разорвав] со средою, пришел в антропософию: здесь "твердо" зажить; и не могу не представить себе Лерхенфельда не слитым всем существом с антропософскими начинаниями, не говоря о средствах; он отдавал обществу в буквальном смысле все, что имел (за вычетом содержания семье, в которой работали иезуиты); и жил без средств и "дома"; его "дом" — мюнхенская ветвь (кажется, он впоследствии поселился в Швейцарии); "изгой" и "пролетарий", он поражал сочетанием утонченного благородства, чистотой расы, достоинством, непроизвольным изяществом манер и умением быть простым до... невидности; и тут "простота" от светскости сочеталась в нем со светскостью от чистоты и простоты (в прекрасном смысле) его душевной природы; остроумный, тонкий собеседник, образованный, владеющий жаргоном идеалистической философии, он был в числе подлинных учеников Штейнера и являл для меня типичный образец того, как преломляется в антропософии до-гегелевская фаза истории немецкой культуры²¹. Если прошлое культуры ослабляло в нем реальность достижений в прорыве к будущему, то, с другой стороны, — эпоха Новалисова "Голубого цветка"²², введенная в антропософию, очищала атмосферу "среднего состава" членов, вносящего в общество неотмытый налет мещанства, узости, меркантильности. В Лерхенфельде, ушедшем из аристократии и миновавшем буржуазию, чувствовалось мне что-то от Герцена (если бы Лерхенфельд ушел с головой в социальный вопрос, то он взял бы курс на позицию Герцена, т. е. оказался бы таким же "своеобразным социалистом", как Герцен)²³. Я любил встречаться с Лерхенфельдом, иногда дружески обедать с ним где-нибудь, беседуя о "началах цельного знания" Вл. Соловьева²⁴; но еще более я любил в Лерхенфельде не ум, а чистое, благородное биение сердца и ту моральную фантазию, которую незаметно он провел в "новом" и воистину "смелом" бытие жизни, для которого нужно было вызвать творчество из страдания и любви.

Я отказываюсь касаться вопроса о его "внутренней" близости к доктору; с огромной скромностью он утаивал свое "святое святых", уходя головой в "проблемы идеалистической философии", сердцем — в проблему творчества жизни из антропософии, а волей — участием: моральным и материальным во всех предприятиях Мюнхена и Дорнаха, скромность Лерхенфельда делала его незаметным для многих; покойный Т. Г. Трапезников, знакомивший меня с ним, первый обратил мое внимание на него; и по мере того как я приглядывался к нему, он мне виделся и крупнее, и оригинальнее того, чем он казался многим.

В этом кратком перечне учеников Штейнера я не могу не отметить его.

5

Я не знаток биографии Моргенштерна; если память не изменяет мне, последний период его жизни связан с Баварией; и — стало быть: с антропософским Мюнхеном; не о поэте хочу сказать я здесь несколько

слов: об антропософе. Моргенштерн — явление исключительное; в последнем периоде в нем точно взорвался пылающий Серафим; и прекрасным, нас потрясающим световым явлением наподобие явления рождественским пастухам "огня" и "света", из которого проговорили ангелы, "благою вестью" вознесся он в миры духа; так восприняли его смерть, над ней встала звезда утра²⁴; и Христиан Моргенштерн стал "Христианом Морген Штерн", переродился его стих, вознесшись и над романтиками прошлого, и над футуризмом, до странно-новой прозрачности, которую я не могу назвать "классицизмом" ("пассеизма"²⁶ в нем не было); что-то воплотилось в строку; и лица, знавшие его последние годы, отметили: воплотилась в нем до конца конкретная антропософия; мгновение он стоял одной ногою в шестом периоде²⁷, где смысл Заратустры, света и пламени новой любви воплотятся в земных формах, и, став таким, невероятным, вспыхнул, огромным огнем уносясь в небо.

Рудольфу Штейнеру верю до дна, потому что я в опыте знаю правду его утверждений чего-либо в ком-либо; и я видел ясно, что даже Штейнер был потрясен Моргенштерном; эффект антропософии в Моргенштерне превысил всякую меру ожидания; было что-то от удивления (почти до склонения) в "учителе" перед световым явлением последних месяцев жизни "ученика"; и у учителя вырвалось восклицание: неспроста возносящийся сквозь смерть носил имя "Христиана Моргенштерна"; помню утверждение Штейнера (вскоре после кончины поэта), что "эфирная аура" Моргенштерна *оттуда сюда*, как жуца, накрывает нас всех: помогает и ведет (не помню дословных слов, но смысл — таков); в покойном не было ничего "окултического", — "иогического"; Моргенштерн и "ученик пути"²⁸, — как-то не совмещалось [совмещались]: вспомните веселье, порой злые гаффы футуристических "песен висельника"²⁹; Моргенштерн — парадоксалист, супер-анархист задолго до Маяковского нечто от "немецкого Маяковского"; и "ученик пути"! Случилось большее! "Немецкий Маяковский" с открытыми глазами на тайну Голгофы воскликнул: "Помяни мя, Господи!" И тотчас раздался громчайший ответ ему: "Ныне же будешь со мною в раю!"³⁰ Ответ столь громкий, что иные из имеющих уши услышали этот Голос к кому-то среди нас; и иные тронулись (как маги, или, как пастухи) в поисках светового явления, ибо — свет вспыхнул; "свет" в ответ Голосу; и этот свет — вырыв в пламенах некоей прекрасной жизни, тотчас следовавшей за голосом. И тогда появился доктор Штейнер на кафедре (это было в Лейпциге) и всем жестом своим дал имеющим уши понять, кому был Голос.

И все повернулись в сторону Моргенштерна, а он больной, в жару, уже лишившийся голоса, кутался в шубу в задних рядах. Он представлял собой в эти дни прекраснейший образ: такого сочетания духовной и внешней красоты я не встречал; духовная красота, прозарила черты лица его; таких глаз я ни у кого не видел. Его могла сфотографировать лишь кисть Рафаэля; именно *сфотографировать*, потому что рафаэлевский образ был дан оригиналом.

Помню его, худого, тонкого, радостно-прекрасного (ведь уже умирал), перед доктором; и рядом жену его, фрау Маргаретэ Моргенштерн — с преображенно-твердым, овечьим эфирно-персиковым прозрачным до восторга лицом (ведь муж умирал!); это трио — не забудется: доктор и супруги Моргенштерн явили мне сошедшее в лекционный зал будущее человечества, на которое намекал Рафаэль; персонажи рафаэлевских полотен, вышедшие из рамы Дрезденского музея!²¹ И в эти же дни помню высокую радость: лично познакомиться с Моргенштерном (не помню, кто познакомил); он мне просил улыбкой, но, показывая на горло (говорить уже не мог); лишь срывалось хрипкое: "Я рад... рад... а говорить не могу". И почему-то казалось мне, что это "рад", — неспроста, что Моргенштерн меня знает. Позднее уже, ближе познакомившись с супругой поэта, я понял, что я был прав: Моргенштерн действительно меня знал; в "Дневнике" покойного супруга нашла запись, относящуюся еще к до-антропософскому нашему периоду; первые характеристики меня, как поэта, проскользнувшие в Германии (в журналах "Для немногих"), заинтересовали Моргенштерна, и он записал, что хотел бы ближе познакомиться с моею художественной деятельностью.

Мы стояли друг перед другом, улыбались и жали друг другу руки; казалось бы — немного: но мы (я и он) были в те именно дни "на горе"; нас одинаково взвил курс "Христос и духовные миры". И я чувствовал, — не было завес: и два внутренних мира вперялись друг в друга почти без внешних покровов (в этом я уверен доселе); не знаю, что во мне увидел Моргенштерн; то же, что метнулось на меня от него, уподоблялось жаркому световому ветру, накрывшему, как плащом, и на мгновение введшему душу, как в куцу ("Устроим — куцу!" — хотелось воскликнуть мне); повело от него тою силою, перед которою сила обычного "окультиста" — ничто. Сила Христова Импульса, как ветер, прошла сквозь меня, мои "мозги и суставы". И когда позднее доктор заговорил об этой именно силе в Моргенштерне, ставшем нам всем "невидимым помощником" после смерти, не удивился я, помня о той минуте, когда я стоял перед ним, держал его руку в своей и глядел не в глаза, а в бездну неба.

Через пять лет воспоминание об этом миге сложило строчки во мне:

Ты надо мной — немым поэтом —
Голубиною глаз блеснул,
И засмеявшись исным смехом
Сквозную руку протянул²².

И далее:

Как и тогда, во мне воскресни,
Воспламенись, ко мне сложи
Свои просветенные песни
В грозой отмеченные дни²³.

А воспоминание о том, что он вдохнул в меня, еще позднее слетело, в невнятно жалком лепете:

Полная зова —
— Небес —
— Млечность...

Бисер рос
Из моргнувших век...
Во век
над людьми —
— бирюзова —
— Вечность!

Пойми,
Человек: —
"Христос —
— Воскрес!"³⁴

Позднее я не раз беседовал и пользовался гостеприимством его вдовы, которая — высочайшее благородство, соединенное с величайшим смирением жертвы, отдавшей себя служению любви и помощи; большой Бауэр и фрау Моргенштерн, за ним ухаживающая, — оба погруженные в разбор рукописей Моргенштерна, оба овеянные горным озоном антропософских высот, притянутый к ним недугом, догорающий Т. Г. Трапезников, требующий постоянного, систематического ухода; фрау Моргенштерн, умница, утонченнейшая супер-модернистка по вкусам, глубочайшая внутренняя христианка; между рукописями, сношениями с издательствами, принимающая паломников к Бауэру и разорванная между необходимостью растирать Бауэра и делать ванну Т. Г., несущая с улыбкой тяжелый крест и урывающая время работать внутренне и слетать на курс доктора.

В тяжелейшие минуты жизни (21—22 годы), когда, казалось, я утратил себя, путь, друзей "справа" и "слева", когда меня ругали антропософы (в Берлине, в Штутгарте), ругали эмигранты, ругали "советские", ругали в Дорнахе и в Москве ("ага, — *пал-таки!*"), когда слетал крик и против доктора и не было *ни одной души рядом*, — лишь из *Аммерзее* неожиданно прогудело мне в душу письмо Бауэра да потом я уже узнал: фрау Моргенштерн, поймав где-то доктора, сказала теплые слова в защиту "меня". А ведь я ее в те дни и не видел: она — на расстоянии угадала меня!

Она же (в 1914 году) устроила мне перевод "Петербурга" — по собственному почину в Мюнхене (я жил в Дорнахе)³⁵.

Когда я вспоминаю образ фрау Маргаретз Моргенштерн, то удивление, жаркая признательность и радость, что *такие люди* есть на белом свете, мешают мне говорить о ней внятно. Скажу лишь: соединившая всю утонченность современной художественной культуры с первохристианским долгом из любви служить ближним, помогать страждущим и утирать слезу сомневающимся "вдалеке", она мне — тип новой христианки: "первохристианки" в смысле нового вскрытия, впервые вскрытия, основ христианской морали, быть может, XXI-го века.

И она — верная ученица доктора.

И здесь, вспоминая мюнхенцев, по аналогии "контраста" хочу сказать несколько слов о баронессе фон Эккартштейн, капризно-экстравагантной, талантливой, раздвоенно неверной, но с несомненными пролетами в "куда-то", — умница и ясновидящая, с позывом к подлинному христианству сквозь яркий вскрик чисто люциферических красок* (разумею не "пошлый" аспект люциферизма, а тончайший, где действует Люцифер-горний, Люцифер-мистик), она останавливала мое внимание правдивой яркостью, с которой она бросала в нос всем своей антропософией не до конца, и не бросала в нос всем за ярким плащом эстетизма и "ясновидения для ясновидения" тайную муку того креста, который, несомненно, увенчает путь этого еще не распятого, ярко-красивого "разбойника", слева, как бы уже видящего свою участь и знающего, что "Помни Господи" слетит из глубин до конца перетрещенного духа; умница, эстетка, талант, капризница, с бледно-некрасивым, как бы помятым лицом, но с прекрасными фосфорическими зеленоватыми глазами (они станут синими), она всегда мне казалась одной из крупнейших личностей "вопреки всему", какою-то тайно-благой, в ней нескрытой силой вовлеченной в воронку антропософского вихря и оказавшейся, рядом с доктором, в числе "эзотерических" учениц. И доктор, видя Ниагарский водопад противоречий, бывший в Эккартштейн прекрасною яркостью, как мне кажется, провидел в ней и христианский нерв кипения; ведь рядом со Христом видим мы и Иоанна, и бесноватого из Гадарры¹⁷. Я не хочу сказать, что Эккартштейн — бесноватая; но она мне казалась извне перекирвленною судорогой люциферизма, источник судороги — некое "узрение" и некое внутреннее понимание (инстинктивная интуиция, искривленная "умницей" и только "умницей"); с прекрасною яркостью она не стыдилась своего люциферического оперения и великолепно играла Люцифера в "Мистериях" доктора*.

Доктор к ней явно мироволил и не без "сочувствия" (ведь он понимал "люциферизм" и знал условность демонизма в люциферическом проявлении), разрешал ей ее яркость; "сочувствие", вероятно, — от понимания "тайн пути", которые — "неисповедимы".

Это сочетание "люциферизма" и подлинного "антропософского импульса", вероятно, было выражением глубочайшей внутренней борьбы, исход которой в "воплощениях" (не в одном) — ко благу; и то, что случилось с Моргенштерном в этом воплощении, может быть, случится с Эккартштейн — в следующем.

Доктор видел ее "внешний" жест и тем не менее вводил ее во внутренний круг, но смотрел на нее с недоверием и опаской там, где она выявлялась в социальном разрезе: в сношениях с людьми; она могла быть и "соблазнительницей", разумеется, не в пошлом смысле, а в очень тонком, раздувая в других их уязвимую пятю "эгоизма", "эстетизма" и даже "экзальтации", соединенной с какою-то гримасой "гафа".

* Как хорошо д-р знал, кому какую дать роль!

Так и в моем общении с ней она играла роль "соблазнительницы"; утащив меня на свой архитрав, дав неподсудную работу, нашептал, что я великолепно понял "стиль", и бросив меня с этим "стилем" под... разгром доктора. Или: вдруг она захотела зарисовать мои глаза, для эскиза к центральному стеклу; изображавшего [изображавшему] "посвященного"; и во время сеансов сладко пела, как сирена, инстинктивно силясь раздуть искры самомнения; но я уже ее понял в роли Люцифера, которую она перенесла с подмостков мюнхенской сцены в дорнахский рабочий барак.

Я ее видел в ее судорогах; и тем не менее — любовался проявлению ее кипений; она умно говорила и прекрасно читала мне стихотворения Уланда. Потом вдруг безо всяких причин я ее увидел повернутой к себе в той странной ужимке каприза, из-за которой у нее бывали немотивированные припадки, кончавшиеся неприятностями.

Сквозь все из немой глубины прекрасные, человеческие, страдающие глаза глядели, не мигая, в тайну пути; и до своего видения на пути в Дамаск³⁸, она — видела, знала, переживала то, что не эзотерикам недоступно.

В брэнном облике она уже по праву оказывалась среди немногих, ходивших в "праздничных" одеждах.

7

Перечисляя видных баварских деятелей антропософского движения, главным образом мюнхенцев, делившихся на секции Пайперса, Штинде и почтеннейшей старицы, баронессы фон-Гумпенберг, о которой ничего не могу сказать, ибо она была вне сферы моего наблюдения, я подчеркиваю: дух Штинде невидимо парил надо всем: дух чистейшего человека и талантливейшей организаторши в крупном масштабе; я не могу уделить даже минимум места ряду лиц (ибо это уведит меня от темы); но как не упомянуть, что застал в Мюнхене швейцарца Юли, будущего председателя А. О. (так сказать, — под крыльшком Штинде); мне Юли с Мюнхеном связан; до встречи с доктором первые антропософские лекции, мной прослушанные, были лекции Юли; они оставили сильное впечатление сочетанием внутренней ноты с темпераментной, почти богомненно-каотической экспозицией темы ("стихийные силы"); тяжелый молот, обрушенный Штейнером на Президиум в 23 году, упал на голову бедного Юли, оказавшегося главой "бюрократов"; до какой степени это не увязывается с личностью Юли, тихо-застенчивого энтузиаста, со склонностью к затвору (для "молитвы" и чисто кабинетных трудов); Юли в 23-м году был раздавлен; я его видел в марте; его перетрясенный, встрепанный вид, его "уход от дел" вызвал во мне вздрог сочувствия и симпатии к этому прекрасному человеку: мы сердечно встречались [встретились] с ним.

Не он бюрократил, а его... "обюрократило" множество невыявленных дядей-аппаратчиков, с которыми где же ему было справиться, как и с разросшимся механизмом? Просто повели "не туда, куда он хотел"; и человек

"не от мира сего" от беспомощности и "мимикрии" (кругом — только "аппаратчики") стал во главе бюрократической машины; вероятно, доктор его "казнил" за беспомощность. Юли видится мне в 12 веке ученым монахом, отданным искусству и развивающим из кельи новые взгляды между коленопреклонениями и отправлением служб; затащенный ловкими собратьями, он, новый человек, оказался в некрасивой переделке, предавая осуждению то, что он сам развивал у себя в келье; "новатор" у себя, оказавшийся "консерватором" на председательском кресле; таким я видел Юли в 23-м году.

Фортраги его были новы и интересны, а книги, им написанные, почтенны в смысле данных и бесконечно слабее в смысле идей — слабее идей самого "Юли"; то, что мне говорил о нем Т. Г. Трапезников, то, что вставало мне от редких разговоров с ним, наконец, весь стиль его фигуры — странно-согбенный, бледно-худой, с бело-льняной бородой, с невидящими и вдруг "увидавшими больше прочих" глазами, — все кричало о том, что Юли глубокий, интересный, вероятно и "опытно продвинутый" человек, но попавший в роль, совершенно ему не свойственную: знаток Вагнера, "вольнoфилософствующий" антропософ, но избегающий говорить (при случае — хороший лектор), он — монах-мистик, платоник из Шартрского монастыря³⁹, но вырванный из него встречей с антропософией. Неумение справиться с социальным вопросом (будто кто-нибудь справился!) не лишает его права быть "внутренним" учеником доктора, и в личном смысле образцовым, правдивым, чистым антропософом "без страха и упрека"; таких, как он, не часто встретишь.

Или, как не вспомнить бурного богемца-художника, преданного Личарда (доктору и Штинде) Тадеуша Рихтера, этого появляющегося всюду "доброе и благое" вестника от... доктора и Штинде, за всем зорко следящего (в самом прекрасном смысле) и кажущегося без дела бегающим от пере-передела, от порой дел странных, несомых по своей деликатности, которых никому нельзя поручить, кроме Рихтера: не прошедший университетов, ничего не читающий, он не раз потрясал меня поразительнейшими сердечными инспирациями, или неожиданной зоркостью остро выбрызнувшего и опять под маску беспечности спрятанного ума, так что уже через год я не мог не относиться к нему слишком просто, помня, что он "старший" в главнейшем, в своеобразно им достигнутом "опыте" и в подвиге всей жизни; подвижник под маской беспечного богемца и воинствующий монах, отражающий "врага", под формой юродивых шуток, вдруг влетающий с "Ну, Бориа (он звал меня "Бориа") — гуллиайт: за город"; и под формой "гуллиайт" (коверкал ужасно русский язык) дающий мне "внутренний" урок; "внешние" же его уроки были невысокого качества; он мало читал "умных" книг, а побивал меня там, где начинала звучать "эзотерика" (сколько мы кричали друг на друга!). Доктор и Штинде его любили: с оттенком нежности. И я знаю, за что: я уверен, что не мудрствующий [мудрствовавший] лукаво Рихтер был "эзотериком", а вот о Штейне и Колюско... ничего не могу сказать.

Где Рихтер сейчас, какой он теперь, — не знаю: я почти не виделся с ним после 15-го года.

Или, как не отметить, что ответственно работающий и удивляющий многих силой христианского импульса, в нем живущего, русофил, крайне левый, Шуберт вышел из Мюнхена (я с ним мало имел общения); или как не отметить, что всеми нами любимым дедушка движения, едва ли не семидесятилетний, очень добрый, очень благородный Вагнер — мюнхенец, как и покойный Т. Г. Трапезников — мюнхенец, потом дорнаховец, потом москвич; но сквозь все — мюнхенец, т. е. от... Штинде (была школа Штинде); и это сказывалось в его терпимой свободолюбивости, могущей быть твердой до педантизма, в его романтической уединенности и молчаливости, умеющей не только работать, но и ставить на работу и требовать отчета в работе; все это сказалось в его последующей работе в "Отделе охраны памятников"⁴⁰. И кто знал ноту "Штинде", тот мог услышать ее сквозь все личное в нем, столь близком отпешдем, включая до особой голубизны, голубиной голубизны глаз: глаза Штинде глядели на меня в иные минуты сквозь глаза Т. Г. И неспроста я, кажется, от него (он ничего спроста не делал) получил карточку Штинде; эта карточка — визитная карточка Т. Г., которого не могу не считать "эзотериком", ибо я его видел в незабываемые минуты на западе, под кущей [в куще] с доктором, — в такие минуты, которые в России и не могли случиться, в которые душа видит душу порой безо всяких покровов.

Когда пришел час и понадобилось, чтобы в Дорнахе появилось ядро молодежи, то основой этого ядра, его лидерами явились главным образом мюнхенская молодежь, несомненно вылетевшая из-под крыла "старой" Штинде; и седая "тетушка" в голубой столе оказалась если не среди нее, на пыльных мостках, то в советах, эту молодежь проводящей, защищающей от злостных наскоков вместе с доктором и Бауэром.

Помню, как она в Берлине после одной из лекций о Гетеануме подошла ко мне, значительно на меня посмотрела и сказала: "Иоанново Здание — Человек: Новый Человек". И отошла.

Я уже знал, что она еще осенью меня отметила где-то "дорнахцем" и ее вестник Рихтер, нас влекший в Дорнах ("Борна, — нах Дорнах!"⁴¹), в каком-то смысле был вестником судьбы; и будущая русская группа в Дорнахе — частью "мюнхенцы": Трапезников, Кэмпер, Дубахи, Богоявленская, Ильина, Киселева и др.

"Мюнхен" пролился в Дорнах, там пойдя в расплав и перечеканясь; но он продолжает там быть; и это — дух Софии Штинде.

С нее начал, характеризуя мюнхенцев; ей кончаю.

8

Другим центром, в котором сгруппировались выдающиеся ученики доктора, оказался уже в мое время Штутгарт, столица Вюртенберга. Вюртенбержцы, гейдельбержцы, в мое время — свободолюбивейшие немцы; обычно для вюртенбержца: не признавать империалистических цент-

ров Германии; и почти ненавидеть Берлин; вюртенбержцы более других немцев — "вольные философы"; напомним: Гейдельберг, Фрейбург⁴³ в то время были едва ли не центром философской Германии, здесь действовали Виндельбанд, Риккерт, Ласк, Кон, Христиансен; сюда, не в Берлин, тянулись паломники из России (студенты), здесь процветала философия, философия искусства; здесь слушали лекции наши: Степун, проф. Гессен, Яковенко, Б. П. Григоров, Т. Г. Трапезников, Г. Г. Шпетт, проф. В. А. Кистяковский и т. д. Я до 1906 года нацеливался сюда же: в юго-западный угол Германии; кроме того: Штутгарт — крупный промышленный центр, богатый предприимчивостью, либерально-настроенной буржуазией, отзывающейся на те или иные социальные реформы; ни баварский католицизм, ни прусское юнкерство не имели почвы в Штутгарте; и попадая в Штутгарт, в эпоху блаженной памяти тяжелой империи, я чувствовал себя в атмосфере большого свободолюбия и вместе: в атмосфере недовольства казенным Берлином, переходящего порою в открытый ропот.

Неудивительно, что и деятельность Рудольфа Штейнера, автора "Философии Свободы", нашла здесь большой отклик еще в 1912 году: неудивительно, что здесь-то позднее и сконцентрировались антропософские "доктора", философы, методологи, практические осуществители Вальдорфской Школы: Штейн, Коляско, Бараваль, Гузман, Штокмайер, Швеш, фон Гейдебрандт и др.

Неудивительно, что здесь-то нашлись и практики для ряда новых, "свободных" предприятий; неудивительно, что и новое поколение более предприимчивой буржуазии оказалось охваченным антропософией активнее, нежели в других центрах: д-р Карл Унгер, Мольт и др.; неудивительно, что здесь же оказался и ставший позднее во главе христианской общины талантливый, свободолубивый пастор Риттельмейер, "левый" протестант и вместе убежденный антропософ.

Можно было бы, исходя из характеристики Штутгарта, заранее предсказать, что и без гения организаторского, подобного Штинде, "организация" антропософских предприятий здесь именно будет, найдутся и идеологи, и практики, и финансы.

Так оно и оказалось.

В 12-м году уже в Штутгарте очень бойко работали; и ряд практических шагов, облегчающих нам пользоваться хотя бы литературой, был предпринят здесь; вспомним, что здесь начали печататься на правах рукописей стенографированные лекции Штейнера; прекрасно переплетенные, на хорошей бумаге, с четким шрифтом, тщательно проверенные, они могли быть украшением любой библиотеки; они печатались в тысячах экземпляров. Между тем, — тут мы обязаны одному человеку: штутгартцу, Аренсону, с большим мужеством принявшемуся за эту работу, с большой усидчивостью ее проводившему. Возьмите курс лекций, изданный в старые годы; и на каждом вы прочтете отметку: "Проверено. Аренсон". Не будь счастливой идеи, возникшей у Аренсона, библиотека из 60 прекрасно литографированных курсов отсутствовала бы. То же о Вальдорфской

Школе. Не приди на ум крупному папиросному фабриканту Мольту отдавать весь доход с папиросной фабрики "Вальдорф-Астория" школьному предприятию, не осуществилась бы возможность "Вальдорфской Школы". Не вложи своего организаторского ума доктор Карл Унгер, крупный южно-вюртембергский промышленник, в финансовую и канцелярскую работу, необходимую для постройки Гетеанума, Гетеанум не осуществился бы, несмотря на приток работников; я лишь 3 недели работал в финансовом бюро при Гетеануме, и я знаю, какая это машина; ведь одна "столярная" обнимала более 300 столяров; в канцелярии этой поток бумаг стягивался к Лиссау; из-за плеча Лиссау виделась склоненная в счета, выкладки и прочее, голова доктора Унгера; ни к работе рвущаяся молодежь, ни Штинде, ни талантливый строитель Энглерт, ни доктор сам, не могли бы осуществить Гетеанума без доктора Карла Унгера, вырванного из своих философских раздумий, собственных крупных дел, налаживания антропософской общечеловечности, чтобы в буквальном смысле слова "откорпеть" над самой неинтересной, будничной стороной стройки; ему, свободлюбивому философу, в душе музыканту, крупному "дельцу", общественнику и... "зотерику" — вероятно, более чем кому-либо было трудно сознательно погружать нос в "пыль" бюро, счетов, проверок, контроля, инспекции; и он мужественно пронес этот невидный крест.

9

На нем-то я и остановлюсь.

Один из первых по времени учеников Штейнера, он, как и Штинде, в поверхностном знакомстве оставлял впечатление некоторой сухости, граничащей с педантизмом; при более пристальном разгляде из-под маски сухости выступали: большая скромность, удивительные благородность и честность, пылкая "верность" основным философским лозунгам Штейнера и усилие, граничащее с подавляемым вскриком "свыше сил" действительно не уйти из мира "для ради" созерцания картин духовной жизни. Поклонник "Философии Свободы", сам философ, самостоятельно продумывающий гносеологическую базу антропософии, он вычертил себе нитруднейше осуществимое "мотто": не отдать черту, завладевшему абстракциями, числами, машинами, фабриками, деньгами, банками — именно мысль, ритмы чисел, машины, заводы; справиться с дьявольскими гримасами "банков" и т. д. Каждый из антропософов, самоопределяясь в антропософии, начинает осуществлять лишь ту или иную плоскость ее культуры; если Бауэр видится мне работающим в сердце ритмической системы антропософского организма, если последующий "докторат" видится работающим в центральной нервной системе этого организма, если Риттельмейер мне видится в "системе дыхания", Штинде — в соединительно-тканной системе, то доктору Унгеру досталась костная система, наиболее неблагоприятная: уйти с головой в различного рода известковые

склерозы; Риттельмейер, имея дело с голубым воздухом, окисляющим легкие, — видится сам голубым, уходящим в высь воздуха; Бауэр стоит, как пурпур внутреннего горения, происходящего в толчках сердца; Штинде организовала железы внутренних секретий, а д-р Унгер в годах переформировал *кость*, имея дело с плотнейшими, неорганическими солями, образующимися внутри организма и попадающими туда из мертвocosного мира "процентом", "банком", "чугуно-литейных" заводов, но бросая [бросал] в эту "неплавимую" сферу весь пыл философа, музыканта, весь опыт "внутреннего ученика", весь размах свободолобности и непредвзятости, чтобы $\frac{1}{10}$ его усилий в силу железной необходимости свойств железа, над которым работал он, пошли на плавление лишь "капли" этого железа.

Вспомним: "черт", завоевавший внешний мир с его государственной общественностью, расплавится последним, а его тем не менее плавить надо; и надо, иди на расплав хоть капли в этом мире, знать, что вся твоя победа, как антропософа, в лучшем случае будет выглядеть осуществлением одной десятой усилий; $\frac{1}{10}$ усилий пойдут на расплав; и ты будешь во всех предприятиях выглядеть на девять десятых разбитым и отступающим; здесь особенно тяжка тактика действия для победы "некогда": тактика Барклай-де-Толли — сознательно отступать⁴. И доктор Карл Унгер видится мне всегда отступающим, полуразбитым, изнемогающим, но не имеющим права вывить это свое социальное изнеможение по долгу им из свободы выбранной труднейшей горчайшей роли: *отступать*, принимая все негодование отступающей армии и все нарекания в неумелости, сухости, формализме, консерватизме; вспомним: именно Барклай-де-Толли подготовил будущие победы Кутузову; он "Кутузовым" победил Наполеона, ибо Кутузов — терпеливо им выковываемое орудие борьбы.

Так доктор Унгер: задолго до словесного [словесно] блестящего и предпринимчивого на всех путях методологии, мысли и социальной начинаний "доктората" 20—28 годов, являющего Коллегию, разделяющую функции (так, что этот практически решает проблемы медицины "мира сего", тот проблему социологическую, и т. д.), — задолго до них всех доктор Карл Унгер был сам свой "коллегиум", т. е.: он был единственным почти из учеников, пустившимся в тягчайшую сферу борьбы за вырыв из цивилизованных когтей материалов "внешней" культуры, долженствующей вывариться; и варил кости, распространяя душный запах "бюро", чтобы из выварки этих костей получить хоть каплю некоего, антропософией загаданного бальзама; он долго прекрасно справлялся с этой ролью, а получал в награду за усилие легкомысленно: "Нет, — Штинде, Бауэр, Моргенштерн, — это вот наши светочи: а доктор Карл Унгер, — суховат, суховат!"

Кажущийся иным суховатым, антропософски консервативный доктор Карл Унгер — лавировал отступлениями тем не менее, выводя из боя антропософский фронт не прорванным нигде. Видели — отступление. Не видели: непрорыва фронта или умелого председательствования в А. О.;

материальной организации чудовищного по тяжести предприятия с Геганумом, — в данных условиях (обстояния врагами, организации всего общества, борьбы с предрассудками в нем); это умение не довести А. О. до внешнего развала в процессе переписания через мировую войну — в значительной степени заслуга первого Председателя А. О., осуществившего тяжелую, неблагодарную тактику Барклая, смененного рвущимися в бой более молодыми "докторами", обещавшими превратить отступление в победу над "Наполеоном"; и — тотчас: провалившимися дело трехчленности и зачастую напускавшими неосколастическую муть в своих, социальных работах; доктор Карл Унгер, как бы отданный им в руки и лишь формально в качестве одного из возглавителей президиума, разделявший поражения штутгартцев: вместе с Юли принял на свою голову удар Штейнера, в сущности через его голову обращенный на обещавшийся победить мир "докторат". И доктор Карл Унгер, уступивший штабу антропософских "генералов" свое командование, остался на своем прежнем месте, на месте внутреннего ученика, отдающего опыт, любовь к свободе, делу труднейшему, делу проклятому: варению мертвых костей мира сего для получения из них капли бальзама: и когда в 26 году уже после кончины Штейнера обнаружился развал единого антропософского фронта и ни новый свет, ни "докторат" не могли соединить два отрезка прорванного-таки "фронта", стали раздаваться голоса о том, что есть Карл Унгер, старинный "кунктатор", который мог бы возглавить президиум; вернулись в 26 году к 12 году, когда доктор Карл Унгер впервые возглавил А. О. Стало быть: в тактике Барклая жила-таки и... тактика Кутузова; и если когда-нибудь А. О. увидит гонимого из своих регионов "Наполеона" (Аримана), то в этой заранее подготовке огромную роль сыграет Унгер.

Так бы я охарактеризовал этого благородного, скромного, трезвого, внутренне "свободолюбивого", внешне "традиционно" выглядящего, внутренне "эзотерика", внешне отдававшегося абстрактной спекуляции, *настоящего* ученика доктора, которого я, некогда на него роптавший, отношу к "старой гвардии" Штейнера (в самом хорошем смысле). И когда мне передавали о внешних неурядицах и *старых развалах* нового совета, то горечь развалов вызывала в памяти строки: "И сам император... в плену!", т. е.: в плену у Аримана внешнее наследство Штейнера. И вдруг вспомнились строки:

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели⁴⁴.

Эти "двое" — боевые старики, вместе со Штейнером участвовавшие в заложении камней основания всему ее делу. И я увидел два образа, идущих где-то на спасение Культуры Духа: Михаила Бауэра и Карла Унгера; один ранен чисто физически: злою болезнью, его приковавшей к одру; другой ранен хуже: ранен морально внешним поражением, крахом его усилий в 23-м году; но оборотная сторона этого "поражения", — победа скромности и мужества, выносливости, с которыми Карл Унгер принял

свою "отставку" за вины, в которых, может быть, его личной вины была лишь $\frac{1}{10}$ вины "доктората" в его целом; но знаю, что его заслуги в ряде предшествовавших лет, самое это принятие им на свою голову "молота" Штейнера, которому он гордо, независимо до резкости давал "свою отповедь" (штрих, мне крайне понравившийся!), — заслуги его в каком-то ином плане пресуществляют внешнее поражение, в *суи генералис* победу; победа уже в том, что разбитый якобы наголову в 23-м году, доктор Карл Унгер вспоминается с теплотой, сердечностью, благодарностью не мною одним... в 28 году.

Худой, тонкий, моложавый, с восковым лицом, длинною, узкою черной бородой, которой он напоминал китайца, являя странный органический синтез черт типичного южного немца, еврея... с тибетцем (да, явно: нечто тибетское), — с быстрыми, деловыми, четкими движениями, с острыми, черными, живыми глазами, всегда странно контрастирующими с германо-иудео-тибетскою стыльностью черт лица и всею корректно-чопорной статью худого, стройного контура, — он встает живо передо мною: то в цилиндре, в черном пальто, с белым кашне (отправлять долг похорон), застегнутом сюртуке, открывающим съезд, собрание, на котором — тысячи; то в котелке, с зонтиком, выделяясь профилем узкого лица и длинной, черной, узкой китайско-семитской бородкой, он спешит куда-то, где будут обсуждать цифры (не час и не два, а — всю ночь); то вижу его в серой, элегантно летней паре, с цветным платочком, торчащим из кармана, непременно в белом жилете, сухо обходящим канцелярию; и — кажется, что в нем нет чувств; он — "сухарь". Но — что это: "сухарь", взорвавшись, неприлично обрывает седую почтенную даму беспомощным вскриком, смысл которого: "Вы почти дура!" Что это, — "генеральство"? Да нет: взрыв пламенных чувств: почтенная дама ответственно "надурила": социальное "дурство" выросла в лопух, который он, Карл Унгер, председатель А. О., искореняет, защищая — что же? Свободу совести, молодость, независимость, будущее! Он, консерватор? Да, да!

И тогда весь аспект Унгера (и "сухой" председатель, и "буржуа" в цилиндре, и "франт" — беложилетник) — меняется.

А вот — еще аспект: Дорнах, лето; мы — в гостях на каком-то семейном празднике; сидим на террасе; кто-то нудно варит разговор; он — не клеится; как-то пусто моргающий [моргающий глазами] доктор Унгер, заложив руку за кармашек белого жилета (его жест), вдруг, точно сорвавшись, начинает громко насвистывать мотив из Бетховена, которого он обожает: "А, как хороши!" Лицо — точно в тике: молодое, отдававшее мелодии; глаза моргают: быстрые, черные... добрые. Вот так Унгер: да это юноша по живости восприятий!

Ох, уж это "насвистывание" доктора Унгера в нос членам; он свистал мне в нос; и я обижался и свисту, и надменному виду, с которым вырывался свист, относя вид и свист по "своему адресу". Мне потом объяснили: свистит доктор Унгер от... застенчивости.

Я потом разглядел в нем: мягкого, скромного человека; и в аспект "только дельца" не верил.

Я читал статьи Унгера; заглядывал в гносеологическую книгу Унгера; пишет он внешне не блестяще; предмет его мысли вычерчен в неблагоприятном для внешнего восприятия аспекте: в холодноватой, рассудочной форме; и пишет он мало. Но преодолев форму, вы натываетесь на оригинальную, сильную, что-то в тенетах рассудочности прорубающую мысль: навстречу к "Философии Свободы". У Унгера мысль абсолютно своя; и сознательно не отправляется от печки истории философии; он выглядит философствующим дилетантом: но это — внешний аспект; он очищает *по-своему дорогу* к возможной, но еще нигде не данной философии антропософии. Бауэр в мысли имеет традицию: мистиков и мысль германского идеализма; он — "новый", как антропософ; и традиционен, как философ; а доктор Карл Унгер — Тредьяковский некоей оригинальной антропософской системы, которая будет вскрываема будущим Ломоносовым [будущими Ломоносовыми]⁴⁵, а может быть, Пушкиным [Пушкиными] с трудом ныне вываривающихся систем; в некоторых чертах своей унгеровской мысли он оригинальнее блестящих Штейнов⁴⁶, ибо рудименты нескрытой им системы вынуты из его внутреннего "опыта с мыслью", но одеты в рассудочный каркас, вероятно, чтобы этим тараном ломать каркасы рассудочности вообще: мысль Унгера — медитация, бронированная рассудочностью; она в своем "да" — трудна, крута; высказана — скромнейше; она — лапидарна.

Оттого-то он и пишет с трудом: пишет мало. Но увидев "вымедитированную" страничку печатного текста Унгера, останавливаешься: "Надо бы одолеть: ведь недаром же человек ее напечатал". И в этом "недаром" — доверие к мысли Унгера, именно поскольку он не антропософский "писатель", а взявшийся за перо "антропософ".

Это мнение мое о мысли Унгера сложилось у меня и под влиянием иных из его фортрагов, слышанных в Дорнахе; они мне чрезвычайно много дали (как ни один фортраг Штейна!): дали — внутренне, прорезываясь до интимнейших, сказал бы "эзотерических" сторон моего "Я"; будучи внешне сухи, будучи изложены с трезво-логическим педантизмом, они тем не менее врезались в меня, как нож, до... вздрoga. Это было в дни всяческих моих потрясений уже на почве жизни и моральной фантазии. Никогда не забуду доктора Унгера в эти дни; не забуду, что он, после одного из своих фортрагов, врезавшихся в меня, точно знал это, ко мне подошел и с неожиданной братской сердечностью (после всех "посвистов" своих) спросил, мягко лаская добрыми, черными глазами: "Принимаете ли вы мои слова?" И когда я сказал — "да", он нежно, сердечно пожал руку: с "братским" подбодром; самое удивительное заключалось в том, что тема лекций была о том, как, включая в организм жизни ариманические существа, не пасть жертвой когтей Аримана; а я именно в эти дни был почти что в когтях; Унгер не мог этого [этого не мог] знать. Эта первая моя изнутри встреча с ним не могла не быть встречей с "эзотериком", подающим "братскую" помощь.

Во внутренних собраниях "тайное" Унгера делалось явным: явное это — то, что он — один из "наивнутреннейших" учеников Рудольфа Штейнера.

А в 23-м году, столь трудном для Унгера, я с неделю прожил в его доме, в любезно им мне предоставленной комнате; мы вместе обедали и ужинали после вечерних лекций Штейнера, непринужденно беседуя; и тут мне стал явным Унгер — Человек, в том, в чем я его давно подозревал; а именно: он — милый, простой, скромный, сердечный человек; и очень, очень добрый. Что он — "ум", в том я не сомневался; ведь назвал же его Рудольф Штейнер "сильно" мыслящим; в том, что он — благороднейший, честнейший, преданнейший делу Штейнера, не могут сомневаться и его "антропософские" враги из категории "дядей". Что он "эзотерик", — это хочется свидетельствовать мне всеми крохами моего, пусть убогого, опыта.

Тройка первого президиума (Бауэр, Унгер, фр. фон-Сиверс) — "славная" тройка, "крепкая" тройка старых, внутренних, учеников; пока она возглавляла общество, не чувствовалось "аппарата": как бы и не было "общества" в том смысле, который стал давно для меня ругательным эпитетом. Эта "консервативная" тройка с огромным мужеством когда-то отстаивала молодой, художественный Дорнах; и пока в Дорнахе работал Унгер (с конца 15-го года он был мобилизован "промышленно" и уехал работать в Штутгарт на "оборону"), мы, тогдашние "молодые", чувствовали себя уверенно под его крылом, как и под крылом Штинде, Бауэра, фрау доктор Штейнер, самого "доктора". И ведь само раздраженное его с почти "вы сделали глупость", по адресу седой дамы, относилось рикошетом к защите "свободы" жизни в Дорнахе: доктора и нас.

В моих субъективных имажинациях прошлого, ассоциировавшего образы четырех "мистерий" с интимными учениками Штейнера в образе 3-х "гиерофантов" при Бенедикте⁴⁷, их возглавляющем, мне виделся у алтаря чувства, в роли Теодозия — Михаил Бауэр, в роли Романуса (у алтаря воли) — доктор Пайперс; а в роли четвертого гиерофанта, взявшего на себя наитруднейшую наименееблагодарнейшую роль, — в роли Ретардуса⁴⁸ — я видел доктора Карла Унгера.

Таким он мне и стоит.

Задолго до "докторов", "предприятий", культурных начинаний доктор Унгер возглавлял в Штутгарте "школу Унгера", ставящую ударение на темах культуры, мысли "мира сего", и па "антропо" — в двойственном термине "антропо-софия", — в ту пору, когда "антропософия", как термин, встречалась в лекциях Штейнера, но обитала, так сказать, подспудно (в скобках "теософии"⁴⁹); и тогда доктор Унгер в своих усилиях был именно глава молодой школы, выглядевшей революционно в недрах "теософии"; возьмите Блаватскую, Шюрэ, Безант: и после возьмите брошюру Унгера: два ничего общего не имеющих стили; еще типичный "теософ" мог перекинуться пониманием с Бауэром через язык Беме, например, а с Карлом Унгером он мог быть лишь "на ножах". И в эпоху отделения от Безант доктор Унгер со-гремел со Штейнером в дерзких вызовах против "восточной мистики", выявляя себя "христовым" христианином, воином Божиим, а не христианином от... Кришну.

К нему примыкал ряд интереснейших штутгартских деятелей, имена которых не упомяну, потому что и так я уже отъехал от темы своей, централизованной вокруг Штейнера. Не могу не упомянуть о старике Аренсоне, на дочери которого женат доктор Унгер: Аренсон тоже подлинный, внутренний ученик, ориентированный на темах каббалы⁴⁰, "Зохара"⁴¹, но вскрывающий их не традиционно, а в теме антропософской культуры мысли; слышанные мной его лекции: серьезны по материалу, насыщены знанием первоисточника, лапидарны в "своих собственных" выводах; кроме того: Аренсон — талантливый композитор; его музыкальное сопровождение к "мистериям" прекрасно написано: в нем он — новатор в инструментке; это сочетание музыкального новаторства с тысячелетними темами иудейского гностицизма в маленьком, седеньком, как грибочек, сморщенном человечке меня всегда трогало; что-то честнейшее, умнейшее, добрейшее и явно детское светилось в маленьких глазках его некрасивого, с кулачок, личика; и делалось спокойно: "И Аренсон здесь... Где-то сидит... Может быть, — прочтет что-нибудь"... И благодарность к нему, осуществителю литографированных циклов, этого подарка "тысячам", — шевелилась в душе.

Другая школа, враждебная Унгеру и его "присным", гнездилась в том же Штутгарте (говорю "враждебная" в смысле полемики в "приемах", а не в смысле личной вражды); это школа Тони Фелькер, в которой сконцентрировано подчеркивались и "эзотеризм" тем, и проблемы иоги; и в "как" метода изложения и в "что" лекционных тем. В Тони Фелькер выявлялась правомерно реставрированная до классических, вечных нот теософия Востока, ушедшая от Безант, принявшая антропософию, но честно отказавшаяся от боя с Ариманом мира сего и потому забронированная себя люциферической внутренней глубиной тем "Света на Пути" Коллинз⁴² и т. д. Против "теософия" Тони Фелькер нельзя было ничего возразить, ибо она в таком чистом, глубоком, внутреннем смысле правомерно-прекрасна; о ней можно сказать лишь одно: такое "марийствование" возможно там, где нашлась Марфа, которая отдалась неприятной функции: бронировать извне возможность Тони Фелькер уплывать глазами: в полет ангелов (у нее — удивительные, почти неземные глаза); инженер, возводящий крепость вокруг нее, — сухой, трезвый Унгер, с которым она теоретически так не ладила.

В Мюнхене Мария встретилась с Марфой⁴³, стали Марие-Марфой: Шттинде-Калькрейт; в Штутгарте: Мария, не опознав свою Марфу, резко от нее отделилась (так стали там в оппозиции друг к другу две школы), — и отдалась удивительному углублению внутренней линии; слышавшие прежде фортраги Тони Фелькер единогласно отзывались с восторгом и о глубине их, и еще более о ней самой, глубину выговаривавшей; она была сама воплощенной "Коллинз" антропософического движения; разумеется, у нее были ее "боготворящие" ученицы и ученики. Я, к несчастью,

ее никогда не слышал (в Штутгарте бывал мало, а на съездах, где она выступала, в секциях, было слишком много меня волновавших по прямому поводу тем; и я отвлекался от нее); но я хорошо помнил ее тонкий, аскетический силуэт, смуглое какое-то индусское лицо и огромные прекрасные глаза: помню всегда ее молчащей; на трибуну она не поднималась; ее трибуной были скорей: жертвенник, алтарь; но они были в Штутгарте (говорю, разумеется, в аллегорическом смысле). Общий отзыв о ней: глубокая "эзотеричка"; и — явный факт плодов ее деятельности: полное отсутствие внешнесоциальной ноты. В 26-м году слышавшее ее лицо передавало мне, что в Штутгарте и по сие время она ведет "свои" курсы в "своей" группе; и эта группа живет социально не в 28-м году, а в "1906" году, — в добром, старом, "геософском" времени.

Каждому свое: в антропософии обителей много; и против "тональности" Фелькер я ничего не имею возразить, пока работа, неблагодарнейшая, других предоставляет ей возможность держать во всей незапятнанной чистоте в своих тонких пальцах "Свет на Пути"... для... избранных.

II

Совершенно особенную линию, не примыкавшую ни к Унгеру, ни к Фелькер, давно развивал в Штутгарте пастор Риттельмейер; и эта линия, как бы пустив громадный отпрыск, стала ветвью, потом — почти отдельным стволом движения "Христианской Общины", — движением, которое связано с "обществом" лишь около корней, именно в группе пасторов-антропософов, личных учеников Штейнера, друзей Михаила Бауэра, из Аммерзее всю душою впаянного в это движение (при некотором "резерв"⁴⁴ к... "обществу"); и личностью, на которой выветвилось это движение, — личность Риттельмейера.

Я его помню давно: я не знал еще его фамилии; менее всего я мог думать, что этот прекрасный, свободный, оригинально говорящий человек, человек безо всяких "штампов", — протестантский пастор; он всегда поражал меня внутри антропософского круга свободой, оригинальностью, смелым благородством в нарушении налета все же "традиций" (хотя и антропософских), которые подчас чувствовались даже у лучших учеников-лекторов; никогда ни одного термина вроде "эфирное тело", "астральное тело", ни одного — "доктор Штейнер говорит": прекрасно построенная, свободно текущая, речь, пронизанная глубокой оригинальностью и часто глубиной, умение владеть ораторским искусством (оно становилось символичкой пламенно-сдержанных и благородных душевных жестов), округлые движения рук, мощный голос, высокий рост осанистой фигуры с бледным некрасивым лицом, кажущимся прекрасным в минуты лекций, — с лицом, непроизвольно-гордо замкнутым, обрамленным курчавою белокурою бородкою и пышными льняными волосами, с голубыми большими детски-чистыми глазами, с большим лбом, на котором вслокачивалась

и глубокая продольная морщина гнева, — этот человек, появляясь на кафедре, меня как-то особенно пленял; и особенно пленял он меня, появляясь на трибуне с ответом, с возражением, с нападением, с отражением нападения в связи с каким-нибудь путаным вопросом практики общества, после того, как все напутали; раздавалось его громкое на тысячный зал, спокойно-бурное, плавное и благородное слово, и у меня создавалось впечатление: "Наконец-то живое, кристально правдивое слово после потоков мутной воды!" Потом уже я узнал, что это наш сочлен, Риттельмейер; еще позднее, что он — пастор, очень известный в Германии своей смелой свободоловливостью, один из жестов которой был приход его, известного протестантского деятеля, к Рудольфу Штейнеру, чтобы стать до конца антропософом, внутренним учеником, не разорвать с пасторством, выдерживать травлю в среде собратий и тем не менее будить, собирать, организовывать своих не-антропософов-прихожан и успевать порою с головою входить в разрешение ряда внутренне-антропософских вопросов, выступать с докладами на съездах, участвовать в прениях; и тут же с глубоким изумлением я узнал, что этот оригинальнейший, глубочайший, свободнейший, честнейший, умнейший человек, любимейший Штейнером, как-то не "потрафляет" среднему уровню членов А. О. (а этот уровень насчитывает тысячи); "общество" холодно относилось к этому нарушителю "общества", выкинувшему вне его лозунг "община"; говорили: "Это — не антропософ; это — какое-то здакое свое!" Не задевал Риттельмейер в те годы многих и многих, стоя извне прекрасною одиночкою и внутренне будучи связанным с доктором и с любимейшими, внутреннейшими его учениками; в кругу антропософо-пасторо-доктората, или среди доктората, становящегося "пасторатом" от традиций, "пастор" Риттельмейер выглядел каким-то светским "доктором", а не "пастором", зовущим на свежий воздух, на свободу, под небо: из залы заседаний.

Голубоглазый, овеянный воздухом, на фоне голубого, дневного неба, с рукою, указывающей на "безобразность" нашего будущего, таким виделся он мне всегда (несомненно в только "обществе" он должен был вызывать недоумение до... гримаски). Но люди, выдавшие его именно, как "пастора", — в новохристианской общине, совершающим по-новому вечно-христианскую службу с новыми, потрясающими силой знаками и словами, введенными в вечный обряд, — люди, присутствовавшие при совершении служб "пастором" Риттельмейером, выдавшие его крестьянцам, хоронящим, приобщающим, — вспоминают его по-иному: "безбрежность" его жестов становится концентрированной солнечной силой подлинно действующего сквозь него Христова Импульса; а голубая глубина неба — оригинальной силой его свободных проповедей в церкви, когда, например, он производил обряд Крещения над древнегреческим мифом, и миф, встает заново, вспять высветленным событием Голгофы; помня, что Христос после смерти сошел во ад и вывел оттуда томящиеся тени⁴⁵, Риттельмейер, сверкая солнцем будущего, облеченный "пастырским" Крестом, не боится сходить в Эрб⁴⁶, изводя оттуда тени античных мифов.

Кроме всего: он оказался прекрасным организатором; его группа пасторов, испеших из "исторического" протестантизма, вместе с вновь рукоположенными, среди которых есть и женщины, — прекрасно работает и внутри общин, ею стянутых, и на внешнем фронте: община имеет свои средства, свои издания, свои съезды; среди нее, говорят, есть крупнейшие деятели, с которыми я, к несчастью, не знаком (как-то: пастор Бокк и женщина-пастор, Шпорри); члены ее собирают древние материалы по истории церкви, посещают старьй Афон, углубляются в Афонскую библиотеку, изучают древние богослужебные напевы⁵⁷, и все — для дел новой общины; Рудольф Штейнер читает им ряд специальных курсов (вне "общества"); среди них появляется Михаил Бауэр: вернее, — к Бауэру направляется паломничество пасторов: Бауэр с Риттельмейером и пасторами проводят недели в Аммерзее, углубляясь во все детали дел растущей общины.

Выкинутый как бы вовне (из "общества" в "общины") член общества Риттельмейер и углубленный в эзотерическую глубину, как бы ушедший из "общества" и ставший "обществу" не видимым "старцем" по-новому, Михаил Бауэр, — именно в этой глубине они суть одно. Как Штинде-Калькрейт, или — Мария-Марфа, есть прекрасная теза вчерашней, патриархальной, до-"общественной" антропософии, внутренней и до-"аппаратной", — как доктор Унгер и Фелькер — наметавшаяся штутгартская антитеза антропософии, в которой "общество", как таковое, выявляясь в государственном "аппарате", являет осколки унгеровской "общественности" в деловой "коллегии", из которого дух отлетел... в "келью" Тони Фелькер, где берется нота "пути" ценой отказа от суеты сует, так грядущее восстановление в Духе целого новой культуры видится мне и *видимо* далеко от дряг "общества" ушедших, каждый по-своему, Бауэра и Риттельмейера, в этом "неуходе-уходе" оказавшихся вместе.

Я начал с Бауэра: говоря о Риттельмейере, — опять говорю о Бауэре, вспоминаю Штинде; и это потому, что, касаясь группы интимных учеников, подлинных "эзотериков", даже в ней вслед за Рудольфом Штейнером встает мне тотчас эта тройка: Бауэр — Штинде — Риттельмейер!

12

Упомянув о Мюнхене и Штутгарте, нельзя не коснуться Берлина, где долго жил Штейнер, которого ветвь в 12-м году насчитывала минимум 400 членов, среди них были настоящие, внутренние ученики доктора.

В первую голову вспоминаю Зеллинга, в мое время инкорпорированного в берлинскую ветвь, друга тех из залетных птиц издалека (из России, Норвегии, Лондона, Америки), которые, попав в огромный, пятимиллионный, кошмарный Берлин, не имея знакомств, очень часто и средств, пыгались раскинуть палатку где-нибудь поблизости от Моц-Штрассе, Лю-

гер-Штрассе, Аугсбургер-Штрассе, среди баров, пивных, подозрительно раскрашенных дам, огнями сияющего "Ла-Скала" и бредного "Ка-Де-Ве"; для них Зеллинг был маяком, светящим и греющим, о который не разбивались, как об иные маяки, залетные птицы; около них Зеллинг как-то сразу вырастал с указанием адресов, с подкидыванием книжек, с появлением, всегда неожиданно, у них на дому с "Ну, как устроились?", с "Зи зинд нихт гут ложирт"⁵⁸. И уже, скоро, иди в помещение ветви или в библиотеку за книгой и видя среди ряда незнакомых светски-корректных и светски же холодных людей (таковы берлинцы) эту суеязющуюся фигурку, они вздыхали облегченно: "Вот Зеллинг"; и чувствовали, что они не на Моц-Штрассе, сего сроения "Баров", а в... "хайме"⁵⁹. Русскому Зеллинг казался русским: "Помилюйте, да это совсем москвич: говорун, хлопотун, шутник!" Мне он напоминал первое время в температуре лучшие стороны Г. А. Рачинского (только *лучшие!*); вероятно, норвежцу он напоминал бы "бергенца"; ну а немец находил его лучшим экземпляром того "уютного" немца, немного елочного, сопровождающего в сочельник традиционного деда Рупрехта⁶⁰, — того немца, который встает в представлении детей после того, как им начитали [начитают] сказки Гримма и Андерсена; вот именно: что-то древнегерманское, не только немецкое, а германо-скандинавское поражало в Зеллинге.

Его сразу же научались любить, с ним не чиниться, ему выговаривать свои опасения и радости и слышать в ответ добродушно-насмешливые, ласково-строгие реплики, покрики и то чередование, немотивированное, из "ду" и "зи"⁶¹ ("ты" и "вы"), которое так к нему шло: то "виссен зи, херр Бугаев"⁶², то "ах, ду, гутэ зееле"⁶³, — не удивляло нисколько; и не страшили порой пылкие наскоки Зеллинга, когда он, растрепав каштановые мохры и посылая гневные пламена [гневный пламень] из-под очков выскакивающих темно-синих глаз, обрушивался потоком едких укоров, взятых в превосходной степени; у меня всегда было представление, что Зеллинг, похлопывающий меня по плечу, вдруг, ставив с ноги домашнюю туфлю, ею меня — тут же, в присутствии посторонних, — по голове: шлеп-шлеп-шлеп! Ничего! На наскоки Зеллинга отгрызались. Бывали и ссоры с Зеллингом. Но и ссоры, и дружбы — в плоскости уютно-сказочной, непроницаемой трехмерной логикой; он "паинек" не любил; его влекло к диковатым, несуразным правдивцам, бунтарям, способным учинить озорство, которым вот уж нельзя было удивить Зеллинга; он сам о себе любил рассказывать странные диковатые вещи, называя себя в третьем лице: "Дер альте Зеллинг!"⁶⁴.

Можно подумать, что я говорю о каком-то рассеянном чудаке: ничуть не бывало; Зеллинг вел в крупном масштабе ответственную работу; библиотеку держал в строгом порядке; в берлинской ветви все было в строгом порядке, — в таком порядке, что можно было бы подумать, что где-то сидит эдакая сухая фигура "аппаратчика", наводящего порядок, на этого дико летающего человечка — с криками, шутками, с проказами, с излияниями; а он [а он-то] и был *порядок*: летающий порядок, текучий "аппарат". И он

мог где нужно подтянуть, навести страх, вырвать с корнем какое-нибудь злоупотребление. Но все это делалось само собой.

Рудольф Штейнер указывал, что новая логика, к которой придет будущий человек, обоснуется [оснуется] не на систематической представляемости, а на текучей: у Зеллинга не было системы, а порядок *тек* в какой-то бьющей фонтаном метаморфозе; вернее: не сам "порядок" был порядком его, а то, что мы называем порядком, было составной малой частью большего, им достигнутого: конкретной имажинацией и моральной фантазией, проведенной в жизнь.

То, что сначала казалось чудачеством, сказочностью, неприятельской простотой, почти детскостью, было своего рода трудным подвигом, напоминающим подвиг юродства, правилом новой жизни, от которого он не отступал никогда, за которое много терпел от непонимающих, воинствующих рыцарством, за броней которого пряталась конкретная мудрость.

Полная противоположность доктору Унгеру: логизирование и отсутствие рассудочной логики (при Разуме), взвешивание и отмеривание каждого шага и никогда никакого взвешивания: импровизация из сердечной инспирации: "Знаете, как я говорю, — объясняет мне Зеллинг, приехав в Дорнах и зайдя к нам ужинать. — Я открываю рот, — и — ничего: но я знаю — пришло то, что я должен сказать, оно — и тут вот", — и он показал на сердце. "Я — жду, чтобы внешние мысли не замутили; и меня ждут; а большая мысль не приходит. И вот чувствую — пора говорить; и говорит не "старый Зеллинг", а кто-то другой. Кончил, — и опять: только "старый Зеллинг". Рассказывая мне это, он, выскочив из-за стола, произвольно присел чуть ли не на корточки, заглядывая на меня огромными, строгими, синими глазами, расширенными с каким-то невыразимым выражением и напоминая в эту минуту мне иконописный лик старого новгородского письма, реставрированного от копоти, — лик... ангела... написанного Рублевым; странно сказать: бритый муж (под пятьдесят лет), с большим носом, в очках, в черном сюртучке, но — сидящий странно на карачках, и... рублевский ангел; а между тем в чем-то неуловимом да: только с древней иконописью мог бы сравнить его; употребляю выражение "ангел" не в смысле "миловидности", "красивости", "конфетности", а в смысле суровой дорической строгости, горности и какого-то "со страхом Божиим", которым он сопровождал это неожиданное признание, как бы перстом руки грозя: "Не предай духу тьмы слов моих, чтобы признание мое не обернулось в тебе грехом". И не ему бы сидеть почти на карачках, а мне бы сидеть под ним, сложив руки и принимая звучащую мне весть о тайнах мудрости, в которую он уже введен [зведен уже], а я — нет.

И этот строгий Зеллинг, страж храмового порога, крылатый рыцарь (с невидимыми пурпурными крыльями за плечами) в воспоминании этого случайного мига мне скликается с образом доктора Пайперса, изображающего в 3-й мистерии видение св. Бенедикта Капезию, — Пайперса с развешенным пурпуром риз и как бы летящим в странной позе (брошенные, как бы в пространство, руки и ноги); помню, как Пайперс, выдерживающий

эту позу до 20 минут, меня потряс: жест [жестом] изображения. Еще более потряс меня Зеллинг, тем строгим лицом, который мне стал виден в минуту его будто бы "излияния" (а на самом деле назидания)⁶⁴.

Так и остался жить: внутренним рыцарем, охраняющим мечом вход в Мон-Сальват.

Большой нос, всегда начисто выбритый, всегда в скюртуке с развевающимся на груди бантом, с густой, пушистой, непокорной шевелюрой (с сединами), в очках с черной оправой, — вот он несется от билетного столика в лекторскую, опустив нос и строго, почти свирепо, метая из-под очков синие, не то испуганные, не то нападающие на что-то глаза. Или: вот он, закрутив мохры в рога и прицепив к фалдам хвостик — настоящая "Юла", изображает "чертика" в рождественской мистерии (текст XIII-го столетия)⁶⁵; или вот он, странно надвинув черную шляпу с огромными полями, вихрем несется вдоль дебаркадера "Унтергрунда"⁶⁶ на Ноллендорф-плац, влача свою жену, эвритмистку, шведку (урожденную фр. Флак), прекрасное, мудрое существо; оба меня не видят, а я вижу, и думаю: "Эта пара — настоящий ураган!" Что думает публика? "Публика" не думает; если б подумала, остановилась бы и спросила себя: "Из какого мира в какой несется эта горняя пара духовных существ, пересекая земную орбиту в точке Берлина?"

Таким мне видится Зеллинг. Полет от звезды к звезде сквозь Берлин, где след его прохождения — вечные переполохи людей, не могущих освоиться с быстротой темпа текучей представляемости, которым этот темп кажется алогизмом, почти сумасбродством, — не доктору, который его отметил и высоко поднял в гиератическом отношении на внутренних собраниях; кто имел счастье на них попасть, — никогда не забудет роли Зеллинга в них; и тому станет понятным, что строго-синий, иконописный луч больших глаз из-под очков, пронизывающий Зеллинга-добряка, Зеллинга-шутника, Зеллинга-хлопотуна, есть взгляд ангелической скорби, вперенной в муть зла мира сего и говорящего этому миру строгое, гневное, непримиримое:

— "Не принимаю: отдаю огню и мечу!"

Таков строгий Зеллинг, живущий в добряке Зеллинге: Зеллинг-эзотерик.

Этот уже ныне поседевший старик, старик из стариков (в смысле состава учеников), одно время бывший двуногою берлинскою ветвью, так что казалось мне, что у ветви есть очки, она ходит в скюртуке, носит бант и каждый день бреется, — этот старик в 23-м году ворчит на "ветвь", не посещает общих собраний, возглавляет собрание юношей — бунтарей, провозглашающих ультралевые лозунги, и, вскочив на трибуну с протянутой рукой, грохает почтенному, себя уважающему собранию: "Да, среди нас есть блуждающие клоаки". Шум, негодование, требование взять обратно слова. Но Зеллинг, вскочив вновь на кафедру, блестяще мотивирует свой вывод и в заключение грохает с большим треском: "Блуждающие клоаки!"

Так передали мне одно из его выступлений в 23-м году; и я подумал: "Вот это Зеллинг, — тот Зеллинг, гневу которого я не хотел бы подвергнуться; праведен гнев Зеллинга, потому что Зеллинг — праведник!"

Я утверждаю это не в переносном, — в буквальном смысле.

В это время Зеллинг, отдающий свои силы молодежи, весь с головой ушел в музыкальную эвритмию, руководимый женой, учительницей эвритмии; моя знакомая, учившаяся у его жены, рассказывала мне, с каким огнем "старый", седой Зеллинг, сняв спортушок, отдавался движению: в его легких прыжках, прыжках до чрезмерности, несколько утрированных, не было ничего смешного; была сила, легкость и отданность делу.

В это время я встретил Зеллинга, на Моц-Штрассе; он схватил меня за руку: "Мы живем почти рядом: у меня впечатление, что мы должны видаться по крайней мере два раза в неделю: почему же мы не видимся!" Я, переживавший в то время мрак, отчаяние, засып, почти вырвал руку из рук Зеллинга, почти крикнул ему: "Хорошо вам, счастливым... оставьте в покое нас, — одиноких, погибающих!" — "Нет, я вас так не отпущу!" — вскрикнул Зеллинг. Между нами завязалась почти борьба, в результате которой я через два дня очутился у Зеллинга и высказал ему все, что накопилось у меня за время двухлетнего молчания почти около него (мы жили на одной улице). И я услышал от него удивительные, мудрые, сердечные, проникнутые жаром любви и понимания слова; говорил не шутник Зеллинг, не Ангел Зеллинг, не Зеллинг-меченосец, а мудрый — мудрый, старей, измученный страданиями, всепонимающий христианин.

И теперь, если бы я попал в Берлин, первый мой жест, стремительный, бурный, — ворваться к Зеллингу, его обнять, его благодарить: *его слова прожгли меня.*

Так может прожечь только "эзотерик".

Так говорил он, внутренний ученик Штейнера.

13

Другой берлинец, непроизвольно вырастающий ярко из толпы антропософов, Курт Вальтер, как и Зеллинг, обитающий в знаменитом подъезде "Моц-Штрассе Зибцен", плотный, несколько увалень, с задумчивыми, умными глазами, с восторженными усами, глядящий исподлобья перед собой и точно вас не видящий, он всякому, кто поживет [проживает] в Берлине, скоро делается [делается] близок. "Наш Вальтер", — хочется о нем сказать.

Вальтер — полная противоположность Зеллингу: не суетится, не вертит делами, не отдает А. О. дней и ночей; он служит в почтамте, дослуживаясь до пенсии; несколько лет назад с ним случился удар, после чего все проявления общественной жизни Вальтера свелись к минимуму; рассеянный, ни за кого не зацепляющийся, с виду малообщительный, он тем не

менее — центр: идут к Вальтеру посидеть, перекинуться словом, послушать Вальтера; дома этот с виду бирюк — теплейший, гостеприимнейший, сажает вас в кресло своего небольшого кабинетика и не занимает, но продолжает вслух думать о том, о чем думал до вашего прихода; и вот эти-то думы Вальтера с самим собой и влекут к Вальтеру. Прежде он был и лектором; теперь он редко выступает с лекциями; он — какое-то сочетание перипатетика с Диогеном — не потому, что живет в бочке (на бочку не похожа его маленькая, уютная квартирочка), а потому, что, как и Диоген, которому ничего не нужно, Вальтер живет не тем, что философствует у себя в *квартирке*, а тем, что философствует: и посади его в бочку, на московскую тумбу или на пустой тычок железнодорожного сооружения "Глайхс Драй Элк", он не заметит, где он; он живет в мысли, оживляет мысли (мысль его конкретна), и этой оживленной мыслью он освещает пространство вокруг себя: ищет человека, антропософа: или — ищет признак человеко-мудрия, и когда увидит его, — весь изменится: куда девается утрюмый, насушенный вид, с которым он стоит посередине помещения ветви, глядя перед собой и загораживая людям проход, так, что его толкают; он, вдруг, просияв, идет с широко расплывшейся улыбкой, как-то медвежовато переваливаясь, подает теплую, широкую, крепкую свою ладонь и радостно рокочет басом.

Позднее, ближе поняв его, я, [и] видя его утрюмо стоящим, думал: "Рыболов сидит над удочкой: удит рыбу". А если Вальтер загудел, оживился, нашел кого-то в толпе, тут же невзначай кого-то толкнувши локтем, знаю: "Рыба клонула".

Его задумчивые глаза — фонарь Диогена; его мрачный, покрытый поперечными морщинками, точно плачущий лоб, контрастирующий со свирепою подчас всклокой черных усов, — сама мысль, квартира Вальтера, взявшего его в себя, так что ест, спит, ходит Вальтер в своей собственной голове, а эта голова в постоянном кипении что-то выковызывает, чего-то ищет. Если Унгер — абстрактный теоретик, черпающий в опыте медитаций материал к мысли и ее заостряющий в понятие, Курт Вальтер, не довольствуясь опытом своих медитаций и жизнью мысли в себе, ищет подтверждений, исторических цитат, просто цитат к какому-то весьма ценному становлению "своей системы", которую он и не напишет, не произнесет, но к которой он расчищает пути. Ценно в нем именно это становление мысли, — без конца, без начала — брожение, вас заражающее, пришли вы сегодня к нему, и он, усадив вас мрачно в кресло, тотчас продолжает разговор с собой: "Я всегда думал, что у Меринга..." И Меринг — раскрыт перед вами, оживлен; и Вальтер оживлен, и вы; и все становится текучим подглядом в какие-то новые возможности антропософски видеть то, чего антропософы вокруг не видят. Придете в другой раз, и Курт Вальтер — вам, продолжая свой диалектический метод: "Нет, вчитайтесь в Нострадамуса: лежит вот текст и никто не заглянет". И — удивительно все станет интересно, живо, современно в... Нострадамусе.

В 1912—13 годах он часто читал в берлинской ложе: читал прекрасно; а говорили: "Пувано что-то: ничего у Курта Вальтера не поймешь". Да,

мысль его была трудна; и самое трудное в ней было многим то, что — ни одной мысли Штейнера; т. е. он-то и был мыслью Штейнера, потому что существенная черта этой мысли, взорвав предрассудки в головах других, вырвать их из головы-футляра, что случилось с Вальтером; и он, вырванный из "старой головы", путая, бросаюсь глубочайшими подглядами, вскипал лекцией, дико крича на нас и не видя нас, точно анархист-террорист, бросающий бомбу; и я вздрагивал и несся в мир его сравнений, геометрических фигур, подстреливающих домыслов; и думал: "Хорошо, очень хорошо читает Вальтер"; а слышал — "Туманно, знаете ли".

Если у Зеллинга текучая представляемость стала ритмом его жизни сердца, ее умудряя, у Вальтера текучая представляемость, расплавив коросту его мозга, хлынула становлением образов, отепляя сердечно мысль; Вальтер сердечно мыслит; Зеллинг разумно выявляет [выставляет] сердце само; и оба об одном, между ними встающем: мыслечувствие, сталкиваясь с чувствомыслием, вместе являют этапы схождения: ума в сердце.

Курт Вальтер в личной жизни — прекрасный, добрый человек, постоянно отдающий в распоряжение залетным друзьям свое помещение; то у него живут пролетающие в Норвегию из Дорнаха эвритмистки, то еще кто-нибудь. Встречаю А. А. Т.: "Куда пойдём?" — "Да к Вальтеру: ключ от квартиры у меня. Сам он уехал; мне отдал [Сами они уехали, мне отдали] ключ для пользования". Встречаю Н. А. П.: "Идем ко мне, т. е. к Вальтерам: я живу тут у них". Иду к Н. А. П.: Вальтера не видно. Только потом — стук, стук: "Можно?" И в дверь просовывается добрая голова Вальтера: "Я с вами немного посидеть"...

В Вальтере ценна воистину свободная философия в процессе разрывания пут, которыми окутана рассудочная мысль; и в Вальтере сам опыт мысли становится мистерией Пути Посвящения⁶⁶, подводя его к грани, где "испытание мысли" — акт этого посвящения. И в 12-м году, и в 23-м он напоминал мне разные стадии очень нам, антропософам, известной фигуры, — фигуры профессора Капезия четырех мистерий Штейнера; и глядя на Вальтера, задумчиво мрачно стоящего посреди битком набитого зала, ничего не видящего, ибо и здесь продолжает он свою жизнь, жизнь мысли, я думал: "Вот он, профессор Капезий, сквозь мысль, видит, как —

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел⁶⁷.

Профессор Капезий — профессор, а Курт Вальтер и не профессор, и не доктор, а бедный чиновник почтамта, а он стоит десятка профессоров с их трудами и лекциями, потому что он остро мыслит, сам все продумывает от начала до конца, потом уже ищет справиться в литературе, у классиков, как на эту, им продуманную тему высказались те или эти.

Читавшие 4 мистерии Штейнера видят профессора Капезия стоящим у алтаря гieroфанта: в Солнечном Храме; и я вижу Курта Вальтера стоящим у алтаря Невидимого Храма, потому что он — внутренний ученик Штейнера.

Говоря о берлинцах, надо упомянуть о той, которая и не Берлин, и не Штутгарт, и не Дорнах даже, но которая долго жила в Берлине, работая с доктором; его верная ученица, его многолетний секретарь, его друг, его обергегатель, потом его жена* фрау доктор Штейнер, урожденная фон-Сиверс, или для русских — "Мария Яковлевна".

Она не связана с географическими центрами, ибо она сама — центр: и центр — огромный.

Именно "огромность" этого трудно охватываемого центра, напоминающего порою не центр, а центр плюс периферия, т. е. 95 разбросанных в самых разных странах ветвей, где представлен и Каир, и Австралия, — и являет трудности. Когда-то в "Первом свидании"⁷⁰ я писал, как мы, юнцы, высказывали на Арбат, разговаривать

О Бrame,
О Вечности, Огромной Даме", —

и вместо Арбата начинался лёт пролеток в Вечность: так Мария Яковлевна являлась в иные минуты многим той Огромной Дамой, т. е. Дамой с огромной аурой, или неким солнечным диском, после чего эти многие бегали с зажмуренными глазами, махая руками и непроизвольно стеная: "Что с вами?" — "О, о, — Мария Яковлевна!" И я уже знал смысл этого "О, — О!". Ослепила, сожгла солнечною атмосферою в много тысяч градусов в то время, как стоявший рядом ничего не видел [как стоявшие рядом ничего не видели]. Так "Огромная Дама" являлась мечом разделения на две партии — искони: не увидавших М. Я. в ее сиянии, преображении, или ауре, и видавших, или даже еще не видавших, а лишь тронутых павлиньим пером солнечного ее луча, когда она, проходя с букетом роз или ландышей, сияя лазурью глаз и золотом волос, расточала свою милостивую улыбку, которая бывала иногда не улыбкой, а солнышком. Это — для "видавших виды"; а не видавшие "видов", видывали иные виды от М. Я.; эти утверждали: "Сухая, чопорная, несправедливая немка!" Это говорили русские; немцы же говорили иначе: "Сухая, чопорная, несправедливая русская!"

И между "партиями" шел спор в годах!

Доктор души в ней не чаял. И, конечно, — более нас, любивших доктора с последней горячностью, любила она его: как учителя своего "внутреннего", как необычайное мировое явление; и эта добела раскаленная любовь порою казалась льдом, обжигающим там, где она подозревала, что это явление берется не так. — "Да, обливают доктора кипятком любви, чтобы потом от него отвернуться!" — говаривала она нам, видя наши блистающие глаза: многое видела она на своем веку!

* Доктор венчался с нею формально, чтобы избавить ее и себя от недопустимых разговоров.

Рудольф Штейнер пишет в своем "Как достигнуть..." о том, что предлагаемые разъясняющие "вехи" пути суть "вехи" для нормального среднего человека и что, разумеется, бывают иные пути, но, поскольку они редкое исключение, он не говорит о них⁷². Думается мне: М. Я. была этим исключением, не поддавшимся учету, даже антропософскому и в сверканиях своих достижений, и в остро ощущаемых недостатках.

И здесь точка. То, что я пишу, — не характеристика, а отказ от нее, или формула перехода к более мне доступным характеристикам.

15

Не перечисляя ряда крупных деятелей берлинской ветви, среди которых встречались благороднейшие фигуры, работающие ученики и ученицы, как графиня Мольтке, лектора, как профессор берлинского университета Бек, или в мое время в Берлине живший северянин-немец, Вальтер Кюнз, особенно интересующийся славянством, или в 21—23 годах там действовавший, как говорят, "внутренний" Майер, я отмечу, что ряд глубоко проникших в антропософию учеников Штейнера был разбросан по городам Германии, действуя в той или иной ветви и появляясь изредка в центрах с докладами, диспутами; и потом исчезая надолго; о многих я ничего не могу сказать точно, разве так: фрау Вандрей (лекторша) производила на меня приятное впечатление, а председательница Лейпцигской Ложки, писательница, фрау Вольфрам, написавшая книгу о Парацельсе, производила на меня неприятное впечатление приторной помесью в ней литературного "сецессион"⁷³ с "Мистише Коммуньон"⁷⁴ на подкладке из злости.

Но касаясь Бауэра, Штинде, Унгера, как не отметить старинную ученицу доктора Матильду Шолль?

В Кельне председательница ветви, симпатичная, бледная дама (фамилию забыл, нечто вроде "Диннер"), конечно, во всем следовала за Шолль; Шолль-то и была корнем Кельнской Ложки (тоже — центр); но характерно, что председательствовала не она; ее стиль: коренясь весьма внутренно в ассоциации людей, сгруппированных вокруг Штейнера, избегать всякой общественной роли; ей не шло заседать, вести заседания; она видится мне крупной умницей, индивидуалисткой, откровенно не принимающей на себя жертв; и не только не запрягающейся, как Унгер, в тяжелую сбрую, чтобы тащить фуру общества, но и с известным правом отлынивающей от всяческой суеты сует. Мне рассказывали случай, с ней бывший (передаю за что слышал, не ручаясь [не ручаюсь] за точность передачи); послали Шолль в какую-то ветвь, где нужно было руководство, ведение занятий; ответственного лица не было; Шолль получила командировку; и как говорят, сбежала, к огорчению доктора и лиц, давших ей эту нужную общественную работу.

Не знаю, насколько это действительность, насколько миф; допустим — миф; но он точно отражает в Шолль нечто; это — ее анархизм, упорство,

некоторая упрямость, выглядящая ленью; конечно, все эти черты ее от какой-то думы в крупном масштабе; отсюда же ее рассеянность; ее свое — "математика"; "во время оно" Рудольф Штейнер сам преподавал ей высшую математику, которой она отдалась; и тут — ключ к Шолль. В детстве я видал много математиков, начиная с отца; в математиках есть нечто, отделяющее их от всех людей; я чую математика за версту.

При первой же встрече с Шолль мне показалось, что я ее где-то видел: пахло чем-то стародавним, давно знакомым; когда мне сказали, что математика ее "предмет", все стало ясно мне: и рассеянность, и упорство самостоятельности, и отрешенность, и то, что кажется... ленью; это — не лень, а отданность особому созерцанию, из которого силком не выгонишь на работу. Однажды я слушал фортраг Шолль, где дело шло о соотношениях многих измерений, — очень трудный фортраг, сырой по форме, внешне скучноватый, но очень крутой; то, что выблискивало мне из него, — захватывало водоворотом глубины, но точно покрытым из педагогических соображений антропософской популярностью; точно Шолль не верила в слушающую ее публику, поднося пилюли в слишком конфетных завертках, как для малых детей. Она была права: средний уровень А. О. невысок; и мне кажется, что Шолль слишком его видела, отчего и отстранялась от работы; будучи в Кельне внутренне "всем", она предпочитала не нести внешне председательских функций, спокойно сидя за спиной бледной, исполнительной, очень скромной председательницы (кажется... "Диннер").

Впечатление от Шолль: сидит, тяжело сидит; и, вероятно, сразу на двух креслах, у которых отломили по ручке, дабы они составили одно кресло: кресло Шолль (в обычном кресле она бы завязла); и когда огромная Шолль двигалась среди толпы, ее было видно отовсюду, ибо она всех как бы превyšала на голову; двигалась она медленно, всегда ведомая; но казалось и тогда, что сидит в двух креслах, несомая мисс Гаррис и мисс Рикардо.

Отстраняясь иногда от социальных жертв, она приносила индивидуальные жертвы, сосредоточивая свое внимание на ком-нибудь, дружа с кем-нибудь, отдавая кому-нибудь свои часы, опыт, знания; в мое время она жила, дружила, вероятно, "воспитывала" двух интересных американок, проходящих "курс" жизнью [жизни] при докторе: мисс Рикардо и мисс Гаррис; может быть, она готовила для Америки будущих руководительниц. Одно время фрейлейн Матильда Шолль призывала нашу тройку (меня, А. А. Т. и Н. А. П.) каждый день; и часа полтора-два развешивала нам интереснейшие перспективы, вводя в антропософию, так сказать, наперерез всяким вводительным кружкам: тут и проблема иерархий, и проблемы красок: очень круто, очень непопулярно, очень блестяще; но этого-то нам и нужно было. Все это производилось под флагом репетирования нас в немецком языке; никакого "немецкого языка" не было, а была очень яркая антропософия из уст очень яркой, крупной антропософской умницы.

Так в отношении нас фр. Шолль выказала огромную любезность; скажу более: самопожертвование; но это был опять-таки... индивидуальный поступок.

Не хочу сказать, что Шолль не играла роли; но она коренилась не в периферии, а в корнях движения, подавая умнейшие советы, принимая ответственнейшие решения; внешне же держалась как бы в стороне; и я понимаю ее: вариться в том, в чем варились многие, я бы не мог; тут надо было быть Унгером, т. е. человеком, варящим кости; тут надо было быть Штинде, т. е. родиться первохристианским епископом; Шолль не была им; она, скорее, мне видится некоей Гипатией^{75*}, сидящей в Серапеуме и преподающей геометрию на фундаменте неоплатонизма.

Огромного роста, более чем дородная, обладающая гигантским основанием, так сказать, фундаментом корпуса, розовая, белокурая, с маленькими прищуренными, несколько иронически глядящими глазами, закрытыми золотыми пенсне, но весьма любезно и добродушно улыбающаяся, она сидела, а если стояла, то склонялась вперед, неизменно нагибаясь, ибо все было ростом ниже нее; ее гладкая прическа с пробором, простой узел волос на затылке, откровенно лиловая или откровенно синяя шелковая кофточка так и видятся мне всюду, где были соответственно часы жизни А. О.; но ничто ее не смущало: всегда ровная, любезная, цветущая, рассеянная; и, вероятно, всегда: не без созерцания каких-нибудь головокружительных вращений, например, икосаэдра вокруг трех осей⁷⁶.

Мисс Гаррис и мисс Рикардо ее любили ужасно; и я не знаю никого, кто бы мог сказать что-либо против нее. Ее все уважали, склонялись перед ее умом, опытом; и утверждали: Шолль — внутреннейшая ученица.

Но точно нарочно в ней подчеркивалось перед всеми: крупная умница в экзотерическом смысле; и не знаю, было ли это "тенью", особого рода светскость, или все же, рассудочный интеллект ее перерос ее "эзотерический" интеллект. Более всего она напоминала мне ученых женщин. Глядя на нее со стороны, можно было сказать: вероятно в ней таится не нашедшая [себя не нашедшая] Софья Ковалевская; отдай она математике всю свою жизнь, она вписала бы в историю математики свое имя.

Шолль — первая моя встреча с антропософами; в первый же день встречи с доктором, когда я попал в Кельн, я столкнулся с Матильдой Шолль; она была мне и *благой вестницей*; я не знал, примет ли меня доктор (он был страшно занят); после публичной лекции в уже опустевшем зале ко мне, переваливаясь, подплыла Матильда Шолль, села рядом и, склонив ко мне свое розовое, ровное, любезно-улыбающееся лицо, сказала: "Вас ждет доктор там-то, тогда-то: завтра!"

Позднее, когда я занимался Гете и зная, что она работала над естественным Гете и над комментарием к нему Штейнера, я понес ей свои недоумения относительно понимания и, главное, выводов из ряда методологических тонкостей. Она удивила меня знанием текстов, ссылок, комментариев, цитат, но откровенно отказалась распутать мне *мое*; видно, она когда-то много работала тут, но давно отошла от этой плоскости работ доктора; начетчицу я видел, а помощи не встретил; оно и понятно; я слыш-

---

* Ипатия.

ком врзался в свою специальную линию; Гете стал мне и кавалерийской атакой, которой я громил иные из позиций сегодняшнего дня.

Вскоре после свидания с Шолль, она явилась ко мне с просьбой одолжить ей том Гете ("Кюршнеровского издания"); в Дорнахе у нее не было естествознания Гете; я увидел, что я задел в ней какую-то струнку, может быть, ее годы изучения именно этих вопросов; и ей захотелось заработать: для себя самое. В ней заварилась какая-то исследовательская мысль; я убежден: если бы диссертация о работах доктора по Гете была бы написана Шолль, а не Штейном, это было бы событием.

Но Шолль, как большинство внутренних учеников первого призыва, поразительно мало писала; и больше думала; я полагаю, что, если бы иные из современных "докторов" от антропософии меньше бы писали и больше б думали, вываривая свои мысли, как Шолль, Унгер, Вальтер, Бауэр, Пайперс; и наоборот: если бы эти последние больше б писали, несколько уменьшив к себе свои "строжайшие" требования, — антропософская литература приобрела бы больший удельный вес, ибо Шолль, Бауэр, Вальтер, Унгер видятся мне подготовляющими лабораторию материалов для будущих новых "систем" мысли в большей степени, чем легко говорящие и легко пишущие, часто очень талантливые и скорые на дело мысли "Штейны". Тогда имели бы мы не только сборники "взглядов и нечто" на новые идеи в математике, физике, химии, истории, а как знать: не фундаменты ли к новым основам самой математики, физики, химии.

И конечно: имели бы новую всемирную историю.

16

Я отметил в обгих словах лишь группу германских деятелей эпохи 12—16 годов; были в Германии ряд других внутренних учеников Штейнера в описываемую эпоху, до нее, после; ввиду ограниченности места я лишен возможности охарактеризовать ряд других деятелей, принадлежащих к иным странам [органам]; хочется лишь назвать барона Валлена, яркую, крупную фигуру, — это деятель Скандинавии (швед); вспоминается мне умная, твердая, образованная, интересная фрау Гельм-Гойден, председательница Христианийской [Христианской (Осло)] ветви; встает благородный образ графини Гамильтон (шведка); вспоминается сердечный, исстари в Англии пламенеющий "делом" Штейнера Колисон; вспоминаются и иные, — знакомые, полузнакомые, образующие передовую фалангу деятелей. Все это — яркие, сильные духом, оригинальные личности. Слыша нелепое обвинение, бросаемое Штейнеру в том, что у него нет яркой школы, я всегда улыбался, такой яркости во внутреннем смысле я нигде не встречал: "эзотерики" моего времени в разрезе внешне культурных устремлений — фигуры разнообразнейших вкусов, специальностей, классов: мистик-философ Бауэр, практик-художница Штинде, естествоиспытатель д-р Пайпере, поэт Моргенштерн, математичка Шолль, вольно мыслящий

Вальтер и твердо мыслящий Унгер, теософка Фелькер и теолог-пастор Риттельмейер, — где встретите вы такое своеобразное сочетание людей, из разных обитателей культуры пришедших к праксису самосознания и достигших в этом большого углубления? Они схватывались; композиция целого, коллектив, являла мощную картину, отражавшую Рудольфа Штейнера; каждый из этой коллегии людей был отмечен непередаваемой печатью; об этой печати, о стиле ее, как не скажешь: "Он вел где хотел и как хотел; и не ты знал откуда он приходил, куда уходил"⁷⁷. Так только можно выразиться о внешней деятельности "эзотерика"; и то, что веет, приходит и уходит, чего не ухватишь руками, не зарегистрируешь словами и меньше всего измеришь заслугами, — "конкретный дух".

Конкретное биение этого духа мы слышали вокруг Штейнера; это — не только Штейнер; это Штейнер и его ученики; и подчас: это — *ученики учеников Штейнера*. Каждый имел своих видимых и "невидимых" учеников, явных и тайных. Это те, чьи души делались видимыми без покрова в минуты, когда ты был приподнят выше себя; и могу сказать: круг этих душ, в котором я только в лучшие минуты себя ощущал впаиным, виделся мне твердой оградой некоего воздвигаемого храма, — менее всего "общества", ибо все то, что я описывал [описываю], было в стороне от уставов, параграфов, вне решения голосованиями, вне твердого, земного быта; оно — влияло, поднимало, бодрило, омолаживало не в общественных рамках, где любой идиот имел права не меньше, чем Бауэр, и где Бауэр в иные минуты общего огрубения был лишен какой бы то ни было возможности склонить решение А. О. в ту или иную сторону.

И тот хоровод душ, о котором я говорю, являясь внутренним проводником Антропософского Импульса, никак не проявлялся; не ищите в "анналах" движения всего того, о чем я говорю; в "анналах" — грубые факты, решения, резолюции; и — ничего "эзотерического".

17

По мере разрастания А. О., по мере обрастания его внешними заданиями, растворенность незаурядных, крупных в эзотерическом смысле личностей уже не могла так явно окрашивать среду общества, которое, теряя пурпурный оттенок претворенной в свет крови — бледнело, розовело; и — становилось... "водицей": с пеной книг, съездов, талантливых с точки зрения обычных критериев, талантов, но все более бездарных в том выявлении внутреннего стиля, который я застал в А. О., и который был, вероятно, еще гуще до меня, когда общество насчитывало лишь сотни членов, но зато эти сотни, пронизанные аурой внутренних учеников, невольно видели их, невольно почитая за "старших", невольно очищая "старшим" возможность быть "общественниками".

"Эзотерик", выбранный голосованием не "эзотериков", может встать [стать] во главе и общественности; только, он не может употребить силы

своего влияния на свободу проявления социального темперамента каждого из нас. И потому-то, когда средний уровень перерастал уровень глубины, разрастаясь ширишь с ненормальной быстротою, глаза этого уровня закрывались на явления, внутри которых "дух дышал". И "эзотерики" тихо, не проронив ни слова, один за другим исчезали; и Бауэр сел в Аммерзее, и Пайперс исчез с горизонта, и Унгер оказался "не у дел", и Риттельмейер развил "дело" свое вне А. О., и Штинде умерла, и... сколько этих "и" следовало бы мне приписать. Уже с 16-го года я видел рост этого "и": и, и, и; в 21 году, оказавшись среди потока речей, книг, издательств, видя рост предприятий, я видел главным образом: "и... и... и..."; я выражал свою грусть старинному ученику доктора: А. В. С.; но он мне ответил: "Я спрашивал доктора недавно: как быть с эзотеризмом? И знаете, что мне ответил доктор? Он подошел ко мне, посмотрел молча на меня, развел руками и с грустью сказал: "Ответьте и вы мне: где эзотеризм?" — Вот как он мне ответил".

"Эзотерики" — были; только: они стали невидимы; на то и эзотерик, чтобы быть невидимым там, где видение "стиля" его, "печати" его лишь соблазн, вызывающий общественный беспорядок, мешающий аппарату А. О. работать в государственном масштабе.

"Эзотеризм" и "общество" — "контрадикцию ин адъекто": но эзотеризм может окрылять и общество, когда в обществе есть глаза видеть "крылья"; печатать книги — не его дело.

18

То, что я встретил в "обществе" в 12-м году, менее всего походило на общество; это был до-исторический, так сказать, патриархальный строй; не было аристократии, буржуазии, демократии; не было "классов" в том, что нас притягивало; нас притягивало то "внутреннее", чему учил Штейнер; притягивали и "внутренние" и им наученные; была и организация, но — невесомая; "стиль", но неукладываемый в устав; характерно: задолго до отделения от "Теософического общества" никакого "теософического общества" не было во внутренней ассоциации Штейнера, учеников, учеников его учеников, руководимых ритмом — магнитом, располагающим имеющих глаза и уши в какие-то "хладниевы фигуры"; и была, уже и тогда, "масса", не подчиненная этому ритму, ибо его не слышавшая; и этой массой обрастал кузов судна, на котором плыли вместе со Штейнером и его ученики "имеющие уши", какое им было дело до обрастания кузова: теософами, тетками, немецкими мещанками, низким уровнем понимания?

Возьмите группу близких учеников Штейнера в его "теософский" период: это — Риттельмейер, христианин, пастор; это Унгер, не переносивший "теософию" и воевавший с теософским уклоном Фелькер; это Бауэр, старый христианский "мистик" и философ; это — Штинде, "первохристи-

анка", это Шолль, которой Лобачевский был в тысячу раз интереснее какого угодно Вивекананды.

Да и само "теософическое" раскрытие Штейнером, например, англо-логических проблем — раскрытие на базе Дионисия Ареопагита; что общего между углублением исторических проблем Афинской школы апостола Павла и... произведениями Ледбитера, Мида, брамана Чартерджи и прочих... "сочленов"!

Общества и не было: была внутри него действовавшая в нем *суи-генерис* Флорейнтгйская Академия, долженствовавшая деятелей этой академии вывести из теософского "общества".

Напомню: устав А. О. слагался скорее, как внешняя необходимость оформить деятельность по существу не "общественной" академия, ассоциации из свободы. И весь 13-й год плыли на случайностях "устава наспех", пока в движении корпуса корабля не ощутилась тяжесть; исследование открыло: моллюски и водоросли выросли безобразною массою; их надо было либо отсечь, либо организовать.

По-моему: поворот к обществу — собственно в его бреним "общественном" смысле начался не с теоретической детализации "устава", а с практического вопроса — что делать с неминуемым обрастанием?

Чем обрастали и почему обрастали?

С быстротой обрастали случайным элементом, с неудержимою силой проникающим сквозь все формальные, заградительные заставы; что делать с человеком, которого Штейнер потряс, который высказывает согласие на все, что ему предложат: "Читайте литературу!" — он читает, выучивает наизубок; и даже: гладко рассказывает, что, где, как и почему. — "Нужно пройти вводительный кружок, чтобы ознакомиться с самой культурой чтения". — Он — отсиживает: проходит. На все параграфы устава он идет; более того: рвется в бой с грехом "мира сего". Наконец: 80 процентов из так приходящих имеет еще личный, моральный мотив: семейное несчастье, разочарование в "мире сем"; чаще всего: бешеное желание... работать "внутренне". Словом: сколько я ни ломал головы над теоретическим измышлением правильного отбора людей, которые могли бы группироваться вокруг Штейнера, я не мог найти средств против вторжения в А. О. людей, ему чуждых. Платформа Штейнера: "Говорю в мир, для мира: не делаю различия между "профессором", "рабочим", "кухаркой", ибо и "кухарка" может оказаться способней профессора в Пути". Это правильное *a priori*, в фактическом его приложении к жизни отдавало Штейнера во власть часто случайно за него зацепившегося потока людей; поток никогда не виделся потоком, а появлялся в виде просачивающихся одиночек в десятках центров, в разных странах; и вдруг, стекшись на генеральном собрании, образовывал внушительную и голосующую толпу, внося быт, враждебный Штейнеру, — внутрь движения.

Вот что я называю процессом обрастания.

До некоторого времени организация, свободно легкая (выборные гарантии, группы, советы), имела минимум "государственности"; "государствен-

ность” — предлог оформить возможность Штейнеру продолжать его культурное дело, по существу анархическое, если сравнить это дело с заданиями обычной общественности; А. О. в 12-м и 14-м годах скорее “мимикрировало” общественность; проблема культуры Гетеанума — вот нерв жизни общества; он строился почти анархическим способом.

В ответ на рост государственности внутри ассоциации учеников — Штейнер дал социальную “утопию” о том, как ликвидировать “государство” внутренним способом; я говорю “утопию” не в смысле укора в абстрактности, а в смысле лишь брошенного намека: работайте над конкретизацией основ этой новой социальной жизни.

Это — не разрешение проблем растущего, обрастающего учреждениями общества — тем более, что рост этот был одно время победоносным. Чем выразилась победоносность? Не только тем, что идеи Штейнера получали распространение, ибо они распространялись в случайно смешанной среде, а тем, что на смену “испарившихся” эзотериков, не могущих работать в безобразиях “политики” и “партийности”, — появились “талантливые” в старом смысле “общественники”, “работники”, которые и сложили хорошо работающие, традиционно работающие аппараты, канцелярии, редакции и т. д.

И совершенно естественно, что этот “талантливый” докторат [демократ], оттеснивший “неталантливую” внутреннюю линию, развил тот именно склероз, который и не мог не развиваться [развиться]; тот склероз, о котором кричал Штейнер 10 декабря 22 года в Дорнахе⁷⁸, а потом в конце 23 года в Штутгарте⁷⁹.

Между этими двумя вскриками сгорел Гетеанум: дело культуры.

19

То, что я писал об А. О., как “обществе” в связи с проблемой общества и символизма, — честно; и главное: отстояно в годах; четырехлетний материал, собранный из жизни в берлинской, мюнхенской и дорнахской ветвях, посещение других ветвей и пятилетний опыт жизни с московской группой (16—21 годы)⁸⁰ — достаточный материал; и достаточное количество лет раздумья над различными общественными “горями”; хуже со всеми соглашаться, на все кивать, а потом бросать самый антропософский импульс.

История многих исчезновений из А. О. часто талантливейших, ценнейших людей весьма плачевна; и плачевны те специфические заболевания, которые я наблюдал внутри А. О.

Когда происходит сложнейший химический процесс, то между исходными веществами и конечным получается ряд неустойчивых промежуточных продуктов; иные из них бывают преддвигаты (таким ядовитым промежуточным продуктом является, например, угарный газ). Когда мы читаем об испытаниях водой, воздухом и огнем, мы думаем, что эти испытания

происходят где-то в Торричеллиевой пустоте, а не в жизни. И потому-то мы никогда не узнаем ни времен испытаний, ни качества испытаний. Внутри А. О. испытания эти постигают именно эзотериков, а не не-эзотериков; испытания эти не шуточны; результаты провала в них, степень провала, тотчас же становится катастрофическим отстранением биографий, вплоть до слома судеб.

И должен сказать, что вопрос об отношении внутренней линии к "обществу" в период испытаний вовсе не так легко разрешим, как это думают; тут-то и образуются в сознании промежуточные продукты вроде угарного газа, которыми отравляются сознания именно лучших, но испытуемых. Всякий знает, что отравление угаром незаметно; и всякий знает, что нашатырь разлагает угарный газ. Почему-то ждут испытаний с "треском" и "громом"; а испытание и есть опасность отравления невидимым, необоняемым, неосязаемым существом отравы; разложение существа отравы, спасительный нашатырь, тоже не имеет ничего общего с бормотанием медитаций.

Вот отчего среди лучших, внутренних, выказывавших крупные успехи в начальном отрезке "пути" и образуется немалый процент людей, которые, начав с испытания, кончают самоотравлением; но совершенно естественно, что угарное состояние свое они перекладывают на антропософию и на Штейнера. Оттого среди учеников его приходилось мне наблюдать постоянно явление: разрыв с учителем именно лучших, но угоревших, начавших угорать или до своего вступления в А. О., или уже после вступления в А. О.

20

Я уехал из Дорнаха в 1916-м году.

Вскоре после моего отъезда началось усиленное расширение А. О. и та стадия интересов к культуре наук, искусств, общественности, в которой естественно атрофировались "окультурные" моды; но зато стал расти *аппарат*.

Из представителей нового "форштанда", возникшего по указаниям Штейнера, помню фр. Врэде, постоянную сопутницу по городам (в поездках за Штейнером), а потом и постоянную обитательницу Дорнаха. Маленькая, худая, бледная, рассеянная, умная в трехмерном смысле, астрономичка-математичка, — она никогда не останавливала моего внимания: образованная, не глупая, но "скудная" Врэде, — так она воспринималась мною.

Другой член форштанда, вскоре умерший, мисс Мэррион, высокая, тихая, кроткая, бледная девушка, худая, как палка, — одно из первых лиц, на которых мы натолкнулись в Дорнахе; она мне казалась "не от мира сего"; я не мог ее себе представить "членом форштанда".

Ита Вегман, — она была постоянной дорнахой в наши дни; и тот факт, что я не знал ее фамилии, показывает на ее тогдашнюю роль

в Дорнахе; много было милых, тихих, более чем хорошо знакомых антропософов (с иными раскланивался, разговаривал, с иными нет, с иными же то — да, то — нет), не державшихся в центре рабочего ядра Дорнаха, но производивших тихую, незаметную, нужную работу, ни за что дурное не зацепившихся. И когда я стал искать Иту Вегман, вызывая в памяти эту галерею лиц, минуя хорошо знакомых друзей и слишком хорошо знакомых врагов, сразу мне встало приятное, бледное лицо очень высокой, худой, молодой женщины, производящей впечатление, что она точно скошена набок (немного вперед и вправо): это — не органический дефект, а манера держаться; у нее приятные, пристальные карие глаза и очень пышные волосы (большая прическа); она никогда не ходила в столах⁶¹, держалась одиноко и "резерв"; но в ней не было ничего хмурого; она глядела на других с благожелательным любопытством, но не пускала их в свое "святое святых".

Когда я ее описал, мне сказали: "Да, эти признаки соответствуют Вегман".

Тогда я ее *слишком хорошо*, не зная, знаю: более года она сидела перед нами наискось, у окна, на лекциях Штейнера, в столярном бараке, часто в беленькой кофточке, в черной юбке; и, кажется, что всегда была одна. Чуть ли не каждый день я ее где-нибудь встречал. Все образы воспоминаний моих о ней — мне приятны.

Большого ничего не умею сказать.

Стеффена я смутно помню: мне его показывали; в мое время он наезжал или жил временами в Дорнахе. И к работам никакого отношения не имел.

Талантливого Ваксмута, чья книга — украшение антропософской культуры, я вовсе не знаю; знаком с его братом "общественником", о котором ничего интересного не умею сказать, как и о Ленхасе, знакомство мое с которым весьма поверхностно.

Уже совсем далеки мне нынешние деятели: Колиско, Швешц, Штейн, Штокмайер и прочие. Может быть, они и "глубокие эзотерики", — не знаю; по статьям, по речам я этого не увидел; никакого "веянья", никакой "печати" из них не открывал; Колиско и "печать" — даже смешно: скорее — *печатка* с выгравированными литерами: "Дер Коммендэ Таг — Ферлаг": "штамп", в котором для меня объединялись столь многие в 21—23 годах.

21

Я начал внутренними учениками доктора; и, рисуя линию их, уперся в точку, где линия как бы пересеклась [пересекалась]: в точку "общества", бывшего сперва лишь "обростом" кузова корабля, а потом явившего собою "аппаратизацию". Здесь — тема моя кончается.

Думаю, что Рудольф Штейнер был педагог, учитель, но во внутреннем смысле; чем не был он, — так это "политиком"; а какой же "общественник" не политик?

Стало быть: Рудольф Штейнер не был общественником. И когда говорил он "общество", разумел он не "общество", а нечто, осуществимое разве в ряде поколений, к чему он дал в "трехчленности" лишь абстрактные пролегомены, кстати — "обществом" положенные под сукно.

Встреча его с необходимой трагедией, в которой "государственность" должна была вынырнуть, по-моему — Дорнах; встреча началась издалека; звуки ее издали имели мелодичный призыв (сирена на расстоянии гудит мелодично).

Встречу ту называю я "происхождение трагедии из духа музыки"⁸². Место ее — Дорнах.

К Дорнаху поворачивает меня тема моя.

ГЛАВА 5

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ДОРНАХ

"Дом слова — говорящий дом". Рудольф Штейнер (Из лекций курса лекций, читанных весной и летом 1914)¹.

"Современные здания немые: они не говорят". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Принцип внутренней отделки — негатив. Внутренняя отделка — пластически формирующаяся внутри оболочка для наполняющего нас в этом помещении духовного знания". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Представьте себе... эживое... слово, бьющее в эти стены и выщербляющее их изначальным словесным смыслом". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Чтобы понять... язык духа, надо... эживо ощущать формы, как органы речи из духовного мира". Рудольф Штейнер (Оттуда же: речь идет о понимании эллипсиса, как сложения, гиперболы, как вычитания, лемнискаты, как умножения, и круга, как деления).

"Мы создаем гортань для богов, когда находим правильные художественные формы". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Будем слушать наши формы". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"До подлинной задачи мы все же не выросли". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

1

"Доктор и Дорнах" — аллитерация на "Д", связывающая два образа: образ доктора Штейнера и Гетеанума; суммируя в целом свои "Воспоминания" о личности доктора, я вижу, что равнодействующая их всех перемещает мне этот образ в Дорнах. Не в Дорнахе выступил передо мной сквозь "личность" непередаваемый взгляд "индивидуума", обитавшего в докторе; наоборот: скорее этот "индивидуум" связан мне с Лейпцигом, Швецией и Норвегией. Но "индивидуум" в докторе — уже вовсе не описуемое явление: он — надобразен; образ на — личность. И потому-то в воспоминаниях, посвященных личности, она занимает, так сказать, первый план.

В Дорнахе особенно вышুকло приблизилась к нам личность доктора: приблизилась с неожиданною стремительностью, ставши почти имманентной в ряде забот с жизнями других личностей.

Доктор Штейнер на кафедре и я под ним, — нечто несоизмеримое: кто "я" и кто "он"? Доктор на "эзотерическом уроке" опять-таки — не "Херр Доктор", а нечто уже вовсе не зарисовываемое: "нечто", говорящее от *духа* к *духу*, минуя личность; доктор в личной беседе среди четырех стен — личность, сохраняющая нечто от общего впечатления, которое мы выносим от личности.

Доктор в Дорнахе — личность, проявившая невероятную гамму конкретных особенностей, которые никогда не выступили бы перед нами, не будь Дорнаха; с невероятным богатством ярчайших красочных проявлений стоит передо мной именно в Дорнахе личность доктора, и в своих субъективнейших выявлениях гнева, печали, радости, веселья, и в своих объективнейших целеустремлениях, — нигде не выявился передо мною так человек, только человек; и в маленьких, до слез трогательных проявлениях простой ласки, сердечности, и в — не боюсь этого высказать — маленьких несправедливостях; в Дорнахе чисто человеческие, сказал бы я, субъективные особенности Штейнера выявились в гамме разнообразных жестов, взятых во всех степенях: от положительной до превосходной, от *пьянissimo до фортиссимо*²; в Дорнахе бывали у меня "стычки" с доктором; но в Дорнахе же я чувствовал себя у него в доме, как... у себя в доме: человечески непринужденно.

В Дорнахе многие из нас раскрепостились от ощущения связанности перед ним, весьма понятного, если принять во внимание, что все же вставала грань между ним и нами. В Дорнахе произошло нечто удивительное: в личных отношениях работающих и руководителя работ во многом эта грань пала. Выше я отметил, что грань вырастала из нашего неумения найти точку сотрудничества с ним; в Дорнахе каждый, реально отдавшийся заботам о Гетеануме, становился сотрудником; и в этом сотрудничестве падала грань; все отношения упрощались невероятно; появлялась легкость и даже привычка к общению.

Для меня привычка эта подчеркивалась особенно еще и тем, что я оказался соседом с ним: волей судьбы мы переехали в домик, стоявший как раз против домика доктора; домик наш не был огорожен; несколько яблонь да небольшая дорожка отделяла нас от низенького заборчика, за которым перед цветочною клумбою, маленькими посыпанными гравием дорожками, стояла двухэтажная вилла "Ханзи", приобретенная Марией Яковлевной. Эта соседская близость сперва смутила меня; но — делать нечего: иной квартиры не было, а в старой мы не могли жить.

Так и случилось, что мы оказались в соседстве с доктором. Это — значило: видеть его кроме лекций и обходов работ каждый день выходящим из дому и приходящим в дом и порою слышать рокоочущий его басок из открытых окон виллы "Ханзи"; это значило порою: может быть, беспокоить обитателей виллы громчайшими взрывами моего голоса в мно-

гочасовом споре до двух часов ночи с террасы, которая выходила на окна виллы и где мы посиживали в летние лунные ночи и великолепными весенними вечерами после работ, на заре, когда купол Гетеанума, отсюда прекрасно простертый или сиял форфорически в лунных лучах, или делался хризолитово-розовым в зорях; и — цвела вишня; щелкали соловьи; из открытых окон виллы "Ханзи" порой вырывались грудные звуки голоса Марии Яковлевны, готовящейся к рецитации.

Сперва было конфузно торчать на террасе и кричать с "Л" или кем-нибудь еще, заходившим к нам по вечерам; но простота быта Дорнаха и простота отношений, сложившихся между "дорнахцами" и доктором, изгладили быстро это чувство неловкости; и — даже: было уютно жить при таком соседстве.

Мне эта жизнь связалась и с воспоминанием о просто *так себе* посещениях доктора: изредка получали мы приглашение из виллы "Ханзи" прийти к чаю или к ужину. Тут не было ничего делового: и стиль разговора был легким и искристым.

В этой легкости личных отношений с доктором не было никакого "подчерка", выданного диплома: на *право иметь общения*; всякий на нашем месте имел бы это право: в точке имманентности, связавшей наши личности с личностью доктора в процессе сотрудничества; было радостно сознавать, что доктор нам верил и нас любил, как сотрудников, не за какие-нибудь ценные заслуги, а за искренность устремления: прежде всего *Гетеанум*, а потом уже *то* или *иное*; *тем* или *иным* в иные минуты делалась — стыдно это сказать — личность доктора; не *до нее*, когда нужно в первую голову *то-то* и *то-то*.

И поскольку личности доктора в иные минуты было не до медитаций учеников и не до риторики почтения к нему, а, например, до "колонны", то в этом взаимном устремлении оказывалась неожиданная встреча: *в деле*. Чувствовалось, что он верил нашей взаимности; и даже... любил нас: за непритязательность отношений; случилось как-то так, что наши биографии, наши личные радости и драмы, уже не связанные с Гетеанумом, вошли в круг его интересов; и это делалось незаметно: само собою.

Многие этого не могли понять: не могли понять, как это случилось, что иные из заслуженных членов, себя считающих интимными учениками и "иерархически" стоящими выше нас, оказались в Дорнахе ни при чем, а доктор оказался связанным с группою, которая съехалась из всех углов Европы: из мрака неизвестности, так сказать. Видели его близость к нам и не понимали ее; и — стыдно сказать: иные нас ревновали к доктору; этим отчасти и объясняется ряд сплетен, одно время циркулировавший в Германии о "дорнахской сволочи", или сплетен, согласно которым выходило, что в Дорнахе он выращивает "предателей своего отечества" из среды русских. И в среде немцев, и в недрах "Антантовской" ориентации подозревали нас в каких-то несуществующих грехах; и сплетня, пустив корень в Швейцарии, выращивала "шипы" уже специально "дорнахские"; "Дорнах" стал "дорном" (терновым венцом) для многих из нас, как и пожар *Гетеанума* — терновый венец, сплетенный доктору.

В этот период проявил особую заботливую нежность к нам, — не на словах, а на деле: он порою вскакивал на кафедру и рычал, защищая сотрудников.

В Дорнахе и на многих из нас, и на доктора, как из рога изобилия, посыпался град несчастий, не говоря уже о неприятностях; и это — на трагическом фоне мировой войны, ставшем для нас не аллегорическим фоном, а фоном самого горизонта, перманентно гремевшего пушками и вспыхивавшего прожекторами, не говоря уже о назойливом треске швейцарских пулеметов (в окрестностях Дорнаха производились военные упражнения); этот треск пулеметов мне связывался с дорнахско-арлесгеймскими сплетнями нас обставших мещан, а тот гром, от которого порою звенели окна [стекла], связывался с опасностями разбития всего дела жизни, которому мы отдавались; в душе образовался тревожный сквозняк, как тот ветер, который бил в стекла окон, налетал с приэльзасской равнины, начинаясь в ноябре и кончаясь в мае.

"ВВ-ВВ-ввызы" — унывали окна: "тат-тат-таттат" — били в окна: дожди; и — вдруг: в открытую дверь террасы — торжественные, прекрасные звуки музыки: от холма.

— "Что там?"

— "Репетиция оркестра: к "Фаусту"!"

.....

Несчастья — сближают; трагический фон, на котором развевывалась наша жизнь, переносимая подчас, как окопная (приходилось окapyиваться: от "антропософов", швейцарцев, разведок, и просто "дурного глаза"), — вот тоже одна из точек имманентности "дорнахцев" с доктором.

Одни печали; и радости — одни.

2

"Дорнах и доктор" особенно мне связались: "Дорнах" — Гетеанум, в котором как-то для нас воплотился в зримые формы "индивидуум" доктора"; "личность доктора", откровенно себя умялившая [умялившего] перед Гетеанумом, оказывалась среди нас; в Гетеануме — встреча с доктором; в [и в] докторе встреча с Гетеанумом. Какие-то смещались тут плоскости; и доктор оказывался сошедшим с кафедры и вставшим на пыльный ящик, под резною формою, — среди нас; а мы оказывались — то под куполом "храма", то над "порталом", с фонариком в руке; в качестве сторожей Гетеанума (значит — "дела доктора"), как... на кафедре.

В этом смещении всех перспектив, в антиномии борющихся друг с другом взрывов благородно-легких веселий и взрывов несчастий была особая рода фантастика; чувствовалась необычайность всего положения: "пыльные ящики" и — мистерия "Фауст"; невыразимые ракурсы Гетеанума,

спаянного с ландшафтом гор, как знак будущего; и зло со всех сторон глядящие на него развалины замков: ночные совы и филины; звуки классической музыки, аккомпанирующие эвритмии, но летящие — в пушечный гром; невыразимые, единственные в своем роде фигуры доктора, М. Я., Бауэра; и — головы сонных мешчан, выставленные из оконцев домиков над проветриваемыми перинами и перешептывающиеся:

— "Почему это музыка там?"

— "Пляшут, как мормоны".

— "Вот почему у них женщин больше, нежели мужчин: ведь это мормоны проповедуют многоженство!" (так говорили, когда большинство мобилизованных мужчин разъехалось из Дорнаха); невероятнейший град лекций; и — после прогулки в живописнейших окрестностях Дорнаха (за Эшем), — где — ручьи, камни, замки:

Бурный поток!

Чаща лесов!

Голые скалы!

Все вместе извлекало мне в основном тему Дорнаха (сквозь все несчастья — мировые, социальные, личные): невыразимая фантастика, небывалый романтизм!

Я говорю "романтизм" не в ругательном смысле: ведь в "романтизме" есть две стороны: пусто-мистическая и реалистическая; в историях литератур романтизм рассматривают, как переход от "ложного классицизма" к реализму. И Дорнах является мне в основном романтическим звуком перехода: от "ложной классики" теософического периода антропософии к реализму будущих исканий: в сфере культуры искусств и культуры наук. Выход из теософического общества в 1912 году⁴ был внешне необходим знаком отделения от течения, ставшего и сектантским, и антихристианским; действительность Дорнаха — выявила: с внутренней "теософией", как с ложным стилем, не ликвидировали многие члены; и он стал "внутренним врагом" антропософии: впервые в Дорнахе.

Там-то принялись за искоренение его вместе с доктором и со старшими нашими... "друзьями" вопреки присягнутому этому "стилю" во многих ответственных центрах опять-таки... представителей дорнахской "чандалы"⁵, из которой скоро выросли и деятельные сотрудники доктору, как иные из вальдорфских учителей (Штраус, Вольфюгель, Стракош, фон-Гейдебрандт), члены будущего форштанда, как Врзде, Мэрион и Ита Вегман.

Дорнах — стиль перехода: от "ложного классицизма", думавшего прожить "медитацией" и "видением, непостижимым умом", без лабораторных ячеек для растирания красок искусств и новых научных идей; здесь ставились новые машины, делались опыты добывания красок, производились математические вычисления, медицинские опыты, складывались новые ремесла, как поданные самую жизнью.

"Дорнах" — своеобразный переход от средневекового стиля антропософии к своеобразному новому гуманизму и ренессансу; подчеркнулись

болезни средневековья именно в Дорнахе, и многие "медитантки" в Берлине, Мюнхене, Штутгарте выявили себя настоящими "ведьмами" здесь; и в Дорнахе же обнаружались новые болезни развития, связанные с ренессансом: всячески подчеркнута личность (по-хорошему и по-дурному); выявились ее справедливые права и требования, но и все гипертрофия ее; выяснилась необходимость: взять ее в круг быта нашей жизни; до Дорнаха личность была еще "личной", сквозь которую "надличные" души слушали "индивидуум" учителя; в Дорнахе "учитель" как бы вывел нас из готического собора, подчеркнув личность: в себе и в нас; и символическим подчерком личности во всех нас (до доктора включительно), — романтика дружбы и вражды, влюблений и расхождений, ведущая к бракам, рождению детей, оформленным разрывам и выходам из общества элементов, случайно в него попавших и не ведавших этой своей случайности.

Характерно: в Дорнахе и доктор обвенчался гражданским браком с М. Я. Сиверс.

Дорнах видится мне островом детей⁴; до Дорнаха не встречались нигде в обществе "антропософские дети"; а тут "дети" выступили; они резвились на зеленых склонах холма, попискивали веселым смехом в кантине; и вырастали, как грибы, из щепок Гетеанума; они — родились. Тот-то женился на этой; эта выходила замуж за того; через год слышалось: "у этой мальчик, у того — девочка". И доктор, идя к Гетеануму, останавливался перед копошащимся "пупсом", наклонялся и ласково гладил его. Помнится, он мне в кантине: сидит за столиком; между коленями его копошится белокурый "пупс"; он внимательно кого-то выслушивает, а рука ласково гладит младенца.

Дети, резвясь вокруг, составляли какой-то веселый круг вокруг Гетеанума, очерчиваясь остров: остров детей. Не из него ли выросла мысль о Вальдорфской Школе?

И мы минутами чувствовали, как никогда, молодость, — мы, уже мужи; прояснялась атмосфера, отражались тяжелейшие удары, которые доктору паносили внешние и внутренние враги, утихали сплетни подглядывающих, — и — вдруг из груди вырывались смех, шутки, песни, или просто игры: и сурового вида русский студент "М" (химик) начинал кидаться снежками с Зейфельтом, гнувшим спину в канцелярии; и с работы к обеду шла загорелая группа резчиков, наши правофланговые — Кэмпер, Штраус, Людвиг, Вольфюгель, Дубах и Митчер с открытыми воротами рубашек, с уморительной спесью, напрягая мускулы голых рук, и топотом ног, пародируя плац-парад (бедные, — все ушли на войну, и двое пали, сраженные пулей: Людвиг и Митчер); и потом с криком валил в кантину рой барышень и молодых дам, в откровенных детски-пестрых столах и шальях — голубые, белые, розовые; обедали среди цветов; и потом на часок-полчаса протягивались соснуть: кто на столе, кто на лавке, кто в траве, юмористически расставив ноги; иные же лезли на вишню, нам отданную в распоряженье: полакомиться; циркулировали пародии, стихи

и всевозможные "чехарды", опять-таки к "ужасу" многих, но — не доктора. Он сам молодо задавал этот тон, когда мог отдалиться ему. Проказничали, можно сказать, на глазах у доктора; и когда [иногда] он появлялся среди кантинного грохота, — грохот не обрывался; и скоро из грохота раздавался голос доктора, рассказывавшего каламбур с довольным веселым лицом, показывающим крепкие, белые зубы. И потом, — он шел наверх и продолжал сам с собой улыбаться; во всей фигуре его проявлялась молодость; и чувствовалось, что он нисколько не снисходил к молодежи, а был с молодежью: в улыбке и смехе. Разумеется, сам он не проказничал, но он поднимал "проказу" до высокой игры: и эту "игру" порою вводил он в особую атмосферу зрительских репетиций; бывало, соберутся: вон доктор, молодо смеясь, показывает что-то, а вокруг молодые зрительницы суетятся, а то бегают впергонки, или выделывают сами с собою какие-то веселые шутки.

Но — репетиция началась; и все — превратилось во внимание: заговорил — он.

Мы не раз чувствовали прилив шалостей в хорошие минуты Дорнаха; я, бывало, начинал лазить по недозволенным местам; и утверждал, что когда-нибудь, забравшись на вершину большого купола, пройду по балке, для чего-то перекинутой с малого купола на большой; был период, когда через временную дыру в вершине большого купола, к которой вели сложнейшие мостики, я вылезал на вершину; было жутко стоять; со всех сторон — скаты в солнечную бездну воздуха; потом запретили вылезать, а мы — вылезали все-таки: я и О. Н. А.*; снизу полушутливо грозились пальцами маленькие люди, а я с вершины развивал мысль: "Пройду по бревну".

Раз в таком положении меня накрыл доктор: он шел вниз; и недовольно взглянул наверх; недовольство его нисколько не испугало меня: хотелось даже поддразнить доктора какой-нибудь выходкой с вершины купола.

Но дыру закрыли; кажется, — этого потребовал доктор. Не страшны были его реакции на шалости; в крайнем случае он "журил": но в "журах" было больше доброты, чем настоящей строгости. Так же он относился к понятно объяснимым проступкам молодости; помнится *кто-то что-то* "отколол", вызвав [вызвал] негодование; и доктор с кафедры вдруг загремел, точно стараясь перекричать злые языки: "Ведь так понятно: человек упорно работал: окончил; и надо же по-студенчески впустить веселье в рабочую келью" — он выразил непередаваемой немецкой студенческой поговоркою это; и в тоне произнесения поговорки было что-то от... "бурша", а не от "доктора Штейнера"; так ограждал он от нареканий, — он, который в других отношениях делался неумолим; но к проступкам из шалости, буйственности и кипения сил он относился скорее со снисходительностью, доходящей до... слабости: *он любил шалости*.

Он любил все молодое и шумное.

---

* Ольга Николаевна Анненкова.

И приветствовал романтику дорнахской весны.

Нотою этой романтики оваян мне Дорнах, — несмотря ни на что; и хотя душа исцарапалась терниями в Дорнахе, все же Дорнах вспыхивает во мне, как весенний день, овеянный зорями и белым вишневым цветом, над которым висят лазурные купола, вставшие на перламутрово-розовых оттенках отработанного дуба; или он видится мне в дни, когда зацветали розы, всякие розы: особенно много было розочек "Альберт", маленьких, собранных в соцветья: соцветьями этими осыпались дорожки и стены домов; Дорнах делался вовсе розовым в июле: и среди роз — доктор, четкий, легкий, в широкополой шляпе, бодро и ласково улыбающийся из цветов в цветы; таким он был в 14-м и 16-м годах; в 15-м он именно в эти дни был необыкновенно мрачен: ведь в этом году вместо роз для него вырастали одни шипы.

Или помнится мне Дорнах лунными фосфорическими ночами, когда я отбывал вахту, ощущал себя "начальником" этих странных пространств, где из кустов росли бараки, а надо всем поднимался купол. Став около Гетеанума и бросив взгляд на эти странные сечения плоскостей, озаренных луною, я восклицал внутренне: "В какой я эпохе? В седой древности? В далеком будущем?" Ничего не напоминало мне настоящего; и я взбирался по мостикам — высоко, высоко: на лоб главного портала; на лбу садился, гасил фонарик, и, обняв ноги, озираю окрестности: с горизонта мигали прожекторы войны; кругом — спящие домики; по огонькам я знал, кто — спит, кто — еще бодрствует: спит Рихтер, спит А. А. Т., спит мадам "Х". Неугасим огонек в домике доктора; два часа, три, а огонек глядит на меня; вот и он гаснет: перед рассветом; с души срывалось: — "Спи!"

И я слезал со своей вышки; охваченный ветерком предрассветного холода, я шел бодро [я шел в бюро]: кипятить себе кофе на электрической печке; там меня поджидал Поццо, товарищ по вахте.

Делалось уютно и "фантастически".

3

Дорнах остается мне, как "Происхождение трагедии из духа музыки", это название книги Ницше, точно эпитафия ко многому, что жило в Дорнахе; сквозь романтику Дорнаха вымечались контуры сурового и страшного реализма: действительность мирового обстояния и одинокий импульс доктора, борющегося со всем миром тьмы, — импульс, собравший кучу нелепых и за немногими исключениями беспомощных людей, из которых одна часть в Дорнахе, заболев эпидемией "мира сего", окарикатурила дело доктора, а другая часть, не заболевшая, со всею искренностью надрывалась над непомерною сложностью задач, вызванных Дорнахом, и производила впечатление кучки людей, старавшихся выволочить из огня тысящепудовые ценности.

Они-таки сгорели вопреки всем усилиям: пожар Гетеанума и смерть доктора — два удара трагедии, подготавливавшейся чуть ли не с момента

закладки; пожар Гетеанума, можно сказать, был уже подан отдаленным музыкальным звуком, едва ощутимым сперва; и даже — нежным: так безумие великого Шумана вызвучилось [вызвучивалось] задолго в прекрасных звуках "Ин Дер Нахт"⁸, "Фантазии"⁹, сонаты, посвященной Кларе Вик¹⁰ и в "Дихтер Либе"¹¹. Наша совершенно исключительная любовь к первому Гетеануму и нежность доктора к нему, может быть, были и слишком личны, пристрастны даже: оттенок страстный был в этой любви к выраставшим формам. Точно подсознания наши знали то, чего не знали сознания: это прекрасное, весеннее, юное существо — недолговечно; и мы не могли не налюбоваться на него; мы схватывались за него с жестом, как бы говорившим: "Останься с нами".

Этот жест разделил и доктор: и в нем сказывались в "учителе" человеческие, слишком человеческие черты; тут был он не только апостол Павел, апостол свободы, но и Павел, хвляющийся немощами своими: Павел неуравновешенный для того, чтобы в будущих тысячелетиях выявить *равновесие*¹², более прекрасное, чем равновесие автора "Бхагават-Гиты".

Он точно хвалился Гетеанумом; у него был жест к нему просто пылкий: он точно хотел обнять это огромное здание и... прижать его к груди, и его смущали музыкальные звуки трагедии; и он в духе знал, что путь нашего движения, прошедший через Дорнах, станет *до такой степени* терновым венцом.

Одно дело теоретически знать, что распятие и жертва — неминуемы в пути вообще: и Христос знал, что Его ждет Крест; и это не мешало ему веселиться на брачном празднестве; но когда пришел час, и он молился *до кровавого пота*; и Он... вздрогнул. И было ясно, отчего доктор, духовный исследователь, не решился произвести духовного прогноза страшной судьбе первого Гетеанума, жуткой судьбе ряда личностей, вместе с ним так схватившихся за него, ведь и знаменитый врач порой не имеет силы произвести сурового диагноза над собою, или над любимой женой, но приглашает других диагностов для этой тягостной операции. Чувствовалось, когда он решился сказать — не открыто, а так сказать, под сурдинку и точно со вздохом, что судьба Гетеанума — сгореть (это было сказано *твердо*); он для смягчения *чаши* ("Да минует меня!"¹³), — прибавил аллегорическое "вероятно лет через семьдесят". В этой прибавке сказался отказ довести диагноз до конца: не от неумения, а от боли, от слишком человеческой, слишком пылкой любви к "прекрасному существу".

Оттого-то и эта наша общая с ним, пылкая любовь к Гетеануму (в высшем смысле *страстная*, но — да: *с т р а с т н а я*!). С первых нот этой любви развивались в нас в тональности не "Ду бист ди Ру"¹⁴ Шуберта, а в тональности цикла песен шумановского "Дихтер Либе"¹⁵.

Вспомните будто сияющие молодым весельем первые номера великолепного цикла ("*Ди кляйне, ди райнз*"¹⁶ и т. д.); все овеяно цветами, солнцем, радостью; и эти цветы, солнце, радость, молодость, романтизм, идеализм — весна 1914 года: то первое зацветение вишен в Дорнахе,

которое так поразило меня: Гетеанум среди белого моря цветов; и доктор, нас ведущий в бараки к огромным нетронутым формам душистого дерева: "Мы это вырежем!"

Во всем, что мы делали, стояла нота:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка¹⁷.

А дороги-то — "Зимнее странствие"^{18*}, — в долгой веренице лет; и то, как наспех вычисляли формы, и то, как молодежь свергала руководительницу резных работ Катчер, чтобы забрать в свои руки резное дело, и даже то, как я на два дня был выбран "Комитетом резчиков" художественным руководителем группы и получил в полное свое распоряжение громадный архитевра "Венеры" (а потом сбежал от него, как Подколесин от своей невесты) — во всем сказывалось чистое веселье удали. И тут же: над архитектурным баракон пронесся ураган (в Базеле его не было), не тронувши ничего, но сломавший барак, в котором был — нерв работы; и в те же минуты доктор, читавший в Базеле лекцию, загремел как-то слишком тревожно, почти страшно, точно он грозил ужасному, невидимому врагу, казалось бы, без всякого основания; беспричинно ворвалась в Дорнах грозная нота; на миг все почувствовали, что невидимая туча ползет на нас. Никто не говорил о совпадении вскрика тревоги у доктора, вырвавшегося ни с того ни с сего, и в ту же минуту, урагана, ломающего барак в Дорнахе и выгоняющего нас на две недели из него, но чувствовалось: все души отметили нечто, — на миг; и потом вновь: надежды, веселье, цветы, весна, наметившиеся браки среди молодежи, дети, веселый доктор.

А говоря откровенно, — задолго до первого звука эта нота особой, исключительной, дорнахской тоски и дорнахского томления периодически подкрадывалась то к тому, то к другому. И недаром, намечая лиц, могущих в Дорнахе работать, инициаторы предприятия шепотом предупреждали со слов покойной Штинде и доктора, что основным критерием негласного отбора нас (такой отбор был задолго до нашего переселения) является даже не эмпирическая устойчивость в работе, — а — особого рода устойчивость, предполагающая верность делу и даже готовность пострадать, ибо в Дорнахе будет очень трудно и что далеко не все способны его выдержать.

Когда Рихтер, один из руководителей в этом отборе людей, сообщил нам, что мы отобраны и уже числимся дорнахцами, он с одной стороны как бы тащил нас туда, а с другой [с другой стороны] — предупреждал: "Держитесь и помните, что Дорнах — ряд испытаний в твердости".

И действительно: впоследствии оказалось, что многие из самовольно явившихся жить и работать в Дорнахе и не числившихся в списке специально туда приглашенных, — кончили плохо: дорнахский сворот всех осей и выявление там как бы новых измерений сознания оказался для них

* Цикл песен Шуберта.

своротом с антропософского пути: и личные судьбы многих работников странно менялись в Дорнахе: "Меч разделения и нового соединения"¹⁹ выявлял неожиданную карму.

Дорнах приближал для многих тему порога²⁰ и кармы²¹, начиная с кармы... доктора: кто знал, что он едет туда и ведет за собою группу лиц, как бы выводя из мировой войны, — едет для выявления страшной действительности: нападения, разрыва со многими до сих пор "верными", стояния над горящим делом жизни и... смерти.

Должен сказать, что первое восприятие Дорнаха в первый день приезда сквозь всю новизну впечатлений — тоска, страх, сомнение, полная растерянность и утрата почвы под ногами: безо всякого основания, — тем более, что нас встретил ждавший нас Рихтер и тотчас лично повез А. А. Т. в Дорнах, а я... я — отказался... безо всякого мотива; мне казалось, что припадок тоски своей я должен изжить в Базеле.

А ведь появление у нас Рихтера, собственно говоря, означало привет доктора, потому что Рихтер в те дни был в благороднейшем смысле эмиссаром и агитатором от "дела доктора".

И сквозь приезд его к нам звучало: "Добро пожаловать" — от самого доктора.

Так в предвесенние настроения Шуберта была уже введена тема Шумана.

Она периодически подымалась сквозь гул весны, — все чаще, все грознее, пока не стала доминировать вовсе.

Продолжая свою музыкальную аналогию с "Дихтер Либэ", я скажу: скоро я стал подмечать в докторе точно вырывающийся в нем, но покрываемый радостью, лейтмотив, связывающий для меня его с романсом из того же цикла песен:

Я не сержусь,
Хоть больно вост грудь,
Хоть изменила ты²².

Тема, ставшая фактом жизни его весь 1915 год, разрывая веселого доктора, глядела как бы сквозь глаза его — *иными глазами*, и эти *иные глаза* глядели в пространство Дорнаха, не то на злые замки, не то на скоро открывшиеся злоупотребления "Бюро", не то на всех нас с таким выражением, точно у него ныла грудь, а он силился сказать:

— "Я не сержусь, потому что с *этим* ничего не поделаешь; *это* — выявление крестного пути моего, моих близких, нас вообще: вообще мира".

Впоследствии не раз сообщалось нам со слов доктора: те уже явные, но весьма *странные* особенности Дорнаха, корень которых мне до сей поры неизвестен: Дорнах налагает бремена, неопишущиеся словами, так что корни всех объясняемых неприятностей, людских необъяснимых заболеваний, падений, ложных изломов, не говоря о внешних трудностях, так сказать, — *в корне корней*; и этот *корень корней* уплотняем в словах так: до Дорнаха

— не было в нашем движении, так сказать, географического центра; оно было *езде и нигде*: в Берлине, Мюнхене, Христиании, Гааге и т. д. Не *выпирало Дорнах* — выкинутый на физический план — лозунг: здесь — штаб-квартира, а Гетеанум — шпиг — подобный громоотводу или громоприемнику: точка, в которую падают молнии Люцифера и Аримана; а стало быть, и находящихся под их воздействием *общества и коллективов*; жить рядом с *громоприемником* — нешуточное дело, предполагающее совершенно особую выдержку и даже: умение владеть ритмом поведения, как шпагой, отражающей удары активно.

И тут-то наметилась скоро уже совершенно особая нота доктора: пока мы попадались во всяческие просаки и наученные горьким опытом, убежали в себя упражняться в фехтовальном искусстве с домашнею, импровизированной шпагою (знаете, откидные от стен рапиры для упражнения с ними), — доктор был вынужден вынуть шпагу и защищать себя, Гетеанум, нас от одному ему зримых опасностей, не от *корней бед*, а от *корня корней*.

В Дорнахе, скоро он как-то раздвоился, — на *личность и индивидуум*; "индивидуум", как бы поднявшись над куполами Гетеанума в космических пространствах, один на один с *ужасными врагами* защищал нас; и потому — скрылся из поля нашего зрения, неся не функции благодати, а *воинскую повинность*: стал *боевым воином*, которому не до *помощей и советов* в малом масштабе; а личность его вполне опустилась на физический план мимо наших промежуточных душевных *драм и веселий*, чтобы просяживать ночи и дни над работою в поте лица.

Он боролся на *физическом и духовном* плане, как никогда, а в нас выявилась вся наша "только душевность", душевно цеплявшаяся за него и душевно не понимавшая его в его жесте *не ответа*: тут именно.

Он как бы одновременно: духовно возвысился и физически вычертился до конца, отчего производил впечатление в иные минуты, точно он в чем-то невесомом, выявляющемся с такой щедростью, как бы выразиться: *огрубел*, что ли; он давал удивительные фортраги, но уже не так качал нас на нежных ритмах; они — схватывали, встряхивали; внешне говоря: он бесконечно давал для мысли, познания и техники искусств, а многие требовали от него гьератики, тем, связанных с посвящением, Он и давал в эскизах, в деталях к заданию эти темы: но это были темы — разверзающихся бездн, висений над кручами, под которыми копошились *ужасные гады* (мотивы стекол); Гетеанум и... *гады*; *путь посвящения и всюду акцент на нотах раздвоения, заболеваний, соблазна, который надо разглядеть*.

Грааль был убран, а *монстр и черепа* появились в мотивах стекол. В иные минуты меня охватывал грех ропота: да ведь это *двусмыслица*, это — заострение до чувства греха манихейских тем.

Я еще не видел, что не доктор — *двусмыслица*, а *двусмыслица* все, что заваривается вокруг; и опять-таки: не люди, стоящие к нему близко, *двусмысленны*, а ситуация выкинутого лозунга, равного объявлению войны тьме и обложившая тотчас нас тьма — явление столкновения двух смыслов: *темного, борющегося со светлым*.

Об этом-то и предупреждали нас издали; для того-то и производили отбор людей, должествующих [долженствовавших] связаться с Гетeanумом.

Не о внешних трудностях шла речь.

И как внешней рамой этой внутренней борьбы обвела нас судьба борьбою народов; и гром пушек врывается в звуки Шумана и Шуберга, раздававшиеся с дорнахского холма.

Лишь позднее, интерпретируя слова доктора о тяжелом пути друидского посвящения, я открыл в нем те *черты*, которые Дорнах нам бросил в лоб: сомневаться во всем, все раздваивать, подвергаться всем ужасам действительных нападений.

И — выдержать!

Это и была вторая тема Дорнаха: первая тема — романтика весны, вторая тема — трагедия трезвости и переход к духовному реализму; для скольких он был отказом от духа.

Вот что я называю происхождением *трагедии из духа музыки*: все темы этого сочинения Ницше разыгрались там.

Дорнахская весна прозвучала *музыкально*; отсюда и чувство романтики; нигде не стояли звуки музыки над нашим движением так, как там; в Дорнахе пелось: музыка лилась; и лились эвритмические жесты; вся резьба Гетeanума — верч и хоровод форм; Гетeanум — форма в движении; и все вокруг двигалось; и движения стали разрывать души; вместе с тем: на Дорнах надвигались тьмы *варварского Диониса*³³, которые надо было уметь еще и отразить строем колонн и *законодательством*; эти тьмы — извне: кровавый дионисизм войны, соответствовавший вполне поднятию темных стихий в нас, ибо *нас старались надуть* темными стихиями бессознания [без сознания] (теми уродами, которые поднимались из бездн, над которыми проходил посвященный — мотив стекол); а строй законодательства, выколлачиваемый вместе с колоннами и архитравами — выработка критериев общественной совести и морали, обнявшая весь тяжелый 15 год и окончившаяся не полной победой, но лишь — перемирием.

Но тогда же наметился новый дорнахский аполлонизм³⁴ и новая странная *трезвость*, которую мы уносили и которая порою так шокировала тех, кто не прошел кусочка "Дорнаха".

Эта "трезвость" разложила не одну душу в Дорнахе.

Идя в Дорнах, мы шли в ночь; и мотив Шумана "Ин дер Нахт" — не только аналогия.

Недаром: в Дорнахе именно стал приближаться Шуман к моей душе.

И личность доктора часто стоит мне в Дорнахе с печатью шумановского выражения на лице: я его вижу вперенным в ночи.

Он — первый вахтер Дорнаха: бодрствовал в духе ночами, чтобы днем печать переутомления бросалась нам явно в глаза и чтобы мы спрашивали себя:

— "Что с доктором?"

Две темы Дорнаха — Шуберт и Шуман: весенний, легкий и горный романтический идеализм и трагическая до безумия романтика реализма дорнахской действительности, взывающая к "герою" в нас в самых трезвых обстоятельствах жизни; стиль Новалиса и стиль... Гоголя, небесное видение и вылезание *роуз* и *морд*: из всех углов. Две темы, встречаясь, вызывали сложнейшие, может быть, небывалые контрапункты, в которых про двойственные лики леонардовского символического анатомизма можно было сказать: "Это — что: это — цветочки!"

Оттого и двойной взор доктора: молодой, свежий, оканчивающий нас легкостью "темы и вариации" Шуберта; и сквозь него — иные "глаза", вперенные в мрак сгущавшейся ночи: "индивидуум" в докторе, ставший воинном, обнажившим меч; и — личность доктора, как бы сходящая с пьедестала, чтобы стать в хвост и записаться в корпорацию художников, чтобы скромно молчать на пожимание плечей "гениального" (?) художника Седлецкого: "Доктор Штейнер дал детские рисунки для стекол, а я вот покажу, что значит стиль подлинного художника!"

И — вот слово: пересечением всех воспоминаний о докторе является мне портрет доктора на фоне дорнахского ландшафта; так пересечением многих плоскостей его деятельности в Дорнахе мне является плоскость художественная: доктор — ритмизатор, тематик, дирижер, режиссер; симптоматично: когда перевезли постановочный инвентарь 4-х мистерий из Мюнхена в Дорнах и поставили его в застенных пространствах, то мы, шныряя по всем закоулкам "Бау"²⁵ (так звали мы Гетеанум), постоянно наткались на пылившиеся "алтари" трех гиерофантов мистерий, на которые мы почтительно взирали из зрительного зала в Мюнхене: "алтари" гиерофантов сошли с пьедестала; а два красных постановочных кресла, кричавшие со сцены огнем, оказались в столовой доктора, где мы пили чай: они понадобились, как просто мебель; и они придали столовой стиль чисто художественной экстравагантности в смысле богемы, понятой в благороднейшем смысле.

И сам доктор Штейнер, так сказать, подхваченный художественной молодежью, отдался этому стилю: стал его ритмизировать, возвышать; и, возвышая, в него воплощаться [воплощался]. И отсюда в печатях его личного выявления выявлялись, модуляционно "фортиссимо" и "пьяниссимо"; и — острые углы между ними: порыв — замирание — порыв; или: два диаметрально противоположные порыва на пространстве получаса; но всегда за сложнейшими углами *порывом* как вариаций — точка *темы* этих вариаций, или двойной взгляд, в котором Шуман и Шуберт пересекались в нам уже недоступных духовных высотах; и если бы мы увидели точку действительного пересечения сложного контрапункта тематики, мы бы ахнули: мы увидели бы *крест*²⁶; и на нем — третий, шестой и девятый час доктора; одни бы горько зарыдали; другие бы, усомнившись, бежали прочь.

Я это чувл; но пока я жил в Дорнахе, мои личные чрезвычайно сложные и трагически складывающиеся переживания отвлекали меня от доктора, взятого в этой ноте; и я впадал в сон своих разыгрывающихся "душевностей"; "стенная рапира" для домашнего упражнения в ритмах фехтования именно мои личные драмы, которые должны были нечто *сковать в душе*. Словом: стенная, домашняя рапира или — противник, импровизированный для упражнений в будущей борьбе с настоящим противником, — сказать парадоксально: *Люцифер*. Все необычайно люциферизировались в Дорнахе; но прививка люциферизма, опять-таки, — прививка: для одоления и приобретения *стойкости* в борьбе: с настоящим врагом.

И этим врагом был Ариман.

Весьма тормозили темп жизни в Дорнахе личные бунты, романы, страсти, трагедии, скандалы; но не они сразили доктора; не они сожгли Гетеанум. По сравнению с действительными, духовно-физическими опасностями Дорнаха, люциферические, душевные бури в иные минуты были оттягивающими припарками.

Не Люцифер, а Ариман, шел на Дорнах.

И как отрицательное электричество вызывает на противоположном полюсе положительное, так приближение грозовой Аримановой тучи сказывалось на жизни Дорнаха истечением через острия душевных "Я" люциферических сил; отсюда — во всех смыслах "романтика" Дорнаха: и романтика мрачных мин и поз, в которые мы впадали, запахиваясь перед доктором в "РРР"-романтический плащ, и романтика светлых чувств, доходящая до того, что каждый в чем-нибудь "перебарщивал", утрируя свои же хорошие стороны и блуждая по Дорнаху эдаким *Дон-Кихотом*; дело доходило до того, что иные приезжали не столько для работы, сколько для того, чтобы "приложиться" стамеской к деревянной стене в надежде, что из стены потечет на них благодатное *мирро*²⁷; случался неизбежный кувырк: с груди ящиков перед деревянной формой — в сор и пыль; "полиелеи" также кончались "многоскандалием", — как, например: ночью никто не мог остаться в пространствах Гетеанума, кроме корпорации сторожей (из нас); и вот, кто-то из нас заметил, что на лесах, под куполом, стали попадаться: апельсиновые [апельсиновые] корки, бутылки от сельтерской воды и т. д. Кто-то после работ утаивался в пространствах стройки; и — проводил там ночи; пространства были слишком велики: обход их занимал минут 40; можно было, лавируя меж сторожами, успеть улизнуть.

Стали ловить убегающего "ррр"-романтика: и — поймали с полчиным почтенную, образованную, весьма неглупую американку; что же обнаружилось? Ей так нравилась романтика ночи в "*Бай*", что она стала в нем оставаться, улизывая от вахты.

Этими "дон-кихотскими" поступками полон Дорнах; порою переполнялся он "Дон-Кихотами" и "мрачными личностями" (*вчера и завтра* — трезвыми людьми). Не надо забывать: в другой плоскости они же выволакивали Дорнах, как умели, из ухабов; это действовала, я бы сказал,

механически, люциферизирующая сила от приближения черных туч отрицательного электричества — извне.

Шел Ариман.

Стало хуже, потом, когда очаги отрицательного электричества возникли внутри Гетсанума и разряды губительных молний не ударили извне, а взрывались внутри.

Доктор сосредоточил силу борьбы в себе с Ариманом; на Люцифера не обращал он такого внимания; Люцифер тут был производной величиной: *был Люцифер от Аримана.*

Как бы то ни было: из облака моих люциферических переживаний и доктор Штейнер виделся мне окрашенным люциферически в иные минуты: каюсь в этом откровенно; лишь потом в ряде лет начался во мне гнозис моего собственного "люциферического" бытия в Дорнахе; и я был то "Дон-Кихотом", то "мрачной личностью", — попеременно. "Дон-Кихот" мечтал о счастье взять на свои плечи *карму* Дорнаха, а мрачная личность заявляла бессмысленно, что она наденет *нарочно* самый экстравагантный костюм и станет *нарочно* на дороге, по которой ходит доктор: в нос всем; и главным образом: доктору и М. Я.; об этих моих "мрррачных" решениях скоро узнавал доктор: и про то, что я его обвиняю то в том, то в этом; и про то, что я собираюсь "нечто" выкинуть: в нос *всем, всем, всем!*

С невероятною добротою и мягкостью в ответ на это "все" он звал: отужинать; и, похлопывая меня по плечу, говорил: "Это у вас в крови бродит произведение, которое вы должны написать". Дело кончилось тем, что он меня с отеческою ласкою, с грустно-комическою улыбкой погнал из Дорнаха в горы: "Поезжайте! И — смотрите: не возвращайтесь ранее шести недель; и не возвращайтесь без эдакой вот рукописи!" Он при этом показал, какого размера должна быть рукопись: по-моему, — она должна была весить: не менее пяти пудов.

Разумеется: это был шарж-гротеск; "мрачная личность" попала в горы и развивала свою "ррромантику" в нос не людям, а снежным пикам; вернулась же в Дорнах с рукописью: это был "Котик *Летаев*", который — чистейший плод дорнахских месяцев; он, можно сказать, выстучался на архитравах; *электричество* стало мирно истекать из острия пера.

Так было со многими.

И роль доктора, присутствовавшего при этих наших дорнахских лихорадках, — невыразимая просто; мы в собственных глазах *подлели*, а он — добрел; и приближался к нам: на наших "аурах" выявлялись черт знает какие ржавчины, а он продолжал добреть, роднел.

"Просто отец родной", — хотелось воскликнуть в иные минуты; не фигурально, действительно, многим он омыл ноги: не гьератически, а как просто добрый, добрый, добрый, всепрощающий, мудрый, старый человек, у которого хватало (и в это время!) тепла, чтобы, где можно, согреть нас; а иные, стыдно сказать, брыкались.

Никогда, нигде я не видел в нем такой *простой человечности.*

Оговариваюсь: это относилось, говоря метафорически, к *ржавчине* наших аур; ржавчина — процесс окисления и итог "люциферического" горения душ в Дорнахе.

Совсем иной тон у него проявлялся по отношению к *синим* пятнам трупности, выступавшим в Дорнахе; разложение крови дымами Аримана, отдача себя этим венозным дымам, — приводила его в ярость. И я нигде не видал в докторе такого гнева, такого грома, такой угрозы, которою он начинал раздражаться в те самые дни, когда он так явно добрел по отношению к злого рода дефектам *имого* стиля.

Одни болезни он нежно целил; в других случаях отсекал безжалостно члены общественного тела; и стоял с рукою, твердо показывающей на выход из Гетеанума для иных: "Вон отсюда!" — говорил его жест.

Один момент он стал ледяным, немым; и мы знали, что жест, который он готовит, есть тот же жест с "вон", но обращенный к обществу в его целом; оставалось складывать сундуки и разезжаться, а недостроенному Гетеануму стоять заколоченным и мокнуть под дождем.

5

В эти дни вспыхивали в нем порывы невероятной силы. И жесты его превосходили превосходную степень.

С таким жестом он пробежал однажды мимо нашего домика, возвращаясь с холма. Я был в кухне; дверь на террасу была распахнута; я встал на пороге: и — что такое? Из-за деревьев несетя доктор, бросив в ветер развевающийся спортух, с опущенной головой; весь жест — дикая мрачность; вихревой лет черного пятна и сжатая, вниз и назад откинута рука; не успел я сделать шага вперед, он, пролетев сажени, рванул калитку; и — бац: она захлопнулась; и — вспрыг через ступеньки к себе на крыльцо; и — рыв рукою дверной ручки; и — бац: дверь захлопнулась; и опять: бац: но уже внутри дома, со второго этажа, где был его кабинет; расстояние между двумя бацами — две-три секунды (он даже не летел вверх по лестнице, а вспрыгивал по ней, вероятно, — гигантскими шагами).

Звук *захлопа* меня ужаснул: звук ярости! И бег по дорожке: преследуемого убийцы; или — преследующего убийцу; так даже не бегают на пожар.

Несколько минут я стоял, ужасаясь: "Что случилось?"

В контексте последующего [последующих дней] — ничего особенного, т. е. очень много: к *многому* мы привыкли в те дни. И, более нас: привык доктор.

Именно в эти дни его расстроили сплетни бездельниц, рассказывавших о молодежи гнусные небылицы; в частности: сплетня об одном молодом и не подозревавшем о сплетне норвежце, переступив порог общества, бегала среди арлесгеймских и дорнахских крестьян; увидевши, что дело плохо и что *миф* грозит репутации невинного человека, он сам пошел в деревню произвести "следствие", в результате которого сплетня была уничтожена в корне.

Он спас репутацию.

Неужели ему, пере-пере-груженному всем, приходилось еще и обивать пороги крестьянских домиков?

И в те же дни я видел его в другом жесте: в жесте — "эксцельсиор" над всем мелочным, сплетенным, страшным; наперерез, сквозь тучу к очищающему действию просветления во всех нас феноменом искусства, сплетенным с днями окончания работ над малым куполом, — с днями, в которых он видел созревающий духовный ритм: именно в эти дни купола, так сказать, подносились небесным высям как умиловительная жертва за мировое окаянство, в частности: окаянство всех нас.

Надо было извлечь в душах жест этого вознесения; души же были замараны, растеряны, унижены, ржавы; шла — сваря, начавшаяся до и окончившаяся гораздо позднее; надо было именно в эти дни хотя бы группе людей найти в себе Ариаднову нить, чтобы пройти в *храм души* [храм душ], чтобы найти храм души [храм душ] и в нем, в этом храме, хоть в жесте едином (в счет будущего) оправдать дело любви, дело проваливающегося у всех на глазах Гетеанума; это было сверх сил; и он не мог не надрывать; он мне виделся поднимающим одною рукой и все камни "Гетеанума", и всех нас, ставших *каменными болванами: именно к этим дням.*

И он — поднял.

Если бы вы видели этот жест поднятия; ничто не надрывалось в нем; легкий зигзаг руки, исполненной эвритмии и означающий: "Выше, выше, — эксцельсиор!"

Сквозь дионистический разрыв встало [стало] видение "Аполлона" (вспомните "происхождение трагедии").

Аполлонов сон, или миф, — лекции о Гете и поданная им, режиссером, — всем — постановка последней сцены драмы "Фауст"²⁸.

Жест посвятельный стал искусством; искусство же было приподнято: до мистерии!²⁹

Две превосходных степени двух тем перекрестились в нем; и мне впервые в докторе открылся новый аспект: аспект режиссера в новом, грядущем театральном действе.

Театральный курс лишь позднейшее, так сказать, абстрактное оформление произведенного им жеста.

То же страдание, которое стояло за *эстетом*, было от нас занавешено: действовал в плане эстетики художник-доктор, в то время как *духовный воин* в нем изнемогал в борьбе.

6

Исключительная трудность Дорнаха, — как сказать о ней? Она слагалась из нагромождения разных пластов трудностей, отражающих разные планы жизни.

Извне думали: "Хорошо им в Дорнахе: видят Штейнера, эгоистически упиваются звуками небесных гармоний, когда кругом льется кровь!" Вот первая трудность для имеющих сознание и совесть людей, подчас героически выдерживающих свою ренегатскую репутацию; абстрактные эгоисты — так называли нас в положительной степени; ренегаты — сравнительная степень; и, наконец, — превосходная: "предатели отечества!" Мы, дорнахцы, более, чем кто-либо, знали, что это так: каждый, получал письма с родины; по намеку восстанавливал картину целого; и когда в письме стояло "дивлюсь тебе", я прочитывал "возмущаюсь". Ведь мы, бесчувственные эгоисты, ходили по Дорнаху часто с ободранной кожей; на то и обнаженные нервы, чтобы чутко реагировать на "вторые смыслы" получаемых писем, а ответить на эти вторые смыслы нельзя было: военная цензура.

И делалось непонятым, почему мы там сидим.

А мы сидели, читали газеты всех стран (русские, немецкие, французские и т. д.); и ясно видели: по-одинаковому ругали — французы немцев, немцы — французов; одинаково выдвигались [выдвигалась] "доблесть" своих и "гнусность" врагов. Уже это одно [одно это] знание, а не воздействие Штейнера, или антропософии, делало нас бесчувственными к иным стилям выявления "патриотизма", и дорнахские "антропософы", большинство которых начало с максимума патриотических чувств (эпоха "военных страстей" в Дорнахе), действительностью, т. е. критической неослепленностью, были приведены к ликвидации "фальшивого" патриотизма (настоящий патриотизм и был и оставался); наконец: у нас был опыт 3-х—4-х месяцев: представители воюющих стран, пылко любившие родину и поминившие ее особенно (разве не *тянуло* порою на родину нас?), кидавшиеся друг на друга, — не только не убивали друг друга, но и не было ни одной потасовки; яростные споры в кантине, нежелание уступить "пяди" друг другу; и, в решительный момент, когда выяснялось, что договориться нельзя, шли плечо в плечо на общий фронт работы: работать никто не неволил; "охота" оказывалась "пуще неволи": ведь у каждого до войны работа была вколочена в здание; ведь у нас был наш "Марс", который лишь мы могли достучать, который давался таким трудом, терпением и побеждавший все любовью; мне было бы больно, если бы у меня отняли "Котика Летаева" — недоработанным; а ведь "Марс" был таким "Котиком Летаевым"; увести его с собой нельзя: он вколочен в "Бау": доктор хвалил "Марс"; и только мы могли его окончить; у каждого был такой "Марс", а целое, схватившее все "Марсы" — Гетеанум и дело доктора: а это дело — дело любви и мира, противопоставленное войне: утверждать "на земле мир и в человеках благоволение" в дни, когда мир охватила война, значило: приподнять этот "мир" в сферу духа и в сферу культуры, которые "зла не мыслят". "Абстрактный пацифизм" — пожимали на это плечами, стало быть, не ренегатство, а только глупость; спасибо и на этом! — хотелось ответить.

Но — "глупость" ли?

Глупостью в те дни мне казался, например, пошлый донкихотизм русских "патриотических" лозунгов, согласно которому надо было окрывать миллионами жизней Европу оттого, что 80-летний выживший из ума старик (Франц-Иосиф) пригрозил маленькому народцу, выделившему из себя убийцу эрц-герцога, явно подуськанного закулисной игрой дипломатов "Антанты", чтобы под благоприятным предлогом (заранее учета сил) вызвать позера Вильгельма на внешний предлог к войне и отхватить Эльзас согласно плану; ведь книжка под заглавием "Раздел Германии" продавалась свободно в газетных киосках Базеля в 1912 году; прочтя ее тогда, я подумал: "Вот оно что!" Чтобы заткнуть рты, надо было: убить Жореса (за одного Жореса стоило перевешать всех патриотов в кавычках), пырнуть ножом в Распутина, посадить в тюрьму Карла Либкнехта и т. д., не смешно ли: мужик Распутин, Жорес, Либкнехт, русский писатель Белый и немецкая графиня Калькрейт (впоследствии [впоследствии немцами] на эту скамью подсудимых был посажен и Мольтке, внявший нашептам "предателя" Германии Штейнера; по версии же "Антанты" — "шпиона" Германии) — эти ничем не сходные личности и сколько другие *мигом минуты* чисто механически оказались в *предателях отечества*; надо было вместе с русскими *дураками* и *дурами* кричать: "Все — для Антанты: миллионы крестьян должны быть разорваны бомбами, чтобы отстоять Верден, отгигивая своей кровью силы немцев!" А в это же время с убийственной деловитостью из среды французов и англичан приходилось выслушивать: "Следующая война — с вами" (с русскими); она и была, когда огромную страну, только что отдавшую миллионы за Эльзас, блокировали; и голодным тифом, т. е. убийством миллионов ответили "союзники" на миллионы убитых из-за Эльзаса и Вердена: кто добывал французам Эльзас? Русские "патриоты". Кто отнял у нас Бессарабию? Патриоты — союзники.

Утверждали наглую ложь: "Война за мир". И вместо мира: зреют новые "мировые войны". Кричали о варварстве "газовых" атак; и уже: заготовлены "газовые" запасы главным образом кричавшими.

"Глуп" ли я был, если мне это стало ясно к январю 15-го года? И не в глупое ли положение попали иные из кричавших о том, что они возьмут Берлин, и оказавшиеся через 3—4 года взятыми Берлином в моральном смысле, когда из Берлина именно усилиями немцев-публицистов началась в Германии мода на них, как на "русских философов".

Не дурацкое ли положение: громить "врага", чтобы сейчас же позволить ему себя "увенчать лаврами"? Если нам, русским в Дорнахе, открылась фальшь и слепота грошового патриотизма, то многим немцам тогда именно открылась вся грошовость "Людендорфов".

Так "внешние" споры с врагами "по положению" в Дорнахе при внутренней охваченности делом культуры противопоставились внутреннему раздвоению двух патриотизмов: патриотизма и "фальшивки", сделанной из него.

Деятнадцать наций Европы, под куполом Гетеанума каждая, верьте, переживала собственную, глубокую, тяжелую трагедию... из любви. Это было тоже своего рода "происхождение трагедии" из "Духа музыки"; но трагедия дорнахская была — подлинная, а "Дух музыки", дувший в уши из писем с "родины", был инспирирован какофониями "фальшивок"; не "музыка", а — рев; не "дух", а — вонь.

Не забывайте: каждый из дорнахцев, "предавший отечество", имел в отечестве фальшивкою оболваненных близких друзей, отцов, матерей, сестер, братьев; и эти одурманенные, менее нас видевшие близкие, нас "отлучали" от нашей любви к родине, которая тем острее переживалась, чем более были мы отрезаны от нее; разве нас не тянуло вопреки всему "домой"? И разве в этой тяге не осознавалось вопреки всему, что во имя "дома" мы не можем по долгу и из любви бросить то, что мы делали в Дорнахе; и "ренегаты" иные так разрешали вопрос; шли на призыв; и, пронизанные пулей, умирали в сражении. Разве нам не было тяжело от немцев-шовинистов (и такие бывали). И разве немцам-братьям не было тяжело, когда я, например, бросал в кантине им обвинения? И разве мне самому не было тяжело, обвинив немца, неповинного в разрушении соборов и уже обвиненного в Германии в ренегатстве, когда, вернувшись домой, я получил с родины: обвинение в ренегатстве!

Одна [однако] пережитая трагедия сознания на военной почве была конкретнее обвинений, бросаемых в нас с родин: в чувстве реального преодоления ее рождалась новая связь с сообреченными на обвинение братьями. Именно в военные годы появились в Дорнахе ростки культуры, посеянной "немцем", — ростки, с достаточной полнотой оцененные, например, ныне в Англии (школьные задания, эвритмия и т. д.).

А европейская "старая" культура до сих пор не может сложиться после того, как война ее растрясла.

И ее симптом — сочинение: "Гибель Европы"³⁰.

Она стала: культурой гибели.

Легко об этом теперь писать, а каково это было тогда переживать?

Вот один из дорнахских "тернов", и более всех "терн" воззался в чело доктора; не сомневались — сколько: Штейнер — немецкий агент; Гетеанум, нами высекаемый — "для вида"; суть — в "бетонной площадке", замаскированной "немецкой крепости" (такие слухи ходили — в России, во Франции); и тот же "агент" в Германии травлею официальных военных органов уже в 1922 году выдвигался как эмиссар "Антанты".

Два обвинения, которые он нес, в те именно дни, были ему крестом; и мы старались — стоять около.

Из этого вытекали все глубоко неприятные и перманентные переживания действительных слежек со стороны всех контрразведок, хождений по пятам, надзора за помещением, подглядываний в окна, неофициальных обысков во время отсутствия, выворовываний из запертых комодов циклов, писем и других документов; все — было воистину; описанный мной перезд из Дорнаха в Петербург летом 16 года в отношении к "шпионам" — не

выдумка, а зарисовка с натуры ("Записки чудака"³¹). Я бы мог начать ее с конца 14 года.

Посадили *шпионов* и *эмиссаров* внутри общества; они проскальзывали в А. О. где-нибудь на стороне; и, явившись в Дорнах, в качестве "членов", сидели с нами *бок-о-бок*, не пропуская ни слова доктора, который более всех это знал и должен был молчать, подавая нам лишь знак: к молчанию. Были, вероятно, не только агенты разведок, но и опытные *провокаторы*, имевшие свои, гнуснейшие, задания; и — между прочим: "военно" мутить нас; и — проваливать "Дорнах": отсюда и "национальные группочки", противопоставленные ядру работников.

Представители "ядра" вели себя, как немец Людвиг: он жил братски со всеми; и, вероятно, — проклинаясь с родины; стукнул час, и он, пожав нам руки, пошел под Верден, где французская пуля его уложила.

Так вели себя "предатели".

А "патриоты", налетев из Германии или Франции, начинали шушукаться: "Не понимаю, как это возможно! Оплевывали "предателей", нас, брали "ванну" из лекций доктора, любовались плодами нашего "окаянства" или Гетеанумом; и — разъезжались на родину; хуже того: они посылали через границу письма с личными характеристиками, иногда подлейшими, — нас: так мы попадали в "списки" контрразведки.

Наконец доктор взорвался: и — загремел: "Если вы хотите, чтобы завтра нас разогнали отсюда, — пишите письма на 20 страницах через границу!"

Был надет самоцензурный корсет, но — поздно: из Франции писалось, например, — по моему адресу: отсюда — особенное внимание ко мне в дни возвращения в Москву: в дороге, на всех границах.

Нас унижали не только на "родинах", унижали и в Дорнахе: и "налетчики", и праздно-болтавшие рантьерши.

Присоедините к этому: тупую ненависть к нам со стороны многих "антропософов" за то, что люциферизированных "Дон-Кихотов" и "мрррачных личностей", измученных, обалдевших, не показных, большей частью бедняков, попавших в труднейшее материальное положение, он полюбил вопреки их "мрррачности"; и не отдал на растерзание.

Вокруг нас, воистину, щелкали волчьи зубы.

Присоедините еще: действительные, все росшие сложности и трудности самой работы, оскудение материалов, средств, наших сил в вырвавшейся неопределенности положения. Присоедините еще: плотное кольцо незаинтересованных ненавистников в среде мецан, рассказывавших гнусности и небывлицы для веселого "го-го" за пивом, в кабачке, но вгонявших друг друга в тупой азарт: "Трави, бей их!" присоедините за их плечами ютящихся в тени иезуитов и иных "окультурных" врагов дела доктора, нащупывавших нас иногда невидимыми пулеметами. Присоедините к этому всему, что в Дорнахе именно вскрылись гнойники всего большого и воняющего разложением, что тихо ютилось, распределенное по всем странам Европы на протяжении 10 лет; в Дорнах притянулось все это; и все созрело; здесь

чистились конюшни, зараставшие грязью в Берлине, в Мюнхене, в Штутгарте; мы, не виноватые в вони Мюнхена, простите за выражение, — провоняли ею; в Дорнахе вышли из общества те, кого мы вчера видели в первых рядах: почему здесь, — а не в Берлине? Почему мы, работавшие над постройкой, были вовлечены в то, что не имело никакого отношения к постройкам, а, например, к Вене, в виде гнусностей австрийки фон "Ч", обрушенной частью и на нас, как козлов всеочищения. Был момент, когда весь Дорнах был отравлен, и в домах, и на стройке; и лишь маленькое пространство под куполом, куда мы спасались работать, оставалось чистым; и мы, как воры, из дому пересекали зону вони... под купол. Присоедините еще полуобъяснимый факт, что группа работников, на которых свалились все тяжести эти, состояла из лиц или семей, точно врасплох застигнутых вполне неожиданными личными трагедиями, созревавшими в годах, не здесь, но разразившимися — здесь.

Не мне пришла в голову мысль, что *Дорнах* стал выявителем кармы; она была мне подана кем-то из "старших"; но должен сказать: моя карма определилась в Дорнахе: карма лет.

Странное совпадение одновременно разразившихся личных драм в коллектив драм увеличивало процент "мрррачных" личностей; осенью 15-го года я не видел в Дорнахе ни одного немрачного лица; зато: среди мрачных лиц стали попадаться и лица явно больные: лица заболевающих неописуемыми нервными болезнями; они потом — выздоравливали.

И, наконец, последнее, о чем говорить труднее всего: разразился ряд поистине странных, поистине страшных, ничем не объяснимых инцидентов, совпадений, "чудес в решете", перепутавших до конца и так запутанные карты жизни. Я апеллирую к свидетелям тут, переживавшим это; и я констатирую: *вне Дорнаха этого никому не расскажешь*; не хочу подать повод назвать себя суевером; но — протекло уже 13 лет с осени 15-го года, когда мне казалось, что *злая сила*, появляясь среди нас, едва ли не воочию делалась видной — *не мне одному*: инженер Энглерт был "мужиком" крепким; а и он не выдерживал этой тональности "страшных" повестей в стиле Гоголя.

Соедините все, и вы поймете: *Дорнах* был исключительно труден.

7

Я провел в Дорнахе два с половиной года; и после в нем не был; воспоминания мои о нем — далекое прошлое. Но уже при мне складывался тип антропософа "дорнахца"; и я "дорнахцев" встречал в 22-м и 23-м годах; наконец, — был период, когда я полагал, что я в Дорнахе водворюсь навсегда; во мне жили черты слагающегося "дорнахца".

"Дорнахцы", — сплотившаяся около Гетеанума группа людей, вынесшая в тяжелейшие годы тяжелейшие удары, нанесенные антропософскому

движению; они заслуживают глубокого уважения; и даже: удивления; это главным образом люди, которых переместил в Дорнах порыв любви; они доказали на деле, что не одно эгоистическое удовольствие качаться на ритмах под кафедрой доктора Штейнера и даже не одно намерение "лично учиться" привело их в Дорнах, а желание помочь делу. Это — огромный плюс. Плюс второй: для скольких перемещение в Дорнах — итог огромных усилий; и моральных и материальных.

Огромный дефект антропософской общественности есть тот, что эта общественность заключена в скобки другой общественности: "европейской" общественности, "буржуазной" и косной; буржуазным духом несет из скольких центров; ограниченный рантье, увы — явление нередкое среди антропософов. Дорнах в мое время приятно выделялся потенцией к иной общественности; дорнахская рабочая группа в мое время в среднем — *беднота*, делавшая героическое усилие, чтобы материально просуществовать в Дорнах; ведь "принцип оплаты труда" был отвергнут (да и при желании оплатить огромную, тяжелую работу в годах, — она неоплатна: у "общества" не было на это средств); исключения бывали для впавших в катастрофическое состояние, помощь в виде оплаты, — не правило, а исключение. Достаточно сказать, что Катчер, с которой воевали резчики на фронте искусства, ассигновала на жизнь в Дорнахе небольшую сумму денег, скопленных рядом лет тяжелого учительского труда; "твое, мое" и "хата с краю" — с этим было покончено в Дорнахе. И в политическом, и в культурном отношении "дорнахцы" моего времени — крайне левые: и вот еще причина, уже чисто социальная, почему их грызла антропософская буржуазия.

Поставленные в условиях всяких трудностей и оказавшись объектами небывалого эксперимента, они во многом справились с физическими затруднениями; и дали — фалангу культурных бойцов нового типа; до Дорнаха в национальном составе членов преобладали немцы; и Германия являлась точкой пересечения движения; "дорнахцы" слетались отовсюду: немец Людвиг, финн Лилль, поляк Рихтер, чех Полляк, англичанка Мэрион, голландец Ледебур чувствовали себя в Дорнахе не в "гостях", а у себя дома. Как бы гостеприимно нас ни принимали в Германии, — чувствовалось: мы в гостях.

"Дорнахцы" стали в хорошем смысле слова интернационалистами; они освободились от биологического национализма; и тут помог опыт войны (теневой стороной оказалась оторванность).

Наконец, "дорнахцы" — начало "Новой Школы" в антропософии.

Все это — огромный "плюс"; и "плюс" — неоспоримый тем более, что "плюс" этот — не внешний знак отличия, подаренный в виде "крестика" за заслуги хотя бы доктором Штейнером, а — органическое образование, наподобие — да простят мне за смешное сравнение — петушиного гребня, который не снимаешь, не утаишь; в этом знаке отличий "из природы" особая форма "дорнахцев", или "вышедших из Дорнаха"; ее не смешаешь с формами штутгартцев, мюнхенцев или берлинцев; берлинец в Дорнахе ос-

тавался "берлинцем"; а "дорнаховец" в Берлине, хотя бы он некогда из Берлина же осел в Дорнахе, — оставался "дорнахцем". Вот в чем культура Дорнаха, ставшая "второю натурою". Я до сих пор, например, ощущаю в себе непроизвольно "дорнахские" замашки, а я уже 12 лет не был в Дорнахе.

Крепкую "культуру" разводил доктор, ибо в положительном выявлении своем "дорнаховец" и "дорнахка" являют собой учеников и учениц еще одного из "классов" доктора; при перечислении "классов" я элиминировал "дорнахский класс"; Дорнах — школа.

Но может быть, потому что это очень трудный класс, ученики и ученицы его мне выявляли особенно бросающиеся в глаза *дефекты*, могущие казаться *уродствами* тем, кто не видел условий дорнахской жизни; уродство — в том, что органические дефекты диалектически вытекали из положительных завоеваний; в "дорнахцах" чувствуешь и "тезу" и ее "антитезу"; "антитеза" тезы в том, что свой *петушиный гребень* дорнахцы непроизвольно считают *гвардейской каскою*, а свой "плюс" непроизвольно вывешивают, как иные вывешивают "георгия" или "железный крест": не во внешних знаках и даже не в сознании, а в инстинктивном жесте; новая "демократия" стерилизовалась в аристократию.

Дорнах — класс трудный, ибо основной урок этого класса — урок войны: дорнахцы были в [на] войне; их жизнь годами — окопы, внутри которых они участвовали в таком опыте, который нигде, кроме Дорнаха, не производился; и опыт этот проводили под неприятельским огнем, уничтожившим [уничтожавшим] в Дорнахе многих (я считаю, что Энглерт, Хольцляйтер, доктор Гош, Розенберг, Шпренгель, Н. Н. Киселев и сколько еще уничтожены для антропософии в Дорнахе: огнем "орудий"); еще большая группа получила опасные раны; уезжая из Дорнаха в 16-м году, я не знал никого из дорнахцев, кто не был бы ранен и не лежал бы в "лазарете"; раны — разные: от легких *до* смертельных; но ранены — все.

И очень многие на всю жизнь искалечены.

Дорнахские "калеки" заслуживают глубочайшей симпатии за тот моральный подвиг, который ввел их в боевой огонь; и ужасно было бы над ними смеяться.

Одна из особенностей дорнахских ран — травматические повреждения *голов* и *сердец*; и *суи генерис* странность, выражающаяся у иных в жестах, напоминающих дефективность (я говорю не о всех, разумеется); то — что для небывшего в Дорнахе порой выпирает и "ужасно", и "смешно" в дорнахце, для меня, прошедшего в Дорнахе кусочек жизни, — разумеется, не смешно, а ужасно в смысле *трагедии*, бывшей некогда, в результате которой "индивидуум", или духовный центр, отвердился, быть может, для ряда воплощений, а личность для нынешнего воплощения осталась *без ног*; видишь *калеку*, уважаешь его за перенесенное; но нервно вздрагиваешь, когда свою искалеченность непроизвольно он сует в нос, как *невыразимую красоту*; бугры или безобразные впадины вместо отсутствующих органов

жизни почтенны, но их — прячут, а не выставляют под нос другим. Дорнахцы же имеют свойство (инстинктивное) к этим уродствам своим относиться, как к знакам отличия, как к прекрасной форме, которая их зачисляет в "отряд особого назначения". Они не понимают, что человек, не введенный в особые условия жизни в Дорнахе, совершенно иначе относится к печальным знакам отличия; не говорит: "Ты героически сражался"; а — говорит: "И в кого ты таким уродился!"

Видя дорнахцев в таком положении, я двойко стискивал зубы — не раз: перед *дорнахцем*, не понимающим своего жалкого положения; и перед тем, кто его только осуждает, *не так осуждают дорнахцев [но так осуждают дорнахцев:]* пошло!

Все то, о чем я говорю, — глубоко, очень глубоко; я лишь сигнализирую словами; и лишь сигнализация — перечисление ряда дефектов по внешним признакам; эти признаки не соответствуют внутреннему содержанию; там они — *иное еще*.

К таким дефектам относимы вытянутые теневые стороны положительных свершений. Например: самопожертвование и бескорыстие стянули в Дорнах в нем выкристаллизовавшийся "особый отряд"; теневые стороны этого: черствость, сухость и нечто, напоминающее безжалостность по отношению ко всему, что предполагается существующим без "подвига особого назначения"; и отсюда, опять-таки, неумение разглядеть "подвиг", скрытый в обыденных формах жизни вне "помпезного обстания", в котором протекал подвиг дорнахцев. А любовь к делу Штейнера, любовь пламенная, и вытекающая отсюда нежная любовь к "бау" в скольких бессознательно уродливо материализовалась до культа перед "истуканом", — не существом, которого негативом лишь являлась материальная форма, а каркасом вещества — *бетоном и деревом*; этому бетону, как Молоху, приносились и *кровавые жертвы* в том смысле, что вколачивалась жизнь в бетон и камень и отнималась любовь у близких ("некогда любить"), засорялась собственная личная жизнь ("некогда прибрать ее"); так "все для дела" перерождалось во "все — мимо дела;" ибо дело, которому начинали служить, было негативом другого дела: храмом любви душ.

Смертельная рана Амфортаса не была излечена; и часто "дорнаховец", призванный к миссии выявить Парсифаля³, становился эдаким "Амфортасиком" (безо всякого излечения).

И я наблюдал: вопиющие грехи против реальной человечности во имя абстрактной и *только абстрактной* социальности в Дорнахе; но абстрактная социальность до последнего времени ничего иного и не могла выявить, кроме *борьбы партий*.

Неужели для этого нужны были заклятия бросаемых в бездны жизни и мумификация в себе человека? Не значило ли это: отдать пламени пожара и то, во имя чего совершались *бессмысленные жестокости*?

Нельзя жить рывом и перманентностью "совершенно исключительных минут", сменяющих одна другую без возможности разобраться критически хотя бы в одной из минут; а дорнахцы, центр съездов, центр курсов,

устраиваемых над движением в его целом, в силу случайного обстоятельства присутствия при всех этих "совершенно исключительных" минутах этот рыв за рывом и штурм за штурмом превратили в какую-то дурную бесконечность инерции; и — только. Есть две инерции: покоя и параллельного равномерного движения всех непересекающихся пунктов; так говорит физика; и жаль, — что это забыли дорнахцы; их участь была — или сойти с ума от десятилетия "периодов бурных стремлений"³³ (есть и "сумасшедшие"), или выработать защитный цвет равнодушия и "только заглядывания" всего виденного и слышанного: в 1921 г. при встрече с "дорнахцами" после пяти лет разлуки я был поражен, до чего они разучились критически воспринимать и внятно истолковывать хотя бы лекции Штейнера; иные из них не умели мне ничего внятно "объяснить", разве лишь констатировать: "Было сказано *то-то!*" Да и то: "*то-то*" порой выглядело в их интерпретации [интерпретациях] чем-то столь серым, что я не мог его отнести за счет слов Штейнера.

Интерпретировал и *толковал* Штутгарт (хорошо ли, дурно ли, — другой вопрос); и порой критически углубляла, пусть "крохи" мудрости доктора... "отсталая" в смысле всех "*последних слов*" — Москва.

"Последние слова" непроизвольно искажались в моды ужимок и жестов в дорнахских ветеранах; и это — понятно: они трудились в "ремеслах", в "ячейках"; сделали много; и просмотрели, что утратили не только идеологию, но и самый вкус к ее пониманию: все равно ничего не разберешь, да и некогда: стройка первого Гетеанума, второго Гетеанума, звритмия, стекла; и все это — под градом курсов на протяжении... 10 лет; а в узких щелях остающегося времени: "героическое" состояние борьбы по ликвидации "исключительных" положений; курсы — не усвоены; личная жизнь — засорена пеплом (не до нее); а дурная бесконечность "*исключительных состояний*" перерождалась в "политику".

Самый интернационализм, завоевываемый конкретно в годы войны, в скольких душах осложнялся завоеваниями *равнодушия* к родине, взятой в глубоком смысле; сидение в центре движения отвлекло от движений, происходивших в жизни вокруг. В 1921—23 годах в беседах с иными дорнахцами я чувствовал: они *равно ничего не понимают из того, что происходит в действительности*.

Наконец: даже та трезвость, которая вынашивалась при мне в процессе ликвидации средневековой романтики грез "О пути посвящения", в иных душах осложнилась жестом скепсиса до... оттенка цинизма; иные русские дорнахцы и внешним образом выглядели какими-то "нео-нигилистами": "Человеку верить нельзя; все — "хороши": *вы*, — *да* и *мы*; на антропософские темы — говорить не стоит: ни вы не поймете, ни мы. И не стоит прибирать своей жизни: оттого и комнату свою надо обсорить и опепелить".

Что же остается? Труд в поте лица в сфере ремесла, но без ударного вдохновения, которое может прийти, как луч, лишь из углубления конкретной идеологии, да "политика" ("Вы за Колиско или за Унгера? За Вегман или за фрау доктор Штейнер?"). Бедные дорнахцы!

Оговариваюсь: все это — внешне выпирающие пятна, за которыми теплится свет огромных достижений; и разумеется: не все дорнахцы хромают; именно отсюда выходили претерпевшие до конца, но спасшиеся; и — потом: это — травмы, полученные в огне настоящих сражений. Все эти слова о том, чего дорнахцы не знают о себе и о жизни вне Дорнаха; и они возможны лишь после того, как подчеркнуто: *они знают то, чего никто не знает!*

Две ноты, две темы, сближенные в точке романтики, как Шуман и Шуберт; но Шуберт родился в конце 18-го столетия; Шуман — в первых годах 19-го. От Шуберта в некоторых нотах скорее дойдешь до Баха, чем до Шумана; от Шумана в некоторых штрихах скорее дойдешь... до Скрябина, чем до Шуберта.

Шуман и Шуберт, мной почувствованные в Дорнахе, верней, Бах и Скрябин, тающиеся под ними, — мучительная антиномия, или ужасные бои, в которых участвовали дорнахцы, бросавшиеся жертвенно в центр огня, — вот происхождение трагической травмы, которая, не знаю, исцелена ли теперь, но признаки которой мне четко выделились в 21—23 годах после 2 1/2 лет жизни в Дорнахе и 5 лет критического разбора своих дорнахских впечатлений в России.

В те годы я еще не имел мужества их так просто называть, потому что нить, связывавшая меня с Дорнахом (и в хорошем, и в дурном смысле) не перетлела: *и я где-то был дорнахским калекою*. Лишь в 26—28 годах я, нечто утвердив в себе, почувствовал, что могу повернуться на Дорнах с беспристрастием, чтобы вернуться к нему в духе души, ибо Дорнах, как новая культура, поволенная в каждом, — везде; и сам Дорнах лишь *модель* к построению; надо взять у него *плюсы*, учась на *минусах*.

И все же: в разговоре со мной одна из прекрасных дорнахских антропософок, являющая высокую красоту боевых достижений без "ран" — выразилась: "Люди-то плохи, да вещь — хороша!" В ее "как" звучало: "Надо уметь жертвовать жизнью и, идя на крест, радоваться!" И она — права: я видел ее в Дорнахе; и — скажу: победителей не судят! Но эти слова все же не применимы к случаям, когда бесцельно растоптанная жизнь и топтание жизней близких, начинаясь под флагом жертвы и любви, завершаются под флагом нигилизма и снобистической гримасы; тогда выражение "люди плохи, а вещь хороша" означает: "Гора родила мышь".

Мне думается, что "двойной" взгляд доктора, преследовавший меня, как *эмизм* в Дорнахе, означал вот что: он видел, что гора усилий, рождавшая прекрасное начинание Гетеанума, в иной плоскости оканчивалась: разведением мышей. Ариман, царь мышей и мух³⁴, отражался, быть может, для всего будущего духовного движения; но, отражаясь в линии времени в пункте пересечения этой линии с пространством, завоевывал отчасти этот пункт "нашествием мышей".

И это был ужас доктора, от нас таимый: знать, до какой степени "лучшие" оказались не "лучшими".

Видеть все безо всяких иллюзий, знать, что "и ты отречешься, и ты"³⁵, таить даже отречение от отрекающихся и отречению противопоставить такую любовь и силу порыва, что их же, отрекшихся и павших, бросить в бой за то, что они в основном уже проспали, и их руками нечто большое отстоять; это — что-то единственное в своем роде. Чем же было вступление доктора в общество, которого членом он не был, но которое возникло, как общество, чтобы оформить возможность пользоваться его работою? Тем, что он не был "членом" той специальной формы, которая уже ветха, он оставался в "ассоциации" видимых и невидимых тружеников на благо сему миру; а "общество" — предлог: выволакивать из ветхих общественностей в эзотерический смысл мировой ассоциации.

Ну, конечно же, — "общество" и было и есть "так сказать"; проходные ворота к "большому"; и не доктору бы в "большом" пребывавшему, становиться "членом" общества.

Но когда оказалось, что проход к нему и "сущим с ним" закупорен всеми сознательными или бессознательными предательствами и "ворота" прохода стали только "спальней" для сонных, он сам вошел к предавшим его сном и сделался ради них "узником" общества; только так я понимаю его вхождение в членство.

Дорнах был задуман как великое дело; попадали в "общество" ищущие пути и школы; и им Штейнер давал ряд *школ*, и внешних, и внутренних; но *школа школа*, как центр пересечений [пересечения] и собственно выход из брэнной "общественной" формы, есть школа, где суммы опытов школ, внешних и внутренних, были школой выхода на слушение всему миру.

Такою школой должен был стать *Дорнах*; и он кое в чем начинал становиться таким при жизни Штейнера: в *Дорнахе* несли подводные течения из разных "ветвей" и "школ" (сумма которых — "общество"), чтобы уже назад не вернуться; и центр *Дорнаха* превратить в линию: В *мир*! Конечно, речь идет не о географических приездах и возвращениях, а о расширении за пределы суммы отдельных, местных центров.

Для меня местом "общественной" оседлости стал Берлин; из *Дорнаха* я вернулся в Москву, где и понял "Москву" в смысле антропософии как не только "московской ветви", но и как ветви процветшей вне себя и разорвавшей окружность "общества"; в Берлине я жил *два года* потом, но к месту исходной оседлости не вернулся: "берлинская ветвь" кончилась: *Дорнахом*, отрезавшим от нее. Да и "берлинец" — доктор, посещая Берлин, более посещал Лондон (беру во внутреннем смысле), утвердившись в *Дорнахе*.

Я мыслю так: сумма центров образовала окружность; но в "высшей школе" нарушалась иллюзия ветхой и замкнутой окружности общества в разрывающую окружность спираль, начинающуюся в *Дорнахе*, как [как в] центре; если правильно попасть в *Дорнах*, — то — спираль началась,

потому что Дорнах — не пункт в Швейцарии, а спираль, уводящая во вселенную: прочь от Дорнаха.

Вот одно из пересечений двух куполов первого Гетеанума: из малого купола должно было развиться действие в большой купол мира; а сидели под большим куполом, как "накрышкой", вперившись в задание *малого купола*; выходило: навыворот!

И точку исхода из ветхого понимания общества в спираль, соединяющую с миром, взяли в сечении географического тычка, или — точки.

Архитектоника затей — изумительна: первый Гетеанум — монограмма мировой истины: и то, что знак был сделан "такими" руками, — в "такое" время — силаща доктора!

Но и внешне он был невыразимо хорош, несмотря на ряд портивших его, наляпанных пятен: такие пятна — недосмотр строителей и неумение предохранить от порчи дерево, в результате чего на порталы были надеты какие-то "чепцы" барокко; пошлый модернизм "стиля" стеклов (вопреки доктору) и беспомощность художников, испортивших планы доктора (живопись куполов) — все это "пятна", не заслонявшие целого.

Неоконченное к моменту моего отъезда целое тем не менее было *невыразимо прекрасно*; и как все *невыразимое*, оно совершенно ускальзывало от фотографирования; невыразима была светотень разных форм, "плюс" сумма колоритов дерева, бетона и черепицы, "плюс" линии формы, дававшие целое. А фотографируемые формы, "минус" колорит и светотень — воистину что-то жалкое! По сравнению с оригиналом, которого магия впечатлений в том, что так безраздельно дооформляли колориты и "доколоричивали" формы; настоящею формою делалась текучая игра колоритов, а колоритом — форма. Оттого что он так особенно действовал в непосредственном *восприятии*, он не мог быть передан в разложении восприятия, в *количестве* без качества, или в качестве без количества; фотография передавала шарж *количества*; и — глаза мои невольно отворачиваются от нее: разве "это" Гетеанум?

И вот тот факт, что чудо *восприятия* случилось-таки и что материалом восприятия оказалась гигантская форма, сложенная многими десятками рук слабых, смешных и особенными талантами в искусстве стройки не отличавшихся людей, но людей, охваченных пламенем любви (сколько потом уснули) — огромная режиссура доктора.

Я говорю *режиссура*, потому что доктор нас поднимал на работу и в нас поднимал работу одновременно многими путями, — как духовный водитель, воин, труженик, умница, педагог, просто резчик, стекольщик, администратор и т. д.

Тот же, кто соединял все это в Дорнахе — музыкальный дирижер, или вернее: режиссер.

Дорнахская трагедия — огромное дело в истории духовного движения последних столетий; и режиссер, зная неизбежную трагичку постановки, — шел на нее.

Вот почему и задания сцены так высоко приподняты в месте "происхождения трагедии"; сцена как бы *сошла со сцены*; из-под малого купола вышла в большой.

И потому-то в *контакте* моих воспоминаний о Дорнахе в первую голову лежит узнание о докторе, как *режиссере*.

9

Он любил *сцену*; и он — знал сцену. Отдыхом для него было возиться над всеми проблемами постановок в крупном ли масштабе, в виде ли домашнего, почти семейного спектакля: для своих, немногих, близких; "семейным" спектаклем я называю: инсценировку на дорнахской сцене, в стюларне; или — наскоро приготавливаемую постановку крестьянской старинной мистерии в дни Рождества; где возникла *идея* инсценировки, там, улучив свободную минуту, — появлялся доктор; и, появившись, — врался, так сказать, в затею; мне посчастливилось в Дорнахе неоднократно бывать на репетициях сцен из "Фауста" на подиуме в 1915—1916 годах³⁶; и я — свидетель той разносторонности, которую проявлял доктор в продумывании — деталей, штрихов, жестов, интонации; на этих "репетициях" — не было густой атмосферы переполненной аудитории, выпяленных на доктора глаз; не было — "теток", "старушек"; стиль артистической здесь царил; М. Я., фрейлейн Валлер, участники репетиций (в то время — дорнахская молодежь обоего пола), близкие этих участников, как я, например (я допускался, потому что А. А. Т. была деятельной участницей всех инсценировок); создавалась атмосфера — иная; не строгая, не "докладная": менее всего — оккультическая; я сказал бы, — дух Гете царил; что-то было от "Вильгельма Мейстера" в жизни этих репетиций³⁷; не было привкуса "академизма"; но и не было привкуса "модернизма"; веяло одновременно чем-то поистине *новым*, еще только ощупывающим свои формы; и — одновременно: чем-то "старомодным" в лучшем значении этого слова; веяло — началом столетия: идеализмом, романтикой; стиль Гете, Германа Гримма³⁸ парадоксально сочетался в этих театральных поисках со стилем самого *доктора*.

Доктор Штейнер делался на этих репетициях — простым, — "милым", "херр Доктором"; одновременно: веселым, добрым и требовательным; шутливым, но — педантичным, где нужно; не было "доктора": был — незапугивающий участников режиссер-артист; при нем шутили, разыгрывались, бегали, — *волокли* непритязательно его и *туда* и *сюда*, чтобы он объяснил: то или это; и видя, как порой в перепыле *дела* его просто схватывали за рукав и вели — туда иль сюда, становилось странно, что этот простой человек мог *страхом* сотрясать стены 1000-й аудитории.

Так беззлобно-просто он выглядел.

Но его боялись и здесь: боялись, как режиссера (не как "учителя").

Где нужно, он замучивал требовательностью, заставляя в день разучить не разучиваемое; и переделать проделанное.

В итоге: продуктивность *карликовой* (по составу и средствам) дорнахской *студии* постановок была изумительна: временами: каждое воскресенье — новые постановочные номера; утром и днем — работа по постройке Гетеанума, в которой *артисты* превращались в стекольщиков, резчиков, чертежников и т. д.; вечером — репетиция с доктором и М. Я.; надо было выщарапать еще время для разучивания *номеров*: к следующему репетиционному дню.

Не следует забывать, что социальная обстановка, в которой происходила и *дневная* и *репетиционная* работа, была обстановкой *вулкана*, как, например, летом и осенью 1915 года; а "артисты" были и членами общества, внутри которого происходили тяжелейшие вещи.

Но внутри *репетиций* — создавался в Дорнахе иной: чистый, веселый, осмысленный мир; и веяло — духом Гете.

Об этой артистической жизни внутри жизни Дорнаха и о сердечном отношении доктора к постановочной "студии", ну, конечно, ходили сплетни "теток"; тетки ревновали доктора и к замкнутой жизни студии; и досадовали на то, что они были отстранены от присутствия на репетициях.

10

Доктор, как режиссер, — явление исключительное; можно было бы [бы было] написать десятки страниц об его изобретательности: из ничего в пять дней создать труппу; из нескольких тряпок — сцену; из нескольких любителей-музыкантов — оркестр; и этою *отсебятиною* угостить съехавшуюся со всей Швейцарии антропософскую публику, — да так угостить, что, разъезжаясь в Женеву, Берн, Базель, Цюрих, Лозанну, приезжие обменивались впечатлениями: "Рависсан!", "Шейн!", "Гроссартих!"¹⁹

11

Он любил ставить народное рождественское прославление Звезды⁴⁰, сохранившееся до нашего времени в глухих углах Южной Германии; текст "комедийного дела" относится, если не ошибаюсь, к XIII столетию; он любил и остроты пастухов, и грубость их жестов; в ней себя выявляла вышуклость старинной мужицкой речи. Неизменно на Рождество с его легкой руки ставились эти "мистерии" в крупных антропософских центрах; в 1914 году я два раза видел эти мистерии; сперва — в Берлине; потом — в Лейпциге; в Лейпциге — долго готовились к *постановке*, желая ее показать доктору; в Берлине же легкая рука доктора буквально в 2—3 дня сымпровизировала постановку.

20-го декабря 1914 года я видел постановку берлинскую; 28—29-го — лейпцигскую; и — Боже мой: до чего разошлись обе постановки; но буду лапшдарен:

— Постановка в Лейпциге: —

— Пышность, напыщенность, гиратичность, подчеркнутость "великолепия" костюмов, поз, театральная декламация: декламация и декламация (только декламация) в огромной, добела освещенной зале: процессия, чуть ли не мистерия! Но в целом — фальшь, дутость, скука; и главное: полное несоответствие между "мистерияльной пышностью" постановки и простым, ядреным, мужицким жаргоном. Ставила председательница лейпцигской ложи (литераторша Вольфрам, претендующая на изощренный вкус).

— Постановка в Берлине: —

— Простота, веселая игра (как в кошки-мышки на Рождестве), никаких костюмов: Зеллинг, изображающий черта, закрутил свои вихры в рожки и приделал к сюртуку откровенный бумажный хвост; и был — вылитым "чертиком": "чертиком" народных мистерий XIII века; Иосиф был трогательным Иосифом, а фрейлейн Валлер, оставаясь "фрейлейн" в откровенно бумажной золотой короне с огромной палкой, на которой горела звезда и которой она величаво постукивала, пробираясь среди нас, зрителей, к младенцу Иисусу, — была: волхв, волхв и волхв: с ног до головы!

Я ушел с "мистерий" берлинских глубоко растроганный, как с "мистерий", — именно потому, что была обнажена вся непретенциозность постановки. Постановщик, конечно, —

— доктор.

Он сидел в первом ряду; и — радовался: смеялся шуткам волхвов и пастухов, точно собираясь подсыпать к "соли" народных острот собственной "соли". И — чувствовалось: его соль — народная соль.

Ведь он сам — сын народа: сын мелкого железнодорожника. В 1915 и в 1916 годах в Дорнахе я опять присутствовал на репетициях народных мистерий; тут уже доктор мог более заняться постановкой (в Берлине — все было съмпровизировано в 2 дня); и — получилось: чудо из чудес; моментами *ирод* (Стютен) был страшен, а черт уже не походил на "чертика" — Зеллинга: был настоящим *чертом*, сообразно с другим *текстом*, где черт в черте рельефнее выявлен. В Дорнахе выступил драматизм текста (инога); в Берлине — благодушие текста; между прочим: на одной из репетиций доктор, вскочив на подиум, взял из рук актера (пастуха) книгу с текстом, взял палку и сам изобразил *пастуха* в момент славословия, как пастух, распевая текст, припрыгивает и пристукивает палкой: я не узнал доктора; изменился голос, походка; он прочел хриплым голосом, передавая непередаваемый, чистейший старинный народный жаргон.

И тут я увидел: какой великолепный артист связан "Доктором" в нем; не будь "доктора", был бы... Мочалов.

И другой раз я увидел, как он провел роль Мефистофеля в той сцене "Фауста", где Фауст умирает, а Мефистофель, придя за душой Фауста, пыгается ее отбить у ангелов, стреляющих в него розами⁴¹.

— "Нет, — так нельзя: разве так играют "Мефистофеля", — воскликнул он; и обычным легким прыжком очутившись на подиуме, он быстро едва ли не вырвал книгу из рук растерявшегося артиста, в полном увлечении сначала читая, а потом играя роль Мефистофеля, и кончил тем, что, перевоплотившись в роль, — стоял "Мефистофелем" перед эвритмистками-ангелами; и какой это был гнусный старик; момент, который у Гете отмечен тем, что Мефистофель, атакуемый розами, влюбляется в ангелов, вышел у доктора жутко-ужасным: черт превращается перед ангелами в старика-рамоли, гнусно сюсюкающего ангелам слова, полные жалкой влюбленности; это был не доктор; это был — сам "черт".

К концу монолога он как бы сам ошел и — стоял на сцене, отирая платком испарину: "Зо Мусс Ман Шпилен"⁴², — кажется, вырвалось у него.

Это была уже не в потенциальном смысле игра великого "артиста", а в совершенно реальном.

На другой день я сказал доктору: "Херр доктор, — вчера я вас некоторое время ненавидел, когда вы были чертом".

Он — значительно мне улыбнулся в ответ и сказал фразу, слов которой я не запомнил; но смысл которой — таков: "На то мы и "окултисты", чтобы знать замашки и мины этого господина" (он разумел черта).

Этот разговор происходил в дни моего окончательного отъезда в Россию (в 1916 году). Образ *черта*, каким вырисовывался [вырисовался] он у доктора, как бы вооружил меня *знанием*, не передаваемым книгою; в этой "игре" — не было сцены; и забывалось, что это — импровизация; в "игре" — не было игры.

Был — сам черт.

Вот почему я и утверждаю: доктор был великим артистом.

12

Что он был спецом сцены, — об этом свидетельствует М. А. Чехов, утверждающий, что драматический курс дает ответы актеру на такие детали, о которых не подозревает ни зритель, ни большинство театральных критиков, "зрителей": еще "зрителей".

Доктор же, по Чехову, "спецу", — "спед" чистой марки.

13

В связи с простейшей инсценировкой, как грибы, росли проблемы: декламации, жеста, костюма, освещения; все то, что существует теперь в ряде учреждений — в Дорнахе и Штутгарте ("Эвритмеум" — с пятилет-

ним курсом, дорнахская школа "Декламации"), — все это уже выращивалось на карликовых постановках в Дорнахе — рукой доктора: за всем он стоял; и — все *толкал*. Разве не оригинален был безумный по смелости опыт разрешения постановки последней сцены "Фауста" в *жесте*, а не в слове; слово выделилось в "чтеца": чтец — Мария Яковлевна; характеры же гиерофантов, ангельских групп разрешались: цветом костюмов и шарфов; понадобились паузы; понадобилась паузам — музыка; в Дорнахе были представители всех специальностей; не было лишь музыкантов исполнителей; но — был: композитор Стютен, да несколько любителей; были: рояль, скрипка, виолончель, какая-то труба, приволокли откуда-то два турецких барабана, литавры; и вот — к инвентарю инструментов была написана Стюеном музыка (вовсе недурная); он сам стал во главе кучки любителей; организовался спешно оркестр; но кого посадить за второй барабан, за литавры, за какие-то "мистические" трещотки? Я не понимаю, как я, можно сказать, своею волею влез в "барабан": так хотелось хоть чем-нибудь помочь; под руководством Стюена — ничего: справился; и гудел, изображая гром и взвизгивая литаврами под ритм палочки Стюена; а публика слышала — *мистические звуки*; роль барабана в оркестре была — в возбуждении у зрителей чувства тайны.

Все было в частях — убого: костюмы — тряпочки; музыканты — "вторые барабанщики", как я, *но целое*, могу засвидетельствовать, производило глубокое, сильное впечатление; и главное: была разрешена проблема постановки "мистической" сцены "Фауста" — в *жесте* и в *паузе*.

Автор *целого* — конечно, доктор.

14

Впервые эта сцена поставлена в августе 1915 года — в критический момент дорнахской жизни, когда наш "холм", так сказать, во всех направлениях был окуриваем *серным* дыханием клеветы и *сплетен*: на общество; возникающих и вне общества, и — внутри общества; молодежь — падала духом; думаю, что одной из задач доктора было желание — молодежь: отвлечь и развлечь; но *действие* сцены "Фауста" — превысило это задание. Впечатлением "Мистерии" дохнуло со сцены — вопреки убожеству исполнителей и средств: и в струе этой *мистерии* как бы замерло все темное; атмосфера *пресуществовала*; до дня представления переживалась безвыходность положения; после — началась борьба добрых начал со злыми: с *надеждою* победить; и таки: *победили*.

Но моментом слома настроения — пресуществованием атмосферы Дорнаха действием сцены "Фауста", воспринятым как мистерия.

И — как нарочно: в начале представления разразилась сильная гроза; все померкло; удары грома и блески молний в окна аккомпанировали — разговору трех гиерофантов и принесению души Фауста; с момента же появления Небесной Матери⁴³ — солнце глянуло из туч; мы шли на

представление в душный полдень, когда собиралась гроза; мы выходили: в сияющий, освеженный солнечный день. В сцене есть строчка:

"Ди Атмосфэре цу Фербессери!"⁴⁴

Слушая ее, я думал: да, надо *улучшить атмосферу*. *Атмосфера*, нас обстающая, — атмосфера серы; и вот, в минуты представления, сказалось очищение *атмосферы* силами слова Гете и средствами режиссуры доктора: создавалось неопишное целое, не поддающееся отчету, в миги разряжения *атмосферного электричества* над Дорнахом.

Атмосфера была очищена между членами — зрителями; это было ясно; шли со светлыми лицами, как с *мистерии*, — под грозою очищенной атмосферой неба; впереди, спускаясь с холма, шел доктор, он сверху казался мне маленьким; вдали он остановился, выделяясь черным сюртуком на зеленом, освеженном грозою лугу; и, кажется, М. Я. и Валлер рукою показывали на освещенное небо; мне ясно представилось, что он говорит:

— "Атмосфера — очищена!"

И мне думалось: этот жест впереди нас идущего, радостного доктора (накануне — был *мрачный он*), показывающего рукой как бы всем, за ним идущим, а не только М. Я. на *очищенность атмосферы*, есть жест великого артиста жизни, где нужно прибегающего к очистительному слову лекций, а где нужно — к очистительному жесту искусства.

Сцена "Фауста", показанная в космическом жесте эвритмии, явилась мне в действии ее постановки более чем искусством: *светлою магией, теургией*⁴⁵, как бы заклинающей змеиные силы, поднявшие из наших душ на Дорнах, на дело доктора — свои пасти.

И мне было ясно: *пасти сокрушены*.

15

Здесь касаюсь я одного трудного дня выражения пункта: в постановочной тенденции доктора всюду виделась мне попытка создать стиль легкости и *общественной игры*, чтобы под фатою *игры* совершилось нечто большее.

И вспоминался невольно гениальный неудачник д'Альгейм, создатель "Дома Песни"⁴⁶, в своих замыслах не раз перекликавшийся с доктором; и в последние годы жизни своей упершийся, как и доктор, в проблемы: *жеста в эвритмии* (только он их не умел разрешить: доктор — дал ключ к разрешению); много общаясь с д'Альгеймом в 1907—1908 годах, я не раз слышал от него: "Высшая магия в том, чтобы через искусство мучительные противоречия жизни разрешить не в углублениях рассудочных антиномий, — а в ритме, в божественной легкости, напоминающей игру". Постоянно находясь под ударами судьбы, д'Альгейм в безысходнейшие минуты к нам, тогдашним сотрудникам "Дома Песни", обращался с призывом: "э бьек — жуок"⁴⁷.

Но "играть" он не умел: доигрывался до синяков.

Доктор произвольно (а может быть, сознательно втихомолку) вносил стиль *игры*: в безысходные месяцы дорнахской жизни; в месяцы крушения надежд, краха "Пути" в многих душах, в месяцы клевет, свар и ссор, в месяцы, когда для нас, русских, возникали исключительные трудности пребывания в Дорнахе (в это время — падали: Варшава, Брест-Литовск, Ивангород и т. д.), — доктор в то именно время из ужасного обстания нырял часами в искусство; и — тут добивался от исполнителей той "божественной легкости", той "игры", без которой никто не прошел бы над разъятыми пропастями Дорнаха; что "пропасти" были разъяты, это я знаю; что иногда от неверного шага зависело все твое моральное бытие, — это я знаю тоже; что если бы многие взглянули в бездну под ногами их, они — свалились бы в бездну; нельзя было *тут* пройти просто; но можно было тут пробежать с *глазами*, поднятыми над головой к играющему лучу *мифа*: нужно было пройти эвритмическою походкою, чтобы пройти вообще.

И тут для душ, вперенных в бездну, как бы встал доктор: и подал пример легконогости; сам побежал впереди нас в *божественной игре*; за ним и мы пробежали; он был тут Орфейем⁴⁸, заставляющим плясать камни нашей окаменелости; и А. А. Т., менее всего сознававшая себя в то время эвритмисткой, теперь появилась на сцене, на ней порхая, а я — гудел "вторым турецким барабаном": разрушались наши жизни, лопались пути, взрывалось прошлое, едва держался Дорнах, обсиженный шпионами, сплетнями, рушились — Варшава и Берст [Варшава, Брест].

Провел — доктор-артист, доктор-режиссер; не дающий опомниться: *постановка за постановкой*; в постановках кружилась голова *мифом*: в *мифе* совершалось пресуществление *атмосферы*; в пресуществленных мигах сами собою бывали скачки через *бездны*.

Когда очнулись (к февралю 1916 года), то — были уже: на *том* берегу; опаснейшие провалы остались за плечами; и внешне: жизнь в Дорнахе угомонилась; внешние военные фронты уравнились.

Тогда доктор-артист нас покинул, может быть, бросившись спасать положение дел и душ в обществе: в других пунктах общества.

Были в докторе моменты, где артист, плясун легконогий, становился орфеевой маской нового посвященного; и были моменты, когда самую мистерию нового посвящения пытался он как бы влить в средства искусства.

И то, что не удавалось гениальному неудачнику д'Альгейму, удавалось ему.

Лозунги "символистов" о творчестве жизни становились под действием в нем живущей орфической силы творческими воплощениями самих символов в биографии ряда жизней, пересекавшихся в нем.

Можно подумать, что в лице доктора я пытаюсь зарисовать "великого" человека. Отнюдь: проблема "величия" в докторе ни капли не интересует; не интересует проблема "квантитативности"; меня интересует квалитативность, качество колорита, им разливаемого, независимо от размера полотен, на которых выявлен колорит. Проблема "великости" не приложима к доктору; видел я "великих" людей; и — что толку?

Про иного "великого" скажешь: "Велика федула, да — дура".

Про доктора скорее можно было сказать: "маленький, да удаленький"; и ростом был — маленький!

После "маленького ростом" доктора увидел я в 1912 году большого роста Меттерлинка⁴⁹; и, увидев, почувствовал нечто вроде: "Велика фе-дула".

И — предпочел: "маленького да удаленького".

Искра, падающая на пороховой погреб, мала: погреб — велик.

Доктор — маленькая искра, вызывавшая большие грохоты.

"Великие люди" часто — большие грохоты, "без-искренно" рассеивающиеся в атмосфере дымами.

"Дым" большой славы — "дым"; в смысле этого: мир не гремел доктором; и — доктор без великого "дыма" сошел со сцены; он — светлая искра, нашедшая точку своего применения безо всякого грохота; его действие в будущем — *озон атмосферы*.

Удивляясь поистине гениальной режиссуре Рудольфа Штейнера, которому обязано "общество" не только инсценировкой сцен Гете, но и целого Гетеанума, я не могу не отметить того, без кого инсценировка не воплотилась бы в материальных формах (бетона, дерева, черепицы), спаянных математическими формулами и бесконечностью весьма сложных и ответственных вычислений.

Инженер Энглерт вырастает прямо передо мною — трагически: я его вижу овеванным светлой мелодией Шуберта; потом вижу его уже в другой ноте, вперенным, как и доктор, в "Ин дер Нахт" Шумана; потом... потом уже я его не видел, а только слышал о нем; то, что слышал, — не стану повторять; я знаю замашку "маленьких людей" бросать камнем в тех, кого они же называли "наш уважаемый"; не раз оказывалось у них: уважаемый воруется... платки из карманов!

То, что я слышал об Энглерте, не может мне темнить его замечательной личности, соединяющей талант, волю, пылкую прямоту и выражающей себя в ряде сердечных поступков; то, что я слышал, — бросает тень на тех, кто распространял об Энглерте эти слухи; тигр может растерзать человека; но он не... клоп; у меня есть наблюдательность, хотя бы... как у писателя.

Когда мне ставят образы пусть звериного мира, я знаю, когда передо мной воняет "клоп". Энглерт, — не клоп, не тигр, а яркий человек, на много голов превышающий тех, кто о нем распространил "гадости". С ним случилось "несчастье" — он бросил Штейнера: бросил — с ропотом; и — отдался... католицизму.

Это — трагедия, для Энглерта чреватая изменением, может быть, и ритма воплощений: но я вижу тему "шумановского" безумия, овладевшую темой "шубертовской" зари.

И в этой судьбе — узнаю тебя, Дорнах!

Это — судьба тех мест: мест, откуда на Гетеанум косились злые замки; мест, откуда и для меня выходил "черт"; мест, где решалась судьба... и моя; и не моя одна, но... и Ницше⁴⁰: в его писании "Происхождение трагедии из духа музыки", в его разрыве с Вагнером, в его ужасе перед мещанством и пошлостью.

Роковые места!

И в роковых местах встает передо мною роковая фигура... Энглерта, строителя Гетеанума, проклявшего... Гетеанум. Хочется воскликнуть: "Э-се омо!"⁴¹

И — руки прочь от него!

.....

"Вот Энглерт, замечательно талантливый инженер, с головой ушедший в сложные сооружения "Бау", — требующие совершенно новой, не примененной нигде еще стойтельной техники; доктор ему доверяет во всем; а вот наш архитектор Шмидт"... — и тут обрывали, никак не характеризую Шмидта; и я видел: высокую, надменную фигуру чернобородого Шмидта с неподвижными неумными глазами, точно красующуюся своим званием "архитектора"; и я видел сперва казавшуюся невзрачной фигурку в очках, с каштановой бородкою, с розовым лицом, с большими губами, сутулую, светливо спешащую куда-то в толпе.

Это было в Берлине.

Фигурка в пиджачке не занимала меня; в ней было что-то деловое и будничное; она напоминала скорее неинтересный инструмент в действии (уж не знаю какой), один из тех инструментов, действие которых непонятно; взглянешь, — и ничего не скажешь.

И очень занимал "архитектор" Шмидт: какая-то дорическая колонна!

Но инструменты — действуют, а колонны — стоят; и "архитектор" Шмидт в разгонке месяцев выявил в Дорнахе себя тем, — что стоял и красовался; неинтересный же "инструмент" так задействовал, что его функции распространились и на "архитектуру", — особенно тогда, когда выяснились следы стояния и красования "архитектора", которого даже и не сменили, ибо сменить было не с чего; обнаружился ряд дефектов, а он... стоял и не предпринимал ничего; "инструмент", Энглерт, должен был взяться за все: на него свалилось огромное предприятие.

Тогда Шмидт просто исчез: не оказалось никакого Шмидта (как было в действительности с ним, — не знаю: передаю лишь свою субъекцию); всюду оказался Энглерт; и все с невольным удивлением разглядывали этого полного жизни, блеска, планов, вычислений и интересов человека, которого отмечал Штейнер и ежедневными заходами и сидениями с ним в его комнате-будочке, в которой, однако, Энглерт не засиживался, ибо он был всюду там, где была его работа; неказистый, сутулый, в перепачканном переднике, то он чуть ли не поднимал с рабочими громадное ребро купольного каркаса, то сырел в холодных бетонах, вылезая из-под земли, где можно было споткнуться о какие-то железные, гигантские когти, к которым он относился с нежностью, то вертелся на вершине купола, то оказывался на лужку с отдыхающими резчиками; сидя на бревнышке и обняв колени, он весело, как товарищ, попыхивая сигарою, смешил их остроумнейшими каламбурами; и вдруг, не окончив фразы, срывался с места; и с криком "Стой" — несся в толпу рабочих, что-то водворявших; и уже там виделась его суетливая фигура, подтаскивающая какую-то тяжесть и горлающая больше всех; издали сказали бы, что это — рабочий: "Инженер? Нет! Где же инженеры таскают тяжести?"

Между тем: в швейцарских технических журналах писали о чуде достижения в способе соединения куполов, до сих пор считавшемся невозможным; случай с куполами Гетеанума подвергали специальному изучению:

— "Удивительно!"

— "В первый раз!"

Таковы были действия сперва скромного инженера, потом — инженера и архитектора; потом — инженера, архитектора и астронома, пытающегося и астрологически вычислить им проводимые в жизнь формы.

Вдруг в Гетеануме... забастовка рабочих: какие-то нелады в строительном "Бюро"; обнаружилась буржуазная тенденция "Бюро"; тогда Энглерт, оказавшись в среде рабочих, поддерживая их требования, метал громы и молнии против китов "Бюро"; инженер, архитектор, астроном, астролог, оказавшийся левейшим из членов "Иоганнес Бау Ферейн", способствовал и улаживанию социальных конфликтов.

Так рос Энглерт в месяцах постройки; не он возвышал себя; просто без него невозможно было обойтись: самый живой, самый талантливый, самый работоспособный, самый покладистый в социальном смысле, самый простой, и — очень сердечный: не в словах, а в поступках.

И оттого-то после Штейнера в теме Гетеанума точас же встает... Энглерт.

.....

Помню первую встречу с ним; ранняя весна, лужок, бревнышко; я, в перерыве работ, выскочил наружу, сидят наши "молодцы", обнимая колени, кто — на земле, подстлав куртку, кто — на бревне; раскорячив-

шись между ними ногами, в бархатной дешевой куртке, кто-то в очках, с пылающим от загара, коричнево-красным лицом, без шапки, напоминает веселого шалуна; но каштановая бородка, густые усы и золотые очки и особая пристальность прекрасно-добрых, но точно далеко от компании улетевших глаз нарушают иллюзию молодости; видно за всеми веселыми словами какая-то упорная дума, какие-то "резервы", что-то испытующее, ожидающее от нас чего-то, может быть, изучающее нас; и всякому станет ясно: простота простотой, веселость веселостью, но... не этим исчерпывается этот человек; вот он наружу — весь; и тем более ясно, что за этим "весь" — не выявляется тайна очень большой личности.

— "К нам, сюда!" — взмахнул рукой этот человек; и тут я узнал инженера Энглерта.

Я присоединился к компании; стало мне ясно, что Энглерт вертел разговором, как будто намерение его — экзамен вокруг него собравшейся молодежи: какие устремления, чем живут, что читали, насколько сознательны; и изредка, вскользь, — привески к фразе, "как сказано у "Ницше", "как практиковалось в греческой медицине", "говоря словами Абельяра".

— "Э, — подумал я, — это — тонкая птица: человек много думавший, огромной эрудиции, ее спрятавший в карман! Спрятавший, чтобы, подвязавшись фартуком, обивать пороги барачных, лазить, мерить, вычислять, замешиваться в кучки рабочих".

Так состоялось мое знакомство с Энглертом; и я заметил: он мне как бы "подмигивает", и в том [в том самом] смысле, в каком некогда изобразил в "Симфонии" новых людей, окончивших два факультета, но уткнувшихся в "Апокалипсис", заразившихся им, перенесших его в быт ищущих новых путей жизни; подмиг здесь — вопрос: "Не по пути ли нам?"

Из всех антропософов, мною встреченных, более всего Энглерт напоминал мне фигуру, вышедшую из "Симфонии" и ищущую своих новых путей, и в антропософии, к которой он недавно пришел, до которой он прошел большой личный путь, может быть, участвуя в коллективах, но разрывая с ними: дороги его оказались "новыми".

Теперь встретил он Штейнера. Я думал: "Из этой встречи он сможет начать по-своему нечто, как Риттельмейер сумел найти путь к своей общине, подобно тому как Моргенштерн нашел "единственный" стиль последних стихов".

Даже летучее первое знакомство с Энглертом отразилось мне уверенностью: 1) человек "Большой Звезды" в будущей жизни А. О.; 2) человек, до странности напоминавший мне "Симфонию".

И он меня в чем-то заметил; и точно подмигивал: "Знаю тебя!" Видимо, он меня изучал; потом уже, через два года, он мне признался:

— "Теперь я вас понял: я все понял в вас, перечитывая Достоевского."

И назвал черты одного из героев этого писателя.

В скором времени многое я узнал об Энглерте-человеке от М. В. В., с ним задружившей; и все, что она рассказывала о нем, лишь подтверждало мое впечатление; мне стало ясным, что Энглерт, это — Метнер или Рачинский, пришедший к антропософии, т. е. внесший в нее из прежних

путей ворох антиномий, которые должен он примирить здесь; или... или... Энглерт... взорвется.

Уже в июне через М. В. В. Энглерт образовал небольшую группу лиц, интересующихся астрономией, в которую попал и я; он — вел беседы по астрономии; кружок не продержался; работы в "Бау" съедали время Энглерта.

К этому времени у нас вышел с ним разговор вдвоем, в котором он меня удивил чрезвычайно: во мне нащупал он линию моих былых интересов к историческому розенкрейцерству и сказал нечто о Христiane Розенкрейце⁵¹, меня задевшее.

— "Слушайте, Бугаев, если с вами случится то-то и то-то, то придите ко мне и расскажите мне".

Удивительно, что через год с лишним со мною случилось то именно, о чем меня предупредил Энглерт. Но я к нему не пошел: в 1915 году линия наших отношений так же странно испортилась, как странно и началась; не испортилась: как бы испортилась; мне казался Энглерт в какой-то странной, жутковатой дымке, — той дымке, о которой я слегка упоминал; я его сторонился, со своей стороны: он без всякой моей вины как бы стал сторониться меня.

Мы даже... едва здоровались с ним (бывали в Дорнахе такие странные отношения!).

К 1916-му году немотивированное отчуждение нас друг от друга сменилось немотивированной дружеской тягью; я стал заходить в будочку к Энглерту, и у нас были интереснейшие *тэт-а-тэт*'ы, в которых Энглерт вырастал передо мной, как умный, правдивый и интересный человек; но подчеркивалась в нем какая-то *роковая печать*: им утаиваемая трагедия.

Все более и более я расслушивал мотив "Ин дер Нахт"; вперенность в жуту плывущей к нам бездны.

Впоследствии я узнал: именно в дни нашей инстинктивной удаленности [нашего инстинктивного удаления] друг от друга, в дни дорнахских "ужасов", он жаловался на то, что не может более выносить явственно атмосферы "черта"; но ведь... и... я...⁵²

Не оттого ли, что мы были оба вперены в разверстую "бездну" Дорнаха, происходило это убегание нас друг от друга?

Перед отъездом я ему рассказал о том "странном" событии, о котором он предупредил меня (это было перед моим отъездом); в ответ на что он сказал пылкие, слишком пылкие слова о Штейнере:

— "Верьте ему!"

Но тут же показал мне нечто, что меня смутило; и — странно: на меня от него повеяло... Минцловой! Что общего: трезвый инженер и экзальтированная? Повеяло: верней, тем, что могло стоять за обоими ими.

Не отходом ли от Штейнера? Не общностью ли "трагедий"?

Но почему были "пылкие" слова ("Верьте ему")?

.....

Энглерт встал передо мною с каким-то "вещим" подмигом, странно со мною связался тем, что "нечто" мне предрек; и в нашем сердечном прощании он остался "энigmatой" мне. И еще более стоит он "энigmatой" передо мною в судьбе: строитель Гетеанума, произведения, составившего бы памятник "славы" всякому, — строитель Гетеанума с гневом отрекся от него. Когда католики радовались пепелищу, неужели с ними радовался пепелищу и "католик" Энглерт?

.....

Энглерт был очень добр: когда англичане из Берна забаррикадировали мне отъезд, требуя каких-то неведомых дополнительных документов, Энглерт, бросив занятия, таскался по всем "бюро" и "канцеляриям", выхлопывая мне бумаги, которые, по-моему, были выдуманы англичанами и которые удивляли швейцарские власти; без Энглерта я таких бумаг и не мог бы получить.

Другой случай: в Швейцарию перебрался русский, без документов (политический); его устроили при работах; но в Швейцарии без документов жить невозможно; опять вырос Энглерт: добыл разрешение: от русского взяли подписку в том, что он будет соблюдать то-то и то-то⁴.

Впоследствии обнаружилось: подписка была дана, потому что Энглерт внес крупный денежный залог; внося свои сбережения (он не был богат), он и не предупредил русского, предоставляя ему право нарушить подписку, т. е. лишить его крупной и весьма ему нужной суммы; об этом деликатном поступке Энглерта мне рассказывал русский, который даже не знал, чем он Энглерту был обязан.

Привожу эти случаи, чтобы стало ясно: человек, который поступает так, не может быть обвиненным в том, в чем его обвиняли мелкие души, делившие людей на "наш" и "не наш"; "наш" — порядочный человек, а "не наш" — ворует платки из кармана.

Энглерт — фигура трагическая, весьма загадочная для меня.

Но так же загадочен для меня и Дорнах.

19

Когда разразилась война, то первый вопрос, который в Дорнахе выдвинул доктор, — вопрос о перевязках; он мобилизовал всех, кто мог что-нибудь знать тут; он требовал, чтобы обучали оказывать первую помощь; в те дни не знали, как развернется война; мы жили у самой границы; ждали с неделю переброса войны в Швейцарию; немецкие пушки из Бадена уже повернулись на нас, потому что французский корпус, прижатый к границе, мог нарушить нейтралитет, ради возврата к Бельфорту, французской крепости; обходным путем; он шел бы по нашей долине; и Баден открыл канонаду бы: по Арлесгейму и Дорнаху; доктор сообразил

это сразу; и выдвинул вопрос об умении перевязывать и переносить раненых.

В эти дни была паника; люди выскакивали из домов и кричали, а пушки гремели: поблизости; сеялись мороки: сражение охватило до Базеля; граница — гола; мобилизация в Швейцарии лишь начиналась; был отдан приказ: если бой у границы заденет клочок территории нашей, железные дороги, трамваи тотчас отдаются военным целям, а население по знаку набата должно бежать в горы; швейцарское сопротивление началось за Дорнахом: прямо над Гетеанумом, куда повезли артиллерию; местности наши вполне отдавались стихиям войны.

И паника — вспыхнула; укладывались, готовились повозки, чтобы тронуться в горы; однажды собрали в кантину нас, оповестить, чтобы мы приготовили деньги и сумки дорожные; и чтоб спали одетыми; ночью как раз ожидался набат, по звуку которого мы должны были сбегаться к *кантине*, чтобы с доктором вместе идти прямо в горы.

Он был молчаливый, спокойный, но — грустный; обычно в *кантине*, где мы собирались к обеду и к пятичасовому кофе и к ужину; тут он редко бывал; и вот появился: бродил между нами, садился на лавочку; и бесконечно усталым взглядом окидывал нас; его появление без дела, — являло желание: присутствием нас подбодрить.

Но он подчеркивал: дорнахскому бытию, Гетеануму, нам, — угрожает опасность.

В те дни явил вид действительной скромности; спрашивал: "Как вы думаете, что будет?" Он точно подчеркивал: одно дело прогноз в *мировое событие*, о котором предупреждал он тогда; оттого-то торопил с окончанием Гетеанума, прося, чтобы к июлю [июню] работы окончились; весну и лето он всех торопил, как умел, но окончить работы нельзя было; в предупреждениях сказалося знание о том, что придвинулось нечто огромное; знать же детали войны без ответственных изысканий духовных не мог он: он был не шаманом; и требовал ясного знания, а не ясновидения нутряного, слепого; а время его было занято: не было ни минуты свободной; постройка съедала и ночи, и дни.

Помню, — он подошел ко мне, спрашивал: "Как полагаете вы, — революция вспыхнет в России?" — "Теперь?" — "Да". — "Не думаю!" Он знал: революция — будет; но он не знал сроков и форм ее.

20

Помнится встреча с ним — в миг первых выстрелов. Было объявлено: война — грянула; но казалось, она — далеко; Швейцария нейтралитет соблюдает: и мы под кровом.

Вдруг!

Помню: вечер; мы с А. А. Т., кончив работу, спускаемся вниз, к Арлесгейму; вон — мирные домики Дорнаха; далее — даль: и — равнина; в дни

редкие — гребни Эльзаса видны, а обычно там — дымка; туда убегает равнина; но что это? Гром? Очень странный, короткий; и странная мусть: не то дымка дождливая, не то — туман, не то — дым; вероятно, — гроза; а внизу, меж холмом и меж Дорнахом — кажущаяся одинокою черненькая фигурка: стоит на дороге, склонив свою голову, будто в раздумье; и будто — прислушивается. Уж не к грому ли? Переглянулись мы с А. А. Т.: то доктор. Чего он — "такой"? Нет обычной уверенности; не знает: идти, не идти? Остановился и слушает: гром... Гром ли? Я отогнал от себя одну мысль: быть не может! В Швейцарии, в мирной стране мы! А доктор, увидевши нас, — поджидает; подходим и останавливаемся; он будто нас ждал; не здороваясь с нами, глазами показывает на далекие мути; рокошет недоумевающе: "Гром пушек?" Сомнения нет: это — пушки (в то время под Базелем происходило сражение, во время которого корпус французской армии [корпус французский] прижат был к границе); "Гром пушек", — уже без вопроса; мы молча стояли втроем; мы пошли; нерешительно, едва протиснувшись, пошел он от нас прочь, склонив низко голову и останавливаясь, вытягивая ухо туда, где *стучало*.

Уже в Арлесгейме узнали, что — пушки: не гром; дымка, даль закрывавшая, — дым; громче грохотали пушки.

И на другой день в газетах тревожное: "Битва под Базелем".

21

Первое впечатление войны: еще крепче схватиться за общее дело; все мы, — кто бы ни были — русские, немцы, австрийцы, французы, поляки: мы — братья в несчастье; мы — жертвы "политик" преступных; "политика" наша: схватиться за общее дело, остаться при стройке; мобилизованный Штраус (баварец), который шел в армию ухаживать за пленными ранеными, все записывал слова русские, чтобы быть полезным увечным, могущим попасть к нему. Нас связали: "любовь, солидарность, ответственность". Еще теснее связались в дни паники мы; в ожиданья исхода, толпой, вместе с доктором — было библейское что-то; но вот паника улеглась; погнали швейцарцев всех видов оружия: когда границу минировали, улеглось это чувство опасности; здание продолжали обстучивать под грохот пушек, с сознанием, что пушки его могут разрушить; явились иные заботы: толпою бродили солдаты (порою и пьяные); случаи были: врывались они сквозь ограду постройки: шутили, курили среди гор просто щепок; опасность была велика; холм объят был пламенем (пять деревянных барачков, контора и здание и горы щепок); мужчины-работники организовали охрану: и ночью, и днем; были вахты, особенно по воскресеньям, когда с высей Гемпена⁵⁵ прямо валили на нас толпы артиллеристов, роясь перед Гетеанумом: "Что?" — "Идем: смотреть!" и т. д.

Очень помню одно воскресенье; мы были в кантине; пришел туда доктор; вокруг него уже заромлились с газетами; и обсуждали свое положе-

ние; надевши пенсне, слушал он. Я не помню, что нужно мне было на стройке, куда я пошел; меж кантиною и Гетеанумом вверх уходила дорога; а к ней выводила тропинка с пространства холма, мимо легких барачков, столярен, к калитке; дорога шла к Гемпену. Вижу я, что у калитки толпа (человек 30—40) солдат, явно требующих пропуска к зданию; "вахтеры" наши (фон Гейдебрандт и еще кто-то) спорили: "Дескать — не велено!" Новые кучи солдат подходили, уже раздражаясь и требуя пропуска; я сообразил: инцидент; все равно: они силой ворвутся; и искры семидесяти сигарет подожгут Гетеанум, или — отношения испортятся: жди тогда бед! Наши "вахтеры" — народ не гибкий: не так надо встретить солдат; и я — вмешиваюсь: отстранив "вахтеров", обращаюсь к солдатам: "Друзья, — вы войдите; сейчас вам — покажут: но вы подождите момент!" Вижу взгляд "вахтеров", на меня раздраженных; и вижу, что с Гемпена — новые кучи солдат; и бегу во весь дух: по дороге — к кantine, крича еще издали: "Доктор, херр доктор!" И доктор, поняв, что случилось что-то, из кучки его окружающей, быстрою, легкою походкой почти что бежит мне навстречу: "В чем дело?" — "Ну, — думаю, — выгорело!" Впопыхах, на ходу, объясняю ему инцидент, почти требую пропуска солдат (тут забота о здании, — и не до доктора даже); он сразу все понял; летим с ним наверх; и уже он среди солдат, — улыбающийся, добродушный и легкий; он им объясняет, что сам поведет их; мы вваливаемся за забор; папиросы все тушатся. Доктор ведет за собою солдат.

Он водил с полчаса их; и после повел на леса: им показывать формы: он им объяснил, как работали мы: "Я вот вам покажу: принесите стамеску!" Уже — полетели; уже появились — стамеска в руке; и молоток — в другой: вот он показывает, работая сам; у солдат же блистают глаза.

Возвращаемся дружной гурьбой: доктор, вахтеры, я и до сотни солдат; лица — добрые, радостные; просто даже не знают, чем выразить доктору радость за все то внимание, с которым он встретил их и проводил.

С той поры меж войсками и нами — прекраснейшие отношения, которые были на волоске, коли бы не встреча, оказанная самим доктором; установились дни и часы для осмотра; и в эти часы приходили, кто хотел; мы водили и мы объясняли (и мне приходилось водить).

22

С наступлением войны — новый цикл забот доктора; как регулировать взрывы страстей национального чувства; на третьей неделе войны уже первый порыв солидарности явно подточен был; весь сентябрь, весь октябрь бушевали военные страсти: в кantine, за столиками; англичане замкнулись в группу; и русские — тоже; а немцы порою бестактно доказывали, что война спровоцирована: политикой Англии; русские же тыкали прямо в глаза: нарушение нейтралитета есть варварство; теоретические обсуждения теперь осложнялись [осложняясь] уже инцидента-

ми, опрокинули весь дорнахский быт; выход из А. О. Шюрэ, злые сплетни, летающие через границу из Франции, толки французских швейцарцев, двусмысленные иные поляков — ухудшали донельзя этот быт; все глаза ели доктора: с тайной надеждой, что он наконец скажет: "Права Германия!" или: "Германия вызвала катастрофу". Он же громил не страны, а ложь публицистов, советуя не верить сенсациям и утверждать гуманизм настоящей культуры.

Не одобряя политики империализма германского, знал он отчетливо, что авантюра войны — спровоцирована: деятельностью "Антанты"; и это высказывал в жестах лишь; достаточно: обвиняли доктора (из-за угла) в шовинизме; шептали про доктора... иные поляки; "тетки" ж немецкие совершенно бестактно кричали: "Он — немец!"

Все ждали жеста: начистоту!

23

Таким жестом считаю пять лекций его о культуре, прочитанных в нашей — столярне уже в ноябре⁵⁶.

В них с горячностью были поставлены образы итальянской, французской, английской, немецкой культуры: прошли — Кампанелла, семнадцатое столетие во Франции; встал и немецкий "француз" (в освещении доктора) Лейбниц; Шекспир, Ньютон, Шиллер и Гете показаны были; встал образ России, протянутой к будущему: к стране духа⁵⁷; все были в восторге: французы, австрийцы, и немцы, и русские; доктору удалось умирить национальные страсти, поднявши проблему единой культуры, великой культуры; и все повернулись друг к другу в лучах его слов; атмосфера тяжелая пресусществилась; иные горячки открылись; но с национальной горячкой — покончено было: и представители воюющих наций мирились теперь.

Обиделись только швейцарцы: о немцах, о русских, об англичанах сказал он; а, — как же со Швейцарией? Доктор ответил публично, что в лекции о Германе Гримме показан "прекрасный швейцарец"!

Но принеся жертвы глупости, он сетовал громко: в такой атмосфере почти невозможно работать ему.

24

Пятнадцатый год — море забот, выступившее из осевшего быта военного; он сказывался и в Швейцарии; и он осложнялся специфичностью нашего положения. Обнаружилось и конкретное непонимание художественных заданий, обострившее отношения партийностью художников-академистов, импрессионистов и футуристов; задания доктора звали к трактовке разных школ; так: стекольщики распались в две партии: одна полагала:

в "детских" набросках к стеклу, данных доктором, — наличие оригинального стиля; темы — символы *пути посвящения* — независимо от эстетики их, вызывали мысль: автор рисунков — духовный водитель; стало быть: духовный реализм подачи деталей рисунков должно взять на учет; так полагал Тадеуш Рихтер (поляк), кому еще с основания Гетеанума доктор отдал резьбу по стеклу и который до осени 15 года стоял во главе мастерской; так полагали работающие у него: А. А. Т., Ледебур (голландец), берлинка художница фрейлейн фон-Орт, вышедшая замуж за русского "Л", сам "Л", единственный по работоспособности и по таланту трактовки; но Рихтера мобилизовали; исчез он из Дорнаха; стекольная мастерская попала к "С", выписанному Рихтером из Польши и мнившему о себе невесть что; он решил: эскизы Штейнера *наивны*, беспомощны; он их заменил внешне эффектным, но пустым модернизмом а-ля Выспанский; убеждены ж работников по стеклу: мысль доктора следует сохранить; "С" же заставил работать по-своему; группа его полагала: ряд ценных стекол испорчен: кричал с них дешевой модернизм, а не мысль доктора; молодежь спасала, как могла, *стиль* эскизов; в мастерской были сцены; хотелось порой и мне скрежетать зубами от злобы на пошлую тупость варшавского "гения".

Слухи о недоразумениях в мастерской взволновали и "генералов" от строительного "бюро"; и д-р Гросхайнц появился "ревизовать" мастерскую; что мог он, вешавший в своем зубокабинете Беклиа, тут понять? "С" его встретил пышно и сумел втереть очки своею модернистической пошлятиной; мы — рвали волосы, когда узнали: стиль "С" получил апробацию; это значило: забракован доктор [доктор]; пленяла новизна техники резьбы (первый опыт), пленял материал стекла, пленяло искусство, с которым справились работающие, а не "С".

Ну, а — сам доктор? Он-то как реагировал?

Входя в детали резных, инженерных, бетонных и прочих работ, проявляя энергию всюду, он шел по зову работающих; так сложилось с резьбой, когда резчики проявили желание войти в нерв задания его; он — явился; он — обходил каждый день группы резчиков, останавливаясь у каждой; и углем прочерчивал детали работы; тут он был уверен, что ждут его, что его указания действительно облегчают работу; ведь ради удобства контакта с ним резчики свергли руководство Катчер, поставленной самим доктором на работу, когда убедились, что Катчер не справится с замыслом доктора; так власть Катчер сменилась властью совета руководителей группы; были группы и был ритмизатор: сам доктор; работа пошла превосходно; "анархия" (внешняя) спасла замысел целого (монархия чуть не провалила его).

То же могло быть со стеклами; об этом мечтали стекольщики; Рихтер — не "метр", а товарищ; и доктор являлся к нему ежедневно, но в "домике Рихтера" (так звали мы мастерскую стекольную) вдруг появился "монарх", гений, тон давший такой, что работающие скрежетали зубами, а доктор скромнейше исчез из "стекольной"; Рихтер, перед отъездом сознавший

ошибку свою, что сам вызвал "С" из Варшавы, просто из кожи лез, чтобы "С" ему не "наследовал", и предлагал мастерскую сдать А. А. Тургеневой (форма): спасти автономию группы стекольщиков; А. А. Тургенева убоялась ответственности; и — убоялась "козней" варшавского гения; этот проект не прошел.

Доктор, весьма не любивший интриг, осложненных войною, уже заподозренный "паном" в симпатиях к нам, знал, что "пан" представлял в политическом отношении опасность для Дорнаха, как ярый "Антантофил", ярко окрашенный католичеством; он мог очень и очень вредить язычком, уж и так змея-сплетня заползала; он от стекла ради *ритма* работ отмахнулся; не звали на помощь — ушел; являлся он изредка, лишь для проформы: держался лишь "светских", хвалил мастерство выполнения; в стиле "С" был внешний блеск и была — загогулина; эдакое "черт возьми" гениальной природы! Доктор пекся о том, чтобы "натура", его отстранившая, дела не бросила в миг критический.

Когда разыгрался на стеклах уже инцидент с молодежью, спасавшей план доктора, он ступсывался; и судьбы стекла разрешил зубной врач, вкусы коего не поднимались выше слащавостей Беклина. Инцидент со стеклом предоставил другим разрешать: из "политики"; где было проще, он вмешивался: по-простецки.

25

Доктор Гросхайнц, состоятельный врач, пренаивно в приемной повесивший Беклина; и — молодежь: футуристы и сверхфутуристы! Бывали среди них старики-бунтари (как старик Вегелин); эта публика с пылом работала, силилась выволокнуть Гетеанум из всяких ухабов; то — партия резчиков; нос суя всюду, наталкивалась на маститую публику (с выслугой лет, но без стажа в искусстве); но то — авансцена; подчас за кулисами разыгрывалась далекая линия; доктор Гросхайнц в эту пору кипел против немцев; военные "немцы", — бродя среди нас, незаметно науськивали молодежь на Гросхайнца, используя "пороки" юности; и выдвигая предлог: дом Гросхайнца, к которому доктор модель уже дал, по их мнению слишком придвинувшийся к Гетеануму, будут его заслонять; им хотелось Гросхайнца с холма *ссадить* попросту. Искра — пала; был — взрыв; мы шумели: "Как, бюргер Гросхайнц заслоняет своим обиталищем бюргерским наш Гетеанум? — Нет, мы не позволим: и вырвем наш холм из лап "собственника". Старики агитировали и созвали собрание резчиков; председательствовал Вегелин; резолюцию вынесли: "Мы, художники-резчики, требуем, чтобы частные постройки не строились около Гетеанума. Недопустимо, чтобы у храма культуры сушилось бы белье на веревках!"

Гросхайнц был смущен; он — молчал; а в центральном бюро нам сочувствовали.

И вот он приехал, узнав обо всем, он вскипел; и со всею горячностью он доказал: резолюция есть предрассудок; стиль дома Гросхайнца не портит стиль целого; а говорить, что веревки с бельем оскорбительны для Гетеанума — значит: не выяснить вовсе, что цель Гетеанума — выявить *быт* новой жизни по-всячески; соединить "храм" и жизнь; и проект, включающий *храм* из забот ежедневных, вполне человеческой жизни, — есть сентиментальность; антропософская новая жизнь осветит: и веревки с бельем вблизи здания; помнится, высказал он: "Пусть пеленки висят — тут!"

В разборе коллизии данной он не был политиком; ведь "молодежь" и Гросхайнцы при всем бытовом расхождении служили действительному делу: без собственничества; Гросхайнец отдал дань свою: *жертвой* земли; молодежь — жертвой времени, сил и здоровья.

Интрига "политиков" — не удалась.

26

Он вживался конкретно в характер работы разной, но давал нам свободу, вмешательство сказывалось в проведении ритма работы, слагающем принципы техники; свобода же в выявлении собственной мысли при интерпретации данных им в гипсе моделей; размер их — ничтожен, а формы на дереве были огромны; в моделях не виделась грань плоскостей, ни количество их; мы же резали гранниками; и подчеркивали: пересечения плоскостей (под углами); любую из форм можно было различно понять; как сложенье — пяти, четырех, девяти плоскостей; дело руководителя группы увидеть негранную форму в граненьи, его объясняя сотрудникам группы, прочислить, на дереве числа пометить; и — вырезать; доктор не вмешивался в процесс понимания модели, являясь на архитевра, когда этот последний уже начинал выявляться; и вместе с работающими он вживался в то, что получалось от пересечения плоскостей; его совет всем: работать от плоскости, не от угла: угол сам образуется: в пересеченье; на лекциях он глубоко мотивировал метод подобной работы; уж после, когда выяснялась форма — вставала задача: уменьшить число плоскостей; или его увеличить; и тут он являлся советчиком; *зоркости* доктора верили; зоркость его не имела границ.

27

При работе "от плоскости" форма казалась неподвизтой и свежей; она вылезала сама из массива; и геометрической стабилизации не было вовсе; работа ж "с угла до угла" выявляла отчетливо: вылость и статику; в технике снятия стамеской пластов "от угла", уже вымеренного, выявлялись [появлялись] бугры или выемки, требующие выправления, неоднократного *среза*; в таком отрезании слоев — *зарезалась* форма; а каж-

дая точка огромного целого не могла сидеть глубже такого-то количества сантиметров от уровня плоскости, проведенной перпендикулярно к ее максимально высокой точке; все точки должны были в целом соотноситься друг с другом в пропорциях; если здесь снято [снять] два сантиметра, там — снять должно 40, там — 10, там — 3, там уже 60; и "зарез" в одном пункте был всюду "зарезом"; громадные формы сливались друг с другом; слитье должно было явно совпасть с инженерным заданием; мы не могли отступить от гармонии *слитности*; предпочитали всегда *недорезать*, чем *срезать*, когда — недорез, — то исправить легко; в перерезе же важные части выкидывали, их опять надставляли: последнее не всюду возможно; и стоило *дорого* (трата дерева, стоимость столярной работы), в военные годы уже нельзя было везти из Америки "дуб" для лицевки наружной стены; а запасы исчерпывались.

Словом, мы, как огня, ужасались "зарезов"; вопросы практические, а не только художественные, нас на опыте выучили применять принцип доктора: плоскость вести, забыв об "угле".

Тут ритм неожиданный вовсе из формы являлся; так в методе "плоскости" доктор отметил то именно, что он повсюду вскрывал: углы, строящие контур формы, подобны *удару* в стихах или *ноте* — в мелодии; плоскость между угловыми сечениями граней — подобна вполне поэтическим *паузам* или интервалу; подобно тому, как впоследствии доктор отчетливо выявил значимость паузы в ритме словесном и значимости интервала, так выявил он нам [нам он] значение *плоскости*, паузы между углами.

Рождение формы из ритма — вот что проповедовал он.

28

Он всегда говорил: "Мы в процессе постройки являем стиль целого не из абстрактных заданий и не из одних, пусть глубоких, аллегорических соображений, что эта часть здания — это вот значит, та — то; мы вывариваем, так сказать, его стиль из глубины, где рассудок молчит; и — где действует творчество".

Раз он сказал: "Мы, простите за выражение, печем наш "Бау", как пирог"⁵⁸. Он хотел этим сказать [высказать]: целое всходит, так тесно; оно в сплетенье итогов различных усилий; сплетенье усилий, стиль целого есть неожиданность.

Волил в те дни он — вполне неожиданного стилистического оттенка, который должен был сказаться на здании; тут поступал он, как Никиш, который на репетициях концерта весьма обстоятельно объяснял музыкантам задание свое; на концерте ж улавливал — *стиль*, или итог понимания симфонии суммою музыкантов; и стиль тот художественно заканчивал, как дирижер.

Дирижировал постройкою доктор — так именно: каждую отрасль работы — резьбу, стекло, живопись, купол, низ, круг из колонн и т. д.

— брал инструментами он; и старался явить из оркестра работы симфонию; мне было ясно: одни музыканты его понимали; и видели, куда он гнет; ну а другие ("С") старались выявить не звук оркестра, а "тремоло" своей скрипчонки в ущерб *Геттану*.

29

Причина, медлившая темпы работы резной: мы не сразу вырезывали; мы — вырезывали черне; прочерчивали вторично, третично, подкрадывались к окончательной форме порой после пауз, которые длились в месяцах; ряд репетиций; и после — экзамен, или сдача работы; что можно отчетливо вырезать, скажем, в неделю, при дробной работе брало больше времени; так работали мы над архитравом "Марса" (название — от колонны, внутри зала здания, посвященной "Марсу"); мы начали [начали нашу] работу на "Марсе" в апреле; Катчер руководила работами; в путаных указаниях ее было трудно понять, чего хочет она; форма — мощная, слепленная из деревянных слоев, мы срезали пласты осторожно, боясь зарезать; впоследствии же обнаружилось: надо не резать, — врубаться; наше срезанье походило скорее сперва на царапанье: ни мы не знали, ни Катчер, что делать: разметки и вычисления отсутствовали; мы в процессе царапанья лишь упражнялись в различного стиля срезаньях: стамесками разными; каждая давала — свой штрих; от штриха изменялся стиль дерева; штрих один — выявлял вещество ткани дуба; другой — затушевывал: не было ясного выбора должных штрихов и стамесок; впоследствии нам стало ясно: в большой, лишь слегка закругленной стамеске вполне выявлялся стиль дуба (на вишне работали плоской стамеской; на буке вполне небольшой, но скругленной); во всем неуверенность и неизвестность царили тогда.

Свергнув Катчер, составивши группы, руководителям групп отдали все измерения, разметки и думы о плоскостях, о штрихе, о стамеске [стамесках]; недоумения вырастали: одно за другим; тут-то доктор явился; и мы ежедневно к нему обращались, как некогда и Катчер. Обстоятельства перераспределения плана ближайших работ — отвлекли нас (то было уж в мае); около двух недель мы работали на других формах; забывши про "Марс"; в конце мая вернулись к нему; сдали же к середине июня; "Марс" вздернут был прямо под купол; лишь осенью после осмотра всего уже купола доктором (сняты для этого были леса) обозначилось, что чистовая работа еще впереди: весь ноябрь и декабрь — дочичали мы *Марс*. Меж началом его (апрель) и окончанием (около Рождества) — протекло восемь месяцев; в течение 8 месяцев — вынашивалась одна форма; и доктор ее вместе с нами вынашивал.

И в нем медленно созревало конечное задание формы: он нас наблюдал, ретушируя указаниями достижения наши; был в сущности произведен им на нас опыт.

Но процесс экспериментирования замедлял темп работы.

Доктор — бешено работал; но многое он вынашивал в неделях и месяцах: ходил задумчивый, обросший думами, молча вглядываясь в полуготовые формы, предпочитая порою стоять перед ними, когда уходили работающие, чтобы не обставали вопросами, требующими немедленного ответа; ответ появлялся *потом*.

Видимо было, как в месяцах он постепенно привязывался всей душой к нашей дорнахской группе; в ядро ее вращались свободной работою: не назначением; многие, сгоряча проявляли [проявлявшие] прыть, отпадали; иные выказывали неспособность к работе; я помню приезд египтолога Колпакчи, образованного и преданного доктору; с пылом он бросился [бросился он] на работу, выказав физическую силу и быстроту; его пригласили сколачивать массы; он — горы сколачивал (с невероятною быстротой, это было в эпоху Катчер); но мы косились на "прыть" Колпакчи, в неделю обгрызшего нам архитравы; он скрылся, уехавши, кажется, в Лондон. Позднее лишь — ахнули: здесь *перерезано*, там *перерезано*; здесь надставляя куски дерева, — там. Следы Колпакчи обнаруживались в вернице месяцев.

Далеко не все "спецы" — художники вынесли Дорнах; фатально "спец" по резьбе, Штюкгольд, из Мюнхена, обучавший резьбе еще в Мюнхене сжавших в Дорнах первых инструкторов, не мог жить и работать с нами. Совсем не художники после 3—4 месяцев упорной работы, перегоняли и спецов, входя в ритм указаний доктора; так было с Н. А. Поццо, вначале не умевшей держать стамеску; и скоро уже с утонченным изяществом вырезавшей часть архитрава "Марса", который впоследствии доктор поставил в пример; далее руководила она с сестрою ответственными работами всей внутренней отделки главного портала. То же случилось с "Л", начавшего с железа (черной работы) и ставшего спецом по стеклам; увидев стекла его, доктор сказал: "Вы талантливый человек!" То же случилось с А. А. Тургеневой.

Русская группа в Дорнахе оставила след; сумма сработанного ею в *Гетевануме* — была заметна. Так один из порталов снаружи сработан был главным образом москвичами (М. И. С.; А. С. П. и покойным Трапезниковым); полурусский-полушвейцарец Дубах, — был правофланговым всех резных работ; великолепно он вырезал в большом куполе форму Юпитерова архитрава; Н. А. и А. М. Поццо, А. А. Тургенева и я, — мы вырезали архитрав *Марса*; и частью резали *белый бук* (Сатурн); мы с А. А. Т. главным образом вырезали Юпитеров архитрав в Малом Куполе; кроме того — мы участвовали и в других [других разных] работах: резали надоконную форму, подножие одной из колонн, капитальные формы, участок снаружи (у левого входа); я с Эккартштейн дней десять работал на *Марсе* (Малого Купола); Русский "Л" в мастерской у "С" вырезал 6 крупнейших стекол; Тургенева и Н. А. П. тоже подрабатывали на стеклах: кроме того: доктор им поручил все внутреннее пространство главного портала.

Доктор, по-видимому, доверял ритму русских, работавших на дереве; узкая надолго, предупреждал он Хольцлейтер, поставленную для наблюдения за общим темпом работ: "Вы уж русских оставьте: не вмешивайтесь; они — справятся сами".

На других поприщах тоже работали русские; г-жа Эльрам, бывшая директриса гимназии в Петербурге, заведывала точильней, важным для нас учреждением; ежеминутно ломались стамески; работающих по дереву летом 14-го года было более полутора ста человек; сломанные стамески стекались десятками к бедной Эльрам, от которой несло керосином за версту: с утра и до вечера она скрипела стамеской о камень; петербургская "Ф" возилась с кухарками в кухне кантины, приготавливая обед для работающих; студент "М", химик, с Эккартшейн производил опыты в лаборатории по добыванию красок; временами из Парижа являлся русский инженер Бразоль, замешиваясь в работы; Фриджина (врач и художница): 1) участвовала в резных работах, 2) лечила в Дорнахе; Ильина с утра до ночи отстукивала на машинке для М. Я. Штейнер годами; М. В. Волопина принимала деятельное участие в художественных мастерских, подготавливая живопись малого купола; Т. В. Киселева вела ряд эвритмических групп и лично работала по эвритмии с доктором и с М. Я.; все временно приезжавшие или жившие месяцами в Дорнахе русские (главным образом, москвичи) принимали посильное участие в работах: О. Н. А., Б. П. Г., Н. А. Г. и др.

Когда создалась уже группа первоначальных исполнительниц эвритмии, то в ней группа русских заняла видное место: Киселева, Н. А. Поццо, Богоявленская, А. А. Тургенева, мадам Нейшеллер, явившаяся из Петербурга. Если сложить сумму работ в разном направлении, произведенных в месяцах (даже в годах) маленькой русской группой, то эта сумма выйдет весьма и весьма почтенной.

Вспоминая резчиков по дереву, я должен отметить в ядре ее стоявших и все время интенсивно работавших, пока судьба позволяла им жить в Дорнахе, следующих лиц: Дубаха, Штрауса, Митчера, Кемпера, Людвига, Вегелина, Вольфюгеля, Фадума, А. А. Тургеневу, Н. А. Поццо, мадам Эйзенпрейс, фон Гейдебрандта (брата педагогички), художниц Кучерову, Друшкз, Гюнтер, Дюбанек, фр. Холцлейтер, фр. Бай; были и другие, постоянно работавшие по дереву, как покойный Т. Г. Трапезников, гостившие с год А. С. П. и М. И. С. Но без перечисленных мною лиц, все время волновавшихся сознательно и ведших ритм резной работы, можно смело сказать: первый Гетеанум не был бы вырезан; кроме самой работы постоянно возникали тысячи недоразумений, забот (недостача дерева, переговоры со столярами, установление плана и т. д.). Перечисленные лица в полном смысле слова являлись нашими вожаками, вдохновителями в работах; и осуществителями плана доктора.

Совершенно не мыслю стекольное отделение без Тадеуша Рихтера, который обзаводил машины, подбирал группу, готовил эскизы и т. д., без главного "стекольщика" Д. ["Л"], без голландца Ледебура, без фр.

фон-Орт, фон Мой, без Виги Седлецкой, без "С" и без милой брюнеточки (забыл фамилию); кто еще работал перманентно на стеклах, не могу установить (кажется, супруги де-Ягеры).

Среди архитекторов-инженеров отмечу Шмидта, Энглерта, Эйзенпрейса, заезжавшего Бразоля.

Среди лиц, упорно занимавшихся прикладным искусством (детали лестниц, внутреннего убранства дома Гросхайнца и т. д.), отмечу художника Розенберга.

Среди корпорации художников-живописцев, усиленно работавших над разработкою эскизов куполов и потом работавших в куполе, необходимо отметить: Линде, бар. Эккарштейн, мужа и жену Полляк, Классен, Волошину, мадам Перальтэ и англичанина (забыл фамилию: нечто среднее между Гильденштерном и Розенкранцем); отдельно работали Катчер и Мэрион (лепшие работы, негативы форм).

Столярная находилась в ведении Лихтфогеля.

В химической лаборатории работали Шмидель, "М", Эккартштейн.

Следует отметить самоотверженную и неблагодарную работу наших "кухарок"; "кантина" была своего рода центром; там сидели часами; каждый день надо было сварить обед, ужин и два раза чай и кофе; если принять во внимание, что "едоки" насчитывались многими десятками, а в иные периоды сотнями, то проблема кормежки голодных от физического труда работников не была так проста, как оно могло показаться сперва; уже скоро "кантина" пустила ответвление сельскохозяйственное: стали разводить огороды, чтобы иметь свои овощи (ведь овощей шла уйма); среди доблестных, а порой героических хозяйственниц отмечу главным образом две фигуры: фрейлейн Митчер и баронессу Гамильтон; помнится еще постоянно хлопочущая тощая бергенка и наша петербуржанка "Ф" (до отъезда).

Наконец, эвритмически-художественная секция, с 15-го года выпешная на подиум и перманентно работающая над новыми и новыми номерами, была подлинным зерном будущих сложных художественно-исполнительных организаций, в ней зревших; тут отмечу: певицу Рикардо, музыкантов Стютена и Ван-дер-Паальса; группу эвритмисток (Киселева, Богоявленская, Валлер, молодая Вольфрам, Фельс, Фай, А. А. Тургенева, Н. А. Поццо, Зонненкляр, одно время постоянно выступавшие барышни Лей, Эйзенпрайс, появлявшаяся среди них Смитс, де-Ягеры, Абельс и т. д.).

Завелись отдельно: библиотечная фракция, хор, даже была попытка к... оркестру.

Все эти фракции членились; задания — разрастались; резчики, например, мечтали уже о создании резной мастерской, где бы стиль Гетеанума вынашивал и мелочи быта (пепельницы, рамы, столы, стулья).

Уже в середине 16-го года целая культура "Ин Стату Насценди" рождалась свободно под Гетеанумом; но и сложнели отношения между отдельными партиями, корпорациями, и главным образом между деятельно работающими, на своих плечах вынашивающими будни Гетеанума, и туне-

ядно около Гетеанума живущими рантьершами, которых безделье заставляло рисовать острые зигзаги от "сплетен" к "мистике"; и от "мистики" и "сплетням"; наконец, была особая категория, которую я назвал бы "праздничными налетчиками"; каждую субботу в Дорнах слетались швейцарцы (из Базеля, Цюриха, Берна, французской и итальянской Швейцарии); или даже: в определенный период (сгущения лекций Штейнера, праздничных постановок) к швейцарцам присоединялись англичане, австрийцы, немцы, французы; Дорнах начинал гудеть от толпы людей, непосвященных в работу, неверно информированных о сути дорнахской жизни сплетницами; эта толпа совала нос во все; и, кроме того: попадая в Дорнах из воюющих стран, она взметывала пыльные вихри военной страсти, которую давно изжило ядро работающих.

Необходимо было подумать и о том, чтобы нас защитить [защитить] от нас самих, от наших соседей бездельников и от налетчиков со стороны; что дорнахских антропософов: 1) подсиживали контрразведчики различных стран, 2) оклеветывали иезуиты, различные темные "окультиные" братства, которыми закишела Швейцария во время войны, 3) едва терпели протестанты и 4) холодно взирало швейцарское правительство — еще полгоря; но когда присоединялось самоседение антропософов антропософами, чаша терпения лопалась.

Начинались жесты, напоминающие жесты нервных больных.

Сплошь да рядом бывало: здоров человек — трезв, рассудителен, даже смеется над нервничающими "чудаками" справа и слева; вдруг — трах: неузнаваем; порет дичь, бросает работу, впадая или в мрачную меланхолию, или в самоуничтожение, обвиняя себя в несуществующих преступлениях; или же, — наоборот, размахивая молотком и стамеской в буквальном смысле диким вепрем носится по холму: не попадайся и доктор сам! Такого "буяна", заболевшего дорнахской лихорадкой, стаскивали товарищи по работе с холма: "Успокойтесь, херр или фрау, такие-то: ничего, — до "свадьбы" заживет". И — заживало. И вчерашний бунтарь или бунтарка как ни в чем не бывало появлялись на холм, как скромнейшие, рассудительнейшие люди; и завтра принимали участие в угомонении тех, кто угомонял их вчера.

Так и существовал термин: "Бунтарка". Придешь и спросишь: "Почему нет "М"?" Получишь спокойный ответ: "М" — бунтует". — "А?" — И принимаешься за работу: пустячок, как... насморк.

Резная работа вызывала часто механически в иные периоды такие сотрясения нервов; неоднократно я в полном умоисступлении колотил бессмысленно молотком по собственной работе, и мой голос звонко разлетался по всему бараку, или гремел из кантины (и его слышали под куполом); обертывались — преравнодушно: и кто-то отмечал: "Херр Бугав — бунтует!" — "А? — Только-то!"

И тут попадись под руку любой "фюрер" или "фюрерша" движения, — им не поздоровилось бы.

— "Это — ничего: это — барометр упал", — отметила однажды мой крик почтеннейшая графиня Калькрейт, у которой я в иные минуты почтительно целовал "ручку"; и — не стыжусь ее: сам я видел и слышал, как величественно уравновешенная старушка кричала и бунтовала, размахивая молотком над формой, с которой не могла справиться; она — роптала на доктора:

— "Что же он не объяснил внятно!"

И тогда уже не она пролила на меня елей "барометра", а — я: почтительно соскочив с мостков, я подбежал к ее архитраву и, подав руку ей, без объяснения причин свел ее с мостков на землю, где она и успокоилась.

Все болели "криками"; и болели нежеланием видеть никого, а заключааясь на несколько дней в четырех стенах и объявляя: "После случившегося — не пойду на люди".

И все появлялись вновь.

Нервы!

Но переутомленных надо было особенно защищать от порой гадких наскоков со стороны; и потому-то не "суд" был важен, а дружеская опека "старших", долженствовавших деликатнейше распутывать сложнейшие узлы; в какой обстановке видано, чтобы, например, норвежская девочка 19 лет открыто бодалась на радость всем с шестидесятилетней, увенчанной крестом дамицей, маститой членкой, заматеревшей в "духовных упражнениях", и чтобы в этой "бодне" почтенная дамица была кругом виновата; и еще: что "девочку" надо было по всей справедливости погладить по головке, а дамицу с духовным "стажем" — "за ушко, да вниз" — с холма.

А распутывать такие дела постоянно приходилось.

Не суд, а совет людей, старших не по правам, а по уважению, мог браться за такие проблемы; в нем отмечу лиц, зарекомендовавших себя удивительной способностью держать "руль мира": в первую голову сам доктор Штейнер; и — тут же: Бауэр, Пайперс, покойница Штинде, д-р Унгер, Матильда Шольц и другие (между прочим и покойный Т. Г. Трапезников).

31

Встают передо мною две встречи с доктором: на почве работы по дереву; одна встреча ранила; другая — наоборот: ее записывать стыдно, как вообще стыдно писать о похвалах, хотя бы группе, в которой работал ты; похвала, в сущности, не касалась меня, попадая в меня рикошетом.

Итак, первый случай.

В нем сказалось отчетливо: в докторе принцип работы осознавался не сразу; будь иначе, мы с Эккартштейн не попали бы впросак.

Директив прямых не было.

Я подведен под критику Штейнера отсутствием указаний со стороны руководительницы и похвалами художницы Эккартштейн, опыт которой котировался высоко среди нас: мой же стаж резчика не насчитывал и двух месяцев.

Началось вот с чего: мы слушали лекцию доктора в Базеле; в это время в Дорнахе прошел ураган, повредив барак, в котором работали; около двух недель его исправляли; чтобы не терять времени, мы перешли в другой барак, где стояли формы малого купола; на них заработали во временных, случайно составленных группах; а я остался "без места"; подходит ко мне Эккартштейн и зовет с ней работать над новой, мне мало известной формой. Попав к Эккартштейн в качестве единственного помощника, я внимал ее указаниям: автор костюмов к мистериям, рисунков к календарю, близкая ученица Штейнера, с "ясновидением", как говорилось, — мне ли ей перечить, когда и Катчер, увидев меня с Эккартштейн, даже не подходила ко мне? [!] Не ей указывать Эккартштейн.

В Эккартштейн было много кокетливого каприза и экстравагантности, начиная с наряда: пурпурный передник, синяя шелковая повязка создавали импрессию Люцифера на зеленых дорнахских холмах (в подобном костюме она играла роль Люцифера в мистериях Штейнера); даже рукоятку своей стамески выкрасила она в пурпур; подпершись рукой со стамеской и протянув повелительно руку к форме, блистала она зелеными фосфорическими глазами за моей спиной и дирижировала всеми моими действиями (в первые дни работы); соблазнительно шептывая мне в уши [шептывала мне в уши она] комплименты.

Дерево было твердое, а силы у ней было мало; она заставляла меня держать стамеску; сама ж ударила по ней молотком; или — она держала стамеску, а я бил по ней; наш рабочий дуэт обращал внимание (форма стояла в проходном месте): все останавливались при виде *странного зрелища*: декоративной Эккартштейн декоративно бьющей по стамеске, которую я ей держал; на нас показывали и, вероятно, говорили: "Не случайно такая опытная художница помощником взяла "херр Бугаева"! Скорю же Эккартштейн мне все сдала, исчезнув с формы; что ни делал — она хвалила: "Тонко, полно вкуса!" Поднялись мои фонды: вокруг, да и в моем сознании; я — верил Эккартштейн.

Наконец Эккартштейн исчезла совсем, а Катчер не подходила; форма судьбою была вручена мне; с беззаветной отвагой, без измерений и продумываний [продумыванья] соотношения плоскостей, я врезался в нее, отдаваясь "интуиции художника", мельком взглядывая на модель, смело *начисто* вырезывая массив; глядя, как щепки летали вокруг, можно было подумать: "Скульптор, знающий дело". Так на меня и смотрели проходящие мимо старушки; признаюсь, мне это льстило.

Казалось, что форма близилась к окончанию; сойдя с мостков, я сам любовался ею, глядя ее бока; и сравнивая свой метод работы с методом работы смежной формы, которая являла собой мне не нравящийся "сухой" граник какой-то; достоинством своей формы считал я ее круглоту.

Говорили: в мое отсутствие к форме подходил доктор и долго смотрел на нее.

К воскресенью была объявлена лекция доктора на тему: "Резная скульптура"⁴⁹.

Лекция была там, где мы работали; лекторский столик приставили к моей форме; сердце билось: я думал, что доктор берет форму за образец: невмешательство Катчер и "лесть" Эккартштейн вскружили мне голову.

Доктор выбрал действительно мою форму; но — Боже мой: что я услышал? Все, что я считал за достоинства, было доктором заклеймлено: круглота — безвкусица, даже "жир", который скорее надо срезать; доктор морщился до гримас по моему адресу (так мне казалось); круто поворачиваясь к моей форме, он тыкал в нее пальцем и кричал: "Посмотрите же: это — жирное брюхо!" Впоследствии в литографированном конспекте лекции, читая разное меня, я встретил сильно смягченные выражения: там нет речи о "брюхе", а "брюхо" — было; и там нет ужасных ужимок доктора, когда он, как мне казалось, с презрением громил форму: более половины зала знали, кто резчик; он так выдавался с мостков эти дни, бросаясь всем в глаза горделивой уверенностью жестов и лихими размахами молотка.

Я сидел, как на углях; и — да: я — бесился; мне думалось: "Это — не избиение даже, а — издевательство!" Твердо решил я: рука моя больше не прикаснется к стамеске.

В довершение унижения в конце лекции доктор повернулся к гранику, мной столь третируемому: и сказал: "Вот — образец правильного понимания работы!"

Так впервые был установлен принцип граника (над моими разбитыми надеждами!).

32

Второй случай встречи с доктором на почве резной работы имел для нас, группы, противоположный исход.

Вчерне кончали "Марс"; эпоха Катчер кончилась; никто нами не руководил; никаких заданий не получали мы; товарищески ориентировала руководительница группы А. А. Тургенева; группа состояла из четырех человек: А. А. Тургенева, Н. А. и А. М. Поццо и меня; руководительница вымеряла и вычисляла пропорции; задание каждого возникало, как органический итог наших дум; руководительница была посредником между всеми нами, доктором и инженером; внутри мы были лишь товарищеской ячейкой; Н. А. Поццо работала над головой нашей "змеи" (змеевидная форма); А. А. Тургенева выпрямляла сгибы змеиного тела; А. М. Поццо готовил рабочие черновики; мне были отданы плоскости верха; и дома мысль продолжала ошупывать форму; и разговоры вечерние сводились к спорам о ней; не прибавить ли вот здесь лишнюю плоскость; часто мы бежали к фундаментальной модели производить измерения, их записывать

в книжечку, чтобы покрыть архитрав сетью чисел 5, 3, 10, 25 и т. д., т. е. столько-то сантиметров снять.

Оставалось много работы — над фоном, в углах, внизу, под формой; низ мне достался вдруг; А. М. Поццо, вскарабкавшись на ряд ящичков, собою являл сплошное неустойчивое равновесие, собираясь с ящичками на нас рухнуть и осьпая нас сором и щепками; волосы наши были седы от сора; А. А. Тургенева повязала шалью рот, чтобы не дышать деревянной пылью.

Я же возлег в ужасном месте: на полу, под досками помоста и формой, не имея размаха; размахи мои являли кривую линию: и неизменный рикошет (непопад в стамеску) награждал лоб, скулы, нос ударами пятифунтового молотка, а в глаза сыпались щепки и сор; чтобы не стать бельм от пыли, я накрылся газетами; в таком положении я пролежал несколько дней; и ходил с полосатым лицом, щедро усеянным сняжками: воистину дьявольская работа; работалось — весело.

Проходящие смеялись над моим положением.

Вдруг — представители администрации выдвигают нам ультиматум: "Через три дня сдать формы!" Все архитравы взлетали под купол; медлить — значило: останавливать другие работы.

В бараках возникли переполохи; никто не был готов (не мог быть готов); кончить работу все отказались; архитравы в неготовом виде тащили под купол; от этого позднее вставали неудобства.

Нас охватил дух спорта; видели и мы: даже вчерне кончить форму нет возможности; но, посмотрев друг на друга, дерзнули: "Будет сделано!" На нас косились: на лицах затаивалась насмешка: "И чудачки же!"

Назвавшись *груздями*, надо было лезть в кузов. Взяли на подмогу себе Розенберга, постановили: утроить количество рабочих часов; работать — без ограничения срока, до последнего издыхания; ни мы четыре, ни Розенберг не отличались физической силой; рядом же "силачи" отказывались окончить форму в три дня.

Наш архитрав, обшцелживаемый гарантеллою пяти молотков, и трещал, и скрипел; мы кидались на него, как на приступ; не было времени — глядеть друг на друга; не было времени сбегать пообедать; раздавалось: "Розенберг, — выбивайте угол; Наташа — сюда; Поццо — туда!" Стамески ломались, как хрупкие стекла: Эльрам, посвященная в тайну поломанных инструментов, силилась нас выручить, точа нам стамески вне очереди; всех занимало наше пари; со светом являлись мы к форме; и с тьмою от нее уходили; работа быстрела, но дни обгоняли ее; мозоли на руках стали ранами; по утрам я не мог двигать мертвыми пальцами; все тело — болело.

Наступил роковой день; мы проделали огромное дело; и все же видели: недоработанный хвостик останется; тут мы решили: будем работать всю ночь; надо было *вымолить* разрешение на ночную работу, т. е. на право "огней", которые были запрещены (груды щепок); разрешение получили мы; сама Эльрам обещала не спать и точить нам стамески.

В последний день от усталости, одышки, волнения у меня — припадок за припадком: и "чччерт" гремело громчайше, к соблазну многих! Или

я вдруг останавливался перед формой с выпученными глазами, ничего в ней не понимая; милый Розенберг сводил меня с мостков: "Сядьте на бревнышко, херр Бугаев!" С "бревнышка" опять я бросался в бой.

Ночью — впали в остервенение; темный, пустой барак трещал: от града ударов; фонари стояли на ящиках; Эльрам скрипела стамеской.

Во втором часу ночи — ура: кончили! Не помню, как добежал домой: рухнул в постель; на другой день встал в три: и к четырем был в *Гетемуме*. Наша форма висела уже на головокружительной высоте: под куполом. Утром, перед поднятием формы, к ней пришел доктор: сел перед ней, подпер голову; долго разглядывал.

Прошло четыре месяца. В октябре сняли леса; круг архитравов — стал виден снизу; доктор внизу нас собрал на смотр архитравов; давал характеристику каждого: достоинства и недостатки записывались: дошла очередь и до нас; он сказал: "Вот — самая удачная форма по выразительности и по деталям выполнения; в ней ретушь — пустяки; в целом — она готова". Окончив характеристики, он вторично с шутливой улыбкой вернулся к "Марсу": "Что же касается до "хваленной" формы..." Не помню, что прибавил он; мы — сияли; и тупились скромно, когда иные из непосвященных спрашивали: "Кто тут работал?"

Похвала доктора с *лихой* вознаградила меня за провал с Эккартштейн.

33

Мы ждали появления доктора в барак, где работали: часто являлся он с М. Я. Штейнер, летом одетой во что-то лилово-белое, с белым зонтиком в руке; он отделялся от нее, подходил [подходя] к форме; руководитель показывал отработанное; доктор, откинувшись, отступив на шаг, озирает конфигурацию плоскостей; взяв кусочек угля из рук руководителя, быстро очеркивал выступ формы: "Хир вегнэмен!" — перечеркивал ту часть, которую должно снести: "Цвай сантиметер... 30... 30: ганц рихтиг!"⁶⁰. Фразы вырывались громким басом; и тут же подает новую мысль; и, нацепив пенсне, взглядом прицеливается к следующему архитраву.

В такие миги разрешались наши недоумения и вопросы, мучившие нас недели. При ежедневном обходе сараев не каждый день подходил он к нам; он ждал, когда накопится материал к обсуждению; иногда он останавливался, окидывал пристальным взглядом; и — проходил мимо; дав задания, утащил заходы; влезал на мостки; и с них — на ящики.

Не знали смущения перед ним, как руководителем работ (не таким стоял он, как духовный руководитель перед распущенностью); не боялись его и в том случае, когда форма хромала; иногда с его стороны был горячий *наскок* на метод работы: *наскок* не смущал.

Занимателем сплетением плоскостей, иногда брал стамеску и оставался работать, желая яснее выразить свою мысль; проработав с полчаса, он сам, на примере работы разрешал мучившие вопросы; работал он

очень изящно небольшой стамескою: не торопился, бисеря щепками и ударяя молотком без размаха; кусочки, им отработанные, удивляли нас протонченным изяществом; что-то было мне в них от лица, которое тоже поражало протонченным изяществом лицевых мускулов. Мы сбегались к работе доктора, срисовывали ее себе в книжечку; и изучали ее на дому.

34

Когда появлялся в бараке он, — наш жест был: сбежаться к нему; мы удерживались, ожидая, когда подойдет; в исключительных случаях мы его, так сказать, настигали; и настойчиво вели к форме; глядя со стороны на то, могло показаться, что в нас нет достаточного к нему уважения; глядя, как его дергали за рукав, можно было подумать: в нас нет "пистета"; все внешние знаки дистанции падали: выступало дело.

35

Перед своим отъездом из Дорнаха я продолжал работать в пространстве портала под потолком: на мостках; из-за наружной стены мне под ноги прорубался "Л", вырезая окно; голова "Л" — просовывалась, или моя; мы — переговаривались; свесившись головой вниз, видел: бетонную площадку, холм, Дорнах, дали. Доктор — не возвращался (он долго отсутствовал); мысль, что покидаю Дорнах надолго, его не увидев, меня волновала.

Однажды в ясный день разнеслось известие: "Доктор вернулся!" И сердце — екнуло: еще увижу его; часов в пять — слышу голос: "Доктор!" Перемазаный, пыльный, со стамеской в одной руке, с молотком в другой — на четвереньках пролезаю наружу, в дыру из стены свешиваюсь: внизу — доктор, сияющий, радостный, в сюртуке, с черной шляпой с полями; и с ним — розовая М. Я. сияет золотыми волосами. Я с карачек над ними махаю руками (молотком и стамеской); он, подняв руку над головой, улыбается пленительно; и бросает громко: "*Грюсс готт!*"⁶² В порыве к нему, в его *порыве* сказала простота сердечности: так встречаются родственники или дети с родителями.

Так мы встречали его, когда он приходил к нам.

36

Это было в раннюю пору работы в бараках; взобравшись на мостки, высотой с добрую сажень, я углубился в работу над кленом. Голос: "Доктор!" Я — с краю мостков; подо мной — М. Я. Штейнер; шагах в трех — доктор: спиною ко мне; в то же мгновение чувствую: ноги теряют равновесие; и мне остается: свергнуться вниз или прыгнуть, чтоб избежать ушиба; грохаюсь

вниз: и оказываюсь лежащим в ногах М. Я. (с молотком и огромной стамеской); она — в испуге: "Вы ушиблись?" Вскочил на ноги; все — в смех. Доктор, стоявший спиной ко мне — даже не вздрогнул: повернул сосредоточенное лицо с укоризной на миг: и ушел в разговор; все же ахнули от громового грохота, произведенного мною; но ни один мускул не изменился в лице его. Так он владел собой.

37

Он любил корпорацию резчиков; это "личное" чувство к нам, не раз в нем непроизвольно вспыхивало в фактах распутывания интриг, которые велись против нас, и других случаях); строгий и требовательный, он не раз готов был "хвалнуть" нас, — так просто: от избытка чувств: в Норчоппинге (в Швеции), на одной из лекций он шведам рассказывал о быте Дорнаха; сердечно описывал нашу жизнь; между прочим, взглянув на меня, подмигнул лукаво; и сказал громко: "Глядя на наших уважаемых членов здесь, — слово "уважаемых" произнес с ласковым комизмом, — никто не мог бы представить их вида, когда они в сараях обливаются испариной". Это — в мой огород: в Швеции я ходил в сюртуке, заботясь о туалете; и этот мой вид — контраст с Дорнахом, где работал в русской рубашке без ворота; испарина градом катилась с лица; и я то и дело утирал лицо рукавом рубашки; эти мои рабочие замашки он подсмотрел: в его словах было много комизма; еще больше ласковости.

38

Рабочий в Дорнахе выглядел живописно и пестро, пугая мелкобуржуазный глаз; не было летних пижамных костюмов: короткие штаны, засученные рукава, открытые груди, куртки самых фантастических видов, русские рубахи, передники, швейцарские костюмы (а ла Вильгельм Телль), столы всех цветов радуги, польские душегрейки; чего-чего не было! Молодежь съехала из разных стран: и ходила в национальных костюмах; "европейское" платье мешало работе. Туман, сырость, дождь, размок глины сменялись духотою и пылью; на холме был потоп [поток] щепок, стружек и деревянных опилок; простонародный костюм выносил все это, а "европейский", — нет; иные ходили дранцами; доктору нравилась рабочая пестрота: он хвалил русскую рубаху.

39

Дорнах стоит мне нескончаемым калейдоскопом воспоминаний; раз начав, я никогда не кончу; он встает мне в днях и в часах: изо дня в день. За 2 с половиной года жизни в Дорнахе я был вполне отдан людям.

Мы странно жили, скученные на пространстве двух деревушек; отрезанные от всего мира войной, мы, 19 наций Европы, пронизывали друг друга разными бытами; и — падали стены не только [не только стены] отдельных обиталищ; падали меж нами подчас и границы снов; смешиваясь в снах, мы появлялись друг перед другом в странном виде, то радуясь, то ужасаясь друг другу; нигде не было теснее сближений, нигде меч разделения не ударял с такой яростью.

Дорнах остался мне квинтэссенцией человеческой красоты и человеческого безобразия, дико столкнутых под ни на что не похожими формами, которые, мы же, ставшие ни на что не похожими, высекали.

Дорнах для меня — своего рода кампания 12-го года: завоевание огромной страны; и одновременно: почти бегство из нее. И когда я читаю теперь [теперь читаю] малопонятные эпосы давно исчезнувших народов в их усилиях строить циклопические постройки, я непроизвольно вспоминаю Дорнах; и почти ловлю себя на восхищении [восклициании]: "Это было в Дорнахе".

И вместе с тем: ни одно историческое событие не отделено от меня таким расстоянием, как Дорнах, где я периодами мыслил себя жителем навсегда; ведь и клочочек земли, нам уделенной, только случайно не оказался нашим; и только случайно не начал я строиться в Дорнахе.

Между тем: глядя на Дорнах из 28-го года, я говорю себе: "Сюда невозможно вернуться мне, как невозможно вернуться мне в старую арбатскую квартиру, в свои детские годы: невозможно, да и... ненормально".

И я не *хотел бы вернуться* в Дорнах.

Но проделанная "кампания", — не вычеркиваема из души; и невычеркиваемы товарищи по Дорнаху.

Как мне забыть рабочее дорнахское ядро: фон Гейдебрандтов (сестру и брата), фрау Гейдебрандт (жену художника), Розенберга, фон-Орт (стекло), Газра, фр. Ганна, фр. Классен, Дюбанек, фр. Киттель, Митчеров, д-ра Гоша (ушедшего из А. О.), Эйзеншрейсов, фр. Хольцляйтер, Лилля, Энглерта, Людвига, Вольфюгеля, фр. Гюнтер, Лиссау, Вегелина, Линде, бар. Эккартштейн, Штраус, Смитс, Фосс, фр. Вольфрам (эвритмистка), Кучерову, Лихтфюгеля, Зоиненклар (теперь фрау Ленхасс), Фельс, Блумеля, Киселеву, Ильину, Дубаха, "Л", Фридкину, Эльрам, Богоявленскую, Бергенрюн, Трапезникова, Кемпера, Нейшеллеров, Нильсон, Майеров, Гросхейнцев, братьев фон-Бай, мисс Мэррион, мисс Чильс, мисс Гаррис, мисс Рикардо, Лупшевица, Стракошей, семейство Полляков, Фадума, Рихтера, Дрекслер, Друшкз, Катчер, Гамильтон, фр. Вальтер, Валлер, семейство Лер, мадам Перальтз, де-Ягеров, Стютена, Ледебур, Лилля, даже... Седлецких; и — скольких еще!

Не говорю уже... о старших.

Или как забыть своих дорнахских "врагов"? Как забыть, с которыми судьба сталкивала лоб-о-лоб; с каждым ведь проведены миги незабываемого смысла, приподнимающие над личной жизнью.

Нигде не было такой остроты восприятия сталкивающей нас или нас разделяющей кармы; нигде не ощущались нити кармы, поданные почти тебе в руки: "Сплетай".

И я плел так, что Дорнах стал мне воспоминанием о жизни проведенной мною... в прошлом моем воплощении; а ближайшие тогдашние мои друзья, жившие под одним кровом со мною, плели эти нити так, что все, кроме Дорнаха, стало им воспоминанием о жизни, проведенной ими... в прошлом воплощении.

И эти ответственные кармические минуты происходили в ответственные кармические минуты мира на глазах у доктора; и — вместе с ним: в его кармических минутах.

Если бы я описывал не личность Рудольфа Штейнера, а себя в мигах Дорнаха, я написал бы о том невероятнейших рассказов в стиле то... сказок Андерсена, то... кошмаров Эдгара По; мелькнули бы: и "Снежная королева", и сказка о "Русалке", и уютнейший "Оле-Луки-Ойе"⁶³ увиделся бы; но и чудовищный Басаврюк⁶⁴... появился бы рядом.

Все это было увидено в Дорнахе; но в личной фантастике жили сверхличные светлые и страшные сущности, которых бой, тяжбы друг с другом, вооруженных нашими душами, как щитами, являла бой за будущее антропософского импульса в мире, исход которого нам неизвестен.

Все это могло получить освещение, оправдание, смысл в еще более высокой духовной обители, простершись в которую над всеми нами, Рудольф Штейнер держал скрижали своих новых слов о Кресте Голгофы.

Дорнахская трагедия для меня в *до* и в *после* Дорнаха, — в том, в чем Штейнером были начат Дорнах: в теме Голгофы, в теме Креста.

ГЛАВА 6

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В ТЕМЕ "ХРИСТОС"

"Мистерия Голгофы — единственное, величайшее событие человечества. Рудольф Штейнер ("Основные положения", 1924—25 гг.)¹.

"Событие Голгофы — свободный, космический акт, ... постижимый лишь человеческой любовью". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Нисхождение Христа — прокизание человечества изначальным... Логосом". Рудольф Штейнер (Оттуда же).

"Язык, к которому стремится антропософия, будет двигаться, — это сказано более чем образно — в чистом элементе света, который идет... от сердца к сердцу". Рудольф Штейнер ("Современная духовная жизнь и воспитание", стр. 222, 1923 г.)¹.

1

Доктор всегда повторял: "Говорят "О" духовной культуре, говорят "О" духе; все — "О", "О" и "О"; мало говорить "О"; надо дать конкретно почувствовать дух, говорят "О" духе бездушно: без духа". Говоренье, по доктору, вело к материализму — с другой стороны. Он — не так говорил.

Совершенно особенно он говорил о Христе.

Можно даже сказать: он — молчал о Христе, подготавливая условия к восприятию Христова Импульса, чтобы звуки слова "Христос" излетали, как выдыханье вдыхания: силы Христовой; чтобы понять мысли доктора о Христе, нужен был путь поста и молчания, и мыслей, и чувств, принимающих крещение: требовал, чтобы слово о духе придало жизнь. Его слова о Христе были — строгим молчанием, или — самим Христом в нем.

Он готовился к произнесению слова "Христос", — порой месяцами; и потом объявлялся курс: "Христос и духовный мир"; кто был его ученик, тот знал значение объявления такого курса. Это — прохождение новых ступеней знания; и — призыв: "Ман Мусс Вахен унд Бэтен!"³ Готовились, — просящая "моление о чаше"; и знали, что прощали, но как умели, готовились; звучало нам: "Перемените пути!" И не словом, а "тихою" минутой лекций, когда и громы исчерпаны; на миг прокальвалась "лекционная" ткань; он глядел проколами невыразимых своих, как слезами

наполненных, глаз, — в паузе меж двух частей лекции, — может быть не относящейся к Христу, а к ... Фехнеру. Но из-за "Фехнера", — вставало, глядело, будило и звало глазами его, говорившими нам: "Не я... а... во мне". Так говорил "Дух" личности, в личность спустившийся, глянувший в нас из расширенных глаз... И тогда догадывались, что *уже* говорит о Христе, хотя тема курса "Христос"... — еще вдали.

Даже сонные в эти миги сквозь сон замечали "летение тихого ангела" над лекционной темой; "ангел" летел *вестью* о том, что будущий "курс" — символ свершений, открытий и катарсисов в наших душах, которые могли б иметь место, если б "Я" усилием воли могло стать лучше для своего Дамаска.

Это — не выдумка, а жизнь тех из нас, кто хоть в точке одной был *эзотерик*; но можно было бы в упоминании имени Христа Иисуса увидеть — лишь перевлеченность внимания с духовной темы на светскую; мы порой знали, когда он молчит просто и когда он молча *говорит*... о Христе; молчание — вдох; будущее слово о Христе — выдох; он требовал угадки в нем словесного жеста к произнесенному еще, но уже веющему: звал под куцу.

Так он порою вел неделями по пустыням молчания.

Так он говорил о Христе!

И — кто так говорил о Христе?

2

Вернувшись из Дорнаха, я не мог привыкнуть к московской религиозно-философской болтовне; хочется не сказать, а вскричать, и даже *сделать словами явление из воздуха* отзыва той реальности, а не "аллегорий" силы Христовой в нем, когда он говорил "О"...

Срывались с трезвости и трезвейшие: ждали, молчали и переглядывались: "Не... пропел ли... петух... Не... — стоят ли... в дверях!"⁴ Срывались на этом — "...не ли...?" Происходил экзамен "искушения" царствами⁴, искушение Христа Люцифером, — ставало: "Вот... наступает... царство Его!..."⁶ Не верилось, что еще оно: "Не от мира сего". И — вырыв астрала мгновенно-бурный; и — падали. Явление с "падениями", о которых я писал, открывало "курс" на тему "Христос", продолжаясь в течение курса; причина — неподготовленность сознания, непрохождение "поста".

3

Перечитывая фортраги "Христос и духовный мир", "Пятое Евангелие", — спрашиваю: "Куда оно делось? Великолепнейшие прогляды — да! Но — главного нет: *света просветов и взгляда проглядов!*" *Свет — присутствовавший — Христос!*

Потому и "падали"!

Оговариваюсь: среди нас — философы; они мне возразят: подобного рода воспоминаниями я вздуваю "мистику"; антропософия — "трезвость", апеллирующая к познавательной ясности. Знаю: и сам доказываю, что нужна ясность; и сам щипал себя за палец в Лейпциге, чтобы не "упасть"; и даже — выгнал упавшего на меня толстого немца.

Не выдавшие доктора, но весьма изучившие его "Философию Свободы" могут судить и рядить о "ясном мышлении"¹. Известно ли им: "ясное мышление" могло вызывать в нас и явления, подобные явлению "Фаворского Света".

Лучше не "пасть", чем "пасть", ибо тут — разрыв между "Я" и *Манасом*; явление явствует все же о касании нас сил света; мы еще не владели [владеем] высшими органами; но тут факт налицо: рудименты органов есть.

Лучше не "падать", зная "язык", чем падать.

Хуже всего: не "упасть" оттого, что "событие" ни в чем не зацепилось за черепом обведенную голову, с мозгом, прилипшим к костям, переворачивающую лишь абзацы и подабзацы теории знания и отвлеченные положения "О" духе. Должны овладеть мы и "Кантовым" рассудочным разумом²; не мне это доказывать. Иное хочу сказать: доказав, что и рассудком можно понять связь гносеологии и христологии, надо доказывать: этого — мало; она и есть "О": то "О" духа (не дух), на что гремел доктор. Доктор требовал большего: такта и знания рельефов различных сознаний и твердого понимания, что — в Разуме нет ни *головы*, отделенной от *сердца*, ни безголового сердца; есть сердечное, жаркое, любовное ведение: Христова Импульса.

И говорил о Христе не головой, не сердцем, а — *большим*; но большее, не будучи "безголовием" мистики, не было "бессердечностью" утонченнейшей клоунады теоретико-познавательного билльбокэ; Разум, вещавший в нем о Христе, — тогда станет понятен, когда мы представим: "Человек говорит всюю силою мысли со всем жаром сердца: от *сердца к сердцу*".

Вне жара и силы, до которой всем далеко, — не поймем тайн Христова Ума.

И он не говорил, а "пылил".

"Одни" — падали; другие — сидели на лекциях с карандашиком, прослеживая — даже в миги *такие* — связь *гносеологии* и *христологии*.

"Тетка" — падала; а "дядя" — прослеживал.

Немногие — овладевали подступами к "интеллекту".

"Тетки" — лучше; откровенно душою их овладевал Люцифер; "дяди" — хуже: гносеологизируя в эти минуты "О" духе — в минуты *духовные* — они падали в объятия Аримана.

Доктор нам говорил от "головы" к "голове". Это — усвоили; но обращался он в миги другие к *сердцам*; выражение: "от сердца к сердцу" — с какой ясней, любовной улыбкой он говорил это, когда говорил о "младенце" Иисусе, сильным беспомощностью возлежащим в яслях, перед которой ломается меч Аримана, — сам был беспомощным младенцем;

не спрашивал, чтобы помнили спекуляции, его же; был — сердце; вернее: ум его был в месте сердца; и *умное сердце* — цело; "сердце", а не "сердечный ум".

5

Хочу сказать, чтобы твердо знали: говорил очень умные вещи о гнозисе и о Христе; это — известно; о том же, что делалось в сердцах, — не выдавшие доктора не могут понять; я должен сказать: "Он был сердцем гораздо более, чем головою"... Он был — инспирация: не имагинация только! И слова о *Христе* — инспирация: сердечные мысли; перерождающие чувства еще больше, чем головы; как *мысль* живет в абстракциях, не будучи ими, так инспирация, будучи мыслью, — живет в чувствах; она менее всего — бесчувствица феноменологических мыслеплисок, способных угнать — куда Макар телят не гонял; и даже — мотивировать антропософски подобный угон.

Доктор молчал о Христе — головой; и говорил *солнцем* — *сердцем*; слова его курсов о Христе, — выдохи: не кислород, а лишь угольная кислота, намекающая на процесс тайны жизни.

Полуэпилептическое "уже", на котором срывались — неумение найти сферу "уже"; не при *этих* дверях стоял он — при других: голова ж поворачивалась — к деревянным дверям: удар *дерева по голове*, — сознание мутилось. Была иная дверь — *сердце!* Он звал к *этой* двери...

— "Вздор! О каких он дверях говорит?"

О таких дверях и [я дверях] говорю, куда вы не войдете, пока не измените своего мира!

Должны говорить мы — тут *так*: без "гносеологических вертов", без Аримана, без "ариманики": без смешка, ставшего модным среди иных из нас.

Так говорил — он; и так говорил ученик его, Бауэр; надеюсь: в Христианской Общине говорят — так.

Вне *сердечного* языка ("вы — письмо наше, написанное в сердцах"⁹, — говорит нам апостол) — молчание.

6

Вот почему и на эзотерических уроках вторую часть лозунга произносил он: "Ип..., — наступало молчание (и — сквозь глаза его виделся Кто-то), — ...моримур"^{*10}, — произносил он отрывисто, строго-взволнованно, как бы наполненный жизнью того, что стоит между "и" и "мо-римур". К этому *молчанию* в докторе я и апеллирую; чтобы стало

^{*} в Нем мы умираем.

ясно, что переживали мы в Лейпциге и чего именно нет в изданном "курсе"¹¹.

Знаю: он давал медитации, смысл которых был в жизни Имени в нас: место Имени — будто случайные буквы.

Медитация над Именем — путь: доктор не был лишь "имяславцем"¹². Вызывал к большему: к умению славить Имя дыханием внутренним с погашением внешнего словесного звука: к рождению — *слова* в сердце.

В Рождестве этом, — будучи, — звал сквозь пустыню к крестительству "ик"... или погружению в воду, перетрясывающему мозги и составы: "моримур" говорим мы, выныривая к этому Рождеству:

Тут путь — к доктору.

Тут — доктор сам!

7

Мне приходится этого касаться, — после 15 лет молчания об этой стороне воспоминаний; многое — выговорено; о многом пора перестать говорить: оно созревает; многое — еще ждет.

То, о чем говорю, — созревает в теме: "Доктор и Христос"... Время — близится; некоторые — намолчались; если не станем "сестрами" [и] "братьями", перестанем быть "друзьями". Пора научиться знанию: когда что "открыть"; было время, — учились закрывать сердце. "Откровение", без "моримур" — не откровение; но и *покровение* без *откровения* — смерть!

Что мы открываем?

Сердце!

Вспоминать доктора "мозгом", получившим его поцелуй, — нельзя; он не боялся беспомощности в "отечестве" с нами, детьми своими. "Дети, любите друг друга!" — носилось в воздухе.

Говорил, как Павел; молчал — как Иоанн.

Теперь, когда его нет с нами, смысл наш в воспоминании этой вечера с ним; *философия антропософии* — в десятилетиях — будет; будет ли *действие*, о котором он говорил: когда ученики *его* учеников говорили, передавалось еще нечто и от Иисуса.

8

Доктор в теме Христа; в последнем счете: все в докторе сводится к теме Христа; дары, им развитые в себе, с бесконечным благоговением поднимались к теме Христа; пышность выявления антропософской культуры — молчание Штейнера; доктор, летающий из города в город и перекрывающийся от социального вопроса к искусству, от искусства к естествознанию, отсюда к заданиям педагогики — доктор, молчащий о "главном"; в культуре ткет блестящие из возможностей, ландшафтов, способных кру-

жить головы; думается: неужели в этот блеск облечется человек? Встает будущий "культуртрегер": царь природы, маг, несущий в чаше дары познания. Но вскрывается молчание о главном над перспективой культур — его слово слов: слово о *слове*; дары, ризы, блеск — не для "Я" человека: "Не я, но Христос во мне"¹³. Самое начертание "Я" ("*их*") — И. Х.¹⁴; человек-маг, человек-царь, — в культурном несении даров обращен к яслим; человек-маг, человек-царь идет не к собственничеству; доктор с дарам — перст, указующий на ясли; и доктор — склоняется.

Когда он говорил о благах культуры, тайнах истории, мистерии, он казался порой облеченным в порфиры магом, владеющим тайнами; но вот подходит минута совокупить все дары, и — произносится: "Я", "ИХ", все в "Я"; но точчас: "Я", "ИХ" в свободно любовном поклоне исчезает из поля зрения: "ИХ" — И. Х.: Иисус Христос; силами свыше держится царь мира; "Царство" — не собственничество; первосвященство — прообраз; соедините все о *культурах*, о "я" человека, поставьте в свете сказанного о Христе; и — перерождения "царя" и "мага" в жест склонения; человек-маг, человек-царь отдает блеск собственничества младенцу, рожденному "я". Ясли, перед нами сложенные; и человек — пастух!

9

В словах о Христе, произносимых им, мы бывали свидетелями мистерии перерождения в пастуха "мага"; в словах о Христе — он — первый пастух; в словах о культуре мистерий, культуры соткавших, он — первый "маг". И если можно соблазниться о докторе — (кто сей, владеющий знаменьями?) — в минуту поднятия слов о Христе выявлялся его последний, таинмый облик: пастушечий; он, перед кем удивлялись, готовые короновать и его, он стоял перед нами [ними] *без всякой власти*, сложив к ногам рожденной *правды... и... "я"*.

Так характеризовал бы я его тональность слов о Христе, растущих из молчания, сквозь слова о культуре; будучи на острие вершины "магической" линии всей истории, взрезая историю мистерий и магий с последнею остротою, перед взрезом этим склонялся он как бы на колени; взрез история, — разверстые ложесна Софии, Марии, души, являющей младенца; о беспомощности первых миггов этого младенца, обезоруживающей силы и власти и рвущей величие Аримана и Люцифера — непередаваемо он говорил в Берлине на Рождестве: в 1912 году.

Вспоминаю эти слова и вспоминаю лик доктора, произносящего эти слова: беспомощность пастуха, преодолевающего беспомощность лишь безмерной любовью к младенцу, и им озаренная — играла на этом лике: был сам, как младенец, уже непобедимый искусствами, потому что уже в последнем не борющийся. Никогда не забуду его, отданного младенцу мага, ставшего пастухом: простой и любящий! Не забуду его над кафедрой, над розами, — с белым, белым, белым лицом: не нашею белизною от павшего на него

света, уже без красочных отблесков. Если говорить не о физиологии ауры, а о моральном ее изжитии, то скажу: такой световой белизны, световой чистоты и не подозревал я в душевных подглядах; разумеется: нигде не видал! *Пурпурный* жар исходил от его слов, пронизанных Христом; в эту минуту стоял и не проводник Импульса; проводник Импульса — еще символ: чаша, сосуд: то, в чем лежит Импульс, тот, по ком он бежит.

В стоящем же перед нами в этот незабываемый вечер (26 декабря 12 года), в позе, в улыбке, в протянутости не к нам, а к невидимому центру, между нами возникшему, к яслям, — не было и силы передачи, потому что *сила, мощь, власть* — неприменимые слова тут; то, что они должны означать, переродилось в нечто реально воплощенное, что даже не импульсирует, а стоит лишь в жесте удивления, радости и любви, образуя то, к чему все окружающее — несется и, вдвигаясь, пресуществляется; представляешь о солнце — диск; и во все стороны — стрелы лучей: из центра к периферии; периферия — предметы и люди; но представьте — обратное; центра — нет, а точки периферии, предметы и люди, перестав быть самими собой, изливают лучи (сами — лучи!) в то, что абстрактно называется центром, что не центр, а — целое, в котором доктор и все мы — белое солнце любви к младенцу; а в другом внешнем разрезе — мы все, облеченные в ризы блеска, несем дары, а он, отдавший их нам, чтобы мы отдали, — он уже *без всего*: беспомощный пастух, склоненный, глядит беспомощно, сзывая поудивиться: "Вот, — посмотрите: ведь вот Кто подброшен нам, Кто беспомощен, беспомощность Кого — победа над Люцифером и Ариманом; ибо и борьба в тысячелетиях с Ариманом в этот миг любви к младенцу, уже прошлое; победа есть, когда есть *"такая любовь"*. Вот о чем говорил весь жест его, толкующего тексты Евангелия от Луки.

Белого, светового оттенка, на нем опочившего, я не видал, но *провидел*; применимы слова Апокалипсиса: "Побеждающему дам *белый камень* и на нем написанное *новое имя*, которого никто не знает, кроме того, кто получает"¹⁵. Новое имя даже не И. Х. в "ИХ", а их новое соединение: *И+Х=Ж*: в слово *"жизнь"*¹⁶. Такая опочившая, в себе воплощенная *белизна тишины!* Лишь созерцая лик *белого* Саровского Старца¹⁷, я имел вздох о ней; и тихо веяло в воздухе; веяло и тогда: *не от доктора*, хотя он был тем, чьими молитвенными свершениями свершилась минута.

10

Вероятно, длительное молчание, пост, пустыня, в которую он проходил, к которой взывал без слов задолго до этой минуты, произвели то, что миг лекции я понес через жизнь, как миг благодатный; приходилось потом присутствовать при злоупотреблении словом "благодать", и даже в контексте слов о том, что "учение" доктора "безблагодатно"! "Сосуды скудельные и кимвалы бряцающие, бойтесь бесстыдной болтовни о содержании тайн Божиих!"¹⁸ Надо уповать, что можно сподобиться: *благодати*

Христовой; будем лучше словами говорить о законе, а дыханием уст звать к благодати!

Так я думал: передо мной вставал доктор того мига лекции 26 декабря 1912 года.

До и после — молчал о Христе: темы фортрагов от октября и до Рождества — другие; много говорил о ритмах посмертного бытия¹⁹; в минуты же деловые гремел против теософов; делался — неумолимым, а теософам казался придирой в воплях о кощунстве и подмене Христа индусом Альционом; тщетно теософы, посещавшие нашу ложу, открепщивались от обвинений таких; через 14 лет видим: доктор был прав; помнятся выступления художника Фидуса у нас в ложе с попыткой защитить [защитить] Безант, "терпимость" и "христианство": доктор-де говорит, не как христианин; помнятся в ответе Фидусу в докторе нетерпеливо горькая нота [нотка]: "Абер, херр Фидус..."²⁰, — с досадою поворачивался он к нему, как бы отмахиваясь рукою: в пренебрежении к словам Евангелия; в холодном беспристрастии и всеобъятии (и Безант, и Ледбитер хороши, и доктор хорош) было отсутствие любви к Тому, в Ком центр любви; доктора выставляли задирой, воспитанником иезуитов, за то, что пока он в молчании вел нас к переживанию христианской мистерии — он гремел, бушевал и обрушивался всюю силою темперамента, кажущегося пристрастием, против буддо-браманского винегрета сентиментальностей.

11

Через несколько дней после памятной лекции слушали в Кельне мы удивительный курс: "Бхагават-Гита и Послания апостола Павла", где был дан полновесный ответ: дань уважения и удивления перед мистериями Востока; вскрыта Индия, но противопоставленная характеристике апостола Павла; подчеркнута неуравновешенность "придиры" Павла, явившегося после великолетия "магических" культур Индии, более совершенных и уравновешенных; было указано перерождение в Павле законника и мага, теряющего равновесие во имя пастушьей любви *христианского человека*; Павел в немощи ведет, однако, к будущему Иоанновой любви.

Я был взволнован: пламенная защита Павла в Рудольфе Штейнере выявила мне точку его "беспомощности"; он говорил о себе, вероятно, не замечая этого; заметь он, что его апология — самозащита, он бы не так педалировал Павлом; и не подчеркивал бы похвальбу "немощами". Но признаюсь: эта "беспомощность" в докторе в линии моих взглядов его "христианской" позиции была могучим опорным пунктом уверенности: выявление этой беспомощности — есть следствие события на пути в Дамаск; дохристианские "маги" и "магики" а ла Ледбитер — события не имели: имели же они событие разрыва Люцифером рукотворной Иконы Иисуса Христа, в результате которой лик Иисуса сместился; возник Иисус Бен-Пандира, а не Иисус из Галилеи; следствие — Кришнамурти.

В грении, в едких сарказмах, во вскриках на Безант, — меч, поднятый за дело Иисуса; без пышных фраз встал "несправедливо" гремящий Штейнер, и вывел души, смущаемые соблазном о Правде Иисусовой.

12

Тема Евангелия от Луки поднималась мне и еще раз, в Дорнахе, на Рождестве 15 года, в связи с рождественскими мистериями; ставились две мистерии (два разных текста); в одной очень фигурировали: маги, Ирод и черт; она — страшная; в другой — пастухи. В связи с последней была построена лекция; в ней снова выступила сердечная кротость, незлобивость; и — лик пастуха; говорил о собственничестве и о пастушестве; собственник, хозяин гостиницы, не принял Марию с Иосифом; Мария родила в вертепе, куда пришли пастухи; и — выступили два типа: "*Вирт*" и "*Хирт*"¹¹ от собственничества, в каком бы разрезе ни проявилось оно, он звал нас к пастушеству: умалению перед вертепом младенца. И тот же знакомый лик выступил в нем.

Таков его лик перед младенцем Иисусом, как перед чашей, в которую сошел Логос¹². Любовь же к младенческой ясности мне стоит связанной с темой такого страдания в докторе, о котором сказать я бессилён: слова обрываются; человек, так страдавший, как доктор, — мог быть и *белым младенцем* в иные минуты; когда он потом говорил об Иисусе из Назарета, плотничеством укрывшем страдания, не испытанные никем из рожденных (до 30 лет), — опять: сквозь страдания выступала в докторе эта простая улыбка; с растерянною, точно нас конфузующею улыбкой он говорил о том, что Иисус носил на лице печать; взглянув на печать, начинали любить Иисуса; к нему притягивались; возбуждала любовь перегорающая, но тающая боль, перед которой меркли обычные страдания; она выглядела влекущей мягкостью.

Тема о ясной любви связана в докторе с темой невыразимых страданий: младенец должен был в невыразимых безвинных страданиях стать сосудом Логоса, страдавшего иного рода страданием, тоже безвинным: за всю Вселенную [за свою Вселенную]; Иисусово страдание от картины одержания бесами ближних, скрестилось с мукой Христа, безвинно испытывающего ужас и боль себяжания до личности Иисуса; крест пересечения двух страданий лег в основу трехлетней биографии Христа Иисуса; Христос углублялся в личность Иисуса; Иисус, приподнимаясь силой Христа, становился Иисусом Христом. Доктор выдвинул факт: двух крестов; и ужас двух состояний: "Иисус Христос" и "Христос Иисус"; личность Иисуса перед этим соединением с Логосом в центре "я" видела черную мировую дыру в себе, адекватную коперниканской вселенной; Иисус пред Крещением — просто "*оно*", в которое вламывается опустошенная Ариманом вселенная; таким "*оно*" шло к Крещению: к перекрещенности "Иисус Христос". "Христос" в свою очередь, добровольно согласившийся поки-

нуть громаду духовного света, чтобы быть всосанным в узкую дыру личности, испытывал муку и ужас ненормального состояния спрессования, перед которым все виды безумия — ничто; так он мучился, становясь "Христос Иисус", прежде чем он зажил в Иисусе.

Два креста: "Иисус Христос", "Христос Иисус": это — миг Крещения на Иордане; реализация двух крестов в один крест — крест Голгофы (реального рождения Христа в сфере земли [в землю]). Штейнер вскрывает — никем не вскрытое, как два страдания — в третьем; впервые показан нам крест Голгофы, и у апостолов этого вскрытия нет; вскрыл потрясение судеб *богов и людей* в миг Голгофы; переходили и "*боги*", и "*люди*", чтобы воскреснуть в новой, не только человеческой, не только божественной возможности, впервые оправдывающей все, что есть: не только человечество в человеке, но и божественность в Боге; форма жизни — иная, единственно возможная форма, еще зачаточная, должна в грядущем конкретно родиться в знак воплощения *того* в *это* и *этого* в *то*: Христос Иисус — и мир, и "Я", и природа, и "Дух", и история, и теория.

13

Когда доктор говорил об Иисусе Христе, — поднималась нота любви к беспомощному младенцу; когда же он говорил о Христе, поднималась нота строго пылающего страдания: страдание из любви и любовь из страдания были скрещены в нотах этих.

Ни у кого не было подобного тому, что Рудольф Штейнер извлекал из душ, перед которыми ставил он свое *христоведенье*; не было гнозиса в обычном смысле: лишь перераставшая все формы любовь, да перераставшее все формы страдание!

Выражением его состояния сознания, действующего, как пробуд из сна, были как бы инициалы, горящее на лице его: И. Х.

Молчаливою строгостью он стоял перед нами в преддверии своих слов: о Христе.

14

Молчаливый жест строгости в нем обращался к нам и к себе: "Надо молиться и бодрствовать!" Перед собой и нами стоял с этим жестом преддверия слов о Христе: строгость молчания перерождает в склонение перетрясенности; молчание строгости, — как просьба к нам: себя подготовить! Соединились: пастух и учитель; преклонение соединилось с напоминанием о тайнах пути... за *звездой*, в нас взрывая томление и тоску, как предтеча желанья рожденья; вот базис его учения о самопознании; из души извлекал лютанию, которую проводит М. Коллинз: "Я желаю рождения. Я готов быть сожженным и уничтоженным; ибо это и есть рождение".

Слова М. Коллинз: "Желание рождения сопровождается в первых сознательных опытах ученика чувством, что ничего нет".

Дух повергается в "трепет и ужас". Про "ученика" Коллинз говорит, что страдания его у порога рождения "ужасны, потому что состояние это представляется ему безысходным. Оно известно, как *обряд ужаса*".

Обряд ужаса предваряет — себя нахождение в храме.

15

Слова Штейнера о Христе в лекциях о Христе стоят мне звучащими в храме. Внутри храма — переживание *мистерии*; ощущение, что "ныне силы небесные с нами невидимо служат" — ощущение курсов его о Христе: лейпцигского, базельского, христианийского и норчоппингского. Но предварение — строгость молчания в докторе. Такой строгостью, предварившей "Евангелие от Марка" — курса, читанного в Базеле в сентябре 12 года, — строгость его мюнхенского курса "О Вечности и Мгновении", читанного в августе того же года; в последнем нет слов о Христе; в нем — учитель тайн первых этапов; этапы показаны с подчеркиком: в труде "нудится" желание рождения; в курсе не было ни *сантиментов*, ни *утешений*: рисовал выход "Я" в астрал, как почти колесование бегом в колесе; с души слетал крик: "Для чего стремление к посвящению, если оно — *камалока?*"

С чувством *камалоки* разъехались из Мюнхена, чтобы съехаться в Базеле, с почти стоном: "Боже мой, — почто ты покинул меня!" Душа спрашивала себя: "Можешь ли ты желать пути, — если *путь* разрывает душу и твое будущее в нем — *падение!*" Осознавались слова Коллинз об *обряде ужаса*: об одиночестве без высшего "Я", Руководителя, Учителя, Бога. Вот что вызвал в нас мюнхенский лозунг Штейнера: "Перемените путь!"

Таково впечатление мое от впервые услышанного мной курса Штейнера; Штейнер в нем — "Учитель" строгий; одна душа, с которой я был близок в года, предшествовавшие приходу к Штейнеру, переживала то же впечатление; мы оба когда-то учились правде жизни; учившая нас выглядела *матерью*, а не "учителем"; судьба взяла *мать*; возвращаясь с первого свидания с доктором, знакомая моя сказала: "Доктор — не *мать*", а "*мачеха*", у которой мы лишь вынуждены учиться". Его требовательность давила; с нею-то он нас ввел в мюнхенский курс, где ставил *путь*, как *страдание*: не надеялись, что вынесем; ощущали нечто, подобное разгрому; вставали строчки:

Когда, душа, просиялась ты
Погибнуть, или любить...²³

Недели ожидания курса в Базеле стоят, как обращение к душе с этими словами.

Это был как бы "обряд ужаса" при желании: родиться; его во мне вызвал доктор; я его отстрадал; и тогда доктор явился с курсом "Евангелие от Марка", вскрывающим посвященные моменты в событиях жизни Иисуса Христа; он был уже другим; указывающим на тайну жизни и на дух жизни; и я воскрес к жизни; пережитое на мюнхенском курсе и после него было необходимейшим потрясением до... — встряски стихий, необходимой для восприятия "Евангелия от Марка", которое доктор характеризует Евангелием стихийного тела. В этом курсе доктор — не только лектор, но и терапевт, совершающий в преддверии необходимую операцию над глазами, ушами: чтобы глаза *видели*, а уши — *слышали*.

16

Вспоминая лейпцигский курс, — вспоминаю и период, ему предшествующий, ибо он включен в курс; без него — не было б у меня органов восприятия курса; это — *ноябрь, декабрь*, время поста и встающего желания: искоренить в себе слишком человеческое; Коллинз называет состояние это "Испытанием огнем", "которое... состоит в сожигании и уничтожении всех примесей человеческой природы"; это — преддверие к возвращению тебе человечности взамен человечности животной; состояние как бы *испытания огнем* вызвано — молчанием доктора; молчание приуготовило к пониманию курса в Лейпциге; в период, предшествующий курсу, — Штейнер молчал особенно; ездил по Германии с ракурсами сказанного о Христе в Христианин; повтор был молчанием; в Христианин стоял открытым духовному миру и нам; в Германии он изменил "как" темь; говорил с опущенным забралом; в тоне было — взывание; слова секли, как меч: "Покайтесь, переменитесь!" Он *молчал* о том, что было *откровению* сказано в Христианин; в Берлине, в Мюнхене, в Штутгарте, в Нюрнберге стоял он мне тяжело заковананным рыцарем, потрясающим и угрожающим в своих объездах антропософских центров, убирая надежду и запирая двери! Он знал: отсюда съедутся в Лейпциг: с последними усилиями иметь глаза и уши.

Свершилось: в Лейпциге опустилась аура любви; и Силы Жизни — присутствовали: "Ныне Силы небесные с нами невидимо". Кто был в Лейпциге, тот знает, что это не — мои бессмысленные мечтания. Лейпциг стал *храмом* мистерии. Для лиц, приехавших к курсу издалека, необходимо свидетельство лица, стоявшего в те дни вблизи доктора и видевшего строгость его молчания: "Переменитесь для свершения Сил!" Громада курса не в тексте: в молчании слушавших, перетрясенных событиями и внутренними еще до курса: желание рождения, обряд ужаса создали в Лейпциге атмосферу "чертога". "Чертог" нудился усилием душ (доктора и окружавших); и он — зажегся (мог не *зажечься*); "Чертог обучения" — был в Лейпциге; душа повторяла в дни Лейпцига литанию, которую пытается передать Коллинз в словах: "В наступающем году я буду пребывать в святилище любви; я не нарушу законов любви... Я прошу, чтобы дух, долженствующий родиться... был любим Братством душ!"

Доктор вел к Лейпцигу, вызывая возможности в *чертоге любви* говорить о Христе; и сам готовился к событиям курса; в ноябре говорилось: "Доктор — не принимает; он занят очень ответственным духовным исследованием".

17

Путь к курсу, читанному в Христиании (в октябре 1913 г.), как в пути к курсам о Христе, для имеющих глаза, — правомерное томление, как им поставленный вопрос, ждущий ответа в неделях: "Погибнуть или любить!" Праздник — курс; до — моления его о Чаше, а в нас — борьба со сном; но начало всего — его жест изгнания "торгующих" из наших душ; проводимые через очищение, очистившись, переполнялись "торгующими", становились "торгующими"; он в гневе схватывал бич; ходил по "меняльным лавкам", опрокидывая лотки: обряд "ужаса" — начинался.

Литания, которая слетает с души в дни ужаса: "Я подобен ничтожеству". Коллинз прибавляет: "Это... время, когда появляется Страж Порога..."* Эта тема сопровождает преддверия; когда Штейнер видел невызревание темы в нас, он опрокидывал "лотки", производя ужас опустошения, чтобы тянулись к "преддвериям"; как бы он мог нести слова о Христе и его страданиях в космосе, если бы в нас не было и прогляда?

Чтобы быть "Пастырем Добрым", должен был временами являться и "Стражем Порога"; как бы отрезающим от им же вывлеченного пути. "Пороги" перед курсами ставились: подчас — "курсами".

18

Разителен контраст двух смежных курсов, и личности доктора в них; один — предел того, что можно сказать о Христе в условиях нашего времени; "Пятое Евангелие" в христианской редакции; повторы — ракурсы (две лекции вместо пяти) по сравнению с произнесенными в Христиании — абстракции молчания пред... лейпцигским словом. Другой курс — "Преддверие": мюнхенский курс о "Тайнах Порога"; в нем доктор — неумолимый, жестокий "Страж", отбрасывающий нас от пути; и — даже: наступающий на отброшенного; курс связан мне картиной, перетрясавшей мое "Я": налево *Люцифер*, во весь рост (я им был переполнен в стремлении к медитативным успехам); направо — Ариман, меня стискивающий извне и тащивший в меняльные лавки забот о деньгах; осознавался центр, куда надо пройти; но он — узкий прощел, занятый фигурой доктора, грубо рукою отбрасывающего меня: в мои тьмы; таким он стоял перед многими в Мюнхене (в августе 13 года); и отбрасывание — погоня за нами: с бичом в руке.

* Лучше сказать — тональность порога, слышная задолго до встречи.

Сентябрь — огромный путь; душа просилась "погибнуть", как никогда: работа напрягалась до смертельной испарины; из дали лет вижу, чего не видел тогда: результаты были огромны, но изживались *самотерзом*; знаю: не одна моя душа была в *Камалюке*; доктор воззвал к чрезмерному в нас — неумолимостью стояния с *молчанием* о Христе и с *вопьяниями* [вопьянием] об ужасах порога; он выбрал Мюнхен; в Мюнхене, по моим наблюдениям, он бывал настрожайшим; Христианию, как рассказывали, выбирал он местом произнесения наидуховнейших слов, из-за очищенности атмосферы Норвегии; в Германии — более тяжелая аура.

В Мюнхене — "Страж Порога"; через пять недель — Христианиа, или — венец слов о Христе; между — "Страстная Неделя", во время которой плелся венец дела его жизни: закладкою *Гетеанума*.

Первый Гетеанум, как Дорнах (вместе с моим в нем путем), стоит обрамленный двумя — не курсами, а событиями огромной важности: нотой "Порога", меня отбрасывающей вопреки усилиям, и "Пятым Евангелием", любовно приближающим доктора до... чувства усыновления; "одиночество" в антропософии и вместе "усыновленность", посылая лучи, *черный и белый*, становится [становятся] мне *крестом* жизни: посередине между Мюнхеном и Христианией, *девой и скорпионом* (орлом); в "Весах" сентября; и в этих "Весах" — закладка Гетеанума: Дорнах, *чертог*, открытие московского общества (начало Антропософии в России), все будущее — (линия жизни из Дорнаха в Москву) — линия "Весов" во мне. Будущее закладывается в отрезке от Мюнхена к Христианиа: от *девы* к *скорпиону* ("Орлу" ли?). Не личные события закладываются, как биография: будущий Дорнах, жизнь в нем, без "Пятого Евангелия" и не были б (ехать в Дорнах я колебался: с Мюнхена).

Не во мне одном так перепутались узлы Кармы.

Вернувшись из Христианиа, встречаю я свои 33 года мыслью: в этот год что-то должно случиться: 33 года — склонение к самосознающей душе; отные, все связанное с душой рассуждающей, мне — яд, гибель.

"Пятое Евангелие" — заглавие курса — объявленное в Мюнхене. Что собой представляет оно — не было ясно; оставалось думать: "Пятое Евангелие" — разбор евангельской критики. Так отнеслось, вероятно, большинство. Интересная тема в почтенно-академическом смысле; все же она не то, что "Тайны Порога", для "Тайн Порога" можно себя

потревожить поездкой в Мюнхен, издалека; для "критики" тащить в Норвегию, осенью, когда закипают хлопоты сезона, — гм: на листке, где записывались на курс, было мало подписей; для меня, замечавшего *неслучайность* таких объявлений, звук темы был единственным прощепом надежды к разрешению вопроса, стоявшего в сердце: и я, без оглядки подняв руку, стал абонентом; этим решилась судьба.

Куда деваться в промежуток? Ехать в фьорд; благодарю судьбу за жест без оглядки! Я оказался в числе очень немногих из присутствовавших при *откровении* (повторы темы были уже покровением).

В Мюнхен съехалось около 2 тысяч; в Христианию — что-то около 200—300; они удостоились видеть доктора в этот момент первого обнаружения венца всех слов его о Христе Иисусе.

Он сам: никогда его не видел таким; обыкновенно являлся на курс, — уверенно, зная, что несет, и прицеливаясь к дням курса издали в распределении материала; внутри материала — взволновывался, присоединяя к продуманному вставшее молниеносно; но в первом звуке была уверенность: рука протягивалась над кафедрой, как у пианиста над клавиатурой.

В этом смысле — скажу: на курс он *являлся*.

Не то в Христиании: явившись в Мюнхен строго и властно, сюда не явился — влетел: вскочил на эстраду (и в жесте и в умопостигаемом смысле) какой-то, простите за выражение, встрепанный, с ерпом волос, растерянно вставшим сбоку; не бьюсь об заклад за точность глазного [главного] восприятия, но внутренне знаю: "*ерш*" был; обыкновенно входил причесанный, с пробором; тут же пробора не было.

Не важно, каким был бы, если б сфотографировали его в ту минуту; важно, как его закрепило сознание присутствующих; были потрясены, удивлены, взбудоражены — первым выскоком; и первым фортрагом, хотя он был еще приказ.

Производил впечатление человека, с огромным усилием взошедшего на Синай, там имевшего наблюдения, вдруг потрясенного тем, чего не ожидал, сраженного даже и не картиной, — а — Голосом; картина осталась невернутой, как увиделась "вверх ногами", так и изложил.

Производил только "форшунг"²⁴, как много раз, не ожидая особого Голоса; а Голос раздался, сметая результаты "форшунга" большими, — после чего вся деятельность его, общества, нас — приобретала новый смысл, в свете которого прошлое становилось предгорьем: почти сметалось и опрокидывалось; менялись судьбы истории, мира, момента, доктора, нас...

Как громом пораженный, "человек, делавший форшунги" на Синае, бросился с Синая: и бежал, бежал — от Аравийской пустыни через Европу — в Норвегию, чтобы, не отдохнув, вбежать в лекционный зал, где мы сидели, спокойно ожидая "почтенной академической темы". Лишь принесясь на кафедру, подумал о том, как "*это*" передать: впервые вперился в еще не упорядоченное для изложения; действовал лишь импульс: поделиться с теми, кто послан судьбою в Норвегию: поделиться — означало:

по-новому связаться; большие события, перенесенные вместе со случайной горстью людей, — связывают эту горсть; так описывал он в первой мистерии случайную группу людей после лекции Бенедикта; встреча становилась кармической.

Для меня встреча с доктором с первой лекции этого курса — *первая встреча*; путь, пройденный до Христианин — предгорье, которое очень значительно, но стираемо в памяти с мига вступления в *ледники*. Это чувство испытывал не я один, а ряд лиц в Христианин: курс — обязывал, связывал; если до него он были любим, уважаем, учитель, — в нем он, учитель, стал потрясенным братом, взывающим к соучастию, даже к сочувствию; он искал слов: он потерял... дар слова!

Самое потрясающее в этом явлении бледного доктора, с ершом волос сбоку, — было то, что он... от волнения, как человек за миг до этого имевший Видение, был в его ауре, или, что все равно, — в растерянном беге к нам донес ключок ауры, а слова растерял (он, который *так* владел словом!), и как Захарий, имевший Видение в храме, но онемевший²⁵, — он стал изъясняться знаками; то, как он говорил (две первые лекции), для него — немота, утрата слова от волнения, его охватившего; первое, что поняли (не головою, а сердцем): волнение, мешающее говорить: хорошо помню, как, начав фразу, ее бросал, вперяя глазами перед собою, глядя на нас куда-то наискось, в угол сцены (читал — на сцене): и еще продолжая *"видеть"*; не окончив фразы, силился начать новую; он производил впечатление говорящего с собою на людях, безо всякого *назидания*.

Доктор — великий педагог: десятками *приемов* говорил он, *владел* всеми; тут потерял все *приемы*: в том — немота Захария; тут и утрата им для нас "ореола" Учителя: "Учитель" не может так говорить, как говорил доктор; так говорит брат, махнувший рукою на необходимость стоять перед нами в овладении темой для создания условий правильного восприятия; но это раз принесенное настолько раздавливало его, что учитель беспомощно указывал [указывая] на принесенное, как бы даже жался к нам, чувствуя громадное расстояние между своей личностью и темой.

Величием тем "херр доктор" стал маленьким человеком, как мы.

Тут не было приема, — его утрата; я его не видел таким "малым сим"; слетало с жестов почти слышное одно: "Господи, — за что сие!" Но в явленной малости — (доктор — к нам жмующийся брат) — вознеслось его величие, как христианина, когда темы этого курса доплескивались до "не-членов", поднималось самодовлеющее: "Как он самоуверен!" Указывалось на гордыню его гнозиса; гнозисом самого этого гнозиса был мне он сам, несший нам "Пятое Евангелие", как не знающий, что с ним делать: боящийся прикосновения к теме, перед нами кающийся в том, что его прошлые годы "свободно-духовной жизни", как лишь "доктора", являют именно ему трудность поднять тему: "именно ему" — означало: малому и слабому: среди нас всех.

Верьте мне, знавшему его правдивость, честность, отвращение к сентиментальности и риторике самобичевания — верьте: *малость* и *слабость*

его перед образом Христа Иисуса и нами — действительность его отношения к теме Христа, и действительность побратимства с нами: в эту минуту.

Все это так потрясло, так изменило рельефы; хотя он был ведом уже в облике не "мудреца" и не "мага" (Берлинская лекция 12 года)²⁶: он все же потряс, когда выявился этот жест стояния перед образом Христа Иисуса; это жест — разбойника, вызывающего: "*Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!*" И получающего ответ: "*Будешь сегодня со Мною в раю*". Если христианская тема для "*правых*" догматиков *разбойна* и они способны поднять камень на *разбойника*, потрясенного словами: "*Будешь нынче со Мною в раю*", то я заявляю: разбойник мне достовернее в этом жесте и в ответе ему — всех вселенских соборов, не слышавших Голоса:

"Будешь со Мною в раю!"

Разбойник — слышал!

Было почти нестерпимое что-то в его словах о своей недостойности: в жесте, не в тексте; до Христианин он этого — не говорил; тут — сказал; недостойность, разбойность относилась к "прошлому"; учитель как бы отстранял участь выговорить словами то, что он-таки выговорил в 3-й, 4-й и 5-й лекциях [3-й, 4-й и 5-й лекциями], но нечто *нудилось* грозными событиями будущего; — и он стал *орудием* отдачи слов о Христе: нам. Он был точно испуган обязанностью ставить слова свои; он к ним имел отношение, как к чаше Грааля; и жестом заклинал не *всуге* отнести к событию слов, потому что ими он связывал *судьбу с нами*, становясь *одним* из круга, который должен был волять свои усилия к подвигу, как *круглый стол* чаши.

Возник жест братства, внутри которого *брат-разбойник* осмеливался показать увиденное на Синае, как *весть* в душах учеников Христа, оседающую в 4-х Евангелиях; что было до сей поры еще в словах неосевшим, он показал биением апостольских сердец; и назвал его *Пятым Евангелием*.

Кто видел происхождение его гнозиса, тому было ясно, что гнозисом этого гнозиса, — может быть изречение: "*духов испытывайте!*" И гнозис всей жизни моей — подсказал с четкой твердостью: "*Да!*"

Так я связывал себя с доктором; это был жест активный: он взывал к действию, а не принятию лишь слов.

И действие, как обряд, выявилось через несколько дней уже: я ему ответил словами; он их принял, как должное, как само собой разумеющееся, как то, чего ждал, быть может, и от других. Надо было увидеть [увидев] его таким, с протянутой к нам рукою, подняться из "партера", нарушив формы, произвести конфуз персональным ответом: "*Беру эту руку!*"

Это был не курс, а попытка сказать: Человек расставил измерительные аппараты, собирая материалы для курсового оформления; случилось нечто, опрокинувшее опыт с выступлением картины, созерцаемой в телескоп, из стекол лопнувшего окуляра: звездные миры вломились в помещение обсерватории; астроном, обстанный звездами, стоял в "седьмом небе" — не зная — "в теле, вне тела ли"²⁷ (Павел).

И на кафедре напоминал Савла он, ставшего Павлом²⁸.

Появившись среди нас, он не знал, как оформить, с чего начать: взъерошенный, глядя в пункт между обеими руками, старавшийся вместо слов поставить что-то, ему одному видимое, он, не видя нас, беспомощно расхаживал по эстраде (обычно же не расхаживал), останавливаясь не у кафедры, у края эстрады, где-то слева, целясь в угол стены; подолгу недоуменно молчал и бросал начатую фразу...

22

Форма этого курса — вернее, бесформница: сырье! Как увидено, так рассказано: обрывками, кусками, одергами: "Впрочем, здесь не ручаюсь за то, что это было именно так!" Так говорит человек, впервые дающий отчет об увиденном.

В Германии в многократных повторах резюме он не так говорил.

"Бесформница" курса — в том, что он расставлял факты курса не в переверте для физического восприятия, не так, как он расставлял их обычно, их оформляя, а так, как они видны в астрале: в обратном порядке по отношению к обычному восприятию; лекция первая — скрытость впервые самосознания Христова Импульса — не факты истории, а голос Христа в нас: "Нынче же будешь со Мною!"²⁹

"Пятое Евангелие" — реальность свидетельств апостолов, взятая не в миге написания, а в миге сознания, охваченного сошествием Св. Духа.

Лекция первая: мы — в Импульсе; и поэтому: озирающие историю импульса в обратном порядке: от себя — до апостолов, т. е. видящие... вслед за Христом Иисусом и сердца апостолов: сердце — Круглый Стол, за которым все 12 апостолов с Христом меж ними; так откликнулся обратный порядок в первой лекции.

Лекция вторая — основа такой возможности: сошествие Св. Духа, источника Импульса; 12 апостолов в Святом Духе и 13-й Павел в Дамаске (а ведь каждый из нас теперь "Савл", могущий стать Павлом); связь "12" с "13-м" — связь "12" в Импульсе с каждым из нас. Поэтому: картина перерождения в этом миге исторических воспоминаний о проспавшей жизни с Христом Иисусом: видение того, чего "как бы вовсе не было" (в другом плане — "это-то и было"). Вот — источник 4-х Евангелий: земные воспоминания сквозь призму проспавшего, открытого потом, — в регионах, где и 13-й, разбойник-гонитель, из Дамаска уже видит тот же свет события; в наши дни потенциально дан в каждом "воспомятель", участник Голгофы, разбойник-гонитель; это ему сказано: "Нынче будешь со Мною!"

И уже отсюда (лекция 3-я) из точки "воспомятия" взгляд впервые на суть Голгофы, — не гнозис, а зрение мига осознания Импульса. Крест Голгофы — Крест из крестов Христа Иисуса (обратный порядок); и — переход: к Кресту *Иисуса*, доселе неосознавшемуся: шествие к нему — 30 лет жизни; в нем путь — каждого из нас; Иисус личность личностей, индивидуум, скрывающий личность; он прототип страданий, связанных с освобож-

дением от кармы; и — первый во времени; биография Иисуса до 30 лет не вскрыта была, ибо срок созревания индивидуума лишь ныне близится; Иисус до 30 лет — внутри "я" открытое стремление к правде, в бунте против "личин" (личностей): традиций, бытов, правил; Иисус, — как акт прорыва личин, ставших не "я", а "оно".

Биография Иисуса — последние лекции, проведенные в тонуе: "В себе расслушайте!" Жизнь Иисуса — увеличительное стекло, впервые вскрывающее меня во мне: "Это — я, а не Иисус". Таковы факты жизни исторического Иисуса; каждое "Я", в страданиях правды — смутный вздрог возможного пробуда: "Иисус", как первый осуществитель моих же ныне оправданных бунтов: во имя правды.

В таком раскрытии личности Иисуса раскрытие тайн личности вообще; и преодоление бунта "неприятия" в бунте приятия: Креста Христа! Иисус оправдал великих бунтарей в их максимуме, но не оправдал их в минимуме; бунт Иисуса, не приемлющего "закон", "религии мира", "ликов богов", веру других в себя, как пророка, и даже отвергающий инспирацию в себе, не знающий ее в себе, и страдающий, когда ждут от него Голоса Откровения: "Они обманутся: я — не тот!"

Лик Иисуса, дорогой и близкий в "нет" бунта, превышающем все бунты (Ницше, Штирнер), — еще минимален по отношению к мигу бунта приятия, когда "оно", а не человек уже влечется... к Иордании с [к] "да" из "нет". К началу, лежащему до крещения, до истории, христианства, ведет конец курса; но "конец" — мы и XX век; мы — в начале после истории, за историей вернулись к себе: в Иерусалим; это раскрытое "дно" нас, каждого — "бездна", наполняет нас в фатальном будущем, немым от страданий "оно": но "оно" влеклось к соединению с Логосом: в нас "оно" будет... Вторым Пришествием.

Мы, показанные в неизбежном Пришествии — вот удар курса!

23

Так в "сырье" обратного хода (Я, история, сошествие Духа, Христос Иисус), XX век и I сомкнулись в круг времени: круг времени встал мне в христианские дни.

И я понял впервые себя; и я понял впервые Иисуса; и я понял впервые доктора с темой второго пришествия; оно нам — имманентно.

24

В пяти лекциях курса "Пятое Евангелие" Рудольф Штейнер вел нас из двадцатого века через историю в первый, чтобы сказать: теперь, когда стало на ноги самосознание, крест индивидуума для воскресения из личности в пору понять как событие первого века: в понимании возможности изжития кармы — здесь, на земле.

Иисус первый изжил карму; и тем предварил наш период; в середине периода самосознающей души — входим в возраст Иисуса; отсюда: снимаются и печати с биографии Его до 30 лет; Иисус — врата к инспирации; инспирация — перегорающее страдание; оно и есть карма. Иисус, личность личности — первая, принявшая из свободы распятие личности, первая воскресшая в индивидуальную жизнь, которая есть "Вечная Жизнь" (личная же отрезок времени), или свободное изжитие всех *вариаций*, понятий в теме; вариация — брэнна; тема — вечна; окончательное изжитие кармы — упразднение смерти; полное овладение темой индивидуума — воплощение во все планы Жизни, что и есть воскресение.

Иисус, переступив порог смерти, оказался без кармы; падало перевоплощение, а он с нами остался: отныне и до века! Восстановился во множестве распавшийся Адам, как второй Адам, собравший осколки мистерий Кармы, или миссией каждого "я", восстанавливающегося до первого Адама. В нем его "я", да и всякое "я" — "я", но индивидуально-социальное. Иисус — "я", дошедшее до своей свободы от кармы; и в нем восстановлены все личности-личины в Личность собственно; но эта личность — не личность; индивидуум — сумма личных вариаций "минус" их карма, как нечто пребывающее; личность же "минус" карма, или личность, изжившая на земле карму, есть парадоксальное целое из суммы всех возможных вариаций; она есть человечество. В Иисусе впервые парадоксально стали идентичны: личность и индивидуум; уже в Иисусе, а не в Христе.

Вот почему Рудольф Штейнер и форму вечной жизни в Иисусе, не умирающей и пребывающей среди нас, дает в трудно понимаемом образе "Мейстера Иисуса", пребывающего в многих своих фантомах, в фантомах многих, избравших *свободно* путь, воистину человеческий. "Мейстер" он потому, что он-то и есть водитель в социально-индивидуальной мистерии, и индивидуально-личной, — всех вместе, и — каждого порознь. Фантом есть тот миг жизни эфирного тела, где оно — центр кристаллизации физических форм; это сила формообразования: фантом — и костяк эфирного тела, и силовая ось физического; в фантоме уже физическое тело бессмертно, а тело эфирное как бы умирает в действиях воскресения минеральной субстанции; фантом — и материальная форма в движении (ставшая геометрическим объемом), и неумирающее начало телесности, взворащивающее материю в нематерию.

Иисус воскрес из смерти в фантоме, потому что он изжил карму; и всякое физическое тело бессмертно в фантоме; цельность фантома разбита грехопадением в многообразии животной, растительной и кристаллической градации форм, прочитываемой символически в естественно-научной метаморфозе; но восстановление фантома в одном из осколков есть восстановление в принципе его во всем плане осколков; а этот план осколков, отдельностей, и есть физический план; фантом — реальность того, что сигнализируется новой физикой знаком четырехкости тел. Миссия "Мейстера" Иисуса, показанная Штейнером; взворот в представлениях о материи нашего времени (атом, как имажинация вселенной); это

проекция — вещей картины, поднимающей в нас, вызванной Вторым Пришествием.

Иисус, став лично индивидуальным, не мог не восстать; в фантоме; но восстать одному — значит восстановить фантом для всех: т. е. стать дверью, распахнутой в нашем физическом теле, и ликвидировать деление на "здесь" и "там", "прежде" и "после", "один" и "все"; фантом — целое действительности всех физических тел, живых и мертвых. То, что внутри личности Иисуса до 30 лет казалось дырой внутри личности, то, что иным из современных физиков кажется дырой в механическом эфире, было [то было] укрыто трагической маской Греции, как слепой рок; оно-то и оказалось дверью, в которую мог войти Логос. Если Иисус, индивидуум в форме личности, становится в фантоме и личностью, пребывающей среди нас, и физико-эфирным прототипом "я", то Иисус, соединенный с Христом, есть знак того, что человек человечества призван к восстановлению всего мирового космоса; Иисус Христос — прототип личности, становящейся символом всех индивидуумов в своей именно человеческой миссии, потому что Христос есть индивидуум всех индивидуумов мирового всего.

Силою завершения человеческой миссии, погашением кармы в себе и громадою перегорающего в любовь страдания Иисус восстанавливает бессмертие человеческого фантома; как Иисус Христос он делается руководителем человечества в действиях высвобождения вселенной, через мистику Голгофы каждому открывается мировая Голгофа, так что мы в ландшафтах нашей свободы пути стоим уже не как люди: "неизвестно, что будем!" — *восклицает апостол*, или: "будем подобны Ему"³⁰, или: "будем судить ангелов". Это — "судить ангелов" по крайнему моему разумению значит: изменять карму духовных существ, восстанавливая ими нарушенное равновесие; если в Иисусе мы все цари в "человечестве", то во Христе — мы — являем собою в будущем десятую иерархию, несуществующую ныне в духовных мирах: иерархию "Любви и Свободы"; до нее — нет полного соединения любви и свободы; есть свобода из любви и любовь из свободы; Христос схождение в Иисуса и воскресением фантома Иисуса, становящегося "мейстером" нашей судьбы, нам показывает план нашей архитектоники новых вселенных (Юпитера и Венеры)³¹, в которых соединение любви и свободы будет исполняться.

И потому-то, имея в себе Юпитера и Венеру, мы среди них имеем и невидимую оком нас ведущую рождественскую Звезду.

Свобода из любви — величайшее, что нам в несвободе доступно; в любви доступно: ход из несвободной любви, перерастающий несвободу в страданиях кармы, к свободе от кармы, т. е. к восстанию из смерти — в теле: эта наша миссия впервые лично осуществлена Иисусом. Ход обратный — к нам: *любовь из свободы*: это акт — схождения Логоса в достигающего свободы Иисуса; Иисус в страданиях достигает свободы; Христос в страданиях достигает человеческой, несвободной любви; Христос в Иисусе лишен свободы, но — любит Иисуса, свою темницу; Иисус в этой любви овладева-

ет свободою не только от Кармы, но и от ухода из несвободы; акт рождения Христа в сфере земли [в землю] и Иисуса в небе скрещены: в крест!

Отсюда реальное раскрытие свободы: Христос; реальное раскрытие любви — Иисус. Христос Иисус — врождение свободы в любовь; Иисус Христос — врождение любви в свободу.

Все то, на что косноязычно намекаю, — моя субъекция: один из тысячей подглядыв в громаду смыслов "Пятого Евангелия".

В "Пятом Евангелии" доктор показал мне (думаю, я — не один тут) все это, как факт математической достоверности: в самосознании; это не прогноз в обычном смысле; не возможность к пониманию, а реальная ощупь; в "Пятом Евангелии" я сам — "апостол" среди "апостолов", как муж, достигающий зрелости: тринадцатый среди двенадцати.

А форма вхождения моего в этот мир — мне показанность жизни Иисуса до 30 лет; вместо "неизвестного", которого я должен чтить сквозь "Христа во мне", открыть мне "мое" же, но проспавшее в тысячелетиях моих личных перевоплощений; это содержание прозвуча "память о памяти"³³ во мне.

25

А как было рассказано?

Воскресал Иерусалим до последних подробностей; стояли дома, доколы; я обонял пыль улиц, переосвященных солнцем, и слышал шуточки прохожих, и видел рабби Гилеля; злободневнейшей современностью дышали образы; снималась пелена; "Основа любви" входила в меня; до простоты ясным казалось и состояние сознания учеников в миг раскрытия в них памяти о памяти, или сошествия Св. Духа из "Этой Основы"; им открылось: основа их любви к Иисусу — в их "я" через их обновленный фантом, ибо он — формо-образование в реализации всех их воплощений; вспоминали: идут все вместе; говорит ученик, а — похож на Иисуса; Иисус — молчит: его — не замечает; Иисус уже и тогда выговаривался из них; и не знали: кто тут Иисус; и не могли взять Иисуса под стражу: дверь ко Христу уже открывалась.

И я, тринадцатый, слушая доктора, вспомнил, что я уже и тогда присутствовал при всем этом, независимо от того, был ли я в то время воплощен; слушали: и *оттуда* в сюда, и *отсюда* в туда: дверь была открыта.

Понял: Иисус — печать и моя, или "я" — не "я", а — биологическая особь.

В XX веке стучит в мою дверь мой "Первый Век" (по возрасту моему): выбором: страдания из любви или бегства в животное бессознание: именно после "Пятого Евангелия"; оно — страшно: после него страдают, или... становятся на карачки, *возвращаясь*.

Так бы я убого определил действие на меня 4-й и 5-й лекции — курса.

Особенность курса: изменение темпа доктора во время чтения; первые две лекции — смятенность и немота; третья лекция — нахождение равновесия; уже он "является": не "прибегает"; исчез "ерш"; последние лекции — овладение темой; и переход к повествованию. Источник потрясения — факты биографии Иисуса; 1-я, 2-я и 3-я лекции — подготовка рельефа, перемещение линий истории: вдвинута биография в XX век, став нашей; сдвинут XX век в первый, чтобы наши сознания из *первого века* увидели события Палестинские³³: все вместе — удар: пробуд из сна.

Чудо — совершилось: Иисус оказался рядом, увиденный и в недосказанном о нем, встав из будущего: время, ставшее кругом, в космосе Христа, потекло вторым пришествием из первого, а — первое стало вторым; увиденный Иисус, идущий впереди великих бунтарей и великих страдальцев истории навстречу нам; три превращения духа у Ницше стали фактом его биографии: превращение верблюда, перегруженного ценностями истории, в льва, рвущего ценности, и льва в ребенка³⁴, верблюд — *агнец*, закальваемым историей, но из него *лев*, пришедший победить рождением из рыкающего страдания тихости Иисуса, или — лика младенческого; "Верблюд" — Иисус, от которого законники ждут закона; лев — Иисус-революционер, рвущий традиции; а *младенец* — лик исконный, как "Сверхчеловека": вышел из Ницше, прошел сквозь Ницше, Ницше не узнавший.

Ощущение движения Христа, стояния при дверях Иисуса, — тема второго пришествия; оно для меня началось *событием странным* форшунга, когда форшунг встал встречей доктора с Иисусом, а встреча означала — первый акт цепи актов.

Поняв это ("Пятое Евангелие" — не курс), я понял жест доктора: *"отныне* уже не я Учитель: а он!" Над кафедрой возникало будущее.

27

Это — событие всех нас; стало быть: необходимость шаг встречный.

И этот шаг у доктора — вздох о "Разбойности": перед нами, с кафедры; и установление по-новому связи с нами (наш "Новый Завет" с ним).

Нельзя не ответить!

Возвращаясь с 3-й лекции, я был почти в беспомощности от необходимости "ответного шага". Жизнью ответить? Но — как? Надо и слово ответа, как первой буквы: слова жизни. И почти безумный жест, подобный движению "оно" к Иордани, шевельнулся во мне.

Все как бы вскричало: к "Иордани"! Сию минуту! Если не к Иордани, то хоть к "и": жест к "Иисусу". Встало: первое "и" — в докторе, отдающем нам в руки *события* своих знаний; ответ: отдача себя его делу: до дна, в обряде громкого *"да"* доктору. Не сомневался: другие ответят; вопрос был в моем лишь ответе — "Сию минуту"! Письмо ему!

Я так и сделал; оно запечатлелось, а на другой день передать не смог (по безумию его содержания); так оно и утонуло — в боковом кармане сюртука.

Судьба поступила странно.

Не забуду последней лекции; выхваченным из себя переживал Иерусалим; он — кончил; душа, близкая мне в то время, толкнула меня под руку: "Посмотри на М. Я.". Она сидела, повернувшись от эстрады, с огромными глазами, из которых лились слезы; и — посмотрела на нас (так он говорил); глаза — встретились.

Доктор кончил.

И М. Я. подошла к нам: не помню, что говорила; доктор с противоположного конца залы, взглянул на нас наискось, бросил разговор — и — наперез — бегом почти пересек залу; с лицом, приближенным к лицу, нас обоих хватая за руки, держа одною рукою одного, другою — другую — скороговоркой, взволнованно, заглядывая снизу вверх в мои глаза, спрашивал меня: "Ну? Что?.. Можете ли вы принять этот курс?" Говорил же о *жесте* курса. М. Я., увидев его таким, просияла, махнув рукою; у нее вырвалось: "Ну, — как я рада!" И она покинула нас. Я, вспомнив, что ответ — в кармане, опустил руку, вынул письмо, подал доктору: "Вот — ответ!"
Здесь — судьба моей жизни!

28

Одна из особенностей состояния, которое будет охватывать то того, то другого (уже охватывает!): без осознания и без умения вскрытия часто; неузнанное, оно будет схватываться с несоответствующей предметностью.

Выражу состояние субъективно.

Мир вдруг предстает отваливающимся от... себя самого; содержание, смысл предметов, как камни, ломая "дно" предметов, тонут в "темном" ничто, оставляя разлом предметов; и — дико, странно, пусто, недвижно, бессмысленно.

"Я" — в ничто, в безжизненном мире, освещенным ясно сознанием бессмыслицы.

Вдруг... —

— сознание достигнуто внепредметным волнением, как бы... со спины, как бы уму непостижимую властью, взворащивающей бытие в его корне, доселе утаенном; настагает как бы гонец, ввезающий весть сквозь память о прошлом, после которой вы в небывалом положении, из которого вытекает небывалое узнание, бьющее, как молот: ваше "я" вскрылось вам из мира памяти; молниеносно становится ясным: —

— в восприятиях себя от первого мига сознания недовоспринялась связь восприятий; что было бы, если б видели конгломерат "уши", "нос", "глаз", не сложный

в "лицо"; и слышали б звуки алфавита, не слагающиеся в глагол речи. Вы имели восприятие в себе россыпи картин, слагающих память, без целого их, без "лика" целого (так нам дана память о "я"); до сих пор вы видели себя рождением от Николая Бугаева и Александры Егоровой, на Арбате в 1880-м году, но во всех перипетиях вырастания недовоспринимали чего-то, что все меняет; например: вы помните ваше первое обращение к матери: "Мама!" Слышите ответ: "Сынок!" И недовоспринимаете, что не "сынок", а "пасынок". Вдруг это открылось через "33" года после вашего рождения, в октябре 13-го года; прибавилось "па", меняющее все, — сразу, во всех картинах воспоминаний; они, как пелена, слетают: появляется лицо целого, в нем революция биографии; "Не сын, а — приемыш, не родился в Москве: никогда не родился: всегда пребывал... в лике "я".

И этот лик — Иисус!

Но и последнее сознано не нашим сознанием, не спустившимся [а недопустившимся] в голову высшим; оно — над головой еще; в голове же и в сердце даже нет сознания, — а скваченность [охваченность] вестью, недооткрытой: —

— в воспоминаниях открылись тайные двери; и сквозь них всех, как из коридора, из "до"-рождения, из бессмертия в прошлом, кто-то подходит, от чего все смещается; и "дикий" мир перед глазами еще диче, страннее, пустее; *глагол*, его перерождающий, — будет из наших уст; а пока уста — немь; весть идущего не достигла центра сознания: до-вспомнить! Но уже как бы:

— "Все вспомнил!"

Пытаешься обернуться назад, за-спину, и глазами видишь: ту же картину разбитого мира.

.....

В противовес и ей, и вести из-за спины, — из глубин существа, даже не из сердца, а из-за сердца, в котором *тоже* дверь открыта, но как бы из будущего — теплый свет: *любви вперые!* И вещи как-то по-новому названы; смотришь в свет, глазами, повернутыми внутрь, в лабиринты уже, как в коридоры, видя, как из-за сердца, становящегося впервые светом миру — ширится весть: но весть — будущее.

Так миг — молния, ударив по середине "я", явлен в *двух*, одновременных потоках, летящих друг к другу, как ветер на ветер, как ветер... сквозь ветер.

Но узнания... недоузнаны...

Недоузнанные приходят; недоузнанные уходят.

Прошлое — коридор, в котором бывшее содержанием и предметным центром воспоминаний, стало как только орнамент стен прохода в... самое *начало начал*, откуда идет... Друг; забытый и проспанный: до сна — знакомый; с ним [и] была задумана жизнь вместе с Арбатом и с мигом "рождения"; она стала игрою в жмурки. Но Друг идет сорвать повязку.

Одновременно: содержание жизни сердца, бьющего настоящим — только стены с открытой дверью: вместо артерий, несущих кровь, — вся вселенная, льющая свет самоочевидности: "Я и мир — одно: во внутреннем тепле и внутреннем свете".

Кончилось странствие; и — маскарада вещей: нет!

След застигнутости подлинным прошлым (как со спины) пересечен следом подлинного будущего, восходящего, как солнце в сердце: прошли испытания!

А глаз видит — разбитый мир; и рассудок, скинутый, как шапка, продолжает действия своей трезвости; он — отмечает: мир не преобразен; скорее — доломан; и застигнутость "вестью" — ни экстаз, ни даже сходные высшие "Я", ни что-нибудь иное, ведомое, как слово; и менее всего это — "мистика".

Тут происходит экзамен трезвости; тут опасность связаться с ассоциациями особенностей "Я", штампов книг, приобретенных навыков; и надо знать: в следующий миг — в миг возврата в обычные миги — к недоузнанной вести запросятся не здоровье каждого из нас, а наши болезни; они обовьются, как змеи, они прилипнут; они вырвут эликсир жизни и он станет: последней отравой.

Выход из мига [из мира]: бой с болезнями; и этот бой — терновый венец!

.....

Скажу — заранее: иные понесут память о случившемся, как процесс неправого самообожествления "я"; и выйдут в жизнь... новыми Нарциссами; иные же вообразят себя антихристами (ведь и Антихрист будет иметь эту встречу с идущим к нам "мигом"; в ней он и самоопределяется); а несчастные больные в половом отношении тут-то и будут черпать новые возможности к углублению в себе болезни.

Но надо знать: в существовании времени уже нормально кажущееся безумие настига "мигом", в котором великое счастье дано в *одном* с великим несчастьем. Надо со страхом и трепетом такие миги нести, не роняя их, то есть, не связывая с ними ассоциаций ложной учености, мистики, собственной дефективности, которая так и полезет к нему: обвиться змеей. Его надо таить от слов и образов; но и знать: в нем постигаем [настигаем] уже и ближний; надо учиться различению ближних как имеющих и не имеющих знание об этом... недоузнанию, ибо имеющий для имеющего не может долго остаться скрытым, ибо знание об этом — достоверность, достоверно друг на друга открывающая глаза; она и есть основа отбора людей для исхода... в страну обетованного, и для особых, невыразимых искусов и страданий пути по пустыням.

Если нельзя скрыть, то надо и говорить.

.....

Говорить и мыслить *опасно*, а говорить и мыслить — надо: в каких символических выражениях? В таких, которые были бы более других имманентны действительности: мы можем быть атеисты, материалисты, язычники, кантианцы, марксисты, христиане, — это уже не имеет значения, ибо наши клички, как шапки, скинуты, когда "миг" случится; и тогда, в "случае" может его проспаться христианин и на него наткнуться атеист, ибо они еще не знают, что "странный случай" — уже стал истинным соединителем и истинным разделителем людей, становящихся по ту и эту сторону *нового лозунга*.

Но и атеист, если бы он был "мигом" застигнут, его бы запомнил и, потом, отыскивая точки имманентности с ним, перерыл бы всю историческую литературу, даже и он, буде [будь] он до конца правдив, — себе бы сказал: лишь в текстах Евангелия нечто свяжется *со странным случаем* в иных совпадениях: от точки до точки; "миг", ключ ко всем мигам, отпираемым в гнозисе, пусть несовершенно, одним Евангелием; но мы заметим, что ключ соответствия еще и мы, потому что Евангелие будет прочтено не так, как мы читали бы его [читали его]: будь мы христиане, или... марксисты; ложь нашей дефективности тут именно и будет мутить, поднимая зловоние наветов; но наша правдивость, мужество и честность до конца коренятся в трезвости переживания ("трезвость" скидывается, но не мутится, продолжая свои наблюдения).

Евангелие — соответствие к пережитому; но пережитое в правде — ключ к четырем "Евангелиям".

Оно — Пятое!

29

Не касаясь неисповедимого Существа Пережитого, говоря о нем и формально, и трезво, — разглядим его: оно — знание о реально пережитом; содержание пережитого: радостно-благая весть, застигшая врасплох, без повода из чтения и внешнего сообщения; для разгляда его в воспоминании о нем наше "я" вынуждено сложить как бы "миф" (не лучше ль сказать — "эмпирическую гипотезу"?); этот миф — "я", ставшее сквозным коридором, по которому несутся два вестника навстречу друг другу (из будущего и прошлого), как бы два ветра (ветер сквозь ветер); в месте ж их встречи и слития, — рождение как бы облака. Облако — в "я" рожденный младенец: новое "я".

Но оно — нерожденное, а возвращенное: "я" рожденному. Возвращен "я" Иисус. Возвращен "я" Христос. Возвращен Иисус Христос. Возвращен Христос Иисус; пересеченность четырех возвратов — четыре линии Креста. А в центре — "я".

В Евангелии от Иоанна гнозис отметит соответствие пережитому³⁵, а в гнозисе тем Иоанна гнозис откроет, как ключом, Павел.

И мы увидим: то, что в "Евангелии" пережитая в 3 года драма вселенной, то в нас — прорастание "мига" образами.

Но это уже — повторный рефлекс "мига": в перифериях сердца и головы; в основе "Евангелия", — наша память; но "Евангелие" — средство: защититься от безумий, подстерегающих после "мига".

Пользоваться "Евангелием" — не верить традиции, истории, ее мифам, но и — не рвать зерна нового опыта в рассудочных или чувственных кривотолках болезней наших, а слушать ритм и узнавать свои ритмы: в новом и в странном.

Ибо "случаи странные", уже случающиеся, могут иметь и повторы: для них и надо: вооружить "я".

30

Говоря формально: —

— два потока (ветер сквозь ветер
в странном раслохе иных из нас —

— образами Вестников [Вестника] — так
гласят: —

— Вестник из до-рождения, преображающий воспоминания, есть Память, сама, а не "память о памяти" (последняя — раскрыта); но это — жизнь Иисуса; внешнее стояние в миге звучит как бы так: нет ни отца, ни матери, ни друзей, ни живого мира: "И ночи, и дни примелькались, как дальние тени волхву". Но волхв нашел младенца: себя в своих преображенных воспоминаниях: не арбатская квартира — события в Палестине от 30 до 33 года, в которых друг меня родил, уча любви; но я — заснул... Теперь я — вспомнил. —

— "Это было в Палестине,

— ибо там прообраз Начала, которое мы все осязали, ибо в Нем "Начало все быть, что начало быть"; и "я" — там было и потому оно присутствовало при исторической постановке телесного знака "Начала". В Духе "я" оно, поэтому, училось у Иисуса, с которым в "Начале" мы были братьями; ибо младенцами играли друг с другом".

И тут опыт связуется с текстом: "Ныне не увидите меня. И потом снова увидите меня; и радости вашей никто не отнимет у вас"³⁶, — потому что радость воспоминания: из прошлого о том, что — скоро увидим: недалго терпеть. И становится ясным до конца, почему я, проспавший "на"

в некогда слышанном "сынок" (вместо "пасынок") связался с Арбатом, поставив его центром *дома*; Арбат — обои; Иисус близкие были *отцом* и *матерью*, а мать, за стеной, звала его.

Так говорит Вестник из-за спины.

А Вестник из будущего (из-за [из] сердца), без слов раскрыв сердце, вводит в будущее, где "я и мир", "я и отец" — одно в Доме, куда иду; и — главное: Дом, куда иду, мне ведом, потому что в Нем я как бы уже был: в миге, заставшем врасплах меня; он — достоверность оцупанная.

Вот сущность Христова переживания, застигающего в самом темном месте земного странствия, в пустых, в диких годах, разбивающих землю в осколки, после чего она охвачена пламенем уничтожения "я", не сумевших *до-вспомнить*, иль пламенем обновления для других "я", и потому что "нечто" дозревает: до окончательности; близится в пустоте времен полнота времени; и времена опустошаются от *ветоши*: очистить место, куда явно хлынет тайно хлынувшее.

Так сознаю я второй поток: второго Вестника: из-за сердца в "я", становящиеся "всем"; он пожар Христова тепла, если он не пожар уничтожения.

Так "я" — арена встречи: *памяти*, подстилающей Память, с Пожаром Конца; и Луна, и Солнце, — несутся на Землю: нет ни Луны, ни Солнца над Землей; и нет от этого Земли: она — замерзла. Но есть Луна и Солнце в Земле. И от этого Земля — Новая Земля; и разум древний, луна, и сердце-солнце в моем перетрясенном "Я" — арена встречи.

.....

И тут же субъекция следствий, в как бы, в намеке, у каждого по-своему, летучая, молниеносная, настолько "субъекция", что о ней уже можно даже говорить: ведь только не имеющий и остатка рассудка мог бы меня укорить в "ложном знании": субъекция — *для меня*.

Два потока — две жизни: "Иисуса" во мне, идущего навстречу к "Христу" во мне: соединение будущего с прошлым, встающее в сознании в "миг" окончания "приключения странного"; это те новые глаза, в которые бьют все вещи обстания, с еще не стертým на них отсветом мига: —

— пережива-
ние событий Евангелия в обратном порядке отныне сплетаемо с пережива-
нием их же в обычном порядке: —

— миг с открытою "памятью" ("Все вспомнил вначале!") подобен мигу учеников, когда основа любви в них входила, и они вспомнили *не бывшее*, а бывшее "*под бывшим*"; и встал по-иному сам Иисус; так характеризована Рудольфом Штейнером *первые тема* Сошествия Святого Духа. Существо переживания — молниеносно: и — в *мазад*: навстречу из-за спины наступающему Иисусу.

Миг же Христова вознесения дан переживанию в теме его схождения в личность; а в токе настаивающей памяти подан миг выхождения "я" из Иисуса перед шествием на Иордань (разговор с матерью, не "сын", не Друг и Брат; и она — помолодела!) ("Пятое Евангелие").

Миг положения во гроб дан мигом выхода из гроба косной памяти моей, теперь разбитой; а ему отзыв в Иисусовом потоке: шествие на Иордань.

Миг испускания духа на кресте переживаем соединением со Христом: "Не я, а Христос во мне!"; к нему — отзыв Иисусова потока: миг Крещения; "оно" шло, уже неся крест, чтобы соединиться с Логосом; из крестных мук моих мне высеклось: "Не я, — Христос во мне!"

Три мига девятого, шестого, третьего часа — три новых дара духовных в подгряде "странного случая"; каждый дар из новой рамы; дар зрения, глаза, — рана; дар слуха, ухо, — рана; дар слова, уста, — рана! Я, тройко раненный, тройко калека, смогу ли вынести возможности [возможность] даров своих: слова, звука, глаза. Это — три искушения трех операций; тройко я теперь, выходя из мига, могу в себе этот миг уронить, ибо сходя к себе, я вижу болезни, меня подстерегающие; и "новая весть" обернется во мне только новой болезнью.

Вхождение в Иерусалим переживаемо в "миге", как наш выход из "града мира сего". Он — шел в "сей" град: я из него — выхожу, именно возвращаясь: твердое решение тут встречает меня: "Я — выйду!" И уже слышу голос: "Иди за мною!" А отзыв Иисусова потока, — выход Иисуса из пустыни... на проповедь, встреча с Андреем; и возглас к нему: "Иди за Мною!"³⁷

Далее уже — рябь: не различаю, ибо я уже ушел из того: в чем был: вероятно между выходом на проповедь и въездом в Иерусалим: деятельность трехлетия Иисуса, Христа, Христа Иисуса, Иисуса Христа.

Вижу же — обычную суету Москвы; и видел в 12-м году суету маленьких улочек Христиании: пришел русский крейсер; русские матросы; как странно: "Я тоже русский". Студенческий праздник (и я был "студентом"); а вот спирта для кипячения чая в Христиании трудно достать: надо разрешение.

В середине же — наша жизнь по-новому, где бы мы ни жили: в Христиании, в Дорнахе или — в Москве.

31

Суть, которая несется годами: надо справиться с этим узнанием, не уронить: в меру утаить, в меру поведать; но трудно жить с потоком сквозь поток и с вестью сквозь весть, когда окаянства притянуты именно к этому в душе проколу, как к новой ране, сладко-горькой; притянуты — эту рану терзать.

Но буду знать, потому что знаю: Иисус — Друг, которого я забывал, но который меня не забыл; и есть печать Иисуса: в каждой личности, ибо встреча с Ним дана им мне в моем восстановленном фантоме, где я вперен — в Его фантом; и я научусь когда-нибудь так повернуться навстречу вести из-за спины, что не увижу за спиною разбитого обстания, а — как бы зеркало, в котором не отразится уже моя личность, потому что "Я"-то и "есмы" — зеркало, тень, отражение... Его; а зеркало, которое могу увидеть я — Дверь:

— "Я есмь Дверь!"³²

И Пастырь Добрый выведет в дверь: отражение из "зеркала".

32

Рудольф Штейнер всеми курсами приподнял завесу: и одна из пелен с понимания Христа слетела для нас... до "Пятого Евангелия".

В "Пятом Евангелии" слетела первая пелена не с тайны Христовой, а с тайны Иисусовой: в раскрытой до дна глубине личного "Я" — встает биография младенца, ныне рождаемого, до... тридцатилетнего возраста: от "яслей", детства, отрочества, до ужасного состояния "оно", в котором это "оно" — тронулось к Иордани. Так тупик заострений европейского индивидуализма в явлениях последнего столетия (Штирнер, Ницше), включая "Ессе homo", получил благостное оправдание и движение в новоевангелийском пресушествлении: он... тронулся... к Иордани.

На земле — мир! Человекам — благоволение!

Будем помнить.

33

Громады выводов из "Пятого Евангелия" и доктор, выводами потрясенный, вот что вошло в меня, став физиологическим ощущением в Христиании (точно Штейнер нам отдал "Пятое Евангелие", а мы не знали, — что делать?); в двух жестах выявилась смятенность: в лепете, отданном в руки доктору; и в диком порыве: к Гетеануму (он был еще "Иоанновым зданием!"); закладка — последний жест доктора перед курсом: из Дорнаха мчался в Христианию он; Дорнах ему стоял местом жизни (он лишь доживал в Берлине, вернувшись с севера, то и дело летая в Дорнах); текст, заделанный в камень основания, был стержнем курса в Христиании; Христиания и Дорнах связались мне; и — перепутались; путаницу с севера я повез вместе с лепетом, которому доктор на севере сказал: "Да"! "минусы" и "плюсы", взятые в максимуме, пустили глубокие корни; но связь севера с Дорнахом оставалась; текст, прочтенный в Дорнахе, стал первым камнем, положенным в землю; камень купола, венчавший здание, был привезен доктором с севера.

В Христиании генезис и дорнахских перетрясов моих.

Все впечатления столкнулись в странном растрясе.

Как блещет фьорд между лекциями? Как блещут звезды после лекций? Табль д'от: разговоры о "редиске" с чудачком учителем из растряса укладок; поездок, тащит в Христианию; лавки, кучка русских матросов (пришел крейсер), процессии (праздник "студентов"), кафе (Ибсен сживал тут); беседа с Митчером и Гошем (о Риккертте, романтизме); встряхнуть мадам Райф за возглас: "Мы испытали мистерии" ("Какие "Мистерии", матушка моя: эго вспомнила, — нет "мистерий", когда оси вселенной, ломаясь, падают на нас!"); К. П. Христофорова и бессмысленная ассоциация: "Христофорова в Христиании"!

Сломана мировая ось; переполнились времена!

34

Так "дико" переживались дни судеб; что взять в дорогу? Что сдать на хранение? Едем в Берген.

И доктор сам, как мелък путешествия: Христиания — Берген — Копенгаген — Берлин; был у него аспект: краски, которыми выговаривался, не выгорали или стирались, а исчезали: и черт лица — не было: рот, как рот (кажется, что скривленный); нос, как нос, а кажется — на сторону; да и глаз как бы нет; шляпа, пальто, зонтик: все, как следует; их видишь — на дебаркадере, в высадке, в окне вагона, среди уличных кривулей (в Бергене домики, точно сидят на куличках, вздернув под небо крыши-носы); а у бергенки этой, — напоминает пятку лицо; рядом — доктор.

Очень странно, более чем странно: он делался таким, как будто и нет его: пустая... оболочка: значило: сцеплен в то, что завтра выблиснет: ни на что не похожий; не простая рассеянность, — странная рассеянность; как вид равнины (не верьте: под равнину заgrimирован боевой фронт), уже я знал: в эти миги на все способен; и ты на все открыт в нем; происходили события между ним и иным в такие периоды.

Когда он выглядел стертým, из него стреляли молнии; безо всякого перехода, на миг, из него взлетал исполинский лик: у подножки вагона, в проходе, где раздеваются.

Электризация инспираций: и кто его чувствовал, это знал... наверняка.

Так во все он вмешивался: не тем, что вмешивался, а тем, что я, как пылянка, был втянут в магнитное поле: и здесь доктор, и там; думаешь, о своем, а он и там; выбежишь на улицу, и чуть не спибеешь его, несущегося со стертým видом: зонтик, шляпа; а кашне — мотается; точно подстерегал.

Носился, и вдруг, на мгновение: виделся высеченным до последней морщинки: и этой яркости не было в нем даже в яркие периоды.

Таким помнится на залитой солнцем бергенской улочке, после того, как он побывал в окрестных горах; и видится на пароходе, уходящем в Копенгаген: весь перече́ткий; ходил один с саквожем по палубе, не заговаривал

[не заговаривая], не приближался к кучке, ее смущая, или вперясь в кого-нибудь с удручающей пристальностью; а вид — строгий: ни подойти, ни ввести в разговор; стоит и слушает; лицо не соответствует ничему.

Он меня смущал всю дорогу; и просто мешал любоваться морем; отойдет и взглянет в дали, не видя людей; и ходит, и ходит: чего он ходит?

А через день в Копенгагене ударил тем, что роилось в нем.

35

В Христиании перетрясла тема; и то, что в ней вставало мне; но встряс и доктор, — по-новому вскрывшись; как артезианские струи, подземно текущие вдруг бьют; что молчало, то — вскричало; и этот крик его не умолкал во всем путевом зигзаге: Берген — Берлин: он кричал во вселенную на пароходе, в кривых тупичках городишки, в вагоне, в море; мне казалось: я был введен в один из пластов его жизни, о котором лишь подозревал; тема "Штейнер и Христос" открылась здесь в объясняющем стержне; она и была открыта; но я не знал, до какой степени он и тема — в одном, во всем: навсегда!

С той поры, когда он точно бросив "учительство", произнес слова о недостойности своей коснуться темы, мне и лицо его стало иным; смотрите — иконостас сквозной, но не изнутри занавешен красным шелком; ничего не видишь. Кто-то подошел и, не отворяя царских дверей, отдернул завесу; и там, за завесой, в пролеты дверей, — неясный блеск престола.

Что-то такое случилось с моим восприятием доктора; я не форсировал, не подглядывал; мне и "моего" было достаточно: что с ним делать? Я просто видел в докторе Штейнере... кого-то иного. "Иной" вперялся в меня словами: "Со страхом Божиим... приступи". А доктор Штейнер, вздев саквояж, стоял на палубе, слагая лекцию. Вероятно: менее всего ему было дело... до... меня. Но и мне... не... до... него.

А мы "видели" друг друга: он, погружаясь в заботы дней, а я — вспоминая далекие годы зари моей: 901, 902-й. Они стали впервые картиною воспоминания в Христиании; с них *тоже* спадала завеса: метель, Москва, пуццовая лампадка церкви, Владимир Соловьев, а надо всем — звезда!

— "Так вот что было: чего не поняли!"

Сам себя не понимал!

И чего это Штейнер не спустится в каюту?

36

Невыносимы истины, на которые он указал в "Пятом Евангелии": невыносимы тем, что все взрывая, они и — логический вывод из всей позиции: от гносеологии до... эвритмии; но так всегда: глядели десятки

лет на "маленьких существ", пляшущих под микроскопом; и — невдомек: они-то и суть причины болезней.

И вот пришел Пастер; пришел и указал: только-то!

Нечто подобное случилось с "Пятым Евангелием"; все было дано: лежало открытым в элементах; не видели — целого: не видели и элементов.

Пятнадцать лет "Пятое Евангелие" — достояние тысяч людей; а жизнь западного общества течет так, как будто "Пятого Евангелия" не было; джиу-джицу почтения, поза эзотеризма: "Осторожнее обращайтесь с материалом". И — из осторожности, шепотом прочтя "конспект", отправляют конспект на полочку; и — не видят, что за 15 лет... улица переполнена событиями "Пятого Евангелия", не узанными в теме: ни ей, ни... антропософами, в полочках да в конспектах, как бактерии, разложивших атмосферу его, в которой принес его Штейнер в 13-м году; события свершений, "мигов страных", глядят из опустошенных наших душ, ставших пустыми "оно"; и они же заглядывают из окон, ломают климат, опрокидывают устоя, выкидываются в невероятных открытиях естествознания.

Что случилось в науке за 15 лет. Эйнштейн, Резерфорд, Бор, рентгенология, атомные ауры, интроспекция механики внутрь атома, уже прокропленного солнечным импульсом; неумение свести концы с концами между эфиром, силой экстра — и интро-движением, разрешаемы лишь в четыреххосном понимании атомной (все равно, иль — волновой) системы; в четыреххосности сила Ньютона — четвертое измерение объема, или... телесность (как бы... материальность); в четыреххосности эфир Декарта не материален, а стихийен; но проткнувшая четвертая ось, со вспыхом солнца в точке прокола ("Земля" Протона), — что же это, как не восстановленный Иисусом фантом? И что есть физико-химия в символизме Бора, как не радостная весть об... эфирном пришествии, которому соответствует разлом пустых макро-миров: гробниц вселенных планет, с разломом в них государств. И дичь, которую мы обрастаем (катастрофа климата, мировые войны, пожар Гетсанума), — длящееся неузнание: распечатанных письмен.

Непрочитанное "Пятое Евангелие" — и гибель нас во вчерашнем нашем внутреннем, и остранение мира вокруг, и... "михаэлизация" науки, а мы берем конспектик с надписью "Пятое Евангелие", чтоб развить "джиу-джицу" почтения к "эзотерике"; и — обратно отправить на полку, томясь о том, что обстание не соответствует... "высокому штилю".

Так поступая, уходим в картину пустого разбитого мира; эту картину поставил Штейнер в Копенгагене в 13-м году: через 50 лет, все, что, не хватаясь за "Пятое Евангелие", не двигая "Пятое Евангелие" вперед (оно дано нам его катить!), будет разбито: традиции, знание, культура, мистерии, эзотерика, — все будет разложено, если не будет прокроплено импульсом "Пятого Евангелия".

Но в точке его, как в пересечении всех осей материи, где и материя уже не материя, — начнется линия четвертой, эфирной оси... второго пришествия.

Так было сказано 15 лет назад.

Третий пути рокового 50-летия почти пройдена: "Пятое Евангелие" — продолжает лежать на полочке жалким конспектом случайно записанных клочков одной из вариаций неудачного пересказа.

Это ли не катастрофа... дела Штейнера?

36

Только в Христианин, взятой в душу, видишь происхождение трагедии Дорнаха: "Пятое Евангелие", вложенное в камень основания, было согласием Штейнера на терновый, дорнахский венец; это "да" его... Иисусовой биографии, как... каждого из нас. И мы, поднявшись в "горы", из Христианин, рванулись в Дорнах... взять крест и тернии.

И тотчас, по выходе из "мига", у его преддверия, встретились мы с ожидавшимися [ожидавшими] болезнями: змеи обвивались вокруг каждого. Вижу теперь: слет вместе с доктором в Берлин (на пути в Дорнах) — начало болезней и всяких "засыпов": в каждом по-своему; он ездил по городам Германии, лично повторяя ракурсы "Пятого Евангелия"; происходило ж: "явление засыпа" в каждом центре; и уже терн в него впивался; и *откровенья* делались *покровеньями*; ему было ясно: "Пятое Евангелие" — не принято.

Первое следствие — социальный толчок на ближайшем генеральном собрании в Берлине под флагом... дела... Больта. Больт — ни при чем: *при чем* — подсознательное "Распни его", слетавшее из душ, доктора слушающих; и что-то в судьбах *общества* впервые дрогнуло. Теперь, из дали лет, понимаю я все несоответствие меж *мукой* от бреда этого собрания и меж фактическим: все благополучно!"

Он уехал из Берлина (отныне лишь "гостил" в Германии).

"Дорнах" — углубление в нем его терний, тайных от нас, чтобы нас не смутить, потому что вопреки всему, — наш сон углублялся; несоответствие этому углублению — он исчезал перед всеми в теме... "Христос": а ведь *тема* была заложена в Дорнахе... перед Христианией.

И уже за всем стояла весьма странная двойственность Дорнаха: Шуман и Шуберт, Крест и "гримаса"; углубляясь индивидуально в каждом, она впервые выступила социально в 15 году; что в 14-м глухо протяжало, но не выступило еще (Берлин, Генеральное Собрание³⁹), то огласило Дорнах безобразным воем; вой отразили: окончательной катастрофы не произошло.

Но вторично не случилось чего-то, что должно было случиться в дни сдачи судьбам купола Гетеанума.

За всякой мелочью случайности в духовных мирах стоит не вскрытый смысл; и видимость случайности, или "пустяк", — далеко не всегда пустяк.

Не пустяк: в Дорнахе кончилась традиция эзотерики, а "Иоанново здание" стало... "Гетеанумом"; после случившегося: не могло не стать.

И — все-таки: здание, выросшее из слов "Грундштейна"⁴⁰ (нерв "Пятого Евангелия"), увенчанное тем именно камнем, которым он любовался — Там, тогда, в горах, после данной миру вести, и... "Гете". Как Гете не велик, но... я — уехал.

Следа издали за этим углублением трагедии биографии Иисуса в нем, я издали и лишь формально видел: за разгромом разгром; разгром в проведении "трехчленности", разгром внутренней жизни, о котором он вскричал в 23-м году. Могло ли здание с задернутой завесой ("Гете" — завеса)... устоять в ударах неприятия "письмен", в него заложенных.

Оно — сгорело.

Письмена изваянных форм, развиз крылья огней, унеслись в эфир, откуда отверделись формы; на этом месте могла стоять прекрасная мемория: "Мemento мори"⁴¹. И — дай Бог, чтобы второй Гетеанум был... хоть... Гетеанумом, — не только "Петрумом".

Сбылись, может быть, лишь первые слова заложенного в камень лозунга: "Эс вальтен ди Юбель!"⁴²

Но это значит: "Действует зло!"

Выше я отметил [отмечал], как в докторе раздваивался его дорнахский взгляд: светлой шубертовской мелодией он бодрил, закрывая нас от одного, ему видного; и... глазами... шумановского безумия... он вперялся в тьму, мнуя нас.

То же, в чем соединялись взгляды, было превыше; это был путь "оно"... на Иордань, или, взятые им на себя все консеквенции отвержения нами "Пятого Евангелия".

А за всем, всем, стояла "альфа и омега" его тем:

Христос Иисус!

37

Четыре месяца я не мог оправиться от удара, нанесенного мне "Пятым Евангелием": сон "пробуда" начался в Христиании; и длился в Лейпциге; лишь после Лейпцига я начал приходить в себя: начался пробуд "в сон" нашей жизни.

Так Рудольф Штейнер в Христиании говорил о Христе.

Дни же, последовавшие за курсом и обнимавшие нашу поездку со Штейнером в Берген и Копенгаген, были мне днями соединения внутренних ландшафтов с внешними.

Восьмого или девятого октября мы тронулись в Берген часов в семь утра в специально заказанном для нашей группы вагоне; доктор с М. Я. ехал в смежном вагоне (в купе первого класса).

Невыразима природа между Христианией и Бергеном; тотчас за Христианией поезд забирает в горы; и 6 часов поднимается, достигая зоны льда, так что снежные пики кажутся маленькими; к часу дня он в точке перевала;

и потом шесть часов слетает к Бергену; около перевала тон гор, голых, покрытых пурпурным мохом, зеленовато-лазурный, то серо-грифельный; сначала горы быстро растут, заваливаясь над головою головой камней; потом рост не столь стремителен, потому что подъем [подъем поезда] круче; поезд взлетает на горы, что можно заметить лишь по трещинам пропастей, через которые проносится он, по изменению тона горных озер, неба и убегания вниз под ноги, сперва — лесов, потом — кустиков, наконец — травы; мох и камни; мох — красный; камни — зелено-лазурные.

И тогда сразу, со всех сторон, начинают выглядывать белые зубы ледяных вершин, прорывают кордон камней, оказываясь рядом; и даже озера на станциях около берега, — лед; выскакиваешь из вагона; и — хрустить льдом.

Часов в 12 нас позвали обедать в вагон-ресторан, где был сервирован вегетарианский стол; вошел доктор с М. Я.; я еще не встречался с ним после отдачи ему моего рокового письма, — рокового, потому что невнятица его "экспрессионистического" тона меня убивала; он сел — тот же странный (не "здесь"; и — *здесь*); тот же строгий — до ощущения, что он — "гневется". Я невольно прятал голову за спины сидящих, чтобы не встретиться с его лицом. Но М. Я. (помнится ее сумка и дорожный берет), сидевшая, облокотясь на столик, таки нашла нас глазами; и с ласковой, задумчивой улыбкой кивнула нам; доктор быстро работал ножом и вилкой, не замечая пищи; мы — тоже.

В окнах солнечные ландшафты стали невыразимы; со всех четырех сторон горизонта сбегали остро-алмазные пики вечных льдов; мох кричал пурпуром.

Мы, бросив еду, поспешили в свое отделение; высота давала знать радостно-ясным опьянением; муки Мюнхена, работа Льяна, удар Христиании — вдруг из души вырвались вскриком безумной, но дикой, необъяснимой радости; в эти минуты я понял впервые всем существом: инспирация — на горах; и карма ее нисхождение.

Что-то переместилось в сознание; и — думалось: в Христиании был показан момент сошествия Духа — Крест Голгофы, как Крест Крестов; здесь понимаю из сущности Креста высвобождающую высоту Сошествия Святого Духа.

Горы пели, как Бах.

Вдруг отворилась дверь; и к нам вошла М. Я. (от доктора); села против и стала улыбаться; окружающие косились на нас; М. Я. мне сказала: "Вспоминаешь здесь Ибсена: помните Бранда? Но Бранд — не прав. В горах — солнечность. Бранд — не понял: он — "Деус Каритатис"⁴⁸. Было нечто в улыбке, обращенной ко мне, что понял: нечего мне бояться письма; оно — *принято*.

Тут мы влетели в туннель; а когда выскочили, бездна света нас ослепила; поезд несся над страшной бездной, внутри которой кипела пена;

а снежные пики, точно маги, став на колени, обстав долинку, казались крошками. М. Я. встала; молча улыбаясь, пошла к доктору.

Пробежал кондуктор, оповестив: "Высшая точка пути!"

Тут же — станция.

Я — выскочил. Под ногами хрустит лед; синее озеро — рядом, покрытое пленками льда (у берега); тут же много сброшенных оленьих рогов; в нас бьет синий озон; бездна ж неба синяя до черноты; что-то от головокращения охватило, когда я приподнял рог оленя к белым зубьям льдов, торчавших в синь: этот рог сопровождал меня всюду 3 года; остался он в Дорнахе.

Приехав же в Берген, узнали: в эти именно миги Рудольф Штейнер облюбовал зелено-лазурный камень для куполов "Гетеанума"; я помню зону, где он торчит; я помню, как мох его покрывает пурпуром.

Уже мы слетели к Бергену; каменные исполины стали расти из-под ног, а снежные пики за них присели; что-то теснило грудь: хотелось петь, хотелось выговаривать вслух что-то. Я выскочил из вагона и стоял на площадке, вперясь в крижи, исцербленные резцом Микель-Анджело; сбоку тряслось стеклянное окно двери; и перед ним тряслось окно — двери соседнего вагона; между — тряслись переборки "Гармоникацуг". Вдруг я себя поймал на том, что из меня выговаривается нечто, подобное "эс эрфюллен зих ди цаитен"⁴⁴, но — голосом доктора; и тут же взгляд упал на окошко двери соседнего вагона, тряшееся между переборками; в середине его, только что пустого, как в раме, прильнув к стеклу, вырисовывалась голова доктора с таким лицом, которого я именно боялся увидеть все эти дни, чтобы не ослепнуть от яркости: с глазами, выстреливающими *имтуицией* перед собой; но перед ним торчала моя голова; и взгляд его пронзил меня.

В миг, когда глаза наши встретились, не изменилось его лицо, точно он и не видел меня, но глаза ринулись так, как ринулись бы две звезды, падающие на землю; и я бросился с поля его зрения к боковому окну, — так, как ринулся бы с пути болида — в сторону, чтобы, когда доктор пересечет мою площадку, мне его не видеть.

Дверь же не отворилась.

И я опять выглянул: в раме дверного окна никого не было; перетрясывались подножки; тряслась "гармоника".

Так и осталось вопросом: кого я видел? И — в теле ли, вне тела ли?

Я видел "лик" взгляда, а не лицо доктора; и на этом лике было написано: "не их, а — И. Х."

Это и была сама тема, о которой я невятно пытаюсь сказать: — "Рудольф Штейнер в теме Христос"...

Засумерчело от теней вытянувшихся гигантов; и линия золотых и красных осенних лесов толпами деревьев поднималась в горы, а мы — слетали.

Берген!..

Берген остался "сном" в сне нашей жизни, или "пробудом" из будничной трезвости. О том, что "снилось" или "бодрствовалось", лучше буду молчать, пока зрелость не подскажет мне внятных слов; а не подскажет, — скажу: в одном из будущих воплощений.

Замечу лишь, что все, что ни воспринималось в Бергене, — воспринималось в теме: "Рудольф Штейнер и Христос".

Все путешествие "Берген — Копенгаген" именно в силу моей смятенности остается странным выявлением полной беспомощности на физическом плане; и кабы не доброе внимание и участие К. П. [К. П. Христофоровой], мы бы, может быть, так и застряли где-нибудь: она нас даже водворила в Берлин, приютив у себя в пансионе, где мы и обосновались.

Новый вечер — лекция в Копенгагене; тут прозвучало грозно: через 50 лет культуры Европы — груды развалин до возможности исчезновения книги; пора подумать заранее о книгохранилищах; пора собирать в надежные места необходимые для сохранения книги; цивилизация разовьет свои лопухи; и в их дачи исчезнут — традиции культуры, истории, историческое посвящение; что не примет импульса "Пятого Евангелия", — зарастет; а движение в нас импульса навстречу идущего к нам Христа явит его воочию в эфирном облике; "скотоподобие" и "богоподобие" — два типа завтрашнего человечества.

Человечества же в нашем среднем смысле — не будет.

Так он говорил; и сила его слов была такова, что — "падали".

Для меня лекция особенно значительна; после нее, когда я уже спешил одеваться, ко мне по лестнице (лекция читалась во втором этаже) спустилась М. Я.; и, взяв за руку, сказала мне: доктор "письмо" принял, но он не ответит словами, потому что на такие письма не отвечают словами; и еще она сказала: в будущем, может быть, и я сумею мечто сказать. Никогда я ее не видел такой; но она предупредила: "Не заболелите".

Я... все же... заболел.

Возвращаясь домой по темному Копенгагену, я забыл, где мы остановились (А. А. Т. была больна и сидела дома): ни улицы, ни номера дома, ни названия гостиницы я не знал, плутая по темным кварталам; лишь случайно наткнулся на "дом".

Я понял, что я... "бездомный" и что "близкие" мне "еще" и [или] "уже" не близкие: с этой точки жизни, в ниспаде "Берлин — Дорнах — Москва", действовала карма слов: "Я — меч и разделение".

Уходила "близость" с одним [одними]; и "зрела" с другим [другими].

Это было [около] 14 октября; через 12 дней мне минуло 33 года; в этот день я думал о том, что год 33-летия есть год ответственный; — таким он и оказался.

Невольно сплетается мне тема "Христос" в Рудольфе Штейнере с одной из точек личной биографии; и — думаю, что не случайно: "Христос" — страж Большого Порога, а "Иисус" — "мейстер" кармы; и реальное раскрытие "глаз" и "ушей" на эту тему не может не менять кармы личностей, подготавливая... "порог".

Доктор так говорил о "Христе", что "глаза" и "уши" раскрывались; и то, что входило в них, действовало, как закваска, меняя карму. Он говорил, а карма — менялась.

Так он говорил!

И — кто так говорил?

39

Еще — штрих.

Однажды он сказал, но где, когда — не помню: истины, взятые им в еще [еще в] робком звуке, — придет время (и не так оно далеко) — будут раскрыты; ведь то, что он дает, — не есть "кивот Завета", а весла... к отплытию: весла — нам в руки.

Плыть будем — мы.

Но к этим словам, как комментарий, нечто прибавлялось "старшими": со слов доктора к ним.

В скором времени заговорит в мире одно высокое воплощение начальника Иисейского братства, побитого камнями незадолго до Иисуса; именно: Иисус Бен-Пандиры⁴⁵; того, кого теософы смешивают с Иисусом из Назарета.

Признак, по которому воплощение может быть узнано: раскрытие смысла второго пришествия.

Он-то и поведет "исходящих" — дальше.

Но ведь и мы должны уметь его расслышать: для этого мы должны взять в свои руки "Пятое Евангелие", чтобы оно не лежало в "гробе" под формою переплета из "Пиитик", "риторик" и "гигератик", которыми мы отпихиваем тему.

Как брать? Как говорить?

А хотя бы только "гносеологически".

Удивительно, что за 15 лет не увидели: тезисы "Пятого Евангелия", действуя на сердца, одновременно выточены [выточены с] "железною логикой", — учение о фантоме впечатано ныне: во все научные теории с одной стороны; во все антропософские тезисы доктора; и — связано с его истинно христианским взятием идеи кармы.

Надо только *понять*.

Такова — логика.

И это же учение о фантоме — единственно возможное объяснение эмпирики переживаний, высвобождаемого из рассудочной души самосознания, которое в своей автономии — не душа, а дух "сам".

Надо только *пережить*.

Такова — Эмпирика.

Подлинное, глубинное пересечение Штейнера "мыслителя" и Штейнера "учителя" — в Штейнере — христианине.

Кучино, 29 года, 4 январь [(12 дней)].

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Я не мыслил себе никаких "последствий" к скромным наброскам "воспоминаний", здесь данным. Но судьба вписала страницу этого послесловия; судьба — смерть доктора Карла Унгера.

В главе "Ученики Рудольфа Штейнера" я летуче коснулся и деятельности покойного; знай я, что мой небрежный силуэт в миге написания совпадает с его преждевременной смертью и, стало быть, он — надгробный, я, разумеется, посвятил бы деятельности покойного (для нас — "живого, вечной жизнью" и с нами невидимо присутствующего!) не такие слова. И, разумеется, я не сделал бы этой оговорки, если бы я написал главку об Унгере, скажем, в прошлом году.

Но в силу судеб по точному расчету я начал писать о докторе Карле Унгере в ночь с 28—29 декабря, приблизительно через час после его трагической смерти, а кончил главку 31-го января, приблизительно в день его похорон; и — стало быть: моя главка, без моего ведома оказалась некрологом. Оговариваюсь: она — не некролог; доктора Унгера я видел здравствующим (он был полон энергии, внутренней молодости), как бы отдыхающим, чтобы в будущем вступить в свою роль и вывести А. О. из тупиков, которые оно в себе самом настроило; в этом смысле я и поминал его в контексте строк: "Во Францию два гренадера"; гренадеры, т. е. борцы за импульс антропософии — Унгер и Бауэр.

Но доктор Карл Унгер уже вступил в свою роль: невидимого помощника; и в этом смысле водителя; кто вживался в смысл слова "карма", тот знает уже, что мы, становясь на путь, строим свою судьбу; кто знал невидимого "живого" в его физической маске, тот твердо знал: перед ним человек "пути" в наиболее внутреннем смысле; стало быть, человек, которого "карма" созревает для внутренних действий в ускоренном темпе; и выявляется "тайное" личности, становясь явным.

"Тайное" личности доктора Унгера (и я это высказал в главке, ему посвященной) виделось мне в подготовке стратегической победы над Ариманом (косностью мира сего); и оттого его тактика была тактикой Барклая, подготавливающего отступлением победу будущему Кутузову; и я подчеркивал, как меня поражали в покойном сквозь маску сухости, трезвости, медлительности, расчета, — юношеский пыл, сердце, новизна идей и борьба за истинно сущее зерно молодости (отсюда и нереагирование на гром молодости на духовных старичках); невыявленный пыл личностью Карла Унгера выявился в карме его; и вскрылся нам аспект этого *индивидуума*; аспект — им поволенный мученический венец: "убиенный" Карл Унгер в ответ на антропософские толки о том, что он вышел из моды,

кармой своей, кармой ученика внутреннего пути, — ответил на эти толки, взяв венец мученика; неспроста рука одержимого бесами наметила именно его; мы знаем роль одержимых; и знаем "руки", сознательно убирающие то, что им лежит поперек дороги; выстрелы в Унгера — выстрелы из "сознательного далека", как и пожар Гетеанума, как, может быть... но — молчу...

Тяжбу о том, кто же Унгер, решил черт выстрелом, указав на... Унгера; линии пуль, — линии "чертова пальца": *вот кого я снимаю с работы!*

Какой ритмический жест!

Но — "черт" ошибся: *"И когда Он снял плетую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели"*¹.

*"И сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время"*². И еще: *"Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои, и убелили одежды свои Кровью Агнца"*³.

Неужели у людей с запечатанными глазами, хулившими и хулящими импульс антропософии, Штейнера, за то, что этот импульс идет от зла и мира сего, не открылись глаза на действие "сего мира", в результате чего — трагическая кончина Рудольфа Штейнера, пожар Гетеанума, сожженного "сым миром", убийство Унгера. Говорю это по адресу всех этих якобы гласящих от культуры духа, культуры духа Бердяевых, Булгаковых, Форш, Метнеров, социал-демократов, интеллигентов, снобов, материалистов, мистиков, теософов, пасторов, православных, попов, декадентов, Дессуаров, Лейзегангов и прочая, прочая, прочая (им же имя легион!), слова которых горячи, поступки же лишь теплы, — т. е. [те], о которых сказано: "О, если бы ты был холоден, или горяч... Ибо ты говоришь: я богат... а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг"⁴.

К сожалению, слова эти не относимы лишь к "внешним" врагам антропософии, но и к... "внутренним"; не в антропософском ли обществе убиенный, т. е. отмеченный Божиим венцом, как очистительная жертва за грехи "Общества", — не в нем ли особенно была популярна линия видеть "непопулярность" Унгера в отношении к "модам" сегодняшнего дня? И не ужасная ли карма для общества в том, что человек, наиболее чистый, благородный, не могущий выносить припахов дурной "мистики", дешевого "окультизма", антропософских "средних веков" с их гниловатыми утопиями о "крестовых походах", ученик "философии свободы", сам философ свободы, самый светский, самый "трезвый" из всех нас, был убит рукой сумасшедшего антропософа (как-никак!), которому приснилось, что доктор Унгер [Карл Унгер] насылает на него... порчу (!!!).

Знакомая линия, — знакомая мне на протяжении 20 лет. Двадцать лет от времени до времени возникает передо мной заблевающий антропософ, в котором вопреки всем громам и напоминаниям Штейнера вскрывается гнилотворный процесс "мистической" болезни от восприятия антропософии шиворот-навыворот; со сколькими "большими", одержимыми приходилось мне говорить, — с экс-антропософами, или с кандидатами на них

в силу убожества восприятия ими импульса антропософии: Минцлова, д-р Гош, Эллис, Поольман-Мой, Форш; и — сколько? По плодам узнаем [узнаете] их.

Плоды?

Да... нехороши!

Но смешение ложной эзотерики с ложной общественностью все еще не вырваны с корнем из "Общества", действующего именем Рудольфа Штейнера; карма такого общества выселяет из своих рядов убийц слуг Божиих. Корень же корней — во взятии внутреннего материала антропософской литературы головой, не потрясенной теорией знания, мыслью и критериями подлинной свободы, а не свободы от печки, хотя бы этой печкой делался сам Рудольф Штейнер в образе и подобии истукана.

Смерть Унгера вызывает инстинктивные жесты, по адресу и внешних и внутренних врагов; по адресу внешних: вы, прославленные "миром сим", ухватившиеся за славу, маститость, правоту свою (и оттого — "правые!") — доколе будете вы порочить чистое дело свободы и любви? По адресу внутренних, т. е. "антропософов": неужели будете вы [и вы] и впредь выселять из среды своей убийц апостолов того дела, которому служите на кончике языка? Долой — "мистику", "окультизм", "крестовые походы", "мистические заболевания" и всякие придыхания о перевоплощениях и прочих "кармах", в результате чего, — карма общества становится непониманием того дела, которое словами слетает с кончика языка. Пора проветрить и "антропософские" головы, обливающие сегодня дело Рудольфа Штейнера кипятком своих к делу не идущих чувств, а завтра выселяющих из своих непроветренных рядов "несчастных одержимых", которым место в лечебнице, а не в А. О.!

Как не понять, что лаборатория душевных больных с клеветниками, предателями и подобного сорта продуктами, — та именно непроветренность А. О., против которой гремел Штейнер и корень которой — в непроветренности головы: *просто отчетливой силою ясных суждений, свободных от "мистики"*.

Карма Унгера есть карма Гетеанума в каком-то разрезе тоже сожженного... "антропософами" ["антропософом"]; а карма Гетеанума — в карме Рудольфа Штейнера, принявшего крест за наши болезни.

Кучино, 29 января, 1929 г.

- Воспоминания о Белом — Воспоминания об Андрее Белом. М.: Республика, 1995.
- Воспоминания о Блоке — Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 1995.
- Истина и наука — Штейнер Рудольф. Истина и наука. Посвящения в мистерии. О человеческой ауре. СПб., 1992.
- История души — История становления самосознающей души. Авторизованная машинопись // ОР РГБ. Ф. 25 (новые поступления).
- Критика чистого разума — Кант Иммануил. Критика чистого разума. М., 1994.
- Материал к биографии — Белый Андрей. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 6, 8, 9.
- Между двух революций — Белый Андрей. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990.
- Минувшее — Минувшее. Исторический альманах. М., 1992.
- На рубеже — Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989.
- Начало века — Белый Андрей. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.
- НЛО — Новое литературное обозрение.
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Основы моего мировоззрения — Белый Андрей. Основы моего мировоззрения // Литературное обозрение. 1995. № 4/5.
- Ответ Белому — Метнер Эмилий. Ответ А. Белому на его книгу "Рудольф Штейнер и Гете". М., 1917. — Авторизованная машинопись // ОР РГБ. Ф. 167. К. 12. Ед. хр. 4, 5, 6.
- Очерк тайноведения — Штейнер Рудольф. Очерк тайноведения. Ереван: Ной, 1992.
- Очерк теории познания — Штейнер Рудольф. Очерк теории познания гетековского мировоззрения — составленный, принявший во внимание Шиллера. М., 1993.
- Разговоры с Гете — Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван: Айтастан, 1988.
- Размышления о Гете — Метнер Эмилий. Размышления о Гете. М., 1914.
- Ракурс к дневнику — Белый Андрей. Ракурс к дневнику. Автограф // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. I. Ед. хр. 100.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- Световая градация Гете — Белый Андрей. Световая градация Гете в градации д-ра Штейнера. Автограф // ОР РГБ. Ф. 25. К. 36. Ед. хр. 4.
- Символизм — Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
- Философия свободы — Штейнер Рудольф. Философия свободы. Ереван: Ной, 1993.
- Einleitungen — Rudolf Steiner. Einleitungen zu Goethes Naturwissenschaftlichen Schriften // SGA. Bd. I. Dornach, 1973.
- Goethes Werke — Goethes Werke. In 12. Bde. Berlin und Weimar, 1974.
- GWS — Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften. Hrg. v. R. Steiner. Bde. I—IV, Berlin und Stuttgart, 1884—1897.
- SGA — Rudolf Steiner. Gesamtausgabe.

"РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ"

Книга Андрея Белого "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности" (далее "Рудольф Штейнер и Гете") донесла до нашего времени отзыв острой полемической борьбы в России 10-х гг. нынешнего столетия вокруг личности и учения Рудольфа Штейнера. Полемика не была объективной интеллектуальной дискуссией, но носила весьма пристрастный, личностный характер: менялись судьбы, рушились дружбы, оценки колебались от белой до черной (см. *Fedjuschin V. B. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität: Theosophie, Anthroposophie, Rudolf Steiner und die Russen. Eine geistige Wanderschaft. Schaffhausen, 1988*).

Как указано на титульном листе книги, Белый написал "ответ" на сочинение своего бывшего друга и единомышленника по символическому движению Эмилия Карловича Метнера, руководителя книгоиздательства "Мусагет", вокруг которого в то время сосредоточилась литературная жизнь русского символизма. Речь идет о книге Э. Метнера "Размышления о Гете. Книга I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма" (М.: Мусагет, 1914), содержащей критику трудов Штейнера о Гете.

Несмотря на увлечение антропософией почти половины членов издательства (в том числе в разное время его близких друзей — Эллиса и Белого, в определенной мере и Вяч. Иванова), Метнер, человек во многом рациональный и чуждый всякому "оккультизму" и "мистицизму", относился к Штейнеру настороженно, называя его учение "скучными речами пастора" (см. письмо Белого М. К. Морозовой от 2-й декады 1912 г. // НЛО. 1994. № 9. С. 139). Поэтому на любые призывы сделать издательство антропософским и публиковать, как советовал в 1912 г. Эллис, "только Штейнера и то, что он сам укажет", он отвечал, что "Мусагет" никогда не станет пролетарским органом оккультизма" (см.: *Виллих Х. Эллис и Штейнер* // НЛО. 1994. № 9. С. 182—183). Напротив, когда восторг Эллиса сменился негодованием и разочарованием в "еретике Штейнере" и в "заговорщиках-антропософах" и он в письме к Метнеру от 3 февраля 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 167. К. 8. Ед. хр. 27—28) развернул "план" борьбы с ними (Метнер должен защищать Гете, Эллис — Данте, Г. А. Рачинский — Вл. Соловьева, Вяч. Иванов — Новалиса, кто-нибудь из естественников возьмет на себя критику штейнеровской натурфилософии), Метнер, известный знаток Гете (как тогда говорили "гетист") и кантонец, сразу откликается и пишет книгу, где свои "размышления" над эстетикой и философией Гете дополняет главой о естественно-научных взглядах великого поэта и организует материал как критику штейнеровского подхода к изучению гетевского наследия.

Когда в августе 1914 г. это сочинение Метнера было опубликовано в издательстве "Мусагет", уже началась Первая мировая война, и книга "Размышления о Гете" прошла практически незамеченной. Лишь в "Письмах с Севера" — одной из редких рецензий в газете "Баку" (1914) — восторженная Маризтта Шагинян (одна из ближайших сотрудниц Метнера) провозгласила труд своего учителя "классическим" и "после ухода Толстого" — "самым гениальным" из тех, что "определяют собою

будущие пути культуры”, сравнила “цельный сияющий сноп идей, мыслей, образов” книги Метнера с “Критикой чистого разума” Канта, а “исключительно прекрасный язык” — с языком Юлия Цезаря и Пушкина.

Бельй находился в это время в Дорнахе (Швейцария), где принимал участие в строительстве Гетеанума — антропософского “храма искусств”. С ноября 1913 г. он уже вышел из состава редакция издательства, считая, что там существовал антиантропософский заговор (письмо Белого секретарю “Мусагета” от 9 ноября 1913 г.), и с осени того же 1913 г. прекратил всяческие отношения с Метнером, которые и так были подорваны неприятием им антропософской доктрины и разногласиями по поводу некоторых публикаций, направленных против Штейнера в мусагетовском альманахе “Труды и дни”.

В ноябре 1914 г. книга Метнера “Размышления о Гете” была прислана в Дорнах, и Бельй с ней ознакомился. Но если М. Шагинян считала, что “книга Метнера — первая у нас в России попытка серьезно разобрать Штейнера”, то Бельй воспринял ее публикацию как личную обиду. “Меня потряс тон книги: желчный, злой, нападательный, — напишет он в М а т е р и а л е к б и о г р а ф и и, — я видел, что первая книга в России о докторе Штейнере рисует доктора в ужасном, искаженном виде; и я понял, что оставлять такую книгу без ответа нельзя” (М и н у в ш е е. Вып. 8. С. 413). И Бельй приступает к “ответу”. Хронику работы над ним можно отчетливо проследить по его заметкам, сделанным им для биографии. *Ноябрь 1914*: “Я раздобываю все, написанное доктором о Гете, раздобываю тома Кюриперовского издания “Naturwissenschaftliche Schriften” Гете; принимаюсь изучать Гетев текст, примечания доктора, вводительные статьи и его книги, посвященные Гете (<...>). Легкомысленность книги Метнера меня начинает просто потрясать. Вместе с тем передо мною разворачивается впервые картина миром еще не понятого Гетева естествознания, и еще более меня потрясает углубленное взятие Гете доктором; я начинаю впервые понимать гетеанские корни антропософии и упираюсь в проблемы “философия антропософии” (С. 413—414). *Декабрь 1914*: “Я натякаюсь в его книге на ряд грубейших промахов и относительно понимания Гете; так он превратно толкует идею у Гете, грубейше смешивает учение о прото-типе с учением о прото-феномене (подробнее см. примеч. — И. Л.); (<...> решаю не только оборонить гетизм Штейнера от его наскоков, но и уничтожить метнеровское понимание Гете; знаю, что этого Метнер мне не простит никогда” (С. 416). *Январь 1915*: “Я теперь пристально разбираю книгу Метнера и готовлю эскизы для первых глав моей ответной книги” (С. 425). *Февраль 1915*: “Я погружен с утра и до вечера в мою работу: пишу книгу против Метнера, составляю регистр по различным вопросам методологии и теории знания из комментариев к Гетеву тексту доктора и из всех его высказываний о Гете; у меня уже имеется огромный материал против Метнера; связывая различные высказывания доктора воедино, я вынимаю из этих высказываний оригинальнейшие мысли; такой же регистр я составляю к книге Метнера; вооруженный этими регистрами, я начинаю писать; так пишется вводительная глава; пишется последняя глава, которую я впоследствии назвал “Приложение к книге”, по которой по первоначальному заданию должна была стать ядром книги; пишется глава, разбирающая методологию и теорию знания у Метнера и Штейнера; одновременно: я усиленно работаю над усвоением световой теории Гете и изучаю ретушь к ней Штейнера; работаю я без усталости — буквально с утра до ночи; работаю до двух часов ночи; и после не могу заснуть” (С. 426). *Март 1915*: “...писалась глава “Световая теория Гете”; она давалась мне особенно трудно; нужно

было пропустить через себя оба тома Гете; том теории и том "Geschichte der Farbenlehre"; далее надо было свести к единству сложнейший комментарий доктора; и внятно изложить книгу доктора "Goethes Weltanschauung" сквозь призму составившегося представления: "Световая теория в свете антропософии" (С. 432). Май 1915: "...я с особенным жаром принялся за окончательную обработку и переписку моей книги (...). Работа налаживалась; я отделял стиль и очень увлекался деталями текста" (С. 453). В июне книга Белого была закончена и передана для ознакомления Штейнеру. В августе 1915 года Белый пишет, что Штейнер одобрил его книгу и особенно выделил световую теорию: "Ваша световая теория очень хороша!" (С. 427).

По ходу работы Белый знакомил с отрывками из книги своих друзей, а также Метнера, переселившегося в начале Первой мировой войны в Цюрих и приезжающего иногда в Дорнах, в антропософскую общину, где жила многие бывшие сотрудницы "Мусагета".

Первоначально Метнер отнесся к полемическому настроению Белого вполне лояльно; в письме от 9 февраля 1915 г., признавая, что "нельзя отрицать возможность обсуждения идей, принципов, предпосылок, задач, целей — в отдельных областях науки и творчества", и даже пытался "наметить грядущие полемические (sachlich) недоразумения, которые, — пишет он Белому, — испортят Вашу интересную работу о моих "Размышлениях"; заканчивает он словами: "Обнимаю Вас" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 11. Л. 11—12). Но уже через несколько месяцев резкий тон книги и при этом настойчивое стремление Белого ("ради справедливости") опубликовать рукопись в издательстве "Мусагет", где вышла книга Метнера, а также вспыхнувшие старые обиды по поводу ухода Белого и других антропософов из издательства в трудное для него время, привели к окончательному разрыву их отношений. В последнем (неотправленном) письме Белому от 10 апреля 1915 г. Метнер, отделяя "принципиальный вопрос от коммерческого", подчеркивает, что не финансовые трудности военного времени мешают изданию "ответа" Белого в "Мусагете", но что справедливость "возможна (...)" только к своим, а не к чужим", и поэтому "нельзя и выходить с заявлением о непримиримости (...) и требовать во имя справедливости, чтобы офицерская вдова сама себя высекла" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 8).

Книга Белого была опубликована лишь спустя полтора года (в начале 1917 г.) в московском книгоиздательстве "Духовное знание", специализирующемся на выпуске теософской и антропософской литературы и принадлежащем "Русскому антропософскому обществу" в Москве. Сложная политическая обстановка в России, в которой происходила Февральская революция и которой было не до интеллектуальной полемики на страницах печати, заполненных отчетами о заседаниях в Государственной думе и партийными дискуссиями, тем не менее не помешала появиться нескольким, совсем маленьким, заметкам о вышедшей книге Белого.

Одна из них, принадлежащая известному публицисту Дмитрию Философову, называлась "Современный оккультизм" и задала тон дальнейшему восприятию книги Белого не по существу, но сквозь призму антропософского "оккультизма" (хотя Белый рассматривает здесь, в сущности, доантропософскую теорию познания Штейнера). Сам Белый упоминает лишь дважды в ироническом контексте — готовый подкрепить "знание" Штейнера "чуть ли не Риккертом и Когеном!" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 7. Ед. хр. 3).

Вторая рецензия, появившаяся в одном из февральских номеров "Биржевых новостей" и начинающаяся словами "Странная книга!", утверждала облик Белого

— "вовсе не творца (здесь я имею в виду, — пишет рецензент, — главным образом мыслителя, не поэта), ибо формы его носят насильственный, извне навязанный характер". "Страсть А. Белого к формулам, к схемам, к симметричным построениям, — продолжает рецензент, — стремление его к мелочной точности, мне кажется, зависит именно от аморфности его мышления, от неумения его ограничить себя, от внутренней аритмичности. Как выражение инстинкта самосохранения духа, лишённого строя и меры, возникает жажда искусственных, точно определенных граней, стремление к внешнему порядку, жадное искание точек опоры вовне; в мертвых логических конструкциях ищет Белый спасение от внутренней хаотичности".

Но если официальных откликов на книгу Белого было немного, положительных же не было и вовсе, то в неофициальных кругах московской интеллигенции, знакомых как с Метнером, так и с Белым, разразилась настоящая буря. Об этом свидетельствует активный обмен письмами непосредственных участников событий (Белого, Метнера, Эллиса, Ильина и др.), выдержки из которых в связи с их важностью для литературной оценки книги Белого мы здесь приводим.

Еще до выхода книги, в процессе знакомства с ее отрывками, Метнер утверждал, что если Белый посмеет ее опубликовать, то за него в Москве вступится философ Иван Александрович Ильин. И действительно, Ильин начинает очень активную борьбу не столько против книги, сколько против личности самого Белого. К книге прикрепляется ярлык "пасквиль", и в переписке между Метнером, Ильиным и Эллисом она по-другому не именуется. Желчный Ильин, "фанатик" (по определению Метнера), испытывал неприязнь к любым "символическим" и "антропософическим" поискам, к людям "мистического" склада. Когда, например, Эллис, отошедший от антропософии и увлекшийся католицизмом, пытался лично (в письмах) и через Метнера найти с ним точки соприкосновения в общей борьбе против "организованной анти-культуры штейнерианства" (письмо Ильину от 17 апреля 1917 г. // ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 67), Ильин остался непримирим. И в конце концов Метнер пишет Эллису 17 июля 1917 г.: "Я уже намекал Вам, а теперь должен Вам сказать прямо: Ильин относится к Вам и к Маризте Шагинян (выступивших против Белого. — *И. Л.*) так же отрицательно, как и к Вяч. Иванову и к Андр. Белому (разумеется, до пасквиля последнего). Ильин фанатик (...); Вы тоже фанатик; я не имею никакой надежды на то, чтобы Ильин признал Вас; самое большее, чего можно достичь, — это того, чтобы Ильин печатался в "Муссагете" несмотря на то, что Вы там тоже печтаетесь" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 15). Отношения рационалиста Метнера и Ильина, напротив, всегда были превосходными, неформальными и даже родственными (Ильин крестил ребенка Метнера), переписка их семейств не прерывалась. Поэтому, вероятно, скандал вокруг "пасквиля" Белого приобрел такой непримиримый характер.

6 февраля 1917 г. Ильин пишет "Открытое письмо Бугаеву", в котором утверждает свою позицию: "С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, вышущенную вами (повсюду с маленькой буквы. — *И. Л.*) против Эмилия Карловича Метнера". Основные упреки Ильина — нравственного свойства ("книга ваша есть явление постыдное") и касаются главным образом тона книги, оскорбляющего "духовный облик" Метнера. Штейнер Ильина не интересует, а по поводу интерпретации Белым Гете он замечает: "Новое произведение ваше, столь недвусмысленно освещающее вас и всю вашу литературную деятельность, не дает и не может дать никаких оснований для того, чтобы подойти к вопросу о понимании Гете по существу. (...) Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквиалем, и мы примем его как зрелый итог вашей жизни. Он свидетельствует о себе как порождение

личной злобы и бессильного отчаяния. (...) Будьте уверены, что я не узнаю вас в лицо и не подам вам руки при встрече" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 16).

9 февраля он отправляет это письмо Белому и уже 10 февраля сообщает Метнеру, что к "делу" он подошел основательно: "Это письмо было мною предварительно обсуждено с адвокатом, в предвидении дальнейших правовых последствий. В наступления их сомневаясь: слишком велика была бы блажа для него. От третейского же суда есть и намерен открыто уклониться, ибо свой акт рассматриваю не как частно-правовой, а как публично-правовой, то есть как акт уголовной морали" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 16).

Метнер отвечает Ильину 17 апреля 1917 г., что он вполне согласен с текстом письма и вовсе не находит его чересчур резким. "Только теперь мне вполне ясно все бесстыдство А. Б.", — замечает оскорбленный Метнер, отправляет копию письма в Дорнах ("чтобы дать понять антропософам невозможность моих дальнейших сношений с ними") и предлагает Ильину "и далее, в частных разговорах, продолжить борьбу в Москве" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 9).

Вслед за Ильиным Эллис также пишет 7 апреля 1917 г. открытое письмо "Ко всем сотрудникам "Мусагета" (и "Трудов и дней"), в котором поддерживает "рыцарски благородный дух" письма Ильина и подчеркивает, что затронут "общий вопрос этики, чести и границ литературных приличий". Эллис предлагает "выразить свой недвусмысленный протест против пасквиля г. Бугаева внесенном своих фамилий в этот лист", правда, оказывается, что "протест" Эллиса направлен не столько против "неслыханного в летописях русской литературы (...) оскорбления Э. К. Метнера", сколько против его нынешнего врага — "темных и разрушительных сил" антропософии, "игрушкой" которых оказался г. Бугаев (ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 69). В частном же письме к секретарю "Мусагета" Викентию Викентьевичу Пашуканису он предлагает убедить Белого изъять из продажи свой пасквиль, что было бы не трудно, считает Эллис, если собрать максимум подписей под письмом Ильина: "Отказ Белого от пасквиля и изъятие его из книжного рынка создало бы для Белого возможность здрав, объективно взглянуть на книгу Э. Мет(нера) и ее автора и раскаться душевно в новом его пути падения. Только так возможно было бы для него освободиться от кошмара и бесовщины Дорнаха" (ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 68. Л. 3).

Реакция на действия Ильина и Эллиса была не столь однозначной, как могло бы показаться на первый взгляд. Мусагетцы-антропософы стали защищать позицию Белого. А Киселев — член редакции — даже назвал Ильина "хулиганом" и "вышиб" его из "Мусагета", о чем сообщает Метнер (находящийся в Цюрихе как бы "над схваткой", но тем не менее осведомленный обо всех обстоятельствах "борьбы") в письмо Эллису от 17 июля 1917 г. и предлагает Киселеву уйти в отставку. Евг. Трубецкой также не был настроен слишком воинственно и пытался убедить Ильина, что в Белом есть сознание вины за свою книгу. Напротив, "когда Ильин оцетинялся и стал укорять Трубецкого за недостаток возмущения Белым, то тот в свою очередь изумился, чего так кипятится Ильин, ибо Белый не более как безвредный кликуша", — сообщает Метнер подробности московской жизни в том же письме к Эллису. И далее: "Морозова сказала, что к книге Белого все отнеслись отрицательно, но не серьезно, а как к выходке истеричного человека. Испугалась за Белого, которого Ильин, пользующийся всеобщим вниманием и уважением, мог уничтожить своим метким прицелом. Трубецкой тоже будто на моей стороне (Метнер вновь возвращается к Трубецкому, от которого, вероятно, ожидалась более активная поддержка, ведь ему Ильин передал одному из первых свое открытое письмо. — И. Л.), ни в грош не

ставит Белого в, оказывается, очень волновался по поводу этой истории" (О Р Р Г Б. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 15). Сквозь, конечно же, пристрастные пояснения Метнера можно увидеть, что среди московской интеллигенции не было единодушного "отращения" к Белому, на чем настаивал Ильин.

В одном из писем Метнер свое официальное "молчание" объяснял тем, что он "не способен протестовать соборно с другими": "Мой протест должен вылиться в совершенно индивидуальную форму, и сделано это должно быть не в форме короткого письма, а в виде основательной статьи. Но написать такую я в настоящее время совершенно не способен. (...) Дело в том, что весь мой теперешний образ мысли и все мое самочувствие таковы, что мне крайне трудно заниматься полемикой, которая связана со Штейнером, Андр. Бел(ым) и т. д. Слишком много тут личных подголосков" (О Р Р Г Б. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 15). Позже Метнер приступает к написанию своеобразного "(контр)ответа на книгу Белого", составившего 326 машинописных страниц, где он скрупулезно (по главам, предложениям и словам) разбирает и высмеивает все "промахи" Белого по своему поводу и, как бы рикошетом ударяя по Белому, не скупится на (контр)определения "мыслителя" Штейнера, как "моллюска", который "бывает похож и на попугая" (О Р Р Г Б. Ф. 167. К. 12. Ед. хр. 4, 5, 6. Л. 12), а его учения, как "просто пасмурного скудоумия и дурно скрываемой оскомины угрюмой мысли" (Л. 39). "Памфлет А. Б-го, — делает вывод Метнер, — можно понять только как месть" и досаду, "что не удалось пристроить антропософию в "Мусагете" (Л. 256, 257).

Таким образом, бросив лишь беглый взгляд на полемику вокруг "Рудольфа Штейнера и Гете", можно отчетливо увидеть, что в восприятии этой книги было много личных и побочных мотивов. Остается сказать вместе с рецензентом уже упоминавшейся заметки в "Биржевых ведомостях" по поводу книги Метнера "Размышления о Гете", "не имеющей вовсе (...) того значения, которое придает ей А. Б. (...): по-видимому, автор прав: Э. К. не понял Штейнера. Но разве это так важно?" (О Р Р Г Б. Ф. 25. К. 37. Ед. хр. 5). И тогда, оставив в стороне старые литературные "обиды", необходимо взглянуть уже непосредственно по существу на исследование Белого, оценить его своеобразный подход к натурфилософии Гете, стремление обосновать и дополнить теорию символизма положениями учения Штейнера, попытку создать целостную систему философского и научного знания и тем самым найти этой книге подобающее место в контексте русской культуры.

Поскольку произведение Белого создано по конкретному поводу — "ответ" Метнеру и "защита" Штейнера — и предполагает знакомство хотя бы с основными положениями их понимания "предмета" (натурфилософия и эстетика Гете), мы посчитали нужным в ряде случаев дополнить комментарии цитатами из книги Метнера "Размышления о Гете", которая давно уже стала библиографической редкостью, и выдержками из вступительных статей Штейнера к четырем томам "Естественно-научных сочинений" Гете, не публиковавшихся на русском языке.

Для более объемного изображения своеобразного "антропософского символизма" Белого и его неразрывной связи с культурным, и особенно философским, контекстом эпохи русского "серебряного века" комментарии подкреплены ссылками и выдержками из тех публикаций, мимо которых Белый несомненно не мог пройти, но которые часто недоступны современным читателям, в том числе из отдельных теоретических статей самого Белого — как "до-антропософского", так "антропософского" периода.

Книга печатается по единственному изданию: Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. М.: Духовное знание, 1917.

¹ "Мусает" (греч.: предводитель муз) — московское книгоиздательство символистов (1910—1917), организованное Э. К. Метнером при участии Андрея Белого, Эллы и Вяч. Иванова; имело преимущественно германофильскую ориентацию. "Мусает" также выпускал русское издание философского неокантианского журнала "Логос" (1910—1914) и культурно-эстетический альманах "Труды и дни" (1912—1916), с постоянными рубриками "Вагнериана" и "Гетеана".

² Дружба Белого и Метнера продолжалась более десяти лет (с осени 1902 г. до окончательного разрыва весной 1915 г.). Белый вспоминает: "Моя беседа и переписка с Метнером до начала недоразумений с ним не имела перерыва; прощаясь, мы как бы говорили друг другу: продолжение следует; встречаясь, продолжали неоконченную фразу нашего речитатива. Нескончаемый разговор — о культуре Канта, Гете, Бетховена, Вагнера..." (Начало века. С. 100). Многолетний друг Белого Маргарита Кирилловна Морозова оценивает их взаимоотношения более спокойно. "Между Метнером и Бугаевым, — вспоминает она, — было глубокое внутреннее расхождение, которого они, увлекаясь друг другом, не замечали и не думали, что оно должно, при близком соприкосновении, скоро обнаружиться. Метнер — западник, по характеру — немец, любящий порядок и определенность во всем, очень прямолинейный, не умеющий приспособляться к людям, страдал от каждого казавшегося ему нелогичным поступка Бугаева. А Бугаев, насквозь русский, эмоциональный, мягкий, увлекающийся, живущий в своем мире фантазии, мало чувствовал реальность жизни и если с ней сталкивался, то страдал и бунтовал (Воспоминания о Белом. С. 43).

Поводом к настоящему конфликту послужило их различное отношение к учению Штейнера — скептическое у Метнера и восторженное у Белого. В письме Морозовой (вторая декада 1912 г.) из Базеля, где он вместе с Метнером слушал лекции Штейнера, Белый подчеркивает: "Все я прощу Э. К. Метнеру из великой любви к нему, но прощу одного: я думал, что он с тонким вкусом, а он был на лекции Штейнера — ничего не увидел, ничего не услышал. Значит, все, о чем мы говорили эти 10 лет, в чем соглашались, в чем условились — одно сплошное недоразумение, и мы говорили о совсем, совсем разных вещах. Ибо для меня Штейнер — безмерное углубление полусознательных моих грез, меня самого. За что меня любил Эмилий Карлович, не знаю, ибо то, что он во мне любил, — это вот (только в миллион раз сильнее) осуществлялось. Осуществление — Штейнер. Если он над Штейнером глумится, то для меня это значит: он не глумится над моим только потому, что мое говорило намеком, и он в мое вложил свой, мне чуждый, мне далекий смысл" (Н. П. О. 1994. № 9. С. 138—140).

³ Штейнер был редактором, комментатором и автором вступительных статей к "Естественно-научным трудам" Гете (1884—1897), которые составили 33—36 тт. т. наз. Кюршнеровского собрания сочинений Гете (*Goethe J. W. Naturwissenschaftliche Schriften. Hrsg. von R. Steiner. Bd. I—IV. Berlin u. Stuttgart, o. j.*).

⁴ Теория познания, которая позже ляжет в основу антропософской доктрины, создается Штейнером одновременно с изучением естественно-научного наследия Гете; более того, свой подход к пониманию природы Штейнер обосновывает именно гетевским "чувственно-сверхчувственным" методом познания. Антропософия (духовная наука, тайноведение) является, с точки зрения Штейнера, переходным звеном от обычных методов естествознания, опирающегося только на внешние чувства,

к методам "духовного" исследования природы на основе "сверхчувственных" восприятий.

⁴ Контаминация из названий двух сочинений: "Веселая наука" Фридриха Ницше (1882) и "Философия свободы" Штейнера (1894). Бельгий имеет в виду идеал современного теоретического знания, которое должно соединить в себе принципы филосоfovования Ницше и Штейнера.

⁵ *In statu nascendi* (лат.) — в состоянии зарождения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВВЕДЕНИЕ

¹ В основу книги Фридриха Ницше "Рождение трагедии из духа музыки" (1872) были положены два доклада, прочитанные им в Базельском Музее (18.01.1870: "Греческая музыкальная драма"; 1.02.1870: "Сократ и трагедия"), и курс лекций по эстетике греческой трагедии, который Ницше, назначенный профессором в марте 1870 г., читал в Базельском университете.

² Неточная цит. из стих. "Осень" (1837).

³ Р. Штейнер. "Мировоззрение Гете" (1897).

⁴ Для противопоставления творческой манеры Штейнера и Метнера Бельгий использует эстетические категории Ницше: они соотносятся так же, как доричское искусство, воплощающее аполлоновское начало творчества (величественную простоту, гармонию, ритм и пластику, здесь: Штейнер), и музыка "дионисического безумства" и чрезмерности, где чередуются "блаженный восторг" и стоны. Подобная характеристика Метнера, хотя и музыкального критика, глубоко чувствующего музыкальные "бездны" Вагнера, но все-таки человека рационального, является полемическим (дионисическим!) преувеличением автора.

⁵ Речь идет о сочинениях Штейнера "Мировоззрение Гете" (1897) и "Гете как родоначальник новой эстетики" (опубл. лекция 9 ноября 1888 г.).

⁶ "Esse homo" — название эссе Ницше.

⁷ "В сущности, я применил правило Стендаля; он советует обозначить свое вступление в общество дуэлью" (нем.) (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. II. С. 734). Эти слова Стендаля Ницше в свою очередь заимствует из предисловия Проспера Мериме к книге: *Stendal. Correspondance inédite*. Paris, 1855. P. IX.

⁸ Метнер, имея в виду специфику натурфилософии Гете, называл его "природовозрителем"; в основе этой характеристики — письмо Гете Шиллеру от 28.06.1798, где тот по поводу одной книги о магнетических явлениях пишет, что он снова заглянул в мастерскую натурфилософа (*Naturphilosoph*) и естественспытателя (*Naturforscher*) и вновь нашел опору самому себе в качестве природовозрителя (*Naturshauer*). Слово "наивный" употребляется Метнером в том смысле, который ему придал Шиллер в статье "О наивной и сентиментальной поэзии" (1795), противопоставляя "наивную" поэзию непосредственного чувства и упоминая в этой связи Гете, поэзию рациональной и "рефлексирующей".

⁹ *Franç-tireur* (фр.) — вольный стрелок.

¹⁰ Речь идет о прозаических афоризмах Гете на тему философии, искусства, политики и науки. В современных изданиях эта часть гетеевского наследия публикуется в разделе "Максимумы и размышления" ("*Maximen und Reflexionen*").

¹¹ Р. Штейнер. "Очерк теории познания гетеевского мировоззрения — составленный, принимая во внимание Шиллера" (1886). Рус. изд. 1993.

¹² В письме Белому от 9 февраля 1915 г. Метнер сообщает по поводу использования комментариев Штейнера в своей книге: "Издание Kügschner'a (<...>) было у меня в руках только в Дрездене. Я "удосужился" однажды прочесть их, но убедился, что принять во внимание (<...>) этот комментарий — значило бы донельзя усложнить мою работу, несколько не делая ее в то же время более основательной" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 11. Л. 12).

¹³ Ad infinitum (*лат.*) — до бесконечности.

¹⁴ Цит. из поэмы "Медный всадник". Часть 2 (1833).

¹⁵ Esse homo! (*лат.*) — се человек!

¹⁶ Более принятое обозначение "хроматика", или "учение о цвете" (по названию основного гетевского труда по оптике), где Гете рассматривает свет и проявление цветности в связи с морфологией "живого" глаза, т. е. как физиологическое явление, а не "мертвый" физический феномен — предмет оптики Ньютона. Хотя Гете, опираясь на свою хроматику, сделал ряд важных частных открытий (первый заметил фосфоресценцию боловского шпата, исследовал явления поляризации света и придумал несколько приборов для его наблюдения, фактически создал новую науку — физиологическую оптику), его теория встретила резко отрицательное отношение современных ему физиков, да и в дальнейшем оценивалась как научные изыскания "поэта" (=дилетанта). Некоторые крупные физики XX в. рассматривают обе оптики — Ньютона и Гете — как дополняющие друг друга подходы к изучению цвета. В частности, В. Гейзенберг проводит мысль о том, что эти учения, возможно, "имеют дело с двумя совершенно различными сторонами действительности". Развитие физики, считает Гейзенберг, "убеждает нас в том, что борьба Гете против физической теории цвета должна быть в настоящее время продолжена на более широком фронте" (*Гейзенберг В. Учение Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Философские вопросы атомной физики. М., 1953. С. 65*).

¹⁷ Органика — учение Гете о происхождении и строении "живых" организмов (корпус его работ по ботанике, зоологии, анатомии), в основу которого положены оригинальные гетевские идеи о сущности организма. В этой сфере, как и в хроматике, он также добился значительных успехов: открыл межчелюстную кость у человека, создал позвоночную теорию черепа, основал новую науку и придумал ей название: морфологии животных и т. д. Органические идеи Гете получили значительно большее признание, чем его учение о цвете, но часто толковались с точки зрения дарвинизма. Штейнер, пожалуй, был одним из первых, кто глубоко изучал и объяснял органические труды Гете.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В КРУГЕ НАШИХ ВОЗЗРЕНИЙ

¹ Речь идет о Первой мировой войне, которая переживалась всеми образованными слоями общества как мировая катастрофа, уничтожившая целостность европейской культуры. В 1926 г. Белый охарактеризует это время как "кризис самой истории", "ощущение висения над бездной": "Все наши времяизмерители остановились; и стрелки их указывают на все тот же пункт времени, пункт, в котором часы сломались: "1914 год. Мировая война": то, что было "до", — объяснимо во времени; то, что после, — необъяснимо; прошло уже с того рокового момента 12 лет; а единственное объяснение нами пережитого — не объясняющая ничего "констатация": Мировая катастрофа, большевики, гибель России, Европы и т. д." (*История души и с. 65*).

¹Александр Михайлович Добролюбов — русский поэт-символист; пережил духовный кризис: оставив филологический факультет Московского университета, стал послушником в Соловецком монастыре, странником и религиозным проповедником, а в начале 1900-х годов основал в Поволжье религиозную секту "добролюбовцев". Его творческий путь — от сборника "декадентских" стихотворений "Natura naturans. Natura naturata" (1895) до проповеди покаяния и любви ко всем живым тварям и стихиям "Из книги Невидимой" (1905). "Уход" Добролюбова "в народ" оказал большое влияние на Льва Николаевича Толстого как наглядный способ решения разлада "между проповедью и способом существования" (см. запись Толстого в "Дневнике" от 20 июля 1907 г. // *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 47. С. 382—383*).

Образы Добролюбова и Толстого нужны Белому-символисту для подкрепления его излюбленной мысли о том, что "последние цели творчества не коренятся в творческих формах искусства; они коренятся в жизни" и что "будущее в литературе — это формы религиозных целей" (Настоящее и будущее русской литературы // *Символизм. С. 346*). "Опущение" Толстого и религиозный аскетизм Добролюбова, породившие движение их последователей — "толстовцев" и "добролюбовцев" и одновременно "новое" искусство — нравственно-религиозную "Азбуку", упоминаемую здесь, и проповедь "Из книги Невидимой" Добролюбова, являются для Белого примерами символистского "жизнетворчества" или "конкретной словесности" — слова, воплощенного в действие (выражение образовано по аналогии с философским понятием "конкретный идеализм" и эстетическим "конкретный символизм"). Такой же "конкретной словесностью" становится, с точки зрения Белого, учение Штейнера.

¹Речь идет о "событиях" XX в. — эпохи, имеющей важное значение в историко-культурной концепции Белого, эпохи переломного времени, когда "кризис сознания", необходимый для последующего возрождения души, "отпечатывается" вовне и становится "кризисом жизни" (см. об этом в *Истории души*). Перечисленные выше имена художников объединяются Белым именно в связи с ярким проявлением в их творчестве "кризиса сознания". Герои Ибсена выразили "все стадии разлада между созерцанием и волей", между обществом и личностью (Кризис сознания и Генрик Ибсен // *Символизм. С. 216*). Персонажи романов Достоевского пережили в себе "двойника" — свою страсть, "грозящую сбросить сознание "Я" вверх пятками в разверстую бездну..." (*История души. С. 569*). Ницше же и В. Соловьев, которых Белый зачастую сближает, символизируют здесь не просто художников, отразивших "кризис сознания" и эпоху наступления "кризиса жизни", а предвестников прихода Нового Человека, "творцов жизни". В статье "Символизм как миропонимание" Белый пишет, что "Ницше выдвигает целью исторической эволюции проявление *всеединой личности, сверхчеловека* (в Заратустре и героях Древней Греции. — *И. Л.*). *Вопрос эсэ о проявлении в личности всеединого духа указывает истории путь к богочеловечеству*", которое прозрел Соловьев (*Символизм. С. 245*). Приблизительно подобные же задачи Белый ставит и перед антропософией, т. е. следующим в этом же ряду как бы подразумевается Штейнер. В письме к М. К. Морозовой (первая декада сентября 1912 г.), в котором также речь идет о "кризисе сознания" и наступлении "хаоса", "кризиса жизни", он пишет: "Учиться нам всем надо" <...> Учителем мог быть Вл. Соловьев, Его нет с нами: он помощник Невидимого <...>. Кроме ушедшего от нас Соловьева учиться в России не у кого <...> В Штейнере мы встретили то, что искали, то, что искал я всю жизнь: это человек безмерного духовного опыта..." (*НЛО. 1994. № 9. С. 128—129*).

⁴ За время своей антропософской деятельности Штейнер прочитал более 6 тыс. лекций по всей Европе (В Полном собр. соч. Штейнера лекции составляют ок. 350 т.).

⁵ В узком смысле "теософия" — это религиозно-мистическое учение русской писательницы Елены Петровны Блаватской, объединившее восточные и западные оккультно-эзотерические учения. Белый, как и Штейнер, пользуется термином "теософия" в широком смысле для обозначения знания о сверхчувственном мире вообще. "Когда говорят "теософия", — поясняет Белый в цитированном выше письме к Морозовой, — разумеют Блаватскую, необуддизм и т. д. Но Штейнер теософ потому, что он толкует теософию не в смысле партийного движения в кавычках, а в прямом смысле, в смысле "Божественной Мудрости" (греч.: theosophia восходит к theos — Бог и sophia — мудрость. — И. Л.)" (Н Л О. 1994. № 9. С. 134).

⁶ Ср. высказывание Гете от 26.09.1807: "Во все времена только индивидуумы работали для науки, а не эпоха. Это эпоха поднесла чашу с ядом Сократу; эпоха сожгла Гуса; эпохи оставались всегда тождественными себе" (Riemer F. W. Mitteilungen über Goethe. 2 Bde. Berlin, 1841).

⁷ Философская система Штейнера предполагает наличие познаваемой объективной действительности, состоящей как бы из двух слоев: чувственного опытного мира, постигаемого рассудком, и сверхчувственного мира ("данность", "чистый опыт"), познаваемого разумом как "идея".

⁸ В антропософском учении Штейнера Люцифер и Ариман обозначают два различных пути демонического соблазна, которые угрожают личности в ее стремлении к самопознанию: Люцифер — дух гордыни и "человекобожеского" начала (пустой блеск знаний ради самих себя), Ариман — дух разложения и хаоса (жажда материальных ценностей), т. е. пустая форма и бесформенное содержание.

⁹ Штейнер определяет свое мировоззрение как монистическое. В "Философии свободы" (1893) он по этому поводу замечает: "Целостное объяснение мира, или разумеемый здесь монизм, берет принципы, которыми он пользуется для объяснения мира, у человеческого опыта". Поскольку же "опыт" предполагает многообразие "ощущений" (в зависимости от рассматриваемой области действительности), то он требует плюрализма методов объяснения (Ф и л о с о ф и я с в о б о д ы. С. 144, 157).

¹⁰ В оригинальном понимании антропософии как "градации моно-дуо-плюральных эмблем" Белый соединяет мировоззренческую установку Штейнера и собственную идею градации, сформулированную им ранее, в статье "Эмблематика смысла" (1909). Он толкует "монос" как "ритм градаций", как "текущее множество, ритмизируемое идеей" (С. 134 наст. изд.). Монизм Штейнера в интерпретации Белого становится "живым" моно-дуо-плюрализмом, "конкретным монизмом" (конкретным идеализмом), что для него равнозначно понятию "символизм" (см., напр.: Почему я стал символистом // С и м в о л и з м. С. 491—492).

¹¹ Белый намечает разграничение важных в его философско-эстетической системе категорий — "градация" и "синтез", которые предполагают некое соединение смыслов (далее к ним прибавится понятие символа). В "градации" Белый видит "философию будущего", сущность которой он раскрывает подробнее в статье "С в е т о в а я г р а д а ц и я Г е т е", где, в частности, отмечает: "градация sui generis диалектика смыслов, ведущая к нарастанию смысла (<...>); чистый смысл не адекватен в ней постановке вопросов о смысле. Градация не есть синтез. В синтезе механически полагаем мы к смыслу смысл; синтез есть со-положение, сложение смыслов (<...>".

...соложение статично, оно — проекция текущего бега и жестикующия смыслов; градация и есть этот бег: не синтез — градация, а зотерика синтеза..." (Л. 2).

¹³Оккультизм (представление о реальном влиянии на человека сверхъестественных сил), зачастую вызывающий настороженность в образованных слоях общества, являлся неотъемлемой частью антропософской доктрины, которая учила, что любой человек может овладеть практическими методами "познания" сверхъестественных ("высших", "духовных") "миров". В упоминавшемся выше письме к Морозовой Белый уговаривает ее "не бояться этого жупела "оккультизм": "оккультный" — значит тайный, вот и все (лат.: occultus — "тайный, скрытый". — И. Л.); что события мировой истории подготавливаются тайными силами (черными и белыми), это мы знаем" (Н Л О. 1994. № 9. С. 134).

¹³Медитация (лат.: meditor — "размышляю", "обдумываю"), т. е. состояние углубленной сосредоточенности, является в антропософии важнейшим методом "оккультного воспитания" духовных способностей и познания сверхъестественной реальности; включает в себя элементы йоги, особые психические и дыхательные упражнения.

¹⁴Метаморфоза растений — часть органического учения Гете (его ботаника), систематизированная в работе "Опыт объяснения метаморфозы растений" (1790) и стихотворении "Метаморфоза растений" (1798); основу учения составляет понятие прарастения (Urpflanze) и его метаморфозы: "скрытое родство различных наружных частей растения (...) и действие, посредством которого один и тот же орган представляется нам в различных видоизменениях, мы назвали метаморфозой растений" (Опыт объяснения метаморфозы растений. Введение. § 4 // Goethes Werke. Bd. 12. S. 206—207); в качестве прарастения Гете рассматривал "лист".

¹⁴Учение о типе — одна из частей органического учения Гете (его остеология). Проблеме типа посвящены несколько работ Гете: "Опыт о форме тела животных" (1790), "Первый набросок общего введения в сравнительную анатомию, исходящую из остеологии" (1795), "Лекция по первым трем главам наброска общего введения в сравнительную анатомию" (1795); в стихотворении "Метаморфоза животных" (1806) эти идеи изложены в популярной форме. Гете предполагает установить "анатомический тип, общий образ, в котором содержались бы потенциально формы всех животных (...), ни одно отдельное животное не может быть выставлено в качестве такого сравнительного канона: ничто единичное не может быть образцом для целого" (первый набросок общего введения в сравнительную анатомию, глава: О типе). Проблему типа Гете исследует на скелете животных, считая его основной животной формой (как лист — основа метаморфозы растений).

Тип и метаморфоза, с точки зрения Гете, являются двумя формами одного и того же закона, по которому построены все органические (живые) существа, закон формирования "живого целого" как "чувственно-сверхъестественного" образования.

¹⁶Штейнер вслед за Гете также интерпретирует тип и метаморфозу как некий "праорганизм" (прарастение и праживотное), который не является ни простейшим реальным существом, ни абстрактной идеальной схемой, но образом (первообразом), нерасчленимой реально-идеальной целостностью, "видимой" идей. Комментируя естественно-научные сочинения Гете, Штейнер пытается понять организм, вычленивая его сущность как принцип "энтелехии", особой формообразующей силы, которая "соответствует чисто органическому в организме" и которая является гетевским "типом". "В типе, — пишет Штейнер, — идеальное и реальное стало единым, многообразие может быть объяснено только как исходящее из единой точки целого,

тождественного с ним <...>. Тип, обусловленный самим собою, обладает возможностью принимать бесконечно разнообразные формы, вступая в область явлений; именно формы (Gestalt) — объект нашего чувственного восприятия, они — роды и виды организмов, живущих в пространстве и времени. Наш дух, постигая эту общую идею, тип, объемлет все царство организмов в его единстве (Über das Wesen und die Bedeutung von Goethes Schriften über organische Bildung // Einleitungen. S. 84, 87, 102). Но поскольку организм всегда изнутри преобразуется, превращается, претерпевает метаморфозы, "органическое существо может быть понято только в своем становлении, в своем развитии" (S. 89).

¹⁷ Штейнеровская "чувственно-сверхчувственная" реальность построена по аналогии с "органическим царством" Гете; при этом Штейнер расширяет и детально разрабатывает гетеевское понятие "имагинация" — воображения (ср.: лат.: imago — образ), которое, в связи с тем что для Гете организм и произведение искусства построены по одинаковому "органическому" закону, он сам использует для обозначения продуктивной творческой силы: Бога, сотворившего жизнь, и художника, создавшего артефакт. В форме "die Imagination" Гете заимствует (и секуляризирует) это понятие, вероятнее всего, у Парацельса, знаменитого немецкого мистика-натурфилософа XVI в., которого он специально изучает и для которого "воображение" является магическим посредником между мыслью и бытием, воплощением идеи в образе и "явлением" ее в природе (Бог творит мир в "воображении", являя вовне свою волю). "Imaginatio, — пишет Парацельс, — подтверждается и свершается чрез веру... из него следует, что Imaginatio порождает, делает и дает Spiritum... Фантазия не есть Imaginatio, по краеугольный камень глупцов" (Th. Paracelsus. Ein ander Erklärung der gesammten Astronomie // Paracelsus. Bücher und Schriften. Hrg. Huser: 10 Th. Basel, 1590. Th. 10. S. 474—475). Таким образом, не просто фантазия, но именно имагинация (волевое творческое усилие) позволяет "явить" дух.

Штейнер определяет высшие ступени познания "духовных миров" как имагинацию, инспирацию и интуицию. Имагинация — погружение в реальность разрозненных "символических" образов (Штейнер называет их "духовными существами"); инспирация — понимание внутренней взаимосвязи этих образов (изучение "жизни" этих существ); интуиция — познание сущности, "смысла" образа, слияние с ним воедино (соединение с внутренним миром такого существа, а по сути — превращение в участника жизни "духовного" мира).

¹⁸ Непосредственное познание идеального объекта, не требующее разложения на рассудочные понятия.

¹⁹ В Истории души Белый пишет, что "познание есть конструкция <...>, и в этом его смысл; это смысл эстетический, а не рассудочно-теоретический; идея в этом смысле Эйдоя: образование <...>; и в этой значимости своей познание фигурно, имагинативно; понятие "образ" не имеет здесь уже ни первично-мифического смысла, ни позднейшего чувственного <...>, образ в первично-логическом смысле — первично данная мне фигура смысловой целостности" (С. 671). Поэтому Белый ставит перед науками, имеющими дело с языком (шире — "словом"), отнюдь не эстетические, а "эмблематические" задачи.

²⁰ Понятие "смысл" в философско-эстетической системе Белого отличается от общепринятого: это не понятийный, научно-познавательный смысл, но некая связь отдельных смыслов (как "метаморфоза" или "градация"); действительно, подобно понятию "смысл" не имеет плана выражения, он "безобразен".

¹¹ Над романом "Петербург" Белый работал с октября 1911 г. по ноябрь 1913 г. Об истории создания произв. см.: Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого "Петербург" // *Белый Андрей*. Петербург. Л., 1981.

¹² Сублиминальное пространство в антропософии обозначает "порог сознания" — пограничную область, где происходит столкновение бессознательного и сознательного начал в человеке; здесь это метафора преобразования "бессвязных" дискретных понятий в целостное, интуитивно-образное "мышление".

¹³ Имеется в виду наука вообще как точное или опытное знание о мире (естествознание, математика и др.).

¹⁴ Речь идет об утверждении Канта, которое он доказывает в "Критике чистого разума" (1781), что достоверное научное знание имеется только в математике или естествознании, а философия, изучающая "идеи" (понятия разума), как точная наука — невозможна. Значит, с этой точки зрения, и "духовная наука", в основе которой также лежат "идеи" (понятия антропософски), не имеет смысла.

¹⁵ Аберрация (лат. aberrare — отклоняться, заблуждаться) — научный термин, применяемый в оптике, астрономии, биологии и означающий искаженное изображение.

¹⁶ Штейнер называет свое учение "наукой о духе" (Geisteswissenschaft), так как его основу составляет "опытное" познание, но это познание особого "чистого" опыта — формы действительности, где мышление (здесь: дух) является фактом опыта. В Очерке теории познания он рассматривает "опыт" в двух "отношениях": "Во-первых, поскольку вся действительность вне мышления имеет форму явления, которая должна выступать в форме опыта. Во-вторых, поскольку в природе нашего духа, сущность которого ведь состоит в созерцании (т. е. деятельности, направленной наружу), заложено то, что подлежащие наблюдению предметы вступают в поле его зрения, т. е. опять-таки даются ему путем опыта (...), истинное содержание науки есть вообще не восприимчивая внешняя материя, а в духе постигнутая идея (= преобразованный чистый опыт. — И. Л.) (С. 23, 54).

¹⁷ То, что Белый называет "теорией объяснений" Штейнера, на самом деле представляет собой самостоятельное построение Белого: "...составив цитаты, я вынул меж них гнездящуюся стройную теорию объяснения, принадлежащую отчасти и мне в том отношении, что сам-то доктор о ней не говорил нигде, как не говорил он о многом, что он нам подарил в материалах своих текстов" (Материал к биографии // Минуишнее. Вып. 9. С. 428).

¹⁸ Удачное определение "науке о духе" дал Эллис в эпоху своего увлечения доктриной Штейнера: "Этим термином точно определяется то течение в современном германском оккультизме, которое исходит из требования изучать явления сверхъестественного мира строго научно и предполагает метод объективного самосознания, т. е. созерцания высшего мира через свое высшее "Я", неизменное и нетленное начало в духовном человеке" (Эллис. "Парсифаль" Рихарда Вагнера // Труды и дни. 1913. № 1—2. С. 38).

¹⁹ Этимология слова "теория", как считает А. Ф. Лосев, "указывает на thea, что значит "зрелище", и на глагол theo, что значит "смотрю" или "вижу" (...). Слово "theoria" представляет собою такое состояние сознания, которое имеет своим предметом организованную, оформленную действительность и которое аналитически-синтетически конструирует эту действительность на основе непосредственного видения или созерцания". У Платона так можно "созерцать" "всюкую сущность" (Лосев А. Ф.

История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. М., 1969. С. 458, 462, 463). Учитывая то, что для Платона "сущность" принадлежит идеальному миру, а также то, что слова *thea* и *theós* (Бог) фонетически близки, можно объяснить не вполне корректное определение Бельим "фонетического" (этимологического) смысла слова как "лицезрение божества".

Подобную же двузначность слова "теория", о которой идет речь в данном контексте (смыслы фонетический и критический), Бельий отмечал и в статье "Эмблематика смысла" (1909): "...чем должна быть теория: должна ли она выводить из единого познавательного принципа условия возможности опыта, или она должна описывать внутренне переживаемый необходимо вложенный в нас процесс построения всевозможных теорий? В таком случае теория должна сохранить смысл, заключенный в греческом слове, которым мы пользуемся: она должна быть божественным (*theós*) видением (*oíaó*)" (Символизм. С. 80).

³⁰ По происхождению слово "синтез" связано с греческим глаголом "складывать, соединять, связывать", т. е. его "чистый" смысл не предполагает, с точки зрения Белого, абсолютного слияния, но лишь количественное "соположение". Он считает, "...что понятия "синтез" и "рассудочный синтез" — тавтология" (Почему я стал символистом // Символизм. С. 455). В противоположном смысле оно употребляется в критической философии Канта: "Под синтезом в самом широком смысле я разумею присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в *видимом* (выделено мной. — И. Л.) знания" (Критика чистого разума. С. 85). Современное научно-теоретическое знание использует в основном "критическое" значение слова "синтез".

³¹ Для Белого это положение имеет принципиальное значение. Он возвратится к нему в работе "Почему я стал символистом", чтобы подробно охарактеризовать своеобразие собственной "символической" гносеологии и ее отличие от "синтетизма". Символизм (от греч. *symbollo* — сбрасывать в одно место, сливать, соединять) — конкретен и абсолютен как качественно-количественное единство, "синтетизм в теоретическом вскрытии есть рационализм" (Символизм. С. 439). "Альфой и омегой" своего "конкретного мировоззрения" символиста Бельий называет тезис: "...мировоззрения — узки; они методы; их много; синтез же их — пуст, потому что синтетическое единство самосознания только рассудочная форма в личном сознании; <...> самосознающее "я" в его "само" уже не есть синтез рассудочный, но синтез в действительности; он в *третьем*, определяющем *второе* (личную форму) и *первое* (содержание); поскольку он *ни то, ни это* синтеза, он — не синтез, а *символ* (С. 455). Сходным образом Бельий формулирует различие между "синтезом" и "градацией", имея в виду мировоззрение Штейнера.

³² При публикации своей статьи "Die Antroposophie und Russland" ("Антропософия и Россия") в немецком журнале "Die Drei" (июль — август 1922) Бельий передает буквальный смысл русского слова "сознание" (нем.: *Bewusstsein*) как "Zusammenwissen" (рус.: совокупность знаний). В других работах этого периода он раскрывает значение данного понятия подробнее. "Сознание есть первичная и единственно данная нам интуиция целого, — отмечает он в статье "Основы моего мировоззрения" (Берлин, 1922), — "Я" — ни внешне, ни внутренне, ни субъект, ни объект. Оно есть "Само" (*Selbst*) нашего "Со" (состава) знаний" (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 16). "Сознание есть освещение вокруг себя предметов в их связи друг с другом", — продолжает Бельий свои рассуждения в Истории души

(С. 383) и далее пишет о "центральной точке сознания", "точке "со" как отвлеченном понятии о некоем единстве, ставящем знак равенства между собой и "Я" (С. 647).

³³ Речь идет о знаменитом положении французского философа Рене Декарта: "Cogito, ergo sum" (лат.: я мыслю, следовательно, я существую); Картезий (Renatus Cartesius) — латинизированное имя Декарта.

³⁴ В критической философии Канта проблема сознания связывается прежде всего с рассудочным познанием ("я существую" = "я мыслю" = создаю понятия), что для Белого является недостаточным. Ср.: "Трансцендентальное единство апперцепции (т. е. самосознание. — И. Л.) есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразно объединяется в понятие об объекте (...) многообразное в созерцании необходимо относится к одному и тому же я мыслю; следовательно, она подчинена первоначальному единству сознания посредством чистого рассудка" (Критика чистого разума. С. 104).

³⁵ "Сознание, представляющее собой сущность чувственной реальности, — это то "духовное", — замечает Штейнер, — которое, по-видимому, открывается внутри человека, но в действительности принадлежит чувственным вещам и чувственным процессам" (Очерк теории познания. С. 9). Таким образом, проникновение в глубину собственного сознания ("становление" самосознания) становится также познанием чувственного мира.

³⁶ Определяя исходную точку теории познания, Штейнер считает, что она лежит вне познания, но непосредственно перед ним; "следующий шаг, который, исходя из нее предпримет человек, является уже познавательной деятельностью (...); такое начало может быть сделано только с непосредственно данным образом мира, т. е. тем образом мира, который принадлежит человеку, прежде чем он подверг его как бы то ни было процессу познания (...); это лишенный всякой связи и все-таки не разделенный на индивидуальные частности образ мира (...); отделение индивидуальных частей из совершенно слитного данного образа мира есть уже акт мыслительной деятельности" (Истина и наука. С. 26).

³⁷ Более подробно Белый характеризует самосознание в Истории души, где, в частности, отмечает: "...самосознание не есть сознание, и даже не самопознание. Самопознание есть раскрытие практической силой рассудка своих глубин; это процесс анализа и взгляда себя (...). Самосознание есть "да будет", сказанное себе (...), есть внесение творческой воли в сознание и в познание (...) "Я" личное — фикция, потому что "Я" надлично; оно — организующая сила не одного сознания, а круга сознаний, где отдельное "со" отдельных сознаний — лишь точки новой фигуры, результирующей организацию их; и круг всех этих "со" есть понимание центрального "со" — всех сознаний, как силы со-осознания сознаний; но это новое "со" — волевое и творческое — есть "само": *самосознания наше*" (С. 383, 647—648).

³⁸ Эти двенадцать "картин мира" Штейнер приводит в цикле лекций "Человеческая и космическая мысль" (лекция 4): спиритуализм, пневматизм, психизм, идеализм, рационализм, математизм, материализм, сенсуализм, феноменализм, реализм, динамизм, монадизм. Белый обычно называет этот цикл "XXXIII курс" и часто подчеркивает, что он является антропософской параллелью его символическим интуитивам.

³⁹ Чистый опыт, согласно Штейнеру, "есть форма действительности, в которой она нам является, когда мы противопоставим ей с полным отрешением от самих себя (...). Он есть лишь некая совместность в пространстве и последовательность во

времени; совокупность лишь бессвязных отдельных (...). На этой ступени знания... и наша собственная личность является изолированной от прочего мира отдельностью" (Очерк теории познания. С. 22—23, 27).

⁴⁰ Штейнер рассматривает разум как способность воспринимать "целостное единство всего бытия", рассудок же "ограничен созерцанием мира только в его разъединенности и распаде на отдельные" (Очерк теории познания. С. 51); в момент познания рассудок создает понятия (Белый использует здесь слово "знание"), разум же выявляет высшее единство рассудочных понятий (Белый говорит о "со-знании" как связи знаний). Поскольку действительность, считает Штейнер, есть единство, а множественность и многообразие не имеет ничего общего с "существом" действительности, то тот, "кто постигает действительность одним лишь рассудком, удаляется от нее" (С. 50).

⁴¹ Аллюзия на штейнеровское высказывание о Гете: "Как всякая вновь открытая планета должна вращаться вокруг своей неподвижной звезды, согласно законам Кеплера, так каждый процесс в органической природе протекает неизбежно в соответствии с идеями Гете. Процессы на звездном небе наблюдали задолго до Кеплера и Коперника. Но только они нашли законы. Органический мир природы наблюдали задолго до Гете, Гете же увидел его закономерности. Гете — Коперник и Кеплер органического мира" (*Über das Wesen und die Bedeutung von Goethes Schriften über organische Bildung // Einleitungen*. S. 106).

⁴² Чтобы подчеркнуть своеобразие антропософского "праксиса мысли", Белый употребляет термины исихастов (примеч. 146 к гл. 3), чей образ жизни и особая молитва ("умное делание") были направлены на достижение мистического созерцания Бога ("схождение ума в сердце"). "Умное делание" — Христова Молитва, при которой ритм сердцебиения молящегося совпадает с ритмом произнесения имени Христа.

⁴³ Санскритский термин "акаша" (от глагола "а-каш" — смотреть, узнавать), который в древнеиндийской религиозно-философской традиции имел несколько значений — это и синоним неба (или атмосферы), где пребывают светила, и тонкое первовещество, эфирная субстанция, пронизывающая вселенную, из которой происходит все сущее, и пространство вообще, — этот термин был переосмыслен в антропософском учении Штейнера как некое мировое самосознание — хранилище сверхчувственной мировой памяти, в которую вносятся волевые импульсы, чувства и мысли отдельных людей (т. наз. "Хроника Акаши"). "Все, что делал и совершал человек, — узнаем мы из лекции Штейнера от 23 августа 1906 г., — хотя бы это и не сообщалось в исторических книгах, остается вписанным в той непреходящей исторической книге на границе Девахана (теософский мир ментальных форм, или рай. — И. Л.), которую называют Хроникой Акаши" (S G A. Bd. 95). Чтобы уравновесить восторженную оценку Белого учения об Акаше, приведем мнение Дмитрия Филофова, автора небольшой газетной рецензии на только что вышедшую книгу Белого "Рудольф Штейнер и Гете" (февраль 1917 г.): "Летопись Штейнера интереснее всякого учебника (...). Профессор Анучин (антрополог. — И. Л.) мучительно гадает о первобытной культуре по "черепам и отбросам", а Штейнер гуляет по дну Атлантического океана (речь идет об исчезнувшей Атлантиде. — И. Л.), как у себя дома, и всем своим авторитетом утверждает, что это тоже "знание" (...). А Белый готов подкрепить это "знание" чуть ли не "Риккертом и Когеном"!" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 7. Ед. хр. 3).

“Самосознание (или самосознающая душа), как показывает Белый в Истории души, развивается от “утробного состояния” (первые века христианства) до своего расцвета в XX в. На этом пути оно проходит через четыре этапа, определяющих как “душевную”, так и “телесную” жизнь человека: 1) сфера души ощущающей и существование в физическом плане (“данное” сознание); 2) сфера души рассудочной и жизнь в эфирном теле (“стихийное” сознание); 3) сфера души сознающей и бытие в астральном мире (“звездное” сознание); 4) сфера “Я” (индивидуума), когда мысль обращается на себя, и начинается деятельность “духа” и “в духе”. См. также следующие комментарии.

“Согласно антропософскому учению, человеческое существо состоит из девяти (или семи) частей: трех тел (физического, эфирного, астрального); трех частей души (души ощущающей, души рассудочной, души сознательной — Белый ее обычно именует “самосознающей”) и трех членов духа (Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека). Самодух (Geistelbst), пишет Штейнер, — “астральное тело, завоеванное “Я” и преобразованное им (<...>) интеллектуальное развитие человека, его очищение и облагораживание чувств и проявлений воли является мерилем превращения астрального тела в Самодух” (Очерк тайного учения. С. 50—51). Жизнедух (Lebensgeist) — овладение “Я” эфирным телом: “Я” направляет свою деятельность на изменение свойств его характера, его темперамента и т. д. (<...>), его религиозные переживания и многие опытные знания запечатлеваются в эфирном теле и превращают его в Жизнедух” (С. 51). Духочеловек, или “духовный человек” (Geistesmensch), — преобразование деятельностью “Я” физического тела человека: “Как физическое тело строится из вещества и сил внешнего мира, так и “духовный человек” строится из состава духовного мира. Он — часть последнего” (Истина и наука. С. 93). Таким образом, преобразование “Я” (духовно-душевной сферы) приводит, согласно Штейнеру, к воплощению Божественного начала в самом человеке — его астральном, эфирном и физическом телах. Иисус Христос являлся тем образцом, следуя которому можно развить в себе “Духочеловека”.

“Белый соединяет в данном контексте антропософскую идею Духочеловека и теорию богочеловечества Владимира Соловьева, развитую им в “Чтениях о Богочеловечестве” (1877—1881). Человечество, которое Соловьев рассматривает как “единое существо” и “абсолютный организм”, в результате своего развития через “исторический процесс”, т. е. “освобождение человеческого самосознания и постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала” (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 145), должно преобразоваться в Богочеловечество, стать действительным и индивидуальным воплощением Божественного Логоса, историческим прообразом которого был Иисус Христос. В Воспоминаниях о Блоке Белый прямо говорит о близости, с его точки зрения, этих двух учений: “...грудь-линии мировоззрения Соловьева, естественно, совпадают с антропософией, как она декларировалась Штейнером в 1912 году” (С. 38). Штейнер также не раз обращался в своих лекциях, особенно в русских аудиториях, к личности и идеям Соловьева: 16 июня 1910 г. (SG A. Bd. 121), 7 января 1922 г. (SG A. Bd. 210), 19 сентября 1924 г. (SG A. Bd. 238).

“Логос (греч.: *lógos* — “слово, понятие, разум”), важнейший термин древнегреческой философии, а затем христианского богословия, Белый употребляет в двух смыслах: 1) как “гераклитовский Логос (Эмблематика смысла // Символизм. С. 71—72) — закон всех вещей, одушевляющий мир и тождественный с миром в своем содержании”, некий “логический образ”, позволяющий рассматривать “бытие как

форму суждений" (отсюда сближение Логоса и логики); 2) как Божественный Логос, воплощенный в Иисусе Христе. Понимание Логоса как Христа, впервые в христианстве встречающееся в Евангелии от Иоанна и идущее от гностицизма, было воспринято как учением Соловьёва, так и антропософией Штейнера. Кроме того, Белый хорошо знаком с популярной в кругу символистов книгой С. Н. Трубецкого "Учение о логосе в его истории" (Трубецкой С. Н. Собр. соч. М., 1906. Т. 4), где рассматривается традиция многообразного толкования понятия "логос".

⁴⁸ Антропософия, понимаемая Белым как практический "путь самосознания" человека — его путь к Христу, имеет точку пересечения с антропологией — учением о человеке (греч.: *anthropos* — человек) и христологией — учением о Христе, преобразе идеального человека.

⁴⁹ О понимании Белым импульса см. примеч. 96 к гл. 3. В статье "Die Anthroposophie und Russland" Белый отмечает: "Штейнер определяет антропософию как импульс, по-новому соединяющий природу Софии (греч.: *sophia* — мудрость. — И. Л.) со всей сущностью человека, в противоположность соединению Софии только с главой человека, когда исходная идея Софии становится абстрактным понятием познания (нынешняя философия); в культуре сознания, в проникновении главы, сердца и рук стихией конкретной премудрости (выделено мною. — И. Л.) "антропос" становится конкретным "антропософом" (рус. пер.) (Н Л О. 1994. № 9. С. 172). Подобное толкование антропософии, связанное со спецификой именно русского переживания Софии, уже в наше время продолжает С. О. Прокофьев в книге "Небесная София и существо Антропософия" (Die Himmlische Sophia und das Wesen Anthroposophie. Dornach, 1995).

⁵⁰ *Sui generis* (лат.) — своего рода, особого рода, своеобразный.

⁵¹ Согласно учению Штейнера, эволюция человечества со времени атлантической катастрофы проходит семь культурных эпох (*Zeitalter*), семь исторических рас сменяют друг друга: 1) индийская; 2) персидская; 3) египетско-халдейская; 4) греко-латинская; 5) европейская; 6) славянская; 7) новая раса, которая зародится в будущей Америке.

⁵² В данном контексте Белый отталкивается от идеи гностицизма о человеке как продукте пленения души и материи вследствие космического грехопадения и его освобождения в процессе познания, преломляя ее через историософию Соловьёва.

⁵³ Появление в данном контексте имени св. Франциска Ассизского не случайно: его проповеди живому "существу" Природе, о которых повествуют популярные "Цветочки Франциска Ассизского" ("сестрам птицам" и "брату волку", виноградникам и лесам, ручьям и ветру, "гимн брату солнцу"), вполне вписываются в философию "всеединства" Соловьёва (а значит, с точки зрения Белого, в антропософию) и именно так толковались русскими "серебряным веком" (см., напр., предисловие С. Н. Дурьлипа к русскому изданию "Цветочков". М., 1913): имя Христа получает не только космос, введенный в человека, но и природа в целом.

⁵⁴ *Katharsis* (греч.: *katharsis* — очищение) — термин древнегреческого учения о трагедии, введенный Аристотелем в "Поэтике", который означает душевную разрядку, испытываемую зрителем в процессе сопереживания.

⁵⁵ Синий цвет (в цветовой "поэтике" Белого также часто цвет лазури — морской глубины) является в герметической традиции символом первозданной тьмы (вопрос о том, почему мы видим тьму синей, исследовал Гете в "учении о цвете"); бездонность небесной высоты и одновременно бездна человеческой души — это те "пространства", в которых "живет" дух. Поэтому в данном контексте образ "голубого" (синего) "опрокинутого куполом храма" становится характеристикой душевной сферы Штейнера. Кроме того, в теософско-антропософском учении о цветовом двойнике человека (его ауры) синий цвет

(проявленная тьма) окрашивает центр человеческой личности, неизменяемый при любых перевоплощениях, — его "Я": "Сознание своего "Я" (т. е. самосознание. — И. Л.), — пишет Штейнер, — обозначается в ауре темным овалом, можно сказать полной темнотой", которую мы видим синей (Штейнер Р. О человеческой ауре // Вестник теософии. СПб., 1911. № 11—12). Таким образом, Белый, "окрашивая" воззрения Штейнера в синяя цвет, характеризует их как оттиск штейнеровской индивидуальности, самосознания.

"Арджуна (санскр.: белый, светлый) — герой древнеиндийского эпоса "Махабхарата".

"Кришна — древнеиндийский эпический герой; в позднем индуизме — одна из наиболее почитаемых аватар (воплощений) божества Вишну.

"Белый приводит эпизод из "Махабхараты", в котором Кришна перед началом великой битвы на Курукшетре являет себя Арджуне как высшее божество (Вишну) и становится его колесничим (Махабхарата, VI, 23—40).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СЕВОВАЯ ТЕОРИЯ ГЕТЕ И РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

¹ Специфику ньютоновского и гетеовского подходов к пониманию света Штейнер связывает прежде всего с особенностями их культурных эпох. В эпоху Ньютона (XVII в.) "было потеряно ощущение реальности понятий и идей, что привело к исчезновению веры в дух как таковой. Началась эра поклонения чисто материальному: в естествознании наступило время Ньютона. Теперь, — продолжает Штейнер, — никто не хотел и думать о единстве, лежащем в основе множественности мира: всякое единство отрицалось и было низвергнуто до уровня "человеческого" представления. Подобным мировосприятием соблазнился и Ньютон, когда увидел в свете не изначальное единство, а составное множество" (Goethe gegen den Atomismus // Einleitungen. S. 328).

"Гете, напротив, жил в эпоху, — характеризует Штейнер XVIII в., — когда все умы властно захвачены стремлением к абсолютному знанию, ищущему удовлетворения в самом себе (...). Такое же внутреннее самоуглубление было свойственно эпохе восточной теософии, Платона и Аристотеля, позднее — Декарта и Спинозы (...). Дух времени, словно некий флюид, пронизывает все гетеовские воззрения на природу, и отсюда проистекает их сила, ведь они, концентрируясь на частностях, не упускают из виду общую связь. Именно поэтому наука Гете всегда нацелена на главное, и особенно это относится к его учению о цвете" (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen. S. 258—301).

¹ По сути, речь идет о двух различных пониманиях слова "физика". В эпоху Гете (на рубеже XVIII—XIX вв.) "физикой" называли природу в целом (греч.: *physis* — природа) и весь комплекс наук, который сегодня мы бы объединили понятием "естествознание". Именно в этом смысле современник поэта немецкий романтик Новалис назвал Гете "первым физиком своего времени" (см. "Vorarbeiten zu verschiedenen Fragmentsammlungen", № 445). Физика же рубежа XIX—XX вв. (эпоха Штейнера, Белого и Метнера) — это наука о наиболее общих свойствах материи и ее строении, в основе которой лежали фундаментальные законы о движении и взаимодействии тел, открытые Ньютоном.

¹ Физическая оптика Ньютона и учение Гете о цвете противоположны уже в своих исходных принципах. Согласно теории Ньютона, свет является смесью цветовых корпускул (частиц), дифференцирующихся при прохождении через призму. Белый цвет при этом создается сложением различных цветов. С точки зрения

Гете, белый цвет — это первичный, неразложимый феномен ("про-явленный" свет). Все остальные цвета состоят из смешения света и тьмы, поэтому из них, более темных, чем белый цвет, невозможно создать при помощи сложения белизну. Таким образом, Ньютон идет от простой цветовой корпускулы к колориту (сочетанию цветов), а Гете, напротив, от колорита к выявлению первичного элемента.

В цветовом круге Гете (см. далее) эти три цвета расположены рядом и взаимно перетекают друг в друга.

Белый искажает смысл высказывания Метнера, который характеризует в нем ньютоновскую физику, а не противопоставляет Ньютона и Гете. Ср.: "Итак, с одной стороны, отвлеченность, с другой — каким-то образом с ней совмещающаяся "грубая чувственность"; вот что отвращало Гете и отвращает Штейнера от ньютонизма".

Слово "эстетический" Белый употребляет здесь в своем старом значении — "чувственный"; соответственно "эстетика красок" в данном контексте — это теория цветоощущения, физиология цветового зрения.

Ньютон использует призму (особый многогранник из прозрачного вещества) для разложения "сложного" света в цветовой спектр. Гете же рассматривает призму как некую преграду ("мутную среду"), проходя сквозь которую, свет различным образом затемняется и образует цвет. Учение о "мутной среде" как о самом тонком и чисто материальном элементе является для Гете исходной точкой всей хроматики. При этом он считает феномен "мутной среды" источником всех цветов — прафеноменом ("Zur Farbenlehre", § 141). Гегель, всецело примкнувший к гетевскому учению о цвете, подробно характеризует призму как "помрачающее средство" в своей "Философии природы" (Гегель. Философия природы. М., 1975. С. 265—266).

Rea (лат.) — вещь, предмет; в более широком смысле — реальность.

Об этом пишет Штейнер в статье "Гете против атомизма" (Einleitungen n. S. 302—330).

Гетевское учение о цвете имело дело с двумя формами действительности — физической (цвет) и метафизической (свет), потому что свет для него представлял собой изначальную духовную сущность. Ср.: "Свет и дух, царские — первый в физическом мире, второй — в моральном, суть высшие мыслимые неделимые энергии" ("Максимы и размышления").

Говоря о "механическом органицизме", Белый имеет в виду "расширение механики в сферу органической природы, и тогда задача "органической физики", как ее понимает Белый вслед за Штейнером, — "расширить" органический "метод" Гете для изучения механики (т. е. неорганической природы).

Белый имеет в виду следующую фразу Метнера: "...о своеобразной "физике" Гете можно сказать, что хотя учение о цветах и не является наукою культурного ряда, но оно — для культуры". Метнер при этом ссылается на высказывание Гете в письме к госпоже фон Штейн, написанное по случаю окончания работы над хроматикой: "Я не раскаиваюсь в том, что пожертвовал этой работе столько времени. Ей я обязан тем, что достиг той культуры, которую мне едва ли удалось приобрести другим путем" (Размышления о Гете. С. 127—128). Таким образом, Гете, как и обычно, употребляет слово "культура" в духе Вильгельма фон Гумбольдта, т. е. в значении, близком "Bildung" (внутренняя культура, некое "культивирование духа"). Метнер же играет двумя значениями слова "культура": 1) духовное самовоспитание; 2) цивилизация как внешнее проявление культуры, но при этом весьма ограничивает ценность гетевских открытий для развития человеческой культуры и науки в целом. Отвечая позже Белому по поводу этого же места

книги, Метнер, как бы забыв, что оппонент защищал именно научную (общечеловеческую) значимость гетевского "учения о цвете", и не упоминая о своей собственной смысловой "ягре", желчно обвиняет Белого в непонимании смысла именно духовной культуры: "...скиф, который осужден на вечное томление по культуре, пока им не усвоена будет органическая идея культуры (не ее схематическое понятие или описательная формула), пока он не поймет, что нарицательные себя знанием и тренированием себя в различных умениях (хотя бы то были оккультные медитации) не ведут еще сами по себе к культуре личности" (Ответ Белому. Л. 6).

Метнер в своей оценке научных открытий Гете не вполне самостоятелен, а опирается весьма часто на мнение физиков, в частности, на Г. Гельмгольца — самого известного критика Гете, сформировавшего в научных кругах негативное общественное мнение о Гете-ученом: во-первых, он имел огромный авторитет как исследователь физиологической оптики (т. е. в сфере, близкой научным интересам Гете), во-вторых, он критиковал хроматику Гете с позиций математической оптики и оценивал его учение как "поэзию" в многочисленных публичных (популярных) лекциях и речах (см., напр.: *Гельмгольц Г. Популярные научные статьи.* СПб., 1866). Именно его позиция была поддержана, в частности, научными кругами России. Так, известный в конце прошлого века физик А. Г. Столетов, сравнивая в статье "Леонардо да Винчи как естествоиспытатель" (1895) великого итальянца и великого немца, сожалел, что Гете не владел основами математического анализа, потому-то его "учение о цвете" производит тягостное и жалкое впечатление; профессор зоологии Н. А. Холодковский в книге "Вольфганг Гете" (1902) и известный физиолог растений К. А. Тимирязев в статье "Гете-естествоиспытатель" (1912) "неудачи" учения о цвете объясняли "дилетантизмом" и "самоуверенным" гениальным "поэтом". Тем-то и ценнее позиция Белого, не побоявшегося непредвзято взглянуть на световую теорию Гете.

¹² Метнер видит ошибку Штейнера в том, что тот употребляет слово "свет" в одном смысле и для теории цветов Гете, и для физики: "Для физики, — считает Метнер, — свет имеет строго объективный смысл и есть термин, который обозначает гипотетическое нечто, являющееся неизвестным субстратом известного и наблюдаемого феномена (...), удобнейшей для физики абстракцией" (Размышления о Гете. С. 126). Гете же рассматривает свет, с одной стороны, как точную опытную науку — "это одна дума Гете о свете — физическая" (там же). С другой стороны, "для Гете свет — полярность тьмы; вот уже нечто словно антифизическое; а когда (...) мы слышим (...), что зрение есть способность человека идти навстречу Богу, касаться Отца Небесного, то мы явно (...) вступаем в область метафизики и религии Гете" (там же).

¹³ Ср., например, слова Гете, сказанные им Шопенгауэру в 1813 г.: "Что?! Свет существует, по-вашему, лишь постольку, поскольку вы его видите? Нет! Вас самих бы не было вовсе, если бы свет вас не видел..." (цит. по: Размышления о Гете. С. 127).

¹⁴ *Die Betrachtung der Farbenwelt* (нем.) — рассмотрение мира красок.

¹⁵ Штейнер справедливо разделяет физическую оптику и оптику Гете. "Задача физиков, — пишет он, — привести сложные процессы в области цветовых, звуковых, тепловых явлений, а также электричества, магнетизма и т. д. к простейшим явлениям той же сферы. Физик, например, должен сложные цветовые явления привести к простейшим цветовым. При этом он использует математические и механические закономерности, поскольку цветовые процессы разгрызаются в простран-

венных и исчисляемых формах" (Goethe gegen den Atomismus // Einleitungen. S. 320—321). Гете же начинает не с вопроса, "какие процессы протекают в глазе при восприятии чего бы то ни было, но пытается установить, — пишет Штейнер, — что происходит при посредстве глаза в живом акте зрительного восприятия", т. е. начинает с физиологического учения о цвете, которое "в корне отличается от того, что обычно понимают под этим разделом оптики. Гете не стремится выводить функции глаза, исходя из его строения, он ставит целью рассмотреть глаз в различных условиях, чтобы прийти к познанию его возможностей" (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen. S. 259).

"Слово "призма" употребляется в данном контексте в переносном значении как "совокупность основных цветов". Призму Ньютона составляют при этом семь (или пять) цветов спектра — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Призма Гете — это "цветовой круг", состоящий из шести цветов: желтый, оранжевый, красный, фиолетовый, синий, зеленый; из них три (желтый, красный, синий) — "основные цвета", остальные — "промежуточные" (Гете И. Избранные работы по естествознанию. М., 1956. С. 271—272). Для Гете весьма важно, что все цвета расположены "в естественной (т. е. природной. — И. Л.) последовательности". "Глаз при этом, — подчеркивает Гете, — требует собственно цельности и сам в себе замыкает цветовой круг" (С. 291). В мире "мертвой" природы также (но в едином случае!) можно наблюдать стремление к цветовой "цельности"; это — радуга, отражение солнца в брызгах водопада; радуга, которая представляет собой ослабленный свет, — лишь в этой форме (в радужном "свете", в отблеске) человеку доступно наслаждение созерцанием духовного ("метафизического") света, в чистом виде невыносимого для глаз, а значит, и созерцание Вечного, Божественного, Духовного.

В этом же смысле можно интерпретировать символический образ радуги, которую созерцает Фауст в 1-й сцене 2-й части одноименной трагедии Гете. Гетевский символ радуги использует позже Шопенгауэр для характеристики "созерцательного" (являющегося) познания, противопоставляя познание явлений в границах закона основания (т. е. через опытное, научное наблюдение), которое он сравнивает с "бесчисленными, сильно мигающими брызгами водопада, вечно меняющимися, не отдыхающими ни на мгновение", "созерцательному" познанию идей (т. е. целостности), подобному "радуге, тихо почивающей на этом бушующем смятении" (О символичности радуги у Шопенгауэра см.: Эллис. Русские символисты. М., 1910. С. 12—13).

"Прафеномен (основной, или "чистый" феномен) — одна из важнейших категорий научно-философского мышления Гете. В статье "Эксперимент как посредник между объектом и субъектом" (1792), где Гете рассуждает о методологии своего учения о цвете, он называет подобный прафеномен "формулой, которая выражает несметное число частных случаев" (Goethe Werke. Bd. 12. S. 23); прафеномен является, таким образом, синтезом целостной системы реальных феноменов, которые он как бы содержит в себе и вместе с тем их обнаруживает. Как математическая формула должна сделать феномены исчислимыми, так формула Гете (прафеномен) сделать их вполне видимыми (об этом: Cassirer E. Goethe und die mathematische Physik // Idee und Gestalt. Berlin, 1921. S. 27—76). О трех этапах "подъема" к прафеномену Гете пишет в статье "Опыт и наука" (1798): 1) эмпирический феномен; 2) научный феномен; 3) чистый феномен.

Штейнер весьма точно характеризует гетевский прафеномен как совокупность необходимых взаимосвязей между явлениями, причем "познается прафеномен и вы-

ражается в форме закона природы" (Goethe gegen den Atomismus // Einleitungen n. S. 312), являясь, таким образом, основным законом неорганического мира, который изучает традиционная "физика". В связи с оптикой Гете он замечает: "Взаимоотношения между светом и цветом он (Гете. — И. Л.) объяснял не с помощью спекулятивных рассуждений, но через прафеномен — через выявление необходимого условия, которое, будучи добавлено к свету, приводит к возникновению цвета. Ньютон также усматривал связь между цветом и светом, но мыслил спекулятивно, вопрошая: "Каким образом свет возникает из цвета?" <...> Поэтому ньютоновское положение "свет есть смесь однородных цветов" должно было казаться Гете плодом необоснованной спекуляции <...>. Ведь всякое утверждение о составной природе света — это лишь утверждение разума о феномене" (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen n. S. 258—302).

¹⁹ Эта схема Гете, приведенная Бельим не полностью, отражает девять ступеней "восхождения" от чувственного к сверхчувственному и приводится в *Анналах*: Bd. 1, H. 46: *Zur Naturwissenschaft*: 1) случайное; 2) механическое; 3) физическое; 4) химическое; 5) органическое; 6) психическое; 7) этическое; 8) религиозное; 9) гениальное (= духовное).

²⁰ Понятие метаморфозы, которое Гете использовал для объяснения органического мира (примеч. 14 к гл. 2), Штейнер толкует значительно шире как один из главных принципов описания идеальных существ, объединения гетевский "организм" и собственные представления о восприятии, мысли и идее на единой основе "живого целого". Развивая эти воззрения Штейнера, Бельий создает собственный вариант антропософской теории познания ("градацию") и в статье "Световая градация Гете...", в которой он повторяет ряд положений книги "Рудольф Штейнер и Гете", обосновывает "беспредметное" познание (интуицию) как "жизнь самой мысли", "мысль как сущее" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 36. Ед. хр. 4).

²¹ Более точный перевод цитаты Штейнера: "Чувственный образ мира есть совокупность воспринимаемых содержаний, связанных отношением метаморфозы и лишенных материальной основы".

²² В данном абзаце Бельий излагает структуру ("отделы") гетевского "учения о цвете", воспользовавшись точным штейнеровским определением научных задач каждой части: "Если в *физиологическом* учении о цвете дается ответ на вопрос: как вообще цвета могут выражаться в явлениях, если *физическое* учение сосредоточено на том, чтобы показать, как возникают цвета в зависимости от внешних условий, то здесь (в *химическом* учении. — И. Л.) Гете разрешает проблему, каким образом телесный мир проявляется как цветной. <...> В завершающей главе "*Чувственно-нравственное воздействие цвета*" Гете рассматривает высшую связь между цветным миром физических тел и душой (здесь: нравственное = духовное). Таков и путь науки: от субъекта как некоего условия — снова к субъекту как сущности, находящей удовлетворение в мире и с миром (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen n. S. 258—302).

²³ Эвальд Геринг выдвинул гипотезу цвето- и светоощущения, по которой каждой паре основных цветов спектра (согласно Герингу, их четыре: красный и желтый, зеленый и синий) соответствует особое цветочувствительное вещество в глазу, т. е. вслед за Гете объяснил цвет как внутреннее свойство глаза.

²⁴ Штейнер понимает *оптический прафеномен* как "разыгрывающийся перед нашими глазами процесс, который состоит в том, что свет, проходя сквозь замутненную среду, выглядит желтым, а тьма, наблюдаемая через подсвеченную среду,

видится синей" (Goethe gegen den Atomismus // Einleitungen. S. 313), т. о. прафеномен находит свое объяснение в явлении цветности. Еще более ярко эту мысль подтверждает следующая фраза Гете: "Лучше всего было бы понять, что всякий факт — это уже теория. Синева неба открывает нам основной закон хроматики. Только не ищите ничего за феноменами — они сами суть учение" (Maximen und Reflexionen // Goethes Werke. Bd. 7. S. 566). Таким оптическим прафеноменом и феноменом одновременно, считает Гете, можно назвать радугу: свет и мрак, прошедшие сквозь воздушные и водные слои (прафеномен), проявляются как желтизна солища и синева водно-воздушных брызг (феномен), чтобы затем, вновь соединившись, породить радужный (сияющий) свет (также примеч. 14 наст. гл.).

¹⁰ Штейнер считает, что мы сами (наше мышление) придаем содержание действительности, т. е. получаем возможность ее чувственно воспринимать в реальном опыте как пространственно-временные связи. Но чистый опыт — это та форма действительности, в которой мышление абсолютно пассивно (примеч. 39 к гл. 2). Значит, подобная "чистая" действительность бессодержательна и ее феномены — "чистые" феномены (прафеномены) бессодержательны также.

¹¹ Согласно Штейнеру, цвет (здесь: краска) проявляется в восприятии как феномен — в контексте других феноменов и связей расчленяется на отдельные части или отдельные восприятия и затем снова складывается, но уже как совокупность необходимых связей, как прафеномен. Таким образом мы постигаем прайдействительность, "чистую" действительность без примеси мышления, т. е. сущность мира — некое бессодержательное содержание мира. Поэтому Белый считает, что содержание прафеномена бессодержательно, "коренится в идее" — форма становится содержанием, "фактом"; свет проявляется, только вступая во взаимодействие с тьмой и только в нашем восприятии.

¹² Установление прафеномена Гете считал главной задачей науки, но и пределом, дальше которого научная мысль идти не может (например, разговор с Эккерманом от 18 февраля 1829 г.). Но если согласиться со Штейнером в том, что прафеноменальная действительность идеальна, т. е. не подчиняется механико-математическим законам, то "центр" гетевской науки — за пределами физики, вне природы. Поэтому Штейнер пишет: "В основе всех вещей, принадлежащих некоему чувственному многообразию, лежит — поскольку эти вещи однородны — *духовное единство*, которое обеспечивает их однородность и взаимную принадлежность. Исходя из этого, Гете и задается вопросом: какое духовное единство составляет основание цветowych восприятий? <...> Очень скоро ему становится ясно, что необходимой основой каждого цвета является свет. Цвета не может быть без света. Цвета же являются модификациями света. Теперь ему предстояло найти элемент действительности, который модифицирует, специфицирует свет. И он обнаружил, что таковым является без-цветная материя, активная тьма, т. е. начало, противоположное свету. В каждом цвете он усматривал свет, модифицированный тьмою. Совершенно ошибочно полагать, будто под светом Гете понимал конкретный солнечный свет <...>. В понимании Гете свет как противоположность тьме есть чисто духовное начало, общее всем цветowym ощущениям" (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen. S. 258—301).

¹³ Ян Эвангелиста Пуркине, профессор физиологии в Праге, открыл явление "субъективного зрения": светящиеся образы (Blendungsbilder), двойное зрение (Doppeltsehen), "остаточное" зрение (Nachsehen) и др. Гете, прочитав его диссертацию

"Сообщения к вопросу о познании зрения в субъективном освещении" (1819), где изложена сущность этого открытия, в своем журнале "Вопросы морфологии" за 1821 г. с восторгом отреферировал работу, увидев в ней подтверждение собственным наблюдениям 1810 г. о физиологических цветах и размышлениям о природе "продуктивной фантазии". Позже они познакомились, и второй том своих исследований (1825) Пуркине посвятил Гете.

²⁹ Далее Белый приводит несколько сокращенных цитат из статьи Гете "О работе Пуркине "Зрение в субъективном освещении" (1821) (см.: *Goethes Werke*. Bd. 12. S. 405—406).

³⁰ *Prius* (лат.) — более раннее, предшествующее, т. е. исходное (положение).

³¹ Собственно говоря, в эпоху Гете в слове "воображение" (*Einbildungskraft*) еще отчетливо слышался тот мистический смысл, который ему впервые в немецком языке придал Мейстер Экхарт, а затем через шпетистов в результате всеобщей секуляризации культуры в первой половине XVIII в. переняла эстетика. Во-ображение — это "вхождение-в-Образ", где образ (*Bild*) суть Божественный Образ, постижимый как мистическая интуция, создание сверхчувственной (идеальной) "реальности". Таким образом, для Гете "продуктивная фантазия" (*Einbildungskraft*) обязательно включала в себя элемент внутреннего созерцания. Просто "внутреннее зрение" и "продуктивный" творческий образ Гете четко различает, передавая в цитируемой статье их отличие терминами Пуркине: "светящийся" и "остаточный" образы. Остаточный образ сохраняется и исчезает в зависимости от волевых усилий; светящийся же образ является и пропадает непроизвольно в зависимости от объективных причин (нервозность при астеническом состоянии). "Светящийся образ, — пишет Гете, — ведет себя по отношению к внешнему свету как мутная среда, но самосветящаяся в принадлежащей ей тьме" (*Goethes Werke*. Bd. 12. S. 402). И только "остаточный образ суть "имажинация" (*ibid.* S. 404). Также см. примеч. 17 к гл. 1.

³² Сокращенная цитата из "Максим и размышлений" Гете. Ср.: "Мистика: незрелая поэзия, незрелая философия. Поэзия: зрелая природа. Философия: зрелый разум" (*Goethes Werke*. Bd. 7. S. 511).

³³ О "конкретном идеализме" — философии, в основе которой лежит представление о реальности всеобщего, Белый писал: "Прологомены к этой системе находим: разбросанными в сочинениях Вл. Соловьева, в статьях кн. С. Н. Трубецкого "О конкретном идеализме", в статьях Рудольфа Штейнера ("Goethes naturwissenschaftliche Schriften") ...по отношению к этой системе сам Гегель — абстрактный предтеча (Воспоминания о Блоке. С. 41). Что же касается идеально-конкретных представлений Гете и Гегеля, о которых идет речь в данном контексте, то их основу составлял пантеизм, уходящий своими корнями в немецкую мистику. Спнносизм Гете, как и его неизменный интерес к средневековой натурфилософской мистике, хорошо известен. Пантеистические же предпосылки немецкого идеализма раскрыты в работах современников Белого — философов Л. М. Лопатина и С. Н. Трубецкого. Впрочем, "конкретный идеализм" самого Трубецкого и философия всеединства Соловьева, как показала Гайденко П. П., формируются из тех же истоков (*Гайденко П. П. Человек и человечество* в учении В. С. Соловьева // *Вопросы философии*. 1994. № 6. С. 47—54). Таким образом, мировоззренческая установка Белого на символ (как конкретную = явленную идею) была подкреплена не только давней немецкой, но и русской традицией, а значит, "конкретный идеализм" Штейнера, при всем его отличии от других подобных систем, был адаптирован Белым очень легко.

³⁴ Будучи признанным знатоком Гете и авторитетом в "гетизме", Метнер тем не менее так и не смог дать самостоятельную оценку многим концептуальным положе-

ниями гегелевской философско-эстетической и особенно научной мысли, оказавшись в плену "неокантианских" взглядов на его творчество. В этом смысле Бельгий, хотя и не столь свободно владеющий фактическим материалом, гораздо самостоятельнее и интереснее, даже в своих антропософских пристрастиях. В частности, речь идет о философских "истоках" Гете. Метнер превращает Гете в кантианца ("дополнительной антитезой к мыслителю и художнику Гете является один Кант" — Размышления о Гете. С. 167), отрицая вполне очевидные факты, которые не раз подчеркивал сам "мыслитель" и "художник", — близость к Гегелю и Спинозе ("ставить рядом с ним Гегеля, пожалуй, еще гораздо более неуместно, нежели настаивать на пресловутом спинозизме Гете (...) этой по существу ему чуждой системы") (там же. С. 166—167). Заметим, что сам Гегель неоднократно подчеркивал свое согласие со многими гегелевскими идеями, а Гете в 4-м выпуске альманаха "О естествознании вообще" опубликовал частное письмо Гегеля, где тот высказывает суждение по поводу идеи прафеномена. Главное обвинение Метнера касается сближения понятий метаморфозы растений у Гете и метаморфозы идей у Гегеля, на котором настаивает Штейнер (С. 165). Сошлемся в этом вопросе на "Философию природы" Гегеля, в которой он учение о метаморфозе живого (индивидуума) прямо противопоставляет антигегелевской идее эволюции и эманации и связывает именно с "метаморфозой" понятия: "Метаморфозе подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения суть развитие. Но в природе такое понятие противопоставляет собой отчасти лишь некое внутреннее, отчасти же существует лишь в качестве живого индивидуума" (С. 33—34).

²² В своем Ответе Белом у Метнер, теперь уже ссылаясь на научные авторитеты (в частности, на Г. Зиммеля), подтверждает свое "сознательное" смешение прафеномена и прарастения (и типа). Приведем это важное, хотя и несколько затянутое рассуждение Метнера: "Прото-феномен — как показывает самое название — стоит в самом начале мышления. Перворастение сначала есть видение, т. е. итог видения, еще совершенно неосмысленного: новый шаг к осмысливанию — и перед нами протофеномен; (...). Прото-тип есть уже вторичное (более схематичное и более детальное) идейное образование (...). Перворастение, будучи видением, не осознается таковым, а потому нет и страха; последний вступает в свои права, когда оказывается, что того, что считалось налицо в посюсторонней осязаемой действительности, нет вовсе в последней и тем не менее: оно — есть; тут возникает — протофеномен; *das ist keine Erfahrung, das ist eine Idee*, как несколько круто утверждает Шиллер (Шиллер имеет в виду "символическое растение", т. е. прарастение Гете. — *И. Л.*). Если же взять творческую мысль Гете в ее движении, то, смотря по стадиям, перворастение может быть названо и типом, как и протофеномен (...). Впрочем, надо сказать, что слово "тип" Гете не употребляет терминологически в строго и точно определенном смысле". Далее Метнер утверждает, что прафеномен "философски-топографически находится скорее возле идеи (только как последняя стадия опытного познания, непосредственно примыкающая к началу мышления, как считал Гете. — *И. Л.*). Также, когда Гете стал подробнее и систематически говорить о перворастении, он невольно сближал этот образ с идеей (...). Так снова Гете пишет сам: *протофеномен и перворастение*" (II. 267—268).

²³ Обвинения в дарвинизации Гете звучат с обеих сторон и имеют принципиальный характер. Понятно, что "серебряный век" в целом стоял на позициях идеализма, отрицая материализм как мировоззренческую систему и соответственно теорию эволюции Ч. Дарвина. Поэтому, по сути, оппоненты обвиняют друг друга в мировоззренческом ретроградстве.

Толчок к "эволюционной" интерпретации морфологии Гете был дан самим Дарвином, который в книге "Происхождение видов" (1859) прямо указывает на Гете, а в предисловии к третьему изданию 1861 г. говорит о нем как о своем предшественнике. В Германии эта точка зрения была особенно популярна и поддержана известным естествоиспытателем-дарвинистом Эристом Геккелем, называвшим в одном ряду Гете, Дарвина и Ламарка (напр.: Э. Геккель. Восприятие природы Дарвином, Гете и Ламарком, 1882; Общая морфология организмов, 1866). Подобная дарвинизация Гете была характерна и для гетеведения послереволюционной России (ср.: *Лихтенштадт В. О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение.* Пг., 1920; *Вернадский В. И. Гете как натуралист (Мысли и замечания)* // *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический.* Т. XXI (1). М., 1946).

Метнер впадает в другую крайность: рассматривает морфологию Гете как чисто философскую теорию: "Естествоведение Гете близко стоит к философии, ближе, нежели к науке" (Размышления о Гете. С. 97). Он считает "первосущность" (Urwesen) Гете только "философской формулой" (С. 109), а "прарастение" пишет: "Разве это не аналогон синтетического а priori "Кантовской трансцендентальной эстетики"?" (С. 98).

В данном контексте Бельгий имеет в виду то место книги Метнера, где тот, сравнивая систематизацию растений Линнея и Гете, считает, что их принципы "дополняют друг друга" — только Гете идет не от частного случая к "миллиону случаев", как Линней, а от "миллиона" к "отдельному случаю", и тогда ему "начинает казаться (!), что он видит протифеномен, например прорастение" (С. 110), т. е. Метнер, считает Бельгий, смешивает протифеномен и прарастение. По его логике, они должны принадлежать миру природы (как у Линнея!), но Метнер их объявляет вдруг созданием фантазии ("казаться!"): 1) протифеномен является "творчески-образным феноменом" (С. 110), 2) прарастение, т. е. "образ, им самим (т. е. Гете. — И. Л.) идейно созданный, наполняет его душу радостью созидания, своего рода возвышенным задором" (там же).

¹⁷ Примеч. 29 к гл. 2.

¹⁸ Эманация (*лат.*: emanatio — "истечение") — термин неоплатонизма, обозначающий самоизлияние вовне высшего абсолютного принципа ("Первоединое" у Плотина), образующего менее совершенные, низшие ступени бытия.

¹⁹ Гете рассматривает свет как внутреннее свойство глаза: "Существует свет, многоцветье окружает нас, но не будь света и красок в собственном нашем глазу, мы бы не увидели их и во сне" (Разговоры с Гете. С. 108).

²⁰ Goethes Briefe. Hamburger Ausgabe. 1965. Bd. 3. S. 503.

²¹ Аллюзия на высказывание Гете по поводу "Критики чистого разума" в статье "Влияние новейшей философии" (1817): "Вход в лабиринт неудержимо привлекал меня; в самый же лабиринт я не отваживался пуститься: препятствовали этому то стремление к познанию, то рассудок, и трудность оставалась неустрашимой" (Goethe Werke. Bd. 12. S. 31). Гете, признавая важность для себя отдельных идей "Критики чистого разума" ("априорные познания я тоже допускал, также и синтетические суждения а priori"), тем не менее оценивает ее весьма сдержанно, хотя с восторгом пишет о "Критике способности суждения" (1790): "Но вот в мои руки попала "Критика способности суждения", и ей я обязан в высшей степени радостной злохой жизни. Здесь я увидел, как самые раздельные мои занятия поставлены рядом; произведения искусства и природы трактуются одинаково; эстетические и телеологические способности взаимно освещают друг друга" (ibid.). Подобную оценку он повторяет и в разговоре с Эккерманом от 11 апреля 1827 г. (Разговоры с Гете.

С. 225—226). Метнер, называя Гете "просто" "учеником Канта" (Размышления о Гете. С. 77) и в целом сильно преувеличивая влияние на Гете кантовской теории познания (например, он ставит возникновение "Метаморфозы растений" в теснейшую — "неосознанную"(?) — связь с "усердным чтением"(?) Гете "Критики чистого разума" (там же. С. 425), следует в своих суждениях за мнением Карла Форлендера и его книги "Кант, Шюллер, Гете" (Kant, Schiller, Goethe, Lpz., 1907), на которую неоднократно ссылается. Впрочем, думается, что и Штейнер в своей полемике против Канта также преувеличивает антикантианство Гете, считая, что "гетевское мировоззрение состоит в острейшем противоречии с философией Канта" (Goethes Weltanschauung in seinen "Spruchen und Prosa" // Einleitungen. S. 330—331). Причем оба оппонента противоположным образом толкуют важный пункт — соотношение субъективного и объективного начал у Канта и Гете. Метнер ссылается на гетевское (как бы вслед за Кантом) "разграничение субъекта и объекта" (Размышления о Гете. С. 226). Штейнер же именно здесь находит ту точку, в которой расходились оба мыслителя: Кант "исходит из посылки, что мир представленный управляется законами человеческого духа и что поэтому все, что преподносится этому миру извне, проникает в него лишь в виде некоего субъективного отблеска. Человек воспринимает "вещь в себе" как явление, возникающее посредством того, что вещь аффицирует его сознанием, которое затем увязывает между собой свои реакции с помощью разума и рассудка. О том, что через средство разума говорит самая сущность вещей, замечает Штейнер, Кант и кантианцы даже не подозревают. В силу этого Гете невысоко ценил кантовскую философию. Если он и использовал отдельные ее положения, то лишь придав им смысл, совершенно отличный от первоначального. О том, что Гете прекрасно осознавал различие между своим и кантовским мировоззрением, стало известно из записки, впервые обнаруженной после открытия архива Гете в Веймаре. По Гете, основная ошибка Канта состоит в том, что тот "субъективную способность познания трактует как объект и при этом точку встречи субъективного и объективного выделяет хотя и решительно, но не вполне правильно". Встреча субъективного и объективного происходит, когда сказанное внешним миром и услышанное внутри себя человек объединяет в единую сущность вещи. Но после этого противоречие между субъективным и объективным совершенно исчезает, оно растворяется в единой действительности" (Goethes Weltanschauung in seinen "Spruchen und Prosa" // Einleitungen. S. 330—331). Добавим, сам Гете часто именует эту третью действительность "живое целое" (lebendiges Ganzes).

⁴⁸ Имеется в виду, что Кант, будучи дуалистом, разделял мир явлений (здесь: чувственный) и "вещь в себе" (здесь: сверхчувственный), а Гете рассматривал обе эти сферы как целостность — чувственно-сверхчувственное единство.

⁴⁹ Ормузд (перс.: Ахура-Мазда — "премудрый владыка") и Ариман (перс.: Ангхра-Манью — "враждебный дух") — благой и злой боги в зороастризме; здесь: силы света и тьмы.

⁵⁰ Свет, согласно Гете, является модификацией оптического прафеномена: не анализ, как в ньютоновской оптике, не синтез (в понимании Белого) как механическое сложение элементов призмы, но символ, явленный как единственно доступная нам форма прафеномена, т. е. целостность (здесь: "светотень"), заключенная в живом чувственном образе.

⁵¹ Опровержение теории флогистона связано с именем А. Л. Лавуазье — с открытием им кислорода (1774), созданием кислородной теории горения (1777) и установлением состава воды (1783).

⁴⁶ Бельй (как и Штейнер) понимает истинную идею Гете как "явленную" идею, но "явленную" не в обычном, а в "чистом опыте". Подтверждение этому они находят, например, в афоризме Гете "Кто довольствуется чистым опытом и в согласии с ним поступает, у того достаточно истинного" (Goethes Werke. Bd. 7. S. 510). Таким образом, идея понимается как часть опыта (чистого), поэтому Бельй в данном контексте называет ее не "примышленной", но "видимой".

⁴⁷ В эпоху Гете существовали две теории света: *корпускулярная* теория, которую поддерживал Ньютон, изучала свет как "колебательные" движения частиц (корпускул); *волновая* теория, которую развивали Декарт и Гюйгенс, интерпретировала свет как движение волн эфира. *Эйлер* же, будучи сторонником волновой теории света, рассматривал волну как периодическое колебательное движение, которое и определяет свет.

⁴⁸ Джон Гершель изучал, как и Гете, явление поляризации света.

⁴⁹ Огюстен Жан Френель — один из самых авторитетных сторонников волновой теории света, благодаря которому она стала господствовать в физике начала XIX в.; в 1815—1823 гг. выполнял считающееся классическим исследование поляризации и дифракции света.

⁵⁰ Оптика Ньютона, в том числе и его наука о цвете, подчиняется строгим механико-математическим законам. Например, цвет он измерял "рациональным" методом, определяя: 1) ширину цветных полос в призматическом спектре; 2) толщину воздушных слоев между соприкасающимися линзами, дающими интерференционный спектр.

⁵¹ О физиологической оптике Гете см. примеч. 16 наст. гл.

⁵² Бельй обыгрывает популярные изречения: знаменитое высказывание Архимеда во время спуска на воду гигантского судна при помощи системы рычагов: "Дайте мне точку опоры, и я переверну мир" и известную цитату из предисловия к "Общей теории неба" Канта: "Дайте мне материю, и я построю из нее мир".

⁵³ Имеются в виду слова Гете, сказанные им Эккерману: "...всем, что я создал как поэт, я ничуть не горжусь. Вместе со мною жили превосходные поэты, еще лучшие жили до меня и будут жить после меня. Но что в своем столетии в трудной науке учения о цвете мне одному известна истина, это преспоколяет меня гордости и сознания превосходства над многими" (Разговоры с Гете. С. 287).

⁵⁴ Преломление света — явление, происходящее при падении светового пучка на границу, разделяющую две прозрачные среды, и заключающееся в том, что при прохождении светового пучка через границу изменяется направление распространения света.

⁵⁵ Ньютон считал, что при каждом преломлении света возникает побочное рассеяние света, и понимал это как неустраняемую неисправность линз телескопов. Но в середине XVIII в. английский оптик Джон Доллонд открыл возможность создания ахроматических объектов из комбинации линз, сделанных из разных сортов стекла. Этот факт дал Гете повод усомниться в правильности теории света Ньютона и провести собственные наблюдения.

⁵⁶ Крон (нем.: Kronglas) — оптическое стекло с малой разницей в показателе преломления световых волн различной длины; флинт (нем.: Flintglas) — оптическое стекло с большим показателем преломления, чем простое стекло, и большей дисперсией (рассеянием) света.

⁵⁷ Вероятно, ошибка памяти Белого: первая работа Ньютона по оптике "Новая теория света и цветов", в которой он высказал мнение о "телесности света" (кор-

пускулярная гипотеза), была им изложена в виде доклада в Лондонском королевском обществе в 1672 г.

⁴⁰ Научная картина мира, созданная Ньютоном, и дальнейшая абсолютизация законов механики привели к представлению о том, что вся Вселенная (от атомов до планет) является замкнутой механической системой, состоящей из неизменных элементов и подчиняющейся законам ньютоновской (классической) механики; в свою очередь, классическая механика XVII—XVIII вв. выработала специфические представления о материи, движении, пространстве и времени, протяженности и т. д., которые легли в основу философии, объясняющей развитие природы и человеческого общества механико-математическими законами (Декарт, Спиноза).

⁴¹ *Status nascendi* (лат.) — состояние зарождения.

⁴² *Præius* (лат.) — более раннее, предшествующее, т. е. исходное (положение).

⁴³ В частности, Декарт рассматривал животных как "машины", т. е. как полностью материальные существа (только протяженные, но не мыслящие субстанции), подчиненные механическим законам природы. Но уже французский материалист Ламетри в трактате "О душе" (1745) распространил эту идею Декарта на человека и ввел понятие "человек-машина", сравнивая его с особым "часовым механизмом".

⁴⁴ В философских системах XVII в. (у Декарта и Спинозы) мир разделен на две самостоятельные и независимые части — протяженную (бездушная природа) и мыслящую (бестелесный дух). Правда, Декарт считал их двумя атрибутами (действиями) противоположных субстанций, Спиноза же — противоположными атрибутами единой и единственной субстанции (Бога).

⁴⁵ Английский ученый и богослов Роберт Бойль, являясь последователем Бэкона Веруламского, подходил к изучению природы на основе опытных данных (открыл закон сжатия газов, так наз. закон Бойля-Мариотта, проводил опыты над электричеством и магнетизмом), но одновременно занимался чисто "духовной" (религиозной и богословской) деятельностью, завещал капитал для основания ежегодных чтений об истинных Откровениях.

⁴⁶ Итальянский ученый Галилео Галилей открыл историю динамики: он первый выдвинул идею об относительности движения, решил ряд основных механических проблем, прежде всего, изучил законы свободного падения, а его ученик и последователь Торричелли сформулировал принцип движения центров тяжести, таким образом, уже до Ньютона была выдвинута физическая гипотеза о том, что, благодаря силе тяжести, свободно падающие и брошенные тела движутся по прямой.

Другая группа физиков, которую упоминает Вельи (Келлер, Кирхер и Декарт), не признавая силы тяжести и наблюдая за движением планет, считала, что тела, предоставленные сами себе, движутся по окружности или эллипсу: Келлер рассматривал Солнце, занимавшее один из фокусов эллиптической орбиты, как источник силы, приводящий планеты в движение, Декарт описывал движение при помощи понятия "вихрь" и т. д.

⁴⁷ Картезианство (философия Декарта и его последователей) являлось во времена Ньютона наиболее влиятельным научно-философским направлением в континентальной Европе (особенно во Франции и частично в Англии).

⁴⁸ Ньютон излагает свою "телесную" (корпускулярную) теорию света при помощи математических формул и числовых пропорций (см.: *Ньютон И.* Оптика. М., 1927).

⁴⁹ Якоб Молешотт считал, что все психологические и духовные процессы имеют вещественно-физиологическую природу и зависят, в частности, от характера пищи,

ее состава и т. д.; таким образом, он как бы дал вульгарно-материалистическое завершение механистическим представлениям Ньютона, распространив их на сферу "духа": свет здесь теряет свою духовную основу и превращается в чисто физиологическое явление. Гете же, считает Бельй, сумел сохранить в свете духовную сущность, хотя и подошел к его изучению тоже с позиций физиологии.

"Метнер имеет в виду Канта и его (критическое) толкование "чистой" механики и математики: "...не наблюдение говорит критически осматрительному наблюдателю о механизме природы, а наоборот, идея о таком механизме, выросшая на почве логико-математического свойства нашего интеллекта, невольно предпосылается наблюдению, — и все наблюдение незаметно подчиняется этой предпосылке. Заслуга же критицизма по отношению к механицизму именно и заключается в ограничении и в регулировании последнего" (Размышления о Гете. С. 132—133).

"Речь идет о статье Штейнера "Гете против атоанизма", помещенной в IV томе (1 часть) "Естественно-научных сочинений" Гете.

"Совершенно правильно отмежевывает Штейнер теорию Гете от теории виталистов и механицистов. Но оценка этих теорий, как и следовало ждать, у него ошибочна. Он не отдает должное сознательному, себя разумно ограничивающему механицизму; ставит витализм над механицизмом (<...> видит в воззрении Гете как бы шаг вперед от витализма, не сумевшего узреть *сверхчужестное в чувственном органическом образе*, в чем будто именно и заключается заслуга Гете" — так начинает Метнер § 1 названной главы, которую имеет в виду Бельй в данном контексте. Далее на основе небольшой статьи Гете "Влечение к оформлению" ("Bildungstrieb") 1817 г., которую Метнер называет "важной для понимания как биологизма, так и критицизма Гете" (Размышления о Гете. С. 130), он рассуждает о понятии "жизненная сила", положенном в основу теории виталистов (лат.: *vita* — жизнь). В этой связи Гете пишет, что "...у органической материи, какой бы живой мы ее себе ни представляли, всегда остается несколько вещественный характер. Слово "сила" обозначает прежде всего нечто только физическое, даже механистическое, и то, что должно организоваться из этой материи (средством жизненной силы. — И. Л.), остается для нас темным, непонятным пунктом" (Goethes Werke. Bd. 12. S. 37). Таким образом, согласно Гете, понятие "жизненная сила" не способно полностью описать специфику организма, поэтому он вводит понятие "влечение", "усиленная деятельность", нечто "антропоморфное", — силу, осуществляющую оформление организма. Метнер в этом рассуждении Гете видит противопоставление понятий силы и материи понятию жизни и считает, что Гете не сделал "шага вперед" по отношению к витализму, но "осудил раз навсегда витализм и вообще всякую монистическую путаницу (<...> и тем самым еще раз скрепил свой дуализм" (Размышления о Гете. С. 131), т. е. разделил мир, подчиняющийся механико-математическим законам, и царство органической природы. Штейнер же строит другую цепочку: механицизм — витализм — гетевский органицизм — антропософская "духовная наука"; гетевская "органическая" "сила" (оформляющее влечение) имеет внутренний (сверхприродный) источник, духовное начало, которое Гете именует "Бог, Творец, Вседержитель" (Goethes Werke. Bd. 12. S. 37). Поэтому Штейнер называет Гете, как и себя, "духовным монистом". Сам Гете считает, что "если органическое существо вступает в явление, нельзя постичь единства и свободы оформляющего влечения без понятия метаморфозы" (S. 38). Т. е. отдельная жизнь может быть понята и оценена лишь в контексте Жизни как таковой, в основе которой действительно лежит "дыхание", "дух".

¹¹ Итака — остров в Средиземном море, который считается родиной легендарного древнегреческого героя Одиссея.

¹² То общее, что объединяет Платона, Аристотеля и Гете, Белый находит в их взглядах на идеальное. Платон онтологизирует идею, считает ее трансцендентальной умопостижимой формой, существующей выше бытия и небытия, но отдельно от единичных вещей. Аристотель также признает наличие идеального "всеобщего" — "род", "вид", т. е. родовую или видовую "форму" вещей, но в отличие от Платона считает эту "форму" внутренне присущей самой вещи, составляющей ее сущность. В его философии впервые, пишет Трубецкой в "Учении о логосе", на которое неоднократно ссылается Белый, "конечная цель" (форма. — И. Л.) представляется как начало, имманентное самим вещам, как действующая энергия, как организующее начало. Понятие организма как внутренне связанного целого, имеющего в себе начало своей цельности, было впервые философски разработано Аристотелем (Трубецкой С. Н. Сочинения. М., 1994. С. 75). Эта "форма" — "энергия" Аристотеля близка гетевскому понятию органического "оформляющего влечения" (примеч. 70 наст. гл.), которое он иногда вслед за Аристотелем называет в более общем смысле "энтелехией". В истории философии, — считает Белый, "в Платоне — линия вверх: от ощущений к над-личным идеям; в Аристотеле — поворот: от идеи к "индивидуальной" подоснове опыта, к субстанции" (История души. С. 254); но оба учения, как выражается Белый, "испорчены" в средневековье: крайний реализм Белый связывает с линией "многого" Платона, а крайний номинализм — с "псевдо-аристотелианством" или феноменализмом. Гете же, и здесь Белый в своих рассуждениях следует за Штейнером, восстанавливает платоническое мировоззрение (непосредственное созерцание идей) аристотелевским методом ("углублением" в сущность вещей и предметов природы), но лишь для области наук о природе.

¹³ Речь идет о Гете и Платоне.

¹⁴ Белый имеет в виду аристотелевскую теорию света и цветов, которую продолжил Гете в своем "учении о цвете" и согласно которой свет — это энтелехальная форма, воплощающаяся в материи. Конкретный свет (у Гете — цвет), таким образом, представляет собой единство "формы"-света и материи-тьмы.

¹⁵ Штейнер в данном контексте приводит гетевское понимание символизма: "Символизм превращает явление в идею, идею в образ, и притом так, что идея всегда остается в образе бесконечно действительной и недостижимой и, даже выраженная на всех языках, осталась бы все-таки невыразимой" (Goethes Werke. Bd. 7. S. 522).

¹⁶ Ср. у Гете: "Аллегория превращает явление в понятие, понятие в образ, но так, что понятие все еще содержится в образе в определенной и полной форме и при помощи этого образа может быть выражено"; "Истинный символизм там, где частное является представителем всеобщего, не как греза или тень, но как живое мгновенное откровение того, что не поддается исследованию" (Goethes Werke. Bd. 7. S. 428). В данном контексте Белый имеет в виду "теорию" как "созерцание" (примеч. 29 к гл. 2).

¹⁷ Метафизика (греч.: *metà tà physiká* — после физики) — название работ Аристотеля, которые были расположены его учениками в списке трудов после "физики" и в которых были собраны размышления Аристотеля по общим философским проблемам — о "бытии самом по себе" (проблемы сущего, бытия, познания, начал). Поэтому "физика" Гете, конечная цель которой — изучать прафеномены (здесь познание цветности как проявленного света), названа в данном контексте "метафизикой" (= постижение света = идея = всеобщее).

⁷⁸ Метнер пишет: "Символизм" требует особенно критического сочетания плюрализма, дуализма и монизма; это сочетание жило в Гете и живило его творческую мысль" (Размышления о Гете. С. 190).

⁷⁹ Поскольку Ньютон понимал свет как механическое сложение отдельных цветов, т. е., в сущности, отрицал его наличие, то, значит, для него не имело смысла и понятие "тьма" (как противоположность свету). Гете же следует в своих представлениях о цвете за аристотелевской традицией (примеч. 74 наст. гл.).

⁸⁰ Минотавр — в древнегреческой мифологии это человеко-бык, живущий на Крите и охраняющий лабиринт царя Миноса. Великолепная аллюзия, вполне понятная в контексте книги и не являющаяся оскорблением Метнера, как ее истолковали критики Белого, а "игровым" образом кантлянца Метнера, сломавшего свой "рог" о кантовский "лабиринт", куда не смог войти даже Гете (примеч. 41 наст. гл.).

⁸¹ Примеч. 27 к гл. 2.

⁸² Белый не называет здесь Метнера, хотя полемизирует конечно же с ним. Метнер в своем понимании "объяснения" природы ссылается на Гельмгольца, который замечает, что с точки зрения физики явление природы может считаться "вполне объясненным", если оно сведено к "последним силам природы, лежащим в основе его и в нем действующим (<...>). Но так как мы никогда не воспринимаем сил самих по себе, а только их действие, то мы вынуждены в каждом объяснении явлений природы покидать область чувственности и переходить к невоспринимаемым, лишь через понятие определяемым вещам (<...>). Но такое орудование понятиями не есть объяснение, а практически-отвлеченное схематизирование" (Размышления о Гете. С. 469—470).

Вопрос о границе познания имеет для Белого существенное значение, и он не раз к нему возвращается. В статье "Световая градация Гете" он утверждает неправомочность подобной постановки вопроса: "может быть лишь вопрос о границе познаний рассудка" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 36. Ед. хр. 4. Л. 27). "Предмет всегда познаваем, или же предмета и нет: возникновение непознаваемого предмета есть всегда показатель предметного мышления и начало мышления бес-предметного, т. е. жизнь самой мысли — преддверие царства разума; у преддверия этого рассудок нам создает аберрацию: "предмет", перекинутый через границу: за-границный предмет есть жизнь в себе мысли: изменение характера мышления (<...> ...если бы мы спросили: возможно ли вне-понятийно мыслить, и если возможно, то как — вместо догматики о границах возникла бы новая проблема познания: чем должно быть познание: каково его отношение 1) к данному, 2) к данному методически" (Л. 29—30).

⁸³ Ритм — одна из важнейших категорий в философско-эстетической системе Белого, как и в кругу русских символистов вообще, так как именно ритм организует гармонию Вселенной, превращает ее в единое целое. Чтобы слегка сгладить полемический настрой Белого, приведем характеристику ритма, данную Метнером, вполне совпадающую, хотя и не столь изысканно выраженную, с мнением Белого: "Вначале был ритм. Так говорит не только Ганс фон Бюлов и др. музыканты, но и астроном Ферстер. "Ритм имеет в себе нечто магическое: он заставляет нас верить в то, что возвышенное принадлежит нам", — так говорит Гете (<...>). Ритм есть творчески-первичный элемент, нечто индивидуальное, врожденное в своем движении, иррациональное". И далее в связи с музыкой Метнер продолжает: "Ритм есть творческая идея (выделено мною. — И. Л.), такт является бессодержательно-формальной грамматической данностью музыкальной речи, а метр представляет собою неизбежный жизненный компромисс, без которого невозможно воплощение ритма" (Воль-

финг. Модернизм и музыка. М., 1912. С. 355—358). Таким образом, речь идет о ритме, как и в данном контексте, воплощающем первичный "смысл". И в этом значении "ритм" представляет собой особую "подвижную" форму, способную объединять материал, проявлять его внутреннюю "идею". Для Белого музыкально-поэтический ритм — одно из соответствий-символов (с маленькой буквы) главной творческой формы, организующей гармонию бытия — "Символ" (с большой буквы), как и философская "идея" (идея в явлении), природный "организм", человеческое "само-сознание", религиозный "Дух". В статье "Почему я стал символистом..." он писал: "...сферой же искомого символа мне было самое прочтение принципа культуры как ритма и ритма как выявления человеческого Духа из свободы" (Символизм. С. 478).

⁴⁴Контрапункт, наряду с ритмом, — одно из центральных понятий философии и эстетики Белого. О контрапункте как конкретном элементе поэтики и интерпретацию его "музыкального" смысла в отдельных произведениях Белого см.: Гервер Л. Андрей Белый — "композитор языка" // Музыкальная академия. 1994. № 3. Но для Белого это не просто технический прием. Этим музыкальным термином Белый часто обозначал некое мировоззренческое единство в множественности, гармоническое слияние теоретического и интуитивного познания, способность к анализу и синтезу одновременно. Схема контрапункта, пишет он в "Эмблематике смысла", "в переложении и сочетании мировоззрений; принцип контрапункта — критицизм, соединенный с гнозисом символизма" (Символизм. С. 438). Собственное мировоззрение и антропософию он также характеризует как контрапункт: "...гуг и там поштыга вопрос о мировоззрении заменить теорией мировоззрительного контрапункта" (Почему я стал символистом... // Символизм. С. 456). Семантическое поле этого слова пересекается у Белого с семантическими полями других слов, которые также в той или иной мере выражают "смысловую связь" (символ, градация, ритм, сознание и др.).

⁴⁵Метнер имеет в виду, что "окультный" способ познания Штейнер обосновывал с помощью точных наук (нем.: exakt — точный).

⁴⁶Монизм эпохи рубежа XIX—XX вв. связывался с именем Геккеля и сближался с материалистическим способом познания, так как Геккель в 1906 г. основал "Союз монистов", который ставил целью борьбу с религией и пропаганду материализма (с 1912 г. "Союз монистов" возглавил физик Вильгельм Фридрих Оствальд. Штейнер же называл свое мировоззрение "мысленным монизмом" (Философия свободы. С. 157), а о материалистическом монизме писал, что "представители современного монизма, с профессором Геккелем во главе, узнают в Гете пророка дарвинизма; представляют себе органическое, совершенно в их смысле — подчиненным законам, действующим в неорганической природе. Чего Гете недостает, так это селекционной теории, с помощью которой, мол, только Дарвин обосновал монистическое мировоззрение" (Abschluss über Goethes morphologische Anschauungen // Einleitungen. S. 116). См. также примеч. 9 к гл. 2.

⁴⁷Имеется в виду, что основу и природы, и искусства (здесь: изобразительного) составляет единая нематериальная сущность — дух (свет).

⁴⁸Примеч. 24 наст. гл.

⁴⁹Белый имеет в виду рассуждение Штейнера, который в статье "Гете против атомизма" называет "нелепостью" фразу из выступления Гельмгольца на заседании гетевского общества в Веймаре 11 июня 1892 года: "Можно сожалеть, что Гете была неизвестна уже открытая к тому времени Гюйгенсом волновая теория света, она дала бы ему в руки более правильный и наглядный "прафеномен", чем этот, едва ли

подходящий сюда и спутанный процесс прохождения света через мутные среды" (Einleitungen. S. 313). Метнер же, напротив, ссылаясь на работу Гельмгольца "О естественно-научных трудах Гете", соглашается с его мнением, что Гете "вынужден (!) был выступить вражески против механицизма, угрожавшего сжечь мутно его поэтическому благополучию" (Размышления о Гете. С. 471).

"Белый, в сущности, поднимает вопрос не Гете, а Штейнера, который считает, что Гельмголец, как и вообще современная физика, пытается "растворить" чувственно воспринимаемый процесс в чувственно невоспринимаемых механических движениях" (Einleitungen. S. 313), рассматривает чувственные восприятия (здесь: восприятия качеств. — И. Л.) как "субъективные состояния, вызванные объективными процессами", что для Штейнера — "бессмысленно" (Einleitungen. S. 318), так как чувственные ощущения (наше восприятие) отражают объективный характер действительности.

"Далее в § 39—42, отталкиваясь от доказательства существования нескольких "механик", Белый, по сути, предлагает стройную систему точных наук, обобщающую возможность "метаморфозы" — органического принципа Гете (толкуемого широко), а значит, возможность символизма и "духовной науки" Штейнера.

"Метнер имеет в виду гетевский "поэтический" "угол зрения", что все-таки не вполне точно: "Для физики "истина" то, что помогает ей овладеть физическим миром; для Гете "истина" то, что плодотворно для мира духовного. Девиз физики — знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы как можно прочнее овладеть; девиз Гете — знать, чтобы создать образ, создать образ, чтобы как можно прочнее полюбить" (Размышления о Гете. С. 120).

"В Истории души Белый отмечает: "...аритмос — число (греческое); аритмология — наука о числах" (С. 61). Этот раздел математики разрабатывал отец Белого, Н. В. Бугаев. "Как математик, — писал об отце Белый, — он включал в теорию эволюции революционную роль скачка, прерыва, вероятности, качества (...). Он выдвигал: качественную количественность против только количественности (...). Так он подошел к своей основной качественной количественности, которую назвал неразложимым целым, доказывая, что Лейбницаева монада может соответствовать этому наглядному, упрощенному представлению, которое научно вскрываемо лишь в аритмологии" (На рубеже. С. 171—172). Перенесение аритмологии в механику, согласно Белому, создает возможность для "качественно-количественной" физики. Метнер же считает физику чисто количественной наукой: "...она все беспощадно превращает в количество, т. е. в число и движение; ее следует упрекать не тогда, когда она так поступает, а за то, что она долгое время не совсем поступала так и потому путалась" (Размышления о Гете. С. 115).

"Возникшая в середине XVII в. теория вероятностей — математическая наука, выясняющая закономерности, которые возникают при взаимодействии большого числа случайных факторов, во времена Белого развивалась преимущественно русскими математиками, в том числе и профессором Московского университета Н. А. Умовым, допускавшим ее применение не только в математике, но и в физике.

"Аллюзия на высказывание Метнера о "материалистическом мировоззрении натуралиста" как о чем-то саморазумеющемся: "...это старо по меньшей мере как... книга А. Ланге "История материализма". Фридрих Альберт Ланге, представитель т. наз. критического идеализма, толковавший кантианство (кантовский априоризм) с психологической и даже психофизической точки зрения, наиболее известен своей работой "История материализма и критика его значения в настоящее время" (1866, Рус. пер. 1881—1883). Позже в Ответе Белому Метнер напишет, что "здесь

в памяти А. Б-го застрял клочок наших первых "острейших бесед" 1902 г., когда Ланге служил нам неоднократно темой" (Л. 306).

"Этими "случайными" примерами ("тремя установками") Белый подтверждает идею развития науки от строго количественной дисциплины в качественную, а затем в качественно-количественную, изучающую "комплексы" (см. далее): Декарт (1) дал определение силы, которое было выражено во 2-м законе Ньютона: "В силе содержится то же, что в ее проявлении", т. е., говоря словами Белого, "феноменализировал" ее. Обе физики сводили все явления к перемещению тел и их механическому воздействию друг на друга. Но картезианская физика, отрицая пустое пространство, признавала только материю и движение: "твердая" материя (тела) "плавают" в "жидкой" (эфир), а их совокупная масса движется в определенном направлении в зависимости от полученного непосредственного удара или толчка. Ньютон (2) утверждает наличие пустого пространства и упраздняет эфир (жидкую материю, заполняющую пространство), т. е. вводит действие на расстоянии и состояние покоя. Значит, оставаясь первым условием движения, сила может действовать "скрыто" (например, сила тяготения). Правда, механики и Декарта, и Ньютона имеют дело только с количеством (силы). Гельмгольц же и Джоуль (3) в данном контексте — это персонафикация физики преимущественно качественной, которая имеет дело с энергией — "внутренней" силой, изменяющей уже качественное состояние тела. В следующем параграфе Белый дополнит картину еще одним видом силы — "волевым импульсом" (внутренняя сила, приводящая к качественно-количественным изменениям), т. е. антропософской "окультурной силой". С точки зрения Штейнера, "здесь сама идея является причиной. И это происходит тогда, когда мы говорим о воле. *Итак, воля — это сама идея, постигнутая как сила*" (Wissen und Handeln im Lichte der Goetischen Denkweise // Einleitungen. S. 197).

⁹⁷ *Quantitas* (лат.) — количество, сила.

⁹⁸ *Qualitas occulta* (лат.) — скрытое качество, свойство, здесь также: "окультурная сила".

⁹⁹ "Законы динамики, — характеризует Белый соотношение ньютоновской механики и антропософского понятия импульс в Истории души, — есть отражение в душе рассудочной ритмов эфирного тела, где эти ритмы — органика процессов жизни и где самый закон тяготения есть, так сказать, экспульсация импульса жизни (или — проекция его в схему законов воле" (С. 628).

¹⁰⁰ См. об этом: *Рижерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903; *Наука о природе.* СПб., 1911.

¹⁰¹ Боевой конь Дон Кихота из одноименного романа Сервантеса, на котором он совершал свои "рыцарские" подвиги, представляющий собой в реальности полудохлую клячу.

¹⁰² Прогрессия и регрессия, согласно В. Вундту, — это механическая причинность и природная целесообразность, т. е. целесообразность есть причинность, рассмотренная в обратном порядке. В работе "Система философии" (рус. пер. 1902 г.) Вундт доказывает обратимость этих понятий, и даже в ряде случаев их совпадение (см. об этом статью Белого "О целесообразности" — 1905 г. — из сб. "Арабески"). Комплекс, о котором далее говорит Белый, и является подобным целесообразным (телеологическим) единством. Наука, считает Белый, должна перейти от изучения причинных (количественных) отношений элементов к исследованию их целесообразной (качественно-количественной), т. е. символической (или "антропософской") связи — научных комплексов.

¹⁰³ Белый считает, что "предметы в сознании суть индивидуальные комплексы (организация, образы); и их образный смысл в жизни есть нам подлинный смысл; в разложении образа по научным рядам рассыпается образ в градацию научных понятий; и первого смысла в них нет; испаряется образный смысл (и с ним жизненный смысл <...> научная истина отрезает от смысла" (Основы моего мировоззрения. С. 20—21). Поэтому "новые" естественные науки, созданные на базе антропософии, будут иметь дело не с единицами и элементами, а с "комплексами", "организованными системами", "индивидуумами". В "новой" физике понятие силы, в которой выявится ее "энергетическая" (смысловая) основа, перейдет в понятие импульс (идея, постигнутая как сила). "Новая" математика будет изучать не вообще число, а "данное число, как в себе самом замкнутую, законченную фигурально-индивидуальную вселенную", так как внутри каждого числа имеется "свой числовой ряд, обусловленный количеством пунктов фигуры" (История души. С. 671). В этой связи Белый необычайно высоко оценивает лейбницевское открытие дифференциального исчисления, давшего "возможность делить расстояние от пункта до пункта на бесконечно малые отрезки, имеющие значимость лишь между двумя пунктами" (С. 672), и аритмологию, созданную его отцом (примеч. 93 наст. гл.).

¹⁰⁴ В "Эмблематике смысла" Белый также упоминает Харальда Геффдингга, который указывает "на существование познаний, не совпадающих друг с другом ни в одном пункте", в зависимости от того, имеем ли мы дело с научной формой (статическое познание) или с религиозными символами переживаний (динамическое познание), с условными понятиями науки или с условными образами переживания (Символизм. С. 37). Об этом см., напр.: *Геффдинг Х.* Современная философия. М., 1907.

¹⁰⁵ Штейнер в статье "Гете как мыслитель и исследователь" характеризует ступени "объяснения" мира: 1) "понятие" дает нам возможность высказать о внешнем мире то, что не поддается восприятию <...>. Лишь с помощью понятий нам впервые становится ясно, что мы наблюдаем <...>. Таким образом, лишь в понятии мир впервые обретает свое полное содержание <...>. То, что в чувственном мире раздельно, объединяется и выступает в понятии как единое целое"; 2) опыт: "если чувственно-реальное существо поднимается лишь до такого бытия, где оно пребывает целиком вне понятия и лишь в своих изменениях подчиняется этому последнему как закону, то такое существо мы называем неорганическим <...>. В этой сфере мы имеем дело с феноменами и законами, которые, если они являются первообразными, могут быть названы прафеноменами"; 3) идея: "Но чувственное единство само может указывать на нечто, его превосходящее <...>. При этом понятийно постигаемое предстает как чувственное единство <...>, понятие появляется не вне чувственного многообразия, но внутри него — как принцип, ...не в собственной своей форме, но как тип", прото-тип, метаморфоза идей (идея в явлении) (*Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen. S. 258—301*).

¹⁰⁶ В Очерке теории познания Штейнер рассматривает "органику" Гете как "высшую форму науки о природе. Лежащее выше ее принадлежит к наукам о духе" (С. 81): "как в органике всегда надо иметь в виду всеобщее, идею типа, в науках о духе необходимо держаться идеи личности. Дело не в идее, как она изживается во всеобщности (в типе), но как она проявляется в отдельном существе (в индивидуе). Конечно, важна не случайная отдельная та или иная личность, а личность вообще (С. 93). В антропософских сочинениях Штейнера в подобном контексте появляется Иисус Христос (как идеал совершенной "личности" и образец будущего

Духочеловека). Об определенном сходстве этих идей Штейнера с представлениями В. Соловьева об "идеальном человечестве", которое имеет в виду Белый (см. примеч. 46 к гл. 2).

¹⁰⁷ Белый вслед за Штейнером интерпретирует древнюю герметическую идею о совпадении макрокосма (природы) и микрокосма (человека). "Идея неорганической науки, — пишет Штейнер в Очерке теории познания, — понять совокупность всех явлений как целостную систему так, чтобы мы сознанием нашим в каждом отдельном явлении узнавали звено Космоса (здесь: протофеномен. — И. Л.). В органической науке, напротив, идеалом будет иметь перед собою в типе и в формах его явлений в наибольшем совершенстве то, что мы видим развивающимся в ряде отдельных существ" (здесь: "проявление" идеи "невидимого" микрокосма. — И. Л.) (С. 79).

¹⁰⁸ См.: Р. Штейнер. "Философия свободы" (1894). В статье "Основы моего мировоззрения" Белый определяет это штейнеровское понятие: "Философия есть философия свободной мысли; а мысль, взятая в форме, и в форме утилитарной (для приложения к опыту), не есть свободная мысль <...>; мысль в законах, или Кантова мысль, — мысль в оковах. Философия есть философия свободы; в философии свободы мы изучаем самое возникновение в сознании априорных форм Канта (С. 18).

¹⁰⁹ Аллюзия на метнеровское высказывание: "Естествоведение Гете вовсе не наука, а своеобразная область между искусством, наукой и философией" (Размышления о Гете. С. 97).

¹¹⁰ Примеч. 41 к гл. 2.

¹¹¹ Штейнер и Метнер говорят о двух разных понятиях "эфира". Метнер имеет в виду эфир (*греч.*: *aither* — верхние слои воздуха) как физическую гипотезу, которая господствовала в науке вплоть до появления специальной теории относительности Альберта Эйнштейна и согласно которой "мировой" или "световой" эфир — всепроникающая среда, выполняющая роль переносчика света и электромагнитных взаимодействий вообще. Штейнер же рассматривает эфир как один из антропософских "духовных миров", т. е., в сущности, переосмысляет натурфилософское понимание эфира, введенное еще Аристотелем для обоснования неуничтожимости небес и воспринятое натурфилософской традицией вплоть до Гете, Шеллинга и Гегеля, где эфир — одна из "мировых" (онтологических) субстанций, "стихий"; отсюда — теософско-антропософское понятие эфирного, или стихийного тела, форма которого — "колебания" света, т. е. "видимые" образы "фантазии", во-ображения в его натурфилософско-мистическом смысле (примеч. 27 к гл. 3).

¹¹² Пространство, с точки зрения Штейнера, — это то, что "обеспечивает возможность перехода от одной вещи к другой, если вещь сама по себе не важна...", это способ постижения мира как единства: "определенный взгляд на вещи, способ, каким наш дух связывает их в единство. Кант радикально заблуждался, когда полагал, что пространство есть *totum*, тогда как на самом деле оно есть понятийно определяемая в себе сущность <...>. Пространство есть идея, но не созерцание, как полагал Кант" (*Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen*. S. 258—301). Как мы видим, Метнер принимает кантовское понимание пространства и с этих позиций критикует Штейнера.

¹¹³ Примеч. 21 наст. гл.

¹¹⁴ Имеется в виду следующее высказывание Гете: "Глаз обязан своим существованием свету. Из безразличного животного вспомогательного органа свет вызывает

для себя к жизни орган, который был бы ему подобен, и так образуется глаз при помощи света и для света, чтобы свет внутренний шел навстречу свету внешнему" ("Einleitung zum Entwurf einer Farbenlehre").

- ¹¹⁵ Если бы глаз не был солнцеподобным,
он никогда не смог бы увидеть солнце;
не будь в нас присущей Богу силы,
как могло бы восхитить нас божественное?

Пер. А. В. Михайлова

Идея "солнцеподобия" глаза по своему происхождению очень древняя. См. об этом: *Василов С. И.* Глаз и солнце (О свете, Солнце и зрении). М., 1976. Само четверостаящие Гете Штейнер связывает непосредственно с учением немецкого мистика Якоба Бёме: "Место, на которое ссылается здесь Гете, находится в книге "Аврора, или Утренняя заря в восхождении"; оно гласит: "Подобно тому как глаз человека видит вплоть до того светила, откуда он имеет свое первоначальное происхождение, так и душа видит до того Божественное существо, в котором она живет" (Goethes Naturwissenschaftliche Schriften. Bd. 3. S. 88). Современные исследователи возводят эти строки к книге Плотина "О прекрасном" (1-я "Эннеада", кн. 6, гл. 9). См. об этом: *Михайлов А. В.* Языки культуры. М., 1997. С. 644—655.

¹¹⁶ В Истории души Бельй "расшифровывает" эту фразу: "Дух и душа — "образ" сам по себе, вне физического каркаса есть реальность в себе более тонкого небесного тела: этому еще учил Демокрит, говоря о световых телесных идолах, вылетающих в процессе зрения из глаз" (С. 69). Согласно учению Демокрита о зрении, от тел "истекают" (отделяются) тончайшие оболочки — образы (греч.: eidola — идолы), оставляя в воздухе свои отпечатанные изображения, которые с помощью встречных истечений из "влажной" части глаз, продвигаясь, попадают внутрь нашего глаза, уменьшаясь по закону перспективы.

¹¹⁷ Метнер понимает восприятие как субъективное чувственное ощущение внешней действительности (здесь: внешней природы), не замечая, что для Штейнера "непосредственное восприятие", о котором идет речь в данном контексте, означает "чувственное" ощущение "чистой" действительности, "чистого опыта", т. е., с его точки зрения, внутренней (идеальной, духовной) сущности внешнего мира и, следовательно, света. О "реальном" свете Штейнер пишет: "Элемент действительности, предстоящий нашему глазу, есть определенный цветовой нюанс, и лишь дух может разделять этот чувственный факт на два духовных начала: свет и не-свет" (Goethe als Denker und Forscher // Einleitungen. S. 258—301).

¹¹⁸ Номен (правильно ноумен от греч. νοῦμενον) — умопостигаемая сущность, в отличие от феномена, постигаемого чувствами. Термин впервые употреблен Платоном (как объект интеллектуального созерцания), именно в этом смысле получил широкое распространение в философии и эстетике символизма. В учении Канта, который отрицает возможность интеллектуального созерцания, ноумен — "вещь в себе", недоступная познанию (как и идея).

¹¹⁹ Речь идет о штейнеровском понимании идеи как "умопостигаемого" "принципа вещей". "То, что философы называют абсолютом, — утверждает Штейнер, — вечным бытием, основой мира, а религия — Богом, мы называем, исходя из нашего теоретико-познавательного разбора, идей (...). Никакая другая форма бытия нас не может удовлетворить, кроме выведенной из идеи (...). Но она не требует выхода за пределы себя самой, она полагает свои основания в себе самой,

обосновывает сущность в себе самой (...). Овладевая идеей, мы попадаем в ядро мира. То, что мы здесь постигаем, есть то, из чего все происходит. Мы становимся едины с этим принципом; именно поэтому является нам идея, которая суть самое объективное, но одновременно и самое субъективное (...). Этот центр может быть только единым (...). Поэтому идея во всех местах мира, во всех сознаниях — одна и та же" (*Von der Kunst zur Wissenschaft // Einleitungen*, S. 162—164).

¹⁰⁹ Скрытая полемика с кантовским определением идеи: "Идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга" (*Критика чистого разума*, С. 486). Белый считает, что Кант, называя идею "понятием", сближает разум и рассудок. В статье "Светлая градация Гете" он выражается яснее: "Понятие" — относительно к рассудку; "понятие разума" есть перенесение рассудочной области в разум" (Л. 23). И тем не менее "идея", согласно Белому, "разумна". А поскольку разум понимается им конкретно, как "живой" индивидум — "сама по себе свободно растущая мысль", а не "бесплодная спекуляция" рассудка, то и идея суть существо, "жизнь мысли", а "проявление разума в "существах" есть проявление в идеях: идеи — существа нашей мысли" (там же).

¹¹⁰ Осмысление понятия "дух" как кипения, становления, характерное для немецкой натурфилософской и философской традиции (от Якоба Бёме до Шеллинга, Фихте, Гегеля, в том числе для Гете и Штейнера), скрыто присутствует в немецком сознании изначально. Немецкое слово "Geist" — не Божественное Дыхание, зародившее жизнь (ср. рус.: дух, душа; родственное лат.: deus — Бог и нем.: Tier — зверь, живая тварь вообще), но некое внутреннее кипение, зарождающееся в самой глубине и стремящееся прорваться наружу и проявить свою "ино=телесность" (индоевропейский корень *g'heis имел значение "гнев, ярость, ужас, раздражение, возбуждение"). Слово "Geist/Geest" со значением "дрожжи, осадок, гуща, пена; забродившее бурлящее варево, "убегающее" из сосуда" встречается даже в ранненовонемецком языке (*Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1897. Bd. IV. Abt. I. Th. 2. S. 2623*).

¹¹¹ "Существующее, сущее" (*греч.*). Белый имеет в виду понимание "сущего" у древнегреческого философа Парменида: единого, конечного, никем не порожденного, неразрушимого и неподвижного; здесь: "ставшее".

¹¹² "Все течет" (*греч.*) — знаменитый афоризм древнегреческого философа Гераклита; здесь: "становление".

¹¹³ Этот закон сформулирован Э. Геккелем в книге "Общая морфология организмов" (1866), где он на базе учения Ч. Дарвина о происхождении видов, которое он считал продолжением теории Ламарка и Гете, создает собственную систему строения живых организмов (морфологию).

¹¹⁴ В основе эволюционной теории Дарвина — простейший организм, развивающийся и видоизменяющийся под воздействием определенных условий среды. "Становление" же, с точки зрения Гете, — это метаморфоза, которую "скрепляет" единый, формирующий организм принцип.

¹¹⁵ Штейнер высоко оценивает заслуги Геккеля за то, что тот в основание мира и жизни кладет органический принцип, но при этом, правда, подчиняет его механическим законам (в духе Дарвина), т. е. не видит духовных первоисточков живого. См., например, лекцию "Геккель, мировые загадки и теософия" от 5.10.1905, опубликованную в журнале "Вестник теософии" (СПб, 1908. № 11).

¹¹⁶ Стадии развития зародыша многоклеточных животных, открытые Геккелем.

¹¹⁰ Пифизм — здесь: пророческий дар (от имени Пифии — жрицы-прорицательницы в храме Аполлона в Дельфах).

¹¹¹ Albernheit (нем.) — велепость, дурачество.

¹¹² Название духовных (высших) миров в ангелологии Штейнера, которая у него является не столько частью онтологии, сколько частью теории познания; антропософский ангел (дух) — это прежде всего особая "живая" духовная субстанция, а уж затем духовное существо в христианском смысле. Поэтому "становящийся" (текущий, кипящий, живой) мир разума штейнеровской философской гносеологии (сущность человека = ядро мира) Белый далее соотносит с более поздними антропософскими категориями познания "духовных миров" — этапами развития сознания (душа рассуждающая и др.), восприятия (имагинация и др.), т. е. с восхождением ангельских иерархий.

¹¹³ Как подобие (греч.: homologos — соответственный, подобный).

¹¹⁴ Для Гете в идее выражается закономерность явлений природы, придающая действительности единство, "содержательность". Для Канта же идея "пуста", "формальна" — единство, создаваемое в ней, не вытекает из объективного опыта, но суть лишь субъективная норма, упорядочивающая наше знание. Штейнер верно считает, что Кант называет идеи не конструктивными принципами, которые имели бы определяющее значение для вещи, а лишь регулятивными, имеющими смысл и значение только для систематики нашего знания.

¹¹⁵ Ссылаясь на "Критику способности суждения" Канта (§ 59), Метнер пишет: "Символическая представляемость есть, по Канту, вид интуиции (другой вид интуиции — представляемость схематическая). Таким образом, в символизме вовсе не преобладает то духовное состояние и действие, которое теософия называет имагинацией; в подлинном символизме налицо интуиция, т. е. такое состояние, которое, попросту говоря, испытываешь тогда, когда смотришь и видишь, притом с неоспоримой доказательной ясностью, то, в чем совпадаешь с природой или с духом: символизмуемая идея именно и есть такой мысленный образ, который создан на основании того, что общего у человека с природой, где они сродни между собою" (Размышления о Гете. С. 499). В данном контексте символ, как его понимает Метнер, не является реально-идеальным образованием (идеи в явлениях) — согласно толкованию Гете и Белого, — более того, его идеальность не созерцаема, но представляема (по аналогии), т. е. трактуется в духе Канта. Ранее в "Эмблематике смысла" Белый отделил свое понимание символа от кантовского. Символ Канта как "представление но аналогии" есть "аллегория". Символ Белого как "монограмма чистого воображения" есть "эмблема" (т. е. истинный символ). Поэтому, думается, Белый прав, когда далее утверждает, что Метнер, возможно, не вполне понимает сущность символического в русском символизме, хотя на словах и соглашается с ним.

¹¹⁶ В высказывании Гельмгольца: "Ощущения органов чувств суть для нас, естествоиспытателей, символы предметов внешнего мира и отвечают им приблизительно так же, как письмены и произносимые буквы вещам, которые ими обозначаются" — Метнер видит продолжение "символического наукоучения" Гете (Размышления о Гете. С. 502). И хотя подобное понимание гетевской науки является некоторым упрощением и формализацией его символизма, Белый также не вполне корректно опускает при изложении мысли Гельмгольца слово "ощущения", тем самым огрубляя и искажая ее смысл.

¹¹⁷ Имеется в виду сборник статей Белого "Символизм". М., 1910.

¹²⁶ Романтический символ мистической тайны мира и его центра, в котором в единую целостность сливаются любовь, поэтическое творчество, познание природы и постижение Бога, выведенный в романе Новалиса "Генрих фон Офтердинген" (1801).

¹²⁷ В полемическом стремлении отделить Гете от Штейнера и связать его с Кантом Метнер утверждает, что понятие символического впервые появляется у Гете в связи с беседами Шиллера и изучением "Критики способности суждения" Канта, хотя уже при первой встрече с Шиллером (см. статью Гете "Счастливые события") он нарисовал "символическое растение", и кантианец Шиллер сам отметил в понимании символа как "видимой идеи" главный пункт расхождения между собой и Гете. Позже в Ответе Белому Метнер подтвердит еще раз кантианское понимание символа у Гете — "теоретически основоположенного при посредстве Шиллера на критицизме Канта" (Л. 322) и "хронологическое совпадение окончательной дуализации и созревание идеи символа в Гете" (Л. 321).

¹²⁸ Ср.: "Я свет миру" (Ив. 8:12).

¹²⁹ В антропософии Сатурн, Солнце и Луна символизируют те формы развития, через которые прошла Земля: "на Сатурне физическое тело человеческого существа было тепловым телом; на Солнце наступило уплотнение до состояния газа или "воздуха"; лунное состояние "может быть обозначено как "вода" — "не наша нынешняя вода, а всякая жидкая форма бытия" (подобно тому как "теплота" в этом смысле соотносится с "огнем", а "воздух" со "светом". — И. Л.). И поскольку теперь, считает Штейнер, душа строит свое тело из четырех стихий: огневой (физическое тело), воздушной (эфирное, или жизненное тело), водной (астральное тело) и твердой "земной" ("Я"), то их можно воспринять и внутри себя, но как сверхчувственные состояния.

¹³⁰ Основы тайноведения, как Штейнер называет свою "духовную науку", изложены в книге "Geheimwissenschaft in Umriss" (1910), рус. пер.: Очерк тайноведения. М.: Духовное знание, 1916.

¹³¹ Умов Н. Эволюция физических наук и ее идейное значение // Русская мысль. 1914. № 2. С. 27.

¹³² Цит. из оды "Бог" (1780—1784).

¹³³ Речь идет о православном подвижнике Серафиме Саровском, одном из самых почитаемых святых в Русской Православной Церкви.

¹³⁴ Гете начал свои опыты по хроматике в 1790 г. и в 1791 г. выпустил первую статью "Сообщения по оптике" ("Beitrag zur Optik").

¹³⁵ Неточность Белого: в 1806 г. вышел не первый том учения о цвете, но его отрывки, в частности последний (шестой) отдел I части: "Чувственно-нравственное воздействие цвета". Оба тома основного труда Гете по хроматике "Набросок учения о цвете" ("Entwurf einer Farbentheorie") появились одновременно в 1910 г.

¹³⁶ Речь идет о новозаветном эпизоде, где рассказывается о Преображении Иисуса Христа, который призвал своих учеников на гору и предстал перед ними в своем Божественном облике, озаренный Светом (например, Мф:17:1); возникшее впоследствии церковное предание связало название горы с ветхозаветной горой Фавор. В XIV в. на Афоне в среде греческих монахов возникло движение исихастов (греч.: пребывающие в безмолвии) — Григорий Синаит, Григорий Палама, Николай Кавьясила, патриарх Филофей и др., которые учили о познании Бога как "энергия", связывая ее с Фаворским Светом. Проводя свою жизнь в аскетизме, непрестан-

ной молитве и "безмолвию" чувств и помыслов, они достигали мистического созерцания Света (Фаворского Света); вероятно, в данном контексте Белый имеет в виду именно этот факт.

¹⁴⁷ Ср.: "Опять говорил Иисус к народу и сказал им: "Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни" (Ин: 8:12).

¹⁴⁸ *Pluralia (лат.)* — множественное.

¹⁴⁹ *Universalia (лат.)* — всеобщее.

¹⁵⁰ *Ante rem, in re, post rem (лат.)* — до вещей, в вещи, после вещей.

¹⁵¹ Учение о конкретном монизме (плюро-дуо-монизм = конкретный символизм = гетевская "идея в явлении"), Белый раскрывает здесь в терминах средневековой схоластики, относящихся к проблеме "универсалий" (родов и видов), поставленной еще в III веке комментатором Аристотеля Порфирием; ее суть в общем виде сводилась к вопросу о соотношении "всеобщего" (номинального) и конкретного (реальной "вещи"); отсюда — появившиеся в данном контексте термины: "всеобщее до вещей", "всеобщее в вещах", "всеобщее после вещей". В И с т о р и и души Белый называет эту "триаду" "тремя логическими разрядами" "метафизической реальности", "тремя логическими модусами" (С. 299). Эта "метафизическая реальность" рассматривается там же как "психофизическое единство" — "уже не монада, она есть диада" как нечто данное в "психо-" и в "физиологическом" виде, и она же монада как целое диады: монада здесь равна триаде" (С. 756). В данном контексте таким "психофизическим единством" ("Я" мира) является Свет, который одновременно суть Фаворский Свет (примеч. 146) и Иисус Христос (примеч. 147). Таким образом, идея конкретного монизма доказывает, согласно Белому, Божественно-индивидуальную основу мира ("Я — Свет").

¹⁵² Роль света в психофизиологии и эстетике рассматривается в 6-м отделе 1-й части "Учения о цвете" ("Чувственно-правственное воздействие цвета").

¹⁵³ Одно из наименований бога Яхве в Ветхом Завете (от общесемитского корня "эл" — "дух, бог").

¹⁵⁴ В знаменитом сонете "Гласные" (1871) Артур Рембо соотносит названия букв с определенным цветом: "А — черный, белый — Е, И — красный, У — зеленый, О — синий..." и т. д. (*Рембо А. Стихи. М., 1982. С. 85*), причем до настоящего времени делаются попытки интерпретировать стихотворение не только как "соответствия" и "аналогия" (в духе западноевропейского символизма), но и как чисто субъективное авторское восприятие. В 1904 г. Э. Гюбер представил широко известное, вероятно и Белому, истолкование этого сонета как случайное детское воспоминание Рембо о букваре, где буквы были напечатаны соответствующим цветом.

¹⁵⁵ Вероятно, имеется в виду одна из работ известного на рубеже прошлого и нынешнего столетий австрийского отнатра Иосифа Грубера.

¹⁵⁶ Пальметта (*фр.: palmette* — украшение в виде пальмового листа) — орнаментальный мотив: стилизованный веерообразный лист.

¹⁵⁷ Названия архитектурных ордеров: ионический ордер (здесь: "колонна") украшен в верхней части завитком или спиралью; коринфский — листьями аканта и завитками.

¹⁵⁸ В "Очерке тайноведения" Штейнер пишет, что "в чувственном смысле "эфирное тело" (здесь: "стихийное тело". — *И. Л.*) отнюдь не является чем-то телесным". Оно суть "комплекс состояний", и необходимо, чтобы физическому телу (комплексу минеральных веществ и сил) придавать определенную форму или образ во время жизни" (*О черк тайноведения. С. 39—40*).

¹⁵⁹ Штейнер называет аурой "видимые для "духовного зрения" различные цвета, которые излучаются вокруг физического человека и окружают его подобно облаку";

аура "принадлежит к человеческой сущности так же, как и физическое тело", и суть проявление "жизни" эфирного (стихийного) тела. См. об этом: Штейнер Р. О человеческой ауре.

¹⁶⁰ Цитата из драмы-мистерии Штейнера "Врата посвящения" (1910):

Филия: Я воспринять хочу
Свет яркий бытия
Из далей мира,
Хочу впитать в себя
Звучащую волну
Из сфер эфира,
Чтобы помочь тебе,
Любимая сестра.

Астрид: Я сплету
Лучистый свет
С дымящейся тьмой
И уплотню
Я волны звука.
Пусть волны
Звуча светят,
Звучат пусть
Волны света,
Чтоб ты могла направить,
Сестра моя, лучи души.

Луиза: Согреть матерью души
Дать плотность жизненному телу
Я помогу охотно,
Пускай сгустится тело.
Душа пусть ощущает
Свои глубины —
Хочу я дать возможность
Сестре моей любимой,
Дать твердость знания
Ищущей душе.

Пер. В. Анисимова

¹⁶¹ В хроматике Гете бирюза и пурпур являются "положительными" оттенками синего и красного цветов. Бирюза (у Гете: Meergrün — "морская лазурь") "примешивает" к синему цвету нечто положительное (Plus), ведь сам по себе синий цвет как проявление тьмы "стоит на отрицательной стороне, и в своей величайшей чистоте представляет собою как бы влекущее ничто" (Goethe Werke. Bd. 12, § 785: S. 345; § 779: S. 344). О пурпуре Гете пишет: "Нужно представить себе вполне чистый красный цвет, совершенный, высушенный на белом фарфоровом блюдечке карамин. Мы не раз называли этот цвет, вследствие его высокого достоинства, пурпуром, хотя мы и знаем, что пурпур древних больше склоняется в сторону синего" (§ 792: S. 346); "этот цвет, частью актуально, частью потенциально, содержит в себе все остальные цвета" (§ 793). Таким образом, синий и красный цвета можно противопоставить как "ничто" и целостное "все", а бирюза (лазурь) и пурпур — цвета, играющие важную роль в поэтической системе Белого, — выражают их наиболее положительные, благородные оттенки.

¹⁶² См. примеч. 3 к Вступ. слову автора.

¹⁶³ Очерк теории познания гетеевского мировоззрения.

¹⁶⁴ Имеется в виду глава "Гете и физика".

¹⁶⁵ В символической концепции бельгийского драматурга Мориса Метерлинка повседневная жизнь осмысливалась как смятенное и молчаливое ожидание неведомой катастрофы, не поддающейся рациональному объяснению, — отсюда преобладание в его языке недосказанности, намеков, а в драматическом действии — статичности. Его пьесы "Слепые" (1890), "Непрошенная" (1890), "Там, внутри" (1894) и другие отчетливо выражали декадентские настроения конца минувшего века и были популярны в Европе, в том числе и в России. По поводу данного контекста Метнер в Ответе Белому напишет: "Дикость" этой ассоциации заслуживает патологического исследования" (Л. 6).

¹⁶⁶ Зигфрид (отважный юный король "страны Нибелунгов") и Миме (карлик-нибелунг — уродливый, приземистый и трусливый) — герои оперной тетралогии Рихарда Вагнера "Кольцо Нибелунга" (первое представление состоялось в 1876 г.), созданной на основе скандинавского эпоса "Эдда" (VIII—IX вв.) и средневековой "Песни о Нибелунгах" (XIII в.). Образы Вагнера появляются здесь (и далее) не случайно, но как аллюзии, понятные в культурной среде символистов. Метнер, сам музыкальный критик и брат известного музыканта Николая Метнера, будучи необычайно увлеченным музыкой Вагнера, открыл в своем журнале "Труды и дни", в котором также сотрудничал Бельгий, отдел "Вагнериана", где и сам не раз публиковал культурно-мифологические разборы и анализы творчества Вагнера.

¹⁶⁷ Аллюзия на название известного сборника стихотворений французского символиста Поля Верлена "Романсы без слов" (1874).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МЕТОДОЛОГИЯ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

¹ Имеются в виду многочисленные интерпретации философии Канта на рубеже XIX—XX вв.

² Ср.: "...только в разграничении обоих миров (здесь: внутреннего и внешнего. — И. Л.), только в решительном дуализме — единственное и верное спасение от монистической, мистической, теософической и всякой иной путаницы. Но пусть это деление на внутри и вне есть <...> не что иное, как строгая метафизическая аллегория, соответствующая по значимости художественной символической; это не мешает плодотворности и высшей полезности означенного дуализма <...>. Мифически монизм продолжает довлеть. В восприятии и в отображении, при жизни и действовании на нашей земной коре вступает в свои суверенные права дуализм" (Размышления о Гете. С. 85—86).

³ Проблема выбора монистического и дуалистического мировоззрения связывалась в эту эпоху с полемикой между материализмом, символом которого был геккелланский монизм, и идеализмом — прежде всего с популярной трансцендентальной (т. е. дуалистической) философией Канта. Например, подобная позиция характерна для неокантовского журнала "Логос", издаваемого в "Мусагете", в частности см. статью Рихарда Кронера "К критике философского монизма" (Логос. 1913. № 3—4. С. 47—72), где автор пишет: "В том движении, которое в настоящее время распространилось под именем монизма и образовало запутанное единство тенденций, согласных между собой лишь на почве борьбы против положи-

тельных религий, кроются внутренние стремления мышления <...>. Современная, расщепленная в себе душа тоскует по единству, где она могла бы успокоить вражду противоположностей, тоскует по конечной цели мышления и деятельности <...>; монизм теперь прячется "в одежду естественно-научной мысли", строится "на основе популярных благодаря Дарвину мыслей о биологическом развитии или на основе учения о сохранении энергии" (С. 47).

⁴ О понимании монизма в философии Штейнера см. примеч. 86 к гл. 3. В Ответе Белому Метнер называет "монизм" (т. е., с точки зрения Метнера, материализм) Штейнера "замаскированным": "...выгородить Штейнера, его замаскированный материализм просто невозможно <...>. Как будто Штейнер... не был убежден, что ему-то, конечно, удастся (если уже не удалось) дать монизм, гносеологически безупречный, наделяющий его правом выработки духовного элемента из материального" (Л. 17—18). Таким образом, в данном контексте Белый защищает "духовный" монизм Штейнера, Метнер же обвиняет его в "материалистическом" монизме.

⁵ "Достаточно с ясной головой, не замутненной монашеским, теософическим и мистическим сором, приступить к ознакомлению с гениальными взглядами Гете на природу <...>, присоединить ко всему этому еще знакомство с основными мыслями "Критики способности суждения", чтобы <...> прийти приблизительно к одним и тем же выводам относительно недоразумения между Штейнером, с одной стороны, и Гете, Кантом, Шиллером, физикой и, наконец, символизмом — с другой" (Размышления о Гете. С. 44—45).

⁶ Ср.: "...без этой прививки (критицизма. — И. Л.) ему прежде всего грозила опасность <...> безрезультатно потерять и себя, <...> перестав быть художником ясного Божьего дня, утешителем и учителем жизни"; "Гете и без Канта, и без кантианца Шиллера образумился бы <...>, но все же эта опасность грозила, и ее чувствует всякий, кто <...> следил за извилинами его мысли" (Размышления о Гете. С. 48—49).

⁷ "Кант ищет гносеологическое и логическое правомочие механизма и телеологизма, отнюдь не фактическое и реальное основание их, почему онтологический вопрос о "духовных энергиях" или тем более об "оккультных силах" стоит вне трансцендентальной философии" (Размышления о Гете. С. 58).

⁸ "Монисты и теософы никогда не поймут того, что настоящий, последовательный, ясный и до конца проведенный механицизм свидетельствует столь же о ненавистном дуализме, сколь и о вожделенном идеализме..." (Размышления о Гете. С. 72).

⁹ "Не надо быть непременно самому естественным сыном, чтобы если и не самостоятельно, то через Канта раз навсегда понять, в чем состоит задача наук о природе. А раз понял, невозможно принципиально (а допустимо только по конкретному поводу) нападать на механицизм или на иное какое-либо абстрактное начало в науке о природе. Штейнер с укоризненной мнью говорит об этих "абстрактных принципах" и противопоставляет их гетевскому "наблюдению характеристического вида" как путь неверный — пути истинному; а между тем оба пути истинны относительно, и каждый из них по-своему правилен и плодотворен" (Размышления о Гете. С. 73).

¹⁰ Возвращаясь в Ответе Белому к "критическому дуализму" Гете, Метнер вновь подчеркивает, что он прежде всего имеет в виду "врожденное кантианство" Гете, укрепленное "кантианством приобретенным", хотя и оговаривается, что в "Размышлениях о Гете" слово "критицизм" понимается не только в смысле известного исторически-определенного направления мысли, связанного с именами

Канта и его последователей" (Л. 175—176). На рубеже прошлого и нынешнего столетий слово "критицизм" не имело четко выраженного терминологического смысла. Поскольку "Критики" Канта переориентировали последующую философию на изучение специфики и возможности познания, то любая современная теория познания, исходящая из мысли о том, что форма нашего знания есть продукт собственной познавательной активности, могла быть названа в определенном смысле критической философией, что и делает Метнер, упоминаая в одном ряду не только неокантианцев, но Фихте, Гегеля и даже Платона. Белый также использует понятие "критицизм" в широком смысле; например, ранее в "Эмблематике смысла" он писал, что "критическая философия имеет дело с основными проблемами познания; она определяет основные познавательные формы, без которых невозможно мышление" (Символизм. С. 29—30).

Понятие трансцендентальности, отмечает А. Топорков в статье "Гете и Фихте", опубликованной в метнеровском журнале "Труды и дни" (1914, № 7), как совокупности формальных предпосылок познания, введенное в критической философии Канта, впервые как проблема ясно осознано в философии Фихте (т. е. "как отнюдь не фактическое, а идеальное условие познания вообще"), и "в этом смысле Фихте можно назвать вторым основателем критицизма" (С. 12). Изучением этой проблемы и занимались неокантианские философские школы: Марбургская (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) истолковывала Канта "трансцендентально-логически", Баденская (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.) — "трансцендентально-психологически".

Сам Кант, утверждавший, что достоверно лишь научное познание, положил начало пониманию философии не как познанию сверхчувственных сущностей, но как "науки наук", причем в конце прошлого века на эту роль претендовали два противоположных направления: неокантианство и позитивизм.

"Наукоучение" ("Wissenschaftslehre") — основное произведение Фихте, первый вариант которого вышел в 1794 г. и затем не раз перерабатывался.

Белый объединяет в данном контексте идеалистическую философию Фихте и позитивизм Канта, так как оба учения, отрицая существование "вещи в себе" (недоступной познанию объективной действительности), рассматривали философию как научную методологию, основу систематизации конкретных наук: Фихте выводит все разнообразие форм познания (все науки) из субъективно-идеалистического начала — из "Я"; Кант же, хотя и признает наличие объективного опыта, требует от научного знания ограничиться описанием внешних ("позитивных") фактов.

Философские системы Генриха Риккерта и Эдмунда Гуссерля предполагали, в сущности, познание той самой трансцендентальной действительности, которая, согласно Канту, непознаваема как "вещь в себе" и дана нашему сознанию как априорное условие возможности познания: "ценностная" философия Риккерта — наука о "смыслах", образующих "совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта" (Риккерт Г. О понятии философии // Логос. 1910. № 1. С. 33); в основе феноменологии Гуссерля ("науки о чистых феноменах") — проблема "трансцендентальной субъективности" — изучение внеопытных и внеисторических структур сознания ("чистого Я"), имманентного "миру феноменов".

Символ Белого, сформированный во многом на основе философии Риккерта (Метнер в Ответе Белому <Л. 307> ехидно именует Риккерта "вечный *deus ex machina* <Бог из машины. — И. Л.> андребеловского былого "идеализма"), также может быть определен как подобная трансцендентальная "смысловая" реальность, а значит, в данном контексте становится как бы синонимом "критической философии", а это для Белого невозможно.

¹⁷ Согласно Белому, который ссылается при этом на Риккерта, "метафизика есть учение о трансцендентной реальности" (Световая градация Гете. Л. 15). Метнер же понимает метафизику как "умопостигаемую сферу познания идеальных существей", позволяющую "созерцательно мыслить о целом", т. е. как учение о трансцендентальной реальности. Здесь затронут важный для русской мысли этой эпохи вопрос о понимании метафизики как науки. В статье С. Гессена "Мистика и метафизика" (Логос. 1910. № 1. С. 118—156) метафизика определяется как рациональная философия, которая "хочет познать бытие в его целом, постигнуть сущность, первооснову бытия" (С. 126); трансцендентное же бытие как сфера иррациональная — "ценность, затеменная и суженная имманентными моментами" (С. 128) — постигается иррациональным переживанием и мистикой, т. е. стоит вне философии. Таким образом, в данном контексте речь идет о двух разных "метафизиках".

¹⁸ Белый обвиняет Метнера, который, в частности, пишет, что Штейнер разрывал "широкую пропасть между Гете и всей "платонокантовской" философской линией" (Размышления о Гете. С. 52), в неокантовском (в духе Марбургской школы) истолковании критической философии Канта и идеализма Платона. Действительно, Метнер и позже (в Ответе Белому) еще раз подчеркивает свое согласие с Когеном, назвавшим Канта "возобновителем платонизма, доведшим последний до совершенства" (<...>), а "путь Платона — научным" (Л. 174). В данном контексте речь идет главным образом об истолковании "идей". Булгаков в 1917 г. сформулировал эту проблему следующим образом: "...следует ли идеи Платона понимать в трансцендентально-критическом смысле, как формальные условия познания и его предельные грани (кантовские идеи), или же в трансцендентно-метафизическом смысле? Что такое платоновский "анамнесис"? ...формально-логическое а priori, проявляющееся в каждом отдельном акте познания, или же это есть действительное припоминание о мифотворческом ведении (<...>). Логика или мифотворчество (Коген или Платон)?" (Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 72—73). Штейнер имеет в виду именно неокантовскую (здесь: "трансцендентальную") "платонокантовскую" идею, противопоставляя ее гетевской.

¹⁹ Имеется в виду сказка датского писателя Ханса Кристиана Андерсена "Новое платье короля".

²⁰ "Критика чистого разума" (1769—1781).

²¹ Штейнер имеет в виду неокантовцев.

²² "...вреден (<...>) школьный фанатизм, которым одержимы иногда специалисты по научной философии преимущественно неокантовского толка (<...>). Не будучи в состоянии работать в ней творчески, "интуитивно", т. е. расширяя ее область, а работая лишь "дискурсивно", ориентируя и систематизируя, т. е. упорядочивая ее область, трудолюбивые философские муравейники грозят тем, что другая сторона философии, не научная *vis generalis*, а художественная *vis generalis*, постепенно исчезнет из поля духовного зрения нашей эпохи".

²³ Ср.: "Прежде всего необходимо усвоить себе столь характерный для Гете адогматизм, свободу и в то же время подчинение какому-то конфигурационному закону в сочетании монизма, дуализма и плюрализма" (Размышления о Гете. С. 69). Далее, стремясь сблизить Канта и Гете, Метнер утверждает прямо противоположное: "Трансцендентализм Канта находится, подобно мировоззрению Гете, по ту сторону пререканий между монизмом, дуализмом, плюрализмом" (С. 296—297).

²⁴ Книгу немецкого философа Иоганна Иммануэля Фолькельта "Кантовская теория познания" (Immanuel Kant's Erkenntnistheorie nach ihren Grundprinzipien

analysiert. Ein Beitrag zur Grundlegung der Erkenntnistheorie. Leipzig, 1879) Штейнер назвал "лучшим из всего, что произвела новейшая философия" (Goethes Erkenntnistheorie // Einleitungen n. S. 146).

¹⁰ Имеется в виду книга основателя Марбургской школы неокантианства Германа Когена "Теория опыта Канта" (1871).

¹¹ Principia (лат.) — принципы, начала. Речь идет о законах ("началах"), которые сформулировал Исаак Ньютон в книге "Математические начала натуральной философии" (1687): три закона движения (закон инерции, закон пропорциональности силы и ускорения, закон равенства действия и противодействия), закон всемирного тяготения и др.

¹² По поводу этого пассажа Метнер замечает в своем Ответе Белому: "Чемберлен действительно дилетант, раг excellence, художник дилетантизма и культуртрегерства; живи он в доброе старое время, когда науки не разрослись еще в области необозримые и непроходимые без всецелой отдачи себя одной из них, Чемберлен был бы <...> энциклопедистом" (Л. 114). Более того, Метнер считает, что научный труд ботаника Чемберлена о Гете — один из трех лучших на эту тему, наряду с книгами "философа Зиммеля и германиста Гундольфа" (Л. 113).

Метнер также защищает от нападок Белого позицию санскритолога Пауля Дейссена: "Неужели его дилетантизм связан с тем обстоятельством, что он, <...> прилежно изучавший Платона, "ориентирован" все же не на традиционно строяемом гевезисе европейской философии от эллинистских гилозонств до современных прагматиков и не на естественной науке, т. е. не неокантиански, а совершенно по-новому, именно на индоарийских мифологемах и философиях" (Л. 115). "О его многотомной истории философии, — продолжает Метнер, — начиная с Веданты и Библии, и о его переводах индусской философии, наверное, осведомлен и А. Б." (Л. 116). Действительно, далее Белый будет опираться на некоторые выводы Дейссена.

¹³ Ср.: "Научное убеждение только через самого себя, — таков девиз кантовской философии. Главным образом поэтому он назвал ее критической в противоположность догматической, которая получает уже готовые утверждения и лишь впоследствии подыскивает к ним доказательства" (Очерк теории познания. С. 58).

¹⁴ Белый уже однажды насмешливо проинтерпретировал эту бессмысленную, с его точки зрения, неокантианскую формулу Э. Ласка в эссе "Круговое движение" (сб. "Арабески"). См. книгу Э. Ласка. "Логика философии и учение о категориях" (Lask E. Gesammelte Schriften, Tübingen. 1922. Bd. 2. S. 112).

¹⁵ В частности, Штейнер рассматривает проблему, "имеет ли у Канта основной теоретико-познавательный вопрос предпосылки" во второй главе своей книги "Истина и наука".

¹⁶ "Истинная задача чистого разума, — пишет Кант в "Критике чистого разума", — заключается в следующем вопросе: как возможны априорные синтетические суждения? <...> Решение поставленной выше задачи заключает в себе вместе с тем возможность чистого применения разума при создании и развитии всех наук, содержащих априорное теоретическое знание о предметах, т. е. ответ на вопросы: Как возможна чистая математика? Как возможно чистое естествознание? Так как эти науки действительно существуют, то естественно ставить вопрос, как они возможны: ведь их существование доказывает, что они должны быть возможны" (Критика чистого разума. С. 41—42).

¹⁷ Ср.: "Кант взял общепринятое понятие познания и задал вопрос о его возможности. Согласно этому понятию, смысл познания должен заключаться в некоем

отражении условий бытия, находящихся вне сознания и существующих в себе. Но о возможности познания никак нельзя договориться, пока не будет дан ответ на вопрос о том, что познавать. Тем самым вопрос "Что есть познание?" становится первым вопросом теории познания" (Goethes Erkenntnistheorie // Einleitungen n. S. 143).

³³Бельй излагает следующий пассаж Штейнера: "Кант перескакивает через собственно теоретико-познавательный вопрос. Он начинает свою критику разума с двух шагов <...>. Он сразу устанавливает различие между субъектом и объектом, не задаваясь вопросом, какое вообще значение имеет тот факт, что рассудок разделяет две области действительности (здесь: "познающий субъект" и "познаваемый объект". — И. Л.). Затем он пытается понятийно установить взаимоотношение этих двух сфер, вновь не задаваясь вопросом, какой смысл имеет подобное установление. Если бы он увидел ошибочность своего теоретико-познавательного вопроса, он бы заметил, что разделение на субъект и объект суть промежуточный пункт нашего познания и что в основе обоих лежит глубокое, постигаемое разумом единство" (Verhältnis der Goethischen Denkweise zu anderen Ansichten // Einleitungen n. S. 221).

³⁴Если исходить из значения слова a priori (лат.: из предшествующего), предполагающего познание вещей из их причины — из того, что составляет их предпосылку, то действительно кантовское априорное познание, независимое от опыта, как бы по определению, все равно должно иметь предпосылку. Но ведь, согласно Канту, а priori — это знание, предшествующее опыту, в широком смысле — все, что относится к условиям возможности опыта, формальным предпосылкам познания (априорные формы чувственности — пространство и время, категории рассудка — субстанция, причинность и др.).

³⁵О понимании "идеи" в системах Канта и Штейнера см. примеч. 119, 120 к гл. 3.

³⁶Имеется в виду трансцендентальный акт самосознания (Я есть Я), который Фихте в "Наукоучении" признает безусловным началом всякого познания, из которого затем выводятся все другие, частные принципы познания. Трубецкой называет этот акт определения "трансцендентальным толчком" (С. Н. Трубецкой. О природе человеческого сознания (1889—1891) // Трубецкой С. Н. Соч. С. 491).

³⁷Характеризуя "Наукоучение", Штейнер видит заслугу Фихте в том, что тот именно в учении о сознании нашел обоснование всех наук. В главе "Свободная от предпосылок теория познания и "Наукоучение" Фихте" (книга "Истина и наука") он пишет, что "идея познания" непосредственно дана в человеческом сознании, поскольку оно отдается познавательной деятельности. "Я" как центру сознания непосредственно даны внешние и внутренние восприятия и его собственное существование. Навстречу данному миру возникает у него второй мир, мир мышления, и "Я" соединяет оба мира тем, что осуществляет свободным решением то, что мы установили как идею познания (С. 40). Фихте определил, как считает Штейнер, что в основе всего остального сознания лежит "положение "Я", но он "не установил понятие познания, которое должно осуществлять "Я". Фихте уничтожает всякое познание, так как практическая деятельность "Я" относится совершенно к другой области <...>. Так как "Я", пока оно не включено мышлением в систематическое целое образа мира, также есть нечто иное, как непосредственно данное, то просто выявление его деятельности вовсе недостаточно <...>. "Я" полагает познание" (С. 41—45).

³⁸Термин "апперцепция" (лат.: ad — к; perceptio — восприятие) ввел Лейбниц, связав его с самосознанием как таковым. В философии Канта "синтетическое

единство apprehension" обозначает единство познающего субъекта — "объективное условие всякого познания" (Критика чистого разума. С. 103).

³⁹ *A posteriori* (лат.: из последующего) — в философии Канта обозначение опытного знания; о принципе "a priori" см. примеч. 34 наст. гл.

⁴⁰ Английский философ Дэвид Юм отрицал объективное существование причинно-следственных связей (т. е. законов природы), связывая каузальность с психологическими ассоциациями простых "идей" (чувственных образов памяти) друг с другом.

⁴¹ Английский философ и психолог Джеймс Милль, продолжая традиции Юма, обосновал концепцию причинности законом усиления всякой ассоциации, в которой он видел основную операцию сознания, от ее повторения.

⁴² Имеются в виду две книги И. Фолькельта: уже упоминавшаяся выше "Теория познания Канта" и "Опыт и мышление" (*Erfahrung und Denken. Kritische Grundlegung der Erkenntnistheorie. Hamburg u. Leipzig, 1886*). Штейнер не раз подчеркивал, что в основу своих представлений о "чистом опыте" и "данности" он кладет теорию познания Фолькельта, который дает "превосходную характеристику чистого опыта: ...просто описывает нам картины, которые в ограниченный промежуток времени совершенно бессвязным образом проходят перед нашим сознанием, (...) появляется та форма действительности, в которой мышление не принимает никакого участия" (Очерк теории познания. С. 25—26). "Но совершенно непонятно, — продолжает в другом месте Штейнер, — почему Фолькельт бессвязные образы восприятия толкует как представления, отрезая заранее путь к возможности объективного познания" (*Einleitung*en. S. 146). Сам Фолькельт называет свое учение "субъективистским транссубъективизмом".

⁴³ Бельй упоминает в данном контексте место из книги Штейнера "Очерк теории познания", где тот разбирает книгу австрийского психолога и философа Рихарда Вале "Мозг и сознание" (*Gehirn und Bewusstsein. Wien, 1884*) и отмечает его заслугу в "четкой обрисовке того, что дает нам освобожденный от всех элементов мышления опыт (...). По Вале, нам знакомы только совместность в пространстве и последовательность во времени (...). Мы ничего не знаем о какой-либо причинной связи" (С. 26—27). Возражая против абсолютизации этого утверждения Вале, Штейнер признает, что "оно вполне справедливо по отношению к первой форме, в которой мы воспринимаем действительность" (там же), т. е. на этапе "непосредственно-данной" действительности.

⁴⁴ Штейнер утверждает прямо противоположное; возможно, Бельй не вполне точно понял это место: "Мы должны были обратить особенное внимание на книгу Фолькельта, потому что она является в настоящее время самым выдающимся трудом в этой области, а также потому, что она может считаться типичной для всех работ по теории познания, в принципе противоположных нашему направлению, основанному на миропонимании Гете (Очерк теории познания. С. 29).

⁴⁵ *Promiscue* (лат.). — смешанно, вместе.

⁴⁶ Патристик (лат.: pater — отец) — христианское богословие "отцов церкви" (II—VIII вв.): Тертуллиана (ок. 160 — после 220), Климента Александрийского (ок. 150 — до 215), Оригена (ок. 185—253/254), Августина (354—430).

⁴⁷ Агностицизм (греч.: а — отрицание, gnosis — знание) — учение, отрицающее полностью или частично возможность познания мира.

⁴⁸ *Physis* и *metaphysis* (греч.) — физика (здесь: природа) и метафизика. См. также примеч. 77 к гл. 3.

⁴⁹ *Realia* (лат.) — реальное, реальность; термин схоластической философии.

¹⁰ Трансценсус — термин, в переводе с лат. букв. означающий "выход за пределы".

¹¹ Ср. письмо Гете Ф. Г. Якоби: "Бог наказал тебя метафизикой, послав тебе жало в плоть, меня же, напротив, благословил физикой... Я крепко держусь богопочитания одного с атеистом (Спинозой. — *И. Л.*)... Вам же предоставляю все, что вы называете и должны называть религией... Если ты скажешь, что в Бога можно только верить, то я отвечу тебе, что сильно уповаю на созерцание" (*Goethes Werke. Weimarer Ausgabe. Bd. 7. S. 214*).

¹² В 1886 г. вышла книга Штейнера "Очерк теории познания гетеевского мировоззрения", в 1914 г. — книга Метнера "Размышления о Гете".

¹³ О соотношении механики и математики Штейнер пишет: "...каждая математическая формула перебрасывает "живой мост" к элементарным явлениям, которые служат исходным пунктом исследования. Но эти элементарные явления имеют такую же природу, как и не элементарные, от которых к ним переброшен мост. Математика же приводит свойства сложных числовых и пространственных образований и их взаимосвязей к свойствам и связям простых числовых и пространственных образований. Так же действует и механика. Она преобразует сложные процессы движения и силовые воздействия в простые, легко обозримые движения и силовые воздействия. При этом механика прибегает к помощи математических законов, поскольку движение и проявление силы можно выразить посредством пространственных образований и чисел. В математической формуле, выражающей механический закон, отдельные члены более не означают чисто математических образований, но силы и движения. Отношения между этими членами определены не чисто математической закономерностью, но свойствами сил и движений. Но когда мы отвлечемся от особенного содержания механических формул, мы будем иметь дело уже не с механической, но исключительно с математической закономерностью" (*Goethe gegen den Atomismus // Einleitungen. S. 320*).

¹⁴ Белый имеет в виду штейнеровский разбор книги естествоиспытателя Антона Лампы "Ночи ищущего" (*Nachte des Suchenden. Braunschweig, 1893*), последователя "механистического учения о природе" и одновременно "индийской мистики" (*Einleitungen. S. 314*).

¹⁵ Метнер повторяет суждение Гельмгольца, который в статье "О естественно-научных трудах Гете" утверждал, что тому "могло быть вполне по себе лишь там, где удалось наложить полностью поэтическую печать на всю действительность (<...>), и в этом (<...>) следует видеть основание тому, что он вынужден был выступить вражески против механизма, угрожавшего ежеминутно его поэтическому благополучию" (цит. по: *Размышления о Гете. С. 471*).

¹⁶ Белый имеет в виду, что именно понятие "ритма-логоса" формирует мысль как Гераклита, так и Ницше, создателя образа мудреца-философа — "легконового плясуна", мыслящего не абстрактно-логически, но "ритмически".

¹⁷ Элеаты — представители древнегреческой философской школы, возникшей в г. Элее в VI—V вв. до н. э. (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский), которые учили, что истинное бытие является лишенным различий и неизменным, а все видимое изменчивое многообразно иллюзорным; это положение — один из источников платоновского идеализма и в этом смысле — учения Штейнера об идеях.

¹⁸ Пифагорейство — учение последователей древнегреческого философа Пифагора, получившее особое распространение в IV в до н. э., исходившее из того, что

число (мера) как логически организующее начало превращает хаос в космос, а количественные отношения (здесь: "связь") являются сущностью вещей.

⁹⁹ *Universalia ante rem, universalia in re, universalia post rem* (лат.) — термины схоластической философии, означающие всеобщее до вещи, всеобщее в вещи, всеобщее после вещи.

¹⁰⁰ *Opposita* (лат.) — противоположные понятия.

¹⁰¹ Объединяя собственный и гетевский подходы к изучению природы, Штейнер характеризует их как "эмпирический метод с идеалистическими результатами исследования". "Это идеализм, — пишет Штейнер, — но не тот, что занимается выяснением туманного, увиденного в грезах единства вещей, но тот, который ищет конкретное идейное содержание действительности таким же опытным путем, каким современное сверхточное исследование отыскивает фактическое содержание. Подойдя с этих позиций к Гете, мы надеемся проникнуть в его сущность. Мы крепко держимся за идеализм, но кладем в основу его развития не диалектический метод Гегеля, но очищенный, высший эмпиризм" (*Goethes Erkenntnistyp // Einleitung* n. S. 127).

¹⁰² Эту историю излагает Штейнер во вступлении к 3-му тому "Естественно-научных сочинений" Гете: "Эдуард фон Гартман опубликовал "Философию бессознательного". <...> После многочисленных нападок, впрочем возмевших мало действия, появилось анонимное сочинение "Бессознательное с точки зрения дарвинизма и учения о происхождении видов" (1872), где в предельно заостренной форме были высказаны все возражения против новоявленной философской теории, какие только могла выдвинуть современная наука о природе. Это сочинение наделало много шума. Приверженцы господствующего направления были вполне удовлетворены. Они публично признали в авторе своего, а его выводы объявили своими выводами. Но какое разочарование их ожидало! Когда автор наконец назвал себя, оказалось, что это — Эдуард фон Гартман" (*Goethe als Denker und Forscher // Einleitung* n. S. 258—259). Книга "Философия бессознательного" вышла в 1869 г. (рус. изд. 1902).

¹⁰³ *"Geheimwissenschaft"* (нем.) — тайноведение, одно из наименований учения Штейнера и название его книги (в рус. пер. "Очерк тайноведения").

¹⁰⁴ Неточная цит. из 9 главы романа Н. В. Гоголя "Мертвые души" (1842). См.: *Гоголь Н. В. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1994. Т. 5. С. 165.

ПЯТАЯ ГЛАВА. СВЕТОВАЯ ТЕОРИЯ ГЕТЕ В МОНО-ДУО-ПЛЮРАЛЬНЫХ ЭМБЛЕМАХ

¹ Заратустра, пророк и реформатор древнеперсидской религии, благодаря философскому эссе Ницше "Так говорил Заратустра" (1883—85) вошел в европейскую традицию как символ глубинного реформаторства современной культуры, религии и морали. В поэме "Глоссолалия" (Берлин, 1922) Бельй приводит "символично-звуковую" интерпретацию имени (а значит, с его точки зрения и сущности) Заратустры как "воспоминания солнечной жизни": "Zogaastra" звезда утра, где "Zog" есть ядро: оно солнечный взор; Str — лучи во все стороны... "Заратустра" есть распростертый лучами на все из духовного света — жара душ" (С. 61).

В данном контексте Бельй объединяет два образа Заратустры: ницшеанский и штейнеровский — "ритмическую" форму философствования ницшеанского Зара-

густры (примеч. 56 к гл. 4) и антропософскую "ритмическую" сущность его мысли-идеи, ее текучесть, интуитивность и образность; именно такой, с точки зрения Белого, и должна быть истинная философия, появление которой неизбежно. В исторической концепции Штейнера наступающая шестая (славянская) культурная эпоха повторит вторую (персидскую) и явится временем нового прихода Заратустры, предзнаменованное чего было "телесное" воплощение его "духа" в теле Иисуса из Назарета (до крещения) в начале нашей пятой эпохи.

¹ Белый употребляет слово "универсалии" в том смысле, какой оно имело в средневековом реализме. Объясняя происхождение данного понятия из логики Аристотеля, он замечает по этому поводу в Истории души, что "автономия средневековой мысли начинается с превратного толкования правил диалектики согласно с искаженным Аристотелем, поданным в неоплатонической транскрипции, где смешаны грани между логикой и метафизикой <...>. Универсалии средневековья — реальные сущности, а в Аристотеле они — номинальные методы" (С. 254). Поэтому цвет (здесь: "световой знак") как "реальная" и "живая" идея назван в данном контексте "универсалией", а свет ("Я", дух) и есть та сущность, которая оживляет и одухотворяет его.

² Слово "гениальный" имеет в данном контексте значение "духовный" (ср. лат.: *genius* — дух).

³ *Theos* (греч.) — Бог.

⁴ Здесь: ангел (греч.: "вестник").

⁵ Начало "Пролога на небе" из трагедии Гете "Фауст": Рафаил: В пространстве, хором сфер объят, / Свой голос солнцу подает, / Свершая с громовым раскатом / Предписанный круговорот. (Пер. Б. Пастернака).

⁶ "Митра, — пишет Белый в Истории души, — солнечный бог в образе юности, закаляющего быка — символа низшей силы, произываемой солнечной силой, считался творческим началом Вселенной <...>. В митраизме самые недра души ощущающей, так сказать, поднимаются в полосу, освещенную светом рассудка" (С. 17).

⁷ Мифологема космогонии Вл. Соловьева (посредник между божеством и природой), философски развернутая в системе "конкретного идеализма" С. Н. Трубецкого, где она означает "универсальную, мирообъемлющую чувственность <...>, космическое Существо или мир в своей психической основе — то, что Платон называл Мировою душою" (Трубецкой С. Н. Собр. соч. Т. II. С. 298). Это "мировое существо" воплощает в данном контексте "лик мира".

⁸ Исайя. 1: 18.

⁹ Аполлон — в древнегреческой мифологии "бог всех сил, творящих образами, есть в то же время и бог, вещающий истину, возвещающий грядущее. Он, по корню своему "блещущий", божество света, царит и над иллюзорным блеском красоты во внутреннем мире фантазии" (Ф. Ницше. "Рождение трагедии из духа музыки"). Таким образом, Аполлон как символ солнечного света (т. е. "конкретного" света, явленного сквозь "тьму") может быть назван в гетевской терминологии "прото-феноменом", но как "живой" символ — он одновременно и "прото-тип".

¹⁰ Психея (греч.: *psyche* — "душа") — в античной культуре является олицетворением души, часто представленной в виде бабочки, птицы. Апулей написал сказку о странствиях "плененной" человеческой души, жаждущей освободиться и слиться с любовью (Метаморфозы, IV, 28 — VI, 24).

¹¹ Белый вкладывает в этот термин средневековой схоластики антропософско-символический смысл: реализм (*universalia in re*) стремится стать "символом";

символом чего? Скрытого в недрах его интеллектуального созерцания самосознающего "Я", т. е. гносеологически обосновать тезис апостола Павла: "Не Я, но Христос во мне Я" (История души. С. 295).

¹³ Санхья — система древнеиндийской философии, разрабатывающая учение о Пуруше ("Я", чистое сознание), которое, соединившись с пракрити (материей), порождает множественность вещей.

¹⁴ Хтонические культы (греч.: земля) связаны с производительной (рождающей) силой земли и умерщвляющей возможностью преисподней; в Древней Греции, например, это культы хтонических божеств Аида (Гадеса), Персефоны (рим. Прозерпины), Гекаты и др.

¹⁵ Гадес (Аид) (греч.: безвидный, невидный, ужасный) — в древнегреческой мифологии один из олимпийских богов, владыка царства мертвых (Аида).

¹⁶ Персефона (Прозерпина) — в древнегреческой мифологии дочь Зевса и Деметры, похищенная Гадесом, когда она собирала на лугу цветы. Ее мать, богиня плодородия земля, в горестных поисках дочери забыла о своих обязанностях, и землю охватил голод; поэтому Зевс решил, что две трети года Персефона будет проводить на земле с матерью Деметрой и одну треть — с Гадесом-Айдом. Этот миф является одним из наиболее древних сюжетов греческих мистерий.

¹⁷ Зеленый цвет, смесь желтого и синего цветов, т. е., согласно хроматике Гете, сочетание связующего (золотого) света и "синей" тьмы, символизирует в данном контексте Природу, рожденную солнечным Аполлоном и богом "мрачной" преисподни Гадесом.

¹⁸ Белый перечисляет главных персонажей элевзинских мистерий — тайных коллективных ритуальных действий, совершающихся ежегодно в течение 9 дней сентября в г. Элевсин (Аттика), главном святилище богини Деметры, и символически изображающих похищение Персефоны, горе Деметры, ее странствия в поисках дочери, т. е. извечную борьбу и тайную связь между живым и мертвым миром, физическое и духовное очищение.

Дниосис — в древнегреческой мифологии бог живой Природы, погибающий и воскресающий (в Риме почитался под именем Вахка, или Бакуса). Поскольку в ряде мифов Дниосис изображался сыном Зевса и Персефоны (или Зевса и Деметры), он также был героем элевзинских мистерий. Далее в своем понимании Дниосиса Белый опирается на работы Вяч. Иванова "Эллиническая религия страдающего бога" (1904) и "Религия Дниосиса. Ее происхождение и влияние" (1905).

¹⁹ В некоторых наиболее архаичных мифах отразилось "растительное" происхождение Дниосиса, отсюда его эпитет Дендрит (греч.: "дерево"). Белый воспользовался исследованием немецкого ученого-археолога К. Веттихера, который открыл в Дниосисе-Дендрите образ древесной души, и поэтому "бах", упоминаемый в данном контексте, молодой побег ели на праздниках Дниосисий (мистерий, посвященных Дниосису), являлся символом "древа" (растения, в более широком смысле — становления, жизни) и ему поклонялись как "обиталищу" души.

²⁰ Белый мастерски подводит читателя к идее генетического единства понятий "растение" (дерево) и "жизнь" (становление, существование), которое, например, отразилось в семантике индоевропейского корня *bhu/bheu "растение, становление" и от которого произошли однокоренные слова: рус.: быть, др.-слав.: былина (растение), нем.: bauen (строить) и Baum (дерево) и др. Ранее в статье "Песнь жизни" (сб. "Арабески", 1911) Белый развернул параллель "дерево"/"жизнь", представив ее в двух обликах Дниосиса, понятого по Ницше (символ музыкальной основы мира) и по К. Веттихеру (Дендрит — обиталище души), сливая в единое целое в библей-

ском символе райского Древа Жизни, творящем жизненную (духовную) гармонию бытия, образ музыкальной "бездны" (= дух человека и мира и сущность древнегреческой мистерии "жизни").

¹¹ Т. е. между светом и тьмой, божественным Олимпом, горой в Фессалии (Греция), где по представлениям древних греков обитали боги, и "мрачным" Тартаром, царством мертвых, преисподней, нижней частью Аида.

¹² Meter (греч.) — мать.

¹³ Пурпур, понимаемый согласно хроматике Гете как наиболее чистый красный цвет, заключающий в себе целостность и полноту всех цветов, Белый соотносит с Божественной полнотой (отсюда форма мн. ч.: Элогимы) и с традиционным значением пурпура как символа высшей священной власти.

¹⁴ Согласно учению Демокрита, атомы (греч. — "неделимые"), разнообразные по размеру, конфигурации и расположению умопостигаемые "формы", являются структурными субстанциональными единицами бытия, т. е. монадами (греч.: тоπος — "единица"), приводимыми в движение шаровидными атомами огня, проникающими повсюду и являющимися "душой" или "разумом" всех тел (греч.: nous ("нус") — ум, разум, мышление). Жизнь возникает как результат количественного накопления и определенной концентрации подвижных огненных атомов-"нусов", размещенных в ткани тела.

¹⁵ О "световых идолах" Демокрита см. примеч. 116 к гл. 3.

¹⁶ Гераклит полагает огонь фундаментальным началом бытия, из которого возникают и в которое возвращаются все вещи в соответствии с особым "разумным" ритмом и мерой, т. е. Логосом.

¹⁷ Спиритуализм, монадизм, динамизм Белый интерпретирует в данном контексте как три подхода к пониманию жизни (живой природы) в древнегреческой натурфилософии: 1) единая природа, пронизанная светом-духом (spirit — дух); 2) совокупность "монад" — атомов-нусов Демокрита; 3) "текущий" (динамичный) ритм-логос Гераклита.

¹⁸ Мистическим реализмом Белый называет стадию средневековой схоластики (не разделяя в данном контексте т. наз. средневековый "реализм" и "номинализм"). Определение подобной "схоластической реальности" он дает в Истории души. "Если брать реальностью самый принцип процесса становления все равно чего — мысли ли, видов ли, индивидуумов ли, то он реален не в особи, не в индивидууме, не в сущностном бытии отдельностей, а именно в ряде метаморфоз (<...>). Спор о реальности или ирреальности имен (спор реалистов и номиналистов. — И. Л.) был спором о реальности *единоличного и всеобщего*, причем под единоличным, "индивидуальнейшим" номиналистов и "общейшим" реалистов себя изживала беспомощно мысль выразить понятием представление о целом как неразложимом комплексе многих единственностей, бытие которых невозможно вне целого" (С. 258). Постигается подобная реальность, считает Белый, с помощью мистического опыта: для мистиков-"реалистов" "опыт внутри "Я" коренится в опыте веры всего церковного коллектива: реализм только в церкви" (С. 291); мистики-"номиналисты" автономизируют "опыт верующего, вот этого Я, не церковного в своем существе, постепенно выходят из рамок церкви..." (там же). Поскольку эта мистическая реальность, согласно Белому, есть "живая" целостность, то он сближает ее с гетевской идеей "органического царства".

¹⁹ Рождение "эмпиризма" Белый связывает с "линией Аристотеля", у которого "сущность" "вдавливается в индивидуальнейшее", проявляется как "индивидуаль-

нейшая подоснова опыта" (История души. С. 254—255). Упоминаемые же в данном контексте Клавдий Гален и Роджер Бэкон продолжают традиции аристотелевской философии: Гален, знаменитый врач древности, построил на основе строгого аристотелевского телеологизма грандиозную систематизацию конкретного (эмпирического) знания в рамках медицины; Роджера Бэкона — номиналиста (т. е. "псеудо-аристотелианца или феноменалиста". — С. 255) — Белый характеризует как эмпирика внутри мистической стадии: "...подстановки мистики под опыт и опыта под мистику мы видим (...) в трудах Роджера Бэкона, который, оставаясь в учении о внутреннем опыте мистиком, вынужден, спасая автономию этого опыта от рационализации реалистов, сформулировать чисто научные представления; и наоборот: становясь в учении о чувственном опыте первым научным методологом XIII столетия, вынужден, спасая автономию этого опыта от кривоотолков беспочвенной рассудочности, расширить понятие об опыте, включив в него опыт внутренний и видя целое опытов как мистическую реальность" (С. 258—259).

²⁰ Имеется в виду трактат Фрэнсиса Бэкона "Новый Органон" (1620), где рациональная переработка фактов опыта определяется как главная задача науки.

²¹ Подобный "натуралистический волюнтаризм" Белый находит в мистике XII в., которая "не укладывается в схему щелчения систем мысли на номинализм и реализм (...), она силится быть самостью (...). В мистике этого периода, — пишет Белый в "Истории души", — дана энергия отразить не самую мысль или чувство, а волевой импульс сознания (...); то, что в последующих столетиях (и особенно в XIX в.) займет у себя как волюнтаризм, в XII в. уже намечается (...): воля к опыту и к его осознанию. Внесение воли в мысль — акт сознания, весьма характерный для самосознающей души в процессе ее эмансипации от рассудка" (С. 285—286). Ср. характеристику самосознания, данную Белым (примеч. 37 к гл. 2).

²² Начальная строфа стих. "Земля" (1908).

²³ Неточная цит. стих. "На что вы, дня..." (сб. "Сумерки", 1842).

²⁴ В древнегреческой мифологии прекрасный пастух Ганимед был похищен Зевсом, превратившимся в орла, и унесен на Олимп, где исполнял обязанности виночерпия.

²⁵ Имеется в виду Кант, которого Белый, опираясь на исследование С. Н. Трубецкого "Основания идеализма" (1896), считает основателем современного "логизма", открывшим, что "пространство и время, эта объективная, универсальная форма явления, есть в то же время идеальная форма сущего: связь явлений есть логическая связь" (Трубецкий С. Н. Соч. С. 604). Белый хорошо знал комплекс идей Трубецкого, так как в сентябре—декабре 1904 г., будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, ректором которого был Трубецкий, работал в его научном семинаре.

²⁶ Вслед за С. Н. Трубецким Белый именует немецкий классический идеализм "логическим идеализмом". "Открытие идеализма, — считает Трубецкой, — состояло не в том, что действительность есть призрачное субъективное представление, а в том, что она есть истинное объективное, универсальное представление; не в том, что она есть чисто психологическое явление, а в том, что она обусловлена логическим законом, обязательным для всякого сознания, для всякой мысли. Связь между внешними явлениями не может быть простой психологической ассоциацией: она объективна, но в то же время она идеальна. Итак, явления находятся не в психологической, а в логической связи между собою, т. е. в такой связи, которая объективна

и субъективна в одно и то же время. *Действительность*, объективный мир, существующий в беспредельном пространстве и времени, имеет *логическое начало*" (Трубецкой С. Н. Соч. С. 605).

³⁷ Параллель между древнеиндийской философией, прежде всего Ведантой (здесь: "интуитивизм"), и немецким идеализмом (здесь: "интуитивный логизм") весьма популярна в эпоху Белого. С. Н. Трубецкой, например, считает, что "в Индии положено первое основание идеалистической философии: впервые абсолютное всеединство было сознано здесь как духовное начало" (Трубецкой С. Н. Соч. С. 681). Белый соотносит восточное учение о брахмане и атмане (см. далее) с идеей тождества субъекта и объекта в немецком классическом идеализме. Атман (наша сущность, "самость", т. е. абсолютный субъект) достижим лишь практически, и отождествление с брахманом (абсолютным духовным началом всего сущего) возможно только как практическое слияние с ним. Восточный "интуитивизм" есть путь практического мистического опыта. Философия же западного "интуитивизма" (в данном контексте Белый имеет в виду немецкий классический идеализм), которая рассматривает подобное тождество, исходя из общей логической основы, как единство "принципа понимания (или понятия) с мировым принципом (причиной мира)" (Трубецкой С. Н. Соч. С. 619), дополняет "интуицию" "логизмом".

³⁸ Веданта — система древнеиндийской философии, разрабатывающая учение о брахмане и атмане (тождестве субъекта и объекта); философская основа индуизма.

³⁹ Веды — древнейший памятник индийской религиозной мысли (кон. 2 тыс. — нач. 1 тыс. до н. э.).

⁴⁰ Имеется в виду немецкий классический идеализм.

⁴¹ Волюнтаристски ориентированная философия бессознательного Шопенгауэра разрабатывает отдельные положения древнеиндийской философии. В "Эмблематике смысла" Белый подчеркивает, что "метафизика Шопенгауэра (...) является теоретическим преддверием к "Веданте" (Символизм. С. 40). Позже в Материале к биографии, касаясь июля—августа 1897 года, он свяжет свое "открытие" Шопенгауэра именно с его близостью к восточной философской традиции: "...самое главное событие моей внутренней жизни, это даже не философское откровение, а открытие, так сказать, пути жизни, которым мне стала философия Шопенгауэра (...). Увидев, что эпитафия к этому тому ("Мир как воля и представление". — И. Л.) восхваляет Веданту, столь мной любимую, решаю, что это именно то, что мне нужно (...), мое недавнее тяготение к Востоку, к Веданте и к теософии, мое увлечение литературой о спиритизме опять-таки объяснено мне; в Шопенгауэре вижу я соединение Востока и Запада; зачем теософия, буддизм, Индия, когда все ценности Востока влиты в Запад Шопенгауэра" (Минувшее. Вып. 9. С. 453).

⁴² Вероятно, речь идет о философиях бессознательного А. Шопенгауэра и Э. Гартмана, которые в эту эпоху воспринимались под знаком пессимизма и агностицизма.

⁴³ Белый имеет в виду апостола Павла, автора 14 посланий в Новом Завете, который стал последователем Христа не в результате личного ученичества, как другие апостолы, но пережив внутреннее "видение" Христа по дороге в Дамаск. Подобная способность к практическому "расширению сознания", "преодолению личности", как это определяет Белый, сближала Павла с индийскими мудрецами, но умение "найтись" именно во Христе сделало его истинным апостолом христианства (см. об этом цикл лекций Штейнера "Бхагавадгита и послания апостола Павла"). Белый именует Павла "апостолом самосознания", который смог "из глубин своего личного опыта развить учение о том, что во всяком Я живет "не Я, а Христос",

и <...> в таком парадоксальном способе жизни "Я" не только не растворяется, но растет во Христе, являя образ и подобие второго как бы Иисуса" (История души. С. 57). Его вера, считает Белый, основана на "гнозисе самопознания, предполагающего новый душевный орган, неведомый людям до христианства, и этот орган в Павле — самосознающая душа" (С. 70). "Грядущее христианство" Белый связывает именно с подобным "гнозисом", доступным в будущем каждому человеку.

⁴⁴ Речь идет о Йенской школе романтизма в Германии (1798—1801), которая пыталась осуществить культурный синтез западного средневекового идеала и восточной мистики (Новалис, Л. Тик, братья Шлегели, Ф. Шлейермахер и др.).

⁴⁵ О "голубом цветке" Новалиса примеч. 136 к гл. 3.

⁴⁶ Учение о Софии (*греч.*: "мудрость"), разработанное в школе древних гностиков и воспринятое русской софиологией Вл. Соловьева, С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского понимало Софию (Душу мира) как посредницу между Богом и творением (см. также примеч. 8 наст. гл.). В статье "Die Antroposophie und Russland" Белый отмечает, что в учении египетских гностиков "о падении Софии и об устремленности Ее дочери Ахамот к высшему содержится история становления мира и будущего освобождения человечества благодаря познанию" (рус. пер. "Антропософия и Россия" // Н Л О. 1994. № 9. С. 172). Особенное значение имеет для Белого в этой связи историософия Соловьева, в которой София — человечество (цельное существо) и одновременно Душа мира — "возникает как начало самопознания, объединяющего знания раздробленные в знание цельное <...>; в ней мы — воплощенная божественная мысль". Для Белого важно подчеркнуть, что "до нашего времени сфера Софии была трансцендентальной сферой; в культуре сознания (понятой антропософски. — И. Л.) София имманентна сознанию" (там же). Соотношению Софии и Логоса Белый посвящает статью "О Софии-премудрости" (1910-е гг.), в которой, ссылаясь на "пересечение Гете с Гегелем", давшее "организм новой мысли, где понятия, образы, системы суть <...> органы: ритмы единого Существа, Незнакомки", и где "логика" возведена в "сущность", т. е. становится Логосом, не "абстрактным, рассудочным принципом", а "Живым Организмом", — заключает: "Справедливо поэтому Соловьев называет такой организм — Душой Мира, Софией" (ОР РГБ. Ф. 25. К. 37. Ед. хр. 5. 12 лл.). Таким образом, София в данном контексте приобретает значение особым образом устроенного знания — Логоса, "гнозиса", "образа-мысли", явленного в макрокосме (природе) как "цельное человечество", а в микрокосме (сфере сознания и познания) как антропософия (также примеч. 47 к гл. 2).

⁴⁷ Tat twam asi (*санскр.* tat twam asi — "то ты еси") — формула, выражающая тождество субъекта и объекта в индийской философии (Чхандошья-Упанишада, VI, 12). Белый в статье "Кризис сознания и Генрик Ибсен" переводит эти слова как "Я — это ты" (С и м о л и з м. С. 224). Вяч. Иванов поясняет эту формулу следующим образом: "...это (именно, каждый отдельный индивидуум) — ты (сам)" (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 861).

⁴⁸ Белый перечисляет имена философов Марбургской и Баденской неокантианских школ (примеч. 11 к гл. 4).

⁴⁹ Далее Белый использует для собственных целей названия школ средневековой схоластики: реализм рассматривал универсалии (общие понятия и идеи) как реалии, номинализм видел в универсалиях имена (*лат.*: *nomen* — имя).

⁵⁰ *Realia* (*лат.*) — реальное, реальность.

⁵¹ Речь идет о двух онтологических системах: *монадология* Готфрида Вильгельма Лейбница — учение о замкнутых, активных (т. е. изменяющихся) духовных суб-

станциях; и "реализм" Иоганна Фридриха Гербарта — учение о "реалах", вечных духовных существах, похожих на "монады" Лейбница, но непознаваемых, как "вещь в себе" Канта.

⁴³ О И. Фолькельте см. примеч. 42 к гл. 4.

⁴⁴ Немецкий философ-неокантинец Герман Коген основой формирования мышления считает "чистое первоначало" (первоисточник); таким исходным элементом он называет "рациональное" понятие бесконечно малого.

⁴⁵ Риккерт считает, что данная в сознании действительность имманентна сознанию. Но существует также и объективная, независимая от субъекта истина — недоступное познанию трансцендентное, т. е. метафизика, изучающая объективные законы бытия, изучающая трансцендентную реальность, так как она единственно объективна.

⁴⁶ Журнал "Логос", издателями которого была группа философов (Б. В. Яковенко, Ф. А. Степун, С. И. Гессен), пропагандировавших и развивавших в России идеи неокантианства, выходил в 1910—1913 гг. в книгоиздательстве "Мусагет".

⁴⁷ В Ответе Белому Метнер соотносит термин "консциенцизм" с понятием "консциенционализм" или "консциенциализм", введенным немецким философом Виндельбандом, и замечает по этому поводу, что "русский любомудр" Борис Яковенко, из статьи которого Белый его заимствовал, "упрекает в "консциенцизме", т. е. "в обожевлении человеческого сознания" вообще всю (новую?) философию, включая (или начиная с?) Канта, тогда как Виндельбанд устанавливает "консциенциализм" в современной, т. е. "имманентной философии", в "новой философии действительности", в эмпириокритицизме, и выход отсюда видит именно в понятии предмета познания, как оно дано самим Кантом. Консциенциализм развился, по Виндельбанду (Einleitung in die Philosophie, 1914. S. 228), из учения о тождестве бытия и познания, но так, что он принял (вместе с отрицанием вещи в себе) собственно позитивистскую окраску. Оставляя последнюю в стороне, можно сказать, что то, что Андрей Белый противопоставляет "консциенцизму" (корми оказываюсь, конечно, заражен и я), есть также своего рода учение о тождестве бытия и сознания, на кого бы Андрей Белый при этом ни опирался: на цитату из статьи современного русского любомудра или на выдержки из древних бесед Бхагават-Гиты" (Л. 122—123).

⁴⁸ Эта на первый взгляд внешняя аналогия приобретает глубокий смысл, если на нее взглянуть в контексте Истории души, где Белый ярко раскручивает сюжет о "поэте, философе, каббалисте, теологе, миссионере, мученике" XIII в. Раймунде Луллии (С. 372): "...он в молодости — фонтан любовных авантур: раз, распаленный страстью, преследуя даму сердца, он забывается до такой степени, что въезжает за ней в храм на коне!.. Она, доведенная до отчаяния его настойчивостью, вдруг расстегивает свой корсаж и показывает ему грудь, обезображенную раком, чтобы охладить его пыл; он, пораженный, как громом, рвет все со своим прошлым; бросает двор, роскошь (<...>) удалется на высокую гору, чтобы на вершине горы, в полном уединении, отдаваться аскезе, науке, молчанию <...>; одни считают его еретиком, другие чуть ли не святым <...>, в Тунисе его насмерть побивают камнями" (С. 267—268). И далее Белый отмечает, что "это сошедшая с ума сама рассудочная душа" (С. 372) "развертывает в XIII в. фантазмагорию своей жизни" (С. 267). Таким образом, в данном контексте и Луллий, и Кант — представители эпохи рассудочной души, в познавательном безумии рвущейся в святая святых — в храм-разум, в который способна попасть лишь сознающая себя душа нашей эпохи.

⁴⁹ Нonsense (лат.: non — не + sensus — смысл, разум) — бессмысленность, нелепица.

⁹⁹ Спекуляция — здесь: абстрактное рассуждение.

¹⁰⁰ См.: Э. Дюбуа-Реймон. "Границы познания природы" ("Grenzen des Naturerkennens").

¹⁰¹ Ср.: Ин. 18:38.

¹⁰² Речь идет о распятии Христа и Его воскресении на третий день.

¹⁰³ Аллюзия на слова Пилата, обращенные к Иисусу Христу: "Что есть истина?" (Ин. 18:38).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И — КАНТ, ГЕТЕ, ГЕГЕЛЬ, ПЛАТОН, ИДЕЯ, ОПЫТ, ОРГАНИКА, МИР ВНЕШНИЙ, МИР ВНУТРЕННИЙ (ПРИЛОЖЕНИЕ)

¹ Имеется в виду следующее место из книги Метнера: "Штейнер прав, не очень высоко оценивая (подобно Ницше) историзм и бесплодное самоотречение слишком "объективных" излагателей и жизнеописателей: он хочет рассматривать лишь те стороны существа Гете, которые с необходимостью являют себя его, Штейнера, наблюдающему взору, направляемому его существом. Пусть так, но тогда приходится изумляться тому, сколь многое в мировоззрении Гете не замечено этим взором, а из отмеченного, сколь многое криво толковано" (Размышления о Гете. С. 512—513).

² Мы приводим весь постраничный "регистр" Белого.

³ Весь параграф — литературная игра с образами оперной тетралогии Вагнера "Кольцо Нибелунга" (примеч. 166 к гл. 3), где бурные события, изменившие ход истории, разворачиваются вокруг принадлежащего карлику-нибелунгу Альбериху золотого кольца, обладавшего волшебным свойством — умножать богатство, но приносящего проклятие тому, кто им владеет.

⁴ Логе — действующее лицо тетралогии Вагнера "Кольцо Нибелунга", лукавый бог огня, который уговаривает Вотана похитить волшебное кольцо карлика Альбериха. Метнер дал мифологический анализ вагнеровского Логе в статье "Наброски к комментарию", помещенной в разделе "Вагнерiana" журнала "Труды и дни" (1913. № 1—2. С. 21—23); здесь он отмечает: "Вся цель коварных речей Логе в том, чтобы незаметно возбудить в богах жажду золота и побудить их к похищению последнего, т. е. к несправедливости и к насилию" (С. 22).

⁵ Подобный семантический ряд "Логос — логика — Логе — Lüge" (нем.: ложь) Белый выстраивает еще раз в другом контексте и объясняет: "Космическим отношением Логоса к Хаосу, браком их может начаться космософическое возрождение сознания в антропософическом праксисе; иначе логика обернется и явит Логе, а Логе есть "Lüge", или — ложь" (Воспоминания о Блоке. С. 41). Подобная связь имени Логе со многими корнями немецкого языка была отмечена самим Метнером в упомянутой выше статье журнала "Труды и дни". Среди прочего он связывает вагнеровского Логе (бога "лжи и огня") с Мефистофелем (символизирующим силу отрицания, без которой невозможно развитие: у Вагнера без коварства Логе невозможен "закат богов" и, значит, дальнейшее развитие истории), и даже с Люцифером (по Метнеру, имя скандинавского прообраза вагнеровского Логе — бога Локи "есть укорочение и искажение Лукифера"). Таким образом, именно от Метнера Белый получает исходный толчок для антропософской "люциферической" оценки Логе, и тогда "отрицательная" логика этого персонажа получает действительно отрицательный знак.

⁶ Albernheit (нем.) — нелепость, дурачество.

⁷ In medias res (лат.: букв. в середину вещей) — в самую суть дела.

⁸ Шопенгауэр считал себя учеником и истинным последователем философии Канта.

⁹ Вот как об этом же пишет Белый в "Эмблематике смысла": "...изучение законов образования понятий является в то же время изучением законов объективного бытия; бытие становится формой мысли; обоснование этого положения в современной теоретической мысли принадлежит Риккерту. Бытие, по Риккерту, есть форма экзистенциального суждения" (Символизм. С. 37).

¹⁰ Gleichnis (нем.) — подобие. Популярная в среде русских символистов аллюзия на слова Мистического Хора заключительной сцены трагедии Гете "Фауст": "Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis" ("Все преходящее только подобие"). Эллис называет эти слова "классической формулой Гете" и дает свой перевод: "Все преходящее лишь символ" (Эллис. Русские символисты. С. 16). В данном контексте, несомненно, нужно учитывать именно символический смысл слова.

¹¹ Трансцендентальная эстетика Канта — раздел "Критики чистого разума", в котором эстетика понимается в своем изначальном значении как наука о чувственном познании мира и в котором Кант исследует априорные формы чувственности (пространство и время); шопенгауэровская эстетика, в которой он переосмыслил отдельные идеи Канта, — наука о художественном познании. В статье "Смысл искусства" (1909) Белый отмечает "...связь, существующую между "чувственным" содержанием искусства (плотью его) и формами чувственности (пространством или временем)" (Символизм. С. 110). "Всякая эстетика есть еще и трансцендентальная эстетика в кантовском смысле, то есть она имеет отношение к пространству и времени; учение о расположении общих условий возможности эстетической формы есть учение о расположении в пространстве и времени" (там же).

¹² См. книгу Карла Форлендера "Кант, Шиллер, Гете" ("Kant, Schiller, Goethe", Лpz., 1907). Немецкий философ-неокантианец Пауль Натоп в своих трудах "Учение Платона об идеях. Введение в идеализм" ("Plato's Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus". Leipzig, 1903), "О платоновском учении об идеях" ("Über Plato's Ideenlehre". Berlin, 1914) интерпретировал учение Платона об идеях в духе Марбургской школы (примеч. 11 к гл. 4). Начало неокантианскому пониманию платоновской философии было положено работой главы этого направления Германа Когена "Учение Платона об идеях и математика" ("Plato's Ideenlehre und die Mathematik". Marburg, 1879).

¹³ Белый излагает точку зрения немецкого философа и санскритолога Пауля Дейссена, который в своей работе "Веданта и Платон в свете Кантовой философии" (пер. издад в "Мусасете" в 1911 г.), утверждая истинность шопенгауэровской метафизики воли, сблизжает "атман" индусов, "идею" Платона, "вещь в себе" Канта и "мировую волю" Шопенгауэра, противопоставляя им соответственно мир эмпирической видмости: "Майю", "мир теней", "явление", "мое представление" (также примеч. 27 к гл. 4).

¹⁴ Эту идею Риккерт высказывает в своем сочинении "Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания" (рус. пер.: Киев, 1904. С. 180—200). Об этом также: Яковенко Б. Учение Риккерта о сущности философии // Вопросы философии. 1913. Кв. 119. С. 427—471; Кв. 120. С. 605—679. В статье "Основы моего мировоззрения" Белый по

этому поводу замечает: "Следует дать себе отчет в различии меж конституативными и методологическими формами познания; первые суть формы данности: идеи, понятия, закона, предмета; все содержания сознания даны нам в познании; формы данности сводимы к данности как форме, называемой Риккертом *категорией данности*; категория данности конструктивна в том смысле, что конституируется в ней самое содержание сознания как предмет познания; всеобщее и индивидуальное нам даны; форма данности есть форма всеобщего и индивидуального; кроме этого оформления (конституция), иные предметы познания, так сказать, вторично оформлены: методическим принципом частной науки; Риккерт принцип вторичного оформления называет методологической формой; и она есть всеобщая форма" (Основы моего мировоззрения. С. 20).

¹⁴ Имеются в виду афоризмы Гете, приведенные Метнером в "Размышлениях о Гете" (С. 238—239): "Подобно тому как Сократ призвал к себе нравственную личность с тем, чтобы последний с совершенною простотою хотя бы несколько просветился относительно самого себя, Платон и Аристотель, словно личности, наделенные особыми полномочиями, выступили перед природой: духовность и душевность Платона склоняли его отдать себя природе; взор и метод исследователя склоняли Аристотеля взять природу для себя"(1); "чтобы спастись от беспредельного многообразия, расколотости и запутанности современного учения о природе назад в пустоту, надлежит предлагать себе вопрос: как поступил бы Платон с природою, какою она является нам теперь в своем большом разнообразии при всем единстве своей основы?"(2).

¹⁵ Метнер, ссылаясь на второй афоризм Гете (см. выше), пишет о "платоническом исповедании Гете, и притом не навязанного ему, а покоящегося на "избирательном средстве" с Платоном (Размышления о Гете. С. 239).

¹⁶ Сближая Аристотеля и Шеллинга, Метнер противопоставляет их Гете: "...воззрение, по которому Гете, да еще вместе с Шеллингом, (<...>) является продолжателем и развивателем аристотелевской натурфилософии, мне представляется (<...>) огромным недоразумением (<...>). Аристотель почти во всем — противоположность Гете" (Размышления о Гете. С. 239). О штейперовском и беловском понимании этого вопроса см. примеч. 72 к гл. 3.

¹⁷ Ликей (греч.: Lykeion) — название рощи при храме Аполлона Ликейского близ Афин, где учил Аристотель.

¹⁸ Имеется в виду комментарий Вильгельма Вундта к роману Гете "Годы странствий Вильгельма Мейстера", на который ссылается Метнер (Размышления о Гете. С. 241).

¹⁹ Речь идет о сочинении П. Наторпа "Учение об идеях Платона" (Лейпциг, 1903).

²⁰ См. статью У. фон Вилламовица-Мёллендорфа в "Ежегоднике Гетевского общества" ("Goethe-Jahrbuch") за 1898 г.

²¹ Далее Бельгий приводит несколько цитат из сочинения К. Форлендера "Кант, Шиллер, Гете", двух статей: "Гете и Кант" в "Ежегоднике Гетевского общества" (1898. Т. 19. С. 167—198) и "Отношение Гете к Канту в своем историческом развитии" в философском журнале "Кантские исследования" ("Kantstudien", 1898. Т. 2. С. 161—211).

²² Метнер обыгрывает выражение Ницше "Blonde Bestie" (нем.: дикое животное): "светловолосая bestia" — так Ницше называет "сверхчеловека" — и понятие Гете "Urtier" (нем.: праживотное).

²³ Прокрустово ложе — искусственная мерка, не соответствующая сущности явления; насильственно налагаемые на что-либо ограничения. Выражение связано с именем древнегреческого мифологического персонажа — великана-разбойника

Прокруста, который насильно укладывал путников на ложе, и тем, кто был больше или меньше его размеров, обрубал или вытягивал ноги.

¹⁸ Аллюзия на пассаж Метнера из "Размышлений о Гете", где он размышляет о "воле к власти", если последнюю понимать не в вульгарно-"ницшеанском" смысле: "Под таким девизом мог бы подписаться и Гете (как его в своих письмах предвосхитил Бетховен), ибо "воля к власти" есть тогда не что иное, как стремление к благодетелю; такая воля к власти не противоречит алканью вселенской любви, определявшему мысль Гете. Тогда как, по Дарвину: лучше напиться из лужи, чем умереть от жажды; по Гете, Бетховену и Ницше: лучше умереть!" (Размышления о Гете. С. 140).

¹⁹ Имеется в виду сравнение Гете и Гегеля в книге Штейнера "Мировоззрение Гете" (1897), приведенное Метнером в его Размышлениях о Гете: "...если бы Гегель совершал наблюдения над природой, то они, пожалуй, были бы столь же ценны, как и наблюдения Гете; если бы Гете построил здание из философских мыслей, то оно едва ли было бы здоровее, нежели система Гегеля" (С. 175).

²⁰ Речь идет об одном из разговоров Гете с Партзем, где Гете характеризует современных ему философов: Гегель "вставил свою философию тождества между объектом и субъектом" в противоположность Фихте с его предпочтением субъекта и Шеллингу с его предпочтением объекта, "вот за это, — говорит Гете, — мы похвалим Гегеля" (28.08.1827. "Gespräche mit Partey". Цит по: Размышления о Гете. С. 173).

²¹ Гегель в своей "Философии природы" (разд. 2. Физика) тщательно разбирает гетевское учение о цвете, причем некоторые собственные выводы (в частности, в вопросе о поляризации света или оценке Ньютона) он делает, прямо ссылаясь на научные статьи Гете, где тот исследует соответствующие проблемы.

²² Имеется в виду известное письмо Гегеля Гете от 20 февраля 1821 г., где он дает характеристику гетевскому понятию прафеномена: "Простое и абстрактное, что Вы метко называли прафеноменом, Вы ставите во главу угла, затем выявляете конкретные явления — как возникающие благодаря присоединению дальнейших сфер воздействия и новых обстоятельств, и управляете всем процессом так, чтобы их последовательность продвинулась от простых условий к сложным, и размещаете их в таком порядке, что только теперь ярко проявляется все запутанное. Чтобы выявить прафеномен, освободить его от много, случайного для него самого окружения — постичь его абстрактно, как мы это называем, — это я считаю великим делом духовного постижения природы, равно такой метод вообще — истинно научным познанием в этой области. Нам нужны проемы, чтобы можно было наш поначалу аморфный, смутный или даже вообще темный абсолют, прорабатывающийся к воздуху и свету, окончательно вывести к ясному дню (...). Здесь нам превосходную службу сослужит прафеномен Вашего превосходительства: в этом двойном свете — духовном и понятном вследствие своей простоты (с одной стороны) и видимом, и осязаемом благодаря своей чувственности (с другой стороны) — приветствуют друг друга оба мира — мир абстрактных схем, мир абсолюта и мир проявляющегося существования". Именно это письмо Гегеля Гете привел полностью и без комментариев в своем журнале "О естествознании вообще".

²³ "Благодаря Гегелю, — считает Штейнер, — Гете становится ясно, что исследователь-эмпирик должен идти только до прафеноменов и что отсюда начинается путь философа (...). Преодоление действительности, углубление в нее, стремление подняться от сотворенного к творчеству, от обусловленного к условию — вот что лежит в своей основе как у Гете, так и у Гегеля. Гегель ведь не предлагает в своей философии ничего

другого, а только вечный процесс, из которого вытекает все, что конечно. Он познает данное как некое следствие того, что можно было бы считать безусловленным. (Verhältnis der goethischen Denkweise zu anderen Ansichten // Einleitungen S. 227).

³¹ Бельгийский цитирует последние строки стихотворения "Несомненно" ("Allerdings", 1819—1820), которыми Гете закончил небольшую заметку "Дружеский призыв", опубликованную в журнале "Вопросы морфологии" (Т. I. Вып. 3. 1820):

"В природе нет зерна,
И никакой
Она не скрыта скорлупою,
Подумай лучше ты, что мысль твоя:
Зерно или скорлупа?"

³² Анализируя понятие пространства и времени в философии Канта, Штейнер отмечает: "...исходным пунктом человеческого мышления для Канта является опыт, данный органам чувств <...>. Этот чувственный мир суть некая множественность вещей в пространстве и процессов во времени <...>. Я могу мысленно отбросить всю множественность вещей и процессов. Но то, что я не могу перестать мыслить, — это пространство и время. Даже если существует какая-нибудь вещь вне этих категорий, я ничего не могу об этом знать, поскольку я ничего не могу себе представить без пространства и времени. Я не знаю, являются ли они характеристикой вещей, я знаю лишь, что для меня вещи непременно выступают в этих формах" (Verhältnis der goethischen Denkweise zu anderen Ansichten // Einleitungen S. 219).

³³ "Сущности" (нем.: Wesenheiten), т. е. ангелы — духовные "сущности" христианской мифологии.

³⁴ Ярило — славянский мифологический и ритуальный персонаж, воплощающий идею весеннего плодородия.

³⁵ Водан — верховный бог в мифологии древних германцев, обладающий могуществом колдуна, мудреца; бог войны и хозяин Вальхаллы (дворца, куда попадают павшие в бою воины).

³⁶ В частности, в работе Очерк теории познания Штейнер это положение аргументирует так: Кант "считал наш рассудок способным лишь восходить от частного к общему; наука же может существовать лишь о таких вещах, где частное, взятое само по себе, не имеет своего понятия и может быть лишь подведено под отвлеченное понятие. Относительно организмов условие это, по Канту, не соблюдено. Здесь каждое отдельное явление обнаруживает *целесообразное*, т. е. *понятийное* устройство <...>. Для понимания таких существ у нас, по мнению кенигсбергского философа, отсутствует всякое предрасположение. Мы в состоянии понимать лишь там, где понятие и отдельная вещь разъединены <...>. Поэтому нам не остается ничего другого, как положить в основу наших наблюдений над организмами *идею целесообразности* <...>. Кант здесь как бы научно обосновал ненаучность" (С. 69).

³⁷ Бельгийский имеет в виду следующее место из Очерка теории познания: Гете "никогда не мог понять, почему наше мышление должно быть недостаточным для того, чтобы спрашивать относительно какого-нибудь органа живого существа: не чему он служит, а откуда он происходит. Это лежало в его природе, которая постоянно понуждала его видеть каждое существо в его внутреннем совершенстве <...>. Он хочет рассматривать объект не как законченную вещь, а в его становлении, дабы узнать, какого он происхождения. В Спинозе его особенно привлекало то, что он не признавал этой внешней целесообразности органов и организмов" (С. 69).

³⁸ Имеется в виду книга Канта "Критика способности суждения" (1790).

³⁹ Филлиация (лат.: *filius* — сын) — "отношение сыновства", морфологическая связь, "избирательное сродство более или менее близких и далеких степеней" (Размышления о Гете. С. 101). Этот метод, считает Метнер, Гете использует для анализа взаимоотношений между "всеобщим" и "особенным", "отдельным случаем" и "миллионом случаев" (С. 103). Сам Гете, подчеркивая в старости собственное стремление видеть явления природы как процессы (в состоянии становления), назвал свой "жизненный метод" "филлиацией": "Я обладал методом развертывания, развития (*entwickelnde Methode*) и ни в коей мере методом сопоставления (*zusammenstellende*), упорядочивания: с явлениями рядоположенными мне нечего было делать, наоборот, я скорее мог бы заниматься филлиацией" ("Анналы").

⁴⁰ Случайно или намеренно Белый заменяет метнеровское выражение "гипотетический прародитель" словосочетанием "гностический прародитель" (Размышления о Гете. С. 107).

⁴¹ Фирма Шарля Пате в 1910-е гг. заняла ключевые позиции в деле производства и проката кинофильмов во Франции и многих других странах.

⁴² "Весы" — журнал московских символистов, редактируемый Валерием Яковлевичем Брюсовым, который издавался в 1904—1909 гг. книгоиздательством "Скорпион" (1900—1916), специализировавшимся на издании книг русских и западноевропейских символистов и принадлежавшим инженеру и переводчику С. А. Полякову (1874—1942).

⁴³ Тетрага по *mutantur* (лат.) — времена не меняются.

⁴⁴ Метнер посвятил непосредственно символизму единственную статью "Миф, мистерия, символ и мистика", опубликованную в журнале "Труды и дни" (1912, № 4—5), которая не является оригинальной разработкой теории символизма. Метнер использует здесь понятие "символ" в связи с раскрытием вагнеровской темы и толкует его в духе Белого и Вяч. Иванова.

⁴⁵ Безвоздушное пространство над свободной поверхностью жидкости в закрытом сверху сосуде; явление открыто и объяснено в 1643 г. итальянским физиком и математиком Э. Торричелли.

⁴⁶ Примеч. 133 к гл. 3.

⁴⁷ Метнер ссылается на книгу П. Сабатье "Богословская теория познания", где тот пишет, что "теория религиозного сознания находит свое завершение в символизме, если под символизмом разуметь одновременно тайну и откровение" (цит. по: Размышления о Гете. С. 500).

⁴⁸ Примеч. 134 к гл. 3.

⁴⁹ Белый ссылается на издание: Символизм. М., 1910.

⁵⁰ Белый цитирует издание: Арабески. М., 1911.

"ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ"

Книга печатается по авторскому машинописному тексту рукописи, хранящейся в мемориальном музее Андрея Белого в Москве.

ВВЕДЕНИЕ

¹ Штейнер получил научную степень доктора философии в 1891 г., защитив в университете г. Росток докторскую диссертацию "Основной вопрос теории познания в связи с "Наукоучением" Фихте", которая в 1892 г. вышла отдельной книгой

под названием "Истина и наука. Прелюдия к "Философии свободы" (Рус. пер.: М., 1913).

¹ В философской системе Белого понятия индивидуума и личности имели разный смысл. В Истории души он касается их различий подробнее, замечая, что индивидуум "в пространственной аллегории это — композиция личностей, слагающая из них храм; во временной линии — это их смена; каждая отдельная личность во времени есть — вариация индивидуума... Личность еще движима родом (...); индивидуум же, как воплощение изначального, до- и после- родового Я, соотносается Божеству, сам определяет род". И далее он определяет индивидуум как "целое коллектива из личностей" (С. 676).

² Цит. из стих. "Отчаяние" (1908) из цикла "Россия".

³ Цит. из стих. "К России" (1918).

⁴ Об ангелологии Штейнера, созданной на основе средневекового учения о девяти ангельских иерархиях Псевдо-Дюнисия Ареопагита (V в.), см. примеч. 130 к гл. 3 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности" (далее "Рудольф Штейнер и Гете"). Человек, по Штейнеру, представляет собой десятую иерархию в зачаточном виде и, как прочие иерархии (ангелы, архангелы, силы, власти, господства и др.), имеет собственную сущность, которой, согласно Штейнеру, является любовь и свобода.

⁵ Концепция "воплощения" (перевосхождение, метемпсихоз) души в разных телах, характерная для ряда философских систем Древней Греции (орфики, пифагорейцы) и некоторых религий Индии (брахманизм, индуизм, буддизм), была воспринята и переосмыслена антропософией: человеческий дух, согласно Штейнеру, для своего развития в свободное "духовное существо" нуждается в неоднократных земных воплощениях, и плоды предшествующей жизни переносятся в последующую.

⁶ См. примеч. 42 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете". Об этом же Белый пишет русскому философу Павлу Флоренскому 17 февраля 1914 г.: "Антропософский путь, преобразуя ум, развивая в нем крылья, не топчет его в сердце, а заставляет свободно слетать в сердце... чтобы на крыльях своих вознест сердце в мозг: в уме зажечь солнце... Свет Христов просвещает всех" (Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1991. М., 1992. С. 49—50).

⁷ Видная антропософка М. В. Сабашникова, близкая кругу Белого, записала в "Дневнике" (1922), передавая свой разговор с актером Михаилом Чеховым: "Важно не становиться бессознательным медиумом, а, укрепляя центр сознания, не выходя из него, создавать лик. Это тонкая грань. Спросил, нет ли аналогии пути художника и ученика. Я ответила: "Искусство, как и посвящение, сродни смерти, они снимают личину и облачают существо" (цит. по: *Волошина М. (М. В. Сабашникова)*). Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993. С. 403). Антропософское понимание искусства как одного из вариантов "духовного пути" — "утверждения своего вечного "Я" (где "несение креста" осознается как "несение личности") — было близко и ранним интуициям Белого. В "Эмблематике смысла" Белый определил задачу искусства как воплощение "живого образа Логоса, т. е. Лика" (Символизм. С. 43). "...Что есть Лик? Лик есть человеческий образ, ставший эмблемой нормы" (там же), т. е. символом. Образ Штейнера, как он задается в "Воспоминаниях", должен "означать" его "смысл", "дух", "индивидуум". В идеале — это об-лик, отразивший Лик, человек (здесь: Штейнер), ставший символом Логоса (= Иисуса Христа).

⁸ Начиная с 6 мая 1912 г., когда Белый прослушал в Кельне первую лекцию Штейнера, он посещал регулярно (вплоть до своего отъезда в Россию в 1916 г.)

большинство лекционных курсов, переезжая вместе со Штейнером из страны в страну по всей Европе. Он отмечает, что прослушал более 400 лекций Штейнера.

¹⁰ Гетеанум — Свободная высшая школа науки о духе, центр Антропософского общества, расположенный в Дорнахе близ Базеля (Швейцария). Здесь речь идет о первом здании Гетеанума, построенном из дерева в 1913—1921 гг. и сгоревшем в ночь на 1 января 1923 г. Второй Гетеанум (из бетона) возведен в 1924—1928 гг.

¹¹ Личная встреча Штейнера и Белого, который вместе с Асей Тургеновой специально приехал в Кельн на лекции Доктора, произошла здесь же 7 мая 1912 г. В Ракурсе к дневнику, касаясь этого события, он записывает: "Кельн. Встреча и разговор с доктором Штейнером, определяющий судьбу мою и Аси" (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100).

¹² Неточная и сокращенная цит. из статьи "Эмблематика смысла" (Символизм. С. 46).

¹³ Белый имеет в виду кельнское отделение Антропософского общества (далее сокр. АО) (до 1913 г. — Теософское общество).

¹⁴ Данный пассаж, рассмотренный в контексте идей Гете (см. "Рудольф Штейнер и Гете"), раскрывает "светоносный" облик Штейнера. Гетевский свет (Дух, Бог), символ которого солнце и одновременно человеческий глаз, проявляется во тьме. И подобно ему, сияют глаза Штейнера на фоне темно-синей комнаты (см. примеч. 55 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете").

¹⁵ Парафраз из Евангелия (Ин. 8:58). Эта цитата из "Эмблематики смысла" перекликается со статьей Вяч. Иванова "Ты Еси" (1907), в которой подчеркивается мысль, что с обращения к Богу ("Ты Еси") начинается бытие "Я". (Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 91—96).

¹⁶ Из воспоминаний // Беседа. 1923. № 2. Берлин.

¹⁷ В средневековой демонологии и алхимии эльфами называли духов воздуха, в широком смысле — низших духов природных стихий (саламандры — духи огня, силфы — духи воздуха, ундины — духи воды, гномы — духи земли). Как отмечает Х. Э. Керлот (Словарь символов. М., 1994): "большинство слов с корнем альб: Альберих, эльф (алоб), река Эльба, Альпы — напоминает об этом сияющем свете сверхъестественного" (С. 557).

¹⁸ Неточная цит. из стих. "Бальмонту" (1903), сборник "Золото в лазури". Правильно: "Говори о безумье миров..."

¹⁹ Эвритмия — особый вид искусства, создаваемый Штейнером (в его основе — ритм, жест, танец), цель которого в точных "формах" движений выразить своеобразие звука и слова. Штейнер считал, что произносящий звуки человек создает своим выдыханием ("духом") определенные формы (ведь дух всегда явлен), сопровождаемые также невидимым движением внутри организма. Эвритмия должна уловить и выразить это движение, придать пластическую "форму" звуку (Слову-Духу). М. В. Сабашникова, увлеченная эвритмией, вспоминает: "А что творческое Слово, скрыто действующее в человеке, может открываться также через его движение — об этом я узнала из эвритмии. Теперь я поняла, что имел в виду Рудольф Штейнер, когда после лекции о начальных словах Евангелия Иоанна спросил меня: "Могли бы Вы это протанцевать?" (Волошина М. (М. В. Сабашникова). Зеленая змея. С. 226). Поскольку в теории символизма Белого смысл всегда эмблематичен и эта эмблема не является застывшей формой, но "ритмом", антропософская идея эвритмии, истолкованная широко, оказалась ему весьма близка.

¹⁰ Ср.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Предисл. Заратустры, или кон. 17, 18, кон. 20 фрагмента из 4 части поэмы "О высшем человеке". Белый цитирует: Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 323—325.

¹¹ Один из наиболее любимых и часто цитируемых Белым афоризмов Ницше.

¹² Цит.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Часть 4. Самый тихий час. Ср. современный перевод: "Самые тихие слова — те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром" (Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 106).

¹³ Аллюзия на эпизод поэмы Ницше "Так говорил Заратустра" (Речи Заратустры. О трех превращениях): "Что есть тяжесть? — вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его" (Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 18).

¹⁴ См., напр., Андрей Белый. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Публ. Л. Озерова // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 638—644.

¹⁵ О своих встречах с Вл. Соловьевым и духовном воздействии философа Белый писал неоднократно, напр.: Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 387—394; Воспоминания о Блоке (1 глава). М., 1995 и др.

¹⁶ Андрей Белый. Воспоминания о Жоресе (1924). Публ. А. В. Лаврова // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 645—652.

¹⁷ Об отце Белый вспоминал: "Его влияние огромно: в согласиях, в несогласиях, в резких мировоззрительных схватках и в жесте таймой, горячей любви он пронизывал меня действительно; совпадение во взглядах и даже полемика с ним определяли круг моих интересов; с ним я считался — в детстве, отрочестве, юности, зрелым мужем" (На рубеже. С. 49).

¹⁸ В мемуарах На рубеже (глава "Лев Иванович Поливанов") Белый с любовью вспоминал о Льве Ивановиче Поливанове, директоре частной гимназии, где он проходил курс обучения: "...не человек, а какаля-то дуогаля, воплощенная идея: гениального педагога", называя его вторым "спутником жизни" ("Первый мой спутник — отец") (С. 260, 346).

¹⁹ Сокращенная цит. из статьи "Символизм как миропонимание" (Символизм. С. 349), в которой Белый обыгрывает образ ницшеанского мудреца-философа из поэмы "Так говорил Заратустра" и эссе "Веселая наука". Ср. также: Вяч. Иванов. О веселом ремесле и умном веселии (1907).

²⁰ Сокращенная цит. из ст. "Маска" (Арабески. М., 1911); Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. II. С. 126.

²¹ Цветовой ряд, сопровождающий появление Штейнера (синие сумерки, пурпурные розы, солнечный свет глаз), имеет символический смысл. Гетевская и теософско-антропософская символика цветов (см. примеч. выше) преломляется сквозь мистическую цветовую "семантику" христианского учения, в котором эти три цвета (синий, пурпур и золотой) суть цвета Богоматери (у Соловьева — цвета Софии, Души мира). Роза и солнце как знаки посвящения, Духа, Тайны и Центра мира, дополняют образ Штейнера, придавая ему черты избранничества. И далее: "Еси!" — восклицает автор, увидев в Штейнере и Бога, и человека в его потенции (примеч. 15 к наст. гл.).

²² Карма (санскр. — действие, деяние), древневосточная мифологема, воспринятая антропософией, обозначала в индийских религиях непреложный "закон возмездия" за совокупность поступков и намерений, определяющих судьбу живого существа в последующих перевоплощениях. Штейнер, создавая концепцию взаимосвязи тела, души и духа человека с космосом, писал: "Тело человека подлечит закону

наследственности; душа подлежит судьбе, созданной ею самой. Эту самим человеком созданную судьбу, согласно древнему выражению, называют кармой. Дух же подлежит закону перевоплощения, закону повторяющихся земных жизней" (*Штейнер Р.* Теософия. Ереван, 1990. С. 64—65). См. также примеч. 6 наст. гл.

³³Парафраз евангельского изречения: "Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Мф. 11:30).

³⁴Примеч. 17 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

³⁵Цит. из сочинения Штейнера "Как достигнуть познания высших миров" (1904—1905).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ДЕЯТЕЛЬ

¹Начало главы представляет собой адаптацию к слову специфических приемов музыкальной техники (тема, контрапункт, тональность, мажор, минор), характерную для художественного стиля Белого. См. об этом: *Гервер Л.* Андрей Белый — "композитор языка" // Музыкальная академия. 1994. № 3. Упоминаемые в данном контексте тональности — *As dur* (ля $\flat$ мажор) и с *mol* (до минор) — можно интерпретировать как ошибку Белого, имеющего в виду т. наз. параллельные тональности *Es dur* (ми $\flat$ мажор) и с *mol* (до минор). Но, возможно, Белый обыгрывает эту "ошибку", ведь далее речь идет о внешнем трагизме "мажорной" деятельности Штейнера, которая в своей скрытой глубине осознается Белым как священная или даже "богоравная". Согласно символике одной из популярных барочных музыкальных теорий Шуберта (Белый интересовался не только символическими соответствиями разных сфер бытия, но и хорошо знал музыкальный символизм благодаря общению с семейством музыкантов Метгеров), "ошибочный" тон *As dur* — это тон трагический (смерти, Божьего суда и вечности, распада и могилы); упрямый в него *Es dur* — тон любви, беседы с Богом, знак Святой Троицы (в тональности три бемоля). Таким образом, Штейнер первой главы раскрывается как музыкальная партитура, в которой Белый выделяет тему, темп (деятель), мелодию с контрапунктами, тональность (ми $\flat$ мажор).

²"Трагическая" песня немецкого композитора-романтика Роберта Шумана "Я не сержусь" (из цикла "Любовь поэта", написанного на слова Генриха Гейне, оп. 48, 1840), в которой герой впервые узнает об измене возлюбленной, написана в тональности *C dur* (до мажор), символическая семантика которой выражает "мажорное" совершенство и чистоту (из-за "белого" цвета этой основной "перво"-тональности, в которой отсутствуют диэзы и бемоли, т. е. черные клавиши).

³*Im Grunde genommen* (нем.) — досл. "в корне взят"; собственно говоря, в сущности.

⁴Лекции, прочитанные Штейнером в 1906—1918 гг., объединяются в 50 циклов ("курсов"), которые дают целостную картину антропософского эзотеризма.

⁵По замыслу Штейнера, Гетеанум должен был воплотить его основные гносеологические идеи в связи с именем и натурфилософией Гете. Главной архитектурной идеей-образом становится образ ореховой скорлупы, форма которой точно соответствует заключенному в ней ядру. Кроме того, в немецком мистическом сознании "орех" символизирует эзотерическую истину, как, например, в учении гетевского современника Иоганна Георга Гамана, изложившего свои загадочные интуиции в трактате под названием "In nucis" (букв.: в орехе), или в сочинениях Гете,

в которых образ орехового дерева помечает сакральное пространство ("Страдания молодого Вертера", "Поэзия и правда" и др.). В основе формы здания лежала новаторская для того времени идея соединения двух гигантских куполов, символизирующих синтез "чувственно-сверхчувственного" познания. Материал — дерево (символ растущей жизни) и орнамент колонн, который изменялся с определенной закономерностью (символ метаморфозы живых форм), подчеркивали связь органических учений Штейнера и Гете.

В 1894 г. вышла "Философия свободы", сконцентрировавшая основные философские (доантропософские) идеи Штейнера.

В 1925 г. Штейнер опубликовал статьи "Антропософские тезисы. Антропософский путь познания. Мистерия Михаила".

Согласно ангелологии Штейнера, архангелы играют особую роль в истории культуры, представляя собой как бы индивидуализированный Дух Времени. Наша эпоха, начавшаяся в последней трети XIX в., может быть названа эпохой Архангела Михаила, и ее главной задачей является одухотворение интеллекта и становление сознающей души, т. е. проблемы познания приобретают первостепенное значение. Эти проблемы, в их доантропософском варианте, поднимаются, как считает Бельй, в упоминаемой книге "Истина и наука" (1892).

Бельй сравнивает "Критику чистого разума", т. наз. 1-ю критику, где речь идет о возможности теоретического познания природы посредством понятий, и "Критику способности суждения", т. наз. 3-ю критику, где говорится о познании телеологической реальности при помощи продуктивной силы воображения, т. е. посредством создания образа. Штейнер же, считает Бельй, в своей гносеологии (теории познания) — и в философском, и в антропософском варианте — исходит из единого основания: его философская "конкретная" (явленная) идея — то же самое, что и антропософская "интуиция", т. е. синтез понятия и образа, позволяющий познать "телеологическую" сущность как физической, так и "органической" реальности.

Бельй перечисляет имена философов, оказавших первостепенное влияние на формирование его символической теории познания, в которой идея "конкретного" символа близка штейнеровской "конкретной идее". В 1897 г., как пишет Бельй в Материале к биографии, он испытал "самое главное событие (...) внутренней жизни" — знакомство с трактатом Шопенгауэра "Мир как воля и представление" (Минувшее. Выш. 9. С. 453); в октябре 1904 года он основательно изучает "Критику чистого разума" с помощью книги Карла Штанге "Ход мыслей в "Критике чистого разума" (рус. пер. М., 1906); и тогда же "натякается" на книгу Риккерта "О предмете познания": "С этого момента, — отмечает Бельй, — скупую неделю, по страничкам, штудирую эту книгу (и ноябрь, и декабрь)" (Ракурс к дневнику. Л. 24 об.).

Возможно, ошибка и речь идет о XXXIII курсе "Человеческая и космическая мысль" (1914), так как именно здесь Штейнер излагает свое учение о 12 мировоззрениях (примеч. 38 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете").

"Goethes Weltanschauung" (нем.). Имеется в виду работа Штейнера "Очерк теории познания гетевского мировоззрения" (1886).

В 1902 г. была образована немецкая секция ("ветвь") Теософского общества, и Штейнер стал ее Генеральным секретарем.

В основе теософия (примеч. 5 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"), понимаемой здесь в узком смысле как учение Блаватской, лежала идея сакральной

тождественности религиозных догматов различных вероисповеданий и древнеиндийская концепция кармы и перевоплощения. Антропософия, зародившаяся в недрах теософского учения, центром своей доктрины считает пришествие Христа, в то время как теософы видели в нем лишь одного из "учителей мудрости". Ограниченность теософского гнозиса Белый понял еще до встречи со Штейнером. "Современная теософия, — пишет Белый в "Эмблематике смысла", — интересна лишь постольку, поскольку она воскрешает интерес к забытым в древности ценным мирозерцаниям; нам интересен вовсе не синтез мирозерцаний, а самые мирозерцания" (Символизм. С. 89).

¹⁴ Название ежемесечного журнала (1904—1908), объединившего альманахи "Люцифер", основанный Штейнером и его ближайшей сотрудницей и будущей женой Марией фон Сиверс, и "Гнозис", издаваемый Раппопортом (Вена).

¹⁶ "Орден звезды на Востоке" образовался внутри Теософского общества. Его возглавила Анни Безант (с 1907 г. — президент Теософского общества).

¹⁷ Вероятно, Белый имеет в виду, что в основе теософского "теоретического оккультизма" лежала идея семичности: учения о "семи планах Вселенной" (физическом, астральном, душевном, ментальном, духовном, божественном и непроявленном), причем каждый из "планов" состоял также из семи ступеней (оболочек, форм); и учение о соответствующих семи элементах человеческого существа. Штейнер использует ту же схему, вводя 7 типов сознаний, 7 культурных этапов (рас) и т. д.

¹⁸ Белый дает абрис собственной антропософской философии культуры, как она раскрывается в его Истории души: три элемента сознания являются одновременно тремя ступенями познания, в историческом смысле — тремя ступенями культуры. Точка их соединения — в центре "Я" (= Само = со = знание — примеч. 37 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"), где и происходит упомянутый синтез-символ сознания и познания, где является София-премудрость (как четвертая ипостась) и где соответственно человек (человечество) приобретает новое качество Богочеловека (или, по антропософской терминологии, Духочеловека).

¹⁹ Употребляя в данном контексте термин "Богочеловек" (Логос), Белый имеет в виду его христианское понимание, хотя обычно он использует собственную интерпретацию соловьевского понятия "Богочеловечества" (примеч. 46 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"), которое соединяет в себе Логос и Софию.

²⁰ Понятие "человекобога" введено в популярной работе немецкого философа Людвиг Фейербаха "Сущность христианства" (1841), которая издавалась в России "серебряного века" неоднократно и в разных переводах (в 1906, 1907, 1908 гг.). В статье С. Н. Булгакова "Религия человекобога у Л. Фейербаха" (1905) отмечается, что "попытка Фейербаха сводится (...) к тому, чтобы религию богочеловечества, основывающуюся на вере в Богочеловека, освободить от этой опоры и превратить просто в религию человечества" (Булгаков С. Н. Соч. В 2-х т. М., 1993. Т. 2. С. 198).

²¹ *Par excellence* (фр.) — по преимуществу.

²² Первая Вальдорфская школа основана в 1919 г. на папиросной фабрике Вальдорф-Астория в Штутгарте благодаря благодаря ее директору Эмилю Молту (1876—1936). Вальдорфская педагогика базировалась на антропософии. Ее сущность Штейнер сравнивал с таинством крещения (см. об этом: Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Святого Грааля. М., 1995. С. 56, 446).

²³ Белый имеет в виду Клинико-терапевтический институт в Арлесхайме (недалеко от Дорнаха), созданный по инициативе врача Иты Вегман в 1921 г. на основе

медицинских представлений Штейнера, считавшего, что психическая и духовная природа больного должна включаться в общую картину его болезни, основанную на данных "сверхчувственного" исследования.

¹⁴ "Община христиан" основана в 1922 г. в Штутгарте группой протестантских и либеральных католических богословов, во главе которых стоял евангелический теолог — доктор Фридрих Риттельмейер, причем Штейнер подчеркивал, что задача общины не создание новой религии, но духовные исследования.

¹⁵ *In concreto (лат.)* — конкретно.

¹⁶ Будда (санскр. — просветленный) — основатель буддизма, индийский принц Сиддхартха Гаутама (623—544 до н. э.). Считается, что ученики записали его откровения, составив "Трипитаку" (санскр.: три корзины) — наиболее ранний и полный сборник буддийской религиозной канонической литературы (записана в I в. до н. э.). Упоминаемая в данном контексте "Сутта-Нипата" является второй частью "Трипитаки" и содержит изложение морали раннего буддизма.

¹⁷ О Кришне см. примеч. 57, 58 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете". "Бхагавадгита" — откровение Кришны, возведенное им герою эпической поэмы "Махабхарата" Арджуне (Махабхарата VI, 23—40). Памятник религ.-филос. мысли Древней Индии.

¹⁸ Об апостоле Павле см. примеч. 43 к гл. 5 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете". В понимании Штейнера Павел является основателем современного христианства. В "Духовном водительство человека и человечества. Духовном рассмотрении развития человечества" (Калуга, 1992) он замечает: "Когда Павел стал ясновидящим перед Дамаском, он смог познать, что в Дух Земли перешло нечто, бывшее прежде в космосе. В этом сможет убедиться всякий, кто будет в состоянии привести свою душу к переживанию события перед Дамаском. В XX столетии появятся первые люди, которые духовным образом будут переживать видение Христа Павлом" (С. 59).

¹⁹ Апостол Павел (противопоставленный Христу) — герой сочинения Ницше "Антихрист". "В Павле воплотился тип, — пишет Ницше, — противоположный "благостнику", гений в видениях ненависти, в видениях логике ненависти (<...>). Он — создатель религии *décadence*, использующий смерть Спасителя на кресте ради доказательства и оправдания господства над Римом (<...>). Его потребностью была власть" (Ницше Ф. Соч. Т. 2. С. 666—669). Павел — рационалист и логик, и это приводит, согласно Ницше, к утрате органического контакта с живой жизнью и далее — к ненависти. Подобный тип личности Ницше называет "сократиком", или "теоретическим человеком" и считает, что в современной "декадентской" культуре господствует такое рассудочное мирозерцание.

²⁰ Павел в понимании Белого воплощает цельное (т. е. ритмичное и подвижное — "беспокойное") единство Востока и Запада, становится еще одним символом (символическим соответствием) Символа, который в данном контексте осмыслиется как культура. В Истории души Белый называет Павла апостолом самосознания, апостолом культуры: "Павел — по существу философ культуры, в которой Христос в выявлении своем, как космическом интеллекте, есть ритм самой смены культур" (С. 61); замечает, что "сама история христианской культуры в Павле" (С. 73).

²¹ Парافраз Евангелия: "Для всех я сделался всем" (I Коринф. 9:22).

²² Штейнер изучал естественные науки в Высшей технической школе в Вене.

²³ Штейнер — автор цикла из четырех драм-мистерий в стихах, написанных в 1910—1913 гг.: "Врата посвящения", "Испытание души", "Страж порога", "Пробуждение души". Театральные мистерии входили в разработанную Штейнером систему,

призванную сформировать внутри физического тела новые духовные органы, способствующие становлению самосознающей души. По поводу постановки им 2-й части трагедии Гете "Фауст" (как мистерия) в августе 1915 г. Белый писал: "В том-то и трепет мистерий, что опасности, переживаемые в них, будучи поданы в символическом жесте, совершенно реальны, а не аллегоричны; то, что сегодня увиделось символом и что вызвало символ ответный, завтра выявится воплощенным в жизнь; и поскольку в эти дни вся жизнь моя, без остатка, раслаивалась в символ, как восковая фигурка, — все красноречиво гласило, что завтра этот текучий символами воск отвердеет в неплавную и косную судьбу железных обстоятельств, в которых я буду жить годы" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 9. С. 443). Известно, что Белый вместе с Эллисом собирались перевести все мистерии Штейнера, и даже был план (по ряду обстоятельств неосуществившийся) опубликовать их в "Мусагете". Сохранился отрывок перевода Белым 2-й картины драмы-мистерии "Врата посвящения" (Штейнер Р. У врат посвящения. Пер. Б. Н. Бугасва (А. Белого). Публ. С. В. Казачкова // Лит. обозрение. 1995. № 4/5. С. 69—71).

²⁴ Имеется в виду учение Штейнера о трехчленности социального организма (единстве экономики, права и культуры), изложенное в книге "Основные черты социального вопроса" (1919) и ряде лекций, прочитанных в Швейцарии и Южной Германии.

²⁵ В 1884—1890 гг. Штейнер воспитывал в немецкой семье Шпехтов больного гидроцефалией ребенка, который позже получил медицинское образование.

²⁶ Речь идет о русском императоре Петре I, образ которого далее сливается с образом апостола Петра.

²⁷ Апостол Павел, сын богатого купца-иудея из Тарса, замечает по этому же поводу Белый в Истории души, "превозмог еврейскую законническую мудрость (<...>"; прекрасное владение греческим языком выдает в Павле "эллиниста", который "не мог не знать стоицизма, неопифагорейства, соединенного с вольнолюбием скептицизма". И далее он приводит мнение Вилламовица-Мёллендорфа, "знатока классической философии", который "считает язык посланий Павла в сталистическом отношении поднимающимся до уровня лучших классиков-стилистов; для иудея-законника овладение этим стилем было возможно лишь под условием огромной культуры" (С. 56).

²⁸ Белый имеет в виду трех апостолов: Петра (греч.: камень), символизирующего неизбежность христианской веры (здесь: "догматик"), Павла, умеющего логически обосновать свою веру (здесь: "логик"), и Иоанна с его способностью мистического постижения Бога (здесь: "мистик").

²⁹ Речь идет о событиях, предшествующих выходу Штейнера из немецкой секции Теософского общества. Анни Безант (к этому времени президент Теософского общества) открыла в молодом индусе Кришнамурти существо, в теле которого вновь воплотился "Учитель мира", и для его поддержки создала "Орден звезды на Востоке". Штейнер же, рассматривающий физическую жизнь Христа как единственное в мировой истории событие, потребовал отставки Безант. В ответ она обвинила Штейнера в том, что он воспитывает незуитов, и потребовала в свою очередь возратить ей "Учредительную хартию" немецкой секции, которая после этого стала независимой организацией и была названа АО.

³⁰ Первые постановки мистерий были осуществлены в Мюнхене, еще в рамках Теософского общества. Это были драмы Эдуарда Шюрэ "Элевзинские мистерии", поставленные в 1907 г., и "Дети Люцифера" — в 1909 г. В данном контексте речь

идет о репетициях драмы Шюре "Элевзинские мистерии" и третьей драмы-мистерии Штейнера "Врата посвящения", которыми открывался Мюнхенский съезд немецкой секции летом 1912 г. Тогда же Штейнер читал цикл лекций "Об инициации. О вечности и мгновении. О свете духа и тьме жизни".

⁴¹ Точное название цикла лекций "Жизнь между смертью и новым рождением в отношении к космическим фактам" (1913).

⁴² Точное название "Духовное знание и естествознание в их отношении к загадкам жизни" (1913).

⁴³ Сборники статей Белого "Символизм" (М., 1910), "Арабески" (М., 1911), "Луг зеленый" (М., 1910).

⁴⁴ Статья Белого "Эмблематика смысла" (1909), опубликованная в сб. "Символизм".

⁴⁵ Точное название цикла "Мистерии Востока и христианство" (1913).

⁴⁶ Речь идет о лекции для членов АО "Сущность антропософии", прочитанной 3 февраля 1913 г.

⁴⁷ 3 февраля 1913 г.

⁴⁸ Mitglieder (нем.) — члены.

⁴⁹ Точное название цикла лекций "Какое значение имеет оккультное развитие человека для его оболочек (физического, эфирного и астрального тела) и его сущности (Selbst)" (1913).

⁵⁰ В конце февраля 1913 г. Белый вместе с Асей Тургеневой уехал в Россию, где они пробыли до середины июля 1913 г. В Волынской губернии (г. Луцк) находилось имение Тургеневых.

⁵¹ Точное название издания, выходившего в Кёльне, "Сообщения для членов Антропософского Общества" ("Mitteilungen für die Mitglieder der Antroposophischen Gesellschaft").

⁵² Книжки Штейнера "Порог духовного мира" (1913) и "Путь к самопознанию человека" (1912).

⁵³ В мае 1913 г. Белый вместе с Асей Тургеневой приезжает из России в Гельсингфорс на цикл лекций "Оккультные основы Бхагавадгиты" (28 мая — 5 июня 1913 г.), последняя из которых (5 июня) была прочитана специально для русской аудитории. На этой же лекции присутствовала и вторая жена Белого Клавдия Николаевна Васильева-Бугаева, описавшая ее в воспоминаниях "О том, как образ Рудольфа Штейнера отразился в одной русской душе" (Bugajewa K. N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel, 1987).

⁵⁴ Название цикла лекций "Тайны порога" (1913).

⁵⁵ Контр-рondo — музыкальная форма, в которой неоднократные проведения главной темы — рефрена — чередуются с отличающимися друг от друга эпизодами.

⁵⁶ Белый обыгрывает слово "христианский": цикл лекций "Пятое Евангелие" был прочитан в Христиании (1913).

⁵⁷ В Материале к биографии Белый пишет об эзотерическом уроке (эзотерическом часе): "Esoterische Stunde" — собрания для учеников, применяющих методы к себе духовной науки; здесь все указания доктора специальные, техничны; в "E. S." допущены были не все члены АО" (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 353).

⁵⁸ Architektenhau (нем.) — Дом архитектора.

⁵⁹ Касаясь этого времени, Белый отмечает: "...весь период от 6-го января до генерального собрания (18—20 января 1914 г. — И. Л.) стоит в памяти, как бы sui generis мистерия моего посвящения в судьбы нашего духовного движения" (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 320).

⁶⁰ Имеется в виду книга Эрнста Больта "Сексуальные проблемы в свете естествознания и духовной науки" (*Sexualprobleme im Lichte der Natur- und Geisteswissenschaft*, 1911).

⁶¹ "В первый же день, — записывает Белый, — Рихтер устроил меня при столярне; моя должность заключалась в том, что я записывал в книги нанмававшихся на работу столяров, а также высчитывал заработную плату, а Ася пока пристроилась при чертежной" (Материал к биографии // *Минувшее*. Вып. 6. С. 372).

⁶² В Материале к биографии Белый освещает начало своей работы на строительстве Гетеанума несколько по-иному: "Весь этот месяц чувствую себя утомленным и как бы несколько разочарованным; все те переживания, которые так бурно налетели на меня в Христиании и росли непрерывно до февраля, не осадились никакими опутательными последствиями для меня. Особенно тоскливы были мне дни моего сидения в Базеле (Белый с Асей Тургеневой поселились сначала не в Дорнахе, где было трудно найти квартиру, а в Базеле. — *И. Л.*); Ася с утра уезжала в Дорнах, а я оставался дома; (...) В эти дни я написал стихотворение "Самосознание"; в нем отразилась грусть этих дней" (*Минувшее*. Вып. 6. С. 373).

⁶³ *Johannes-Vau-Verein* (нем.: Союз Иоаннова здания), основанный 12 сентября 1911 г. в Мюнхене и названный в честь главного персонажа драм-мистерий Штейнера — Иоанна Томазия; посвятил всю свою деятельность постройке антропософского "храма" (будущего Гетеанума).

⁶⁴ Книга "Загадка философии" ("*Rätsel der Philosophie*") вышла в 1914 г. в Вене.

⁶⁵ Точное название цикла лекций "Внутренняя сущность человека и жизнь между смертью и новым рождением" (1914).

⁶⁶ *Verein* (нем.) — союз, общество. Имеется в виду Союз Иоаннова здания.

⁶⁷ В статье "Чандала" "Теософского словаря" Е. Блаватской читаем: "Чандала (*санскр.*) — изгнанники, парии, или люди без касты, в наст. вр. — название всех низших классов у индусов, в древности — люди, утратившие принадлежность к кастам брахманов, кшатриев, вайшьев или шудр (...). Некоторые видят в них предков первых евреев, родоначальников племен которых был А-брахам, т. е. "не-брахма".

⁶⁸ *Crescendo* (*итал.*) — музыкальный термин, означающий постепенное увеличение громкости звука.

⁶⁹ Возможно, Белый намекает как на название иконы Божией Матери, так и на одноименный сборник стихотворений Александра Блока.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЧЕЛОВЕК

¹ Речь идет о статье "Возвращение на родину" и о "берлинской" редакции мемуаров "Начало века".

² См. примеч. 8 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

³ Белый образно характеризует контрастные увлечения Элліса. "Падаль" — сонет Шарли Бодлера из его книги "Цветы зла" (1857), в котором возлюбленная сравнивается с трупом гниющего животного. Небесная роза (или Райская роза блаженных) — эмпирей в "Божественной комедии" Данте (Рай, XXX—XXXIII). Элліс переводил как Бодлера, так и Данте.

⁴ Ср. письмо Белого А. Д. Бугасовой от 20 мая (11 июня) 1912 г.: "Только что получил длинейшее письмо Элліса из Норвегии; он как тень следует за доктором: голодает, отказывает себе во всем и на последние деньги ездит за ним всюду" (*И Л О*. 1994. № 9. С. 121).

⁴ В своих воспоминаниях "Начало века" ("берлинская" редакция), отрывочно опубликованных в "Беседе" (1923. № 2), Белый оценивает увлечение Эллиса "доктором" не столь пристрастно.

⁴ *Der unmögliche Herr* (нем.) — невозможный господин.

⁷ Имеется в виду полемический трактат Эллиса "Vigilemus", опубликованный в журнале "Труды и дни", издававшемся "Мусаетом" (1914). Согласно редакции на его публикацию, несмотря на протесты Белого, послужило поводом к выходу Белого из состава редакции и издательства, стало причиной ссоры с Метнером. С Эллисом Белый рвет все отношения в конце 1913 г. (см. об этом: Материал к биографии // *Минувшее*. Вып. 6. С. 357).

⁸ Эллис играет семантикой слов: "Meister" (нем.: мастер) — высшая ступень посвящения в мasonicких и розенкрейцеровских ложах, а также фамилия героя романов Гете "Годы учения Вильгельма Мейстера" и "Годы странствий Вильгельма Мейстера". "Tanzmeister" (танцмейстер) — придворная должность устроителя празднеств и балов.

⁹ Минцлова Анна Рудольфовна (1860—1910) — теософка, одна из первых учениц Штейнера, распространяла его идеи в русских культурных кругах, перевела на русский язык "Теософию" Штейнера. Восприняла главным образом мистическую и оккультную сторону антропософии, вероятно, была ясновидицей. В Ракурсе к дневнику Белый отмечает время своего сближения с Минцловой — декабрь 1908 г. (Л. 46), незадолго до ее таинственного исчезновения. См. о ней: Бердлее Н. Самопознание. М., 1990; *Белый Андрей*. Между двух революций (глава: Минцлова). М., 1990; стихотворение М. Волошина "Безумья и огня венец / Над ней горел" (цикл "Облики", 1911).

¹⁰ Vortrag (нем.) — доклад, лекция.

¹¹ О катарсисе см.: примеч. 54 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

¹² "Ноябрь этого года, — записывает Белый в Материале к биографии, касаясь осени 1913 г., — роковой, жуткий, головокружительный для меня месяц; и вместе мучительный; физическая моя оболочка притянуто к земле, а дух мой, как бы выйдя из нее, все время парит в сфере, где его обступают огромные, космические, апокалипсические образы (в этот период во мне подымается тема большого "Я", о котором я впоследствии говорю в "Записках чудака" (*Минувшее*. Вып. 6. С. 360).

¹³ Herr Doktor Steiner (нем.) — господин доктор Штейнер.

¹⁴ Mut (нем.) — мужество.

¹⁵ Манас — санскритский термин, означающий в антропософии Штейнера то же самое, что и Самодух (примеч. 45 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"). Этот орган в человеке, пишет Штейнер в "Очерке тайноведения", "находится как бы в зачаточном состоянии и все более выявляется по мере работы (<...> над самим собой" (С. 50). В антропософских интуициях Белого о самосознающей душе манас занимает значительное место, так как "душа сознательная (у Белого — самосознающая. — И. Л.) и Самодух (манас) составляют единое целое" (Очерк тайноведения. С. 52), именно здесь душа "перетекает" в сферу духа, начинается внутренняя деятельность индивидуального "Я" и человек развивается до более высоких ступеней своего существа. Поэтому важнейшая задача антропософии — формирование этого зародыша (= самосознающей души = манаса) не только у отдельного человека, но и в общей эволюции культуры. В данном контексте речь идет о том, что манас Штейнера, с точки зрения Белого, в полной мере способен проявить его индивидуум ("Я"), раскрыть духовную глубину его существа.

¹⁶ Röslein (нем.) — розочка. Имеется в виду стихотворение Гете "Дикая розочка" ("Heidenröslein", 1771).

¹⁷ Грааль — один из мистериальных символов антропософии, означающий сакральный мистический Центр. В средневековых легендах Граалем называли чашу, в которой было когда-то вино Тайной Вечери или, согласно апокрифическому Евангелию Никодима, кровь распятого Христа, собранная Иосифом Арамофейским. Эллис, размышляя на эту тему в статье "Парсифаль" Рихарда Вагнера, "какое-то основное таинственное свойство Св. Чаши" связывает с "основным свойством ее — хранением Пречистой крови". Слово "Грааль" он выводит из ее латинского названия *vasculis realis* (истинная кровь) — *Sang réal* (Труды и дни. 1913. № 1—2. С. 39). Саму чашу, согласно другой легенде, сделали ангелы из изумруда, выбитого из короны Люцифера архангелом Михаилом во время битвы на Небе, о которой повествует Апокалипсис (по другой версии, он выпал со лба Люцифера, низвергнутого в бездну). Отсюда — его символическая функция Порога высшего мира, своеобразного органа "чувства вечности" (некий третий глаз) и роль в мистериях посвящения. Поэтому в данном контексте строительство Гетеанума (антропософского центра) как бы превращается в создание мирового сакрального центра, где будет храниться наивысшая ценность, Истина, Тайна (Святой Грааль). Мистериальные сюжеты охраны Грааля и его поисков, идеи добровольной жертвы и искупления, слияния восточной и западной мистики (Грааль пришел с Востока, но охраняется западными рыцарями) связываются здесь Бельм с образом Штейнера как "хранителя Грааля". Сам Штейнер рассматривал замок Грааля не как реальный замок на физическом плане или художественный образ, но как "духовное переживание". "Тайна" Мистерии Грааля, согласно Штейнеру, — это тайна Святого Духа, озаряющего человека высшим познанием всего Макрокосма. "Посвященные нового времени, — пишет Штейнер, — могут быть названы "посвященными Грааля" (Очерк тайноведения).

¹⁸ Стих. Белого "На горах" (1903) из кн.: "Золото в лазури".

¹⁹ Sehr schön (нем.) — прекрасно.

²⁰ В Материале к биографии Бельм называет в этой связи Наташу Поццо.

²¹ Vorstand (нем.) — правление.

²² Бельм именует "декадентами" т. наз. "старших символистов" (Бальмонт, Брюсов, Вольнский и др.), а собственно "символистами" — т. наз. "младших символистов" (Вяч. Иванов, Бельм и др.).

²³ Неточная цит. из стих. Брюсова "Лестница" (1902) из сб. "Urbi et orbi". Первая строка: "Не остушлось ли я".

²⁴ Zeitraum (нем.) — период, эпоха. О семи этапах эволюции человечества в учении Штейнера см.: примеч. 51 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете". Шестая эпоха, согласно Штейнеру, наступит после разветвля "манаса". Также см. примеч. 1 к гл. 5 той же книги.

²⁵ Неточная цит. из стих. Ф. Тютчева "День и ночь" (1839), нужно: "И бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами".

²⁶ Цит. из стих. Штейнера "Wahrspruchworte / "Wintersonnenwende".

²⁷ "Песни повешенного" — название поэтического цикла Кристиана Morgenштерна.

²⁸ Речь идет об эзотерическом трактате начала XVII в. Генриха Кунрата "Amphitheatrum sapientiae aeternae". В коммент. к кн. "Символизм" (М., 1910)

Белый назвал Куирата "верным женихом теософии; ученым, каббалистом и алхимиком".

²⁹ Имеется в виду книга "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности".

³⁰ Белый обыгрывает название философского эссе Ницше "Веселая наука".

³¹ Exzel (нем.) — блестяще.

³² So (нем.) — так.

³³ Саваоф (от др.-евр. себаот — "воинственный") — одно из наименований бога Яхве в иудаистских и христианских традициях (1 Цар. 1:3; 4:4; 2 Цар. 6:2); в христианстве отождествляется с первым лицом Троицы — Богом Отцом.

³⁴ Неопалимая Купина — в ветхозаветных преданиях горящий, но негорающий терновый куст, в котором бог Яхве явился Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Хориву (Исх. 3:1—4). Христианская традиция видит в Неопалимой Купине прообраз Богоматери, непорочно зачатшей и родившей Сына Божьего.

³⁵ "Книга великого гнева" А. Вольнского (Флексера).

³⁶ Имеется в виду драма К. Р. "Царь Иудейский".

³⁷ Воспоминания Мережковского о встрече с Жоресом приведены в статье "Цветы мещанства" (Речь. 1908. № 35, 10 февраля), вошедшей в сб. "В тихом омуте" (СПб., 1908).

³⁸ Commune (фр.) — коммуна.

³⁹ Communión (фр.) — причастие.

⁴⁰ В сочинении "Философия свободы" Штейнер развивает учение о "моральной фантазии", в основе которой лежит идея свободы, и противопоставляет его кантовскому пониманию морали как долга ("категорического императива").

⁴¹ В статье "Основы моего мировоззрения" Белый характеризует это понятие, важное для осмысления антропософской морали как "философии свободы", подробнее: "Индивидуальное — целое (выделено мной. — И. Л.) чего бы то ни было: понятий, идей, чувств, импульсов или целостностей всего вместе (<...>), целое круга импульсов или содействий, содеянность (истины и красоты) есть действительность; в содеянии — сущность этики, которая не осуществляет себя в императивах долго, а в своеобразных образованиях, подобных эстетическим и смысловым; образы эти я называю, пользуясь терминологией Рудольфа Штейнера, образами моральной фантазии (Основы моего мировоззрения. С. 22). Таким образом, в основе "новой" этики (как и основе искусства, философии, точных наук, о которых Белый писал в книге "Рудольф Штейнер и Гете") лежит, согласно Белому, идея "гетевского" "организма" (живого целого, — каким бы словом его ни называть: — коллектив, комплекс, градация, смысл, дух, самосознание и т. д. (подробнее см. комментарии к кн. "Рудольф Штейнер и Гете"). А по сути — это синонимы основополагающего понятия "целостной" системы Белого — Символ.

⁴² Бранд — герой одноименной драмы Генрика Ибсена (1866); пастор-бунтарь, в своей заботе о благе людей проявляющий крайнюю нетерпимость; не считаясь с жертвами, он действует в соответствии с девизом "все или ничего".

⁴³ Имеется в виду книга Ханса Лейзеганга "Основы антропософии" (1922, рус. пер. 1923), по существу направленная против Штейнера. Белый откликнулся статьей "Антропософия и д-р Ханс Лейзеганг", в которой вступился в защиту Штейнера. Книга Макса Дессуара, о которой идет речь, называлась "Другая сторона души" ("Von Jenseits der Seele").

⁴⁴ Аппелл (нем.) — призыв.

⁴⁵ Der Theosophische Philosophische Verlag (нем.) — теософско-философское издательство.

⁴⁶ Берлинская квартира Штейнера на Моцштрассе, 17 (Motzstrasse, siebzehn) была в это время практически центром АО.

⁴⁷ *Séparé* (фр.) — частный, отдельный.

⁴⁸ Na ja, es wird schon gehen (нем.) — ну что ж, пора идти.

⁴⁹ Auf Wiedersehen! (нем.) — до свидания!

⁵⁰ Ein Moment! (нем.) — одну минуту!

⁵¹ *Réserve* (фр.) — сдержанный.

⁵² Иоганн Томазий — главный герой четырех драм мистерий Штейнера; мист перед воротами храма — герой первой мистерии "Врата посвящения".

⁵³ *Coquetterie* (фр.) — кокетство.

⁵⁴ Die Träne (нем.) — слеза.

⁵⁵ *Sens-fascin* (фр.) — очарование, обаяние.

⁵⁶ Неточность памяти Белого: граф Мольтке никогда не был членом АО.

⁵⁷ А. Тургенева вспоминает: "Русских на гельсингфорсский цикл приехало человек сорок. Среди них выделялась фигура Бердяева, через посредство Бугаева получившего разрешение присутствовать на этом цикле (...). В его взволнованных спорах в то время не было слышно ноты презрения, которая проскальзывает в его воспоминаниях" (Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о Белом. С. 197).

⁵⁸ Софисты (греч.: *sophistés* — умелый, мудрый) — условное обозначение древнегреческих мыслителей 2-й пол. V — 1-й пол. IV в. до н. э., а затем платных преподавателей красноречия и "мудрости". Общей чертой их учения был релятивизм, нашедший классическое выражение в положении Протагора: "Человек есть мера всех вещей". В словесных состязаниях, которые софисты, блестяще владевшие словом, ввели в обиход, они умели доказать любое положение при помощи ошибочных, но выдающих себя за истинное рассуждение доказательств, позже получивших название софизмов. Выступления Брюсова, великолепного полемиста, по своей форме напоминают, считает Белый, пассажи древнегреческих софистов. "Это будут не громкие слова, — характеризует он его манеру вести дискуссию, — скорее это будут примечания к беседе в виде цифр, цитат, историко-литературных примеров. Речь трезвая, сжатая, простая... Так говорит Валерий Брюсов: поправки, цифры, цитаты. А вот сумеет же при помощи цитат и дат уничтожить любого оппонента" (Символизм. С. 402). Но по сути, это "скептик", "декадент", надевший "на безумие свой сюртук, сотканный из сроков и чисел" (там же).

⁵⁹ Белый дал описание Трокадеро, "огромного, причудливой архитектуры дворца на берегу Сены против Эйфелевой башни", и выступление в нем Жореса (он "забил своим голосом, как топором") в воспоминаниях Между двух революций (С. 150).

⁶⁰ Гамлет — главный герой одноименной трагедии Шекспира. Михаил Чехов считал, что "тема давнего спектакля — устремление души Гамлета к Свету" (запись от 3 октября 1923 г.; Чехов Михаил. Литературное наследие: В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 457). Спектакль "Гамлет", в котором главную роль исполнял Чехов, был поставлен во МХАТе-2, его премьера состоялась 20 ноября 1924 г. Сабашникова вспоминает: "Позднее, уже после моего отъезда из Москвы, Чехов играл Гамлета. Мне рассказывали, что к концу пьесы, при всей ее трагичности, он все преображал

в Свет. Свет духа просветлял тьму и озарял людей, так что множество зрителей, движимые благодарностью за то, что он им дал, бежало за санками, провожая его из театра" (*Волошина М. (М. В. Сабашникова)*). Зеленая змея. С. 302).

¹⁰ Венгерского дирижера Артура Никиша, неоднократно выступавшего в России, Белый называет в статье "Маски" "чародеем" (*Белый Андрей*. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. II. С. 128).

¹¹ Епископ Трифон был одним из самых известных иерархов в начале нынешнего века. Храм Христа Спасителя построен в 1839—1880 гг. по проекту архитектора К. А. Тона на месте Алексеевского монастыря на левом берегу Москвы-реки. Взорван большевиками в 1931 г., восстановлен в 90-х годах XX в.

¹² Тепе (*фр.*) — манера держать себя, выправка. О лекциях по анатомии и физиологии растений профессора Климента Аркадьевича Тимирязева, которые Белый слушал в студенческие годы, он вспоминает: "...для меня посещение его лекций было менее всего изучением физиологии тканей, а изучением жеста ритмического" (*На рубеже*. С. 431).

¹³ Во время своего заграничного путешествия Белый (вместе с Асей Тургеневой) жил в Монреале, городке, находящемся в 5 км от Палермо в Сицилии (с 25 декабря 1910 г. по 5 января 1911 г. — по ст. ст.). Монреальский собор (1174—1189), памятник нормано-сицилийского стиля, знаменитый своими мозаиками, Белый восторженно описал в "Путевых заметках" (Т. I. Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922. С. 136—151). Его упоминание в связи со Штейнером нагружается дополнительным смыслом, если вспомнить, что этот собор послужил для Вагнера прообразом Мон-Сальвата — замка Грааля в "Парсифале" (Вагнер жил в Палермо в 1880 г.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЛЕКТОР И ПЕДАГОГ

¹ Имеется в виду Институт терапии и педагогики для больных детей в г. Йене.

² *Der motto (нем.)* — девиз.

³ Цит. из Евангелия: Мф. 17:4; Мк. 9:5; Лк. 9:33.

⁴ Имеется в виду евангельский эпизод Преображения Христа (примеч. 145 к гл. 3 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете").

⁵ Великим постом во время литургии Преждеосвященных Даров по средам и пятницам поется вместо Херувимской.

⁶ Белый слушал в это время следующие циклы лекций: "Бхагавадгита и послания апостола Павла" (Кельн, декабрь 1912 — январь 1913 г.); "Пятое Евангелие" (Льян, Христиания, сентябрь — октябрь 1913 г.); "Христос и духовные миры" (Лейпциг, декабрь 1913 — январь 1914 г.).

⁷ *Sehr verehrte Anwesende! (нем.)* — Многоуважаемые гости!

⁸ *Meine lieben antroposophischen Freunde! (нем.)* — Дорогие друзья-антропософы!

⁹ *Meine lieben Schwestern und Brüder! (нем.)* — Дорогие сестры и братья!

¹⁰ *In medias res (лат.)* — букв.: в середину вещей; в самую суть дела.

¹¹ *Aber Mama Fechners dachte ganz anders (нем.)* — Но мама Фехнера думала иначе.

¹² *Sehen Sie! (нем.)* — Смотрите!

¹³ Касаясь одной из лекций цикла "Христос и духовные миры", Белый записывает в Материале к биографии: "30 декабря доктор читал ту лекцию курса, где говорится об Аполлоновом свете; во время слов доктора о свете со мной произошло странное явление; вдруг в зале перед моими глазами, вернее из моих глаз,

вспыхнул свет, в свете которого вся зала померкла, исчезла из глаз; мне показалось, что сорвался не то мой череп, не то потолок зала и открылось непосредственно царство Духа: это было, как если бы произошло Сошествие Св. Духа; все было — свет, только свет; и этот свет — трепетал; скоро проступили из света... контуры сидящих, доктор, стены; д-р кончал; когда я двинулся с места, я почувствовал как бы продолжение моей головы над своей головою метра на 1,2 (проверить!)... это явление даже не удивляло меня; оно было лишь отражение моего приподнятого состояния; я ходил в Духе: был в Духе" (Минувшее. Вып. 6. С. 364).

¹⁴Эриния — в древнегреческой мифологии богини мести.

¹⁵Имеется в виду антропософский "духовный слух", с помощью которого возможно проникновение на определенную ступень сверхчувственного мира (ступень инспирации).

¹⁶См. примеч. 21 к Введению.

¹⁷Цит. из стих. "В стране морозных вьюг, среди седых туманов" (1882).

¹⁸Ип. 6:7.

¹⁹Белый имеет в виду т. наз. "отрицательную" и "положительную" бесконечности. Понятие "отрицательной" (или "дурной") бесконечности было введено Гегелем "как отрицание конечного, которое, однако, снова возникает и, следовательно, не снимается; или, иными словами, эта бесконечность выражает только долженствовавшие снятия конечного" (Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 232). Это выражение было популярно в среде русских интеллектуалов "серебряного века", особенно как противопоставление понятию "положительная" (т. е. истинная) бесконечность. В частности, С. Булгаков в своей книге "Свет не вечерний" (М., 1994) называет "дурной бесконечностью" эволюцию (как "беспредельное движение"), а "положительной бесконечностью" "трансцендентного и абсолютного Бога, подающего нам вечную жизнь" (С. 37). Первая познается посредством знания, вторая — посредством веры. Для Булгакова "окультизм есть лишь особая область знания" (С. 36), имеющая дело с "дурной" бесконечностью, ведь для "духовной науки", как и для теософического гностицизма, замечает Булгаков, "принципиально познаваемо все, Бог и мир..." (С. 37). Белый же, напротив, не противопоставляет штейнеровскую "духовную науку" вере, т. е. для него она постигает именно "положительную бесконечность", и только дурно понятый окультизм "теток", с его точки зрения, имеет дело с "отрицательной бесконечностью".

²⁰Das war etwas, etwas... (нем.) — Это было что-то такое, что-то...

²¹Помимо своего христианского значения как места распятия Христа, крест во всех символических системах, как правило, утверждает первичные взаимоотношения между земным и небесным мирами, он помещен в мистический Центр космоса и рассматривается как некий мост, по которому душа может подняться к Богу. Гарольд Бейли утверждает, что на всех языках "крест" (сгux, сгуз, сгоуз, сгоаз, кроиз, кроиз) имеет общую этимологическую основу на -ak, -чг, -ов, означая "Свет Великого Огня" (Bayley Harold. The Lost Language of Symbolism. London, 1912). Крест в круге символизирует в данном контексте штейнеровскую посвященность в розенкрейцеровский гнозис, который как бы продолжался в антропософском тайноведении. В письме М. К. Морозовой (1-я декада января 1912 г.) Белый пишет: "К кресту + присоединяется Рова (...). Рова есть мир и просветленная земля до Афродиты Небесной, т. е. святое Человечество, Св. Плоть, Церковь. Символ Розы — полнота, совершенство, т. е. круг; 0; итак, символ Розенкрейцества 0 или 0 — 7 роз. И этот знак носят на себе все "теософы", идущие за Штейнером" (Н ЛО. 1994. № 9. С. 134).

¹⁰ Ср. Материал к биографии Белого: "...события лейпцигского курса развернулись для меня как мистерия посвящения меня в тайны духа" (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 370).

¹¹ Речь идет об исторической концепции Штейнера (примеч. 51 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"). Индия здесь — символ правдивой культуры ("расы"), Персия — праперсидской.

¹² См., например, сочинение Платона "Апология Сократа" и диалоги "Критон", "Федр".

¹³ Ницше рассматривает Сократа как предтечу современной культуры, давшего "новую и неслыханно высокую оценку знания и разума", как "специфического не-мистика, в котором логическая природа путем гипертрофии так же чрезмерно развилась, как в мистике его инстинктивная мудрость (<...>). Этому проявляющемуся в Сократе логическому стремлению совершенно отказано было в способности обращаться на себя" (Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 107—108).

¹⁴ Об этом см. "Евангелие от Марка", 9-я лекция. Штейнер видит в Христе Божественное существо, жившее на земле в теле Иисуса из Назарета с момента крещения в Иордане до смерти на Голгофе. С этим существом в "эволюцию" Земли вступил духовный импульс, который после его воскресения остался навсегда, соединенный с духовной сущностью Земли. "Но только один раз, — замечает Штейнер в сочинении "Духовное водительство человека и человечества" (Калуга, 1992), — мог быть дан тот импульс, который дан Христом. Только один раз мог весь Космос отразиться таким образом, ибо та конstellация, которая была тогда, больше уже не вернется. Эта конstellация должна была действовать через человеческое тело, дабы она могла дать импульс на Земле. И как поистине одна и та же конstellация никогда не наступает вторично, так и Христос только один раз мог прийти к воплощению" (С. 62).

¹⁵ Инкарнация — то же самое, что и воплощение.

¹⁶ Трансценсус — примеч. 50 к гл. 4 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

¹⁷ Камалока — санскритский термин, в теософско-антропософской интерпретации означающий совокупность семи ступеней астрального мира. Сюда попадает астральное тело человека после смерти; нижние ступени соответствуют Аду, средние — Чистилищу. В примечаниях к "Эмблематике смысла", где Белый комментирует некоторые теософские термины, он отмечает, что "в этой области отпечатлеваются наши желания, отделяясь от нас и преследуя нас как самостоятельные существа" (Символизм. С. 86).

¹⁸ Имеется в виду "Котик Летаев" (1916).

¹⁹ Речь идет о работе Белого "На перевале. I. Кризис жизни" (Пб.: Алконост, 1918).

²⁰ Об эзотерическом часе см. примеч. 57 к гл. 1.

²¹ Белый имеет в виду лекцию в Пфорцгейме, посвященную Христу и прочитанную Штейнером 7 (или 8) марта 1914 г.

²² В Материале к биографии, касаясь событий января 1914 г., Белый пишет: "<...> я стал замечать в себе странную особенность впадать в состояние, во время которых всё, что ни происходит вокруг, разрывалось во мне, как шифр; я вычитывал из каждой случайно слышимой фразы за ней стоящий духовный смысл; неудивительно, что в лекциях доктора мне вычитывались смыслы, которые прямо не вынимались из текста. Состояние это сопровождалось особым состоянием физиологическим: в минуту, когда для меня прояснялось все, тело чувствовало

напор как бы жаркого, сжигающего света и отказывалось служить: мне казалось — вот оборвется сердце — и я — упаду” (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 366).

³⁵ В О черке т а й н о в е д е н и я, давая характеристику эфирному телу, Штейнер отмечает: “Эфирное тело всюду пронизывает физическое тело... на него нужно смотреть как на своего рода строителя физического тела. Все органы поддерживаются в их форме и образе течениями и движениями эфирного тела. В основе физического сердца лежит “эфирное сердце”, в основе физического мозга — “эфирный мозг” и т. д.” (С. 40).

³⁶ Вероятно, метафора Белого.

³⁷ Doktor hatte gesagt! (нем.) — Доктор сказал!

³⁸ Популярная в начале нынешнего столетия аллюзия на романы Гете “Годы учения Вильгельма Мейстера” и “Годы странствий Вильгельма Мейстера”.

³⁹ Имеются в виду циклы лекций “Какое значение имеет оккультное знание человека” (Гаага, март 1913 г.); “Чувственный и духовный миры” (Ганновер, декабрь 1911 — январь 1912 г.); “Человек в свете оккультизма, теософии и философии” (Христиана, июнь 1912 г.).

⁴⁰ Esoterische Stunde (нем.) — эзотерический час.

⁴¹ Белый здесь описывает состояние, когда появляется “имагинативный отпечаток” (см. примеч. 17 к гл. 2 кн.: “Рудольф Штейнер и Гете”). Ср. у Штейнера: “Промежуточное состояние между бодрствованием и сном есть состояние сновидения (<...>). Сновидение превращает в образ то, что при бодрствовании являлось бы чувственным восприятием. Отсюда видно, что как только внешние чувства прекращают свою деятельность, в человеке проявляется творческая сила (<...>). Во время сновидения оно (астральное тело. — И. Л.) отделяется от физического тела, поскольку не имеет никакой связи с его органами чувств; но с эфирным телом оно еще поддерживает некоторую связь. То, что процессы астрального тела могут быть восприняты в образах, происходит от этой его связи с эфирным телом. В то мгновение, когда прекращается и эта связь, образы погружаются в тьму бессознательности и наступает сон без сновидений” (О черк т а й н о в е д е н и я. С. 61). В М а т е р и а л е к б и о г р а ф и и Белый выделяет в этой связи январь 1913 г.: “Новые медитации вызвали во мне ряд странных состояний сознания; переменилось отношение между сном и бодрствованием; в декабре было два случая со мной выхождения из себя (когда я не засыпая, чувствовал, как выхожу из тела и нахожусь в астральном пространстве; весь этот период я был в состоянии потрясения под впечатлением этого огромного события моей внутренней жизни” (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 346—347).

⁴² Неточная цит. из стих. “Последняя смерть” (1828); изменена пунктуация, опущена седьмая строка.

⁴³ Стихийно-астральный, т. е. эфирно-астральный.

⁴⁴ Ср. запись Белого о мае 1913 г. в М а т е р и а л е к б и о г р а ф и и: “Большим событием для меня было принятие нас с Асей в “E. S.” (Esoterische Stunde. — И. Л.) (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 353).

⁴⁵ Der Zusammenklang (нем.) — созвучие.

⁴⁶ Und wissen Sie?! (нем.) — а Вы знаете?!

⁴⁷ Hier muss <man> etwas schöpferisch machen (нем.) — здесь можно создать что-нибудь творческое.

⁴⁸ Речь идет о кн. “Рудольф Штейнер и Гете”.

⁴⁹ Фантом — антропософское “силовое тело”, часть сверхчувственного бытия человека, организующая материю для формирования и оформления видимого физического тела.

⁶⁰ Об Аримане и Люцифере см. примеч. 8 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

⁶¹ Имеется в виду явление Люцифера и Аримана как первого итога самопознания в 4-й сцене мистерии Штейнера "Врата посвящения".

⁶² Ариаднова нить — в греческой мифологии клубок нитей, который Ариадна, дочь критского царя Миноса, дала Тезею, заключенному в лабиринт на о. Крит, где обитал чудовищный Минотавр; разматывая его, он нашел выход из лабиринта.

⁶³ Имеется в виду "учение о свете" Гете.

⁶⁴ Книга Макса Штирнера "Единственный и его собственность", наряду с сочинениями Ницше, популярная в России рубежа прошлого и нынешнего столетий, неоднократно переводилась и издавалась. Первый пер.: Лейпциг; СПб., 1906.

⁶⁵ Архангелы, охраняя Церковь, продолжают под водительством архангела Михаила брань, ведущуюся от начала времен против Сатаны (Откр. 12:1—9). Об антропософском импульсе архангела Михаила в нашу эпоху см. примеч. 8 к гл. 1.

⁶⁶ Дракон в христианской традиции как змееноподобное существо — символ материального начала (ср. внутреннюю форму рус. слова "змея", связанную с землей: зм-/зем-, а также значение нем. слова "Schlange": "червь", живущий в земле, и "змея"). Поэтому Дракон, как и Ариман, в антропософской интерпретации символизирует зло материального мира, т. е. подчиненность его законам (карме). Встреча с Драконом означает третью ступень в мистерии посвящения.

⁶⁷ "Категорический императив" — основной закон этического учения Канта: "...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. (...) Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого, так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству" (Кант И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 260, 270).

⁶⁸ Вольный перевод цит. из сочинения Штейнера "Как достигнуть познания высших миров".

⁶⁹ Имеется в виду евангельский рассказ о попытке фарисеев "уловить" Христа "в словах": "<...> Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо <...> итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать почитать кесарю, или нет?" Ответ Христа: "...отдавайте кесарево кесарю, а Боже Богу" (Мф. 22:15—21). Также: Мк. 12:13—17; Лк. 20:21—26.

⁷⁰ В начале 1900-х гг. Белый напряженно работает над "музыкальной" прозой своих "Симфоний", которые были опубликованы: "Симфония (2-я, драматическая)". М.: Скорпион, 1902; "Северная симфония" (1-я, героическая). М.: Скорпион, 1904; "Возврат. 3-я симфония". М.: Гриф, 1905; "Кубок метелей. Четвертая симфония". М.: Скорпион, 1908.

⁷¹ Поэтический дебют Белого (цикл стихов "Призывы") состоялся в 3-м альманахе "Северные цветы" (М.: Скорпион, 1903) и в том же году в "Альманахе" книгоиздательства "Гриф" (М., 1903). В это же время написан цикл "Золото в лазури" (июль—август 1903).

⁷² Goethe. Naturwissenschaftliche Schriften. Bd. IV, 1. S. 229.

⁷³ Goethe. Naturwissenschaftliche Schriften. Einleitung. Bd. IV, 2. S. 349.

⁷⁴ Из цикла лекций "Современная духовная жизнь и воспитание" (лекция от 17.08. 1923).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Der Herr (нем.) — господин.

⁷⁷ Из того же цикла (лекция от 6.08. 1923).

⁶⁸ Цитата из работы Штейнера "Как достигнуть познания высших миров". Предисл. к 3-му изданию.

⁶⁹ Примеч. 38 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

⁷⁰ Сокр. цит. из работы "Как достигнуть познания высших миров". Предисл. к 5-му изданию.

⁷¹ Сокр. цит. оттуда же.

⁷² Аллюзия на 3-ю лекцию (от 18.11. 1913) из цикла "Пятое Евангелие".

⁷³ Отсылка к 8-й лекции цикла "От Иисуса к Христу" (октябрь 1911 г.).

⁷⁴ Goethe. Naturwissenschaftliche Schriften. Einleitung. Bd. IV, 2. S. 400.

⁷⁵ Фон, дер, доктор, фон дер доктор — обозначение аристократического и образовательного статуса в Германии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. УЧЕНИКИ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

¹ Михаил Бауэр, Мария фон Сиверс и Карл Унгер составили первый президиум АО, избранный 28 декабря 1912 г.

² Бельгий соотносит творческий стиль Штейнера и Бауэра как орнаментальность коринфского ордера (примеч. 157 к гл. 3 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете") и простоту линий дорического.

³ "Речь твоя — пророческие взрывы" (Сб. "Королева и рыцари. Сказки". Пб.: Алконост, 1919).

⁴ Иеромонах Амвросий Оптинский, известный своим аскетизмом и смиренным, — один из самых почитаемых русских старцев XIX в. К нему, в Оптину Пустынь Калужской губ., обращались за духовной помощью и за исцелением от физических болезней множество людей всех сословий и положений, в том числе Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

⁵ Речь идет о книге "Кристиан Morgenstern, его жизнь и деятельность", над которой Бауэр в это время работал; она вышла в Мюнхене в 1933 г. (*Bauer M. Christian Morgensterns Leben und Werk*).

⁶ Евангельский образ Марфы, одной из двух сестер Лазаря, — воплощение деятельной жизни (Лк. 10:38—42).

⁷ Парафраз Евангелия: Ин. 1:45—50.

⁸ Герофант — высший пожизненный жрец при Элевзинских мистериях (примеч. 18 к гл. 5 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете").

⁹ Член духовно-рыцарского ордена, основанного в 1119 г. в Палестине для защиты паломников из христианской Европы и охраны христианских святынь от мусульман в Иерусалимском храме (отсюда их название "тамплиеры", или "храмовники", от лат. temple — храм); орден упразднен в 1312 г. папой Климентом V, а его руководители сожжены как еретики во главе с гроссмейстером Иаковом де Моль. Тамплиеры считались посвященными в эзотерическое знание и тайны мудрости Востока.

¹⁰ После появления "Евгения Онегина" А. С. Пушкина, где Ленский охарактеризован как поэт "с душою прямо геттингенской", популярная в русской культуре аллюзия на подобный "романтический" характер как на "геттингенский". Геттингенский университет эпохи рубежа XVIII—XIX вв. — одно из самых известных в России учебных заведений Германии.

¹¹ Немецкие сентименталистские и предромантические настроения конца XVIII в. русская культура связывает прежде всего с именем Ф. Шллера. Поскольку отдель-

ные черты его творчества близки "возвышенным" романтическим идеалам, часто Шиллер воспринимается именно как романтик.

¹¹ Имеемся в виду эпоха немецкой романтической поэзии и натурфилософии первой трети XIX в.

¹² "Король-художник" и "король-поэт" Людвиг I Баварский, которого воспитали идеалы романтической эпохи (он получил образование в Геттингенском университете, а затем — в Италии), вступив на престол в 1825 г., превратил Мюнхен в "Новые Афины" — средоточие наук и искусств. Друг Вагнера и Петера Корнелиуса, вождя "назарейской" группы немецких художников, он создал богатейшие музеи — Глиптотеку (для хранения скульптур) и Пинакотеку (собрание шедевров западноевропейской живописи), собрал вокруг себя выдающихся людей своего времени — в Мюнхенском университете преподавали Ф. В. Шеллинг, Г. Г. Шуберт, И. Геррес, Б. Ф. Баадер, формировавшие "духовную жизнь вечеряющей ущербной романтики" (Ю. Н. Тынянов). Поэтические опыты Людвига I получили одобрение самого Гете, а его послание "Российскому императору" (1828) было переведено на русский язык Ф. И. Тютчевым (1829).

¹⁴ Лерхенфельд финансировал издание Вл. Соловьева на немецком языке, издателем которого был Гарри Келер (*Solov'ev Vladimir. Ausgewählte Werke. 5 Bde. Jena/Stuttgart, 1914*).

¹⁵ Литературно-философское объединение романтически настроенной московской молодежи (К. С. Аксаков, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, М. Н. Катков и др.), сыгравшее большую роль в идейно-творческой жизни России 30-х гг. XIX в., которое группировалось вокруг философа и поэта Николая Владимировича Станкевича. Деятельность кружка способствовала распространению в России идей немецкой классической философии, в особенности философии Гегеля и Шеллинга.

¹⁶ С Гегелем "на равных" беседовали русские "любомудры", путешествующие по Германии: в частности, 23-летний Иван Киреевский (в 1830 г.). Александру Ивановичу Тургеневу, посещавшему в Берлине лекция Гегеля, профессор-гегельянец Эдуар Ганс сказал при прощании: "Гегель восхищен вами" (Ф. И. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева // Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 94).

¹⁷ Во время своей дипломатической службы в Мюнхене Тютчев, бывая в доме мюнхенского дипломата Максимилиана фон Лерхенфельд-Кеферинга, влюбился в его дочь, 16-летнюю Амалию фон Лерхенфельд (1808—1888), в дальнейшем — жену тютчевского сослуживца Александра Сергеевича Крюденера, которая в 30-х гг. XIX в. играла видную роль в петербургском свете. Ей посвящены шедевры Тютчева "Твой милый взор, невинной страсти полный...", "Я помню время золотое", "Я встретил вас".

¹⁸ Католический орден ("Общество Иисуса"), созданный в 1534 г. Игнатием Лойолой; деятельность ордена направлена на упрочение папства и католицизма. После 1814 г., когда папа Пий VII восстановил ранее упраздненный орден, иезуиты пользовались значительным влиянием в католических европейских странах, в том числе и в Баварии.

¹⁹ Книга В. Соловьева "Россия и Вселенская церковь" впервые издана на французском языке в Париже в 1889 г. ("La Russie et l'Eglise Universelle"); переведена на русский язык Г. А. Рачинским в Москве в 1911 г. Лерхенфельд редактирует немецкое издание книги.

²⁰ См. примеч. 34 к гл. 2.

¹¹ Имеется в виду немецкая романтическая культура.

¹² Двойная аллюзия: на эпоху рубежа XVIII—XIX вв., которая названа здесь по имени Новалиса — духовного вождя молодого поколения немецких романтиков, и идеальный "золотой век", изображенный в романе Новалиса "Генрих фон Офтердинген", где символ "голубого цветка" (примеч. 136 к гл. 3 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете") развертывается в миф в "Сказке" Клингсора и становится реальностью во второй части романа "Свершение". Метод подобного преобразования действительности, названный Новалисом "магическим идеализмом", имеет некоторое сходство с теургическими чаяниями символистов эпохи начала нашего столетия.

¹³ В статье "Антропософия и Россия" (1922) Белый, ссылаясь на книгу Г. Шпета "Философское мировоззрение Герцена" (Пг., 1921), раскрывает своеобразие революционности Герцена; называет его, наряду с Соловьевым, "бессознательным антропософом", преодолевшим гегелевский панлогизм "в сторону антропизма" (Н Л О. 1994. № 9. С. 178): "...о духовной революции, которая сопутствует крушению старого мира, мечтает он. В поисках ненаходимого "антропософима" он становится идеалом русских революционеров; но он не довольствуется формами социальной и политической революции; революция есть революция духовная (...). Герцен полагает: идея должна осуществляться, должна выкариковаться из рода в вид, из вида в индивидуум. Идея — сфера Софии; София должна соединиться с тоскующим Фаустом, с "антропософом": таковы начала революционного сознания в нас" (С. 179).

¹⁴ Аллюзия на книгу В. Соловьева "Философские начала цельного знания" (1877).

¹⁵ Фамилия Моргенштерн (Morgenstern) в переводе с немецкого языка означает "утренняя звезда".

¹⁶ Пассеизм (фр.: *passéisme* (< *passé* — к прошлому) — пристрастие к прошлому; консерватизм.

¹⁷ О шестом периоде см. примеч. 1 к гл. 5 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

¹⁸ Перевод с санскр. слова "йогин".

¹⁹ Примеч. 27 к гл. 2.

²⁰ Лк. 23:42—43.

²¹ В Дрезденской картинной галерее старых мастеров хранится единственная картина Рафаэля — знаменитая "Сикстинская мадонна" (1515—1519).

²² Из стих. "Кристиану Моргенштерну. Старшему брату в Антропософии" (1918, сб. "Звезда"). Третья строка в опубл. версии: "И засмеявшись ясным светом".

²³ Там же.

²⁴ Из поэмы Белого "Христос Воскрес" (1918). Имеется в виду, что сейчас Россия переживает распятие на кресте, после чего наступит Воскресение.

²⁵ Белый, касаясь этого события в Материале к биографии, отмечает: май 1914: "В это время я переписывался с некоей "Надей Штрассер", живущей в Мюнхене; "Надя Штрассер" предлагала мне перевести "Петербург" на нем. яз.; впоследствии я узнал, что на мысль о переводе ее натолкнула фрау Моргенштерн (вдова поэта)"; июль 1914: "Ася целыми днями пропадала на "Вай", а я с июля принялся за сокращение "Петербурга" для немецкого издания; через мою переводчицу мы договорились с издателем, Георгом Мюллером" (М и н у в ш е е. Вып. 6. С. 390, 398). Роман вышел в 1919 г. в Мюнхене. *Bely A. Peterburg. Autorische Übersetzung aus dem russischen von Nadja Strasser. München: Georg Müller, 1919.*

²⁶ Весной 1914 г. Белый в Дорнахе переживает мучительную влюбленность в Наталью Алексеевну Поццо (сестру его жены), которую он связывает

с очередным "искушением" (порогом) пути посвящения. В Материале к биографии (апрель 1914 г.) он записывает: "...доктор сознательно мне привил Люцифера, чтобы искусственно ввести меня в люциферические переживания (с Наташей)". Фрау Экартштейн воспринимается им в этой связи как Люцифер: "Тут-то и началась во мне одна странная имагинация: всюду передо мною вырастает баронесса фон Экартштейн (художница, любимица доктора, про которую говорил, что она — ясношадящая); и ее встречаю на прогулках, в кантине; она работает недалеко от моего архитрава; оборачиваясь на нее, я вижу ослепительный взгляд ее зелено-синих глаз; и мне звучит: "Она играет роль Люцифера в мистерии моей жизни"; и этот Люцифер мне показывает на Наташу, как на Прекрасную Елену, которую я должен похитить <...> всюду вырастал ее ярко-красный силуэт передо мною; и отовсюду наблюдали меня ее зелено-синие глаза; я всевластно влекся к ней, мы почти не были знакомы; но мне казалось, что она пронизывает меня насквозь" (Минувшее. Вып. 6. С. 383).

³⁷ Мф. 12:22.

³⁸ Примеч. 43 к гл. 5 кн.: "Рудольф Штейнер в Гете".

³⁹ В Шартрском монастыре в эпоху средневековой схоластики находился центр изучения платонической философии и натурфилософии; к Шартрской школе, переживавшей расцвет в 1-й половине XII в., принадлежали Бернард Шартрский, Гильберт Порретанский, Тьерри Шартрский и др.

⁴⁰ Трапезников, вернувшийся в результате мобилизации в Россию в 1917 г., с начала 1918 года становится едва ли не главным организатором <...> "Отдела Охраны памятников", в котором работает до смертельной болезни в 1924 г.; в 1924 г. едет лечиться за границу и долго умирает у своего приятеля (с 1910 г.) Бауэра (антропософа) ("Заявление Андрея Белого Советскому Прокурору Катаняну" от 27 августа 1931 г. // Минувшее. Вып. 6. С. 27).

⁴¹ *Ворја, пашћ Догпаш!* (нем.) — Боря, в Дорнах!

⁴² В Гейдельберге находится один из старейших университетов Германии (основан в 1386 г.); в эпоху Возрождения — важный центр гуманизма (здесь преподавал И. Рейхлип); в XIX в. — ведущее учебное заведение Германии, где профессорами были философы Гегель и Куно Фишер, физик Г. Кирхгоф, естествоиспытатель Г. Гельмгольц, историк Ф. Шлоссер и др. Кроме того, знаменита т. наз. гейдельбергская школа немецкого романтизма (братья Гримм, Л. А. фон Арним, К. Brentano), изучавшая средневековый немецкий фольклор.

Фрейбургский университет (т. наз. "Альбертина"), основанный в 1457 г., в XX в. становится центром неокантианства.

⁴³ Во время Отечественной войны 1812 г. Барклай-де-Толли был военным министром и командующим русскими армиями, где проявил себя как талантливый полководец, в условиях значительного превосходства сил противника успешно осуществивший отход и соединение двух русских армий. Отступление вызвало недовольство в высших кругах, и 17 августа Барклай-де-Толли сдал командование армиями Михаилу Ивановичу Кутузову.

⁴⁴ Стихотворение Г. Гейне "Два гренадера", цит. по популярному переводу одноименной песни Шумана (оп. 49. № 1).

⁴⁵ В. К. Тредиаковский в трактате "Новый и краткий способ к сложению российских стихов" (1735) предложил реформу стихосложения, осуществленную в дальнейшем М. В. Ломоносовым, которая была построена на акцентной системе русского языка и во многом определила последующее развитие русской поэзии.

¹⁰ Вальтер Штейн — антропософ, профессор, автор ряда работ об антропософии и ее месте в философской традиции — у Белого неоднократно служит примером блестящей легковесности.

¹¹ Бенедикт — герой 4-х мистерий Штейнера, ясновидец, мудрец и духовный вождь. В 4-й мистерии (Пробуждение души) он борется с Ариманом, который пробует "гуманить" его дар, за судьбы своих учеников и побеждает, когда "видит" вочую сущность Аримана.

¹² Герофанты Теодозий, Романус и Ретардус — герои мистерий Штейнера.

¹³ См. примеч. 14 к гл. 1; примеч. 5 к гл. 2 кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"; примеч. 14 к гл. 1 наст. книги.

¹⁴ Каббала (*др. евр.* — предание) — мистическое течение в иудаизме о возможности воздействия с помощью определенных ритуалов на божественный космический порядок; возникло ок. IX в. и окончательно оформилось в среде испанских евреев в XIII в. Каббала наряду с другими эзотерическими учениями Востока и Запада была использована теософией и антропософией.

¹⁵ "Зохар", т. е. "Книга сияния", — книга Каббалы, которая представляет собой аллегорически-символический комментарий к Пятикнижию Моисея; написана на арамейском языке испанским евреем Моисеем Лионским в конце XII в. и выдана им за сочинение талмудического мудреца II в. Симона бар Йохая.

¹⁶ Самая знаменитая книга Мейбл Коллинз, английской теософки и автора многочисленных работ на теософские и оккультные темы, — "Свет на пути" ("Light in the path", 1885). Книга, переведенная на все европейские языки, в России была издана в конце 1905 г. в переводе теософки Е. Ф. Писаревой. Белый ознакомился с оригинальным английским текстом еще в 1901 г., о чем он записывает в Материале к биографии: "Путь посвящения" становится зовом души: сильнейшее впечатление производит "Свет на пути" (Ц Г А Л И. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3).

¹⁷ Мария и Марфа, сестры Лазаря, символизируют противопоставление (и родство) созерцательной и деятельной жизни (Лк. 10:38—42).

¹⁸ Réserve (*фр.*) — сдержанность.

¹⁹ Об этом событии повествует апокрифическое Евангелие Никодима "Сошествие Христа в ад".

²⁰ В древнегреческой мифологии — персонафикация мрака (и мрак вообще), сын Хаоса и брат Ночи.

²¹ Афон (*греч.*: Ἅγιον Όρος — "Святая гора") — гористый полуостров в Греции, древний центр монашества (первый монастырь основан в 963 г.), считается одним из самых святых мест восточного православного мира; в начале XX в. здесь было 20 больших монастырей, несколько скитов и ок. 700 отдельных келий. В монастырях хранятся более 10 тыс. греческих и славянских рукописей, в том числе рукопись афонского подвижника XIV в. Григория Синаита, содержащая древний богослужебный "Канон отцам и тропичные напевы, подвизавшимся на Афоне".

²² Sie sind nicht gut logiert (*нем.*) — Вы неплохо устроились.

²³ Der Heim (*нем.*) — дом.

²⁴ Дед Рупрехт — святочный дед в немецком рождественском фольклоре.

²⁵ Du (*нем.*) — ты; sie (*нем.*) — вы.

²⁶ Wissen Sie, Herr Bugaev (*нем.*) — Знаете, господин Бугаев...

²⁷ Ach, du, gute Seele (*нем.*) — ах, ты, добрая душа!

⁶⁴ Der alte Selling (нем.) — Старый Зеллинг.

⁶⁵ Мон-Сальват — название замка Грааля (примеч. 17 к гл. 2).

⁶⁶ Имеются в виду "Рождественские игры", собранные в Венгрии и изданные проф. германистики К. Ю. Шроером, учителем Штейнера: Schroer K. J. Deutsche Weihnachtsspiele aus Ungarn, 1862.

⁶⁷ Der Untergrund (нем.) — подземка (немецкое метро).

⁶⁸ Ср.: "Тот, кто приобрел себе способность отличать друг от друга существа и события высших миров, называется посвященным" (Штейнер Р. Духовное водительство человека и человечества. С. 41).

⁶⁹ Цит. из стих. М. Ю. Лермонтова "Ангел".

⁷⁰ "Первое свидание" написано Бельям в 1921 г.

⁷¹ Цит. из поэмы "Первое свидание".

⁷² См. кн.: "Как достигнуть познания высших миров", гл. "Посвящение".

⁷³ Sécession (фр.) — отделение, отпадение.

⁷⁴ Mystische Kommunion (нем.) — мистическое причастие.

⁷⁵ Гипатия (Ипатия) из Александрии, знаменитая женщина-математик, астроном и философ-неоплатоник, сочинения которой до нас не дошли; растерзана толпой религиозных фанатов под предводительством епископа Александрии Тефила.

Серапиум, где она преподавала, — место погребения священных быков (24 гранитных и базальтовых саркофага, открытых О. Мариетом в 1850—1851 гг.).

⁷⁶ Икосаэдр — двадцатигранник; правильный икосаэдр — ограничен двадцатью равносторонними треугольниками.

⁷⁷ Парафраз Евангелия. Ин. 3:8.

⁷⁸ Не вполне ясно, о каком событии идет речь.

⁷⁹ 28 февраля 1923 г. в Штутгарте создано Свободное Антропософское общество и в декабре 1923 г. (вероятно, Бельям имеет в виду именно это) образовано "Инициативное правление", куда вошел и Штейнер (в упраздненном АО Штейнер не состоял членом).

⁸⁰ Бельям имеет в виду московскую секцию русского Антропософского общества, созданного 20 сентября 1913 г. Упразднено большевиками в 1923 г. Особенно деятельное участие в его работе Бельям принимал в 1918—1920 гг. (см.: Андрей Бельям и антропософия // М и н у ш е е. Вып. 9).

⁸¹ Стола (лат.: stola) — платье римских женщин.

⁸² Парафраз сочинения Ницше "Рождение трагедии из духа музыки". Бельям имеет в виду важнейшую идею книги, что из хаоса дионисийства (музыкальное начало) родилась пластическая гармония Аполлона.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ДОРНАХ

¹ Этот и следующие эпиграфы взяты из цикла лекций "Пути к новому архитектурному стилю" (лекция от 7, 17, 28 июня 1914 г.).

² Пьяниссимо (ит.: pianissimo) — муз. очень тихо; фортиссимо (ит.: fortissimo) — очень громко.

³ Имеется в виду скульптура "колонны" в 1-м Гетеануме.

⁴ Бельям называет дату выхода немецкой секции из Теософского общества по старому стилю.

⁴Примеч. 67 к гл. 1.

⁴Аллюзия на эпизод "На блаженных островах" из поэмы Ницше "Так говорил Заратустра".

⁷Der Bursche (нем.) — здесь: парень, студент.

⁸"In der Nacht" (нем.: ночью) — название пьесы Шумана из цикла "Фантастические пьесы" (оп. 12. № 5, 1837).

⁹Вероятно, "Фантазия" с dur (оп. 17, 1838).

¹⁰Соната № 1 fis mol (фа # минор) (оп. 1, 1835).

¹¹"Dichterliebe" (нем.: "Любовь поэта") — название песенного цикла Шумана на слова Гейне (оп. 48, 1840). В статье "Кризис культуры" Белый в подобном контексте также упоминает "Dichterliebe", где "...лирическое напряжение любви, разрываясь в трагедию, убивает земную, до дна потрясенную личность" (См. м. в. о. л. з. м. С. 272).

¹²Примеч. 30 к гл. 1.

¹³Слова из Молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду (т. наз. "Моление о чаше"): Мф. 26:39; Мк. 14:36; Лк. 22:42.

¹⁴Песня Шуберта "Du bist die Ruh" (нем.: "Ты мой покой") на слова Рюккерта (оп. 59. № 3, 1823) написана в тональности ми б мажор (примеч. 1 к гл. 1).

¹⁵Цикл Шумана "Любовь поэта" написан в разных тональностях. Первая песня "Сияние теплых майских дней (томление)" передает музыкальными средствами состояние блаженного любовного томления. Это т. наз. "блуждающая тональность" — музыкальное "открытие" Шумана: 3 равноправные тональности (ля мажор, ре мажор, до мажор) создают неустойчивую гармонию. И далее музыкальная тема цикла развивается от светлого настроения к страданию. Песня "Я не сержусь" — это перелом, здесь речь идет об измене возлюбленной (хотя настроение героя выражается все еще "светлой" тональностью ми б мажор). Две последние песни, написанные в тональностях ми мажор и до = минор, имеющие четыре # — ключевых знака, располосенных крестами (кроме того, знак # — в немецком языке обозначается словом Kreuz, т. е. "крест"), вводят и усиливают тему страстей, страдания, важную для Белого в данном контексте.

¹⁶Цит. из песни "Die Rose, die Lilie" (нем.: и роза, и лилия), цикл "Любовь поэта".

¹⁷Цит. из песни Шумана.

¹⁸"Земный путь" — песенный цикл Шумана на слова В. Мюллера (оп. 89. № 10).

¹⁹Парафраз Евангелия: Мф. 10:34—35.

²⁰Согласно антропософскому представлению, порог — пограничная черта при вступлении сознания человека в сверхчувственный мир. В Материале к биографу и Белый интерпретирует это понятие в связи с собственным "путем посвящения": "В интимной лекции доктора встреча с *порогом* (с малым порогом) имеет 3 кульминационные точки: первая — встреча с ангельским существом и переживание смерти; несомненно: встреча, если была, то была от Христиана до Дорнаха; переживание смерти, если было, то осенью 1914 года, в припадках невроза я *умирал*; с Лейпцига подкрадывалось сознание, что могу заболеть и умереть; это случилось с конца сентября 1914-го и длилось весь октябрь. Второй акт порога доктор называет *встречей со львом*, как со страшной женщиной, которую нужно покорить, которая грозит гибелью. Если такая встреча была, то она была в апреле 1915 года; и длилась все время (вероятно, имеется в виду мучительная влюбленность в Н. А. Поццо. —

И. Л.). Третий момент порога доктор называет встречей с *Драконом*, когда появляется *зубящий враг*; уже тема врага стояла надо мной весь май, июнь, июль (враждебность обстановки в Дорнахе военного времени. — И. Л.). В августе 1915 года все, что я ощущал как *вражеское*, — соединилось для меня в один яркий, острый момент, сплелось в *миф*, как бы развернутый передо мною; и это разыгралось в *августе*. Но вместе с тем: и все светлые миги посвящения, мерцавшие мне в 13 и 14-ом годах (Христьяни — Берген — Лейпциг — Берлин) с их мифами, мыслями, переживаниями, снами, соединились в новую *вариацию* темы посвящения” (Минувшее. Вып. 9. С. 409—410).

¹¹ О карме см. примеч. 32 к Введению.

¹² Неточная цит. из песни Шумана “Я не сержусь” (цикл “Любовь поэта”); стихи Гейне в пер. Ф. Берга; нужно: “Пусть больно <...> Пусть изменила...”

¹³ О Дионисе см. примеч. 18 к гл. 5 кн.: “Рудольф Штейнер и Гете”. Дионис осмысливается в культуре как варварское начало, символ хаоса, темных страстей, влекущих человека к гибели. У Ницше Дионис воплощает “варварское” искусство музыки, рожденное из дионисического “опьянения”.

¹⁴ Примеч. 10 к гл. 5 кн.: “Рудольф Штейнер и Гете”. Аполлоновское начало, согласно Ницше, создает пластические образы и мир сновидений.

¹⁵ Der Bau (нем.) — строение, строительство.

¹⁶ Контрапункт — одновременное соединение нескольких самостоятельных мелодий, соединение их по сходству или контрасту. В сложном контрапункте происходит новое соединение мелодий с помощью изменения соотношения мелодических линий (в простом такого изменения нет); графически схема сложного контрапункта воспроизводится как крестообразные пересечения. Также примеч. 84 к гл. 3 кн.: “Рудольф Штейнер и Гете”.

¹⁷ Мирро (греч.: тугоп) — ароматическая смола, которая использовалась в древности для благовонных курений при религиозных обрядах.

¹⁸ “Эзритмическая” постановка последней сцены (т. наз. вознесение Фауста) трагедии состоялась 15 августа 1915 г. в Дорнахе под руководством Штейнера; 14—16 и 28 августа он читал лекции цикла “Фауст, погибающий человек”.

¹⁹ В данном контексте Белый воспользовался ницшеанским пониманием аполлоновского и дионисийского начал: “Дионисийский художник, — пишет Ницше в “Рождении трагедии из духа музыки”, — вполне сливается с Первоединым, его скорбью и противоречием, и воспроизводит образ этого первоединого как музыку, если только последняя по праву была названа повторением мира и вечным слепком с него; но затем эта музыка становится для него как бы зримой в символическом сновидении под аполлоновским воздействием сна” (Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 73); таким образом Дионис порождает аполлоновскую гармонию зримых образов, трагедия рождается из хора и, значит, способна воспроизвести образ Первоединого Сущего; трагедия становится мистерией. Поэтому в данном контексте речь заходит о трагедии “Фауст”, понимаемой Штейнером как мистерия, и о последней сцене 2-й части “Фауста”, где хор играет необычайно важную роль, возвращает Фаусту его первозаданную сущность.

²⁰ Имеется в виду книга немецкого философа и историка Освальда Шпенглера “Закат Европы”.

²¹ В Материале к биографии и Белый записывает: “...чужак — это Бугаев лета 1916” (Минувшее. Вып. 9. С. 441). Над “Записками чужака” Белый начал работать в январе — феврале 1918 г. и завершил их в Берлине в декабре 1921 г.

²² Амфортас и Парсифаль — хранители Святого Грааля. В немецком средневековом романе Вольфрама фон Эшенбаха "Парсифаль", главный герой, ставший на путь рыцарского служения, случайно попал в королевский замок истекающего кровью Амфортаса, где хранится Чаша Грааля. Юный Парсифаль, пойдя на поводу у рыцарского "вежества", предполагающего сдержанность, не задал вопрос о причине страданий короля и не проявил таким образом христианского сострадания, исцеляющего слабых и бессомношных; одновременно же он потерял право узнать сакральную "тайну" Грааля и смог заслужить его лишь после многочисленных испытаний и подвигов. Антропософский смысл "пути посвящения" Парсифаля — от внешнего рыцарства к рыцарству внутреннему, "духовному" — был раскрыт в берлинской лекции Штейнера от 6 января 1914 г. из цикла "Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evangelium", где фигурирует толкование романа В. фон Эшенбаха "Парсифаль". Сабашникова в своих воспоминаниях замечает: "Судьба каждого человека, пережившего встречу с Рудольфом Штейнером, походит на судьбу Парсифаля: то, что он раз просто встретил на своем пути, он должен теперь искать" (Волошина М. (М. В. Сабашникова). Зеленая змея. С. 316).

²³ Аллюзия на эпоху немецкого литературного движения "Буря и натиск" ("Sturm und Drang") — 70—80-е гг. XVIII в. Эстетический идеал "штюрмеров" (юный Гете, Шиллер, Клинггер, Ленау, Лафатер) — культ бурных чувств и "буйствующий" герой, разрушающий все преграды (в том числе и сословные). Свообразие этого немецкого варианта европейского сентиментализма было обусловлено влиянием на него пиевизма, специфически немецкой формы религиозности, сохранившей живую традицию средневекового мистицизма (особенно Якоба Бёме).

²⁴ Арима, как воплощение материального зла, неразрывно связан с существами, проводящими свою жизнь в земле, — отсюда: "царь мышей". Второе определение "царь мух", возможно, является аллюзией на слова Фауста, характеризующего Мефистофеля ("Фауст", часть 1-я, сцена "Рабочая комната Фауста": "Мушьяный царь, обманщик, враг, обидчик, / Смотря как каждого из вас зовут: / Ты кто?" (пер. Б. Пастернака).

²⁵ Парафраз Евангелия: Мф. 26:34; Лк. 22:34; Мк. 14:30; Ин. 13:38.

²⁶ "Я стал чаще думать, — записывает Белый в августе 1915 г., — о фаустовской натуре своей, посещая рететации сцены спасения Фауста от Черта: я стал перелгать на себя текст жестикуляции ангелов, принесших душу Фауста: "Кто вечно подвижен в усилиях, того мы можем освободить". "В усилиях" — понималось мною: в усилиях себя спасти; "освободить" — понималось мной: освободить себя от сетей тьмы; а эти сети все острее ощущались мной после мигов "надежды" на рететациях или в работе под Куполом; только забывая себя в созерцании эвритмии Фауста или в работе на общее дело, я не ощущал нападательных ожесточенных ударов на себя" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 9. С. 429). Белый отмечает "неслучайность" посещений рететаций "Фауста" (С. 442): "Так разгляд рететаций еще до постановки меня убедил в полном соответствии образов Фауста с ритмами переживаний *мистерии моей жизни*. Только мне было ясно, что образы, проходившие на сцене, не *эпиграф*, предшествующий *тексту*, а *конечная концовка* происходящего со мной (...). Но вместе с тем: в одном пункте разрешенное на сцене, как спасение Фауста, в событиях *моей жизни* не было разрешено; шел лютей бой сил тьмы и света за мое свободное, самосознающее, с такой мукой в духе рождаемое "Я" (С. 442).

⁷¹ В романе Гете "Годы учения Вильгельма Мейстера" (1896) царит театральная и одновременно таинственная атмосфера: в реальном пространстве романа происходит постановка трагедии Шекспира "Гамлет", в которой Вильгельм являет себя как "мастер" — прекрасный актер и режиссер; на символическом уровне действует "судьбоносный" мистериальный "театр" членов Общества Башни.

⁷² Речь идет об исследователе творчества Гете — немецком литературоведе Германе Гримме, которому Штейнер посвящал несколько докладов и статей.

⁷³ Schön! (нем.) — прекрасно! Grossartig! (нем.) — грандиозно!

⁷⁴ Примеч. 66 к гл. 4.

⁷⁵ Имеется в виду 5-й акт; сцена "Положение во гроб".

⁷⁶ So muss man spielen (нем.) — так нужно играть.

⁷⁷ Парящая Mater gloriosa появляется в сцене "Положение во гроб".

⁷⁸ Die Atmosphäre zu verbessern! (нем.) — улучшить атмосферу.

⁷⁹ Теургия (греч.: theurgia — "богодействие"), пишет С. Н. Булгаков, "есть действие Бога, влияние Его мыслящей и спасающей благодати на человека (<...>, продолжающееся во времени и непрерывно совершающееся боговоплощение, не прекращающееся действие Христа в человечестве..." (Булгаков С. Н. Свет невечерний. С. 320). В. С. Соловьев разрабатывает учение о "действенном искусстве", которое называет "теургией", придавая таким образом человеческому творчеству статус божественного. Искусство наделяется мистической силой, спасающей человека и приводящей к "боговоплощению". Романтико-символическая трагедия идет еще дальше: теургия (понимаемая в духе Соловьева) сближается с магией, реально преобразующей жизнь.

⁸⁰ Организованный бароном Пьером д'Альгеймом, французским журналистом и музыкальным деятелем, и его женой певицей Олениной-д'Альгейм в 1908 г. в Москве Центр концертно-лекционной пропаганды новых идей в музыке.

⁸¹ Et bien joué (ex) (фр.) — ну-(ка), сыграем.

⁸² Орфей — в греческой мифологии сын речного бога Ээра (вариант Аполлона) и музы Каллиоппы; славился как певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но даже боги и природа.

⁸³ После первой встречи со Штейнером Бельгий с Асей Тургеневой попали на чествование Метерлинка, которому в 1912 г. исполнилось 50 лет со дня рождения. "В тот же день мы вернулись в Брюссель, — вспоминает Бельгий, — в тот вечер сидели на чествовании Метерлинка (в театре); и сам Метерлинок, о котором когда-то так много мечтал гимназистом, казался мне: грубым, упитанным, примитивным профаном пред Рудольфом Штейнером" (Из воспоминаний // Беседа. 1923. № 2. С. 105).

⁸⁴ Дорнах, где возводился Гетеанум, находился недалеко от Базеля, в котором Ницше почти 10 лет был профессором во Фрибургском университете. О Ницше и Базеле см. статью Белого "Круговое движение", написанную в октябре 1912 г., и опубликованную в журнале "Труды и дни" (1912. № 4—5).

⁸⁵ Esse homo! (лат.) — я емь человек!

⁸⁶ Согласно Штейнеру, истинные розенкрейцеры, принадлежавшие к духовному движению, основанному самим Христианом Розенкрейцем, в дальнейшем стали хранителями мистерий Грааля. Возрождение розенкрейцерства связано с именем графа Сен-Жермена (ум. 1784), которого Штейнер назвал "эзотерическим воплощением Христиана Розенкрейца в XVIII столетии" (лекция от 27.09. 1911 // SGA. Bd. 130). Для борьбы с истинным розенкрейцерством, считает Штейнер, Рим-

ско-католическая церковь создает ряд оккультных обществ, в частности "Орден розы и креста храма и Грааля, или Католической розы", который был основан в 1892 г. оккультным писателем Жозефом Пеладаном. Антропософия, считает Штейнер, напротив, является продолжением истинного исторического розенкрейцераства и его мистерии Грааля.

¹⁴ В Материале к биографии, касаясь событий августа 1915 г., Белый отмечает: "...на горизонте сознания передо мною отчетливо встал Черный Король, Ариман (<...> ассоциация эта вызвала во мне образ Фауста, который продал душу черту; черт приходил за душой, но ангелы отбили Фауста (<...> мои отношения с Наташей и Асей чем-то напоминали отношение Фауста к Гретхен и Елене (<...>) Я, как и Фауст, — павший мудрец; Лемуры и Мефистофель меня окружили (<...> миг Черной мистерии, разыгрывающейся во мне, и постановка мистерии спасения Фауста (<...>) — одно и то же; подлинное хождение души по мытарствам здесь и отражение этого на сцене, как спасение из мытарств, есть единственная спасительная соломинка, за которую оставалось схватиться, и я — схватился" (Минувшее. Вып. 9. С. 424—425).

¹⁵ Речь идет о Константине Андреевиче Ливском (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 6. С. 399).

¹⁶ Холм недалеко от Дорнаха.

¹⁷ Лекция прочитана 14 октября 1914 — ноябрь 1914 г.

¹⁸ На первой лекции цикла "Связь человека с элементарным миром, Финляндия и Калевала" (9 ноября 1914 г.) Штейнер говорил о том, что человеческие души, прошедшие в последнем воплощении через "русское тело", "предрасположены в своем сознании к идентификации со своим ангелом", т. е. русский человек после смерти переживает в высших мирах духовное состояние, в точности соответствующее тому, которое на Земле люди достигнут лишь в шестую культурную эпоху, — такая душа после смерти подготавливает эпоху Филадельфии (SGA. Bd. 158, 9.11.1914).

¹⁹ Лекция Штейнера от 7 июля 1914 г. "Пути к новому архитектурному стилю".

²⁰ Точное название лекции "Указания по резьбе на каменных и архитектурных зданиях" (12 октября 1914 г.).

²¹ Hier wegnehmen! (нем.) — здесь убрать!

²² Zwei zentimeter... 30...30: ganz richtig! (нем.) — Два сантиметра... 30...30: теперь правильно!

²³ Grües Gott! (нем.) — приветствие в немецкой Швейцарии.

²⁴ Сказки Ханса Кристиана Андерсена.

²⁵ Басаврюк, "бесовский человек" — герой повести Н. В. Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала" (1830).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В ТЕМЕ "ХРИСТОС"

¹ Этот и следующие два эпиграфа взяты из "Антропософских тезисов" Штейнера (№ 138, 143, 149).

² Лекция от 17 августа 1923 г. "Современная духовная жизнь и воспитание".

³ Man muss wachsen und beten (нем.) — Нужно проснуться и молиться.

⁴ Парафраз евангельского эпизода об отречении Петра: Мф. 26:33—34, 69—75; Мк. 14:29—30, 68—72; Лк. 22:33, 54—62; особенно Ин. 13:38; 18:16—27.

⁸ В синоптических евангелиях эпизод искушения представляет собой возведение Иисуса Христа на гору и предложение ему всех внешних благ мира. Штейнер толкует "искушение" как "желание удержаться при внешних реальностях, искушение остаться связанным с материей, словом, искушение остаться при Страже Порога и не пойти дальше" (цикл "От Иисуса к Христу". Калуга, 1994. С. 81).

⁹ Мф. 3:2.

¹⁰ Имеется в виду "чистое мышление" (*reine Denken*) — фундаментальное понятие "Философии свободы" (примеч. к кн.: "Рудольф Штейнер и Гете"). В одной из лекций 1905 года Штейнер перевел понятия этой книги на теософский язык: "Изложенное мною здесь вы найдете там выраженным в терминах западной философии. Вы найдете там развитие от Камы до жизни в Манасе. Ахамкара обозначена там как "Я", Манас — как "более высокое мышление, чистое мышление, а Будхи ... как "моральная фантазия". Все это суть лишь различные выражения одной и той же вещи" (цит по: *Свасьян К. А. Книга-мистерия // Философия свободы. С. 24*).

¹¹ Примеч. к гл.: кн.: "Рудольф Штейнер и Гете".

¹² 2 Коринф. 3:2.

¹³ *In potitur (лат.)* — в нем мы умирали.

¹⁴ Белый имеет в виду курс лекций "Христос и духовные миры" (Лейпциг, 28.12.1913—2.01.1914).

¹⁵ Течение в православии, возникшее в сфере афонских монахов в 1910—1912 гг., осужденное официальной церковью. Имяславцы считали, что в "Имени Божием присутствует Сам Бог — всем своим существом и всеми своими бесконечными свойствами" (схимонах Иларион. На горах Кавказа. 3-е изд. Киев, 1912).

¹⁶ Гал. 2:20.

¹⁷ В немецком языке совпадает написание местоимения "я" (*Ich*) и первых букв имени Иисус Христос — *Jesus* (у Штейнера — *Isus*) *Christus* (*I. Ch.*).

¹⁸ Откр. 2:17.

¹⁹ Пересечение двух первых букв "И" и "Х" образует "хризму" — монограмму Иисуса Христа, которая похожа на ижицу (Ж). Белый выстраивает смысловый ряд: Я — Иисус Христос — Жизнь.

²⁰ Описывая свое состояние в начале августа 1915 г. как взятие себя в плен Черным Королем (примеч. 53 к гл. 5), Белый называет Серафима Саровского "спасительной соломинкой": "Вскоре <...>, разбирая дно сундука моего, я натолкнулся на сверточек; развернул и увидел: образок Св. Серафима, о котором я забыл и который путешествовал со мною с 12-го года" (Минувшее. Вып. 9. С. 425). В Материале к биографии прямо не говорится о "белизне", но символ "белого короля" — Святого (сияющего, белого) Серафима подразумевается в противопоставлении с враждебностью "черных сил".

²¹ Контаминация цитат 1 Коринф. 13:1; 2 Тим. 2:16.

²² Цикл лекций "Жизнь между смертью и новым рождением в ее отношении к космическим фактам" (Берлин: 5.11.1912—1.04.1913).

²³ *Aber Herr Fidus... (нем.)* — Но господин Фидус...

²⁴ *der Wirt (нем.)* — хозяин; *der Hirt (нем.)* — пастух.

²⁵ Штейнер считает, что в человеке Иисусе из Назарета был воплощен Христос или Логос; "...благодаря же Христову событию человеку стало возможно полностью пережить в себе Логос в его первоначальном совершенном облике" ("От Иисуса к Христу". С. 116—117).

²⁶ Цит. из стих. "Когда" (1907, сб. "Урна").

²⁴ die Forschung (нем.) — исследование.

²⁵ Лк. 1:5—22.

²⁶ Название лекции "Переживания сверхчувственного. Пути души к Христу" (Берлин, 24.12.1912).

²⁷ 2 Коринф. 12:2.

²⁸ Деян. 9.

²⁹ Лк. 23:43.

³⁰ Ин. 3:2.

³¹ Согласно Штейнеру, Земля прошла и будет проходить через ряд инкарнаций, три из них уже произошли (положения Сатурна, Солища и Луны), три — еще предстоит (две из них называются фазами Юпитера и Венеры).

³² "Память о памяти" — один из лейтмотивов "Котика Летаева".

³³ Штейнер говорит на одной из лекций цикла "От Иисуса к Христу": "Только благодаря тому, что Христос принял решение соединиться в событиях Палестины с человеком, воплотиться в человека и дать человечеству возможность восходящего пути, только этим было принесено человечеству то развитие, которое мы теперь можем обозначить как его освобождение от данного люциферическими силами импульса — импульса, который образно отмечен в Библии как "первородный грех", как искушение змеем и внедрение первородного греха" ("От Иисуса к Христу". С. 272).

³⁴ Аллюзия на эпизод из поэмы Ницше "Так говорил Заратустра".

³⁵ Евангелие Иоанна по сравнению с другими каноническими Евангелиями отличается своим эзотерическим языком, где действительные события жизни Иисуса раскрывают свой мистический смысл, т. е. становятся гнозисом.

³⁶ Ин. 16:19—22.

³⁷ Мф. 4:19; Мк. 1:12—17.

³⁸ Ин. 10:9.

³⁹ Вторая Генеральная Ассамблея АО состоялась 18.01.1914 г.

⁴⁰ Grundstein (нем.) — краеугольный камень; основа.

⁴¹ Memento mori (лат.) — помни о смерти.

⁴² Es walten die Übel — здесь властвуют злые силы.

⁴³ Deus caritatis! (лат.) — Бог Милосердный! Эти слова произносит "Голос свыше" в последней сцене ибсеновского "Бранда".

⁴⁴ Es erfüllen sich die Zeiten (нем.) — досл.: времена сбываются.

⁴⁵ Иешу бен Пандира (Иисус, сын Пандира) — один из основателей иудейского ордена ессеев (иссеев) на рубеже 2-й пол. 2 в. до н. э. — 1 в. н. э.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

¹ Откр. 6:9.

² Откр. 6:11.

³ Откр. 7:14.

⁴ Откр. 3:15, 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. "НАЧАЛО ВЕКА"

("БЕРЛИНСКАЯ" РЕДАКЦИЯ)

Бельгия

Подхожу теперь к тому сложному, смутному, трудному времени, которое и по сию пору оформить никак не умею я; стало быть: то, что стоит предо мною, есть факт пережитый сознанием, воплощенный конкретно в реальную жизнь, обусловивший изменения в стиле жизни и обусловивший расхождение с рядом друзей; передо мною возник: иной быт, иной ритм отношения к жизни; и до сих пор: десятилетие (1912—1922) во многом окрашено нотами, прозвучавшими именно в это время. И вместе с тем я боюсь: если включу я переживания внутренней биографии, то мной взятая тема конечно же сузится; тема же — "время Блока"; оно — наше время; ведь первые "блоковцы-москвичи" стали первыми антропософами (в антропософию перешли: М. В. С., А. С. П., М. И. С.¹, я; антропософами одно время были и Эллис² и Киселев³); реагировал на антропософию Метнер; меж тем: эти именно люди вынашивали атмосферу московского символизма; они ж оценили единственность темы поэзии Блока; в моем сознании поэзия Блока в годах тех конечно же сказывалась нота антропософского восприятия ее; я считаю: София, отображение Прекрасною Дамою Блока⁴, — София антропософии. В годы крайней отдачи себя антропософской доктрине я не терял чувства связи, соединявшей всегда меня с Блоком; что связывало трех юношей (А. А., С. М. Соловьева⁵, меня), то и притягивало к антропософии, как то ни кажется парадоксальным; вникая в учение Штейнера, я продолжал себя чувствовать символистом; и оставался я "блоковцем". Страшно боюсь, что расширю первоначальную цель воспоминания о Блоке.

Придется избрать средний путь; отступивши от личности "Блока", сосредоточить внимание на времени Блока; Блок кровно связался с эпохой; антропософия — показатель эпохи; придется коснуться: рассказать, как приблизился к Штейнеру. Многие думают: подхождение это — на почве идеологии; нет, было конкретное, кровное, что-то, что притянуло к течению Штейнера. Буду описывать факты, которые мне непонятны; в них есть нечто странное; были ль болезнью они, или были внимательным проникновением в жизнь? Я не вижу уж жизни в былом, странном свете; сознание мое прозаично, но тем отчетливее стоит предо мной пережитые годы (1912—1914)⁶; необъяснимые звуки тех лет разложить не сумел на обычные объяснения. Я проведу их пред взором читателя так, как они мне звучат.

В апреле 1912 года мы выехали из России: на день мы остались в Берлине⁷ — увидеться с Эллисом⁸, жившим около Motzstrasse (на Motzstrasse 17 жил Штейнер); но Эллиса мы не застали: уехал он, кажется, в Христианию: слушать цикл лекций

Штейнера, чтобы оттуда попасть — в Гельсингфорс, где должно было состояться свидание Штейнера с группою русских антропософов (на Пасхе)⁹; оставили Эллису мы небольшую записку; и уехали далее, через Кельн (где остались на день), прямо в Брюссель. Там скоро нашли помещение, с окнами, выходящими на собор St. Gudule¹⁰; черно-серые стены собора бросали свои черно-серые тени нам в комнату; в окна глядели химеры, свисая от кровли собора. Тут мы заболели сильнейшим бронхитом¹¹; метался в жару, вспоминали былое; рассказывал Ася и об исчезнувшей Минцловой¹² и о словах, ею сказанных; передавал ощущение мое медитаций, которым она обучала меня; с недоумением вспоминал я признание ее об оккультистах, за нею стоящих, которые обещали через нее к нам прийти; и которым я должен был показать *кольцо* Минцловой¹³; говорил я о том, что никто не пришел, что душою влекусь я к духовному знанию; Ася меня понимала; и в ней постепенно слагалось влечение к пути. Проговорили весь вечер, и наш разговор был значителен; мрачные стены собора стояли в окне.

Мы — заснули. А на другое утро сказала мне Ася: приснился ей сон, столь отчетливый, столь поразивший ее, впечатлившийся в душу ей; видела, будто с нею мы в комнате, напоминающей зал; но наполнилась комната — вдруг; и какие-то люди из двери поспешно направлялись к нам, с незнакомцами (двумя), столь замечательной внешности, что Ася была вне себя; они были почтенного возраста; кто-то сказал, обращаясь к Асе: — "Вы ищете Штейнера, а ведь он в Брюсселе!" И — удивилась она: Штейнера не искали мы вовсе; и тут пробудилась; рассказывая тот сон, переживала она очень действительно сызнова страшное впечатление сна; а во время рассказа ее смутно вспомнилось, что и я будто видел ту комнату¹⁴; — комнату, переполняемую людьми с двумя лицами, возглавлявшими шествие; лиц я не помню; не помню и голоса, помню лишь я волнение свое при приближении группы людей; показалось курьезным, что Асин сон прозвучал во мне очень бледным отображением.

Поддавались: и — скоро забыли мы сон, погрузившись в суету нашей жизни. Я принялся за продолжение "Петербурга"¹⁵ и увлекался в свободное время коллекцией марок, которую стал собирать; Ася ездила в Uccle¹⁶ каждый день, записывать гравюрою — у Данса¹⁷; мы с ней посещали музеи; встречались часто мы с дочерью Данса, женой адвоката и депутата парламента, Жюлия Дестрэ (вскоре сделавшегося бельгийским министром)¹⁸; порой присоединялся и он. Я не помню всех тех, с которыми приходилось встречаться: из общества, среди которого мы вращались, запомнился Санд (собиратель картин и банкир), жена Санда, поэт молодой и художник де Гру¹⁹, остроумный, талантливый, чудаковатый. Обедали мы очень часто у Данса; и иногда у Дестрэ, посещали театр; чувствовали себя — превосходно.

Однажды, вернувшись от Данса, с волнением передавала мне Ася о происшедшем с ней в трамве, с которым она почти каждое утро из Брюсселя ездила в Uccle по шоссе Ватерлоо — к учителю; на одной остановке трамвая в трамвай вошел медленно господин лет пятидесяти пяти, очень строго одетый, с лицом изумительным, выделяющимся настолько от всех других лиц, что, естественно, Ася уставилась на него с удивлением; в этом старом скорее лице поразила гравюрная почти тонкость прочерченных лицевых тонких мускулов, придававших лицу необыкновенное выражение почти повелительной мощи; и вместе с тем: благости; скоро я понял ее изумление, граничащее с потрясением; лица подлинных оккультистов весьма характерны отметкой, которая налагаема той самой прочерченностью малых мускулов лицевых, придающих лицу отпечаток особый; но не лицо потрясло главным образом Асю, а серые, серо-зеленые, углубленные, пристально в нее вперенные взоры, которых, по заверенью ее, не могла она вынести, и которых вошедший в трамвай господин не отрывал от нее; он ее наблюдал в совершенном спокойствии, с жестом сдержанной

мощи; то сочетание строгой корректности с необычайным вниманием к Асе произвели на нее столь огромное впечатление (чего-то давящего и одновременно манящего), что едва она не спросила вошедшего незнакомца.

— Скажите же...

— Что вам нужно?

— Зачем вы глядите так?

Ну, конечно же, в этом пристальном взгляде не могла содержаться по отношению к Асе житейская пошлость; и стало быть: любопытство, которое возбудила она, относилось к содержанию ее морального мира; казалось ей, что вошедший глядит сквозь нее, все в ней видит и все узнает; он же, сидя пред ней, не спускал с нее глаз; и казалось от напряжения ей, что весь воздух меж нею и ним натянулся, как тетива; что сорвется вот-вот с тетивы что-то важное и единственное; и она переступит через какой-то предел; передавала она: еще миг, и она бы воскликнула:

— Что вам надо?

Но он встал, на ближайшей же остановке трамвая (проехавши одну станцию лишь); и, не прервавши молчания, вышел, обмывая Асю своим непонятнейшим взглядом; и ту остановку, где слез он, запомнила Ася.

Я слушал; и — удивлялся; но удивительнее всего было то, что меня охватило под действием Асиных слов очень странное состояние сознания; я почувствовал: в нашей комнате изменяется атмосфера; будто бы слова Аси открыли лишь дверь среди стен нашей комнаты; обнаружилось комнаты среди двух наших комнаток, о которых не подозревали мы; и вот-вот: на нас хлынуло мощно и сладко какое-то море даримых нам чувств (нет, не наших, принадлежащих кому-то, благу, сияюще мощному); и мы чувствами этими осветились, как ризами странной парчи, парчи света; и как будто предметы, обставившие нас, — не такие, как только что; все восприятия переменялись; и будто бы стены пропали; и кто-то, кого мы не знали, стоял за пространством незащищающих стен; и взирал на нас зовными взорами; право же, комната наша в тот миг показалась мне птичьей клеткой, подвешенной в другой комнате, посредине которой стоит кто-то, знавший нас, звавший нас, и рассматривает нас так, как рассматриваем мы двух мечущихся по жердочкам клеточки канареек.

Восприятие мое проницаемости всех стен передалось и Асе; она, оборвав свой рассказ, повернулась ко мне и сказала с недоумевающей улыбкой:

— Послушай, — ты замечашь, — и обвела глазами вокруг.

— Замечаю...

— А что?

— Да будто бы стены пропали; и будто бы кто-то сквозь стены, — нас слушает.

— Именно.

Мы замолчали и слушали звук тишины, точно сладостный колокол, нас призывающий; мне припомнилось стихотворение Владимира Соловьева:

Лишь забудешься сном, или проснешься в полночи:

Кто-то здесь. Мы вдвоем²⁰.

Относительно нас лучше было б сказать: "Кто-то — здесь. Мы — втроем". И уж близился вечер; уже облака, самодары небес, высылаемые над крышами Брюсселя, — розовели.

Подывлились мы происшествию с Асей; и — скоро забыли его. Потекла суета; но запомнился день происшествия: был то — четверг.

Вся неделя текла очень быстро; утрами — работа (над "Петербургом" и над статьями в "Труды и дни"²¹); после прогулка по Брюсселю; и — обед, одинокий

(обедала Ася у Данса); потом встреча с Асей в кафе, расположенном на крыше огромного дома, занимаемого магазином (брюссельским Вертгеймом)²³, пятчасовый чай; присоединялась к нам и Дестрэ очень часто; потом, уже к вечеру, мирный ужин и тихие речи (а то — театр: опера); так — каждый день. Через неделю, в четверг, мы поехали с Асеею к Дансу обедать (он — звал нас); и вот: происшествие — повторилось; я был теперь, так сказать, сам свидетелем Асяных слов.

Мы сидели в трамвае, везущем нас в Uccle; и в том именно месте, где слез незнакомец, увиденный Асеею в предыдущий четверг (установила потом это Ася), — на остановке в трамвай, вижу, входит, во всем удивительный господин (я такого лица никогда и не видывал); и тотчас подумал: вот — *тот*, кого встретила Ася на прошедшей неделе; он был высок ростом и строен; на вид ему можно было дать лет уже пятьдесят пять; был он в сером во всем, очень строго одетый; и помнится: у него была палка, которую он, сев напротив, поставил между колен; и сжимал ее пальцами в темно-коричневых (помнится) новых перчатках; его волосы были серы (от проседи); был же он брит; и лицо было мелко исчерчено, будто бы гравировальными, маленькими штришками, и протенями, образующими удивительный отпечаток достоинства, сдержанной мощи; казался же он: не бельгийцем, не немцем; скорей — англичанином; впрочем, скорее напоминал представителя он расы грядущей; будто бы из тридцать третьего века проник он никогото и очень далеким дичающим предкам, напоминающим ему скорей род обезьян, чем людей; изумительное выражение серых глаз, в нас вперенных, смутило меня; так открыто, так явно пронизывал нас (то меня, а то — Асю) глазами; и чувствовал, как натягивается вся атмосфера, как... тетива; что сорвется какая-то электрическая стрела — прямо в нас; делалось и чудесно, и стыдно, и жутко от этого взгляда.

Я знал, что то самое переживает и Ася, по — повернуться, спросить ее — не было сил. Переглянуться с ней — выдать смущенность свою: нет не мог.

Все то произошло в полторы-две минуты; проехавши одну станцию, он поднялся на остановке трамвая; и продолжая смотреть с той пристальностью на нас, очень медленно вышел он; и выходя, повернул свою голову: и опять посмотрел на нас.

Трам стоял; и мы видели, как он улицу пересек, останавливаясь у подъезда старинного, серого дома, вложил ключ от двери в замочную скважину; и опять повернулся на нас; и посмотрел очень пристально, как бы давая понять:

— Видите; здесь я живу. Здесь меня вы застанете.

Дверь открылась; в нее он вошел; дверь защелкнулась; а над дверью прочел № дома я: 76. Этот номер запомнил.

И тут — трамвай тронулся.

— Ася, — тот самый?

— Нет, вовсе не тот, но — подобный ему: тот — еще замечательней видом; не странно ли: *тот* вошел на той именно остановке, где вышел на прошлой неделе другой.

— Что же это?

— Не говори: посторонние... Я не знаю...

Понял, что говорить здесь, в трамвае, о происшествии — неуместно. У Данса же (позитивного старика) — невозможно; мы обедали с Дансом поспешно, вернулись домой уже к вечеру; и только тут принялись обсуждать происшествие встреч (этой и Асиной ровно неделю назад); и пока обсуждали мы, — странное ощущение, что нас кто-то слушает через стены, опять повторилось, как и неделю назад; сопровождалось это чувство все тем же пронзительным, сладким, зовущим, непередаваемым лейтмотивом блаженной тревоги, охватывающим без уговора обоих:

— Опять?

— Да, опять!

— Что опять?

— Да: как будто нет стен, — озиралась Ася. И мы — замолчали; и отдавались отчетливому, подымавшемуся призыву: "Да, да, приходите же к нам: мы — вас ждем!"

И мне вспомнилось: эту ноту, зовущую ноту, я слушал уже: это было весной в 1909 году, когда Минцлова раз пришла ко мне и сказала: "Предисловие ваше к "Урне" есть зов к силам света¹³; должна на него я откликнуться и сказать, что того, о чем сердце тоскует у вас, оно — сбудется". Тут начала говорить о таинственном братстве духовных людей, помогающем силами света запутавшемуся человечеству; и тут вынула из ридикюля два кабинетных портрета, изображавших двух индусов с невыразимыми лицами, с нечеловеческими глазами¹⁴; один портрет — руководителя Е. П. Блаватской¹⁵; другой — Анни Безант¹⁶; и в разговоре с ней я почувствовал в первый раз это странное ощущение: *отсутствия стен и присутствия* среди двух — Третьего, между ними стоящего; и этот зов, будто звон зазвучавшего колокола, слышаемого только внутренним ухом; и — Голос Безмолвия¹⁷:

— С вами — Я...

Лишь забудешься сном, иль проснешься в полночи.

Кто-то — здесь...

Я посмотрел на смущенную Асю; и — я сказал:

— Ася?

— Что?

— А ведь это то самое, что стояло за Минцловой...

Тут увидел я, что Ася в глубоком волнении смотрит на меня, что-то хочет сказать, глубоко ее изумившее, — то, что ей только открылось, чему ей не верится даже:

— Ты что?

— Знаешь ли?

— Ну?

— Я вспомнила все: я сейчас только вспомнила... И — загнулась.

— Что вспомнила ты?

— Эти двое, которые повстречались в трамвае, — тогдашний, сегодняшний, — да ведь они — *те самые двое*.

— Какие *те двое*?

— Да *двое*, которых я видела во сне — помнишь сон рассказывала, приснявшийся во время болезни.

И опять передала она содержание сна: как она со мной находилась в комнате, в которую вошла группа людей, окружающих двух господинов, услышала голос: "Вот ведь — ищите Штейнера вы, а Штейнер — в Брюсселе". Я же видел лишь бледное отражение сна ее. Признание Аси в минуту, когда мы сидели и слушали, как зовом истаяли стены ("Мы ждем!"), — это признание произвело впечатление на меня электрического удара:

— Ася?

— Да, да: это — те, кого видела я во сне.

— Не ошибаешься ты?

— Да нет, нет!

— Почему же ты прежде не вспомнила?

— Да я сон как-то странно забыла; потом: и знакомых-то не всегда узнаем в первый миг; как же сразу мне было сообразить это все?

Я был — потрясен: разволнован и выбит из колеж. Произошел разговор между нами совсем ни на что не похожий; в нем Ася напомнила: Минцлова, исчезая навеки, сказала, что нас не забудут, придут к нам *какие-то мудрые, посылаемые люди*... А что если встречи в трамвае и сон — знак, нам данный: зов к пути, приглашение — откликнуться? И я должен признаться был Асе, что Минцлова неоднократно рассказывала, как именно происходит *духовные встречи*: они происходят как будто случайно; законы встреч — скрыты; случайная встреча в трамвае, на улице, да, — могла быть не случайной для тех, кто ее подготовил. Тут Ася сказала: — "Если встречи в трамвае и сон — приглашение откликнуться, — то: дом-то, *второго* — мы знаем"... — "Но слушай, — куда ж мы пойдём: к неизвестному господину, внимательно наблюдавшему нас. Чего хочешь ты? разве же он виноват, что ты прежде во сне его видела?" Так старался я не сойти с ума вовсе и удержаться в границах самообладания; а атмосфера, невидимо говорящая, — приглашала: перешагнуть черту здравости; мы говорили: что может дурного случиться, коль все — лишь иллюзия наша: недоразуменье, не больше; если же мы на возможный *призыв* не ответим, то так и останемся мы: без духовного руководства; а руководства искала душа; и — решили: написать в таком тоне "ему", что если неспроста была эта встреча, то он должен выставить розы в окне дома "76", где он живет; если же наше письмо непонятно, то и пусть "он" позабудет его.

Написали, решив письмо бросить в отверстие почтового ящика (в Бельгии каждый подъезд открывает вход в частное помещение: комнаты же квартиры — во всех этажах: столовая, кухня — в первом, приемная — во втором и т. д.; дома — узкие, заключающие одну лишь квартиру).

На другой день, уже к вечеру, возбужденные и охваченные все тем же волнением, вышли на площадь мы, откуда длинилась улица, где жил незнакомец; пред домом № 76 остановились; его осмотрели внимательно: серый, старинный дом; именно: в *таком доме* мог жить человек с этим вешним лицом; надо было с письмом торопиться; полез я в карман за письмом: и ай, ай: а *письмо-то* — забыл; мы решили: судьба! Что-то нас удержало от дикого очень поступка; прошли мы по улице; обернулись на дом; увидели: дверь дома — раскрыта; стоит на подъезде почтенный лакей, старичок, бритый, с белыми волосами, с лицом очень умным, усмешливо-вещным, но — добрым; и — смотрит нам в спины; когда обернулись, он принял такой пригласительный вид, будто видом показывал: "Знаю, пожалуйста!" Мы — отвернулись нервно; вернуться и подойти к старичку — означало: перешагнуть пороги смысла; мы быстро пошли — все вперед, все вперед; и совсем неожиданно: мы повернули обратно, притягиваемые серым *домом*, опять подошли к нему: двери были закрыты; когда порывались со стенами дома и проходили под окнами, то железные жалюзи опустились с решительной быстротою и шумом: кто их опускал? Что то значило? И — опять, повернулись; опять подбирался к дому (по противоположной теперь стороне); мы заметили: *нового старичка*; с очень-очень внимательным, нас наблюдающим видом, переходил середину он улицы, направляясь от дома к нам; тихо пошел впереди нас, соразмеряя шаги своим с нашими и повертываясь на нас с тем же ласковым и внимательным, пригласительным видом; чтобы проверить свое впечатление, остановились пред окном магазина; остановился и он пред окном — смежного, продолжая поглядывать, ожидая, что сделаем мы; мы — пошли: он — пошел. Стало жутко и дико опять: нестерпимо совсем; и безумье какое-то нас охватило: мы были на волосок от того, чтобы, все позабыв, подойти к старичку; ему бросить вопрос:

— Вы ведь посланы за нами — от них?

— Вы нас ждете?

Остановился проходящий трамвай перед нами как раз; без уговора поняли мы: если не садим в трамвай, то совершится нелепость и мы подойдем к старичку; без уговора мы прыгнули на площадку трамвая; понесся трамвай, относя от *безумия этого* — к дому.

А дома решили: не опускать нам письма, подождать — продолжения очень странных явлений, происходящих с обоими: сон наяву будет длиться; в этом было упорное знание: продолжение — следует, и мудрей выжидать, не бросаясь в мистический омут, который открылся пред нами; представилось: будет новая встреча на представлении "Гибели богов"³², в оперном городском театре — в субботу, через неделю (мы были абонированы на серию вагнеровских опер, исполняемых гастролерами из Вайрейта³³).

Здесь должен сказать: получили мы около этого времени от Петровского, из Москвы извещение³⁴ о том, что в такие-то числа мая назначена в Кельне публичная лекция Штейнера и что если хотим мы послушать его, то ведь Брюссель от Кельна так близок (всего пять часов); сообщил он и адрес, где можно достать нам билеты на лекцию; мы открытку прочли, отложили, забыли о ней; и о Штейнере вовсе не думали; происходившее с нами, вполне поглотило нас; кроме того: именно в дни читаемой Штейнером лекции чествовали в Брюсселе Метерлянка³⁵ (в театре): хотелось увидеть его; мы достали билеты. Мы ждали субботы. Порой наплывали на нас те же острые, сладко томительные переживания зова; и так томительно остро менялся весь воздух вокруг; и изменялись восприятия окружающих обыденных предметов; прислушивались; но "еще" — возвращалось на место; текла обыденная жизнь; Ася ездила к Дансу; писал "Петербург"; углубляясь в фабулу его четвертой главы: покупал себе бразилийские марки; встречался — с Дестр: пили в пять часов чай — там, на крыше огромного шестизэтажного дома, откуда развевывалась панорама покрытого дымок Брюсселя.

Раз — было дело уж к вечеру — мы посиживали уютно в своих малых комнатках; Ася расположилась за чаем (в удобнейшем кресле); я, стоя пред ней, что-то весело ей говорил: передавал эпизоды из жизни московской; смеялись. Вдруг слышим: отчетливый стук — в нашу дверь, выходившую прямо на лестницу, убегающую вверх, и вниз — к сдаваемым комнатам; лестницу в этот день перекрасили; и стоял там весь день терпкий запах и скипидара и краски; услышавши стук, машинально я крикнул: "Entrez!"³⁶ В два шага был у двери; открыл — никого; удивился; подумал, что кто-то ошибся; но если бы *кто-то*, ошавшись, взбежал вверх по лестнице, или сбегал вниз стремительно, то, во-первых: шаги бы за дверью мы слышали; если б не слышали, то, открыв дверь, я не мог бы не слышать шагов, восходящих наверх, или шагов, спускающихся к выходной двери (меж стуком и появлением моим за дверью не протекло двух секунд); между тем: освещенная лестница, тихая, пустела; но это не главное: главное, непостижимое, было — вот что: как раз у дверного порога услышал я прятные и сладчайшие ароматы цветов, напоминающие смеси запаха лилий и роз; тут же, вспомнивши, что ведь лестница — крашена, что ведь пропахла она скипидаром, я спустился стремительно двумя ступеньками ниже, понюхавши воздух; и — бросился из-под запаха лилий и роз запах терпкого скипидара мне в нос; я — взбежал кверху; и выступил там тот же запах; вернулся к порогу; опять охватили меня ароматы и лилий, и роз. Это все произошло в три-четыре секунды; тогда инстинктивно, желая проверить себя, позвал Асю я (что это — галлюцинация обоняния?).

— Ася, поди сюда?

Ася — подходит.

— Стань — здесь.

Стала: вижу, что нюхает; вижу лицо ее — недоуменно сплошное; оно озарилось улыбкою вдруг:

— Что?

— Цветы.

— Ведь — цветы? Ведь — цветы?!

— Определенно.

Она, улыбаясь, прибавила:

— Видишь, какой нам подарок?

Опять выходили на лестницу: нюхать внимательно скипидарные стены; и стены — воняли; и, возвратившись, закрыли мы дверь: и всю комнату переполнили запахи лилий и роз.

Мы стояли блаженные; мы улыбались глупо: "оми"! Даже мы не могли удивляться; мы знали, что сны наяву продолжаются; одновременно. Мы сохранили всю трезвость.

— Ведь стук-то, — сообразил теперь только я, — стук спиритический. Ведь стучали-то не в середину двери, а в верх: человек не достал бы рукою до верху! Да, да!

Все отличие стуков реальных от спиритических знали мы по феноменам спиритическим в Боголюбках³³; реальный стук — глуше и как-то плотнее; а спиритический стук, по моим наблюдениям, имеет оттенок какого-то невесомого треска, напоминающего разряд электричества.

Явное дело: стук в дверь — спиритический стук.

Через короткое время стал гаснуть развеванный в комнате запах цветов; он — погас.

Эти факты описываю я так именно, как преподносятся мне они в памяти; десятилетие — время немалое; были всякие домыслы за десять лет; и попытки к членораздельному объяснению фактов; но все объяснения развевались в годах; потому-то я их приводить не хочу; факты — те же; в скептическом, в очень мистическом состоянии сознания я стоял перед фактами этими; и различные мне объяснения вставали; я думал в годах очень многое; думал по-разному; думалось, может быть, *двое* те суть действительно *двое* из *тех*, о которых мне некогда много раз говорила А. Минцлова, будто за нею стоят посвященные в тайное знание; и — посвященные эти за нами следят; потом думалось: может быть, *эти двое* — сомнительные гипнотизеры, внушавшие нам на расстоянии переживания, долженствующие нас отдать в руки их; и какое же счастье, что мы не откликнулись; думалось: это — символы некоей судьбы; и еще тоже думалось, — самовнушение это; в последнем же случае любопытно: факт встречи и запах цветов переживали вдвоем мы (а случаи галлюцинации коллективной столь редки в XX столетии); совпадения лиц, нами виденных, с Асиным сном, где явились они до явления на физическом плане, — проверить не мог, разумеется, я, ибо я ведь не мог вырваться в Асин сон; но правдивостью, трезвою честностью в передаче фактического отличалась особенно А. А. Тургенева.

Может быть, факты эти не так описал я; но пусть же поправит меня переживавшая вместе со мною их А. А. Тургенева³⁴, объясняющая по-своему, вероятно, их; думаю: если б скрыл навсегда эти факты, то был бы не прав; я и так не рассказывал почти никому о случившемся в Брюсселе, — десять лет; я, признаться, молчал потому, что в эпоху почти фанатического моего отношения к Штейнеру пересказ этих фактов сколь многих заставил бы с сожалением покачать головой; и счесть нас — сумасшедшими в лучшем случае; и шарлатанами — в худшем; и — кроме того: мне казалось,

что оглашать эти факты нельзя; но в интимном кругу я рассказывал обо всем, с нами бывшем: Петровскому, Штейнеру, Эллису, К. Н. В.²⁴, некоторым другим (не упомяну кому).

А теперь через десять уж лет из другого морального тонуса, переменявшийся, трезвый и не имеющий никаких "окультистических" восприятий²⁶, я чувствую, что я должен поставить перед сознанием все эти факты.

И — да: коллективная галлюцинация не удивила; мы жили приподнято; не удивились бы более странным явлениям; ждали — страннейшего; были очень уверены мы, что в субботу, в театре произойдет что-то важное.

Вот — в театре. Но — ничего, никого; мы стояли в фойе; Ася, и Дестра, и М-ме Вандервельд; с ней меня познакомили; показывали и Вандервельда²⁷ среди кресел партера; был скучный, простой разговор; ничего, никого.

И вернулись домой очень грустными мы.

А на следующий день, в воскресенье, сидели в набитом людьми ресторане; да, да: не случилось ничего; обманула суббота; стояли перед старою альтернативою: опустить нам письмо или — ждать; чего ждать? Опустить же письмо неизвестному господину — безумно; исследовали состояния наших душ; и — феномень; сказал Асе:

— Вот если бы были в России, нашел бы я путь к совету; здесь — и спросить-то ведь не у кого совета: ни у кого нет духовного опыта, нужного нам.

(Знал: в России, в Зосимовой Пустыни — *старец* есть; и есть — в Оптиной Пустыни)²⁸. Ася меня перебила:

— Скажи, — веришь честности доктора Штейнера ты?

Я ответил:

— Да, верю, я не согласен с учением Штейнера; личность же Штейнера для меня — вне сомнения.

— А веришь ли, что у него опыт есть?

— Безусловно.

Подумавши, Ася сказала:

— Так вот: совершенно естественно: опускать *неизвестным* письмо — преждевременно: завтра же, в понедельник, объявлена в Кельне публичная лекция Штейнера; не поехать ли к Штейнеру? Не рассказать ли о всем, с нами бывшем ему? Не расспросить ли о Минцловой?

Я сперва удивился; идея такая казалась совсем неожиданной: не пришла бы мне в голову; но, подумав, ответил:

— А почему бы и нет?

— Тогда нечего медлить!

Мы справились о расписании поездов; и узнав, что единственный поезд на Кельн идет скоро, мы — бросили суп (черепашовый), расплатились; и — вышли; и до дому взяли "Cochet"²⁹; дома мы захватили дорожные сумочки, захватили открытку Петровского с обозначением теософского адреса; словом — пришли в себя в поезде, мчащемся к Кельну; и удивлялись: куда едем? нет у нас в Кельне знакомых! Ведь являемся к Штейнеру — с улицы? Поздно: что начали, — должно закончить. И — Кельн. Остановились — против собора в Hotel St. Paul³⁰, где уже останавливались и прежде; и заходили в собор; и — сидели там молча.

Для храбрости выпив бутылку рейнвейна, отправились утром — по адресу кельнской "ложы"³¹; звонимся; и открывает дверь женщина с очень строгим лицом, с очень ясными синими и пронзительными глазами, с волною волос золотых.

— Что вам нужно?

— Приехал ли доктор Штейнер?

- Приехал.
- Нам нужно его повидать.
- Занят он.
- Мы приехали специально из Брюсселя.

— К доктору приезжают из Нового Света; и — ждут; иногда десять дней; так он занят.

Мы назвали нескольких теософов знакомых (Григорова⁴³, Сабашникова⁴³, Эллиса, Христофорову)⁴⁴.

Дама задумалась:

— Погодите: сейчас я вернусь.

Мы остались у двери: вернулась она:

— Приходите сюда — через час: доктор будет читать в помещении ложи; вы — можете быть.

Так попали совсем неожиданно мы на интимную лекцию⁴⁵ в ложе без всякого права присутствовать; разрешение дал сам Штейнер. И сразу же: обстановка расположила нас к встрече (какой, — мы не знали), в затянутой синей материей комнате были женщины в туниках (розовых, белых, лиловых, сиреневых, черных) с легчайшими столами разнообразных цветов, с очень бледными лицами, с очень короткими волосами; иные — с крестом на груди; перед кафедрой цел куст красных роз; обстановка — понравилась; мы — ждали Штейнера.

Вот — входит: очень худой, очень бледный, с прочерченным небольшими морщинками невыразимым и близким каким-то лицом, показавшимся издали нам молодым, как у юноши (в другие минуты казалось оно — тысячелетним каким-то), с чернейшими жгуче пронизывающими глазами и с очень черными волосами без седины, ниспадавшими легкой тонкою прядью на лоб (эту прядь он отсвешивал взмахами головы), в сюртуке с черным бантом, небрежно и пышно повязанным; что-то было во всем его облике легким, казавшимся призрачным; одновременно же: выправленным из металла; весь веял какою-то свежою силою будущих гармоничных времен, где уже не стареют, не женятся, не умирают⁴⁶; и вместе с тем: он показался таким старомодным, старинным и строго изящным, было что-то веселое, странно-веселое в нем, будто он обвевал ветрами сплывавшей Вечности; и оттого: был он ветреный, сдержанно-легконогий, напоминающий воплощеные танцующей философии Ницше⁴⁷; и да простят: было в нем нечто, его выделявшее от других так, как отделяется эльф, принужденный ходить в сюртуке среди людей, — от людей; тут я вспомнил слова свои, живописующие идеал мудреца для меня прежних лет: *"Мудрец — это самый тонкий безумец, счастливый весельчак, серьезный и важный для тех, кто не в состоянии совместить мудрость с легкомыслием"*⁴⁸. Вместе с тем: бесконечным страданием мира, каким-то распятым крестным за все и за всех проблескали глаза его, когда он, быстро вскинув пенсне, с легким жестом оглядывал в полуоборот всех сидящих в синееющих сумерках ложи, одновременно склонившихся ухом к застенчиво что-то шепчущему старичку и легко отвечая ему на вопросы из одиночества, распятого среди мороков мира; и тут он напомнил мне фразу о мудреце, мною написанную в 1906 году: *"Мудрец обертывается на свою ризу... он знает Млечный путь. И туманности, и планетные системы, все узнает он, созерцая складки ризы своей. Он узнает мировую жизнь планет. Он узнает возникновение народов. Он видит себя самого, брошенного в круговорот бытия"*⁴⁹. Если писал я еще в 904 году, что *"искусство перестает удовлетворять"* и что *"ищешь много руководител"*⁵⁰, то почти предносился мне этот образ и легкий, и строгий, старинный и новый (какая-то подлинная человеческая разновидность); и если бы я в то время высказывал мысль, мною высказанную впоследствии, то она выражала бы харак-

теристику моего впечатления от Штейнера: "Первая с ума свешившая обезьяна есть человек: первый же человек, с ума свешивший, есть гений; а первый из гениев, дерзостно с ума свешивший, преодолевший в себе гениальность, ее осознавший, есть посвященный"⁵¹.

Все то пронеслось, как вихрь, не осевши кристаллами мысли во мне в первый миг встречи с Штейнером; помню: как я вперяюсь в него, как я за руку дергаю Асю, а Штейнер бросает на нас понимающий, грустный, сжигающий взгляд, очень быстрый, летучий и медленно — направляется к кафедре. Появление Штейнера перед нами — решило судьбу, потому что мгновенно поняли оба (позднее — установили мы это), что Штейнер есть *третий* меж *двух*, нами виденных; если они оккультысты (лицо выдавало их), то он — то же самое, только в них повелительность, нас дающая; в нем же — легкость; ответ был получен: пришли мы туда, куда жадно хотели прийти: дом № 76 — отпадал.

То сознали позднее: пока же мы отдавались обаянию слов, произносимых с возвышения кафедры, из-за роз; тема лекции (я недостаточно понял ее): говорилось о связи меж миром сознания, меж миров планет и меж миром цветов; в каждом цветке — отображение вихрей вселенной; спиральи листьев у цветов соответствуют явно спиральи планет, пролетающим с солнцем по космосу и чертящим круги вокруг солнца; так: каждый цветок связан с космосом, связан с планетой (той или этой); его впечатление на нас, — впечатление связи стихий с миром мысли и сам календарь — только ноты симфонии переживания года; и то, как сказал это он, мне рассеяло представление о сухости, рационализме, которым доселе дышали мне книги его; понял я: книги Штейнера нотные знаки симфонии; ключ был дан к этим книгам: сам Штейнер.

И мы выходили из ложи совсем вне себя; мы купили билеты теперь на публичную лекцию, озаглавленную: "Христос и двадцатый век"⁵². Думал я: не случайно, что он читает на тему, которая для меня кардинальна для отношения к "штейнерианству"; доселе казалось: в *христологии* Штейнер мне чужд; может быть, он — оккультный учитель; мне этого мало; мне нужен учитель, стоящий под знаком Христа. Мне последняя лекция показала, что я ошибался; об импульсе безымянном, жидительном жизни сказал он; в XX столетии импульс этот — импульс Христа; было все, что сказал он, весьма далеко от обычного церковного оформления; понял одно: *Штейнер* *ведает* импульс Христа; к концу лекции — пали сомнения; знал я, что Штейнер есть именно то, что мы ищем, сблизил слова Аси, сказанное во сне: "Вот *ведь*, — *ищите Штейнера*"; и чего-то искали; и *незнакомцы* являлись символами той дороги, которая приводила нас к Штейнеру; после лекции к нам подошла очень полная дама (в лиловом), в пенсне на рассеянных, подслеповатых глазах; и сказала нам:

— Доктор вас просит прийти: завтра в одиннадцать по такому-то адресу.

И мы — явились.

Звонились: никто не откликнулся: дверь была замкнута; вдруг, слышим мы, опускается кто-то по лестнице, сверху; повертываемся: за спиной стоит Штейнер с вчерашней дамою, синеокою, златоволосою и румяной (она оказалась М. Я. фон Сиверс, секретарем его; после — женой)⁵³; вчетвером прошли в комнаты; более получаса рассказывал я происшествя наши, начиная от Мянцловой (бывшей его ученицей); и Сиверс переводила слова мои; опускаю беседу: упомяну лишь, что, выслушав очень внимательно все, Штейнер мне ничего не ответил; и не ответил с такою решительностью, что переспрашивать не имело и смысла; я понял: молчание, — нежелание говорить на мотивы приезда из Брюсселя — есть отклонение от встречи, которую волили мы; он — спросил под конец:

— Вы свободны в июле?

Переглянулись: в июле уже возвращались в Россию (без денег); взгляд Аси (ответный) — сказал: "Да, свободны"; ответил:

— Свободны.

— Так вот: приезжайте ко мне вы — в июле; в июле я в Мюнхене буду. Там будет досуг поговорить очень тщательно обо всем; в то же время вы можете ознакомиться с нашей жизнью; и ближе увидеть движение наше: согласны?

— Мы будем.

— Так до свидания — в Мюнхене, — очень приветливо он улыбнулся, пожал руки нам.

Так-то стали и мы "штейнершанцами"; идеологически не было тут измены пути; это было созревшим решением, выходом органическим из событий, разгадки которым искали.

В тот же день мы вернулись в Брюссель; в тот вечер сидели на чествовании Метерлинка (в театре); и сам Метерлинок, о котором когда-то так много мечтал гимназистом, казался мне: грубым, упитанным, примитивным *шофером*⁴⁴ пред Рудольфом Штейнером.

Мы вернулись с решением: дом № 76 — позабыть; проезжая в трамвае по улице дома — мы видели: обитатели дома уехали; окна — закрыты: слепые; дом — хмурым-пустой; показался он нам неприятным.

Переходное время

Естественно: по возвращению в Брюссель писали мы Эллису¹, по нашим расчетам вернувшемуся в Берлин, — написали о встрече и разговоре со Штейнером; тотчас же прилетела от Эллиса телеграмма, что он едет в Брюссель; а на другое уж утро — стук-стук: стук решительный в дверь (о, вполне материальный!): "Entrez"! Дверь стремительно отворяется; и — появляется на пороге ее неузнаваемый, бритый и ставший медлительным Эллис: в совсем запыленном своем котелке — без вещей: с малым сверточком: будто не разделяли нас месяцы (ведь семь месяцев мы не видались); и будто бы перервали на миг мы последнюю нашу беседу (семь месяцев ранее); не здороваясь с нами, завел с нами разговор, или верней — продолжение разговора, который он вел, очевидно, в дороге: посыпались быстро на нас — поученья, сентенции, сведения, почерпнутые им из слышанных циклов лекций. Пытались его усадить, напоить крепким кофеем с булками; нет, — ах, куда ту! Воссевши средь нас, собирая колечком свои потемневшие и не как прежде кровавые губы, откинув назад свою лысую голову, сжавши холодные мертвые пальцы холодными мертвыми пальцами и прижимая к груди их, не глядя на нас, Эллис сысал цитатами, текстами слышанных лекций и читанных курсов, вполне побивая нас огненными дождями словесными и превращая нам в Мертвое море цветущий ландшафт обыденной действительности.

Эллис всегда вырастал в агитаторской нервной стихии, имея чудеснейший дар: увлечь увлеченным своим: через три или четыре часа мы очулись от фейерверков космической панорамы, раскинутой Эллисом: та панорама — учение о культурах, сознаниях, телах, иерархиях, природных явлениях, пересеченных друг в друге: с экспрессией, свойственной Эллису, изображал он вид древних атлантов; когда же дошел до облака лемурийца, дышавшего полужабрами и подскакивающего при ходьбе², как лягушка, то руки приставил он к шее, изображая талантливо орган дыхания лемурийца и выштянув странно глаза, принялся он подскакивать; это скаканье по комнате только что к нам прилетевшего Эллиса, запыленного после

дороги и не желающего даже нас расспросить, почему мы приблизились к Штейнеру, — производило на нас свое действие; в импрессионистическом кинематографе теософских идей было столько пленительной, непосредственной силы, что слушали мы, раскрыв рты, эту мощную космогоническую поэму, в которой провел перед сознанием нашим он "Тайноведенье" и "Теософию" Штейнера: без передышки. Словом: обделал он нас "под орех"; противопоставить ничто не могли мы ему; все, что он говорил, разбивало легенду, которую я составил себе об учении Штейнера, то есть легенду о материалистической мистике, смешанной с рационализмом; и в том, и в другом обвиняли мы Штейнера; Эллис провел перед нами учение Штейнера в подлинном, не догматическом, но динамическом его аспекте; и выявлял тонусы христианства в учении этом; впоследствии я познакомился с курсами Штейнера; и оценил совершенно блестящую экспозицию антропософии, данной нам Эллисом; предрассудки развеивались: будто бы должен я отказаться от личного "credo" и потерять мое право свободомыслия, чтобы стать теософом.

Не помню, когда мы очнулись от урагана космических образов; все на столе было скошено: скомкана скатерть; и кофе пролито на стол; ковер — сдвинулся; кресла — расставились (неудивительно: тут, среди комнаты, так-таки и прошлись перед нами: преадамиты, гиперборейцы, атланты и лемурийцы):

— Нет, понимаешь ли, — схватывал меня за руку Эллис, представивши, как на древней луже испускали животные ревы мы (он — заревел!). — Понимаешь ли, какая гадость! А? Что?

И на бледном лице его вспыхивала демоническая усмешка, изображающая отношение его к безобразиям древней жизни:

— Ты понял? Вы поняли, Ася?

И Ася кивала головой в кудрях.

— Поняла.

— Слушай, Лева, — пытался я перебить его: — Тебе б выспаться; хочешь умыться? Поглядывая на пропыленный пиджак свой, прелехкий (как видно, жилось ему плохо), он тут только вспомнил, что ночь он не спал:

— Да, нельзя ли почиститься? Нет ли тут где-нибудь щеточки...

И подумав еще, он прибавил, рассеянно и чуть конфузливо улыбаясь:

— А скажи, кстати, мне: тут какая же, собственно говоря, циркулирует система монет?

— Как какая? Да — франки...

— Я, собственно, упустил из внимания это.

— Но, — как ты приехал?

— А очень просто: в Берлине купил я на марки билет.

— Ну а здесь чем платил?

— Да, я, собственно говоря, не платил ничего: я приехал; с вокзала же пешком к вам пришел.

— Но у тебя есть же деньги.

— Да, собственно говоря, денег нет у меня: марок несколько есть...

Переглянулись мы с Асей: *такое* он всегда был; делился последними крохами с первым попавшимся; брал, когда нужно, — себе: точно птица небесная! Получивши письмо, что мы были у Штейнера, — понял одно он, что надо стремительно мчаться к нам: нам проповедовать истину; на что ехать, как ехать — последнее дело; с собой притащил он нам несколько курсов лекций, наверное заплатив за них все, что имел; на последние марки примчался сюда; а на что он вернется, и чем будет жить, — не подумал (конечно снабдили его мы билетом и очень немногим, что нужно ему: он способен был жить на ничто): совершенная птица небесная!

И этого человека в течение года клеймили писакми газетные, будто с корыстной целью вырезывал он в музее страницы из книг!⁴

— Ну и всегда ты так, Левушка, путешествуешь за границей? — спросил я его.

— Как же иначе: собственно говоря — так всегда, — засмеялся он нервно, задергал плечом (его жест) и схватился за сбритые усики, чтобы дернуть их (тоже привычка); и дернул за воздух.

— Изъездил Германию; был в Скандинавии, был в Гельсингфорсе, был в Дании; и — приехал вот к вам: безо всякого представления о "монетных системах", отелках и прочей вещественной дребедени.

— На что ж ты живешь?

Знал: его субсидировал "Мусагет"⁵, заказав переводы из Вагнера⁶, но "Мусагет" платил мало; на эти гроши, знал наверное я, не разъедемся по Европе.

— На что я живу? — расхохотался он и развел пренотешно руками — умора; и — только: Волошин, Макс⁷ — вот спасибо ему — меня, знаешь, пристроил к слепому еврею: водить по Берлину его.

— Так ты, стало быть, поводишь?

— Да!

— Но это же скучно?

— Да нет же: слепец мой — ученый хасид, много лет упражнявшийся в медитациях и молитвах; переусердствовал до того он, что эти его упражнения отразились на нервной системе; от этого он и ослеп: интереснейший, право, субъект: с ним не скучно.

— Нет: это — великолепно!

— Мы с ним философствуем, спорим, кричим друг на друга: он все обращает меня в хасидизм; я его побиваю цитатами курсов. Вот только он очень капризен: распорится где-нибудь в ресторане; и разрыгает сношения со мной; не желает, чтоб я его вел, а уйти сам не может ведь: я его все-таки — за рукав; и веду; он — старается освободить свою руку и заявляет мне, что различие в убеждениях не позволяет ему, чтобы я его вел: а куда ж без меня ему? Трогательно и смешно: впрочем, в общем, мы ладим!..

Подумал я: да, — вот картина: невероятный, незрячий чудак, прерассеянно проводящий другого, слепого, под трамваями, автомобилями миллионного города, с риском его подвести под трамвай: оба спорят о Вечности и о том, как верней медитировать.

Этого и в романе не выдумаешь.

Покормили мы Эллиса; спать уложили его; после поделили; поводили по Брюсселю.

Годы, годы кричал он в Москве, потрясая на нас грозно перстом, что "Jeune Belgique"⁸ — откровение литературы: Верхарн, Роденбах, Метерлинка и Ван-Лерберг суть гении; есть единственный стиль: стиль готический! Все иное есть дрянь! Вот и думали мы, что попав наконец в те места, где созрели творения Роденбаха и Лерберга, Эллис выкажет к этим местам интерес: повели мы его в те места, где на площади красовались прекраснейшие перлы готики; мы частенько сюда приходили; и любовались: оживальными арками⁹; вырезными розетками; думали мы, что же будет теперь с нашим Эллисом при созерцании великолепий? И что же: рассеянно скватываясь за отсутствие уса и опустив низко голову с заблуждавшими зеленоватыми глазками, Эллис не видел вокруг ничего, отдаваясь мысленным ходам:

— Да, посмотрите Лев Львович, какие розетки, — настойчиво теребила его удивленная Ася, схватив за рукав.

— Лева, не видишь ты разве: ведь — чистая, старая готика, а не: "Style flamboyant"¹⁰ — теребил за другой рукав Эллиса я.

— Да, да, да: хорошо, хорошо, — отвечал он рассеянно, мельком взглядывая на розетку и отворачиваясь немедленно к ходу мыслей:

— А, каковы мерзавцы!

— Да кто?

— Лемурийцы.

Махнувши руками на Эллиса мы: он и готика вовсе не знал: ему готика нравилась — в мыслях о готике; все конкретное — знал он; но — между тем: был при случае он поразительно наблюдателен.

Здесь ни на что не смотрел; ничего не видел. Два дня и две ночи он нам проповедовал боготворимого доктора Штейнера; напроповедовал; и уехал в Берлин: слушать лекции Штейнера: и водить по Берлину учнейшего, слепого хасида.

Мы, противившись с Эллисом, принялись за внимательное изучение немецкого языка; и за чтение курсов, которые нам привез Эллис.

И — странно: тот Брюссель, в котором недавно еще пережили столь многое мы, перекрасился как-то: из светлого Брюсселя стал угрожающе мрачным; нам стали встречаться на улице все какие-то ужасающие уроды; кривились нам рожи; какие-то встречные, нам казалось, на нас демонически ухмыляются: а по ночам напали кошмары: мы — вскакивали: принимался нас кто-то душить; очень странное чувство закралось нам в души; те рожи и эти кошмары не суть ли симтомы преследования со стороны подозрительных оккультистов; припоминались иные страницы из Стриндберга; то, о чем пишет в "Inferno"¹¹ он, переживалось в Брюсселе нами, — в том городе, где нам слышался страшный, влекущий нас зов: "Приходите, идите — к нам, к нам". А когда к этим к "нам" не пошли, но поехали к Штейнеру, то "они" вдруг — оскалились; и обстреливали кошмарными снами и обсыпали кошмарными лицами на жарких улицах, мстя очень мелкими гадостями, происходившими с нами. Так я оплотнил бы в естественном символе происходившее.

Кроме того: из Москвы приходили известия, выводившие из терпения нас; снова Метнер¹² почти что привязывался очень странными, точно нарочно выдумываемыми нападка и придирками; в этом жесте сказалась определенная злоба на нас и досада, что вот из Москвы ускользнули, в опеке "культурного" Метнера не нуждаясь вовсе; пытался, как мог, передать москвичам о поездке в Германию и о встрече со Штейнером; но в ответ на попытки какую-то правду свою передать, — раздавалось глухое, враждебное и недоверчивое молчание; лишь от Метнера притескали все более и более истерические послания на двадцати и более крупных листах; в них мне вменялось, будто бы предал я "Мускет"; и с насмешкой указывалось: от меня, де, автора "Символизма"¹³, теперь надо зорко оберегать символизм, ибо я — теософ.

Это все — мне казалось: несправедливым и мелким; вернувшись из Кельна писал-таки: для "Труды и дни" я статьи: о символизме, который-де предал; в ту именно пору особенно чувствовал я символистом себя; в идеологии — ничто не менялось; нападки (и ахи, и охи о том, что погиб-де) напоминали мне мелкие пересуды московских, стареющих кумушек с замкнутым кругозором, составивших себе некогда шарж на духовное знание; в кругу прежних друзей начиналось издевательство над конкретнейшими и святейшими устремлениями моими: я знал: ничего не теряю из прежнего: лишь открылось мне новое нечто, меня выводящее в широчайшие кругозоры сознания, но говорили, что эти-де кругозоры есть гибель меня, как художника (эти люди потом восхваляли меня за роман "Петербург", а во время писания "Петербурга" меня объявляли талантом потерявшим, не потрудившись подождать с вынесением приговора до появления "Петербурга"). В Брюсселе я пережил всю горечь разрыва с многими, близкими прежде; поведать о важных событиях

во внутренней жизни моей было некому; что-то определило решение: не возвращаться на родину, ставшую в эти дни мне "осиным гнездом".

Мы бросались из Брюсселя в Брюгге, в Шарлеруа (к Ж. Дестрэ), наконец: в совершенной усталости я, оставивши Асю у Данса (докончить свой курс), чуть не бросился прямо к д'Альгеймам¹⁴ (в Буа-Ле-Руа, близь Фонтенбло), гостеприимно нас звавшим к себе; вскоре Ася приехала¹⁵. Здесь до июля я мог успокоиться, отдохнуть: приготовиться к Мюнхену; здесь писал я и пятую главу "Петербург".

(...)¹⁶

У Штейнера

В начале уже июля были в Мюнхене; Эллису, переехавшему под Мюнхен вместе с семейством фрау Поольман-Мой¹, написали письмо мы; фрау Мой, урожденная голландка, спиритка, потом — астролог, наконец — теософка, одна из талантливейших штейверисток, дружила с неумротимейшим Эллисом. Одновременно: мы сделали обязательнейший визит графине Калькрейт, проживавшей с подругою Софией Штинде² на Adalbertstrasse: к ней было поручено нам обратиться; под ней, иль над нею (не помню) — жил Штейнер.

Бывшая фрейлина, видевшая у отца своего³ императоров Александра II-го, Вильгельма Первого, посещавших его, отдалася вся делу Штейнера, помогая движению, помогая отдельным с движением связанным людям; она раздавала последнее; и работала по 18 часов в сутки; потом уже, посетив ее дом, вспомнил я: в этом именно доме я был еще в 1906 году, у А. Р. Миццловой⁴, встретившей меня как-то на улице в Мюнхене; в это время А. Р. была верною ученицею Штейнера, была в центре всех избранных учениц, про которых, смеясь, говорили, что будто бы круг их есть подлинно "зодиака"⁵ вокруг солнца; "зодиакальные тетки" держали себя очень гордо; графиня Калькрейт, А. Р. Миццлова, София Штинде, графиня Мольтке⁶ и пр. когда-то сидели в одном "зодиаке"; друг с другом дружили; поэтому А. Р. Миццлова и проживала всегда у графини Калькрейт в бытность в Мюнхене.

София Штинде, графиня Калькрейт — незабываемые фигуры в движении Штейнера; обе — старинные ученицы, почти первозванные, самоотверженно работали годы для мюнхенской ложи; графиня Калькрейт, прехудая, предлинная, розоволицая, голубокожая, лет почтенных уже, отличалась добротою, каким-то сияющим видом худого лица; одевалась она — во все розовое; София Штинде, остроумная, острая, лет, как кажется, одинаковых с летами Калькрейт, проносила с насмешливым несколько видом свой белый, нерозовый лик; одевалась во все голубое; С. Штинде с Калькрейт были вместе всегда; и вращали движением Мюнхенского отделения Общества; в Мюнхене к ним попадали все мы, новички; наблюдали за нами оне, оберегали свободу работы Р. Штейнера: от назойливых посетителей. Мы появлялись у них с указанием: доктор просил нас чрез них известить о приезде его; потом выяснилось: оба стража приезд наш скрывали от доктора дней эдак 10 (вполне им сочувствуя); первое впечатление от старушек: одна выражала собою все нежно-розовое; голубое собой выражала вторая; и на собраниях общества, перед лекциями, оне игрывали в помещении ложи на двух фисгармониях; во всем розовом; — розоволицая графиня Калькрейт помещалась налево; направо же — вся в голубом, за фисгармонюм тихо садилась приземистая София Штинде; на представленных "Мистерий", в театре, оне, отбирали у входа билеты; у правого входа стояла предлинная прехудая, розоволицая розовая графиня Калькрейт; а у левого входа показывалась голубая и бледнолицая Штинде; перед поднятием занавеса — то же

самое: в первую ложу направо — просовывалась розовая Калькрейт; и являлась в первую ложу налево — голубостоялая, голубая вся Штинде; пред кафедрой Штейнера рядышком сиживали подруги (та — в голубом, эта — в розовом) — в первом ряду. Незабывное двуединство цветов, сочеталось с двуединством натур этих мыльных, любвеобильных и благородных старушек; вот первое впечатление Мюнхена: Штинде, Калькрейт; встреча с Эллисом, с Поольман-Мой, поражавшей умом, остроумием, эзотеризмом, соединенным с изысканностью, выдержкой — впечатление второе; приезд же Наташи Тургеневой-Полцо⁸, к нам, в Мюнхен, — событие для нас важное; мы подыскивали себе помещенье (против мюнхенской академии с пансионом, с прекраснейшим видом на арку, увенчанную конями); и здесь ожидали свидания с Штейнером.

И — состоялось оно; первый мюнхенский месяц мы трое бывали у Штейнера сженедельно⁹.

На стану описывать этих свиданий: в июле и в августе; лет через десять, найду я, быть может, приличную форму: изобразить их; я должен сказать: впечатления были мне горьки, и радостны.

Горьки. Да потрудитесь-ка, будучи автором 13 книг, идеологом символизма, здесь выглядеть: учеником *grand pigaud*¹⁰, у которого нет никаких достижений и идей, и которого функция — догматически вылизубить теософский катехизис; все те новые люди, с которыми приходилось мне сталкиваться, отличались одною чертой: удивительным отсутствием интереса к моральному миру, с которым пришли мы сюда; как то чувствовалось невольно: они говорили без слов: "Да, учитесь, учитесь, что можете знать вы; вы — сошка, такая же, как и все вокруг Штейнера; может быть, вы и профессор, а может быть, круглый невежа; пред Штейнером все мы невежи; быть может, вы только бездарность, быть может, вы крупный талант; перед Штейнером все мы бездарности..." и т. д. Все начинала учить меня: у человека — 7 тел, 3 души; в человечестве — семь культур; мы же — в пятой. Все сведения по истории, этнографии, биологии, нам сообщаемые, были цитатами из Р. Штейнера. Тут же заметил я: многие теософы, способные разговаривать о всех науках и всех культурах, не ознакомились с литературой вопроса, который, бывало, они разрешали при помощи "Doktor hatte gesagt"¹¹. Так, если бы Штейнер о Ньютоне не упомянул бы в том или этом своем сочинении, то для людей характеризруемого типа не существовало бы в истории Ньютона; разговаривали доктормально о математике, об искусствах, о хмики, о персидских пророках на основании той или иной цитаты, порой только слова, когда-нибудь оброненного Штейнером; соединение сектанства с паразитическим отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософов, которые были прозваны "теософскими тетками"; и характеризовала тот тип удивительная любовь к слепятам (мистическим, оккультическим, просто житейским).

Да, "тетка" есть тип: подавлял он количеством; приди в общество, не разглядела б сразу вы действительно замечательных, образованных, углубленных людей (они были — не в малом количестве; и они доминировали морально); но "тетка", так сказать, выступала наружу при первом знакомстве с движением Штейнера: она первая к вам подсказывала, начинала учить, агитировать; ставить отметки вам, даже за вами подглядывать; с беззаветным усердием "тетка" готова была настаивать вас, расстраивать даже семейную жизнь. Вид этой тетки? Бледна, зелена, некрасива, немолода, худая, часто в очках, часто стриженная, в яркой тунике, в яркой столе, не гармонирующей с цветом туники, с преогромным крестом на груди, с острым носом, с "ésprit mal tourné"¹², с неблагоприятием в сфере пола: та "тетка" на новопробывшего вылезала из всех буквально щелей; шла гурьбою, размахивая руками на вас, подносила вам книжечки Штейнера, истолковывала их навывно, не допуская и мысли, что вы можете лучше понять то, что ей ведомо.

Этот тип теософии, всегда появлялся на авансцене движения перед новичками, годами отпугивал от движения многих искренно и глубоко подходящих: воистину: выдержать "тетку" и не сбежать — есть победа над искусом; "тетка" — жалкая, балаганная карикатура, повешенная на дверях "храма познаний"; кто проходил эту дверь, попадал в удивительные ландшафты движения; и встречался с действительно замечательными людьми, сперва заслоненными "теткой" (теперь пошла "тетка" на убыль: когда-то в периферии движения подавляла количеством эта "тетка", царила количеством).

Разумеется, не одну только "тетку" мы видели: мы встречались с глубокими, образованными, исключительными натурами (вроде Штинде, Шолль¹³, Поольман-Мой), но лишь Поольман-Мой понимала действительно, кто мы, каков наш подход к теософии, как подавать познавательный материал нам; другие (не говорю я о Штейнере) как-то не видели нас: не за тех принимали; здесь, в теософском движении было столько бездарных людей, повышающихся, так сказать, в рангах общества многогодовым вышотеванием из себя элементарнейших достижений.

И жест, вас встречавший порою у умных и тонких людей, поражал меня первое время, — надменством и менторством; чувствовался мне порою окрик: "Молчите, сидите, учитесь тому, что подносят вам, — вас не спрашивают!" Хотелось порою взорваться: "Позвольте, — вы сообщаете мне ваши знания таким образом, точно *apriori* вы заключили, что я — совершенный невежа, осел и дурак: может быть "теток" учат так, — "доктора", автора многих книг, много думавшего человека, — не учат так". Приходилось мне видеть немало серьезных, известных и даже великих людей (Соловьева¹⁴, Толстого¹⁵, Жореса¹⁶, Ключевского¹⁷ и т. д.); и никто, никогда не выказывал по отношению ко мне такого начальнического превосходства, как некоторые из истолкователей Штейнера. Раз снисходительно удостоили здесь вопросом меня: "Понимаете ли вы выражение *in statu nascendi*?"¹⁸ Хотелось воскликнуть в ответ: "А вы понимаете ли, с кем имеете дело?"

Да, "тетку" мы встретили, как испытанье терпением; думаю даже: я был потрясающе скромен в то время, — недопустимо скромен, произвольно обманывая людей, поучавших меня тому именно, чему мог бы учить их я сам; испытанье самолюбием порою было остро так, мне показывали десятистепенных немецких писателей и предлагали впадать в геличий восторг оттого, что среди "ишлере Bewegung"¹⁹ находятся "solche berühmte Menschen"²⁰. Хотелось воскликнуть: "Оставьте, в России я сам занимаю естественно положение, несоизмеримое с вашими берюмностями; извините, — впадать в ваш восторг не могу!"; но — молчал.

Да, тактику Штейнера по отношению к себе — до сих пор не пойму до конца; с затруднением выражался по-немецки, не мог совершенно отчетливо высказать то, что меня волновало, ему; а немой в отношении языка — идют; и таким идютом себя ощущал я; выдумал способ общения с Штейнером: я рисовал ему мысли-вопросы мои и на эти-то схемы он мне отвечал — часто схемами, отвечал вполне ясно конкретно; и — тем не менее: мне казалось: не за а т о г о принимают меня; возразить же не мог: я поставил себе послушание в метод; усилием воли заставил в себе замолчать очень много вопросов; и голова моя становилась "tabula rasa" порою; я снял мою голову с плеч, сохранив за собою моральное право; надет мою голову. Я, Андрей Белый, привыкший влиять, платформировать, становился вдруг "dieser lieber naive Bugaeff"²¹ с образованием четырех первых классов гимназии; для самолюбия человека, всю жизнь провраждавшего в утонченнейших литературных и философских кругах — согласиться: переносить было трудно свое новое положение — идюта, тем более, что за этот идютизм от меня отвернулись столь многие: в Москве, в Петербурге. Повис в безвоздушном пространстве я; внутренио, — испол-

яилось задание: превратить себя в *tabula rasa*, перепроверить себя: может быть 2×2 не "4", а — "5"? Я во всем, что я знал, должен был усумниться, чтобы критически выстроить здание независимой своей мысли; и я — усумнился; я всякую небыллицу порою учился встречать предположением (сознательным): ну, допустим, что — так это; если ж не так, — от противного парадокс отпадет.

Так я слился конкретизировать лозунг теории Штейнера, что в начале теоретико-познавательного изыскания предпосылки познания должны быть отвергнуты; я отверг предпосылки познания, данного мне; к новому ж, к твердому, к точному знанию я не пришел еще; было мучительно видеть, что скромность моя, вытекающая из решимости усумниться — решимости, на которую не у всех хватит сил, — в восприятии большинства теософских знакомых моих походила на примитивную простоту "*grand nigaud*", или Иванушки, тридцатилетнего русского дурачка.

Переносить это было так горько, — казалось порой: незаслуженно горько!

Отрадою было мне: в тихонькой комнате по вечерам углубляться в огромные циклы, рисующие полеты, перед которыми меркли и мистики и теологи всех времен и народов; меня восхищала конкретность духовного знания, где глубже мысли об иерархиях и тайнах культуры естественно отражались в мельчайших движениях жизни обычной, в предметах оставших; и было мне ясно, что сферы планет и сознания высших существ — не над нами, не там, в трансцендентном, а здесь: в пульсе крови, в количестве угольной кислоты, растворимой в крови — всплески ангельских крыльев и демонских крыльев; действительность, нас окружающая, есть — непрочитанный свиток духовного мира; а расстояние наше от этого мира есть расстояние животного, не умеющего увидеть на плоскости — перспективу, пространство; ведь для животного изображенная пирамида на плоскости — пересечение линий; и — только; умение пирамиду увидеть есть для него оккультизм, одолеваемый упражнением; в координации линий, выдавливающих пространство: из плоскости.

А духовное знание есть продолжение той же способности — координировать три измерения в четыре; четыре, пять — в шесть; мы создаем на картине рельеф — только мы: так мы строим действительность перспективы; так точно: вхождение в мир духа — умение правильно перестроить душевную перспективу из линий; и далее: строить из сложенной перспективы душевной — духовный рельеф; мир в физическом опыте — сплюснен до линии; линия же физического предмета есть линия плоскости мира душевного; плоскость души — одна плоскость духовного тела; так: линии нервов и жил — грань души; души — грань пространства духовного; так что ангелы и архангелы — здесь; и в конкретнейших мелочах ежедневного обихода звучат: звуки космосов, пенье архангелов. От вопроса о том, как построить сегодняшний день, судьбы мира меняются.

Точка зрения эта была мне близка; но я видел, что это — не есть "точка", а "линия" взгляда; ах, столько я слышал "*словес*" о мистическом опыте; действительный опыт в "*словесах*" был — ничто; если б мы ограничились рассуждением о вообще электричестве, газе, материи, не были бы построены нам мосты; не горело бы в городах электричество; философия бы мы не построили формулы расширения газа; в применении к практике жизни перестроение опыта мне давала метода Р. Штейнера: рассуждение о вообще электричестве превращала в конкретную формулу скорости распространения тока и силы его; спрашивал некогда: как поступить мне сегодня (в такой-то вот день) по такому-то поводу, то-то, конкретизировав обычную формулу поведения коэффициентами расширения сознания в Дух и приняв во внимание, что в духовной действительности социальное положение граждан ее — таково-то; мне духовное знание разрешало проблему; и то, что в науке отвечает

лаборатории (без нее невозможна наука), встречало меня в указаниях Штейнера, разрешавшего, как естественно приступать к шести правилам упражнений, указанным в книге его "Wie erlangt man"²³. Да, вечером, утром я предавался вниманию к мысли: учился контролю сознания по указаниям Штейнера, принимавшего первое время не менее раза в неделю; он расспрашивал о движениях наших; я чувствовал восхищение — разрешил я Колумбов вопрос об "яйце"²³: как начать мне задачу переплавления сознания, перерождения органов восприятия жизни в слагаемые органы восприятия душевно-духовного мира; что в этом есть подлинное достижение жизни, — я знал: ибо прежде еще я писал: "Символическая драма может изображать одно: перерождение органов восприятия жизни"²⁴; в систематической медитации — гравировальный резец, незаметно штрихующий наше астральное тело; во вздохах его — штрихованье эфирного; а в штриховке последнего — физиологические перерождения восприятий: в работе, загаданной Штейнером, я замечал, что — покрыт, точно зверь, безволосый недавно, вокруг прорастающей шерстью знаний, меня потрясающих; я ходил потрясенный, взволнованный от огромности узанного, к которому еще слова не было; были лишь знаки без слов; Штейнер четко давал разъяснения знаками схем своих — на сложнейшие знаки вопросов моих, и я был терпеливый работник, слагавший массивы для моста чрез реку; а Штейнер мне был — инженером, дававшим отчетливые вычисления: мост на тот берег, — медитативная работа сознания; берег — мир духа: координация линий плоскости в определенный рельеф, слагавшийся мне в первый раз; нет, подумайте: годы ведали вы, что картина садов за окном — лишь обои; деревья под ветром — заколебались; картины садов неподвижных — лишь миг в мире сада; а миг тот — моя мнвовавшая жизнь; но сад тронулся — ветром: и узоры "обойных орнаментов", побежавшие вдруг перед носом — стихийные существа четырех измерений; а ветер, качнувший их, — ветер усилия воли: к сознанию, координация линий в фигуры эфирного тела; теперь стало ясно, что то, что стоит перед вами, как "здесь", лишь линейная грань многогранного тела, выдавливаемого в пространство, за стекла — "туда"; наоборот: отвлеченные мысли о "там", "по ту сторону", — с потрясающим реализмом вдаваясь сюда, как кипение жизни душевных существ вашей кровью, как вздрог гроз "талошней" жизни тончайшими окончавьями здешних нервов; вы чувствовали бы себя, точно вывернутыми наизнанку, вль ставшими пятками в небо и головой — в земной шарик. Говорили доселе вы: "я хожу на руках: я — палец". А теперь вы впервые узнали: стояние "кверх ногами" есть правильная ориентация; "бездна" разверзлась под ногами, да, да: символисты гласили о *бездне*; теперь ощутил эту *бездну* во всем потрясающем и реализме; тут Штейнер меня понимал; он давал указания, как справляться с пугающим прорастанием тела — в зательное; да, кто в плоскости, в семи скрещенных линиях не увидит рисунемой пирамиды — меня не поймет, а раз увидевши контур рельефа на плоскости уже не сможет не видеть отчетливой пирамиды среди линий; и я увидал в переживаниях своих, в переживаниях А. А. Блока, — фигуру вмешательства *мира иного*; и — да: Блоку все-таки я не мог бы сказать ничего; я давился от криков, которыми мне хотелось поведать друзьям о громадности новых узаний, меня обраставших; но — знал: голос мой будет голосом, точно под колоколом, из которого выкачен воздух; не голосом — будет отсутствием голоса он, или путаницею неразборчивых линий, лишь мне явно сложенной в пирамиду; и потрясался я страхом и чувством, что я прорастаю и урастаю — куда-то, отчетливо укорачиваясь в проявлениях "здесь"; великая драма без фабулы: драма перед вратами мистерии, о которой я сам еще прежде писал: "Мы оказываемся стоящими кверху ногами при взгляде туда"²⁵; "пропасть развертывается у наших ног"²⁶; "ничто

не предохранит... от опасностей³⁷; "опасности" — перерождение сознания, очищающегося от былых предрассудков; "опасности" — возможности срывов, бросающих в "вырождение"; "выйдут призраки с псыими головами... призраки ужаса"³⁸; "нужно переродиться"³⁹; а это значит: переместиться; и вышрыгнуть из себя самого; или выдернуться, как из перчаток, из органов ослышания, зрения, слуха, — в несильно-близкую неосознанность, чтоб *оттуда* сюда развить новое зрение; об этом скачке с потрясающим реализмом заговорил скоро Штейнер на мюнхенском курсе, суммируя формой новые пережития мои; да, великое утешение и великая скорбь мне скрестились; мое утешение — реализм всех узваний: под руководством учителя; горечь — давящее одиночество косноязычия; все узвания мои в тот период — обратно пропорциональны способности выражаться; я, внутренне расширившись, внешне ссыкался до точки... идиотизма; и чувствовал: "человек перестает быть человеком"⁴⁰: "подходит к мистерии, которая никогда не снилась древним грекам"⁴¹.

В ту пору готовились к постановке "мистерий", написанных Штейнером; по ночам он дописывал третью мистирию⁴²; днями присутствовал на нескольких репетициях, очень подробно уча, как играть, и входя во все мелочи постановок — вплоть до деталей костюмов; в свободные промежутки он принимал отовсюду съезжавшихся теософов, следил за новинками книжного рынка, писал свои книги, готовился к курсу; мое удивление пред ним, человеком, нервы которого есть сталь, — вырастало; и род священного трепета я испытал; так я выглядел перед ним совершенно растерянным; мы бывали на лекциях; помнятся: лекции Юли⁴³, теперешнего председателя антропософского общества; видывал д-ра Пайперса⁴⁴, отыскивающего новые методы лечения светом; но не был знаком с ним; к нам хаживал теософ, поляк Рихтер⁴⁵ — художник; мы ездили каждый день к фрейляйн Шолль, очень умной, начитанной, нам любезно дававшей уроки немецкого, — сводившиеся к интереснейшим разговорам о Гетевой теории света, об иерархиях; еще приходила к нам фрейляйн Ганна⁴⁶: переводить мистерии; часто виделся с (приезжавшими из-под Мюнхена) Эллисом, Поольман-Мой; Эллис нам читал курс⁴⁷; в нем прекрасно слагалась картина учения Штейнера; а Поольман-Мой — растолковывала нине из новых переживаний сознания; так вводились в круг знания курсов, прочитанных прежде, чтоб понимать предстоящие лекции; день был наполнен; казалось снова — студент; утром, вечером — практика (медитаций); днем — чтение курсов, приготовление отчета, сдаваемого нами Штейнеру, или разговор с Поольман-Мой, или с Рихтером, лекция Эллиса; вечером — занятия с Шолль, с фрейляйн Ганна; сидели весь день за работой; и — будто не было Мюнхена.

С августа начался уже съезд⁴⁸: из Норвегии, Швеции, из Германии, из Швейцарии, Австрии, Польши, России приехало более тысячи человек (появились: Викентьев⁴⁹, Сизова⁴⁰, Н. П. Киселев и Петровский; мы виделись как-то рассеянно; новые наши знакомства оттягивали от общения с москвичами; приехала М. В. Сабашникова, вернулся Трапезников⁴¹, проживающий в Мюнхене; и пришло время курса⁴².

Не стану описывать курса и постановку мистерий; скажу: впечатление было огромно; огромным казался нам Штейнер; мистерии длились три дня (с 10 утра до 5—6 дня); каждый вечер ходили на лекции: Унгера⁴³, Бауэра⁴⁴, Юли; потом длился курс; днем — завязывались знакомства и встречи с наехавшими теософами.

Вот окончился съезд; все мы падали с ног от усталости; в промежутках меж лекциями Штейнер принял не менее трехсот человек; и был ряд заседаний, в которых взволнованно обсуждалось расхождение с Безант, по вопросу об ордено, ордено "Восточной Звезды"⁴⁵, против которого гремел Штейнер. Не утомился лишь он. Собрался из Мюнхена — в Базель: читать курс "Евангелие от Марка"⁴⁶. За ним

и мы ехали; но сперва проводили Наташу — в Россию, простились с москвичами и — тронулись: дней за десять до курса, чтобы побить в одиночестве; и — разобратсья в потоке разнообразнейших ощущений, нас разрывавших буквально; два месяца, прожитых в Мюнхене, показались годами, отрезавшими навсегда от прошедшего: все интересы Москвы были где-то — на Марсе; и даже: казались заслоненными дымкою — впечатления Брюсселя.

Отделял же — действительный сдвиг; первоначальные прорези *опыта*. Да, какую-то перешел я черту, разделяющую жизнь на две части: до мая 1912 года; и — после.

Черта остается доселе.

Базель — Фицнау — Штутгарт — Берлин

Мне первые дни пребывания в Базеле тягостны; хлынули неприятные письма (Москва угощала): пришлось перервать отношения с Метнером; вставал материальный вопрос: на что жить? Ощущался покинутость.

Базель — старинный, прелестнейший, веел особой тоской, от которой впоследствии так я страдал; мы бродили по маленьким крутеньким улочкам; ставили на берегу быстро струи катящего Рейна; кормили здесь чаек, однажды мы получаем известие: от Вячеслава Иванова; и узнаем: во французской Швейцарии он; слышал — стал теософом и; и хотел бы увидеть; писал, что приехал бы нас навестить: стало радостно; звали его; дня через три он приехал; остановился в отеле, где жили мы; с ним провели два-три дня. Пересказывал я Иванову многое из пережитый последнего времени; первый из теософов — отнесся внимательно он к моему обращению в штейнерианство; другие ко мне отнеслись невнимательно.

Он понимал весь размах дела Штейнера; он понимал, что пришли не случайно к нему мы. Но будучи убежденнейшим символистом, поставил вопрос мне: как быть с символизмом? Мое подхождение к Штейнеру не меняет ли *трио*, которое возглавляло течение символизма¹, в дует? Я доказывал, что ничего не бросал из былого; и с книгами прежними своими согласен; подчеркивал связь символизма с конкретной практикой; практика эта теперь для меня — медитации, контемпляции²; и как подлинный символист, — В. Иванов со мной согласился; ведь сам он стремился к оккультному: в пору общения с Минцловой³, о которой мы с ним говорили теперь (что ее следов не было); и — говорили о Блоке; старался ему показать, сколько в Блоке естественного, стихийного знания; подступов к *знанию*⁴ (без осознания). Поговорили о том, как же быть с "*Мусагетом*"; и горько я жаловался на поведение Метнера; говорили, что не я отхожу от издательства, близкого мне; от меня ускользает издательство, систематически оскорбляя меня; В. Иванов тревожился, что формально порву с "*Мусагетом*"; он мне говорил, что тогда "*Мусагету*" — конец, ибо я — "*Мусагет*"; отвечал: это — фикция; это так думают; Метнер стесняет меня, развернуться нельзя мне; просил я вмешательства Иванова в судьбы издательства; он — дал согласие.

Дни пребывания Иванова в Базеле напоминали военный совет; наша комната мне казалась штабом, в котором подробнейшим образом обсуждались возможные судьбы для символизма в России: а в прочее время, — гуляли по Базелю; и провели в кабачке один вечер. Иванову очень хотелось познакомиться с Штейнером; и получить разрешение прослушать цикл лекций; я знал адрес Штейнера: на станции Ботниге-Мюле (под Базелем). В. Иванов решил завести свою карточку Штейнеру. Мы с ним поехали: были на Ботниге-Мюле; но Штейнер еще не приехал. Прощаясь,

Иванов просил разрешение от Штейнера: получать цикл лекций, печатаемый лишь для членов (впоследствии Штейнер не дал разрешения, сказав: "Я не думаю, чтоб господину Иванову были полезны теперь мои курсы")⁶.

Едва проводили Иванова, как мы стали повсюду встречать теософов; то близился съезд; появились и Эллис, и фрау Поольман-Мой; мы встречались, ежедневно; мы много бродили по городу с Эллисом; и — подводили итоги: былым годам жизни; припоминали и встречу — у Соловьевых, в 1901 году⁷, и мои воскресенья⁸, и среды у Астрова⁹; Эллис, как я, символист, стал теперь, как я, теософом; гадали о будущем; и удивлялись поведению Метнера.

Эллис же, братий, напоминал католического монаха; ходил в очень странной хламиде чернейшего цвета, до ужаса обрамляющей мертвенный цвет неживого лица его; он ходил, иль закинувши голову, иль ее свесив на грудь, на груди зажимая холодные пальцы холодными пальцами. И все прохожие останавливались невольно, шутукаясь, оборачивались на Эллиса; не впадал в прежний стиль он: и нет — не вертелся, как прежде, не пародировал; он старался себя заморозить; с какою-то утривованною медлительностью поворачивал голову, напоминая смертельно больного, который от быстрого жеста (движенья руки или корпуса) может скончаться; я видел, что это теперь его новая роль (он всегда был актером с собою); и он говорил, что для прежнего стал мертвецом; жить годами — не мочь агитировать, проповедовать, и устраивать курсов — то ужас для Эллиса; между тем: признавался теперь: Штейнер-де ему строго сказал: "Да, доктор Эллис, должно воздержаться вам в воплощении этом от всякой общности: уж вы лучше притихните". Он и старался притихнуть; отсюда-то: форсированная медлительность жестов; и — стиснутость пальцев; все клокотало в нем; клокотало такое безумное поклонение Штейнеру, что мне делалось страшно; я знал: все такие же поклонения в Эллисе после обертывались проклятиями по адресу тех, кому он поклонялся. Пугала ненависть, которую обнаруживал Эллис по отношению к очень многим из лиц, окружающих Штейнера. Штейнер казался неукротимому Эллису в это время каким-то Христом, окруженным Иудами; уровень общества он считал невозможным; мы видели с Асей, что может быть это и так, но не нам, новичкам, отдаваться той критике, на которую по существу не имели мы права; ведь в судьбах движения, насчитывающего тысячи членов, конечно же средний уровень должен был быть относительно низок; значение движения — в единицах; и "единицы" в движении — были; и стало быть: не по глупейшим наивнейшим и несноснейшим "теткам" судить о движении; зная Эллиса, я боялся, что он вознамерится около Штейнера предпринять фантастический свой крестовый поход, какой он раз предпринял из "Весов", защищая позицию Брюсова; очень мне помнились крайности нашей весовой полемики, расколовшей течение русского символизма¹⁰, так ряд возмутительных фактов, рассказанных Эллисом мне и касающихся теософов, в моем представлении относился скорее к пылавшей фантазии Эллиса, к ревности Эллиса по отношению ко всякому (кроме нас с Поольман-Мой) из подходящих движению Штейнера. Но меня удивляло одно: как такая глубокая оккультистка, как Поольман, не видела гнева Эллиса; руководимая счетами с главарями движения, на которых она обижалась, она бессознательно разжигала пылавшие страсти в моем бедном друге. Я видел тенденцию Эллиса: объявить наш кружок — кружком избранных. Все это не нравилось, очень не нравилось мне; я старался умерить гнев Эллиса; он — утомлял; вместе с тем: был один он мне близок здесь: прочие относились ко мне внешним образом; был — новичок; "ученик", герр Бугаев, окончивший разве что прогимназию: существо состояния моего было явно для всех непонятно, теперь редко виделся с Штейнером; стало быть: все влекло меня — к Эллису.

Курс открылся — блистательно; съехались до шестисот членов Общества; среди русских тут были: К. Н. Васильева¹¹, Ильина¹² и Трапезников, и Сабашникова, Недович¹³, Страден¹⁴, Костычева¹⁵; в курсе, читанном в Мюнхене, Штейнер касался проблем тренировки сознания и медитации; лейтмотив лекции в Базеле — Евангелие от Марка: на фоне истории; грандиознейшие картины культур проходили пред взорами; десять дней жил лишь тем, что пред взорами ставил нам Штейнер; концепция Евангелия от Марка — открылась впервые; ряд текстов звучал — по-новому, по-новому; в промежутке меж лекциями Штейнер принял опять до двухсот с лишним лиц (между прочим и нас)¹⁶.

И уже вот отгремел Базель нам; и — опять: утомление сказалось. В тумане мелькнули супруги Дестрз, возаращавшиеся из Италии — в Брюссель. Мне помнится: Жюль Дестрз очень много расспрашивал Асю о Штейнере.

Мы решили поехать на месяц к горам: в Фичнау, ютящемся на берегу Фирвальдштедского озера, чтобы оттуда вернуться под Штутгарт, куда переехал и Эллис, и Поольман; а в конце ноября должны были мы ехать на серию лекций, предполагавшихся в Мюнхене¹⁷.

Стался туманом октябрь. Фирвальдштедское озеро было свинцовое; были свинцовы черنو-серые тучи над ним; проживали мы в комнате, окнами выходящей на озеро, — с малой терраской, висевшей под ливнями: прямо над водами; верх гребенчатый причудливых гор был, как срезан, — прежмурую мглою; и было так строго и тихо; и время наполнилось снова духовной работой. Мы много успели. Бывало: сижу за столом; за другим столом — Ася: кругом — веера из листов перечерченной схемами белой бумаги (отчеты для Штейнера); как-то особенно мне в эти дни говорил "Заратустра". Писал я статью "Круговое движение"¹⁸, и переписывался с Москвою (нерастаю). Кроме курсов и книжечек Штейнера, мы ничего не читали; и — отдавались медитациям (вечером, утром, среди дня); и продумывали получаемый в медитациях опыт; Фичнау было — кельей, значительно углубляющей отношение к науке, теперь ставшей жизнью; подстегиваемые насмешками из Москвы, мы, быть может, форсировали отношение к упражнениям.

Да, и — конкретно переживали переплавленные способностей; лозунг мой старого времени ("человек должен стать своей собственной творимой формой"¹⁹) стал мне конкретен, себя ощущал потрясаемый электрической силой познания, пронизавшего, — кровь, дыхание, мускулы; и — изменялись ритмы дыхания, ритмы пульсации; все обычные мысли — не производят на мыслящего впечатления электрических токов; а медитацией укрепленные мысли — слагали в мозгу впечатление действительной силы, скопленной шаровидно пустотой; в месте мозга — не ощущал мозга я: были пульсы себя изживающих, плоть пронизающих мыслей, голова мне казалась ледяной банкой, откуда мне в сердце и в руки влучался молнии; чувствовал сердце: оно получало удар электрической силы (от головы); надувало оно, точно шар; надувалось; и — выдувалось из тела, которое ощущал я теперь, точно в сфере раздутого сердца, переживаемого, как... эфирное колесо сил, вращаемых световыми лучами — в безмерность; два центра вращения оживало во мне; один центр возникал меж бровей; ось вращения другого я чувствовал — посередине груди; понимал: это — лотосы (двух-лепестковый, которого центр — голова, и двенадцати-лепестковый, которого центр — наше сердце), иль органы восприятия астрального мира; в те миги все костности тела стремительно плавилась; не было тяжести тела: представьте себе, что утратили вы впечатление инерции, иль равновесия сил; и ощущаете тело вы линиями силовыми, раскурчиваемыми в бесконечность: из центра сердца; неравновесие силовых, клокогавших фонтанов пугало меня; и пространственный очерк мой превращался мне в косточку огромного и сочного плода, мучительно вызреваю-

щего из вселенной; так я ощущал себя вовсе вне кожи: сплошным мировым великаном, которого голова упирается в купол неба, а ноги — вросли в центр земли; в середине же сердца у этого великана стоит человек (пигмей) или — обычное ощущение тела, обвесаемое ощущением необычного распростертого в космосе тела, пульсирующего себя сознающими ритмами, из которых я должен сложить гармонический звучный аккорд. Вне сложения этого — переживал я испуга:

О страшных песен сих не пой:
Под ними хаос шевелится³⁰.

Переживал расширение тела я так, будто в теле обычном, как в доме, открылись трещины, дыры, которыми просквозила мне бездна:

Открылась бездна: звезд полна.
Звездам числа нет: бездне дна³¹.

Звезды — вспыхи огней — переживались теперь в темноте совершенно реально; в звездистом, роящемся морозе глаз — для меня привидения не было; были же — физиологические соответствия переживаниям медитативным, или звездам узнания бездны космической; переживания тела, как космоса — переживания пробуждающегося эфирного тела, обычно в нас спящего: искры, звездистая канитель (точно елочная) — от увеличения угольной кислоты в моей крови скопляемой; перемену двигательных ритмов; перемена — от морального переживания мысли в медитативных часах.

Мелькающие световые фигурки, переживание электричества из головы — по тончайшим, как иглы елочки, нервам — реальные символы: они — внешние соответствия внутренним образам; я следил, как слагалась под глазами из блесков — фигура, переходящая в моральное состояние сознания, растворяемая в переживаемую безобразность теплоты или холода, углубленнейшие мысли-чувствия вспыхивали под глазами — фигурами; скоро узнал, что то — образы физических органов, созерцаемых из эфирного тела.

Естественно: медитации мне вrostали — в дыхание, в кровь, корост тела, как лед, покрывающий реку, под действием теплоты, во мне — вздрагивал: переживалась боязнь, что, вот, — тронется лед: и — сломается, искрошится; переживал свое тело порою раскромсанным: в том углу — голова; руки в этом; нога — на балконе.

И ощущение опасности, разрушения, смерти, — подкрадывалось первыми испытаниями на пути очищения.

И стал чувствовать я, что от мяса несет трупным запахом; мне было так противно оно; скоро стал я естественно вегетарианцем (вино бросил с Мюнхена).

Выходили порою — на озеро; и бродили в октябрьском тумане по горным уступам; и выселись деревянно резные дома; перезванивались отроги гор звонкими колокольцами; и мычали коровы; деревья карабкались вверх; и — истаявали в серо-черном тумане, в порывистом вое ветров; мы сидели на камне — у трещины ущелья; заламывались над головами крутейшие очерчания каменно-творимого космоса: одиноко и строго.

И Фицнау остался в сознании местом, где я впервые почувствовал: расширение в космосе; и трепет эфирного тела в себе; и разверстую бездну, и — трещины в восприятиях прежнего; и — близость смерти.

Меж тем — писал Эллис: и звал — в Дагерлох, около Штутгарта; звала: Поольман-Мой; в первых числах ноябрьских — поехали к ним.

Поселились в прелестнейшей местности, среди вилл, расположенных в роще над Штутгартом, по соседству от Поольман; в той вилле жил Эллис; запомнились наши сиденья втроем; четвером; разговоры за часом; запомнилась мне и Поольман, высокая, тонкая как оса, с интересным лицом, с ослепительными серо-синими, кристальными глазами и с черными волосами, — в чернеющей тунике, в черной столе с крестом на груди, обрамленным пунцовыми розами; Эллис же в мягкой хламиде, со скрещенными руками, с застывшим и бледно-зеленым лицом — мне запомнился тоже. Я должен сказать: было больно увидеть душевное состояние его, доведенное до болезни; Поольман вступала его в передраги и сплетни, гулявшие в обществе; Эллис ряд лиц, занимавших в движении видную роль, собирались теперь колотить; видел — себя отрезал от возможности жить общей жизнью движения он; то же — Поольман; в ней действовало оскорбленное самолюбие; я удивлялся: адептка (одна из талантливейших по достижениям) — высказывает столько гордости, инспирируя Эллиса; в Эллисе стал подмечать я какие-то ноты протеста по отношению к Штейнеру; недостаточное уважение заслуг Поольман-Мой его страшно бесило: она — подстрекала его. Знал я: Штейнер не станет входить во все мелочи сплетен; и тем самым отдалится от Поольман, которая выйдет из общества; с нею и Эллис (оно так и случилось).

Читали мы с Эллисом Блока ("Ночные часы")²²; раз прочтя "Мать Божию, утлы мои печали"²³ — заплакал он.

В ноябре четвером мы поехали в Мюнхен²⁴; и слушали лекции Штейнера, — были у Штейнера, спрашивая, где нам жить; он просил нас приехать в Берлин; взял с собой дневники наши, писанные в Фицнау и в Дагерлохе.

Мы в Мюнхене познакомились с симпатичнейшим теософом, впоследствии издателем переводов Владимира Соловьева на немецкий язык: то был граф Лерхенфельд²⁵.

Проездом в Берлин остановились мы в Нюренберге.

Поселился на углу Лютерштрассе (как раз против "Скала"²⁶) в Берлине — за три-четыре дома от канцелярии общества и от квартиры Р. Штейнера (Мощтр(ассе), 17); ходили сюда — или к д-ру Штейнеру, или к Сиверс, выказывавшей доброе внимание нам; днями дома сидели (я стал переделывать пять мной написанных глав "Петербурга"); мы бывали лишь на Гейсбергштрассе, где помещалась берлинская ложа; бывали в "Архитектенхауз"²⁷, где читывал Штейнер публичные лекции (раз в две недели); изредка по субботам мы хаживали в "Гедехнискерхе"²⁸ — слушать орган, да навещали Т. А. Бергенгрюн (теософку), сестру Е. А. Бальмонт²⁹; вот все наши выходы.

Еженедельно читал Рудольф Штейнер нам лекцию курса, который, по-моему, можно было озаглавить: "*Переживания "я" между смертью и новым рождением*"³⁰. Анализом переживаний посмертных меня привлекал и захватывал курс. Приглядываясь к Рудольфу Штейнеру, я поражался неутомимостью этого человека; читал он по вторникам, и в "Архитектенхауз" по средам — раз в две недели. А в прочие дни разъезжал и читал он повсюду: во вторник он отчитает в Берлине, а в среду читает уже, скажем, в Гамбурге, в пятницу — в Дюссельдорфе, в субботу — в Ганновере; так — всю неделю.

То время отметилось бурными заседаниями, посвященными разбору обостренных отношений с Безант (германская фракция теософского общества откалывалась от центра). Антропософское общество продолжало слагаться: вступили в него в январе 1913 года³¹.

Повторялись мои потрясавшие состояния сознания, связанные с работой: себя ощущая "вне себя" завершились событием, разразившимся надо мной как громом

вый удар; о событиях этом писать не могу; совещался со Штейнером я; он — меня успокоил, сказав: *все в порядке вещей*; с той поры укрепилось знание, что душа существует *вне тела*, что смерть — не конец.

На рождестве — были в Кельне; читал Штейнер курс: "*Бхагават-Гита и послания апостола Павла*"³³; там же встретились с Эллисом и с фрау Поольман-Мой; они продолжали будировать; к февралю был в Берлине съезд членов: и было открытие антропософского общества³²; восемь-девять дней длился он; обсуждали дела и выслушивали доклады, курс Штейнера. Заседания начинались с утра и оканчивались в одиннадцать вечера: *Architek tenhaus* снят был на все это время; здесь длились речи, доклады; я познакомился с некоторыми лекторами: с М. Бауэром и с д-ром Унгером; Бауэр меня порашил углубленностью; и — всем видом своим. Он зажил во мне мастером Экхартом нашего времени³⁴; помню доклад Аронсона³⁵ (из Штутгарта) о заповедях Моисея; и серьезный доклад антропософа бреславльского по фамилии, кажется, что — Деглау³⁶; о механических представлениях Ньютона. Доклады произвели очень бодрое впечатление; в нашем обществе были культурные силы; всего более захватил курс "*Мистерии Востока и Запада*"³⁷; читал его Штейнер. Незабываемым впечатлением прозвучала мне речь его "*О сущности антропософии*"³⁸; ею открылось антропософское общество. Считаю необходимым ее содержание передать. София — духовное существо (в гностицизме раскрыта идея Софии); София есть Муза философов; мудрецу был открыт Ее лик. Но развитие философии подменило Софию в абстрактные представления; Лик Ее — скрылся; она постепенно ссыхалась в рассудочной логике современных философов; прежде была она милой Софией. И в Данте отчетливо жив ее лик; так: в сонете, который поэт посвятил философии³⁹, говорится, что Лик философии блещет лазурными взорами и что сладко дыхание уст философии. Под философией Данте разумел лик Софии, Премудрости; эта София свернулась в понятие познания после: так философия Запада — сохлась; и кризис ее — налицо; философия отжила свое время; но близится новое время, когда лик Софии — откроется: он — открывается: милой "Софией" становится снова она, опускаясь во все существо человека (не в голову только); духовная встреча с Софией окончится соединением человека с Софией; соединение это новое — в Антропософии скоро раскроется.

Вставали слова Соловьева:

Знайте же, Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет⁴⁰.

И вставало учение Соловьева; вставали мечты нашей юности, "зори"⁴¹, которые были утрачены в более поздних годах; вызывал эти зори теперь тот, кто относительно до сих пор о Софии молчал, про которого многие русские, вероятно, сказали бы: "*Что может высказать этот немец о нам восходившей заре?*" Но сказал он то именно, что сказал прежде Блок:

Предчувствую Тебя, года проходят мимо.
Все в облике одном предчувствую Тебя⁴².

Не видал никогда еще Штейнера я таким радостным, бодрым, сияющим, как в этот вечер; лицом, розовеющим атмосферой духовной зари с очень быстрыми непроизвольно-изысканными жестами — руки протягивал он пред собою — Софии, "зарю" ("*Тайно тревожна и тайно любима — дева, заря, купина*"⁴³...); и та самая, розово-золотая, душистая атмосфера, которой обвеян был некогда Блок, — атмо-

сфера провела мне от слов Штейнера; то, что мы юноши, без *духовного* знания волили некогда сердцем, — то мудро теперь отзывалось ответом духовной науки; я был потрясен; Блок писал:

И близко появленье

Но страшно мне: изменишь облик Ты⁴⁴...

И претерпели мы некогда изменение облика.

Встреча с А. А. в ресторанчике⁴⁴ мне выявила растерянный облик его: обманули весенние зовы; сказали 6 книг; Блок — пал; отошел от Нее; мне же, через 10 лет после угасшей зари, прозвучал ожиданием розовый воздух: в Берлине.

За год до кончины своей признавался А. А.: зори 1900—1901 годов были подлинно — зорями; он их не понял-де; непонятны ему и стихи его того времени; но — "Прекрасная Дама" познанию моему теперь стала внятна. Мне берлинская лекция Штейнера приоткрывала завесы над мыслями некогда сфантазированного "Lara"⁴⁴; возвращала по-новому мне и задания Владимира Соловьева; и "*секта блокковцев*", бывшая некогда в 1902 году, мне казалась рудиментами возникавшего "*Антропософского общества*"; течение Штейнера переключалось в иных сторонах с философией Соловьева: "*Собрание сочинений Владимира Соловьева*" в старательном переводе фрау фон Вакано⁴⁷ печатается антропософским издательством "Der Kommende Tag" (четыре тома уже вышли). Я думал в то время, что если бы вновь засветила "заря", в ней бы не было прежних красок: угасшей зари; но *заря восходящая* вспыхнула прежним светом, освещенным новыми светями. Помню: смотрел я на Штейнера, легкого, ясного, овеваемого розово-золотой атмосферой собственных слов; благодарною радостью билось сердце; увидел среди рядов стульев я М. В. Сабашнякову, переживавшую "зори" 1900—1901 годов как и мы: пошел поделиться с ней радостью:

— Что же это, Маргарита Васильевна, что же это такое?

И она, возбужденная, радостно мне улыбнулась:

— А?

— Да.

— Грустно и больно одно: те, кому надо бы это услышать, — отсутствуют: нет Иванова, Блока, — сказала М. В.

— Зори русского символизма — понятны теперь; и все то, чем когда-то взволнованы были, — не ложно.

— Те, кто слушал, — не понимают реальности прожитого; те, что переживали "зарю", — их судьба увела от возможности быть среди нас. Но хотелось бы крикнуть отсюда им: "Да".

— И не скажешь...

С той лекции стал окрыленным и легким я; я окрыленно носился по улицам Берлина: весна; ярче, радостней переливалось солнце, увеличился день; и зори нежнее цветились; охватывала розово-золотая волна; и сквозь гудки "*авто*" точно слышался голос:

— Иду к вам.

Переживались порывы сияющей нежности к миру и к людям, к движению нашему; ласково доктор поглядывал; знал: он один понимает без слов; говорить с ним об "*этом*" нельзя; говорили с ним о технике медитаций монах: не об *этом*: тональность же моего отношения к Антропософия сожлекалась со строками:

Я укрыт до времени в приделе,
Не растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.
.....
Новый щит я подниму для встречи.
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь⁴⁸.

А. Блок.

Оттого и впоследствии я написал обращение к Антропософии: тема Антропософии в нем переключилась с темой Блока:

Слепую мглу бунтующей стихии —
Преобрази.
Влекут меня Твои, Христософия,
Твои стези.
Ты снилась мне, смейся, когда-то, где-то,
Сестра моя.
Люблю Тебя... Ты — персикова цвета
Цветущая заря.
.....
Пусть сердце, обезумевшая птица,
В немой мольбе,
Взрывая грудь, как легкая зарница,
Летит — к Тебе.

Стихотворение выражает порыв, охвативший меня; я почувствовал точно влюбленным в себя: в Антропософию, в наше течение; близкие к Штейнеру люди казались особенно близкими; переживал я движение, как организм ее силы и света:

Я обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз.
Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети:
Не бойтесь нас.
Проснулись мы, но для земли погасли,
Мы — тихий стих.
Мы — образуем солнечные ясли.
Младенец в них⁴⁹.

"Мы" — работники Духа; "ребенок" же — импульс Христов, в нас рождаемый.

С озарением шел я бывало по вторникам в закрытое помещение общества, приютившееся возле купола электрической станции (дом этот ныне сломан, разобран: пустой там забор; прохода по ночам мимо этого места, теперь останавливаюсь: перед обломками прекрасного прошлого берлинской весны, печально смотрю на обломки: мне кажется: тот, кто стоит — здесь шел по пути; звуки песни встанут: "Still ist die Nacht... Erruhen die gassen"⁵⁰;

В эту пору душою был с Блоком; с ним часто беседовал я стихами его; может быть, и писал (но не помню): когда бы и писал, вероятно не мог бы я выразить собою

доли того, что в душе протекло; пережил себя рыцарем "дамы"; он был уж не тот: был он автором "*Страшного мира*"⁵¹.

В то время писал мне А. А.: о простом, деловом. Он стал близок с Терещенко⁵² (и с сестрой его), кажется, это знакомство уже завязалось с Пасхи и вызвало литературное дело: издательство "Сирия"; А. А. очень помнил, что я — за границей, что книги мои разошлись; он напомнил Терещенко, что не мешало бы издать меня; говорили мы с ним об издании: "Путевых заметок", "Симфоний"⁵³, теперь же в письме ко мне Блока шла речь о покупке еще не оконченного "Петербурга" (которого частью запродавал Некрасову)⁵⁴, для проведения его через сборники "Сирина"; если бы состоялась продажа романа, я мог бы безбедно прожить года два за границей; А. А. торопился поскорей выслать рукопись. Выслал; и — ожидал я решения "Сирина"; проживались последние деньги; тяжелое близилось время: все бросить и ехать в Россию за отысканием средств; мы же стремились в Голландию, в Гаагу, где Штейнер читал: "*О воздействии духовной работы на тело*"⁵⁵; курс был очень нужен; достали билеты на лекции; но все складывалось таким образом, что должны были ехать к С. Н. Кампиони, под Луцк⁵⁶; от принятия "Сирином" рукописи — все менялось.

Голландия, или — Луцк? Ждали мы телеграммы; ее же все не было. И свобода всей жизни повисла на волоске: в редакционной коллегии "Сирина" (куда входили Терещенки, Блок и Иванов-Разумник⁵⁷) решительно разделился голоса: знаю — подлинно, что Терещенко и сестре его мой роман не понравился; против него они высказались; тогда Блок горячо и настойчиво встал на защиту романа: настаивал на проведении его в "Сирии"; он проявил всю активность свою, на которую был он способен; настаивал, чтобы роман "Петербург" принят был в альманахи; подробности этого инцидента передавал мне Иванов-Разумник, отстававший, как и А. А., мой роман: несогласие редакционной коллегии по вопросу "Петербурга" — тянулось. А я лихорадочно своей участи ожидал: утекали последние деньги; занять — у кого? Оставался средства лишь на покупку билетов до Луцка; и — пролетала Голландия; и — нужный ведь, очень же нужный, нам курс; нарушалась работа у Штейнера, и лишались — необходимейших указаний его; мы пошли к нему; принял нас ласково; что же делать? Придется уехать: но пусть же и мы не печалимся; мы — вернемся; решили скорее отбыть в Боголюбь; поставили вещи в Берлине на склад (залогом необходимого возвращения в Берлин); уложились; купили билеты; и вдруг — телеграмма от Блока: роман — принят; принятие означало для нас — получение ежемесячного аванса по 300 рублей (на протяжении ряда месяцев); могли быть в Голландии, но — решили мы: провести это лето в деревне; и — съездить в начале июня на курс — в Гельсингфорс, чтобы к августу, к Мюнхенской постановке мистерий, надолго вернуться⁵⁸, к движению нашему.

Здесь ставлю я точку: мне известно — здесь совершенно отчетливо рассекает черта мою жизнь; здесь же должен, конечно, окончатся и том второй моих странствий по времени; сумерки, все еще затемнявшие путь моей жизни, на краткий период сменяются светом — слепительным: с того света и должен открыться "Том третий"⁵⁹. До лета 1913 года — одно; после этого лета — другое: меняются восприятия жизни; и кажется, что я вступил на действительный путь посвящения: ломается линия жизни; отчетливо мне углубляются отношения с Асей; уже не события литературно-общественной жизни меня занимают — события личные; но с другой стороны: до слепительной осени 1913 года живу я Россией; а с осени этого года проблемы всечеловечества переполняют меня; вся Европа становится родиной; кажется мне, — я не русский уже. В ноте "я" сочетаюсь с "я" человечества: опознаю проплетенность конкретнейших переживаний моей биографии с громкими судьбами

нового человека в Истории; парадоксальное пересечение во мне на краткое время, становится молнией грозы мировой; гром той молнии — война; "Третий том" мой — война, вытекающая из огромного расширения сознания: война с предрассудками рода и быта во имя рожденья нового человека, которого назначение — осуществить в мире мороков братство народов.

От пути посвящения через мировую войну к революции перегоняет меня третий том. Том второй, это — сумерки.

Андрей Белый. 1922—1923 гг.

Декабрь—Январь.

Подготовка текста и комментарии *М. Л. Спивак*

Публикуемые материалы являются фрагментом первой, так называемой, "берлинской" редакции "Начала века", знаменитого автобиографического сочинения Андрея Белого о себе, своих современниках и эпохе символизма в целом. Замысел этих мемуаров возник в 1922 г., во время пребывания писателя в Германии — в процессе его работы над "Воспоминаниями о Блоке". В "берлинской" редакции "Начала века" Белый расширил "Воспоминания о Блоке" и, в частности, дополнил их рассказом о своем приобщении к антропософии. "В течение декабря 1922 г. и первой половины 1923 г. Белый написал для изд(ательства) "Эпоха" три тома "Начала века" объемом в 70—75 печатных листов, совершенно переработав и втрое увеличив первые четыре главы "Воспоминаний о Блоке". (...) Вся переработка пошла в сторону витяжных воспоминаний (...) Первый том отображал эпоху раннего символизма, второй — 1905—1908 гг., третий — 1908—1912 гг. Намечались еще два тома (...) Но, вследствие ликвидации изд(ательства) "Эпоха", весь материал остался ненапечатанным, и у Белого, уехавшего осенью 1923 г. в Россию, не сохранилось ни гранки, ни рукописи первого тома. Пропала и половина второго тома, и в архиве имеются лишь вторая половина второго тома и целиком третий том", — сообщает в обзоре литературного наследия писателя (*Бугаева К. Н., Петровский А. С., Пинес Д. М.*). Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27—28. М., 1937. С. 614—615). Об издании "берлинской" редакции мемуаров "после возвращения Белого на родину в октябре 1923 г. вопрос даже не поднимался: литературная ситуация, определявшаяся в ту пору, решительным образом не благоприятствовала появлению подобных книг" (*Лавров А. В.* Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 16). Однако еще в 1923—1924 гг. небольшие отрывки из "берлинской" редакции воспоминаний писатель успел поместить в периодике.

В последнее время появились в печати еще несколько фрагментов (*Белый Андрей*. Из воспоминаний о русских философах / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1992. Вып. 9. С. 326—351. См. в предисловии Дж. Мальмстада об истории "берлинской" редакции "Начала века"). Ниже публикуются четыре главы "берлинской" редакции "Начала века", посвященные теме "Белый и Штейнер". Три из них ("Бельгия"; "Переходное время"; "У Штейнера" под заглавием "Из воспоминаний") были с небольшими сокращениями напечатаны в берлинском журнале "Беседа" (1923. № 2. С. 83—127); четвертая ("Базель—Фицнау—Штутгарт—Берлин") публикуется впервые. Текст печатается по машинописи, поступившей на хранение в "Мемориальную квартиру Андрея Белого" из семейного архива К. Н. Бугаевой, второй жены писателя.

Авторская пунктуация сохранена, исправлены очевидные опечатки и описки. Благодарю за конструктивную помощь в работе над комментариями С. В. Казачкова. Работа выполнена при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 512/1999.

• • •

Предлагаемый фрагмент мемуаров охватывает небольшой временной отрезок — с апреля 1912 по февраль 1913 г. Именно к этому периоду в жизни Белого относятся события, определившие его дальнейшую судьбу. Прежде всего — произо-

шедшая 7 мая в Кельне встреча писателя с одним из крупнейших мистиков 20 столетия, с Рудольфом Штейнером, создателем "духовной науки", антропософии.

С 1902 по 1913 г. Р. Штейнер возглавлял немецкое отделение Теософского общества. В 1913 г. в результате серьезных идейных разногласий с ортодоксальной теософией Штейнер и его последователи организовали свое общество — антропософское. Публикуемые воспоминания относятся к теософскому периоду в развитии штейнерианства.

Об обстоятельствах, сопутствующих "судьбоносной" встрече Белого с "учителем", и о неизгладимом впечатлении, произведенном на него Штейнером, подробно рассказывает в многочисленных письмах Белого к А. Д. Бугасовой, М. К. Морозовой, А. А. Блоку и мн. др. Судя по этим письмам, отправленным "по горячим следам", события 1912 г. отражены в мемуарах 1922 г. весьма точно. Но тем не менее можно сделать и ряд дополнений.

В художественной концепции воспоминаний особое значение придается мистическим обстоятельствам встречи, усиленно подчеркивается роль чудесного случая, внезапно сведшего с будущим учителем: "брюссельские феномены", заставившие подумать о Штейнере (таинственные знакомцы, сны и т. п.), письмо из Москвы с указанием, где находится Штейнер, русскоязычная помощница Штейнера... Белому-художнику важно показать, что к Штейнеру его привели таинственные, иррациональные силы.

Однако встреча Белого со Штейнером была более продумана и подготовлена, чем это показано в мемуарах. В письме к М. К. Морозовой (1-я декада сентября 1912 г.) сообщается, что решение увидеться со Штейнером было принято Белым и его первой женой Анной Алексеевной Тургеневой (1890—1966) еще до отъезда в Брюссель: "Уезжая за границу, я знал, что нам с Асей пришло время искать реального пути (...) из всех людей, к кому я мог обратиться так, как мог бы обратиться к старцу, был Штейнер; но я не знал, что такое Штейнер. Мы с Асей, уезжая, уже решали на обратном пути побывать у него" (*Мальстад Джс.* Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера. Письма Андрея Белого А. Д. Бугасовой и М. К. Морозовой // НЛЮ. 1994. № 9. С. 129). Такое желание было вполне закономерным. К 1912 г. восторженными почитателями и активными пропагандистами Штейнера уже стали многие близкие друзья писателя — прежде всего Эллис, А. С. Петровский, Б. П. Григоров, М. И. Сизов и другие, а при издательстве "Muscaget" работал организованный ими кружок по изучению трудов Штейнера. *Fedjuschin V. B. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität. Theosophie, Anthroposophie und die Russen. Schaffhausen, 1988. S. 99—100.* Идея Штейнера распространялась и в кругу русских теософов, с которыми Белый также был в дружеских отношениях. "В Москве (...) имя Штейнера вошло в обиход, им интересовались в религиозно-философском обществе, в научных и литературных кругах, среди молодежи (...) Часть этой молодежи занималась у Белого по ритмике (...) Эллис распространял по Москве, как оккультные сенсации, сведения, выхваченные из закрытых циклов лекций Штейнера" (*Тургенева А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке / Сост. В. Крейд. М., 1993. С. 207), — вспоминала А. А. Тургенева.

Белый, издавна питавший склонность и интерес к различным мистическим учениям, не мог не обратить внимание на новое явление. Вполне естественно, что он захотел прислушаться к авторитетным мнениям и последовать примеру своих друзей. Отнюдь не случайно, а по просьбе Белого был прислан ему адрес Штейнера: "<...> мы почему-то на всякий случай написали в Москву А. С. Петровскому узнать,

где Штейнер летом в Германии, чтобы, возвращаясь в Россию, прослушать его публичную лекцию" (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Н. Орлова. М., 1940. С. 296 (Письмо от 1/14 мая 1912 г.).

И, наконец, вовсе не столь неожиданной, как показано в воспоминаниях, оказалась его встреча с М. Я. Сиверс, сподвижницей, секретарем и будущей женой Штейнера. Мария Яковлевна Сиверс (1867—1948) происходила из семьи балтийских немцев, училась в Петербурге, знала русский язык, дружила с многими русскими теософами и, по-видимому, вообще оказывала содействие тем, кто приезжал из России. Безусловно, Белый и А. А. Тургенева предполагали, что именно Сиверс может им помочь в организации встречи со Штейнером, и потому заготовили к ней письмо. Об этом письмо Белый не говорит в мемуарах, но упоминает в послании к А. А. Блоку: "Разыскиваем поезд, звонимся (...) Мнемся, передаем письмо. К нам выходит стареющая дама и говорит на чистом русском языке (...) Оказывается русской М. Я. Сиверс, секретаршею доктора, много лет безотлучно находящейся при нем" (там же. С. 298). С короткого письма, врученного М. Я. Сиверс 6 мая 1912 г., собственно говоря, и началась непосредственная связь Белого с антропософией. Оно сохранилось в Дорнахе, в архиве "Rudolf Steiner Nachlassverwaltung":

"Глубокоуважаемая Мария Яковлевна,
не удивитесь моему письму.

Я Вас давно знаю через многих общих знакомых (А. Р. Минцлову, М. В. Волошину, К. П. Христофорову); знаю и по письмам моего друга Эллиса. Поэтому прямо и обращаюсь к Вам с убедительной просьбой передать Доктору наше горячее желание его видеть (мое и жены). Видеть и говорить с Доктором мне надо уже около года; потребность эта стала ныне *необходимостью*. Будучи в Брюсселе, мы с женой через Москву навели справки, где Доктор. Третьего дня от А. С. Петровского, из Москвы, я получил известие, что Доктор от 6 до 8-го в Кельне. И вот мы приехали из Брюсселя сюда.

Восьмого утром надо уже нам уезжать. Боясь беспокоить Доктора, я через Вас прошу Доктора назначить с женой нам свидание сегодня, а если нельзя, то завтра. Вместе с тем, мы просим разрешения посетить лекции Доктора сегодня и завтра.

Еще раз простите за беспокойство: но, право, мне и жене нужно узнать от Доктора *нечто*, от чего зависит наше будущее. Только *действительная необходимость говорить с Доктором* заставляла нас приехать.

Примите уверения в глубоком уважении.

Андрей Белый (Борис Бугаев) <...>"

(См.: *Спивак М. Л.* Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 44—68.)

Во врученном Сиверс послании Белый называет лиц, хорошо известных в теософской среде. Одной из первых русских учениц Штейнера стала А. Р. Минцлова, с 1905 г. примкнула к штейнерианцам М. В. Сабашникова (Волошина), с 1910 г. — Эллис. Подругой М. Я. Сиверс была и К. П. Христофорова, в теософском салоне которой бывал Белый. Именно от К. П. Христофоровой получил в свое время Белый фотографию Р. Штейнера. Об этом позже вспоминала Ася Тургенева: "Вот посмотрите, — говорил он, — я вчера получил эту фотографию от теософки Клеопатры Петровны Христофоровой. Это немецкий ученый, он утверждает, что можно научным путем подойти к духовному миру" (*Тургенева А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке. С. 205—206).

Упомянув в письме о знакомстве с основными представителями русского штейнерианства, Белый пользовался их именами как своего рода рекомендациями, причем рекомендациями весьма авторитетными. Поэтому Сиверс отвелась к посетителям не просто как к любопытствующим или жаждущим откровения, а как к "своим". Белый сообщал Блоку, что после прочтения его письма Сиверс вышла со словами: «"Вы — к доктору? Вы из того московского кружка, который" и т. д.» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 298 (Письмо от 1/14 мая 1912 г.)). Может быть, Сиверс имела в виду кружок К. П. Христофоровой, с которой, по-видимому, Белый обсуждал и планировал посещение Штейнера. Не случайно по возвращении в Брюссель писатель попросил свою мать А. Д. Бугаеву с ней связаться: "<...> передай наш привет Христофоровой и скажи ей, как восхитителен нас Доктор" (Письмо к А. Д. Бугаевой от 5/18 мая 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 117). Не исключено, впрочем, что под "московским кружком" подразумевался кружок по изучению книг и лекций Штейнера, работавший при издательстве "Musaet". Как бы то ни было, но скорее всего именно связь Белого с московскими теософами-штейнерианцами и стала для него "пропуском" на закрытые заседания "логи". Следует также уточнить, что в Кельне Белый прослушал не две лекции Штейнера, как говорится в мемуарах, а три — две "интимных" (6 и 7 мая), одну публичную (6 мая: "Христос и XX век"): "В Кельне мы прожили три дня, слышали три лекции" (там же. С. 117).

После встречи в Кельне Белый начинает ездить за Штейнером по Европе, слушая его курсы лекций и занимаясь под руководством учителя практикой оккультных упражнений. Полученный в первые месяцы ученичества эзотерический опыт он пытается передать в этих мемуарах. Белый доводит повествование до момента своего официального вступления в новообразованное антропософское общество. С этого начинается новый этап в жизни писателя — жизнь за границей, жизнь в антропософии. Годы 1912—1916, проведенные "при Штейнере", он собирался осветить в следующем томе мемуаров "Начала века", но замысел этот не был осуществлен.

Бельгия

¹ М. В. С. — Маргарита Васильевна Сабашникова (1882—1973) — художница, первая жена М. А. Волошина, с 1905 г. — последовательница Штейнера. См.: *Волошина М. (М. В. Сабашникова)*. Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993 (примеч. С. В. Казачкова, Т. Л. Стрижак). А. С. П. — Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — литератор символистского круга, переводчик, сотрудник издательства "Musaet", работал в Румянцевском музее, ближайший друг и единомышленник Белого со студенческих лет. М. И. С. — Михаил Иванович Сизов (1884—1956) — физиолог, переводчик, критик, сотрудник издательства "Musaet", друг Белого с юношеских лет. В письме к матери от 5/8 мая 1912 г. Белый характеризует Петровского и Сизова как "завязятых штейнерьянцев", устроивших в Москве "штейнеровский кружок" (Н Л О. 1994. № 9. С. 118). В этот кружок, собиравшийся при издательстве "Musaet", в 1911 г. входили также Сабашникова, Белый, А. А. Тургенева и др. См.: *Fedjuschin V. B. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität. Theosophie, Anthroposophie und die Russen*. S. 99—100.

² Эллис (Лев Львович Кобылинский; 1870—1947) — поэт, критик, теоретик символизма, друг и единомышленник Белого со студенческих лет; он уже в 1910 г. активно пропагандировал в России идеи Р. Штейнера, в 1911 г. он отправился

к Штейнеру в Германию, стал его учеником и в Россию больше не вернулся. Однако это увлечение Эллиса длилось недолго. Уже в 1912 г. начинаются сомнения и разочарования, завершившиеся в 1913 — 1914 гг. скандальным разрывом Эллиса со Штейнером и антропософией. См.: Rizzi D. Эллис и Штейнер // *Europa Orientalis*. 14 (1995):2. P. 281—294; *Виллих Х.* Эллис и Штейнер / Пер. М. Безродного // *НЛО*. 1994. № 9. С. 182—191; *Виллих Х.* Л. Л. Кобылинский-Эллис и антропософское учение Рудольфа Штейнера (К постановке проблемы) // *Серебряный век русской литературы. Проблемы. Документы.* М., 1996. С. 134—146.

³ Киселев Николай Петрович (1884—1965) — участник кружка "Аргонавтов", секретарь редакции издательства "Мусагет", книговед и библиограф.

⁴ "Имеются в виду "Стихи о Прекрасной Даме" (1904) — первый поэтический сборник А. А. Блока.

⁵ А. А. — Блок Александр Александрович (1880—1921); С. М. Соловьев — Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт-символист, религиозный публицист, впоследствии — католический священник; друг Белого с детских лет, охлаждение и разрыв отношений с ним произошел из-за неприятия Соловьевым антропософии.

⁶ В период с 1912 по 1914 г. Белый и А. А. Тургенева ездили за Р. Штейнером по Европе; в марте 1914 г. они вместе с группой других антропософов поселились в Дорнахе (Швейцария), чтобы участвовать в строительстве антропософского центра и храма — Гетеанума.

⁷ Белый и А. А. Тургенева выехали за границу 16/29 марта 1912 г., 31 марта они были в Берлине, 1 апреля в Кельне, 2 апреля приехали в Брюссель.

⁸ В Берлине с осени 1911 г. Эллис слушал лекции Штейнера и занимался под его руководством упражнением в медитации.

⁹ К православной Пасхе был приурочен лекционный курс Штейнера "Духовные существа в небесных телах и в царствах природы" (3—14 апреля 1912 г.). 11 апреля состоялась специальная лекция для русских слушателей курса. См.: *Штейнер Р.* О России. Из лекций разных лет / Сост., пер., коммент. Г. А. Кавтарадзе. СПб., 1997. С. 9—20; *Волошина М.* (М. В. Сабашникова). Зеленая змея. С. 202—205.

¹⁰ Сен-Мишель-э-Гюдюль (св. Гудулы и Михаила) — самый большой, древний и знаменитый собор в Брюсселе (1226—1490), выполнен в готическом стиле. "Был ли Ты в Брюсселе? — писал Белый А. Блоку 4/17 апреля 1912 г. — Если был, то наверное знаешь старый, старый собор: S-te Gudule. Вот на этой-то площади мы живем. Наш адрес: Belgique. Bruxelles. Place S-te Gudule 25" (см.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 290).

¹¹ Ср.: "По приезде в Брюссель не писал, потому что никак не нашли себе помещения. Наконец нашли и свалились с Асей в 40 градусном жару: у нас сделалась сильнейшие бронхиты. И вот еще 8 беспомощных дней: только теперь выкарабкиваемся из болезни" (Письмо Белого А. Блоку от 1/17 апреля 1912 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 290).

¹² Мицлова Анна Рудольфовна (ок. 1860—1910?) — известная русская оккультистка, одна из первых последовательниц Штейнера и пропагандисток его учения в России. Мицлова пользовалась большим авторитетом у писателей-символистов и пыталась организовать в их среде мистическое братство розенкрейцеров; ведущую роль в этом предприятии должны были играть Белый и Вяч. Иванов. Их отказ следовать указаниям Мицловой был воспринят ею как жизненная трагедия и как провал возложенной на нее оккультной миссии. Мицлова неоднократно повторяла, что результатом этой неудачи будет ее исчезновение, и она, действительно, в августе 1910 г. пропала. Относительно ее "исчезновения" существует несколько версий. Как вспоминал Белый, он с друзьями посадил Мицлову на поезд, отправляющийся из

Москвы в Петербург; с тех пор ее больше никто не встречал. Подробнее см.: *Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 316—323 (гл. "Минцлова"); *Богомолов Н. А.* Anna-Rudolph // Н Л О. 1998. № 29. С. 142—220.

¹³ Суть бруссельских переживаний Белого, связанных с предсказаниями Минцловой, отражена в мемуарах А. А. Тургеневой: "Прежде, чем "исчезнуть", она передала Бугасу свое кольцо и назвала несколько мест из Евангелия, что должно было послужить ему "опознавательным знаком" для возможной будущей встречи, которая могла состояться в 1912 г. Естественно, что Бугасев, не ожидая в прямом смысле этой встречи, все же не исключал такой возможности. В странной форме нечто подобное действительно произошло" (*Turgenieff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972. S. 16*; пер. М. Н. Жемчужниковой. Цит. по: *Волошина М. (М. В. Сабашникова)*. Зеленая змея. С. 366). Ср. свидетельство самого Белого: "<...> Минцлова, уезжая, дала мне кольцо свое; и сказала: — когда к Вам придет человек, произнесся текст (такой-то), вы вынете кольцо и ответите ему текстом (таким-то); и после того он откроется вам, объяснивши, что он — розенкрейцер; то будет — чрез год, в то <же> время или — в сентябре" (см.: *Богомолов Н. А.* Anna-Rudolph // Н Л О. 1998. № 29. С. 206).

¹⁴ Ср.: "<...> дело в том, что вокруг нас происходило что-то совсем особенное: началось это со сна — в одну и ту же ночь нам приснился Штейнер — мне и Асе" (Письмо Белого к А. Д. Бугасевой от 5/18 мая 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 116).

¹⁵ В Брюсселе Белый писал 4-ю главу романа "Петербург". Работа над произведением шла с октября 1911 г. по ноябрь 1913 г. Первая публикация — в альманахе "Сирия" (сб. 1, 2. СПб., 1913; сб. 3. СПб., 1914).

¹⁶ Небольшой городок рядом с Брюсселем.

¹⁷ Данс Мишель Огюст (1829—1929) — бельгийский художник-гравер, учитель А. А. Тургеневой. Именно необходимостью продолжить занятия у Данса и была вызвана поездка Белого и Аси в Брюссель.

¹⁸ Имеется в виду Луиза Дестрз (урожд. Данс), жена Жюля Дестрз (1863—1936) — бельгийского политического и государственного деятеля, члена II Интернационала. Как и ее отец, Луиза Данс была художницей; выставлялась с 1910 г.

¹⁹ В мемуарах Между двух революций Белый отмечал, что банкир Санд, "нажившийся на слоновьих кlyках, может быть", поражал "видом демократическим" и был большой "знарок живописи". Как и Ж. Дестрз, Санд являлся шурином Данса, мужем его другой дочери (С. 200, 365); Апри де Гру (1867—1930) — бельгийский художник, исторический живописец, литограф, скульптор.

²⁰ Соловьев Вл. "Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи..." (1898). Ср. в письме Белого к М. К. Морозовой от 17/30 мая 1912 г.: "Вдруг у нас начался ряд снов, знамений и каких-то незабываемых минут. Как будто какая-то светлая рука указывала дорогу. Часто по вечерам было и такое:

Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи,
Кто-то здесь — мы вдвоём,
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

В. Соловьев".

(Н Л О. 1994. № 9. С. 120). См. также в письме Белого к А. А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 295.

²¹ "Труды и дни" (1912—1916) — двухмесячник издательства "Muscaget", под ред. Андрея Белого и Э. К. Метнера. В 1912 г. Белый принимал живейшее участие в его составлении, публиковал свои материалы в каждом номере. См.: *Лавров А. В.*

"Труды и дни" // Русская литература и журналистика начала XX в., 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

²² Сеть популярных в Европе универсальных магазинов.

²³ "Урна. Стихотворения" (М., "Гриф", 1909) — третья книга стихов Андрея Белого. В предисловии к сборнику он писал: «В "Урне" я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "я". Мертвое "я" заключаю в "Урну", в другое, живое "я" пробуждается во мне к истинному. "Золото в лазури" еще далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...»

²⁴ Членам эзотерической школы Теософского общества показывались на занятых портреты махатмы Мориа и махатмы Кут-Хуми, нарисованные немецким художником Г. Шмиденом на основе указаний Е. П. Блаватской (ироническое описание этих изображений см. в кн.: *Соловьев В. С. Современная жрица* Изиды. М., 1994. С. 73). Махатмы Мориа и Кут-Хуми почитались как воплощение идеальных духовных сил, руководящих всемирной историей. Вопрос об идентификации соответствующих исторических персонажей остается спорным. Указано С. В. Казачковым.

²⁵ Блаватская Елена Петровна (1831—1891) — основатель (в 1875 г., вместе с Генри Олкоттом) и руководитель Теософского общества.

²⁶ Безант Анни (1847—1933) — одна из лидеров Теософского движения, с 1907 г. председатель Теософского общества.

²⁷ "...присутствия среди двух — Третьего..." — аллюзия на слова Христа: "Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Мф. 18:20). Голос Безмолвия — символическое обозначение определенного мистического переживания, открывающего присутствие (голос) высшего мира, сверхчувственной реальности. Термин служит одновременно отсылкой к теософскому сочинению Е. П. Блаватской "Голос Безмолвия, и другие избранные отрывки из "Книги золотых правил" (1889). Ср. аналогичную аллюзию в предисловии к сб. "Урна": «Где-то уж брезжит заря примиренности: "Голос Безмолвия"».

²⁸ "Гибель богов" (преьера — в 1876 г.) — опера-драма Р. Вагнера, заключительная часть тетралогии "Кольцо нибелунга" (1854—1874).

²⁹ В Байрейте (Германия), где с 1872 г. жил Р. Вагнер, в 1876 г. был открыт оперный театр, специализирующийся исключительно на постановках вагнеровских произведений. Ср.: "...мы были на трех Вагнеровских спектаклях с байрейтскими исполнителями ("Лозенгрин", "Тристан", "Валькирия")" (Письмо Белого А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 296).

³⁰ Ср.: "Петровский сообщает ряд адресов *штейнеровских штабов*, разбросанных по разным городам Германии, и пишет между прочим (письмо пришло 4-го мая нов(ого) стиля), что 6, 7 и 8 мая Штейнер в Кельне <...>" (Письмо А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 298). Там же сообщается, что "извещение" от Петровского пришло не случайно, а было ответом на посланный Белым и А. А. Тургеневой запрос: "<...> мы почему-то на всякий случай написали в Москву А. С. Петровскому узнать, где Штейнер летом в Германии, чтобы, возвращаясь в Россию, проездом послушать его публичную лекцию. И, отославши письмо, забыли о нем" (С. 296).

³¹ Метерлик Морис (1862—1949) — бельгийский поэт, драматург, культовая фигура для русских символистов; в 1912 г. отмечался его пятидесятилетний юбилей.

³² "Entrez!" (фр.) — войдите.

³³ Боголюбы (Вольнская губ., близ Луцка) — именин С. Н. Кампиони (матери А. А. Тургеневой) и ее мужа В. К. Кампиони; там Белый и Ася провели лето 1911 г. Ср. в письме Белого к А. Блоку от 1/14 мая 1912 г.: "Все лето на Вольнии *гремела*

невидимая телега; стуки, искорки, топот босых ног и шепот все лето не давал спать нам в дому" (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 295).

⁴ См. рассказ А. А. Тургеневой в статье "Андрей Белый и Рудольф Штейнер" (Воспоминания о серебряном веке. С. 208—209 и др.) и в ее книге "Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum" (Stuttgart, 1972. S. 15—23 и далее).

⁵ К. Н. В. — Васильева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева; во втором браке — с 1931 г. — Бугаева; 1886—1970) — одна из авторитетнейших русских антропософок, вторая жена Белого (брак зарегистрирован в 1931 г.).

⁶ Увлечение и интенсивные занятия Белого оккультной практикой длились недолго — до осени 1915 г. Успехом на эзотерическом поприще помешали тяжелый душевный кризис, вызванный проблемами личной жизни (отношения с женой Асей и ее сестрой Н. А. Тургеневой-Поццо), и состояние здоровья (невроз сердца). "<...> я как бы переживаю упадок в себе "оккультного" пути, т. е. антропософии, как пути жизни", и одновременно: переживаю репрессанс в себе антропософской философии <...>" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 8. С. 421). В письме к Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. Белый указывал, что тема периода 1912—1915 гг. — "антропософия, как эзотерический путь" — сменяется в периоде 1916—1922 гг. темой — "антропософия, как культура" (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 503). В Материале к биографии писатель отмечает, что к лету 1916 г. в нем "до некоторой степени угасли уже, заросли способности к тем восприятиям, которые имели место" в период, отраженный в публикуемых мемуарах (см.: Минувшее. Вып. 9. С. 441).

⁷ Вандервельде Эмиль (1866—1938) — бельгийский политический деятель, социалист, руководитель бельгийской рабочей партии, с 1900 г. — председатель международного бюро II Интернационала; в 1914 г. вошел в правительство Бельгии.

⁸ Смоленская Зосимова мужская пустынь — основанный в XVII в. монастырь, находится близ г. Александрова Владимирской губ.; Оптиная пустынь — древний монастырь в Калужской губ., основанный, по преданию, в XIV в. разбойником Оптою (в иночестве Макарием). Ср. в письме к М. К. Морозовой (первая декада сентября 1912 г.): "<...> Из всех людей, к кому я мог обратиться так, как мог бы обратиться к старцу, был Штейнер; но я не знал, что такое Штейнер" (Н Л О. 1994. № 9. С. 129).

⁹ Cocher (фр.) — кучер, извозчик.

¹⁰ "Hotel St. Paul" — Белый и А. А. Тургенева остановились в отеле при знаменитом готическом кельнском соборе св. Павла (осн. в XIII в.); адрес: Hotel St. Paul, gegenüber der Dom. Zimmer Nr. 28.

¹¹ Термином "ложе" со времен Блаватской называли местную теософскую группу или кружок. Во избежание путаницы с масонской ложей Штейнер предложил заменить этот термин на "ветвь".

¹² Григоров Борис Павлович (1883—1945) — в 1911 г. организовал вместе с Эллисом при "Musaaget" кружок по изучению Штейнера, один из основателей (в 1913 г.) Русского антропософского общества, его председатель.

¹³ Сабашников Алексей Васильевич (1883—1954) — брат М. В. Сабашниковой (Волошиной), тоже антропософ. Не исключено, что Белый имел в виду не А. В. Сабашникова, а М. В. Сабашникову (Волошину). См. письмо Белого к М. Я. Сиверс от 6 мая 1912 г. на стр. 676 настоящего издания.

¹⁴ Христофорова Клеопатра Петровна (ум. 1934) — теософка, позднее антропософка.

¹⁵ Имеется в виду лекция, предназначенная только для членов Теософского общества; в отличие от публичных лекций, открытых для всех желающих, на

заседания "ложи" посторонние не допускались. 6 мая 1912 г. речь Штейнера была связана с торжественным открытием нового помещения кельнской ветви Теософского общества. Белый присутствовал на интимной лекции и на следующий день, 7 мая: "Мы слышали три лекции Штейнера и даже познакомимся с ним", — писал Белый матери (Письмо от 27 апреля/10 мая 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 115).

⁴⁶ Ср. описание Небесного Иерусалима: "<...> Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопли, ни болезни уже не будет <...>" (Откр. 21:3—4).

⁴⁷ Т. е. похожий на "легконового плясуна" Заратустру. См.: Ф. Ницше Так говорил Заратустра (1883—1884).

⁴⁸ Из статьи Белого "Символизм как миропонимание" (1903) — в сб.: Арабески. Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 228.

⁴⁹ Из статьи Белого "Феникс" (1906) — в сб.: Арабески. С. 155.

⁵⁰ Из статьи Белого "Маска" (1904) — в сб.: Арабески. С. 133.

⁵¹ Ср. сходную мысль Вяч. Иванова ("Совершается единственное в истории: животное, охваченное безумием. Обезьяна сошла с ума и стала человеком.") и ее развитие в стих. цикле М. Волошина "Путиак Каина" (1922—1923): "Когда-то темный и косматый зверь, / Сойдя с ума, очнулся человеком — / Опаснейшим и злейшим из людей <...>" (См.: Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 306, 638).

⁵² Лекция "Христос и XX век" была прочитана Штейнером 6 мая 1912 г.

⁵³ Сиверс Мария Яковлевна (1867—1948) — с 1902 г. секретарь Штейнера в немецкой секции Теософского общества, с 1914 г. — его жена. Об отношениях Белого с М. Я. Сиверс см.: *Сливак М. Л. Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 44—68.*

⁵⁴ Ср.: "На другой день мы уехали в Брюссель. Приехали в 6. А в 7 были на чествовании Метерлинка: Метерлинка седой болван — Слон Слонович, таким показался после Штейнера" (Письмо А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Перешка. С. 300). См. также письмо к А. Д. Бугаевой от 27 апреля / 10 мая 1912 г., в котором суждение о Метерлинке не столь сурово: "Метерлинка выглядит гораздо старше, чем на портретах: у него совсем седая голова. Шла его "Пелеас и Мелизанда" с музыкой Форте. Мелизанду играла жена его <...> и играла великолепно" (Н Л О. 1994. № 9. С. 115).

Переходное время

¹ Ср.: "Мы вернулись в Брюссель, точно во сне. Написали Эллису в Берлин о нашей встрече со Штейнером. Через два дня к нам прилетел Эллис, взявший отпуск у Доктора, и провел с нами три дня. Эллис очень окреп, очень помолодел, изменился к лучшему. Он — бритый, и ему это очень идет. Мы читали Дневник Эллиса (записанные им беседы со Штейнером: это нечто удивительное)" (Письмо Белого А. Д. Бугаевой от 5/18 мая 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 117).

² Согласно антропософскому антропогенезу, построенному на опыте ясновидения, — преадамиты, гиперборейцы, лемурийцы и атланты (точнее — атлантиды, то есть жители Атлантиды) — представляют собой предыдущие стадии развития человека. По Штейнеру, "человек стал таким, каким мы его знаем, со времен Атлантиды <...> до Атлантиды, — мы увидим Лемурийский континент <...> там жизнь протекала опять совсем иначе. <...> В те времена туманов человек не мог еще дышать посредством легких; у него были два дыхательных органа: один вроде

рыбьих жабр, а другой, на месте теперешних легких (...) Вместо рук у человека были ластообразные органы, посредством которых человек передвигался в морях тумана" (*Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии / Сост., ред., коммент. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1997. С. 213). См. также: *Штайнер Р.* Из летописи мира. Калуга, 1992.

¹ Подразумеваются основополагающие книги Р. Штейнера: "Очерк тайноведения" (1910; см. изд.: Ереван, 1992) и "Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека" (1904; см. изд.: Ереван, 1990).

⁴ Имеется в виду получивший широкую огласку скандал, связанный с обвинением Эллиса в порче книг из собрания библиотеки Румянцевского музея. Летом 1909 г. Эллис был "пойман" на том, что вырезал страницы из музейных книг. Готовя к изданию свое сочинение о русском символизме, он делал вырезки и вклеивал их в собственные книги, принесенных в библиотеку, однако, увлекшись работой, по небрежности вырезал страницу не из своей, а из музейной книги. Эллис возместил ущерб, нанесенный библиотеке, вернул дубликат испорченного экземпляра и недоразумение было таким образом устранено. Подробнее об этом см.: Между двух революций (гл. "Инцидент с Эллисом").

⁵ Во время своего пребывания в Германии Эллис договорился с Э. К. Метнером, что издательство "Musaaget" будет ему выплачивать ежемесячный гонорар в размере 60 рублей за все, что будет им за это время написано или переведено. Эти деньги поступали к Эллису нерегулярно. См.: *Виллих Х. Л. Л. Кобылинский-Эллис и антропософское учение Рудольфа Штейнера (К постановке проблемы) // Серебряный век русской литературы: Проблемы. Документы. С. 138.*

⁶ См., напр., статью Эллиса "Парсифаль" Рихарда Вагнера" в № 1—2 "Трудов и дней" за 1913 г. (С. 24—54). Об отношении Эллиса к Вагнеру см.: *Rizzi D.* Эллис и Штейнер // *Europa Orientalis*. 14 (1995): 2. P. 289—290; *Bartlett R.* Wagner and Russia. Cambridge, 1995. P. 169—175, 177—180.

⁷ С Максимилианом Александровичем Волошиным (1877—1932) Эллис встречался в Берлине в феврале 1912 г.

⁸ Оживальными называли диагональные арки в крестовом своде храма (почти всегда полуциркульные), от "ogive" (*фр.*) — стрельчатая арка.

⁹ "Jeune Belgique" — "Молодая Бельгия" — объединение бельгийских писателей, издававших в 1881—1897 гг. одноименный журнал. Эмиль Верхарн (1855—1916), Жорж Роденбах (1855—1898), Морис Метерлиник (1862—1949), Шарль Ван Лерберг (1861—1907) — бельгийские писатели, почитаемые в среде русских символистов; Верхарн, Роденбах, Метерлиник входили в объединение "Молодая Бельгия", Ш. Ван Лерберг — примыкал к ним, публиковал свои произведения в журнале "Молодая Бельгия".

¹⁰ "Style flamboyant" (*фр.*) — "пламенеющая готика", т. е. поздний, завершающий этап готики (XIV — XV вв.), название стиля дано по архитектурным деталям, причудливые формы которых походили на языки пламени.

¹¹ "Inferno" — ("Ад", 1897) — проникнутая мистическими мотивами автобиографическая книга шведского писателя Ю. А. Страндберга (1849—1912).

¹² Метнер Эмилий Карлович (1872—1936) — литератор-символист, руководитель издательства "Musaaget", в 1900-е гг. — друг и единомышленник Белого; неприятие Метнером антропософии привело к разрыву его отношений с Бельм. Подробнее об этом см. в комментариях к книге "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гете" (М., 1917).

¹³ *Белый Андрей*. Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910. Белый считал, что увлечение антропософией является не изменой символизму а, наоборот, его развитием и продолжением. См.: "Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития" (1928; *Белый Андрей*. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 418—495).

¹⁴ Оленина-д'Альгейм Мария Алексеевна (1869—1970) — знаменитая камерная певица, тетка А. А. Тургеневой; д'Альгейм Петр Иванович (1862—1922) — ее муж, музыкальный деятель и романист. В их доме в местечке в Буа-Ле-Руа, находящемся недалеко от Парижа, Белый провел июнь 1912 г.

¹⁵ Ср.: "Для Белого волновавшие нас события в Брюсселе превратились в кошмар наяву, и он сбегал от них к д'Альгеймам в Париж, даже не ожидая меня" (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер* // Воспоминания о серебряном веке. С. 211).

¹⁶ <...> — Далее в машинописи "берлинской" редакции "Начала века" следует глава "Русские символисты", отчасти посвященная пребыванию Белого в доме д'Альгеймов.

У Штейнера

¹ Поольман-Мой Иоганна (1874—1959) — голландская теософка и оккультистка, в 1909 г. вступила в немецкое отделение Теософского общества. В 1912 г. она была "приставлена" к Эллису, чтобы помогать ему в занятиях; стала его спутницей жизни. Вместе с Эллисом порвала со Штейнером.

² Калькрейт Паулина (1856—1929) и Штинде София (1853—1915) — немецкие теософки, основательницы и руководительницы мюнхенской ветви Теософского общества, одна из первых последовательниц Штейнера, его эзотерические ученицы.

³ Отец П. Калькрейт — граф Станислаус Калькрейт (1820—1894). Ср.: "<...> графиня Калькрейт, дочь известного пейзажиста, раньше была придворной дамой" (*Волошина М. (М. В. Сабашникова)*. Зеленая змея. С. 133; и примеч. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. С. 350).

⁴ Имеется в виду пребывание Белого в Мюнхене осенью 1906 г. Об этом см.: Между двух революций. Гл. 3 ("Жизнь за границей"). Ср. в письме Белого к А. Блоку от 1/14 мая 1912 г.: "...помню в Мюнхене, в роковой для меня 1906 год, я случайно встретил там Минцлову, с которой был едва знаком; она звала меня тогда посетить лекцию Штейнера: я прозевал вечер и, конечно, на лекцию не пошел: Минцлова в то время была близкой его ученицей" (*Александр Блок и Андрей Белый*. Переписка. С. 294).

⁵ Как отмечает М. В. Сабашникова, "круг Зодиака" сформировался в 1906 г. в Берлине из первых слушательниц лекционных курсов Штейнера: "Минцлова сообщила нам, что мы можем посещать лекции доктора Штейнера, которые он читал ежедневно для очень малого круга людей. В первые недели, кроме нас, в нем принимали участие еще девять человек, позднее нас стало двенадцать. Так мы поехали прямо в "круг Зодиака", как позднее в шутку называли этот круг первых собравшихся вокруг Рудольфа Штейнера. К нему принадлежала также фрау фон Мольтке, супруга генерала <...> Софи Штинде и ее приятельница графиня Калькрейт тоже принадлежала к "кругу Зодиака" <...> рядом со Штейнером, в центре круга, стояла Мария Яковлевна Сиверс <...>" (*Волошина М. (М. В. Сабашникова)*. Зеленая змея. С. 133).

“Эльза фон Мольтке (1859—1932), супруга графа Хельмута Иоганна фон Мольтке (Младшего, 1848—1916), генерала, начальника генштаба и штаба Ставки германской армии. Связь этой семьи немецких аристократов со Штейнером породила в обществе много кривотолков.

⁷ Речь идет о постановке трех драм-мистерий, написанных Р. Штейнером, — “У врат посвящения” (1910), “Испытание души” (1911), “Страж Порога” (1912). Представления состоялись соответственно 20, 22, 24 августа 1912 г.

⁸ Тургенева-Поццо Наталья Алексеевна (1886—1942) — старшая сестра А. А. Тургеновой, жена Александра Михайловича Поццо (1882—1941). В Мюнхен ее уговорили приехать Белый и А. А. Тургенева: “<...> ее мы выписали на наши средства к доктору, ибо ей так тяжело было и надо было, чтобы доктор лично ей помог” (Письмо Белого к М. К. Морозовой, первая декада сентября 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 130); “Милая, милая, милая Наташа! Скорей, милая, учтите немецкому и приезжайте непременно. Я зову Вас серьезно, по опыту. Вам очень нужно увидеть Штейнера. Приедете и узнаете, почему <...> Около Штейнера хорошо, только запасайтесь силами <...> Наташа, о каких ты пишешь неприятностях. Деньги? Но мы получили неожиданно лишних 200 р. <...> Других неприятятий не вижу, а ехать необходимо” (Письмо Белого и А. А. Тургеновой, конец мая — начало июня 1912 г. См.: Rizzi D. Из архива Н. А. Тургеновой // *Еурога Orientalis*. 14 (1995): 2. P. 312—313). Н. А. Тургенева и ее муж А. М. Поццо стали учениками Штейнера.

⁹ В документе, озаглавленном “Свидания с доктором”, Белый указывает на посещения у Штейнера 20, 24, 31 июля 1912 г. и кратко передает содержание бесед. См.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальстада // *Минувшее*. Вып. 9. С. 471.

¹⁰ “Grand nigaud” (фр.) — великий простофиля.

¹¹ “Мы же — в пятой” — имеются в виду базовые понятия антропософской антропологии и историсофии, об этом см.: *Очерк тайного ведения*; “Doctor hatte gesagt” (нем.) — Доктор сказал.

¹² “Esprit mal tourné” (фр.) — с извращенным умом.

¹³ Шольц Матильда (1860—1941) — немецкая теософка, руководитель кельнской ветви Теософского общества, одна из первых последовательниц Штейнера, входившая, как и Штинде с Калькрейт, в “круг Зодиака”.

¹⁴ Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) Белый неоднократно встречал в квартире Михаила Сергеевича Соловьева, его брата. Единственный разговор с философом, состоявшийся незадолго до его смерти, Белый считал для себя жизнеопределяющим. Об этом см.: *Белый Андрей*. Вл. Соловьев (Из воспоминаний) — в сб. Арабески. С. 387—394 и др.

¹⁵ Белый неоднократно вспоминал, как в раннем детстве “сидел на коленях Льва Толстого”, как видел его у знакомых отца, как сам был у него в гостях. Несколько раз Толстой посещал дом Бугаевых. Впечатления от этих встреч описаны в книге Белого “На рубеже двух столетий” (М., 1989. С. 40, 132, 330—333 и др.), в очерке “Воспоминания о Л. Н. Толстом” (См.: Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 638—644. Предисл. и публ. Л. Озерова).

¹⁶ С Жаном Жоресом (1859—1914), французским социалистом и публицистом, руководителем французской социалистической партии и основателем газеты “Юманите”, Белый встретился в декабре 1906 г. в Париже. Писатель очень гордился этим знакомством и многократно писал о нем как сразу после возвращения в Россию из-за границы, так и годы спустя. См.: Андрей Белый. Воспоминания о Жоресе / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 645—652.; Между двух революций. С. 135—153 (Гл. “Жан Жорес”).

¹⁷ Знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) Белый встречал в годы студенчества в квартире М. С. Соловьева (См.: Начало века. С. 155).

¹⁸ "In statu nascendi" (лат.) — в состоянии зарождения, возникновения, становления.

¹⁹ "Unsere Bewegung" (нем.) — наше движение.

²⁰ "Solcher berühmte Menschen" (нем.) — такие знаменитые люди.

²¹ "Dieser lieber naive Bugaeff" (нем.) — этот милый, наивный Бугаев.

²² "Wie erlangt man" — "Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?" (1904/1905) — См.: Штайнер Р. Как достигнуть познания высших миров? Ереван, 1992.

²³ Имеется в виду легенда о находчивости Колумба, сумевшего поставить яйцо, решительным движением разбив его снизу.

²⁴ Ср.: "Символистская драма только и может изображать одно: преобразование органов восприятия мира и через то перерождение мира необходимости в мир свободы" (Белый Андрей. "Театр и современная драма" — в сб.: Арабески. С. 33).

²⁵ Белый Андрей. "Символизм как миропонимание" (1903) — не "кверх", а "зверх ногами" — сб.: Арабески. С. 231.

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Там же. С. 228.

²⁸ Белый Андрей. "Театр и современная драма" (1908) — в сб.: Арабески. С. 41.

²⁹ Белый Андрей. "Кризис сознания и Генрик Ибсен" (1910) — в сб.: Арабески. С. 174: "Нам остается один путь: путь перерождения..."

³⁰ Белый Андрей. Фридрих Ницше (1907) — в сб.: Арабески. С. 78.

³¹ Белый Андрей. "Театр и современная драма" (1908) — в сб.: Арабески. С. 41.

³² Имеется в виду мистерия "Страж порога", премьера которой состоялась 24 августа 1912 г.

³³ Юли Эрист (1875—1959) — швейцарский антропософ, историк искусства, один из деятелей антропософской педагогики; летом 1912 г. Белый слушал его лекции "О стихиях". См.: Андрей Белый и антропософия ("Слышанные лекции по теософии в немецкой секции") / Публ. Дж. Мальмстада // Ми ну в ше е. Вып. 9. С. 469.

³⁴ Пайперс Феликс (1873—1944) — естествоиспытатель, эзотерический ученик Штейнера, один из основоположников антропософской медицины.

³⁵ Рихтер Тадеуш (1873—?) — польский художник-антропософ, участник строительства 1-го Гетеанума. Белый считал, что Рихтер "приставлен" к нему Штейнером, чтобы помогать адаптации в новой среде. Во время строительства Гетеанума Рихтер готовил по эскизам Штейнера рисунки для витражей и заведовал работами по стеклу.

³⁶ Ганна Гюнтер (ум. 1923) — немецкая антропософка. После работы с ней над драматическими текстами Штейнера Белый стал переводить мистирию "У врат посвящения" на русский язык. Подробнее об этом см.: Штайнер Р. У врат посвящения / Публ., примеч. и послесл. С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69—73.

³⁷ Ср.: "<...> три раза в неделю приезжает Лев и читает нам курсы Штейнера. Если Льва нет, то мы читаем (переводим) курс Доктора "Теософия розенкрейцёрства", занимаемся немецким" (Письмо Белого к А. Д. Бугаевой от 30 июля 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 123). Белый указывал, что Эллис излагал ему курс Штейнера "Евангелие от Иоанна" ("Слышанные лекции по теософии в немецкой секции") // Ми ну в ше е. № 9. С. 469).

²⁸ В Мюнхене немецким отделением Теософского общества ежегодно проводился летний съезд-фестиваль, на который приезжали преимущественно ученики и последователи Р. Штейнера. В 1912 г. в Мюнхене собралось более 30 человек из России.

²⁹ Викентьев Владимир Михайлович (1882—1960) — историк, египтолог и антрополог, муж М. И. Сизовой.

³⁰ Сизова Мария (Магдалина) Ивановна (1889—1969) — писательница, театральная педагог и режиссер, сестра Михаила Ивановича Сизова. На съезде в Мюнхене присутствовала и первая жена М. И. Сизова — Ольга Павловна Сизова, врач и тоже антропософка.

³¹ Трапезников Трифон Георгиевич (1882—1926) — искусствовед и антрополог, участник строительства Гетеанума; один из активистов русского антропософского движения; после революции — сотрудник отдела "Охраны памятников" при Наркомпросе.

³² В Мюнхене с 25 по 31 августа Р. Штейнер прочитал 8 лекций на тему "О посвящении".

³³ Унгер Карл (1878—1929) — немецкий фабрикант, философ и антрополог, сооснователь штутгартской "лужи". Согласно записям Белого, он прослушал лекции Унгера о мистериях Штейнера. См.: "Слышанные лекции по теософии в немецкой секции" // М и н у в ш е е. Вып. 9. С. 469—470.

³⁴ Бауэр Михаил (1871—1929) — один из ближайших сподвижников Штейнера, член совета Теософского, после — Антропософского общества.

³⁵ "Орден звезды на Востоке" был основан в 1911 г. по инициативе руководителей теософского движения А. Безант и Ч. Ледбитера. Его целью было возведение прихода "мирового Учителя", воплотившегося в юном индусе Кришнамурти, объявленном "Спасителем" человечества, бодхисатвой Майтреей и одновременно грядущим Христом. Резкое несогласие Штейнера с пророчествами А. Безант и с деятельностью Ордена привело к расколу в теософских рядах и — в 1913 г. — к выходу из Теософского общества Штейнера и его последователей. Подробнее об этом см.: *Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии С. 515—518.

³⁶ Курс "Евангелие от Марка" Р. Штейнер читал в Базеле с 15 по 24 сентября 1912 г.

Базель — Фицнау — Штутгарт — Берлин

¹ Стараясь найти средства на дальнейшую жизнь за границей "при Штейнере", Белый пытался заложить свое имяние, получить деньги у издательства или одолжить их. Существенную финансовую помощь оказала ему М. К. Морозова. См. письма к М. К. Морозовой (Н Л О. 1994. № 9. С. 130—131, 140, 146 и др.).

² А. А. Блок, Вяч. Иванов, Андрей Белый.

³ Концентрация (*лат.* — сосредоточение), медитация (*лат.* — размышление), конTEMPLация (*лат.* — созерцание) — типы упражнений мысли, ведущие в конечном счете к сверхчувственному опыту, к постижению духовного мира. Этими эзотерическими упражнениями Белый усиленно занимался под руководством Штейнера в первые годы своего увлечения антропософией. Содержание переживаний, полученных в результате проведенных над собой экспериментов, писатель не раз излагал на страницах произведений. Описание, параллельное комментируемому месту воспоминаний, можно найти в его рассказе "Йог" (1918). Там применяемый героем метод развития сознания Белый возводит к сокровенным традициям "средневековой школы монахов из монастыря св. Виктора" (см.: *Белый Андрей.* Собрание сочинений.

Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 299—301). О мистицизме этой школы европейской схоластики XII в. см.: *Гуго Сен-Викторский*. О созерцании и его видах // *Знание за пределами науки*. М., 1996. С. 304—314.

⁴ Об этом см.: *Богомолов Н.* Из оккультного быта "башни" Вяч. Иванова // *Вигора Orientalis*. 16 (1997): 2. P. 207—248; *Богомолов Н.* Anna-Rudolph // *Н Л О*. 1998. № 29. С. 142—221. Там же о "теме Штейнера" в общении Минцловой и Иванова.

⁵ Имеется в виду мистическое, духовное знание, даваемое "духовной наукой", антропософией.

⁶ Ср. в мемуарах А. А. Тургеневой: "Осенью 1912 года в Базеле нас посетил Вячеслав Иванов. Он хотел вступить в Общество и просил устроить ему свидание со Штейнером, но Штейнер поручил нам отсоветовать Иванову это намерение" (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке*. С. 212). См. также: "Мы были поражены решительным отказом Штейнера, который вообще допускал в Общество самые удивительные фигуры. "Может быть, господин Иванов большой поэт, — сказал он, — но к оккультизму у него нет ни малейших способностей; это повредило бы ему и нам. Я не хочу с ним встречаться, постарайтесь его отговорить". Так что тот, кто мнил себя первейшим русским оккультистом, был признан в этом отношении полнейшей бездарностью" (*Turgeneff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum*. S. 31; пер. М. Н. Жемчужниковой см. в коммент. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак к книге Волошиной М. (М. В. Сабашниковой) "Зеленая змея". С. 363—364).

⁷ В те годы в Москве собирался кружок, очень тесно привязанный к гостеприимным М. С. и О. М. Соловьевым (...). Всех членов кружка объединял звук эпохи, раздавшийся внятно (...). (См.: *Белый Андрей*. О Блоке: Воспоминания. Статья. Дневники. Речи / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1997. С. 32. — Глава "Кружок Соловьевых".) В "Воспоминаниях о Блоке" Белый называет Элліса среди тех, с кем он встретился и сошелся в доме историка Михаила Сергеевича Соловьева (1862—1903) и его жены художницы Ольги Михайловны Соловьевой (1855—1903).

⁸ С осени 1903 г. по воскресеньям в гостиной у Белого собирался кружок "аргонавтов", идеологами которого были Белый и Элліс.

⁹ Астров Павел Иванович (1866—1919) — юрист и публицист. В 1904 г. "главная деятельность кружка "аргонавтов" перенеслась на "среды" вошедшего с нами в контакт П. И. Астрова, с которым меня познакомил неустойчивый Элліс (...). "Среды" Астрова длились несколько лет (...). П. И. Астров в те годы старался естественно сочетать устремления к эстетизму с моральным, сверкающим пафосом; этот-то пафос нас влек к нему" (*Белый Андрей*. О Блоке. С. 130).

¹⁰ Имеются в виду происходившие в 1907 г. ожесточенные споры москвичей (Белый, Элліс, С. М. Соловьев) и петербуржцев (Вяч. Иванов, Г. И. Чулков, А. А. Блок) о природе и путях развития символизма. Оплотом московской школы символизма был журнал "Весы", возглавляемый В. Я. Брюсовым. Подробнее см.: *Белый Андрей*. О Блоке. С. 272 и далее.

¹¹ В Базеле в приемной у Штейнера произошла первая встреча Белого с К. Н. Васильевой (Бугаевой), его будущей женой.

¹² Ильина Екатерина Александровна (ум. 1933) — антропософка, переводчица Штейнера, участница постройки Гетеанума.

¹³ Е. Недович — русская теософка, член образованного в 1910 г. Московского отделения Теософского общества, входила в кружок К. П. Христофоровой. "Здесь в Базеле очаровательно: теперь солнце и тепло (...). Сядим на лекции рядом с Madame Недович в русскихми", — писал Белый матери 6/19 сентября 1912 г. (Н Л О).

1994. № 9. С. 141). Недович упомянута также среди русских участников мюнхенского теософского съезда в августе 1912 г. (Письмо к А. Д. Бугаевой от 14/27 августа 1912 г. // Н Л О. 1994. № 9. С. 124).

¹⁴ Странден Дмитрий Владимирович — известный русский теософ; автор ряда теософских брошюр (Забывая сторона Христианства. Тайна Христа. СПб., 1912; Герметизм. СПб., 1914 и др.) и статей в журнале "Вестник теософии" (1908. № 1, 3—6; 1912. № 5—6 и др.). В Ракурсе к дневнику Белый отмечает, что в сентябре 1912 г. в Базеле у него была "беседа со Странденом" (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 558 об.).

¹⁵ Костычева О. П. — упоминается Белым в числе строителей Гетеанума (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 6. С. 398).

¹⁶ Прием у Штейнера состоялся 24 сентября: "Отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель" (Свидания с Доктором // Минувшее. Вып. 9. С. 471).

¹⁷ В Фиднау (Швейцария) Белый и А. А. Тургенева пробыли с 1 по 26 октября 1912 г., 26 октября приехали в Штутгарт, а оттуда в Дагерлох (под Штутгартом) к Эллису и Поольман-Мой; 24 ноября направились в Мюнхен.

¹⁸ См.: Белый Андрей. Круговое движение (Сорок две арабески) // Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 51—73. В Фиднау была также написана статья "Линия, круг, спираль — символизм" (Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 13—22).

¹⁹ См.: Белый Андрей. "Будущее искусство" — в сб.: Символизм (С. 453): "Вот ответ для художника; если он хочет остаться художником, не переставая быть человеком, он должен стать своей собственной художественной формой". Или: Белый Андрей. "Театр и современная драма" — в сб.: Арабески (С. 20): "Люди ставят собственными художественными формами".

²⁰ Тютчев Ф. И. "О чем ты воешь, ветр ночной?" (начало 1830-х).

²¹ Ломоносов М. В. "Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния" (1743).

²² Сборник стихотворений А. А. Блока (1911).

²³ Блок А. А. За гробом ("Божья Матерь Утоли мои печали...") (1908).

²⁴ В Мюнхене Белый и А. А. Тургенева пробыли с 24 по 30 ноября, с 25 по 28 ноября слушали лекции на следующие темы: "Между смертью и новым рождением", "Правда духовного опыта", "Ошибки духовного опыта" (Слышанные лекции по теософии в немецкой секции // Минувшее. Вып. 9. С. 470). "Свидание с Доктором", шестое по счету, состоялось 29 ноября: "Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации" (Минувшее. Вып. 9. С. 471).

²⁵ Отто фон Лерхенфельд-Кёферинг (1868—1938) — баварский аристократ, с 1907 г. член Теософского общества, близкий ученик Штейнера, неоднократно оказывавший существенную помощь Обществу: деньгами, связями или, например, предоставлением своих земельных угодий для сельскохозяйственных "биодинамических" опытов Штейнера (о нем см.: Волошина М. (М. В. Сабашникова). Зеленая змея. С. 198 и примеч. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. С. 368). Здесь имеется в виду финансирование Лерхенфельдом пятитомного собрания сочинений Вл. Соловьева на немецком языке, выпущенного издательством "Der Kommende Tag". См.: Solov'ev, Vladimir. Ausgewählte Werke. 5 Vol. Jena/Stuttgart, 1914.

²⁶ Белый поселился по адресу: Berlin, Scharlottenberg, Lüther Strasse. 27. Pension Wegner (П Сток).

²⁷ "Дом архитектора" (нем.). Ср.: "<...> весь этот период слушаю лекции Штейнера (публичные) в Architekten-haus на Wilhelmstrasse, образующие тоже sui generis (из 6 лекций) на тему "Естествознание и духовная наука" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 6. С. 374).

²⁸ Gedächtniskirche (1891—1895) — церковь памяти кайзера Вильгельма I.

²⁹ Бергенгрюн Татьяна Алексеевна (урожд. Андреева; ок. 1861 — ок. 1945) — сестра Екатерины Алексеевны Бальмонт (урожд. Андреевой; 1867—1950), второй жены поэта К. Д. Бальмонта; теософка, после — антропософка; входила в кружок К. П. Христорофоровой; работала на строительстве Гетеанума.

³⁰ Ср. "<...> каждую неделю читает Штейнер лекцию по вторникам в помещении О-ва на тему: "Жизнь человека между смертью и новым рождением": в декабре, январе, феврале, марте он прочел 12 лекций на эту тему <...>" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 6. С. 374).

³¹ Идея организации независимого от А. Безант общества сторонников идей Штейнера возникла в немецкой секции Теософского общества еще в 1911 г., когда начал действовать "Орден звезды на Востоке" (см. примеч. 45 к гл. "У Штейнера"). В декабре 1912 г. "в Кельне перед началом цикла лекций Штейнера "Бхагавадгита и послания апостола Павла" неформально основывается антропософское общество, в которое вступают около 300 присутствующих на цикле слушателей" (*Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии. С. 517). Среди них были и Бельй с А. А. Тургенева: "Записались в Кельне в А. О." (Ракурс к дневнику. Л. 60); "<...> мы незадолго записались все в А<нтропософское> О<бщество>, выйдя из Т<еософского> О<бщества> вместе со Штейнером" (Материал к биографии // Минувшее. Вып. 6. С. 346).

³² Бельй и А. А. Тургенева выехали из Берлина в Кельн 27 декабря 1912 г., а 5 января 1913 г. вернулись обратно. В Кельне с 28 декабря по 1 января Штейнер читал курс лекций "Бхагавадгита и послания апостола Павла".

³³ Со 2 по 7 февраля 1913 г. в Берлине проходил XI съезд немецкого отделения Теософского общества, на котором было принято решение о сфиде официальном учреждении Антропософского общества, в которое пожелала вступить большая часть немецкого отделения. Уже 3 февраля состоялось первое организационное собрание членов нового объединения (*Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии. С. 517).

³⁴ Экхарт Иоганн (Мейстер Экхарт; ок. 1260—1327) — немецкий философ-мистик. Антропософа Михаэля Бауэра Бельй считал реинкарнацией (перемещением) Экхарта. "Мейстер Экхарт нашего столетия..." — характеристика, данная Бельм Бауэру в посвященном ему стихотворении — "Речь твоя — пророческие взрывы..." (сб. "Королева и рыцари. Сказки". Пб., 1919).

³⁵ Аренсон Адольф (1855—1936) — композитор и музыкант, теософ, после — антропософ, автор музыки к мистериям Р. Штейнера, один из старейших членов его эзотерической школы. Доклад "О Нагорной проповеди", в котором разбирает эзотерический смысл так называемых евангельских блаженств в сопоставлении с 10 заповедями Моисея, был прочитан А. Аренсоном не на первом, а на на втором общем собрании Антропософского общества — 21 января 1914 г. в Берлине. См.: *Lindenberg Ch. Rudolf Steiner: Einer Chronik; 1861—1925. Stuttgart, 1988. S. 331.*

³⁶ Доклад Отто Дегла упоминается Бельм в списке "Слышанных лекций...": "Не знаю фамилии: "О механике и антропософском импульсе" (Минувшее. Вып. 9. С. 471). Ср.: "Из докладов мне запомнились: доклад Аренсона о 10 заповедях, доклад Дегла (из Бреслава) <...>" (Минувшее. Вып. 6. С. 438).

³⁷ Курс шел с 3 по 7 февраля 1913 г. и назывался "Мистерии Востока и мистерии христианства"; изд. по-русски: *Штайнер Р.* Мистерии Востока и христианство. Воронеж, 1995.

³⁸ Речь была прочитана 3 февраля 1913 г. в Берлине на Учредительном собрании Антропософского общества.

⁹ Имеется в виду не сонет, а третья канцона и пояснения к ней в философском трактате Данте "Пир" (1304—1308). См.: *Данте А. Малые произведения* / Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. С. 163—164, 196—198 и др. Указано С. В. Казачковым.

¹⁰ Соловьев Вл. Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям (1898): "Знайте же: вечная женственность ныне / В теле нетленном на землю идет".

¹¹ Этим словом Белый обозначает атмосферу начала 1900-х гг., в которой формировалось духовное сообщество молодых символистов — Блока, Белого, Эллиса, Метнера и др. См. главу "Год зорь" в его мемуарах "Начало века" (С. 20 и далее).

¹² Блок А. А. "Предчувствую Тебя. Года проходят мимо..." (1901).

¹³ Блок А. А. "Странных и новых иду на странницах..." (1902).

¹⁴ Блок А. А. "Предчувствую Тебя. Года проходят мимо..." (1901). "Курсив мой" (примеч. Андрея Белого).

¹⁵ Встреча поэтов происходила в петербургском ресторане Лейнера 24 февраля 1912 г. Длвшийся 6 часов разговор подробно описан в "Воспоминаниях о Блоке" (Белый Андрей. О Блоке. С. 380 и далее — глава "В глухом ресторанчике").

¹⁶ Лапан — придуманный персонаж, "продукт" шуточных импровизаций и игр, которыми увлекались в 1904 г. С. М. Соловьев, А. А. Блок и Белый: "<...> мы появились в пародиях перед нами же сектою "блоковцев": контуры секты изыскивает трудолюбивый профессор культуры из XXI века <...> академик, философ Лапан, выдвигавший труднейший вопрос: существовала ли секта, подобная нашей <...>" (Белый Андрей. О Блоке. С. 72).

¹⁷ "Я стовалась у Фрау фон Вакано, которая содержала вегетарианский ресторан под названием "Фруктовая корзинка" и при нем небольшой пансион, — вспоминала М. Волошина. — Позднее получили широкую известность ее превосходные переводы сочинений Владимира Соловьева, вышедшие под псевдонимом Гарри Келлер. Она воспитывалась в России и была сильной индивидуальностью, способной к большим взлетам и воодушевлению. Но эти свойства у нее соединялись со склонностью к фантастике, и в ее "Фруктовой корзинке" созрели иногда плоды псевдомистического сорта". *Волошина М. (М. В. Сабашникова)*. Зеленая змея. С. 198. Переводы Генриет Фрейн фон Вакано см.: *Solov'ev, Vladimir. Ausgewählte Werke*. 5 Vol. Jena/Stuttgart, 1914.

¹⁸ Блок А. А. "Я укрыт до времени в приделе..." (1902).

¹⁹ Белый Андрей. Антропософии ("Из родников проговорившей ночи...") (1918).

²⁰ "Ночь тиха... Покойни переулки..." (нем.).

²¹ "Страшный мир" — поэтический цикл А. А. Блока, включающий стихи 1909—1916 гг., проникнутые усталостью и разочарованием. Здесь имеется в виду мировоззренческая и творческая эволюция поэта от проникнутой светлыми мистическими чаяниями ранней лирики ("Стихи о Прекрасной Даме") к трагической дисгармонии поздней поэзии.

²² Терещенко Михаил Иванович (1886—1958) — финансист и промышленник (сахарозаводчик), в 1917 г. вошел во Временное правительство. В 1913 г. создал издательство "Сирия", выпускавшее книги писателей-символистов, и стал (вместе с сестрами) его совладельцем.

²³ Из-за Первой мировой войны и революции планы на издание в "Сирии" "Путевых заметок", отражающих впечатления Белого от заграничного турне 1910—1911 гг., и на переиздание четырех "Симфоний" (1902—1908) не осуществилась, в 1915 г. "Сирия" закрылась.

⁴⁴ Некрасов Константин Федорович (1873—1940) — издатель; в марте 1912 г. перед отъездом в Брюссель Белый передал ему рукопись начальных глав романа "Петербург". В феврале 1913 г. "Сирин" выкупил у Некрасова права на публикацию рукописи и выпустил роман сначала в альманахах "Сирин" (1913. Сб. 1, 2; 1914. Сб. 1), потом (в 1916 г.) отдельной книгой. Подробно об издательской истории романа "Петербург" см.: Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого "Петербург" // *Белый Андрей*. Петербург. Л., 1981. С. 525—623.

⁴⁵ "<...> обнаруживается: в марте Штейнер читает в Гааге курс: "Влияние оккультного развития на тела". Мы рвемся в Гаагу" (Материал к биографии // *Минувшее*. Вып. 6. С. 349). Лекции читались с 20 по 29 марта 1913 г.

⁴⁶ Отъезд в Боголюбы, где жила мать А. А. Тургеневой Софья Николаевна Кампиони (урожд. Бакунина, в первом браке Тургенева), состоялся 26/11 марта 1913 г.

⁴⁷ Иванов-Разумник (псевдоним Иванова Разумника Васильевича; 1878—1946) — критик, историк литературы, с 1916 г. — ближайший друг Белого. О его содействии в издании романа "Петербург" см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка.

⁴⁸ В Гельсингфорс, где Штейнер читал курс "Оккультные основы Бхагавадгиты" (28 мая — 5 июня), Белый и А. А. Тургенева отправились в середине мая, в июне вернулись в Россию, а в августе вновь отбыли за границу: Ася — навсегда, Белый — до осени 1916 г.

⁴⁹ То есть следующий том "берлинской" редакции мемуаров "Начало века", в котором Белый хотел отразить события 1912—1916 гг. и который не написал.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИСТИНЫ

Неповторимая личность Андрея Белого отразила в себе, как в фокусе, важнейшую тенденцию культуры нынешнего столетия: при внутренней разорванности и драматизме — настойчивое, хотя и бесконечно-безнадежное стремление к гармонии, синтезу. Лишь из подвального театра души "только для сумасшедших" путь ведет к небесной цельности Гете и Моцарта (так определил это творческое состояние современник Белого — швейцарский писатель Герман Гессе).

Весь мировоззренческий лабиринт художника и мыслителя Андрея Белого состоит из множества "тупикиков", откуда он с удивительным постоянством выбирается при помощи "ариадновой нити" — символизма. Только символизму, так и не постигнутому во всей своей глубине современниками, зато оказавшемуся актуальным в конце XX в. — актуальным не столько как эстетическая программа, сколько как философская и культурологическая доминанта (к чему всегда стремился сам Белый), он остается верен на протяжении всей жизни.

В этой связи особенное значение имеет антропософия Андрея Белого, именно потому, что она не укладывается в рамки учения немецкого философа Рудольфа Штейнера, основателя антропософии, как не укладывается в какие-либо рамки А. Белый вообще — талант, всегда существующий на пределе (интеллектуальном и творческом), в атмосфере "скандала", вынужденный постоянно доказывать свою "целостную" индивидуальность: и в "дряблости" своей личности (Эллис), и в "эклетициности" философии (Ф. Степун), и в "хаотичности" художественной системы. Замечу, что ведь и великого "олимпийца" Гете друзья называли "хамелеоном", а его личные качества всегда оставляли желать лучшего — но кто об этом помнит сегодня?! Ведь и Гете стремился к внутреннему синтезу — поэта, ученого и философа, а в нем до сих пор видят лишь гениального художника! "Я не похваляюсь тем, что я сделал как поэт... — сказал он однажды своему секретарю И. П. Эккерману. — Но то, что в наш век в многотрудной науке, занимающейся проблемами цвета, мне одному известна истина, это преисполняет меня гордости и сознания превосходства над многими"*.

Стремление русской культуры "серебряного века" к самопознанию, к осмыслению собственной идентичности не могло не затронуть одного из наиболее ярких ее выразителей. Андрей Белый, как и большинство современников, осознает свое время как целостную эпоху — некий рубеж,

---

* Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 297.

своеобразие которого он передает ярким образом: "перевал". Этот рубеж — перевал-переход в новое культурное пространство, т. е. *неустойчивое равновесие* на самой вершине пути, и создает особую кризисность, противоречивость, неуравновешенность современной эпохи "на перевале". Бельгий, как барометр, чутко улавливает, что интеллектуально-художественный расцвет "серебряного века" "чреват" катастрофами, этой теме специально посвящает ряд работ ("Кризис сознания и Генрик Ибсен", "Кризис культуры", "Кризис жизни" и др.).

Символизм для него становится своеобразным выходом из этой кризисной ситуации, потому что символ, как таковой, предполагает создание целостности, качественно-количественного единства противоположностей, внутри его структуры происходит "снятие" внутренней противоречивости и ее творческое преобразование в гармонию.

Но если в теоретических работах Белого 1900-х гг. символ рассматривается прежде всего как философско-эстетическая категория, то постепенно его все сильнее начинает привлекать идея всеобщей символизации Бытия, а символ все больше и больше заменяет философские категории — "идею", "понятие", "разум", "сознание", превращается в своеобразную символическую форму *образного мышления*. Переоценка роли чисто теоретического знания, "эмблемой" которого для Белого был "очищенный" неокантианца Имануил Кант, начинается еще до личной встречи с Рудольфом Штейнером в 1912 г. — в метаниях его мысли от Артура Шопенгауэра к Фридриху Ницше, от Владимира Соловьева к теософии, но несомненно, что именно штейнеровское понимание сущности и взаимосвязи идеи и Бытия помогло Белому четко сформулировать важный для его мировосприятия вопрос о *границе познания* как такового. К этому вопросу он постоянно возвращается практически во всех своих философских работах 1910-х и особенно 1920-х гг. — начиная с художественно-философского эссе "Круговое движение" (1912) в символистском журнале "Труды и дни" и кончая огромным незавершенным антропософским трактатом "История становления самосознающей души", который до сих пор, к сожалению, не опубликован. Если понимать познание — *о-смысление знаний* — как "рассудочную спекуляцию", то действительно, считает Бельгий, Кант прав, и мы не можем познать целый пласт Бытия — сферу "разума", мир идей ("вещь в себе"). Но если научно-теоретическую идею рассмотреть как особый "образ", т. е. заменить рассудочное мышление *спекуляцией имагинативной* (образной), то границы научного познания исчезнут, гносеология превратится в "диалектику образотворчества" и тогда логически непознаваемый, по Канту, мир идей раскроется как сфера постигаемого в творчестве Символа. Теперь Бельгий понимает познание как "расширение самосознания" до сферы разума (идеи-образа) — деятельное преобразование своей субъективности в субъективность универсальную, когда "Я"-индивидуум становится представителем человечества, природы, Космоса. "Я" (субъект идеальной сферы), символически воплощая собственный смысл, парадоксальным образом проясняет смысл Природы (объективного мира).

До встречи со Штейнером эта идея уже намечалась в сознании Белого как выведенная посредством логических рассуждений "сумма" — или конструкция — отдельных мировоззренческих установок: *неокантианства*, исследовавшего законы логики как основные принципы построения Бытия (по излюбленной формулировке Белого, воспроизводящей мысль неокантианца Генриха Риккерта: "бытие как форма суждения"); *ницшеанства*, открывшего "ритмическую" основу мысли ("легконогий плясун"-мыслитель Заратустра); учения Владимира Соловьева с его идеями Богочеловечества — "абсолютного организма" и Логоса — идеального человечества (Белый понимает Логос как идеальную, возможную в будущем "образную", т. е. символическую, логику, когда-то уже воплощавшуюся в Христе); *теософии*, предлагающей методы "выхода" за пределы чувственной реальности, и некоторые других учений.

Антропософия же в сознании Белого плодотворно соединила "сумму знаний" в синтез, или, поскольку сам Белый понимал слово "синтез" только в смысле "рассудочной" совокупности элементов, — в "символ" как абсолютно целостную и качественно новую структуру. Если раньше он толковал символизм как особую "организацию" знаний, то теперь он перестраивает свою теорию в "*органику* знаний". "Нерв той органики, — пишет Белый, — антропософия", которая "ключ мне открыла к умению в себе развивать импульс к соединению знания"*.

Антропософия — "наука" о "духовных" методах познания чувственной действительности — была создана в начале нашего столетия Рудольфом Штейнером в рамках его собственной философской системы и под влиянием ряда идей теософского учения русской писательницы Елены Блаватской (1831—1891) — своеобразной "научной" религии, разрабатывающей практические приемы постижения Божественной сущности. В основе теософии лежала идея сакральной тождественности религиозных догматов различных вероисповеданий, древневосточная концепция кармы и перевоплощения, некоторые "открытия" индийских йогов.

Штейнер, который руководил немецкой секцией Теософского общества, основанной в 1902 г., постепенно осознает специфику своей доктрины, ориентированной прежде всего на западную духовность (христианство и гностицизм). Под воздействием ряда обстоятельств, о которых рассказывает Белый в своих "Воспоминаниях о Штейнере", немецкая "ветвь" в 1913 г. преобразуется в Антропософское общество, существующее и в настоящее время. Сердцевинной антропософского учения становится пришествие Христа (теософы видели в нем лишь одного из "учителей мудрости"), но при этом Штейнер использует многие философско-религиозные идеи восточного эзотеризма и оккультизма, а также теософский терминологический аппарат.

Рудольф Штейнер замыслил создать целую контркультуру, предлагающую выход из кризисного состояния Европы на рубеже нынешнего

---

* Белый Андрей. История становления самосознающей души. Авторизованная машинопись // ОР. РГБ. Ф. 25. С. 725.

столетия. Вероятно, именно в этом одна из причин необычайной популярности антропософского движения, особенно среди русской интеллектуальной элиты "серебряного века", смутно предчувствующей "вселенскую" катастрофу и в целом ориентированной на поиск религиозного идеала. Одним из самых знаменитых русских антропософов был, несомненно, Андрей Белый — живой пример "кризиса сознания", который он так остро чувствовал. Пытаясь преодолеть собственные внутренние метания, он постоянно дублирует, наславивает, усиливает попытки духовного восхождения из кризиса к гармонии. Поэтому свой главный путь к целостности личности и современной культуры через художественно-религиозно-символическое жизнетворчество он так легко соединил с антропософским импульсом — "научно-духовным" жизнетворчеством и воспринял штейнеровское учение не только (вернее, не столько) как "окультистную" науку, но как "закваску импульсов европейской культуры пяти последних столетий"* , особый "организм культуры".

Для немецкого сознания издавна была характерна идея, что каждый человек способен проникать в "потусторонний", или "идеальный", мир (необходимо лишь развить "зародыш" сверхчувственных органов восприятия), — идея, лежащая в основе и германской средневековой мистики, и учения раннего Лютера, и чисто немецкой формы религиозности — "пнетиизма". Эта интуиция оплодотворила сознание даже такого "чистого" теоретика, как Кант, не говоря уже о немецкой романтической традиции.

Привлекательность штейнеровского "окультизма" для многих его сторонников заключалась в том, что для изучения "феноменов" сверхчувственного мира он применял не туманное мистическое озарение, но "научные" методы, обосновывая развитие в себе "высшего" "Я".

Еще в работах доантропософского периода, в которых Штейнер развивает собственную теорию познания, он создает понятие "чистого опыта" — краеугольный камень своей философской системы. Вступая, как и многие его современники, в полемику с Кантом, он полагает, что существует познаваемая объективная действительность, состоящая как бы из двух слоев: чувственного опытного мира, постигаемого рассудком, и сверхчувственного мира "чистого опыта", познаваемого разумом как "идея". Если в традиции немецкого идеализма, которую как бы пытается преодолеть Штейнер, "вне-чувственный" (трансцендентный или трансцендентальный) мир интерпретируется как "царство" религии, философии или искусства, то для Штейнера это сфера особого "опыта", а значит, и особой точной "науки". Но тогда необходимо совершенно по-другому осмысливать и такие категории, как "познание", "разум", "идея", которые должны быть рассмотрены как факты опыта. Объективно говоря, уже Кант в "Критике чистого разума" вывел теоретическую "идею" из сферы рассудка, создающего аналитические и синтетические суждения, и поместил ее в сферу "разума", где происходит недоступная нашему пониманию деятельность

* Белый Андрей. Воспоминания о Штейнере. С. 268 наст. изд.

волевого творческого начала. Именно благодаря ему стал возможен следующий шаг — вывод о познаваемости философской "идеи" в творческом (уже не просто волевым, но эстетическом) акте.

Этот шаг, правда очень осторожный, делает сам Кант, когда в "Критике способности суждения" интерпретирует искусство на основе понятия творческой (эстетической) идеи как некую целесообразность, подобную (только подобную!) человеческому организму. Гораздо увереннее действует Гете, который принимает не только положение Канта об "органической форме" искусства, но благодаря своим занятиям натурфилософской мистикой и алхимией принимает также тезис об одухотворенной, "живой" природе как "органической форме". "Живая", т. е. конкретная, идея, "живое целое", организм, символ — это все синонимы каждой из трех сфер Бытия: природы, человеческого существа и "произведения" искусства. Их "органическая форма" имеет, с точки зрения Гете, сверхчувственный "духовный" импульс, который он в статье "Влечение к оформлению" (1817) именует "Бог, Вседержитель, Творец". Значит, и "идея", как таковая (не только эстетическая, но и философская, превращается в идею-образ (ішаго), "идею в явлении", "символ". Рассуждая подобным образом, Гете приходит к учению о тотальной символизации Бытия.

Поскольку "теория сознания" — в такой форме для Штейнера существует гносеология — создается им одновременно с изучением естественно-научного наследия Гете, именно в гетевском учении о природе находит он "подтверждение" собственным интуициям. Именно гетевская идея "организма" как "чувственно-сверхчувственного" образования, целостность которого формируется особым "живым" духовным принципом, становится ядром его философии, а затем "тайноведения" (или "духовной науки") — так Штейнер именует антропософию. Антропософский индивидуум, гетевский организм, толкуемый необычайно широко, оказывается синтетическим единством материального и духовного, отдельное существо воплощает, являет "всеобщий", универсальный закон природы, ее духовную основу.

Андрей Белый, для которого в 1900-е гг. "символ" проявляет семантику невыразимого, проясняет некий высший Смысл, создающий целостность любой конструкции ("Эмблематика смысла"), в теоретических работах антропософского периода углубляет и расширяет свою теорию символизма. И теперь в символическом "смысле" ярко проступает индивидуальное, органическое, начало. В статье "Основы моего мировоззрения", написанной в 1922 г., Белый отмечает: "Индивидуальное — целое чего бы то ни было: понятий, идей, чувств, импульсов, или целостностей всего вместе; индивидуальное до-понятийного и до-чувственного ограничения целого; целостность жизни понятий есть смысл" (выделено мной. — И. Л.)*.

---

* Белый Андрей. Основы моего мировоззрения // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 22.

Точку, в которой фокусируется в человеке его индивидуальность, Штейнер называет "сознанием" или "духом", антропософ Андрей Белый — "самосознанием": "конкретным сверх-чувственным образом "субъективно-объективной" (индивидуальной) действительности. И эта действительность — действительность нашего "Я".* Парадокс подобной действительности заключается в том, что в ней не просто уничтожается дуализм разума и чувства, бытия и понятия, "Я" и "не-Я", но возникает новое качество, в котором один элемент одновременно репрезентирует другой: например, "дух" в этом смысле всегда проявляется как "пластическая форма" — образ; "сознание" не отделяется от индивидуального "тела".

Индивидуум конкретен — символ конкретен также. Но ведь "идея" в философии Штейнера и "дух" в его антропософском учении всегда "явлены" как "конкретные моносны" — нерасчленимые единицы. Именно органический принцип смыслополагания, формирующий мир живых существ, лежащий в основе учений Гете и о художественном символизме, и о философской "идее", и о природном организме—"метаморфозе", скрепляет в целостное единство как символическую "реальность" Андрея Белого, так и "духовные" ("идеальные") миры Рудольфа Штейнера.

Индивидуальность, как таковая, ярче всего находит свое выражение в конкретном человеке; а наиболее точно понять и изучить возможно только собственную индивидуальность. В идеале именно автобиография, т. е. материалы собственной жизни, представляют собой, с точки зрения "символиста" Гете и антропософа-символиста Андрея Белого, идеальное "произведение", художественную целостность, так как любая художественная форма — это организм, индивидуум, символ; но и символ — это, в свою очередь, индивидуум. Поэтому изображение конкретной индивидуальности (биография), в идеале художественное "воплощение" самого себя (автобиография), является наиболее адекватным символу-организму в искусстве. Хорошо известно, что одну треть творческого наследия Гете составляют его сочинения автобиографического характера, а его романы повествуют о "воспитании" (*Bild-ung*), т. е. процессе "образ-ования" индивидуальности человека. Андрея Белого также интересует формирование собственного "самосознания". С середины 1910-х гг. он работает над многочисленными само-исследованиями (в художественной прозе, в стихах, в дневниках и документальной автобиографической прозе), закономерно завершившимися теоретическим трудом "История становления самосознающей души", где отдельные самонаблюдения и рассуждения об индивидууме Андрее Белом обобщены до понимания культуры как индивидуума или, другими словами, "организма"-символа.

Этот новый этап развития символической теории Белого можно, пожалуй, определить как своеобразный "антропософский символизм", когда на первое место выдвигается изучение сущности "органического" живого сим-

---

* *Белый Андрей*. Основы моего мировоззрения // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 22.

вола-индивидуума. В "Истории становления самосознающей души", касаясь этого времени, Белый пишет: "...уж с 1910 года мне стало отчетливо: символ есть образ духа в душе" (выделено мной. — И. Л.)*.

Его "Воспоминания о Штейнере" — та же самая попытка понять себя как "идею в явлении", как символ: ведь Штейнер осмыслиется им как "конкретно-идеальное" сознание, повторяющее в своих "духовных" основаниях индивидуальность самого Андрея Белого. Раскрывая собственную "духовную" основу, считают Штейнер и Белый, возможно понять "идеальную" сущность Бытия, потому что "дух" и "идея" идентичны, они представляют собой особую "течущую" и подвижную форму — энергию ("образ духа"), которую можно описать в философско-эстетических категориях "ритма", "градации", "контрапункта", "комплекса", "со-знания", "символа", что и делает "теоретик" Белый; можно "увидеть" в образе "капли", "искорки"... "частицы" пламени, "ветки", как, например, ее "во-ображает" немецкий средневековый мистик Мейстер Экхарт; можно изучать как "метаморфозу" или органический "тип" — научный "объект" Гете; а можно "в-житься" в эту "форму", жить жизнью "духовного существа" — здесь определение совпадает со своеобразным "само-духотворчеством", нечто подобное происходит в антропософской "интуиции".

Итак, "образ духа" ("символ", "самосознание") и представляет собой сущность жизни — ее сверхчувственный, "органический" импульс, который Гете когда-то назвал "стремлением к о-формлению" (Bildungsbetrieb), а Аристотель еще ранее "энтелехией". Задача истинной науки, познающей мир, как ее понимает вслед за Штейнером Белый, подойти к основаниям жизни. Поэтому в своем "семинарии" по вопросам "антропософского гетизма" — в книге "Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности" — Белый столь много внимания уделяет именно научно-философским интуициям Штейнера, считая, что в современной физике, берущей свое начало, позволив себе каламбур, в "Началах" Ньютона и новой философии, критицизм и "неокритицизм" которой основан на учении Канта, потерян самый главный "познавательный" элемент, который единственно способен собрать в целое наш разломанный на "научно-теоретические" кусочки мир: понимание Природы как "органической" жизни и "разгляд" Мысли как "живого" образа, метаморфозы, "жизни самой мысли". Антропософия же, считает Андрей Белый, и есть настоящая философия — не логическое теоретизирование, ограниченность которого так прекрасно удалось показать Канту, но безграничная "жизнь" духа, которую скрепляет особая "образная" логика (связь суждений) — Логос. Он и становится в результате еще одним символом, т. е. соответствием Символа — и в том значении, как его понимала древнегреческая традиция (гераклитовский "огненный" ритм Бытия), и в смысле христианско-гностического Логоса-Христа. Таким образом, Белый видит глубокое внутреннее единство философского и антропософского "импульса" Штейнера. Более того, оп-

* Белый Андрей. История становления самосознающей души. С. 718.

ределение антропософии как практического "пути самосознания" — пути к Христу, становится в его размышлениях еще одной характеристикой символизма. Подобным образом Белый играет и словом "софия", противопоставляя *фило-софию* и *антропо-софию* как теоретическую "мудрость" и Софию (Душу мира) — конкретное воплощение "живой" сущности Божией Премудрости, привнося в такое толкование слова отблеск русских идей "серебряного века". Первая пара понятий (логика — Логос) неоднократно возникает в теоретических связях "Рудольфа Штейнера и Гете", ведь здесь идет речь о специфике философии Штейнера, вторая же пара (софия — София) проходит красной нитью через "Воспоминания", тема которых, по замыслу Белого, "показать жизненную мудрость" Штейнера-учителя.

Книга "Рудольф Штейнер и Гете" была задумана Андреем Белым как "ответ" на труд своего бывшего соратника по символистскому движению Эмилия Карловича Метнера "Размышления о Гете", вышедший в свет в 1914 г. Автор подвергает сомнению правомочность штейнеровского подхода к гетевскому научно-философскому наследию. При этом он совершенно не различает и не разделяет штейнеровскую философскую теорию "конкретного идеализма" и антропософский "практический" путь постижения идеальных миров — своеобразную антропософскую христологию.

Метнер, известный в русских интеллектуальных кругах гетевед ("гетист"), знаток художественного и философского творчества Гете, как и большинство современников, находился под влиянием широко распространенного мнения о дилетантизме Гете-ученого и, значит, о незначительности гетевских сочинений по естествознанию. Хорошо понимая тем не менее значение философских работ Гете, Метнер отрывает и здесь философию великого поэта от его "чистой" поэзии. Более того, будучи приверженцем неокантианства и редактором неокантианского философского журнала "Логос", он интерпретирует гетевскую "идею" как чисто философскую схему, подменяя натурфилософский символизм Гете собственной "критической" установкой. Поэтому метнеровский "гетизм" можно, пожалуй, определить как типичное гетеведение эпохи рубежа прошлого и нынешнего столетий, которое исследовало художественный символ Гете как эстетическую категорию, а его философскую "идею" (идею-образ) как кантовскую или чаще неокантианскую "идею" — в частности, Метнер постоянно цитирует одного из самых авторитетных гетеведов той эпохи Карла Форлендера. Гетевская "органика" (учение о живых организмах — "метаморфозе" растений и животном "типе") и "физика" (учение о цвете) толковались в философско-эстетических трудах рубежа XIX—XX вв. (в книге того же Метнера) как абстрактные схемы, а в естественно-научных сочинениях как "странность" великого художника — например в популярных лекциях знаменитого физика Г. Гельмгольца.

Штейнер же, являясь доктором философии, начал свою деятельность "гетеведа" с изучения именно научного наследия Гете: он был редактором, комментатором и автором вступительных статей к четырем томам "Естест-

венно-научных трудов" Гете, изданных в 1884—1897 г. Поэтому естественно-научные взгляды Гете, повлиявшие, как мы уже отмечали, на формирование его собственной научно-философской теории, а затем антропософского понимания интуиции, легли в основу штейнеровского подхода как к философии, так и к эстетике Гете. В этом, думается, было преимущество Штейнера как исследователя, ведь философия, эстетика и поэтика Гете неразсторжимо связаны с его толкованием природы в целом.

Бельгий, для которого, во-первых, не существовало, как и для Метнера, непрепрекаемых академических авторитетов в вопросах, касающихся Гете, который, во-вторых, уже ко времени выхода в свет книги "Размышления о Гете" принял антропософский "импульс" и связал штейнеровский "конкретный идеализм" со своей теорией "конкретного символизма" и который, в-третьих, проштудировал в отличие от Метнера все комментарии Штейнера к естественно-научным сочинениям Гете, опираясь на свою теорию "антропософского символизма", как это звучит ни парадоксально, достиг натурфилософский символизм Гете и его "физику" гораздо глубже, чем "гетист" Метнер и "гетеанец" Штейнер.

Основная полемика в книге "Рудольф Штейнер и Гете" разгорается вокруг понятия естествознания, "науки" как таковой. Бельгий разбирает философские истоки "духовной науки", связывая антропософские ступени "вживания" в духовные миры (имагинацию, инспирацию, интуицию) со штейнеровской до-антропософской категорией "идея"-организма (конкретной идеей), сущность которой, как упоминалось выше, составляет гетевское представление об органической форме как "живом" и конкретном чувственно-сверхчувственном единстве или, другими словами, метаморфозе.

Но поскольку теперь Бельгий понимает и собственный символ как антропософскую "идею"-организм, то "духовная наука" в его книге приобретает функцию своеобразного символического "наукоучения", являясь обобщением всех будущих точных наук, и символического естествознания, намеченного уже в "органике" Гете (в его ботанике, зоологии и анатомии), и символической математики — науки о "живых" конкретных комплексах чисел, базой которой послужит "аритмология", разработанная знаменитым математиком Николаем Бугаевым — отцом Белого, и "духовной физики" — о ней в "Рудольфе Штейнере и Гете" говорится подробнее всего, потому что, по мысли Белого, новое время забыло исконное значение этого слова: "природа в своей целостности".

Бельгий видит в основании будущей символической физики "учение о цвете" Гете, который, по его мнению, восстанавливает древнейшее, герметическое понимание "света" как единой и нематериальной субстанции, противоположной тьме, видит в нем "духовный первоисток" реального "цветного" мира.

Оригинальность гетевского подхода заключается в том, что тот открывает совершенно новый исследовательский ракурс — физиологию зрения: его "свет" является внутренним свойством человеческого глаза, а проявление того или иного "цвета" зависит от того, через какую по своей интенсив-

ности преграду — "мутную среду" (т. е. тьму) проходит свет. Таким образом, духовное, божественное, но одновременно и человеческое начало, т. е. чистый *органический синтез*, формирует красочный облик мира.

Гетевская "научная" идея "света", открыто противоположная ньютоновской оптике, дополняет теоретические, антропософско-символические интуиции Белого.

"Образ духа" (все тот же символ — подвижная "форма" и одновременно явленная "сущность") во многих мистико-окультирных системах осмысливается как "свет". Но лишь неоплатонически-христианская традиция рассматривает свет как "органический" синтез, присущий "идеальному" человеку — Богочеловеку Иисусу Христу и человечеству в целом. Значит, согласно антропософскому символизму Белого, Христос и есть настоящий символ, тот самый индивидуум, в котором произошло воплощение "идеи" личности. Поэтому в основании Бытия, пространственно-временного континуума, которое Белый исследует в "Рудольфе Штейнере и Гете", он помещает странную, на первый взгляд, понятийную конструкцию "Я-Свет", а по поводу "смысла" человеческого Бытия (истории и культуры), о котором как будто идет речь в "Воспоминаниях о Штейнере", замечает: "Свет Христос просвещает всех".

Символ "Свет-Христос" скрепляет художественную структуру — так и хочется сказать: символический "организм" — "Воспоминаний о Штейнере", которые начинаются и завершаются темой Христа. Образ Штейнера, как он задан в символическом пространстве текста, приобретает явные черты хриstopодобного "духовного существа", "идеального человека", говоря антропософским языком, Духочеловека. Своеобразное антропософско-символическое "Евангелие от Белого" повествует о "крестном пути" Учителя, которого в духе позитивистской эпохи именуют Доктором: его учениках, его "деятельности" в миру, возведении "духовного" Храма — Гетеанума, падающих "замертво" и воскресающих слушателях "курсов"-проповедей, чуде "Преображения" (и именно в 3-й главе — возможный намек на Троицу), особой близости к нему автора — "любимого ученика", которому открылся "свет" антропософской истины, заключенный в гетевском "учении о цвете". Упоминания о "свете", в котором, согласно Белому, сконцентрировано максимум духовности и индивидуальности, появляются в связи со Штейнером неоднократно и как библейские аллюзии ("блистающий вид" "преображенного" Доктора в "христианских" курсах лекций, струящийся "Фаворский свет" его Манаса-самосознания, образ "Неопалимой Купины"; "Дамасский свет", озаривший Штейнера-Павла на его пути к христианству), и как культурные параллели (гетевский Фауст в последней сцене Вознесения, шекспировский Гамлет в исполнении актера Михаила Чехова, сияющий Грааль — центральная тема антропософских мистерий).

Мотив "света на пути" скрепляет в единое целое два публикуемых антропософских сочинения Белого — исследование гетевского света преображающегося в "воспоминание" об антропософском "свете — Христе — Штей-

нере", осиявшим будущего ученика Доктора в его жизненных страстих и "расширившим" его самосознание. В судьбе Андрея Белого — это путь от восточного эзотеризма книги Мейбл Коллинз "Свет на Пути", "встреча" с которой, как замечает сам Белый, произошла в 1901 г., до личной встречи с Рудольфом Штейнером в 1912 г., преобразившим символическую "истину": "Не я, но Христос во мне!" В деятельности и учении Штейнера — героя "Воспоминаний" — путь от теософского "ослепления" к антропософии, к "видению" Дамасского света.

Не менее значима для "Воспоминаний" тема "страстей" — важная в первую очередь для самого Белого. Поскольку символом "самосознания" автора является Штейнер, символом же "всех индивидуумов" вообще — Иисус Христос, она модифицируется в тему Голгофы: видение "живого" символа розенкрейцества (крест в круге) в самый драматический момент чтения одной из лекций курса "Христос и духовные миры" в Лейпциге (декабрь 1913 — январь 1914 г.) превращается в образ "распятого" Штейнера. Мучительное строительство деревянного антропософского "храма" Гетеанума в трудной обстановке Первой мировой войны становится "крестным путем" Доктора. Название швейцарской деревушки близ Базеля, где возводился Гетеанум, рождает характерную для Белого смысловую игру: Дорнах — дорн — терновый венец. Христианская символика дополняется чисто беловскими аллюзиями-образами. Постоянно звучит тема "контрапункта": гармоничной целостности "враждебных" мотивов, пересекающихся в единой точке, в "со-знании", ставшим "самосознанием" — в "индивидууме" (Я) Штейнера-Христа, принявшего на себя все грехи современной, "кризисной" эпохи. Та же тема повторяется в музыке многократно упоминаемого шумановского цикла "Любовь поэта", где гармония любви разбивается о неизбежные страдания из-за измены возлюбленной — тональность последней песни обозначена четырьмя крестообразно расположенными диезами. Даже излюбленные Белым ницшеанские ритмы "Заратустры" (символ того же Штейнера!) глубоко скрыты в хаосе трагедия (искусство = Гетеанум) рождается из дионисийского "духа музыки".

Холм под названием Голгофа, место распятия Христа, разворачивается в пространство Дорнаха — своеобразную "Голгофу" Штейнера, где Гетеанум, его центральная точка (крест, контрапункт), притягивает к себе силы и "света", и "тьмы", превращается в спираль, ввинчивающуюся во Вселенную. Пожар же, уничтоживший Гетеанум в новогоднюю ночь 1922/23 г., — важнейший для Белого трагический символ, итог всей деятельности "земной" личности Штейнера. Очищающий Огонь, синтез "света" и "тлена" ("тьмы"), как бы символически восстанавливает изначальную чистоту штейнеровского учения, "испорченного", как считает Белый, "идеологическими схемами", "духом догматизма и глупого педантизма"*, материализо-

* *Белый Андрей. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 8. С. 434—435.*

вавшегося для него в "окультурных тетках", создающих враждебную "до- рнахскую атмосферу".

Сам Белый не придерживался "буквы" штейнеровского учения. Каса- ясь "догматов" антропософии, он подчеркивает в "Истории становления самосознающей души": "...плохим усвоением я называю их взятие лишь на зубок, а не их изучение во всех контрапунктах значений, или в методоло- гии и в философии антропософии, не в прорастаниях жестов в себе". И далее: "Я скажу парадокс, что действительность антропософии там начинается, где *оканчиваются* тексты д-ра Штейнера"*.

Тема "Символизм Андрея Белого и антропософия", которая здесь только намечена, позволит внести существенные коррективы в понимание эстетических и философских установок этого классика русского сим- волизма. Хочется завершить эти размышления о текстах, впервые в таком объеме представляющих антропософские сочинения Белого, его собствен- ными словами, сказанными по поводу Гете: он "как Феникс, вылетел из пепла штампов и оказался впереди нашего времени, перелетев сто- летия!"**

Ирина Лагутина

---

* *Белый Андрей*. История становления самосознающей души. С. 694.

** *Белый Андрей*. Воспоминания о Штейнере. С. 267 наст. изд.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- А. А.* — см. Блок А. А.
А. А. Т. — см. Тургенева А. А.
А. С. П. — см. Петровский А. С.
Абелс, эрмитистка — 482
Абелар Пьер (1079—1142), французский философ, богослов, поэт — 468
Адам, в Библии первочеловек, созданный Богом — 35
Адиар — 278
Аквилоний — 19, 163
Александр II (1818—1881), российский император с 1855 — 387, 651
д'Альгейм Пьер (Петр Иванович), барон (1862—1922), французский писатель и музыкальный деятель, дядя первой жены Белого, муж певицы М. А. Олениной-д'Альгейм (1869—1970) — 463, 464, 632, 677
д'Альгейм, супруги — 651, 677
Амеросий Оптимский (в миру Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), неросхимонах, старец, духовный писатель — 383, 623
Ангел Силезский (Ангелус Силезнус, псевд. Иоганна Шефлера) (1624—1677), немецкий поэт-мистик, автор книги "Херувимский странник" (1657) — 382, 384
Андерсен Ханс Кристиан (1805—1875), датский писатель-сказочник — 410, 491, 585, 643
Анныкова Ольга Николаевна (?—1949), антропософка, участница строительства 1-го Гетеанума — 434, 481
Араго Доминик Франсуа (1786—1853), французский физик, открыл явление поляризации света, установил связь полярных сияний с магнитными бурями — 19, 57
Аренсон (Аронсон) Адольф (1855—1936), композитор, теософ, антропософ (с 1903), создатель музыки для мистерий Штейнера — 399, 406, 662, 683
Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый — 17, 19, 52, 54, 137, 143, 144, 145, 146, 162, 163, 179, 223, 224, 249, 556, 569, 575, 580, 591, 593, 600, 692
Архимед (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый — 566
Астров Павел Иванович (1866—1919), юрист и публицист — 658, 681

Б. П. Г. — см. Григоров Б. П.
Баадер Франц Ксавер фон (1765—1841), немецкий католический философ, ученый, мистик — 26, 312, 384, 624
Бай фон, братья, участники строительства 1-го Гетеанума — 491
Бай фрау, участница строительства 1-го Гетеанума — 481
Бальмонт (урожд. Андреева) Екатерина Алексеевна (1867—1950), переводчица, вторая жена К. Д. Бальмонта — 661, 683
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942), поэт-символист, переводчик, критик — 261, 605, 615, 683
Бальфур — 320
Баравал Герман фон (1898—?), математик, физик, педагог, автор книги "Рудольф Штейнер как воспитатель" — 275, 399

* В указатель включены имена, встречающиеся только в тексте Белого.

- Баратынский Евгений Абрамович** (1800—1844), русский поэт — 12, 166, 359, 360
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович**, князь (1761—1818), русский генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 — 399, 401, 402, 533, 626
- Бауэр Михаил** (1871—1929), один из первых учеников Штейнера, активный деятель АО; автор религиозно-философских и педагогических сочинений — 286, 300, 378, 382—389, 398, 400, 401, 404, 405, 407, 409, 417, 420—422, 432, 484, 533, 623, 626, 656, 662, 680, 683
- Бах Иоганн Себастьян** (1685—1750), немецкий композитор и органист — 455
- Безант Анни** (1847—1933), английская писательница и общественная деятельница; президент Теософского общества с 1907 — 278, 279, 405, 406, 500, 501, 609, 611, 640, 656, 661, 673, 680, 683
- Бек Герман** (1875—1937), юрист, профессор санскрита, Тибета и индологии в Берлинском университете; автор нескольких антропософских сочинений по буддизму, Евангелиям, музыке — 417
- Беккерель**, семья французских физиков, изучавших явление фосфора и флюоресценции (Антуан Сезар, 1788—1878; его сын Александр Эдмон, 1820—1891; внук Антуан Анри, 1852—1908) — 19, 57
- Бёклин Арнольд** (1827—1901), швейцарский живописец — 475, 476
- Бёме Якоб** (1875—1924), немецкий философ-мистик и психист — 26, 143, 150, 382, 405, 576, 577, 631
- Бен-Ландира Иисус** (2-я пол. 2 в. до н. э. — 1 в. н. э.), возглавлял Ессейское братство — 500, 532, 635
- Бергегрюн** (урожд. Андреева) Татьяна Алексеевна (ок. 1861—ок. 1945), теософия, затем антропософия, участница строительства 1-го Гетеанума, сестра Е. А. Вальмонт — 491, 661, 683
- Бергсон Анри** (1859—1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни — 333
- Бердлее Николай Александрович** (1874—1948), религиозный философ, публицист, критик, с 1922 — в эмиграции — 260, 332, 333, 351, 534, 614, 617
- Бертолле** (Бертоллэ) Клод Луи (1748—1822), французский химик, основатель учения о химическом равновесии — 47
- Беттихер Карл Август** (1760—1835), немецкий археолог, филолог — 592
- Бетховен Людвиг ван** (1770—1827), немецкий композитор, пианист и дирижер — 27, 226, 335, 349, 350, 403, 543, 601
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен**, князь (1815—1898), первый рейхсканцлер Германской империи (1871—1890) — 78
- Блаватская** (урожд. Ган, псевд. Рада Бай) Елена Петровна (1831—1891), писательница и общественная деятельница, основательница Теософского общества (1875) — 267, 405, 547, 608, 613, 640, 673, 674, 688
- Блок Александр Александрович** (1880—1921), русский поэт — 260, 536, 613, 636, 655, 657, 661, 662—665, 667—674, 677, 680—684
- Блумель Эрнст** (1884—1951), математик, педагог Вальдорфской школы в Штутгарте — 275, 491
- Блэр** — 19, 57
- Боголюбская Нина**, эзритристка — 398, 481, 482, 491
- Бодлер Шарль** (1821—1867), французский поэт-символист — 294
- Бойль Роберт** (1627—1691), английский химик и физик, ввел в химию экспериментальный метод — 52, 567
- Бок** (Бокк) Эмиль (1895—1959), теолог, пастор, член АО, один из основателей Общины христиан; перевел Новый Завет, где выбор лексикон приспособлен к антропософским понятиям — 275, 409
- Болт Эрнст**, антропософ, автор книг об антропософии и Штейнере — 281, 527, 613
- Бор Нильс Хенрик Давид** (1885—1962), датский физик, создатель теории атома — 526

- Бразоль** Александр, русский инженер, участник строительства 1-го Гетеанума — 481, 482
- Бретано** Франц (1838—1917), католический священник, немецкий философ — 278
- Бруно** Джордано (1548—1600), итальянский философ, автор учения о бесконечности и бесчисленном множестве миров — 27, 207
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, теоретик русского символизма — 305, 307, 333, 603, 615, 617, 658, 681
- Бугаев** Николай Васильевич (1837—1903), математик, профессор и декан физико-математического факультета Московского университета; отец Андрея Белого — 65, 72, 377, 517, 572, 694
- Бугаева** (урожд. Егорова) Александра Дмитриевна (1858—1922), мать Андрея Белого — 517, 613, 668, 670, 672, 675, 679, 682
- Бугаева** (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева) Клавдия Николаевна (1886—1970), антропософка, вторая жена Белого — 256, 612, 644, 659, 667, 674, 681
- Будда** (Смьдхартхе Гаутаме, одно из имен Шакьямуни) (623—544 до н. э.), основатель буддизма — 272, 348, 610
- Булгаков** Сергей Николаевич (1871—1944), религиозный философ, экономист, критик, публицист; с 1923 — в эмиграции — 317, 321, 534, 585, 596, 609, 619, 632
- Бэкон** Роджер (ок. 1214—1292), английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец — 163, 365, 594
- Бэкон** Фрэнсис (1561—1626), барон Веруламский и виконт Севт-Олбанский, английский философ, родоначальник методологии опытной науки — 163, 365, 567, 594
- Бюффон** Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский естествоиспытатель — 19, 57
- Вагнер** Гюнтер (1842—1930), фабрикант, активный участник АО — 398
- Вагнер** Рихард (1813—1883), немецкий композитор, философ культуры — 466, 543, 544, 550, 582, 598, 649, 673, 676
- Вакано** Генриет Фрейн фон, переводчица сочинений Вл. Соловьева на немецкий язык — 663, 684
- Ваксмут** Гюнтер (1893—1963), доктор права, руководитель секции естествознания АО, автор трудов о синтезе в антропософской оптике — 426
- Вале** Рихард — 126, 588
- Валлен**, барон — 420
- Валлер-Пиле** Мнета (1883—1954), эвритмистка, антропософка, участница росписи 1-го Гетеанума, друг Сивера и Штейнера — 301, 311, 325, 326, 330, 336, 458, 460, 463, 482, 491
- Вальтер** (урожд. Зеллинг) Клара (1875—1961), сестра В. Зеллинга, экономка Штейнера — 491
- Вальтер** Курт (1874—1940), руководитель различных ветвей АО в Германии; чиновник Главного почтамта — 325, 413—415, 420, 421
- Ван Дейк** Антонис (1599—1641), фламандский живописец — 323
- Вандервельде** (Вандервельд) м-м, жена Э. Вандервельде — 644
- Вандервельде** (Вандервельд) Эмиль (1866—1938), бельгийский политический деятель, социалист, председатель II Интернационала (1900), член правительства Бельгии (с 1914) — 644, 674
- Ван дер Паальс** Леопольд (1884—1966), композитор — 482
- Вандрей** — 417
- Ван Лерберг** Шарль (1861—1907), бельгийский писатель, символист — 649, 676
- Вариско** Б., русский философ, один из авторов журнала "Логос" — 183
- Васильева** — см. Бугаева К. Н.
- Вегагин** Герман, участник строительства 1-го Гетеанума — 476, 477, 481, 491
- Вегман** Ита (1876—1943), голландка, врач, теософка, антропософка (с

- 1903), основательница клиники в Арлесхайме, личный врач Штейнера — 425, 426, 432, 454, 609
- Вейнгартнер** Феликс Пауль (1863—1942), немецкий дирижер, композитор, писатель-неоромантик — 275
- Верлен** Поль (1844—1896), французский поэт-символист — 582
- Верхарн** Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт и драматург — 244, 649, 676
- Вестфальд** — 57
- Вивекананда** Свами (1863—1902), индийский мыслитель, гуманист, автор "Карма-йоги" — 423
- Вик** Клара (в замужестве Шуман) (1819—1896), немецкая пианистка, композитор, педагог, жена Р. Шумана — 436
- Викентьев** Владимир Михайлович (1882—1960), историк, египтолог; муж М. И. Сизовой — 656, 680
- Вилламовиц-Мёллендорф** (Меллендорф) Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог, автор трудов по культуре Древней Греции — 224, 277, 600, 611
- Вильгельм I** Гогенцоллерн (1797—1888), прусский король (с 1861) и германский император (с 1871) — 387, 651, 683
- Вильгельм II** Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918), внук Вильгельма I — 332, 447
- Виндельбанд** Вильгельм (1848—1915), немецкий философ, основатель баденской (фрейбургской) школы неокантианства — 122, 177, 399, 584, 597
- Волошин** (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), русский художник, поэт — 614, 649, 675, 676
- Волошина** (урожд. Сабашникова) Маргарита Васильевна (1882—1973), художница, одна из первых учениц Штейнера; деятельная участница АО; первая жена поэта М. А. Волошина — 306, 313, 468, 469, 481, 482, 604, 605, 618, 631, 636, 656, 659, 663, 669—672, 674, 677, 682, 684
- Вольинский** (наст. фам. Флексер) Аким Львович (1861—1926), литературный критик, философ, искусствовед, драматург — 312, 616
- Вольфрам** Элиза (1868—1942), писательница, лектор, руководитель антропософской ветви в Лейпциге — 283, 417, 460, 482, 491
- Вольфгюгель** Макс (1880—1963), художник, скульптор, педагог Вальдорфской школы, участник строительства 1-го Гетеанума — 432, 433, 481, 491
- Вронский** (Вронский; наст. фам. Хёне) Юзеф (1776—1853), польский математик и философ-мистик — 144
- Врэдв** Элизабет (1879—1943), теософка, антропософка (с 1802), руководитель секция математики и астрономии в Гетеануме; инициатор создания архива лекций Штейнера (1919) — 425, 432
- Вундт** Вильгельм (1832—1920), немецкий психолог, физиолог, философ, один из основоположников экспериментальной психологии — 71, 165, 224, 274, 573, 600
- Высяляцкий** (Высялянский) Станислав (1869—1907), польский драматург и художник, участник движения "Юная Польша" — 475
- Вьяса**, легендарный древнеиндийский поэт, которому приписывается авторство "Махабхараты" — 167, 215
- Гален** Клавдий (ок. 130—ок. 200), древнеримский врач, давший первое анатомо-физиологическое описание организма — 163, 594
- Галилей** Галилео (1564—1642), итальянский ученый, один из основателей точного естествознания — 52, 567
- Гамильтон** Лилиан, баронесса, шведка, антропософка, участница строительства 1-го Гетеанума — 420, 482, 491
- Ганна**, фрейлейн — см. Гюнтер Ганна
- Гаррис** Лилла, участница строительства 1-го Гетеанума — 418, 419, 491
- Гартман** Эдуард фон (1842—1906), немецкий философ, сторонник пансихизма; в этике вслед за Шопенгауэром разрабатывал концепцию пессимизма — 150, 165, 590, 595

- Гаэр**, участник строительства 1-го Гетеанума — 491
- Гегель** Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ, создатель систематической теории диалектики — 14, 15, 18, 45, 116, 143, 167, 179, 188, 226—228, 251, 268, 390, 557, 562, 563, 575, 577, 584, 601, 624, 626
- Гейдбрандт** В. С. фон, художник, участник строительства 1-го Гетеанума; брат К. Гейдбрандт — 283, 481, 491
- Гейдбрандт** Каролина фон (1886—1938), педагог Вальдорфской школы в Штутгарте, автор книг по педагогике; сестра В. С. Гейдбрандта — 399, 432, 473, 488, 491
- Гейзенберг** Вернер (1901—1976), немецкий физик, один из создателей квантовой механики — 545
- Геккель** Эрнст (1834—1919), немецкий биолог-дарвинист, представитель естественно-исторического материализма и эволюционизма — 84, 105, 111, 134, 144, 203, 207, 241—243, 564, 571, 577
- Гельм-Гойден** фрау, председательница Христианской (Осло) ветви АО — 420
- Гельмгольц** Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), немецкий естествоиспытатель, автор основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения — 54, 64, 69, 78, 93, 222, 250, 558, 571, 572, 578, 589, 626, 693
- Гераклит** Эфесский (ок. 544 — ок. 483 до н. э.), древнегреческий философ-диалектик — 134, 162, 348, 577, 589, 593
- Герbart** Иоганн Фридрих (1776—1841), немецкий философ, психолог и педагог — 17, 132, 150, 181, 597
- Геринг** Эвальд (1834—1918), немецкий физиолог, автор одной из теорий цветового зрения — 43, 560
- Герц** Генрих Рудольф (1857—1894), немецкий физик, экспериментально подтвердивший тождественность основных свойств электромагнитных и световых волн — 71
- Герцен** Александр Иванович (1812—1870), писатель, философ, публицист, революционер — 391, 625
- Гершель** Джон Фредерик Уильям (1792—1871), английский астроном, физик — 19, 48, 57, 566
- Гессен** Сергей Иосифович (1887—1950), русский философ, один из авторов журнала "Логос" — 399, 588, 597
- Гете** Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт, натурфилософ, ученый — 8—10, 12—23, 36—58, 63—65, 70—72, 74, 77—81, 83—89, 94—96, 98—113, 117, 129, 130, 132—135, 143—149, 152, 154—158, 161, 162, 164, 165, 170—174, 176—182, 189, 197—199, 204—219, 221—228, 230—232, 236, 238—245, 247—249, 251—253, 264—267, 269, 272—274, 276, 319, 321, 341, 366, 376, 419, 420, 445, 458, 459, 474, 536, 537, 538, 539, 540, 543—550, 554, 555, 558—568, 570—574, 577, 578, 580—582, 584—589, 592, 593, 596, 602—607, 612, 613—616, 619, 627—629, 631, 632, 636, 683, 686, 690—697
- Гейфдинг** (Гейфдинг) Харальд (1843—1931), датский философ, сочетавший эмпиризм с идеями Канта — 71, 164, 574
- Гипатия** (Ипатия из Александрии) (ок. 370—415), женщина-ученый, математик, астроном, философ-неоплатоник, убита толпой религиозных фанатиков — 419, 628
- Гиллис** Зинаида Николаевна (1869—1945), русская писательница, с 1920 — в эмиграции — 165
- Гоголь** Николай Васильевич (1809—1852), русский писатель — 27, 440, 590, 633
- Гобманстал** Гуго фон (1874—1929), австрийский драматург, поэт, прозаик, критик — 267, 274
- Гош** Генрих, антрополог, участник строительства 1-го Гетеанума — 319, 452, 491, 524, 535
- Григорьев** Борис Павлович (1883—1945), экономист, один из основателей Рус-

- ского АО и его первый председатель — 399, 481, 645, 668, 674
- Гриммалди Франческо Мария* (1618—1663), итальянский физик и астроном, открыл дифракцию света (и ввел сам термин); последователь волновой теории света — 19, 163
- Гримм Герман* (1828—1901), литератор, историк искусства, исследователь творчества Гете; сын и племянник братьев Гримм — 341, 410, 458, 474, 632
- Гросхайнц Эмиль*, доктор (1867—1946), дантист, антропософ, участник строительства 1-го Гетеанума, антропософ — 282, 475, 476, 477, 482, 491
- Гру Аври де* (1867—1930), бельгийский художник, литограф, скульптор — 637, 672
- Грубер Иосиф*, австрийский отнагр — 99, 580
- Губбе-Шлайден Вильгельм* (1846—1916), теософ, издатель оккультного ежемесячника "Сфинкс" (1886—1896) — 278
- Гузман Фридрих* (1887—1959), психиатр, основатель антропософской клиники для психически больных — 399
- Гумпелберг фон*, баронесса, баварская деятельница АО — 396
- Гундольф*, германист, автор книги о Гете — 586
- Гус Ян* (1371—1415), идеолог чешской Реформации, осужден церковным собором в Констанце и сожжен — 27, 105, 547
- Гуссерль Эдмунд* (1859—1938), немецкий философ, основатель феноменологической школы — 114, 143, 584
- Гутенберг Иоганн* (между 1394—99 (или в 1406) — 1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 23
- Гюйгенс Христиан* (1629—1695), нидерландский математик, астроном, физик; создатель волновой теории света — 19, 57, 64, 566, 571
- Гюнтер Ганна* (?—1923), немецкая антропософка, участница строительства 1-го Гетеанума, библиотекарь при Гетеануме — 325, 371, 481, 491, 656, 679
- Данс Мишель Огюст* (1829—1929), бельгийский художник, гравер, учитель А. А. Тургеневой — 637, 639, 642, 651, 672
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 294, 537, 613, 662, 684
- Дарвин Чарлз Роберт* (1809—1882), английский естествоиспытатель, создатель дарвинизма — 57, 83, 84, 85, 207, 241—243, 563, 564, 571, 577, 583, 601
- Деглау Отто*, антропософ — 662, 683
- Дейссен Пауль* (1845—1919), немецкий философ, индолог; друг Ницше — 119, 586, 599
- Декарт Рене* (1596—1650), французский философ, математик, физик и физиолог — 30, 51, 52, 69, 144, 274, 526, 552, 566, 567, 573
- Демокрит* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.), древнегреческий философ — 79, 143, 162, 576, 593
- Державин Гаврила Романович* (1743—1816), русский поэт — 95
- Дессуар Макс* (1867—1947), немецкий философ, психолог, профессор Берлинского университета — 316, 534, 616
- Дестрз Жюль* (1863—1936), бельгийский социалист, член II Интернационала — 637, 644, 651, 659, 672
- Дестрз* (урожд. Данс) Луиза (1863—1936), бельгийская художница, дочь М. О. Данса, жена Ж. Дестрз — 637, 672
- Дестрз, супруги* — 639, 642, 659
- Джеймс Уильям* (1842—1910), американский психолог и философ, представитель прагматизма — 150
- Джеоул Джеймс Прескотт* (1818—1889), английский физик, экспериментально обосновавший закон сохранения тепла — 69, 70, 93, 573
- Дильтей Вильгельм* (1833—1911), немецкий историк культуры и философ, представитель философии жизни, основатель философской герменевтики — 118, 176, 177, 182, 191
- Диоген Синопский* (ок. 400—ок. 325 до н. э.), древнегреческий философ-киник — 414

- Дионисий Ареопагит** (Псевдо-Дионисий) (V—нач. VI в.), христианский мыслитель, богослов — 269, 423, 604
- Добролюбов Александр Михайлович** (1876—1944?), русский поэт-символист, религиозный проповедник — 25, 546
- Доллонд Джон** (1706—1761), основатель английской династии оптиков, изобретатель ахроматических объективов-доллонов — 566
- Достоевский Федор Михайлович** (1821—1881), русский писатель — 26, 468, 546, 623
- Дрейер Йохан Людвиг** (Джон Лунс) Эмиль (1852—1926), ирландский астроном, составивший каталог туманностей и звездных скоплений — 57
- Дреспер Луна**, участница строительства 1-го Гетеанума — 491
- Друшкз**, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 491
- Дубах Освальд** (1884—1950), скульптор, преподаватель школы скульпторов в Гетеануме — 283, 433, 480, 481, 491
- Дубах, супруги** — 398
- Дюбанек Элла** (? — 1944), эзритmistка, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 491
- Дюбуа-Реймон Эмиль Генрих** (1818—1896), немецкий физиолог, философ; автор теории биопотенциалов; представитель механистического материализма и агностицизма — 189, 222, 598
- Дюгэм Пьер** — 78, 148
- Дюрер Альбрехт** (1471—1528), немецкий живописец и график — 281
- Евклид** (Эвклид) (3 в. до н. э.), древнегреческий математик — 32
- Жорес Жан** (1859—1914), руководитель Французской социалистической партии, публицист — 262, 309, 313, 334, 447, 653, 678
- Заратустра** (Заратуштра, Зороастр) (между 10 и 1-й пол. 6 в. до н. э.), пророк и реформатор древнеиранской религии — 134, 154, 261, 308, 391, 546, 590, 606, 629, 635, 659, 675, 688, 696
- Зейфельт Вильгельм** (1883—1954), участник строительства 1-го Гетеанума — 433
- Зелинский Фаддей Францевич** (1859—1944), филолог-классик — 12
- Зеллинг Вильгельм** (1869—1960), служащий Штейнера, до отставки — военной техники в Африке — 325, 328, 329, 409—413, 415, 460
- Зиммель Георг** (1858—1918), немецкий философ, социолог, представитель философии жизни — 563, 586
- Зонненклар**, эзритmistка — 482, 491
- Ибервег Фридрих** (1826—1871), немецкий философ, автор "Системы логики" (1857) — 122
- Ибсен Генрик** (1828—1906), норвежский драматург — 26, 524, 529, 546, 596, 616, 635, 679
- Иванов Вячеслав Иванович** (1866—1949), русский поэт, филолог, теоретик символизма — 204, 250, 537, 540, 543, 592, 596, 603, 606, 615, 657, 658, 663, 671, 675, 680, 681
- Иванов-Разумник** (псевд. Иванова Разумника Васильевича) (1878—1946), критик, историк литературы, близкий друг Белого (с 1916) — 665, 674, 685
- Иисус Христос** — 34, 35, 72, 74, 168, 263, 269, 277, 280, 337, 344, 345, 348, 379, 384, 387, 393, 395, 408, 436, 460, 493—507, 509—515, 519, 521—523, 530, 531, 532, 555, 574, 579, 580, 595, 598, 609, 610, 618, 619, 620, 622, 625, 627, 629, 633—635, 646, 675, 680, 688, 695, 696
- Ильина Екатерина Александровна** (? — 1933), антропософка, переводчица на русский язык сочинений Штейнера; участница строительства 1-го Гетеанума — 398, 481, 491, 659, 681
- Иоанн Богослов**, апостол, евангелист — 277, 395, 497, 519, 555, 611, 635, 679
- К. Н. В.** — см. Бугасва К. Н.
- Кавендиш Генри** (1731—1810), английский физик и химик; определил со-

- став воздуха и химический состав воды — 47
- Калькрейт** Паулина, графиня (1856—1929), фрейлинка императорского двора, активная деятельница АО; дочь художника Станислауса Калькрейта (1820—1894) — 324, 328, 385—388, 406, 447, 484, 651, 652, 677, 678
- Кампанелла** Томмазо (до пострижения в монахи в 1582 — Джованни Доменико) (1568—1639), итальянский философ, богослов, писатель — 474
- Кампиони** (урожд. Бакушина, в первом браке Тургенева) Софья Николаевна, мать А. А. Тургеневой — 665, 673, 685
- Кант** Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 14, 15, 17, 18, 29, 30, 33, 53, 68, 78, 88, 105, 108, 109, 111—116, 118—125, 129, 143, 144, 150, 167, 183, 186, 187, 194, 197, 205—207, 208, 210—219, 222, 223, 225, 226, 228—230, 232, 237, 239, 250, 252, 253, 260, 266, 269, 536, 538, 543, 550—552, 563, 565, 566, 568, 577, 578, 579, 582—588, 594, 597—600, 602, 603, 687, 689, 690, 692
- Кантор** Георг (1845—1918), немецкий математик, разработал основы теории множеств — 143, 144
- Капила** (VII в. до н. э.), древнеиндийский мыслитель, основатель санхьи — 167, 215
- Кардано** (Кардан), Джероламо (1501 или 1506—1576), итальянский математик, натурфилософ и врач — 163
- Кассирер** Эрнст (1874—1945), немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства — 177, 584
- Кастелли** Б. (1577—1644), итальянский математик, ученик Галилея — 57
- Катчер** Маня, участница строительства 1-го Гетеанума — 282, 283, 437, 451, 475—477, 479, 480, 482, 484, 486, 491
- Кампер** Карл (1881—1957), художник, архитектор в Берлине; автор книги об архитектуре Гетеанума — 433, 481, 491
- Кеплер** Иоганн (1571—1630), немецкий астроном, открывший законы движения планет — 33, 52, 74, 148, 213, 274, 553, 567
- Кинкель** Готфрид (1815—1882), немецкий поэт, художник, богослов; революционер — 177
- Кирхгоф** Густав Роберт (1824—1887), немецкий физик и математик, имеющий основополагающие труды по механике — 54, 131, 626
- Кирхер** Атанасиус (1602—1680), немецкий ученый, иезуит, естествоиспытатель, лингвист, математик, богослов — 19, 52, 163, 567
- Киселев** Николай (у Белого: Киселев Н. Н.), художник — 452
- Киселев** Николай Петрович (1884—1965), секретарь редакции изд-ва "Мусaget", библиограф — 541, 636, 656, 671
- Киселева** Татьяна (1881—1970), антропософка, видная эвритмистка, жена художника Н. Киселева — 283, 301, 398, 481, 482, 491
- Кистляковский** Богдан Александрович (1869—1920), социолог, публицист; один из авторов сб. "Вежи" — 399
- Киттель** Элизабет, участница строительства 1-го Гетеанума — 309, 491
- Кларк**, семья американских оптиков-шлифовальщиков и астрономов-любителей (Алван, 1804—1887; его сыновья: Джордж, 1827—1891; Алван Грэм, 1832—1897) — 57
- Классен** Луиза (1873—1954), художница, создательница костюмов для эвритмисток; участница строительства двух Гетеанумов — 482, 491
- Клаузиус** Рудольф Юлтус Эмануэль (1822—1888), немецкий физик, один из основателей термодинамики — 93
- Ключевский** Василий Осипович (1841—1911), историк — 653, 679
- Ковалевская** Софья Васильевна (1850—1891), математик, писательница — 419
- Коген** Герман (1842—1918), немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства; считал, что мышление (в отличие от Канта) порождает не только форму, но и содержание познания — 114, 115, 118, 119, 143, 144, 176, 177, 181, 182, 191, 214, 222, 539, 553, 584—586, 597, 599

- Козьма Прутков**, коллективный литературный псевдоним, под которым выступали в 50—60-е гг. XIX в. поэты А. К. Толстой, братья Жемчужниковы — 26
- Колико Евгений (Ойген)** (1893—1939), немецкий профессор, врач; антропософ, педагог Вальдорфской школы — 275, 426, 454
- Колиско** фрау, доктор, антропософка, врач, жена Е. Колиско — 276, 321, 397, 399
- Колисон Гарри** (1868—1945), юрист, генеральный секретарь АО в Англии — 420
- Коллинз Мейбл** (1851—1927), английская писательница, теософка — 406, 503, 505, 627, 696
- Колпакчи Грегуар** (1886—?), египтолог, переводчик Книги мертвых на европейские языки — 480
- Колумб Христофор** (1451—1506), мореплаватель, первооткрыватель Америки — 37, 655, 679
- Колыца Алексей Васильевич** (1809—1842), русский поэт — 279, 312
- Кон Йонас** (1869—1947), немецкий философ-неокантианец — 399
- Конт Огюст** (1798—1857), французский философ, основатель позитивизма — 114, 584
- Коперник Николай** (1473—1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира — 14, 15, 17, 18, 33, 74, 148, 213, 553
- Костычева О. П.**, участница строительства 1-го Гетеанума — 659, 682
- Кришна (Кришну)**, один из богов индуизма, считается одним из воплощений Вишну — 272, 405, 556, 610
- Кришнамурти Джидду** (1895 или 1897 — 1986), индийский религиозный мыслитель и поэт; в 1910 был объявлен теософами новым учителем мира — 500, 611, 680
- Кронер Рихард** (1884—1974), немецкий философ, неокантианец, затем представитель философии жизни и неогегельянства. Один из авторов журнала "Логос" — 582
- Кунрат Генрих** (ок. 1560—1605), немецкий писатель-мистик, алхимик — 26, 306, 615
- Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович, князь** (1745—1813), русский полководец — 401, 402, 533, 626
- Кучерова Ивана**, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 491
- Кэмлер Карл** (1881—1957), скульптор и искусствовед; участник строительства 2-го Гетеанума; педагог школы скульптуры в Гетеануме — 398, 433
- Кюиз Вальтер** — 417
- Кюршнер**, немецкий филолог-германист, издатель собрания естественно-научных трудов Гете — 104, 105, 106, 264, 420, 538, 543, 545
- Л.** — см. Лигский К. А.
- Лавазье Антуан Лоран** (1743—1794), французский естествоиспытатель, основатель современной химии — 47, 565
- Ламарк Жан Батист** (1744—1829), французский естествоиспытатель, создатель первой целостной концепции эволюции живой природы — 564, 577
- Ламберт Иоганн Генрих** (1728—1777), немецкий ученый, один из создателей фотометрии; исследовал силу света — 57
- Лампа Антон**, естествоиспытатель, писатель — 589
- Ланге Фридрих Альберт** (1828—1875), немецкий философ, экономист — 65, 68, 212, 222, 572
- Ласк Эмиль** (1875—1915), немецкий философ-неокантианец — 120, 179, 399, 586
- Ледбитер Черлз Вебстер** (1847—1934), английский писатель, один из лидеров Теософского общества — 278, 423, 500, 680
- Ледбур Франсуа** (1884—1932), голландец, художник, принимал участие в росписи витражей 1-го Гетеанума — 451, 475, 481, 491
- Лей**, барышни, эвритмистки — 482
- Лейбниц Готфрид Вильгельм** (1646—1716), немецкий философ, ученый

- и общественный деятель — 143, 181, 274, 474, 597
- Лейзенганг* (Лейзеганг) Ханс, университетский деятель, педагог, антрополог — 316, 534, 616
- Леман* Берта (1884—1967), секретарь фон Сиверс, упомянута в завещании Штейнера — 325, 326
- Ленгас* Эмиль (1878—?), коммерсант, генеральный директор антропософского издательства "Der kommande Tag"; член ЦК АО в Германии — 426
- Леонардо да Винчи* (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер — 103, 274, 558
- Лер*, супруги, педагоги Вальдорфской школы, члены АО — 491
- Лерхенфельд-Кёфферинг* Отто, граф (1868—1938), баварский деятель АО, финансировал первое издание Вл. Соловьева на немецком языке — 389—391, 624, 661, 682
- Либкнехт* Карл (1871—1919), деятель немецкого рабочего движения, организатор Коммунистической партии Германии — 447
- Либман* Отто (1840—1912), немецкий философ-неокантианец — 118, 122
- Лигский* Константин Андреевич (ум. в кон. 1920-х гг.), антрополог, участник строительства 1-го Гетеанума; муж художницы фон Орт — 430, 475, 480, 489, 491
- Лиль* Гаральд (? — 1920), финансовый деятель АО; участник строительства 1-го Гетеанума — 451, 491
- Линде* Герман (1863—1923), художник, расписывал большой купол 1-го Гетеанума — 482, 491
- Линней* Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира — 564
- Лиссау* Роберт, руководитель строительными работами Гетеанума — 282, 283, 400, 491
- Лихтенберг* Георг Кристоф (1742—1799), немецкий критик и писатель-сатирик эпохи Просвещения; ученый-физик — 19, 57
- Лихтфогель* Генрих (или Карл) (1881—1974), инженер, архитектор; член АО — 282, 482, 491
- Лихтманбергер*, автор книги о философии Ницше — 134
- Лобачевский* Николай Иванович (1792—1856), математик, создатель неевклидовой геометрии — 32, 423
- Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765), русский ученый-энциклопедист, поэт, художник, историк — 380, 404, 626, 682
- Лотце* Рудольф Герман (1817—1881), немецкий философ, развивавший идеи, близкие "монадологии" Лейбница; ввел понятие ценности — 143
- Лука*, в Новом Завете автор Евангелия — 499, 501
- Лукреций* (Тит Лукреций Кар) (I в. до н. э.), римский поэт и философ, популяризатор философии Эпикура — 19
- Луллий* Раймунд (ок. 1235—ок. 1315), философ и богослов, миссионер; францисканец — 143, 187, 597
- Лупшевица*, участвовал(а) в постройке 1-го Гетеанума — 491
- Людвиг Иозеф* (или Людвиг Карл) (?—1916), поэт, участник строительства 1-го Гетеанума — 433, 449, 451, 481, 491
- Людвиг I*, Карл Август Баварский (1786—1868), король Баварии с 1825 — 390, 624
- М.* (Маликов Н. А.), участник строительства 1-го Гетеанума, русский студент-химик, брат Е. А. Ильиной — 433, 481, 483
- М.*, граф — см. Мольтке Х.
- М.*, графиня — см. Мольтке Э.
- М. В. В.* — см. Волопина М. В.
- М. И. С.* — см. Сивоз М. И.
- М. Я.* — см. Сиверс М. Я.
- М. Я. Штейнер* — см. Сиверс М. Я.
- Майер* Юлиус (Юлий) Роберт (1814—1878), немецкий врач и физик — 93, 417
- Майеры*, участники строительства 1-го Гетеанума — 491

- Мальбрани** Никола́ (1638—1715), французский философ, представитель окказионализма — 19, 57
- Марат** Жан Поль (1743—1793), один из вождей якобинцев в период Великой французской революции — 19, 57
- Мариотт** Эдм (1620—1684), французский физик, впервые описавший слепое пятно на сетчатке глаза, исследовал дифракцию света — 19, 57, 229, 249, 567
- Мария Яковлевна** — см. Сиверс М. Я.
- Марк** в Новом Завете автор Евангелия — 278, 347, 348, 349, 503, 504, 680
- Маркс** Карл (1818—1883), немецкий мыслитель, основатель коммунистической теории, названной его именем — 294
- Марци** Йоханнес Маркус (1595—1667), чешский ученый, исследовавший дифракцию и дисперсию света; объяснил цвета радуги и тонких пленок — 19
- Маутнер** Фриц, философ, автор книги "Критика языка" — 180
- Малковский** Владимир Владимирович (1893—1930), русский поэт — 307, 392
- Менар** Луи, автор книги о Гермесе Тризмегисте — 159, 192
- Менкс** Антон Рафаэль (1728—1779), немецкий живописец и теоретик искусства — 19, 57
- Мережковский** Дмитрий Сергеевич (1866—1941), русский писатель, критик, публицист, философ, с 1920 — в эмиграции — 312, 313, 616, 631
- Меринг** Франц (1846—1919), немецкий политик, философ, писатель — 414
- Метерлинк** Морис (1862—1949), бельгийский драматург, поэт, эссеист, теоретик символизма — 26, 464, 582, 632, 642, 673, 675
- Метнер** Николай Карлович (1879/80—1951), композитор, брат Э. К. Метнера — 582, 607
- Метнер** Эмилий Карлович (псевд. Вольфиян) (1872—1936), музыковед, философ; организатор изд-ва "Мусает"; старший брат Н. К. Метнера — 8, 13, 20—24, 75, 84, 88—89, 104, 106—109, 112, 113, 115, 117—119, 121, 147, 150, 153, 183, 187, 188, 198, 205—207, 210, 216, 222, 223, 226, 238, 244, 248, 260, 319, 332, 468, 534, 536, 545, 556—558, 563—565, 568, 570, 572, 575, 576, 578, 579, 582—586, 589, 597, 598, 600, 601, 603, 607, 614, 636, 650, 657, 672, 676, 684, 693
- Мид** Джордж Роберт Стоу (1863—1933), английский теософ, личный секретарь Е. П. Блаватской, специалист по истории раннего христианства и гностицизма — 423
- Микеланджело** (Микель-Анджело) Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 27, 281, 530
- Милль** Джеймс (1773—1836), английский философ, историк, экономист. Последователь философии Д. Юма — 125, 588
- Милль** Джон Стюарт (1806—1873), английский философ-позитивист, экономист, сын Джеймса Милля — 143
- Минский** (паст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855—1937), поэт, драматург, философ, критик, переводчик, один из зачинателей русского символизма — 312, 313
- Мицлова** Айна Рудольфовна (ок. 1860—1910?), деятельница раннего антропософского движения, распространительница идей Штейнера в России, переводчица — 296, 313, 469, 535, 614, 637, 643, 644, 646, 651, 657, 669, 671, 672
- Митчер** Кэте (1892—1940), антропософка; участница строительства 1-го Гетеанума — 433, 481, 482, 524
- Митчеры**, Гейрих (?—1917) и Фриц (1886—1915); члены АО, участники строительства 1-го Гетеанума, братья К. Митчер — 491
- Молешотт** Якоб (1822—1893), немецкий физиолог, биохимик и философ; представитель вульгарного материализма, рассматривавший мышление только как физиологический механизм — 52, 567

- Мольт** Эмиль (1876—1936), фабрикант, на предприятии которого "Вальдорф-Астория" была основана первая Вальдорфская школа — 399, 400, 609
- Мольтке** (Младший) Хельмут Иоганн Людвиг фон, граф (1848—1916), германский генерал-фельдмаршал, адъютант Вильгельма II Гогенцоллерна, муж Э. Мольтке — 332, 447, 617, 677
- Мольтке** Элиза фон, графиня (1859—1916), активная деятельница АО, жена Х. И. Л. Мольтке — 332, 417, 651, 677
- Моргенштерн** Кристиан (1871—1914), немецкий поэт, антропософ (с 1909) — 275, 276, 306, 333, 383, 391—395, 401, 420, 468, 615, 625
- Моргенштерн** Маргаретэ, жена поэта К. Моргенштерна — 393, 394, 625
- Морозова** (урожд. Мамонтова) Маргарита Кирилловна (1873—1958), жена фабриканта и коллекционера М. А. Морозова, учредительница изд-ва "Путь" и Московского религиозно-философского общества, друг Белого — 537, 541, 543, 546, 547, 668, 672, 674, 678, 680
- Мочалов** Павел Степанович (1800—1848), актер Малого театра, трагик — 311, 461
- Мун-Сюлли** (Муш-Сюлли) Жан (1841—1916), французский трагический актер; в 1894, 1899 гастролировал в России — 311
- Мушленбург** Питер ван (1692—1761), нидерландский физик — 19, 57
- Марион** Луиза Эдит (1872—1924), скульптор, участница скульптурного оформления 1-го Гетеанума — 282, 283, 425, 432, 451, 482, 491
- Мюкке** Иоанна (1864—1949), берлинский педагог, член АО — 325
- Н. А. Г.** (Григорова (урожд. Бурьянская) Надежда Афанасьевна (1885—1964), врач, участница строительства 1-го Гетеанума, жена Б. П. Григорова — 481
- Н. А. П.** — см. Поццо Н. А.
- Наполеон I Бонапарт** (1769—1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804—1814, март—июнь 1815) — 401, 402
- Наторп** Пауль (1854—1924), немецкий философ-неокантианец, рассматривал "вещь в себе" Канта как "предельное понятие", побудительное начало познания — 118, 177, 214, 224, 587, 599, 600
- Недович** Е., русская теософка, член Московского отделения Теософского общества — 659, 681
- Нейшеллер**, супруги, участники строительства 1-го Гетеанума: Леопольд (1885—1976), Лусна (1888—1962) — 481, 491
- Некрасов** Константин Федорович (1873—1940), издатель — 665, 685
- Никши** Артур (1855—1922), венгерский дирижер, композитор — 334, 618
- Нильсон** Ларс Фредерик (1840—1899), шведский химик — 491
- Ницше** Фридрих (1844—1900), немецкий философ-иррационалист; филолог, писатель — 12, 14, 16, 26, 134, 144, 214, 215, 225, 227, 252, 261, 274, 333, 334, 343, 348, 373, 383, 384, 435, 440, 446, 468, 510, 515, 544, 589—591, 598, 600, 610, 616, 620, 628, 635, 645, 675, 679, 687
- Нобель**, семья шведских изобретателей и промышленников — 78
- Новалис** (наст. имя и фам. Фридрих фон Харденберг) (1772—1801), немецкий поэт-романтик, натурфилософ и мистик — 168, 341, 384, 391, 440, 537, 556, 579, 596, 625
- Нолль** Людвиг (1872—1930), личный врач Штейнера — 275
- Нострадамус** (Мишель де Нотрдам, или Нострдам) (1503—1566), французский астролог и врач — 414
- Ньютон** Исаак (1643—1727), английский математик, физик и астроном; основоположник классической механики — 17, 19, 38—42, 48, 50, 52, 57, 58, 63, 64, 69, 71, 78, 81, 119, 164, 245, 247, 474, 526, 545, 556, 557, 559, 567, 568, 570, 573, 586, 601, 692
- Ньюз** — 19, 57

О. Н. А. — см. Анненкова О. Н.

Орт фон, берлинская художница, участница строительства 1-го Гетеанума — 475, 482, 491

Оствальд Вильгельм Фридрих (1853—1932), немецкий физик, химик и философ, основатель "энергетизма" в физике — 54, 131, 571

Павел, в Новом Завете один из апостолов — 168, 272, 273, 277, 279, 290, 318, 319, 339, 379, 423, 436, 497, 500, 509, 592, 595, 596, 610, 611, 662, 674, 683, 690

Пайперс Феликс (1873—1944), врач, директор антропософских клиник в Мюнхене и Штутгарте; один из инициаторов строительства 1-го Гетеанума — 275, 388—389, 396, 405, 411, 420, 422, 484, 656, 679

Парацельс (наст. имя и фам. Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493—1541), немецкий натурфилософ, астролог и алхимик; врач — 417, 549

Пате Шарль, владелец известной кинематографической фирмы в нач. XX в. — 244, 603

Пентаур, поэт — 78

Перальте Лотус, французская художница; участница строительства 1-го Гетеанума — 322, 482, 491

Петр, в Новом Завете один из апостолов — 277, 611, 633

Петр I Великий (1672—1725), русский царь с 1682 (правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 277, 611

Петровский Алексей Сергеевич (1881—1958), переводчик, литератор, сотрудник библиотеки Румянцевского музея, ближайший друг Белого — 296, 377, 480, 481, 636, 656, 667—670, 673

Пилат — 94, 198, 598

Планк Макс (1858—1947), немецкий физик, основоположник квантовой теории — 320

Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ — 14, 15, 17, 18, 54, 78, 114, 115, 119, 143, 144,

179, 197, 214, 215, 219, 222—224, 556, 569, 576, 584—586, 591, 599, 600, 620

Плотин (ок. 204/205—269/270), древнегреческий философ, основатель неоплатонизма — 186, 576

По Эдгар Аллан (1809—1849), американский писатель-романтик, критик — 492

Поливанов Лев Иванович (псевд. П. Загарин) (1839—1899), педагог, литературовед-пушкинист, общественный деятель; основатель и директор частной гимназии в Москве — 262, 606

Поллак Рихард (1867—?), чех, участник строительства 1-го Гетеанума — 451

Поллак, супруги — 482, 491

Поольман-Мой Иоганна (1874—1959), голландка; член берлинской ложи Теософского общества, затем АО — 295, 370, 371, 482, 535, 651—653, 656, 658—662, 677, 682

Порта Джакомо делла (ок. 1540—1602), итальянский архитектор, представитель раннего барокко — 19, 163

Порфирий (ок. 233—ок. 304), греческий философ, представитель неоплатонизма, комментатор Платона, Аристотеля — 21, 580

Поццо Александр Михайлович (1882—1941), юрист, редактор московского журнала "Северное сияние"; участник строительства 1-го Гетеанума, муж Н. А. Тургеневой — 435, 480, 486, 487, 678

Поццо (урожд. Тургенева) Наталья Алексеевна (1886—1942), антропософка, участница строительства 1-го Гетеанума; сестра А. А. Тургеневой и жена А. М. Поццо — 418, 480, 482, 486, 615, 625, 629, 652, 674, 678

Пристли (Пристлей) Джозеф (1733—1804), английский химик, философ, сторонник деизма — 47

Прутков Козьма — см. Козьма Прутков — 26

Пуркине (Пуркинье) Иоганн (Ян) Эвангелиста (1787—1869), чешский биолог, последователь "учения о цвете" Гете — 44, 46, 57, 561, 562

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), русский поэт — 21, 279, 404, 538, 623

- Райф** Марта (урожд. Буссе) — 524
- Распутин** (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916), крестьянин Тобольской губернии, фаворит царя Николая II и императрицы Александры Федоровны — 447
- Ратенау**, немецкий писатель — 278
- Рафаэль** Санти (1483—1520), итальянский живописец и архитектор — 323, 392, 393, 625
- Рачинский** Григорий Алексеевич (1859—1939), литератор, переводчик; председатель Религиозно-философского общества в Москве; редактор изд-ва "Путь" — 410, 468, 537, 624
- Резерфорд** Эрнест (1871—1937), английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома — 526
- Рейнгардт** Карл Фридрих фон (1761—1837), французский дипломат, друг и корреспондент Гете — 46
- Рембо** Артюр (1854—1891), французский поэт-символист — 99, 580
- Рембрандт** Харменс ван Рейн (1606—1669), голландский живописец, рисовальщик, офортист — 323
- Ремизов** Алексей Михайлович (1877—1957), русский писатель — 383
- Рёссель** — 144
- Рикардо** Гарсиа, певица, воспитанница М. Шолья; участница строительства 1-го Гетеанума — 418, 419, 482, 491
- Риккерт** Генрих (1863—1936), немецкий философ, один из основателей баденской (фрейбургской) школы неокантианцев — 70, 114, 118, 133, 177, 181, 221, 234, 260, 266, 268, 274, 399, 524, 539, 553, 573, 584, 585, 597, 599, 600, 688
- Риль** Алоиз (1844—1924), немецкий философ, развивающий учение о существовании объекта, независимо от сознания, но отвергающее материальное единство мира (т. наз. критический реализм) — 118, 143
- Рильке** Райнер Мария (1875—1926), австро-немецкий поэт — 267, 274
- Риттельмейер** Фридрих (1872—1938), доктор богословия, протестантский пастор, один из основателей и первый руководитель близкой к антропософии Общины христиан (1922) — 275, 384, 399, 400, 407, 409, 421, 422, 468, 610
- Рихтер** Тадеуш (1873—?), польский художник, антропософ, участник строительства 1-го Гетеанума — 282, 283, 284, 304, 397, 398, 435, 437, 438, 451, 475, 491, 656, 679
- Роденбах** Жорж (1855—1898), бельгийский писатель и поэт, символист — 649, 676
- Розанов** Василий Васильевич (1856—1919), писатель, публицист и философ, литературный критик — 312
- Розенберг** Курт Герман (1884—?), архитектор и инженер, участник строительства 1-го Гетеанума — 452, 482, 487, 488, 491
- Росси** Луиджи Феллсе (1805—1863), итальянский трагический актер — 311
- Рублев** Андрей (ок. 1360/70—ок. 1430), русский иконописец — 411
- Рунге** Филипп Отто (1777—1810), немецкий живописец и график, теоретик искусства — 19
- С.** — см. Седлецкий Ф. В.
- Сабатье** Поль (1854—1941), французский химик-органик; лауреат Нобелевской премии (1912) — 603
- Сабашников** Алексей Васильевич (1883—1954), антропософ; брат М. В. Волошиной — 645, 674
- Сабашникова** М. В. — см. Волошина М. В.
- Сальвини** Томмазо (1829—1915), итальянский трагический актер — 311
- Санд**, банкир и коллекционер — 637, 672
- Сведенборг** Эмануэль (1688—1772), шведский философ, создавший теософское учение о "потусторонней" жизни и о поведении бесплотных духов — 26
- Седлецкая** Вига, участница строительства 1-го Гетеанума, жена Ф. В. Седлецкого — 482
- Седлецкие**, супруги — 491
- Седлецкий** Франциск Винценти (1867—1934), польский художник и график,

- символист; в 1914—1919 создавал витражи в 1-м Гетеануме — 475, 476, 480, 482
- Серафим Саровский** (наст. имя и фам. Прохор Искандорович Мошнин) (1759—1833), один из наиболее почитаемых в русском православии святых; канонизирован в 1903 — 499, 579, 634
- Сервантес Сааведра Мигель де** (1547—1616), испанский писатель — 573
- Сиверс Мария Яковлевна фон** (1867—1948), активная участница АО, секретарь, затем жена Р. Штейнера — 279, 286, 288, 300, 301, 303, 307, 311, 312, 315, 320, 321, 324—331, 333, 336, 365, 372, 405, 416, 417, 429, 430, 432, 433, 443, 454, 458, 459, 462, 463, 481, 488—490, 516, 529, 530, 531, 609, 623, 646, 661, 669, 670, 674, 675, 677
- Сиверс фон**, петербургский чиновник, муж М. Я. Сиверс — 331, 332
- Сизов Михаил Иванович** (псевд. М. Седлов, Мих. Горский и др.) (1884—1956), физиолог, педагог, критик и переводчик; участник строительства 1-го Гетеанума; близкий друг Белого — 377, 480, 481, 636, 668, 670
- Сизова Мария** (Магдалина) Ивановна (1889—1969), писательница, театральная педагог и режиссер; сестра М. И. Сизова, жена В. М. Викентьева — 656, 680
- Сковорода Григорий Саввич** (1722—1794), украинский философ, в учении которого библейская проблематика переплетается с идеями платонизма и стоицизма; педагог — 78
- Скрябин Александр Николаевич** (1871/72—1915), композитор и пианист, обладавший "цветным" слухом — 351, 455
- Смитс** (Майер-Смитс) Лори Элеонора (1883—1971), эвритмистка — 289, 321, 372, 482, 491
- Сократ** (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики — 348, 544, 547, 600, 620
- Соловьев Владимир Сергеевич** (1853—1900), русский религиозный философ, поэт, публицист; сын историка С. М. Соловьева — 26, 143, 198, 260, 262, 279, 312, 335, 343, 390, 391, 537, 546, 554, 555, 562, 575, 591, 596, 606, 624, 625, 632, 638, 653, 661—663, 672, 673, 678, 682, 684, 687, 688
- Соловьев Михаил Сергеевич** (1862—1903), историк, педагог, переводчик, брат В. С. Соловьева — 678, 681
- Соловьев Сергей Михайлович** (1885—1942), поэт-символист, религиозный публицист, переводчик. Принял сан священника. Сын М. С. Соловьева, друг Белого — 636, 671, 681, 684
- Соловьева** (урожд. Коваленская) Ольга Михайловна (1855—1903), художница, жена историка М. С. Соловьева — 681
- Соловьевы**, семейство — 658, 681
- Спенсер Герберт** (1820—1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 143
- Спиноза Бенедикт** (Барух) (1632—1677), нидерландский философ-пантеист — 51, 52, 105, 144, 239, 563, 567, 589, 602
- Станкевич Николай Владимирович** (1813—1840), общественный деятель, философ, поэт, организатор литературно-философского кружка — 390, 624
- Стендаль** (наст. имя и фам. Анри Мари Бейль) (1783—1842), французский писатель — 13, 544
- Стелун Федор Августович** (1884—1965), философ, историк и социолог культуры — 399, 597, 686
- Штеффен** (Штеффен) Альберт (1884—1963), швейцарский поэт, писатель, драматург; видный деятель АО, главный редактор журнала "Гетеанум" (с 1921), председатель Всеобщего антропософского общества (1925—1963) — 275
- Стракош Александр** (1879—1958), инженер и музыкант, педагог Вальдорфской школы; активный деятель АО — 432
- Стракоши** — 491
- Странден Дмитрий Владимирович**, русский теософ, автор нескольких тео-

- софских брошюр и статей в "Вестнике теософии" — 659, 682
- Стриндберг** Юхан Август (1849—1912), шведский писатель — 26, 676
- Стюарт** Жан (1890—1948), композитор и дирижер; автор музыки к штейнеровской постановке "Фауста"; участник строительства 1-го Гетеанума — 460, 462, 482, 491
- Т.** — см. Тургенева А. А.
- Т. Г.** — см. Трапезников Т. Г.
- Терещенко** Михаил Иванович (1886—1958), финансист, промышленник, член Временного правительства; один из владельцев изд-ва "Сирьян" — 665, 684
- Терещенко**, брат и сестра — 665
- Тимирязев** Климент Аркадьевич (1843—1920), биолог, один из основоположников русской школы физиологии растений; профессор Московского университета — 24, 25, 334, 335, 618
- Толстой** Лев Николаевич (1828—1910), русский писатель — 24, 25, 262, 272, 275, 333, 537, 546, 606, 623, 653, 678
- Торричелли** Эванджелиста (1608—1647), итальянский физик и математик, ученик Галилея — 52, 425, 567, 603
- Трапезников** Трифон Георгиевич (1882—1926), искусствовед, музейный работник; участник строительства 1-го Гетеанума; один из зачинателей антропософского движения в России; с 1921 — председатель Русского антропософского общества — 286, 297, 298, 304, 314, 345, 378, 391, 394, 397—399, 480, 484, 491, 626, 656, 659, 680
- Третьяковский** Василий Кириллович (1703—1768), русский писатель, поэт, создатель современного русского стихосложения, филолог — 404, 626
- Трифон** (в миру Борис Туркестанов) (1861—1934), епископ Дмитровский (с 1901), митрополит (с 1931), vicарий Московской епархии — 334, 618
- Трубецкой** Евгений Николаевич, князь (1863—1920), религиозный философ, правовед, культуролог, общественный деятель, младший брат С. Н. Трубецкого — 390, 541
- Трубецкой** Сергей Николаевич, князь (1862—1905), религиозный философ и общественный деятель, публицист, старший брат Е. Н. Трубецкого — 159, 390, 555, 562, 569, 587, 591, 594
- Тургенева** Анна Алексеевна (Ася) (1890—1966), художница; антропософка, эвритмистка, активная участница постановок Штейнера; первая жена Белого — 300, 301, 311, 312, 418, 435, 438, 458, 464, 471, 472, 475, 476, 480, 481, 482, 486, 487, 531, 605, 612, 613, 617, 618, 621, 625, 632, 637—644, 646—650, 651, 658, 659, 668—674, 678, 681—683, 685
- Тютчев** Федор Иванович (1803—1873), поэт, публицист — 390, 615, 624, 682
- Умов** Николай Алексеевич (1846—1915), русский физик-теоретик; ввел понятие потока энергии, сформулировал уравнение движения энергии, профессор Московского университета — 65, 70, 72, 94, 572, 579
- Унгер** Карл (1878—1929), немецкий инженер, писатель, член ЦК АО; убит в Нюрнберге перед началом своей лекции "Что такое антропософия" — 282, 300, 316, 399, 400—405, 406, 409, 411, 417, 419—422, 454, 484, 533, 534, 535, 623, 656, 680
- Ф.**, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 482
- Фадум** Франке, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 491
- Фай**, эвритмистка — 482
- Фауст**, доктор, герой народной средневековой легенды, продавший душу дьяволу за тайное знание; герой одноименной трагедии Гете — 286, 348, 431, 445, 458, 461, 462, 463, 611, 630—633
- Фалькер** Тони (1873—1938), антропософ, руководитель ветви АО в Штутгарте — 406, 407, 409, 421, 422
- Фальс** Алиса (1884—1973), одна из первых эвритмисток, основательница школы эвритмии в Штутгарте — 482, 491

- Фехнер** Густав Теодор (1801—1887), немецкий физик, философ, психолог, писатель — 132, 143, 164, 165, 341, 342, 494, 618
- Фидус**, художник — 500
- Филон Александрийский** (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.), иудейско-эллинистический философ — 143, 159
- Философов** Дмитрий Владимирович (1872—1940), литературный критик, публицист, в эмиграции — с 1920 — 313, 539, 553
- Фихте** Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ, представитель классического идеализма — 105, 114, 116, 123, 143, 167, 186, 251, 577, 584, 587, 601, 603
- Флоренский** Павел Александрович (1882—1937), религиозный философ, ученый, инженер — 596, 604
- Фолькельт** Иоганн Иммануил (1848—1930), немецкий философ, психолог и эстетик — 118, 122, 125, 143, 179, 181, 585, 588, 597
- Форлендер** Карл (1860—1928), немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства — 109, 206, 208, 214, 222, 224, 225, 565, 599, 600, 693
- Форш** Ольга Дмитриевна (1873—1961), русская писательница — 534, 535
- Фосс**, участница строительства 1-го Гетеанума — 491
- Фоссий** — 163
- Франклин** Бенджамин (1706—1790), американский просветитель и общественный деятель; естественный исследователь и исследователь атмосферного электричества — 19, 57
- Франц Иосиф**, Габсбург (1830—1916), император Австрии и король Венгрии (с 1848); император Австро-Венгрии (с 1867) — 447
- Франциск Ассизский** (наст. имя и фам. Джованни Бернардоне) (1181/82—1226), итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев; автор религиозно-поэтических сочинений — 35, 555
- Фраунгофер** (Фраунгофер) Йозеф (1787—1826), немецкий физик, усовершенствовавший изготовление линз и дифракционных решеток — 51
- Фрейд** Зигмунд (1856—1939), австрийский врач, психиатр, основатель психоанализа — 281
- Френель** Огюстен Жан (1788—1827), французский физик, один из основоположников волновой оптики, построил теорию дифракции света (1818), доказал поперечность световых волн (1821), объяснил явление поляризации света — 48, 566
- Фридкина** Генриетта Гинфде (1879—1943), врач, применяла антропософскую медицину; участница строительства 1-го Гетеанума — 299, 481, 491
- Гольбейн** (Гольбейн) Ханс Младший (1497 или 1498—1543), немецкий живописец и график эпохи Возрождения — 261
- Гольцмайстер**, фрейлейн, участница строительства 1-го Гетеанума — 452, 481, 491
- Христиансен** (Христиансон) Бредер (1869—1958), немецкий философ, неокантианец фрейбургской школы — 399
- Христофорова** Клеопатра Петровна (?—1934), московская купчиха, учредительница теософского кружка в Москве, позднее антропософка — 524, 531, 645, 669, 670, 674, 681
- Чаттерджи** (Чаттерджи) (Чоттопадхай Бонкимчондро) (1838—1894), браман, индийский писатель, историк религии — 423
- Чемберлен** Хаустон Стюарт (1855—1927), философ-неокантианец и социолог — 119, 586
- Чехов** Михаил Александрович (1891—1955), актер, режиссер; антропософ, с 1928 — в эмиграции — 273, 275, 334, 346, 461, 604, 617, 695
- Чилс** мисс, участница строительства 1-го Гетеанума — 491

- Шанкара** (Шри-Шанкара-Ачарья) (по преданию, 788—820), индийский религиозный философ и поэт, основоположник учения адвайта-веданты (недуалистической веданты) — 167, 215
- Шевби** Фелиция (1889—1972), теософка, затем антропософка, педагог Вальдорфской школы — 399, 426
- Шекспир** Уильям (1564—1616), английский драматург, поэт и актер — 474, 632
- Шеллинг** Фридрих Вильгельм (1775—1854), немецкий философ и теоретик искусства — 18, 105, 116, 167, 251, 312, 390, 575, 577, 600, 601, 624
- Шерфер** — 19, 57
- Шиллер** Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 78, 105, 150, 208, 214, 389, 474, 536, 544, 565, 579, 583, 599, 600, 623, 631
- Шмидаль** Оскар (1887—1959), химик — 482
- Шмидт-Курциус** Карл (1884—1931), архитектор, один из первых антропософов; первый архитектор 1-го Гетеанума — 282, 284, 466, 467, 482
- Шоль** Матильда (1860—1941), теософка, затем активная деятельница АО — 304, 319, 320, 331, 370—372, 417—420, 423, 484, 653, 656, 678
- Шопенгауэр** Артур (1788—1860), немецкий философ, представитель волонтаризма — 42, 105, 143, 165, 167, 211, 214, 215, 266, 558, 559, 595, 599, 687
- Шпенглер** Освальд (1880—1936), немецкий философ, историк; представитель философии жизни — 268, 274, 630
- Шпет** (Шпетт) Густав Густавович (1879—1940), философ, литературовед, переводчик — 399
- Штарри**, женщина-пастор — 409
- Шпренгел**, участник строительства 1-го Гетеанума — 296, 452
- Шрöver** Карл Юлиус (1825—1900), германист — 273, 274, 628
- Штадлер** — 118, 177
- Штейн** Вальтер Йоганнес (1891—1957), педагог Вальдорфской школы, активный деятель АО; автор докторской диссертации о месте антропософии в общем потоке философии — 397, 399, 404, 420, 426, 627
- Штейн** Шарлотта фон (1742—1827), фрейлина герцогини Амалии Саксен-Веймарской, подруга и корреспондентка Гете — 557
- Штейнер** Мария — см. Сиверс М. Я.
- Штейнер** Рудольф, доктор (1861—1925), немецкий религиозный философ, общественный деятель; с 1902 — генеральный секретарь немецкой секции Теософского общества, основатель и руководитель АО — по всему тексту
- Штинде** София (1853—1915), теософка, затем антропософка, руководитель немецкой секции АО; организатор постановок драм-мистерий Штейнера — 286, 328, 352, 371, 378, 384—388, 396, 397—401, 405, 409, 417, 419, 420, 437, 484, 651—653, 677, 678
- Штирнер** Макс (наст. имя и фам. Каспар Шмидт) (1806—1856), немецкий философ-младогегельянец — 383, 510, 622
- Штоймайер** Эрнст Август Карл (1886—1963), писатель, философ; педагог Вальдорфской школы — 399, 426
- Штраус** Ганс (1883—1946), художник, участник строительства 1-го Гетеанума; педагог Вальдорфской школы — 432, 433, 472, 481, 491
- Штюкгольд**, резчик, участник строительства 1-го Гетеанума — 480
- Шуберт** Карл (1889—1949), педагог Вальдорфской школы — 398
- Шуберт** Франц (1797—1828), австрийский композитор, создатель романтической песни и баллады (ок. 600 песен) — 436, 440, 441, 455, 465, 526, 629
- Шуман** Роберт (1810—1856), немецкий композитор-романтик, автор песенных циклов — 265, 436, 440, 441, 455, 465, 526, 630
- Шюрэ** Эдуард (1841—1929), французский писатель, автор пьес-мистерий, теософ, член АО с момента его основания; переводчик сочинений Штейнера на французский язык — 278, 405, 474, 611, 612

- Экклюд* — см. Евклид
- Эйзенпрейс*, эвритмистка, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 482, 491
- Эйкер* Рудольф (1846—1926), немецкий философ, последователь И. Фихте — 176, 177, 182
- Эйлер* Леонард (1707—1783), математик, механик, физик и астроном, автор более 800 работ (в том числе и по оптике) — 19, 48, 57, 566
- Эйнштейн* Альберт (1879—1955), физик-теоретик, создатель теории относительности, один из основателей современной физики — 526, 575
- Эккартсгаузен* Карл (1752—1803), немецкий философ-мистик, писатель, алхимик — 144
- Эккартштейн* Эмма Фрауен фон, баронесса (1871—1930), немецкая художница, руководившая созданием костюмов для мистерий Штейнера — 395, 480, 481, 482, 484—486, 488, 491, 626
- Эккерман* Иоганн Петер (1792—1854), немецкий писатель, личный секретарь Гете — 536, 564, 566, 686
- Экхарт* Иоганн (Мейстер Экхарт) (ок. 1260—1327), немецкий средневековый философ-мистик, монах-доминиканец — 26, 143, 382—384, 562, 662, 683, 692
- Элис* (настоящие имя и фамилия Лев Львович Кобылинский) (1879—1947), поэт, переводчик, критик, один из теоретиков символизма; некоторое время последователь Штейнера, затем принял католичество — 293, 294, 295, 303, 305, 329, 370, 535, 537, 540, 541, 543, 550, 559, 599, 611, 613, 614, 636, 637, 644, 645, 647—652, 656, 658, 660—662, 668—671, 675, 676, 679, 681—684, 686
- Эльрам* Берта, участница строительства 1-го Гетеанума — 481, 487, 488, 491
- Энглерт* Йозеф, швейцарский инженер; осуществил оригинальную задачу соединения двух куполов 1-го Гетеанума; главный инженер строительства 1-го Гетеанума — 276, 282, 283, 284, 321, 452, 465, 466—470, 482, 491
- Эразм Роттердамский*, Дезидерий (1469—1536), гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель — 335
- Юли Эрнст* (1875—1959), швейцарский писатель, историк искусства; деятель АО; педагог Вальдорфской школы — 316, 396, 397, 402, 656, 679
- Юм* Дэвид (1711—1776), английский философ, психолог, историк, экономист — 125, 588
- Ягеры де*, супруги — 482, 491
- Якоби* Фридрих Генрих (1743—1819), немецкий писатель и философ-иррационалист, друг и корреспондент Гете — 589
- Яковенко* Борис Валентинович (1884—1948), русский философ, близкий неокантованству, один из редакторов сборников "Логос" — 183—186, 193, 399, 597, 599

Составитель И. Н. Лагутина

СОДЕРЖАНИЕ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ. Ответ Эммилю Метнеру на его первый том "Размышлений о Гете"

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВВЕДЕНИЕ	12
§ 1. Несколько пояснительных слов. — § 2. "Размышление о Гете". — § 3. Слово автора "Размышлений о Гете". — § 4. Продолжение "Слова". — § 5. Противоречие. — § 6. Условия поединка. — § 7. Нарушение правил. — § 8. Перлы. — § 9. "Колшак". — § 10. Карикатура. — § 11. Приговор. — § 12. План моей книги. — § 13. Форма ответа.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В КРУГЕ НАШИХ ВОЗЗРЕНИЙ	24
§ 14. Рудольф Штейнер в кругу нашей словесности. — § 15. Рудольф Штейнер в эпохе. — § 16. Рудольф Штейнер и мировоззрительный круг. — § 17. Проблема сознания. — § 18. Проблема антропософии. — § 19. Медитативная мысль. — § 20. Рудольф Штейнер и Гете.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СВЕТОВАЯ ТЕОРИЯ ГЕТЕ И РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР . . .	39
§ 21. Ньютон и Гете. — § 22. Краска и колорит. — § 23. Пересечение теорий. — § 24. Комментарий д-ра Штейнера. — § 25. Экспериментальный путь Гете. — § 26. Субъективное зрение. — § 27. Гетев взгляд на природу. — § 28. Возражение Гете Ньютону. — § 29. Гете и научная оптика. — § 30. Механицизм. — § 31. Отношение к нему д-ра Штейнера. — § 32. Световая метафизика Гете. — § 33. Формула разделения Ньютона и Гете. — § 34. "Световибриле" Эммилия Метнера. — § 35. Противник и спорщик. — § 36. Учение д-ра Штейнера об объяснении. — § 37. Тем не менее... — "спорщик"! — § 38. Краска есть качество. — § 39. Физико-химическая система. — § 40. Сила. — § 41. Оптика. — § 42. Про- и ре-грессия. — § 43. Вращение смысла. — § 44. Качество. — § 45. Вибрация. — § 46. Методический плюрализм. — § 47. Где брезжит свет. — § 48. "Становление", "ставшее", биогенезис и д-р Штейнер. — § 49. Прото-феномен и перворастение. — § 50. Оптика в нео-физической философии. — § 51. Непосредственность света. — § 52. Гетев свет. — § 53. Практик света. — § 54. Плури-дуо-монизм. — § 55. Моральное восприятие краски. — § 56. Жизнь краски. — § 57. Воплощенность Гетевой краски. — § 58. "Хроматософия" и Эммилий Метнер. — § 59. "Гете был... — культур-трегер!". — § 60. Занятие светотенью.	

§ 61. Мой разбор. — § 62. Д-р Штейнер и Кант. — § 63. "Критицизм" и Эмили Метнер. — § 64. "Критическая" проблема. — § 65. Д-р Штейнер и "критицизм". — § 66. Кант и метод. — § 67. Теория знания и д-р Штейнер. — § 68. Критика д-ром Штейнером позиции Канта. — § 69. Теория знания д-ра Штейнера. — § 70. Д-р Штейнер и "опыт". — § 71. Гносеология, логика, метафизика, мистика. — § 72. Д-р Штейнер и метод. — § 73. Механицизм, математика и д-р Штейнер. — § 74. Д-р Штейнер и методический плюрализм. — § 75. Д-р Штейнер и система наук. — § 76. Мирозозрение, мироощущение, тон. — § 77. Градация мирозозрений, систем: плюро-дуо-монизм. — § 78. Мирозозрение и истина. — § 79. Аристотель, физика, Гете. — § 80. Д-р Штейнер и Гете. — § 81. Д-р Штейнер и Метнер. — § 82. "Глазки да лапки".

§ 83. Физиологическая система. — § 84. Физиологизация, физикация. — § 85. Гетев свет в "теизме". — § 86. Гетев свет в теистическом оккультизме. — § 87. Гетев свет в трансцендентализме. — § 88. Гетев свет в натурализме. — § 89. Гетев свет в натуралистическом мистицизме. — § 90. Гетев свет в эмпиризме. — § 91. Гетев свет в волюнтаризме. — § 92. Гетев свет в интуитивном логизме. — § 93. Гетев свет в гностицизме. — § 94. О том же. — § 95. Гетев свет в чистом интуитивизме. — § 96. Гетев свет в обратном порядке. — § 97. Гетев свет в антропософии. — § 98. Философия антропософии. — § 99. Точная фантазия мысли. — § 100. Метаморфоза сознаний. — § 101. Идеология и градация д-ра Штейнера. — § 102. Номинализм, реализм в понимании градационном. — § 103. Догматический "консциентизм". — § 104. Рассудок и разум — в градации. — § 105. Антропософия и границы познания. — § 106. Антропософия и теория знания. — § 107. Антропософия мысли. — § 108. Антропософия и круг наших терминов. — § 109. Антропософия и проективизм.

§ 110. Два образа мысли. — § 111. Обвинительный акт. — § 112. Статистика обвинений. — § 113. Кольцо Нибелунга. — § 114. Акритичность. — § 115. Гетеанство. — § 116. Философская позиция гетеанства. — § 117. Трансцендентализм: вещь в себе. — § 118. Гете и Кант. — § 119. Кантианство и "флейта". — § 120. Кант и Ведапта. — § 121. Созерцание. — § 122. Смешения. — § 123. Идея у Гете. — § 124. Разъятие на идею и опыт. — § 125. Кант, Платон, Гете: инцидент с К. Форлендером. — § 126. Биологический блондин. — § 127. Гете и Гегель. — § 128. "Шестирица". — § 129. Парообразование. — § 130. Опыты. — § 131. Мир внешний и внутренний. — § 132. Критика — Крит — крик! — § 133. Руслан и Людмила. — § 134. Критическая седмирица. — § 135. Травокошение. — § 136. Органицизм Гете. — § 137. Учение о прото-типе. — § 138. Дарвинизация Гете. — § 139. Д-р Штейнер и Геккель. — § 140.

Акаша. — § 141. Гете и физика. — § 142. Трогательное согласие. — § 143.
 Толчая. — § 144. В который, в который!.. — § 145. Петые перепевы: песен,
 петых не раз... — § 146. Усталости "русского штейнманца"... — § 147.
 Символизм. — § 148. Толстый томик.

ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

ВВЕДЕНИЕ	256
ГЛАВА 1. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ДЕЯТЕЛЬ	264
ГЛАВА 2. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЧЕЛОВЕК	292
ГЛАВА 3. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР КАК ЛЕКТОР И ПЕДАГОГ	336
ГЛАВА 4. УЧЕНИКИ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА	381
ГЛАВА 5. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ДОРНАХ	428
ГЛАВА 6. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР В ТЕМЕ "ХРИСТОС"	493
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	533

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В КОММЕНТАРИЯХ	536
КОММЕНТАРИИ (<i>И. Н. Лагутина</i>)	537

<i>ПРИЛОЖЕНИЕ. Андрей Белый. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. "НАЧАЛО ВЕКА"</i> ("берлинская" редакция)	636
Бельгия	—
Переходное время	647
У Штейнера	651
Базель — Фицнау — Штутгарт — Берлин	657
КОММЕНТАРИИ (<i>М. Л. Спивак</i>)	667

<i>И. Н. Лагутина. В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИСТИНЫ</i>	686
--	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	698
--------------------------	-----

Андрей Белый

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ
В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.**

ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

Заведующий редакцией А. В. Никольский

Редактор М. А. Кичатова

Художественный редактор О. Н. Зайцева

Технический редактор Т. А. Новикова

Корректоры Н. И. Ильина, Т. Ю. Коновалова

ЛР № 010273 от 10.12.97.

Сдано в набор 20.01.2000. Подписано в печать 12.04.2000.

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Бодони".

Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,85. Уч.-изд. л. 50,57.

Тираж 4000 экз. Заказ № 499.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Издательство "Республика"

Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

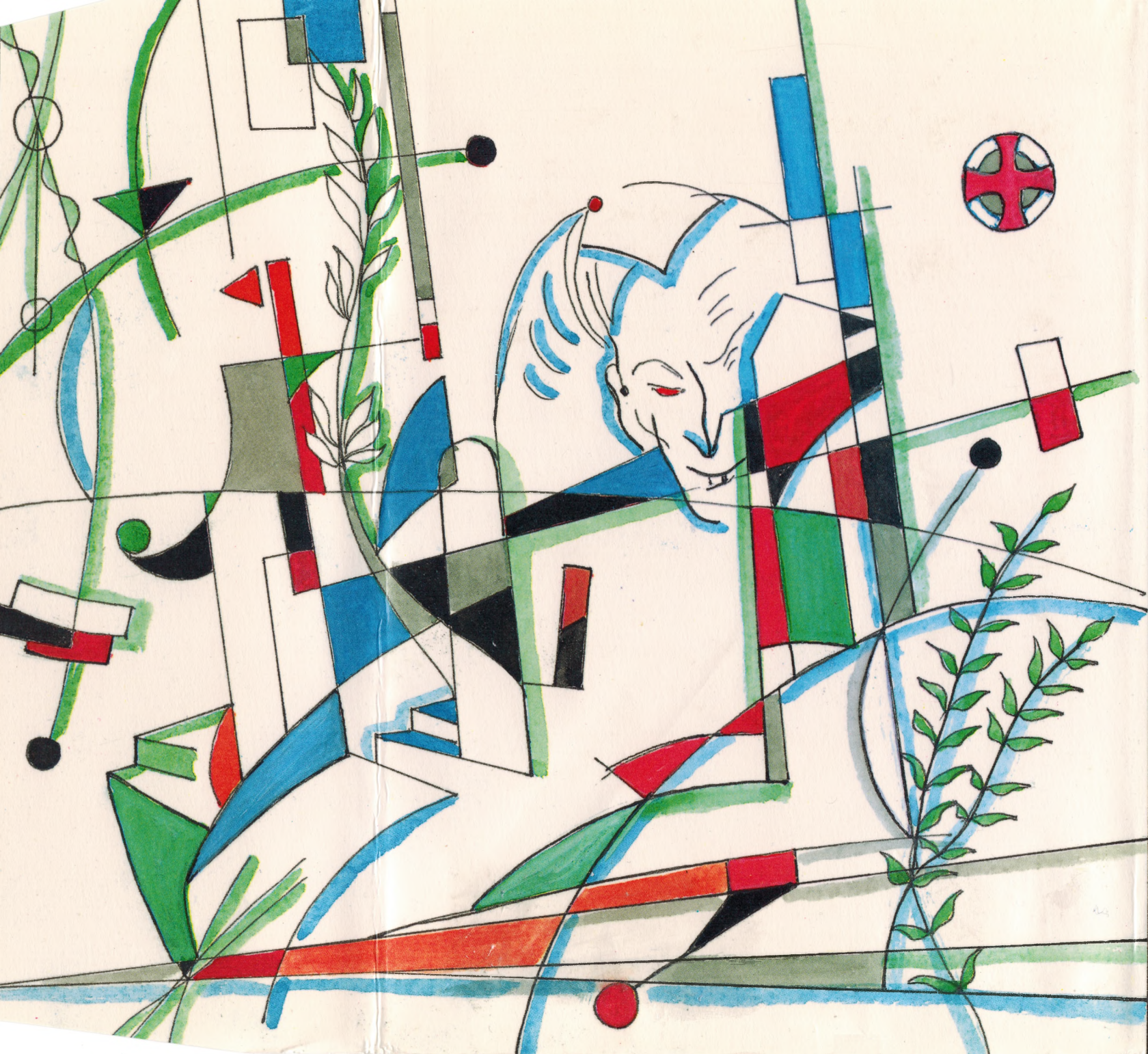

ISBN 5-250-02736-9

9 785250 027366

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ГЕТЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ